

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.) ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ТРУДЫ ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ТРУДЫ ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

75 ЛЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
15-16 ОКТЯБРЯ 2020

ПОЛИТЕХ
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

ПОЛИТЕХ
Гуманитарный институт

КАФЕДРА
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

СССР ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939–1945 гг.):
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

**Сборник трудов Международной научно-образовательной
конференции**

15–16 октября 2020 года

Санкт-Петербург

2020

УДК 009 (378)
ББК 60я5
С76

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
Астраханского государственного университета *С. В. Виноградов*
Доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией качества ЮНЦ РАН *А. В. Венков*

СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти:
сборник трудов международной научно-образовательной конференции, 15–16 октября 2020 г.
– СПб.: Свое издательство, 2020. – 608 с.

Настоящий сборник содержит статьи, написанные по итогам Третьей международной научно-образовательной конференции «СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти», прошедшей 15–16 октября 2020 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого.

Конференция посвящена 75-летию Победы СССР и других стран антигитлеровской коалиции над нацистской Германией и ее союзниками, нацелена на сохранение и популяризацию исторической памяти об истории Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Материалы, публикуемые в сборнике, будут полезны специалистам, ученым, студентам, а также широкому кругу читателей.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-20022.

Редакционная коллегия:

Н. И. Алмазова – доктор педагогических наук, профессор;
Е. Е. Красноженова – доктор исторических наук, профессор;
Р.-Е. А. Кудрявцева – ассистент;
С. В. Кулик – доктор исторических наук, профессор;
В. К. Хазов – кандидат философских наук, доцент.

Ответственные редакторы:

Е. Е. Красноженова – доктор исторических наук, профессор,
С. В. Кулик – доктор исторических наук, профессор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Абдуллаев Д.Н.</i> ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И ЩЕДРЫЕ ЦЕННОСТИ УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	7
<i>Андреев О.В.</i> РОЛЬ ЧУВАШСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	14
<i>Анчев С.И.</i> СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.....	23
<i>Асташкин Д.Ю.</i> РАССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАЦИЗМА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1960-х гг.....	30
<i>Афанасенко В.И.</i> БОЕВЫЕ И НЕ БОЕВЫЕ ПОТЕРИ СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ АВИАЦИИ ЛЕТОМ 1941 ГОДА В ЗАПОЛЯРЬЕ.....	35
<i>Афонина К.В.</i> ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ-ВETERANОВ ИЗ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	39
<i>Баландина О.А.</i> СВОДКИ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО В АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	49
<i>Барышников В.И.</i> МАРШАЛ К.Г. МАНЕРГЕЙМ И «РУССКАЯ НАРОДНАЯ АРМИЯ»: ОТ ИДЕИ СОЗДАНИЯ ДО НАЧАЛА ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ (1939-1940 гг.).....	62
<i>Богданова А.П.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О БЫВШЕМ НАЦИСТСКОМ ЛАГЕРЕ МАЛЫЙ ТРОСТЕНЕЦ	72
<i>Броварь А.В.</i> ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	81
<i>Великий А.Ф.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ПРАВА СССР В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В БЕЛАРУСИ В 1946-1947 ГГ.....	89
<i>Гаража Н.А.</i> МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ «ВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ» В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ	99
<i>Гребень Е.А.</i> ВЫЖИВАНИЕ В ЭСКТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941 – 1944 гг.....	106
<i>Гринёв А.В.</i> 1941 ГОД НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА И ГЕНЕРАЛА	112
<i>Давыдов А.Ю.</i> СОВЕТСКОЕ ИНФОРМБЮРО: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	124
<i>Данилович В.В.</i> ВКЛАД УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАН БЕЛАРУСИ В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	130
<i>Демянюк А.К.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ.....	138
<i>Дьякова Е.В.</i> УКРАИНИЗАЦИЯ ХАРЬКОВА В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ	144

Епифанов А.Е. Василевская А.А. ИСТОРИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ И ВОЛЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ В СУДЬБЕ БРОНЕКАТЕРА «БК-31»150	
Зданович В.В. ОТОБРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКИХ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ	161
Исупов В.А. МОБИЛИЗАЦИЯ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ СИБИРИ НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	170
Ишанходжаева З.Р. ВКЛАД УЗБЕКИСТАНА В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ179	
Кашеваров А.Н. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ОКУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР В 1941 – 1944 гг.....	187
Киличенков А.А. СОВЕТСКАЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И РАЗВИТИЕ ТАНКОВЫХ ВООРУЖЕНИЙ В 1930-е гг.....	196
Ковалев Б.Н. ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛЛАБАРАЦИОНИЗМА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА (1941 – 1944 гг.)	203
Кокоулин В.Г. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В МАССОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	211
Комар Е.В. ПОДГОТОВКА ВОЙСК БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА К ВОЙНЕ (1921-1939 гг.).....	218
Корнилов Г.Е. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: МЕЙНСТРИМ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	224
Корсак А.И. МЕСТА СОЖЖЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ (1941 - 1944 гг.) В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКАХ	232
Кошман В.И. ЛАГЕРЬ МАЛЫЙ ТРОСТЕНЕЦ И ЕГО ИНФРАСТРУКТУРА (1942–1944 гг.) В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ	243
Красноженова Е.Е. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ.....	250
Криворот А.А. УЧАСТИЕ ЛЕНИНГРАДЦЕВ - ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОСВОБОЖДЕНИИ БЕЛАРУСИ ОТ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ (1943–1944)	257
Кринко Е.Ф. ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ СРАЖЕНИЙ НА ЮГЕ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	267
Кудрявцева Р-Е.А. СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1943 гг.).....	273
Кулик С.В. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	279
Кулинок С.В. ОСОБЫЕ ОТДЕЛЫ ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИЙ БССР В 1942-1944 ГГ.: ФУНКЦИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТЫ.....	288
Липатов А.В. ВОЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ И ДНИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»: НА МАТЕРИАЛАХ СТАЛИНГРАДСКОЙ (ВОЛГОГРАДСКОЙ) ОБЛАСТИ.....	295

<i>Литвин А.М.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКО-НОВГОРОДСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (14 ЯНВАРЯ – 29 ФЕВРАЛЯ 1944)	304
<i>Лохова Т.В.</i> СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК СССР ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЮГА РОССИИ ОТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В ПОЗДНЕЕ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1943-1945 гг.).....	315
<i>Малахов Р.А.</i> ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СМЕНЯЕМОСТЬ, КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ, ПОДКОНТРОЛЬНОСТЬ.....	322
<i>Мальшева Е.М.</i> К ВОПРОСУ О НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЙНЗАЦГРУПП НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ХОЛОКОСТ	330
<i>Мартыненко В.Ю.</i> ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ! (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ШАХТЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	340
<i>Меркурьева В.С.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СТАЛИНГРАДЕ (В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ).....	351
<i>Михайлов А.А.</i> ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	358
<i>Мохов А.С., Шаманаев А.В.</i> ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.В. ДАНИЛЕВСКОГО В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКОГО ФИЛИАЛА КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	367
<i>Новиков С.Е.</i> ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА -ТРОСТЕНЕЦ)	375
<i>Нуриддинов Э.З.</i> ВКЛАД УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	383
<i>Пасс А.А., Усольцева Н.Л.</i> ЮВЕНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	391
<i>Попов А.Д.</i> ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ 1960–1980-х гг.	398
<i>Пянкевич В.Л.</i> «СИРЕНЫ ВОПЛЬ, И ТИХО». ЗВУКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ В ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН.....	405
<i>Римонди Дж.</i> ОБРАЗ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Ф. ЛОСЕВА	409
<i>Рысбеков Т.З., Шинтимирова Б.Г.</i> ХОЗЯЙСТВЕННО – ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ КАЗАХСТАНА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЖИВОТНОВОДСТВА (1941-1945 гг.).....	415
<i>Саблин В.А.</i> КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПЛАНАХ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ 1920-х - 1930-е гг.	423
<i>Семенов М.А.</i> РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	430
<i>Серазетдинов Б.У., Кондрашин В.В.</i> СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ. 1943 г. (НА ПРИМЕРАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	436

<i>Серазетдинов Б.У.</i> СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1945 г.	451
<i>Серкова В.А.</i> ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕТЕЙ.....	461
<i>Сидорчук И.В.</i> ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ СПОРТИВНОЙ ЖИВОПИСИ И ГРАФИКЕ 1930-х гг.....	467
<i>Скоморощенко М.Н.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И ДОКУМЕНТООБОРОТА В БЕЛОРУССКОМ ШТАБЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1942—1944 гг.).....	475
<i>Сперанский А.В.</i> ПОДВИГ УРАЛА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ.....	483
<i>Суржик Д.В., Макушин А.В.</i> КРАХ – ЦЕНА ОШИБКИ ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ РАСЧЕТОВ: ВОЕННАЯ МАШИНА ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ.....	489
<i>Такташева Ф.А.</i> ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРОЦЕССЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1945 – 1950-е гг.)	515
<i>Татаринов И.Е.</i> ЖЕРТВА ИЛИ СОУЧАСТНИК? ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА УКРАИНЕ.....	521
<i>Тракиялис Ю.</i> ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ СОВЕТСКИХ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ПРИБАЛТИКЕ	528
<i>Трофимов А.В.</i> ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ В ВИЗУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х ГОДОВ).....	535
<i>Тугай В.В.</i> РЕЙХСДОЙЧЕ В РЯДАХ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН (1942–1944 гг.)	543
<i>Ульянова С.Б.</i> ФЕНОМЕН ДВИЖЕНИЯ «ВОРОШИЛОВСКИХ СТРЕЛКОВ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.: МОТИВЫ И СТИМУЛЫ	553
<i>Фишева А.А.</i> КОМПЛЕКС ГТО КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ВОЕННО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР В 1930-е гг.....	560
<i>Хазов В.К.</i> ПРЕОДОЛЕНИЕ «ОТЧУЖДЕНИЯ ПРОШЛОГО» КАК СТРАТЕГИЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	566
<i>Ходяков М.В., Гаврилова О.А</i> ЛАГЕРЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ. 1944–1949 гг.	576
<i>Цымбал А.Г.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В ДОКУМЕНТАХ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭМИГРАЦИИ (1941-1944)	585
<i>Чернышева Н.В.</i> ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО- ВЯТСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	592
<i>Шнеер А.И.</i> ЕДИНСТВО ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ И ПОБЕДЕ	600

**ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И ЩЕДРЫЕ ЦЕННОСТИ
УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

АБДУЛЛАЕВ Диёржон Нодиржон угли — доктор философии по историческим наукам (PhD), Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами, 100100, Республика Узбекистан, Ташкент, ул. БАБУРА, 6.
e-mail: adn20@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о храбрых битвах узбекского народа в годы Великой Отечественной войны, героических подвигах узбекского народа, а также, его о гуманитарной помощи и огромном вкладе наших героев в победу. Автор описывает щедрость, доброту и милосердие Узбекистана в военное время и его безвозмездной гуманитарной помощи в экономической и культурной сферах. Кроме того, посредством изучения источников и архивных данных подробно изложено о переселении в Узбекистан во время Второй мировой войны тысячи людей, о их гостеприимном и заботливом приеме нашим народом, добровольной помощи братским народам в восстановлении экономики и создании культурного строительства.

Ключевые слова: доброта, щедрость, волонтеры, благотворительность, спонсорство, эвакуация, забота о детях, семья Шомахмудовых.

Человек жив в памяти, велик в достоинстве. Он доблестно боролся с фашизмом во имя ясного неба, мира в стране, нерушимости наших границ и осталась верным своей Родине, своему народу, своей военной присяге, увековечил воспоминания о своих соотечественников проявивших мужество, что стало одной из неоспоримых задач государств мира по поддержанию добрых дел.

Наши храбрые и смелые предки, наряду с благородными народами мира, показали образцовый героизм в этой ужасной войне. Их бессмертное мужество была и остается школой мужества для нас в течение 75 лет.

В тяжелые годы войны основные духовные и нравственные черты узбекского народа и его человечность были явно проявлены. Узбекский народ, следуя лучшим традициям восточной духовности, оказал дружескую поддержку в годы войны народу оккупированных территорий советского союза, оказал моральную поддержку жертвам войны, мигрантам лишенных своей родины, поддержал их с заботой и гостеприимством, помогал братским народам в восстановлении экономики и культурном строительстве. Народ Республики, несмотря на то, что в трудные годы войны сам был крайне беден, оказал такую помощь другим народам. Как подчеркнул Президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев, «...мы можем с гордостью говорить о благородных гуманистических качествах нашего народа. ... великий гуманизм свойственный нашему народу, был признан во всем мире как великий пример духовного мужества"[1].

Во время Второй мировой войны тысячи людей из оккупированных Германией северо-западных регионов бывшего советского государства были переселены в Узбекистан. Узбекистан душевно поддержал их заботой и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

гостеприимством и помог братским народам возродить экономику и построить культурную жизнь. Несмотря на то, что само население республики в годы войны был крайне бедным, они помогали фронту и за фронтом.

В годы войны население Узбекистана перечислило в Фонд обороны 649,9 млн. сумов и 22 кг золота и серебра[2]. Несмотря на голод и крайнюю усталость, промышленные рабочие используют все свои возможности для обеспечения оружием, боевой техникой и материальными ресурсами. Во время войны на фронт было доставлено 2100 самолетов, 17 342 авиадвигателя, 2318 авиабомб, 17 100 минометов, 4500 единиц оружия уничтожения мин и около 60 000 единиц военно-химического оружия, 22 млн мин и 560 000 снарядов, 1 миллион гранат, 3 миллиона радиоламп для полевых радиостанций, около 300 тысяч парашютов, 5 бронепоездов, 18 военно-санитарных и банно-стирочных поездов, 2200 передвижных столовых и много других военных техник. За период с 1941 по 1945 год только предприятиями отечественной легкой промышленности было подготовлено 7518,8 тыс. гимнастеров, 2636,7 тыс. телогрейек и 2861,5 тыс. армейских сапог[3].

Несмотря на многочисленное психологическое давление большевистских администраторов, атеистического и духовно-экстремистического диктаторского режима, узбекский народ сохранил свои глубокие национально-нравственные основы. Они глубоко укоренились в его многовековой истории и гуманистических традициях, общечеловеческих и национальных ценностях.

Стоит также упомянуть, что во время Второй мировой войны узбекский народ предоставил убежище тысячам нуждающимся и воспитал тысячи сирот как своих детей. Фраза «Ташкент - город хлеба» в те годы стала символом щедрости, доброты узбекского народа.—Узбекистан принял примерно миллион человек, которые были эвакуированы с линии фронта, отделены от своих домов, своих родителей и родственников из-за войны. Из них около 200 000 были детьми. Сотни узбекских семей приняли на воспитание эвакуированных детей-сирот. Узбекский народ делился с ними до последнего своего хлеба[4]. Народ Узбекистана особенно с заботой принял детей разлученных со своими родителями и своими домами. «Ты не сирота!» - эти искренние и душевные слова узбекского поэта отражают обеспокоенные эмоции всего узбекского народа. Узбекистанцы приложили все усилия, чтобы взять в свои объятия детей, поддержать их, и создать для них благоприятные условия.

В целях систематического принятия эвакуированных детей в октябре 1941 года постановлением правительства республики было создано центральное управление по эвакуации детей. В декабре того же года были созданы республиканские, областные, городские и районные комиссии для руководства устройством эвакуированных детей. Специальные штабы работали днем и ночью в Ташкенте, Самарканде и других крупных городах. Согласно данным, с 25 ноября 1941 года до октября 1942 года через пункты эвакуации страны были переведены 15649 детей[5]. Только до февраля 1942 года в Ферганскую область было перевезено 92 415 человек[6]. Из них 48 802 человек были размещены в Фергане, Маргилане и Коканде, а остальные - в районах. Прибывшие дети сразу были окружены искренностью и материнской добротой. Эвакуированные дети, и дети отбывших на фронт каждый день получали бесплатное питание в столовых, организованных в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Коканде и Намангане. Больным и обессиленным детям оказывали медицинскую помощь.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Следует отметить, что в начале Второй мировой войны в Узбекской ССР существовало 40 детских домов и воспитывались 7 166 детей, что свидетельствует о высоком уровне гостеприимства и гуманности многонационального населения нашей страны.

Даже в Совете активных женщин, состоявшегося 2 января 1942 года, было отмечено, что «ни один ребенок, прибывший в Узбекистан, не должен остаться без крова, материнского тепла». После данного обращения в течение нескольких дней 643 семьи приняли детей эвакуированных из 69 разных городов и организаций. К сентябрю 1942 года 1015 детей были приняты на воспитание и 303 были усыновлены. В частности, семья кузнеца Шохмада Шомахмудовых и Бахринисо ая Акромовой, из Ташкента, усыновили и воспитали 14 детей разных национальностей[7].

В 2018 году указом Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева[8] обратное установление на свое место мемориального памятника семьи ташкентского кузнеца Шоахмада Шомахмудова, и повторное переименование данной площади именем Дружбы народов стали яркими символами великой человечности узбекского народа во время Второй мировой войны. Также в годы Второй мировой войны усыновление 12 детей[9] семьей Хамида Самадовых из Каттакургана еще раз подтверждает добродушность толерантного узбекского народа.

Также по архивным данным, в 1942 году А.Нефедова, проживающая в Ферганской области, приняла на воспитание 5 детей[10]. 9 колхозных коллективов в Янгиюле приняли на воспитание эвакуированных 169 детей. Муаззам Джураева и Ашурходжаева из Бухары приняли по 8 детей под свою заботу. К концу 1943 года были приняты на воспитание узбекскими семьями 4672 ребенка в городах, а 870 в сельской местности[11].

Постепенно сеть детских домов, школ-интернатов, детских садов и яслей в стране расширилась, и они в первую очередь принимали эвакуированных детей, и детей чьи родители отбыли на фронт. К 1942 году в республике насчитывалось 214 детских домов и в них воспитывались 20 тысяч детей.

В 1945 году в областях Узбекистана и Каракалпакстане было 268 детских домов и в них число детей достигло до 31 300, тогда как в начале войны в стране было всего 106 детских домов и в них воспитывались 12 000 детей[12]. Согласно архиву, только в детском доме расположенном в Алтыарыкском районе Ферганской области в 1945 году воспитывались 169 детей, 180 детей в 1948 году и 218 детей в 1949 году[13].

Учитывая нехватки средств выделенных правительством на детские учреждения, многие трудовые коллективы республики обязались оказывать им помощь. На предприятиях и в организациях были созданы филиалы детских домов, и они полностью обеспечивались за счет средств трудовых коллективов.

В начале 1942 года во всех республиканских газетах республики было опубликовано объявление об открытии текущего счета №160676 в Городском управлении Государственного банка Комиссии по устройству и воспитанию детей-сирот и эвакуированных детей при ИНК УзССР. Все благотворительные взносы в пользу детей было предложено включить в этот указанный счет. Это обращение неосталось без ответа. В марте 1942 года на счет №160676 поступило 2 миллиона 74 тысячи сумов. К 1943 году этот накопительный фонд составил 3,5 млн. сумов [14].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

За эти годы в Ферганской области было создано более десятка детских домов. До 1933 года в Андижанской области было 6 детских домов и 2 детских дома для детей с инвалидностью. В сентябре 1940 года в детском доме им. Крупской в городе Коканд Ферганской области воспитывались 59 детей. К 1941 году их число сократилось до 45[15]. Это было связано с тем, что дети были усыновлены местными жителями, и преждевременной смертью остальных детей. В период с 1941 по 1942 год 10 детских домов были эвакуированы в Ферганскую область. Для переселенных детей были организованы детские дома, дошкольные учреждения. Добродушные люди приняли на воспитание очень многих детей. В годы войны дети из европейских стран были эвакуированы в Узбекистан, в том числе 21 детский дом в Самаркандской области, принимали детей из Польши и Испании. Румынский публицист и писатель Х.Зинке, автор знаменитого произведения «Фронтовые дневники», был эвакуирован в Узбекистан во время войны и жил в семье самаркандского колхозника Абдурасула Джураева. Некоторые из детей, эвакуированных в Узбекистан во время войны, после победы были возвращены на родину, а остальные жили в Узбекистане. В послевоенные 1945-1947 годы 78 детей, переселенных в город Фергана, были приняты на воспитание местными жителями[16].

Узбекским народом были встречены с теплым сердечным вниманием и заботой солдаты Красной Армии, раненные на фронтах войны. Фактически в годы войны Узбекистан стал союзным госпиталем. Здесь работали сотни различных медицинских учреждений - больницы, научно-исследовательские учреждения. Сразу после начала войны была организована база правительственного госпиталя республики. Эвакуированным госпиталям были предоставлены лучшие здания в Ташкенте и других крупных городах Узбекистана. В конце 1942 года на территории Узбекистана были устроены 113 эвакуированных госпиталей[17]. Весь народ заботился об организации полноценного питания лечащихся солдат. Караваны с едой для них каждый день отправлялись со всех углов республики. Например, в ноябре 1941 года из Андижана для раненных были отправлены более 5000 бутылок виноградных вин, 7000 кг сушеных и свежих фруктов, 2000 кг риса, 1800 кг меда, большое количество сигарет и изюма. Фермеры из Бухарской области отправили раненым солдатам 18 вагонов подарков и продовольственного товара. Среди этих подарков было 800 овец[18].

Повсюду трудовые коллективы, массовые общественные организации взяли попечительство над госпиталями. Они принимали активное участие в жизни подопечных, участвовали в снабжении и ремонте зданий, предоставлении питания, снабжении библиотек книгами, обеспечении топливом, проведении культурно-массовых мероприятий и организации помогающих хозяйств. Например, госпиталю в городе Каган помогали Каганский железнодорожный узель, заводы по производству хлопка и масла. Бухарская швейная фабрика подарила госпиталю рояль, обустроила клуб, подготовила сумки для тех, кто выписывался после выздоровления. В 1942 году работники Ферганской области обеспечивали госпиталь на 80% топливом.

Благодаря героическому труду медицинского персонала Узбекистана и огромной общественной поддержке, многие из раненых солдат и офицеров из госпиталей страны восстановили свое здоровье и обратно вернулись в строй. В течение 1941-1942 годов в эвакуационных госпиталях Узбекистана лечились

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

около 100 000 раненых и больных. Из них 88 000 пациентов успешно прошли лечение. В целом во время войны 44,6% раненых солдат вернулись в армию и 52,2% на работу [19]. Узбекистанцы пытались согреть героев войны своей теплотой и щедростью.

К декабрю 1941 года население Андижанской области отправили на фронт 1562 посылок. Рабочие Самаркандской области пожертвовали солдатам 6751 кг изюма, 22 809 кг сухофруктов, 5914 кг овощей и 1034 кг риса[20]. Кроме того, со стороны населения республики была оказана массовая помощь семьям фронтовиков. Например, в 1941 году общественностью было отремонтировано 40 000 домов, предоставлено 25 000 кубов дров, 280 000 пудов зерна, 1250 голов скота и 22 000 комплектов одежды для семей военных и инвалидов войны[21].

В 1942 году были предоставлены 5920 квартир остро нуждающимся и отремонтировано 81 тысяча квартир. Семьям военнослужащих было предоставлено около 330 тонн зерна, овощи и другие продукты питания, розданы 313 голов крупного рогатого скота, 7833 семьям была оказана помощь в обработке огородных участков[22]. Кроме того, в течение 1943 года Фонд помощи выделил семьям фронтовиков около 28 миллионов сум, было собрано более 500 тысяч одежды, 50 тысяч голов крупного рогатого скота, 40 тысяч центнеров зерна, более 33 тысяч тонн овощей и около 5 тысяч центнеров других продуктов[23]. В 1944-1945 годах было продолжено оказание помощи семьям военнослужащих. Их 149 000 детей были помещены в детские сады и ясли. В эти годы накопительный фонд помощи семьям солдат составил 18 миллионов сумов. Кроме того, им было выдано 711 тонн продовольствия, 21 тысяча голов овец и коз, 72 тысячи пар обуви, 300 тысяч одежды. Отремонтировано 166 тысяч квартир, выдано 677 домов[24].

В Каракалпакстане оказание помощи семьям фронтовиков расширилась. 25 000 сумов наличными и 1500 кг различных продуктов были собраны в Ходжейльском районе для фонда поддержки детей фронтовиков. Рабочие Амударьинской пристани перечислили в этот фонд 75 тысяч сумов[25]. В годы войны расширились усилия Узбекистана по финансированию строения военной техники, в основном танковых колон и боевых самолетов.

В 1942 году колхозники Узбекистана собрали 260 миллионов сумов из собственных сбережений для строительства танковой колонии "колхозник Узбекистана"[26]. Сбор и приготовление теплых вещей населением стало ярким примером заботы людей о защитниках страны. Фронту поставлялись телогрейки, полупальто, сапоги, шарфы, перчатки, носки, шапки ушанки, джемперы и так далее. Вещи и продукты питания для солдат были доставлены до передовых линий фронта делегацией во главе с председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Юлдашем Ахунбабаевым.

Всего за шесть месяцев войны население страны отправила на фронт 421500 разных теплых вещей, не учитывая посылки индивидуальным и общественным путем, различными продуктами питания и другие[28]. После войны, в соответствии со статьей 19 Устава о районных советах депутатов Трудящихся, районные советы оказывали помощь инвалидам, семьям погибших военнослужащим и добровольцев в обеспечении работой и обучении их детей. В советское время различные выплаты и пособия населению из государственного бюджета и из счета предприятий в довоенные 1940-е годы составляли 42 миллиарда сумов, 154 миллиарда сумов в 1955 году и 210 миллиардов сумов в

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1960 году[29]. Сильный патриотизм, проявившийся в годы Второй мировой войны, свидетельствовал о духовном благополучии узбекского народа. Они глубоко укоренились в его многовековой истории и гуманистических традициях, общечеловеческих и национальных ценностях. Искренний прием эвакуированных и беженцев на своей родине узбекского народа, их неоценимая помощь в лечении ран, нанесенных экономике и культуре освобожденных регионов, их внимание к изгнанным и переселенным были записаны золотыми буквами в мировой истории, как пример высокого уровня человеческой духовности и как яркого воплощения подлинной гуманности.

В честь 75-й годовщины Победы во Второй мировой войне в нашей стране уделить внимание и заботу почетным ветеранам Второй мировой войны и трудового фронта, привить молодому поколению величайшее бесценное богатство - чувство сохранения мира, воспитания их в духе патриотизма, а также увековечивание памяти узбекских сыновей, воинов и партизан, которые участвовали в борьбе против фашизма и героических сражений в защите Родины был разработан комплексный план уважения ко всем ветеранам, и их результаты реализуются широкой инициативой.

Список литературы

1. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг 9 май – Хотира ва кадрлаш кунига бағишланган тантанали маросимдаги нутқи. Режим доступа: <http://www.president.uz/uz/lists/view/1704> (дата обращения: 22.05.2018).
2. ЎЗР МДА., Фонд М – 58. Рўйхат 18. Йиғ. Жилд. 117. В. 72.
3. ЎЗР МДА., Фонд И – 58. Рўйхат 25. Йиғ. Жилд. 12. В. 34, 35, 307.
4. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг 9 май – Хотира ва кадрлаш кунига бағишланган тантанали маросимдаги нутқи. Режим доступа: <http://www.president.uz/uz/lists/view/1704> (дата обращения: 22.05.2018).
5. Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Летопись событий. 4.5. (июнь 1941—1945 гг.). Ташкент, 1980. С. 59.
6. Ҳошимов Б., Холматов Б. Фарғоналик қаҳрамонлар. (Фашизм устидан қозонилган ғалабанинг 60 йиллигига бағишланади). Фарғона, 2005. Б. 15.
7. Ўзбекистоннинг янги тарихи. К.2. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида // Тузувчилар: М.Жўраев ва бошқ. Тошкент: —Шарқ», 2000. Б. 456.
8. Шавкат Мирзиёев уруш ва меҳнат фахрийларини табриклади. Режим доступа: <http://www.president.uz/uz/lists/view/1704> (дата обращения: 05.06.2018).
9. Ўзбекистоннинг янги тарихи. К.2. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида // Тузувчилар: М.Жўраев ва бошқ. Тошкент: —Шарқ», 2000. Б. 456.
10. Фарғона вилояти Давлат архиви. Фонд – 664. Рўйхат – 2. Йиғ. Жилд.1. В. 213.
11. ЎЗР МДА., Фонд И – 15. Рўйхат 25. Йиғ. Жилд. 4364. В. 129.
12. ЎЗР МДА., Фонд И – 15. Рўйхат 625. Йиғ. Жилд. 4015. В. 5.
13. Фарғона вилояти Давлат архиви. Фонд – 1125. Рўйхат – 6. Йиғ. Жилд.7. В. 1-21.
14. -Правда Востока». 1995, 5 апреля.
15. Фарғона вилояти Давлат архиви. Фонд – 1125. Рўйхат – 2. Йиғ. Жилд.2. В. 13-16.
16. Фарғона вилояти Давлат архиви. Фонд – 1125. Рўйхат – 2. Йиғ. Жилд.13. В. 1-4.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

17. ЎЗР МДА., Фонд И – 1. Рўйхат 1. Ўиф. Жилд. 68. В. 54.
18. -Қизил Ўзбекистон. 1941, 7 ноябрь.
19. -Правда Востока. 1995, 5 апреля.
20. -Қизил Ўзбекистон. 1941, 26 декабр.
21. -Правда Востока. 1942, 31 января.
22. Воскобойников Э. Узбекский народ в годы Великой Отечественной войны. С. 33.
23. Ўзбекистоннинг янги тарихи. К.2. Ўзбекистон совет мустанлакачилиги даврида // Тузувчилар: М.Жўраев ва бошқ. Тошкент: –Шарқ, 2000. Б. 459.
24. Там же. Б. 459.
25. Ўзбекистон ССР тарихи. 2 том. Ўзбекистон ССР Фанлар академияси. Тарих ва археология институти. Тошкент, 1958. Б. 441.
26. Джуроев Т.Д. Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1964. С. 233-234.
27. ЎЗР МДА., Фонд М – 58. Рўйхат 1. Ўиф. Жилд. 177. В. 114-116.
28. Одилов Т. Район советларининг соғлиқни сақлаш ва социал таъминот ишларини ривожлантиришдаги роли. Тошкент: -Ўзбекистон ССР Давлат нашриёти, 1962. Б. 28-29.

Abdullaev D.N.

HUMANISTIC ASSISTANCE AND GENEROUS VALUES OF THE UZBEK PEOPLE DURING THE SECOND WORLD WAR

ABDULLAEV Diyorjon N. – Doctor of Philosophy in historical sciences (PhD), Tashkent state pedagogical university named after Nizami, 100100, Republic of Uzbekistan, Tashkent, BABUR str.6.
e-mail: adn20@mail.ru

Abstract. The article talks about the brave battles of the Uzbek people during the great Patriotic war, the heroic deeds of the Uzbek people, as well as their humanitarian aid and the huge contribution of our heroes to victory. The author describes the generosity, kindness and charity of Uzbekistan in wartime and its gratuitous humanitarian assistance in the economic and cultural spheres. In addition, through the study of sources and archival data, it is described in detail about the resettlement of thousands of people to Uzbekistan during the Second world war, their hospitable and caring reception by our people, voluntary assistance to fraternal peoples in restoring the economy and creating cultural construction.

Keywords: kindness, generosity, volunteers, charity, sponsorship, evacuation, caring for children, family Shomakhmudov.

УДК 394.46:94(470)"1941/1945":378.4(470.344)

Андреев О.В.

**РОЛЬ ЧУВАШСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА
В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ***

АНДРЕЕВ Олег Васильевич — кандидат исторических наук, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, доцент кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Россия, г. Чебоксары, Университетская ул., 38, корп. I.
e-mail: olevasandr@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется вклад коллектива Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в увековечение памяти о Великой Отечественной войне в 1967-2020 гг. В этой работе в новом вузе Чувашии участвовали практически все: руководство университета и факультетов, совет ветеранов, профсоюзная организация, преподаватели и студенты, сотрудники музейного и библиотечного комплексов. Инициаторами сохранения памяти о погибших и без вести пропавших соратниках, самоотверженных тружениках тыла, создания мемориальных сооружений стали сами ветераны войны и тыла: первый ректор С.Ф. Сайкин и проректора, председатель и члены совета ветеранов, деканы факультетов, заведующие и преподаватели кафедр, сотрудники музейного комплекса. Современное руководство и профессорско-преподавательский коллектив университета верностью традициям обеспечивают преемственность поколений. Благодаря их поддержке, живому участию и новаторству, гармонируют традиционные формы сохранения памяти (научно-практические конференции, круглые столы, фестивали, конкурсы преподавателей и студентов, научные монографии и сборники статей, тематические лекции, встречи с ветеранами, поисковая деятельность и т. д.) с новыми направлениями и видами деятельности: международные онлайн-конференции на военно-патриотическую тематику; открытые лекции ведущих преподавателей с размещением в сети Интернет; специальный интернет-сайт с интерактивной картой мемориальных объектов Чувашии, созданный преподавателями и студентами историко-географического факультета; патриотические проекты с участием всего университетского коллектива. Сохранение преемственности старшего и молодого поколений руководителей и преподавателей, совершенствование форм увековечения памяти и патриотического воспитания студенческой молодежи стали эффективными способами противодействия попыткам ревизии, а порой и откровенной фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Комплексный анализ позволяет охарактеризовать Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова как один из ведущих региональных центров изучения и увековечения памяти о Великой Отечественной войне и её героях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ветераны, сохранение памяти, Год Памяти и Славы, Чувашский госуниверситет, историко-географический факультет, патриотические мероприятия и акции, преемственность поколений.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-49-210004 р_а «Увековечение Великой Отечественной войны: формирование и развитие системы обеспечения преемственности поколений и патриотического воспитания граждан в 1945-2018 гг. (на материалах Чувашской Республики)»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

В России 2020-й год стал юбилейным и Годом памяти и славы. Чувашия, как и вся страна, стала территорией масштабной работы по реализации Указов Президента Российской Федерации, посвященных 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и Году памяти и славы [6].

Год памяти и славы – время реализации целого комплекса мероприятий по увековечению Великой Отечественной войны. Историки-преподаватели, изучающие её историю, восприняли положения Указа Президента Российской Федерации и как призыв представить на суд общественности обобщенные итоги работы с отражением коллективного и личного вклада.

Чувашская Республика потеряла в Великой Отечественной войне около 106 тысяч своих сыновей и дочерей из 208 тысяч (пятой части населения), ушедших на фронт. Коллектив Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова со дня основания в 1967 г. проводит многогранную работу по увековечению подвига земляков и советского народа на фронте и в тылу.

Примером ответственного отношения к этой благородной миссии стала деятельность руководства и совета ветеранов университета, факультетов и кафедр, которые возглавили участники Великой Отечественной войны – видные ученые: первый ректор университета – профессор С.Ф. Сайкин, деканы и заведующие кафедрами историко-географического факультета – В.Ф. Каховский, М.М. Михайлов, В.Д. Димитриев и др. [2, с. 155-156].

Верность делу сохранения памяти о войне и о её героях демонстрирует нынешнее руководство в лице ректора, участника боевых действий в Афганистане А.Ю. Александрова. По его инициативе на Координационном совете при Главе Чувашской Республики по патриотическому воспитанию граждан (создан Указом Главы Чувашии от 4 июня 2018 г.) в рамках федерального проекта «Историческая память» 16 октября 2018 г. принято решение о формировании рабочей группы по подготовке проекта «Создание и поддержка интерактивной карты мемориальных памятников и воинских захоронений Чувашской Республики, посвященных памяти воинов Великой Отечественной войны» [10, 13].

Рабочая группа из преподавателей и сотрудников историко-географического факультета под руководством декана О.Н. Широкова, в составе преподавателей М.Ю. Харитонов, О.В. Андреева, С.Н. Кодыбайкина, Е.Н. Житовой, Е.В. Ткаченко, студентов Т.А. Волковой, Д.С. Харитонов, А.Б. Матросова, И.А. Пивоварова в короткие сроки подготовила интерактивную карту и большой пакет научно-справочных материалов. В результате возник высококачественный продукт – сайт «Воинская память Чувашии» с профессионально оформленной стартовой страницей. Единая интерактивная карта, размещенная в открытом доступе в сети «Интернет», объединила сведения о воинских захоронениях, мемориальных объектах и сооружениях на территории Чувашии, посвященных также и погибшим, подвигам защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны. Официальная презентация сайта состоялась в университете 19 июня 2019 г. Электронные материалы, прежде всего интерактивная карта, позволит провести виртуальные и реальные экскурсии по памятным местам, оценить реальное состояние воинских захоронений и памятников, их значение в патриотическом воспитании молодежи [13].

На протяжении длительного периода в стенах университета большую работу по увековечению памяти и военно-патриотическому воспитанию

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

студенческой молодежи проводила военная кафедра. Деятельность в данном направлении началась с открытия на факультете общественных профессий отделения военно-патриотического воспитания под руководством заведующего военно-патриотической и спортивно-массовой работой комитета ВЛКСМ ЧГУ В. Новикова. Военная кафедра организовывала мероприятия с использованием разнообразных форм военно-патриотического воспитания студентов: соревнования в рамках программы «Мемориал», тематические вечера, читательские конференции, посещение музеев, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, торжественные собрания коллективов студентов и сотрудников, патриотические акции, походы по местам революционной, боевой и трудовой славы. Новой формой стали авто- и мотопробеги. Так, в 1968 г. группа студентов-старшекурсников во главе с преподавателем на двух мотоциклах, приобретенных при содействии ректората, побывала в городах Горький, Москва, Воронеж, Ростов-на-Дону, Краснодар, Новороссийск, на Крымском полуострове и в других памятных местах: на Куликовом поле, у могилы неизвестного солдата в Воронеже. Группа вернулась обратно по маршруту, проходившим по местам сражений в годы Великой Отечественной войны: Севастополь – Харьков – Белгород – Курск – Орёл. [4, с. 218].

Важной формой патриотического воспитания в университете стало приобщение студентов к изучению военной истории. Так, в 1973-1976 гг. действовал «Университет молодого воина», в котором были объединены коллектив ЧГУ и школы Московского района г. Чебоксары, проводились лекции и просмотры кинофильмов на военные темы. Студенты под руководством преподавателей военной кафедры изучали историю Вооружённых Сил СССР, вовлекались в научно-исследовательскую и изобретательскую работу; выпускали боевые листы, стенгазеты, посвящённые знаменательным датам в военной истории страны; смотрели военно-исторические фильмы, встречались с ветеранами войны и труда, знаменитыми людьми республики; участвовали в возложении венков на могилы воинов, погибших в Великой Отечественной войне [4, с. 219].

Тема Великой Отечественной войны – в центре постоянного внимания исследователей историко-географического факультета, что способствовало превращению его в научно-исследовательский центр по сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Преподаватели-фронтовики (В.Л. Кузьмин, Н.М. Мурышкин, В.Д. Димитриев), создали особую, по-настоящему товарищескую морально-психологическую и подлинно научную атмосферу для всестороннего изучения истории Великой Отечественной войны, сохранения исторической памяти о ней [2, с. 156]. Продолжателями традиций историков-фронтовиков стали ученые факультета: Ю.П. Смирнов [9], И.И. Бойко [5], В.И. Соколова, О.В. Андреев [1, 2, 3, 4], Григорьев, М.А. Широкова [3, с. 25] и другие исследователи [3].

Значительно выросло количество научных публикаций исследователей историко-географического факультета по различным аспектам истории Великой Отечественной войны, в частности, ветераном войны, профессором В.Д. Димитриевым опубликована 21 работа (в т.ч. 1 книга), профессором В.И. Соколовой – 14 (в т.ч. 1 книга), автором данной статьи – 39 (в т.ч. 6 книг). Количество публикаций по проблемам Великой Отечественной войны за период деятельности факультета составило всего около 150 (в том числе книг – 18), что

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

позволило подвести определенные итоги проделанной работы в виде монографии [1], статей историографического характера [5], сборников воспоминаний [11].

О росте внимания к проблемам истории Великой Отечественной войны свидетельствует значительное увеличение доли защищенных диссертаций по данной теме на Объединенном совете по защите кандидатских и докторских диссертаций на базе Чувашского и Марийского госуниверситетов. О высоком авторитете диссертационного совета свидетельствуют успешно защищенные научные работы преподавателей высших военных учебных заведений, например, кандидатская диссертация преподавателя Военного университета (г. Москва) С.И. Моисеева в 2016 г. [3, с. 25] и др.

Ряд проектов преподавателей и студентов ЧГУ, прежде всего историко-географического факультета, по темам, посвященным мемориализации Великой Отечественной войны, стали победителями конкурсов РФФИ. Доцент М.А. Широкова в 2013 г. выиграла грант регионального конкурса на тему «Влияние сельской интеллигенции на формирование мобилизационного потенциала народа и социокультурной среды в условиях военного времени (на примере Чувашии в 1941-1945 гг.)». В 2019 г. проект под руководством О.В. Андреева (исполнитель – М.А. Широкова) по теме «Увековечение Великой Отечественной войны: формирование и развитие системы обеспечения преемственности поколений и патриотического воспитания граждан в 1945-2018 гг. (на материалах Чувашской Республики)» также стал победителем регионального конкурса РФФИ.

Сотрудничество преподавателей и студентов в этом направлении приносит свои плоды. Так, в 2019 г., по итогам Всероссийского конкурса молодежных проектов среди образовательных организаций высшего образования три вуза Чувашии получили грантовую поддержку на сумму 7 млн 400 тыс. рублей (в т. ч. 4 проекта Чувашского госуниверситета – на сумму 6 млн 250 тыс. рублей). Из них 1 тема связана с увековечением памяти: Региональный информационный ресурс – портал «Солдаты Чувашии» [3].

С первых лет деятельности университета студенчество активно вовлекается в научно-исследовательскую работу. Под руководством опытных преподавателей разрабатываются темы, посвященные актуальным вопросам истории Великой Отечественной войны. Эффективными формами их апробации стали ежегодные студенческие научные конференции «Неделя науки», «Человек. Гражданин. Ученый», фестивали-конкурсы школьников и студентов «Великие сыны России», «Юность Большой Волги» и др. Лучшие студенческие научные исследования удостоиваются права на издание в сборниках трудов студентов, магистрантов и аспирантов, также и в сборниках материалов по итогам конференций ученых. Высокую степень научной зрелости студенты демонстрируют своими выпускными квалификационными работами. Заметно увеличилось количество работ по истории Великой Отечественной войны. Так, из 41 работы по этой теме, выполненных в целом по факультету, только под руководством автора данного исследования за тридцатилетний период его преподавательской деятельности успешно защищено 30 выпускных квалификационных работ.

Имеющийся научно-исследовательский потенциал стал основой для накопления опыта организации и проведения научно-практических конференций республиканского, регионального и международного уровней. Ещё в 1970-е – 1980-е гг. совместными усилиями преподавателей-историков и военной кафедрой

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЧГУ были проведены научные конференции, посвящённые Великой Отечественной войне. Так, в 1984-1985 гг. были организованы конференции «Освободительная миссия советских войск в Западной Европе», «Висло-Одерская операция», «Восточно-Прусская операция», «Берлинская операция» и т.д. [4, 229]. Из конференций 2000-х годов, в организации и проведении которых активное участие приняли исследователи Чувашского госуниверситета, важное значение имели: межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная 65-летию победы в Сталинградской битве – «Сталинградская битва: Великий подвиг народа» (Чебоксары, 15 февраля 2008 г.); республиканская научно-практическая конференция, посвященная 65-летию Победы – «Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны» (Чебоксары, ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 19-20 февраля 2010 г.); международная научно-практическая конференция «Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом» (Чебоксары, ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 18 декабря 2015 г.). По материалам конференций изданы сборники трудов [8, 12].

Велико значение музейного комплекса Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова в сохранении исторической памяти о подвиге народа и армии в борьбе с фашизмом, патриотическом воспитании молодежи. Исключительно высока роль организаторов-энтузиастов: О.Н. Галошевой – заведующей университетским музеем И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева [4, с. 227], С.Н. Кодыбайкина – доцента, заведующего музеем Великой Отечественной войны историко-географического факультета и одновременно руководителя поискового отряда «Георгиевская лента».

Поисковая работа в стенах университета возродилась в 2013 г. на историко-географическом факультете и организационно оформилась под названием «Георгиевская лента». В 2013-2019 гг. отряд участвовал в раскопках в местах боевых действий на территории Смоленской, Калужской, Тверской и Мурманской областей, в Крыму, совместно с членами Русского географического общества – в исследовании в 2017 г. Казанского оборонительного рубежа [4, с. 223].

Совмещение научно-исследовательской деятельности с практическим участием в раскопках в местах прошедших боев приносит хорошие плоды: многие найденные артефакты заняли достойное место на полках музея факультета в качестве экспонатов, соответственно, стали основой при создании музея истории Великой Отечественной войны. Факультетский музей по примеру музея боевой и трудовой славы университета превратился, в сущности, в образовательный, научно-исследовательский, культурно-просветительный, воспитательный, военно-мемориальный центр. Учебные занятия, научные конференции, уроки мужества и патриотизма, встречи с ветеранами войн, мероприятия в рамках Дней воинской Славы и памятных дат в истории России оставляют неизгладимые впечатления у студентов и всех участников памятных мероприятий.

Коллектив университета, выполняя свой священный долг перед поколением победителей фашизма, участвует во всех патриотических проектах, мероприятиях и акциях, как «Территория Победы» (Федеральный проект с 2017 г. по созданию единого пространства по военной истории XX в.) «Книга Памяти», «Реликвии Победы», «Поиск Героев и техники», «Экскурсовод музея Победы», «Всероссийский фестиваль детско-юношеского творчества «Журавли Победы» и др. Так, в рамках проекта «Территория Победы» в Музее воинской Славы Чувашской Республики 25 января 2019 г. в ходе круглого стола «75-лет снятия

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

блокады Ленинграда» доцент О.В. Андреев выступил с докладом, посвященным истории обороны Ленинграда, героизму и стойкости его защитников, положению населения в условиях блокады.

Преподаватели и студенты университета – неизменные участники всех патриотических акций памяти: «Вахта памяти» (с 1988 г.); «Георгиевская ленточка» (с 2005 г.); международной мемориальной акции «Свеча Памяти» (с 2009 г.), шествия «Бессмертного полка» в День Победы (с 2012 г.), «Горсть Памяти» (с 2019) и др. Основная часть мероприятий проводится на территории мемориального комплекса «Победа» г. Чебоксары, расположенного на улице Зои Яковлевой – уроженки Чувашии, отважной подпольщицы, погибшей в Крыму в 1944 г.

Традиционный месячник оборонно-массовой работы (введен в 1963 г. и раньше проводился в феврале-марте) для Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова в 2020 г. стал особенным, так как совпал с первым мероприятием по подготовке к празднованию Дня Победы в рамках Года Памяти и Славы. Так, 27 января 2020 г., на базе историко-географического факультета прошел Круглый стол «Коммеморативная практика Великой Отечественной войны» с презентацией книги доцента О.В. Андреева «Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в России (XX – начало XXI в.)» [4].

В Чувашском госуниверситете студенчество в военно-патриотической работе держит равнение на преподавателей. Первый в истории Чувашской Республики Волонтерский центр ЧГУ, организованный в 2014 г., осуществляет добровольческую деятельность усилиями 6 комитетов, которые реализовывают ряд социальных проектов. Комитет «Волонтеры Победы» проводит целенаправленную военно-патриотическую работу среди студентов факультетов. В 2019 г. студенты университета А. Миловидова и К. Романова, победив во Всероссийском конкурсе «Послы Победы», приняли участие в организации Парада Победы и шествия «Бессмертный полк» в г. Москва.

В работе по увековечению памяти и формированию патриотических чувств студенческой молодежи коллектив ЧГУ имени И.Н. Ульянова тесно сотрудничает с организациями ветеранов Великой Отечественной войны и локальных войн, Вооруженных сил: Чувашской республиканской организацией Российского Союза ветеранов (председатель – майор в отставке Н.Н. Семенов, первый заместитель, подполковник в отставке, участник боевых действий в Афганистане и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС – В.А. Тры), Чувашской республиканской общественной организацией ветеранов боевых действий «Доблесть» (руководитель – участник боевых действий в Афганистане В.Н. Яковлев), Чувашской региональной общественной организацией «Лига ветеранов службы по борьбе с организованной преступностью МВД России» (президент организации – полковник в запасе, участник боевых действий в Анголе и Чеченской Республике Ю.И. Григорьев), Чувашской республиканской организацией «Российского Союза ветеранов Афганистана» и Чувашским республиканским отделением Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» (руководитель – участник боевых действий в Афганистане И.М. Кашаев); Чувашской республиканской организацией Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы – «Инвалиды войны» (руководитель – кавалер ордена Боевого Красного Знамени, майор в отставке Г.П. Матвеев); Чувашского

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Республиканского Союза ветеранов боевых действий на территории Северного Кавказа (руководитель – И.Л. Шумиков). Ветераны войн и труда – постоянные гости в Чувашском госуниверситете и участники встреч со студентами и преподавателями в Дни воинской славы и памятных дат России.

Преподаватели и студенты проводят большую работу по популяризации роли своего родного Чувашского госуниверситета в увековечении памяти о Великой Отечественной войне. Они – непосредственные участники съемок и проведения фестивалей документальных фильмов, телерепортажей, выставок. Так, профессор историко-географического факультета В.А. Васильев руководил съемками научно-популярного документального телефильма «Шагнувшие в бессмертие» – о деятельности в 1941-1942 гг. в г. Гродно (Белоруссия) подпольной группы «дяди Коли», которую возглавлял уроженец Чувашии Н.А. Волков. Премьера телефильма состоялась в кинотеатре «Сеспель» г. Чебоксары 21 июня 2017 г.

Автор статьи и студенты-историки, прошедшие спецкурс по историографии Великой Отечественной войны, приняли участие в спецпроекте ГТРК Чувашия «Символы Победы» – подготовке материалов и съемках телерепортажа ко Дню Победы под названием «Легендарный Т-34 – лучший танк Второй мировой войны». Репортаж 3 мая 2017 г. вышел на телеэкраны и размещен в сети Интернет (<https://www.youtube.com/watch?v=S-xufQofd6E>).

Таким образом, Чувашский госуниверситет имени И.Н. Ульянова представляет собой вполне сформировавшийся центр научно-исследовательской, образовательно-просветительской и военно-патриотической работы, где сложилась целостная система сохранения памяти о Великой Отечественной войне, формирования патриотического сознания молодежи, обеспечения преемственности поколений.

Список литературы

1. Андреев О.В. Великая Отечественная война: опыт изучения, актуальные вопросы исследования и преподавания. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. 174 с.
2. Андреев О.В. Историческая память о Великой Отечественной войне: роль ветеранов-фронтовиков, учёных историко-географического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в её сохранении // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. статей. В 2 т. Т. 2. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2017. С. 155-158.
3. Андреев О.В. Изучение Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и увековечение памяти о ней на историко-географическом факультете Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 23-32.
4. Андреев О.В. Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в России (XX – начало XXI в.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. 436 с.
5. Бойко И.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в исследованиях историков Чувашии // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары, 2011. Вып. 1. С. 52–79.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

6. О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы: Указ Президента Российской Федерации от 08 июля 2019 г. №327 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60954> (дата обращения: 11.03.2020).
7. Проблемы воспитания патриотизма и гражданственности в полиэтническом регионе: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 376 с.
8. Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию Победы во Второй мировой войне (Чебоксары, 18 декабря 2015 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 176 с.
9. Смирнов Ю.П. Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): методические рекомендации. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1990. 88 с.
10. Состоялось первое заседание Координационного совета при Главе Чувашской Республики по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pfo.gov.ru/press/theregionslife/102861/> (дата обращения: 11.03.2020).
11. Судьбы людские в судьбе России: воспоминания о Великой Отечественной войне и послевоенных годах (народные мемуары). Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2010. Вып. 1. 108 с.
12. Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 192 с.
13. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова: офиц. сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chuvsu.ru/> (дата обращения: 09.03.2020).

Andreev O.V.

THE ROLE OF THE CHUVASH STATE UNIVERSITY OF I.N. ULIANOV IN MAINTENANCE OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

ANDREEV Oleg Vasil'evich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History of A.V. Arsent'eva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary, Universitetskaya Street, 38/1.
e-mail: olevasandr@mail.ru

Abstract. In the article analyzes the deposit of collective of Chuvash State University in maintenance of memory about Great Patriotic war in 1967-2020. In this work in new institution of higher learning of Chuvashia participated practically all: guidance of university and faculties, advice of veterans, trade-union organization, teachers and students, employees museum and library complexes. The initiators of maintenance of memory about the dead and missing comrade-in-arms, selfless workers of rear, creations of memorial building became veterans of war and rear: the first rector S.F. Saikin and pro-rectors, chairman and members of the council of veterans, deans of faculties, heads and teachers of departments, employees of museum complex. Modern guidance and teaching staff of university with fidelity to traditions ensure the succession of generations. Due to their support, living participation and innovation, are harmonized

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

the traditional forms of maintenance of memory (scientific and practice conferences, round tables, festivals, competitions of teachers and students, scientific monographs and collections of articles, thematic lectures, meeting with veterans, searching activity etc.) with new directions and types of activity: international online conferences on military-patriotic subjects; open lectures of leading teachers with placing in a network the Internet; special web-site with the interactive map of memorial objects of Chuvashia, created by teachers and students of History and Geography faculty; patriotic projects with participation all university collective. Maintenance of succession of older and younger generations of leaders and teachers, perfection of forms of maintenance of memory and patriotic education of students became the effective methods of counteraction to the attempts of revision, and sometimes frank falsification of history Second world and Great Patriotic wars. A complex analysis allows to describe Chuvash State University as one of leading regional centers of study and maintenance of memory about Great Patriotic war and about her heroes.

Keywords: Great Patriotic war, veterans, maintenance of memory, Year of Memory and Glory, Chuvash State University, History and Geography faculty, patriotic events and actions, succession of generations.

**СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

АНЧЕВ Стефан Иванов — кандидат исторических наук, доц. д-р, Университет "Св. Св. Кирилла и Мефодия" в Велико Търново, Болгария, Велико Търново, 5003 Света Гора, Т.Търновски 2.
e-mail: stivanch@yandex.ru

Аннотация. Советская политика на Балканах достаточно динамична, чтобы стать предметом многочисленных исследований. Конечно, это не имеет значения для советской дипломатии, как и польский и германский вопросы. Фактически, после Второй мировой войны Россия возвращается на Балканы под именем СССР с новым общественным порядком и другими внешнеполитическими интересами. По своему политическому влиянию и территориальным границам Советский Союз превзошел царскую Россию. Заслуга в этом принадлежит советскому народу, Красной Армии и И.В. Сталину. Поэтому не только сегодня западноевропейские страны и США концентрируют свои усилия на том, чтобы преуменьшить эти факторы.

Ключевые слова: СССР, Вторая мировая война, США, Сталин, Черчилль, Рузвельт, Трумэн, Молотов, Турция, Болгария.

Будучи сферой политического влияния и местом военных действий и заключения мирных договоров, Балканы всегда были частью российской политики с конца восемнадцатого до начала двадцатого века. Несмотря на усиление советской политики в 1930-х годах, она не имеет никакого предыдущего влияния на полуостров. Накануне Второй мировой войны балканские государства были полностью под политическим влиянием западных великих держав - используемое для них определение до начала двадцатого века. Все балканские страны политически и экономически связаны с Великобританией, Францией и Германией. Влияние Италии за несколько месяцев до начала войны заметно в Албании, особенно после ее оккупации в апреле 1939 года.

В конце Второй мировой войны, летом 1944 года и далее, Красная Армия является той военной силой, которая наносит решающий удар на государства "железной оси". В отличие от сегодняшнего дня, даже в первые послевоенные годы и в начале холодной войны, никто не думает и не пытается отрицать решающую роль СССР в окончательной победе над новым мировым порядком, придуманным Третьим Рейхом. Конечно, даже тогда, по инициативе западных союзников антигитлеровской коалиции, создаются обстоятельства, ведущие к первопричинам будущих конфликтов.

В Лондоне видимо помнят структуру и цель «Пакта четырех», в котором побежденная Германия занимает равное место с победителями Первой мировой войны. К концу Второй мировой войны там уже думают об ее будущем, даже как побежденная страна. В послевоенном комитете по планированию Германия рассматривается как будущий союзник и участник западноевропейского блока,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

созданного под эгидой Великобритании для противодействия Восточному советскому блоку.

В своем последнем обращении к Конгрессу в марте 1945 года президент Рузвельт предупреждает, что «судьба Соединенных Штатов и мира будущих поколений» зависит от добросовестного выполнения обязательств Тегерана и Ялты [1, с. 7.] По его мнению, альтернативой является ответственное международное сотрудничество или ответственность за новый глобальный конфликт. Напротив, 23 апреля 1945 года новый президент Трумэн уже был готов рассматривать СССР не как союзника, а как потенциального противника Соединенных Штатов. В марте 1945 г., когда еще продолжалась война против Германии, Черчилль поручил своему генеральному штабу изучить возможности войны против СССР в случае, если он не согласится на условия будущего устройства Европы. Подобные настроения были сильны в администрации Трумэна, которая заняла более жесткую позицию в отношении Советского Союза, чем это было при Рузвельте [2, с. 107.] В этом направлении также развивается Операция Невозможная - план войны против СССР, который должен начаться 1 июля 1945 года с 112 немецких дивизий, находящихся в британском плену с сохраненной военной структуры, сосредоточенной в провинции Шлезвиг-Гольштейн, на юге Дании. Несмотря на невозможность этого плана, они находятся в состоянии боевой готовности до весны 1946 года [3, с. 23-24.]

Несмотря на первоначальные военные успехи после штурма в Нормандии и близкое окончание войны осенью 1944 года, взаимопонимание союзников нарушено. Это особенно заметно в англо-советских отношениях. Основными причинами этого являются события в Польше, а также нерешенная проблема новых сфер влияния на Балканах и в Восточной Европе. 9 октября 1944 года Черчилль и Иден прибывают в Москву, чтобы обсудить со Сталиным ситуацию в Польше, Румынии, Греции, Италии и Болгарии. На этой встрече происходит обмен пресловутой листовкой, которая в процентном выражении определяет послевоенное влияние и статус-кво на Балканах. Предложение английского премьер-министра: - Румыния - 90% для России * (известно, что на Западе СССР называют Россией, до и во время войны, а во время холодной войны уже используется название СССР - мое замечание), Греция - 90% для Англии, Югославия, а также Венгрия 50% на 50%, Болгария - 75% для России.

После того, как Сталин прочитал перевод, сделанный Павловым, он исправил только соотношение для Болгарии (в большинстве документов эта поправка для Болгарии не отражена, и она остается под влиянием СССР на 75%) на 90%. На следующий день Молотов и Иден обсуждают это англо-советское распределение сфер влияния, прежде всего на Балканах. Интересным моментом является идея «бартерной сделки» по процентам по отношению к Венгрии и Болгарии. Молотов настаивает на том, чтобы соотношение для Венгрии составляло от 75% к 25% в пользу Советского Союза. Иден соглашается обсудить этот вопрос только в том случае, если оценка Болгарии в пользу большего влияния Англии будет пересмотрена. Несмотря на аргумент Молотова о том, что Черчилль уже согласился на соотношение 90% / 10%, он пытается изменить соотношение для Болгарии до 80% на 20%, со скидкой для Венгрии 75% на 25%. В такой сложной процентной ситуации Молотов хочет большего влияния в Югославии, которого Иден отвергает. После небольшого перерыва в переговорах Молотов предлагает 80% на 20% для Болгарии и Румынии и 50% на 50% для

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Югославии. В продолжающихся переговорах он пытается изменить соотношение для Венгрии, в то время как Балканы уже считаются согласованными [4, р. 233-234.; 5. с. 323-326.; 6. с. 231.; 7.; 8, с. 5.]

На Ялтинской конференции (4-11 февраля 1945 г.) в значительной степени раскрываются планы союзников на Балканах, а также она дает отражение на последующие события. Во время ее созыва стало ясно, что Соединенные Штаты и Великобритания в значительной степени теряют возможность оказывать влияние в трех балканских странах - Румынии, Болгарии и Югославии. В этом случае их цель состоит не в том, чтобы продвигать свою политику там, а только в том, чтобы завоевать лучшие позиции. 18 января 1945 года по предложению Государственного департамента создается «Чрезвычайная высшая комиссия освобожденной Европы». Ее цель - восстановить довоенные Балканы путем возвращения (восстановления) буржуазных (правых или либеральных) правительств, которые ими управляли [9, с. 45.]

Турция - единственная балканская страна, которая не принимает прямое участие во Второй мировой войне, почти до ее конца. Тегеранская конференция решает открыть второй фронт в Западной Европе, а не на Балканах, что является еще одним разочарованием для британской политики. Становится все более очевидным, что довоенные успехи Форин офиса в регионе вряд ли повторится после окончания войны. Декабрьская трехсторонняя встреча в Каире между Рузвельтом, Иннью и Черчиллем на основании решения, принятого на конференции, предлагается Турции вмешаться в войну до февраля 1944 года. Вместо того, чтобы фактически выполнить условие, о котором ее просили, Анкара принимает лишь несколько полумер, в апреле она разрывает свои экономические отношения с Германией, а в августе - и свои дипломатические отношения с ней. Случайно, 2 августа, когда советское высшее командование приказывает II и III Украинскому фронту подготовиться к наступлению в Бессарабии, Турция разрывает дипломатические отношения с Германией, угрожая Болгарии и Румынии нападением со своей стороны. По данным американской разведки, речь идет даже о сосредоточении турецких войск вдоль болгарской границы во Фракии [10, с. 118.] Позиция Сталина по отношению к Турции более сдержана и лишена английской нетерпеливости. В письме к Черчиллю в июле 1944 года, напомнив о уже внесенных предложениях, он предлагает не оказывать больше давления на Анкару, учитывая ее позицию после войны [11, с. 293.]

Проблема Проливов продолжает играть значительную роль в политике сил до и после окончания Второй мировой войны. Как всегда, он также тесно связан с отношением к Турции и является частью ее внешней политики. После конференции в Монтре вопрос о Проливах обсуждается на Ялтинской конференции [12, с. 28-31.; 13, с. 222-234.] По словам Сталина, довоенная конвенция устарела не только из-за прекращения работы Лиги Наций, но и из-за новой политической обстановки. Он напоминает, что она предоставляет большие права Турции, которая может закрыть Проливы, когда захочет [14, с. 216-217, 245, 253.; 15, с. 200-205.] Черчилль и Рузвельт явно разделяют позицию Сталина, потому что они поддерживают идею отличной конвенции от той из Монтрё. Чтобы успокоить Турцию, подчеркивается, что поправка не повлияет на ее суверенитет. С этого момента начинается сложный дипломатический переговорный процесс, который к концу 1946 года заканчивается без ранее

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

объявленного желаемого результата. Анкара принимает некоторые изменения в Проливской конвенции, но не целосной замены ее Черноморской конвенцией.

Когда речь заходит о балканских государствах советского блока после окончания Второй мировой войны, планы Сталина о создании «Балканской федерации» неизменно комментируются. Идея «Балканской федерации» не принадлежит ни Сталину, ни Коминтерну. Она намного старше, и если мы вернемся несколько веков назад, мы увидим его в Ригас Велестинлис в конце восемнадцатого века, а спустя 140 лет она становится предметом обсуждения на Балканских конференциях 1930-1933 годов. Уже во время Второй мировой войны американские и британские аналитики и специалисты по послевоенному планированию создают планы Дунайской конфедерации, Восточноевропейской федерации, связанной с Балканами, а также других федераций и альянсов, касающихся Центральную Европу. В июне 1942 года тогдашний заместитель секретаря Форин офиса сэр Орм Сарджент предоставляет подробный отчет о создании Конфедерации в Юго-Восточной Европе. Болгария и Румыния, по-видимому, исключены из нее, потому что эти две страны рассматриваются как часть балканских стратегических планов СССР [16, р. 132-133.] В марте следующего года Форин офис снова занимается будущим Болгарии. Принимая во внимание сильное русофильство среди болгар и традиционную любовь к России, делается вывод, что это потенциальным передомьем проникновения России на Балканы. Все же целью Лондона является включение Болгарии в широкую феделацию, в которой не будет ни пророссийских, ни панславянских пристрастий, а это может случится лишь если в ней доминируют Греция и Турция. Летом 1943 г. советская дипломатия ясно показывает, что она против создания конфедерации в послевоенной Юго-Восточной Европе [16, р.134-135.]

В конце войны, в 1944 году, Сталин понимает, что в послевоенной Европе, в том числе на Балканах, трудно создавать мотивированные политические альянсы на основе идеологического единства. Поэтому он развивает очень интересную идею объединения на основе «нового славянофильства», причина которого состоит в том, чтобы не допустить немецкого военного возрождения. С первого взгляда становится понятно, что такой мотив не является чем-то новым. Например, после окончания Первой мировой войны Малая Антанта создается в качестве барьера на пути восстановления Австро-Венгрии.

Во время встречи с Ст.Миколайчиком 9 августа 1944 г. Сталин счел необходимым разъяснить основы такого союза, разграничившись со старым, «царским», славянофильством [17, с. 30.] наших политиков часто смешивают с царскими политиками. Это неправильно. У нас нет политики покорения каких-либо славянских народов. В этом смысле мы против славянофильства, которое предполагает, что Россия должна быть во главе славянских народов и что эти славянские народы должны быть угнетаемы Россией. Мы признаем равенство прав славянских народов [18, с. 86.]

На приеме болгарской и югославской делегаций 28 января 1945 г. он высоко оценил перспективу оборонительного союза славянских народов, подчеркнув: если «"старое славянофильство" выражало стремление царской России подчинить другие славянские народы», то «наше славянофильство — совсем другое...» Его цель — объединить славянские народы как равные для общей защиты своего существования и будущего [19, с. 464.] В апреле 1945 г. во время пребывания югославской делегации во главе с Й. Броз Тито в Москве

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Сталин вновь поднял вопрос об опасности для всеобщего мира восстановления Германии. Если славяне будут едины и солидарны, никто в будущем не сможет даже пальцем пошевелить. И наконец, осенью 1945 г. в ходе обсуждения работы журнала «Славяне» в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) до участников совещания довели мнение Сталина о характере будущего союза славянских народов: «Это не царский великодержавный панславизм, а это союз равных славянских государств». Во время обсуждения была подтверждена четкая антигерманская направленность союза [17, с. 31.]

Интересны события, связанные с переговорами болгарской делегации с представителями США и Великобритании в Каире о выходе Болгарии из союза с Германией. Подготовка и консультации по этим переговорам начинаются в середине августа 1944 года и продолжаются до конца месяца. Уже в конце июля того же года в Москве узнают о подготовке таких переговоров. Имеется в виду памятная записка посольства США в СССР в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 29 июля 1944 г., в которой содержалась информация о внутривнутриполитическом положении Болгарии, о ее желании „выйти из войны при самых, по возможности, благоприятных условиях“ и сообщалась точка зрения правительства США о целесообразности организации переговоров с Болгарией. [20, с. 529.] В разговоре с Уильямом Авереллом Гарриманом, Молотов объясняет, что на основании той информации, которая имеется у Советского правительства, еще не ясно, стоит ли вести с ней переговоры, и неизвестно, что выйдет из этих переговоров. После чего он уточняет эту позицию так: «Сейчас у нас изучается вопрос, насколько Болгария способна изменить свою политику. Ввиду меняющейся военной и дипломатической обстановки, такой как разрыв турецко-германских отношений, он спрашивает Харимана „придает ли американское правительство серьезное значение этим мирным попыткам Болгарии“. Очевидно, что американская сторона не придает большого значения этому шагу со стороны болгарского правительства, которое недвусмысленно в своем ответе. „Позиция американского правительства состоит в том, что бы оставить двери открытыми и поощрять попытки, о которых идет речь» [20, с. 176.]

Преобладает мнение, что болгарская делегация в Каире не была вынуждена принять текст соглашения о прекращении огня и его подписания [21, с. 32-33]. Принято, и это также очевидно из приведенного выше документа, что США и Великобритания все еще не уверены, что они хотят этого перемирия с Болгарией. Вступление Красной Армии в румынскую территорию предопределяет действия СССР в отношении Болгарии. Важность московского «процентного соглашения» для послевоенного влияния трех сил не следует упускать из виду. В этой ситуации даже до 5 сентября реализация любого перемирия с Болгарией не принесет пользы Великобритании, а также не столь усердно поддерживающих ее США [22, с. 241-244]. Быстрые темпы балканских событий в Турции, Греции, Болгарии и Румынии менее чем за полтора месяца не позволяют реализовать амбиции Запада. В конце концов, обе страны удовлетворены возможностью консолидировать свои интересы в Греции и Турции, оставляя возможность для влияния в Болгарии и Румынии на последующем этапе.

Появление Красной Армии на территории Болгарии после 5 сентября впервые рассматривается Государственным департаментом и Форин офисом как потенциальная угроза их интересам в Турции и Греции, как возможность

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

установить советский контроль над Проливами и обеспечить доступ Советского Союза к Средиземному морю [23, с. 10]

Ввод советских войск на болгарскую территорию вызывает беспокойство правительства эмигрантов Греции. Хотя до 5 сентября оно наслаждается своими планами по отрыву территорий от переговорного перемирия Болгарии, после этой даты его поведение меняется. Со своей стороны, Соединенные Штаты и Англия достаточно хорошо понимают, что таким образом СССР «занял активное, а не только почетное место в следующем перемирии». Вопрос о проникновении оккупационных сил в Болгарию уже решен" [24, с.16] Это приводит к прерыванию переговоров в Каире, и они никогда не возобновляются.

Советская политика на Балканах принимает активное участие в создании правительств в Югославии и Румынии, а также в румынских переговорах о выходе страны из войны в качестве союзника Германии. Позиция Сталина во время гражданской войны в Греции 1946-1949 годов, а также урегулирование территориальных югославско-итальянских и румыно-венгерских споров и подписание мирных договоров на Парижской конференции не должны быть забыты. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет мне подробнее взглянуть на общую советскую политику на Балканах.

Список литературы

1. Батюк В. И. Истоки -холодной войны||: советско-американские отношения в 1945-1950 гг. М., 1992. 157 с.
2. Индукаева Н.С. История международных отношений 1918-1945 гг. Томск, 2003. 113 с.
3. Трухановский В. Г., Капитонова Н. К. Советско-английские отношения 1945-1978. М., 1979. 303 с.
4. Kitchen M. British policy towards the Soviet Union during the Second World War. Basingstoke (Hants.), London, 1986. 309 p.
5. Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. 400 с.
6. Гунев Г., Илчев И. Уинстън Чърчил и Балканите. София, 1989. — 275 с.
7. Roberts G. Beware Greek Gifts: The Churchill-Stalin -Percentages|| agreement of October 1944. // Мир истории 2001, 1. Режим дступа: <http://www.historia.ru/2003/01/roberts.htm>. (дата обращения: 10.03.2020.)
8. Кальвокоресси П. Мировая политика 1945-2000. кн. 1. М., 2003. 596 с.
9. Гибианский Л. Я. Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе Второй мировой войны (январь – май 1945) // Études balkaniques. Sofia, 1976. № 1.
10. Бол М. Студената война на Балканите. Американската външна политика и възникването на комунистическа България 1943-1947 г. София, 1999. 399 с.
11. Преписка на Председателя на Министерския съвет на СССР с президентите на САЩ и министър-председателите на Великобритания по време на Великата отечествена война 1941 – 1945. София, 1983. 816 с.
12. США и внешний мир : Материалы IV науч. конф. Асоц. изучения США, Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 3-4 апр. 1996 г. М., 1997, 252 с.
13. Дранов Б. Черноморские проливы: международно-правовой режим. Юридическое издательство. М., 1948. 243 с.
14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 4. Крымская конференция руководителей

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). Сборник документов. Политиздат. М., 1984. 311 с.

15. Хаков Дж. История на Турция през XX в. Анкара, София, 2000. 415 с.
16. Barker Elisabeth British Policy in South-east Europe in the Second World War. studies in Russian and East European History. London and Basingstoke: Macmillan, 1976. 320 pp.
17. Волокитина Т.В., Мурашко ГЛ., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949—1953): Очерки истории. М., 2002. 686 с.
18. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы. Т. 1. 1944-1948 гг. М., 1999. 687 с.
19. Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. 794 с.
20. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документый и материалы. Т. 2. М., 1984. 575 с.
21. Пинтев С. Англия и мисията на Стойчо Мушанов в Кайро. // Векове, 1981, № 5, с. 32-33.
22. Пинтев С. СССР, САЩ и Великобритания, и Московското примирие с България (септември – октомври 1944 г.). // Известия на Българското историческо дружество, кн. XXXII. София, 1978. 395 с.
23. Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе 1945-1950. Киев, 1991. 138 с.
24. България - непризнатият противник на Третия райх. Документи". София, 1995. 294 с.

Anchev S.I.

SOVIET BALKAN POLICIES AT THE END WWII AND THE FIRST POST-WAR YEARS

ANCHEV Stefan Ivanov – Candidate of Historical Sciences, Assoc. Dr., University of St. St. Cyril and Methodius in Veliko Tarnovo, Bulgaria, Veliko Tarnovo, 5003 Sveta Gora, T. Tarnovsky 2.
e-mail: stivanchev@yandex.ru

Abstract. Soviet politics in the Balkans is dynamic enough to become the subject of numerous studies. Of course, this does not matter for Soviet diplomacy, as do Polish and German questions. In fact, after the Second World War, Russia returned to the Balkans under the name of the USSR with a new public order and other foreign policy interests. In its political influence and territorial borders, the Soviet Union surpassed Tsarist Russia. The merit in this belongs to the Soviet people, the Red Army and I.V. To Stalin. Therefore, not only today, Western European countries and the United States are concentrating their efforts on downplaying these factors.

Keywords: USSR, World War II, USA, Stalin, Churchill, Roosevelt, Truman, Molotov, Turkey, Bulgaria.

**РАССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАЦИЗМА В
СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1960-х гг.***

АСТАШКИН Дмитрий Юрьевич — старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
e-mail: strider-da@ya.ru

Аннотация. В 1960-х годах Советское правительство через пропаганду активно обвиняло ФРГ и другие западные страны в защите оставшихся на свободе военных преступников. К их числу СССР относил и Эрвина Шюле, главу Центрального ведомства управлений юстиции земель ФРГ по преследованию нацистских преступлений. Дело Эрвина Шюле 1965 года привлекло внимание жителей СССР к масштабным военным преступлениям на Северо-Западе РСФСР. Но из-за трений между СССР и ФРГ полноценное следствие не было проведено. СССР решил политическую задачу (Эрвину Шюле ушёл в отставку), но не юридическую задачу.

Ключевые слова: СССР, нацисты, Великая Отечественная война, военные преступления, Шюле.

В 1960-х годах Советское правительство, действуя прямо или через подконтрольные ему организации соц.блока, активно обличало уловки ФРГ и других западных стран по защите оставшихся на свободе военных преступников (Оберлендера, Хойзингера, Глобке и др.). Так, в 1965 году в ГДР была издана «Коричневая книга» («Braunbuch»). В ней приводился список из 1200 нацистских функционеров или военных преступников, которые занимали руководящие должности в ФРГ (прежде всего в судебной системе и армии) либо получали солидные пенсии. Попал в «Коричневую книгу» и глава Центрального ведомства управлений юстиции земель ФРГ по преследованию нацистских преступлений Эрвин Шюле. Одновременно с тем в ФРГ истек срок давности нацистских преступлений (1 мая 1965 года). Как отмечает исследователь М.Н.Петров, обер-прокурор Эрвин Шюле активно поддерживал это решение: «Деятельное участие Шюле в кампании за признание давности преступлений нацистского режима никоим образом не устраивало власти Советского Союза, которые неустанно выступали за наказание организаторов, руководителей, исполнителей и пособников военных преступлений и преступлений против человечности». [1, с. 228]

Возможно, поэтому на рубеже 1964—1965 годов против Шюле были приняты первые пропагандистские меры. Когда он находился 4 февраля 1965 года в Варшаве (для изучения нацистских документов в польских архивах), информационное агентство ГДР (Allgemeiner Deutscher Nachrichtendienst)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-21-08001 «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943-1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

обнародовало скрытые факты биографии: Шюле был членом СА (штурмовые отряды) с 1933 года и членом НСДАП с 1935 года. До того Шюле утверждал, что он не состоял в этих организациях. Там же, в Варшаве, Шюле пытался оправдаться — якобы жена ошибочно заполнила анкету. Тогда газета «Neues Deutschland» опубликовала факсимиле его автобиографии, написанной в 1943 году. В итоге и Шюле, и власти ФРГ вынуждены были признать его членство в СА с 1933 года и в НСДАП с 1935 года.

Публикация этих фактов, скорее всего, была проведена по согласованию с властями СССР, поскольку примерно в то же время новгородское управление КГБ получает задание — выяснить обстоятельства службы Эрвина Шюле на оккупированной территории Новгородской области. Во время войны он находился в Чудове, после войны сидел в лагере для военнопленных в Боровичах. Поэтому поиск поручили двум сотрудникам, знавшим эти города: начальнику аппарата УКГБ в городе и на железнодорожной станции Боровичи подполковнику В.М.Богову и старшему оперуполномоченному на станции Чудово капитану Н. В. Мистрову, водителем группы стал П.Г. Токмаков. На выполнение задания был дан месяц. [1, с. 229]

По материалам дознания 27 февраля 1965 года в главной советской газете «Правда» появилась большая статья К. Распевина «Господин Шюле ведёт следствие» с двумя фотопортретами Э. Шюле в лагере и в своём кабинете. Фотографии и сам текст подчёркивали, что в одном человеке как бы слились две личности — военный преступник и обер-прокурор. Начиналась статья как раз с обвинения Э. Шюле в поддержке решения властей ФРГ «прекратить с мая этого года судебное преследование нацистских палачей за давностью совершённых ими преступлений». Далее автор описывал визит Шюле в Варшаву, обвинял его в сокрытии членства НСДАП. Судя по тексту, К. Распевин был ознакомлен с секретным делом Эрвина Шюле 1949 года (хранилось в архиве новгородского управления КГБ).

Публикация имела последствия — появились отклики свидетелей преступлений Шюле (на это, как считает М.Н. Петров, и рассчитывали в КГБ). В первой половине марта в Чудовский райисполком и районную прокуратуру поступили заявления об опознании Шюле по фотографии в газете «Правда» от Е.С.Корольковой, Т.И. Шкаликовой, А.Ф. Антаковой, О.А.Абрамовой, З.М. Блехман, Е.Т. Егуповой (Архив управления ФСБ по Новгородской области. Д. 1/9731. Т.2. Л. 4—5. Заявление Егуповой А. Т. в Чудовский городской совет трудящихся о преступной деятельности Шюле Э. 17 марта 1965 г.) и нескольких других человек, находившихся в Чудове во время оккупации. Начальник следственной группы управления КГБ по Новгородской области майор Л.Н. Подобин приступил к опросу свидетелей.

Все итоги расследования широко доводились до сведения граждан СССР, ГДР и, отчасти, ФРГ. В сентябре 1965 года «Правда» опубликовала статью «Палач из Людвигсбурга». Газета «Известия» дала подборку материалов с требованием судить военного преступника, скрывшегося под личиной обер-прокурора ФРГ. О деле Эрвина Шюле и военных преступлениях в Чудовском районе подробно рассказали новгородские областные и районные газеты. Многолюдные митинги с требованиями осудить Эрвина Шюле состоялись в Чудове и в Новгороде (сентябрь 1965 года). [2, с. 261]

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Данные следствия были изучены в ЦК КПСС и КГБ СССР. На их основе Министерство иностранных дел СССР 13 сентября 1965 года передало ноту посольству ФРГ в Москве. В документе излагались факты преступной деятельности Эрвина Эрнста Шюле на временно оккупированной советской территории, прилагались копии протоколов допросов свидетелей и акты осмотра мест, где Шюле совершил злодеяния. МИД выразил надежду, что власти ФРГ рассмотрят материалы и привлекут прокурора к уголовной ответственности [1, с. 233]

За военные преступления в Чудовском районе никто из нацистов и коллаборационистов не был осужден открыто и в глазах советских граждан эти преступления долго были анонимными, что помогло пропаганде сделать Шюле символом этих преступлений. Так, в 1965 году Ленинградская студия кинохроники сняла черно-белый документальный фильм «Дело Эрвина Шюле» (17 минут, реж. Ефим Учитель, сценарист Лев Гинзбург), он был показан в Чудове (декабрь 1965 года), переведён на немецкий язык и передан властям ФРГ. Он состоит из нескольких эпизодов:

1. Кинохроника военных преступлений нацистов в Чудовском районе,
2. Съёмки мая 1965 года: рассказ рабочего об обнаружении массового захоронения у совхоза Березеево, кадры эксгумации, список найденных останков (включая пол и возраст).
3. Страницы газет ГДР и Польши о визите Шюле в Польшу, сравнение фотопортрета Шюле 1965 года и фотопортрета Шюле из уголовного дела 1949 года.
4. Сентябрьский митинг работников совхоза Березеево у памятника-могилы 1004 жертв нацистов (советских военнопленных и мирных жителей).
5. Рассказы свидетелей (Королькова, Егупова) о людях, которых убил (по их версии) Эрвин Шюле. Реконструкция от первого лица последних минут жизни этих жертв.
6. Вывод о виновности Шюле и требование призвать его к ответу, как и других чиновников из элиты ФРГ с нацистским прошлым. [2, с. 261-262]

Мы предполагаем, что решение о съёмках фильма было принято летом 1965 года, для поддержки дипломатической ноты МИД СССР. Поэтому основные съёмки проводились после выпуска ноты и заняли несколько дней в сентябре (митинг в Чудове, беседы со свидетелями, реконструкция убийств). В фильме есть сцена коллективного чтения газеты «Правда» от 27 февраля, но это явно постановочная сцена могла сниматься и в сентябре. Сцена эксгумации массового захоронения (май 1965 года), возможно, была снята изначально как информационный сюжет (для ТВ-новостей или киноновостей), а не как эпизод фильма про Шюле.

Митинг в совхозе Березеево представляет собой обвинение нацизма вообще и Эрвина Шюле, в частности. Между жертвами из массового захоронения и Шюле выстраивалась связь. Но акты медицинской экспертизы (май 1965) не были опубликованы в советской прессе и не были переданы ФРГ вместе с другими материалами о Шюле. Значит, Шюле юридически не был связан с массовым захоронением, их связывала только пропаганда по географическому признаку.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

По сути, митинг в Березееве был своеобразным заочным судом, «народные обвинители» выступали перед народом (работники совхоза) рядом с символическим доказательством вины (могила). Порядок выступающих выстраивался по иерархии власти и с учетом военной биографии: секретарь парткома совхоза Георгий Иванов читал вслух ноту МИД о Шюле, директор совхоза Александр Бобровский, агроном совхоза Василий Крутин (бывший партизан), главный зоотехник совхоза Прохор Бездень (участник войны), директор школы Борис Климовцев, прораб Михаил Трофимов. В конце митинга была принята резолюция. [2, с. 263]

Премьера фильма состоялась 8 декабря 1965 года в Чудове (400 зрителей). Это событие почти не отразилось в пропаганде, нам известно только три материала о премьеры: 1) краткая заметка в районной газете «Родина», которая ранее активно писала о Шюле, 2) краткая заметка в центральной газете «Советская Культура», 3) анонс премьеры в газете «Московская кинонеделя».

Почему власти не дали газетам указаний о премьеры фильма? У нас две гипотезы: 1) заказчик признал фильм неактуальным, поскольку кампания против Шюле была свернута, 2) фильм оказался неудачным продуктом пропаганды. Обе гипотезы могут быть верны. В этих условиях два редактора ограничились просто информацией о премьеры, остальные газеты вообще не проявили инициативы. Поэтому у фильма не было кинопроката и показа по ТВ. По сути, из всех жителей СССР его посмотрели только заказчики и 400 жителей города Чудово.

Немного зрителей у фильма было и в ФРГ. Как отмечает в своей пока неопубликованной диссертации исследовательница Ясмин Зоннер, 28 декабря 1965 года советское посольство в Бонне направило этот фильм (озвученный на немецком языке) в Министерство иностранных дел ФРГ. Оттуда фильм был направлен в Министерство юстиции ФРГ, для проверки его юридическую ценность. Таким образом, фильм посмотрели в ФРГ примерно 10-20 человек (преимущественно юристов).

Важно признать, что следственных материалов 1965 года не вполне хватало для полноценного открытого судебного процесса. Для суда показаний Егуповой и Корольковой (к тому же по разным эпизодам личного участия Шюле в убийствах мирных граждан) было недостаточно. Поскольку до суда действует презумпция невиновности, то Эрвин Шюле юридически чист.

Однако само уголовное преследование обер-прокурора рассматривалось властями СССР как максимальная задача. Правительству и обществу ФРГ через каналы пропаганды предлагалось ответить на вопрос: имеет ли моральное право скомпрометированный человек занимать ответственный пост обер-прокурора республики по расследованию нацистских преступлений?

Из-за резонанса правительство ФРГ вынуждено было освободить в 1966 году Шюле от руководства Центральным ведомством. Судебные власти начали расследование, но протекало оно вяло, поэтому в марте 1966 года советские власти предложили западногерманским юристам приехать в Чудово для проведения необходимых действий. Также СССР выразил готовность предоставить возможность свидетелям выехать в ФРГ для дачи показаний и участия в очных ставках с обвиняемым Шюле. Предложение было отклонено, а в следующем году министерство юстиции земли Баден-Вюртемберг прекратило расследование по делу Шюле, сочтя выдвинутые обвинения в совершении им военных преступлений «необоснованными».

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Вместе с тем подобные громкие дела имели далеко идущие последствия. Разными странами были приняты государственные и международные акты о судебном преследовании и наказании военных преступников без учёта срока давности. Обобщающим документом стала резолюция 28-й сессии Генеральной ассамблеи ООН от 3 декабря 1973 года «Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества». Согласно резолюции, все военные преступники подлежали розыску, аресту, выдаче в те страны, где они совершили свои злодеяния. Там их ждала судебная ответственность и наказание, независимо от времени совершения преступлений.

Дело Эрвина Шюле повторно привлекло внимание следователей к масштабным военным преступлениям в Чудовском районе, а перед советским обществом впервые встала проблема наказания за эти преступления. Но из-за трений между СССР и ФРГ полноценное следствие не было проведено. СССР решил политическую задачу (глава Центрального ведомства ушёл в отставку), но не юридическую. Однако военные преступления нацистов не имеют срока давности, поэтому историкам и юристам необходимо искать данные и привлекать к ответственности всех пока ещё живых подозреваемых.

Список литературы

1. Петров М. Н. Тайная война на Новгородской земле. Новгород, 2005. 911 с.
2. Архив управления ФСБ по Новгородской области. Д. 1/9731. Т.2. Л. 4—5. Заявление Егуповой А. Т. в Чудовский городской совет трудящихся о преступной деятельности Шюле Э. 17 марта 1965 г.
3. Ковалев Б.Н., С.В. Кулик С.В., Асташкин Д.Ю. Забвению не подлежит: оккупация, сопротивление, возмездие. М, 2019. 287 с.

Astashkin D.Y.

INVESTIGATIONS OF NAZI WAR CRIMES IN THE SOVIET PROPAGANDA OF THE 1960S

ASTASHKIN Dmitry Yurevitch — senior researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 197110, Russia, St. Petersburg, ul. Petrozavodskaya, 7.
e-mail: strider-da@ya.ru

Abstract. In the 1960s, the Soviet government through propaganda actively accused the FRG and other Western countries of defending nazi war criminals remaining at large. The USSR also included Erwin Schuele, the head of the **Central** Office of the Land Judicial Authorities for Investigation of National Socialist Crimes. The Erwin Schuele case of 1965 attracted the attention of the inhabitants of the USSR to large-scale war crimes in the Northwest Russia. But due to friction between the USSR and the Federal Republic of Germany, a full-fledged investigation was not carried out. The USSR solved the political problem (the head of the Central Department resigned), but not the legal problem one.

Keywords: Nazis, World War II, war crimes, Schuele.

**БОЕВЫЕ И НЕ БОЕВЫЕ ПОТЕРИ СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ
АВИАЦИИ ЛЕТОМ 1941 ГОДА В ЗАПОЛЯРЬЕ ***

АФАНАСЕНКО Владимир Иванович — старший научный сотрудник, Южного научного центра РАН, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41.
e-mail: afanvi@ssc-ras.ru

Аннотация. Природные условия существенно влияли на ход боевых действий во время Великой Отечественной войны. В статье обсуждается воздействие природных явлений на боевые и не боевые потери советской и немецкой авиации в Заполярье в период с 22 июня по 31 июля 1941 г. Основными источниками стали документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального военно-морского архива, публикации советских и современных российских исследователей.

Ключевые слова: потери, авиация, Заполярье, боевые потери, природные явления.

Согласно плану «Барбаросса», овладеть базой Северного флота поселком Полярный, заблокировать Кольский залив, а затем, во взаимодействии с 36-м армейским корпусом, захватить Мурманск, должен был горный корпус «Норвегия». Поддержку с воздуха обеспечивал 5-й воздушный флот Германии генерал-полковника Ханса-Юргена Штумпфа. Авиачасти, предназначенные для операции в Заполярье, в мае-июне были объединены в «Авиакомандование Киркенес» («Люфтваффенкомmando Киркенес») под командованием полковника Андреаса Нильсена. Основу составили: 4-я группа 1-й учебной эскадры (33 Ю-87), 2-я и 6-я группы 30-й бомбардировочной эскадры (18 Ю-88), дальний разведотряд 124-й группы (10 Ю-88, До17Р, До-215) и ближний разведывательный отряд из 32-й группы (7 Хе-126В), 1-я группы 77-й эскадры (12 Me109Е-7), звено из 2-го отряда 76-й истребительно-бомбардировочной эскадры (6 Me110Е-2). К 22 июня 1941 г. «Авиакомандование Киркенес» располагало в Заполярье 88 самолетами, которые сосредоточились к 15 июня на оперативных аэродромах: Хебугтен, Банак, Луостари, Рованиеми. Основные силы авиации, предназначенные для действий на Мурманском направлении, находились на аэродроме Хебуктен. Задачей этой группировки было установление господства в воздухе и осуществление прикрытия с воздуха наземных войск, нацеленных на захват Мурманска и Кольского полуострова.

Советскую группировку ВВС в Заполярье в июне 1941 г. составляли 123 самолета 1-й смешанной авиадивизии полковника И.Л. Туркеля и 116 самолетов ВВС Северного флота генерал-майора авиации А.А. Кузнецова. 1-я смешанная авиадивизия имела в своем составе 145-й, 147-й истребительные и 137-й скоростной бомбардировочный авиационные полки. На 22 июня штаб дивизии дислоцировался, в Мурманске, а авиаполки были скучены на аэродромах

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-05-80043 «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности».

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Африканда, Шонгуй и Мурмаши (последний - в стадии строительства). Задача дивизии: поддерживать с воздуха войска 14-й армии и прикрывать от воздушных налетов врага Мурманск, Кандалакшу и Кировскую железную дорогу – стратегическую рокаду в Карелии.

ВВС Северного флота на 22 июня состояли из 72-го смешанного авиаполка, 118-го морского разведывательного авиаполка, 49-й отдельной авиаэскадрильи и 24-го авиазвена связи – всего 116 самолетов [1, л.7]. Они базировались на аэродромах Ваенга-1, Ваенга-2, Челнопушка и на гидроаэродроме губа Грязная (ныне – пос. Сафоново). 72-й смешанный авиаполк имел 4 истребительных эскадрильи (28 И-15 бис, 17 И-153, 4 И-16) и одну (11 СБ-2) бомбардировочную. 118-й морской разведывательный авиаполк имел 37 МБР-2 и 7 ГСТ. В 49-й отдельной авиаэскадрилье было 10 МБР-2, а в 24-м звене связи – 2 МБР-2. Минно-торпедной и штурмовой авиации на Севере не было. Итого, к 22 июня имелось 239 самолетов 1-й Смешанной авиадивизии и ВВС Северного флота против 86-90 немецких самолетов. Но говорить о численном превосходстве советской авиации сложно: 54 летающие лодки ГСТ и МБР-2 в качестве боевых самолетов могли числиться только номинально, а парк истребителей И-15 и «Чаек» И-153 уступал новейшим немецким истребителям по характеристикам. Если учесть уровень подготовки летного состава Люфтваффе, организацию аэродромного обслуживания, штатно-организационную структуру и боевой опыт управления авиачастями и соединениями, то небольшое количественное превосходство советских ВВС не давало господства в небе Заполярья. В июле для восполнения потерь от авиапрома поступило 6 Пе-2 и 10 МИГ-3, из других частей ВВС ВМФ - 22 И-16.

Бригадный район ПВО Северного флота (штаб – Полярный) имел 21 пост ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), развернутый по обеим сторонам Кольского и по южному берегу Мотовского заливов, а также 9 радиолокационных станций ТРЛС-1У[2, л.84]. Мурманский бригадный район ПВО имел 22 поста ВНОС на Мурманском направлении и 7 – на Кандалакшском. Посты располагались от поселка Ура-Губа до станции Ковда и входили в состав 73-го отдельного батальона ВНОС [3, Лл.12, 44-48].

Война в воздухе началась раньше, чем на земле, а первые бои в воздухе случились даже до 22 июня 1941 года. С 17 по 22 июня 1941 г. советские наблюдательные посты зафиксировали девять разведывательных пролетов немецкой авиации в район Полярного. 19 июня состоялся первый на Севере воздушный бой. Старший лейтенант Воловиков на И-153 атаковал над полуостровом Рыбачий Хе-111 и Ме-110, вынудив их прервать разведку. Ещё до начала войны, в 01:24 22 июня, частям ПВО и, через шесть минут, - ВВС СФ была объявлена готовность №1. На полуострове Рыбачий подготовились к «внезапному воздушному нападению» силы ПВО и ВВС весьма своеобразно. 145-й и 147-й истребительные авиаполки до начала активных боевых действий на сухопутном фронте, 29-го июня 1941 г., стояли крылом к крылу в несколько рядов на аэродроме Шонгуй, так как на аэродроме Мурмаши велись строительные работы. Никаких мер по маскировке авиатехники, командных пунктов, узлов связи не проводилось, о чем свидетельствуют приказы командира 72-му смешанного авиаполка Героя Советского Союза майора Г.П. Губанова от 26 и 27 июня 1941г. О маскировке аэродромов Ваенга Первая и Ваенга Вторая в ВВС Северного флота "вспомнили", когда на лётном поле стали рваться фугасные

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

бомбы. Выписка из "Отчёта о проводимых работах по маскировке в частях ВВС Северного флота": "Организация маскировочной службы в частях ВВС Северного флота с первых дней войны была налажена плохо. Начальники маскировочных служб авиабаз задачу свою не совсем хорошо понимали и не с желанием приступили к работе. Этому способствовали командиры авиабаз и командиры авиаполков, которые не придавали маскировочному делу большого значения, как боевому виду работы. Маскировочный материал авиабазами был распределён не по назначению и учёта его никто не вёл"[4, л.128].

А как встретили начало войны в штабе Северного флота, объявившего ещё до начала войны о своей "готовности №1"? Из воспоминаний В.И. Платонова, занимавшего тогда должность командира охраны водного района главной базы Северного флота: "Хотя прямых попаданий авиабомб в штабные здания и не было, целых стекол после первого налёта осталось немного. Мысль о том, что в мирное время никому не пришло в голову укрыть командные пункты, снова горько кольнуло меня, когда я увидел пустые глазницы окон своего штаба. Необходимо было срочно исправлять эту оплошность. В Полярном имелся недостроенный торпедный склад - обширная штольня в гранитной скале - в неё-то и перебрался флагманский командный пункт флота (ФКП)"[5, с.135].

Большая часть авиации противоборствующих сторон 22-24 июня 1941 г. была прикована к земле ненастной погодой. Первые два налета на Мурманск, 23 и 24 июня, привели к потерям Ю-88 30-й бомбардировочной эскадры. Один Юнкерс сбит огнем 3-й батареи 33-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, оборонявшего район Мурманска, и один записан на счет 581-й батареи ПВО Северного флота[6, с.5]. 29-го июня аэродром Ваенга-Первая и губа Грязная (гидроаэродром) подверглись бомбоштурмовому удару Ю-87 и Ю-88. В результате двух налётов было уничтожено 6 и повреждено 18 самолётов. Погиб лётчик, младший лейтенант Шапошников И.Ф., в самолёт которого попала бомба. Были жертвы и среди наземного технического состава полка [7, л.26]. С целью снизить активность немецкой авиации, 7 июля бомбардировщики СБ 72-го смешанного авиаполка совершили налёт на аэродром Хебуктен, где, по свидетельству лётчиков, было уничтожено 15 самолётов противника [8, л.9].

На Мурманском и Кандалакшском направлениях немецкая авиационная группировка «Авиакомандование Киркенес» в июле 1941 г. действовала активно и добилась существенных результатов. Это отражено в отечественных научно-исторических работах и в мемуарной литературе: "Действия сухопутных войск противника активно поддерживались авиацией. В период наступления она вела борьбу за завоевание господства в воздухе, поддерживала и прикрывала свои войска на поле боя, наносила удары по населённым пунктам, войскам, железнодорожным узлам на глубину до 100 км, а в отдельных случаях и до 300 км от линии фронта, вела воздушную разведку. Неприятельская авиация постоянно увеличивала количество налётов на город и порт Мурманск. За последние дни июня в них участвовало 70 самолётов, в июле - 220, в августе 227."[9, с.15]. И это при том, что в июле 1941 г. в Заполярье по метеоусловиям только 11 суток были летными, 3 - ограниченно летными, а 17 суток – нелетными (низкая сплошная облачность, дожди с порывистым ветром, туманы). Редкий день июня — июля проходил без боев в районе советских аэродромов. Однако существенного урона последующие бомбардировки не причинили. Численное превосходство советских истребителей и недостаток бомбардировщиков у немецкой стороны не позволили

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Авиакомандованию Киркенес» уничтожить советскую авиацию на земле и завоевать прочное господство в небе Заполярья. Уже 24 июня Борис Сафонов сбил Ю-88, пилотируемый унтер-офицером Р. Шеллерсом из 6-го отряда 30-й эскадры. За пять дней конца июня — начала июля над Ваенгой-Первой были сбиты два командира авиагрупп: капитан Е. Роегер (2-я группа 30-й бомбардировочной эскадры) и капитан А. фон Лоевски (4-я группа 77-й эскадры) [10, с.2]. ВВС 14 армии за июль-август 1941 г. совершили 4150 боевых вылетов, из них 2067 - на прикрытие войск, 2083 – на штурмовку аэродромов и войск противника, разведку и сопровождение бомбардировщиков [11, Лл.18,22].

Потери 1-й смешанной авиадивизии и ВВС Северного флота за период с 22 июня по 31 июля составили 153 самолета, из которых 122 отнесены к боевым потерям (73 - сбиты в воздушных боях, 36 – уничтожены бомбо-штурмовыми ударами противника на своих аэродромах, 9 - сбиты зенитной артиллерией противника, 4- не вернулись с боевых заданий). 31 самолет составили не боевые потери (20% от общего числа потерь) – катастрофы и аварии вследствие недостаточной выучки летного состава для действий в сложных метеоусловиях Заполярья, неисправности авиатехники и по иным причинам. По типам боевых машин было потеряно 45 СБ, 45 И-153 и 153бис, 40 И-16, 10 МБР-2 и ГСТ, 13 – Пе-2, У-2, УТИ-4, ДБЗф. Еще 27 самолетов получили повреждения и требовали ремонта [12, л.35]. Из-за конструктивных особенностей самолетов И-16, И-15бис, И-153 (необтекаемый корпус, узкая база шасси), они нередко капотировали при порывах ветра, особенно бокового, причем как при посадке, так и при взлете. Истребитель И-16 имел малую емкость топливных баков, из-за чего в аварии попадали даже опытные пилоты. По немецким спискам потерь 5-й воздушного флота потери «Авиакомандование Киркенес» с 22 июня по 31 июля составили 53 самолета, еще 14 машин были сильно повреждены. Не боевые потери немецкой авиации составили 27 самолетов (41% потерь). По советским сводкам за указанный период в воздушных боях было уничтожено 44 самолета противника [13, с.223].

Соотношение потерь советской и немецкой авиации за 40 суток войны в Заполярье составило 2,9:1, что закономерно отражало превосходство противника в организации и в опыте ведения боевых действий и в технических показателях авиатехники. Существенную роль в столь высокой цифре не боевых потерь авиации противоборствующих сторон – 58 самолетов - сыграли сложные метеоусловия данного театра военных действий. Сплошная облачность, дожди, туманы, сильные порывы ветра, сложный гористый рельеф местности, крайне ограниченные по размеру взлетно-посадочные полосы аэродромов при скученности самолетов – все это приводило к авариям и катастрофам, гибели или травмам летного и наземного состава

Список литературы

1. Центральный военно-морской архив, далее ЦВМА. Ф.12, Оп.1, Д. 78, Л.7.
2. ЦВМА. Ф.78. Оп.1. Д.24. Л.84..
3. Центральный архив Министерства обороны РФ, далее ЦАМО, Ф.13632, Оп.20291, Д.1. Лл. 12, 44-48.
4. ЦВМА, Ф.12, Оп. 3, Д.199, Л.128.
5. Марданов А.А. «1941: воздушная война в Заполярье». М, .2015. 610 с.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

6. Иноземцев И.Г. В небе Заполярья и Карелии: Военно-исторический очерк боевых действий ВВС Карельского фронта и 7-й Воздушной армии в годы Великой Отечественной войны». М.,1987. 240 с.
7. ЦВМА, Ф.12, Оп. 3, Д.9, Л. 26.
8. ЦВМА, Ф.767, оп.2, д.272, л. 9.
9. Бойко В.С. «Крылья Северного флота». Мурманск, 1976. 319 с.
10. Немецкая авиация на Севере: взгляд из России. Люфтваффе под полярной звездой. Режим доступа: http://sk16.ru/article/M.N.Suprun_R.I.Larincev_Luftwaffe_pod_poljarnoy_zvezdoj.pdf (дата обращения 25.02.2020)
11. ЦАМО РФ. Ф.363, Оп.6268, д.15. Лл.18,22.
12. ЦАМО РФ. Ф.363.Оп.6208. Д.32, Л.35.
13. Марданов А.А. «1941: воздушная война в Заполярье». М, .2015, 610 с.

Afanasenko V. I.

"COMBAT AND NON-COMBAT LOSSES OF SOVIET AND GERMAN AIRCRAFT IN THE SUMMER OF 1941 IN THE ARCTIC"

AFANASENKO Vladimir Ivanovich – Senior Researcher, Southern Scientific Center of RAS, 344006, Russia, Rostov-on-Don, Chekhov Avenue, 41.
e-mail: afanvi @ssc-ras.ru

Abstract. Natural conditions significantly influenced the course of hostilities during the Great Patriotic War. The article discusses the impact of natural phenomena on the combat and non-combat losses of Soviet and German aircraft in the Arctic during the period from June 22 to July 31, 1941. The main sources were documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Central Naval Archive, publications of Soviet and modern Russian researchers.

Keywords: losses, aviation, the Arctic, combat losses, natural phenomena.

УДК 94 (47+57) «1939/1945»

Афонина К.В.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ-ВETERАНОВ ИЗ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

АФОНИНА К.В. — кандидат экономических наук, независимый куратор и исследователь искусства Второй мировой войны, ментор Департамента политики и организации искусства, Бербек Колледж, Университет Лондона, президент Русскоязычного общества Кембриджа.
e-mail: kimbat_abd@mail.ru

Аннотация. Предлагаемая статья — попытка на конкретных примерах показать, как работы неофициальных художников-участников Второй мировой войны становятся особенным источником индивидуальной, автобиографической памяти,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

которая, с одной стороны, дополняет коллективную память о событиях того времени, а, с другой стороны, нередко идёт с ней вразрез. Зарисовки, сделанные очевидцами, представляют собой важные документы истории. И сегодня с их помощью представляется возможным не только восстанавливать события и судьбы, но и сохранять их в памяти последующих поколений. Эти произведения, созданные чувствительными художественными натурами исключительно по собственному желанию, вне рамок государственных заказов, зачастую передают тончайшие детали увиденного и пережитого, резко контрастируя с официальной, плакатной версией войны. Так, из работ художников-ветеранов Второй мировой войны из России и Великобритании мы можем узнать истории повседневности военного быта восточного и западного фронтов - на передовой и в немецком лагере для военнопленных. Эти работы лишены очевидного героизма и «победности», драматизма и трагизма, которые зачастую прослеживаются в историографии культурной памяти Второй мировой войны как в России, так и в Британии. Такая память, прежде всего, несет в себе наглядный пример важности общечеловеческих ценностей: гуманности, взаимопомощи, стойкости, самодисциплины, верности своей отчизне, долгу, своему призванию, которые необходимо хранить и передавать для воспитания последующих поколений вне отдельных национальных границ и контекстов.

Ключевые слова: великая отечественная/вторая мировая война, индивидуальная и коллективная память, визуальная память, культурная память, изобразительное искусство второй мировой войны, неофициальное искусство.

За годы прошедшие после окончания Второй мировой войны, у каждой из стран-участников сложилась своя национальная версия истории, в которой в основном отдается предпочтение изучению роли и вклада своего народа. Такой подход обусловлен необходимостью воспитания гражданственности и патриотизма в отдельно взятой стране. Например, жители Великобритании, специально не изучающие историю войны, часто плохо осведомлены о событиях, происходивших на восточном фронте, участии Советского Союза в ходе развития крупнейшего в истории военного конфликта и его колоссальных потерях. [1] Кроме того, в британской историографии большее внимание уделяется участию Британии в Первой мировой или «Великой войны», в которой размер потерь страны оказался значительно выше, чем в период Второй Мировой. [2]

Традиционно для британцев национальная память о Второй мировой войне – это, прежде всего, Блиц, Битва за Британию, Данкерк и День Д. Впрочем, нельзя не отметить, что в последнее время акценты несколько смещаются. Примером тому может служить архив устных воспоминаний BBC –People’s War, которые записывались, в том числе со слов старших членов семей [3, с.3], сохранивших в памяти личные драматические истории военного времени.

Для России Великая Отечественная война по-прежнему является «главным событием мировой истории», а для большинства граждан – это основной опорный символ национальной идентичности. [4]. Согласно данным социологов, лишь 14 % россиян отмечают День Победы как «день памяти, день траура, день скорби по погибшим и памяти о них». [5] Во Второй мировой войне Советский Союз потерял более 15% населения. При масштабе таких потерь практически не осталось семей, которых бы не коснулась эта трагедия. Однако в наши дни живых

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

свидетелей того времени уже почти не осталось. А а с ними уходит не только личная память, но и часто обрывается связь поколений.

В такой ситуации работы художников-участников войны становятся уникальными документами истории и памяти, которые передают не только важные детали событий, свидетелями и участниками которых явились авторы, но и их личные переживания, запечатленные зачастую в самые трудные моменты жизни. Творческие натуры как правило отличаются особой глубиной и тонкостью восприятия мира, что может обостряться в условиях сильного эмоционального напряжения и сложностях военного времени. [6, с.15.]

Достаточно хорошо известны имена «официальных» художников, которые с началом войны продолжали работать при горкомах партии и политуправлении фронтов для обеспечения наглядной агитации и политической пропаганды, призывающей население к защите родины и самоотверженному труду. В СССР такие художники входили в составы Союзов Художников, и самые опытные из них призывались к художественному труду.

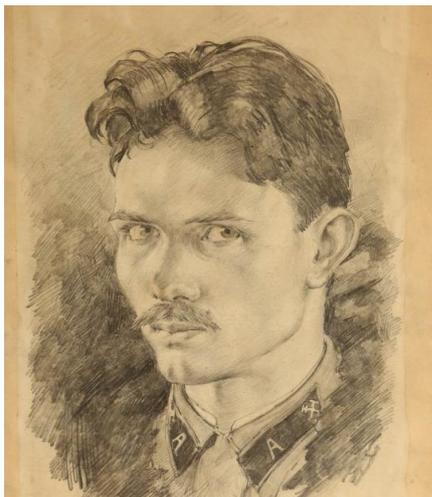
В Великобритании также работала делегированная группа художников, привлеченных для решения задач, поставленных пропагандой, информирования населения и документирования войны. Сегодня их работы находятся в коллекциях ведущих национальных музеев страны.

Значительно меньше известно о начинающих художниках, которые в те годы были студентами художественных школ и ВУЗов и с началом войны уходили на фронт в рядах добровольцев. Далеко не всем посчастливилось вернуться домой, и не многие из вернувшихся смогли продолжить заниматься рисованием из-за отсутствия физических и эмоциональных возможностей. Тем не менее, для некоторых именно война стала катализатором творческого потенциала, а искусство - источником дополнительной силы и стимулом для выживания, а также средством связи с родными и семьями своих фронтовых товарищей.

Какую индивидуальную память хранят работы непосредственных участников войны? Как индивидуальная память дополняет коллективную память того времени? Какую коммуникативную роль играют портреты, сделанные во время войны? Какие нравственные идеалы и ценности они передают для последующих поколений?

Павел Афонин и Эдвард Миллиган - участники военных событий на восточном и западном фронтах. Они не были знакомы лично, но в их жизни прослеживаются удивительные параллели, которые стало возможно проследить через рисунки двух художников, сохранившиеся дневники и семейные архивы.

Оба героя были приучены к труду с раннего детства и с молодых лет упрямо следовали по пути творчества, с которого их не смогла свернуть даже война. Павел Иванович Афонин родился в послереволюционной России в разгар гражданской войны в 1920 году в небольшой деревне Новый Мочим, Пензенской области. В семье он был младшим, 13-ым ребенком. Отец семейства Иван Игнатьевич владел большим крестьянским подворьем. Будучи настоящим хозяином своей земли, человеком состоятельным и работающим, он приучал к труду и детей. Поэтому неудивительно, что уже в пять лет Павел вместе с родителями, старшими братьями и сестрами выходил в поле и даже умел управляться с лошадью.

Павел Афонин, автопортрет 1942 в Военной академии им Фрунзе

Желание взять в руки карандаш и краски впервые появилось у Павла в раннем детстве. Свои первые шаги в живописи Павел Иванович сделал в студии изобразительного искусства в городе Донской, Тульской области. Там его работы оценил художник-баталист Н. Самокиш, порекомендовав одарённому юноше попробовать свои силы в Академии художеств в Москве. Но вот только прием документов к моменту, когда Павел добрался до столицы, там был уже закончен. И тогда он отправился в Московский архитектурный институт (МАРХИ). Для поступления «золотому медалисту» требовалось сдать лишь один экзамен по рисунку, за который он единственный из всех абитуриентов получил оценку «отлично». [7]

Приученный к труду и ответственности с ранних лет, Павел знал, что в жизни может полагаться только на себя. Тяжелые испытания детства закалили характер молодого художника, который считал своим долгом полностью посвятить себя делу и приложить все силы, чтобы добиться лучшего результата. Такой подход не раз спасал ему жизнь и во время войны.

В июне 1941 года Павел закончил третий курс МАРХИ. С началом войны, как один из лучших студентов он был отправлен в Военно-инженерную академию имени В. Куйбышева, где готовили офицеров инженерных войск.

Окончив ускоренный курс обучения, в звании сержанта, в 1943 году Павел Афонин был отправлен на Калининский фронт. Через месяц – он командир роты в составе 17 отдельной штурмовой инженерно-саперной бригады 5-ой ударной армии, с которой и дойдёт до Берлина. Павел Афонин участвовал в боях за освобождение Ленинграда и Выборга, Польши и Эстонии, в Берлинской операции.

О жизни в г. Фрунзе (ныне г.Бишкек, Кыргызстан), куда была эвакуирована военно-инженерная академия с конца 1941 по 1943гг., где Павел проходил военное обучение до отправки на фронт, мы узнаем из его зарисовок. Портреты сокурсников, детей комсостава, фронтовых товарищей, многие из которых уже не увидели мирного времени. Молодой художник рисовал портреты товарищей, которые те, вместо фотографий отправляли почтой домой. А себе, если позволяли обстоятельства, старался оставить на память эскиз.

Впоследствии, в мирное время некоторые из этих портретов помогли найти друзей и восстановить связи, разорванные войной. Так, «портрет Аннушки», на котором запечатлена 20-летняя медсестра военного штаба, сделанный Павлом в ноябре 1944, был представлен на выставке работ ветеранов в Союзе Архитекторов в 2010 году. Там его увидела и узнала 85-летняя Анна Ивановна Шатик, находящаяся в Санкт-Петербурге проездом из Севастополя. Она нашла автора и рассказала о своей семье, которая в качестве бесценной реликвии хранит этот военный портрет. [8]

Серия портретов, которую Павел создал во время лечения в госпитале после тяжелого ранения, полученного при Выборгской наступательной операции,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

оставила в истории образы бойцов, а вместе с ними и их личные, часто очень трагические истории. Вот портрет раненого 23-летнего моряка Балтийского флота. В дневниковых записях Павла мы читаем, что накануне войны у молодого человека родился сын. А после узнаем, что после выписки из госпиталя моряк погиб в первом же бою. Их судно подорвалось на mine. Получается, что портрет этого героя, имя которого, увы, до сих пор не удалось установить, стал последним свидетельством его короткого жизненного пути.

Весной 1945 года, начальник технической разведки Афонин получил задание разработать план переправы через реку Одер, в районе города Кинитц. После он вспоминал: «На операцию было брошено несколько батальонов для строительства переправы... Рубили сосны высотой 12-14 метров... Строили плотины, так как лед под танками не выдерживал... Вражеские лазутчики-

Эдвард Миллиган, 1944

самолеты постоянно обстреливали территорию... Там погибло очень много моих боевых товарищей...». [9] В коллекции Павла сохранились портреты встречающих их солдат.

Еще одну героическую историю повествует портрет военного хирурга Вахтанга Канделаки. Врач сопровождал бригаду, спасая жизни солдат, в том числе и Павла. Вахтанг Канделаки дважды возвращал его в строй после серьезных ранений. Боевые товарищи считали доктора своим ангелом-хранителем. Вместе с ними Вахтанг прошел всю войну, вернулся в родную Грузию, где вскоре умер от осложнений после ранения, полученного при битве за Берлин. Там, в мае 1945 Павел написал его портрет, найдя время и на быструю копию для собственной коллекции.

Благодаря этому портрету, семья Канделаки связалась с семьей Афонина, чтобы сообщить о его трагическом уходе. [10]

Таким образом, рисунки помогают восстановить истории и судьбы участников войны. Через них мы продолжаем узнавать детали исторических событий и подробности биографий его героев.

История Теда Миллигана из Великобритании – ровесника Павла Афонина, рассказывает о повседневной жизни британских военнопленных в немецких лагерях. О том, как еще будучи в заключении, трудолюбие и активная жизненная позиция помогли британскому пилоту сделать первые шаги в творческой карьере, а человеколюбие и сострадание, спасли жизни многих советских заключенных.

Эдвард Артур (Тед) Миллиган родился в Бирмингеме 17 июля 1921 года в семье плотника. Первые годы войны он помогал отцу, занимаясь отделкой истребителей «Спитфайер», а также выполняя работы на корабле «Королева Виктория». Несмотря на отсутствие формального художественного образования, Тед всегда проявлял склонность к рисованию. Помимо этого, он мечтал летать, и, будучи в резерве Королевских ВВС, с началом войны получил призыв в действующую армию. [11]

После окончания двухлетнего обучения в Канаде и Великобритании, в ночь с 24 на 25-ое июня 1944 года, Тед вылетел на своё первое оперативное

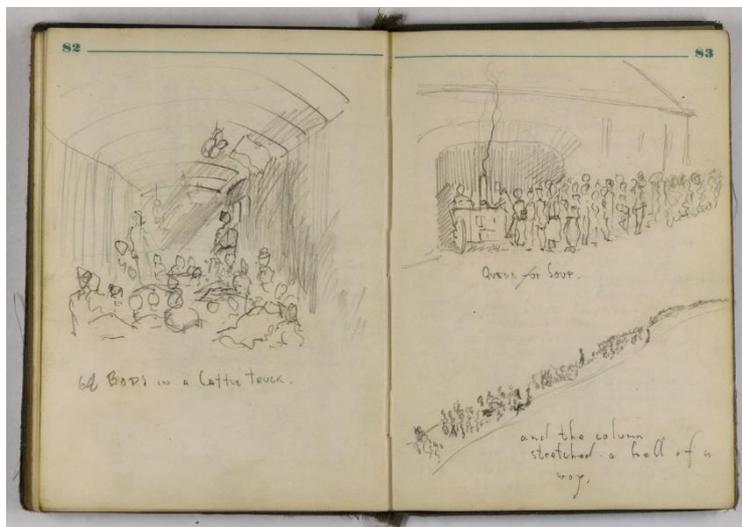
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

задание в качестве штурмана экипажа 49-й эскадрильи. Их самолет, четырёхмоторный тяжёлый бомбардировщик «Ланкастер» Mk-II, стартовал с аэродрома Фискертон для атаки стартовой площадки V1 на побережье Франции. [12]

Самолёт был перехвачен немецким более скоростным двухмоторным бомбардировщиком, «Юнкерс» 88 при заходе на бомбометание. Из семи членов британского экипажа лишь Теду чудом удалось спастись. Его подобрала пара немецких офицера пехоты. С этого момента начался долгий и трудный путь на восток через рейх, в лагерь Шталаг Люфт 7, Банкау, в Силезии (современный Wańków на территории Польши), куда он прибыл 13 июля 1944 года под номером 312. [13,14 с. 323.,]

Тед Миллиган оказался одним из более чем 10 000 военнослужащих ВВС Великобритании, ставших военнопленными в ходе Второй мировой войны. Рейхсмаршал Генрих Гёринг убедил Гитлера в том, что все союзные летные экипажи должны находиться под контролем Люфтваффе, и создал специальные лагеря под названием Штамлагер дер Люфтваффе (лагерь ВВС), или сокращенно Шталаг Люфт. [15, р.15] Из дневников Теда мы узнаем, что условия содержания пленных солдат в целом были хорошими, и хотя немецкие пайки были скудными, они пополнялись из продовольственных посылок Красного Креста. В это трудно поверить, но в лагере организовывались «блестящие концерты», «проводились на высоком уровне спортивные соревнования», люди учились, получали квалификации и сдавали экзамены. [16,17 с.15.]. Это резко контрастировало с нечеловеческими условиями содержания советских заключенных: из 5,7 миллионов пленных солдат выжили немногим больше 2 миллионов человек. [18 с.64.].

Во время лагерного заключения, Тед старался максимально эффективно использовать время и силы. Он занялся производством «Powwow» – лагерной стенгазеты, задумал идею организации арт-группы и приступил к созданию зарисовок. В своих дневниках Тед упоминает прибытие в лагерь в августе 1944 года «примечательного», как он пишет, художника Адриана Хита «прямо из художественной школы Слэйд». Тед говорит о «замечательных» портретах и зарисовках с натуры Хита, которые вдохновляли его на занятие живописью, и выражает ему признание за советы и предоставление книг и материалов по искусству. Рождество 1944 года Тед описывает как «наиболее важный этап [его] пребывания в Германии». [19] Он организует выставку искусства и ремесел военнопленных, которая включает около ста работ, приколотых к одеялам на площади двух барачков.

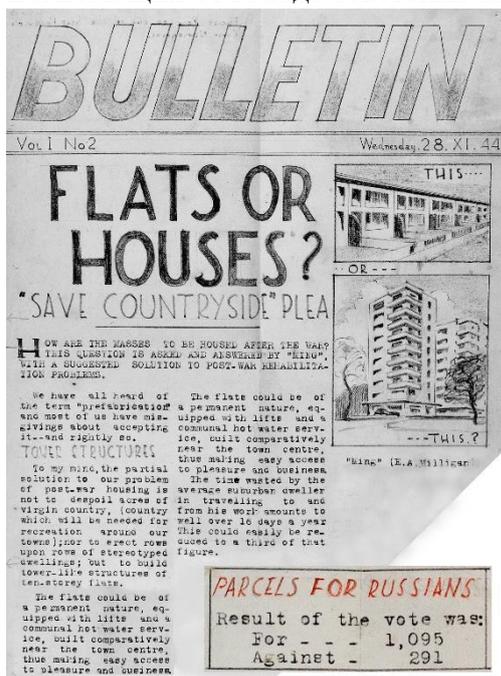
Эдвард Миллиган, 1944. Страницы военного дневника.

19 января 1945 года, в связи с приближением советских войск, Теда в числе других военнопленных вывели из лагеря. В 05.15 21-го января, после «смертельного ночного марша» протяженностью более чем в 40 километров они перешли через реку

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Одер по мосту, который вскоре был подорван, чтобы помешать продвижению советских войск. В конечном итоге за 18 дней они пешком покрывают расстояние почти в 240 километров, часто в условиях снежной бури и на голодном пайке. В местечке Голдберг (Zlotoryja) пленные были загнаны в вагоны для перевозки скота для скорейшей доставки в Шталаг 3А в Luckenwalde к югу от Берлина. По оценкам британских исследователей, более 4,000 заключенных погибло в этом лагере, большую часть которых составили «русские», которые были захоронены в братских могилах. [20, с. 255.] Несмотря на тяжелые условия и слабое здоровье, Тед продолжал вести дневник и делать зарисовки увиденного.

Из его зарисовок мы узнаем о деталях лагерной жизни, а также о роли помощи Красного креста, которой были лишены советские заключенные. Узнав об этом, Тед организует собрание и предлагает поделиться посылками с советскими «братьями». Свой призыв он опубликовал и в местной газете. Благодаря этому, а также содействию охранника, британцы тогда поддержали погибающих от голода советских заключенных. [21]

Тед Миллиган, Долгий марш. Рисунок по памяти. 2010

Тед вспоминает, как из Шталага 3А они наблюдали ежедневные бомбардировки Берлина до освобождения их лагеря

передовыми частями Красной Армии 22 апреля 1945 года.

Лагерная газета. 28.11.1944

Тогда же Теду удается посетить «русскую» часть лагеря, которая произвела глубокое впечатление:

«Более всего меня поразил вид алтаря, созданного и украшенного руками русских заключенных, художников и ремесленников, - он был прекрасен. Я был впечатлен больше, чем когда побывал в Сикстинской Капелле в Риме». [22]

В дополнение к своим рисункам, в период лагерного заключения Теду удалось завершить первую часть диплома бакалавра в области архитектуры, прочитать большое количество литературы и прослушать серию классических музыкальных произведений. Этот опыт лег в основу его успешной послевоенной карьеры архитектора, иллюстратора и художника...Свой последний архитектурный проект он успешно закончил в возрасте 85 лет.

Павлу Афонину также посчастливилось увидеть конец войны. В 1948 году он с отличием закончит Архитектурный институт, будет работать над

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

восстановлением разрушенного Калининграда, а позже возглавит кафедру архитектуры Ленинградского высшего военного инженерно-строительного училища имени генерала армии Комаровского. Там он, будучи членом Ученого совета, читая лекции по истории, архитектуры и ведя дипломное проектирование, проработал до конца 2008 года,. И, конечно же, всё это время продолжал рисовать...

Работы двух художников-ветеранов знакомят нас с историческими событиями, пережитыми и запечатленными на бумаге их непосредственными участниками; они также являются хранителями и проводниками индивидуальной памяти военного времени. Через них мы узнаем о судьбах героев и их современников, что представляет собой уникальный биографический и исторический материал. Эти истории лишены победности и национального героизма, превалирующих в коллективной памяти в России, в них также отсутствует драматизм и трагизм, который в последние годы прослеживается в историографии культурной памяти Второй мировой войны как в России, так и в Британии. Они дополняют культурную память России и Британии историями повседневного военного быта.

Они рисовали и на память, и для отправки домой в качестве весточки с фронта. Для родных и близких такие письма-иллюстрации часто становились не только долгожданным сообщением, но и наглядным свидетельством жизни. Кроме этого, уже в наши дни, портреты, жанровые сцены и пейзажи не только помогают восстановить детали военного быта, но и играют важную коммуникативную роль для поддержания связи поколений и восстановления биографических данных.

Являясь произведениями искусства, созданными художниками в критические моменты человеческих испытаний, а также документами истории и памяти, эти работы несут в себе и важный духовный и нравственный посыл для последующих поколений – о стойкости, человечности, верности своему призванию и гражданскому долгу; качествах, присущих «фронтовому поколению».[23, с63]

Пути художников-ветеранов практически пересеклись на подступах к Берлину. Рота Павла возводила переправы там, где отступающим с немецкой армией военнопленным приходилось взрывать мосты.

Они стойко переносили все тяготы и испытания войны, сохранив верность творческому призванию. Ведь ещё задолго до войны оба увлекались рисованием и мечтали стать архитекторами. Павел не прекращал рисовать в редкие минуты затишья между боями: в землянке, в госпитале, на привале. Эдвард в плену брал уроки рисования у Адриана Хита, ставшего всемирно известным после войны британским художником-абстракционистом, который находился в том же лагере; делал портреты военнопленных и зарисовки этапов марша, а также помогал советским заключенным.

За время войны художники создали целый архив личных воспоминаний, рассказав свою историю борьбы и выживания; стойкости, гуманизма, преданности отчизне и своему призванию, который представляет собой важную социальную и культурную ценность, выходящую за рамки национальных границ

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Список литературы

1. Пеннел, К. На передовой обучения истории Первой мировой войны [On the frontlines of teaching the history of the First World War]. *Teaching History*, (155), 34-40. Режим доступа: www.jstor.org/stable/43260886 (дата обращения 10.02.2020)
2. Вилсон Р. Язык, память и Первая мировая война в Британии [Language, Memory and the First World War in Britain]. *World War 1 Available*. Режим доступа: <http://ww1centenary.oucs.ox.ac.uk/memoryofwar/language-memory-and-the-first-world-war-in-britain/> (дата обращения 08.02.2020)
3. Ноакс Л., Паттисон Дж. Культурная память Второй мировой войны в Британии. [The Cultural memory of the Second World War in Britain]. Лондон, 2014. 218с.
4. Гудков Л. Эпоха развитого милитаризма//Новая газета:ежед.интер-изд. 2019. 8 мая. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/09/80447-epocha-razvitogo-militarizma> (дата обращения: 10.02.2020)
5. Гудков Л. Современная память россиян о войне//Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. 2018.11мая. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/05/11/sovremennaya-pamyat-rossiyan-o-vojne/> (дата обращения:15.01.2020)
6. Малинина Т.Г. Память и Время. Из художественного архива Великой Отечественной войны 1941-1945гг. М., 2011.454 с.
7. Запись телефонного интервью Афониним П.И. с Афониной К.В 2011.
8. Семейный архив Шатик А.И. 2020.
9. Личный дневник Афонина П.И. 1945.
10. Воспоминания Афониной Е.П. 2015.
11. Личный дневник Эдварда Артура Миллигана. 2010.
12. POWWOW -Тед Миллиган и Джон Ингленд. [POWWOW - Ted Milligan and Jon England] Лаконик фильм. 2010. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=5rjP_iEfqRk (дата обращения:15.01.2020)
13. Личный дневник Эдварда Артура Миллигана. 1944.
14. Клаттон-Брок О., Бромтон Р. Длинная дорога: Р. Долгая дорога: испытания и несчастья летчиков-заключенных из шталаг-люфта VII (Банкау) в Берлин, июнь 1944 г. - май 1945 г. [The Long Road: Trials and Tribulations of Airmen Prisoners from Stalag Luft VII (Bankau) to Berlin, June 1944 - May 1945]. Лондон, 2014. 400с.
15. Клаттон-Брок О., Бромтон Р. Длинная дорога: Р. Долгая дорога: испытания и несчастья летчиков-заключенных из шталаг-люфта VII (Банкау) в Берлин, июнь 1944 г. - май 1945 г. [The Long Road: Trials and Tribulations of Airmen Prisoners from Stalag Luft VII (Bankau) to Berlin, June 1944 - May 1945]. Лондон, 2014. 400с.
16. Личный дневник Эдварда Артура Миллигана. 1944.
17. Реннел Т. Никол Дж. Последний побег: нерассказанная история союзных военнопленных в Европе, 1944-45. [The Last Escape: The Untold Story of Allied Prisoners of War in Europe, 1944-45]. Лондон, 2003. 729с.
18. Немецко-русский музей Берлин Карлхорст. Каталог постоянной экспозиции. [German Russian Museum Berlin Karlshorst. Catalogue of the permanent exhibition] Берлин, 2014. 207с.
19. Военный дневник Эдварда Артура Миллигана. 1944.
20. Клаттон-Брок О., Бромтон Р. Длинная дорога: Р. Долгая дорога: испытания и несчастья летчиков-заключенных из шталаг-люфта VII (Банкау) в Берлин, июнь

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1944 г. - май 1945 г. [The Long Road: Trials and Tribulations of Airmen Prisoners from Stalag Luft VII (Bankau) to Berlin, June 1944 - May 1945]. Лондон. 2014. 400с.

21. Военный дневник Эдварда Артура Миллигана. 1944.
22. Военный дневник Эдварда Артура Миллигана. 1944.
23. Синявская Е.С. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. 87с.

Afonina K.V.

HISTORY AND MEMORY OF THE SECOND WORLD WAR IN THE WORKS OF UNOFFICIAL VETERAN ARTISTS FROM RUSSIA AND GREAT BRITAIN

AFONINA Kseniz V. – PhD, independent curator and researcher of world war II art, mentor Of the Department of art policy and organization, Burbeck College, University of London, President of the Russian-Speaking society of Cambridge.
e-mail: kimbat_abd@mail.ru

Abstract. This article is an attempt to demonstrate with concrete examples how the works of unofficial artists participating in the Second World War are an important source of individual, autobiographical memory, which complements, and often contradicts the collective memory of that time. Artworks by eyewitnesses are important documents of history, for they help restore historical events and biographies of their participants. They also act as vehicles of memory for future generations. Created by perceptive artistic natures, of their own free will outside state commission, they often convey fine details of what the participants saw and experienced, which often contrast with the official, poster version of the war. The information captured in the works of artist-veterans of the Second World War from Russia and Britain, conveys the reality of wartime on the Eastern and Western fronts frontline servicemen and in the German POW camps. These images are deprived of the obvious heroism and victorious sentiment, as well as drama and tragedy that is evident in the historiography of cultural memory of the Second World War in Russia and Britain. This memory presents a vivid example of the importance of common human values, mutual assistance, steadfastness, self-discipline, loyalty and faithfulness to one's calling, which must be preserved and communicated for the education of future generations; beyond individual national boundaries and contexts.

Keywords: Second War, Great Patriotic War, individual memory, cultural memory, collective memory, visual art, visual memory, unofficial art.

СВОДКИ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО В АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

БАЛАНДИНА Олеся Александровна — ведущий архивист отдела научно-публикаторской и выставочной работы, Центральный государственный архив, историко-политический документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), 191015, Россия, Санкт-Петербург, Таврическая ул., 39.
e-mail: olesya.balandina@inbox.ru

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны между Советским Союзом и гитлеровской Германией неизмеримо возросло значение массовой информации. Главным официальным источником сведений о войне для населения СССР в этот период являлись ежедневные сообщения (сводки) Советского информбюро. В данной статье автор обращается к изучению агитационно-пропагандистской работы со сводками Совинформбюро. Рассказано о том, как использовались сводки в деятельности политработников, агитаторов и пропагандистов на передовой, в советском тылу и на оккупированной территории. Основное внимание сосредоточено на проблемах, с которыми сталкивались в повседневной работе сотрудники советского агитационно-пропагандистского аппарата по распространению и разъяснению «сибовских» сообщений. Подчеркивается тот факт, что сводки Совинформбюро были недостаточно информативны, и агитаторам и пропагандистам приходилось нести за них ответственность. Для раскрытия темы привлекались документы ЦГАИПД СПб и ЦГА Москвы.

Ключевые слова: Советское информбюро, сводки, Великая Отечественная война, агитация, пропаганда, фронт, партизаны, советский тыл.

Советское информационное бюро (Совинформбюро, СИБ) было образовано 24 июня 1941 г. В государственной структуре оно находилось в ведомственном подчинении Совета народных комиссаров СССР, между тем вся деятельность вновь созданного информационно-пропагандистского учреждения осуществлялась под непосредственным контролем ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны Совинформбюро получило приоритетное право среди других СМИ информировать граждан о ходе боевых действий на фронтах, о жизни советского тыла и международных событиях. Ежедневно от имени Информбюро передавались по радио и публиковались в периодической печати новостные сообщения, имевшие статус главного источника сведений о войне. В сводках СИБ руководство СССР доводило до широкой публики официальную оценку текущей обстановки. Неслучайно зачитывавший сообщения Совинформбюро известный диктор Всесоюзного радио Ю.Б. Левитан

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00244 А «Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

воспринимался современниками как «голос Советского правительства», а сами сводки назвались «правительственными документами» [1, с. 205; 2, с. 1].

Ряд отечественных и зарубежных историков подвергают сомнению достоверность сводок Советского информбюро, особенно на начальном этапе войны [3, с. 67-79; 4, с. 58-64; 5, с. 2, 49-50; 6, с. 131]. Этой проблеме также посвящено наше собственное исследование, в котором реконструирована процедура составления сообщений СИБ и приведены примеры их многочисленных фальсификаций [7, с. 234-277]. Примечательно, что «сибовская» информация, выработанная главными составителями сводок И.В. Сталиным и А.С. Щербаковым (начальником Совинформбюро), в период поражений Красной армии вызывала неприятие со стороны части советского населения. Рядовые граждане возмущались замалчиванием сведений о катастрофическом положении на фронтах. «Немые сводки», «сводки-формулы» – типичные высказывания современников по отношению к известиям СИБ в 1941-1942 гг. [8, с. 21; 9, с. 10]. Стоит отметить, что создателям сводок из разных источников была известна отрицательная реакция советской общественности на сообщения Совинформбюро [10, с. 587-589; 11, с. 84-85]. Тем не менее взятый за основу в начале войны курс на прославление побед Красной армии и утаивание сведений о поражениях в сводках Советского информбюро в целом сохранялся до ее завершения. Полагаем, что отчасти компенсировать малую информативность «сибовских» сведений удалось с помощью советского агитационно-пропагандистского аппарата, сотрудники которого были призваны ежедневно разъяснять гражданам сообщения Информбюро. В данной статье автор расскажет о том, как использовались сводки в деятельности политработников, агитаторов и пропагандистов на передовой, в тылу и на оккупированной территории.

Неотъемлемой составляющей агитационно-пропагандистской работы в армии и на флоте являлось проведение политинформаций по материалам сводок Советского информбюро. Главное политическое управление РККА (ГлавПУРККА) и Главное политическое управление РКВМФ в военные годы в директивной форме требовали от политических работников держать в курсе фронтовых событий всех военнослужащих, используя сводки СИБ [12, с. 618]. Особенно широко пропагандировались итоговые информации Совинформбюро, публиковавшиеся к годовщинам войны. Так, например, о сообщении Информбюро «Политические и военные итоги года отечественной войны» от 22 июня 1942 г., по указанию начальника Главного политуправления РККА (он же руководил и СИБ) А.С. Щербакова политработники были обязаны поставить в известность весь личный состав Красной армии. Щербаков приказывал: «...чтобы не было ни одного военнослужащего, не знавшего основных положений сообщения, чтобы не было ни одного политработника, не принявшего в той или иной форме участия в разъяснении сведений красноармейцам» [12, с. 144-145].

На практике агитационно-пропагандистская работа со сводками в войсках проходила непросто. «Сибовская» информация оказывалась далеко не всегда удобным материалом для мобилизации красноармейцев на борьбу с врагом. По воспоминаниям начальника политотдела 63 стрелковой дивизии К.И. Дьяченко, в первые месяцы войны среди отдельных командиров и бойцов после прослушивания сводок о потерянных советских городах распространялись упаднические настроения. При этом бодряческий тон сводок зачастую диссонировал упоминавшимся в них фактам. Дьяченко сообщал, что тяжело было

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

твердить красноармейцам о близкой победе, «когда мы все время отступали» [13, л. 4 об - 5].

Недостаточное освещение в сообщениях СИБ реального положения на фронтах вызывало недоумение у военных. Красноармеец роты аэродромного обслуживания С.М. Пуляков записывал в дневнике в октябре 1941 г.: «Что идут бои на всем фронте я и так знаю в любую минуту <...> Не понимаю, для чего скрывать истинное положение вещей. Особенно от нас, от бойцов» [14, с. 361]. Из-за недомолвок в официальной информации агитатор 190 стрелкового полка 63 стрелковой дивизии Ю.М. Щеглов старался, чтобы его подразделение узнавало сводки Совинформбюро только от него лично, а не в чьем-либо вольном изложении. Тем самым агитатор противодействовал распространению всякого рода «кривотолков» и слухов на передовой [15, л. 2 - 2 об].

Между тем известен случай, когда политработник вообще отказался использовать материалы сводок по причине фальсификации ими сведений о причинах поражений Красной армии. Политрук Василеостровской дивизии народного ополчения (вошла в состав 4 дивизии Ленинградской ополченской армии) Судекин (инициалы неизвестны) в июле 1941 г., критиковал содержание сводки Советского информбюро, сообщив от себя: «...мы оказались неподготовленными к войне с Германией». Разумеется, за такое высказывание он был смещен с должности политрука [16, л. 30]. Подобного рода случаи относятся к разряду редких, но выразительных исключений.

Отметим, что сводки Совинформбюро представляли собой универсальное средство как для организации контрпропаганды в Красной армии, так и для ведения политической работы в войсках противника. Согласно директиве ГлавПУРККА (Щербакова) от 12 августа 1942 г., в целях разоблачения немецкой пропаганды политруки и комиссары должны были обращаться в первую очередь к сообщениям Советского информбюро и регулярно информировать красноармейцев о том, «что враг несет огромные потери и напрягает сейчас последние силы, что он не так уже силен, как это кажется паникерам, что мы имеем все необходимое для того, что его остановить, отбросить, а затем разгромить гитлеровскую армию» [12, с. 159-160].

Также сообщения Информбюро применялись советскими политработниками для пропагандистского воздействия на немецкие войска. Крупный историк П.А. Зайончковский, участник Сталинградской битвы и главный инструктор 7 отделения политотдела 66 армии, в опубликованной стенограмме своих воспоминаний рассказывал о том, что он и его сослуживцы, начиная с декабря 1942 г., через окопные радиоустановки и радиорупоры ежедневно зачитывали окруженным в Сталинграде немцам сводки Советского информбюро. При этом обычно в армии противника прислушивались к сообщениям СИБ и открывали огонь уже после завершения передачи. Подобный метод работы советских пропагандистов, как подчеркивал Зайончковский, способствовал увеличению количества добровольно сдавшихся в плен [17, с. 544]. К слову, 24 августа 1943 г. ГлавПУРККА издал директиву, предписывавшую политуправлениям фронтов по несколько раз каждый день передавать через звуковещательные станции войскам противника сводки Совинформбюро об успехах Красной армии [12, с. 232].

Отдельного внимания заслуживает работа с сообщениями Информбюро в партизанских подразделениях. На оккупированных противником территориях

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

сводки помогали поддерживать связь партизан с внешним миром. Сообщения Совинформбюро в партизанских отрядах принимали по радио из центра. Отметим, что для партизан, как и для красноармейцев на передовой, были организованы передачи, в которых сводки зачитывались диктором медленно, чтобы их можно было успеть записать [18, л. 25-26]. Комиссар 1 Ленинградской партизанской бригады П.Ф. Захаров рассказывал, как он и помощник начальника штаба Поповцев (инициалы неизвестны) внимательно прослушивали и записывали сообщения СИБ; затем эта информация распространялась по всем отрядам партизанской бригады [19, л. 10-10 об]. По материалам сводок политработниками проводились беседы с партизанами на темы: «Успехи Красной армии на фронтах», «Зверства немецких извергов над мирным населением», «Какими должны быть партизаны» и т.д. [20, л. 5-5 об].

Партизаны доводили сообщения Совинформбюро до сведения советского населения, проживавшего на оккупированных территориях. Как правило, сводки среди мирных жителей распространяли сформированные агитбригады из партизан-членов ВКП(б) или ВЛКСМ. Помощник начальника политотдела по комсомолу 4 Ленинградской партизанской бригады Н.П. Андреев сообщал, что все комсомольцы, отправляясь на боевое задание, получали установку – знакомить население с последними сообщениями Совинформбюро [21, л. 5 об]. Также действовали и в других партизанских соединениях, используя любой удобный случай для информирования граждан [22, л. 3; 23, л. 3 об.]. Партизаны, например, переписывали сводки Советского информбюро от руки и размножали их в виде листовок в тылу врага [24, л. 3]. В ЦГАИПД СПб хранится коллекция рукописных листовок партизанских подразделений с сообщениями СИБ, извещавшими советских граждан о победах Красной армии [25, л. 1-2; 26, л. 1]. Кроме того, «сибовская» информация нашла отражение на страницах периодической печати. Сводки Информбюро размещались на страницах таких партизанских газет, как «Гдовский колхозник», «Народный мститель», «Коммуна» и других [27, л. 2; 28, л. 13 об]. Газету «Коммуна» распространяли в партизанском крае и через агентуру на оккупированной немецкой территории. Редактор газеты, впоследствии комиссар 13 Ленинградской партизанской бригады К.П. Обжигалин, вспоминал, что благодаря своей содержательности их издание пользовалось популярностью. В день выпуска представители от колхозов (Дедовичского района Псковской области) собирались в редакции и, поскольку тираж был небольшой, то «буквально из-за газет народ дрался» [28, л. 13 об].

Как видим, сводки Совинформбюро нашли применение в агитационно-пропагандистской работе среди красноармейцев, партизан, населения оккупированных территорий и в армии противника. С их помощью удавалось унифицировать информацию. Теперь на примере Ленинграда и Москвы рассмотрим к тому, как использовались сведения СИБ в советском тылу.

Сводки Совинформбюро широко сообщались агитаторами и пропагандистами. Читки «сибовских» новостей в обязательном порядке, в соответствии с директивой ГлавПУРККА от 11 августа 1941 г., устраивались для раненых бойцов и командиров в госпиталях [12, с. 58; 29, л. 34]. В местах массового скопления людей – на предприятиях, в учреждениях и домохозяйствах – ежедневно заслушивались сводки Информбюро и проводились по ним митинги и беседы [30, л. 67]. В блокадном Ленинграде, как вспоминала заведующая отелом пропаганды и агитации Ленинского райкома партии Е.Н. Бумейстер,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

зимой 1941–1942 гг. читки сообщений СИБ проходили в очередях у уличных водоразборов. Напротив последних вывешивали таблички с наклеенными текстами сводок. Рядом находился агитатор, который рассказывал ленинградцам, приходившим за водой, о происходивших на фронте и в тылу событиях [31, л. 11 об-12].

Поскольку радиоточки были выключены, то представители агитколлективов различных организаций ходили записывать сводки в Ленинградский порт на оснащенные мощными радиоустановками корабли с тем, чтобы потом распространять военные новости [32, л. 15]. В отчете отдела пропаганды и агитации Василеостровского райкома партии за 1942 г. отмечалось, что в этот период агитационно-пропагандистская работа приобрела особенно важное значение. Так как газеты запаздывали с выходом, агитаторы и пропагандисты узнавали сводки Совинформбюро в партийных комитетах и затем сообщали их населению по собственным записям [33, л. 3].

Партийное руководство приучало агитаторов относиться к текстам Информбюро с большим пиететом. Известны случаи, когда из-за неточностей, допущенных при передаче сводок населению (перепутаны названия освобожденных городов), несколько сотрудников агитационно-пропагандистского аппарата Выборгского райкома Ленинграда были освобождены от работы [34, л. 39]. Тем не менее пропагандисты нередко усматривали в сводках информационный повод для собственных обобщений и толкований. После известия СИБ об успехах Красной армии в декабре 1941 г. ленинградские агитаторы на заводе им. Орджоникидзе и в больнице им. Ленина говорили о прорыве блокады, как уже о завершённом деле [35, л. 40]. Еще один пропагандист Доброжинский (инициалы неизвестны) тогда же объявил горожанам о том, что «не сегодня – завтра блокада будет снята». За подобные высказывания лекторам «попадало» от Ленинградского горкома ВКП(б) [31, л. 7]. В то же время пропагандистам никак не удавалось унять стремление выступить глашатаями радостных известий. Лектор ленинградского завода им. К. Маркса Абрамов (инициалы неизвестны) рассказывал, как в августе 1942 г. он ночью сообщил рабочим о победах на Калининском и Западном фронтах и его приветствовали так, будто он сам являлся «генералом Жуковым» [36, л. 192].

Вместе с тем по поводу отдельных выступлений агитаторов, докладывавших сводки, могли высказываться критические отзывы. Волею-неволей им приходилось нести ответственность за сообщаемые сведения. В июне 1943 г. работница московского завода № 70 упрекала агитатора во время читки им сообщения Совинформбюро о военно-политических итогах трех лет войны: «Что вы нас агитируете, нам от этого легче не становится» [37, л. 130]. Сотрудница ленинградского предприятия после прослушивания сводки в июле 1943 г. об успехах Красной армии на Орловско-Курском и Белгородском направлениях заявила: «Нечего приукрашивать. Вот, например, Ленинград никак не можем освободить от блокады» [38, л. 160].

Агитаторам приходилось убеждать граждан в правдивости сводок Совинформбюро. В августе 1943 г. работницы московского завода им. Клары Цеткин высказывали недоверие известиям СИБ, в которых сообщалось о продвижении советских войск на 5-10 км по линии фронта и освобождении около 60-70 населенных пунктов. Работницы говорили: «Врут все. Где же можно им можно было взять на таком небольшом расстоянии столько много населенных

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

пунктов». Агитатор Калашникова принесла на завод карту и разъяснила, что линия фронта проходит в ширину, а не вглубь. После этого народ успокоился [39, л. 90].

Агитаторам и пропагандистам задавались разнообразные вопросы по содержанию сводок. В июле 1943 г. на одной московских фабрик, например, спрашивали, почему Красная армия выжидала летнего немецкого наступления, а не атаковала? Агитатор Алексеева ответила: «Установлено, что потери в живой силе больше у наступающей стороны и поэтому нам не было необходимости наступать первыми». На другой фабрике во время беседы на тот же вопрос партийный работник отпарировал: «Нам не нужно, мы и не наступаем» [40, л. 124]. Часто задавались вопросы по поводу советских боевых потерь, открытия второго фронта. Спрашивали, когда завершится война. Пропагандисты в своих ответах ограничивались общими фразами [37, л. 129; 40, л. 124 об; 41, л.14]. В феврале 1945 г. член ВКП(б) Ипатова (инициалы неизвестны), сотрудник ленинградской фабрики им. Урицкого, в связи «сибовскими» сводками о боевых действиях в Германии сообщила в горком о трудностях в работе: «Все очень рады тому, что Красная армия воюет на территории Германии. Но у беспартийных рабочих возникает много различных вопросов, на которые просто не знаешь, как отвечать» [42, л. 50].

На всем протяжении войны агитаторы и пропагандисты обязывались извлекать максимальную пользу из «победных» сводок Совинформбюро. Отмечается примечательная закономерность: каждое объявленное Информбюро сообщение об успехах Красной армии на фронтах сопровождалось повышением производительности труда в тылу. После чтотк таких сообщений рабочие на митингах давали социалистические обязательства, обещали досрочно выполнять оборонные задания. Слово свое они держали, поскольку понимали: требуется всеобщее трудовое напряжение в целях победы. В ответ на занятие городов тыловики выходили работать на предприятия в выходной день, оставались в ночные смены, перевыполняли трудовые нормы. С особым подъемом в период побед проходил сбор средств в фонд обороны страны [29, л. 96; 38, л. 113, 145; 41, л. 15; 43, л. 13; 44, л. 28 об]. Патриотические починь были массовым, обычным явлением.

Сообщения Советского информбюро в ходе Великой Отечественной войны составляли основу агитационно-пропагандистской работы среди граждан. Положительной стороной данного феномена стало то, что посредством акцентирования на «сибовских» сводках в годы тяжелых военных испытаний удавалось представить населению непротиворечивую, единообразную информацию. Вместе с тем сводки были неидеальным способом информирования граждан; сотрудникам советского агитационно-пропагандистского аппарата в процессе их транслирования нередко приходилось ощущать на себе общественное давление. Советское информационное бюро (Совинформбюро, СИБ) было образовано 24 июня 1941 г. В государственной структуре оно находилось в ведомственном подчинении Совета народных комиссаров СССР, между тем вся деятельность вновь созданного информационно-пропагандистского учреждения осуществлялась под непосредственным контролем ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны Совинформбюро получило приоритетное право среди других СМИ информировать граждан о ходе боевых действий на фронтах, о жизни советского тыла и международных событиях. Ежедневно от имени

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Информбюро передавались по радио и публиковались в периодической печати новостные сообщения, имевшие статус главного источника сведений о войне. В сводках СИБ руководство СССР доводило до широкой публики официальную оценку текущей обстановки. Неслучайно зачитывавший сообщения Совинформбюро известный диктор Всесоюзного радио Ю.Б. Левитан воспринимался современниками как «голос Советского правительства», а сами сводки назывались «правительственными документами» [1, с. 205; 2, с. 1].

Ряд отечественных и зарубежных историков подвергают сомнению достоверность сводок Советского информбюро, особенно на начальном этапе войны [3, с. 67-79; 4, с. 58-64; 5, с. 2, 49-50; 6, с. 131]. Этой проблеме также посвящено наше собственное исследование, в котором реконструирована процедура составления сообщений СИБ и приведены примеры их многочисленных фальсификаций [7, с. 234-277]. Примечательно, что «сибовская» информация, выработанная главными составителями сводок И.В. Сталиным и А.С. Щербаковым (начальником Совинформбюро), в период поражений Красной армии вызывала неприятие со стороны части советского населения. Рядовые граждане возмущались замалчиванием сведений о катастрофическом положении на фронтах. «Немые сводки», «сводки-формулы» – типичные высказывания современников по отношению к известиям СИБ в 1941-1942 гг. [8, с. 21; 9, с. 10]. Стоит отметить, что создателям сводок из разных источников была известна отрицательная реакция советской общественности на сообщения Совинформбюро [10, с. 587-589; 11, с. 84-85]. Тем не менее взятый за основу в начале войны курс на прославление побед Красной армии и утаивание сведений о поражениях в сводках Советского информбюро в целом сохранялся до ее завершения. Полагаем, что отчасти компенсировать малую информативность «сибовских» сведений удалось с помощью советского агитационно-пропагандистского аппарата, сотрудники которого были призваны ежедневно разъяснять гражданам сообщения Информбюро. В данной статье автор расскажет о том, как использовались сводки в деятельности политработников, агитаторов и пропагандистов на передовой, в тылу и на оккупированной территории.

Неотъемлемой составляющей агитационно-пропагандистской работы в армии и на флоте являлось проведение политинформаций по материалам сводок Советского информбюро. Главное политическое управление РККА (ГлавПУРККА) и Главное политическое управление РКВМФ в военные годы в директивной форме требовали от политических работников держать в курсе фронтовых событий всех военнослужащих, используя сводки СИБ [12, с. 618]. Особенно широко пропагандировались итоговые информации Совинформбюро, публиковавшиеся к годовщинам войны. Так, например, о сообщении Информбюро «Политические и военные итоги года отечественной войны» от 22 июня 1942 г., по указанию начальника Главного политуправления РККА (он же руководил и СИБ) А.С. Щербакова политработники были обязаны поставить в известность весь личный состав Красной армии. Щербаков приказывал: «...чтобы не было ни одного военнослужащего, не знавшего основных положений сообщения, чтобы не было ни одного политработника, не принявшего в той или иной форме участия в разъяснении сведений красноармейцам» [12, с. 144-145].

На практике агитационно-пропагандистская работа со сводками в войсках проходила непросто. «Сибовская» информация оказывалась далеко не всегда удобным материалом для мобилизации красноармейцев на борьбу с врагом. По

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

воспоминаниям начальника политотдела 63 стрелковой дивизии К.И. Дьяченко, в первые месяцы войны среди отдельных командиров и бойцов после прослушивания сводок о потерянных советских городах распространялись упаднические настроения. При этом бодряческий тон сводок зачастую диссонировал упоминавшимся в них фактам. Дьяченко сообщал, что тяжело было твердить красноармейцам о близкой победе, «когда мы все время отступали» [13, л. 4 об - 5].

Недостаточное освещение в сообщениях СИБ реального положения на фронтах вызывало недоумение у военных. Красноармеец роты аэродромного обслуживания С.М. Пуляков записывал в дневнике в октябре 1941 г.: «Что идут бои на всем фронте я и так знаю в любую минуту <...> Не понимаю, для чего скрывать истинное положение вещей. Особенно от нас, от бойцов» [14, с. 361]. Из-за недомолвок в официальной информации агитатор 190 стрелкового полка 63 стрелковой дивизии Ю.М. Щеглов старался, чтобы его подразделение узнавало сводки Совинформбюро только от него лично, а не в чьем-либо вольном изложении. Тем самым агитатор противодействовал распространению всякого рода «кривотолков» и слухов на передовой [15, л. 2 - 2 об].

Между тем известен случай, когда политработник вообще отказался использовать материалы сводок по причине фальсификации ими сведений о причинах поражений Красной армии. Политрук Василеостровской дивизии народного ополчения (вошла в состав 4 дивизии Ленинградской ополченской армии) Судекин (инициалы неизвестны) в июле 1941 г., критиковал содержание сводки Советского информбюро, сообщив от себя: «...мы оказались неподготовленными к войне с Германией». Разумеется, за такое высказывание он был смещен с должности политрука [16, л. 30]. Подобного рода случаи относятся к разряду редких, но выразительных исключений.

Отметим, что сводки Совинформбюро представляли собой универсальное средство как для организации контрпропаганды в Красной армии, так и для ведения политической работы в войсках противника. Согласно директиве ГлавПУРККА (Щербакова) от 12 августа 1942 г., в целях разоблачения немецкой пропаганды политруки и комиссары должны были обращаться в первую очередь к сообщениям Советского информбюро и регулярно информировать красноармейцев о том, «что враг несет огромные потери и напрягает сейчас последние силы, что он не так уже силен, как это кажется паникерам, что мы имеем все необходимое для того, что его остановить, отбросить, а затем разгромить гитлеровскую армию» [12, с. 159-160].

Также сообщения Информбюро применялись советскими политработниками для пропагандистского воздействия на немецкие войска. Крупный историк П.А. Зайончковский, участник Сталинградской битвы и главный инструктор 7 отделения политотдела 66 армии, в опубликованной стенограмме своих воспоминаний рассказывал о том, что он и его сослуживцы, начиная с декабря 1942 г., через окопные радиоустановки и радиорупоры ежедневно зачитывали окруженным в Сталинграде немцам сводки Советского информбюро. При этом обычно в армии противника прислушивались к сообщениям СИБ и открывали огонь уже после завершения передачи. Подобный метод работы советских пропагандистов, как подчеркивал Зайончковский, способствовал увеличению количества добровольно сдавшихся в плен [17, с. 544]. К слову, 24 августа 1943 г. ГлавПУРККА издал директиву, предписывавшую

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

политуправлениям фронтов по несколько раз каждый день передавать через звуковещательные станции войскам противника сводки Совинформбюро об успехах Красной армии [12, с. 232].

Отдельного внимания заслуживает работа с сообщениями Информбюро в партизанских подразделениях. На оккупированных противником территориях сводки помогали поддерживать связь партизан с внешним миром. Сообщения Совинформбюро в партизанских отрядах принимали по радио из центра. Отметим, что для партизан, как и для красноармейцев на передовой, были организованы передачи, в которых сводки зачитывались диктором медленно, чтобы их можно было успеть записать [18, л. 25-26]. Комиссар 1 Ленинградской партизанской бригады П.Ф. Захаров рассказывал, как он и помощник начальника штаба Поповцев (инициалы неизвестны) внимательно прослушивали и записывали сообщения СИБ; затем эта информация распространялась по всем отрядам партизанской бригады [19, л. 10-10 об]. По материалам сводок политработниками проводились беседы с партизанами на темы: «Успехи Красной армии на фронтах», «Зверства немецких извергов над мирным населением», «Какими должны быть партизаны» и т.д. [20, л. 5-5 об].

Партизаны доводили сообщения Совинформбюро до сведения советского населения, проживавшего на оккупированных территориях. Как правило, сводки среди мирных жителей распространяли сформированные агитбригады из партизан-членов ВКП(б) или ВЛКСМ. Помощник начальника политотдела по комсомолу 4 Ленинградской партизанской бригады Н.П. Андреев сообщал, что все комсомольцы, отправляясь на боевое задание, получали установку – знакомить население с последними сообщениями Совинформбюро [21, л. 5 об]. Также действовали и в других партизанских соединениях, используя любой удобный случай для информирования граждан [22, л. 3; 23, л. 3 об.]. Партизаны, например, переписывали сводки Советского информбюро от руки и размножали их в виде листовок в тылу врага [24, л. 3]. В ЦГАИПД СПб хранится коллекция рукописных листовок партизанских подразделений с сообщениями СИБ, извещавшими советских граждан о победах Красной армии [25, л. 1-2; 26, л. 1]. Кроме того, «сибовская» информация нашла отражение на страницах периодической печати. Сводки Информбюро размещались на страницах таких партизанских газет, как «Гдовский колхозник», «Народный мститель», «Коммуна» и других [27, л. 2; 28, л. 13 об]. Газету «Коммуна» распространяли в партизанском крае и через агентуру на оккупированной немецкой территории. Редактор газеты, впоследствии комиссар 13 Ленинградской партизанской бригады К.П. Обжигалин, вспоминал, что благодаря своей содержательности их издание пользовалось популярностью. В день выпуска представители от колхозов (Дедовичского района Псковской области) собирались в редакции и, поскольку тираж был небольшой, то «буквально из-за газет народ дрался» [28, л. 13 об].

Как видим, сводки Совинформбюро нашли применение в агитационно-пропагандистской работе среди красноармейцев, партизан, населения оккупированных территорий и в армии противника. С их помощью удавалось унифицировать информацию. Теперь на примере Ленинграда и Москвы рассмотрим к тому, как использовались сведения СИБ в советском тылу.

Сводки Совинформбюро широко сообщались агитаторами и пропагандистами. Читки «сибовских» новостей в обязательном порядке, в соответствии с директивой ГлавПУРККА от 11 августа 1941 г., устраивались для

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

раненых бойцов и командиров в госпиталях [12, с. 58; 29, л. 34]. В местах массового скопления людей – на предприятиях, в учреждениях и домохозяйствах – ежедневно заслушивались сводки Информбюро и проводились по ним митинги и беседы [30, л. 67]. В блокадном Ленинграде, как вспоминала заведующая отделом пропаганды и агитации Ленинского райкома партии Е.Н. Бумейстер, зимой 1941–1942 гг. читки сообщений СИБ проходили в очередях у уличных водоразборов. Напротив последних вывешивали таблички с наклеенными текстами сводок. Рядом находился агитатор, который рассказывал ленинградцам, приходившим за водой, о происходивших на фронте и в тылу событиях [31, л. 11 об-12].

Поскольку радиоточки были выключены, то представители агитколлективов различных организаций ходили записывать сводки в Ленинградский порт на оснащенные мощными радиоустановками корабли с тем, чтобы потом распространять военные новости [32, л. 15]. В отчете отдела пропаганды и агитации Василеостровского райкома партии за 1942 г. отмечалось, что в этот период агитационно-пропагандистская работа приобрела особенно важное значение. Так как газеты запаздывали с выходом, агитаторы и пропагандисты узнавали сводки Совинформбюро в партийных комитетах и затем сообщали их населению по собственным записям [33, л. 3].

Партийное руководство приучало агитаторов относиться к текстам Информбюро с большим пиететом. Известны случаи, когда из-за неточностей, допущенных при передаче сводок населению (перепутаны названия освобожденных городов), несколько сотрудников агитационно-пропагандистского аппарата Выборгского райкома Ленинграда были освобождены от работы [34, л. 39]. Тем не менее пропагандисты нередко усматривали в сводках информационный повод для собственных обобщений и толкований. После известия СИБ об успехах Красной армии в декабре 1941 г. ленинградские агитаторы на заводе им. Орджоникидзе и в больнице им. Ленина говорили о прорыве блокады, как уже о завершенном деле [35, л. 40]. Еще один пропагандист Доброжинский (инициалы неизвестны) тогда же объявил горожанам о том, что «не сегодня – завтра блокада будет снята». За подобные высказывания лекторам «попадало» от Ленинградского горкома ВКП(б) [31, л. 7]. В то же время пропагандистам никак не удавалось унять стремление выступить глашатаями радостных известий. Лектор ленинградского завода им. К. Маркса Абрамов (инициалы неизвестны) рассказывал, как в августе 1942 г. он ночью сообщил рабочим о победах на Калининском и Западном фронтах и его приветствовали так, будто он сам являлся «генералом Жуковым» [36, л. 192].

Вместе с тем по поводу отдельных выступлений агитаторов, докладывавших сводки, могли высказываться критические отзывы. Волей-неволей им приходилось нести ответственность за сообщаемые сведения. В июне 1943 г. работница московского завода № 70 упрекала агитатора во время читки им сообщения Совинформбюро о военно-политических итогах трех лет войны: «Что вы нас агитируете, нам от этого легче не становится» [37, л. 130]. Сотрудница ленинградского предприятия после прослушивания сводки в июле 1943 г. об успехах Красной армии на Орловско-Курском и Белгородском направлениях заявила: «Нечего приукрашивать. Вот, например, Ленинград никак не можем освободить от блокады» [38, л. 160].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Агитаторам приходилось убеждать граждан в правдивости сводок Совинформбюро. В августе 1943 г. работницы московского завода им. Клары Цеткин высказывали недоверие известиям СИБ, в которых сообщалось о продвижении советских войск на 5-10 км по линии фронта и освобождении около 60-70 населенных пунктов. Работницы говорили: «Врут все. Где же можно им можно было взять на таком небольшом расстоянии столько много населенных пунктов». Агитатор Калашникова принесла на завод карту и разъяснила, что линия фронта проходит в ширину, а не вглубь. После этого народ успокоился [39, л. 90].

Агитаторам и пропагандистам задавались разнообразные вопросы по содержанию сводок. В июле 1943 г. на одной московских фабрик, например, спрашивали, почему Красная армия выжидала летнего немецкого наступления, а не атаковала? Агитатор Алексеева ответила: «Установлено, что потери в живой силе больше у наступающей стороны и поэтому нам не было необходимости наступать первыми». На другой фабрике во время беседы на тот же вопрос партийный работник отпарировал: «Нам не нужно, мы и не наступаем» [40, л. 124]. Часто задавались вопросы по поводу советских боевых потерь, открытия второго фронта. Спрашивали, когда завершится война. Пропагандисты в своих ответах ограничивались общими фразами [37, л. 129; 40, л. 124 об; 41, л.14]. В феврале 1945 г. член ВКП(б) Ипатова (инициалы неизвестны), сотрудник ленинградской фабрики им. Урицкого, в связи «сибовскими» сводками о боевых действиях в Германии сообщала в горком о трудностях в работе: «Все очень рады тому, что Красная армия воюет на территории Германии. Но у беспартийных рабочих возникает много различных вопросов, на которые просто не знаешь, как отвечать» [42, л. 50].

На всем протяжении войны агитаторы и пропагандисты обязывались извлекать максимальную пользу из «победных» сводок Совинформбюро. Отмечается примечательная закономерность: каждое объявленное Информбюро сообщение об успехах Красной армии на фронтах сопровождалось повышением производительности труда в тылу. После читок таких сообщений рабочие на митингах давали социалистические обязательства, обещали досрочно выполнять оборонные задания. Слово свое они держали, поскольку понимали: требуется всеобщее трудовое напряжение в целях победы. В ответ на занятие городов тыловики выходили работать на предприятия в выходной день, оставались в ночные смены, перевыполняли трудовые нормы. С особым подъемом в период побед проходил сбор средств в фонд обороны страны [29, л. 96; 38, л. 113, 145; 41, л. 15; 43, л. 13; 44, л. 28 об]. Патриотические почину были массовым, обычным явлением.

Сообщения Советского информбюро в ходе Великой Отечественной войны составляли основу агитационно-пропагандистской работы среди граждан. Положительной стороной данного феномена стало то, что посредством акцентирования на «сибовских» сводках в годы тяжелых военных испытаний удавалось представить населению непротиворечивую, единообразную информацию. Вместе с тем сводки были неидеальным способом информирования граждан; сотрудникам советского агитационно-пропагандистского аппарата в процессе их транслирования нередко приходилось ощущать на себе общественное давление.

Список литературы

1. Полевой Б.Н. Силуэты. М., 1978. 467 с.
2. Серебренников Г.Н. Об использовании сводок Советского информационного бюро в выставочно-экспозиционной работе. М., 1942. 12 с.
3. Ипполитов Г.М., Полторак С.Н. Особенности советской пропаганды и агитации в первый (оборонительный период) Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – ноябрь 1942 г.) // Клио. 2013. № 4 (76). С. 67 – 79.
4. Никулина Н.Ю., Сорока З.Н. Советское информационное бюро в годы Великой Отечественной войны (Анализ источников) // Проблемы источниковедения и историографии. Сб. ст. Калининград, 1999. С. 58 – 64.
5. Berkhoff K. Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 407 с.
6. Roth P. Sow-Inform. Nachrichtenwesen und Informationspolitik der Sowjetunion. Düsseldorf: Droste, 1980. 252 с.
7. Баландина О.А., Давыдов А.Ю. Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020. 320 с.
8. Бианки В.В. Лихолетье: дневники, воспоминания, письма. СПб., 2005. 192 с.
9. Фрейденберг О.М. Осада человека // Минувшее. Исторический альманах. Париж. 1987. С. 7 – 45.
10. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. Сб. док. Авт.-сост.: Лившин А.Я., Орлов И.Б. М., 2007. 805 с.
11. Широкопад И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). М., 2001. 330 с.
12. Русский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941 – 1945 гг. М., 1996. Т. 17- 6(1-2). 672 с.
13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р- 4000. Оп. 10. Д. 855.
14. Блокадные дневники и документы. Сост.: Бернев С.К., Чернов С.В. СПб., 2004. 507 с.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. Р- 4000. Оп. 10. Д. 510.
16. Там же. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 354.
17. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). Под ред.: Й. Хелльбека. М., 2015. 664 с.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 48.
19. ЦГАИПД СПб. Ф.Р-4000. Оп. 10. Д. 43.
20. Там же. Д. 15.
21. Там же. Д. 128.
22. Там же. Д. 24.
23. Там же. Д. 140.
24. Там же. Д. 33.
25. Там же. Ф. Р-116 Л. Оп. 9. Д. 626.
26. Там же. Д. 1243.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

27. Там же. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 1247.
28. Там же. Д. 1379.
29. Там же. Ф. Р-25. Оп. 5. Д. 182.
30. Там же. Д. 188.
31. Там же. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 771.
32. Там же. Д. 762.
33. Там же. Ф. Р-4. Оп. 24. Д. 3.
34. Там же. Ф. Р- 24. Оп. 2 в. Д. 5760.
35. Там же. Д. 4820.
36. Там же. Д. 5761.
37. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-4. Оп. 35. Д. 216.
38. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 5. Д. 192.
39. ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 476.
40. Там же. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 7.
41. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2 в. Д. 6625.
42. Там же. Д. 6999.
43. ЦГА Москвы. Ф. П-63. Оп. 1. Д. 1295.
44. Там же. Ф. П-87. Оп. 1. Д. 70.

Balandina O.A.

REPORTS OF THE SOVIET INFORMATION BUREAU IN AGITATION AND PROPAGANDA WORK IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

BALANDINA Olesya A. – leading archivist of the department of scientific publishing and exhibition work, Central State Archive historical and political documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb), 191015, Russia, St. Petersburg, Tavricheskaya St., 39.
e-mail: olesya.balandina@inbox.ru

Abstract. During the great Patriotic war between the Soviet Union and Hitler's Germany has immeasurably increased the importance of mass media. The main official source of information about the war for the population of the USSR in this period were daily reports (summaries) of the Soviet information Bureau. In this article the author refers to the study of agitation-advocacy with reports of the Soviet information Bureau. It is described how the reports were used in the activities of political workers, agitators and propagandists on the front line, in the Soviet rear and in the occupied territory. The main focus is on the problems encountered in the daily work of employees of the Soviet agitation and propaganda apparatus for the dissemination and explanation of «sibov» messages. The fact that the Sovinformburo reports were not informative enough is emphasized, and agitators and propagandists had to bear responsibility for them. To open the topic the documents of the Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg and Central State Archive of Moscow were involved.

Keywords: Soviet information Bureau, reports(summaries), the Great Patriotic war, agitation, propaganda, front, partisans, the Soviet rear.

МАРШАЛ К.Г. МАНЕРГЕЙМ И «РУССКАЯ НАРОДНАЯ АРМИЯ»: ОТ ИДЕИ СОЗДАНИЯ ДО НАЧАЛА ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ (1939-1940 гг.)*

БАРЫШНИКОВ Владимир Николаевич — д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия 5.
e-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Аннотация. В период «зимней войны» в финское руководство предприняло попытку создать из советских военнопленных «русскую народную армию». Одним из главных инициаторов ее создания стал К. Г. Маннергейм. В этом финский маршал опирался на поддержку руководства русского белоэмигрантского Общевоинского союза. Более того была предпринята попытка объединить и другие антисоветские силы. К созданию «русской народной армии» были привлечены также советские диссиденты. В результате работу среди советских военнопленных в Финляндии возглавил Б. Г. Бажанов. Он был одно время секретарем Сталина. Но в конце 1920-х гг. Б. Г. Бажанов покинул СССР. 15 января 1940 г. Б. Г. Бажанов встретился с маршалом Маннергеймом. С этого периода русским и советским эмигрантам позволили принять активное участие в вербовке в «русскую народную армию» советских военнопленных. Был даже создан собственный «штаб» этой «армии». Он разместился в столице Финляндии Хельсинки. Однако данные усилия не дали результата. В рядах «русской народной армии» «специальную подготовку» прошли только 150 человек. В итоге к концу войны никакой «армии» так создать в Финляндии не удалось. Только 20 бойцов в марте 1940 г. были переведены на фронт. Но их «вклад» в боевые действия был очень незначительным. Таким образом идея создания «русской армии» не была реализована. Маннергейм вынужден был от этого замысла отказаться и никогда больше о нем не вспоминал.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-финляндская война, К. Г. Маннергейм, «русская народная армия», белая эмиграция, советские военнопленные, Б. Г. Бажанов.

До сих пор исследователи крайне недостаточно изучают проблему, связанную с весьма «смелым» замыслом создать в ходе «зимней войны» на финской территории некой «русской народной армии». Сведений об этом сейчас имеют довольно ограниченный характер. Более того практически все документы связанные с идеей создания этой армии, а также начало ее формирования затем в Финляндии были уничтожены [1, с. 85]; [2, с. 51, 52].

Тем не менее, в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. в финском руководстве наряду с организацией сопротивления наступающим советским войскам приступили к реальным действиям, направленным на создание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383 «Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе нового и новейшего времени»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

из советских военнопленных особого формирования, призванного превратиться в т.н. «русскую народную армию». Реализация этой идеи далеко заходит за общепринятые представления о Финляндии, как о стране являющейся абсолютной жертвой агрессии. Более того сами эти замыслы подкреплялись развернутой финским руководством работой, направленной на образования для России в Финляндии и «русского правительства» [3]. Таким образом речь здесь шла об обороне своей страны, а о масштабной борьбе против СССР, включая уничтожение существующего в Советском Союзе строя.

Безусловно, важно выяснить, кто в руководстве Финляндии стоял за реализацию данной идеи. Очевидно, что здесь не будет большого секрета сказать, что одним из инициаторов самой этой идеи и последующим активным сторонником ее осуществления был главнокомандующий финскими войсками К. Г. Э. Маннергейм. Причем далее уже после окончания советско-финляндской войны он сам об этой идее не любил распространяться, хотя к концу войны, действительно, при финских войсках стали уже реально появляться «русские формирования». Тем не менее, существующая до сих пор таинственность в их возникновении не может полностью скрыть причастность финского маршала к появлению этой «русской армии».

Реально, несмотря на всю свою скрытность, хорошо известно, что К. Г. Э. Маннергейм всегда занимал крайне отрицательную позицию в отношении СССР. В своих мемуарах он даже отмечал, что в момент революции его, прежде всего, «интересовало, что могли сделать те силы, которые должны были спасти Российское государство» [4, с. 236]. В этом отношении, очевидно, что начавшуюся советско-финляндскую войну маршал также где-то рассматривал как определенное продолжение того, что не удалось добиться в период Гражданской войны. Неслучайно, несколько позже, в период Великой Отечественной войны, он прямо написал одному из представителей белого движения, что «свержение большевистского ига также является, как я надеюсь, целью русских эмигрантов» и его «очень радует то, что... эмиграция восстает против тех кровопийц, которые в течении четверти века угнетали русский народ» [5, с. 42].

В целом, объективно, стремление к созданию «русской народной армии» являлось, как указывают некоторые финские исследователи, своеобразной попыткой сделать то же самое, что затем пыталось, создавая «армию Власова», осуществить нацистское руководство [См.: 6; 7; 1; 2]. Причем даже внешние цели формирования «русской народной армии» представлялись приблизительно такими же, как и у «армии Власова». Современный московский публицист Б. В. Соколов, повторяя утверждения западной пропаганды периода «зимней войны», писал, в частности, что образовывавшаяся тогда в Финляндии «русская армия», должна была, как затем и «армия Власова», в случае поражения Советского Союза, стать «основой для создания в России демократического правительства» [8, с. 233-234]. Такое достаточно нелепое заключение, конечно, находилось весьма далеко от истины. Трудно вообще представить - как из армии может быть создано «демократическое правительство»?

Сама же идея постараться образовать некую «русскую народную армию» реально возникла уже в декабре 1939 г. Тогда в эмигрантской прессе начали действительно высказываться советы относительно того, что лицам, ранее бежавшим из России, также надлежит участвовать в Финляндии в войне против Советского Союза [9, с. 242]. Говорилось, что возникшая война оказалась

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

хорошим поводом для возобновления «нашей борьбы» и явилась «одним из наиболее благоприятных для нас случаев и притом в наиболее выгодных для нас условиях» [10, с. 321]. Речь в данном случае, шла, однако, лишь о добровольной волонтерской службе. Причем показательно, что первые предложения об этом Маннергейм стал получать даже еще накануне начала войны. В момент резкого обострения советско-финляндских отношений «известные русские офицеры-эмигранты, - как считают некоторые исследователи, - обратились к маршалу Маннергейму и выразили желание перейти на добровольную службу в Финляндии» [1, с. 84; См.: 2, с. 38-39].

Но уже с началом боевых действий интерес, в русской эмигрантской среде к проблеме их участия на стороне Финляндии во вспыхнувшей войне, действительно резко обострился [1, с. 85; 2, с. 38; 4, с. 152]. Именно в это время финское руководство и стало получать первые весьма четкие сведения об этой инициативе. Так из финляндского представительства в Таллинне было направлено в МИД письменное обращение одного из проживающих в Эстонии людей, входящих «в руководство русских белых» [11, 109, с. 4. Valkoisten venäläisten yhteistoimintatarjous. Tallinnassa, 15.12.1939]. Финские дипломаты не раскрывали фамилию этого человека. Но его мысли были представлены весьма подробно. Так, к приложенному к донесению документу, советовалось: «В первую очередь в Финляндии надо организовать русскую национальную боевую единицу, которая приняла бы участие в боях на фронте». Причем конкретно рекомендовалось далее обратиться для соответствующей помощи к т.н. Русскому общевойсковому союзу, возглавляемому бывшим генералом А. П. Архангельским. Эта организация, по оценкам финских экспертов, считалась «главным идеологическим врагом Советского Союза» и в ней «в 1938 г. насчитывалось более 30 000 активных членов» [2, с. 31]. Но при этом финские представители предлагали основу будущей «армии» сформировать все же на базе взятых в плен советских военнослужащих, «которые, несомненно, в более или менее крупных массах будут сдаваться в плен или переходить на сторону антисоветских сил» [11, 109, с. 4. Valkoisten venäläisten yhteistoimintatarjous. Tallinnassa, 15.12.1939].

Несколько позже было подготовлено аналогичное обращение уже к самому К. Г. Э. Маннергейму. Его лично составил генерал Архангельский. В нем выражалось желание «белой» эмиграции «обсудить вопросы о форме нашего участия» в борьбе против СССР. Причем, как чуть позднее он отметил, финскому маршалу сообщали, что «наше участие и помощь Финляндии должны были выразиться не в виде простой живой силы, а в качестве специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии для поднятия и гражданской войны в СССР» [10, с. 322]. Однако тогда финский маршал проявлял определенные колебания и ответил на это обращение тем, что «не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением», добавив, что «трудно предвидеть, какая возможность для нас может открыться в будущем» [10, с. 323; 12, с. 273].

Вероятно, данный ответ был связан с тем, что, по мнению Архангельского, «финское правительство, [ведя борьбу на жизнь и смерть...] /слова Фельдмаршала Маннергейма/ не могло расширить и поставить себе задачей помимо оборонительной и наступательную войну, вызывая гражданскую войну в СССР, как бы это ни было выгодно для Финляндии» [10, с. 324]. Данное заключение Архангельского, очевидно, было основано на том, что Маннергейм действительно стал тогда отвечать сторонникам белого движения, желавшим

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

принять участие в «зимней войне», весьма уклончиво. Он подчеркивал политическое значение их инициативы, указывая, что «Финляндия имеет свои твердые принципы, благодаря которым никто не может обвинить ее в агрессии и свержении в России советского строя» [4, с. 152].

Но, на самом деле, в начале войны маршал еще не принял для себя окончательного решения. В ставке, несомненно, очень внимательно следили и за тем, как к подобным инициативам могли отнестись на Западе. Однако здесь, русская эмиграция не получала эффективной поддержки. Как было подмечено в эмигрантской среде еще в середине декабря 1939 г., в борьбе «против большевиков», «союзники... не хотят пользоваться русским национальным флагом» [12, с. 264]. Более того, по существующему мнению, «чтобы образовался русский отряд, нужно было», чтобы в Париже и Лондоне вначале признали «иное русское правительство», которое могло бы «говорить именем России» [12, с. 271].

Одновременно, пытаясь понять отрицательный ответ Маннергейма на сделанное ему предложение, некоторые бывшие царские дипломаты улавливали здесь и другой международный подтекст. Здесь считали, что за этим скрывалось еще «нежелание ссориться с немцами», имея, очевидно, в виду то, что Германия не может желать восстановления «национальной России» [12, с. 290]. Иными словами, монархически настроенные слои «белой» эмиграции, веря в возражение прежней сильной России, понимали, что на Западе, также, как и в Финляндии сторонников этого процесса далеко не много.

В целом, международный аспект идеи образования русских военизированных формирований создавал проблему не только у наиболее решительных сторонников среди «белых» эмигрантов, но и охлаждал пыл тех, кто в Финляндии также был наиболее решительно настроен поддержать выдвигаемые идеи.

К тому же сама реальная деятельность, направленная на попытку объединить русскую эмигрантскую среду в создании какого-либо воинского соединения, упиралось еще на ряд практических проблем. Так, в частности, для того, чтобы разыскать по всему миру, всех способных носить оружие представителей русской эмиграции, а затем их собрать, да еще и направить в Финляндию, нужны были деньги. Однако их явно не хватало. Также, как и то, что многие бывшие участники белого движения, уже давно разучились воевать и «эту публику пришлось бы учить заново военному делу» [12, с. 301*]. Все это делало крайне проблематичным организацию в Финляндии «русской» армии.

Более того, в белом движении возникал вопрос и другого плана. Как в целом рассматривать участие русских воинских формирований в «зимней войне» на стороне Финляндии. К чему может привести победа, которую Финляндия может добиться с помощью западных союзников? «Будет ли эта война против большевиков или против России»? «Имеют ли они ввиду освободить Россию от большевиков, и только, или пожелают пожить на счет России»? - вот вопросы, который начал волновать представителей русской эмиграции [12, с.

* Эта точка зрения, однако, рядом современных российских исследователей оспаривается, поскольку, как указывается «по нашим самым скромным подсчетам, к осени 1939 г. белая военная эмиграция располагала кадрами для укомплектования офицерских и унтер-офицерских должностей в 2-3 корпусах 2-х дивизионного состава, а также для создания качественного строевого ядра буквально в каждой роте подобной армии» [См.: 13, с. 335-336].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

272-292]. Это показывало, что взгляды части русской эмиграции были не во всем схожи с представлениями утверждающимися в руководстве Финляндии.

С другой стороны, Русский общевоинской союз, пытавшийся наладить контакты с Маннергеймом, рассматривался в Финляндии как и весьма радикальная организация [2, с. 32-35]. Этот союз хорошо здесь знали, поскольку еще до войны он смог пустить в стране весьма глубокие корни. Союз имел в Финляндии достаточно широкую сеть и обладал даже собственными отделениями в двух крупнейших городах страны – в Хельсинки и Выборге. Уже тогда Союз считался состоящим, прежде всего, из тех бывших русских офицеров, которые были весьма радикально монархически настроены во имя России и во имя борьбе против советской власти [14, с. 35-36]. Этот прорусский радикализм однако не мог не настораживать финского маршала [2, с. 41; См. также: 5, с. 41, 72]. В результате, тогда, «из-за подозрительного отношения Маннергейма к белым иммигрантам, - как справедливо отмечает финский исследователь К.-Ф. Геуст, - только несколько из них были приглашены в Финляндию» [2, с. 42].

В результате Маннергейм явно стремился уклоняясь от прямой поддержки со стороны белой эмиграции. Но, с другой стороны, он четко пытался объединить все антисоветские, антибольшевистские политические силы, подчеркивая в печати, что «мы имеем дело не с Россией,.. на нас посягает международная революционная организация,.. которая не скрывает своего желая советизировать нашу бедную, но честную страну» [5, с. 152]. Эти взгляды, очевидно, стали понимать и представители руководства Русского общевоинского союза. Поэтому в сложившихся условиях они действительно предприняли попытку пойти по пути объединения всех антисоветских настроенных сил на Западе, включая даже появившихся тогда советских эмигрантов. Таим образом к работе в данном направлении был привлечен покинувший СССР в 1928 г. бывшей секретарь Сталина Б. Г. Бажанов. С ним у руководства Русского общевоинского союза состоялся «продолжительный разговор» [10, с. 324], после чего они, а также редакция газеты «Возражение» и представители Высшего монархического союза письменно обратились к Маннергейму. В обращении опять содержалась просьба поддержать идею организации «русской народной армии», причем маршалу советовали поручить ее реализацию Б. Г. Бажанову, прося Маннергейма проявить к нему «полнейшее доверие» [15, с. 219]. Бажанов, естественно, не был ранее участником «белого» русского движения, что, судя по всему, должно было больше устроить маршала.

Сама же схема, по которой виделась тогда возможность решения задачи создания «русской народной армии», заключалась в представлениях руководства Общевоинского союза в трех этапах. Вначале должна была лишь вестись среди военнопленных «соответствующая агитация». Затем уже «в случае успеха» следовало начать создавать небольшие «русские народные отряды», которых нужно было готовить к партизанским действиям, а также использовать их в целях развертывания пропагандистской работы и «привлечения красноармейцев... для борьбы за свержение советской власти». На третьем же этапе, «при успехе отряды должны были быть развернуты в строевые части «Русской Народной Армии!» [10, с. 324].

Этот замысел стал активно воплощаться в жизнь. Решением вопроса о переезде Бажанова в Финляндию начал заниматься лично премьер-министр Р. Рюти. 28 декабря 1939 г. в Париж поступило указание финским дипломатам по

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

поводу того, что Бажанова можно «выгодно использовать», поскольку он повернул «на сторону Маннергейма» [11, 109, с. 4. Rytin salasähkö Pariisiin, 28.12.1939]. А затем, несколько дней спустя, была передана в Париж секретная телеграмма, в которой сообщалось: «Если нет препятствий, отправляйте Бажанова в путь сразу сюда к Маннергейму» [11, Rytin salasähkö Pariisiin, 1.1.1940].

12 января Бажанов был доставлен через Швецию в Финляндию. Здесь он вначале переговорил с представителем Ставки в финском правительстве генералом Р. Вальденом [2, с. 44] *. Затем, 15 января 1940 г., его лично принял и маршал. В современной литературе существуют, однако, весьма приблизительные сведения об этой встрече. Так, в частности, исследователь Д. Д. Фролов, без соответствующего критического осмысления воспоминаний Бажанова, ошибочно утверждает, что тот прибыл в Финляндию только в феврале 1940 г. [16, с. 281; см. также: 13, с. 329-342]. Более того, по его мнению, маршал «скептически отнесся к... затее» образования «русской народной армии» [16, с. 281]. Тем не менее, фактический материал свидетельствует об обратном: Маннергейм благосклонно отнесся к идее организации «русской армии» [17, с. 130; 9, с. 242; 15, с. 220; 2, с. 44-45]. Об этом говорит и то, что только при позитивном отношении маршала к образованию подобного формирования могла действительно начаться работа представителей русской эмиграции среди советских военнопленных.

Бажанову, действительно, было предоставлено право на посещение некоторых лагерей военнопленных и организацию набора военнопленных для службы в качестве добровольцев в финской армии [15, с. 220-222; 18, с. 16-17; 2, с. 45]. Был даже создан штаб будущей «русской народной армии», который разместился в самом центре Хельсинки. Более того русским эмигрантам позволили не только принять участие в соответствующей вербовке, но также допустили до обучения и снаряжения бойцов своей «армии». Тогда же приступили и к разработке ее уставов. Как вспоминает Б. Г. Бажанов, «наша армия должна была строиться не на советских уставах, а на новых, которые нужно было создавать заново» [15, с. 221]. К тому же он имел весьма твердые намерения «идти освобождать Россию... и дойти до Москвы с пятьюдесятью дивизиями» [15, с. 219]. Все это, конечно, при определенных обстоятельствах являлось весьма подходящим для финского руководства, с точки зрения борьбы против СССР.

Более того, финляндское военное командование само также начало открыто осуществлять вербовку из числа советских военнопленных солдат, которые должны были образовать это формирование при финских войсках. 27 января, по указанию генштаба, приступили к выпуску два раза в неделю на русском языке газеты «Друг пленных». Всего было выпущено 16-ть номеров этого издания, которое выходило до 6 апреля 1940 г. [1, с. 86]. Показательно, что газету также просматривал Маннергейм [19]. Началась публикация для военнопленных и других русскоязычных газет [16, с. 269]. Сами эти материалы были рассчитаны на идеологическую обработку советских людей. Их начали содержать в специально созданных для этого лагерях, а также в т.н. сборных пунктах и в некоторых тюрьмах. Причем число тех, кого удалось взять в плен, оказалось довольно значительным. В годы войны их было свыше 5 тысяч человек [20].

* *Geust C-F. Vlasovin armeija. Stalinin sotilaat Suomen palveluksessa. S. 44.*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Однако усилия пропагандистского характера не достигали цели. «Вскоре мы поняли, - отметил глава политического департамента МИДа Финляндии А. Пакаслаhti, - что советские солдаты имели иммунитет к нашей пропаганде... Маршал был поражен этим новым психологическим складом русских» [21, с. 224]. Сам же Бажанов впоследствии вынужден был признать, что все тогда шло «черепашьим шагом» [15, с. 222], хотя причину этого в руководстве Русского общевойскового союза видели прежде всего именно в слабой организации печатного слова. Там налаживаемую систему пропаганды для военнопленных считали совершенно неподходящей «ни целям издания, ни мировоззрению красноармейцев». Причину же этого видели в том, что она исходила исключительно из представлений финского руководства [10, с. 331]. В результате работа, которая продолжалась около двух с половиной месяцев, привела к тому, что в рядах «русской народной армии» оказалось лишь несколько сот человек.

Показательно, что точные данные по этому поводу до сих пор пока не известны. В разных изданиях называется количество от 152 до 500 бывших советских солдат [15, с. 221; 18, с. 17; 13, с. 345; 22, с. 185; 17, с. 130]. Однако, в целом, можно здесь согласиться с мнением финского историка К. Геуста, который указал, что реально только для 150 человек была действительно организована «специальная подготовка» [1, с. 85]. Она проходила в особом лагере № 5, расположенном в небольшом городке Хуиттинене (Huittinen) в западной Финляндии. Там советские военнопленные были распределены между бывшими российскими офицерами и их начали непосредственно готовить к диверсионной деятельности в тылу советских войск. Причем сами задачи для них ставились очень масштабные. Начиная с того, что они должны были в ходе спецоперации «перерезать Мурманскую железную дорогу», далее «освободить политзаключенных в исправительно-трудовых лагерях северо-запада СССР» (в том числе Соловецкий лагерь особого назначения) и наконец «участвовать в наступлении на Ленинград». По мыслям составителей данного плана, эти действия должны были, в конце концов, «вызвать внутренние беспорядки и политические протесты в Советском Союзе, которые привели бы к гражданской войне... и развалу советского режима» [1, с. 85].

В целом масштабность поставленных задач явно не соответствовала реальным возможностям «русской народной армии». К тому же для создаваемой «армии» практически не удавалось завербовать из советских военнослужащих надежных командиров. Именно поэтому, по свидетельству Б. Г. Бажанова, он собственно и «решил взять офицеров из белых эмигрантов» [15, с. 221].

В результате для формирования «русской народной армии» и по указанию финляндского отдела Российского общевойскового союза в распоряжение Бажанова были приписаны все бывшие кадровые офицеры царского времени, которые тогда проживали в Финляндии. Более того, этих людей теперь стали зачислять в финскую армию. Причем также на офицерские должности [10, с. 325]. Однако в создаваемых войсках сразу же столкнулись с рядом трудностей. Офицеры «русской народной армии» и солдаты, поступающие в распоряжение Бажанова, «говорили, - как он отметил, - на разных языках» и ему «нужно было немало поработать над офицерами, чтобы они нашли нужный тон и нужные отношения со своими солдатами» [15, с. 221].

Тем не менее, руководители Общевойскового союза такое мнение Бажанова все же пытались оспорить. Там считали, что пленным красноармейцам

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

на самом деле нравятся их новые командиры [15, с. 325]. Это заключение, однако, не могло соответствовать действительности. Сами представители белой эмиграции даже не пытались скрывать, что идеологически они очень далеки от взятых в плен советских солдат. Для них, как впоследствии откровенно писал Маннергейму один из этих русских эмигрантов, привлекавшийся затем к формированию «армии Власова», было тогда скорее даже важнее, иметь «свой глаз и соприкосновение с военнопленными красными.., чтобы проверить всю нашу предыдущую работу по распознаванию нашего политического врага», чем собственно заниматься созданием «русской народной армии» [14, с. 41]. Все это, таким образом, лишь свидетельствовало, что в среде формировавшихся «русских войск» дела обстояли явно неблагополучно. Белая эмиграция видела для себя здесь лишь только своеобразный «полигон» и на самом деле, действительно, с презрением относились к своим новым подчиненным. Их рассматривали их лишь как представителей «запуганной, серой, мало развитой массы» [15, с. 330]. Также Общевоинскому союзу было весьма сложно налаживать взаимодействие и с новыми советскими диссидентами. Среди них уже не видели большевиков, но фиксировали их «ненависть ко всему -белому» [14, с. 42]. В результате эффективной работы по формированию «русской народной армии» не получалось.

Более того, в самой Финляндии тоже наблюдалось достаточно подозрительное отношение к «белым». Их также неохотно привлекали к военной службе. Как по этому поводу, заметил финский историк П. Невалайнен, «в отношении русских эмигрантов в Финляндии были осторожнее» [23, с. 225]. Очевидно, что это во многом было связано с тем, что русское население, которое тогда находилось в Финляндии, пребывало в крайне тяжелом положении. Действительно, в условиях, когда бывшие русские генералы и старшие офицеры превращались здесь в ночных сторожей, кучеров или рабочих на лесопилках [23, с. 164-165], то от них трудно было ожидать благосклонности к финляндской администрации. К тому же в момент начала войны часть русского населения Финляндии подверглась даже арестам. К началу марта 1940 г. до 40 % заключенных, содержащихся в тюрьмах, была русского происхождения [23, с. 94]. Более того, перед войной было еще запрещено ряд русских объединений и обществ. В их числе, например, оказалось «Общество морских офицеров царского флота» [23, с. 274]. Это тоже не могло не отразиться на политических настроениях в русской среде.

Тем не менее в целом создававшиеся в Финляндии «русские войска» так и не были организованы согласно намеченному замыслу. По признанию Архангельского из завербованных удалось создать лишь один «народный отряд» из 35-40 человек [10, с. 325]. Эти сведения, однако, оспаривает финский исследователь К. Геуст. Он ссылается вообще лишь на 20 бойцов «русской народной армии». Именно столько 2 марта 1940 г. прибыло в прифронтовой район приладожской Карелии [1, с. 86], причем по имеющимся у ученого данным, основанным на журнале боевых действий IV армейского корпуса, «бойцы русской народной армией» занимались лишь решением вопросов спецпропаганды [2, с. 50]. Это был их собственный «вклад» в борьбу против Красной армии. Естественно, он ни как не мог быть значительным. Таким образом «русская

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

народная армия», в конечном счете, не смогла активно участвовать в боях * [1, с. 85] и идею создания «русской армии» реализовать на практике так и не удалось.

В целом результата, в скоротечных событиях «зимней войны», в решении проблемы образования «русской народной армии» не было. «Армия» оказалась крайне малочисленной и не смогла реально участвовать в боевых операциях. Но, тем не менее, из доступных для исследователей документов, предельно очевидно, что именно К. Г. Маннергейм был одним из наиболее явных сторонников использования «русского фактора» в борьбе против Советского Союза. Для него он, несомненно, должен был стать весьма значительным военно-политическим шагом, который мог затем привести к серьезным изменениям уже в самой сущности соседнего с Финляндии государства.

Список литературы

1. Gtust C-F. General Vlasov's army – the Finnish connection // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017, № 17 (2). P. 80-102.
2. Geust C-F. Vlasovin armeija - Stalinin sotilaat Suomen palveluksessa. Juva, 2017. 256 s.
3. Baryshnikov V. N. C. G. Mannerheim and the question of forming a -Russian Governmentl in 1939-1940 // Ulkopoliitiikka. 2004. Т. 1. № 2. P. 86-108.
4. Mannerheim G. Muistelmat. Os. I. Hels., 1952. 544 s.
5. Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб., 2008. 207.
6. Manninen O. Mannerheim torjui vlasovilaiset Suomesta // Sotilasaikakauslehti. 1994. N 4. S. 58-61.
7. Manninen O. Venäläisiä talvisodassa Suomenkin puolella // Sotilasaikakauslehti. 1994. N 9. S. 560-562.
8. Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. 416 с.
9. Suomela J. Rajatakainen Venäjä. Venäläisten emigranttien aatteelliset ja poliittiset mielipiteet Euroopan venäläisissä sanomalehdissä 1918-1940. Hels., 2001. 266 s.
10. «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахмеевского архива Колумбийского университета, США) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 317-333.
11. Ulkoasiainministeriön arkisto.
12. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940. Сборник документов. Кн. вторя. М., 1998. 624 с.
13. Александров К. М., Фролов Д. Д. Сбои в «системе активной несвободы» // Советско-финляндская война 1939-1940. Т. II. СПб., 2003. С. 310-354.
14. Baschmakoff N., Leinonen M. Из истории и быта русских в Финляндии // Studia Slavica Finlandensia. Tomus VII. Hels., 1990. S. 1-100.
15. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997. 430 с.

* В некоторых работах существует однако весьма сомнительное утверждение, заимствованное из воспоминаний Б. Г. Бажанова, что один из отрядов «русской армии» все же принял участие в последние дни войны в оборонительных боях финской армии. Тем не менее это заявление подтверждая лишь невероятные по своей сути фактом, что в результате уже первого соприкосновения этого отряда с советскими войсками на сторону войск Бажанова сразу же перешли 200-300 красноармейцев [См.: 13, с. 331, 345].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

16. Фролов Д. Д. По разные стороны колючей проволоки // Советско-финляндская война 1939-1940. С. 267-309.
17. Rislakki J. Erittain salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. 503 s.
18. Фролов Д. Д. Из истории зимней войны 1939-1940 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1999. 98 с.
19. Kansallisarkisto. G. Mannerheimin arkisto. 612.
20. Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1395. Л. 235.
21. Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. 316 s.
22. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939-1941. М., 1992. 303 с.
23. Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917-1939). СПб., 2003. 396 с.

Barysgnikov V.N.

MARSHAL C. G. MANNERHEIM "RUSSIAN NATIONAL ARMY": The SHIELD CONCEPT CREATION TO the BEGINNING of ITS FORMATION (1939-1940)

BARISHNIKOV Vladimir N. — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 199034, Russian Federation St. Petersburg, 199034, Mendeleevskaja lin.5.
e-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Abstract. During the «Winter War», the Finnish leadership attempted to create a -Russian People's Armyll from Soviet captive. One of the main initiators of its creation was K. G. Mannerheim. In this, the Finnish marshal relied on the support of the leadership of The Russian All-Military Union. Moreover, an attempt was made to unite other anti-Soviet forces. Therefore, Soviet dissidents were also involved in the creation of the «Russian People's Army». As a result, in Finland the work among Soviet prisoners of War was headed by B. G. Bazhanov. He was at one time the secretary of Stalin. But in the late 1920s. B. G. Bazhanov left the USSR. January 15, 1940 he met with marshal K. G. Mannerheim. From this period, Russian and Soviet emigrants were allowed to take an active part in the recruitment of Soviet captive into the «Russian People's Army». It was even created its own «headquarters» of this «army». It is located in the capital of Finland, Helsinki. However, these efforts have failed. In the ranks of the «Russian People's Army» only 150 people received «special training». As a result, by the end of the War, the «Russian People's Army» could not be created in Finland. Only 20 soldiers were transferred to the front in March 1940 But their «contribution» to the hostilities was very insignificant. Thus, the idea of creating a «Russian army» was not realized. Mannerheim was forced to abandon this plan and never again remember it.
Keywords: World War II, Soviet-Finnish War, K. G. Mannerheim, -Russian People's Armyll, white emigration, Soviet prisoners of war, B. G. Bazhanov.

**ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О
БЫВШЕМ НАЦИСТСКОМ ЛАГЕРЕ МАЛЫЙ ТРОСТЕНЕЦ**

БОГДАНОВА Анна Павловна – соискатель, Белорусский государственный университет, исторический факультет, 220030, Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, 6
e-mail: ann.bananova13@gmail.com

Аннотация. Нацистский лагерь Малый Тростенец является центральным местом массового уничтожения и использования принудительного труда на территории Беларуси в период нацистской оккупации, лагерь был создан и функционировал в окрестностях Минска с весны 1942 г. по 30 июня 1944 г. На протяжении всего периода существования лагерь Малый Тростенец выполнял две основные функции: беспрепятственное уничтожение евреев, противников нацистского режима, и физическая эксплуатация заключенных. История создания и функционирования лагеря Малый Тростенец фактически не исследовалась в советский период, а евреи, как категории жертв этого лагеря была исключена из научного и общественного дискурса. В постсоветский период научный интерес к этой теме рос, что было связано с новыми исследованиями немецких историков и журналистов. Свою роль сыграло и широкое освещение истории нацистской политики массового уничтожения в Центральной Европе и Беларуси, в частности, через неопубликованные архивные материалы. Эти действия способствовали развитию новых направлений, таких как локальная и устная история, которые бы полностью освещали историю создания и функционирования нацистского лагеря Малый Тростенец. Однако, следует заметить, что до настоящего времени в белорусской историографии пока нет специальных научных исследований, которые бы полностью освещали историю создания и функционирования нацистского лагеря Малый Тростенец. Изучение, сохранение исторической памяти о трагических событиях, происходивших в окрестностях Малого Тростенца, объективная оценка происшедшего позволят создать необходимую платформу для налаживания межкультурного и межнационального диалога, способствовать формированию общеевропейской культуры памяти о Второй мировой войне, а мемориальный комплекс «Тростенец» станет площадкой для диалога, примирения и памяти о жертвах нацистского режима, Катастрофе, военной трагедии.

Ключевые слова: историческая память, лагерь Малый Тростенец, оккупация Беларуси, жертвы нацизма, Холокост.

Центральным местом массового уничтожения и использования принудительного труда на оккупированной территории Беларуси в годы Второй мировой войны был лагерь Малый Тростенец, созданный нацистами в окрестностях Минска весной 1942 г. Он создавался, в первую очередь, для беспрепятственного уничтожения евреев, депортированных из Центральной Европы, белорусских евреев, врагов и противников нацистского режима. Другой целью создания была физическая эксплуатация заключенных. Этим целям

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

соответствовали определенные территории, входившие в инфраструктуру лагеря Малый Тростенец:

- урочище Благовщина – ключевое место массовых расстрелов и отравления в специальных газовых автомобилях (май 1942 - октябрь 1943 г.), а также место эксгумации и сожжения трупов уничтоженных людей с целью сокрытия масштабов преступлений, акции проводилась специальной командой 1005-Центр и называлась «извлечение трупов» (октябрь - декабрь 1943 г.);
- трудовой лагерь и «подсобное хозяйство СД», организованные рядом с деревней Малый Тростенец на территории довоенного колхозного хозяйства, где содержались различные категории узников: евреи, военнопленные, заключенные тюрем, осужденные за различные преступления (апрель 1942 г. – июнь 1944 г.);
- закрытая территория урочище Шашковка, с обустроенной кремационной ямой-печью, где осуществлялось сожжение трупов, уничтоженных в душегубках и расстрелянных в самой яме (февраль – июнь 1944 г.);
- бывший колхозный сарай – место массовых расстрелов последних жертв нацистского режима в деревне Малый Тростенец (29-30 июня 1944 г.).

По данным советских следственных органов, проводивших расследование в Малом Тростенце и в его окрестностях после освобождения Минска в июле-августе 1944 г., установлено, что в урочище Благовщина уничтожено дл 150 тысяч человек, в сарае сожжено около 6,5 тысячи человек, в яме-печи, по показаниям свидетелей, сожжено 50 тысяччеловек, общее количество уничтоженных в лагере Малый Тростенец составляет до 206,5 тысяч человек [2016, с.117-120]. Этой же цифры уничтоженных придерживается современная белорусская историография.

Процесс по сохранению исторической памяти о лагере Малый Тростенец был начат сразу после освобождения Минска в 1944 г., сотрудники музея истории Великой Отечественной войны организовали сбор документальных и вещественных свидетельств, относящихся к периоду функционирования нацистского лагеря. После окончания расследований нацистских преступлений, проводимого советскими следственными органами в музей были переданы предметы из ямы-печи, лагерные ворота, пепел и костные останки сожженных жертв Малого Тростенца и другие артефакты [Яцкевич, с.55-57]. С 1945 г. они находились в экспозиции музея. В 1959 г. в ходе научной экспедиции музейными работниками были собраны личные вещи и предметы, принадлежавшие жертвам Малого Тростенца. В 1986 г. Было опубликовано научно-популярное издание «Экскурсия в Тростенец», которое подготовила музейный сотрудник Алла Ванькевич [Ванькевич]. На основе доступных в то время документальных материалах и воспоминаниях очевидцев, была сделана попытка воссоздать некоторые аспекты функционирования лагеря, были указаны фамилии некоторых погибших и их фотографии. Публикация была рассчитана на массового читателя, для привлечения внимания общественности к трагедии Малого Тростенца и необходимости сохранения памяти о ней.

В 2014 г. в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны была полностью обновлена музейная экспозиция, в которой история лагеря Малый Тростенец отражена лишь фрагментарно. В 2016 г. из

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

фондов музея в Крипту минского Храма-Памятника Всех Святых были переданы останки (пепел и кости) жертв лагеря Малый Тростенец, расстрелянных и сожженных в бывшем колхозном сарае. Таким образом Крипта православного Храма-Памятника стала новым объектом по сохранению исторической памяти о трагических событиях в лагере Малый Тростенец.

В марте 2017 г. в музее истории Великой Отечественной войны была открыта специальная передвижная выставка «Лагерь смерти Тростенец. История и память». Проект был реализован Международным образовательным центром Дортмунд и Международным образовательным центром Минск и фондом «Памятник убитым евреям Европы» при участии историков и музейных работников из Беларуси, Германии, Чехии и Австрии. Цель выставки - способствовать тому, чтобы лагерь Малый Тростенец утвердился в общественном сознании как место преступлений нацизма и памятник европейского значения. В дополнение к экспозиции был подготовлен двуязычный каталог выставки. Экспонированию выставки в Минске предшествовало открытие немецкоязычной выставки 8 ноября 2016 г. в Гамбурге, откуда был отправлен первый транспорт с депортированными евреями в Минск в 1941 г.

Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны совместно с белорусскими государственными архивами было подготовлено новое издание по истории лагеря Малый Тростенец, вышедшее в 2018 г. на трех языках [Яцквич]. Материал богато проиллюстрирован архивными документами и современными фотографиями памятников жертвам нацизма и мемориального комплекса «Тростенец», созданного в 2014-2018 гг.

Строительство мемориального комплекса стало важным событием по сохранению исторической памяти о бывшем нацистском лагере Малый Тростенец. Этому предшествовали долгие годы принятия решений и постановлений на высшем государственном уровне об увековечении памяти жертв и созданию мемориального комплекса в Малом Тростенце. Уже в 1944 г. вместе с расследованием и проведением работ по установлению гибели людей в окрестностях Малого Тростенца в Чрезвычайную государственную комиссию СССР стали поступать заявления жителей Минска о расследовании гибели родственников в Малом Тростенце и увековечении их памяти [ЛМТ, с. 73-74]. В 1948-1956 гг. принимались различные постановления о создании памятных знаков на местах массового уничтожения [8, с. 360-362], благоустройстве могил [8, с. 363]. В 1956 г. Совет Министров БССР поручил Белорусскому государственному проектному институту вместе с представителем облисполкома разработать проект и определить место строительства монумента уничтоженным в окрестностях Малого Тростенца, не было реализовано. Следующим постановлением «О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в 1941-1945 гг., и об увековечении знаменательных событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории Белорусской ССР» от 8 апреля 1959 г. правительство республики поручило Министерству культуры БССР организовать в деревне Малый Тростенец филиал Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны [8, с.372-373]. В связи с отсутствием проекта для филиала историко-краеведческого музея в Малом Тростенце, строительство объекта было исключено из плана подрядных работ Министерства строительства БССР [8, с. 375].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

В справке на имя Председателя Совета Министров БССР Т. Я. Киселёва о результате обследования состояния памятников и мест захоронения погибших воинов и мирных жителей в годы Великой Отечественной войны в деревнях Большой и Малый Тростенец, датированной 31 октября 1961 г. зафиксировано: «Вблизи деревни Большой Тростенец установлен памятник замученным, расстрелянным или сожженным военнопленным Советской Армии и мирным жителям. Он был поставлен в 2-3 км от места массового уничтожения в урочище Благовщина, в связи с тем, что место массовых захоронений находилось на территории артиллерийского полигона, сами же рвы-могилы изрыты населением в поисках у останков золотых предметов (колец, зубов и т.д.), заросли бурьяном, везде валяются кости, различные предметы (обуви, одежды и обихода)» [9, с. 144].

В 1963 г. на обелиске в Большом Тростенце была установлена памятная доска с цифрой в 201500 уничтоженных человек, в том время, как официальная историография придерживалась цифры уничтоженных в 205600 человек. В этой же справке сообщается информация об установке памятного знака в деревне Малый Тростенец на месте сожженного колхозного сарая с последними жертвами лагеря Малый Тростенец [9, с. 144]. В 1965 г. был установлен новый памятный знак на месте сарая, в котором были сожжены последние жертвы лагеря Малый Тростенец, в 1966 г. – памятный знак погибшим в урочище Шашковка. После появления памятных знаков вопрос сохранения памяти о трагических событиях в окрестностях Малого Тростенца советским правительством больше не поднимался. Только после распада Советского Союза стало возможным вернуться к проблеме формирования и сохранения исторической памяти на государственном уровне. В соответствии с решением Минского городского исполнительного комитета от 30 декабря 1992 г. была утверждена охранный зона памятников истории и культуры на месте бывшего лагеря Малый Тростенец вокруг трех памятных знаков: в деревнях Большой и Малый Тростенец, урочище Шашковка, до 2001 г. вне охранной зоны была территория урочища Благовщина, являющееся центральным местом уничтожения евреев в оккупированном Минске.

В 1993 г. создается общественная организация - историко-мемориальный фонд «Тростенец», под председательством депутата Верховного Совета Республики Беларусь XXII созыва Е. А. Цумарова, которая занималась информационно-просветительской деятельностью и способствовала тому, что в 1994 г. сначала Президиум Верховного Совета Республики Беларусь принял постановление «Об увековечении памяти жертв лагеря смерти «Тростенец» (1942-1944 гг.)», а затем и правительство Беларуси - «О создании мемориального комплекса «Тростенец» [8, с.388-389]. По гражданской инициативе в 2000 г. создается общественное объединение республиканского значения Историческое общество «Тростенец», которым руководил заслуженный архитектор Беларуси Л. М. Левин, целью объединения было достойное увековечение памяти жертв Тростенецкой трагедии и создание мемориального комплекса международного значения [8, с.19]. В 2002 г. Советом Министров принимается постановление «О создании мемориального комплекса «Тростенец» в городе Минске», в этом же году в урочище Благовщина был поставлен памятный знак, в 2007 г. вся территория «Тростенца» была внесена в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Годом позже, в ходе траурных

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

мероприятий, связанных с почтением памяти жертв минского гетто, президент Лукашенко заявил о создании мемориального комплекса в Малом Тростенце.

На протяжении последующих лет проводились различные республиканские и международные архитектурно-художественные конкурсы, которые ставили цель на создание художественной композиции, а не проекта всего мемориала. Победителем была определена художественная композиция «Врата памяти» скульптора К. А. Костюченко и архитектора Е. В. Колотника, ставшая основой проекта мемориального комплекса «Тростенец», строительство которого была начато в 2014 г., торжественное открытие первой очереди мемориала состоялось 22 июня 2015 г. при участии первого лица республики, представителей дипломатических миссий и посольств европейских стран.

В процессе строительства первой очереди мемориального комплекса «Тростенец» летом 2014 г. и весной 2015 г. археологами Института истории НАН Беларуси осуществлялся надзор за земляными работами с целью поиска неучтенных археологических объектов, сбора артефактов и выявления материальных останков функционирования лагеря Малый Тростенец. В результате археологических работ был выявлен, описан и зафиксирован фундамент бывшего помещичьего усадебного дома, датируемый концом XVIII в., который, предположительно, относился к инфраструктуре лагеря, но не был принят во внимание архитекторами проекта [6, с.221]. Во время землянных работ на месте бывшего колхозного сарая, были обнаружены многочисленные человеческие останки, фрагменты обуви и личные вещи. Совместно с представителями 52-ого спецбатальона была проведена эксгумация и перезахоронение останков. Также было проведено визуальное обследование территории лагеря Малый Тростенец с фиксацией всех элементов инфраструктуры, сохранившихся на тот момент, определены границы лагеря. В урочище Благовщина были зафиксированы многочисленные свидетельства вандализма и деятельности так называемых «черных копателей», о чем было проинформировано Министерство внутренних дел Республики Беларусь, но никаких действий по поиску и наказанию виновных осуществлено не было. Следует заметить, что в результате строительства первой очереди мемориала были утрачены практически все аутентичные элементы фундаментов зданий, которые находились в хозяйственной зоне лагеря Малый Тростенец либо остались без внимания со стороны архитекторов проекта

В августе – декабре 2017 г. строительные работы по созданию мемориального комплекса были продолжены в урочище Благовщина, проект был разработан двумя мастерскими: Унитарным предприятием «Минскпроект» во главе с научным руководителем и главным архитектором проекта Анной Аксеновой и творческой группой под руководством Галины Левиной, по проекту Леонида Левина - «Дорога смерти». Следует отметить, что проекты, разработанные архитекторами «Минскпроект» не были представлены на обсуждение общественности, при строительстве была задействована дорожно-строительная техника на местах массовых захоронений. В виду такого подхода были утрачены многие артефакты, по которым можно было интерпретировать владельцев, назвать имена уничтоженных здесь жертв. Благодаря проведению археологического надзора был собран многочисленный и разносторонний материал: костные человеческие останки (антропологический анализ выявил останки 41 жертвы - 24 взрослых, 5 подростков и 12 детей), личные вещи

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

уничтоженных (посуда, столовые приборы, бритвенные и косметические принадлежности, украшения, обравы для очков и очки, портсигары, часы, лекарства, обувь, монеты, гильзы и пули, фрагменты документов и т.д.). Количество собранных предметов насчитывает несколько тысяч экземпляров, который хранится в институте истории НАН РБ, на сегодняшний день составлена полная опись предметов.

Малоизвестным местом сохранения исторической памяти о трагических событиях, происходивших окрестностях Малого Тростенца является небольшой музей истории лагеря Малый Тростенец, созданный в общеобразовательной средней школе в деревне Большой Тростенец в 1974 г. Школьный музей был открыт к 30-летней годовщине освобождения Беларуси, по инициативе директора А. Почаковского и педагога-организатора Т. Гореликовой. На протяжении 20 лет, учащиеся вместе с педагогами вели поисковую работу, встречались с очевидцами тех событий, бывшими узниками, которые жили в то время в Минске – Г. З. Бегун и М. С. Барсук. Навещали родственников погибших в окрестностях Малого Тростенца, вели с ними переписку, сотрудничали с музеем истории Великой Отечественной войны. Поддерживали контакт с учениками и последователями Е. В. Клумова, отравленного в газовой машине по дороге в Малый Тростенец в феврале 1944 г. Музей просуществовал до середины 1990-х, затем деятельность была приостановлена, накопленный материал утрачен. На сегодняшний день, школьный музей восстанавливается, обнаружена и систематизирована часть материалов, в помещении школы открыта Стена Памяти, посвященная жертвам Малого Тростенца. Благодаря инициативе директора школы Лилии Филимоновой, учителя Галины Пиляевой и других педагогов, ведется кропотливая работа по восстановлению документов, созданию архива музея, не большим тиражом, на собственные средства, публикуются материалы исследовательской деятельности педагогов и учеников.

Активную работу по увековечиванию памяти жертв Холокоста в Малом Тростенце, проводят потомки жертв, депортированных евреев из Австрии в Малый Тростенец в ноябре 1941 г. и мае-октябре 1942 г. В 2010 г. было создано австрийское общественное объединение IM-MER в главе с Вальтрауд Бартон [12, с.19], участники которого ежегодно приезжают в урочище Благовщина, где закрепляют на деревьях желтые таблички с именами родственников. В 2015 г. были опубликованный транспортные списки депортированных евреев из Вены в Минск и Малый Тростенец в 1941-1942 гг. [12]. В конце марта 2019 г. состоялось открытие австрийского памятного мемориала «Массив имен» на месте функционирования трудового лагеря Малый Тростенец. В ноябре 2019 президент А.Г. Лукашенко передал «Дому истории Австрии» в Вене 17 предметов, которые, вероятно, принадлежали австрийским жертвам и были обнаружены в ходе строительства мемориала в урочище Благовщина белорусскими археологами.

Важной составляющей по формированию исторической памяти о военных событиях является память о массовом и систематическом уничтожении нацистами и их пособниками мирного населения и военнопленных на оккупированной территории Беларуси. В данном контексте значимым историческим объектом является лагерь Малый Тростенец, который упоминается во многих исследованиях, посвященных истории нацистского оккупационного режима, но объективного и единого представления о нем до сих пор нет, что вызвано рядом причин. В советский период существовал определенный взгляд на

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

события Великой Отечественной войны как составной части Второй мировой войны, основной темой данного периода наряду с фронтовой стала тема организации всенародной борьбы в Беларуси под руководством Коммунистической партии. Проводимые исследования не отражали Беларусь как объект оккупационной политики, в связи с этим формирование исторической памяти о лагере Малый Тростенец ограничилось всего парой научных работ. К числу первых исследований, рассматривающих Беларусь как объект нацистской оккупационной политики, относится докторская диссертация В. Ф. Романовского на тему «Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941-1944 гг.)», защита которой состоялась в 1974 г. [7], не было опубликовано. В исследовании приведены общие цифры уничтоженных в Малом Тростенце и его окрестностях – 206,5 тысяч человек, материалы о массовых расстрелах, карательных операциях различных родов войск, некоторых итогах экономической и сельскохозяйственной политики, а также ряд характеристик на руководителей военной и гражданской администрации Минска, Витебска, Борисова, Слуцка и других городов. К исследованиям советского периода по истории лагеря Малый Тростенец относится работа сотрудника музея истории войны А. Г. Ванькевич, изданное отдельной брошюрой в 1986 г.

Политические и идеологические изменения в общественной жизни Беларуси в начале 1990-х гг., содействовали возникновению нового подхода к формированию исторической памяти о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войны, в том числе изучение истории создания, функционирования лагеря и мест уничтожения в окрестностях Малого Тростенца. В периодической печати стали появляться статьи о различных аспектах существования лагеря Малый Тростенец, призыв к достойному увековечению памяти жертв - создание мемориального комплекса международного значения. С конца 1990-х – начала 2000-х были опубликованы различные документы, свидетельства, научные статьи, затрагивающие различные аспекты истории лагеря Малый Тростенец. Несмотря на определенные успехи в изучении данной темы, белорусская историческая наука ограничивается десятком научных публикаций, что в первую очередь связано с доминированием устаревших взглядов и подходов к изучению истории бывшего нацистского лагеря, несмотря на доступность и публикацию ранее неизвестных документов [5, 8].

Одним из важных источников по формированию исторической памяти о нацистском лагере Малый Тростенец являются воспоминания выживших узников трудового лагеря Малый Тростенец, жителей деревень Большой и Малый Тростенец, особенно тех, кто был вынужден трудиться в «подсобном хозяйстве минского СД», а также свидетелей депортаций европейских евреев в Малый Тростенец, в результате которых они потеряли родных, близких друзей, родственников и школьных товарищей [3,4]. В 2007 г. в Праге было записано аудиовоспоминание одного из немногих выживших, чешского еврея Хануша Мюнца, депортированного в Малый Тростенец из Терезиенштадта в августе 1942 г., сумевшего бежать и присоединиться к партизанскому отряду, после окончания войны, он вернулся в Прагу. С материалами аудиointервью можно ознакомиться на портале www.pametnaroda.cz набрав в поиске Hanus Munz.

Первое опубликованное воспоминание появилось в 2010 г. на английском языке под названием «Из гитлеровских лагерей смерти в сталинский ГУЛАГ», принадлежит венскому еврею, депортированному в мае 1942 г. Альфреду Зейлеру

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

[11]. Он и его семья – отец, мать и сестра были оставлены для работы в трудовом лагере, в котором прожили более двух лет и перед ликвидацией лагеря Малый Тростенец, совершили побег. В своей книге он делится воспоминаниями о пережитых преследованиях и событиях, предшествовавших депортации в Малый Тростенец и последовавших за ней, он называет имена знакомых ему евреев, которые были убиты нацистами или подвергались их преследованиям. Он посвятил им последние страницы своей книги и перечислил там их имена, снабдив их многочисленными фотографиями. Тем самым он пытался выделить их из общего абстрактного числа убитых и оставить их имена в памяти читателей, потому что это были реальные личности.

Сегодня в Беларуси и за ее пределами ведется активная работа по сохранению и формированию исторической памяти о событиях, происходивших в окрестностях Малого Тростенца в 1942-1944 гг.: создание мемориального комплекса «Тростенец», программа по восстановлению имён всех жертв, уничтоженных в лагере Малый Тростенец, проведение образовательных экскурсий и семинаров на территории мемориального комплекса, освещении истории бывшего нацистского лагеря в СМИ, публикации новых документальных свидетельств, проведение различных памятных мероприятий, выставок, конференций, круглых столов. Сохранение исторической памяти о трагических событиях, происходивших в окрестностях Малого Тростенца, а также объективная оценка исторических событий позволят создать необходимую платформу для налаживания межкультурного и межнационального диалога. Кроме того, в современный период развития белорусского общества, исторический опыт востребован в социальной практике формирования ценностных приоритетов гражданского общества и сохранения исторической памяти о военных травмах и памяти отдельных социальных групп, особенно для новых поколений. Используя новые подходы по изучению истории лагеря Малый Тростенец и данных военной археологии, широкого круга документальных источников, воспоминаний участников и очевидцев трагических событий в Беларуси формируется новый взгляд к проблеме репрезентации создания и функционирования нацистского лагеря Малый Тростенец в историческом дискурсе.

Список литературы

1. Богданова А. Формирование и сохранение исторической памяти о нацистском лагере Малый Тростенец в белорусском обществе / Человечность в годы бесчеловечности: сохранение памяти о жертвах среди мирного населения в годы Второй мировой войны в советское и постсоветское время: исторический, образовательный и социально-культурный контекст / материалы международного симпозиума, Минск, 20-22 марта 2018 г. Минск, 2018. с. 44-46.
2. Ванькевич, А.Г. Экскурсия в Тростенец / А.Г. Ванькевич. Минск, 1986. 32с.
3. Вик Михаэль Закат Кенигсберга: Свидетельство немецкого еврея. СПб., 2004. 352 с.
4. Дробер Нехама Теперь меня зовут Нехама. Моя жизнь между Кёнисбергом и Израилем. Калининград. 2013. 220 с.
5. Лагерь смерти Тростенец. Сборник документов и материалов. Минск. 2003. 260с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

6. Кошман В.И. Лагерь Малый Тростенец и его инфраструктура по материалам археологических работ 2014-2015 годов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 27. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2013-2014 гадах. Мінск, 2016. с. 215-227.
7. Романовский, В.Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941-1944 гг.): автореф. дис. д-ра истор. наук: 07.00.02 / В.Ф. Романовский; Акад. наук БССР, отделение обществ. наук. Минск, 1974. 46 с.
8. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы. Минск, 2016. 512 с.
9. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941-2008 гг. : док. и материалы. Минск, 2008. 304 с.
10. Яцкевіч Н.А. Трасцянец. Трагедыя народаў Еўропы. Мінск, 2018. – 128 с.
11. Alfred Seiler: From Hitler's Death Camps to Stalin's Gulags. Washington, 2010
12. Waltraud Barton Maly Trostinec – Das Totenbuch: Den Toten ihre Namen geben. Die Deportationslisten Wien. Minsk, Wien, 2015. 560 с.

Bogdanova A.P.

FORMATION AND RETENTION MEMORY ABOUT THE NAZI CAMP MALY TROSTENETS

BAHDANAVA Anna P. – applicant for PhD, Belarusian state university, faculty of history, 220030 Belarus, Minsk, Krasnoarmejskaja str, 6
e-mail: ann.bananova13@gmail.com

Abstract. The Nazi camp Maly Trostenets was the major place of the mass murder and using of the forced labor on the territory of the Belarus during Nazi occupation. This camp was located near Minsk from the spring of 1942 up to 30th of June 1944. During existence, this camp functioned as a place of the mass murder of Jewish and Soviet population and place of exploitation. There was almost no research of the history of the creation and functioning of the Nazi camp Maly Trostenets in the Soviet period, actually there were only several scientific papers on this subject. More of this, Jewish as a category were excluded from scientific and public discourse. During the post-Soviet period the scientific interest to this subject grew, this was linked to the new research of the German historians and journalists. Also, the wide coverage of the history of the Nazi policy of the mass liquidation in the Western Europe and Belarus played it's role, specifically, through the unpublished archive materials. These actions facilitated the development of the new directions, such as local and verbal history. However, up to date there is no specific scientific research, which is fully cover the history of the creation and functioning of the Nazi camp Maly Trostenets. Research and preservation of historical memory of the tragic events, that took place in Maly Trostenets, can contribute to the objective assessment of the past and will allow to create a necessary platform for establishing intercultural and national dialog, facilitate to the formation of the common European culture of memory of the WWII. The Memorial Complex 'Trostenets' could become the platform for the dialogue, reconciliation and memory of the victims of Nazi regime, the Holocaust and military tragedy.

Keywords: historical memory, camp Maly Trostenets, occupation of Belarus, victims of

nazi, Holocaust.

УДК 34:622.228(477.6) «1941/1945»

Броварь А.В.

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

БРОВАРЬ Александр Витальевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и международного права ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», 283049, ДНР, Донецк, ул. Лебединского 9. e-mail: aleksandrbrovar@rambler.ru; brovar.a.v@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ процесса восстановления угольной промышленности Донецкого региона, как составляющей части экономики СССР, в период Великой Отечественной войны, а именно с момента освобождения Донбасса и до Великой Победы 9 мая 1945 года. Ключевая роль указанного процесса отводилась нормативно-правовому регулированию под единоначалием Государственного Комитета Оборона. Автор, используя документы и материалы данного периода, произвел последовательность восстановительного процесса. В статье также охарактеризовано состояние как горнодобывающей промышленности, так и региона в целом после оккупационных действий немецко-фашистских войск, показаны жесточайшие зверства захватчиков в отношении местного населения, пленных красноармейцев, партизан и подпольщиков. Раскрыта грабительская и разрушительная сущность нацистской Германии, в отношении культурных, социально-бытовых и в первую очередь промышленных объектов Донбасса. Показана регуляторно-правовая функция чрезвычайного органа ГКО, решения которого являлись векторными для восстановления и развития региона, а также основополагающими для государства в целом. В исследовании определена динамика восстановительных процессов угольной отрасли – начиная с февраля 1943 года и по май 1945 года.

Ключевые слова: угольная промышленность, Донбасс, Государственный Комитет Оборона, СССР, восстановление, правовое обеспечение.

Бессмертным подвигом в летопись Союза Советских Социалистических Республик и Российской государственности вошло время восстановления, разрушенного войной и немецко-фашистской оккупацией экономико-промышленного комплекса освобожденных территорий государства и его развитие в период Великой Отечественной войны.

Особое внимание исследователей привлекает восстановление в кратчайшие сроки производственных мощностей энергетического потенциала Донбасса – угледобычи. В существующей историографии этот период получил широкое освещение как один из ключевых моментов экономической составляющей Великой Победы над фашистской Германией.

Целью данного исследования является вопрос нормативно-правового обеспечения восстановления угольной промышленности, так как своевременное

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

правовое регулирование создало платформу и указало на первоочередные, необходимые векторы восстановления и развития угледобывающей отрасли и Донбасса в целом.

Временные рамки исследования охватывают период от момента освобождения Донбасса – сентябрь 1943 года и до Великой Победы 9 мая 1945 года.

Восстановление крупнейшей энергетической базы СССР в сложнейших условиях войны с учетом тотальных разрушений в ходе агрессии фашистской Германией и ее союзников, из числа европейских сателлитов, не имеет равного примера в мировой истории.

В довоенный период Донбасс давал около 60 процентов всесоюзной добычи угля и свыше 70 процентов коксующихся углей.

Перед угрозой оккупации советской властью проведены эвакуационные мероприятия в Донбассе: демонтаж и вывоз шахтного оборудования и техники – этого требовали обстоятельства военного времени и тяжелое положение, в котором оказалась страна в начале войны. Крайне важно было не допустить, чтобы техника, оборудование и сырье попали в руки врага и могли быть им использованы [1].

Действуя согласно директивам нацистского правительства, немецкие монополии подвергли тотальному разворовыванию и вывозу в Германию весь экономико-промышленный комплекс части территории страны попавшей во временную оккупацию – все то, что по тем или иным причинам в начале войны советская власть не успела эвакуировать в тыловые районы СССР. Грабеж материальных ресурсов оккупированных и зависимых стран представлял одно из главных направлений экономической политики государств фашистского блока [2. С. 252-253].

Кроме грабежа оккупанты пытались организовать добычу угля и запустить промышленное производство. Для этих целей гитлеровцы образовали горно-металлургическое общество «Восток»; концерн «Рейхсверке Герман Геринг», игравший в нем ведущую роль, открыл в городе Сталино свое отделение.

Довоенная добыча угля в Донбассе составляла 90 млн. т в год. Гитлеровцы же добыли здесь за все время своего господства лишь около 4 млн. т. Уголь в Донбасс, как и в другие оккупированные регионы, гитлеровцам приходилось завозить из Верхней Силезии (за 7 месяцев 1942г. доставлено 308 тыс. т угля) [3. С.816].

В период оккупации края фашистской Германией основными причинами срыва добычи угля, кроме низкой производительности труда, были невыходы шахтеров на работу, создание простоев механизмов, организация завалов стволов штореков и лав, умышленная порча механизмов.

Ключевое значение в недопущении использования ресурсов Донбасса и его промышленного потенциала являлась деятельность участников антифашистского подполья и городских партизанских отрядов, которые устраивали диверсии на шахтах и в целом противостояли оккупационной власти, войскам вермахта и карательным отрядам, нанеся существенные потери врагу, как в боевой силе, так и технике [4].

Кроме этого, действия антифашистов заставили отвлечь на себя значительные силы врага во время битвы за Сталинград и в период проведения

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Донбасской наступательной операции по освобождению Донбасса войсками Юго-Западного и Южного фронтов 13 августа – 22 сентября 1943г. [3. С. 250].

Отступая под ударами Красной Армии с советских земель, оккупанты по специальным инструкциям осуществляли тактику «выжженной земли». О целях захватчиков свидетельствует приказ Генриха Гимmlера высшему руководству СС и полиции на Украине о разрушении Донбасса (№147/43 от 7 сентября 1943 года): «... Необходимо добиться того, чтобы при отходе не осталось ни одного человека, чтобы не осталось ни одного пригодного здания, ни одной шахты, которая не была выведена из строя на долгие годы ... Враг должен найти действительно тотально выжженную и разрушенную страну» [5],[6. С. 83.].

Выполняя этот приказ, во время отступления фашисты полностью разрушили объекты угольной промышленности Донбасса, а наиболее ценное оборудование вывезли в Германию. Основные объекты шахт на день освобождения были разрушены от 33% до 91% в количественном соотношении: стволы – на 33%, копры – на 65%, паровые котлы – на 75%, машинные здания – на 91%. Перед отступлением они уничтожили и затопили в шахтах: 1900 врубовых машин, 1209 конвейерных установок, 802 электротяги, 1651 электросверло, 700 насосов, 1065 скреперных лебедок и 4 155 отбойных молотков. Объем воды, который заполнил шахтные выработки, достигал 800 миллионов кубометров. По предварительным расчетам, угольным комбинатам Донбасса был нанесен материальный ущерб более чем на 3 миллиарда рублей (в ценах 1943 г.) [7].

В период временной оккупации враг нанес народному хозяйству Донецкого бассейна ущерб на общую сумму около 50 миллиардов рублей. Так, в Ворошиловградской области гитлеровцы взорвали и затопили 314 шахт союзного и 213 шахт местного подчинения, ежегодно дававших до войны около 35 миллионов тонн угля. Только 61 из 1311 предприятий, действовавших до войны в Сталинской области, были пригодны к эксплуатации [2].

Не ограничиваясь уничтожением шахт, промышленных сооружений и оборудования, немецкие оккупанты уничтожили всю социальную инфраструктуру городов Донбасса.

В освобожденном г.Сталино (г.Донецк) осталось 175 тысяч жителей от 507 тысяч человек проживающих до войны, жилой фонд был разрушен практически полностью, а самое чудовищное наследие фашистской оккупации — это места массовых захоронений жертв нацистского режима [3. С. 250].

Такими местами в Сталино были шахта 4/4 – бис «Калиновка» в Калининском районе города – второе по массовости место захоронения жертв фашизма после Бабьего Яра в Киеве: шурф глубиной в 365 метров, 310 из которых были наполнены останками погибших людей, и где было уничтожено свыше 75 тысяч человек, среди которых были жители города, военнопленные бойцы Красной Армии, партизаны и подпольщики [9]. Кроме этой был еще ряд шахт в Сталино, Макеевке, Горловке, Красном Луче и других шахтерских городах Донбасса, в шурфах которых были умерщвлены тысячи людей.

Ужасным свидетельством античеловеческой сущности фашизма является Белый карьер в г. Сталино – гетто и место уничтожения еврейского населения города – тысячи еврейских семей, а также ряд концлагерей где были замучены десятки тысяч человек нелюдьми-оккупантами.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Немецкая оккупация оставила за собой разрушенный до камня, с загубленными сотнями тысяч жизней Донбасс – один из динамично развивающихся промышленных центров мира.

Учитывая огромную сложность и масштабность задач, связанных с восстановлением промышленности Донбасса в 1943-1945 годах, необходимо было законодательно оформить решения многих важных вопросов, которые непосредственно касались и прежде всего восстановления угледобывающей отрасли.

С началом фашистской агрессии был создан государственный орган – 30 июня 1941г., Государственный Комитет Оборона (ГКО), специальным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Центральным Комитетом ВКП (б) и Советом Народных Комиссаров СССР, на который возлагались специальные полномочия. ГКО имел всю полноту государственной власти, а его распоряжения или решения имели силу законов военного времени и являлись обязательными к исполнению как гражданами, так и государственно-военными и хозяйственными органами. Возглавил ГКО И.В. Сталин, который был одновременно Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) и председателем Совнаркома СССР [10].

Создание центральными структурами СССР данного государственного органа в период немецко-фашистской агрессии – колоссальной по своей мощи и чудовищной по своей сути, являлось единственно верным решением, которое перевело государство на чрезвычайную систему управления, сконцентрировав в своем единоначалии государственное, военное и партийное руководство.

Государственный Комитет Оборона как надпартийный, надведомственный, чрезвычайный орган государственной власти и управления, имел в своем составе Оперативное бюро – основной координационный центр – с функциями оперативного управления и принятию решений для всех структурных подразделений. Его состав был определен Постановлением ГКО от 08 декабря 1942 г., в него вошли В.М. Молотов, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, А.И. Микоян [11], [12].

В годы Великой Отечественной войны ГКО разработал, принял и реализовал ряд постановлений, направленных на восстановление и развитие угледобывающей промышленности Донбасса.

Процесс возрождения и развития каменноугольной промышленности Донбасса получил развитие задолго до полного разгрома сил врага в регионе.

С освобождением Ворошиловграда, ГКО утвердил постановление от 22 февраля 1943 г. «О восстановлении угольных шахт Донбасса» № 2925с, с момента принятия которого началась эпоха возрождения не только угледобывающей промышленности и экономики Донбасса в целом, но задан вектор развития мощнейшего мирового промышленного и энергетического центра, который являлся одной из важнейших составляющих экономики СССР, возрождение которого существенно укрепило военный и экономический потенциал государства, ускорив победу над врагом. Данное постановление являлось чрезвычайно важной задачей, выполнение которой являлось приоритетным для государственных и партийных органов УССР и Ростовской области [13.С. 95-96.], [14.], [15.].

Государственная программа по восстановлению являлась стратегическим документом и была определена постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

августа 1943г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства и оказанию помощи населению районов, освобождённых от немецкой оккупации». В целях скорейшего восстановления освобождённых территории этим постановлением, для непосредственного руководства и контроля за выполнением решений Правительства, относящихся к этим районам, был создан Комитет при СНК СССР, в состав которого вошли Г.М. Маленков (пред.), Л.П. Берия, А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский и А.А. Андреев. На данный орган возлагалась координация действий всех ведомств, занимающихся восстановительными работами на освобожденных от врага территориях. [16], [2. С. 232].

Государственный комитет обороны 26 октября 1943 года издал новое постановление. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна» №4433с в котором указывалось что «важнейшей политической и военно-хозяйственной задачей всех партийных, советских и хозяйственных организаций является восстановление в Донецком бассейне, прежде всего, угольной промышленности», утвержден и доведен для исполнения план работ на 1943 -1944гг. Наркомуголю, Главшахтострой, начальникам угольных комбинатов: Сталинуголь, Ворошиловградуголь, Ростовуголь, управляющим трестам и начальникам шахт, в котором указывалась первейшая необходимость восстановления 120 основных шахт Донбасса с довоенной добычей угля 90 тыс. т в сутки. Также указывалась необходимость разработать к 1 мая 1944 г. технические планы восстановления остальных шахт. Для компенсации потребностей угля в текущем IV квартале 1943г. возобновить работу и построить вблизи от железных дорог 400 мелких шахт, дающих 20,0 тыс. т в сутки. [13. С. 169 - 182.], [15], [17].

Интенсивность восстановительных процессов в черной металлургии, машиностроении, военной промышленности, увеличение потребностей в электроэнергии и развитии железнодорожного транспорта государства, привело к возрастающей потребности в угле, которая была реализована в постановлении ГКО от 18 июля 1944 г. «О дальнейших мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса для обеспечения углем черной металлургии, железнодорожного транспорта, электростанций и военной промышленности Юга» № 6213. Данный документ указывал на первоочередность дальнейшего восстановления и развития угольно-энергетического комплекса Донбасса, как главной государственной задачи, от выполнения которой напрямую зависел скорейший разгром врага и восстановление экономического потенциала страны. В постановлении экономически грамотно расписаны этапы дальнейшего развития каменноугольной отрасли Донбасса с указанием поквартального графика восстановления шахт и рост добычи угля на 1944год.

ГКО обязал Наркомуголь, начальников комбинатов "Сталинуголь", "Ворошиловградуголь", "Ростовуголь", "Донбассшахтострой", управляющих трестами и начальников шахт:

а) вести в 1944 г. работы по восстановлению 220 основных шахт с довоенной добычей (в июне 1941 г.) 203,7 тыс. т угля в сутки, из них 120 шахт, восстанавливаемых согласно постановлению ГКО от 26 октября 1943 г. с довоенной добычей 100,2 тыс. т в сутки, и дополнительно 100 основных крупных шахт с довоенной добычей 103,5 тыс. т в сутки;

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

б) сдать до конца 1944 г. в эксплуатацию с фронтом горных работ, обеспечивающим не менее 40 - 50% довоенной добычи, 132 шахты с довоенной добычей 79,2 тыс. т угля в сутки.

Из этих 132 основных шахт полностью закончить до конца 1944 г. восстановительные работы на 90 шахтах с довоенной добычей 40,5 тыс. т в сутки. Необходимо увеличить среднесуточную добычу угля по Донбассу с 51 тыс. т в июне 1944 г. до 54 тыс. т в июле, 60 тыс. т в августе, 66,2 тыс. т в сентябре, 72,0 тыс. т в октябре, 85,0 тыс. т в ноябре и 100 тыс. т в декабре 1944 г. [18]; [19].

Исследуя данный период в истории региона, особое внимание необходимо уделить труженикам Донбасса, их самоотверженной отдаче, колоссальному перенапряжению во время восстановительных работ, невзирая ни на какие лишения и неустроенность быта, который практически отсутствовал в разрушенном войной и оккупацией Донецком регионе. Полностью невозможно учесть весь объем восстановительных работ, но те факты, которые имеются, свидетельствуют о подвиге народа, который, не жалея себя, восстановил в сжатые сроки угольную промышленность, укрепляя и развивая энергетический потенциал страны.

С сентября 1943 по май 1946 года только шахтерами Сталинской области было откачено из затопленных шахт свыше 187 млн. куб. м воды, восстановили и вновь прошли свыше 350 тыс. м. основных горных выработок, построили 1740 тыс. куб. м промышленных зданий и сооружений, восстановили и заново построили 866 тыс. кв. м жилой площади и площади для культурно-бытовых учреждений, дали народному хозяйству свыше 30 млн. т угля [8. С.76-77]

В результате работы Государственного Комитета Обороны Союза Советских Социалистических Республик, который являлся особым государственным институтом и сконцентрировал в себе всю полноту власти и чрезвычайных полномочий, которые задали направляющие векторы в государстве, страна пришла к Великой Победе над врагом, возрождая экономику во время войны.

Этому процессу способствовали постановления ГКО, которых во время действия чрезвычайного органа было принято порядка 10 000 тысяч (последнее постановление № 9971 от 4 сентября 1945г.), ряд которых был напрямую направлен на возрождение угольной промышленности Донбасса. Их эффективность была очевидна, подтверждалась динамикой роста угледобычи и развития в целом региона. Показатели за указанный период свидетельствуют о росте угольной промышленности Донбасса – за два года после освобождения было восстановлено 129 основных и 889 средних и мелких шахт, в 1944 году добыто свыше 21 млн. т угля по сравнению с 4,3 млн. т в 1943 году это имело огромное значение для развития промышленности и транспорта западных и центральных районов СССР. В первой половине 1945 года в Донбассе вошли в строй еще 38 шахт. Добыча угля достигла 41% довоенного уровня [3. С.810- 811]

Благодаря успешному выполнению этих постановлений и братской помощи всего СССР, народ Донбасса, преодолевая невероятные трудности и лишения возродил в очень сжатые сроки главный угледобывающий регион СССР.

Восстановление угольной промышленности Донбасса было невозможно без обеспечения необходимой нормативно-правовой базы, что было обусловлено чрезвычайными обстоятельствами режима военного положения, которые требовали максимальной мобилизации материальных и человеческих ресурсов с

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

целью возрождения этой важной стратегической отрасли, которая обеспечивала производство военной продукции, а также была одной из составляющих экономики Советского Союза в военный период.

Список литературы

1. Броварь А.В. Эвакуация промышленности Донбасса в начальный период войны (август-октябрь 1941 г.). Международная научная конференция, посвященная 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. // Исторические и политологические исследования. Донецк: ДонГУ, 2000. № 1(3). С. 68-71.
2. Вторая мировая война. Итоги и уроки. Пред. главн. ред. комиссии С.Л.Соколов – М.: Воениздат. 1985. С. 232; 252-253.
3. Великая Отечественная война 1941 – 1945: энциклопедия. - / Гл. ред. М.М. Козлов. Редколлегия: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов (отв. секретарь) и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 248, 250, 816.
4. Броварь А.В. Партизанское и подпольное движение в Донецкой области в июне 1942-сентябре 1943 гг. // Исторические и политологические исследования. Донецк: ДонГУ, 2002. № 2(10). С. 132 - 137.
5. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. Ф.Р. 326. Сталинский (Донецкий) обком КП(б)У. Письма, телеграммы Наркоматов, справки, докладные записки. Телеграммы и письма партийных, советских и хозяйственных органов области по вопросам восстановления и выполнения государственного плана предприятий угольной промышленности. 12.01.1944-30.12.1944. Оп.2. Д. 463. Л. 44.
6. Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 83.
7. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 246. Л. 7.
8. Восстановление Донбасса, 1946-1950: Документы и материалы/ Ин-т. Истории партии при ЦК Компартии Украины. / Рук. кол. сост. И.Ф.Курас. / Составители А.Г. Кандаля и др. – Киев: Политиздат Украины, 1986. – III.
9. Донецкий Бабий Яр: забытая трагедия Великой Отечественной войны <https://rusvesna.su/news/1561398066>
10. Газета Правда. Вторник, 1 июля 1941, № 180 (8588), С.1 <https://electro.nekrasovka.ru/books/6148965/pages/1> .
11. Постановление ГКО от 08 декабря 1942 г «Об утверждении Оперативного бюро ГКО» № 2615с <http://www.rkka.ru/handbook/doc/gko/gko42.htm>
12. Государственный Комитет Обороны в системе чрезвычайных органов стратегического руководства страной и вооруженными силами https://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol11_Gosudarstvenniy_komitet_oboroni.pdf
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.): Сборник документов [Составители К.У. Черненко, М.С. Смиртюков]. М.: Политиздат. Т. 3. 1941-1952 гг. 1968. С. 95-96, С. 169 - 182.
14. Государственный Комитет Обороны СССР. Постановление от 22 февраля 1943 года. О восстановлении угольных шахт Донбасса. (Извлечение) <https://mail.google.com/mail/u/0/#category/updates?projector=1>
15. Постановление ГКО от 22 февраля 1943 г. «О восстановлении угольных шахт Донбасса» № 2925с <http://www.rkka.ru/handbook/doc/gko/gko43.htm>

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

16. Газета «Правда», Воскресенье, 22 августа 1943 г. № 209 (9345), С.1-4.
<https://electro.nekrasovka.ru/books/6148900/pages/1>;
<https://electro.nekrasovka.ru/books/6148900/pages/4>
17. Государственный Комитет Обороны СССР. Постановление от 26 октября 1943 года. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна.» (Извлечение)
18. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=18379225709777669952387065&cacheid=1592CEF06A5ECD125CF361D757487DD6&mode=splus&base=ESU&n=41746&rnd=0.3737323271477391#8yg4osm0qwc>
19. <http://www.rkka.ru/handbook/doc/gko/gko44.htm>
20. Постановление ГКО СССР от 18.07.1944 «О дальнейших мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса для обеспечения углем черной металлургии, железнодорожного транспорта, электростанций и военной промышленности Юга.» (Извлечение)
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=132675317908684136451395847&cacheid=51FB114FCFB300FE6036AE87AB0DFF16&mode=splus&base=ESU&n=41747&rnd=0.3737323271477391#2a4bomen0z3>

Brovar A.V.

RESTORATION AND RIGHT SUPPORT OF THE COAL INDUSTRY OF DONBASS IN THE YEARS GREAT PATRIOTIC WAR

BROVAR Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and International Law, State Educational Institution of Higher Professional Education –Donbass Law Academy, 283049, DPR, Donetsk, st. Lebedinsky 9.

e-mail: aleksandrbrovar@rambler.ru; brovar.a.v@gmail.com

Abstract. The article gives analysis of the process of restoration of coal industry in the Donetsk region, which made part of the USSR economy during the Great Patriotic War from the time of liberation of Donbass till the Great Victory on May 9, 1945. The key role in this process was assigned to legal regulation under the authority of the State Defense Committee. With the help of documents and materials of this period the author has achieved sequential restoration of the economic revival process. The article also give a detailed destription of both mining industry and other industries of the region as a whole after the occupation by the Nazi forces. The most brutal atrocities of the invaders against the local population, the Red Army prisoners of war, soldiers, partisans and underground workers are depicted in the work. The study reveals predatory and destructive nature of Nazi Germany in relation to the cultural, social, and especially industrial objects of Donbass. The legal regulatory function of the emergency body of GKO, the decisions of which were vectorial for the restoration and development of the region, and also fundamental for the state as a whole, has been enlightened in the article. The study determined dynamics of the recovery processes of the coal industry in the period from February 1943 till May 1945.

Keywords: coal industry, Donbass, State Committee of Defense, USSR, restoration, legal support.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

УДК 94.341«1946/1947»

Великий А.Ф.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ПРАВА СССР В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В БЕЛАРУСИ В 1946-1947 гг.

ВЕЛИКИЙ Анатолий Федорович – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 220030, Беларусь, г. Минск, ул. Советская, 18
e-mail: akoidanov@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию применения норм международного и внутреннего права СССР в процессе проведения открытых судебных процессов в Беларуси над военными преступниками в 1946-1947 гг. В годы оккупации Беларуси в 1941-1944 гг. были совершены многочисленные преступления против мирного гражданского населения – массовые убийства, угон населения на принудительные работы в Германию, карательные акции, создание концлагерей и мест принудительного содержания военнопленных и гражданских лиц, грабеж личного и государственного имущества, расхищение историко-культурного наследия белорусского народа. За эти преступления в ходе открытых судебных процессов в Минске, Витебске, Гомеле и Бобруйске были приговорены к высшей мере наказания – повешению и различным срокам лишения свободы виновные в их совершении. Наказание военных преступников осуществлялось на основе норм международного и внутреннего права СССР.

Ключевые слова: международное и внутренне право, военные преступники, открытые судебные процессы, Великая Отечественная война, Беларусь.

Одними из наиболее страшных последствий Великой Отечественной войны и оккупации Беларуси явились людские потери, которые понесла БССР в 1941-1944 гг. Общие потери населения составили, по данным белорусских историков, более 3,2 млн. человек. На оккупированной территории БССР было создано более 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений. Наиболее известный среди них – Тростенец, в котором погибло более 200 тыс. человек. В республике было 4800 населенных пунктов, частично или полностью было уничтожено более 9200 деревень, 628 деревень были полностью уничтожены.

Руководство Советского Союза практически с первых дней войны получало информацию о злодеяниях на оккупированной территории, однако наказать военных преступников в тот момент не могло. Главной задачей являлось освобождение территории, достижение победы, после чего можно было начинать преследование военных преступников. Вместе с тем, уже в начале войны руководство СССР распространило по дипломатическим каналам с целью информирования руководителей стран антигитлеровской коалиции доказательства злодеяний немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Советского Союза. В дипломатических нотах Наркомата иностранных дел «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» от 25 декабря 1941 г. и «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченной ими

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

территории от 6 января 1942 г., «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» от 27 апреля 1942 г. [1, с. 408-409], заявлении советского правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые в оккупированных странах Европы» от 14 октября 1942 г. [2, с. 274], не только отмечались факты злодеяний, но и подчеркивалась неизбежность уголовной ответственности за их совершение.

19 апреля 1943 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», в котором отмечалось, что «немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение. [...] Повешение осужденных – проводить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предал свою родину» [3].

Этот Указ устанавливал порядок суда над военными преступниками и предусматривал новые виды наказания – смертную казнь через повешение и ссылку на каторжные работы сроком до 20 лет. Для осужденных на каторжные работы Указ предусматривал специальные места заключения [4, с. 124].

Аналогичные преступления, но не в таких масштабах, осуществлялись на оккупированных территориях европейских стран. В связи с этим, союзники по антигитлеровской коалиции пришли к согласию в необходимости наказания военных преступников за совершенные ими злодеяния. Юридическая ответственность впервые была зафиксирована в Московской Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые ими преступления от 30 октября 1943 г., которую подписали руководители трех стран антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и СССР [5, с. 363-364]. Необходимо отметить, что инициатором этой Декларации выступил премьер-министр Великобритании У. Черчилль. 13 октября 1943 г. он направил Председателю СНК СССР И. Сталину послание, в котором впервые сформулировал необходимость наказания военных преступников. В частности, он подчеркивал, что «Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются [...]. Новое заключается в том, что многие из этих территорий освобождаются наступающими армиями держав-освободительниц и что в своем отчаянии отступающие гитлеровцы и гунны удваивают свои зверства. В соответствии с вышеизложенным три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух Объединенных наций настоящим торжественно делают заявление и предупреждение своей следующей декларацией: В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может создано в Германии, все германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно приняли участия в них, будут отосланы в страны, в которых были совершены ими эти отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности с учетом оккупированных частей России, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии. [...]. Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, будут предупреждены и с тем, чтобы они не оказались в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и выдадут их обвинителям с тем, чтобы могло совершиться правосудие» [5, с. 80-81].

Предложение У. Черчиля было поддержано И. Сталиным и Ф. Рузвельтом и закреплено Московской конференцией (19-30 октября 1943 г.) как «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства».

Указ Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г. значительно расширил положения Московской Декларации. Если в ней речь шла о немецких преступниках, то в Указе конкретно «прописывалась» национальность преступника «итальянцы, румыны, венгры, финны», т.е. граждане сателлитов фашистской Германии, которые совершали преступления на оккупированной территории Советского Союза и Беларуси.

Коренной перелом во Второй мировой и Великой Отечественной войнах позволил перейти от декларативных заявлений к практической реализации. В условиях военного времени была выработана нормативно-правовая база, в соответствии с которой судили военных преступников. В ноябре 1942 г. в СССР была введена уголовная ответственность для немецко-фашистских преступников и их соучастников за совершенные на оккупированной территории таких преступлений, как убийства и истязания мирных граждан, принудительный вывоз советских граждан на принудительные работы, грабеж мирного населения и вывоз в Германию личного имущества граждан (а также колхозного и совхозного имущества, разрушение памятников искусства и культуры народов Советского Союза, расхищение художественных исторических ценностей [6, с. 11].

Отметим, что в ходе освобождения Беларуси ее население требовало наказания военных преступников. В освобожденных городах и местечках проходили митинги, на которых принимались резолюции, требующие наказания военных преступников. Так, например, по случаю освобождения Могилева 9 июля 1944 г., состоялся митинг, на котором было принято обращение граждан города к военному совету 2-го Белорусского фронта, в котором подчеркивалось: «Мы никогда не забудем, никогда не простим гитлеровским преступникам их черные злодеяния. Это они, гады, насильственно угнали в свое фашистское логово тысячи людей, расстреляли, отравили в душегубках, замучили голодной смертью и пытками десятки тысяч лучших сынов города и военнопленных тела, которых зарыты на аэродроме в районе Луполова, у авторемзавода Дубровенки, Пашкова, Палынковичи, чтобы скрыть следы своих гнусных преступлений, фашистские людоеды отрывали трупы убитых и сжигали, но никогда никакие увертки не спасут мерзавцев от правосудия. Настало время отвечать» [7, л. 51].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Освобожденные из лагеря Озаричи в начале апреля 1944 г. направили на имя И. Сталина письмо, в котором, в частности, призывали «воинов Красной Армии, партизан и партизанок, наших сыновей, отцов, братьев – отомстить за нас, беспощаднее громить немецких душегубов как бешенных собак, как вырожденков Гитлера, этого исчадия ада. Смерть и мщение немецким захватчикам» [7, л. 79].

Проведение учета ущерба и составление списка военных преступников были возложены на Республиканскую чрезвычайную комиссию по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков (РЧГК), также на соответствующие областные комиссии. Они передавали собранные ими сведения органам СМЕРШ, Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ), Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), военной прокуратуры, которые занимались поиском обвиняемых в лагерях для военнопленных на территории СССР и европейских стран и их этапированием в города, в которых проходили процессы.

Так, начальник управления контрразведки СМЕРШ 1-го Прибалтийского фронта М. Ханников направил 14 февраля 1944 г. первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко письмо, в котором сообщал, что «Управлением контрразведки «СМЕРШ» 1-го Прибалтийского фронта принятыми мерами розыска установлены и арестованы ряд лиц-изменников Родины, принимавшие участие в злодеяниях, творимыми немцами над советскими гражданами в г. Городок и Городокском районе» (Витебской области – А.В.) [8, л. 93]. Органами контрразведки СМЕРШ в Праге был арестован и этапирован в Минск на судебный процесс Эберхардт Герф – начальник полиции Беларуси заместитель начальника главного штаба по борьбе с партизанами. Ганс Кох – обер-лейтенант СС, криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове и Слониме, был взят в плен весной 1945 г. в Германии американскими солдатами, передан советской военной администрации в Германии (СВАГ), а затем этапирован в Минск, где и предстал перед судом. Аналогичным образом были доставлены военные преступники на открытые процессы в Гомель, Витебск и Бобруйск.

Отметим, что многие военные преступники избежали наказания за свои злодеяния. Так, управление контрразведки СМЕРШ Южной группы войск РККА 24 июля 1944 г. были арестованы австрийцы Э. Фридл, И. Айгеман, К.Бюхнер, И. Руис и И. Карнер, которые в 1942-1943 служили в полиции безопасности и охраны порядка в Беларуси и «принимали участие в массовых истреблениях советских людей в специальных машинах (душегубках). Таким образом, ими было умерщвлено в районе Минска до 25-30 тыс. советских граждан» [9, с.129-130]. В связи с этим, возможно говорить о том, что в определенной степени при определении количества военных преступников и их этапировании на процессы, присутствовал элемент случайности. Пока нет ответа, кто и когда принимал решение о том, сколько должно быть на процессе подсудимых.

Важнейшим элементом процессов являлось присутствие свидетелей. Например, на Минский процесс было приглашено 56 свидетелей, которые представляли всю Беларусь. Как это не парадоксально звучит, но советская власть «использовала» и православных священников в качестве свидетелей. Так, на Минском процессе священник Вилейской православной церкви Л. Белявский сообщил: «Я доложу высокому трибуналу только то, что я знаю, что я сначала проверил. В период немецкой оккупации территории Беларуси я проживал в Вилейке и как местный священник имел широкое общение с духовенством

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Вилейской области. [...] Отношение оккупационных властей к трудящемуся населению города Вилейки и области можно назвать жестоким и бесчеловечным. Это отношение воскрешает в памяти мрачный период, когда с одной стороны, царило полное правовое бессилие и беззащитность, а с другой, безграничное насилие и безнаказанность» [10, с.414].

Первым судебным процессом, на котором разбирались зверства немецко-фашистских захватчиков и их пособников, был проведен военным трибуналом Краснодарский судебный процесс. Он состоялся в июле 1943 г. и проходил публично. Такие же судебные процессы прошли в августе 1943 г. в Краснодаре и в декабре этого же года в Харькове и Смоленске [4, с.126].

Первые открытые судебные процессы, проведенные военными трибуналами задолго до окончания войны, имели большой внутренний и международный резонанс. Это стало прецедентом судебного разбирательства по делам не только прислужников оккупантов – изменников Родины, но и непосредственных немецких преступников, уличенных в совершении тяжких военных преступлений. Позднее, судебные процессы над военными преступниками прошли в Киеве, Ленинграде, Риге, Брянске, Великих Луках и ряде других городов.

Подобные процессы состоялись и на территории Беларуси. Первым стал процесс, который прошел в Минске с 15 по 29 января 1946 г. Перед судом Военного трибунала Минского военного округа по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в БССР в 1941-1944 гг. предстали 18 бывших военнослужащих германской армии и полиции, среди которых были два генерал-майора, полковник полиции, подполковник полиции, капитан полиции, капитан, лейтенант войск СС, лейтенант, вахмистр, унтершарфюрер обер-ефрейтор и три солдата. Этот процесс, как и все остальные в Беларуси, контролировался Москвой и именно оттуда давались директивные установки о его проведении. Так, в телеграмме из Москвы, адресованной наркому МГБ Л. Цанаве и наркому НКВД С. Бельченко начальнику Управления контрразведки «СМЕРШ» Белорусского военного округа (БВО) рекомендовалось: «Согласно директивных органов в Минске будет проведен открытый судебный процесс над группой избличенных в зверствах против советских граждан бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов. По Минску намечено 17 преступников. Срок окончания следствия по делу определен 10.01.1946 г. Судебный процесс должен быть начат 15.01.1946 г.» [4, с.128].

Председателем суда назначался генерал Юстиции Кедров – председатель военного трибунала Барановичского военного округа, государственным обвинителем – генерал-майор юстиции Яченин – военный прокурор оккупационных войск в Германии.

Для оказания практической помощи в проведении следствия, а также в его организации, подготовке и проведении судебного процесса из Москвы была командирована группа оперативных работников НКВД, НКГБ СССР и Главного управления контрразведки «СМЕРШ» в составе четырех человек [4, с.128].

Всех обвиняемых военнопленных доставили в тюрьму НКВД № 1 в Минске и разместили в главном корпусе на втором этаже. Для их охраны был подобран 21 надзиратель, их числа сотрудников надзорсостава тюрьмы, которые осуществляли охрану, надзор и обслуживание обвиняемых. Тщательный контроль был установлен и за обвиняемыми. Он осуществлялся десятью секретными

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

сотрудниками НКВД, помещенными в камеры вместе с обвиняемыми. Это были советские осужденные граждане, владеющие немецким языком, отбывавшие различные сроки наказания за совершенные преступления и давшие согласие на секретное сотрудничество с НКВД [4, с.130].

Организационные мероприятия предусматривали и меры по выявлению политического реагирования на судебный процесс со стороны различных слоев местного населения, а также военнопленных. Ежедневно предполагалось присутствие в зале суда около 300 человек из различных районов республики, которых доставляли в Минск на автомашинах.

Доказательной базе виновности подсудимых уделялось особое внимание. Для производства предварительного следствия был подобран квалифицированный следственный аппарат, созданы условия для его деятельности. Задачи обвинителей заключались в подборке и комплектовании всех документальных доказательств обвинения, в допросе до начала процесса подсудимых и свидетелей. Основным материалом, подтверждавшим их преступления в Беларуси, был предоставлен Чрезвычайной государственной комиссией республики. Допросы подсудимых велись в соответствии с советским процессуальным законодательством, через переводчиков, результаты фиксировались в протоколах. Подписанный допрашиваемым протокол становился официальным документом, имеющим силу судебного доказательства.

В процессе подготовки к суду многое делалось для сбора и документированию свидетельских показаний, розыску и доставке свидетелей и документов, которые должны были предъявляться в суде. Собранные материалы, подтверждающие виновность подсудимых, систематизировались по отдельным видам преступлений: а) истребление мирных советских граждан; б) зверские расправы и издевательства над советскими военнопленными; в) массовый угон гражданского населения на принудительные работы; г) разрушение городов, деревень и грабеж мирного населения и т.д. Собранные доказательства обвинения систематизировались и по каждому обвиняемому.

По материалам следствия и актам ЧГК БССР составлялось обвинительное заключение, которое 11 января 1946 г. было утверждено Главным военным прокурором Красной Армии генерал-лейтенантом Афанасьевым. Копии обвинительных заключений 13 января 1946 г. были вручены обвиняемым для ознакомления. Каждому из них вменялись в вину конкретные факты, установленные следствием и тщательно проверенных по документам [4, с. 131].

В соответствии с нормами советского уголовно-процессуального законодательства подсудимым была обеспечена защита, которую осуществляли восемь адвокатов, предварительно прошедших тщательный отбор и проверку.

За время судебного разбирательства с 15 по 29 января 1946 г. трибунал провел 28 открытых заседаний, на которых заслушал 57 свидетелей, изучил значительное количество письменных показаний и других документов, приобщил к следственному делу в качестве вещественного доказательства документальный фильм «О зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Белорусской ССР» [4, с. 132].

Предъявленные обвинения в ходе судебного разбирательства были доказаны, вина подсудимых в совершении каждого из вменяемых им преступлений установлена. Военный трибунал признал их всех виновными в преступлениях, предусмотренных статьей 1 Указа Президиума ВС СССР от 19

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

апреля 1943 г. и, руководствуясь ст. 3 УК, стст. 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) БССР, 30 января вынес приговор, по которому 14 обвиняемых приговаривались к смертной казни через повешение, 2 – к 20 годам каторги, 2 – к 15 годам каторги.

30 января 1946 г. на Минском ипподроме публично в присутствии около 200 тыс. человек приговор над 14 военными преступниками был приведен в исполнение. Приговоренные к лишению свободы были направлены в специальные места заключения за пределы республики.

Суды в Беларуси над военными преступниками положили начало судебной практике по применению уголовного законодательства к лицам, виновным в преступлениях против человечества.

Открытые судебные процессы над военнопленными, изобличенными в совершенных преступлениях в 1941-1944 гг. на территории БССР, состоялись в Бобруйске, Витебске и Гомеле. На них первоначально намечалось предать суду военного трибунала 44 военнопленных, из них в Бобруйске – 22, Витебске – 9, Гомеле – 13 [4, с. 135]. Однако в процессе следствия численность обвиняемых была доведена до 47 человек. В Бобруйске перед судом предстал 21 обвиняемый, в Витебске – 10, в Гомеле – 16 преступников. В их числе было 11 генералов, 2 полковника, 5 подполковников, 4 майора, 6 капитанов, 6 обер-лейтенантов, 1 лейтенант, 3 унтер-офицера, 5 обер-ефрейторов, 1 ефрейтор и фельдфебеля [4, с. 135].

В Бобруйске дела привлекаемых к уголовной ответственности рассматривались военным трибуналом БВО на открытых судебных заседаниях в период с 20 октября по 4 ноября 1947 г., в Витебске – в помещении городского театра военным трибуналом Прибалтийского военного округа с 29 ноября по 31 декабря, в Гомеле – в клубе железнодорожников военным трибуналом войск МВД Белорусского округа с 13 по 20 декабря 1947 г. [4, с.136].

Для ведения следствия по делам обвиняемых и сбора доказательной базы их преступлений были созданы три оперативные группы: в Бобруйске – в количестве 73 человек, в Витебске – в количестве 40 человек, в Гомеле – в количестве 49 человек, состоявших из представителей союзных и республиканских органов МВД.

Окончательное решение о готовности следственных материалов к судебному рассмотрению принималось в Москве. Так, например, по окончании следствия в Бобруйске из Москвы было получено распоряжение: «Начальнику оперативно-следственной группы Прошину, военному прокурору полковнику юстиции Завьялову и председателю военного трибунала генерал-майору юстиции Кедрову вместе с законченным делом, обвинительным заключением и обвинительной речью прокурора прибыть в Москву 22 октября для доклада правительственной комиссии по организации судебных процессов» [4, с.139]. Аналогичные распоряжения были направлены в Витебск 22 декабря, а Гомель – 8 декабря 1947 г.

Все судебные процессы прошли в установленные сроки и в присутствии большого количества людей. В ходе судебных заседаний было установлено, что лица, представшие перед судом виновны в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г. Все 47 обвиняемых, бывших военнослужащих немецкой армии и карательных органов, были приговорены

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

военным трибуналом к 25 года заключения каждый с отбыванием срока наказания в особых лагерях МВД СССР [4, с. 143].

Необходимо обратить внимание еще на один судебный процесс, который имел самое непосредственное отношение к Беларуси, однако состоялся не в БССР и не в первые послевоенные годы, а в Западной Германии в Кобленце в 1962-1963 гг.

Этот процесс характерен тем, что на нем отсутствовала делегация от Беларуси, несмотря на то, что в суде присяжных г. Кобленца рассматривалось уголовное дело по обвинению ответственных сотрудников полиции безопасности и СД, совершивших преступления на временно оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Это объясняется тем, что немецкие власти отказались предоставить визы и дать разрешение белорусской, равно как и союзной делегации на въезд в ФРГ и, соответственно, в выступлении на судебном процессе в Кобленце.

Несмотря на отказ немецкой стороны в предоставлении виз, в БССР все же готовились к этому процессу. Была создана белорусская комиссия в составе 10 человек, которую возглавил министр иностранных дел БССР К.В. Киселев. В Кобленц должны были также ехать видные советские юристы-международники: адвокат В.А. Самсонов, который должен был представлять интересы потерпевших советских граждан, проживавших на временно оккупированной территории Беларуси и государственный обвинитель – Н. С. Сергеев, профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой юридического факультета Ленинградского университета.

Белорусская делегация подготовила к процессу в Кобленце «Сообщение Белорусской республиканской государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» [11, л. 6], а также материалы, предоставленные КГБ при СМ БССР специально для выступления белорусской делегации на процессе. Обвинения были выдвинуты против 12 ответственных сотрудников Службы Безопасности (СД) в Беларуси, которые предстали перед судом в Кобленце в качестве обвиняемых [11, л. 7]. Их имена фигурировали на Минском процессе, однако они смогли скрыться и судопроизводство в отношении их было приостановлено, но не прекращено.

В «Сообщении...» отмечалось, что во время оккупации эти лица были виновны в сожжении белорусских деревень и уничтожении мирного населения [11, л. 12].

В заключении «Сообщения...» отмечалось, что «Белорусская республиканская государственная комиссия по расследованию и установлению злодеяний гитлеровцев считает, что бывшие сотрудники полиции безопасности и СД в Белоруссии Хойзерг Георг, Фридрих Ульрих, Кауль Вильгельм, Вильке Артур, Шлогель Рудольф, Федер Иоганесс, Освальд Якоб, Марбар Фридрих, Вертхолц Эрнст, Фон толь Эберхардт, Хардер Артур, Дальхаймер Карл, находящиеся в настоящее время на скамье подсудимых в земельном суде в городе Кобленц, полностью изобличены в совершении на временно оккупированной территории Белорусской ССР тячайших военных преступлений и преступлений против человечности, за что должны понести суровую кару. При этом комиссия считает, что обвинения, предъявленные этим лицам на судебном процессе в Кобленце, не составляют и десятой доли тех преступлений, которые были в действительности ими совершены и которые доказаны имеющимися в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

распоряжении Комиссии документальными доказательствами. Многочисленными показаниями свидетелей и другими данными. [...] Именем сотен тысяч жертв фашистского террора, миллионов мирных жителей, перенесших несчастье и горе, унижение и издевательства, мы требуем справедливого наказания преступников, сидящих на скамье подсудимых в Кобленце и их соучастников, находящихся на свободе и пользующихся покровительством властей ФРГ» [11, л.17].

В выступлениях адвоката В. А. Самсонова также неоднократно упоминались сожженные деревни и убитые жители этих деревень [11, л. 31]. В заключении В. А. Самсонов призвал судей в Кобленце объективно рассмотреть все предъявленные обвинения и осудить всех обвиняемых.

Выступление доктора юридических наук, профессора Н. С. Алексеева было посвящено анализу права ФРГ в отношении военных преступников. Он в частности отметил, что «В ФРГ нет каких-либо законодательных постановлений относительно уголовной ответственности нацистских военных преступников. Уголовное преследование военных преступников осуществляется на основании статей УК (211), предусматривающих ответственность за убийство из низменных побуждений. Таким образом, получается одинаковая ответственность как за убийства одного человека, так и за убийство нескольких десятков и сотен тысяч людей. [...] Они могут быть осуждены по статье, предусматривающей лишь единичное убийство, что бесспорно, обеспечивает смягчение ответственности военным преступникам» [11, л. 46]. Он также отметил, что в УК ФРГ нет норм права, карающие за преступление против человечества, т.е. фактически законодательство ФРГ «вывело» из своей юрисдикции нормы права, преследующие военных преступников. В заключении своего выступления он подчеркнул, что «По мнению советских юристов, необходимо строго придерживаться международно-правовых документов, которые требуют проведения борьбы с преступлениями фашизма. Привлечение к судебной ответственности всех лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности, как это предусмотрено соглашениями 1945 г. и подтверждено резолюциями ООН, является общепризнанной нормой международного права, обязательной для всех государств, в том числе и для ФРГ» [11, л. 52].

Преступления подсудимых были таковы, что признать их невиновными не могло даже западногерманское правосудие. 21 мая 1963 г. суд г. Кобленца признал виновными и приговорил К. Дальхаймера к 4 годам тюремного заключения, Г. Хойзера – к 15, Ф. Мербаха – к 7, Р. Шлегеля – к 8, Ф. Штарка – к пожизненному тюремному заключению, А. Вильке – к 10, Й. Федера – к 4, В. Кауля – к 4, Я. Освальда – к 4, Э. фон Толля – к 4 и только Артур Хайдер был оправдан.

Необходимо отметить, что австрийский историк С. Карнер, анализируя судебные процессы в Советском Союзе над военными преступниками приходит к заключению, что «процессы над военными преступниками в Советском Союзе и осуждение военнопленных и гражданских лиц по разным причинам не могут быть названы исходящими из гуманного и демократического толкования права. Это связано с их политической направленностью и тем, как они проводились и с недостаточностью доказательств. Без сомнения среди осужденных были и те, которые участвовали в зверствах или же отдавали приказы об их совершении и таким образом навлекли на себя тягчайшую личную ответственность» [12, с.202].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Безусловно, политические и идеологические составляющие открытых процессов имели место. Однако, с мнением С. Карнера нельзя согласиться. О какой «гуманности и демократичности объяснения права» можно говорить, когда вилейский священник относительно «нового немецкого порядка», который господствовал на белорусской земле, справедливо сказал, что «с одной стороны царило полное правовое бессилие и беззащитность, а с другой – безграничное насилие и безнаказанность».

Открытые судебные процессы в Беларуси в Минске, Гомеле, Витебске и Бобруйске – это обоснованное и законодательно закрепленное в соответствии с нормами международного и внутреннего права СССР применение уголовной ответственности за преступления против человечности. Это заслуженное наказание военных преступников за те злодеяния, которые они совершили в Беларуси в 1941-1944 гг.

Список литературы

1. Хорьков В. Нацистская война на уничтожение в советских дипломатических документах // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 г.) М., 2010. С. 408-409.
2. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы / Под. ред. П.А. Жилина. М., 1987. 350 с.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и из пособников» // Режим доступа: http://libusrr.ru/doc_ussr/ussr_4421.htm (дата обращения 14.02.2020).
4. Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944-1951 гг. Минск, 2003. 168 с.
5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Т.1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 окт. 1943 г.) М., 1978. 422 с.
6. Шарков, А. Генералы вермахта в плену / Беларускіх гістарычны часопіс. 2006, № 1. С.11
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Ф.4п, Оп.29, Д.7, Л.51
8. НАРБ, Ф.845, Оп.1, Д.21, Л.93.
9. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы. Минск, 2003. 293 с.
10. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15-29 января – января 1946 г.), Минск, 2010. 420 с.
11. НАРБ, Ф.1440. Оп.3. Д.961. Л.6
12. Карнер, С. Архипелаг ГУПВИ: пленные и интернированные в Советском Союзе: 1941-1956 гг. М. 2007. 260 с.

Vialiki A.F.

**APPLICATION OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW OF THE USSR
IN TRIALS OF WAR CRIMINALS IN BELARUS IN 1946-1947**

VIALIKI Anatoli F. – PhD, Belarussian State Pedagogical University named by Maksim Tank, 220030, Belarus, Minsk, Sovetskaja str., 18
e-mail: akoidanov@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the study of the application of the norms of international and domestic law of the USSR in the process of conducting open judicial proceedings in Belarus over war criminals in 1946-1947. During the occupation of Belarus in 1941-1944. numerous crimes were committed against civilians - mass killings, theft of the population in Germany for forced labor, the creation of concentration camps and places of forced detention of prisoners of war and civilians, the robbery of personal and state property, the theft of the historical and cultural heritage of the Belarussian people. For these crimes, during open trials in Minsk, Vitebsk, Gomel and Bobruisk, they were sentenced to capital punishment - hanging and different terms of imprisonment. The punishment of war criminals was carried out on the basis of the norms of international and domestic law of the USSR.

Keywords: international and domestic law, war criminals, open trials, World War II, Great Patriotic War, Belarus.

УДК 355.48(47+57) «1941/1945»

Гаража Н.А.

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И МЕДИЦИНСКОЕ
ОБСЛУЖИВАНИЕ «ВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ» В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ**

ГАРАЖА Наталия Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 353907, Россия, Новороссийск, ул. Видова, 56.
e-mail: ngarazha@yandex.ru

Аннотация. Исключительность ситуации для советских граждан оказаться на территории военного противника и работать на его экономику, безусловно, вносила существенные коррективы в их интимно-личностную повседневность. Зона комфорта для «восточных рабочих», прежде всего, определялась не рефлексией по поводу статуса (свободы/несвободы), не отношением к идеологии труда (на врага, насильственного или добровольного с получением новых знаний, умений, навыков), а возможностью продолжать и развивать свою жизнь с опорой на элементарные бытовые условия. В первом ряду среди которых – это еда, характеризующаяся в таких категориях как качество, разнообразие, количество, место, время, продолжительность приема пищи. А также гигиенические условия

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

быта, выражаемые в наличии достаточного и разнообразного количества одежды, налаживании источников ее восполнения, возможности ее сбережения и содержания в должном виде. Важную роль играли и такие специфические черты быта как наличие предметов личной гигиены, холодной и горячей воды. Результаты исследования показали, что рефлексия своей новой жизни была характерна для оstarбайтеров, независимо от их возрастных и гендерных, социальных характеристик, и занимала ключевое место в разговорах и текстах (письмах, дневниках). В то же время мысли и чувства о кардинальных переменах в жизни оказывали на них разнообразное воздействие: от глубокой депрессии с предчувствием смерти до стремления к сопротивлению и реализации его, желания стать частью новой социокультурной общности и т.д. Германская пропаганда, нацеленная на «восточных рабочих», одновременно учитывала фактор актуальности налаженности комфортного быта для них. В то же время «культура», выступая одним из генеральных пропагандистских постулатов, предполагала не столько духовную составляющую, сколько телесную. Поэтому в германских пропагандистских материалах находим подробные инструкции по организации быта восточных рабочих, вплоть до распорядка дня, правил гигиены и т.д.

Ключевые слова: оstarбайтеры, «восточные рабочие», повседневность, Великая Отечественная война, Третий рейх, депортация, пропаганда.

С древних времен люди были включены в бесчисленные материальные структуры мира повседневной жизни (пространственные, временные, физические). Одна из них - это питание. Производство продуктов питания и вся связанная с этим процессуальность в виде технологии и техники приготовления пищи, обычаи потребления, предметы кухни тесно вплетены в историю человеческих отношений. Человек посредством еды и предметов первой необходимости связан с другими людьми. И как показала история, эта связь может носить и деструктивный характер, когда человек человека наказывает, угнетает посредством лишения доступа к пище и элементарным, но повседневно важным вещам как одежда, медицинское сопровождение.

Советские граждане, оказавшиеся на территории Третьего рейха, испытывали весь возможный спектр трудностей, связанных с удовлетворением повседневных потребностей человека в воде, пище, медицинском обслуживании и одежде. Обеспечение всем необходимым зависело от места пребывания, а в большей степени, от произвола лиц, которым была вверена судьба наших граждан, принудительно ставших «восточными рабочими». Выделялся также целый спектр полуформальных признаков нормирования продуктами питания и одеждой: от половозрастных до эффективности выполнения трудовых норм. Мы можем говорить о более чем 7 миллионах гражданских и военнопленных, пытаемых и истязаемых, в том числе лишением пищи и одежды. Из них, более 50 % были женщины.

Самой востребованной категорией были бы потенциальные рабочие в возрасте от 17 до 21 года. Молодые люди и подростки направлялись на работу на сданные в эксплуатацию предприятия в качестве подмастерьев, из которых в дальнейшем планировалось пополнить отряд квалифицированных рабочих [1, л. 21]. Вывоз населения целыми семьями применялся в партизанских районах и прифронтовой зоне.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

«Восточные рабочие» содержались в специальных лагерях в Германии при фабриках или в распределительных лагерях, где происходила реальная торговля людьми и откуда покупатели доставляли рабочих на свои предприятия или домой. В.Н. Земсков приводит данные о том, что 40% оstarбайтеров содержались в лагерях, а 60% - по месту жительства хозяев [2, с. 40].

Лагерь для оstarбайтеров мало чем отличался от концлагерей. Одним из сдерживающих факторов в лагерях были публичные казни сопротивляющихся, отказывающихся работать или полностью истощенных заключенных. При неудовлетворительном питании заключенные были вынуждены выполнять невыносимо тяжелую работу. Ковшарь В. М. вспоминал, что в лагере в Линце (рабочие рыли там бомбоубежища для трех заводов) у них в сутки была норма 200 граммов хлеба [3].

Неуместность нахождения женщин в лагерях вызывала закономерный вопрос, вопрос-восклицание: «... почему же мы, женщины, в лагере для пленных? Нас, русских женщин, взяли в плен?» [4, с. 96].

Как правило, рабочий день начинался в 6 утра и продолжался до 6-7 вечера с перерывом в 30 минут на обед. Рабский труд выводил из строя даже физически сильных и выносливых людей. И это при приеме пищи: завтрак - эрзацкофе, обед - 0,5 л брюквенного супа, ужин - эрзацкофе, 300 гр. хлеба, в 1944 году - 200 гр. [5, л. 18]. Многие вспоминают рабочий день в 14-15 часов и более скудное питание.

Для «восточных рабочих» не существовало никаких гендерных или возрастных ограничений на рабочую нагрузку. Вот воспоминания В. Д. Атрохина (1932 г. р.), отнюдь не единичные: «отношение лагерной администрации к нам, детям, было не лучше, чем к взрослым. Мы делали одну и ту же работу, даже питались в одном и том же количестве, сострадание полностью отсутствовало. Если ребенок падал или плакал, они могли спокойно застрелить его. Мы рано повзрослели. Мы не знали детства» [6, с. 232]. Согласно постановлению Заукеля от 26 марта 1944 года из зарплаты «восточного рабочего» на питание детей до 10 летнего возраста предприниматель в день вычитал не менее 0,50 немецкой марки, а до 14 — 0,75 немецкой марки [7, с. 200]. При этом заработная плата взрослого и ребенка отличались существенно. Рабочие-специалисты и мастера получали в среднем 2 р. 50 коп. в час, квалифицированные рабочие – 1 р. 70 коп. в час, неквалифицированные рабочие – 1 руб. в час, подсобные рабочие моложе 16 лет – 50 коп. в час. За несчастные случаи со смертельным исходом не выплачивается ни пенсия, ни единовременное пособие [8, л. 16].

Советские дети и молодежь в условиях принудительного трудоустройства подвергались дискриминации в быту. Их багаж при депортации был ограничен до 10 кг, у взрослых - 20 кг [9, л. 3]. За невыполнение рабочей нормы дети лишались убогой, но все же миски баланды [10, с. 51]. Более того, согласно приказу Ф. Заукеля от 26 марта 1944 года, предприниматель вычитал из заработной платы «восточного рабочего» не менее 0,50 немецких марок в день на содержание детей в возрасте до 10 лет, а также на детей до 14 лет - 0,75 немецких марок [11, с. 165].

С другой стороны, те, кто был переселен в специализированные «семейные лагеря» и использовался в основном в сельском хозяйстве, считавшееся одной из, так называемых, «русских отраслей» [12, л. 34] были в большей степени защищены поддержкой близких людей, чему также масса свидетельств. «... Вышла я замуж уже в Германии с такого соображения, что нам говорили, что

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

семейным лучше. Но оно и в самом деле лучше. У нас семейные достают, только что хотят...» [13, л. 82], - писала родителям одна девушка.

Санитарная обстановка мест расселения восточных рабочих также вызывала массу нареканий. «Полотенце одно на всех, мыла нет, одно ведро воды в день на 18 человек» [14, с. 109-111] - типичная ситуация условий и в лагерях, и на многих сельскохозяйственных и промышленных предприятиях.

Одной из наиболее болезненных проблем насильственного угона советских граждан на территорию Третьего рейха стал вопрос о сохранении беременности у женщин - остарбайтеров и судьбах новорожденных. Проблема беременности у женщин - «восточных рабочих» рассматривалась как непредусмотренное и нежелательное отягощение и предмет серьезного беспокойства. Дешевизна женского труда, его высокая производительность вследствие пропуска рабочего времени и роста лагерного населения по причине беременности приводила к организационным и финансовым проблемам для работодателя [15, с. 324]. Обеспечение рождения и уход за детьми лежали на плечах последних, они же определяли нормы питания детей, что вызывало недовольство, конфликтные ситуации с властями, а в итоге приводило к тому, что повсеместно суточная норма на ребенка не превышала 0,5 л молока [16, с. 32-33]. «Только грудное вскармливание могло спасти детей» [17], но в большинстве случаев их отнимали у матерей и дальнейшая судьба ребенка зависела от определения полезности для рейха и соответствия расовым стандартам.

Организация «Лебенсборн» отвечала за поиск «расово ценных и расово чистых» русских детей от ½ до 12 лет, в первую очередь рожденных русскими матерями от немцев, и последующую их изоляцию в целях ариизации, передачу на усыновление в немецкие семьи [18, с. 232-242].

В свою очередь, против отсутствия ограничений на ввоз инвалидов активно выступали немецкие предприятия, считавшие их содержание нерентабельным. «Наши лагеря рассчитаны на рабочих, а не на такого рода людей», - сообщили бирже труда в руководстве угольной шахты концерна «Флик» [19, с. 165]. Показательным в данном случае является письмо концерна инженеру Рису, работнику областного бюро по распределению труда, в котором приводятся статистические данные о доходах транспортов с «восточными рабочими»: 26 февраля 1944 года в состав транспорта входили 13 детей, подростков в возрасте от 13 до 15 лет и 13 младенцев; 12 мая 1944 года - 22 ребенка в возрасте от 1 года до 14 лет; 16 декабря 1944 года - 36 детей, а также беременные или только что родившие женщины. Авторы письма жаловались, что непригодные к работе «просто заполнили лагерь, и они остались и без того скудными запасами продовольствия, а помощи от них не было никакой» [20, с. 781].

В то же время, надеясь наладить добровольный массовый угон жителей захваченных советских городов и сел в Германию, оккупанты развернули шумную пропагандистскую кампанию. Фашистские агитаторы призывали население принять участие в «строительстве новой Европы и обеспечении скорейшего окончания войны», всячески пытались заманить людей обещаниями неслыханных благ, которые якобы ждут их в Рейхе: высокие заработки, приобретение ценных специальностей, усвоение навыков европейской культуры [21, с. 180].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Сохранение гендерной идентичности заключенных было очень важно в системе создания бесполого, покорного раба, это был своего рода протест, вызов. Приобретение на «черном рынке» нижнего белья и косметики было желанием хоть как-то восстановить свой довоенный привычный облик; переписка, попытки наладить отношения с мужчинами - это не что иное, как желание получить поддержку.

М. Моррисон справедливо замечает, что специфика пола оказала неоспоримое влияние на выбор стратегии выживания. Опыт ведения домашнего хозяйства до войны давал женщинам знания о том, как лучше экономить и распределять продукты питания, как следить за чистотой своей одежды и т.д. то есть навыки, которые стали особенно необходимы в экстремальных условиях [22, с. 28-30].

Спасением становилась «случайная» работа (использование труда военнопленных и оstarбайтеров сверх нормирования на дополнительных работах, как, например, сдача их в аренду фермерам, использование для собственных нужд), которая давала дополнительный источник пропитания, отвлекала, выводила из лагерного кошмара. Возможность выжить обуславливали и различные индивидуальные навыки, знания и умения. Например, Иванченко Петр Федорович, военнопленный, уроженец станицы Тамань Краснодарского края, каждый вечер пел для администрации лагеря, за что получал несколько буханок хлеба. Это позволило выжить ему и его бараку [23]. Вл. Тутов, вспоминая свое пребывание в плену, описывает целый комплекс приемов, которые помогли ему адаптироваться и выжить в нечеловеческих условиях: от аутотренинга (он повторял много раз в день: «я должен жить, я должен выживать ...») до татуировочного мастерства. И наконец, четкие правила выживания военнопленного: несмотря на трудную жизнь, сохраняйте хорошее настроение; не нищайте, находите себе занятие, содержите себя в чистоте и всегда ходите гордо выпрямившись, даже несмотря на слабость [24, с. 52-53].

«Забота об удовольствии» является важной формой социальной активности, позволяя интегрировать чувственный опыт в практики воспроизводства культурной идентичности [25, с. 451], поэтому унижение неприемлемым бытом и питанием можем рассматривать как умышленное. Нацизм, уничтожая нечеловечески изнурительной работой, голодом, антисанитарными условиями, жестоким обращением советских людей, имел еще и цель введения оставшихся в живых в состояние социальной и психологической деструкции и дезадаптации. Но, подчеркнем, что во время всех испытаний, пережитых советскими гражданами на работе в Германии, они сумели сохранить веру в себя, в человека и человечность, приобрели жизненный опыт, который впоследствии позволял им оставаться стойкими и сильными, концентрироваться на положительных эмоциях и получать радость от мини-событий.

Список литературы

1. Красноженова Е.Е. Военная деятельность местных органов власти в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): дисс. канд. ист. наук / Астраханский государственный университет. Астрахань, 2008.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 148. Д. 198. Л. 21.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

3. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26-41.
4. Личный архив автора.
5. Солоухина-Заседателева Р. На задворках победы // Солоухина-Заседателева Р. На задворках победы; Карпов Н. Маленький Ostarbaiter. М., 2008. 202 с.
6. ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 104. Д. 2а. Л. 18.
7. Рефлексия на переживания детства в условиях концлагерей фашистской Германии: к 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны // Развитие личности. 2011. № 3. С. 232-244.
8. Белорусские остарбайтеры: ист.-аналит. исслед. Минск, 2001. 336 с.
9. ГАРФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 11, 16.
10. ГАРФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 62. Л. 3. Объявление. 25.05.1943 г. г. Новороссийск.
11. Седые дети войны: Воспоминания бывших узников фашистских концлагерей. Калуга, 2003. 208 с.
12. Белорусские остарбайтеры: историко-аналитическое исследование. Минск, 2001. 340 с.
13. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 34.
14. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.
15. Солоухина-Заседателева Р. На задворках победы // Солоухина-Заседателева Р. На задворках победы; Карпов Н. Маленький Ostarbaiter. М., 2008. С. 90-202.
16. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Neuaufl. Bonn, 1999. 190 s.
17. Vögel B. Entbindungsheim für Ostarbeiterinnen. Hamburg, 2005. 205 s.
18. Schwarze G. Ostarbeiterinnen und ihre Kinder. Режим доступа: <http://www.geschichtskultur-ruhr.de/archiv/essen001103/schwarze.pdf> (дата обращения: 25.02.2019 г.)
19. Васильченко А.В. Инкубатор истинных арийцев. «Лебенсборн». М., 2010. 174 с.
20. Белорусские остарбайтеры: историко-аналитическое исследование Минск, 2001. 340 с.
21. Письмо концерна «Флик» инженеру Рису — служащему районного бюро по распределению рабочей силы // Нюрнбергский процесс. Т. 3. М., 1966. С. 781.
22. Виноградов С.В., Красноженова Е.Е. // Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942- 1943 гг.) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 55-65.
23. Земсков В.Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941-1944 гг.). М., 1986. 306 с.
24. Аристов С.В. К вопросу о стратегиях выживания узников концентрационных лагерей (на примере нацистского женского лагеря Равенсбрюк) // Личный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания, интервью. Воронеж, 2010. С. 20-51.
25. Личный архив автора.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

26. Беглецы из плена: Воспоминания танкиста и морского артиллериста. М., 2010. 208 с.
27. Рассадина С.А. Историческая трансформация практик удовольствия как предмет междисциплинарных исследований // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы. М., 2011. С. 450-470.

Garazha N.A.

MATERIAL AND MEDICAL SERVICES OF «EASTERN WORKERS» IN THE THIRD REICH

GARAZHA Nataliia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Informatics, Mathematics and General Humanities, Novorossiysk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 353907, Russia, Novorossiysk, ul. Vidova, 56.
e-mail: ngarazha@yandex.ru

Abstract. The exceptional situation for Soviet citizens to be in the territory of a military adversary and work for their economy, of course, made significant adjustments to their intimate and personal daily routine. The comfort zone for the «eastern workers» was primarily determined not by reflection on status (freedom / lack of freedom), not by the attitude to the ideology of work (towards an enemy, forced or voluntary with the acquisition of new knowledge, skills), but by the ability to continue and develop his life based on basic living conditions. In the first row, among them is food, characterized in such categories as quality, variety, quantity, place, time, duration of meal. As well as the hygienic conditions of life, expressed in the presence of a sufficient and varied amount of clothing, the establishment of sources for its replenishment, the possibility of its savings and maintenance in proper form. An important role was also played by such specific household features as the presence of personal hygiene items, cold and hot water. The results of the study showed that the reflection on the analysis of their new life was characteristic of the «eastern workers» regardless of their age and sex or social characteristics, and occupied a key place in conversations and texts (letters, diaries). At the same time, the thinking and feeling by ostarbeiters of the cardinal changes in life had a varied impact on them: from the deeply depressed with a foreboding of death to the desire for resistance and the realization of it or the desire to become part of a new sociocultural community, etc. German propaganda aimed at the «eastern workers» at the same time took into account the factor of relevance to establish a comfortable life for them. At the same time, «culture», speaking as one of the general propaganda postulates, suggested not so much a spiritual component as a physical one. Therefore, in German propaganda materials we find detailed instructions for organizing the life of «eastern workers», up to the daily routine, hygiene rules, etc.

Keywords: Ostarbeiters, «Eastern workers», daily life, Great Patriotic war, Third Reich, deportation, propaganda.

**ВЫЖИВАНИЕ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: ГРАЖДАНСКОЕ
НАСЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ
1941 – 1944 гг.***

ГРЕБЕНЬ Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный аграрный технический университет, 220023, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Независимости, 99.
greben.evgenij@gmail.com

Аннотация. В статье на основе документов немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации, а также воспоминаний очевидцев характеризуются основные стратегии выживания, использовавшиеся жителями Беларуси в условиях германской оккупации 1941–1944 годов. Отмечается, что в экстремальной ситуации оккупации гражданское население было вынуждено выработать ряд стратегий выживания. Вооруженная борьба с оккупантами стала уделом наиболее активной части граждан. В то же время подавляющая часть людей вынуждена была существовать в сконструированных нацистами общественно-политических и социально-экономических реалиях. На фоне мизерных норм выдачи продуктов по карточкам для горожан перманентным занятием стал поиск альтернативных источников получения продуктов в виде огородничества, содержания скота, обменных операций на рынке и предпринимательской деятельности. Для сельского населения следствием оккупации стала адаптация к отсутствию в повседневном обиходе промышленных товаров, использование различных суррогатов для их замены. Актуальной задачей стало умение отсрочить или минимизировать уплату натуральных налогов, уклониться от исполнения обязательной трудовой повинности, утаить имевшиеся материальные ценности.

Ключевые слова: Беларусь, гражданское население, оккупация, выживание, Великая Отечественная война.

Абсолютное большинство жителей Беларуси, оказавшихся под оккупацией и не ушедших в леса сражаться в рядах партизан, были вынуждены в повседневной жизни постоянно контактировать с оккупационной властью по различным вопросам. Чтобы сохранить жизнь, приходилось утаивать партийную принадлежность, наличие родственников среди советских чиновников и членов партии, командиров Красной армии, принадлежность к евреям или полякам. Однако сохранить жизнь не означало просто не быть уничтоженным оккупантами физически. Важно было в тяжелейшей социально-экономической ситуации иметь возможность удовлетворять базовые потребности, чтобы не умереть с голоду. Для того чтобы выжить, оказавшиеся в условиях оккупации люди вынуждены были использовать разнообразные стратегии выживания в каждой конкретной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

ситуации. В статье внимание будет сфокусировано на социально-экономические аспекты выживания граждан в условиях германской оккупации.

В отличие от мирного времени, когда работа позволяла обеспечивать базовые потребности человека, в экстремальной ситуации германской оккупации для горожан актуальными стратегиями выживания стала возможность обрабатывать земельный надел. Поскольку, вопреки планам нацистов, война приобрела затяжной характер, реализация плана генерального «Ост» в отношении излишних для оккупантов славян стала невозможной в массовом порядке.

«Лишнее», согласно перспективным планам нацистов гражданское население оккупированной Беларуси в условиях затянувшейся войны фактически стало ценнейшим военным трофеем, чей труд становился исключительно важным для рейха. По этой причине оккупационные власти вынуждены были гарантировать хотя бы минимальное обеспечение продуктами питания работающих горожан и нетрудоспособных (детей, пенсионеров, инвалидов). Обеспечение продуктами последних было вынужденной мерой, призванной не допустить негативной реакции трудоспособной части граждан. Были введены нормы выдачи продуктов питания исходя из ценности конкретного человека для оккупантов. Работающим горожанам полагалась суточная норма хлеба в объеме 200–250 гр (зачастую хлеб содержал различные суррогатные добавки), а также 2–3 кг картофеля и несколько сот граммов крупы в неделю (иные продукты могли выдаваться в зависимости от наличия их на складах городской управы), иждивенцам полагался половинный паек среднего пайка работающего гражданина [1, л. 145–146]. Жить и работать, имея в своем распоряжении даже максимально возможный продуктовый паек (не говоря уже о пайке иждивенцев), было не реально, поэтому главной задачей белорусского горожанина в условиях оккупации стал поиск альтернативных источников получения продуктов питания. Граждане стремились получить от городской администрации надел земли под огород [2, л. 1]. Огородничество стало повседневной реальностью для многих городских жителей. Желание населения совпадало с устремлениями германских оккупационных властей, с удовольствием переключивших проблему снабжения людей продуктами на них самих же. Еще одной альтернативой получения продуктов стало содержание горожанами скота и птицы [3, л. 2-9]; [4, л. 5-8]. Таким образом, фактически, германская оккупация имела следствием аграризацию городов.

В сельской местности приобретение промтоваров было затруднено еще более. Оккупационные власти ввели существенные ограничения для передвижения гражданского населения как в рамках административно-территориальной единицы, в которой проживал конкретный гражданин, так и за ее пределы [5, л. 1]. Право реализовывать продукты на рынке часто обуславливалось выполнением плана сдачи натурального налога (зерно, мясо, молоко, яйца). Вывезший свой товар на рынок крестьянин был обязан иметь справку из органов местной вспомогательной администрации, удостоверяющую, что он полностью рассчитался по натуральным поставкам [6, л. 5]. К тому же, даже если после уплаты натурального налога оставались лишки, не существовало гарантии, что они сохранятся продолжительное время и ими можно будет свободно распорядиться, не ставя под угрозу обеспечение продуктами членов семьи до нового урожая. Жители деревень, находившихся на границе партизанской зоны и территории, контролируемой оккупационной администрацией, обеспечивали продуктами партизан (как правило, заготовка

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

производилась именно в таких деревнях, а не в населенных пунктах, находившихся в глубине партизанской зоны), а также регулярно страдали от реквизиций со стороны местных полицейских, бойцов прогерманских вооруженных формирований и солдат вермахта. Жители отдаленных деревень в глубине партизанской зоны часто не могли совершать поездки в ближайший райцентр на рынок из-за удаленности и опасности своей жизни и имуществу во время поездки [7]. Это обстоятельство вынуждало многих сельских жителей перестраивать свой быт и находить альтернативу дефицитным товарам, приобретение которых в условиях оккупации стало практически нереальным.

Тем не менее, приток продуктов питания на городские рынки происходил. Германские оккупационные власти на протяжении всего периода оккупации неоднократно издавали распоряжения, запрещавшие нарушение установленных в конкретной административно-территориальной единице рыночных цен и проведение обменных операций. Для соблюдения установленного порядка торговли были назначены рыночные контролеры, проверявшие наличие у торговцев квитанций об оплате рыночного сбора и контролировавшие цены. Рынки патрулировались полицией [8, л. 2 об]; [9, л. 209]. Усилия германских властей в данном вопросе были безрезультатными. Во-первых, попытка контроля цен в условиях жесточайшего дефицита абсолютно всех товаров была изначально обречена на провал. В условиях, когда любой товар (и промтовары и продукты питания) предстояло еще поискать, продававший что-либо человек старался извлечь из своего товара максимальную выгоду, чтобы потом гарантированно купить что-либо взамен. Во-вторых, находившиеся в легальном обращении советские денежные знаки, суррогатные оккупационные марки и карбованцы (имели обращение в южных регионах Беларуси, входивших в состав рейхскомиссариата Украина) не пользовались доверием населения. Официальный обменный курс систематически игнорировался. Граждане понимали, что наличие денежных знаков, вырученных за свой проданный на рынке товар, не гарантирует покупку нужного им самим, поэтому все три года оккупации на рынках процветал натуральный обмен. Торговцы-крестьяне, а также сформировавшийся в городах слой профессиональных спекулянтов предпочитали обменивать промышленные товары на продукты питания или же продавали их по многократно завышенным ценам [10]; [11, л. 91]; [12, л. 19].

Для горожан и, в меньшей степени, для жителей сельской местности одной из стратегий выживания стала предпринимательская деятельность. В крупных населенных пунктах за три года оккупации количество частных предпринимателей могло достигать нескольких тысяч. В первую очередь открывались ремесленные мастерские, связанные с удовлетворением насущных потребностей граждан в бытовой сфере (парикмахерские, сапожные, швейные слесарные), а также предприятия общественного питания [13, л. 36]. Для кого-то это был источник основного дохода, но многие совмещали работу в государственных предприятиях и учреждениях и с частным предпринимательством. Вовлеченные в предпринимательскую деятельность граждане чутко реагировали на потребности населения и заполняли образовавшийся вакуум в бытовой сфере. В сохранившейся отчетной документации многих предпринимателей указаны относительно невысокие доходы, что было следствием, как низкой покупательской способности населения, так и стремлением сознательно занижать их, уклоняться от налогов в пользу

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

оккупантов [14, л. 94-96]. Множество предпринимателей игнорировало обязанность официально регистрировать свой бизнес и, невзирая на угрозу наказания, работало нелегально [15, л. 7].

Актуальной стратегией выживания для крестьян стало уклонение от уплаты натурального налога. Типичными аргументами, выдвигаемыми ими, были боевые действия лета 1941 г. и реквизиции, производимые частями вермахта (практиковалось в 1942 г., когда оккупационные власти пытались собрать налог за прошедший год), стихийные бедствия или действия партизан [16, л. 50]. Относительно последнего аргумента, стоит отметить, что он выдвигался даже тогда, когда на самом деле происходила добровольная передача продуктов партизанам. Понимая, что такая помощь чревата репрессиями со стороны немцев, крестьяне массово камуфлировали ее под насильственные реквизиции и стремились заручиться письменными свидетельствами, подписанными односельчанами и (или) представителями сельской администрации. Кроме того, факт реквизиции части продуктами партизанами давал крестьянам основание ходатайствовать об уменьшении размера натурального налога [17, л. 70-72]. В ряде случаев так и происходило. Местная администрация вынуждена была мириться с фактом отсутствия у крестьян продуктов. Немецкие же власти требовали сбора налогов в полном объеме и разрешали лишь перераспределение налоговых квот между хозяевами в рамках сельской общины [18, л. 27].

Поскольку за счет белорусского крестьянства происходило снабжение войск вермахта, немцы придавали большое значение организации бесперебойных поставок мяса в максимально полном объеме, поэтому были введены запреты на произвольный убой домашнего скота владельцами [19, л. 51]. В ситуации, когда владелец животного не мог самостоятельно им распорядиться, а в случае легального убоя зачастую был вынужден принудительно сдавать часть мяса властям, многие граждане практиковали самовольный убой и, чтобы избежать наказания, документально подтверждали, якобы, вынужденный такой шаг, предоставляя письменное свидетельство односельчан, старост или ветеринарных врачей о том, что животное болело и убой явился вынужденной мерой [20, л. 62]. Распространенной практикой было также занижение данных о численности скота и птицы в хозяйстве во время инициированных немцами переписей, открытый саботаж сдачи продуктов [21, л. 126].

Для гражданского населения была введена обязательная трудовая повинность. Например, для сельских жителей это были дорожные работы (ежедневная очистка и разминирование), постройка мостов, рубка и вывоз леса, заготовка торфа, сбор ягод, желудей, лекарственных трав, гужевая повинность для владельцев или держателей лошадей, дежурство по ночам в оцеплении вдоль железной дороги [22]. Помимо естественного нежелания работать на врага, привлечение к таким работам отнимало время и силы от работы на своей земле, поэтому гражданское население стремилось любыми способами уклониться от исполнения повинности. Практиковались подкуп представителей местной вспомогательной администрации, симуляция болезни человека или лошади, открытое невыполнение приказа. В качестве возможности уклониться от мобилизации на работу в Германию некоторые девушки шли на заключение фиктивных браков, поскольку вербовке подлежали в первую очередь незамужние [23].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

На фоне низкой покупательной способности денежных знаков и практически отсутствия возможности легального приобретения алкогольной продукции (реализовывалась только в коммерческих учреждениях общественного питания по высоким ценам) особую роль приобрело самогонварение. Имевшие необходимые знания и ингредиенты граждане вопреки запретам изготавливали самогон, ставший в реалиях оккупации стратегическим товаром. Имея самогон, можно было выменять необходимые товары на рынке или, что было особенно важно, купить лояльность представителей местной вспомогательной администрации и полиции. Последняя давала возможность избежать репрессий, уклоняться от исполнения трудовой повинности, минимизировать размер натуральных налогов и многое другое [10]; [24].

Еще одним альтернативным источником получения продуктов питания являлось рыболовство. Распоряжением оккупационных властей охота гражданскому населению была категорически запрещена, и на основании имеющихся источников невозможно определить, занимались ли ею люди тайно и каким образом. Лов рыбы гражданам разрешался после получения соответствующего разрешения в органах местной администрации [25, л. 1-11]; [23].

Таким образом, в условиях германской оккупации Беларуси перманентным занятием городских жителей стал поиск альтернативных источников получения продуктов в виде огородничества, содержания скота, обменных операций на рынке и предпринимательской деятельности. Для сельского населения следствием оккупации стала адаптация к отсутствию в повседневном обиходе промышленных товаров, использование различных суррогатов для их замены. Актуальной задачей стало умение отсрочить или минимизировать уплату натуральных налогов, уклониться от исполнения обязательной трудовой повинности, утаить имевшиеся материальные ценности. Избранные стратегии выживания позволили многим людям сохранить жизнь, вопреки намерениям нацистов.

Список литературы

1. Государственный архив Витебской области. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2.
2. Государственный архив Витебской области. Ф. 2074. Оп. 2. Д. 235.
3. Государственный архив Витебской области. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 127.
4. Государственный архив Витебской области. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 16.
5. Государственный архив Могилевской области. Ф. 859. Оп. 1. Д. 66.
6. Государственный архив Брестской области. Ф. 201. Оп. 1. Д. 2402.
7. Воспоминания Тарасевич Валентины Филипповны, 1924 г. р., Записано 10.07.2009 г. Гребенем Е.А. в д. Велевщина Лепельского района. Аудиозапись 1 час 11 минут на белорусском языке // Личный архив автора.
8. Государственный архив Брестской области. Ф. 684. Оп. 1. Д. 4.
9. Государственный архив Могилевской области. Ф. 858. Оп. 1. Д. 25.
10. Воспоминания Богдановича Владимира Романовича, 1928 г.р. Записано 10.07.2009 г. Гребенем Е.А. в д. Велевщина Лепельского района. Аудиозапись 46 минут на русском языке // Личный архив автора.
11. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 257.
12. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 311.
13. Государственный архив Витебской области. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139.
14. Государственный архив Витебской области. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139. Л

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

15. Государственный архив Минской области. Ф. 4218. Оп. 1. Д. 22.
16. Государственный архив Минской области. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 1.
17. Государственный архив Минской области. Ф. 1549. Оп. 1. Д. 8.
18. Государственный архив Могилевской области. Ф. 845. Оп. 3. Д. 3.
19. Государственный архив Витебской области. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 16.
20. Государственный архив Могилевской области. Ф. 845. Оп. 1. Д. 82.
21. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1347.
22. Літвін А.М. Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг. / А.М. Літвін, Я.А. Грэбен, С.Я. Новікаў. Мінск, 2010. 584 с.
23. Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г.р. Записано 18.04.2014 г. Гребенем Е.А. в д. Жигули Верхнедвинского района. Аудиозапись 57 минут на белорусском языке // Личный архив автора.
24. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г.р. Записано 9.09.2014 г. Гребенем Е.А. в г. Верхнедвинске. Аудиозапись 36 минут на белорусском языке // Личный архив автора.
25. Государственный архив Витебской области. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 197.

Hreben Y. A.

SURVIVAL IN AN EXTREME SITUATION: THE CIVIL POPULATION OF BELARUS DURING THE GERMAN OCCUPATION 1941 – 1944

HREBEN Yauhen A. – PhD, Belarusian State Agrarian Technical University, Belarus, Minsk, prospekt Nezavisimosti, 99.
e-mail: greben.evgenij@gmail.com

Abstract. Based on the documents of the German occupation and local auxiliary administration, as well as the recollections of eyewitnesses, the article describes the main survival strategies used by the inhabitants of Belarus under the German occupation of 1941-1944. It is noted that in the extreme situation of occupation, the civilian population was forced to develop a number of survival strategies. The armed struggle against the invaders became the lot of the most active part of the citizens. At the same time, the overwhelming majority of people had to exist in the sociopolitical and socio-economic realities constructed by the Nazis. Against the background of meager norms of issuing products on cards for citizens, a permanent occupation was the search for alternative sources of obtaining products in the form of truck farming, livestock keeping, exchange transactions in the market and entrepreneurial activity. For the rural population, the consequence of the occupation was adaptation to the absence of industrial goods in everyday life, the use of various surrogates to replace them. The urgent task was the ability to defer or minimize the payment of in-kind taxes, to evade the fulfillment of compulsory labor service, to conceal the existing material values.

Keywords: Belarus, civilian population, occupation, survival, The Great Patriotic War.

1941 ГОД НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО
СОЛДАТА И ГЕНЕРАЛА

ГРИНЕВ Андрей Вальтерович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: agrinev1960@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу дневника простого немецкого солдата (ефрейтора) Ганса Рота и записок, писем и заметок генерала Вермахта Готхарда Хейнрици, которые с июня 1941 г. находились в непрерывных боях на Восточном фронте. Ценность их эпистолярного наследия заключается в том, что в отличие от послевоенных немецких мемуаров они не несут печать внешнего редактирования и коррекции самоцензуры. С другой стороны, причиной выбора дневников Рота и записок Хейнрици был контраст между рядовым солдатом-окопником, на чьи плечи легли все тяготы боевых испытаний, и генералом, проводящим основное время в штабе, что дает возможность посмотреть на войну с разных позиций, пусть и по одну сторону фронта. Несмотря на порой существенные различия в описании сражений и военного быта оба источника рисуют картину войны, чудовищной по своей жестокости и масштабам разрушений, неслыханных тягот и мучений, которые затрагивали не только действующие войска, но и мирное гражданское население, часть которого гитлеровские захватчики обрекли на преднамеренное физическое уничтожение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941 год, Восточный фронт, Вермахт, Красная армия.

Отмечаемая в этом году знаменательная дата – 75-летие Великой Победы – мысленно вновь возвращает нас в суровые годы Отечественной войны. Самым тяжелым из них был, безусловно, 1941, когда Германия и ее сателлиты вероломно напали на СССР. В связи с этим определенный интерес представляет проблема восприятия противником тех трагических для нашей страны событий. В свою очередь, эта проблема порождает множество вопросов: как немецкие агрессоры оправдывали начало войны с Советским Союзом? Как они оценивали боевые качества Красной армии? Как относились к местному населению? На эти и другие вопросы постараемся ответить в данной статье на примере анализа описаний, оценок, мнений и переживаний немецкого ефрейтора Ганса Рота (Hans Roth) и генерала Вермахта Готхарда Хейнрици (Gotthard Carl Fedor Heinrici). Оба они сражались на Восточном фронте с самого начала войны, выполняя преступный гитлеровский план «Барбаросса», призванный за несколько месяцев 1941 г. покончить с Советским Союзом, превратив его западную часть в несколько колоний, а местное население – фактически в бесправных рабов. Образцом могла служить захваченная Германией в 1939 г. Польша, откуда генерал Хейнрици писал своей жене в апреле 1941 г. перед нападением на СССР: «Поляки и евреи гнут спины как рабы, чтобы побыстрее всё подготовить. В этой местности с ними

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

не слишком церемонятся. Здесь примерно как в древние времена, когда римляне покоряли тот или иной народ» [1, с.51].

Следует отметить, что попытка подробно рассмотреть избранную нами тему, хотя без использования материалов Хейнрици и Рота, была предпринята в книге известного британского военного историка Роберта Кершоу (Robert Kershaw), вышедшей на английском языке в 2000 г. под заголовком *War without Garlands: Barbarossa 1941/42* (рус. перевод 2010). Правда, в предисловии к ней он сетовал на недостаток мемуаров, написанных рядовыми солдатами Вермахта: «До сих пор об операции «Барбаросса» никто так и не опубликовал воспоминаний, сделанных ее непосредственными участниками – простыми солдатами» [2, с.5]. Заявление достаточно странное, учитывая множество немецких мемуаров, написанных немецкими военнослужащими из числа рядового или унтер-офицерского состава, воевавших на Восточном фронте с июня 1941 г. [см., например: 3, рус. перевод: 4]. Хотя, конечно, нельзя не признать, что куда более известные мемуары оставили после себя немецкие генералы и фельдмаршалы, выдающиеся летчики или танкисты, носившие офицерские погоны [см. 5-7 и др.].

Здесь необходимо уточнить один важный момент: львиная доля немецких мемуаров была написана уже после войны, когда был известен ее итог, а потому бывшие военнослужащие Вермахта имели возможность соответствующим образом подкорректировать свои записи. Ряд подобных мемуаров был переведен на русский язык и издан еще во времена существования СССР, а затем получил широкое распространение в современной России [8, 9 и др.]. Поэтому чтобы избежать послевоенных источников, в которых информация о военных преступлениях Вермахта замалчивалась, его потери преуменьшались, а в повествовании порой умело расставлялись нужные акценты, были выбраны дневники Ганса Рота и заметки о войне Готхарда Хейнрици. Оба вели их непосредственно в ходе военной кампании на Востоке и их текст не был подвергнут военной цензуре или послевоенной самоцензуре, в чем и заключается их историческая ценность. Конечно, любые дневники и записки частных лиц всегда грешат субъективизмом, но именно он придает этому виду источников свой неповторимый колорит.

Еще одной причиной выбора дневников Рота и записок Хейнрици для нашего анализа был контраст между рядовым солдатом-окопником, на чьи плечи легли все тяготы боевых испытаний, и генералом, проводящим основное время в штабе, что позволяет посмотреть на войну с разных позиций, пусть и по одну сторону фронта. Дополнительную специфику их произведениям придает социальное происхождение и избранная профессия. Мобилизованный в Вермахт в возрасте 30 с лишним лет мелкий буржуа Ганс Рот имел небольшую фирму, занимающейся графическим оформлением (как сейчас сказали бы – дизайнерскую студию) во Франкфурте-на-Майне. Еще перед войной с СССР он успел принять участие в боях в Бельгии и Франции и получить самое низшее унтер-офицерское звание ефрейтора. В отличие от Ганса Рота, изначально сугубо гражданского человека, Готхард Хейнрици, родившийся в Восточной Пруссии, совершенно сознательно избрал для себя карьеру кадрового военного. Хотя его отец был лютеранским священником, однако дед по матери был прусским офицером из старого дворянского рода, а среди родственников числился генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт (Karl Rudolf Gerd von Rundstedt). Посвятив себя целиком военной карьере, Готхард Хейнрици прошел всю 1-ю Мировую войну и был

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. В начале 2-й Мировой войны во время блицкрига во Франции он в звании генерал-лейтенанта командовал 12-м корпусом, с которым успешно преодолел знаменитую «линию Мажино». Во время нападения на СССР Хейнрици возглавлял 43-й корпус группы армий «Центр», а затем командовал другими соединениями Вермахта. Он воевал до конца апреля 1945 г. и дослужился до звания генерал-полковника, получив за успешное проведение операций Рыцарский крест с мечами и дубовыми листьями, в то время как унтер-офицер Ганс Рот пропал без вести в Белоруссии 25 июня 1944 г. [10, с.219].

После этих предварительных замечаний обратимся к конкретным вопросам и сравнительному анализу. Прежде всего выясним: были ли выбранные нами исторические персонажи преданы гитлеровскому режиму или они были просто служаками, слепо выполнявшими приказ? Судя по дневнику Ганса Рота, он был типичной жертвой гитлеровского воспитания и пропаганды, о чем свидетельствует запись в его дневнике: «Видит Бог, мы всем сердцем преданные солдаты на передовой! Мы верим нашим вождям и несем тяжкое бремя без жалоб с открытой душой...» [10, с.199]. В этой связи характерны эмоциональные эпитеты, которыми он периодически награждал врагов на Восточном фронте: «большевистская орда», «варвары», «красные дьяволы», «азиатские сволочи» и т.п. В этом отношении генерал Хейнрици гораздо более сдержан. В основном он использовал этнический термин «русские» или относительно нейтральное слово «противник», не опускаясь до площадной брани. Он явно не был фанатичным сторонником Гитлера, хотя сражался за него до самого конца. Нацистский порядок его в целом вполне устраивал, как и большинство немецких генералов: ведь фюрер вновь возродил германскую армию, которой Хейнрици посвятил свою жизнь [1, с.29-30, 34-36].

Относительно нападения на СССР между генералом Хейнрици и ефрейтором Ротом не было существенного расхождения во взглядах: и тот, и другой не желали видеть преступной сущности этой акции. Правда, генерал, в силу занимаемого поста, узнал о плане «Барбаросса» задолго до ефрейтора 299-й пехотной дивизии. Еще в сентябре 1940 г. Хейнрици записал в своем дневнике: «Многое в сегодняшнем дне походит на времена Наполеона. Он тоже направился в поход на Москву, и верно не по собственной воле, а потому что его принудила к этому борьба с Англией» [1, с.41]. Действительно, именно так Наполеон оправдывал свою агрессию против России: согласно логике императора, эта страна осталась единственной решающей державой на континенте, которая могла стать союзницей англичан [11, с.20]. Накануне нападения на СССР в письме жене Хейнрици вновь вернулся к этой теме, отметив: «Мы должны обезвредить соседа, который мог стать для нас опасен, если мы бы выступили против Англии — на Суэцком ли канале или напад на остров. Далее, поход должен дать нам сельскохозяйственные районы, которые в состоянии произвести столько, чтобы прокормить всю Европу. Последнее, вероятно, главная забота, после того как Америка неофициально уже находится с нами в состоянии войны. В известной степени, конечно, играет роль и мировоззренческое противостояние» [1, с.59]. А ефрейтор Рот, не вдаваясь в подобные стратегические рассуждения, записал 19 июня 1941 г.: «Ура! Величайшая битва всех времен начинается послезавтра!» [10, с.16]. Очень скоро ему пришлось горько пожалеть об этих словах. В конце августа наступило отрезвление и у генерала Хейнрици, который сообщал жене: «Война

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

тут обходится нам очень дорого. Была ли она действительно необходима?» [1, с.82].

Уже на следующий день после ее начала Хейнрици отправил семье письмо, где говорилось: «Вчера нам противостояла русская дивизия, которую мы застали совершенно врасплох и затем ее разбили. Массы солдат бродят повсюду по бескрайним лесам, сидят на бесчисленных хуторах, часто стреляют нам в спину. Русский вообще ведет войну коварно. Поэтому наши парни проводят зачистки жестко, без пощады» [1, с.61]. Странно читать обвинения в коварстве со стороны генерала, армия которого внезапно и вероломно напала на мирно спящую страну. Он сам за день до того отмечал: «Русская армия была канонадой буквально поднята с кроватей. Никого еще так не заставляли врасплох, они все лежали в постелях, спали, и им пришлось выбегать наружу практически в исподнем» [1, с.61]. Кстати, ни командующий корпусом Хейнрици, ни ефрейтор Рот на передовой, нигде не заметили даже малейших признаков якобы готовящегося нападения СССР на Германию, о чем пишут в своих книгах о начале войны известные историки-ревизионисты Виктор Суворов (В.Б. Резун) и Марк Солонин.

Прошла всего пара дней после 22 июня и сопротивление советских частей стало явно возрастать, что не мог не заметить генерал Хейнрици: «В общем и целом создается впечатление, что русский отводит свои силы на восток. Но если доходит до боя, то сражается он стойко. Он куда сильнее, чем французский солдат. Предельно выносливый, хитрый и коварный». И добавлял: «По любым стандартам война тут очень тяжелая. Прежде всего невообразимые транспортные трудности, огромнейшие пространства, бесконечные леса, трудности с языком и тому подобное. Все предыдущие кампании были, скорее, детской игрой по сравнению с нынешними боями. Наши потери значительны, а у русских очень, очень велики» [1, с.62, 70]. Ему буквально вторит ефрейтор Рот: «Многое в битве последних дней напоминает мне лесные сражения во Франции год назад, но русские – не бельгийцы и не французы, они противник другого рода. [...] Французы попытались бы избежать ненужных потерь. А эти сражаются как безумцы. И никогда не сдаются!» [10, с.47].

Уже вскоре взаимное ожесточение достигло кульминации. Генерал Хейнрици свидетельствовал: «Война в России неслыханно кровава. Враг понес потери, невиданные до того в этой войне. Русским солдатам их командиры сказали, что все они будут нами расстреляны. Вместо сдачи в плен они стреляют каждому немцу в спину. Это, конечно, вызывает контрмеры с нашей стороны, достаточно жестокие. И так обе стороны ожесточаются, в результате чего уйма людей теряет свои жизни». И далее: «Русский, что располагался прямо перед нами, теперь уничтожен. Чудовищно кровавая битва. В некоторых случаях мы не давали им никакой пощады. Русский зверски обращался с нашими ранеными. В ответ наши парни пристреливают и забивают всё, что носит коричневую униформу» [1, с.63, 65]. Аналогичное свидетельство ефрейтора Рота: «Солдаты не щадят никого и ничего, уничтожают все, что видят» [10, с.20].

Помимо жестоких убийств, немецкая армия с самого начала кампании на Востоке занялась повальными грабежами и реквизициями, о чем не смог умолчать генерал Хейнрици: «Повсюду наши парни забирают у крестьян лошадей для наших повозок, что вызывает в деревнях плач и вопли. Вот так «освобождают» население». Но сам он не препятствовал грабегам, меланхолично заметив: «Пока еще хватает куриц, яиц и телятины. Но вскоре отсюда почти всё будет

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

повысосано» [1, с.61, 64]. Хотя ему не приходилось охотиться на гусей и поросят на крестьянских подворьях, но он постоянно питался подобным провиантом, добытым подчиненными, а впоследствии готов был пожить ценными мехами лисиц с захваченной фермы под Лихвином (где его солдаты уже успели пристрелить нескольких животных без всякого повода). Однако отослать семью русскую пушнину не удалось, и он с огорчением сообщал жене: «Вчера снова ездил на лисиную ферму. Опять солдаты украли шесть самых больших лис. Помимо этого, говорят, что Герман Геринг конфисковал все ценные меха с животных ферм. Это значит, что с голубой лисицей ничего не получится» [1, с.115, 119-120]. Его полки, словно саранча, объедали местных жителей, обрекая их на мучения от голода. «Войска больше всего тоскуют по питьевому рациону, который у них закончился, – жаловался Хейнрици, – нет ни чая, ни кофе, и они вынуждены жить на супах. В остальном живут неплохо. Съедают всё, что находят вокруг. Но даже этого не хватает» [1, с.117]. Аналогичным образом поступали части Вермахта, в которых служил ефрейтор Рот в группе армий «Юг» (хотя он пару раз упоминал о том, что немецкие солдаты делились продуктами с голодающими жителями Киева и военнопленными) [10, с.95, 101]. Результат сказался уже в декабре 1941, о чем ему сообщил сослуживец, возвратившийся из отпуска: «Гейнц Штихель вернулся из Германии. Рассказывает массу любопытных историй и вместе с тем поведал нам о страшном голоде на Украине. Они два дня пробыли в Киеве. Там дела обстоят хуже всего. Ежедневно люди сотнями умирают от голода. Везде расставлены противотанковые орудия, чтобы в случае чего пресечь беспорядки» [10, с.120].

Естественно, что жестокость оккупантов вызвала ответные действия и уже с первых дней войны в тылу у немцев развернулась партизанская война. «Русские охотно применяют тактику герильи (исп. партизанская война. – А.Г.), здесь, можно сказать, им нет равных», – отмечал Рот [10, с.103]. Он не скрывал, что для борьбы с партизанами немцы применяли драконовские меры: «Во второй половине дня было расстреляно 10 человек заложников. Мы теперь не церемонимся, а действуем железной рукой – городские виселицы не пустуют. Казни стали неотъемлемой частью повседневности. Так, и только так и должно быть» [10, с.113]. Даже просто за помощь раненым красноармейцам можно было поплатиться жизнью. Хейнрици откровенно поведал об этом жене: «Сегодня нам пришлось казнить коммунистку, которая выхаживала раненых русских, оставшихся в нашем тылу, и всеми средствами боролась против нас. Такая тут война» [1, с.66].

Партизанское движение особенно усилилось к концу 1941 г. «В здешней местности полно партизан, – писал в начале ноября Хейнрици. – Большевицкое правительство приказало всем членам партии остаться в нашем тылу, чтобы вести партизанскую борьбу. Они уничтожают складские запасы — в Лихвине они спалили запас кожи стоимостью восемь миллионов марок — и совершают налеты, увы, раз за разом успешные. Прежде всего они нападают на маленькие реквизиционные отряды, которые рассылаются войсками по округе, чтобы добыть провиант. Днем партизаны прячутся в лесах и оврагах в своих убежищах, а по ночам ходят в деревни за съестным. Наш русский переводчик с огромным рвением взялся за борьбу с ними. Население не раз уже информировало нас о партизанах, так как боится притеснений с их стороны. Только с помощью крестьян и можно схватить партизан. Переводчику за истекшие три дня удалось

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

поймать и прикончить 15, среди них нескольких женщин. Партизаны клятвенно верны друг другу. Они позволяют себя расстрелять, но не выдают товарищей. [...] Все впечатлены партизанской силой духа. Ни один ничего не выдает, все молчат и идут на смерть» [1, с.119-120]. Жестокость войны в России заставила Хейнрицы вспомнить историю: «Обычаи и нравы как в Тридцатилетнюю войну. Лишь тот, у кого есть сила, имеет права. Шесть с половиной лет своей жизни я провел на войне, но ничего подобного еще не видел» [10, с.127]

Но партизаны были побочной проблемой в военных буднях генерала Хейнрицы и ефрейтора Рота. Их основное внимание было приковано к фронту, где, не прекращаясь, шли кровопролитные бои. Уже 20 июля Рот вынужден был признать: «Огромные потери подорвали нашу боеспособность» [10, с.48]. Не менее красноречива запись от 15 августа: «В 530-м пехотном полку почти никого не осталось, его дополняют остатками 528-го и 529-го» [10, с.70]. Еще большие потери нес противник, дезорганизованный отступлением. В рядах Красной армии усилилось дезертирство, что отмечал в своих записях в августе и позднее генерал Хейнрицы: «Русский, однако, весьма потрепан. Просто чудо, что он раз за разом находит силы для сопротивления, несмотря на понесенные потери и урон. Теперь всё зависит от того, кто будет упорнее. Так как налицо многочисленные примеры разложения [советских войск], следует считать, что однажды — пусть и не вскоре — вся лавочка за линией фронта развалится. К нам перебежали уже целыми ротами. И разжалование командиров на всех уровнях — знак тоже недобрый» [1, с.76, 110 и др.]. Характерно, что в дневнике Рота схожие записи встречаются редко. Это можно объяснить тем, что наиболее сильная часть Вермахта — группа армий «Центр» — добилась более впечатляющих успехов, чем более слабая группа армий «Юг», в которой сражался ефрейтор Рот. Ведь ей, наоборот, противостояла наиболее крупная группировка советских войск. Отсюда и более скромные успехи Вермахта на юге и большая боевая устойчивость частей Красной армии на этом участке Восточного фронта.

Также, как и другие немцы, воевавшие на Восточном фронте, Рот отмечал, что русские — мастера маскировки. Кроме того, они минировали все при малейшей возможности: «Дороги, как временные, так и постоянные, месяц назад заминировали. Потом засадили заминированные дороги и тропинки травой. Между ветвей растяжки из ручных гранат — двоих наших сегодня утром разорвало на куски» [10, с.42] Помимо обычных мин применялись мины-ловушки, шариковые мины, собаки со взрывчаткой и тому подобное, так что Рот с раздражением писал: «Минирование оставляемой нам территории постоянно совершенствуется, русские неистощимы на выдумки» [10, с.102]. Генерал Хейнрицы также был озабочен этой напастью: «Очень досаждают новая привычка русских минировать дороги, которая уже нанесла достаточный урон» [1, с.76]. В ноябре он и его войска познакомились с новым изобретением противника: «У него появились новые мины — тонкие деревянные коробки 20 сантиметров в длину, 5 сантиметров в высоту и ширину. Их нужно только положить в снег. Они нанесли нам сильный урон» [1, с.132].

Особенного размаха минная война достигла в Киеве, где после его занятия немецкими войсками начали рваться заложенные заблаговременно фугасы. Рот писал: «Уже два дня спустя после овладения нами городом внезапно взорвались три барака, один из которых был занят немецкими солдатами. И с того дня почти ежечасно в городе раздавался взрыв, что-нибудь непременно взлетало на воздух —

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

заводы и фабрики, склады, больницы, школы, – все сначала взрывалось, а позже уничтожалось пожарами» [10, с.93-94]. Отголоски киевских событий дошли даже до Хейнрици: «Говорят, что в Киеве ситуация не очень благоприятная, поскольку русские перед отходом оставили и спрятали огромное количество мин и взрывчатки, которая теперь взлетает на воздух. Такое ведение боевых действий, свидетелями которого мы являемся, не имеет ничего общего с войной в рамках приличий» [1, с.101]. Хотелось бы спросить немецкого генерала: а расстрелы ни в чем неповинных заложников – это в рамках приличий? Или, может быть, в рамках «военных приличий» было массовое уничтожение еврейского населения Киева, которое нацисты обвинили к причастности к взрывам? Ефрейтор Рот свидетельствовал: «У зондеркоманд СС хлопот полон рот. Круглые сутки допросы и расстрелы. Даже тех, кто кажется им просто подозрительным, ставят к стенке прямо на улицах, а тела убитых так и оставляют лежать. [...] Шагаем прямо по лужам крови, на тротуарах повсюду следы крови, свежей и уже запекшейся». Далее Рот приводит слова молодого эсэсовца, который рассказал ему жуткие подробности о расстреле евреев в Житомире: «Если между трупами оставались промежутки, их заполняли убитыми детьми – в общем, мешкать было некогда, – их должно быть 1500 человек, и все должны были поместиться во рву. Потом снова пулеметные очереди, а если кто-то продолжал стонать, тех добивали. Потом на очереди была следующая группа, и так продолжалось до самого вечера». Сначала Рот не поверил рассказчику, но тот предложил проехаться на велосипедах к Бабьему Яру, чтобы армейский ефрейтор воочию убедился в эффективности «работы» СС. «То, что я увидел, – записал Рот в дневнике, – было ужасным, и эту жуткую картину мне не позабыть до конца жизни» [10, с.95-101].

Тут не нужна никакая советская пропаганда – нацисты сами свидетельствовали против себя самым красноречивым образом. Помимо истребления ни в чем неповинного населения, страшному разорению подверглись советские города и села. Хейнрици констатировал, обозревая руины древнего Чернигова в середине сентября 1941 г.: «Разрушения городов в этой войне на Востоке можно сравнить, быть может, лишь с Тридцатилетней войной» [1, с.89]. Но, согласно нацистскому генералу, виноваты в этом были в первую очередь большевики: «Большевизм до основания уничтожил всё, что было прекрасного в этой безобразной стране. Немногое оставшееся уничтожает напоследок эта война» [1, с.103]. Невольно напрашивается вопрос: а кто ее развязал?

И гитлеровского генерала, и простого ефрейтора поразила крайняя нищета и примитивизм быта местного населения. Так, генерал Хейнрици писал жене 8 июля: «Теперь мы в настоящей России. Капыль — название сегодняшней деревни. Всё в состоянии чудовищного упадка. Знакомимся с плодами большевистской культуры. Мебель очень примитивная. [...] Магазинов нет. Крестьяне должны работать на общество: они получают треть урожая продуктами питания (натурой) и 80 рублей в год. Килограмм масла стоит 36 рублей! Также в качестве платы за работу каждому товарищу полагались кое-какие предметы, которые он получал на госскладе, каковой есть в каждом городе: то есть мыло, сигареты, носки, один костюм в год! Таков советский рай». Позднее он добавил к этой зарисовке еще пару штрихов: «Кроме того, всё здесь находится в ужасном и запущенном состоянии. Каждый пытается жить как можно беднее, чтобы не быть осужденным или расстрелянным как собственник. Соответственно, дома и квартиры по большей части в неопишемом состоянии» [1, с. 68, 88]. Ему вторил

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

ефрейтор Рот, описывая деревенскую избу и быт их жителей: «Все это производит впечатление чего-то доисторического, того, что можно было вживую видеть лишь на заре человеческой цивилизации». И подытоживал: «... На всю оставшуюся жизнь в разум впечатаны тягостные картины быта русских» [10, с.109]. Не лучше выглядели и города: «Здесь всегда и везде одно и то же – даже в городах преобладает примитивизм и нищета» [10, с.112].

Причины бедственного положения местного населения генерал Хейнрици видел не только в экономической политике большевиков, но и в полнейшей апатии и равнодушии русского народа, готового работать только из-под палки [1, с.108]. Как ни странно, но ефрейтор Рот давал более глубокое объяснение причин российской нищеты: «Преступники-большевики беззастенчиво лишили свой народ нормальной, счастливой жизни ради вооружения, масштабы которого в мире уникальны. Если нашим девизом был «Пушки вместо масла», то в Советском Союзе – «Ни масла, ни жилья, только самое необходимое. Только пушки!». Большевики преуспели, вводя в заблуждение мир о количестве оружия. Мы недооценивали и красных руководителей, и их солдат, и их вооружения. Потому что вооружений в этой стране столько, что это невозможно себе и вообразить, и это касается и его численности, и мощи. Не говоря уже об авиации, танках и автоматическом оружии. А если говорить о самом солдате Красной армии – он сильный враг, упорный фанатичный боец, каких нам еще встречать не приходилось» [10, с.102]. Можно согласиться с мнением Рота, но в то же время подчеркнуть, что без развития тяжелой индустрии для создания вооружений Советский Союз был бы просто раздавлен военной машиной Германии, на службу которой были поставлены ресурсы почти всей Европы.

Со своей стороны, генерал Хейнрици объяснял отчаянное сопротивление Красной армии большевистской системой: «Чудовищная энергия беспощадно мобилизует все силы и без сожаления посылает солдат в бой. Так русские достигли успехов, которые не дали нашим прежним противникам. Значительны и наши потери. Кампания против России забрала как минимум столько же жизней, сколько все прочие кампании, вместе взятые. Пока что совершенно неясно, чем здесь закончится дело. Нет ощущения, что русский однажды захочет сдаться, как это сделал француз» [1, с.72-74]. Впрочем, Хейнрици прекрасно понимал, что дело не только в коммунистической системе: «Можно представить, что, после того как мы так неожиданно напали на Россию, многие русские, даже инакомыслящие, встали из любви к Родине на сторону Сталина» [1, с.81].

Но именно на Сталине и ряде его военачальников лежала значительная доля вины за тяжкие поражения Красной армии в 1941 г. Безумные приказы наступать любой ценой и держать оборону, когда целесообразен был отход, приводили к огромным бессмысленным потерям. Конечно, ефрейтор Рот в силу своего положения на нижней ступеньке армейской иерархии не мог дать оценку эффективности действий советского командования, однако он неоднократно отмечал бессмысленные массовые наступления пехоты противника на немецкие пулеметы, приводившие к колоссальным жертвам, что свидетельствовало о крайне низкой компетенции комсостава Красной армии [10, с.72-73 и др.]. Генерал Хейнрици также описывал подобные самоубийственные атаки. Невысокий уровень полководческого искусства некоторых командующих противника он продемонстрировал в следующем эпизоде: «Взятый нами в плен начальник штаба русского 63-го корпуса на вопрос, почему он не принял

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

контрмер по устранению этой смертельной опасности (прорыва немцев. – А.Г.), сказал, что не считал удар с этой стороны вообще возможным. Он думал, что его фланг абсолютно надежно прикрыт двумя реками — Березиной и Днепром. Он не верил, что за четыре дня можно преодолеть подобные, да к тому же еще и защищаемые, препятствия» [1, с.84-85]. По словам Хейнрици, иногда советские командиры действовали вопреки обычным военным правилам: «К тому же они совершенно непредсказуемы, осуществляют самые сумасбродные планы против всех правил военного искусства, и именно благодаря этому мы оказываемся в пренеприятнейших ситуациях» [1, с.83]. В то же время порочная сталинская система, блокирующая инициативу командиров боевых частей, вела к тяжелейшим потерям, что не укрылось от внимания немецкого генерала: «Часто действия русского командования непостижимы. Они совершают поступки, суть которых мы не можем понять и которые кажутся малоразумными. Например, любого, кто не удерживает позицию, расстреливают. Когда мы спросили русского начальника штаба 63-го корпуса, почему он не отвел свой корпус, пока еще был запас времени, он ответил, что дважды запрашивал разрешение на отход у своих армейских начальников. (Никто на той стороне не может действовать по собственной инициативе; они должны запрашивать разрешение у вышестоящих.) Его армия оставила оба запроса без ответа и отправила посыльного назад. Так высшее командование бежит от ответственности! В результате русский 63-й корпус остался в Гомеле и был потерян. Похожим образом и здесь несколько дивизий застряли на полностью потерявшей смысл позиции и были пленены» [1, с.86].

Что касается различных родов войск Красной армии, то и командир корпуса Хейнрици, и рядовой ефрейтор Рот в целом придерживались сходных воззрений на их боевую эффективность. О пехоте уже было сказано немало, а вот опыт «общения» с вражеской авиацией у Хейнрици и Рота поначалу заметно различался. Если на участке наступления корпуса генерала Хейнрици в начале июля 1941 г. советская авиация практически исчезла на несколько дней, подавленная превосходством Люфтваффе, то на юге, где действовала дивизия Рота, ситуация была совсем иной. Здесь была сосредоточена самая мощная группировка советских войск, включая авиацию. Неслучайно уже 8 июля Рот отметил в своем дневнике результат налета советских бомбардировщиков на его воинскую часть: 41 человек погиб, 82 ранены [10, с.35]. Налеты не ослабевали и в дальнейшем и 28 июля Рот записал: «Русские бомбардировщики и истребители здорово усложняют нам жизнь. Их излюбленная цель – наш войсковой подвоз» [10, с.52]. Когда же после первого шока оправилась авиация Красной армии на центральном участке фронта, генерал Хейнрици вынужден был признать, что у русских «пилоты тоже удалые и летают даже в ужасных погодных условиях», атакуя немцев с воздуха [1, с.86].

Сходная картина наблюдалась относительно танковых войск Красной армии. Согласно записям ефрейтора Рота, попытки массовых танковых атак Красной армии в самом начале войны заканчивались обычно плачевно, учитывая то, что основу бронетанковых частей РККА составляли легкие машины Т-26 и БТ с противопульной броней, которые легко подбивались даже с помощью небольших немецких противотанковых пушек. При этом большую помощь в отражении советских танковых атак немцам оказывали пикирующие бомбардировщики Ю-87 [10, с.18-19, 32]. По свидетельству российских

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

ветеранов, именно от авиационных ударов несли огромные потери слабо бронированные легкие танки БТ и Т-26 [12, с.25, 38-39].

Однако главным врагом немецкого солдата была советская артиллерия. Рот записал случай, имевший место 30 июня 1941 г.: «Едва успели поест, как произошло нечто ужасное. Снаряд из окаянного 122-мм орудия, которое систематически вело огонь по нам, угодил в отделение Франке. Когда облако дыма рассеялось, нашим взорам предстал кошмар. В этом хаосе среди разбросанных снарядных ящиков, искореженных обломков металла и луж крови лежало восемь трупов наших товарищей» [10, с.26]. Сила обстрелов советской артиллерии была иногда столь велика, что некоторые немецкие солдаты буквально сходили с ума [10, с.64]. Генерал Хейнрици тоже не оставил без внимания мощь советской артиллерии. В письме к семье от 18 августа 1941 г. он писал: «...Два дня назад русский двумя тяжелыми батареями так вышиб нас из командного пункта, что лишь благодаря чуду мы отделались семью ранеными» [1, с.79]. При этом противник, отмечал генерал, обычно не испытывал недостатка боеприпасов: «Войска на отдельных участках выдержали тяжелейшие испытания — по многу раз в течение 2-3 дней их просто засыпало снарядами, как в [Первую] мировую войну». Хейнрици с сожалением делал вывод: «Увы, русская артиллерия очень хороша. Она весьма метка и, к сожалению, очень подвижна» [1, с.85]. Правда, у русских было и свое слабое место: связь. По итогам трех месяцев боев Рот делал вывод: «Именно отсутствие надежной радиосвязи сыграло негативную роль в их поражениях» [10, с.104].

Трудности кампании на Восточном фронте в значительной мере усугублялись природой России, ее бескрайними просторами, бесконечными лесами, осенней распутицей и зимними морозами. В этом плане ни Рот, ни Хейнрици не сообщают ничего оригинального. В сочетании с отвратительными дорогами эти факторы привели к пробуксовке осеннего наступления Вермахта на восток, введя генерала Хейнрици в состояние глубокой депрессии. В своем письме семье от 23 октября 1941 г. он приводил яркий пример: «К примеру, грузовику понадобилось 36 часов, чтобы преодолеть 35 километров. Все были в восторге, что он вообще доехал. Большая часть колонн увязла в непролазной грязи, в болоте, в дорожных колеях, рытвины от снарядов в которых достигают полуметра и заполнены водой. Грузовики, и без того еле ехавшие, теперь сломались полностью (запчасти достать невозможно). Бензин, хлеб, овес — ничего не доезжает. Конные повозки тоже застряли, орудия невозможно доставить, весь личный состав, пехота или кто угодно, больше толкает машины, чем сражается. Дороги усеяны трупами лошадей и сломанными грузовиками. Снова и снова слышны причитания: так не может продолжаться!» [1, с.107-108]. Ефрейтор Рот оставил лаконичную запись в своем дневнике 27 октября: «Вопрос войскового подвоза превратился в огромную проблему» [10, с.108]. Распутица не позволила немцам захватить Москву, когда они имели подавляющее численное преимущество, и генерал Хейнрици сокрушался по этому поводу: «Всё встало из-за осадков и дорог. Мы застряли недалеко от Москвы, нашей цели. Наконец-то достигли соотношения четыре немецких против одной русской дивизии. И не можем это использовать». И добавил запись 30 октября: «В целом же мы застряли вместе со всей своей моторизованностью, так как отсутствует главная предпосылка для нее — твердые дороги. Природа победила технику. Нам очень повезло, что этого не произошло еще в конце сентября, когда мы начали

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

уничтожить центральную группировку русских, однако какая ирония судьбы, что мы застряли прямо у ворот Москвы» [1, с.112, 114-115].

Вскоре на смену осенней распутице пришли морозы и глубокие снега. Среди солдат Вермахта резко возросло число случаев обморожения, причем некоторые солдаты замерзали насмерть, а другие, не выдерживая, прибегали к самострелу [1, с.132-136]. Это стало результатом авантюризма гитлеровского руководства, которое не озаботилось снабдить свои войска зимним обмундированием, рассчитывая расправиться с СССР всего за пару летних месяцев. Затем началось массированное наступление Красной армии, приведшее к серьезному поражению немцев под Москвой в декабре 1941 г. В письме жене от 16 декабря Хейнрици признавал: «За всю [Первую] мировую войну никогда я не был в такой ситуации, какую мы переживаем сейчас. Каков будет исход — всё в руках Господа» [1, с.161]. Теперь генерал начал все чаще обращаться к Богу и ждать чуда, вспоминая о незавидной судьбе наполеоновской армии: «В окружении держаться бы не вышло, поэтому пришлось отступить. Отходили по снегу и льду прямо как Наполеон в свое время. Схожими были и потери. Апатия среди личного состава ширится. Состояние войск нельзя назвать иначе как плачевным» [1, с.164]. Аналогичная картина зимнего отступления содержится в дневнике ефрейтора Рота, сражавшегося южнее в районе города Обоянь. Он записал 28 декабря: «Вскоре после полуночи нам ценой больших потерь все же удастся выйти из окружения. [...] Детали этого перехода словами не описать — почти бегом при 35-градусном морозе по снегу чуть ли не до пояса, спасаясь от превосходящего тебя по численности чуть ли не в 10 раз противника! Только здоровому человеку, да и то не каждому, такое под силу. Что касается раненых — легко или тяжело, — те так и пропали в снегу. Теперь нам известно, что большинство из них предпочли пустить себе пулю в лоб, но не попадать врагу» [10, с.119-120]. Конец 1941 г. завершается в дневнике Рота записью от 31 декабря, содержащей описание жуткой сцены результатов советской бомбардировки Обояни, в ходе которой погибло множество немецких солдат, и вылазкой с двумя пулеметами к деревне, занятой красноармейцами [10, с.121-122].

Если теперь сопоставлять записки генерала Хейнрици и ефрейтора Рота с мемуарами других немецких участников похода на Восток, то здесь иногда можно наблюдать поразительное сходство, несмотря на то, что их авторы не были знакомы с записями друг друга. Например, генерал Хейнрици давал такую характеристику противнику: «В своем поведении в ходе этих боев русский совершенно непредсказуем. Только что он сражался отважно как никогда — и вдруг снова разбредается по лесам и позволяет себя пленить» [10, с.110]. В мемуарах другого участника боев на Восточном фронте, унтер-офицера Готтлоба Бидермана (Gottlob Vidermann), говорится практически то же самое: «Начав свой поход на Советский Союз, мы очутились лицом к лицу с непредсказуемым противником, чьи поступки, сопротивление или преданность невозможно было предвидеть или даже оценить. Временами мы сталкивались с фанатическим сопротивлением горстки солдат, которые сражались до последнего патрона и, даже исчерпав все запасы, отказывались сдаваться в плен. Случалось, перед нами был враг, который толпами сдавался, оказывая минимальное сопротивление, причем без ясно видимой причины» [13, с.126]. С другой стороны, если генерал Хейнрици и ефрейтор Рот свидетельствовали о жесточайших боях и тяжелых потерях в ходе кампании против СССР, то в мемуарах командира 9-го армейского

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

корпуса группы армий «Центр» Германа Гейера (Hermann Geyer), война в 1941 г. представляла собой картину победоносного марша на Восток, а главным врагом были вовсе не русские, а местность и климат: «Гораздо хуже, чем огонь противника и партизан были для нас холод, снег и перебои со снабжением» [14, с.184, см. также с.158, 198]. Получается, что если бы не дурные дороги, погода и несвоевременная доставка припасов, генерал Гейер со своими войсками смог бы добраться от Бреста до Москвы всего за пару месяцев, делая по 20 км в сутки.

Разумеется, что реальные боевые действия на Восточном фронте, о которых повествуют ефрейтор Ганс Рот и генерал Готхард Хейнрици, не имели ничего общего с писаниями Гейера. Вместе с тем, оба они были винтиками той бесчеловечной машины, которая пришла сеять смерть на просторы нашей Родины и в их записях дневникового характера мы не находим и тени раскаяния за ту преступную войну, участниками которой они были с самого начала. И не удивительно, ведь даже в конце 1941 г. перед лицом серьезного поражения в битве за Москву, они не могли себе представить победного для Красной армии мая 1945 г.

Список литературы

1. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., предисловие к рус. изд., коммент. О.И. Бэйдды, И.Р. Петрова. СПб., 2018. 328 с.
2. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев: Березовые кресты вместо Железных / Роберт Кершоу; [пер. с англ. А. Уткина]. М., 2010. 544 с.
3. Pabst H. Der Ruf der äußersten Grenze. Tagebuch eines Frontsoldaten. Tübingen: Fritz Schlichtenmayer, 1953. 274 S.
4. Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941 – 1943. М., 2004. 255 с.
5. Guderian H. Erfahrungen im Russlandkrieg // Bilanz des Zweiten Weltkrieges. Erkenntnisse und Verpflichtungen für Zukunft. Hamburg: Gerhard Stalling Verlag, 1953, S.81–98 (464 S.).
6. Manstein E. von. Verlorene Siege. Bonn: Athenaum-Verlag, 1959. 664 S.
7. Carius O. Tiger im Schlamm. Heidelberg: Kurt Vowinckel Verlag. 1960. 234 S.
8. Бидерман Г. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941 – 1945. М., 2005. 366 с.
9. Люк Ханс фон. На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта 1939 – 1945. М., 2006. 544 с.
10. Рот Г. Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков. 1941 – 1943 / Ред. К. Александер, М. Кунце; пер. с англ. А.Л. Уткина. М., 2019. 223 с.
11. Гринёв А.В. Образ императора Наполеона в мемуарах А.-О. де Коленкура (К 200-летию юбилею войны 1812 г.) // Клио. 2012. № 5. С.19–29.
12. Першанин В.Н. «Смертное поле». «Окопная правда» Великой Отечественной. М., 2008. 316 с.
13. Бидерман Г. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941 – 1945. Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М., 2005. 366 с.
14. От Буга до Кавказа: Пер. с немецкого. М., 2004. 494 с.

Grinèv A.V.

**1941 ON THE EASTERN FRONT BY THE EYES OF THE GERMAN SOLDIER
AND GENERAL**

GRINEV Andrei V. — Doctor in Historical Sciences, Professor of St. Petersburg Polytechnic University Peter the Great, 195251, Russia, Saint-Petersburg, Polytechnicheskaya, 29.
e-mail: agrinev1960@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the diary of an ordinary German soldier (corporal) Hans Roth and the notes, messages and letters of General Gotthard Heinrici, who have been in continuous battles on the Eastern Front since June 1941. The value of their epistolary heritage lies in the fact that, unlike post-war German memoirs, they do not bear the stamp of external editing and correction of self-censorship. On the other hand, the reason for choosing Roth's diary and Heinrici's notes was the contrast between the ordinary comfrey soldier, on whose shoulders all the hardships of combat tests fell, and the general spending most of his time at headquarters, which makes it possible to look at the war from different positions, albeit from one side of the front. Despite the sometimes significant differences in the description of battles and military life, both sources paint a picture of war, monstrous in its cruelty and scale of destruction, unheard of hardships and torments that affected not only the active troops, but also the civilians, some of whom Hitler's invaders condemned to deliberate physical destruction.

Keywords: Great Patriotic War, 1941, Eastern Front, Wehrmacht, Red Army.

УДК 94(47).084.8

Давыдов А.Ю.

**СОВЕТСКОЕ ИНФОРМБЮРО: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НА
НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ***

ДАВЫДОВ Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 191186, Россия, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20.
e-mail: davydov.au@mail.ru

Аннотация. В материале на основе изучения документов, обнаруженных в фондах нескольких государственных архивов, рассматриваются вопросы централизации и унификации информационной и пропагандистской работы в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны (вторая пол. 1941 г. – 1942 г.). Решающую роль в данном отношении играло создание Совинформбюро (СИБ), в ведение которого входило расширение масштабов функционирования

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00244 А «Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

отечественных СМИ и при этом обеспечение прямого подчинения их лично И.В. Сталину. Автор выдвигает положение о том, что в первые полтора года войны усилия коллектива Совинформбюро акцентировались на развертывании пропаганды среди отечественного населения, в то время как в дальнейшем в первую очередь решалась задача формирования положительного имиджа советской страны за рубежом. Автор останавливается на установлении функций и вклада руководящего тандема: характеризуются обязанности и основные направления работы начальника изучаемого учреждения А.С. Щербакова и его заместителя С.А. Лозовского. Актуальность исследования обусловлена выявлением основных структур, совокупность которых представляла собой организационный механизм СИБ. Автор определяет сферы компетенции ведущих отделов организации. Им приведены сведения о работе всех трех региональных филиалов Советского информбюро: Московского, Куйбышевского (образовался в ходе эвакуации в период Битвы за Москву) и Ленинградского. Немалый интерес представляет попытка А.Ю. Давыдова обнаружить место антифашистских комитетов среди подчиненных Совинформбюро органов; сталинским руководством они позиционировались как независимые общественные объединения, что совершенно не соответствовало методике их конструирования путем мелочной опеки со стороны власти.

Ключевые слова: Советское информбюро, С.А. Лозовский, А.С. Щербаков, информация, военный отдел, антифашистские комитеты, отделения Совинформбюро.

Составной частью Великой Отечественной войны стало ведение баталий на информационном фронте. Радиосообщения, сведения периодических изданий (газет и журналов), выступления пропагандистов – все это были средства мобилизации советского народа для борьбы с противником. Важнейшую роль в этой сфере играло Советское информационное бюро (Совинформбюро, СИБ). Кроме обеспечения поддержки воевавшего государства, оно призвано было добиваться просоветской ориентации общественности стран-союзниц, а также наращивать масштабы пропагандистского воздействия на противника.

СИБ – это далеко не только сводки о положении дел в тылу и на фронте, сообщавшиеся населению выдающимся диктором Ю.Б. Левитаном. В силу многозначности поставленных перед организацией задач Совинформбюро представляло собой сложную и многоуровневую организационную структуру. О входивших в состав последней «аппаратах» мы и поговорим в этой работе. Речь пойдет о начальном периоде Великой Отечественной войны – вторая половина 1941 г. – 1942 г. Это особые полтора года в деятельности изучаемой структуры. В данное время приоритетом для СИБ выступало информирование советского населения, второе по значимости место занимало международное направление пропаганды. В целях изучения организационной структуры рассматриваемого учреждения автор стремился внимательно анализировать фактический материал, обнаруженный прежде всего в архивных фондах Совинформбюро, Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и некоторых других.

Советское информационное бюро возникло на третий день после начала гитлеровской агрессии против СССР – 24 июня. О важности события свидетельствует тот факт, что решение об учреждении принималось Политбюро ЦК ВКП(б) в тот же день (скорей всего, на том же заседании), когда образовали и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

важнейший для страны орган – Совет по эвакуации. Верховная власть в первые дни войны ставила на повестку дня абсолютно неотложные вопросы и к числу самых злободневных тем относился СИБ.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. формулировалась задача: «В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также освещения военных событий – образовать Советское информационное бюро» [1, с. 213]. Он создавался в целях сосредоточения управления всей информационно-пропагандистской работой в стране в руках лично И.В. Сталина и его ближайших помощников. На одном из совещаний Советское информационное бюро определялось в качестве «боевой партийной и политической организации» [2, л. 10]. Не случайно весь руководящий состав сотрудников СИБ входил в список номенклатурных должностей ЦК ВКП(б) [3, л.168, 170-170 об].

Во главе учреждения поставили человека, абсолютно и искренне преданного Генеральному секретарю. Это был Александр Сергеевич Щербаков – молодой, образованный и способный выдвиженец. Руководя Совинформбюро, он одновременно исполнял обязанности кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК партии, первого секретаря Московского комитета ВКП(б), начальника Главного политуправления Красной Армии. Справиться со своими бесчисленными и ответственными функциями Щербаков не мог, это определяло особо значимую роль в налаживании функционирования Совинформбюро его заместителя С.А. Лозовского.

Между двумя руководителями сложилось своеобразное разделение труда. От имени верховной власти А. Щербаков наблюдал за работой Совинформбюро, осуществляя в то же время представительские функции. Что касается его повседневного участия в работе рассматриваемой организации, то он взял на себя контроль за разработкой информационных сводок. Поскольку Сталин в полной мере осознавал значимость пропагандистского воздействия на население, то и сам он вместе со своим верным наперсником проводил немало времени за чтением и редактированием текстов сообщений Совинформбюро. Вместе с тем вся практическая, организаторская работа по налаживанию сибовской повседневности была возложена на Соломона Абрамовича Лозовского.

В дореволюционный период Лозовский был близок к В.И. Ленину, потом рассорился с ним и примкнул к меньшевикам; в 1920-1930-е годы он был генеральным секретарем Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна). Поскольку еще в начале века протагонист сдружился с В.М. Молотовым (они сошлись на почве совместной революционной деятельности в Казани), то его перед Великой Отечественной войной назначили заместителем наркома иностранных дел [4, с. 130, 141]. Соломону Абрамовичу в должности зампреда СИБ удавалось успешно координировать работу пропагандистских центров в СССР и за границей.

Талантливый и энергичный, освоивший искусство аппаратного маневрирования, функционер с «подмоченной» (причастностью к меньшевизму) репутацией оказался наилучшим исполнителем воли Сталина и Щербакова на посту фактического руководителя СИБ. На протяжении войны он успешно справлялся с обязанностями и разрешал бытовые, организационные, финансовые проблемы. Он хлопотал об увеличении штатов, о выделении помещений для Совинформбюро, об обеспечении сотрудников транспортом и связью. Он

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

заботился о налаживании работы новых отделов, успевая при этом регулярно проводить пресс-конференции для иностранных корреспондентов [5, л. 10, 16; 6, л. 24-25; 7, л. 2].

После некоторых персональных перестановок в руководящую группу Совинформбюро, кроме двух названных чиновников, вошли: Я.С. Хавинсон (ответственный руководитель ТАСС), Д.А. Поликарпов (председатель Всесоюзного радиокомитета), Г.Ф. Саксин (заместитель генерального секретаря – т.е. руководителя аппарата – Наркомата иностранных дел), Г.Ф. Александров (начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); Я.С. Хавинсон, Д.А. Поликарпов на завершающем этапе войны вышли из СИБ.

Кроме них, в состав руководящей группы Совинформбюро входили ответственные секретари. На начальном этапе войны обязанности ответсекретаря выполнял философ и партработник В.С. Кружков. Он постоянно находился в Совинформбюро и совместно с заместителем начальника занимался текущими делами. В случае отлучек Соломона Абрамовича, одновременно работавшего и в Наркоминделе, ответсекретарь обеспечивал функционирование отделов СИБ, визировал материалы, осуществлял финансовый контроль и прочее. В общем Кружков стал правой рукой С. Лозовского.

Таким образом, к июлю 1941 г. сформировался коллектив, составивший костяк сибовского аппарата – Щербаков, Лозовский, Александров, Хавинсон, Поликарпов, Саксин, Кружков [8, л. 66; 9, л. 28; 10, л. 87]. Эти люди в начальный военный период более или менее регулярно собирались на совещания, вырабатывая решения относительно налаживания информационно-пропагандистской работы.

Определялись штаты новой организации. Уже вечером 24 июня и в течение 25 июня С.А. Лозовский разработал записку, в которой наметил контуры ее структуры. После рассмотрения и небольшой корректировки текста записка стала директивой, на основе которой в конце концов сформировались подразделения Советского информбюро. Образовались отделы: военный (после 1942 г. переименован в отдел военного и политического контроля), контрпропаганды, международной жизни, внутренней жизни, фотокорреспонденций. Появилась «группа» литературы и искусства, в обязанности членов которой входило оказание помощи деятелям культуры в работе над заказанными СИБ текстами. Со временем появлялись новые направления работы (сотрудничество с профсоюзной прессой Запада, пропагандистское проникновение в скандинавские страны и т.д.) и соответственно возникали новые отделы; в общей сложности их численность увеличилась до 16. Персонал каждого из подобных подразделений представлял сплоченный коллектив примерно из 5 чел. Кроме того, существовал секретариат в составе 23 сотрудников [11, л. 1-2; 12, л. 18, 33].

Основным был военный отдел, отличавшийся расширенным штатом и особой значимостью исполнявшихся сотрудниками обязанностей. Его работники цензуровали материалы центральных советских периодических изданий по военной тематике. Они «визировали» материалы, предназначенные для заграницы. Исключительным для коллектива отдела стал период с октября 1941 г. по март 1942 г., когда аппарат Совинформбюро пребывал в эвакуации в Куйбышеве. В этом городе отсутствовали коммуникативные возможности для взаимодействия с редакциями газет и журналов. Поэтому «военотдельцы» в

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«куйбышевский» период – в соответствии с приказом С. Лозовского – сосредоточились на написании статей для зарубежной прессы [7, л. 5; 13, л. 128-131]. В марте 1942 г. сотрудники указанного отдела вернулись в Москву и принялись за выполнение прежних (доэвакуационного периода) обязанностей.

Между тем в ходе и в результате эвакуации существенно изменилась организационная структура самого Советского информационного бюро. После Московской битвы и возвращения большинства сибовцев из Куйбышева в столицу, там продолжала действовать куйбышевская группа. Функции ее руководителя осуществлял сам С.А. Лозовский, вынужденный регулярно переезжать со Средней Волги в Москву за тысячу километров и обратно. Группа существовала до августа 1943 г., когда была переведена в столицу [14, л. 11].

Наконец, обнаруживается и третья (после столичной и куйбышевской) региональная структура СИБ. В материалах фонда Ленинградского городского комитета ВКП(б) (дела Отдела пропаганды и агитации), *содержащихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга*, были найдены данные, свидетельствующие о существовании Ленинградского отделения Совинформбюро. На основании их изучения можно утверждать, что Ленинградское отделение СИБ являлось частью разветвленной, межрегиональной структуры Совинформбюро. Факт существования действовавшего на российском северо-западе регионального филиала СИБ был неизвестен.

Думается, в начале войны руководство страны оказалось в состоянии информационного вакуума, и было решено срочно заполнить его путем создания в регионах сибовских отделений. Поскольку существовала потребность в информации о положении на местах, то Ленинградское отделение СИБ как раз и сыграло роль собирателя и систематизатора сообщений с фронта и тыла для центрального информбюро.

Дата создания Ленинформбюро – 15 июля 1941г. (через три недели после образования СИБ) [15, л. 4-5]. Примечательно, что для руководства Северо-Западного региона аппарат ЛенСИБ представлял большую важность. Возглавляли его секретари Ленинградского горкома партии: сначала Николай Дмитриевич Шумилов [16, л. 1], а затем Александр Иванович Маханов. Не случайно Маханов являлся ответственным работником ЦК ВКП(б) [17, л. 4; 18, л. 1]. Задачей Ленинградского информбюро было составление сводок о боевых действиях на Северо-Западном и Северном фронтах (позже Ленинградском). Отправлявшаяся им в центр информация существенно дополняла сообщения Совинформбюро.

Кроме указанных трех филиалов, в структуру Совинформбюро входили зарубежные представительства. Наибольшую активность проявляла сибовская миссия в Великобритании, руководившаяся журналистом и коминтерновцем С.Н. Ростовским (Эрнстом Генри). Вместе с тем успешно работала делегация СИБ в Швеции, издававшая и распространявшая бюллетени на английском, шведском и русском языках.

В то же время Совинформбюро разворачивало информационную работу за границей посредством антифашистских комитетов – Всеславянский, Еврейский, советских женщин, советских ученых, советской молодежи. Они создавались под личным контролем И.А. Сталина и А.С. Щербакова и фактически являлись структурами Советского информбюро, хотя позиционировали себя как

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

негосударственные организации. Их члены, выступая от якобы независимой части населения СССР, посылали приветствия и коллективные послания в адрес аналогичных зарубежных организаций, выступали отправлялись в заграничные турне с лекциями, создавали фонды содействия Красной Армии. Почти треть всех подготовленных отделами СИБ для иностранной общественности материалов распространялись в СМИ антифашистскими комитетами [19, л. 33].

Как видим, Советское информбюро представляло многоплановый комплекс органов, обеспечивавших непосредственное подчинение верховной власти информационной политики и пропагандистской деятельности в условиях начального этапа Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. М., 1985. Т. 7. 574 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 60.
3. ГА РФ. Ф. Р- 8581. Оп. 2. Д. 132.
4. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета) / Ред. В.П. Наумов. М., 1994. 399 с.
5. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 44 а. Д. 255.
6. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46 а. Д. 4233.
7. ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 9.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 385.
9. РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 927.
10. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 47.
12. ГА РФ. Ф. Р- 8581. Оп. 1. Д. 1148.
13. ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 90.
14. РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998.
15. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р. 25. Оп. 10. Д. 235).
16. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп.1. Д. 196874/1.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 3562.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 216994.
19. ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 61.

Davydov A.Yu.

SOVIET INFORMATION BUREAU: ORGANIZATIONAL STRUCTURE AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

DAVIDOV Alexander Yu. -Professor of the Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen, 191186, Russia, Moika river embankment, 48, building 20.
e-mail: davydov.au@mail.ru

Abstract. The material, based on the study of documents found in the collections of several state archives, discusses the centralization and unification of information and propaganda work in the USSR at the initial stage of the Great Patriotic War (second half of 1941 - 1942). The main role in this regard was played by the creation of the Sovinformburo (SIB), which was responsible for expanding the scale of functioning of the soviet media and at the same time ensuring direct subordination of them personally to I.V. Stalin. The author puts forward the position that in the first and a half year of the war, the efforts of the Sovinformburo focused on the development of propaganda among the population, while in the future, first of all, the problem of forming a positive image of the Soviet Union abroad was solved. The author focuses on the establishment of the functions and contribution of the leading tandem: the responsibilities and main directions of the work of the head of the institution, A.S. Shcherbakova and his deputy S.A. Lozovsky. The relevance of the study is due to the identification of the main structures, the totality of which was the organizational mechanism of SIB. The author defines the areas of competence of the leading departments of the organization. He provides information on the work of all three regional departments of the Soviet Information Bureau: Moscow, Kuibyshevsky (formed during the evacuation during the Battle of Moscow) and Leningradsky. Serious interest is the attempt by A.Yu. Davydov to find the place of anti-fascist committees among subordinate organs of the Information Bureau; They were positioned by Stalin's leaders as independent public associations, but this position did not correspond to the way they were organized through petty guardianship by the state.

Keywords: Soviet Information Bureau, S.A. Lozovsky, A.S. Shcherbakov, information, military department, anti-fascist committees, branches of Sovinformburo.

УДК 94(476) -1941/1945

Данилович В.В.

ВКЛАД УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАН БЕЛАРУСИ В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ДАНИЛОВИЧ Вячеслав Викторович – к.и.н., директор Института истории НАН Беларуси, 220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 1.
e-mail: ii@history.by

Аннотация. Проблема вольного обращения с историей Второй мировой и Великой Отечественной войн, манипулирования ею, разрушения смыслов Великой Победы не должна игнорироваться. Исследования ученых Института истории Национальной академии наук Беларуси прежде всего концентрируются на отражении истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. В частности это и вклад белорусского народа в общую Великую Победу, боевые действия летом 1941 г., партизанская и подпольная борьба на оккупированной территории, геноцид населения, операция «Багратион» и освобождение Беларуси. Только за последние 5 лет по названной проблематике учёными Института истории Национальной академии наук Беларуси подготовлено более 30 индивидуальных и коллективных монографий, а также сборников научных статей, документов и материалов. Эти издания получили положительный научный и

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

общественный резонанс. специализированных научных мероприятий. По проблематике истории Великой Отечественной войны проведены десятки научных форумов в различных регионах страны. Такая целенаправленная работа позволяет эффективно противостоять попыткам фальсификации отечественной истории. В целях увековечения и сохранения памяти поколения победителей Национальная академия наук Беларуси инициировала всебелорусскую акцию «Народная летопись Великой Отечественной войны: вспомним всех!» Акция предусматривает разворачивание работы по сбору сохранившихся воспоминаний и фотографий участников событий Великой Отечественной войны. В Институте истории Национальной академии наук Беларуси будет осуществляться сбор информации и научная обработка полученных сведений, подготовка на их основе соответствующих изданий, а также создание электронной базы данных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, исследования, сохранение исторической памяти, наследие, НАН.

Героические и трагические события Великой Отечественной войны все дальше уходят в историю, и нам подчас трудно ощутить остроту событий того времени. Новые поколения в силу разных причин не всегда имеют возможность приобщиться к многочисленным уникальным документальным источникам. Вместе с тем, не прекращаются попытки пересмотра истории и итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн. На поверхности бытия все чаще появляется демонстрация легковесных устремлений, желаний акцентировать внимание на негативных событиях военной истории, просчётах и ошибках советского командования. К сожалению, сегодня можно чаще услышать имя германского фюрера, развязавшего мировую кровавую бойню, чем имя И. В. Сталина, являвшегося председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным Главнокомандующим Вооружёнными силами СССР, внёсшего, несомненно, огромный вклад в организацию разгрома нацистской Германии.

Проблема вольного обращения с историей Второй мировой и Великой Отечественной войн, манипулирования ею, разрушения смыслов Великой Победы не должна игнорироваться. Это опасное явление, способствующее нарастанию нестабильности в мире, реализации реваншистских настроений, возникновению новых очагов напряжённости, в том числе военной.

Вызовы времени ставят перед историками задачи ликвидации ещё существующих «белых пятен» в исследовании нашего исторического прошлого, в том числе и Великой Отечественной войны, противостояния попыткам его фальсификации. Необходимость объективного научного изучения и популяризации историко-культурного наследия Беларуси, противостояния фальсификации отечественной истории неоднократно подчёркивал Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко.

Общеизвестно, что наше славное героическое прошлое является духовной основой и опорой для воспитания в людях высокой гражданственности. Увековечение ратного подвига защитников Отечества имеет в нашей стране богатую историю. И в наши дни активно поддерживаются традиции, наполненные глубинным духовным смыслом, уважительным отношением к сохранению памяти о тех, кто погиб, защищая родную землю в годы Великой Отечественной войны.

В рамках выполнения Государственных программ научных исследований на 2011 – 2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

общества и государственной идеологии» и на 2016 – 2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» под руководством академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, члена-корреспондента Александра Александровича Ковалени, благодаря поддержке со стороны руководства академии во главе с Председателем Президиума, академиком Владимиром Григорьевичем Гусаковым, учёными института проведена большая работа по объективному научному исследованию истории Великой Отечественной войны и популяризации подвига белорусского народа. В частности очень много сделано в данном направлении сотрудниками отдела военной истории Беларуси во главе с его заведующим доктором исторических наук, профессором Алексеем Михайловичем Литвиным.

С позиций современного научного знания мы вновь и вновь обращаемся к периоду борьбы с германским нацизмом, когда в полной мере проявились величие и героизм народов СССР, в том числе народа Беларуси, по праву получившей признание в мире как «Республика-партизанка».

Необходимо подчеркнуть, что актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн регулярно обсуждаются на многочисленных международных конференциях, семинарах и «круглых столах» в различных регионах страны. Эта целенаправленная работа позволяет эффективно противостоять попыткам фальсификации отечественной истории.

В этом деле мы плодотворно взаимодействуем со своими коллегами из стран Содружества Независимых Государств в рамках Международной ассоциации институтов истории стран СНГ, которую возглавляет академик, научный руководитель Института всеобщей истории РАН Александр Оганович Чубарьян. Яркий пример такого сотрудничества – проведенные в Минске на базе Института истории НАН Беларуси при финансовой поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ международные школы историков: 14 – 23 июня 2010 г. V Международная летняя школа молодых учёных-историков стран СНГ «Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы)» и 17 – 27 июня 2015 г. Международная школа историков «Советский Союз во Второй мировой войне: актуальные проблемы истории и исторической памяти», посвящённая 70-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Исследования ученых института прежде всего концентрируются на отражении истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, а это и вклад белорусского народа в общую Великую Победу, боевые действия летом 1941 г., партизанская и подпольная борьба на оккупированной территории, геноцид населения, операция «Багратион» и освобождение Беларуси. Только за последние 5 лет по названной проблематике учёными Института истории НАН Беларуси подготовлено более 30 индивидуальных и коллективных монографий, а также сборников научных статей, документов и материалов. Эти издания получили положительный научный и общественный резонанс. Среди них следующие знаковые труды.

Настоящим прорывом в историографии Беларуси и России стала успешная реализация учёными Института истории НАН Беларуси и Института всеобщей истории РАН совместного научного комплексного исследования истории Великой Отечественной войны. В результате был подготовлен и опубликован

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

фундаментальный труд «Страна в огне» [1, 2, 3, 4, 5, 6], который представляет целостную картину событий Великой Отечественной войны, в том числе освобождения БССР от германских захватчиков. Работа содержит большое количество новейших фактологических и статистических данных, теоретических обоснований, является первым после распада Советского Союза крупным международным историческим трудом по истории Великой Отечественной войны. Авторскому коллективу издания в 2018 г. присуждена совместная премия Национальной академии наук Беларуси и Российской академии наук.

В сборнике «Победа одна на всех» [7] рассмотрены проблемы международных отношений накануне и в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, боевые действия на фронтах, различные аспекты нацистского оккупационного режима, история партизанского движения и подпольной борьбы, подвиг народа в советском тылу и в период освобождения и восстановления страны, вопросы увековечения памяти о войне и патриотического воспитания молодёжи.

В издании «С верой в победу. Беларусь в Великой Отечественной войне: 100 вопросов и ответов» [8] освещены важнейшие военно-политические события, происходившие на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн, всенародный характер борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, приведены многочисленные примеры героизма, мужества и самопожертвования представителей советского народа, а также белорусов и уроженцев Беларуси, показан вклад белорусского народа в победу над нацизмом.

Совместно с учёными Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации была подготовлена и издана коллективная монография «Освобождение Беларуси. 1943 – 1944» [9]. В ней представлены наиболее значимые события, происходившие на территории Беларуси в 1943 – 1944 гг. накануне и во время её освобождения Красной Армией, а также ход и результаты боевых действий, условия подготовки и ведения операций, успехи и неудачи советских войск. Издание содержит богатую подборку документов из фондов архивов Российской Федерации, многие из которых опубликованы впервые.

В сборнике «Республика-партизанка. К 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» [10], подготовленном совместно с Научно-исследовательским центром истории диаспор исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Научно-исследовательским центром фундаментальной многотомной работы «Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов», Национально-культурной автономией «Белорусы Москвы», собраны научные статьи российских и белорусских историков о партизанском движении на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, а также воспоминания и статьи ветеранов партизанского движения и государственных деятелей БССР.

Сборник научных статей «Беларусь: памятное лето 1944 года» [11] содержит материалы, в которых представлена многоплановая картина полного освобождения белорусской земли, а также первых мероприятий по возрождению мирной жизни в БССР.

В сборнике научных статей «Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны» [12], посвящённом 70-летию освобождения Витебщины от немецко-фашистских захватчиков, представлены статьи, раскрывающие различные аспекты истории Витебщины и других регионов Беларуси в годы Великой

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Отечественной войны, при этом акцент сделан на освещении участия населения Витебской области в борьбе с германскими оккупантами на фронте и в тылу врага.

Уникальная коллективная монография «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне» [13] на большом фактическом материале, почерпнутом из опубликованной литературы и ранее неизвестных архивных документов, на многочисленных примерах массового героизма комплексно раскрывает вопросы участия белорусов и уроженцев Беларуси в важнейших событиях Великой Отечественной войны, характеризующие общий вклад населения республики в Победу. Этот труд пользуется большим спросом и уже выдержал два переиздания в 2016 и 2020 гг.

Не имеет аналогов подготовленный совместно с коллегами из ВУЗов, Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь при финансовой поддержке Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь четырёхтомный «Вялікі гістарычны атлас Беларусі». В его 4 томе [14] выразительно и ярко, на картографической основе, представлены события Великой Отечественной войны на территории Беларуси.

Новейшие научные наработки по проблематике освобождения Беларуси от германских войск в годы Великой Отечественной войны представлены также в сборниках научных статей «Этот день мы приближали, как могли...» в 2-х частях [15, 16] и «Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны» [17].

Значительным вкладом в отражение освобождения Беларуси через персоналии воинов-освободителей стали биографический справочник «Твои сыновья, Беларусь: маршалы, генералы (адмиралы) – белорусы и уроженцы Беларуси в годы Великой Отечественной войны» [18] и мемориальное издание «Воины-армяне в боях за Беларусь (1941 – 1944 гг.)» [19].

В 4-м томе «Истории белорусской государственности» [20] особое внимание уделено периоду Второй мировой и Великой Отечественной войн, победа в которых сыграла исключительно важную роль в упрочении белорусской государственности.

В канун празднования 75-летия победы в Великой Отечественной войне увидел свет ценный и уникальный труд «Созвездие героев земли белорусской» [21], где впервые собраны биографии всех 494 Героев Советского Союза – уроженцев Беларуси.

Разделы, посвящённые событиям Великой Отечественной войны, содержат такие коллективные научные труды Института истории НАН Беларуси как «Беларусь: страницы истории» [22], которая опубликована в 2016 г. на китайском, а в 2018 г. на английском языке [23]; во 2-й книге «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» в 2-х книгах [24]; «История Белорусской железной дороги. Из века XIX в век XXI» [25]; во 2-й книге «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921 – 1953» в 2-х книгах [26].

Важно подчеркнуть, что этот пласт научных изданий, опубликованных в последние годы, является фундаментальной основой для успешной организации учебно-воспитательного процесса в школах, средних и высших учебных заведениях, для совершенствования государственной исторической политики, укрепления идейных основ общества и патриотизма, выработки у подрастающего

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

поколения иммунитета против попыток фальсификаций и искажений исторического прошлого.

Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны регулярно освещаются учёными Института истории НАН Беларуси на многочисленных конференциях, семинарах и «круглых столах» как в различных регионах Республики Беларусь, так и за рубежом.

В 2014 г. нашим институтом совместно с российским Фондом развития «Институт евразийских исследований» проведен «круглый стол» «От освобождения Ленинграда к освобождению Минска (к 70-летию ликвидации блокады Ленинграда)» (11 февраля); совместно с Министерством образования Республики Беларусь – международные научно-практические конференции в Витебске «Победа – одна на всех» (24 апреля) и «Витебщина в годы Великой Отечественной войны: к 70-летию освобождения от нацистской оккупации» (25 апреля), а также вместе с Министерством обороны Республики Беларусь – международная научно-практическая конференция «Беларусь: памятное лето 1944 года (к 70-летию освобождения от немецко-фашистских оккупантов)» (19 – 20 июня).

В 2015 г., 23 февраля, совместно с российским Фондом развития «Институт евразийских исследований» проведена конференция «Беларусь в Великой Отечественной войне (к 70-летию Великой Победы)», 7 – 8 мая состоялась организованная совместно с Министерством обороны Республики Беларусь Международная научно-практическая конференция «Этот день мы приближали как могли... (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны)».

В 2018 г., 22 – 23 ноября, совместно с Гомельским государственным университетом имени Ф. Скорины и Российским центром науки и культуры в Гомеле проведена Международная научная конференция «Беларусь в год коренного перелома в Великой Отечественной войне (к 75-летию начала освобождения территории республики от германских войск)».

В 2019 г., 17 – 18 апреля, совместно с Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны и Российским фондом содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» проведена Международная научно-практическая конференция «Освобождение Беларуси. Память сквозь годы», а 27 – 28 июня, совместно с Министерством обороны Республики Беларусь и Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь проведена Международная научная конференция «Операция «Багратион» (к 75-летию освобождения Беларуси от нацистской оккупации)».

Кроме того Институт истории НАН Беларуси совместно с Белорусским государственным педагогическим университетом имени Максима Танка, Представительством Россотрудничества в Республике Беларусь, Московским районным исполнительным комитетом Минска и гимназией № 174 нашей столицы уже на протяжении 13 лет ежегодно проводят Международную научно-практическую конференцию учащихся «Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов в исторической памяти народа», в работе которой принимают участие не только учащиеся из стран СНГ, но и из дальнего зарубежья.

Нельзя не отметить, что в современных геополитических условиях, когда не прекращаются попытки фальсификации и искажения истории Второй мировой

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

и Великой Отечественной войн, становится все меньше и меньше непосредственных свидетелей и участников военных событий, для нас жизненно важно сохранить для потомков каждый факт и деталь – все, что стало олицетворением духовной силы белорусского народа в тяжкие военные годы.

Именно поэтому в целях увековечения и сохранения памяти поколения победителей Национальная академия наук Беларуси инициировала всебелорусскую акцию «Народная летопись Великой Отечественной войны: вспомним всех!» Акция предусматривает разворачивание работы по сбору сохранившихся воспоминаний и фотографий участников событий Великой Отечественной войны во взаимодействии с руководством областных и районных исполнительных комитетов, учреждениями образования и культуры, общественными организациями, всеми заинтересованным гражданами Республики Беларусь. В Институте истории НАН Беларуси будет осуществляться сбор информации и научная обработка полученных сведений, подготовка на их основе соответствующих изданий, а также создание электронной базы данных.

Таким образом, учёными Института истории НАН Беларуси внесён большой вклад в исследование и популяризацию событий Великой Отечественной войны, в противостояние попыткам фальсификации и искажений нашего героического прошлого.

Список литературы

1. 1941 год: Страна в огне: Т. 1. В 2 кн. Кн. 1. Очерки. М., 2011. 720 с.
2. 1941 год: Страна в огне: Т. 1. В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2011. 720 с.
3. Страна в огне: Т. 2: Коренной перелом, 1942 – 1943: в 2 кн. Кн. 1: Очерки. М., 2017. 734 с.;
4. Страна в огне: Т. 2: Коренной перелом, 1942 – 1943: в 2 кн. Кн. 2: Документы и материалы. М., 2017. 542 с.
5. Страна в огне: Т. 3: Освобождение, 1944 – 1945: в 2 кн. Кн. 1: Очерки. М., 2017. 734 с.
6. Страна в огне: Т. 3: Освобождение, 1944 – 1945: в 2 кн. Кн. 2: Документы и материалы. М., 2017. 510 с.
7. Победа одна на всех. Витебск, 2014. 374 с.
8. С верой в победу. Беларусь в Великой Отечественной войне: 100 вопросов и ответов. Мн., 2014. 215 с.
9. Освобождение Беларуси. 1943 – 1944. Мн., 2014. 944 с.
10. Республика-партизанка. К 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. М., 2014. 360 с.
11. Беларусь: памятное лето 1944 года. Мн., 2015. 568 с.
12. Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Мн., 2015. 311 с.
13. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне. Мн., 2015. 495 с.
14. Вялікі гістарычны атлас Беларусі. У 4 т. Т. 4. Мн., 2013. 272 с.
15. «Этот день мы приближали, как могли...». В 2-х ч. Ч. 1. Мн., 2016. 517 с.
16. «Этот день мы приближали, как могли...». В 2-х ч. Ч. 2. Мн., 2016. 322 с.
17. Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны. Гомель, 2019. 360 с.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

18. Твои сыновья, Беларусь: маршалы, генералы (адмиралы) – белорусы и уроженцы Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Мн., 2019. 475 с.
19. Воины-армяне в боях за Беларусь (1941 – 1944 гг.). Мн., 2019. 927 с.
20. Истории белорусской государственности. В 5 т. Т. 5: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939—1953 гг.). Мн., 2019. 567 с.
21. Долготович Б. Д., Коваленя А. А. Созвездие героев земли белорусской. Мн., 2020. 360 с.
22. Беларусь: страницы истории. Мн., 2011. 408 с.
23. Belarus: pages of history. Мн, 2018. 380 с.
24. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. Мн., 2012. 654 с.
25. История Белорусской железной дороги. Из века XIX – в век XXI. Мн., 2012. 955 с.
26. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921 – 1953 гг. В 2 кн. Кн. 2. Мн., 2014. 336 с.

Danilovich V.V.

THE CONTRIBUTION OF SCIENTISTS OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF NAS OF BELARUS IN THE PRESERVATION OF THE MEMORY ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

DANILOVICH Vyacheslav V. – Director Of the Institute of history of the National Academy of Sciences of Belarus, 220072, Republic of Belarus, Minsk, Akademicheskaya, 1.
e-mail: ii@history.by

Abstract. The problem of freely dealing with the history of the Second world war and the Great Patriotic war, manipulating it, destroying the meaning of the Great Victory should not be ignored. Research by scientists of the Institute of history of the National Academy of Sciences of Belarus primarily focuses on the reflection of the history of Belarus during the Great Patriotic war. In particular, this is the contribution of the Belarusian people to the overall Great Victory, the fighting in the summer of 1941, the partisan and underground struggle in the occupied territory, the genocide of the population, operation Bagration and the liberation of Belarus. Over the past 5 years alone, scientists Of the Institute of history of the National Academy of Sciences of Belarus have prepared more than 30 individual and collective monographs, as well as collections of scientific articles, documents and materials. These publications received a positive scientific and public response. specialized scientific events. Dozens of scientific forums on the history of the great Patriotic war were held in various regions of the country. This purposeful work makes it possible to effectively resist attempts to falsify the national history. In order to perpetuate and preserve the memory of the generation of winners, the National Academy of Sciences of Belarus initiated the all-Belarusian campaign "People's chronicle of the Great Patriotic war: let's remember everyone!" The campaign provides for the deployment of work to collect preserved memories and photos of participants in the events of the Great Patriotic war. The Institute of history of the National Academy of Sciences of Belarus will collect information and scientific

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

processing of the received information, prepare relevant publications based on them, as well as create an electronic database.

Keywords: Great Patriotic war, research, preservation of historical memory, heritage, NAN.

УДК 725.925.1(476)

Демяню А К.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

ДЕМЯНЮК Андрей Константинович — директор, ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», 220114, Республика Беларусь, г. Минск, Независимости пр-т., 116.

e-mail: director@narb.by

Аннотация. Сохранение объективной исторической Памяти о событиях Великой Отечественной войны – одна из важнейших задач современного белорусского общества. В условиях информационных и гибридных войн предпринимаются попытки ревизии и пересмотра результатов Второй мировой и Великой Отечественной войн. В статье рассматривается деятельность Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) – ведущего центра в республике по публикации документальных источников периода 1939-1945 гг., направленная на сохранения объективной Памяти и на ее научное обоснование. Через призму изданных документальных сборников делается вывод о большом вкладе архива в дело научного изучения ранее неизвестных страниц истории войны, введении в научный оборот большого массива новых исторических источников. Выставочные проекты архива имеют большое воспитательное и образовательное значение для молодого поколения белорусов. Наглядный показ документальных источников позволяет в доступной форме донести историю различных аспектов Великой Отечественной войны до большого количества граждан. Созданные и действующие в архиве базы данных активно используются учеными и всеми интересующимися не только Республики Беларусь, но и ближнего и дальнего зарубежья. База данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» - уникальный акт сохранения трагической Памяти и увековечивания событий 1941-1944 гг. Архивом ведется активная работа по персонификации истории движения Сопротивления на оккупированной территории БССР. В рамках совместного проекта НАРБ с холдингом «Издательский дом «Беларусь сегодня» активно наполняется база данных на участников партизанского и подпольного движения в Беларуси на интернет-портале «Партизаны Беларуси».

Ключевые слова: Великая Отечественная во Великая Отечественная война, историческая Память, Национальный архив Республики Беларусь, партизанское движение, сборник документов.

Отсчет своей истории Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) ведет с 28 мая 1927 г., когда Центральный Исполнительный Комитет и Совет

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Народных Комиссаров Белорусской ССР законодательно оформили создание Центрального архива Октябрьской революции БССР (ЦАОР БССР). Новый этап в истории архива начинается с июня 1995 г. После передачи документов бывшего Центрального партийного архива Компартии Белоруссии он реорганизован в Национальный архив Республики Беларусь. Документы Центрального партийного архива до передачи их в систему государственной архивной службы были в большинстве засекречены и малодоступны для пользователей. С 1993 г. начался пересмотр режима их хранения. Сотрудники НАРБ после приема комплекса бывшего Центрального партийного архива завершили работу по рассекречиванию партийных фондов [1].

На сегодняшний день Национальный архив Республики Беларусь – это ведущий центр страны по публикации документов периода после 1917 г. Значительный комплекс документов в его фондах охватывает период 1941-1945 гг. В них объективно зафиксированы как чудовищные преступления нацистского оккупационного режима на белорусской земле, так и героическая борьба Красной Армии, партизан и подпольщиков против захватчиков, трудовой подвиг белорусов после освобождения территории республики. Основные материалы сосредоточены в фондах партизанских и подпольных формирований, Белорусского штаба партизанского движения, ЦК КП(б)Б, личных фондах бывших участников партизанской борьбы, трофейных фондах нацистских оккупационных и коллаборационистских учреждений и организаций.

Тема Великой Отечественной войны является одной из магистральных в исследовательской, публикационно-издательской и выставочной деятельности Национального архива Республики Беларусь. Только за период с 1995 г. по настоящее время сотрудниками архива были изданы более 50 сборников документов по истории Великой Отечественной войны. К сожалению, приходится признать, что в настоящее время в ряде государств предпринимаются попытки пересмотреть результаты Второй мировой и Великой Отечественной войн, ведутся информационные войны за историческую Память. В этой ситуации архивисты и архивные учреждения – как главные хранители документальных первоисточников — фактически выдвигаются на «передовые рубежи» ее сохранения и защиты.

В документальных изданиях архива нашли отражения практически все аспекты событий 1941-1944 гг., многие и которых впервые были озвучены и представлены широкой общественности. Выделим несколько основных блоков (разделов) при характеристике изданий.

В 2000-е гг. было издано несколько важных сборников документов, посвященных предвоенному и начальному периоду войны. Например: «Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г.—1941 г.)», «НКВД в Западной Беларуси: сентябрь—декабрь 1939 г.» [2, 3].

Значительное внимание в археографической работе архива уделено публикации документов, связанных с оккупационным режимом нацистов. Здесь можно выделить следующие тематические блоки: трагедия Холокоста [4, 5, 6], нацистские лагеря смерти и концентрационные лагеря [7—10], карательные операции оккупантов [11], военная коллаборация [12]. Отдельно необходимо выделить большую работу, которая проводится архивом по изучению темы сожженных в годы войны деревень Беларуси и России: в рамках данного направления издан ряд сборников [13—16 и др.]. Здесь также следует сказать об

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

уникальной базе данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны», в которую внесены данные на более, чем 9 тыс. белорусских деревень частично или полностью уничтоженных в годы войны. База находится в открытом доступе на официальном сайте Национального архива Республики Беларусь (<http://www.narb.by/>).

Большая работа была проведена по изучению темы, связанной с вывозом жителей БССР на принудительные работы в Германию и их возвращением на родину [17—18]. За цикл этих работ коллектив авторов-составителей был удостоен Государственной премии Республики Беларусь за 2002 г.

Героическая история борьбы белорусского народа с оккупантами представлена на страницах документальных сборников, посвященных партизанскому движению и его различным аспектам [19, 20]. В работе над этой темой составителями применялись различные подходы: географический [21], «бригадности» [22] и др. Благодаря вышедшим в 2017—2019 гг. сборникам «Белорусский штаб партизанского движения. Сентябрь—декабрь 1942 года» и «Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения: январь—июль 1944 г.» [23, 24] на новый высокий научный уровень была поднята тема деятельности Белорусского штаба партизанского движения. В первом из указанных сборников было опубликовано 204 документа, большинство из которых впервые были введены в научный оборот. С 2019 г. НАРБ начал работу по подготовке электронных изданий в мультимедийной серии «Партизанский архив». В год 75-летия освобождения республики от нацистских захватчиков вышло первое издание из данной серии [25]. В год 75-летия Великой Победы запланирована подготовка и издание еще двух электронных сборников: «Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения Беларуси: 1942 год» и «Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1943 год».

Значительное внимание в публикационной работе архива уделено вопросам увековечивания исторической Памяти о Великой Отечественной войне [26, 27] и проблемам восстановления разрушенного войной народного хозяйства БССР [28, 29].

Большое воспитательное значение играют подготовленные сотрудниками архива выставки (электронные, баннерные, стационарные и передвижные). Например, в 2019 г. общественности была представлена передвижная выставка «Этот день мы приближали как могли!», подготовленная Государственным музеем военной истории Республики Беларусь совместно с Национальным архивом Республики Беларусь. Представленные на выставочных баннерах материалы освещают события Великой Отечественной войны с июня 1941 года и до полного освобождения территории Беларуси в июле 1944 года. Это фотографии руководителей и участников партизанского движения, военнослужащих Красной Армии, принимавших участие в боях за освобождение Беларуси, образцы партизанской и подпольной печати, директивы, приказы и др. Отдельный раздел посвящен деятельности, направленной на сохранение и увековечение памяти о событиях Великой Отечественной войны в Республике Беларусь. Выставка «посетила» все областные центры Беларуси, а также была представлена в России, Китае, Польше и Молдове.

В 2019 г. также были реализованы выставочные проекты «Словаки в партизанском движении на территории Беларуси 1941—1944 гг.» и «Белорусы в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Словацком национальном восстании», подготовленные Национальным архивом Республики Беларусь совместно с Посольством Республики Беларусь в Словацкой Республике и Институтом военной истории в Братиславе. Выставка была приурочена к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 75-летию Словацкому национальному восстанию. На выставках были представлены уникальные и ранее неизвестные документы: агитационные плакаты, шифрограммы, приказы командиров партизанских отрядов, наградные и личные листки, боевые характеристики, списки личного состава, автобиографии партизан-словаков, журналы боевых действий, фотографии, истории партизанских бригад и отрядов, в которых воевали словаки на оккупированной территории Беларуси.

В заключении несколько слов необходимо сказать о совместном проекте НАРБ и холдинга «Издательский дом «Беларусь сегодня» по созданию интернет-портала «Партизаны Беларуси» (<https://partizany.by/>). 16 октября 2018 года Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подписал Указ № 408, которым был утвержден План подготовки и проведения мероприятий по празднованию 75-й годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Пунктом 27 данного плана мероприятий предусмотрено «создание общедоступной базы данных о партизанах и подпольщиках, действовавших на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны и информационного интернет-портала «Партизаны Беларуси». На сегодняшний день в базу данных введены персональные электронные карточки на более чем 70 тыс. человек. Практически завершён ввод комплекса наградной документации на партизан, после чего в «работу пойдут» другие кадровые документы: личные дела, листки по учёту кадров, списки личного состава и др. Интернет-портал «Партизаны Беларуси» - это уникальный проект на территории бывшего СССР, это дань Памяти и акт мемориализации событий Великой Отечественной войны. База данных будет содержать информацию о партизанах более чем 70 национальностей и народностей, воевавших в лесах Беларуси и даст возможность проводить большую аналитическую работу.

Таким образом, можно говорить о том, что Национальный архив Республики Беларусь проводит большую работу по сохранению объективной исторической Памяти о событиях Великой Отечественной войны. Изданные сборники документов отличаются актуальностью тематик, высокой степенью научности, объективностью представленных материалов. Выставочные проекты архива позволяют визуализировать документы и сделать их доступными для максимально широкой аудитории.

Список литературы

1. ГУ «Национальный архив Республики Беларусь». Хранители документальной памяти / [авторы текста: М.Н. Скоморощенко, С.В. Кулинок]. – Минск: Колорград, 2019. 15 с.
2. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко, К.А. Нарушевич, В.Д. Селеменев и др. Минск: НАРБ, 2007. 622 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

3. НКВД в Западной Беларуси: сентябрь–декабрь 1939 г.: док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков (руководители), А.Ф. Великий и др. Минск–Москва: Фонд «Ист. память», 2019. 384 с.
4. Холокост в Беларуси, 1941–1944: док. и материалы / сост.: Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. Минск: НАРБ, 2002. 276 с.
5. Выжить – подвиг: воспоминания и док. о Минском гетто / сост.: И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. Минск: НАРБ, 2008. 166 с.
6. Свидетельствуют палачи: уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.: док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко, И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. Минск: НАРБ, 2009. 216 с.
7. Заложники вермахта (Озаричи – лагерь смерти): док. и материалы = Die Geiseln der Wehrmacht (Osaritschi – das Todeslager). Dokumente und Belege; сост.: Г.Д. Кнатько (рук.), М.И. Богдан, А.Н. Гесь и др. Минск: НАРБ, 1999. 314 с.
8. Лагерь смерти Тростенец: док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко, Г.Д. Кнатько, Н.Е. Калесник, В.Д. Селеменев и др. Минск: НАРБ, 2003. 292 с.
9. Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны = Sowjetische und deutsche kriegsgefangene in den jahren des zweiten weltkriegs / сост.: В. Селеменев, Ю. Зверев, К.-Д. Мюллер и др. Дрезден–Минск: [б. и.], 2004. 512 с.
10. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 : док. и материалы / сост.: Н.А. Денисова, С. Зукан-Флосс, М.Е. Тумаш и др. Минск: НАРБ, 2016. 325 с.
11. «Котбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1943 г. : док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.), М.Н. Скоморощенко, М.Е. Тумаш и др. Минск: НАРБ, 2018. 636 с.
12. Убийцы Хатыни: 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943–1944 гг.: сборник документов / сост. И.А. Валаханович, В.Г. Воропаев, А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»); Фонд «Историческая память», 2018. 480 с.
13. Хатынь: трагедия и память : док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко, В.Д. Селеменев, В.В. Скалабан и др. Минск: НАРБ, 2009. 272 с.
14. Трагедия белорусских деревень, 1941–1944 : док. и материалы / сост.: Н.А. Денисова, Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев. Минск, М.: Фонд «Ист. память», 2011. 535 с.
15. Хатынский некрополь : док. и материалы / сост.: Н.А. Денисова, Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев (рук.) и др. Минск: НАРБ, 2014. 250 с.
16. Сожженные деревни России. 1941–1944: док. и материалы / сост.: Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев, М.Е. Тумаш и др.. М.: Фонд «Ист. память», 2017. 608 с.
17. Белорусские остарбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : док. и материалы : в 2 кн. Кн. 1 : 1941–1942; Кн. 2 : 1943–1944; сост.: Г.Д. Кнатько (рук.), В.И. Адамушко, Н.А. Бондаренко, В.И. Кириченко, М.Г. Никитин, Р.А. Черноглазова. Минск: НАРБ, 1996. 304 с., 472 с.
18. Белорусские остарбайтеры : репатриация (1944–1951) : док. и материалы. Кн. 3 : в 2 ч. / сост.: Г.Д. Кнатько (рук.), В.И. Адамушко, М.И. Богдан, Н.А. Бондаренко, И.Н. Курков. Минск: НАРБ, 1998. Ч. 1. 368 с.; Ч. 2. 310 с.
19. Авиация партизанам: 1941–1944 : док. и воспоминания / сост.: Г.Д.Кнатько, В.Д.Селеменев. – Минск: НАРБ, 2005. – 368 с.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

20. Партизаны в операции «Багратион» : док. и материалы / сост.: Н.А. Денисова, В.Д. Селеменев, М.Е. Тумаш и др. Минск: НАРБ, 2014. 412 с.
21. Гомельщина партизанская : док. и материалы. Вып. 1 : Начало : июнь 1941 г. – май 1942 г.; Вып. 2 : Развитие : Июнь 1942 г. – август 1943 г. / сост.: В.Д. Селеменев (рук.), И.А. Валаханович, В.В. Скалабан и др. Минск: НАРБ, 2010. 260 с.
22. История 4-й Белорусской партизанской бригады / сост.: Д.Н. Жигалов, В.Д. Селеменев, В.В. Скалабан и др. Минск: НАРБ, 2010. 162 с.
23. Белорусский штаб партизанского движения. Сентябрь–декабрь 1942 года : док. и материалы / сост. : В.Д. Селеменев (рук.), М.Н. Скоморощенко, М.Е. Тумаш. Минск: Беларус. энцыкл., 2017. 464 с.
24. Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения: январь–июль 1944 г.: док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев, С.В. Кулинок, М.Н. Скоморощенко. Минск: НАРБ, 2019. 382 с.
25. Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1944 год [Электронный ресурс] / сост.: С.В. Кулинок, М.Н. Скоморощенко, А.А. Суша; редкол.: А.К. Демянюк, В.Д. Селеменев, Р.С. Мотульский. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, Национальная библиотека Беларуси, 2019 г. (Серия «Партизанский архив»).
26. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг.: док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко, В.Д. Селеменев, В.В. Скалабан и др. Минск: НАРБ, 2008. 304 с.
27. Памятники Великой Отечественной войны в Беларуси, 1942–1991 гг. : док. и материалы / сост.: Н.Е. Калесник, В.Д. Селеменев, М.Е. Тумаш. Минск: НАРБ, 2015. 288 с.
28. Возрожденный из руин : восстановление и развитие Минска в 1944–1955 гг. : док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.), С.В. Кулинок, М.Н. Скоморощенко, М.Е. Тумаш. Минск: НАРБ, 2017. 435 с.
29. Восстановление сельского хозяйства 1943—1945 гг. : док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (отв. составитель), В.В. Кондрашин (отв. составитель), М.Н. Скоморощенко, М.Е. Тумаш и др. Минск: НАРБ, 2018. 648 с.

Demanyuk A.K.

ACTIVITY OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BELARUS TO PRESERVE THE HISTORICAL MEMORY OF THE WAR

DEMYANYUK Andrei K. — Director, the National Archives of the Republic of Belarus, 220114, The Republic of Belarus, Minsk, prosp. Nezavisimosti, 116.
e-mail: director@narb.by

Abstract. The preservation of the objective historical Memory of the events of the Great Patriotic War is one of the most important tasks of modern Belarusian society. In the context of information and hybrid wars, attempts are made to audit and revise the results of the Second World War and the Great Patriotic War. The article discusses the activities of the National Archive of the Republic of Belarus (NARB), the leading center in the republic for the publication of documentary sources from 1939-1945, aimed at preserving objective Memory and its scientific justification. Through the prism of

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

published documentary collections, the conclusion is made about the great contribution of the archive to the scientific study of previously unknown pages of the history of the war, the introduction of a large number of new historical sources into the scientific circulation. Archive exhibition projects are of great educational and educational importance for the young generation of Belarusian population. Visual display of documentary sources allows in an accessible form to convey the history of various aspects of the Great Patriotic War to a large number of citizens. The databases created and operating in the archive are actively used by scientists and everyone interested not only in the Republic of Belarus, but also in the near and far abroad. The database -Belarusian villages burned during the Great Patriotic War is a unique act of preserving the tragic Memory and perpetuating the events of 1941-1944. The archive is actively working on the personification of the history of the resistance movement in the occupied territory of the BSSR. Within the framework of a joint project of the NARB with the Belarus Today Publishing House holding company, a database of guerrilla and underground movement participants in Belarus on the Partisans of Belarus online portal is being actively updated.

Keywords: World War II, historical Memory, National Archives of the Republic of Belarus, partisan movement, collection of documents.

УДК 94:811.161.2'26(477.54-078)"1941/1943"

Дьякова Е.В.

УКРАИНИЗАЦИЯ ХАРЬКОВА В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

ДЬЯКОВА Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды.
e-mail: elena_djakova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос украинизации Харькова в годы нацистской оккупации. Этот город был выбран неслучайно. В начале XX века здесь действовали украинские политические партии. В 1920-е годы Харьков был столицей УССР И большевики проводили здесь украинизацию. С 1935 года в исследовательском отделе прикладной социологии языка организации Аненербе под руководством Георга Шмидта-Рора разрабатывалась доктрина языковой и культурной политики на оккупированных территориях. Суть этого документа для СССР заключалась в атомизации общества, насаждении национализма и русофобии. В то же время, чтобы привлечь на свою сторону местное население, немцы провели ряд экономических и политических изменений. Среди последних было разрешение создавать и возрождать общественные организации. В зоне военной администрации (куда входила Харьковская область), как и в других областях Украины, государственными были провозглашены немецкий и украинский языки. Их внедряли в разные сферы жизни города: административную, средства массовой информации, образовательную. В годы гитлеровской оккупации украинские националисты (местные, а также бандеровцы и мельниковцы, прибывшие с Запада) стремились украинизировать население Харькова. Однако им это не удалось сделать из-за нежелания основной массы

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

людей говорить по-украински. Большое влияние на это имела ситуация на фронте. При приближении Красной Армии харьковцы всё больше проявляли негативное отношение к языковой политике оккупантов.

Ключевые слова: Харьков, гитлеровская оккупация, националисты, украинизация, управа, церковь, образование, «Просвіта»..

Сегодня одним из важных внутривластных направлений в Украине является украинизация местного населения. Этот процесс не однажды проводился в стране. И даже гитлеровцы, оккупируя УССР, также считали, что языковая политика имеет важное значение для укрепления своей власти на местах.

Целью данной работы является освещение нацистской политики украинизации Харькова.

Этот город был выбран неслучайно. В начале XX века здесь были основаны и действовали украинские национальные политические партии, активно участвовавшие в украинской национально-демократической революции 1917-1921 годов. После победы в гражданской войне большевики взяли курс на коренизацию (XII съезд ВКП(б), 1923 год), т.е. проводились мероприятия по привлечению на свою сторону представителей разных национальностей. Харьков, будучи столицей УССР, стал важным центром коренизации (получившим здесь название украинизации) в республике. В 1930-х годах многие из представителей украинской интеллигенции были репрессированы. Некоторые были осуждены и отправлены в лагеря в другие регионы Советского Союза. Но были и такие, кого за недостаточностью доказательств отпускали домой. В то же время в Харькове были сильны позиции и представителей русской культуры. Многие из них пережили такие же пережитки в своей судьбе, как и украинская интеллигенция.

В украинской историографии темы украинизации в годы Великой Отечественной войны косвенно касались многие историки, изучавшие ту или иную проблему оккупационного режима в Украине. В определенной мере введение украинизации в исследуемом населенном пункте осветил профессор А. Скоробогатов в своей монографии «Харків у часи німецької окупації (1941-1943)» [1]. Интересный материал о распространении украинского и русского языков дают воспоминания людей, переживших оккупацию и эмигрировавших на Запад в 1943 году [2-4]. Определенная информация на данную тему хранится в фондах Государственного архива Харьковской области «Учреждения и организации периода нацистской оккупации» [5-7] и криминальных делах, сберегающихся в архиве Харьковской области Управления Службы безопасности Украины [9-10].

Готовясь к нападению на Советский Союз, А. Гитлер и его окружение разработало несколько планов по установлению своей власти на захваченных территориях («Ост», «Барбаросса», «Зеленая папка», «Коричневая папка» и др.). Однако идеология нацизма выработывалась раньше и ее положения применялись ко многим европейским народам, в т.ч. и населению Советского Союза. С 1935 года в исследовательском отделе прикладной социологии языка организации Аненербе под руководством Георга Шмидта-Рора разрабатывалась доктрина языковой и культурной политики на оккупированных территориях [11]. Суть этого документа для СССР заключалась в атомизации общества, насаждении национализма и русофобии. Г. Шмидт-Рор считал, что управление языком – это управление народом. А умелая на языковых конфликтах приведет к «уменьшению национальной энергии» народа [11], что даст возможность легко его завоевать.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Следует отметить, что гитлеровцы вели онемечивание поработанных народов, в т.ч. и Советского Союза. Но промежуточным этапом являлась лоббирование национальных языков и культур на оккупированных землях.

В то же время, чтобы привлечь на свою сторону местное население, немцы провели ряд экономических и политических изменений. Среди последних было разрешение создавать и возрождать общественные организации. Так, в Харькове были сформированы организации Слобожанского дворянства, союз кооператоров, армянская община... Активизировали свою деятельность и украинские националисты, возродив «Просвіти» (Просвещение) и создав организации «Союз украинок», «Союз украинской молодежи», комитет украинского купечества и другие.

Историк А. Скоробогатов делит их на три течения: местные-доленковцы (их возглавлял один из авторитетнейших украинских политиков Владимир Доленко) и приехавшие с Запада вместе с оккупантами представители Организации украинских националистов мельниковцы и бандеровцы [1, с. 175-213].

Следует отметить, что между местными и приезжими националистами шла жесткая конкуренция за власть в городской и районных администрациях. В первые дни оккупации Харькова некоторые ключевые должности заняли прибывшие с оккупантами националисты. Со временем власть перешла к местным националистам. Более того, в городе было невозможно получить мало-мальски престижную должность без согласия В. Доленко. Следует отметить, что бандеровцев и мельниковцев в городе было немного. В некоторых бытовых случаях (предоставление ночлега, продуктов питания, необходимой информации и т.п.) харьковцы им помогали, но в политическом плане (занятии должности) чаще всего отказывали. В 1942 году многие бандеровцы и мельниковцы вернулись на Запад. Связано это было с массовыми арестами, проводившимися гитлеровцами в 1942 году в Харькове, а также со сбором оуновцев для создания Украинской повстанческой армии (УПА). Такая ситуация укрепила позиции местных националистов.

В зоне военной администрации (куда входила Харьковская область), как и в других областях Украины, государственными были провозглашены немецкий и украинский языки. Их внедряли в разные сферы жизни города: административную, средства массовой информации, образовательную.

Захватив 25 октября 1941 года Харьков, гитлеровцы на следующий же день сформировали административные органы: городскую управу и 19 районных бургомистратов. Первым обер-бургомистром был назначен профессор машиностроительного института Алексей Крамаренко. По мнению украинских националистов, он был случайным человеком на этой должности [4, с. 144]. Поэтому вокруг него было немало украинских националистов: местный Александр Семененко (в апреле 1942 года он станет обер-бургомистром города), мельниковец Кондрат Полуведько (кстати, советский разведчик, участвовавший в ликвидации лидера Организации украинских националистов Евгения Коновальца) и другие.

Уже в начале своей деятельности, на заседании президиума 22 ноября 1941 года руководство городской управы приняло решение: «О придании украинского лица Городской Управе». В принятом по этому вопросу постановлении было отмечено, что все разговоры и переписка необходимо вести исключительно на

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

украинском языке, а всех сотрудников аппарата проверить на знание языка [6, л. 1].

На украинском языке выходил и печатный орган горуправы газета «Нова Україна» («Новая Украина»). Примечательно, что в ней работали как местные, так и приехавшие с Запада националисты. Формировал редакцию галичанин мельниковец Петр Сагайдачный. Он же был и первым редактором газеты. Однако вскоре бразды правления перешли к харьковцу Всеволоду Цариннику [12, с. 135]. Сотрудники редакции начинали свой трудовой путь в советской местной прессе. И хотя некоторые украинские исследователи отмечают оригинальность структуры газеты [2], она (структура) является калькой советской периодики. Разница состояла лишь в том, что в советских газетах писался позитив о жизни в СССР, а в оккупационных – освещались негативные стороны жизни в стране. И, естественно, «Нова Україна» изобиловала публикациями пронемецкого, проукраинского и ксенофобского (антисемитского, антирусского) характера.

Многие статьи были направлены на раскол православной церкви. Известно, что гитлеровцы хотели использовать священников и верующих для укрепления своей власти на местах. После оккупации Харьковщины здесь было открыто около 400 храмов. Богослужения вели Русская Православная церковь (РПЦ), Украинская Автокефальная православная церковь (УАПЦ), баптисты и другие конфессии. УАПЦ представляли в основном украинские националисты, прибывшие с Запада. Они требовали от священников провозглашать молитвы на украинском языке [9, л. 147]. В ноябре 1941 года мельниковец отец Яков (Кравчук) заявил: «Мы все должны быть единой веры. Никаких делений у нас не должно быть. Кто этому не подчинится, тот попадет под замо́к» [10, л. 80] (т.е. будет арестован). Вообще, украинские националисты взяли курс на создание Украинской церкви, независимой от Московского Патриархата. Немцы в этой ситуации заняли отстраненную позицию: с одной стороны они поддерживали УАПЦ, а с другой – не препятствовали деятельности РПЦ. Не вмешивались они и во внутреннюю борьбу местных и приезжих националистов. Управляющие религиозными делами учреждения – отдел религии горуправы и Епархиальное управление – состояли из «радикальных» (Яков Кравчук) и «умеренных» (митрополит Феофил Булдовский) националистов. Эти течения отличались отношением к созданию единой церкви и позицией к оккупационной власти. Радикалы стремились захватить руководящие посты в управлении религиозными делами в Харькове и направить в желательном для ОУН русле [9, л. 26]. Однако этим планам не суждено было осуществиться, т.к. советские войска в августе 1943 года освободили город.

Большую работу по украинизации проводила возрожденная организация «Просвіта». Ее возглавлял историк Василий Дубровский. В «Просвиту» входили в основном местные украинские националисты. С ними поддерживали связь мельниковцы и бандеровцы. Своей важной задачей просвитяне считали культурно-просветительную деятельность. Важное место здесь занимала распространение национального самосознания. Среди местного населения, сплочение харьковцев-украинцев проходило на национальной основе. Для этого при «Просвите» создавались различные курсы, кружки по интересам, открывались библиотеки. Также проводились собрания в честь дней рождений украинских деятелей (Т. Шевченко, И. Франко, С. Петлюры и других), читались лекции по истории Украины, устраивались концерты музыкальных произведений

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

украинских композиторов, организовывались выставки украинских художников. На праздники просвитяне посещали детские садики и школы, где проводили тематические утренники.

В горуправе существовал отдел образования, который курировал деятельность дошкольных учреждений, школ, училищ, вузов. Сотрудники отдела должны были в кратчайший срок изменить учебный процесс, перестроив его под требования нового оккупационного режима. Были созданы 4-классные «народные школы». В сентябре 1942 года в Харькове работало 20 школ, где было зарегистрировано около 9 тысяч учеников [1, с. 164]. Однако школу посещало лишь 60% детей. Причинами этого были истощение от голода, а также в необходимости помогать родителям в содержании семьи [1, с. 164].

Серьезные изменения были внесены в учебные планы по преподаванию языков. Увеличилось количество часов на изучение украинского языка (12 часов в неделю в I-м и II-м классах, 7 часов – в III-м и 8 часов – в IV-м классе). В третьих классах вводилось преподавание немецкого языка (6 часов в неделю). Русский язык из учебного процесса исключался вообще [13, с. 255]. В учебники вносились, например, такие изменения: УССР заменялась на Украина, СССР – на Россия, пионеры – на школьники, колхозники – на крестьяне, Москва – на Киев, Ленинград – на Петербург; выражение «поездка из Ленинграда в Москву» писалось как «поездка из Киева в Полтаву» [13, с. 254].

Изменения претерпела и программа по украинской литературе. Так, в III-м классе ученики изучали творчество В. Винниченко, М. Грушевского, С. Воробкевича, Б. Гринченко и других украинских писателей и ученых. Из советской программы оставались произведения Т. Шевченко, И. Франко, М. Вовчок и другие [13, с. 255].

Отношение обычных харьковцев к украинизации было неоднозначным. Не смотря на языковые требования оккупантов многие объявления печатались не только на немецком и украинском, но и на русском языках. Видимо, гитлеровцы понимали, что для донесения приказов лучше использовать русский язык.

Также было зафиксировано, что в некоторых бургомистрах сотрудники между собой разговаривали по-русски. Узнав об этом, обер-бургомистр А. Крамаренко и его заместитель Л. Кублицкий 9 марта 1942 года разослали по районам письмо, в котором требовали от райбургомистров и руководителей организаций, учреждений и предприятий разговаривать только на украинском языке. В письме отмечалось: «с большим стыдом для всех и с вполне понятным гневом украинского человечества (наверное, всё-таки имелось в виду население Харькова – *Авт.*) случается слышать в некоторых учреждениях, даже районных управах, разговоры на русском языке со стороны чиновников, которые якобы стесняются своего родного языка... Это недопустимо, этого не должно быть. Поэтому приказываю категорически в дальнейшем запретить кому-либо из чиновников разговаривать на русском языке в служебное время в учреждениях» [8, л. 47; 1, с. 145]. Неожиданным в этой связи выглядит поступок руководства отдела охраны здоровья горуправы: в инструкции о медицинской помощи сотрудникам тракторного завода и членам их семей медработникам вменялось заполнять карточки больных и выписывать рецепты на русском или немецком языках, а не на латыни [7, л. 10].

Вызывало недовольство у местного населения и ведение молебнов на украинском языке. Верующие Благовещенского собора г. Харькова даже

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

обратились к митрополиту Теофилу (Феофилу Булдовскому) с просьбой вести богослужения на церковно-славянском языке [9, л. 158].

Ярким примером отношения к языковой политике оккупантов и их пособников может служить описанный Оксаной Соловей такой эпизод: «Летом 1943-го Фома Семенович Рябоконь, профессор математики, заметил в окне комиссионного магазина на [улице] Сумской меховую шапку. Зашел прицениться и померить. Мужчина за прилавком сделал вид, что не понимает украинского языка и позвал коллегу. Вдвоем они подняли Фому Семеновича на смех, искажали слова, гримасничали, хохотали. Дело немыслимое ни в 1941-м, ни в 1942-м. Но теперь фронт двигался на запад» [3, с. 18].

Таким образом, в годы гитлеровской оккупации украинские националисты (и местные, и прибывшие с Запада) стремились украинизировать население Харькова. Однако им это не удалось сделать из-за нежелания основной массы людей говорить по-украински, хотя этот язык вводился в разные сферы духовной, общественной и образовательной жизни. Большое влияние на это имела ситуация на фронте. При приближении Красной Армии харьковцы всё больше проявляли негативное отношение к языковой политике оккупантов.

Список литературы

1. Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941-1943). Харків: Прапор, 2004. 368 с.
2. Байбак П.Т. «Смолоскип» ОУН на Слобожанщині // На зов Києва: Український націоналізм у II світовій війні: Збірник статей, спогадів і документів / Зредагув. К. Мельник, О. Лащенко, В. Веріга. Київ, 1994. С. 296-308.
3. Дражевська Л., Соловей О. Харків у роки німецької окупації. Спогади. Нью-Йорк, 1955. 30 с.
4. Семененко О. Харків, Харків... / Вступне слово Маріяна Коця. Харків – Нью-Йорк: Березіль – Маріян Коць, 1992. 160 с.
5. Путівник Державного архіву Харківської області (рукопис). Харків, 2008. 1022 с. URL: <http://archives.kh.gov.ua/wp-content/uploads/2015/10/ПУТІВНИК-ДАХО-рукопис.pdf> (дата обращения 07.03.2020).
6. Государственный архив Харьковской области (далее - ГАХО). Ф. Р-2982. Оп. 2. Д. 1.
7. ГАХО. Ф. Р-2982. Оп. 7. Д. 26.
8. ГАХО. Ф. Р-3069. Оп. 1. Д. 2.
9. Архив Харьковской области Управления Службы безопасности Украины (далее АХО УСБУ). Криминальное дело Ф. Булдовского № 021966.
10. АХО УСБУ. Криминальное дело Н. Криворученко № 031316.
11. Ананэрбе и дерусификация Украины // Народный корреспондент. 2020. 17 января. URL: <https://nk.org.ua/obshchestvo/anenerbe-i-derusifikatsiia-ukrainy-219622> (дата обращения 07.03.2020).
12. Дьякова Е.В. Харьковская газета «Нова Україна» // *Studia internationalia: Материалы VII международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.»* (27-28 июня 2019 г.). Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2019. С. 133-137.
13. Ісаєв О.Я. Освіта на сході Харківщини в часи німецької окупації (вересень 1942 - січень 1943) // Актуальні проблеми регіональних досліджень Великої

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Вітчизняної війни: Матеріали Міжнародної наукової конференції (Харків, 20-21 вересня 2013 р.). Харків: Колегіум, 2013. С. 250-259.

Dyakova H.V.

UKRAINIZATION OF KHARKIV DURING THE NAZI OCCUPATION

DYAKOVA Helen V. – candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of history of Ukraine, Kharkov national pedagogical University named after G. S. Skovoroda
e-mail: elena_djakova@mail.ru

Abstract. The article deals with the issue of Ukrainization of Kharkov during the Nazi occupation. This city was chosen for a reason. In the early twentieth century, Ukrainian political parties operated here. In the 1920s, Kharkov was the capital of the USSR And the Bolsheviks carried out Ukrainization here. Since 1935, the research Department of applied sociology of language of the Ahnenerbe organization, under the direction of Georg Schmidt-Rohr, has been developing a doctrine of language and cultural policy in the occupied territories. The essence of this document for the USSR was to atomize society, inculcate nationalism and Russophobia. At the same time, in order to win over the local population, the Germans made a number of economic and political changes. Among the latter was permission to create and revive public organizations. In the zone of military administration (which included the Kharkov region), as in other regions of Ukraine, German and Ukrainian were declared state languages. They were introduced into various areas of city life: administrative, mass media, and educational. During the years of Hitler's occupation, Ukrainian nationalists (local, as well as Bandera and melnikovites who came from the West) sought to Ukrainize the population of Kharkov. However, they were not able to do this due to the reluctance of the majority of people to speak Ukrainian. The situation at the front had a great influence on this. As the red Army approached, Kharkov residents increasingly showed a negative attitude to the language policy of the occupiers.

Keywords: Kharkov, Hitlerite occupation, Ukrainization, government, Church, education, «Enlightenment».

УДК 947.045

Епифанов А.Е. Василевская А.А.

ИСТОРИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ И ВОЛЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ В СУДЬБЕ БРОНЕКАТЕРА «БК-31»

ЕПИФАНОВ Александр Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедр теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Астраханского государственного университета. Региональное отделение Российского военно-исторического общества в Волгоградской области, Военно-исторический музей «Наследие», 400066, Россия, Волгоград ул. Мира д. 21 кв. 82

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

e-mail: Mvd_djaty@mail.ru

ВАСИЛЕВСКАЯ Анна Александровна – директор военно-исторического музея «Наследие» по развитию, 400001 Волгоград, Россия, ул. Мира, д. 13.

e-mail: ya.vasilevskaya@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается история обнаружения, подъема и восстановления бронекатера Волжской военной флотилии под боевым номером «БК-31», погибшего в октябре 1942 г. в разгар Сталинградской битвы. На основе разнообразных источников, в том числе воспоминаний участников событий и архивных материалов, которые вводятся в научный оборот впервые, авторы показывают неоценимый вклад кораблей Волжской военной флотилии и конкретно бронекатера БК-31 в разгром немецко-фашистских захватчиков в Сталинградской битве. Охарактеризованы боевые действия с участием бронекатеров флотилии, в том числе конкретно БК-31, показаны основные показатели его военных действий. На основе воспоминаний участников событий и архивных материалов раскрываются обстоятельства гибели катера и попытки его спасения. На основе архивных материалов раскрываются тактико-технические характеристики и конструктивные особенности уникального проекта «С-40», к которому принадлежал бронекатер. Показаны ход подводных поисковых работ на дне реки Волги, организация и проведение операции по подъему катера на поверхность в непростых природных и метеорологических условиях. Раскрываются детали поисковых работ, связанных с извлечением из корпуса бронекатера военно-исторических артефактов и останков погибших. Охарактеризованы работы по установлению личностей погибших на катере, розыску их родных и близких. Авторы раскрывают проекты и конкретные мероприятия по организации на основе поднятого катера воинского мемориала и выставочного комплекса. Показаны военно-патриотические мероприятия, осуществленные на основе сделанных на катере находок, в том числе тематические выставки и экспозиции.

Ключевые слова: бронекатер, Волжская военная флотилия, Сталинградская битва, Великая Отечественная война, Поволжье.

В 2013 - 2014 гг., ходе изучения документов по истории речного флота г. Волгограда, в распоряжении специалистов по истории водного транспорта Красноармейского судоремонтного завода оказалась таблица, в которой был указан весь флот, погибший на Волге в конце 1942 - начале 1943 гг. Одна из записей, сделанная в 1942 г., привлекла внимание исследователя своей необычностью: ««Бронекатер-31», погиб в протоке Куропатка и подлежит розыску и обследованию». Эти данные позволили предположить, что аварийно-спасательные отряды, которые в ходе Сталинградской битвы выезжали на места гибели судов и составляли акты их обследований, обнаружить его не смогли. Чрезвычайно подвижные волжские пески очень быстро замыли его остов и скрыли его от людей на многие десятилетия.

В мае 2017 г., местные дайверы-любители проговорились о том, что во вновь образовавшейся протоке, прямо напротив центра г. Волгограда, на глубине 6 - 8 метров течением размыло танковую башню. Предприимчивые дайверы решили, что это танк Т-34, и вознамерились отделить его башню от корпуса и поднять с целью последующей продажи. К счастью, в это время уже сложилось

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

сотрудничество находящихся Красноармейского судоремонтного завода и волгоградского военно-исторического музея «Наследие». Их руководство приняло обоюдное решение обратить самое пристальное внимание на содержимое р. Волги, точнее на исторические памятники, оказавшиеся на ее дне за сотни лет.

Информация о затонувшем танке была детально проработана. В распоряжении специалистов музея и завода оказалась подводная любительская видеосъемка. Изучение ее скриншотов показало, что обнажившаяся на волжском дне башня принадлежит не танку, а речному бронекатеру. В один из октябрьских дней 2017 г. группа специалистов выехала на водолазное обследование места расположения затонувшего катера. Сначала ими был обнаружен остов затонувшей деревянной баржи. Спустя некоторое время, брошенный с поискового судна якорь угодил прямо в открытый люк бронекатера. Спустившийся к объекту водолаз снял его на подводную видеокамеру. Кадры этой записи легли затем в основу технической проработки проекта подъема. Вооружившись полученной информацией, военно-исторический музей «Наследие» спланировал, организовал и осуществил подъем бронекатера со дна Волги.

Совместно с инженерами были произведены технические расчеты подъема, отобрана необходимая техника. Специально для подъема катера были заказаны мягкие, прочные и широкие стропы-полотенца, благодаря которым удалось значительно сократить повреждения корпуса судна. Несмотря на то, что подъем бронекатера происходил при малом ветре, он оказался весьма затруднительным. Сильное течение ускорялось именно в том месте, где покоился бронекатер. Подъем осуществлялся со значительной для материковой реки глубины 8 метров. Работу сильно осложняли замывающие катер «гуляющие» пески, а также неудобное положение судна.

Изначально корпус был полностью замывт песком как внутри, так и снаружи, а имеющиеся повреждения кормы свидетельствовали о том, что он крайне непрочен. Прибавляла хлопот большая масса судна, которая до очистки от песка оценивалась специалистами в 300 т. В процессе подготовки бронекатера к подъему, при помощи мощных насосов из его внутренних полостей было вымыто около 150 т. песка, песчаный грунт был размыт и вокруг бронекатера. Это позволило снизить его подъемный вес до 120 т. Как оказалось, в результате прямых попаданий снарядов корпус катера был разломлен. Поэтому, по техническим соображениям корму пришлось аккуратно отделить и поднимать отдельно. Принимая во внимание, что на борту находится большое количество оружия и боеприпасов, работа осуществлялась очень медленно. Когда при помощи специальных машин удалось избавиться от песка по периметру катера, то выяснилось, что он как бы «сидит» на другом судне, предположительно галере, относящейся к эпохе Петра Великого.

В общей сложности, с момента прибытия специалистов к месту гибели бронекатера и до окончания буксировки его к месту поисковых работ, операция по подъему БК-31 продлилась около 20 дней. 5 ноября 2017 г. в присутствии многочисленной публики, десятков журналистов бронекатер был поднят со дна судоподъемным краном в траверзе Речного вокзала г. Волгограда [1].

Изучение мемуаров и архивных документов позволило предположить, что скорее всего найденный бронекатер относится к проекту «С-40». Его уникальность заключается в том, что катеров данной серии было изготовлено всего 7 и, как считалось ранее, до наших дней не сохранилось ни одного [2].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Бронекатера, сохранившиеся до наших дней в виде памятников, были построены гораздо более крупной серией по проекту «1125». Поднятый при рассматриваемых обстоятельствах бронекатер оказался именно одним из немногочисленных кораблей проекта «С-40». Чудесным образом БК-31 сохранился в полном комплекте и практически в том же виде, в каком он погрузился в волжские воды 75 лет назад.

Изначально разработанный в 1940 г. проект «С-40» представлял собой бронекатер, предназначенный для рек Средней Азии. Согласно техническим характеристикам, длина его составляла 24,6 м, ширина 3,6 м, высота борта 1,5 м., водоизмещение 39,1 т. Мощность каждого из 2-х двигателей достигала 400 л.с. Вооружение катера включало главное орудие - танковую пушку Ф-34 калибра 76,2 мм и 3 танковых пулемета Дегтярева калибром 7,62 мм. Максимальная скорость бронекатера достигала 19 узлов или 34,8 км/ч. Экипаж катера насчитывал 13 человек, количество принимаемого десанта – 25 [3, с. 187].

Как только висящий на стропах бронекатер показался из воды, собравшиеся на палубах судов обратили внимание на изрешеченную носовую часть корабля, где из осколочных и пулевых отверстий торчали десятки малых, средних и больших деревянных заглушек, вырезанных и вырубленных вручную. Таким нехитрым способом команда осуществляла ликвидацию течи корпуса непосредственно во время выполнения боевой задачи. Указанные деревянные заглушки забивались членами команды или спрыгивая в воду на мелководье, или перевесившись за борт на ходу.

В ходе извлечения песка из помещений бронекатера, за выходным соплом насоса была смонтирована улавливающая сетка, в которую попали патроны, пуговицы, фаланги человеческих пальцев. Все найденные на борту предметы тщательно отмывались, после чего их фиксировали при помощи фототехники для каталога и отправляли для последующих изучения и консервации. В корпусе бронекатера обнаружился большой арсенал оружия: 11 винтовок (10 Мосина и 1 Токарева), 9 автоматов ППШ, 1 пулемет, «Наган» и «ТТ», 4 тротильные пашки, около 70 гранат, 20 тыс. патронов и 140 снарядов. Отдельные экземпляры оружия, несмотря на длительное нахождение под водой, сохранились в идеальном состоянии.

Все предметы, извлеченные из помещений бронекатера, имели устойчивый и ярко выраженный запах солянки. Кроме того, с некоторых предметов: оружия, оборудования и личных вещей, приходилось снимать налет светло-серого, специфически пахнущего состава, очевидно продукта разложения человеческой плоти. В теории и практике криминалистики он именуется жировоском. Жировоск и дизельное топливо послужили консервантом, сохранившим находившиеся на борту предметы в отличном состоянии. Благодаря тому, что бронекатер был поднят между осенью и зимой, многие, поднятые из воды деревянные и кожаные вещи высыхали очень медленно. Этот фактор также сыграл благотворную роль в том, что многие предметы удалось сохранить практически в идеальном состоянии.

После подъема бронекатер на барже был доставлен на Красноармейский судоремонтный завод, где начались работы по его восстановлению и реставрации. Первым делом было произведено разоружение корабля, в ходе чего весь его боезапас был вывезен на военный полигон для уничтожения. Параллельно с этим, из отсеков бронекатера бережно извлекались останки людей. Их обследование

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

позволило установить, что на бронекатере погибли 11 человек. Впоследствии останки были торжественно захоронены на мемориальном кладбище в Россошках. В ходе реставрации корпус корабля очищался от коррозии и покрывался консервирующими составами. Кропотливая работа с документами, в первую очередь Центрального архива ВМФ СССР в Гатчине, позволила установить имена всех членов команды, воевавших и погибших на бронекатере, а также установить связь с их родственниками.

К концу 2019 г. работы по корпусу были завершены. В результате части катера соединили в единое целое, после чего он был доставлен на место постоянного экспонирования. С этой целью возвели специально разработанный, хорошо защищенный от перепадов температуры и осадков павильон-саркофаг. На завершающем этапе работ, на внешних элементах корпуса бронекатера были сымитированы следы эксплуатации (в моделизме это называется «везеринг» (от англ. Weathering)). Благодаря этому корабль приобрел тот вид, который он имел на момент своей гибели.

По запросу в Центральный архив Министерства обороны РФ выяснилось, что обнаруженный бронекатер имеет регистрационный № «БК-31», заводской № 330. Заложен он был в 1941 г. на заводе № 340 в г. Зеленодольске по программе судостроения НКВД. В составе Волжской Военной флотилии (ВВФ) катер активно участвовал в Сталинградской битве и погиб 9 октября 1942 г.

В настоящее время специалисты музея «Наследие», Волгоградского областного отделения Российского военно-исторического общества активно взаимодействуют с Центральным архивом военно-морского флота (г. Гатчина), Экспедиционным центром Министерства Обороны РФ, работниками Музея-заповедника «Панорама Сталинградской битвы», а также поисковиками и ветеранами по установлению имен всех членов экипажа, а также восстановлению подлинных обстоятельств гибели катера.

Известно, что 24 июля 1942 г. ВВФ в составе трех бригад речных кораблей и отдельной бригады траления распоряжением Ставки № 8/148 была переподчинена в оперативном плане командующему войсками Сталинградского фронта [3, с. 13]. Своим приказом № 00130/ОП от 28 июля 1942 г. он поставил перед Волжской военной флотилией следующие оперативные задачи:

- а) быть готовой к поддержке сухопутных войск на Сталинградском оборонительном обводе;
- б) обеспечить коммуникации на участке Камышин – Астрахань;
- в) не допустить переправу войск противника через реку Волга;
- г) прочно прикрыть базы флотилии и обеспечить от воздействия противника бесперебойную работу речных портов Саратов, Камышин, Сталинград, Астрахань;
- д) обеспечить переправу войск и грузов на сквозных маршрутах через Волгу [3, с. 9].

5 августа 1942 г. командующий Сталинградским фронтом оперативной директивой № 00199/ОП включил Волжскую военную флотилию в активную оборону Сталинграда. При этом перед ней были поставлены следующие задачи:

1. Содействовать 15 гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшей левый участок южного сектора обвода, в недопущении прорыва противника на север в район Райгорода.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

2. В случае подхода противника к Волге южнее обвода, не допустить переправы его на восточный берег реки.

3. Продолжить очищение Волги от вражеских мин с целью обеспечения нормального судоходства [3, с. 17].

9 августа 1942 г., согласно указанию начальника Генштаба РККА Волжская военная флотилия в оперативном отношении была подчинена командующему Юго-Восточным фронтом. В тот же день своим приказом № 005/ОП он, помимо прочих, поставил перед флотилией следующие задачи:

1. Главными силами во взаимодействии с 57 армией не допустить подхода противника к переднему краю внешнего обвода оборонительной полосы Сталинграда в районе Райгорода.

2. Бронекатерам не допустить просачивания противника к реке. [3, с. 29].

В конце августа немцам удалось перерезать сухопутные коммуникации и держать под огнем путь от города вверх по реке, а в начале сентября отрезать путь в город и с юга. Таким образом, войска 62-й армии В.И. Чуйкова оказались в изолированном с суши городе. В этих условиях действия флотилии приобрели особенно важное значение. От их успешности зависели бесперебойность снабжения и боеспособность войск, а также быстрота эвакуации раненых. Возглавлявший оборону Сталинграда В.И. Чуйков *о роли моряков флотилии, об их подвигах впоследствии выразился кратко:*

- Если бы их не было, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и продовольствия.

Следует отметить, что в Сталинграде, практически повсеместно, в этот период очень плохо обстояло дело с эвакуацией раненых на левый берег Волги. Командир прибывшей в Сталинград в середине сентября 13-й Гвардейской стрелковой дивизии никаких средств для этого не имел вовсе. Легко раненым бойцам приходилось самим делать плоты и грузить на них тяжело раненых. Переправляясь, они относились течением вниз по Волге и пристав к берегу, разбредались по селам в поисках медицинской помощи. Аналогичное положение сложилось в 62 армии. Судя по донесению Особого отдела НКВД Сталинградского фронта о ходе боев в Сталинграде от 16 сентября 1942 г., он вообще к обороне подготовлен не был. Никаких укреплений на улицах, запасов боеприпасов, медикаментов и продовольствия своевременно подготовлено не было. В течение только одного дня уличных боев были израсходованы практически все боеприпасы. Поэтому жизненно важной оказалась доставка подкреплений, боеприпасов и продовольствия через единственную действующую волжскую переправу, причем исключительно в ночное время. Изложенное красноречиво свидетельствует о крайней актуальности осуществлявшихся бронекатерами ВВФ воинских перевозок, активное участие которых в принимал БК-31.

В разгар битвы на Волге в составе ВВФ насчитывалось 33 бронекатера. В строю обычно находились не более 25–28, поскольку многие катера имели предельно изношенные механизмы, боевые повреждения и требовали частого ремонта. Кроме того, 5 бронекатеров флотилия потеряла. С начала битвы и до 16 декабря 1942 г. под интенсивным огнем противника корабли ВВФ совершили более 35 тыс. рейсов, перевезли на правый берег 88 тыс. бойцов и командиров с вооружением и боеприпасами, а также 13 тыс. тонн грузов. Из Сталинграда они

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

эвакуировали 47 тыс. раненых и около 7 тыс. женщин, стариков и детей. Артиллерией флотилии было уничтожено более трех полков пехоты, подбито 20 танков, сбито 13 самолетов, разрушено более 100 дзотов и блиндажей, подавлено 26 артиллерийских батарей противника.

Тем временем, 25 июля 1942 г. приказом наркома ВМФ № 0633 бронекатер под заводским № 330 в числе еще 3 других был зачислен в состав 1-й бригады речных кораблей ВВФ. Необходимо уточнить, что в течение 1942 г. названный катер, как и иные корабли флотилии в связи с организационными перестройками неоднократно передавался из соединения в соединение, с присвоением каждый раз новых боевых номеров. По этой причине в служебных документах ВВФ катер фигурирует под разными номерами, №№ 43, 21 и 31, в частности. Во избежание путаницы мы отдадим предпочтение № 31, под которым он упоминается чаще всего.

В этот же день, 25 июля, Волжская военная флотилия приказом ее командующего № 0012 была объявлена действующей [3, с. 10 - 11]. Вечером 27 июля БК-31 в составе отряда других бронекатеров прибыл из Саратова в Сталинград и сразу же включился в конвоирование караванов судов с воинскими грузами и отражение атак вражеских самолетов [3, с. 12]. Как и остальные катера, он активно участвовал в боевых действиях. Также он перевозил на левый берег Волги раненных и беженцев, на правый - бойцов с вооружением, провизию и боеприпасы. В июле – августе его экипаж отразил 32 налета вражеских бомбардировщиков. 29 июля он сбил одного из них [4, с. 132].

Названной директивой командующего Сталинградским фронтом № 00199/ОП от 5 августа 1942 г. перед 1-й бригадой речных кораблей, в составе которой действовал БК-31, была поставлена задача во взаимодействии с частями Красной Армии северного участка оборонительного обвода не допустить прорыва обороны на фланге, упиравшемся в Волгу [3, с. 20 - 21]. Другой оперативной задачей стало обеспечение коммуникации по реке на участке Камышин – Астрахань. Выполняя ее, БК-31 совместно с другими бронекатерами бригады сопровождал караваны судов. В местах стоянок обеспечивалось прикрытие дымами и маскировка подручными средствами [3, с.18]. Основной оперативной задачей БК-31, которая выпала на его долю соответствии с названной директивой, стало обеспечение переправ войск и грузов на сквозных маршрутах через Волгу. При этом он был обязан разведывать подходы к переправам, прикрывать их дымами и бороться с одиночными вражескими самолетами, уничтожать прорвавшегося противника, переправлять отдельные группы легковооруженных войск под обстрелом [3, с. 22].

Согласно названному приказу командующего Юго-Восточным фронтом от 9 августа 1942 г. БК-31 в составе 3-го отряда бронекатеров поддерживал морскую пехоту в районе Солонников, не допуская переправы противника через Волгу в районе Каменного Яра [3, с. 29]. После того, как 23 августа противник вплотную подошел к Сталинградскому оборонительному обводу, на первый план выдвинулась задача обеспечения переправ через Волгу войск и снаряжения. На основании постановления Военного Совета Юго-Восточного фронта № 0160 от 30 августа 1942 г. был разработан план обеспечения переправ через Волгу плавучими средствами. При этом на ВВФ была возложена ответственность за обеспечение переправ на участке № 2 (Центральный) и № 5 (Культбаза). Средствами флотилии было намечено переправлять не менее 20 тыс. человек в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

сутки [3, с. 47]. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, масштабы перевозок оказались гораздо скромнее. По данным Отдельной бригады траления ВВФ, с 23 августа по 10 октября 1942 г. ее средствами через Волгу были переправлены 23123 бойца и командира РККА, 17100 раненых, 5400 мирных жителей и 1400 т. различных грузов [5, л. 7 - 9].

Таким образом БК-31 в основном сосредоточился на переброске через Волгу воинских подкреплений, а также эвакуации раненых и мирного населения. При этом все чаще ему приходилось выполнять соответствующие задачи под обстрелом, а с сентября одновременно вступать в перестрелку с вражескими огневыми точками. 26 сентября, возвращаясь из операции по переброске войск, БК-31 был обстрелян артиллерийским, минометным и пулеметным огнем противника. В результате он получил многочисленные пробоины в районе носового кубрика и боевой рубки. Командир катера и командир отделения были тяжело ранены [3, с. 75]. Между тем, совместно с тремя другими катерами, БК-31 были эвакуированы 157 раненных. Кроме того, на правый берег Волги им были перевезены 3,5 т. боеприпасов и военного снаряжения, а также 20 красноармейцев. До октября 1942 г. БК-31 находился в распоряжении заместителя командующего Сталинградским фронтом Ф.И.Голикова, под командованием которого провел ряд успешных боевых операций.

После того как 27 сентября 1942 г. на участке Центральной переправы, в районе русла р. Царицы противник вышел к Волге, Отдельной бригаде траления ВВФ, которой был придан БК-31 вместе с группой других бронекатеров, была поставлена задача эвакуировать раненых, а также доставить пополнение и питание частям Красной Армии, действовавшим на этом участке. Выполняя задачу, БК-31 осуществлял разведку береговой полосы на участке высадки войск и приемки раненых, одновременно подавляя огонь противника и поддерживая тем самым тральщики [3, с. 78].

На следующий день, 28 сентября, действуя в том же месте совместно с бронекатером № 34, БК-31 вступил в схватку с 8-ю гитлеровскими противотанковыми орудиями, уничтожив 2 из них [3, с. 79]. Оба катера также получили многочисленные повреждения, в частности на БК-31 осколком заклинило башню [6, л. 32]. Характерно, что активно участвуя в боевых действиях, экипаж БК-31 неизменно приходил на выручку другим судам ВВФ, попавшим в беду. Так, 1 октября БК-31 снял с мели бронекатера №№ 61 и 63.

Несмотря на непрекращавшиеся перестрелки с врагом, БК-31 продолжал выполнение своих основных задач по переброске войск и эвакуации раненых. Так, 2 октября под огнем противника он вывез 38 тяжелораненых из районов пристани Соленая и завода «Красный Октябрь» [3, с. 83]. Уже на следующий день, 3 октября, БК-31 перевез на левый берег 79 раненых, а на правый – 67 бойцов с полным вооружением и 3 т. груза. Своим огнем катер уничтожил группу немецких автоматчиков [6, л. 38]. 4 октября БК-31 под огнем противника эвакуировал 45 раненых. 5 октября катер вывез с правого берега Волги 22 раненых и 64 мирных жителя, на правый берег перевез 46 автоматчиков и 3 т. груза. В ходе операции немцы обстреляли катер артиллерийским и минометным огнем, в ответ катер подавил вражеское орудие и рассеял до взвода автоматчиков [3, с. 39 -40]. На следующий день, 6 октября, БК-31 совместно бронекатером № 34 под артиллерийским и минометным огнем противника перевезли 5,5 т. груза и 40 бойцов, на левый берег – 74 раненых [3, с. 88]. 7 октября также действуя в паре с

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

бронекатером № 34, БК-31 доставил на правый берег Волги 70 бойцов и около 6 т. груза, на левый берег были перевезены 13 раненых. В результате артиллерийского и минометного обстрела оба бронекатера получили многочисленные пробоины [3, с. 17].

К этому времени противник превосходящими силами потеснил части 62 и 64 армии и вышел на правый берег Волги на южной окраине Сталинграда. Северная группа кораблей ВВФ, в составе которой действовал БК-31, поддерживала огнем артиллерии боевые действия 124 отдельной стрелковой бригады в районе Сталинградского тракторного завода, Спартановки и Рынка, а также обеспечивала переправу [7, л. 2].

Необходимо отметить, что бронекатерам в этот период приходилось действовать днем и ночью, в сложнейших метеорологических и навигационных условиях. Фарватер Волги был сильно засорен обломками затопленных судов и песчаными наносами. Плавучие или береговые сигнальные знаки отсутствовали. Доставляя окруженным в районе завода «Красный Октябрь» и Спартановки частям подкрепление, оружие, боеприпасы, продовольствие и пр., эвакуируя обратным рейсом раненых и мирное население, БК-31 и другим катерам всякий раз приходилось с боем прорываться мимо занятого противником берега.

Один из участников событий ветеран-краснофлотец П.П.Плотников, бывший пулеметчик одного из бронекатеров ВВФ вспоминает, что на них выбыл из строя почти весь личный состав (из-за длительного пребывания в неотопливаемых катерах у моряков от переохлаждения отнимались конечности). Их приходилось заменять на несколько дней, до прибытия пополнения. Ночью приходилось делать 3 - 4, а иногда и 5 рейсов через Волгу. Волга в прямом смысле горела. Повсюду пылали севшие на «банки», подбитые огнем противника суда.

В ночь с 8 на 9 октября бронекатер после выполнения очередной боевой задачи был задействован на переброске войск и раненых с переправы № 2, в районе завода «Красный Октябрь». Сведения о его последнем походе разнятся и крайне противоречивы. Даже официальные результаты расследования его гибели в октябре 1942 г. не вполне соответствуют данным осмотра БК-31, предпринятого в настоящее время. Однако, достоверно известно, что с рассветом гитлеровцы открыли по катеру ураганный прицельный огонь из артиллерии и минометов [9, с. 152].

Видимо, понимая, что катер получил тяжелые повреждения, командир катера попытался дать ему полный ход. Учитывая требования светомаскировки, а также узкие смотровые щели боевой рубки, по всей вероятности, он вынужден был настежь открыть бронированную дверь, с тем, чтобы лучше контролировать обстановку и руководить боем. Скорее всего именно в это время он погиб в ходе усилившегося обстрела. В ходе уничтожения противником БК-31, 3-е членов его экипажа погибли, 2-е утонули и 3-е были ранены [7, л. 5]. По некоторым сведениям, после гибели командира члены экипажа вместе с ранеными и эвакуированными покинули катер, после чего вплавь или вброд добрались до берега. Однако и там их ожидали не менее драматические события, которые заслуживают отдельного рассмотрения и будут проанализированы нами самостоятельно.

Как оказалось, вражеские снаряды поразили БК-31 в районе машинного отделения, бака и рубки [8, л. 2]. Утративший ход катер накренился. Сильное

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

течение сносило его под воду. Именно благодаря тому обстоятельству, что БК-31 оказался по рубку в воде, ему удалось избежать пожара и сохранить в целости вооружение и боеприпасы. По этой же причине на борту остались и тела погибших.

Спустя несколько часов, рискуя жизнью экипажей, на помощь БК-31 пришли бронекатера №№ 12 и 36. Прикрываясь дымовой завесой, они попытались стащить его с мели, но безуспешно, т.к. он затонул по самую рубку. Оказавшись под ожесточенным обстрелом, они вынуждены были ретироваться, потеряв под огнем противника 2 краснофлотцев убитыми и 2 ранеными [7, л. 5]. При обследовании 11 октября выяснилось, что затонувший БК-31 большинство пробоин имеет в корме. Приступить к их заделке долго не удавалось. Наконец, 14 октября от флагманского механика в штабе ВВФ было получено донесение о том, что работа по заделыванию пробоин на БК-31 в основном закончена и начата откачка воды из его корпуса [3, л. 79]. Однако, несмотря на все усилия, снять с мели и отбуксировать катер в безопасное место так и не удалось. Буксировочные тросы, не выдержав нагрузки, рвались. Не помогло и водолазное оборудование. Видя бесперспективность спасательных работ, с катера было снято вооружение и часть оборудования. Активные боевые действия не позволили отвлечь для спасения катера другие суда, а также применить специальную судоподъемную технику [8, л. 95 - 99]. Вскоре его корпус скрылся под водой полностью. 12 ноября 1942 г. приказом командующего ВВФ № 0153, БК-31 был исключен из состава флотилии как погибший [3, с. 91].

Невероятно, но сотрудниками музея «Наследие» был найден участник роковых для БК-31 и его экипажа событий - обер-лейтенант 71 пехотной дивизии вермахта Вигант Вюстер. В его книге «В аду Сталинграда. Кровавый кошмар Вермахта» описываются обстоятельства потопления советского «монитора». По утверждению В.Вюстера, именно его подразделение уничтожило БК-31. По его словам, у Волги гитлеровцы установили 2 трофейных советских 76-мм орудия, которые охраняли берег. Позиции немцев страдали от регулярных обстрелов советской канонерской лодки. Неоднократно вступая с нею в артиллерийскую дуэль, гитлеровцы сумели хорошо пристрелять фарватер в том месте, где она перемещалась. В результате им и удалось успешно поразить БК-31, оказавшийся волей случая именно в этом месте. По воспоминаниям В.Вюстера, несмотря на повреждения и потерю хода, катер мужественно вступил в перестрелку с германскими артиллеристами. Благодаря этому, ожесточенная схватка с советским «монитором» была удостоена упоминания в германской фронтовой пропаганде, а ее участники – железных крестов [10].

С 30 января по 16 февраля 2018 г. возвращенный к жизни, БК-31 участвовал в многочисленных мероприятиях, посвященных празднованию 75-летия победы в Сталинградской битве. Он был выставлен рядом со зданием Волгоградского исторического парка «Россия - моя история». Внутри музея была организована выставка о бронекатере. В стеклянных боксах демонстрировались элементы корпуса и оснастки корабля, личные вещи и предметы обихода его экипажа. Посетителям были показаны уникальные находки, сделанные на борту катера в ходе его подъема и восстановления [11].

Еще одна посвященная БК-31 выставка прошла в музее «Сталинградская битва». После этого, в составе крупной, посвященной всей Волжской военной флотилии выставки, экспозиция реликвий БК-31 была продемонстрирована в

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Астрахани и Каспийске. В ходе организованной музеем «Наследие» поисковой работы, были установлены личности и судьбы 5 человек из 11, чьи останки были обнаружены на борту катера. У троих погибших на БК-31, нашлись родственники.

С момента подъема бронекатера Региональное отделение Российского военно-исторического общества в Волгоградской обл. и Военно-исторический музей «Наследие» получают многочисленные обращения от ветеранов, речников, жителей Волгограда и других городов России с просьбой увековечить память о БК-31. Учитывая такой неподдельный интерес, было принято решение установить на берегу Волги выставочный павильон, внутри которого будет находиться поднятое судно. Как представляется, при помощи световых спецэффектов, подсветки и аудио поддержки, доступно и «без купюр» памятник бронекатеру донесет до зрителей историческую правду о той цене Победы, которую пришлось заплатить нашему народу в войне. Подъем БК-31 открывает новую страницу в истории Сталинградской битвы и всей Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. <http://russrivership.ru/public/files/doc1168.pdf> Дата обращения: 10 февраля 2020 г.
2. <http://mil.sevhome.ru/voenistor/crimwow/woynamore/a-badjakin-v-shatunov-kerch-my-pomnim-o-tebe-vosemdesjat-pervyj-o-sudbe-bronekaterra-bka-81-i-ego-jekipazha/> Дата обращения: 10 февраля 2020 г.
3. Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Вып. 1. Волжская военная флотилия в боях за Сталинград (Кампания 1942 г.) М., 1945.
4. Чернышев А.А. Морская гвардия отечества. М., 2017.
5. Центральный военно-морской архив. Ф. 192. Д. 7642.
6. Там же. Ф. 66. Оп. 8. Д. 10.
7. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 86.
8. Там же. Ф. 66. Оп. 8. Д. 7.
9. Плехов И.М., Хватов С.П., Захаров Г.И. В огне сталинградских переправ. Волгоград, 1996.
10. Wermachtsbericht. 1942. 10 okt.
11. <https://myhistorypark.ru/news/prezident-rf-vladimir-putin-posetil-istoricheskiy-park-rossiya-moya-istoriya-v-volgograde/?city=msk> Дата обращения: 10 февраля 2020 г.

Epifanov A.E., Vasilevskya A.A.

THE STORY OF THE BATTLE OF STALINGRAD AND THE VOLGA FLOTILLA IN THE FATE OF THE ARMORED "BK-31"

EPIFANOV Alexander E – doctor of legal Sciences, Professor, Professor of chair of theory and history of state and law, Volgograd Institute of management – branch of Russian presidential Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, Astrakhan state University. Regional branch of the Russian military historical society in the Volgograd region, military history Museum "heritage", 400066, Russia, Volgograd ul. Mira d. 21 sq. 82
e-mail: Mvd_djaty@mail.ru

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

VASILEVSKAYA Anna A. - director of the military-historical Museum "Heritage" for development, 400001 Volgograd, Russia, ul. Mira, 13.
e-mail: ya.vasilevskaya@gmail.com

Abstract. The article reveals the history of the discovery, lifting and restoration of the armored personnel carrier of the Volga Military Flotilla under the combat number "BK-31" which died in October 1942 at the height of the Battle of Stalingrad. Based on a variety of sources, including the memories of the participants of the events and archival materials, which are put into scientific circulation for the first time, the authors show the invaluable contribution of the ships of the Volga Military Flotilla and specifically the armored personnel carrier BC-31 in the defeat Nazi invaders in the Battle of Stalingrad. The fighting involving armored personnel carriers of the flotilla, including the BC-31 specifically, shows the main indicators of its military operations. Based on the memories of the participants of the events and archival materials reveal the circumstances of the death of the boat and the attempt to rescue it. On the basis of archival materials, the tactical and technical characteristics and design features of the unique S-40 project, to which the armored personnel carrier belonged, are revealed. The progress of underwater search operations at the bottom of the Volga River, the organization and operation to lift the boat to the surface in difficult natural and meteorological conditions are shown. Details of the search work related to the extraction of military-historical artifacts and remains of the dead from the armored personnel carrier corps are revealed. The work to identify the victims on the boat, the search for their relatives and relatives are characterized. The authors reveal projects and specific activities to organize on the basis of the raised boat military memorial and exhibition complex. Military-patriotic events, carried out on the basis of finds made on the boat, including thematic exhibitions and exhibitions, are shown.

Keywords: armored personnel carrier, Volga Military Flotilla, Battle of Stalingrad, The great Patriotic war, the Volga region.

УДК 94(47+57)"1941/45"+930(476)

Зданович В.В.

ОТОБРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКИХ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

ЗДАНОВИЧ Владимир Васильевич – д.и.н., профессор, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, 224016, Республика Беларусь, г. Брест, бульвар Космонавтов 21,
e-mail: zvv2003@tut.by

Аннотация. В статье освещены вопросы формирования представлений событиях Великой Отечественной войны в вузовских учебниках истории в БССР и Республике Беларусь. Отмечается, что в советский период особое значение придавалось руководящей роли коммунистической партии, которая обеспечила единство руководства борьбой с захватчиками. Согласно официальной концепции истории Великой Отечественной войны, основное внимание было сосредоточено на освещении только успехов, побед, героизма и подвигов. Определяющей чертой

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

учебников было положение о всенародном характере партизанского движения на временно оккупированной территории. Оккупационному режиму в учебниках отводилось всего несколько строк. Характерной чертой учебников советского периода были выводы о том, что Великая Отечественная война продемонстрировала преимущества социалистического строя и коммунистической идеологии над миром капитализма и социального неравенства, решающий вклад в победу внёс СССР, а результатом победы стали народно-демократические революции и расширение мира социализма в Восточной Европе. Изданный в Республике Беларусь учебник «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) не имеет аналогов ни в одной из республик бывшего Советского Союза. Особенностью учебника является то, что события 1941–1945 гг. раскрыты с учетом новых достижений отечественной и зарубежной историографии. Авторы учебника отвергают и преувеличение роли коммунистической партии в организации победы над врагом, а также преувеличение роли союзников в победе над Германией. В учебнике подробно освещены события кануна и начального периода войны, причины неудач Красной Армии летом-осенью 1941 г., административно-территориальное деление оккупированной территории СССР, политика оккупационных властей. Не обходят стороной авторы учебника и проблему коллаборации. Отмечается, что наиболее действенными формами сопротивления оккупантам, являлись боевые действия партизан и борьба подпольщиков в населенных пунктах. Особый раздел учебника посвящен завершающему этапу Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, учебник, советский и постсоветский периоды, оккупация, коммунистическая партия, Красная Армия.

Великая Отечественная война, затронувшая каждую семью, занимает особое место в истории Беларуси. С 22 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г. ее территория являлась зоной германской оккупации, которая имела для республики катастрофические последствия. Оккупанты создали более 260 лагерей смерти, провели более 140 карательных операций, уничтожили почти 2,6 млн. человек, вывезли на работы в Германию около 380 тыс. человек, сожгли вместе с жителями 628 деревень, из них 186 не восстановлены после войны. Белорусский народ внес значительный вклад в общую победу над нацизмом. Дважды (в 1941 и в 1943–1944 гг.) Беларусь стала местом оборонительных и наступательных операций. Важным вкладом в разгром захватчиков стала антигерманское сопротивление, которое является уникальным явлением и не имеет аналогов в истории. На оккупированной территории БССР сражались с врагом 374 тыс. партизан, 400 тыс. резерва из местного населения, около 70 тыс. подпольщиков. В истории данный период определялся противоречиями, значительными проблемами. В связи с выше обозначенным изучение истории Великой Отечественной войны было и остается одним из приоритетных направлений отечественной исторической науки.

Специфической группой историографических источников являются учебники, учебные пособия, курсы лекций для студентов высших учебных заведений, которые являются ключевым источником для формирования представлений о событиях Великой Отечественной войны. В связи с тем, что студенты получают информацию о войне из разнообразных источников, особое

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

внимание должно уделяться содержанию учебников. В данной статье будет проанализирована учебная литература для высших учебных заведений советского и постсоветского периодов белорусской историографии.

В высших учебных заведениях БССР дисциплина «История Беларуси» существовала только на исторических факультетах университетов. В остальных учебных заведениях республики, как, кстати, и в других союзных республиках, излагалась «История КПСС», что служит еще одним доказательством того, что события войны и рассматривались в русле концепции, разработанной в Москве. Однако, несмотря на разность дисциплин, преподаваемых на исторических и не специальных факультетах, оценки Великой Отечественной войны не отличались. В советской историографии особое значение придавалось руководящей роли коммунистической партии, которая обеспечила единство руководства борьбой с захватчиками. Согласно официальной концепции истории Великой Отечественной войны, основное внимание должно быть сосредоточено на освещении только успехов, побед, героизма и подвигов, при этом надо избегать упоминаний о поражениях, неудачах, просчетах и их последствиях. Для всех работ характерны следующие особенности: ссылки на произведения основоположников марксистско-ленинского учения, речи и работы партийных и государственных деятелей; ограниченная источниковедческая база (в основном использовались партийные архивы и фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны); догматизм в отношении партийных документов. В полной мере данный вывод относится и к учебной литературе. Так, в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», изданной в Москве, под редакцией Б.Н. Пономарева, которая была рекомендована в качестве учебника, события 1941 – 1945 гг. рассматриваются в главе xv «Партия в период Великой Отечественной войны (*июнь 1941 года — 1945 год*)». Как видно, руководящая роль коммунистической партии, которая обеспечила единство руководства борьбой с захватчиками, находит отражение уже в самом названии главы. В учебнике освещены мобилизационные мероприятия партийных и государственных органов, деятельность отрядов самообороны, истребительных батальонов, народного ополчения, показаны героизм и мужество бойцов и командиров Красной Армии. Неудачные операции Красной Армии на территории республики, судьба пленных, неготовность воинского командования к широкой мобилизации не нашли отражение в учебнике. Неудачи Красной Армии в начале войны обуславливались, прежде всего, внезапностью нападения врага. Причем, оценки, данные в учебнике, взяты авторами из партийных документов. «Гитлеровцы, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, — использовали временные преимущества: милитаризацию экономики и всей жизни Германии; длительную подготовку к захватнической войне и опыт военных действий на Западе; превосходство в вооружении и численности войск, заблаговременно сосредоточенных в пограничных зонах. В их распоряжении оказались экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. Гитлеровская Германия захватила в странах Европы весь арсенал вооружения, громадные запасы металла, стратегического сырья, металлургические и военные заводы. Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной. Сыграли свою роль допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения на нас гитлеровской Германии и связанные с этим упущения в подготовке к отражению первых ударов» [1, с.

448]. События начального периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси отражены очень сжато. Есть только краткое упоминание о героизме защитников Брестской крепости и подвиге Н. Гастелло.

Фронтная деятельность рассматривалась преимущественно в связи с деятельностью партийных и советских органов по мобилизации сил и средств на борьбу с фашистским агрессором. Идеологическая заданность способствовала созданию практически однотипного образа фронтовика: это солдат, направляемый вперед коммунистической партией, который свято верит в правоту своего дела и готов в любой момент пожертвовать жизнью. Героизм советских людей являлся результатом воспитания их в духе марксистско-ленинского мировоззрения, осмысления ими своей ответственности за судьбу социалистического Отечества. «Партия, – отмечают авторы учебника, – прививала воинам высокие моральные качества. Большую роль в этом играли призывы партии, доклады, речи и выступления членов ЦК ВКП(б) и членов правительства в печати и по радио, в воинских частях. Важным средством воспитательной работы было широкое ознакомление воинов с подвигами защитников городов-героев, бойцов и командиров, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, а также меры поощрения» [1, с. 461].

Не обошли авторы и партизанское движение. Характерной особенностью учебника является акцент на организующую и руководящую роль коммунистической партии в зарождении и становлении партизанского движения на оккупированной территории Беларуси. Определяющей чертой является положение о всенародном характере партизанского движения на временно оккупированной территории. Общий вывод работы сводился к следующему:

«Партия выступила организатором партизанского движения на оккупированной врагом территории... Под руководством Центрального Комитета партии, ЦК компартий союзных республик, оккупированных врагом, подпольных обкомов, горкомов, райкомов, укомов и окружкомов партии партизанское движение в 1943 году стало *массовым*, превратилось в грозную силу для врага. В нем участвовали рабочие, крестьяне, служащие, трудящиеся всех национальностей страны... Цементирующей силой партизанского движения были партийные организации, коммунисты [1, с. 468].

Интересной представляется оценка европейского движения Сопротивления: «В оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы с первых же дней организации движения Сопротивления обнаружили две политические линии, две стратегии и тактики. Политическая линия коммунистических партий, выразившая коренные национальные интересы народов, направлялась на полный разгром фашизма и его пособников внутри своих стран. Коммунистические партии стремились объединить все силы народа, все классы и социальные слои населения, создать единый национальный фронт борьбы против фашизма и внутренней реакции. Политическая линия буржуазных эмигрантских правительств и их сторонников внутри стран не ставила задачи полного разгрома фашистской Германии и добивалась лишь низведения ее до ранга второстепенной державы. Они накапливали силы, чтобы после ее поражения взять власть в свои руки, делали ставку на ослабление коммунистов [1, с. 474, 475].

В связи с тем, что согласно официальной концепции истории Великой Отечественной войны, основное внимание должно быть сосредоточено на

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

освещении только успехов, побед, героизма и подвигов, а характеристика оккупационного режима являлась фоном для показа патриотической деятельности подпольных партийных, комсомольских органов и организаций, партизанских формирований, оккупационному режиму в учебнике отведено всего несколько строк: «К концу ноября 1941 года немецко-фашистские войска оккупировали значительную территорию европейской части СССР. Миллионы советских граждан попали в фашистское рабство. Фашистские банды истязали и убивали советских людей, угоняли их в Германию, жгли и грабили города и села. Советские люди, движимые чувством патриотизма, оказывали оккупантам мужественное сопротивление» [1, с. 457].

Обязательным для учебников Советского периода было раскрытие итогов и значения Великой Отечественной войны. «В Великой Отечественной войне, – подчеркивают авторы, – *советский народ одержал военную, политическую и экономическую победу над врагами социалистической Родины*. Он отстоял социалистические завоевания, самый передовой общественный и государственный строй, свободу и независимость народов СССР. В результате этой победы укрепилась безопасность границ СССР. Никогда на протяжении всей истории страна не имела столь справедливо и хорошо устроенных государственных границ... Красная Армия шла на запад как армия-освободительница. Советский народ, боровшийся за свою свободу и независимость, не мог оставаться равнодушным к судьбам других народов, томившихся под игом фашизма. Партия, верная идеям пролетарского интернационализма, на протяжении всей войны подчеркивала историческую освободительную миссию советских воинов. Вдохновленная этой высокой целью, Красная Армия несла поработенным народам Европы освобождение от фашизма.

Героической борьбой советский народ не только отстоял свою Родину, но и *спас народы Европы от фашистского рабства, оказал огромную помощь народам Китая и других стран Азии в их борьбе против японского империализма, избавил народы всего мира от угрозы закабаления фашизмом*. Красная Армия с честью выполнила свою освободительную миссию. Опираясь на поддержку народов оккупированных стран, она изгнала иноземных захватчиков из Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Австрии, Северной Норвегии, северо-восточных провинций Китая и Северной Кореи. Страны, подпавшие под иго захватчиков, вновь обрели национальную независимость. Поражение японского империализма создало благоприятные условия для победоносной китайской революции [1, с. 478, 487].

У белорусских преподавателей истории КПСС наряду с вышеуказанным учебником использовался «Курс лекций по истории КПСС», подготовленный отечественными историками под общей редакцией В.М. Сикорского. Однако подходы белорусских исследователей концептуально не отличались от их российских коллег. Событиям Великой Отечественной войны посвящена отдельная тема «Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор победы советского народа в великой отечественной войне (июнь 1941 — 1945 гг.)», в которой в частности сказано: «Навязанная Советскому Союзу германским фашизмом война 1941—1945 гг. явилась суровым испытанием для нашего народа, Коммунистической партии. Она была самой тяжелой и самой жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. Она стала Великой Отечественной войной советского народа, героически вставшего на защиту свободы и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

независимости своей социалистической Родины и отстоявшего в беспримерной битве с фашизмом великие завоевания социализма и мировую цивилизацию.

Вдохновителем и организатором победы советского народа над фашистской Германией, милитаристской Японией и их союзниками явилась Коммунистическая партия, поднявшая всех на защиту Родины, на священную Отечественную войну против сил международной реакции. Руководствуясь ленинскими идеями о защите социалистического Отечества, партия превратила страну в единый боевой лагерь, организовала перестройку всего народного хозяйства на военный лад, укрепила Вооруженные Силы, мобилизовала неисчерпаемую энергию трудящихся масс, богатейшие экономические ресурсы страны, подчинив все это главной цели — разгрому ненавистного врага. В итоге огромной организаторской и воспитательной работы партии было обеспечено отражение фашистской агрессии в начальный военный период, осуществлен коренной перелом в ходе войны, а затем и полный разгром агрессоров, одержана победа всемирно-исторического значения [2, с.167].

Единственным отличием, не влияющим на общую структуру, белорусского учебника от общесоюзного является большее количество фактов, раскрывающих события на территории Беларуси.

После распада СССР система высшего образования перетерпела значительные трансформации. В полной мере это относится и к учебной литературе. Ситуация в Беларуси на современном этапе кардинально отличается от ситуации, сложившейся в бывших советских республиках. В 2004 г., согласно приказу министра образования Республики Беларусь № 708 от 27.05.2004 г. «О преподавании в учреждениях образования курса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», не только во всех высших учебных заведениях, но и средних, средне- специальных учреждениях Республики Беларусь был введен спецкурс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Этот спецкурс имел хорошее методическое обеспечение: в том же 2004 г. была разработана его программа и издан соответствующий учебник [3].

Такого учебника нет ни в одной из республик бывшего Советского Союза. Да и в СССР не могло появиться подобное издание. Великая Отечественная война в нем рассматривается в контексте Второй мировой войны. Особенностью учебника является то, что события 1941–1945 гг. раскрыты с учетом новых достижений отечественной и зарубежной историографии. Заслугой авторов учебника во главе с А.А. Коваленей является освещение событий на основе принципа историзма. В этой связи они отвергают и преувеличение роли коммунистической партии в организации победы над врагом, а также преувеличение роли союзников в победе над Германией. Как правильно отмечают историки, сосредоточение внимания на отрицательных моментах, как и преувеличение позитивного, не дает возможности объективно показать ход, итоги и значение Великой Отечественной войны. Особенностью данного издания является то, что «история войны рассматривается в контексте развития событий в мире, причем война показывается как трагическое явление в жизни человечества, всегда приводящее к людским жертвам и материальным потерям... Военно-политические и социально-экономические события на оккупированной территории Беларуси подаются на фоне героической борьбы Красной Армии на советско-германском фронте, а также боевых действий на Западе и политических

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

процессов в странах Европы» [3, с. 4]. Новым и, на наш взгляд, оправданным является включение в учебник специального параграфа «Краткая историография проблемы», в котором дается краткий обзор опубликованной литературы по теме.

События Великой Отечественной войны раскрываются в разделах II «Борьба советского народа против германской агрессии» и III «Разгром фашистского блока. Завершение Великой Отечественной и Второй мировой войн». В отдельном параграфе подробно освещены события кануна и начального периода войны, причины неудач Красной Армии летом-осенью 1941 г. Характеризуя события лета 1941г. на территории Беларуси, авторы выделяют оборону Брестской крепости, бои под Минском, в районе Борисова и Бобруйска, в районе Могилева. Отмечается, что оборона Могилева – один и наиболее ярких примеров стойкости воинов Красной Армии в начале Великой Отечественной войны. Однако без внимания историков осталась оборона советских войск на гомельском направлении. Вместе с тем, как справедливо отмечает белорусский исследователь С.Е. Новиков: «Локальные и ограниченные успехи Западного и Центрального фронтов на Гомельщине стали первыми шагами на пути к краху стратегической операции «Барбаросса» [4, с. 95].

Отличаются от учебников СССР и причины неудач Красной Армии в начальный период войны против Германии. Авторы учебного пособия выделяют четыре, на их взгляд, самые главные : преувеличение значения советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.; репрессии высшего и среднего командного состава 1930-х гг., слабая военно-техническая подготовка личного состава; превосходство военно-экономического потенциала Германии над СССР к июню 1941 г., высокий уровень профессиональной подготовки вермахта; прочеты высшего военно-политического руководства Советского Союза и определении сроков возможного начала войны и стратегического направления главного удара противника [3, с. 107, 108].

В отличие от учебников советского периода, в данном учебном пособии значительно больше внимания уделено оккупационному режиму, что является подтверждением того, что война это не только героизм, но и трагедия. Как справедливо отметили авторы учебника, в своей основе это была политика геноцида, грабежа и насилия. Так, лишь на оккупированной белорусской территории немцы создали более 260 концентрационных лагерей, их филиалов и отделений, предназначенных для истребления людей. В Беларуси находился крупнейший Тростенецкий лагерь смерти, где немцы уничтожили 206,5 тыс. человек. По неполным данным, в лагерях смерти на территории республики оккупанты уничтожили более 1500 тыс. граждан, в том числе около 80 тыс. детей [3, с. 128, 129].

Не обходят стороной авторы учебника и проблему коллаборации, перечисляя и характеризуя основные воинские, государственные и общественные объединения коллаборационистов – Белорусская народная самопомощь, Белорусский корпус самообороны, Белорусская краевая оборона, Белорусская рада доверия, Белорусская центральная рада, Союз белорусской молодежи. В учебнике отсутствуют идеологические оценки советской историографии, данные Л. Цанавой, («белорусские националисты – самые заклятые враги белорусского народа», «наемники Гитлера», «предатели народа», «агенты иностранных разведок»). Вместе с тем, авторы выступают против того, чтобы показывать

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

лидеров политической белорусской коллаборации национальными героями, которые боролись против сталинизма за независимое белорусское государство.

Раскрывая специфику сопротивления оккупантам, историки отмечают, что его наиболее действенными формами являлись боевые действия партизан и борьба подпольщиков в населенных пунктах. Всего за время войны на оккупированной территории СССР действовало свыше 6 тыс. партизанских отрядов, в которых сражалось более 1 млн. человек. В Беларуси в партизанском движении участвовали более 374 тыс. человек, объединенных в 1255 отрядов, свыше 400 тыс. человек составляли партизанские резервы. Межнациональные противоречия и столкновения во время войны оставляются в стороне. Вне внимания историков остались негативные эпизоды партизанского движения.

В целом партизанское движение героизируется.

Подпольная борьба ввиду своей специфики (подпольщики действовали нелегально в оккупированных городах, районных центрах и крупных населенных пунктах) имела меньший размах, чем партизанское движение. Важную роль играло партийное подполье - система нелегальных партийных и комсомольских органов и организаций. Они опирались на поддержку партизан. Как правило, подпольные органы базировались в партизанских отрядах и бригадах.

В учебнике показано, как зарождалось и развивалось движение Сопротивления в Польше во Франции, в Югославии. Наиболее действенными формами его являлись партизанское движение, подпольная борьба, агитационно-пропагандистская деятельность, экономический саботаж, невыполнение директивных указаний и приказов военно-оккупационных властей.

В отдельном параграфе рассмотрена деятельность на территории Беларуси Армии Крайовой, чего не было и не могло быть в учебниках советского периода. Там же несколько строк отведено организации ОУН-УПА. Историки исходят из того, что сопротивление оккупантам на территории Беларуси по организованности, количеству участников, формах и средствах борьбы превосходила все европейские страны. Деятельность Армии Крайовой, националистического подполья менялась в соответствии с военно-политическими обстоятельствами, которые складывались на фронте и в тылу германских войск, и имела антибелорусский характер.

Особый раздел учебника посвящен завершающему этапу Великой Отечественной и Второй мировой войн. Отмечая вклад союзников в разгром агрессора, авторы убедительно доказывают, что основную тяжесть войны вынесли народы Советского Союза. Выделяют авторы и источники победы, к которым относят массовый патриотизм, мужество и самоотверженность, стойкость советского народа единство фронта и тыла, борьба партизан и подпольщиков самоотверженный труд в тылу, мощные Вооруженные Силы, талантливые полководцы и военачальники.

Учебник имеет хорошо продуманную, логически обоснованную структуру, снабжен цветными картами, имеет богатый иллюстративный материал, включая уникальные архивные фотографии), В приложении приводятся (полностью либо в извлечениях) исторические источники, дающие лучшее представление об описываемых событиях. Имеются также словарь встречающихся исторических понятий, хронологическая таблица и список произведений художественной литературы о Великой Отечественной войне.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

В целом, как подчеркивает российский исследователь В.А. Невежин, данный учебник «можно квалифицировать как одну из удачных попыток довести до молодого поколения, входящего в жизнь, правду о Великой Отечественной и Второй мировой войнах, о героической и самоотверженной борьбе свобододлюбивых народов против исконных врагов цивилизации» [5, с. 23].

Список литературы

1. История Коммунистической партии Советского Союза. 7-е изд. доп.; редкол. ; Б. Н. Пономарев (гл. ред) [и др.]. М., 1985. 783 с.
2. Курс лекций по истории КПСС. Ч.1. (1883 – 1925 гг.); под ред. В.М. Сикорского. Изд. 2-е доп. и испр. Минск, 1975. 08 с.
3. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича; пер. с бел. яз. А.В. Скорохода. Минск, 2004. 279 с.
4. Новікаў С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Смаленск : Універсум, 2015. – 436 с.
5. Невежин, В.А. Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны // Вялікая Перамога: да 60-й гадавіны разгрому нацысцкай Германіі: матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 29 крас. 2005 г. Мінск, 2006. – С. 16–23.

Zdanivich V.V.

DISPLAYING THE EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN BELARUSIAN UNIVERSITY HISTORY TEXTBOOKS IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

ZDANOVICH Vladimir V. — Professor, Brest State University named after A.S. Pushkina, 224016, Republic of Belarus, Brest, Cosmonauts Boulevard 21,
e-mail: zvv2003@tut.by

Abstract. The article highlights the issues of forming representations of the events of the Great Patriotic War in university history textbooks in the BSSR and the Republic of Belarus. It is noted that during the Soviet period, special importance was attached to the leading role of the Communist Party, which ensured the unity of leadership in the struggle against the invaders. According to the official concept of the history of the Great Patriotic War, the main attention was focused on covering only successes, victories, heroism and exploits. The defining feature of the textbooks was the provision on the national character of the partisan movement in the temporarily occupied territory. The occupation regime in textbooks was given only a few lines. A characteristic feature of Soviet-era textbooks was the conclusion that the Great Patriotic War demonstrated the advantages of the socialist system and communist ideology over the world of capitalism and social inequality, the USSR made a decisive contribution to the victory, and the result of the victory was the people's democratic revolution and the expansion of the socialist world in Eastern Europe. The textbook -The Great Patriotic War of the

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Soviet people (in the context of World War II), published in the Republic of Belarus, has no analogues in any of the republics of the former Soviet Union. A feature of the textbook is that the events of 1941-1945 are disclosed in view of new achievements of domestic and foreign historiography. The authors of the textbook also reject the exaggeration of the role of the Communist Party in organizing the victory over the enemy, as well as the exaggeration of the role of the Allies in the victory over Germany. The textbook details the events of the eve and the initial period of the war, the reasons for the failures of the Red Army in the summer and autumn of 1941, the administrative-territorial division of the occupied territory of the USSR, and the policy of the occupation authorities. The authors of the textbook do not bypass the problem of collaboration. It is noted that the most effective forms of resistance to the invaders were the fighting of partisans and the struggle of underground workers in settlements. A special section of the textbook is devoted to the final stage of the Great Patriotic and World War II.

Keywords: Great Patriotic War, textbook, Soviet and post-Soviet periods, occupation, communist party, Red Army.

УДК 94 (47)-1941/1945

Исупов В.А.

МОБИЛИЗАЦИЯ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ СИБИРИ НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

ИСУПОВ Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, профессор кафедры Отечественной истории Новосибирского государственного университета
e-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается слабо исследованная проблема численности и состава мобилизованных в Вооруженные силы СССР в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.). Географически статья охватывает Сибирский военный округ (СибВО). Привлекая новые, ранее не использованные источники автор раскрывает такой сложный сюжет, как исчерпание людских ресурсов Сибири, напряженность, сложившуюся в ходе воинских мобилизаций по обеспечению промышленности и сельского хозяйства рабочей силой. Миф о неисчерпаемости людских ресурсов развеялся как дым. Армия и экономика испытывали острейший дефицит людей, многократно усиленный их неэффективным использованием. Отныне главной заботой тыловых властей стал лихорадочный поиск мужчин, годных к военной службе, а также тех, кто мог трудиться в военных отраслях промышленности, на транспорте и стройках, в колхозах и совхозах. Чтобы восполнить бреши, пробитые мобилизациями в толще мужчин призывного возраста, властям пришлось обратиться к женской части населения. Деятельность государственных органов по изысканию живой силы для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00323 «Население Хакасии в XX-XXI вв.: историко-демографическое исследование»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Красной армии оказалась столь масштабной, а гребенка военкоматов столь частой, что тыловые районы страны, превратились в женские регионы, где взрослый мужчина стал большой редкостью. Запасы женских людских ресурсов были весьма значительны. Тыловые районы России в военные годы являли собой «бабье царство». Женщины занимали на производстве места мужчин, ушедших на фронт. Тем не менее, на плечи женщин легла еще одна обязанность – их призывали в армию, главным образом на вспомогательные должности, для замены мужчин, направлявшихся на передовую. Таким образом, женское население рассматривалось как один из источников укомплектования вооруженных сил.

Ключевые слова: воинские мобилизации, военнообязанные запаса, призывники, военно-мобилизационный потенциал, людские ресурсы.

Первые научно значимые материалы о численности мобилизованных в Красную армию годы Великой Отечественной войны увидели свет только в 1993 г. [1]. Но масштабы воинских мобилизаций в отдельных регионах нашей страны, в том числе в Сибири не установлены. Численность населения, проживавшего на территории, подведомственной Сибирскому военному округу (СибВО), на начало 1941 г. была определена расчетным способом на основе данных переписи населения 1939 г. в 11,4 млн. человек. Численность мужчин в возрасте от 19 до 45 лет на этой территории составляла около 2-х млн. человек [2, л. 55]. Но эти цифры не могут оцениваться как достоверные. В силу неточностей переписи 1939 г. и просчетов планирования, война началась при отсутствии достоверных данных о наличии призывного контингента, что существенно затрудняло использование людского потенциала.

Согласно одному из вариантов мобилизационного плана, созданному в Генеральном штабе в начале 1941 г. (МП-41), РККА после развертывания должна была насчитывать 8,7 млн. человек [3, с. 639]. Но МП-41 касался только собственно армии и не предусматривал мобилизацию во внутренние и пограничные войска, которые подчинялись НКВД и комплектовались по отдельным планам. Следовательно, совокупная численность вооруженного контингента в Советском Союзе должна была, вероятно, достигнуть 10 млн. человек.

На покрытие возможных боевых потерь (безвозвратных и санитарных, без учета пограничных и внутренних войск НКВД) первого года войны дополнительно предполагалось мобилизовать 3,8 млн. человек [3, с. 616 – 617]. Однако гипотетические потери РККА в течение первого года войны были определены неверно. Предвидеть события так, как они развернулись в страшное лето 1941 г. было практически невозможно.

В этих условиях, советскому военному руководству пришлось кардинально пересмотреть стратегию мобилизации. Этому в значительной степени способствовал и факт быстрой оккупации западных регионов СССР, что существенно урезало резерв призывников. Военно-мобилизационный потенциал Казахстана, Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья был ограничен из-за слабого знания местным населением русского языка и особенностей менталитета их жителей. В результате, воинская мобилизация всей своей непомерной тяжестью обрушилась главным образом на районы России. Чтобы

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

компенсировать огромные людские потери, они должны были выделить для фронта значительно больше людей, чем это предусматривалось первоначально.

В начале Великой Отечественной войны самый многочисленный поток живой силы в Красную армию дала внеочередная мобилизация военнообязанных запаса. В первый же день войны, 22 июня 1941 г., был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных». К 1 июля 1941 г. в Красную армию было направлено 5,3 млн. человек [4, с. 257]. К этому времени численность РККА была доведена до 9,6 млн. красноармейцев и командиров [5, с. 63]. Однако к 1 августа 1941 г. фактическая численность Красной армии понизилась до 6,7 млн. человек [6, с. 98]. В этой связи, 10 августа 1941 г. ГКО принял постановление «О мобилизации военнообязанных 1890 – 1904 гг. рождения и призывников 1922 – 1923 гг. рождения» [5, с. 66; 5, с. 452.]. Вторая волна мобилизации должна была возместить боевые потери, понесенные Красной армией летом 1941 г. Всего за первые шесть месяцев войны в вооруженные силы, было направлено почти 12 млн. человек [7, с. 99].

В результате двух волн спешно и во многом бессистемно организованных массовых воинских мобилизаций, резерв военнообязанных в тыловых районах СССР был в значительной степени исчерпан. Экономика лишилась миллионов рабочих рук. В армии оказались не менее миллиона высококвалифицированных специалистов, без которых промышленность испытывала большие сложности. В армию были призваны и студенты первых курсов вузов и техникумов. Это был серьезный стратегический просчет советского руководства. На этом столь масштабные мобилизации в Вооруженные силы Советского Союза пришлось прекратить. Теперь в армию призывалась молодежь, по мере взросления вступающая в призывной возраст. Проводились также частичные мобилизации военнообязанных запаса старших возрастов.

Сибирь, где накануне Великой Отечественной войны (в границах СибВО на 1 января 1941 г.) проживало свыше 11 млн. человек, а сельские жители составляли большинство населения рассматривалась советским руководством как важный источник людских ресурсов, необходимых для укомплектования Красной армии живой силой. Мобилизационные телеграммы пришли в Сибирь вечером 22 июня, а уже на следующий день на призывные участки прибыли первые тысячи мужчин. За пять месяцев после начала Великой Отечественной войны, к 1 декабря 1941 г. на территориях, подведомственных СибВО было мобилизовано свыше 1,3 млн человек. В вооруженные силы было направлено 67% мужчин призывного возраста. В городских поселениях в Красную армию ушло почти 50% мужского населения призывного возраста, а в сельской местности, где бронирование военнообязанных использовалась в ограниченном масштабе – свыше 76% мужского населения [2, л. 53, 55].

Но фронт требовал все больше людей. На запад уходили сотни тысяч необученных и плохо вооруженных бойцов, которые закрывали своими телами бреши в линии фронта, пробитые немецкими танковыми клиньями. Военные потери 1942 г. превысили потери 1941 г.

В кровавых сражениях, в окружении и в плену погибал цвет нации, лучшие из лучших – молодые, здоровые, полные сил мужчины. Но на место убитых, искалеченных, пропавших без вести вставали новые тысячи бойцов, прибывавших из тыловых районов. В СибВО с самого начала войны велась энергичная работа как по формированию новых воинских подразделений, так и по подготовке

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

маршевого пополнения для действующей армии. В июне 1941 г. на территории СибВО была сформирована 24-я армия. В ноябре 1941 г. на базе людских ресурсов СибВО были созданы 58-я и 59-я армии [8, с. 467, 468]. Кроме того, к концу 1941 г. в Сибири были сформированы 17 стрелковых и кавалерийских дивизий, 5 отдельных лыжных и морских стрелковых бригад. Среди них 362-я дивизия омичей, 370-я дивизия новосибирцев, 376-я дивизия кузбассовцев, 380-я дивизия алтайцев и другие. В Красноярском крае в 1941 г. были сформированы 374-я, 382-я, 451-я, 447-я, 309-я стрелковые дивизии [8, с. 467 – 468]. Помимо этого, на пополнение боевых частей россыпью уходили многочисленные маршевые батальоны и роты. Для укомплектования и военной подготовки необученных резервов создавались запасные стрелковые бригады. В СибВО были развернуты 23-я (Новосибирская область), 26-я (Алтайский край), 39-я (Омская область), 43-я (Красноярский край) запасные стрелковые бригады. Бригады были очень крупными воинскими подразделениями. Так, на укомплектование одной только 23-й стрелковой бригады к 12 июля 1941 г. прибыло 25471 человек. Численность личного состава 39-й запасной стрелковой бригады превышала 22 тыс. человек [8, с. 172, 173]. Кроме того, были созданы запасные полки и батальоны – артиллерийские, кавалерийские, связи и другие.

23-я запасная стрелковая бригада СибВО в течение первых месяцев войны отправила на фронт 58 маршевых батальонов и рот. За год своего существования она послала в действующую армию 706 маршевых батальонов и рот, в составе которых находились почти 300 тыс. рядовых и около 6,5 тыс. командиров [9, с. 26]. 39-я запасная стрелковая бригада СибВО в течение первого года Великой Отечественной войны подготовила и направила на фронт 1000 маршевых рот [5, с. 75]. Запасная стрелковая бригада № 29 с 15 сентября 1941 г. по 1 января 1944 г. обучила и отправила в действующую армию 1103 маршевые роты [10, л. 25]. Командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Медведев и член военного совета СибВО корпусной комиссар Колобьяков 25 ноября 1943 г. информировали секретаря красноярского крайкома ВКП (б) Голубева, что расположенная на территории края 43 запасная стрелковая бригада с начала войны «подготовила сотни тысяч бойцов» [11, л. 139].

Всего за первые пять месяцев Великой Отечественной войны фронт получил из тыловых районов СССР свыше 326 дивизий и 110 бригад, их них 194 дивизии и 94 бригады были укомплектованы в военное время [12, с. 62]. На 12-й день войны начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер, пребывая в состоянии победной эйфории, записал в своем служебном дневнике: «задача разгрома главных сил русской сухопутной армии выполнена... Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней» [13, с. 77]. И только на 51-й день войны до сознания немецкого генерала дошла страшная истина: «Колосс-Россия... был нами недооценен... К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину» [13, с. 306]. Всего за четыре года Великой Отечественной войны в СССР было мобилизовано (за вычетом повторно призванных) 29,6 млн. человек. Вместе с кадровым составом, уже находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе, надевали шинели 34,5 млн. человек [14, с. 36].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В Алтайском крае к октябрю 1942 г. было мобилизовано 279508 человек. На 1 февраля 1943 г. ресурсы военнообязанных до 50 лет, годных к строевой и нестроевой службе составляли в Алтайском крае всего 11187 человек. Призывников 1922 – 1925 гг. рождения, пользующихся отсрочками осталось 2300 человек, а военнообязанных, забронированных за предприятиями и учреждениями края – 34694 человека. Всего Алтайский край к февралю 1943 г. располагал запасами живой силы, пригодной к службе в армии в объеме 48181 человек [15, л. 45]. К 10 июня 1943 г. число мобилизованных в армию жителей Алтайского края достигло 459784 человек [16, л. 76].

В первом полугодии 1944 г. в Алтайском крае в Красную армию дополнительно было призвано 20660 человека, а за период с 1 июля по 1 октября 1944 г. – 11264 человека [17, л. 1]. Таким образом, за 3 года и 4 месяца Великой Отечественной войны Алтайский край отдал фронту почти 500 тыс. человек. Вследствие столь масштабных мобилизаций, Алтайский край к середине – концу 1944 г. передал Красной армии практически всех мужчин призывного возраста.

В Новосибирской области за период с 22 июня 1941 г. по 1 октября 1942 г. было мобилизовано 434461 человек. Кроме того, в порядке очередных и досрочных призывов в Красную армию ушли 56555 юношей 1922 г. рождения, 31183 юношей 1923 г. рождения, 38228 юношей 1924 г. рождения. На укомплектование военных училищ область выделила 28301 человека. Таким образом, к 1 октября 1942 г. Новосибирская область направила в Красную армию 558758 человек. Это составляло 75 % от числа мужчин 18 – 45 лет [18, л. 397-397 об].

Ресурсы мужчин в области были практически исчерпаны. Но несмотря на катастрофическое положение с людскими ресурсами, в первом полугодии 1943 г. Генеральный штаб РККА и Главупраформ потребовали призвать дополнительно в Новосибирской области 86081 человека [19, л. 2 об]. Выполняя мобилизационные задания, военкоматы области с 1 января по 1 июля 1943 г. призвали 4054 человека младшего начсостава, 41427 человек рядового состава и 37181 человек призывников 1922 – 1925 г. рождения. Кроме того, за этот же период в области было призвано и направлено в войска 343 человека старшего начсостава [19, л. 2 об]. Всего, следовательно, в первом полугодии 1943 г. в Новосибирской области было мобилизовано 83005 человек.

В результате крупномасштабных изъятий людей, к 1 июля 1943 г. на воинском учете в Новосибирской области осталось 148697 человек. Однако из этого числа призвать в Действующую армию можно было только 487 человек, годных к строевой службе и 7446 человек, годных к нестроевой. Таким образом, людской потенциал области, казавшийся в начале войны неисчерпаемым, к середине 1943 г. был истощен почти полностью.

Тем не менее, во втором полугодии 1943 г. Главупраформ потребовал призвать дополнительно 57 тыс. человек [19, л. 9 об]. Путем перенапряжения всех сил, проведя разбронирование, призвав в армию ранее отсеянных по политическим и национальным мотивам, организовав медицинские переосвидетельствования и перерегистрации военнообязанных, направив в Вооруженные силы призывников 1926 г. рождения и женщин, область сумела в основном выполнить мобилизационное задание. За период с 1 июля по 31 декабря 1943 г. в Новосибирской области для укомплектования воинских частей и военных училищ было призвано 2676 человек сержантского состава, 33220

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

человек рядовых, 18898 призывников 1922 – 1926 г. рождения. Кроме того, было мобилизовано и направлено в войска 482 офицера запаса [19, л. 37-37 об]. Сверх того, область выделила людей для укомплектования специальных частей. В гвардейскую Сталинскую дивизию добровольцев-сибиряков было направлено 150 человек, для 4-го минометного полка – 45 человек [19, л. 38].

Всего в 1943 г. Новосибирская область направила в Красную армию более 142 тыс. человек, в том числе свыше 6 тыс. человек младшего начсостава, почти 71 тыс. рядовых и 53 тыс. призывников 1922 – 1926 гг. рождения, а также большое число «особо проверенных» добровольцев, коммунистов и комсомольцев для специальных формирований. Таким образом, с начала войны до конца 1943 г. Новосибирская область передала в РККА около 742 тыс. бойцов [20, л. 26-27]. Сверх мобзаданий с 1 января по 1 декабря 1943 г. Новосибирская область (без Кемеровской области но, включая территорию современной Томской области) дополнительно выделила для Красной армии 47 тыс. человек [21, л. 215].

В Омской области к июлю 1944 г. в Красную армию было направлено 476 тыс. человек, из них около 11 тыс. женщин. Весь запас мужских ресурсов области в середине 1944 г. определялся мизерной цифрой – 118 тыс. человек. Из них нестроевых и годных к физическому труду насчитывалось 12 тыс. человек, военнообязанных, получивших отсрочку от призыва и красноармейцев-отпускников – 630 человек, отсеянных по ПМС и национальным признакам – 2675 человек, негодных со снятием с военного учета – 44 тыс. человек. Число забронированных за сельским хозяйством составляло 6,8 тыс., за промышленностью – 52 тыс. человек. Кроме того, в области проживало 21 тыс. мужчин, инвалидов войны, из них 287 инвалидов I группы [21, л. 22, 23, 36].

Красноярский край в 1941 г. направил в Красную армию 158257 человек, в 1942 г. – 23856 человек [22, л. 50]. Сверх того, в Красноярске в июне 1942 г. было сформирована добровольческая стрелковая бригада сибиряков – сталинцев численностью 5000 человек [22, л. 50]. Бригада в течение всей войны пополнялась людьми и техникой. Так, только в 1942 г. в бригаду для компенсации боевых потерь было направлено 1000 человек [22, л. 50]. В 1943 г. по решению бюро красноярского крайкома ВКП (б) в крае был сформирован добровольческий батальон автоматчиков. Но из-за нехватки живой силы батальон был расформирован и направлен на фронт по частям [22, л. 50].

Однако центр требовал продолжать мобилизацию и край в 1943 г. отправил в Красную армию дополнительно 52942 военнообязанных запаса [22, л. 50]. Мобилизационный ресурс огромного по территории, но малонаселенного Красноярского края был исчерпан. Из красноярского крайкома ВКП (б) в Управление кадров ЦК ВКП (б) сигнализировали: «Выполнение нарядов по мобилизации людских ресурсов для войсковых частей и промышленности в I полугодии 1944 г. в основном происходило за счет систематического переосвидетельствования раненых и больных, лиц находящихся в отпусках по болезни, правильности бронирования и замены забронированных строевых нестроевыми» [22, л. 12].

Но война продолжалась. Фронтовые части требовали пополнений живой силой. И в течение десяти месяцев 1944 г. (с 1 января по 1 ноября) в армию было дополнительно направлено 20994 красноярца. Помимо этого, край отдал фронту 80918 юношей – призывников 1923 – 1927 гг. рождения. Эвакогоспитали,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

расположенные на территории края направили в Красную армию 34043 бойцов и офицеров [22, л. 50].

Ситуация с людскими ресурсами день ото дня становилась все более напряжённой. В конце 1944 г. в управление кадров ЦК ВКП (б) ушла очередная докладная записка о работе военного отдела Красноярского краевого комитета ВКП (б) за второе полугодие 1944 г. В записке говорилось: «Выполнение нарядов по мобилизации людских ресурсов для воинских частей и промышленности, как и в первом полугодии в основном происходило за счет систематического переосвидетельствования инвалидов Отечественной войны, лиц находящихся в отпусках по болезни, пересмотра правильности бронирования и замены военнообязанных, строевых нестроевыми» [23, л. 45-46]. Всего за период с 22 июня 1941 г. по 1 ноября 1944 г. Красноярский край от мобилизовал для Красной армии 561902 человека [22, л. 50].

Людской потенциал Сибири к концу войны был ослаблен настолько, что свободных ресурсов, годных к службе в армии, по существу, не осталось. Вследствие крупномасштабных мобилизаций, численность и удельный вес мужчин активного возраста (и без того низкий) в тыловых регионах страны сократились до минимальных величин. По сути дела, Сибирь отдала фронту все, что могла. Так, на территории, подведомственной СибВО, по оценке Госплана СССР на 1 января 1941 г. численность мужчин, годных для строевой службы (в возрасте 18 – 45 лет) составляла приблизительно 1968 тыс. человек, в том числе в сельской местности – 1271 тыс. человек [24, л. 53-55]. Единовременная отчетность сельсоветов засвидетельствовала, что к 1 января 1943 г. их осталось всего 304 тыс. [25, л. 51], а к 1 января 1945 г. – немногим более 245 тыс. человек [26, л. 19, 24, 39 – 40, 57]. Но многие из этих мужчин, оставшихся в тылу, являлись инвалидами войны. Другие не могли быть призваны по состоянию здоровья или имели бронь.

О почти полной мобилизации мужчин в Красную армию свидетельствует грубое нарушение половозрастного баланса. В 1943 г. в возрастной группе 25 – 49 лет на каждые 100 женщин приходилось в тыловых районах РСФСР всего 38 мужчин, в том числе в Алтайском крае – 20, в Новосибирской области – 32, в Омской области – 25 мужчин [27, л. 14, 19]. По состоянию на 1 января 1945 г. в сельской местности, территориально подведомственной СибВО, в диапазоне возрастов от 19 до 49 лет на 100 женщин приходилось 28 мужчин [28, л. 19, 24, 39, 40].

Не менее сложной была ситуация в городах. По результатам статистической разработки сотрудниками ЦСУ СССР списков избирателей по выборам в Верховный совет СССР по состоянию на 10 февраля 1946 г., в городах Сибири, расположенных на территории, подведомственной СибВО, на 100 женщин приходилось всего 63 мужчины в возрасте 18 лет и старше. Самый грубый дисбаланс полов был характерен для городских поселений Алтайского края, где на 100 женщин старше 18 лет приходилось 50 мужчин, в Томской области – 52 мужчины и Новосибирской области (без Новосибирска) – 55 мужчин. Несколько лучшим было соотношение полов в Кемеровской области. Здесь на 100 женщин приходилось 78 мужчин, в Новосибирске – 60 мужчин, Омской области – 59 мужчин и Красноярском крае – 58 мужчин [29, л. 5, 21, 23, 41, 57, 58, 59, 74]. Надо, однако иметь в виду, что к февралю 1946 г. развернулись

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

процессы демобилизации военнослужащих, что несколько сгладило дисбаланс полов.

Миф о неисчерпаемости людских ресурсов развеялся как дым. Армия и экономика испытывали острейший дефицит людей, многократно усиленный их неэффективным использованием. Отныне главной заботой тыловых властей стал лихорадочный поиск мужчин, годных к военной службе, а также тех, кто мог трудиться в военных отраслях промышленности, на транспорте и стройках, в колхозах и совхозах. Чтобы восполнить бреши, пробитые мобилизациями в толще мужчин призывного возраста, властям пришлось обратиться к женской части населения. Деятельность государственных органов по изысканию живой силы для Красной армии оказалась столь масштабной, а гребенка военкоматов столь частой, что тыловые районы страны, превратились в женские регионы, где взрослый мужчина стал большой редкостью. Запасы женских людских ресурсов были весьма значительны. Тыловые районы России в военные годы являли собой «бабье царство». Женщины занимали на производстве места мужчин, ушедших на фронт. Тем не менее, на плечи женщин легла еще одна обязанность – их призывали в армию, главным образом на вспомогательные должности, для замены мужчин, направлявшихся на передовую. Таким образом, женское население рассматривалось как один из источников укомплектования вооруженных сил. Всего за годы Великой Отечественной войны, по данным военных историков, в армию и на флот, в пограничные и внутренние войска было призвано 570 тыс. женщин [30, с.32].

Итак, до предела истощенные людские ресурсы в тыловых районах страны с конца 1942 г. – начала 1943 г. приходилось выявлять в ходе особых мероприятий. В СибВО за четыре года войны в армию ушли 2621,3 тыс. человек [30, с. 33]. Это свидетельствует о том, что сибирский регион отдал фронту все накопленные до войны людские ресурсы.

Список литературы

1. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993.
2. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997.
3. 1941 год: В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998.
4. 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968
5. Мохоров Г. А. Защищая Родину (создание стратегических резервов на территории Российской Федерации в годы войны 1941 – 1945 гг.). СПб., 1995..
6. Великая Отечественная война 1941 – 1945: энциклопедия.
7. Михалев С. Н. Людские потери
8. Ростов Н. Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 2007.
9. Верховцева З. П. Солдаты Сибири. 1941 – 1945. Кемерово, 1978.
10. Центр документации новейшей истории Омской области (далее – ЦДННАО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3912.
11. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 545.
12. Великая Отечественная война 1941 – 1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

13. Гальдер Ф. Военный дневник. 1941 – 1942. М., 2003.
14. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 1.
16. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 152.
17. ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 614.
18. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6.
19. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 640.
20. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 40.
21. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 597.
22. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. д. 515.
23. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 1.
24. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997.
25. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009.
26. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332.
27. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 137.
28. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332.
29. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2224.
30. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940 – 1959. М. 2001.

Isupov V.A.

MOBILIZATION OF HUMAN RESOURCES IN SIBERIA TO PROTECT THE MOTHERLAND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

ISUPOV Vladimir A. – doctor of historical Sciences, Professor, head of sector of historical and demographic research of the Institute of history of SB RAS, Professor of Russian history at Novosibirsk state University
e-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Abstract. The article considers the question of the number and composition of mobilized in the Armed Forces of the USSR during II World war (1939-1945). Geographically, the article covers the Siberian Military District (Siberian Military District). Attracting new, previously unused sources, author reveals such a complex problem, as the exhaustion of human resources in Siberia, the tension that has arisen during military mobilization to provide industry and agriculture with labor. The myth of inexhaustible human resources has disappeared like smoke. The army and the economy experienced an acute shortage of people, which was multiplied by their inefficient use. From now on, the main concern of the rear authorities was a feverish search for men who were fit for military service, as well as those who could work in the military branches of industry, transport and construction, in collective farms and state farms. To make up for the gaps that were broken by mobilizations in the ranks of men of military

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

age, the authorities had to appeal to the female part of the population. The activity of state bodies in the search for manpower for the red army was so large-scale, and the combing of military Commissars was so frequent, that the rear areas of the country turned into women's regions, where an adult male became a rarity.

Keywords: military mobilization, reservists, conscript men, military mobilization potential, human resources.

УДК 9(58)(04)947.085 «1941/1945»(584.4)

Ишанходжаева З.Р.

ВКЛАД УЗБЕКИСТАНА В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ИШАНХОДЖАЕВА Замира Райимовна – доктор исторических наук, профессор Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, 100174, ул. Университетская, 4, г. Ташкент, Республика Узбекистан.
e-mail: zamira.i@rambler.ru

Аннотация. В статье исследовано участие Узбекистана во Второй мировой войне. Сделан анализ окончательных итогов людских потерь, а также награжденных узбекистанцев различными орденами и медалями за проявленный героизм на полях сражений. Важное место в статье отведено изучению вопросов эвакуации в Узбекистан. Рассмотрены проблемы организации процесса приёма эвакуированных вновь образованным Управлением по эвакуации населения при СНК УзССР. В Узбекистан прибыло за годы войны более миллиона представителей различных национальностей, в том числе более 200 тысяч детей из различных областей Советского Союза. Среди них - ученые, педагоги, актеры, представители художественной интеллигенции, а также научные и учебные учреждения. В Ташкент были эвакуированы научно-исследовательские институты АН СССР: востоковедения, истории, мировой литературы, истории материальной культуры и другие, в сжатые сроки в республике было размещено 22 научно-исследовательских института, 16 высших учебных заведений, 2 библиотеки, перебазированные из Украины, Белоруссии и РСФСР. К 1943 г. на территории республики располагалось уже более чем 40 таких институтов из которых в Ташкенте было размещено 25, в Самарканде — 8, а в Ферганской области — 5 научных учреждений. В процессе совместной деятельности, эвакуированной в Узбекистан научной и творческой интеллигенции быстрыми темпами развивалась наука, было множество открытий. Эвакуированные учёные и творческие работники внесли огромный вклад в развитие образования, науки, культуры и искусства.

Ключевые слова: Война, эвакуация, Ташкент, ученые, преподаватели, наука, образование, культурное наследие, Победа.

Начало XXI века обозначило для ученых новый этап в изучении хода, итогов, последствий и значения Великой Отечественной войны, роли народов Советского Союза в достижении Великой Победы. Объективное осмысление событий 1941-1945 гг. как в профессиональном сообществе историков, так и в

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

широких общественных кругах сегодня важно для решения многих политических, социальных и культурных проблем современности.

В самой страшной в истории человечества в войне участвовали свыше 1,5 миллиона граждан Узбекистана. Более полумиллиона из них погибли, почти 133 тысячи пропали без вести, свыше 60 тысяч вернулись с войны инвалидами. В те огненные годы весь народ Узбекистана от мала до велика жил и неустанно трудился с единой целью: «Все – для фронта, все – для победы!». Республика превратилась в надежный тыл по обеспечению фронта. С первых дней войны тысячи граждан Узбекистана обратились в военкоматы с просьбой отправить их добровольцами на фронт. По указанию Наркомата Обороны СССР в республике развернулась работа по организации национальных воинских частей. Были сформированы четыре отдельные курсантские стрелковые бригады, развернуты многочисленные военные учебные заведения для подготовки командного состава. В Узбекистан были эвакуированы десятки военно-учебных заведений, готовящие высококвалифицированные военные кадры. [1]

Значительное место в изучении истории Второй мировой войны отводится изучению вопросов эвакуации. Это один из факторов Победы СССР в Великой Отечественной войне. Проведенная в первые месяцы войны эвакуация промышленных предприятий, научных центров, организаций культуры и образования, предметов и объектов культурного наследия является поистине беспримерной по своим масштабам в мировой истории. Но самое главное, что благодаря эвакуации были спасены жизни миллионов людей.

С ноября 1941 года по март 1942 года в Узбекистане было сформировано 14 национальных дивизий из них 9 стрелковых 5 кавалеристских. Многие узбекистанцы мужественно проявили себя в бою - так 120 были награждены боевыми орденами и медалями 338 удостоены звания Героя СССР, 53 кавалера ордена Славы. Воины-узбекистанцы участвовали в обороне Брестской крепости героически сражавшейся с фашистами, обороне Ленинграда, обороне Москвы, в Сталинградской битве. На территорию Узбекистана были эвакуированы сотни предприятий из прифронтовой полосы. Для руководства размещением, монтажом, сдачей в эксплуатацию эвакуированных промышленных предприятий по решению Центрального Комитета КП Узбекистана и Совета Народных Комиссаров Узбекистана была создана Госэкономкомиссия. [2]

Узбекистан в целом и Ташкент в частности стали одними из важнейших эвакуационных центров. В Узбекистан прибыло за годы войны более миллиона представителей различных национальностей, в том числе около 200 тысяч детей из различных областей Советского Союза. Среди них были ученые, педагоги, актеры, представители художественной интеллигенции, а также научные и учебные учреждения.

26 сентября 1941 года на базе Переселенческого отдела было образовано Управление по эвакуации населения при СНК УзССР [3, с. 235-236]

Работа по размещению эвакуированных объектов осложнялась большой загруженностью Ташкентской железной, дороги, доставлявшей грузы и людские потоки, как на фронт, так и в тыл, занятостью площадей под госпитали, военные училища, эвакуированные организации. Несмотря на все трудности и проблемы военного времени, эвакуация в Узбекистан под руководством опытного руководителя республики и патриота своей Родины Усмана Юсупова проводилась как целенаправленный и организованный процесс.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Осенью 1941 года в Ташкент были эвакуированы научно-исследовательские институты АН СССР: востоковедения, истории, мировой литературы, истории материальной культуры и другие. К ноябрю 1941 г. в республике было размещено 22 научно-исследовательских института, 16 высших учебных заведений, 2 библиотеки, перебазированные из Украины, Белоруссии и РСФСР. К 1943 г. на территории республики располагалось уже более чем 40 таких институтов. Из них в Ташкенте было размещено 25, в Самарканде — 8, а в Ферганской области — 5 научных учреждений [4, с. 209,]

Ленинградские институты АН СССР продолжали здесь научные исследования в области истории, этнографии, языковедения и литературоведения. За время пребывания в Узбекистане ленинградские ученые собрали ценный научный материал и подготовили ряд крупных монографических трудов. В то же время они вели разностороннюю пропагандистскую работу, выступали с лекциями и докладами перед партийно-советским активом и трудящимися республики. Много было сделано ими и в области подготовки научных кадров из местных национальностей.

В Ташкенте находились такие крупные учёные страны, как академик Б. В. Струве, В. Д. Греков, члены-корреспонденты АН СССР Е. Э. Бертельс, В. Ф. Шишмарев, А. Ю. Якубовский, А. А. Михайлов и другие. Пребывание ученых Москвы, Ленинграда, Минска, Киева и других городов сыграло большую роль в дальнейшем развитии науки Узбекистана.

Пребывание институтов союзной Академии и крупнейших деятелей советской науки в Ташкенте имело огромное значение для дальнейшего развития науки в Узбекистане. Только в Ташкенте находились 375 работников АН СССР [5]. С приездом видных ученых и специалистов УзФАН стал одним из основных центров их совместной научной работы с узбекскими учеными.

Некоторые вузы были объединены с республиканскими и между собой. Московский текстильный институт, например, объединился с Ташкентским текстильным институтом, Московский гидромелиоративный и Харьковский институт механизации сельского хозяйства — с Ташкентским институтом инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, Ленинградская консерватория — с Ташкентской. Эвакуированные вузы, несмотря на огромные трудности, сумели в кратчайшие сроки наладить учебный процесс. Им были предоставлены помещения для учебы и общежития, лабораторная база, библиотечные фонды. [6]

В годы войны в Узбекистан были эвакуированы такие крупные учёные и писатели, как Н. Вирта, С. Городецкий, В. Гусев, В. Державин, А. Дейч, К. Зелинский, Я. Колос, Б. Лавренёв, В. Луговской, Н. Погодин, А. Толстой, И. Сельвинский, И. Уткин, К. Чуковский, Е. Э. Бертельс, В. Ж. Жирмунский, Д. Д. Благой, М. А. Цявловский и другие, которые оказали большое влияние на идейный, политический и художественный рост узбекской литературы [7, с. 384].

Основная часть писателей была направлена в Ташкент-это А. А. Ахматова, К. И. Чуковский, его дочь Л. К. Чуковская, А. Н. Толстой, Вс.Вяч.Иванов, Ф. Г. Раневская, Н. Я. Мандельштам, Е. С. Булгакова, Н. Ф. Погодин, М. И. Белкина, Э. Г. Бабаев. Также туда эвакуировался сын М. И. Цветаевой — Г. С. Эфрон, который оставил нам большое количество записей в дневнике о жизни в Ташкенте [8, с. 63].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Из письма Александра Александровича Фадеева, писателя и секретаря СП СССР в ЦК ВКП (б) товарищу И. В. Сталину, товарищу А. А. Андрееву, товарищу А. С. Щербакову, 13 декабря 1941г, мы узнаём, что А. А. Фадеев имел персональную директиву от и комиссии по эвакуации вывезти писателей, «имеющих какую-либо литературную ценность». Там же мы узнаём, что список этих писателей был составлен работником ЦК совместно с А. А. Фадеевым. Он писал, что список «был достаточно широк — 120 человек, а вместе с членами семей из них — около 200 человек. Из этого письма мы узнаём, что все писатели и их семьи, не только по этому списку, а со значительным превышением («271 человек») были лично А. А. Фадеевым посажены в поезда и «отправлены из Москвы в течение 14 и 15 октября...». [9, с. 108].

Русские учёные, приехавшие в Узбекистан, внесли значительный вклад в изучение наследия узбекской классической литературы, исследование и пропаганду узбекского фольклора и произведений узбекских писателей. В свою очередь жизнь узбекского народа, его героический труд, его культура и литература нашли отражение в произведениях представителей братских республик.

В годы войны были изданы на русский язык сборник стихов Г. Гуляма «Иду с Востока», «Верность» Зульфийи, «Сааз» Шейхзаде, «Твои стихи» Уйгуна, «Лирика» Бабура, поэмы «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин» Алишера Навои, стихотворения Мукими, Фурката, народные эпосы «Алпамыш», «Кер Оглы», произведения узбекских народных сказителей. Был издан в русском переводе «Альманах узбекских поэтов и писателей». Совместно с Николаем Погодиным группа узбекских поэтов (Хамид Алимджан, Уйгун, Сабир Абдулла) работала над музыкальной драмой «Меч Узбекистана»; вместе с Файтом узбекские писатели создали пьесу о М. В. Фрунзе; Тимур Фаттах и Волькенштейн работали над пьесой «Алпамыш». Переводом произведений узбекской литературы на русский занимались В. Державин, В. Луговской, В. Кочетов, Н. Ушаков, Светлана Сомова и другие. [10, с. 120]

По инициативе русских писателей-переводчиков изданы сборник «Поэты Узбекистана» в 1942 году, «Поэты Узбекистана фронту» в 1944 году и другие. Результатом сотрудничества писателей Узбекистана и других братских народов явились «Ташкентский альманах» и «Мы победим!» в 1942 году, «Дар» в 1944 году и «Литературный Ташкент» в 1945 году. [11, с. 384-385]

Творческое содружество узбекских композиторов с виднейшими композиторами и музыкальными деятелями Советского Союза – ещё один прекрасный пример плодотворного сотрудничества деятелей братских культур народов СССР.

Самое деятельное участие в развитии узбекской музыкальной культуры приняли крупнейшие советские композиторы Р. Глиэр, Н. Митрохин, С. Василенко, В. Успенский, М. Штейнберг, А. Козловский, а также находившиеся в республике в годы войны виднейшие музыковеды и исполнители Москвы, Ленинграда и других городов.

За годы войны было создано немало популярных песен на тексты узбекских советских поэтов – Хаида Алимджана, Чусты, Сабира Абдуллы, Миртемира, Даврона, имура Фаттаха, М. Шейхзаде и других, а также на тексты русских поэтов, посвятивших свои произведения Узбекистану. Композиторы Ташкента, Москвы, Ленинграда и других городов вводили в оборонно-

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

патриотические песни узбекские национальные музыкальные темы, что ярко проявилось в песнях «Великий Сардар» и «Отлыклар кошуги» Чишко, «В бой узбекистанцы!» и «Узбекская кавалерийская» Шварца, «Москва» Абрамского (совместно с Мухамедалиевым), «Жонажон Москва» Штейнберга (совместно с Т. Джалиловым), «Адолатли юриш» Козловского, «Узбекистан» Успенского, «Песня про наводчика Ибрагимова» и «Рустам» Мушеля и др. [12, с. 121]

Был создан и ряд оперных произведений героического содержания. В 1942 году на сцене оперных театров Ташкента состоялись премьеры опер «Суворов» С. Василенко, «Улугбек» А. Козловского, «Ледовое побоище» Г. Таранова. [13, с. 122]

Значительным вкладом в развитие симфонического жанра явились «Пятая симфония-рапсодия» на народные узбекские темы композитора М. О. Штейнберга (в ней использованы мелодии композиторов-мелодистов К. Джаббарова, С. Каланова) и героическая симфония М. Ашрафи. [14, с. 33]

Эвакуированная сюда, в 1941-1945 учебном году Ленинградская консерватория оказала значительную помощь в развитии узбекского музыкального национального искусства. За большую творческую и музыкально-общественную работу во время пребывания в Узбекистане консерватория награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УзССР. Правительство Узбекистана достойно оценив помощь ленинградцев, присвоило звание Народного артиста УзССР – М. О. Штейнбергу; Заслуженный деятель искусств УзССР – Х. С. Кушнареву, О. Чишко, Б. Арапову, И. Мусину, М. Семёнову. [15, с. 436]

Эвакуированные в годы войны деятели искусства оказали большое влияние на развитие театрального творчества. Из 36 функционировавших в республике театров 14 были эвакуированы. Например, Московский государственный еврейский театр, Харьковский государственный театр им. Шевченко, Московский театр революции, театр им. Маяковского и другие. [16, с. 120]

В содружестве с мастерами эвакуированных театров Москвы и Украины деятели узбекского искусства создали ряд патриотических спектаклей о героизме народа против фашизма: «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа, «Фронт» В. Соловьёва, «смерть оккупантам» К. Яшена, «Полёт орла» И. Султана, «Олеко Дундич» Ржевского и Каца и другие. [17, с. 445]

Примечательным явлением в театральной жизни стала постановка пьес узбекских авторов коллективами московских и украинских театров: «Полет орла» И. Султанова, «Хамза» К. Яшена и А. Умари, «Муканна» Х. Алимджана шли с большим успехом в Узбекистане, а затем в Москве, Киеве, Донбассе. [18, с. 33]

В Ташкент был эвакуирован ГОСЕТ во главе с С.М. Михоэлсом, ГОСЕТы из Киева, Харькова, Одессы и Львова, киностудии, где работали режиссеры М.И. Ромм, И. Хейфиц, А. Г. Зархи, Л. Трауберг, Гр.М. Козинцев, а также еврейские театральные ансамбли под руководством Сиди Таль (Биркенталь), Клары Юнг, и Анны Гузик [19, с. 334].

Среди эвакуированных были и представители художественной интеллигенции. В частности, в Самарканд были эвакуированы 391 художник, ученые-искусствоведы и студенты Академии художеств: В. Павловский, С. Абугов, И. Бродский, П. Белоусов, В. Горб, М. Таранов, Н. Бакланов, А. Матвеев, Л. Овсянников, А.Д. Чегодаев, Н. Пунин, И.Э. Грабарь, В.А.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Фаворский, Д.С. Моор, С. Герасимов, И. Павлов, В. Касиян, М. Бобышов, М. Авилов и др. [20, с. 112]

В Самарканде продолжили свою деятельность эвакуированные Государственная консерватория ордена Ленина, Еврейское театральное училище, Московский государственный художественный институт, Всероссийская академия художеств (ВАХ), Центральное художественное промышленное училище [21, с. 118].

Значительно активизировала свою деятельность и ташкентская студия художественных фильмов. В Узбекистан были эвакуированы киностудии других республик. Здесь работала группа выдающихся мастеров советской кинематографии – режиссеры М. И. Ромм, Я. А. Протазанов, И. Е. Хейфиц, Н. А. Зархи, Л. Д. Луков, Г. М. Козинцев, Л. З. Трауберг и другие. [22, с. 122]

В творческом содружестве с эвакуированными в Ташкент Одесской киностудией и съемочными группами Москвы, Ленинграда, Киева были поставлены кинофильмы: «Александр Пархоменко» (1942 г.), «Два бойца» (1943 г.) Л. Лукова, «Человек № 217» (1943 г.) М. Ромма, «Его зовут Сухэ-Батор» (1942 г., режиссеры И. Е. Хейфиц и А. Г. Зархи, с участием узбекского актера Б. Хайдарова), «Насриддин в Бухаре» (1943 г.) режиссера Я. А. Протазанова. К. Ярматовым были созданы фильмы-концерты «Мы победим» (1941 г.), «Друзья на фронте» (1942 г.), «Подарок Родины» (1943 г.). Большим достижением киноискусства Узбекистана стал фильм «Тахир и Зухра» (1945 г., режиссер Н. Ганиев). [23, с.33].

Создание этих и других фильмов стало большой школой для национальных кадров Ташкентской студии.

В годы войны в Узбекистане работали И. Грабарь, С. Герасимов, Д. Моор, В. Фаворский и другие большие мастера советского изобразительного искусства, видные искусствоведы. Это плодотворно повлияло на развитие узбекского изобразительного искусства.

В этот период были написаны картины О. Тавотевосяна «Кавалерийская атака» и «Советский воин в плен не сдаётся», У. Тансыкбаева «Внезапный удар» и серия полотен «По дорогам войны», Н. Кашиной «Клятва бойца», П. Гана «Белорусские партизаны», З. Ковалевской «Возвращайся с победой» и «В гостях у раненых», полотно Л. Абдуллаева «Агитатор на канале», портреты А. Волкова и многие другие. [24, с. 416].

Помимо этого, в Ташкент были эвакуированы сотрудники знаменитой Пулковской астрономической обсерватории. [25, с. 250].

А в августе 1942 г. в Узбекистан прибыло 5100 учащихся музыкальных училищ Краснодарского края. Из них 2800 были размещены в Ташкенте, 600 – в Самарканде, 500 – в Андижане, 500 – в Коканде, 400 – в Беговате (Бекабаде), 300 – в Янгиюле. [26, с. 266].

Таким образом, в процессе совместной творческой работы писателей и работников искусства Узбекистана и эвакуированной сюда творческой и научной интеллигенции быстрыми темпами развивалась наука, было множество открытий. Эвакуированные учёные внесли весомый вклад в развитие образования, культуры и искусства.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Список литературы

1. Узбекистан в годы войны // <https://mytashkent.uz/2018/09/23/uz-at-war/>. Дата обращения 06.03.2020.
2. Республика Узбекистан. В Узбекистане в первые месяцы войны было подано более 32 тысяч заявлений о добровольном призыве в РККА. https://iacis.ru/mainevents/god_veteranov_uzbekistan/. Дата обращения 15.03.2020.
3. Буриева Х.А. Документы Фонда № 314 Центрального Государственного Архива Республики Узбекистан как источник по изучению проблемы эвакуации населения в годы II Мировой Войны // История. Память. Люди: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 16 сентября 2016 г.). – Алматы, 2017. С. 235-236; -588 с.
4. Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) в 3-х томах. – Т., Фан, 1961. т. 1, С. 209; -407с.
5. Узбекистан в годы войны // <https://mytashkent.uz/2018/09/23/uz-at-war/>. Дата обращения 06.03.2020.
6. Там же.
7. Узбекская Советская Социалистическая республика. Энциклопедия в одном томе. Главный редактор – академик АН УзССР К. А. Зуфаров. Главная редакция УзСЭ, – Т., 1981. С. 384; -510 с.
8. Саипова К. Д. Толерантность узбекского народа к эвакуированным и депортированным народам в годы войны с фашизмом. – Т., «TURON-IQBOL», 2018. С. 63; -120 с.
9. Александр Фадеев. Письма и документы из фондов Российского Государственного Архива литературы и искусства. – М., 2001. С. 108; -358 с.
10. История Узбекской ССР. В 4-х томах. Отв. ред. Р. Х. Аминова и др. Т. 4. (1937-1965 гг.). – Т., «Фан», 1968. С. 120; -640 с.
11. Узбекская Советская Социалистическая республика. Энциклопедия в одном томе. Главный редактор – академик АН УзССР К. А. Зуфаров. Главная редакция УзСЭ, – Т., 1981. С. 384-385; -510 с.
12. История Узбекской ССР. В 4-х томах. Отв. ред. Р. Х. Аминова и др. Т. 4. (1937-1965 гг.). – Т., «Фан», 1968. С. 121; -640 с.
13. Там же. С. 122.
14. Гольянова Т.В. Работники искусства Узбекистана в годы войны. //Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 05. – Т., «Фан», 1985. С. 30-37. -61 с.
15. Узбекская Советская Социалистическая республика. Энциклопедия в одном томе. Главный редактор – академик АН УзССР К. А. Зуфаров. Главная редакция УзСЭ, – Т., 1981. С. 436. -510 с.
16. История Узбекской ССР. В 4-х томах. Отв. ред. Р. Х. Аминова и др. Т. 4. (1937-1965 гг.). – Т., «Фан», 1968. С. 120. -640 с.
17. Узбекская Советская Социалистическая республика. Энциклопедия в одном томе. Главный редактор – академик АН УзССР К. А. Зуфаров. Главная редакция УзСЭ, – Т., 1981. С. 445. -510 с.
18. Гольянова Т. В. Работники искусства Узбекистана в годы войны // Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 05. – Т., «Фан», 1985. С. 30-37. -61 с.
19. Иофе В.Г. Ильина (Стильке) А.О. Спасение от холокоста: евреи из Польши и восточноевропейских республик ССР в Ташкенте в документах местных архивов // История. Память. Люди: материалы VIII Международной научно-

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

практической конференции (г. Алматы, 16 сентября 2016 г.). – Алматы, 2017. С. 334; -588 с.

20. Тухтаева М.С. Повседневная жизнь эвакуированных художников Москвы и Ленинграда в Узбекистане в 1941-1943 гг. // История. Память. Люди: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 16 сентября 2016 г.). – Алматы, 2017. С. 112; -588 с.

21. Тухтаева М.С. Творческая жизнь художественной интеллигенции Ленинграда и Москвы в эвакуации в Узбекистане (1941-1943 гг.) // История. Память. Люди: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 16 сентября 2016 г.). – Алматы, 2017. С. 118; -588 с.

22. История Узбекской ССР. В 4-х томах. Отв. ред. Р. Х. Аминова и др. Т. 4. (1937-1965 гг.). – Т., «Фан», 1968. С. 122. -622 с.

23. Гольянова Т. В. Работники искусства Узбекистана в годы войны // Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 05. – Т., «Фан», 1985. С. 30-37. -61 с.

24. Узбекская Советская Социалистическая республика. Энциклопедия в одном томе. Главный редактор – академик АН УзССР К. А. Зуфаров. Главная редакция УзСЭ, – Т., 1981. С. 416.-510 с.

25. Иофе В.Г., Петровская В.А. Из истории эвакуации в Узбекистан. (Некоторые страницы истории и отражение на полках архивов и на экранах кино...) // История. Память. Люди: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 16 сентября 2016 г.). – Алматы, 2017. С. 250; -588 с.

26. Иофе В.Г. Ведерникова Г.С. Из истории эвакуации в Узбекистан // История. Память. Люди: материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. С. 266; -594 с.

Ishankhodjaeva Z.R.

—CONTRIBUTION OF UZBEKISTAN IN THE VICTORY OF OVER FASCISM IN THE SECOND WORLD WAR: ISSUES OF HISTORICAL MEMORY—

ISHANKHODJAEVA Zamira R. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

e-mail: zamira.i@rambler.ru

Abstract. The article explores the participation of Uzbekistan in the Second World War. The analysis of the final results of human losses, as well as those awarded with various orders and medals for heroism on the battlefields, is made. An important place in the article is devoted to the study of evacuation issues in Uzbekistan. The problems of organizing the process of accepting evacuated by the newly formed Office for the Evacuation of Population at the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR are considered. During the war years, more than a million representatives of various nationalities arrived in Uzbekistan, including more than 200 thousand children from various regions of the Soviet Union. Among them are scientists, teachers, actors, representatives of the artistic intelligentsia, as well as scientific and educational institutions. The research institutes of the USSR Academy of Sciences were evacuated to Tashkent: Oriental studies, history, world literature, the history of material culture and

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

others; in a short time, 22 research institutes, 16 higher educational institutions, 2 libraries relocated from Ukraine and Belarus were located in the republic and the RSFSR. By 1943, more than 40 such institutes were located in the republic, of which 25 were located in Tashkent, 8 in Samarkand, and 5 scientific institutions in the Ferghana region. In the process of joint activities of the scientific and creative intelligentsia evacuated to Uzbekistan, science developed rapidly, there were many discoveries. The evacuated scientists and artists made a huge contribution to the development of education, science, culture and art.

Keywords: war, evacuation, Tashkent, scientists, teachers the science, education, cultural heritage, Victory.

УДК 947. 084. 8

Кашеваров А.Н.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ОКУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР В 1941 – 1944 гг.

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: kashevar12@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы предлагаемой статьи в значительной степени связана с тем, некоторые авторы пытаются представить в положительном свете церковную политику немецких оккупантов, прежде всего их военной администрации, благожелательно относившейся к открытию храмов и, тем самым, поставить под сомнение правильность позиции Московской Патриархии в военный период. Анализ религиозной ситуации на временно оккупированной территории позволяет сделать следующие выводы: во-первых, о массовом обращении к религии за утешением в связи с постигшим людей несчастьем, переживаниями, которые принесли им война и фашистская оккупация; во-вторых, о сплочении значительной части населения оккупированных областей округ приходских храмов; в-третьих, о росте влияния Церкви как поборницы патриотизма. Всего за три года оккупации в условиях голода, разрухи, весьма скудных материальных возможностей на занятой врагом территории было восстановлено 9400 храмов, то есть более 40% от дореволюционного количества церквей. Кроме того, было воссоздано около 60 монастырей, в основном на Украине. Ряд зарубежных историков, оценивая размах и интенсивность этого религиозного возрождения, называют его даже «вторым крещением Руси». В этом, безусловно, есть доля преувеличения. Однако в любом случае оно вместе с патриотическим служением Русской Православной Церкви оказало заметное влияние на изменение религиозной политики советского руководства в годы войны. Таким образом, расчеты нацистов использовать в своих целях религиозный фактор на оккупированных областях СССР в целом не оправдались.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, православное духовенство, верующие, немецкие оккупанты, религиозная политика на оккупированной территории.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С 1990-х годов комплекс проблем, связанных с положением и деятельностью Православной церкви на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны, стал предметом специального интенсивного и изучения отечественных исследователей [1,2,3,4,5,6]. Это обстоятельство несколько не умаляет актуальности этой темы и в наши дни, поскольку некоторые авторы пытаются представить в положительном свете церковную политику немецких оккупантов, прежде всего их военной администрации, первоначально благожелательно относившейся к открытию храмов и, тем самым, поставить под сомнение правильность патриотической позиции Московской Патриархии в военный период. Например, такую попытку предпринял профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей Г. Митрофанов [7].

Известно, что значительная часть СССР была оккупирована фашистскими войсками в первые же месяцы Великой Отечественной войны. Религиозная жизнь на ней весьма отличалась от жизни на советской территории. Чтобы яснее представлять ее, следует учитывать положение в религиозной сфере, сложившееся накануне войны.

Истинную ситуацию в стране в предвоенный период показали переписи населения СССР 1937 г. По итогам этой переписи, включавшей вопрос об отношении к религии, из 97 521 тыс. ответивших на него – 55 278 тыс., т.е. 56,7% заявили о своей вере в Бога. Таким образом, верующих было больше половины населения [8, с. 106 - 107]. Однако, в результате развернувшегося с конца 1920-х гг. широкого и беспощадного антирелигиозного наступления многие районы страны к лету 1941 г. оказались вообще без функционирующих храмов. Например, в 25 областях РСФСР не имелось ни одной действующей православной церкви [9, с. 144]. Важно подчеркнуть, что такое неестественное положение поддерживалось в основном репрессивными мерами. Как следствие, в оккупированных областях сразу же началось стихийное церковное возрождение: ремонтировались, открывались и освящались уцелевшие храмы, а там, где они были разрушены, устраивались молитвенные дома. Верующие сносили туда сохранившиеся иконы и всякую церковную утварь [10, с. 182]. По воспоминаниям протоиерея А. Ионова, автора «Записки миссионера о жизни в советской России, здесь «религиозное побуждение было общим, массовым и стихийным». В связи с этим он подчеркивал, что «народ, как в городах, так и в сельской местности сам шел на открытие храмов, на их ремонт и украшение» [11, с. 35]. Так, в Ростовской области, где до войны была всего одна церковь, стало 243 действующих храмов, в Брянске было открыто 12 церквей, в Борисове – 21, в Вязьме – 8 и т.д. За годы войны на подвергшейся немецкой оккупации территории было открыто 7547 храмов и около 40 монастырей [12, с. 45]. Итак, можно говорить о явлении, которое немцы не создавали, но, относясь к нему в целом терпимо, в тоже время пытались использовать для принятия населением нацистской политики. Английский корреспондент газеты «Санди таймс» и радиокompании BBC (Би-би-си) А. Верг, находившийся в СССР с июля 1941 по 1946 год, а потом по собственным впечатлениям написавший, по его словам, «человеческую историю», отмечал, что «в какой-то мере немцы поддерживали церковь – в этом заключался один из элементов их антикоммунистической политики. Но в действительности именно церкви неофициально создали кружки взаимной помощи, чтобы помогать самым бедным и оказывать поддержку военнопленным. Церкви стали центрами «русизма» вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в центры

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

антисоветской пропаганды» [13, с. 501 - 502]. Приводя в своей книге факты, подтверждавшие такой вывод, А. Верт, в частности, писал, что «церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания» [13, 501].

Для значительной части населения оккупированных областей Православная церковь выступала хранительницей национальных традиций. Этому способствовало то обстоятельство, что в своей патриотической деятельности Русская Православная Церковь особое внимание уделяла работе с верующими этих территорий. В январе 1942 г. Патриарший Местоблюститель Сергей в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они – русские, и сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины. Одновременно Сергей призывал содействовать партизанскому движению, поскольку «всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению от фашистского плена» [14, с. 7].

Многие священнослужители и по указанию Московской Патриархии, и по собственному желанию распространяли патриотические взгляды и настроения, по-своему поддерживали людей в несчастьях, стремились вселить в них мужество и надежду на неизбежное поражение захватчиков. Участник партизанского движения в Ленинградской области А. Г. Голицын в письме митрополиту Алексию от 1 мая 1944 г. сообщал, что «Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим в борьбе против фашизма. Этот листок среди населения, как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого он будет обнаружен» [15, с. 296]. Известны многочисленные случаи, когда в оккупированных врагами городах и селах священнослужители произносили проповеди с призывами сопротивляться нашествию, поддерживать партизан. Некоторые организовывали сборы средств в пользу Красной армии и служили молебны о даровании ей победы [16, с. 215]. Все это в совокупности усиливало популярность Церкви среди населения.

Важным направлением патриотического служения духовенства являлась поддержка им и участие в партизанском движении. На оккупированной территории священнослужители нередко являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами. Они укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию среди населения, сами вступали в ряды партизанских отрядов. Десятки священников были награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

Особенно многочисленны примеры участия священнослужителей в антифашистской борьбе на оккупированной территории в «партизанской республике» - Белоруссии. Так, «партизанским попом» прозвали в годы войны настоятеля Успенской церкви Дрогиничского района Гомельской области Василия Копычко. За свою патриотическую деятельность он был награжден, как и многие другие священнослужители, медалью «Партизану Великой Отечественной войны». Священник Александр Романушко из Полесья с 1942 г. по лето 1944 г. лично участвовал в боевых операциях, ходил в разведку. В 1943 г. он при отпевании полицая при большом скоплении народа и в присутствии вооруженной

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

охраны прямо на кладбище сказал, что «во гробе предлежащий» является изменником Родины и убийцей невинных детей и стариков. Затем, обратившись к полицаям, он просил их искупить свою вину, направив оружие против оккупантов. Эти слова произвели на присутствовавших людей очень сильное впечатление, и прямо с кладбища многие ушли в партизанский отряд. Из его письма, посланного митрополиту Алексию (Симанскому) осенью 1944 г., известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось более чем в половину в связи с расстрелами многих из них фашистами за содействие партизанам. [17, с. 43; 18, с. 37].

Можно привести множество подобных примеров. Примечательно, что в советском кинофильме «Секретарь райкома», выпущенном в годы войны, партизанам помогает священник, а в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества.

Очевидно, что не все священнослужители, оказавшиеся на захваченной врагом территории, вели патриотическую работу. Некоторым священнослужителям казалось, что одного их иерейского служения в церквях достаточно, чтобы принести пользу населению, страдающему от тягот войны. Но были и такие, которые устраивали торжественные богослужения в «юбилейные» дни захвата немцами советских городов, молились за Гитлера и т.п. [15, с. 294]. Однако, не эти люди отражали позицию большинства служителей РПЦ.

Планируя нападение на СССР, руководство нацистской Германии рассчитывало использовать религиозный фактор в своих целях. Они уже имели богатый опыт проведения подобной политики, как в Германии, так и на захваченных ими территориях в Европе. В системе Главного управления имперской безопасности (СД) имелся специальный «церковный» отдел. В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и активных прихожан, внедрение агентуры в церковно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей. Практически во всех странах Европы действовала разветвленная агентурная сеть этого управления. При этом основной линией в решении «религиозного вопроса» была ориентация на разрушение сложившихся традиционных устойчивых церковных структур, дробление («атомизация») различных конфессий и Церквей, установление полного над ними контроля [19, с. 71].

Такая практика была перенесена и на религиозные организации в СССР. Кроме того, нацистская церковная политика здесь в значительной степени определялась общим отношением руководства III рейха к славянам и, в частности, к русским, которые считались низшей расой и рассматривались как будущие рабы. В конце июля 1941 г. идеолога нацистской партии А. Розенберга, враждебно настроенного к христианству и считавшего православие лишь «красочным этнографическим ритуалом» назначили министром оккупированных территорий СССР. Однако первые циркуляры, касающиеся религиозной политики в оккупированных областях СССР, были составлены не в его министерстве, а в Главном управлении имперской безопасности - 16 августа и 31 октября 1941 г.

В первом из этих документов ставились три основные задачи: поддержка религиозного движения как враждебного большевизму, дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

организаций для помощи немецкой администрации на оккупированной территории. Примечательно, что в директиве от 31 октября уже проявлялась озабоченность массовым всплеском религиозности и впервые указаны долгосрочные цели религиозной политики гитлеровской Германии в отношении православия – в случае победы его стали бы уничтожать, насаждая «новую религию», лишённую основных христианских догматов. В этом документе подчеркивалось, что в нем содержатся личные указания Гитлера [19, с. 157 - 158, 165 – 166].

Следует отметить, что Гитлер считал религиозные проблемы одними из важнейших в деле «управления покоренными народами» и неоднократно в кругу приближенных излагал свое видение религиозной политики на оккупированной территории СССР: насильственное дробление церквей, запрещение «устройства единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий», принудительное изменение характера верований населения оккупированных районов. В связи с этим Гитлер подчеркивал, что интересам третьего рейха «соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы» [19, с. 172].

Эта точка зрения Гитлера нашла отражение в директиве Розенберга от 13 мая 1942 г. рейхскомиссарам «Остланда» и «Украины», в которой ставилась задача поставить все религиозные организации под постоянный контроль, а также принять необходимые меры для ограничения их деятельности. Особая предосторожность рекомендовалась в отношении Русской Православной Церкви как носительницы враждебной Германии русской национальной идеи. Последний пункт сходил с позицией рейхсфюрера СС Гимmlера, отмечавшего в одном из писем Розенбергу опасность, исходящую от Православной Церкви, которая сплачивает русских «национально». Поэтому, как полагал Гимmlер, ее необходимо дезорганизовать, а в перспективе и вообще ликвидировать [19, с. 173].

Поначалу оккупационные власти уделяли большое внимание использованию религиозной темы в своей идеологической работе. В прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Священнослужителям предписывалось в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства Гитлеру и третьему рейху. Духовенство заставляли участвовать в «праздновании» годовщины начала войны и тому подобных дат. Активно распространялась соответствующая литература, например, листовка-молитва за здоровье Адольфа Гитлера его победу над всеми врагами [20, с. 143]. Немецкие власти нередко не только пытались определять содержание проповедей, но и вмешивались в богослужебный порядок. Так, немецкие администраторы в некоторых местах безуспешно пытались ввести новый (григорианский) стиль вместо используемого в Православной Церкви юлианского календаря. Это неожиданное требование не могло не вызвать среди верующих взрыв негодования. Они справедливо отмечали, что «такое насилие над Церковью не совершали даже большевики» [19, с. 182].

Расчеты на поддержку «нового порядка» со стороны всячески ограничиваемых и притесняемых в СССР религиозных организаций были одним из изначальных стереотипов идеологии оккупации. Поэтому идеологи третьего

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

рейха неоднократно выражали удивление тому, какое значительное место заняла Московская Патриархия в патриотическом движении в СССР. С 1943 г. в германских официальных документах уже ясно выразилось сомнение в правильности ряда аспектов выбранного курса церковной политики. Если в 1941 – 1942 гг. отдельные представители германской администрации и офицеры вермахта не только терпимо относились, но даже помогали открытию храмов, то в 1943 – 1944 гг. подобное уже исключалось. Была полностью запрещена любая поддержка со стороны вермахта или германской администрации в открытии церквей, а также участие военного персонала в богослужениях в этих храмах [19, с. 266 - 269].

Действия гитлеровцев перед отступлением из оккупированных областей – массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до снятия колоколов, депортация и убийства священников окончательно разоблачили их как врагов православия.

Итак, религиозная политика нацистов в оккупированных частях СССР допускала возрождение местной церковной жизни, но предупреждала против создания общенациональных, а тем более межнациональных церковных административных структур. Одна из основных задач такой политики заключалась в стремлении использовать религиозный фактор для разобщения народов СССР. В Прибалтике фашисты рассматривали православие как «русскую религию» и планировали всех православных переселить в район южнее и восточнее Ленинграда, присоединив к ним упорствующих в православии эстонцев и латышей. Поэтому нацисты не поддержали попыток митрополитов: Рижского латыша Августина (Петерсона) и Таллинского эстонца Александра (Паулуса) возглавить местные территориальные Церкви снова под юрисдикцией Вселенского (Константинопольского) патриарха. Возрождению независимых от Московской Патриархии церковных структур латышей и эстонцев сопротивлялся и экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский). Он сознательно остался на оккупированной территории. Митрополит убеждал оккупационные власти не упразднить экзархат Московской Патриархии в Прибалтике, так как его существование, дескать, убедив народ в невмешательстве немцев в церковные дела, выставит немецкую религиозную политику перед верующими выгодной противоположностью богоборческому курсу сталинского руководств. По мнению некоторых исследователей, такая позиция имел целью подготовить почву Местоблюстителю и Московскому церковному управлению на случай, если немцы победят или, по крайней мере, захватят Москву, чтобы сохранить эту администрацию и епископат в новых условиях, а также предотвратить хаос в Церкви [21, с. 53 - 55].

Главным в деятельности митрополита Сергея Воскресенского в годы войны стала организация миссионерской работы на северо-западе России. В августе 1941 г. с разрешения германской администрации в Пскове было создано управление миссии [21, с. 55]. Поскольку Псковская миссия создавалась под эгидой оккупационных властей, ее священство вольно или невольно должно было реагировать на распоряжения германского командования. В связи с этим следует особо отметить, что в ряде публикаций журнала «Православный христианин», издававшегося миссией в 1942 – 1944 г., религиозное возрождение на оккупированной территории описывалось как «результат освобождения от большевистского ига», а сами оккупанты выступали в роли «освободителей».

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Журнал неоднократно печатал антикоммунистические призывы с сильной русской национальной окраской, которые немцы использовали в своих пропагандистских целях. Например: «Чтобы жила свободная Россия, большевизм надо уничтожить. Только тогда будет свободна и Церковь. Сознательно отчетливо, что место наше в рядах борцов за новую свободную счастливую Россию, в рядах Русской освободительной армии (генерала Власова – А.К.). Господи, спаси и сохрани Россию» [19, с. 365]. С другой стороны, действия ее священнослужителей стремились контролировать партизаны, чтобы в проповедях миссионеров не было каких-либо выступлений против советской власти. Сам экзарх Прибалтики старался вести очень осторожную политику. Ему долгое время удавалось лавировать в отношениях с германскими властями. Широко известна его фраза по поводу последних: «Не таких обманывали! С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно» [22, с. 133]. В то же время он всячески подчеркивал свою верность Московской Патриархии. В руководстве Патриархии политика Сергия (Воскресенского) не нашла сочувствия и поддержки, хотя, в отличие от других архиереев, сотрудничавших с немцами, его и не лишили священного сана.

В Белоруссии германским властям пришлось признать провал своей политики сепаратизма в церковной области. Чтобы усилить влияние сепаратистских элементов в церковной среде, фашисты привезли белорусских националистов из Польши и Чехословакии. Однако и после этой акции в сводках Главного управления имперской безопасности признавалось, что Белорусская Церковь стала центром великорусского по своим настроениям духовенства, священников-сепаратистов не существует, а епископы во главе с митрополитом Пантелеймоном (Рожновским) не хотят проводить белоруссизацию Церкви. Например, они отказываются проповедовать на белорусском языке на том основании, что языком городского населения является русский [20, с. 172; 23, с. 210;]. Вопреки предписаниям А. Розенберга рейхскомиссару «Отстланда» Х. Лозе о том, что Русская Церковь не должна распространять свое влияние на православных белорусов, немецким оккупантам фактически не удалось осуществить введение автокефалии (независимости) в Православной Церкви Белоруссии.

В отличие от Белоруссии, где германские власти всячески поддерживали слабо развитый национализм, на Украине они были обеспокоены активной деятельностью выходцев из Галиции. Стремясь ослабить русское влияние, фашисты использовали украинский национализм, но в то же время опасались его, не имея возможности полностью контролировать. Поэтому оккупанты допустили создание на Украине двух параллельных иерархий. Одна, за которой пошла большинство верующих и духовенства, все возрождающиеся монастыри, была так называемая автономная Православная Церковь Украины во главе с Алексием (Громадским). На Соборе в Почаевской Лавре в августе 1941 г. он был провозглашен митрополитом – экзархом Московской Патриархии. Эта автономия в составе Московского Патриархата была провозглашена во исполнение соответствующего постановления Московского Поместного Собора 1917 – 1918 гг. Другая юрисдикция была Украинской автокефальной (независимой) Церковью, во главе которой стал архиепископ Поликарп (Сикорский). Оккупационные власти поддерживали автономистов, где они были в меньшинстве, и автокефалистов там, где последние составляли меньшинство.

Украинские националисты признавали только автокефалистов и преследовали автономистов, убивая их священников и епископов. Так, ими был убит митрополит Алексий (Громадский) [21, с. 57 - 58]. Примечательно, что большая часть украинского духовенства в годы оккупации занимало патриотическую позицию. Так, в сводках Главного управления имперской безопасности отмечались связи «автономистов с советской агентурой» [20, с. 179]. Большинство же верующих стремилось к восстановлению традиционного православия и не принимало всякие нововведения, например, замену церковнославянского языка украинским, светскую одежду и короткие волосы священнослужителей-автокефалистов [20, с. 179].

Таким образом, расчеты нацистов использовать в своих целях религиозный фактор на оккупированных областях СССР в целом не оправдались. Церковная политика немцев в зонах оккупации во многом оборачивалась против них же. Православные церкви в основном становились центрами русского национального самосознания и патриотических настроений. Всего за три года оккупации в условиях разрухи, голода, весьма скудных материальных возможностей на занятой врагом территории было восстановлено 9400 храмов, то есть более 40% от дореволюционного количества церквей. Кроме того, было воссоздано около 60 монастырей [9, с. 199]. Эмигрантские историки В. Алексеев и Ф. Ставру, оценивая размах и интенсивность этого религиозного возрождения, называют его даже «вторым крещением Руси» [22, с. 94]. В этом, безусловно, есть доля преувеличения. Однако в любом случае оно вместе с патриотическим служением Русской Православной Церкви оказало заметное влияние на изменение политики советского руководства в религиозной сфере в годы войны, выразившееся в нормализации государственно-церковных отношений.

Список литературы

1. Корнилов Ф.В. Преображение России. О религиозном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941 – 1944). Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 2000. 193 с;
2. Кулик С.В., Самыловская Е.А. Участие православной духовенства в движение советского Сопротивления на оккупированной территория Северо-Запада России в 1941 – 1944 гг. //Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (244). С. 59 – 65
3. Обозный К.П. История Псковской православной миссии 1941 – 1944 гг. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2008. 607 с..
4. Одинцов М.И. Религиозные организации накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. М.: РАГС, 1995. 221 с.
5. Шкаровский М.В. Религиозная жизнь Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. СПб: Инкери, 2015. 175 с.
6. Якунин В.Н. Положение и деятельность русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. 400 с.
7. Митрофанов Г., протоиерей. Трагедия России: «запретные» темы истории России XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009. 240 с.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

8. Всесоюзная перепись населения, 1937 г.: краткие итоги. М.: Институт Истории СССР АН СССР, 1991. 238 с.
9. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече 2010. 480 с.
10. Степанов (Русак) Владимир. Свидетельство обвинения. Т.1. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993. 304 с.
11. Священник N.N. Записки миссионера о жизни в Советской России //Вестник русского студенческого христианского движения (Париж-Нью-Йорк). 1956. № 1 (40). С. 33 – 36.
12. Гордун С. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 1. С. 39 – 49.
13. Верт А. Россия в войне 1941 – 1945. М.: Прогресс, 1967. 776 с.
14. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: Московская Патриархия, 1943. 100 с.
15. В огне войны. Русская православная церковь в 1941 – 1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). (Вводная статья, подготовка текста и комментарии М.В. Шкаровского) //Русское прошлое. Кн. 5.СПб.: Logos, 1994. С. 294 – 302.
16. Лисавцев Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М.: Мысль, 1971. 278 с.
17. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927 – 1947 гг. //Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35 – 46.
18. Якунин В.Н. «Велик Бог земли Русской» //Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 37 – 41.
19. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М.: Издательство Крутицкого патриаршего подворья, 2002. 523 с.
20. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкого патриаршего подворья, 1999. 400 с.
21. Поспеловский Д.В. Из истории русского церковного зарубежья //Церковь и время. 1991. № 1. С. 19 – 64.
22. Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории //Русское возрождение. 1981. № 14. С. 118 – 154.
23. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

Kashevarov A.N.

ORTHODOX CHURCH IN the OCCUPIED TERRITORY of THE USSR in 1941-1944

KASHEVAROV Anatoli N. – Doctor of Historical Sciences, Professor, St.-Petersburg Polytechnic University Peter the Great, 195251, Russia, Saint-Petersburg, Polytechnicheskaya, 29.

e-mail: kashevar12@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic of the proposed article is largely due to the fact that some authors are trying to present in a positive light the Church policy of the German occupiers, especially their military administration, which was sympathetic to the opening of churches and, thus, to question the correctness of the position of the Moscow Patriarchate during the war period. The analysis of the religious situation in the temporarily occupied territory allows us to draw the following conclusions: first, about the mass appeal to religion for comfort in connection with the misfortune that befell people, the experiences that brought them war and fascist occupation; second, about the unity of a significant part of the population of the occupied regions and parish churches; third, about the growth of the influence of the Church as a champion of patriotism. In just three years of occupation, under conditions of famine, devastation, and very poor material resources, 9400 churches were restored on the territory occupied by the enemy, which is more than 40% of the pre-revolutionary number of churches. In addition, about 60 monasteries were recreated, mostly in Ukraine. A number of foreign historians, assessing the scope and intensity of this religious revival, even call it "the second baptism of Russia». This is certainly an exaggeration. However, in any case, it, together with the Patriotic service of the Russian Orthodox Church, had a significant impact on the change in the religious policy of the Soviet leadership during the war. Thus, the calculations of the Nazis to use the religio.

Keywords: Great Patriotic war, Orthodox clergy, believers, German occupiers, religious policy in the occupied territory.

УДК 93/94

Киличенков А.А.

СОВЕТСКАЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И РАЗВИТИЕ ТАНКОВЫХ ВООРУЖЕНИЙ В 1930-е гг.

КИЛИЧЕНКОВ Алексей Алексеевич – д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
e-mail: kilichenkov@yandex.ru

Аннотация. Обострившийся в последнее время общественный интерес к истории Великой Отечественной войны, поиск исследователями не только новых документов, но и новых подходов к изучению ключевых ее проблем закономерно привел историков к необходимости обращения к предвоенному периоду. Именно в это время шла интенсивная и широкомасштабная подготовка к войне, именно там оказались скрыты причины, как поражений начала войны, так и победы в ее конце. Важнейшей составляющей этой подготовки стало создание в СССР современных бронетанковых войск, сыгравших роль главной ударной силы в ходе Великой Отечественной войны. Решение этой задачи занимало особое место в деятельности представителей советской военно-политической элиты. В известной степени развитие танковых вооружений Красной армии несло на себе личностный отпечаток нескольких человек. Ключевыми фигурами в этом процессе оказались И.В.Сталин и М.Н.Тухачевский. В данной статье на основе комплекса архивных документов из фондов РГВА и РГАСПИ выявляется и анализируется вклад этих

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

двух представителей элиты в развитие танковых войск, создание теории танковой войны, формирование структуры новых вооружений, технические данные танков. Автор обосновывает вывод, о том, что в первой половине 1930-х гг. М.Н.Тухачевский в силу разных причин оказался, практически, единственным танковым экспертом в вопросах, как теории, так и практики применения танков. На протяжении всего периода 1930-х гг. И.В.Сталин, не имея специального образования и опыта, контролировал важнейшие аспекты создания танковых войск, одновременно вмешиваясь в решение сугубо специальных вопросов. Крупнейшей ошибкой Сталина в решении «танковых вопросов» стала недооценка значения систем управления танковыми войсками, взаимодействия танков с другими родами войск и неверное понимание роли танков в будущей войне исключительно как «ездящей артиллерии».

Ключевые слова: подготовка СССР к войне в 1930-е гг., Красная армия, танковые войска, М.Н. Тухачевский, И.В. Сталин.

Танковые войска РККА оказались в центре внимания советской военно-политической элиты в конце 1920-х гг. Не будет большим преувеличением утверждать, что, начиная с этого времени и до середины 1930-х гг. их развитие определяли два человека – М.Н.Тухачевский и И.В.Сталин. Прямым толчком к возникновению этого интереса послужила серия «военных тревог» – обострившиеся ожидания близкого начала войны со странами Запада в 1926-1927 гг. По времени это совпало с очередной фазой острой внутривластной борьбы в ВКП (б), разгромом «объединенной оппозиции», победой И.В.Сталина над своими оппонентами. Получив, практически неограниченную власть, советский лидер среди прочего столкнулся с необходимостью ответа на военную угрозу. К тому времени военные не питали иллюзий относительно готовности Красной армии к войне с современным противником. Уже летом 1926 г. начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский считал, что «ни Красная армия, ни страна к войне не готовы... мы не готовы к тому, чтобы выдержать серьезное нападение на нас осенью этого года» [1, с. 139–140.].

Главной причиной столь печального положения с обороноспособностью страны была длительная острейшая нехватка средств на развитие современных вооружений и боевую подготовку войск и, особенно, призывного контингента. Наверстать отставание от армий крупнейших держав за короткое время было невозможно – сказывались и слабость советской экономики, и низкий образовательный уровень населения, и неразвитость инфраструктуры. Но Штаб РККА нашел выход из этой ситуации. Начальник Штаба М.Н.Тухачевский предложил компенсировать отставание традиционных родов войск (пехоты и кавалерии) ускоренным созданием самых современных вооружений, в первую очередь, танков и авиации. Идеи Тухачевского разделялись и командованием Красной армии, и политическим руководством. 15 июля 1928 г. было принято постановление Политбюро ВКП (б) «О состоянии обороны СССР», где был сформулирован главный постулат, закрепивший идеи Тухачевского: «по численности – не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны, по технике – быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружений, а именно – по воздушному флоту, артиллерии и танкам» [2, с. 85.].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Впрочем, несмотря на это М.Н.Тухачевский был снят с должности начальника Штаба РККА и назначен командующим Ленинградским военным округом (ЛВО). Но оказавшись в своеобразной опале, он не потерял интереса к танкам. Более того, именно в период командования округом с мая 1928 г. по июнь 1931 г. будущий маршал занялся осмыслением теории танковой войны и разработкой тактики применения танков, приемов их совместных действий с другими родами войск. Кроме того, должность командующего войсками одного из важнейших военных округов позволяла отработать положения теории на практике в ходе учений своих войск. Можно утверждать, что именно в этот период сформировался интерес Тухачевского к танковым вооружениям.

В конце 1920-х гг. Тухачевский публикует ряд статей, где излагает свои взгляды на применение танков в современном сражении. Именно идеи Тухачевского сформировали совокупность представлений советской военно-политической элиты о роли и месте танков в будущей войне. Тухачевский был убежден, что главное предназначение танков состояло в защите атакующей пехоты от огня пулеметов противника [3, с. 60.]. И, если в этом без труда можно узнать отголоски опыта первой мировой войны, то другая его идея, безусловно, опережала свое время. Условием успеха применения танков виделось их постоянное и полное взаимодействие с другими родам войск – пехотой, конницей и артиллерией [4, с. 40.].

В 1930-1931 гг. он делает следующий шаг в развитии теории танковой войны. В ряде докладных записок, направленных наркомму К.Е.Ворошилову и И.В.Сталину, Тухачевский обосновывает необходимость создания многочисленных танковых войск, будучи уверен, что в будущей войне только массированное применение танков обеспечит успех их действий. В этих же записках командующий ЛВО обосновал не только необходимость, но и возможность создания танковой армады. Для этого он предлагал использовать не только специализированные танковые заводы, но и тракторные, и автомобильные [5, с. 148-149.].

Идеи, предложенные М.Н.Тухачевским оказались как нельзя кстати. В 1929-1931 гг. советское руководство принимает ряд решений, положивших начало процессу «танкизации» Красной армии, под которой понималось срочное создание многочисленных и современных танковых вооружений. Именно в этом следует искать причины того, что опальный полководец вновь был востребован «ко двору». Уже в январе 1931 г. он был включен в состав комиссии ВСНХ и НКВМ по танкам [6, л. 10.]. Через два месяца Тухачевский представил свои «Соображения о тактической характеристике различных типов танков и их стандартизации с авто-тракторной промышленностью» [7, л. 3-7.]. Фактически, Тухачевский, ободренный поддержкой Сталина, продолжил разработку теории танковой войны. Теперь им был сделан следующий шаг – обоснована тактика действия танков в условиях «глубокого боя».

Новая совокупность задач требовала создания новых типов танков. Тухачевский в «Соображениях...» определил тактические требования и технические характеристики шести типов танков – истребители артиллерии, танки десанта пехоты, истребители пулеметов, сопровождения пехоты, специальные танки (саперный, связи, снабжения, и проч.), радиоуправляемые танки.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Картина современного «глубокого боя» виделась Тухачевскому следующим образом. Первым удар наносили танки дальнего действия (ДД). Под прикрытием ураганного артиллерийского огня, прижимаясь к огневому валу («наседая на свой артиллерийский огонь»), они неожиданно обрушивались на противника и прорывались в его тыл с целью уничтожения артиллерии, штабов и системы связи. С помощью сопровождающих десантов пехоты эшелон ДД отрезал противнику пути отступления и не допускал подхода резервов [7, л. 3 об.].

Далее наступала очередь второго эшелона танков в сопровождении пехоты. После мощного артиллерийского удара он начинал атаку. Впереди должны были продвигаться «танки-истребители станковых пулеметов», уничтожавшие уцелевшие пулеметные точки. Третий эшелон танков, также действующий совместно с пехотой, подавлял уцелевшие огневые средства и стрелков противника.

Действия всех трех танковых эшелонов прикрывали радиоуправляемые танки-постановщики дымовых завес, саперные танки, танки связи и танки снабжения. По расчетам Тухачевского для прорыва обороны противника силами одной стрелковой дивизии в полосе шириной до 10 км требовалось до 87–130 танков различных типов [7, л. 6-6 об.].

В условиях развернувшейся «танкизации» возвращение Тухачевского в Москву выглядело вполне закономерным. В июне 1931 г. он был назначен на более высокую должность заместителя по вооружениям наркома по военным и морским делам СССР. Фактически, Тухачевский становится главным экспертом «по танковым вопросам» в высшем военно-политическом руководстве страны. Утверждению нового замнаркома в этой роли чрезвычайно поспособствовало одно трагическое обстоятельство. 12 июля 1931 г. в нелепой авиационной катастрофе самолета АНТ-9 под Наро-Фоминском погибли сразу два других советских теоретика танковой войны – зам.начальника Управления механизации и моторизации (УММ) РККА К.Б.Калиновский и зам.начальника Штаба РККА В.К.Триандафиллов. К тому времени оба успели опубликовать несколько работ о применении танков в современной войне, и во многом, их взгляды совпадали с идеями Тухачевского. Наиболее значимой из них была работа В.К.Триандафиллова «Характер операций современных армий» (1929 г.), где впервые была раскрыта и обоснована роль танков в наступательной операции, как при прорыве обороны противника, так и ходе действий в ее глубине [8, с. 31, 209.]. Но трагическая гибель обоих военачальников, фактически, сделала Тухачевского единственным теоретиком танковой войны в тот период.

По своей должности на эту роль скорее мог претендовать И.А.Халепский, занимавший с ноября 1929 г. пост начальника УММ Красной армии. Но Иннокентий Андреевич оказался, скорее, практиком нежели теоретиком, сосредоточившись на решении вопросов создания нового рода войск Красной армии. В этом отношении очень показательна его реакция на упомянутые «Соображения о тактической характеристике различных типов танков», направленных ему Тухачевским, тогда еще исполнявшим обязанности комвойсками ЛВО. По сути, этот был своеобразный вызов Халепскому, которому по его же должностным обязанностям надлежало решать подобные вопросы. Но вместо изложения своих собственных взглядов, подкрепленных опытом работы вверенного ему УММ, Халепский тогда же в марте 1931 г. затребовал мнение начальника автобронетанковых войск (АБТВ) ЛВО В.С. Коханского. Когда же тот

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

поддержал предложения своего командующего, начальник УММ перепоручил этот вопрос своему заместителю К.Б.Калиновскому [7, л. 10.].

И.А.Халепский, вне всяких сомнений, сыграл выдающуюся роль в создании современных танковых войск, по сути, став «Panzer Father'ом» Красной армии. Среди его признанных заслуг – закупка за рубежом в 1930 г. образцов современной танковой техники, позволившая получить прототипы самых массовых советских танков межвоенного периода – Т-26 и БТ, создание структуры советских бронетанковых войск и системы их управления. Благодаря И.А.Халепскому уже в середине 1930-х гг. СССР обладал самыми многочисленными и самыми мощными танковыми силами.

М.Н.Тухачевский же продолжал укрепляться в своей роли главного танкового специалиста в высшем руководстве РККА. И причиной тому на тот момент была не только поддержка Сталина, но и нежелание других военачальников РККА заниматься новым для них делом. Об этом весьма красноречиво свидетельствуют сохранившиеся материалы совещаний руководителей Красной армии. Примером тому служит стенограмма расширенного заседания РВСС в 1931 г., на котором обсуждались вопросы танкизации Красной армии. Ни один из командующих военными округами – И.Э. Якир (УВО), А.И. Корк (ЛВО), И.П. Уборевич (БВО), М.К. Левандовский (СибВО), В.К. Блюхер (ОКДВА) – не считал необходимым содержательно высказаться по этому важнейшему вопросу [9, л. 269-335, 390-431, 452-453.]. М.Н.Тухачевский был единственным, кто затронул ключевые проблемы освоения танковой техники в войсках и отработки тактики их действий в ходе учений [9, л. 671-674.].

Вполне закономерным шагом для нового замнарком стала дальнейшая разработка теории применения танков. В 1931–1932 гг. Тухачевский подготовил новую серию работ*, где обосновал роль и место танков теперь в масштабах «глубокой операции» [10, с. 182, 185-187, 192–193.]. Но новый замнарком не ограничивался лишь теорией вопроса. В 1931 г. он занялся решением важнейшего проблем структуры танковых войск РККА, предложив «реконструировать основной организм армии». Основой этой реконструкции должно было стать введение танковых подразделений в состав стрелковых дивизий и полков, что обеспечивало «танкизацию» 75 стрелковых и 13 кавалерийских дивизий и формирование дополнительно 10 мототанковых дивизий. Эти новые танковые дивизии (в составе каждой – 150 танков и танкеток, 90 бронетранспортеров, 30 артиллерийских орудий, 31 самолет) мыслились как главная ударная сила «глубокой операции», позволявшая совершать глубокие прорывы в тыл противника с самыми решительными целями [11, л. 143-144.].

Эти предложения Тухачевского в совокупности с его теоретическими разработками позволили сформировать единую систему взглядов на развитие танковых вооружений РККА, их структуру и способы применения во время войны.

Немаловажную, а по ряду аспектов и прямо решающую роль в этом сыграла поддержка, оказанная Тухачевскому И.В.Сталиным. Вряд ли есть основания утверждать, что советский вожь испытывал какую-либо личную

* Статьи увидели свет лишь в 1960-е гг. уже после реабилитации М.Н. Тухачевского.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

симпатию к талантливому военному руководителю. Поддержка идей Тухачевского в отношении развития танковых вооружений была продиктована собственными представлениями Генерального секретаря ЦК ВКП (б) о сути «танковых вопросов».

Сталин начинает конкретно заниматься развитием танковых вооружений Красной армии на рубеже тогда же – на рубеже 1920-1930-х гг. в связи с осознанием угрозы близкой войны и необходимости срочного перевооружения Красной армии. Он принимает идеи Тухачевского о необходимости приоритетного развития технических родов войск. Но в силу понятных причин внимание Сталина к «танкизации» Красной армии все же носило избирательный характер. Советский вождь не мог постоянно контролировать все аспекты создания бронетанковой мощи страны. В то же время сам перечень проблем, которыми он занимался, позволяет оценить суть и особенности этого внимания.

Анализ реакции Сталина на огромный массив направляемых ему документов показывает, что в центре его внимания в хронологической последовательности находились проблемы заимствования опыта иностранного танкостроения и развития теории танковой войны, масштаб и характер советского танкостроения в первой половине 1930-х гг., качество и типы танков советской постройки, необходимость повышения уровня подготовки танкистов, опыт действия танков в ходе локальных войн и конфликтов. Сам спектр этих вопросов практически полностью охватывал наиболее важные проблемы создания и развития танковых войск Красной армии в 1930-е гг. Однако исследование характера принимаемых И.В.Сталиным решений позволяет выявить весьма специфическую модель его влияния на ход создания и развития советских бронетанковых вооружений. Советский вождь не имел ни военного, ни технического образования и опыта. Но все же он постоянно и пристально следил за созданием и принятием на вооружение новейших типов бронетанковой техники. Анализ принимаемых Сталиным решений дает основания утверждать, что он явно питал склонность к поискам «асимметричного ответа» на вызов военно-технических угроз вероятного противника. Так, осенью 1931 г. Сталин жестко вмешался в процесс приобретения за рубежом образцов танка-амфибии и создания собственных аналогичных машин [12, л. 1, 4]; [13, л. 184]; [14, л. 75, 84-85.], результатом чего стало строительство в СССР целой армады плавающих танков численностью 4383 единицы. Сталин явно благоволил массовому строительству танков колесно-гусеничной схемы типа БТ, что также привело к появлению на вооружении Красной армии более 8 тысяч танков этого типа [15, с. 76-80.].

В середине 1930-х гг. Сталин неожиданно коснулся вопроса о роли высококвалифицированных кадров в Красной армии, в первую очередь, в технических родах войск. Выступая 4 мая 1935 г. на приеме в Кремле выпускников военных академий, советский лидер на первое место поставил не новейшую технику, а кадры. Именно там прозвучал его знаменитый лозунг «Кадры решают все!» [16, с. 55-56.]. Но накануне Великой Отечественной войны он вновь вернулся к идее о преимущественном значении новейшей техники. Выступая на очередной встрече с выпускниками военных академий, Сталин прямо заявил: «Можно иметь хороший начальствующий состав, но, если не иметь современной военной техники, можно проиграть войну» [17, с. 214.]. Эта непоследовательность приоритетов оказалась дополнена неправильными

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

выводами из опыта применения танков в ходе советско-финляндской войны и боевых действий на Западе в 1939-1940 гг. Сталин укрепился в убеждении, что танки представляли собой всего лишь «ездящую артиллерию» [18, с. 115.], не сумев разглядеть в них главную ударную силу будущей войны, соединяющую в себе огневую мощь, броневую защиту, помноженные на огромную мобильность. В итоге это означало, что к началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе были созданы самые многочисленные в мире бронетанковые войска, но использовать их потенциал командование Красной армии и руководство страны не сумело, поскольку за рычагами самых современных машин сидели слабо подготовленные танкисты, а в бой танковые соединения направляли командиры, не имевшие опыта их применения.

Список литературы

1. АП РФ. Ф.3. Оп.50. Д. 257. Л.30–31. Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. 272 с.
2. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). М., 2008. 512 с.
3. Тухачевский М.Н. Новые учебные задачи / Избранные произведения в 2-х т. Т.2. (1928-1937 гг.). М., 1964. С. 46-64.
4. Тухачевский М.Н. Общие сборы / Избранные произведения в 2-х т. Т.2. (1928-1937 гг.). М., 1964. С. 34-45.
5. Киличенков А.А. Маршал М.Н.Тухачевский и развитие бронетанковых войск РККА в 1930-е годы // Новый исторический вестник. 2019. № 2(60). С.138–187.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 810.
7. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 77.
8. Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. 3-е изд. М., 1936. 231 с. Милитера. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/triandafillov1/index.html>. Дата обращения. 04.04.2020.
9. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 431.
10. Тухачевский М.Н. Новые вопросы войны. / Избранные произведения в 2-х т. Т.II (1928–1937 гг.). М., 1964. С. 180-198.
11. РГВА. Ф. 32871. Оп.1. Д. 4.
12. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 55.
13. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3с. Д. 155.
14. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106.
15. Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины. XX век: В 4-х т. Том 1. Отечественные бронированные машины. 1905-1941 гг. М., 2002. 344 с.
16. Сталин И.В. Речь на приеме 4 мая 1935 г. (неправленая стенограмма) / Небезин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 49-57.
17. Сталин И.В. Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии. 5 мая 1941 года / Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 213-220. Центр наук XXI века. [Электронный ресурс]. URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t18/t18_093.htm Дата обращения. 04.04.2020.
18. Малышев В.А. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник, 1997. №5. С. 103-147.

**SOVIET MILITARY-POLITICAL ELITE AND THE DEVELOPMENT OF
ARMORED FORCES IN THE 1930s**

KILICHENKOV Aleksei A. – professor, Russian State University for the Humanities, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miusskaya Squ., 6.
e-mail: kilichenkov@yandex.ru

Abstract. Recently, public interest in the history of the Great Patriotic War has intensified and researchers have searched not only for new documents, but also for new approaches to studying the key problems, and historians naturally focused their attention on the pre-war period. It was at this time that intensive and large-scale preparations for the war were taking place, and it was there that the reasons were hidden, both for the defeats of 1941 and the victory of 1945. The most important component of this preparation was the creation in the USSR of modern armored forces, which played the role of the main striking force during the Great Patriotic War. The solution to this problem occupied a special place in the activities of the Soviet military-political elite. To a certain extent, the development of tank weapons of the Red Army bore the personal imprint of several people. The key figures in this process were Josef Stalin and Michael Tukhachevsky. In this article, on the basis of a set of archival documents from the collections of the RGVA and RGASPI, the contribution of these two representatives of the elite to the development of tank troops, the creation of a theory of tank warfare, the formation of the structure of new weapons, and the technical data of tanks are identified and analyzed. The author considers that in the first half of the 1930s. M.Tukhachevsky, for various reasons, turned out to be, practically, the only tank expert in issues of both theory and practice of using tanks. Throughout the entire period of the 1930s. Stalin, having no special education and experience, controlled the most important aspects of the creation of tank troops, while simultaneously interfering in solving purely special issues. Stalin's biggest mistake in resolving -tank issues was the underestimation of the importance of control systems of tank forces, the interaction of tanks with other branches of the army, and the misunderstanding of the role of tanks in a future war solely as —moving artillery.

Keywords: USSR's preparation for the war in the 1930s, Red Army, tank forces, Michael Tukhachevsky, Josef Stalin.

УДК 93/94

Ковалев Б.Н.

**ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛЛАБАРАЦИОНИЗМА НА
ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА (1941 – 1944 гг.)***

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

КОВАЛЕВ Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: bnkov@mail.ru

Аннотация. Многонациональный характер населения Советского Союза в планах нацистов оценивался с той точки зрения, что межнациональные противоречия в СССР весьма велики. С лета 1941 года на оккупированной территории Северо-Запада России начался процесс создания немецких структур управления. Из местного населения предполагалось использовать в первую очередь тех, «чьи семьи пострадали от большевиков». При этом предпочтение отдавалось «жителям окраинных государств», то есть Эстонии, Латвии и Литвы. Стабилизация советско-германского фронта на севере и в центре весной 1942 года и последовавший за этим отвод немецких частей в тыл на отдых и переформирование на некоторое время ослабили силы сопротивления. Нацисты, в свою очередь, не доверяя во многом русскому населению, вынуждены были искать потенциальных союзников, как в жителях Прибалтики, так и в финских и эстонских деревнях на территории Северо-Запада РСФСР. Оккупационная администрация издала распоряжение, из которого следовало, что представители национальных меньшинств, пострадавшие от коммунистов, облагаются сниженным налогом. После неудачной попытки создать карательные отряды из русского населения для очистки лесов от партизан, немцы для этой цели стали использовать финнов и эстонцев, которые оказывали им активное содействие. В течение 1942-1944 годов на территории Новгородчины и Псковщины действовали несколько крупных латышских полицейских формирований. Немцы зачастую поручали им наиболее грязную и кровавую «работу», связанную с уничтожением не просто мирного населения, а немощных стариков, женщин и детей. В Советском Союзе, в «братской семье народов», факты участия прибалтийских формирований в войне на стороне Германии замалчивались.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад России, нацистская оккупация, коллаборационизм, национальный фактор.

20 июня 1941 года Альфред Розенберг заявил: «Россия никогда не была национальным государством, а всегда являлась государством многонациональным... Все народы оставались враждебными русским... Задача нашей внешней политики представляется мне следующей: в разумном и целенаправленном виде учесть стремление к свободе все этих народов и облечь их в определенную форму государственности. Это значит: на огромной территории Советского Союза органически нарезать государственные образования и настроить их против Москвы, чтобы на ближайшие столетия освободить германский рейх от дурного давления с Востока» [1, с. 18].

Однако большинство нацистских бонз отрицательно относились к идеям о каких-либо независимых национальных государствах на территории покоренного III Рейхом Советского Союза.

Многонациональный характер населения Советского Союза в предвоенных планах нацистов оценивался чаще всего лишь с той точки зрения, что межнациональные противоречия в СССР настолько велики, что он представляет собой «колосс на глиняных ногах». В условиях подготовки плана молниеносной

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

войны никакой серьезной и продуманной политики по отношению к различным народам России не планировалось. Если и готовились какие-либо планы, то они касались полного или частичного уничтожения «недочеловеков», в первую очередь, евреев и цыган.

С лета 1941 года на оккупированной территории России начался процесс создания немецких структур управления. Из местного населения предполагалось использовать в первую очередь тех, «чьи семьи пострадали от большевиков», но при этом предпочтение отдавалось «жителям окраинных государств», то есть Прибалтики [2, л. 11].

Немецкие пропагандистские службы отмечали, что люди со стороны, не имеющие никаких связей в данном регионе, смогут более успешно проводить политику установления «нового порядка». Кадры обычно набирались путём освобождения военнопленных из национальных меньшинств. Предварительно все они подвергались тщательной проверке на лояльность нацистам [2, л. 19].

Официально нацистское руководство в качестве «союзного населения» в 1941 году рассматривало только граждан бывших Прибалтийских государств: эстонцев, латышей и литовцев. Немецкие спецслужбы уже с 1940 года наладили тесные связи с различными националистическими организациями Балтии, находившимися после присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к СССР в подполье.

После поражения вермахта под Москвой оккупанты начали открыто заигрывать с прибалтийскими народами. «Новая национальная политика» нацистов объяснялась их небеспочвенной надеждой использовать местные человеческие ресурсы в военных целях, т. е. в качестве «пушечного мяса». Поддерживая и всячески насаждая антирусские настроения, уже с лета 1941 года немцы формировали различные карательные отряды для борьбы с советским сопротивлением на территории России.

Несмотря на достаточно высокую мононациональность сельских районов Северо-Запада РСФСР, все без исключения старосты и коменданты в августе-сентябре 1941 года получили распоряжение, из которого следовало, что они обязаны в кратчайший срок известить германское командование о наличии в районах их проживания «иностранцев и жидов» [2, л. 50].

Задачу по очищению территории от «нежелательного национального элемента» офицеры вермахта возложили на карательные отряды, находящиеся при военных комендантах. Все они были сформированы из жителей Эстонии и Латвии. Привлечение к данным акциям граждан прибалтийских республик захватчики объясняли тем, что они не хотят допустить повторения 1937–1938 годов, когда «сосед сводил счёты с соседом из корыстных побуждений» [3, л. 9]. Так полицию в Старой Руссе возглавил эстонец Александр Кютт. Именно он, вместе со своими подчиненными, по приказу немецкого командования занимался «окончательным решением еврейского вопроса» в этом городе.

Стабилизация советско-германского фронта на севере и в центре весной 1942 года и последовавший за этим отвод немецких частей в тыл на отдых и переформирование на некоторое время ослабили силы сопротивления. Нацисты, в свою очередь, не доверяя во многом русскому населению, вынуждены были искать потенциальных союзников, как в жителях Прибалтики, так и в финских и эстонских деревнях на территории Северо-Запада РСФСР. Оккупационная администрация издала распоряжение, из которого следовало, что представители

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

национальных меньшинств, пострадавшие от коммунистов, облагаются сниженным налогом. На сараях эстонских и финских дворов вывешивались объявления на немецком языке: «Реквизировать следующим отрядам строго воспрещается!» [4, л. 25].

Поскольку план поставок обычно распределялся по районам, вся тяжесть дополнительных реквизиций перекладывалась на соседние русские хозяйства.

С весны 1942 года немцами начался процесс вербовки бывших репрессированных и, особенно, из финского, латышского и эстонского населения Ленинградской области агентов для борьбы с подпольщиками. В ряде районов захватчики пошли на вооружение групп эстонской молодёжи для борьбы с партизанским движением. Подобные «силы самообороны» были обязаны задерживать подразделения народных мстителей до подхода немецких подкреплений [5, л. 81].

После неудачной попытки создать карательные отряды из русского населения для очистки лесов от партизан, немцы для этой цели стали использовать финнов и эстонцев, которые оказывали им активное содействие. Как признавали представители советского сопротивления, «партизанам появляться в деревнях, где есть хоть один финн или эстонец, рискованно» [5, л. 81].

В некоторые населенные пункты немцы приезжали со списком, составленным эстонцами из данной деревни, в который были включены все, ушедшие в партизаны, и коммунисты. В 1942 году в Кингисеппском районе Ленинградской области действовал специальный карательный отряд эстонцев – кайтселитовцев из Нарвы численностью до двух тысяч человек. Отряды из местных эстонцев были меньше, в них входило 60 – 80 человек. Они обычно выполняли задания немецкого командования в районе своего постоянного проживания [5, л. 81].

Работая с финно-угорским населением, представители фашистских пропагандистских служб разъясняли, что видят в нём потенциального союзника. Эстонцам было обещано, что после войны Кингисеппский и Псковский районы войдут в состав «Великой Эстонии» [6, л. 57 - 58].

В течение 1942-44 годов на территории Новгородчины и Псковщины действовали несколько крупных латышских полицейских формирований. Немцы зачастую поручали им наиболее грязную и кровавую «работу», связанную с уничтожением не просто мирного населения, а немощных стариков, женщин и детей.

Одно из мест массового уничтожения мирного населения и пленных красноармейцев на Северо-Западе России находилось в верховьях реки Луги, в деревне Жестяная Горка Батецкого района.

Уже в первые месяцы после освобождения, в 1944 году, советской стороной стали собираться свидетельства о фактах массовых расстрелов. Так свидетель Большаков И.М. показал, что: «В нашей деревне Жестяная Горка, в которой я проживал в период оккупации, находился карательный отряд немецких войск СС в течение более двух лет, в 1941–1943 годах, который производил аресты мирных советских граждан: коммунистов, активистов, партизан и военнопленных Красной Армии и массовые расстрелы арестованных лиц...

В деревне Жестяная Горка немецкие каратели свозили людей из Раглицкого, Вольногорского, Велегощанского, Косицкого, Теробенского и ряда других сельсоветов Батецкого района, а также из Новгородского и Оредежского

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

районов. Немецкие каратели расстреляли много сот человек советских граждан, военнопленных и партизан.

Точно цифру расстрелянных людей я назвать не могу. Мне известны многие факты ареста и расстрела коммунистов и партизан немецкими карателями. Водили на расстрел группами человек по 5–10, что я сам лично видел. За деревней Жестяная Горка расположены 4 ямы с трупами захороненных людей» [7, с. 155].

Среди замученных, уничтоженных людей были задержанные партизаны, бойцы Советской армии, выходившие из окружения, мирные граждане, в том числе женщины и дети.

«Ликвидация нежелательного элемента» производилась почти ежедневно. Убивали всех: мужчин и женщин, коммунистов и православных священников, взрослых и детей, русских и евреев.

Как правило, арестованные и задержанные на допросах, подвергались истязаниям и пыткам, а иногда их убивали во время допроса. Крики пытаемых людей были хорошо слышны в деревне. Можно было наблюдать, как избитых людей каратели СД водили к месту расстрела.

Ямы, в которые сбрасывались трупы расстрелянных, иногда оставались открытыми, и многие местные жители видели трупы расстрелянных людей.

Можно выделить три этапа выявления фактов преступлений около деревни Жестяная Горка в годы Великой Отечественной войны и розыска лиц, их совершивших.

1. После освобождения Новгородчины в 1944 году члены комиссии по содействию работе Чрезвычайной государственной комиссии составили акт о массовых расстрелах в Жестяной Горке. Были собраны свидетельские показания о производившихся казнях.

2. В ходе следствия по делу германских военных преступников в ноябре 1947 года у деревни было обследовано урочище «У Марьиной рощи» с шестью ямами-могилами. В ямах вповалку лежали не менее 2600 трупов со следами насильственной смерти.

3. В 60-х годах прошлого века сотрудники Новгородского Управления КГБ начали активно выявлять непосредственных участников карательного формирования. Этой работой занимались бывшие фронтовики Василий Богов и Василий Михеев. Их розыскная деятельность была крайне затруднена тем, что люди, свозившиеся в Жестяную Горку, обычно уничтожались в течение дня. Их привозили из окрестных районов, следовательно, большинство из них были неизвестны местным жителям. В руки следователей попала лишь незначительная часть трофейных документов, по которым было можно установить имена, фамилии и количество жертв.

Попробуем разобраться с их предвоенными биографиями и дальнейшей послевоенной судьбой. Уже после войны сотрудниками органов государственной безопасности были установлены некоторые из карателей. Среди них были: Цирулис Янис 1910 года рождения, уроженец города Валка. В 1935-39 годах учился в офицерской школе, получил звание старшего лейтенанта. В 1940 - 41 годах служил в территориальном корпусе Латвии. В самом начале войны дезертировал из Красной армии и оказался в полицейских частях. В 1942 году его перевели на службу в Жестяную Горку.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В 1944 году Цирулис оказался в латышском легионе, где он командовал одним из батальонов 34-го полка. Окончание войны застало его в Германии. Естественно, на родину он возвращаться не стал.

На протяжении нескольких лет бывший каратель являлся заместителем командира так называемой латышской рабочей роты при американской армии. Принимая активное участие в деятельности латышских эмигрантских кругов в ФРГ, сделал определенную политическую карьеру — стал председателем организации «Даугавас ванаги» [8, л. 238 - 239].

Еще один палач Жестяной Горки Удровскис Альфонс Янович 1918 года рождения, уроженец Алуксненского района Латвии. Вот что про него рассказал в 1967 году его знакомый. Судя по имеющейся у него информации бывший каратель явно переписывался с друзьями, оставшимися в Советской Латвии:

«Альфонс в годы советской власти 1940 – 1941 годах служил в Красной армии. В 1941 году, когда наступали гитлеровцы, дезертировал, где-то скрывался, но вскоре приехал в Ригу как гражданский.

Там он добровольно обратился к фашистским властям, как шофер. Там его и приняли на подобную работу. Заслужил у своих хозяев доверие и был определен как шофер к какому-то гитлеровскому полицейскому начальнику. Этот начальник нес свою службу на Волховском и Ленинградском фронте, где его всегда везде возил Альфонс. Этот начальник пребывал месяцами то в Гатчине, то в Новгороде и других фронтовых местах.

Когда я добывался от Альфонса каких-нибудь сведений о карательных действиях своего начальника, он отвечал, что его начальник этим не занимался, а устанавливал только «порядок».

Он в то время был, несомненно, захвачен идеями «великой Германии». В каком-то | периоде его службы у своего начальника его энтузиазм дошел до того, что он вытатуировал на верхней части руки эсэсовский знак. В этом я убедился, когда увидел его раздетым.

Принимал ли Альфонс участие в убийствах советских граждан, мне неизвестно, но считаю, что он был способен это делать и, возможно, испробовал на этом свою руку.

Отступая под напором советской армии, Альфонс со своим начальником тоже двигался на Запад. Был он в Кенигсберге и других городах Запада, потом в Берлине. В этом районе он был почти отрезан вместе со своим начальником. Однажды начальник исчез, Альфонс остался один и тоже решил выбраться из «мешка». Это ему удалось, и я узнал однажды от пьяного Альфонса, что при этой попытке он совершил какое-то убийство.

Наконец, в день капитуляции он добрался до Флейсбурга, где собралась масса эсэсовцев и других гитлеровцев. Альфонса и других эсэсовцев там интернировали англичане в концентрационном лагере. Альфонс жаловался мне на жесткое обращение с ним англичан. Оказывается, в то время англичане кормили их по тому же рациону, который отпускали гитлеровцы их военнопленным. Там Альфонс в течение полугода потерял килограммов 10 веса. Потом, как говорил мне Альфонс, англичане реабилитировали их всех и отпустили на волю.

Но латышские эсэсовцы были в страхе, шли слухи, что советские власти требуют их выдачи за совершенные преступления. Альфонс и другие эсэсовцы-легионеры стали пешком пробираться в американскую зону оккупации. Там Альфонс узнал, что бельгийские промышленные агенты вербуют рабочих для

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

своих угольных шахт. Альфонс ухватился за эту спасительную ниточку. Проработав там целый год, он выбрался оттуда с горстью малоценных франков.

К его счастью, тогда же канадские власти стали вербовать рабочую силу «с Востока». Альфонсу удалось попасть в число вербуемых людей. Альфонс тотчас же получил хорошую работу в ремонтной мастерской автомашин. По сей день без работы он никогда не был.

Принимая во внимание все вышеупомянутые факты, не может быть ни малейшей надежды на его приезд на родину хотя бы туристом. Что он много знает об убийствах советских людей в Новгороде и других местах, так это несомненно» [8, л. 240 - 244].

Но даже когда сотрудникам органов государственной безопасности удавалось установить о бывших карателях все вплоть до домашнего адреса, привлечь к уголовной ответственности их было невозможно. Они находились на Западе, а выдача оттуда «бывших граждан Латвии в лапы КГБ» была невозможна.

Многоплановые оперативно-розыскные мероприятия проводились несколько десятков лет. В феврале 1989 года литерное дело № 126 «Материалы проверки факта массового убийства карателями СД советских граждан в деревне Жестяная Горка» было сдано в архив.

Участвовали военнослужащие латышских дивизий СС и в карательных акциях, зверских убийствах захваченных в плен советских солдат, включая женщин и детей.

19-я латышская дивизия СС принимала непосредственное участие в карательных акциях против советских граждан на территориях Ленинградской и Новгородской областей. В 1943 году части дивизии участвовали в карательных операциях против советских партизан в районах городов Невель, Опочка и Псков (в 3 км от Пскова, ими было расстреляно 560 человек).

Конечно, далеко не все представители прибалтийских национальностей встали на путь активного сотрудничества с нацистами. Но сам факт, что именно их гитлеровцы рассматривали в качестве «союзного населения» на Северо-Западе России, можно объяснить рядом причин.

Во-первых, необоснованными массовыми репрессиями по национальному признаку, которые проводились в Советском Союзе в 30-е годы.

Во-вторых, Эстония, Латвия и Литва вошли в состав СССР только в 1940 г. Многие граждане этих государств в потере своей национальной независимости обвиняли Сталина. Поэтому немецкие войска встречались ими как освободители.

В-третьих, немецкие разведывательные и пропагандистские службы имели здесь хорошо подготовленную агентурную сеть из местного населения.

Но все это может объяснить, но никак не оправдать их преступления совершенные на территории России. Причем зачастую в качестве жертвы, оказывались самые незащитные: женщины, старики и дети.

В Советском Союзе, в «братской семье народов», факты участия прибалтийских формирований в войне на стороне Германии стыдливо замалчивались.

Список литературы

1. Гилязов И. А. На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы второй мировой войны). Казань, 1998. 252 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139.
3. Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области Д. 2 А/1084.
4. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102.
5. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 412.
7. Петров, М.Н. Тайная война на Новгородской земле. Великий Новгород, 2005. 911 с.
8. Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области. Дело о преступлениях гитлеровских захватчиков и их пособников у деревни Жестяная Горка Батецкого района в 1942 – 1943 гг.

Kovalev B.N.

FEATURES of NATIONAL COLLABORATIONISM IN the OCCUPIED TERRITORY OF THE NORTH-WEST (1941-1944)

KOVALEV Boris N. – Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 195251, Russia, St. Petersburg, Polytechnic Str. 29.
e-mail: bnkov@mail.ru

Abstract. The Nazis took into consideration the multinational population of the Soviet Union. They considered interethnic contradictions in the USSR to be fundamental. Since the summer of 1941, the process of creating German command structures began in the occupied territory of the North-West of Russia. It was supposed to use primarily those locals –whose families suffered from the Bolsheviks. At the same time, preference was given to –residents of the outlying republics that is Estonia, Latvia and Lithuania. In the spring of 1942, the stabilization of the Soviet-German front in the north and in the center and the subsequent withdrawal of German units to the rear for rest and reorganization weakened the Soviet resistance forces for a while. The Nazis, in turn, distrusting the Russian population in many respects, were forced to look for potential allies, both in the Baltic countries and in Finnish and Estonian villages in the North-West of the USSR. The occupation administration issued an order granting lower taxes to the national minorities wronged by the communist system. After an unsuccessful attempt to create punitive detachments out of the Russian population to put an end to the partisan resistance, the Germans began to use Finns and Estonians for this purpose as they were ready to offer Nazis active assistance. During 1942-1944, several large Latvian police units maintained operations on the territory of the Novgorod and Pskov regions. The Germans often entrusted them with dirty and bloody work to annihilate not only civilians, but weak old people, women and children. In the Soviet Union, in the "fraternal family of peoples", the facts of participation of the Baltic forces in the war on the side of Germany were hushed up.

Keywords: Great Patriotic War, North-West of Russia, Nazi occupation, collaboration, national factor.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В МАССОВОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

КОКОУЛИН Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив», 630090, г. Новосибирск-90, ул. Пирогова, 28 кв. 18.
e-mail: kwladislaw@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена отражению Великой Отечественной войны в массовом историческом сознании в современной России. Анализируются три основных источника его формирования: учебная литература, кинематограф и символическое пространство. Автор отмечает, что несмотря на определённые изменения, которые происходят в политике исторической памяти, в массовом сознании закрепляются определённые символы, мифы и стереотипы о Великой Отечественной войне, её героях, главных действующих лицах. Формируется образ жестоких и бездарных руководителей страны (в частности И.В. Сталина), которые привели к поражениям на первом этапе войны; советские солдаты и офицеры, сотрудники спецслужб и т.д. позиционируются преимущественно с отрицательными качествами. Кинематограф представляет фильмы, которые копируют стереотипы американского Голливуда для изображения событий и участников Великой Отечественной войны. В фильмах война всё чаще становится фоном, на котором протекают события, изображающие не столько исторических персонажей и исторические реалии того периода, сколько «вписывающие» реалии постсоветской России в другую историческую эпоху. В фильмах представлены стереотипные персонажи современного массового исторического сознания – бездарные командиры, тупые солдаты, злые комиссары, жуликоватые старшины, садисты из НКВД. Фашисты, напротив, облагораживаются. В символическом пространстве происходит деформация или уничтожение символов, приспособление их для нужд современной массовой культуры, десакрализация, подмена их содержания. В итоге Великая Отечественная война, которая воспринималась в советский период как героический период нашей истории с трагическим оттенком, приобретает в постсоветский период негативно-искажённую трактовку, что ставит под сомнение её историко-нравственную значимость и формирует размытое массовое историческое сознание.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, массовое историческое сознание, политика исторической памяти, мифологизация, стереотип, миф, символ.

В советское время Великая Отечественная война в массовом сознании воспринималась в целом как героический период нашей истории, трагический оттенок ему придавали многочисленные жертвы, но всё равно это была «Победа со слезами на глазах». Публицистика периода Перестройки и первых лет постсоветской России «обрушила» на массовое сознание огромное количество фактов, которые не укладывались в традиционные схемы, а также новые «интерпретативные» подходы, в которых героические страницы и сам героизм были поставлены под сомнение или подвергнуты произвольным трактовкам.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Профессиональное историческое сообщество не смогло противопоставить этому потоку фальсификаций, мифологизаций, упрощённых трактовок и т.д. ничего существенного. В итоге в массовом историческом сознании Великая Отечественная война стала восприниматься в лучшем случае упрощённо, но в основном в виде разного рода мифов и новых символов.

Рассмотрим три основных источника формирования массового исторического сознания: учебную литературу, кинематограф и символическое пространство.

В 1997 г. в вузовские библиотеки стал поступать изданный огромными тиражами учебник профессора Йельского университета эмигранта Г.В. Вернадского [1]. Он воспроизводил весь набор мифов и интерпретаций Великой Отечественной войны, присущих периоду Холодной войны. Пакт Молотова-Риббентропа трактовался как проявление хотя и «жёстко реалистической» политики, но одновременно и «антидемократической». Главной причиной поражения фашистской армии под Москвой были названы «суровые русские морозы». Власовская армия изображалась состоящей из идейных противников сталинского правительства, а также военнопленных, стремившихся избежать жестокостей в немецких лагерях. Подобные оценки воспринимались массовым сознанием в России как откровения, как «правда», которую скрывала советская пропаганда и служившая ей историческая наука. Не удивительно, что книга Резуна-Суворова «Ледокол», издаваемая огромными тиражами, быстро раскупалась.

В 1998 г. в учебном пособии «История России: XX век» [2] настойчиво проводилась мысль о том, что И.В. Сталин был никудышным политиком и руководителем, что только по его вине Красная Армия в начале войны терпела катастрофические поражения. Главными победителями в войне были названы «англо-американские войска, прошедшие путь от берегов Атлантики до центральных районов Германии». Характерно, что в учебном пособии ни слова не говорилось о выдающихся полководцах и героях прошедшей войны, а вся война сводилась к репрессиям, просчётам руководства и помощи союзников.

Антисталинская и антисоветская направленность в освещении войны продолжилась в учебном пособии, изданном в 2001 г. Авторы настойчиво сравнивали гитлеровскую Германию со сталинским СССР, делая вывод, что «в разгоравшейся Второй мировой войне сталинский режим фактически выступал на стороне Гитлера» [3, с. 474]. Основные события Великой Отечественной войны в данном учебнике концентрировались вокруг темы репрессий и некомпетентности советского руководства. Победа в войне трактовалась как успех тоталитарной системы: «Преодолев первоначальный шок, сталинский режим смог всё же использовать сверхцентрализованное управление, огромные природные и людские ресурсы, отсутствие личной свободы, патриотизм народа и, наконец, харизму вождя для предельного напряжения всех сил страны, мобилизации их на борьбу» [3, с. 495].

Наряду со сталинскими репрессиями и тоталитаризмом популярной стала тема церкви и её роли в победе советского народа. Так, в учебном пособии, выпущенном двумя профессорами Московского университета в 2003 г., сюжетам, посвящённым этому аспекту, уделено достаточно много места. Так, упомянув обращение Сталина 3 июля 1941 г. авторы далее подчёркивают, что его основные идеи перекликались с посланием митрополита Сергия, написанным «рано утром

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

22 июня» и далее достаточно подробно воспроизводится это послание. Через несколько страниц авторы вновь возвращаются к этой теме. Беседа Сталина с У. Гарриманом служит авторам лишь поводом для того, чтобы рассказать о «пересмотре идейных основ партийно-политической работы в армии и стране», об отказе от «воинствующего атеизма», что привело к «воскрешению вдохновляющих традиций старой русской армии» и т.д. [4, с. 46–47, 55]. В итоге к числу источников победы в Великой Отечественной войне была причислена православная церковь.

Хотя в начале 2000-х гг. освещение Великой Отечественной войны претерпело определённые изменения в связи с «заказом на патриотизм», освещение и интерпретация основных событий оставались в русле прежних установок. В полной мере это сказалось в учебнике по истории, вышедшем в 2019 г. В нём есть всё – и героизм, и патриотизм, и репрессии, и православная церковь, и полководцы, и партизаны. Причинами Победы авторы называют колоссальные потери Красной Армии, массовый героизм всего народа, подвиги рядовых участников войны и тружеников тыла, ускоренную мобилизацию экономики, доверие народа к своим лидерам, «прежде всего к И.В. Сталину», военное искусство военачальников, а также «единение СССР, Великобритании и США в борьбе с немецко-фашистской агрессией» [5, 229]. По сути, в данном учебнике причудливо совмещаются две линии – советская и постсоветская трактовки и оценки событий войны. Однако остаётся основной лейтмотив – победа в войне была достигнута за счёт двух факторов – героизма народа и жестокой принудительной силы тоталитарного государства.

Обратимся теперь к кинематографу. Если учебники и учебные пособия дают относительно систематизированные знания о Великой Отечественной войне, то кинематограф даёт неупорядоченную информацию, ориентация на которую определяется интересами конкретной личности. Кто-то предпочитает смотреть военно-исторические фильмы, кто-то приключенческие, кто-то военные детективы и т.д. И в этом плане постсоветский кинематограф старается удовлетворить все эти различные запросы. Однако несмотря на разнообразие жанров во всех фильмах и сериалах присутствуют определённые клише и стереотипы о Великой Отечественной войне. Они, с одной стороны, отражают массовое сознание, мифы и символы современной России, с другой стороны – вновь внедряют их в массовое историческое сознание подрастающего поколения.

Обратимся к наиболее популярным кинокартинам разных жанров. Самыми яркими представителями приключенческого жанра можно считать фильмы «Мы из будущего» (2008) и «Мы из будущего-2» (2010). Война и военные сцены в этих фильмах являются лишь декорациями к приключениям действующих лиц. Вместо монологов – короткие реплики, сюжеты не всегда связаны между собой. В целом восприятие подобных фильмов целиком рассчитано на молодёжь, а для привлечения их к просмотру в него введены любовные и эротические сцены, за которые «отвечает» симпатичная медсестра в мини юбке. Героев как таковых в этих фильмах нет, есть только действующие лица. Сама война представлена как игра, как историческая реконструкция, бойцы Красной Армии и фашисты мирно сосуществуют в фильме, хотя и в сценах исторической реконструкции. Отношение к военным событиям самое несерьёзное: не понятно, зачем нужна реконструкция и что она реконструирует; показана дискотека перед реконструкцией вместо серьёзного обсуждения. Что узнает о войне посмотревшая

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

эти фильмы молодёжь? Заградотряды, нквдшный сыск в воинской части, бездарность разведки, постоянно промазывающие фрицы... Конечно, в фильме есть массовые сцены, но они весьма напоминают бои, о которых режиссёр фильма прочитал разве что в современном учебнике истории, не более того.

К подобного рода фильмам можно отнести и кинокартину «В июне 41-го» (2008). Это фильм о крутых парнях, советских Рембо-Маклейнах, что уже давно не новость в постсоветском кинематографе. Сцены войны неправдоподобны – обученных вооружённых солдат Красной Армии в первый день войны вырезают как младенцев и «живописно» раскладывают по территории погранзаставы для того, чтобы герои фильма могли «спрятаться» среди трупов. Через некоторое время герой остаётся один и воюет с монстрами-нацистами с полупустым автоматом наперевес и псевдопатриотической бравадой. Война и военные действия опять же являются лишь декорациями к действиям. Можно с лёгкостью заменить фашистов на наркоторговцев, а лейтенанта погранзаставы – на полицейского, и ровным счётом ничего не изменится. Как ничего не изменится, если заменить название фильма на «Терминатор Красной Армии». Тема начала войны, июнь 41-го, в восприятии советского времени – слишком серьёзная тема, это – боль и трагедия страны, которая пережила этот период. В постсоветской время тема превращается в средний боевик с элементами мелодрамы и, разумеется, со сценой секса в сарае. После просмотра такого фильма молодёжь усвоит лишь то, что «была война с фашистами, и наши победили». Впрочем, можно сделать вывод о том, что знания режиссёров о войне также ограничиваются этими нехитрыми «знаниями».

Другой жанр фильмов представляют кинокартины на «историческую» тему: «Брестская крепость» (2010), «Битва за Севастополь» (2015), «Сталинград» (2013).

Фильм «Брестская крепость», хотя и посвящён реальным событиям, но он им соответствует только отчасти. Реальный майор Гаврилов не подвергался репрессиям, а остался в армии после войны и был назначен начальником лагеря для японских военнопленных. Комиссар Фомин попал в плен в обычной форме красноармейца и был расстрелян после того, как его выдал предатель. Но тема репрессий, которую авторы фильма периодически муссируют, заставила режиссёров перевернуть реальную историю. Но главное даже не в этом. В фильме показано поражение – это преставление массового исторического сознания постсоветского периода – мол, в начале войны мы терпели только поражения неважно по какой причине. В то время как в советском восприятии – Брестская крепость, несмотря на то, что она пала, была первой победой в этой великой войне. Защитники крепости, понимая, что она всё равно станет для них могилой, приняли решение стоять до конца, перешагнули ту грань, когда собственная жизнь и смерть отступают на второй план. В этом была победа. Победа воли и духа. И именно этого нет в этом фильме.

Фильм «Битва за Севастополь» – любовный блокбастер, для которого взят реальный исторический сюжет, переделанный, естественно, ради «занимательности» фильма. Деспот-отец главной героини представлен как образец советской семьи. Также как подруга-нимфоманка, крохоборы и жида в Одессе, в подробностях и красках показанные в начале фильма. Садизм снайперши показан с подробностями, она получает явное удовольствие и наслаждение от медленного убийства, разве что губы хищно не облизывает. Со

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

своим напарником они стреляют в немцев во время рождественского праздника, который украшает ёлка со свастикой. В общем, бессовестные и бесчеловечные советские солдаты, для которых нет ничего святого. Именно такими видят и показывают их режиссёры фильма. А любовные сцены на фоне войны показаны настолько современными, что фильму следовало бы дать название «Мисс снайперша меняет мужчин», тем более, что Севастополь и битва за Севастополь весьма бегло упоминаются ближе к концу фильма. Главная идея, которую внедряют авторы фильма, – этой войной нечего гордиться, советских солдат просто гнали на убой бессердечные НКВДшники, командиры перед боем орут на солдат как на скот, злой партработник, «тоталитарщина» и «кровавая гэбисты» постоянно притесняют молодое снайперское дарование, которой бы детей рожать, а не фрицев «убивать». Вот что вынесет молодёжь из этого фильма.

В фильме «Сталинград» никакой Родины, страны, Сталинграда нет – они лишь декорации, чтобы зритель выяснил, кто же из 5 или 6 бойцов является отцом ребёнка Кати. Бойцы Красной Армии показаны тупыми, истеричными, озабоченными. Офицер Красной Армии упрекает снайпера за то, что он стреляет в фашиста, пришедшего за водой: «Даже звери не жрут друга на водопое», – изрекает он. А фашисты – по контрасту – пример благородства. Пришедший за водой фашист как будто нарочно показан добродушным очкариком. В советских фильмах мы восхищались храбростью, мужеством и самоотверженностью людей, отдававших свои жизни, чтобы спасти Родину от фашизма. В постсоветских фильмах – героизма советских бойцов уже нет, а есть фашисты, которые рассуждают о животности и бесчеловечности «русских», которые и войну-то «не по правилам» и «не по честному» ведут. Нормальной любовной линии в этом фильме тоже нет. В советских фильмах любовь изображалась как близость двух душ, оказавшись в кровавом огненном аду. В «Сталинграде» любовная линия – это похоть и насилие. В итоге молодёжь запомнит, что в Сталинграде против бедных немецких солдатиков и философствующих фашистских офицеров сражались тупые отмороженные идиоты, не знающие подвига и героизма, а весь фильм носящиеся за «юбкой». Кто же выиграл войну? Очевидно, американцы или англичане.

Третий тип фильмов «про войну» представлен военно-детективными фильмами «про разведчиков». К ним относятся такие картины, как «Задания особой важности: операция –Тайфун» (2013), «Спасти или уничтожить» (2013), сериал «Фронт» (2014) и т.п.

Режиссёры сериала «Задания особой важности: операция –Тайфун» превратили трагедию войны в фарс: покривлялись, полюбились, постреляли. Симпатичные диверсантки неделю живут в лесу и после этого выглядят как абсолютно современные, капризные и туповатые девицы, вышедшие из салона красоты. Сержант, тыкающий лохматому нестриженому полковнику, который стоит перед генералом с расстёгнутым подворотничком. Такой «Красная Армия» представлена в этом фильме.

«Спасти или уничтожить» полностью раскрывает тему «кровавой НКВД». Первый же труп на экране – советский солдат, застреленный злобным НКВДшником прямо в камере. Далее идут генерал с тремя годами лагерей; жестокая НКВДистка, уничтожающая своих больше, чем фашистов; контуженый майор, расстреливающий своих же пленных, а не фашистов, которые их ведут; упыри из НКВД показаны исключительно негодьями и отморозками, пытающими

свою же сотрудницу. Какой вывод сделает посмотревшая фильм молодёжь? Никакого героизма не было, а советские солдаты воевали исключительно потому, что их гнали на убой НКВДисты и заградотряды. В целом поведение советских людей мало чем отличается от противостоящих им нацистов, которые от фильма к фильму становятся всё более «человечными» – и шоколадки детям эсесовцы дают, и рассуждают о благородстве. Сомнения в праведности и справедливости советской стороны в этой войне – вот что внедряют в массовое сознание подобные фильмы.

Во «Фронте» нет никаких боёв, битв и сражений. Вместо этого небольшие постановки, в которой главные герои уходят от погони «тупых» фашистов. И кругом – любовь, любовь, любовь. Это не патриотический фильм о немаловажной части исторических событий в Великой Отечественной войне – о деятельности разведки. Это Санта-Барбара с кровавыми «русскими», которые готовы сравнять из мести немецкие города с землёй. НКВДшники – дебилы, разведчики – уголовники, отношение к боевым товарищам как к ненужному мешку – можно бросить или заминировать. Это не «17 мгновений весны» с интеллектуальными изысками. Если убрать любовную линию, то фильм станет невыносимо скучным. Что он вносит в массовое историческое сознание? Ответ, я думаю, очевиден.

Таким образом, советский фильм был фильмом героев, историю которого хорошо понимал зритель, было ясно, за что он готов погибать и что он теряет на войне. В постсоветских фильмах – герои лишены индивидуальности, не понятна ни личная, ни социальная мотивация их действий. Они просто есть. Зато в изобилии представлены штампы и клише постсоветской «истории» Великой Отечественной войны, которые не столько помогают узнать что-то новое о войне, сколько формируют поколение, для которых война – это некое подобие компьютерной «стрелялки». А также символические фигуры, «кочующие» из фильма в фильм – штрафбаты, заградотряды, ГУЛАГи, враги народа, жертвы сталинизма, мародёрствующие советские солдаты, самодуры командующие, садисты особисты, злые комиссары, вороватые старшины и т.п.

Символическое пространство является ещё одним фактором формирования массового исторического сознания. В статье «Историческая память о Великой Отечественной войне: символическое измерение» [6] подробно рассмотрены роль и место символов в сохранении и воспроизводстве исторической памяти. Атака на историческую память о Великой Отечественной войне ведётся по многим направлениям, одним из которых является попытка деформировать или полностью разрушить символические основания этой войны, а также изменить смысл символов таким образом, чтобы война не считалась ни «великой», ни «отечественной». Что происходит в символическом пространстве постсоветской России? Уничтожение памятников, замена красной звезды двуглавым орлом (естественно, во имя восстановления «исторической справедливости»), маскировка Мавзолея В.И. Ленина к Параду победы, дискредитация советской военной символики (уравнивание «свастики» и «серпа и молота» как символов тоталитаризма), десакрализация советских героических плакатов периода Великой Отечественной войны в массовой культуре – таков далеко не полный набор средств атаки на историческую память о Великой Отечественной войне и формирования нового массового исторического сознания.

В итоге происходит размывание массового исторического сознания под влиянием либеральных западных ценностей. А Великая Отечественная война

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

(которая, пожалуй, осталась в постсоветской России единственной наряду с освоением космоса святыней советского периода российской истории) постепенно утрачивает свою роль, которая связывает разные поколения наших соотечественников.

Список литературы

1. Вернадский Г. Русская история: Учебник. М., 1997. 542 с.
2. История России. XX век: Учебное пособие для системы педагогических вузов России / Сост. А.Н. Боханов, М.М. Горинов, В.П. Дмитриенко и др. М., 1998. 608 с.
3. История России с древнейших времён до конца XX века: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2001. 760 с.
4. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938 – 2002: Учебное пособие. М., 2003. 540 с.
5. История. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 10 – 11 классов общеобразовательных школ. Ч. 2 / Сост. А.Н. Сахаров, Н.В. Загладин, Ю.А. Петров. М., 2019. 448 с.
6. Балабушевич В.Ю., Гурский А.И., Кокоулин В.Г. Историческая память о Великой Отечественной войне: символическое измерение // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 1(2). С. 75–79.

Kokoulin V.G.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MASS HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF MODERN RUSSIA

KOKOULIN Vladislav G. – doctor of historical Sciences, associate Professor, chief editor of the scientific and historical journal –Siberian Archivell, 630090, Novosibirsk-90, Pirogova str., 28, Apt. 18.
e-mail: kwladislav@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reflection of the Great Patriotic war in the mass historical consciousness of modern Russia. Three main sources of its formation are analyzed: educational literature, cinema and symbolic space. The author notes that despite certain changes that occur in the policy of historical memory, certain symbols, myths and stereotypes about the Great Patriotic war, its heroes, and main actors are fixed in the mass consciousness. The image of cruel and incompetent leaders of the country is formed (in particular, I.V. Stalin), which led to defeats in the first stage of the war; Soviet soldiers and officers, intelligence officers, etc. are positioned mainly with negative qualities. Cinema presents films that co-feast the stereotypes of American Hollywood to depict the events and participants of the Great Patriotic war. In films, war is increasingly becoming a backdrop for events that depict not so much historical characters and historical realities of the period, but rather –fittingly the realities of post-Soviet Russia in another historical era. The films feature stereotypical characters of the modern mass historical consciousness – incompetent commanders, stupid soldiers, evil commissars, crooked petty officers, sadists from the NKVD. Fascists, on the contrary, are ennobling themselves. In symbolic space, symbols are deformed or destroyed, adapted to the needs of modern mass culture, desacralized, and replaced with their

content. As a result, the Great Patriotic war, which was perceived in the Soviet period as a heroic period of our history with a tragic connotation, acquires a negatively distorted interpretation in the post-Soviet period, which casts doubt on its historical and moral significance and forms a blurred mass historical consciousness.

Keywords: Great Patriotic war, mass historical consciousness, policy of historical memory, mythologization, stereotype, myth, symbol.

УДК 94:[35:355.01+355.02](476)

Комар Е.В.

ПОДГОТОВКА ВОЙСК БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА К ВОЙНЕ (1921-1939 гг.)

КОМАР Евгений Васильевич — начальник цикла, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 220013, Республика Беларусь, г. Минск, Петруся Бровки ул., 6, аспирант Института истории Национальной академии наук Беларуси.
e-mail: ramok-kev@tut.by

Аннотация. Первая половина XX века ознаменовалась большим количеством трагических и судьбоносных событий – это революции, Первая мировая и гражданская войны. Но наиболее глубокий след в истории нашей когда-то общей Родины, оставила Вторая мировая война – самая масштабная и кровопролитная. Все эти исторические изломы глубоко изучены и продолжают рассматриваться в научных работах как отечественных, так и зарубежных ученых, раскрывающих все новые и новые факты событий того времени. Вместе с тем, немаловажную роль для создания полной картины Второй мировой войны играют события, происходившие между двумя мировыми войнами, которые освещены не так существенно. Именно в этот период происходило строительство военной организации СССР, становление и развитие вооруженных сил, накопление опыта, с которым они подошли к тяжелым испытаниям войны. Победа над фашистской Германией и милитаристской Японией в ходе Второй Мировой войны стала яркой страницей истории советского народа и его вооруженных сил, проявивших мужество и стойкость как на полях сражений, так и за линией фронта. Статья посвящена отдельным направлениям деятельности советского военно-политического руководства по строительству военной организации государства. Рассматривается комплекс мероприятий военного строительства в межвоенный период (1921-1939 гг.), направленный на подготовку вооруженных сил к возможным войнам. Прослеживается динамика роста численности формирований Белорусского военного округа. Выявлена взаимосвязь расширения масштабов и повышения качества подготовки вооруженных сил с изменениями уровня напряженности международной обстановки. На основе анализа архивных документов и научной литературы сделаны выводы о ходе и особенностях подготовки войск округа в приграничной БССР.

Ключевые слова: военное строительство, вооруженные силы, Белорусский военный округ, БССР, Вторая мировая война.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

С образованием нового, советского государства правительство немедленно приступило к обеспечению его внешних функций, одним из основных элементов которых была организация обороны страны от агрессии извне. Эта деятельность конкретизировалась основными направлениями военной политики и напрямую связывалась с формированием эффективной военной организации и наращиванием военной мощи страны.

В конце 1920 г., когда отгремели основные сражения гражданской войны, постепенно начался переход к мирному строительству. Военно-политическим руководством в сфере военного строительства решались вопросы вытекающие из новых реалий. В этот период главной стала задача по восстановлению разрушенного войной хозяйства, поэтому основные силы направлялись на экономическое развитие государства. Вместе с тем, необходимо было определить принципы дальнейшего строительства армии.

Ядро военной организации составляли вооруженные силы (далее – ВС), численность которых на тот период составляла около 5,5 млн. человек [1, с. 53], а Западного фронта (3 стрелковые, 2 кавалерийские дивизии, 1 стрелковая бригада), основу которых составляла 16-я армия, дислоцировавшаяся на территории Беларуси и РСФСР – 197327 человек [2, л. 80-82]. Содержать такую армию разоренная страна не могла, необходимо было сократить военные расходы, численность войск, при этом не только сохранить, но и повысить обороноспособность страны.

Начался нелегкий процесс радикального сокращения ВС. По планам, в результате проведения демобилизации, армия должна была быть сокращена в три этапа: к декабрю 1921 г. – с 5,5 до 1,6 млн.; май – октябрь 1922 г. – до 800 тыс.; январь – февраль 1923 г. – до 600 тыс. чел. [3, л. 27].

В 1924 г. общая численность ВС уже составляла 562000 человек [4, л. 50], а Западного военного округа (далее – ЗВО) 42583 военнослужащих [5, л. 4, 6-8, 10, 12, 24-26].

Массовое сокращение Красной Армии порождало проблему стратегического уровня, а именно подготовки страны к возможной войне. В частности, малочисленная армия была не способна подготовить достаточное количество призывного контингента. Выходом из сложившейся ситуации стал переход на территориально-милиционную систему комплектования ВС. Она позволяла содержать в отдельных воинских частях и соединениях ограниченный кадровый состав военнослужащих, в обязанности которого входило обучение военнообязанных, приписанных к формированиям по территориальному принципу. Кроме того, система давала возможность почувствовать себя народам хозяевами родной земли и ощутить ответственность и равенство в деле ее вооруженной защиты. В ЗВО первым таким формированием стала 2-я стрелковая дивизия [6, л. 59, 60], а затем на территориальное положение были переведены 33-я и 29-я стрелковые дивизии [4, л. 27; 7, л. 2; 8, л. 1].

Однако, реальное воплощение грандиозных планов реорганизации ВС шло в большей степени спонтанно. Отдельные достижения в вопросах военного строительства не исправляли картину общего бедственного положения РККА. Тяжелая ситуация сложилась с денежным, вещевым, продовольственным, квартирным обеспечением, войска были перегружены нарядами, работами и имели низкий уровень боеготовности. Дополнительно необходимо отметить, что из двух основных задач, поставленных руководством страны в ходе

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

реорганизации ВС, а именно сокращение численности армии и сохранение, повышение её боеспособности была выполнена только первая. Таким образом, назрела необходимость предпринимать серьезные, планомерные шаги в целях создания мощных ВС.

Постановление февральского пленума 1924 г. ЦК РКП(б) о необходимости принятия срочных мер для укрепления армии сыграло ключевую роль в строительстве РККА, запустило процесс их кардинального обновления и проведения военной реформы [9, с. 98, 99].

План реформирования ВС предусматривал решение следующих задач:

1. Укрепление военной системы СССР;
2. Укрепление органов военного управления;
3. Укрепление командных кадров;
4. Укрепление системы обучения и воспитания;
5. Укрепление партийно-политических органов и их деятельности [10, л. 4-106, 172-205, 232-234; 11, с. 71-73].

Уже в 1925 г. обозначились положительные результаты проводимой реформы. Полным ходом шла реорганизация РККА, развивались стрелковые войска, кавалерия, артиллерия и воздушный флот. Реформирование нашло отражение в новых штатах. Численность войск ЗВО выросла по сравнению с предыдущим годом практически на 17% и составила 60917 человек. Впервые с начала 20-х гг. по этому показателю был обойден Ленинградский военный округ. Группировка войск ЗВО стала третьей по численности в РККА после Украинского (102702) и Московского военных округов (83896) [12, л. 8]. В большинстве дивизий стали регулярно проводиться мероприятия боевой подготовки, расширялась полигонная база [13, л. 63, 64; 14, л. 2-4, 8-57; 15, л. 38, 154; 16, л. 5-10].

Приграничная республика вероятнее всего могла стать ареной, на которой разыгрались бы военные столкновения. Поэтому, наряду с другими западными пограничными территориями она милитаризировалась в большей степени. Группировка войск Белорусского военного округа (далее – БВО) продолжала увеличиваться, и по состоянию на 1 января 1928 г. составила 85178 человек [17, л. 1]. К декабрю 1929 г. в состав округа входило 4 стрелковых и 1 кавалерийский корпус (10 стрелковых и 2 кавалерийских дивизий) [18, с. 30-35].

Успешный ход реорганизации, подстегивал военно-политическое руководство к дальнейшим действиям, тем более, что статистические отчеты состояния РККА и ВС Западноевропейских стран за 1928 г. хоть и подтверждали положительную динамику развития наших войск, вместе с тем, они указывали на отставание по многим параметрам в вооружении и технике от Польши и Румынии, не говоря о Франции [19, л. 1-6, 11-14].

Совместно с первым пятилетним планом экономического развития страны был принят пятилетний план развития ВС СССР, оба документа составлялись в тесной взаимосвязи. Планом предусматривалось увеличение численности РККА, техническое перевооружение армии и многие другие мероприятия, направленные на дальнейшее укрепление обороноспособности государства [20, л. 20-26, 45-49, 59-60, 70-74; 21, с. 436, 452].

Очередной виток роста международной напряженности в начале 30-х гг., в том числе связанный с выходом из Лиги наций Германии и Японии, вскрывал два очага опасности, на западе и востоке страны, способных разжечь пламя войны [1,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

с. 81]. Надвигающаяся военная угроза дала импульс новой реорганизации РККА. Основным содержанием дальнейшего реформирования стало строительство массовой, кадровой армии и наращивание технического превосходства над вероятным противником.

В первой половине 30-х гг. вследствие значительного роста производства новой техники автобронетанковые и танковые части подверглись коренной реорганизации, приобрели новые организационные формы и оформились вместе с механизированными формированиями в самостоятельные рода войск.

Чрезвычайно интенсивный рост численности БВО произошел в начале 30-х гг. в связи с обострением международной обстановки и ростом вооруженных сил ведущих государств мира.

Наряду с количественными происходили и качественные преобразования войск. Комплектование формирований округа в рассматриваемый период осуществлялось различными способами, кадровый, территориальный и смешанный, с последующим переходом к единому, кадровому принципу.

В стрелковых войсках произошли существенные изменения в организационно-штатной структуре, которые привели к повышению их технической, ударной и огневой мощи. Удельный вес стрелковых войск в БВО, несмотря на рост, снизился по отношению к другим родам войск.

Значительные трансформационные процессы протекали и в кавалерии. С одной стороны они характеризуются стремительным усилением конницы, насыщением танками, бронемашинами, полевой, зенитной и противотанковой артиллерией, автоматическим стрелковым оружием. С другой – конница теряла свое прежнее значение и постепенно сокращалась.

Округ располагал довольно многочисленной артиллерией, роль и количество которой постоянно повышались. Проходило совершенствование ее организационных форм, огневой мощи. Качественное развитие получили современные средства артиллерийской разведки.

Динамично развивались бронетанковые войска округа, пройдя путь от нескольких бронеотрядов до механизированных, а в последствии тяжелых танковых бригад, которые к концу 30-х гг. представляли собой ударную силу БВО. Советским конструкторам удалось создать новые, современные на тот момент танки Т-35, Т-28, Т-26 и др., которые были приняты на вооружение формирований округа.

В период между войнами, произошло «превращение» авиации округа в мощную, современную организационную единицу, способную самостоятельно решать широкий спектр боевых задач. В это время была проведена модернизация боевой авиации, а затем и налажен выпуск отечественных летательных аппаратов, которыми в массовом порядке оснащались части. В 1937 г. ВВС округа были представлены тремя корпусами: 2-й (49-я, 59-я, 93-я скоростные бомбардировочные, 132-я истребительная и 4-я тяжелая бомбардировочная бригады); 6-й (5-я и 9-я тяжелые бомбардировочные бригады); 7-й (40-я легкобомбардировочная, 52-я легкая бомбардировочная, 114-я легкая штурмовая, 83-я истребительная, 116-я смешанная авиационная и 142-я истребительная авиационная бригады) [22, с. 27-37; 23, с. 12-16].

Группировка войск округа увеличивалась, по численности она занимала второе место после Киевского, среди всех военных округов, и составляла на 1

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

января 1938 г. – 191957 военнослужащих (без учета ВВС) [24, л. 75-98]. В первой половине сентября 1939 г. она возросла до 378610 [25, с. 300].

Ко второй половине 1939 г. в состав БОВО входили 3 армейские группы, 5 стрелковых, 2 кавалерийских и 1 танковый корпус, 13 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 8 легких танковых, 1 моторизованная стрелково-пулеметная, 1 авиадесантная бригада [26, с. 3, 4].

Таким образом, с первых дней создания РККА проходил непрерывный процесс их развития и совершенствования. Армия прошла путь от не стройных, добровольческих отрядов до подготовленного, оснащенного современными образцами вооружения и военной техники «стального гиганта».

В рассматриваемый период было проведено две военные реформы. Обе проводились вынужденно, под давлением нарастающей военной опасности. Критическому переосмыслению подверглись организация управления, взаимодействия и обеспечения, способы комплектования и подготовки войск, формы и способы применения ВС, принимались меры к оснащению их новейшими образцами вооружения и военной техники. Они затронули все стороны жизни ВС, урегулировали значительный круг вопросов и проблем, решив тем самым главную задачу – создание боеспособной армии, переход к плановому строительству современных и мощных ВС.

Военные реформы стали катализатором развития группировки войск Белорусского военного округа. Формирование и развитие войск БВО (изменение численности, дислокации, технической оснащенности, обеспечения кадрами и военно-обученными резервами, строительство национальных формирований) показало, что общий его ход определялся тенденциями, присущими строительству всех ВС, но в тоже время сочетался со специфическими особенностями и зависел от уровня напряженности международной обстановки. Военно-политическим руководством, исходя из прогнозирования высокой вероятности развязывания военных действий против СССР, на центральном участке западных рубежей СССР была создана крупная и мощная группировка войск, необходимая для стратегического сдерживания вероятных агрессоров.

Список литературы

1. XX лет Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота : [сборник]. – Ленинград : Лениблиздат, 1938. 135 с.
2. Российский государственный военных архив (РГВА). Ф. 46. Оп. 23. Д. 6.
3. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 4.
4. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54.
5. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2367.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1103.
7. РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 683.
8. РГВА. Ф. 46. Оп. 23. Д. 113.
9. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. : В 2 кн. Кн. 1. – М.; – СПб. : Летний Сад, 2006. 720 с.
10. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55.
11. Берхин, И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.) / И.Б. Берхин. – М. : Военное изд-во МО СССР, 1958. 460 с.
12. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 335.
13. РГВА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 625.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

14. РГВА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 204.
15. НАРБ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 5.
16. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2513.
17. РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 818.
18. РГВА. Книга «Дислокация войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений Рабоче-Крестьянской Красной Армии» : по состоянию на 1-е декабря 1929 года. 126 с.
19. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 826.
20. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 562.
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : 1898 – 1954. – Изд. 7-е. – М. : Госполитиздат, 1954. – Ч. 2 : 1924 – 1930. 676 с.
22. РГВА. Книга «Дислокация войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений Рабоче-Крестьянской Красной Армии» : по состоянию на 1-е января 1937 года. 119 с.
23. РГВА. Книга «Дислокация технических и специальных частей и учреждений сухопутных, воздушных и морских сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии» : по состоянию на 1-е января 1937 года. 65 с.
24. РГВА. – Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 783.
25. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны : Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. / М.И. Мельтюхов. – М.: Вече, 2001. 464 с.
26. Накануне : Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.) : документы и материалы / Департамент по архивам и делопр. М-ва юстиции Респ. Беларусь и др.; сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : НАРБ, 2007. 622 с.

Komar Y.V.

TROOPS PREPARATION OF THE BELARUSIAN MILITARY DISTRICT FOR THE WAR (1921-1939)

KOMAR Yauheni V. — cycle head, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, 220013, Republic of Belarus, Minsk, Petrusya Brovki st., 6, graduate student of the Institute of history of the National academy of sciences of Belarus.
e-mail: ramok-kev@tut.by

Abstract. A large number of tragic and fateful events marked the first half of the 20th century - these are revolutions, the First World War and the Civil War. But the deepest trace in the history of our once common Motherland was left by the Second World War - the most ambitious and bloody one. All these historical events are deeply studied and continue to be considered in the scientific works of both domestic and foreign scientists, revealing new facts about the events of that time. At the same time, an important role in creating a complete picture of the Second World War is played by the events that took place between the two world wars, which are not covered so much. It was during this period that the construction of the military organization of the USSR took place, the armed forces were formed and developed, and accumulated experience with which they approached the ordeals of war. The victory over fascist Germany and militaristic Japan during the Second World War became a bright page in the history of the Soviet people

and their armed forces, which showed courage and steadfastness both on the battlefields and behind the front line. The article is devoted to certain areas of activity of the Soviet military-political leadership in the construction of the state's military organization. The set of measures of military construction in the interwar period (1921-1939), aimed at preparing the armed forces for possible wars, is considered. The dynamics of growth in the number of formations of the Belarusian military district is traced. The article reveals the relationship of expanding the scale and improving the quality of training of the armed forces with changes in the level of tension in the international situation. Based on the analysis of archival documents and scientific literature, conclusions are drawn about the progress and characteristics of the district forces training in BSSR border.

Keywords: military construction, armed forces, Belarusian military district, BSSR, II World War.

УДК 94(477)"1941/1945":314.02

Корнилов Г.Е.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ССР ВО
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: МЕЙНСТРИМ СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***

КОРНИЛОВ Геннадий Егорович – доктор исторических наук, заведующий центром, Институт истории и археологии УрО РАН, 620219, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
e-mail: genakorn@mail.ru

Аннотация. До последнего времени историки Украины спорят о потерях населения во Второй мировой войне. Часть из них добавляют к ним и потери, произошедшие в результате присоединения территорий к Украинской ССР в 1939 – 1940 гг. Другие прибавляют еще умерших от голода в послевоенные годы. При этом авторы публикаций, за редким исключением, представляют оценочное конструирование действительности. В научном обороте имеются в основном версии авторских экспертных заключений на основании фрагментарных, в основном критически не осмысленных источников. Острая дискуссия, чрезмерная политизированность темы демографических потерь Украины и значительная вариация их оценок свидетельствует о том, что эта проблема не решена. Основными причинами этой историографической ситуации являются неправильно выбранные методологические подходы при оценке потерь населения в 1939 – 1945 гг. (расширение исторических географических границ (за счет Крымской и Закарпатской областей, не входивших в состав республики и присоединенных уже после войны) и хронологических рамок) и проблемы с источниковым обеспечением исследования. Украинские историки и демографы по большей части игнорируют исторические документы, которые хранятся в российских федеральных архивах. Произведенная «архивная разведка»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00032 А «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX — начале XXI вв.: региональный аспект»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

свидетельствует, что особый научный интерес представляют расчеты отдела демографии ЦСУ СССР и Статистического управления Украинской ССР, составленные в конце 1944-1946 гг. Выявленные исторические источники позволят достоверно реконструировать динамику и состав населения Украинской ССР и внести вклад в решение проблемы демографических потерь населения Украинской ССР в 1941-1945 гг. в контексте демографического развития СССР. **Ключевые слова:** демографические потери, людские потери, население Украинской ССР, Великая Отечественная война, демографическая статистика, динамика численности населения, историография, исторические источники народонаселения.

Исследования демографических потерь СССР в годы Великой Отечественной войны активизировались в конце 1980-х – 1990-е гг., одним из толчков было открытие архивов с демографической статистикой и подготовка Книг Памяти во всех регионах страны. Верно отметили М. Элман и С. Максудов, что в советское время изучения вклада в людские потери за период войны в бывших союзных республиках не было [1, р. 680]. Историко-демографических исследований потерь не велось, однако цифры о потерях населения Украинской ССР в литературе можно было встретить. В книге «Украинская ССР в Великой Отечественной войне» содержались сведения о потерях мирного населения в 3898,5 тыс. человек, погибших военнослужащих и военнопленных – 1366,6 тыс. человек, о людских потерях в Закарпатье и Крыму – 250,1 тыс. человек, а всего 5515,1 тыс. человек [2, с. 150]. В докладе первого секретаря ЦК КПУ В. В. Щербицкого на праздновании 30-летия победы прозвучала другая цифра – 6750 тыс. погибших жителей республики [Радянська Україна. 1974. 18 жовтня]. В начале нового века тема «Украина во Второй мировой войне» (заменившая «Украинская ССР в Великой Отечественной войне», упоминания о Великой Отечественной войне крайне редки) стала одним из мейнстримов современной украинской историографии. Современные исследования актуализируются принятием резолюции Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы», в которой утверждается, что Вторая мировая война была спровоцирована Германией и СССР (19 сентября 2019 г.) [3].

С 2006 г. Украинский институт национальной памяти (УИНП) с подачи зарубежных историков рассматривает эту войну «чужой» для Украины. Р. Сербин один из исторических идеологов современной украинской историографии ещё в 2004 г. писал об этом: «Красная Армия отвоевала Украину от нацистской Германии, но этим принесла украинскому народу не волю, а вернула сталинский плен. Поэтому говорить об освобождении нет смысла». [4; 5, с. 647-650]. Великая Отечественная война называется немецко-советской, на территории Украины воевали два тоталитарных режима за раздел мира и установление своего господства. В. Вятрович (директор УИНП, 2014 – 2019 гг.) на открытии конференции 2015 г. утверждал, что Украина должна иметь свой собственный взгляд, свое видение Второй мировой войны. Он заявил, что на территории Украины протекали не одна, а несколько войн в период с марта 1939 г. по 1954 г. (германо-польская 1939-1945 гг., немецко-советская 1941-1945 гг., подпольная немецко-украинская 1941-1944 гг., польско-украинская 1942-1947 гг., подпольная советско-украинская 1939-1954 гг.), во всех этих войнах Украину и украинцев рассматривали в качестве ресурса, отсюда и огромное количество потерь

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

населения [6, с. 8; 7]. Несмотря на активное вмешательство УИИП в научный процесс по изучению истории Второй мировой войны в современной историографической ситуации на Украине существуют два основных взгляда на проблему: 1. Советский – героизм и освобождение; 2. Героическая борьба за свободу и самоопределение.

Демографические потери населения выражаются в совокупности потерь от повышения смертности, снижения рождаемости и сокращения численности населения из-за миграционного оттока. До последнего времени историки Украины спорят о потерях населения в войне. Часть историков добавляют к ним и потери, произошедшие в результате присоединения территорий к Украинской ССР в 1939 – 1940 гг., а также передачу Закарпатья и Крыма, произошедшие уже после войны. Другие прибавляют еще умерших от голода в послевоенные 1946-1947 годы. При этом авторы публикаций за редким исключением представляют оценочное конструирование действительности. В научном обороте имеются в основном версии авторских экспертных заключений на основании фрагментарных, в основном критически не осмысленных источников.

Практически единственной работой о демографических потерях населения Украинской ССР в 1941 – 1941 гг. остаются исследования А.Л. Перковского и С.И. Пирожкова. Статьи выполнены на основе материалов, собранных и проверенных Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на временно оккупированных территориях СССР, и данных Статистического управления Украинской ССР. Авторы пришли к выводу о сокращении населения республики на 13,6 млн человек с начала 1941 г. к началу 1945 г., а к началу 1946 г. – на 8,9 млн человек [8, с. 15 – 25; 9, с. 171 – 197; 10, с. 31 – 39; 11, р. 1032–1040]. Практически никто из историков Украины ни до этих публикаций, ни после не привел более достоверных данных, основанных на исторических источниках, о потерях населения Украинской ССР за период Великой Отечественной войны. Однако ни эта, ни другие оценки не дают возможности выделить в общих потерях населения структуру по таким факторам, как дефицит рождений, миграционные потоки, чрезмерная смертность.

Достаточно странным выглядит включение в энциклопедическую статью данных о людских потерях Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны, приведенных В. Косык [12, с. 324]. Он оценивает общие демографические потери Украинской ССР в 14,5 млн, включая в их число убитых, умерших от болезней и голода, эвакуированных, депортированных, мобилизованных, эмигрантов, потери в естественном приросте. Это скорее сокращение населения, далее в самом конце книги он уточняет, что жертвы (это не демографический термин, видимо следует читать, людские потери) Украины в войне составили 2,5 млн военных, 5,5 млн гражданских, всего 8 млн человек [13, с. 455, 627]. Данные о сокращении населения им взяты не из архивов, а из статьи М. В. Коваля [14, с. 8]. Известный украинский историк М. В. Коваль оценивал людские потери в 8 млн человек [15]. С. В. Кульчицкий увеличил их до 9 млн человек, при этом демографические потери населения Крымской АССР/области во время Второй мировой войны учтены в приведенных выше подсчетах по Украинской ССР [16, с. 324]. Хотя в первом томе энциклопедии истории Украины количество людских потерь было определено «более 9 млн человек» [12, с. 667]

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

По мнению А.Е. Лысенко, по источникам невозможно посчитать более или менее точное количество человеческих потерь во Второй мировой войне. Оценки потерь получены им методом экстраполяции. По его оценкам, как он отмечает, возможно завышенным, погибло от 8 до 10 млн человек, а демографические потери – от 13 до 14 млн человек. Он считает, что впервые «Книга Памяти Украины» позволила сформулировать хотя бы приблизительные цифры. Подготовлено 257 томов (261 книга по всем областям Украинской ССР), которые содержат поименную информацию о тех, кто погиб, а также вступительные статьи – исторические очерки. Завершающий том этого грандиозного проекта получил название «Бессмертие. Книга Памяти Украины», в нем общие потери украинского народа составили 11654 тыс. человек. Цифра военных потерь в 6038 тыс. граждан Украины выведена на основе оперативных материалов, внесенных в областные издания Книги Памяти Украины [17]. Как позже заметит А. Е. Лысенко, это издание впервые позволило сформировать хотя бы приблизительные цифры потерь. И. Муковский и А. Лысенко (участники проекта) подготовили монографию «Доблесть и жертвенность: украинцы на фронтах Второй мировой войны» [18]. В ряде коллективных статей А. Лысенко, А. Перехреста, А. Иржавской содержится описание составляющих демографических потерь Украины 13584 тыс. человек, или они пишут 13 – 14 млн человек [19, с. 737—784; 20, с. 8–34; 21, с. 187–191; 22, с. 60–72]. Ю.В. Шаповал доводит цифру потерь до 14 млн человек [23, с. 20]. При этом он, как и некоторые историки, ссылается на других авторов без оценки опубликованных данных о потерях населения [24, с. 778].

О.Г. Лавер свел вместе данные о потерях в украинской историографии и получил следующий ряд потерь населения Украины в годы Великой Отечественной войны: 1. Потери среди военнослужащих Украины колеблются от 1377 тыс. до 3 млн погибших; 2. Колебания потерь гражданского населения составляют от 3,3 до 6,6 млн человек; 3. Общие потери населения оцениваются от 4,7 млн до 10 млн человек [25, с. 52]. Методика подсчета самого автора не понятна, то он пишет об украинцах, то о населении Украины. Но понятно одно, что диапазон оценок людских потерь Украины в период Второй мировой войны очень широк. Историки, изучая потери населения Украинской ССР, в основном, дают их оценку, исходя из публикаций, которые основаны на репрезентативных источниках – это статьи А. Л. Перковского и С. И. Пирожкова и Книг Памяти Украины. Новых исторических источников в научный оборот не вводится. Демографические последствия войны для Украины остаются окончательно не выясненными. В научном обороте имеются в основном версии авторских заключений на основании фрагментарных, в основном критически не осмысленных источников. Огромный диапазон имеющихся оценок людских потерь Украины в период Второй мировой войны свидетельствует, что историки не могут только историческими методами, в основном описательным, добиться решения проблемы.

Наибольшие научные результаты показали демографы в оценке потерь населения Украины в войне. Первыми к этой проблеме приступили в Национальном институте демографии Франции Ф. Милле и Ж. Валлен с привлечением С.И. Пирожкова, В.М. Школьников и ещё несколько человек провели расчет потерь населения Украины в 1930 – 1940 гг. Несколько ранее аналогичными методами на материалах СССР подобное исследование

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

осуществили Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова [26, с. 25–27; 27]. Они на основе госстатистики построили модель населения страны. От скорректированных материалов переписи 1939 г. (ввели 1 %-ую поправку на недоучет) посчитали год за годом, как менялась численность населения СССР к 1946 г. Французский коллектив методом демографического баланса на основе переписей 1939 и 1959 гг., а также данных текущего учета населения Украины 1947 г. попытались оценить гипотетические потери Украины во Второй мировой войне. Потери населения составили 13,8 млн человек. При этом в эти цифры вошли данные о потерях от голода 1946 – 1947 гг., переселения украинцев из Польши и поляков из Украины в 1945 – 1947 гг., возвращение эвакуированных в годы войны, демобилизованных из армии, оstarбайтеров. При этом к данным по Украинской ССР было добавлено население Крымской области (в 1954 г. РСФСР уступила её Украинской ССР) и Прикарпатской Руси (была присоединена после войны в 1945 г., получив название Закарпатская область). Кроме того практически по всем основным демографическим показателям (численность населения присоединенных территорий, количества родившихся, умерших и др.) применялись обоснованные авторами разные допуски. Исследование проводилось не в исторических границах Украинской ССР периода войны. Такое изменение административно-территориальных границ и, следовательно, искусственное увеличение населения республики вело к существенному увеличению к увеличению людских потерь Украины в военные годы. По их расчетам демографические потери в Украине в 1939 – 1948 гг. составили в общей сложности 13,8 млн человек (дефицит рождений – 4,1 млн, чистая внешняя миграция – 2,3 млн, избыточная смертность – 7,4 млн) [28, с. 7 – 29; 29; 30].

Вторую попытку осуществили исследования демографических последствий Второй мировой войны для Украины были осуществлены в Институте демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи НАН Украины, они были представлены на международной конференции 5 мая 2015 г. в Киеве в аналитической справке «Оценка демографических потерь Украины в период Второй мировой войны» [31, с. 203-207]. Научный сотрудник отдела демографического моделирования и прогнозирования института Е. Рудницкий сообщил газете «День» об исследовании еще в августе 2013 г., что по их расчетам Украина потеряла 9 млн своих граждан. Сюда вошли безвозвратные потери военнослужащих Красной армии (2,4 млн), красных партизан и ополченцев (0,2 млн), воинов — жителей Украины в составе военных формирований других государств и в вооруженных формированиях УПА (0,3 млн), потери в результате миграции жителей Украины за пределы СССР (1,7 млн). Половину от общего количества жертв войны, составило мирное население — 4,4 млн (люди погибли от массового террора оккупантов, катастрофического ухудшения условий жизни) [32]. По их мнению, война для Украины началась 1 сентября 1939 года — как для всей Европы. Но они посчитали потери, понесенные с июня 1941 г. по май 1945 г. Украина была в центре театра военных действий длительное время — почти 3,5 года. За период войны численность жителей сократилась на 7,5 млн (из 41,5 млн состоянием на 22 июня 1941 г. до, приблизительно, 34 млн лиц на 9 мая 1945 г.). Это — последствия войны, которая продолжалась 1417 дней (1224 дня Украина прожила в оккупации — с 22 июня 1942 года по 28 октября 1944 года).

Эти же цифры людских потерь приводятся в монографии А.Н. Гладуна, хотя все ссылки на источники в таблицах отсутствуют, кроме обозначения, что

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

данные предоставлены Е. Рудницким [33]. Однако эти цифры потерь Украины были увеличены цифры с 9 млн человек до 10,4 млн. Это произошло за счет включения в состав Украинской ССР данных о населении Крыма и Закарпатской области, а также данных о потерях населения западных областей с сентября 1939 г. до июня 1941 г., присоединенных к Украинской ССР от Польши и Румынии. Удивительным образом, что население Украинской ССР на начало и конец войны совпадают с данными, опубликованными А. Л. Перковским и С. И. Пирожковым в 1990 – 1991 гг., только к ним были прибавлены цифры населения Крымской АССР 1180 тыс. человек на 1 января 1941 г. и по Крымской области - 559 тыс. человек на 1 января 1945 г. [Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 121]. Тем самым только включение данных по Крыму увеличивает сокращение населения по Украине (как пишут авторы, хотя правильно в данном случае использовать историческое название Украинская ССР) на 621 тыс. человек. Такая же процедура произошла по Закарпатья: на 31 января 1941 г. население составляло 854, 8 тыс. человек, на 1 ноября 1946 г. – 715,9 тыс. [34, с. 207; 35], сокращение составило 138,9 тыс. человек. В результате привлечение к расчетам населения в 1941 – 1945 гг. Крыма и Закарпатья увеличили население Украинской ССР в 1941 г. на 2034,8 тыс. человек, а в 1945 г. – на 1274,9 тыс. человек, а, следовательно, и общее сокращение населения «Украины» оказалось больше на 759,9 тыс. человек.

Острая дискуссия, чрезмерная политизированность темы демографических потерь Украины и значительная вариация их оценок свидетельствует о том, что эта проблема не решена. Основными причинами этой историографической ситуации являются неправильно выбранные методологические подходы при оценке потерь населения (расширение исторических географических границ и хронологических рамок) и проблемы с источниковым обеспечением исследования.

Украинские историки и демографы игнорируют исторические документы, которые хранятся в российских федеральных архивах (или отсутствие средств на командировки, или, как бы не было странным, по указанию УИИП, нельзя использовать фальсифицированные НКВД документы российских архивов). Тем не менее особый научный интерес представляют расчеты отдела демографии ЦСУ СССР и ЦСУ Украинской ССР, составленные в конце 1944-1946 гг. (в частности, РГАЭ: фонд 1562 ЦСУ СССР; фонд 4372 Госплана при СНК СССР). В них содержится достаточно широкая информация о демографической ситуации в республике в целом и по областям на начало 1941, 1945, 1946 гг. Кроме того, в этих фондах сохранились отчеты о работе по восстановлению численности населения на территориях, находившихся под оккупацией (отчет о населении УССР на начало 1946 г.; балансовые расчеты гражданского населения отдельно по областям; докладные записки о естественном движении населения УССР за 1945 и 1946 г.; итоги подсчета избирателей в феврале 1946 г.). Выявленные документы российских архивов требуют, безусловно, тщательного источниковедческого анализа с целью доказательства их достоверности и репрезентативности. Включение новых исторических источников в научный оборот позволит достоверно реконструировать динамику и состав населения Украинской ССР и внести вклад в решение проблемы демографических потерь населения Украинской ССР в 1941-1945 гг. в контексте демографического развития СССР.

Список литературы

1. Elman M., Maksudov S. Soviet deaths in the great patriotic war: A note // Europe – Asia studies. 1994. Vol. 46. № 4. P. 671 – 680.
2. Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941–1945 рр. / ред. І. Д. Назаренко. Т. 3. К.: Політвидав України, 1969. 452 с.
3. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (10.03.2020).
4. См. Сербин Р. Боротьба за історичну пам'ять українського народу. Режим доступа: <http://www.exlibris.org.ua/vvv/article-end.html> (11.03.2020).
5. Сербин Р. «Велика Вітчизняна війна»: історична пам'ять та її міфологізація // Архіви України. 2005. № 1-3. С. 647 - 650.
6. В'ятрович В. Друга світова – війна пам'ятей. Вступне слово // Українська Друга світова: Матеріали міжнародної наукової конференції до 70-ї річниці перемоги над нацизмом у Другій світовій війні (5 травня 2015 р., м. Київ) / Упорядник Яременко В. М. Київ: К.І.С., 2015. С. 6 – 12.
7. Від Рейхстагу до Іводзіми. У полум'ї війни. Україна та українці у Другій світовій / Заг. ред. Я. Примаченко; Авт. кол.: В. В'ятрович, С. Громенко, М. Майоров, І. Патриляк, Я. Примаченко, А. Руккас. Х., 2017. 352 с.
8. Перковський А. Л., Пирожков С. І. Демографічні втрати народонаселення Української РСР у 40-х рр. // Український історичний журнал. 1990. № 2. С. 15 – 25.
9. Перковский А. Л., Пирожков С. И. Из истории демографического развития 30-40-х годов (на примере Украинской ССР) // Экономика. Демография. Статистика. Исследования и проблемы. М.: Наука, 1990. С. 171 – 197.
10. Пирожков С. І. Які ж наші людські втрати. До оцінки демографічних наслідків кризових явищ 30—40-х років на Україні // Вісник Академії наук Української РСР. 1991. № 1. С. 31 – 39.
11. Pyozhkov Serhii I. Les pertes demographiques en Ukraine dans les annees 1930 et 1940 // Population. 1996. № 51 (4–5). P. 1032–1040.
12. Енциклопедія історії України: Т. 2: Г-Д / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. К.: В-во "Наукова думка", 2004. 688 с.
13. Косик В. Україна и Німеччина у Другій світовій війні. Париж-Нью-Йорк-Львів, 1993. С. 455, 627.
14. Коваль М.В. Ради депутатів трудящих Української РСР в роки Великої Вітчизняної війни (1941 – 1945 рр.) // Український історичний журнал. 1973. № 12. С. 3 – 15.
15. Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняних війнах (1939–1945). К.: Видавничий дім «Альтернативи», 1999. 336 с.
16. Енциклопедія історії України: Т. 2: Г-Д / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. К.: В-во "Наукова думка", 2004. 688 с.
17. Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941 — 1945 / Гол. ред. колегія: голова І. О. Герасимов, заступники голови І. Т. Муковський і П. П. Панченко; Р. Г. Вишневецький відповідальний секретар. К.: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. 944 с.
18. Муковський І. Т., Лисенко О. Е. Звитяга і жертвність: Українці на фронтах Другої світової війни. К.: Пошуково-видавниче агентство "Книга Пам'яті України", 1997. 563 с.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

19. Перехрест О. Г., Лисенко О. Є, Іржавська А. П., Перехрест І. В. Демографічні втрати України в роки Другої світової війни // Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ ст. : істор. нариси: у 2 кн. Київ: Наук. думка, 2011. К. 2. С. 737—784.
20. Лисенко О. Є., Перехрест О. Г. Демографічні втрати України в роки Другої світової війни // Архіви України. 2015. № 3. С. 8–34.
21. Іржавська А. П. Демографічні наслідки нацистського фізичного терору проти східних слов'ян періоду Другої світової війни // Український селянин. 2014. С. 187–191.
22. Іржавська А. П. Проблема нацистського фізичного терору проти східних слов'ян у період Другої світової війни в сучасній зарубіжній історіографії // Вісник Черкаського університету. Серія Історичні науки. 2015. С. 60–72.
23. Шаповал Ю. Друга світова війна: український контекст // Українська Друга світова: Матеріали міжнародної наукової конференції до 70-ї річниці перемоги над нацизмом у Другій світовій війні. Київ: К.І.С., 2015. С. 13-21.
24. Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ ст. Історичні нариси. Книга друга. Київ: НВП "Видавництво "Наукова думка, НАН України", 2011. Кн. 2. 943 с.
25. Лавер О. Г. Загальні втрати українського народу в роки Великої Вітчизняної війни // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія». 2014. Вип. 1 (32). С. 51 – 60.
26. Андреев Е., Дарский Л., Харьковова Т. Оценка людских потерь в период Великой Отечественной войны // Вестник статистики. 1990, № 10. С. 25–27.
27. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.
28. Валлін Я., Месле Ф., Адамець С., Пирожков С. Нова оцінка втрат населення України протягом криз 1930-х та 1940-х років // Демографія та соціальна економіка. 2005. № 2. С. 7 – 29.
29. Meslé, F., Vallin, J. Смертність та причини смерті в Україні у ХХ столітті. Kiev: INED et IDSS, 2008. 416 p.
30. Meslé, F., Vallin, J. Mortality and causes of death in 20th century Ukraine. Dordrecht, Heidelberg, London, New York, Springer, 2012. 279 p.
31. Оцінка демографічних втрат України у період Другої світової війни. // Українська Друга світова війна. Матеріали міжнародної наукової конференції до 70-ї річниці перемоги над нацизмом у Другій світовій війні. Київ, 2015. С. 203-207.
32. Інтерв'ю газеті «День». Режим доступу: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/gazeta011.php> (01.03.2020)
33. Гладун О.М. Нариси з демографічної історії України ХХ століття. Київ: НАН України, Ін-т демограф. та соціальн. дослідж. ім. М.В. Птухи, 2018. 224 с.
34. Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура / україномовний варіант українськоугорського видання / Під ред. М.Вегеша, Ч.Фединець. Ужгород: Видавництво «Ліра», 2010. 720 с.
35. Копчак В.П., Копчак С.И. Население Закарпатья за 100 лет. 1870-1970. Статистико-демографическое исследование. Львов: Изд-во Вища школа при Львов. ун-те, 1977. 200 с.

Kornilov G.E.

**MOGRAPHIC LOSSES OF THE POPULATION OF THE UKRAINIAN SSR IN
THE SECOND WORLD WAR: MAINSTREAM OF THE MODERN
UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY**

KORNILOV Gennady E. – Head of the Center, Institut of History and Archeology, Ural Branch of RAS, 620219, Russia, Yekaterinburg, ul. S. Kovalevskaya, 16.
e-mail: genakorn@mail.ru

Abstract. Until recently, historians of Ukraine argued about the loss of population in World War II. Some historians add to them the losses that occurred as a result of the annexation of territories to the Ukrainian SSR in 1939 - 1940. Others add even those who died of starvation in the postwar years. At the same time, the authors of publications, with rare exceptions, present an estimated construction of reality. In the scientific community, there are mainly versions of authors' expert opinions based on fragmented, mostly critically unreasonable, sources. A heated discussion, the excessive politicization of the topic of demographic losses in Ukraine and a significant variation in their estimates indicate that this problem has not been resolved. The main reasons for this historiographic situation are incorrectly chosen methodological approaches in assessing population losses in 1939-1945. (expansion of historical geographical borders (at the expense of the Crimean and Transcarpathian regions that were not part of the republic and were added after the war) and the chronological framework) and problems with the source of research. For the most part, Ukrainian historians and demographers ignore historical documents that are stored in the Russian federal archives. Archival intelligence indicates that the calculations of the demography department of the Central Statistical Bureau of the USSR and the Statistical Office of the Ukrainian SSR, drawn up at the end of 1944-1946, are of particular scientific interest. An analysis of the identified historical sources will make it possible to reliably reconstruct the dynamics and composition of the population of the Ukrainian SSR and contribute to solving the problem of demographic losses of the population of the Ukrainian SSR in 1941-1945. in the context of the demographic development of the USSR.

Keywords: demographic losses, human losses, the population of the Ukrainian SSR, the Great Patriotic War, demographic statistics, population dynamics, historiography, historical sources of population.

УДК 94(476) «1941/1945» (043.3)

Корсак А.И.

**МЕСТА СОЖЖЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ (1941 - 1944 гг.) В БЕЛОРУССКОЙ
И РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКАХ***

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

КОРСАК Алеся Иосифовна — заведующая кафедрой истории и туризма, Полоцкий государственный университет, 220440, Беларусь, г. Новополоцк, Блохина ул., 29.
e-mail: ale-korsak@yandex.ru

Аннотация. В данной статье обозначены основные проблемы, требующие своего исследования. На основе опубликованных архивных источников Национального архива Республики Беларусь рассмотрена проблема сожженных деревень Беларуси и России в годы нацистской оккупации 1941 – 1944 гг. и связанная с ними политика мемориализации – сохранения памяти о местах сожженных деревень и увековеченных именах уничтоженных в них мирных жителей – в белорусской и российской практиках. Показаны существенные отличия нормативно-правовой базы двух государств на современном этапе в сфере мемориальной политики в целом и в отношении к местам сожженных населенных пунктов в годы Великой Отечественной войны. Впервые приведены предварительные результаты анализа архивного материала Национального архива Республики Беларусь по десяти областям РСФСР и территории БССР, которые показывают соотношение количества угнанного населения на принудительные работы на территорию третьего рейха и уничтоженного мирного населения в ходе карательных операций нацистских коллаборационистских формирований, а также при отступлении вермахта в 1943 г. с территории РСФСР.

Ключевые слова: место сожженной деревни, место массового уничтожения, Великая Отечественная война, мемориализация, идентификация, БССР, РСФСР, Республика Беларусь, Российская Федерация.

Военно-мемориальная работа в понимании комплексных мероприятий, проводимых органами государственной власти в целях сохранения и достойного увековечения памяти погибших при защите Отечества [1], на протяжении всего времени с момента окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн была в центре внимания государственных органов власти и общественности.

75-летие празднования Победы в Великой Отечественной войне с новой силой обращает наше внимание на историю появления воинских захоронений погибших солдат Красной (Советской) армии и мест массового уничтожения гражданского населения и связанные с ними действия процесса увековечения памяти.

В советский период времени и в последние десятилетия проделана значительная работа по изучению нацистского оккупационного режима и реализации политики геноцида в отношении к мирному гражданскому населению Беларуси и России. Особенно хорошо разработана тема геноцида еврейского населения как в белорусской, так и в российской и зарубежной историографии. В связи с этим обратим внимание на последние исследования.

Относительно предмета исследования, в первую очередь, следует отметить совместные работы белорусско-российской группы историков и архивистов по выявлению и изучению документов архивов Беларуси и России, раскрывающих политику геноцида периода нацистской оккупации в отношении к мирному населению БССР и РСФСР, итогом которой стали сборники документов и материалов «Сожженные деревни Белоруссии, 1941 – 1944» [2] и «Сожженные деревни России. 1941 – 1944» [3]. Кроме того, в 2019 г. к 75-летию освобождения

Беларуси от нацистских захватчиков вышло энциклопедическое издание «Нельзя забыть. Нельзя понять. Нельзя оправдать», посвященное трагедии белорусских деревень, сожженных нацистами вместе с жителями в годы Великой Отечественной войны [4].

Помимо выше указанных изданий по данной теме следует отметить исследования белорусских ученых последних лет – А. Ковалени [5], А. Литвина [6], А. Шаркова [7], С. Новикова [8], Т. Савчук [9], раскрывающие отдельные аспекты нацистского оккупационного режима и политики памяти о жертвах Великой Отечественной войны.

Работы российских исследователей представлены публикациями В. Рубина [10], в том числе и соавторстве [11], С. Кулика [12], Т. Бабанина [13] и др.

Несмотря на представленную историографию ученых Беларуси и России по изучению захоронений Великой Отечественной войны, все же остаются вопросы терминологии и идентификации захоронений, которые не были ранее представлены в научном дискурсе.

Методология исследования. Теоретико-методологической основой исследования является группа методов как общенаучной направленности, в частности, методы описательной статистики и классификации, так и специально-исторические – историко-сравнительный и историко-типологический.

Основная часть. Прежде чем перейти непосредственно к предмету исследования, необходимо обратиться к понятийному аппарату, используемого для его обозначения и в первую очередь в нормативно-правовой базе Беларуси и России.

В белорусском законодательстве термины для обозначения мест массового уничтожения периода Великой Отечественной войны употребляются в документах нескольких уровней: от указов Президента Республики Беларусь до постановлений Совета Министров Республики Беларусь и Министерства обороны Республики Беларусь.

Рассмотрим в хронологическом порядке использования терминов и их определения в значениях, установленных в актах законодательства Беларуси. Так, согласно документу 2003 г. Министерства обороны Республики Беларусь место массового уничтожения определено как место, где «захоронены военнослужащие и другие жертвы войн, захоронения которых проводились многократно без соблюдения каких-либо правил в местах принудительного содержания» [14]. Указ Президента Республики Беларусь № 109, подписанный 24 марта 2016 г. выше приведенный термин не содержит, но вводит понятие «захоронения жертв войн» [15]. Далее, на протяжении 2018 – 2019 гг. в принимаемых нормативно-правовых актах Советом Министров Республики Беларусь термин «захоронение жертв войн» был уточнен и заменен на термин «место массового захоронения гражданского населения» [16; 17].

Обратимся к российскому законодательству. В данном случае мы имеем Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 в редакции от 19 июля 2018 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [18], в котором идет речь только о воинских захоронениях, имеющих отношение к погибшим при защите Отечества в том числе и во время Великой Отечественной войны. Термин «место массового захоронения жертв гражданского населения» данного периода в законодательстве федерального уровня не выявлен. 9 августа 2019 г. издано Постановление Правительства Российской Федерации № 1036 Об

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

утверждении федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019 – 2024 годы» [19], в котором речь идет о воинских захоронениях солдат, погибших при защите Отечества периода 1941 – 1945 гг., и воинов-интернационалистов.

Но это не значит, что работа по увековечению памяти жертв нацистского оккупационного режима на территории Российской Федерации не ведется. Согласно Федеральному закону от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» (с изменениями на 2 декабря 2019 г.) в статье 5 «Памятники Великой Отечественной войны» к таковым относятся скульптурные, архитектурные и другие мемориальные сооружения, и объекты, увековечивающие память о событиях, об участниках, о ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны [20]. Безусловно, ярким примером является Пискаревское мемориальное кладбище на месте массовых захоронений жителей блокадного Ленинграда.

Следует отметить некоторые существенные отличия в законодательстве союзных государств. Так, в Республике Беларусь в отличие от российской практики места захоронений гражданского населения, и в первую очередь, жертв сожженных деревень подлежат учету и паспортизации.

Нельзя обойти вниманием значимое событие, произошедшее 11 мая 2018 г. в Псковской области, во время которого представители делегаций Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Псковской области Российской Федерации и Логойского района Минской области Республики Беларусь подписали соглашение о сотрудничестве по увековечиванию и сохранению памяти о сожженных деревнях и заживо сожженных в них людях немецкими оккупантами на территории России и Беларуси [21]. В рамках проводимого круглого стола было высказано немало идей по увековечению памяти жителей сожженных деревень России, в частности – утвердить общероссийский День памяти сожженных немецко-фашистскими оккупантами деревень, а также создания музея [21].

Вопрос о создании места памяти о местах массового уничтожения мирного населения в российском обществе поднимался неоднократно. Свидетельством тому служат публикации газеты «Правда» за 2014 – 2015 гг., изданные в сборнике «Сожженные заживо зовут к нам» [22]. Основной посыл звучит так: «Создание сегодня в Российской Федерации мемориального памятника жертвам фашистского террора в годы Великой Отечественной войны – важная общегосударственная задача» [22].

Таким образом, места захоронения гражданского населения, погибшего в ходе реализуемой политики геноцида в целом и карательных операций в частности, в Беларуси подлежат учету и паспортизации. В российской практике мемориализация данных мест осуществляется в соответствии с федеральным законодательством, регламентирующим процесс увековечения памяти жертв Великой Отечественной войны.

На ряду с наличием памятников на местах сожженных деревень и процессом учета и паспортизации Беларусь имеет общенациональное место памяти сожженным деревням – мемориальный комплекс «Хатынь». Для российского общества, исходя из постановки вопроса, эта тема остается открытой для обсуждения.

Проблемы идентификации мест сожженных деревень, увековеченных в них имен. Вопросы идентификации мест массового уничтожения и мест

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

массового захоронения в отличие от воинских захоронений довольно сложные и требуют особого внимания.

На территории Беларуси учет сожженных деревень был начат с 1960-х гг., когда возникла идея создания мемориала сожженным деревням. Но фактически внимание обращалось еще в 1948 г. на одном из совещаний, где был озвучен тезис о благоустройстве «могил массового захоронения населения – жертв немецкой оккупации» был озвучен [23]. Но дальнейшего своего развития в виде постановки на учет и паспортизации он не получил.

Диаграмма 1. Кол-во населенных пунктов Беларуси, сожженных полностью или частично с жителями в период 1941 -1944 гг.

По состоянию на 10 марта 2020 г. по официальным данным Управления по увековечению Министерства обороны Республики Беларусь документально зафиксировано 6 829 захоронений периода Второй мировой войны, из них захоронения жертв войны – 1 382 [24], что на 2 % больше, чем на момент сентября 2019 г. (1 362 захоронения) [24]. В данных захоронениях увековечены имена 2 069 465 человек, из них жертвы войны составляют 1 030 196 человек [24]. Относится к этим данным нужно критически с той точки зрения, что период Второй мировой войны шире, чем Великой Отечественной войны, но в любом случае погрешность не будет настолько значительной, чтобы в целом изменить масштаб жертв нацизма.

По официальным данным Национального архива Республики Беларусь по состоянию на 10 марта 2020 г. по документам различного происхождения выявлено 9 097 (9 188) сожженных деревень в годы Великой Отечественной войны [25], из них по областям: Брестская – 786, Витебская – 3 518, Гомельская – 1 452, Гродненская – 311, Минская – 1 528, Могилевская – 1 593 деревень*. Эти показатели имеют отношение к общему количеству разрушенных (сожженных) населенных пунктов в период нацистской оккупации.

* Выборка произведена автором

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Для общего понимания о количестве населенных пунктов, сожженных полностью или частично с жителями в 1941 – 1944 гг., представим численные показатели в виде диаграммы [составлена автором на основе: 24; 25; 26].

Для сравнения были взяты сведения издания 1995 г. «Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941 – 1944)», основанного на анализе документов и материалов Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях, причиненных нацистами в Беларуси, а также материалов, предоставленных местными органами власти и управления БССР, республиканскими и районными ветеранскими комиссиями, а также статистические показатели электронной базы данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» по состоянию на 10 марта 2020 г. Главным в данном случае является не столько соотношение и разница в показателях между 1995 г. и 2020 г., сколько факт количества поставленных на учет и паспортизированных мест уничтожения жертв нацизма из числа местного населения, расстрелянного и сожженного в ходе карательных операций оккупационных властей в период 1941 – 1944 гг. Данные электронной «Книги памяти» по состоянию на 10 марта 2020 г. показывают, что из 6196 сожженных деревень только 1382 имеют статус захоронения, что составляет 22 % от общего количества. Это можно объяснить, в частности, тем, что многие из них увековечены в мемориальном комплексе «Хатынь», соответственно является нецелесообразным установка памятника и т.д. на месте уничтоженной вместе с людьми деревни.

Вопрос ещё заключается и в том, можно ли отождествлять место массового уничтожения и место массового захоронения гражданского населения, уничтоженного в годы нацистской оккупации 1941 – 1944 гг.? На наш взгляд, как правило, послевоенный процесс укрупнения захоронений периода Великой Отечественной войны касался только первичных мест захоронения воинов Красной армии и партизан, в случае гибели последних в ходе освобождения территории Беларуси (осень 1943 г. – лето 1944 г.). Так как захоронения участников сопротивления, погибших в период карательных операций или в ходе рейдов, осуществлялись в основном на действующих гражданских кладбищах, то и их процесс перезахоронения не касался, о чем свидетельствует соотношение первичного места захоронения и ныне существующих в данных местах могил.

Исходя из выше сказанного, процесс перезахоронения конца 1940-х гг. и середины 1950-х гг. не затронул мест уничтожения гражданского населения, это же касается и мест уничтожения военнопленных и узников гражданских лагерей.

Есть и еще одна проблема. В паспортах мест массового уничтожения мирного населения в столбце «известные» практически всегда стоит прочерк. Но если обратиться к книгам «Память» по городам и районам Беларуси, то в разделе «Мирные жители, погибшие в годы Великой Отечественной войны» или «Жертвы войны» имеем конкретные фамилии и даты их гибели. Назревает закономерный вопрос: почему создаваемые решением местных органов власти рабочие группы по увековечению памяти погибших не принимают во внимание данные сведения и не выводят из категории «неизвестные» в категорию «известные» жертв Великой Отечественной войны.

Проблема состоит и в том, что верифицировать данные книг «Память» по документам не всегда представляется возможным.

Тем не менее, в белорусской исторической науке на протяжении нескольких десятков лет проблема уничтожения мирного населения и сожженных

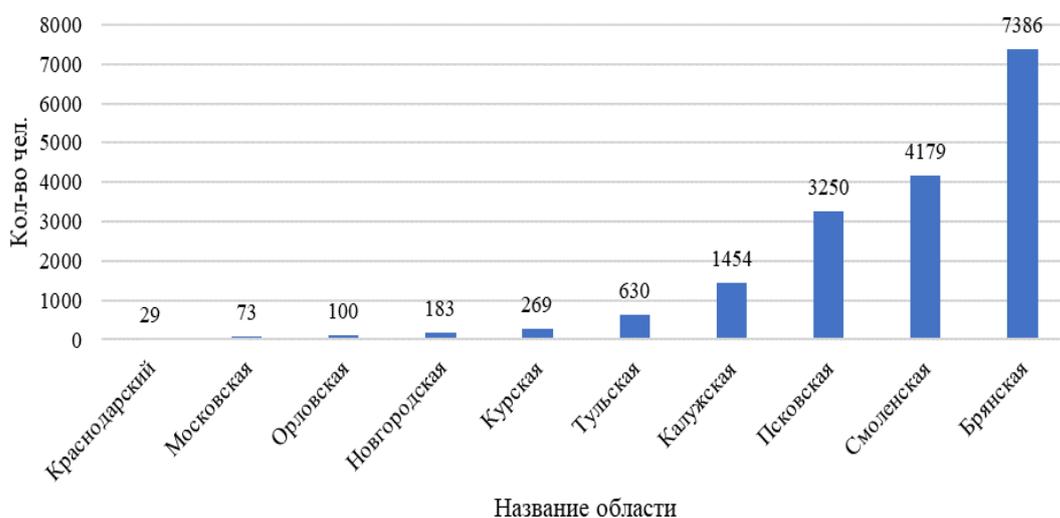
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

деревень в годы Великой Отечественной войны находится в фокусе исследований. За этот период времени накоплена значительная база данных архивных документов, к которым обращаются историки. Исследования ученых вышли на новый уровень критического осмысления документальной базы, её детальной проработки.

Обратимся к российской практике. Согласно данным, приведенным в Федеральной целевой программе на 2019 – 2024 гг., упоминаемой ранее, на территории Российской Федерации по состоянию на 1 января 2019 г. находятся 31 078 российских (советских) воинских захоронений погибших при защите Отечества [19], но это число не входят могилы жертв нацистского оккупационного режима из числа мирного гражданского населения, уничтоженного в ходе карательных операций периода Великой Отечественной войны.

В ходе панельной дискуссии «Нацистская истребительная политика: память через десятилетия», проведенной в Государственном академическом университете гуманитарных наук 22 января 2020 г. и посвященной Международному дню памяти жертв холокоста (27 января), ректором данного учебного заведения Д. Фоминым-Ниловым была дана примерная цифра в 10 000 сожженных деревень России [27]. К примеру, в Псковском районе из 406 деревень полностью сожжены дотла 325 деревень (что составляет 80 %) [3, с. 270 - 271]. Но в данном случае идет речь об уничтожении населенных пунктов, и, вероятно, имелось в виду сожженные деревни вместе с жителями и без них.

Диаграмма 2. Количество уничтоженного мирного населения РСФСР в период 1941 - 1943 гг. по данным Национального архива Республики Беларусь

[составлена автором на основе: 3, с. 13 – 367]

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Касаемо вопроса о численности жертв сожженных деревень на территории России, то в распоряжении исследователя имеются архивные данные, опубликованные в сборнике «Сожженные деревни России. 1941 – 1944» [3], хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь. Проанализировано 307 документов – акты областных и районных комиссий Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, справки, сведения, протоколы допросов жертв и свидетелей и другие, из которых проделана выборка о количестве уничтоженного (расстрелянные, повешенные, сожженные) местного населения из десяти представленных документально областей РСФСР (Диаграмма 2).

Данные диаграммы представляют собой предварительные результаты, которые не лишены недостатков и имеют определённую погрешность, т.к. в документах порой не конкретизируются данные – указано «было расстреляно и сожжено много жителей деревни», но сколько именно не понятно. Естественно в данном случае, количество жертв не учитывалось в общей цифре. Многие данные даются приблизительно. Но, т.к. мы не имеем других документов, уточняющих или опровергающих данные цифры, то работаем с ними.

Исходя из данных диаграммы очевидно, что наибольшее количество уничтоженного населения деревень и сел РСФСР в ходе карательных операций, грабительских рейдов местной полиции из числа коллаборантов и при отступлении военных частей вермахта приходится на территории Псковской (3 250 чел., 18,51 %), Смоленской (4 179 чел., 23,80 %) и Брянской (7 386 чел., 42,07 %) областей от общей численности в 17 553 чел. по десяти областям РСФСР, где наибольший размах получило партизанское движение. Снова обращаем внимание, что это данные только тех документов, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь.

Если обратить внимание на соотношение угнанного населения на принудительные работы на территорию Третьего рейха и сожженного, повешенного и расстрелянного на месте, то оно имеет свои отличия. К примеру, по данным Псковского райисполкома о численности уничтоженного населения в период нацистской оккупации района от общего их количества: угнано – 18 600 чел. (98,45 %), расстреляно – 220 чел. (1,17 %), сожжено и повешено – 73 чел. (0,40 %) [3, с. 270 – 271]. Исходя из этого, менее 1 % жителей населенных пунктов Псковского района непосредственно было сожжено и повешено. Другую картину можем наблюдать в Демидовском районе Смоленской области: «расстреляно 1 041 гражданин, замучено – 10 человек, отравлено 2 человека, повешено 28 человек, угнано в немецкое рабство – 251 человек и сожжено живыми – 784 человека» [3, с. 287 – 288], что в процентном соотношении от общего числа погибших и угнанных в рабство 37,5 % приходится на заживо сожженных жителей разного возраста, в основном стариков, женщин и детей.

К сожалению, на данный момент не имеем возможности показать данные в соотношении с довоенным населением приведенных выше примеров, чтобы иметь целостную картину трагедии сожженных деревень России.

Места захоронения жертв нацизма сожженных деревень не всегда соотносятся с местами установки памятников, которые, как правило, располагали на месте бывшей деревни (в случае ее не восстановления) или месте сожжения постройки вместе с людьми (в случае возрождения). В большинстве случаев

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

захоранивали погибших свои же односельчане, оставшиеся по воле случая в живых: «Все эти трупы я (Н.Ф. Немцев – авт.) с жителями дер. Фошня, которые вернулись из леса, похоронили на кладбище» [3, с. 36]. Зафиксированы и факты, когда нацисты не разрешали забирать тела для погребения с «воспитательной» целью: «Изуродованные трупы несколько дней лежали не зарытыми и были оставлены на съедение собакам» [3, с. 129]. В таких случаях, говорить о местах захоронения жертв не приходится, но символическое увековечение имен необходимо.

Выводы. Таким образом, в отношении к местам сожженных деревень и их жертвам в белорусской и российской практиках имеются некоторые отличия: от терминологии до нормативно-правовой базы, в постановке на учет в качестве захоронения жертв периода Великой Отечественной войны и его последующая паспортизация, а также в процессе увековечения памяти сожженных деревень в широком понимании данного термина.

Список литературы

1. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://multilang.pravo.by>. Дата доступа: 05.03.2020.
2. Сожженные деревни Белоруссии, 1941 – 1944: Документы и материалы / сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменова и др. М.: Фонд «Историческая память», 2017. 512 с.
3. Сожженные деревни России, 1941 – 1944: Документы и материалы / сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменова и др. М.: Фонд «Историческая память», 2017. 608 с.
4. Нельзя забыть. Нельзя понять. Нельзя оправдать. Иллюстрированная энциклопедия сожженных деревень Беларуси в годы Великой Отечественной войны = Impossible to forget. Impossible to understand. Impossible to justify. Illustrated Encyclopedia of the burned villages of Belarus during the Great Patriotic War. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. 304 с.
5. Коваленя А. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // Беларуская думка. № 8. 2019. С. 3 – 11.
6. Литвин А.М. «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941 – 1943). Минск: Беларуская навука, 2019. 223 с.
7. Шарков А.В. НКВД Беларуси на защите отечества в годы суровых испытаний (1941-1945). Минск: Тесей, 2012. – 260 с.
8. Новікаў С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. Мінск, 2014.
9. Савчук Т.П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси: монография [науч. ред. В.В. Зданович]; УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина». Брест : БрГУ, 2013. 168 с.
10. Рубин В.А. Правовые аспекты сохранения воинских захоронений, монументов и иных мемориальных сооружений, посвященных погибшим при защите Отечества // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2012. – № 3(35). – С. 270 – 273.
11. Рубин В.А., Спиридонова Е.В. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культурной политики советской эпохи // Человек и культура. – 2019. – № 5. – С. 54 – 64.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

12. Кулик С.В. Мемориализация памяти жертв Великой Отечественной войны на северо-западе России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 1 (191). – С. 200 – 206.
13. Бабанин Т.В. Укрупнение воинских захоронений в 1940 – 1960-е гг. и проблемы увековечения памяти погибших защитников Отечества (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево Пустошкинского района Псковской области) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение»– № 17 (139) – 2014. – С. 185 – 199.
14. Постановление Министерства обороны Республики Беларусь 22 октября 2003 г. № 60 Об утверждении Инструкции о порядке государственного учета воинских захоронений в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2004-21/2004-21\(054-067\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2004-21/2004-21(054-067).pdf) . Дата доступа: 12.07.2019.
15. Указ Президент Республики Беларусь № 109 от 24.03.2016 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/type . Дата доступа: 16.09.2019
16. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 675 от 17.09.2018 г. «Об утверждении Правил благоустройства мемориалов, памятников воинской славы, воинских захоронений и захоронений жертв войн» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-СМ%20РБ/type . Дата доступа: 13.08.2019.
17. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 69 от 30.01.2019 г. «О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 сентября 2018 г. № 675» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-СМ%20РБ/type. Дата доступа: 13.08.2019.
18. Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 в редакции от 19 июля 2018 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> . Дата доступа: 05.03.2020.
19. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2019 г. № 1036 Об утверждении федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019 – 2024 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102580534>. Дата доступа: 05.03.2020.
20. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» (с изменениями на 2 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/1518946/>. Дата доступа: 05.03.2020.
21. Сохранить память о сожженных деревнях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rvio.histrf.ru/soobshestvo/post-9028>. Дата доступа: 11.03.2020.
22. Сожженные заживо взывают к нам. По публикациям в газете «Правда»: изд. 2-е, испр. и доп. / сост. В.С. Кожемяко, В.Т. Фомичев. М: ИПО «У Никитинских ворот», 2016. 156 с.
23. Из стенограммы заседания Бюро Совета Министров БССР от 16 апреля 1948 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1941 – 2008 гг. Документы и материалы / ред. кол. В.И. Адамушко и др. Минск: НАРБ, 2008. С. 54 – 56.

24. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь. Статистическая информация по состоянию на 10 марта 2020 г. // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны Республики Беларусь.

25. Электронная база данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://db.narb.by>. Дата доступа: 10.03.2020.

26. Немецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941 – 1944). Мн.: БелНДЦДААС, 1995. 416 с.

27. Дискуссия «Нацистская истребительная политика: память через десятилетия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zoz-FngSoNs>. Дата доступа: 13.03.2020.

Korsak A.I.

PLACES OF BURNED VILLAGES (1941-1944) IN BELARUSIAN AND RUSSIAN PRACTICES

KORSAK Alesya I. – PhD (History), Assistant Professor. Polotsk State University. 220440, Belarus, Novopolotsk, Blokhina str., 29.
e-mail: ale-korsak@yandex.ru

Abstract. This article identifies the main problems that need to be investigated. On the basis of the published archival sources of the National Archive of the Republic of Belarus the problem of the burned villages of Belarus and Russia during the Nazi occupation in 1941 - 1944 and the policy of memorialization connected with them - preservation of the memory of the places of the burned villages and immortalized names of the civilians killed in them - in the Belarusian and Russian practices are considered. Substantial differences in the legal and regulatory framework of the two states at the present stage in the field of memorial policy as a whole and in relation to the places of burnt settlements during the Great Patriotic War are shown. For the first time, the preliminary results of the analysis of the archival material of the National Archive of the Republic of Belarus in ten regions of the RSFSR and the territory of the BSSR are given, which show the ratio between the number of the hijacked population for forced labor on the territory of the Third Reich and the civilian population destroyed during the punitive operations of Nazi collaborators, as well as during the retreat of the Wehrmacht in 1943 from the territory of the RSFSR.

Keywords: place of burnt village, place of mass destruction, Great Patriotic War, memorialization, identification, BSSR, RSFSR, Republic of Belarus, Russian Federation.

ЛАГЕРЬ МАЛЫЙ ТРОСТЕНЕЦ И ЕГО ИНФРАСТРУКТУРА (1942–1944 гг.) В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

КОШМАН Вадим Иванович – кандидат исторических наук, доцент, Институт истории НАН Беларуси, 220072, Республика Беларусь, г. Минск, Академическая ул., 1.

e-mail: vadzim_archeo@tut.by

Аннотация. В представленной статье внимание уделяется актуальности и перспективности археологического исследования объектов Новейшего времени, которые также обладают значительным информационным потенциалом, который дополняет и корректирует «белые пятна» истории полноценными археологическими источниками. Археологическое изучение лагеря Малый Тростенец и его инфраструктуры велось в рамках работ по мемориализации. Результатом исследовательских работ стало получение информации по этапам заселения и использования территории лагеря, топографии лагеря, корреляция выявленных остатков построек с лагерной инфраструктурой, получение представительной коллекции артефактов, которые характеризуют особенности функционирования лагеря и расстрельного полигона в урочище Благовщина. Большинство выявленных артефактов имеет западноевропейское происхождение, которые маркируют депортированное весной – летом 1942 г. еврейское население. **Ключевые слова:** археология, артефакты, трудовой лагерь, депортация, расстрелы, массовые погребения, урочище.

В последнее десятилетие в восточно- и западноевропейской археологии достаточно чётко обозначилась тенденция к «повышению возраста» объектов, которые исследуются и интерпретируются с использованием классических и новейших археологических методик. Можно говорить и о том, что в последние годы научная дискуссия о праве существования «археологии поздних периодов», «археологии современности» разрешилась благополучно и данное направление стремительно оформляется как перспективное, самостоятельное, самодостаточное и фундаментальное. Оказалось, что потенциал исторической информации, который исследователи получают при археологических исследованиях объектов Нового и Новейшего времени, как при наличии, так и отсутствии письменных источников, чрезвычайно представительный. Масштабные исторические события XIX–XX вв. и, в первую очередь, события связанные с военной и военно-политической историей, сформировали достаточно представительный пласт объектов изучения (поля битв, полевые лагеря, бивуаки, массовые и единичные погребения, места удержания и уничтожения людей (концлагеря, шталаги, гетто), особенности вооружения, оборонительные сооружения и т.д.), которые обладают значительным информационным потенциалом. Парadoxально, но оказалось что множество письменных источников того времени не в состоянии дать исчерпывающий ответ на многие вопросы знаковых событий недавнего прошлого. В обществе оказался также востребован материальный контекст недавнего прошлого, его историческая реконструкция в связи с объективным

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

процессом утраты информации. Археология оказалась в состоянии представить значительное количество разнообразных материалов, которые в комплексе с неархеологическими источниками позволила получать объективную картину для решения «белых» пятен истории, особенно учитывая противоречивость и даже отсутствие письменных источников по ряду знаковых событий XIX–XX вв.

Лагерь Малый Тростенец и его инфраструктура являлся достаточно неординарным объектом для белорусской археологии и исследовательские работы на его территории ставили целью не только проведение спасательных работ, потребность которых возникла в связи с масштабными земляными и строительными работами, связанными с мемориализацией лагеря, но и получение объективной информации об истории микрорегиона на левобережье р. Синявки (Тростянки). В то же время отметим, что, например, в Польше, изучение территорий концентрационных лагерей и мест уничтожения населения не является чем-то экстраординарным и материалы археологического изучения Аушвица, Майданека, Трестлинка, Собибора и др. являются значительным дополнением разработок историков, а полученные материалы становятся полноценными дополнительными источниками для изучения этой части трагической истории человечества.

Лагерь Малый Тростенец со своей инфраструктурой является самым крупным местом уничтожения советских граждан и депортированного из стран Западной Европы еврейского населения на территории Беларуси. Малый Тростенец. По-сути это был комплекс включающий в себя трудовой лагерь (лагерь принудительного труда), который был создан весной 1942 г. на базе инфраструктуры бывшего помещичьего имения и колхоза им. К. Маркса и полигоны (объекты) целенаправленного уничтожения людей (урочища Благовщина и Шашковка). Отсутствие именно на территории лагеря строений, направленных на уничтожение людей (газовых камер, крематория, больницы для экспериментов и т.п.), а также множество свидетельских показаний, указывает на то, что его функционирование ставило своей целью физическую эксплуатацию, а не физическое уничтожение людей. Основным занятием заключённых и вольнонаёмных лагеря стало производство сельскохозяйственной продукции, работа различных мастерских для обеспечения нужд немецкой администрации и строительство. Выбор именно этого места для лагеря был обусловлен, по-видимому, не только уже имеющейся экономической инфраструктурой, но и выбором урочища Благовщина в качестве места для массовых убийств депортированного еврейского населения Австрии, Германии, Чехии, жителей минского гетто, партизан и подпольщиков. Лагерь с его строениями стал своеобразной базой хранения и пунктом продажи/обмена вещей и продуктов, изъятых у депортированного населения. Немаловажную роль тут сыграла и логистическая близость лагеря и урочища Благовщина, железной дороги и шоссе Минск–Могилёв. Месячная «разбежка» между началом функционирования лагеря (март-апрель 1942 г.) и расстрельного полигона (май 1942 г.), позволила создать логистику функционирования и наполнения лагеря, селекции людей и впоследствии усовершенствовать жуткую машину массового уничтожения людей до автоматизма.

Сам же трудовой лагерь, регулярно пополняющийся квалифицированными кадрами, просуществовал с фактически сельскохозяйственно-производственными функциями до конца июня 1944 г. Это, конечно, не означает, что на его

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

территории не осуществлялись убийства заключённых, они наоборот были, подтверждением чему являются многочисленные воспоминания. Основная трагедия лагеря разыгралась в конце июня 1944 г., когда перед освобождением Минска, ликвидировалась основная часть заключённых лагеря и расстреливались привозимые из тюрем Минска люди. Основным местом этой трагедии стали бараки/землянки, башня, огромный амбар и территория вокруг него. Согласно заключительному акту Минской областной комиссии Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) СССР от 13 августа 1944 года, количество жертв в амбаре и вблизи его было определено в 6500 человек.

Места массового уничтожения людей, которые и «дают» страшную статистику Малого Тростенца, существовали в период мая 1942 – декабря 1943 г. (урочище Благовщина) и начала 1944 г. – конца июня 1944 г. (урочище Шашковка), находились за основным периметром трудового лагеря. Связь с Малым Тростенцом этих урочищ, кроме географической, состоит в том, что координация всех акций уничтожения и функционирование лагеря, лежали на Управлении полиции безопасности и службы безопасности по Беларуси в г. Минске. В то же время, абсолютное большинство обречённых на смерть (депортированные евреи, евреи минского гетто, подпольщики, партизаны, заложники, заключённые тюрем Минска и т.п.) никогда не были в лагере и транспортировались грузовыми машинами (время от времени люди умерщвлялись в машинах-душегубках) непосредственно на место убийства.

Так, в северо-восточном направлении, на расстоянии около 3,2–3,4 км от лагеря, размещалось урочище Благовщина. Данное место использовалось в мае – октябре 1942 г. для уничтожения депортированного еврейского населения Австрии, Германии, Чехии, узников минского гетто и продолжало использоваться до декабря 1943 г. как место уничтожения заключённых тюрем г. Минска, заложников, части минского гетто и лиц, привлечённых к эксгумации и сожжению тел. Начало и прекращение функционирования Благовщины совпадает с крупными акциями уничтожения еврейского населения (депортации (весна–осень 1942 г.)), уничтожение минского гетто (октябрь 1943 г.), что даёт основание говорить о том, что Благовщина изначально выбиралась как место массового уничтожения именно еврейского населения с периодическим использованием этого урочища для убийства подозреваемых в сотрудничестве с антифашистским сопротивлением, а также собственно подпольщиков, партизан и заложников.

На юго-запад от лагеря, в 0,4–0,45 м, находилось урочище Шашковка, где также происходил расстрел мирных граждан и сожжение их тел в примитивном крематории. Учитывая завершение акций по уничтожению еврейского населения к началу 1944 г., жертвами Шашковки могли быть уже исключительно заключённые тюрем, подозреваемые в сотрудничестве, подпольщики, партизаны.

Заключительный акт Минской областной комиссии ЧГК СССР от 13 августа 1944 года определил количество жертв Благовщины до 150000 человек, Шашковки в 50000 человек. Следует сказать, что в ряде современных исследований представлены и альтернативные взгляды на количество жертв Малого Тростенца.

Археологические исследования 2014–2015, 2018 гг. при земляных работах 1, 2 и 3 этапов «Мемориального комплекса «Тростенец» осуществлялись на территории около 10 га и включали в себя пространство между ул. Селицкого (м-н Шабаны г. Минска) и рекой Синявкой (Тростянской), где находились основные объекты

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

инфраструктуры лагеря Малый Тростенец (т.н. «склад чемоданов», «лесопилка», «склеп/хлебный склад», амбар (место расстрела и сожжения тел граждан в конце июня 1944 г.), тополияная аллея («дорога смерти»). Фактически работы по мемориализации этих лет затронули собственно сам концлагерь, который, судя по схематическому плану июля 1944 г. включал в себя один большой барак, окружённый тремя рядами колючей проволоки и расположенный поблизости блиндаж охраны; «жилую зону», где находились бараки заключённых/работников лагеря, помещения/блиндажи охраны; «административную» зону лагеря с бывшим именем конца XVIII – начала XIX вв.); «хозяйственную» зону лагеря с водонапорной башней (лазарет в 1942–1944 гг.), лесопилкой, теплицами, амбаром. В ряде случаев, как проектировщиками, так и археологами, остатки видимых конструкций (фундаменты и их фрагменты) соотнесены с конкретными объектами лагеря, однако, часть упоминаемых в воспоминаниях строений – мастерские, свинарник, коровник, кухня, баня, ряд жилых и хозяйственным строениям, локализовать на местности пока не удалось.

Во время археологического сопровождения комплекса земляных и строительных работ фиксировались все особенности строительной техники фундаментов, метрические параметры построек и материалов, осуществлялись зачистки и локальная шурфовка, осуществлялся сбор археологического материала сопровождающих строения и свободные пространства. К сожалению, формат статьи не позволяет подробно остановиться на подробной характеристике каждого выявленного строения и сопровождающего его материала, и мы уделим внимание только общей характеристике работ и материалов. К сожалению, следует констатировать, что проведённая мемориализация остатков строений, в ряде случаев, привела к утрате аутентичных элементов построек, а современная «консервация» поспособствовала созданию новых бетонных фундаментов, которые, как по своей строительной технике, так и по параметрам, мало в чём соответствовали оригиналу («склад чемоданов», «лесопилка», «парник», «склеп» и т.д.). По нашему мнению, скептически следует относиться и к законсервированным в 2018 г. фундаментам двух лагерных «бараков», которые по своей планировке и использованным материалам, соответствуют типовым колхозным строениям конца 1960-х – начала 1970-х гг.

Тем не менее, в процессе работ на территории лагеря впервые удалось получить археологические материалы, которые позволили выделить ряд хронологических периодов использования территории:

1). конец XVII – XVIII вв. – представлен фрагментами круговой гончарной керамики и изделий из стекла. Их локализация достаточно ограничена и, вероятно, маркирует существование некой постройки на склоне, обращённом к р. Синявка;

2). конец XVIII – начало XX стст. – связывается с функционированием каменного усадебного дома, строительство которого согласно строительной технике и сопровождающему материалу (керамика, изразцы, изделия из стекла и т.д.), относится к концу XVIII – началу XIX вв. Карта Генерального межевания Минского уезда 1800 г. фиксирует фольварок Тростенец, а также мельницу на дамбе р. Синявки. В конце XIX – начале XX вв. усадьба претерпевает ремонт, свидетельством чего является перепланировка дома с возведением новых печей с характерными изразцами. Находки этого периода также представлены глиняными плитками для пола, керамикой, фаянсовой посудой завода Кузнецова,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

нумизматическим материалом и т.д. Картографический материал и архивные данные позволили отождествить эту усадьбу с помещицей Юрловой. Не исключено, что к этой усадьбе могли относиться и ряд построек хозяйственного назначения (т.н. –лесопилка||, –склад чемоданов|| и др.), которые в 1930-е гг. и были использованы колхозом, а в 1942–1944 гг. вошли в инфраструктуру хозяйства Малый Тростенец;

3). конец 1920-х – 1941 гг. – период функционирования колхоза им. К. Маркса (материальными предметами, отражающими период является фаянсовая и металлическая эмалированная посуда);

4). весна 1942 – 30 июня 1944 гг. – период функционирования лагеря Малый Тростенец. Значительное место занимают характерные находки – фрагменты колючей проволоки, фаянсовые изоляторы, фрагменты фаянсовой и стеклянной посуды, котелки, машинки для стрижки волос, напёрстки, зубные щётки, тюбики зубной пасты, расчёски, пуговицы, монеты, фрагменты обуви, гильзовый и пулевой материал и т.д. Среди находок представлены предметы австрийского и немецкого происхождения, которые можно уверенно связать с депортированным еврейским населением;

5). 1945 – 1980-е гг. – возобновление и ведение колхозного хозяйства на территории бывшего лагеря. В этот период на месте частично уничтоженной лагерной застройки возводятся новые строения хозяйственного назначения, что привело как к уничтожению предыдущих объектов, так и к частичному изменению рельефа местности.

Результатом исследовательской работы 2014–2015, 2018 гг. стала корреляция выявленных остатков построек с лагерной инфраструктурой, получение объективной информации об этих объектах, а также получение представительной коллекции артефактов, которые характеризуют каждый из выделенных этапов и сами по себе являются дополнительным историческим источником для изучения истории данной местности.

Нельзе не отметить и то, что и на территории лагеря при земляных работах 2014–2015 гг. были выявлены разрозненные человеческие костные останки. Так, при сооружении водоотводной канавы около т.н. –дороги смерти|| были обнаружены останки 2 мужчин, а при реконструкции дорожки и памятного знака на месте сожженного амбара выявлены останки, принадлежавшие более чем 20 индивидам. Эти костные останки – свидетельство уничтожения лагеря и заключённых минской тюрьмы в последние дня июня 1944 г. После антропологического изучения, останки были перезахоронены около памятного знака.

Как уже упоминалось выше, сам лагерь принудительного труда и усадебное хозяйство Малый Тростенец не предназначался для массового уничтожения населения. Специально для этих целей, за основным периметром лагеря, в период мая 1942 – декабря 1943 гг. функционировал –расстрельный объект|| в урочище Благовщина и –расстрельный объект|| с примитивным крематорием в урочище Шашковка (зима 1944 – конец июня 1944 гг.). Абсолютное большинство людей (депортированные евреи, евреи минского гетто, подпольщики, партизаны, военнопленные, заложники и т.д.) попадали в эти места минуя лагерь. К настоящему времени исследовательских работ в урочище Шашковка не проводилось, в связи с чем собственной информацией о данном месте мы не располагаем. Судить об особенностях примитивного крематория

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

можно только по немногочисленным материалам следствия июля – августа 1944 г. Небольшие поисковые работы 2004 г., проведенные военнослужащими 52 ОСПБ Министерства обороны Республики Беларусь, содержат лишь краткую информацию об обнаружении пятен от горючей жидкости, взрывчатых боеприпасов и локализации самого углубления для крематория.

Урочище Благовщина исследовалась в 2017 г. в рамках реализации работ по мемориализации этого места. Этот небольшой лесной массив стал общей могилой для депортированного еврейского населения из Вены, Кельна, Дюсельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Кёнигсберга, Габмурга, Берлина, Брно, Терезиенштадта, части евреев минского гетто и советских граждан. У июля 1944 г. в Благовщине было зафиксировано 34 могилы-траншеи длиной от 5 до 69 м, шириной 4–5 м. На 5 из них была осуществлена шурфовка и было установлено, что на глубинах 0,5–3,0 м они содержат многочисленные разложившиеся тела, в том числе вперемешку с сожжёнными и полусожжёнными останками. На поверхности урочища и в заполнении могил фиксировалось множество личных и бытовых предметов.

В период проведения земляных и строительных работ летом – зимой 2017 г. на всей территории урочища осуществлялось археологическое наблюдение с ведением потраншейного сбора подъёмного материала. Небольшая глубина земляных работ (0,5–0,7 м) не позволила нанести повреждение массовым захоронениям, но, тем не менее, в конечном итоге изменила сложившуюся топографию и ландшафт места преступления. Выявление множества артефактов –австрийского, –немецкого, –чешского и –советского происхождения с привязками к определённым участкам урочища и траншеям, позволяет нам сейчас выделять могилы –по происхождению.

Археологическое сопровождение комплекса земляных работ в урочище Благовщина показало:

1) повсеместно на территории урочища встречаются мелкие кальцинированные человеческие кости, что является доказательством операции зондеркоманды –1005 – Центр по эксгумации и сожжению тел в октябре – декабре 1943 г.;

2) в районе повреждённых в 1960-е гг. траншей-могил собраны останки около 41 человек, среди которых имеются люди пожилого возраста, подростки и дети. В ряде случаев, на костях антропологом отмечены посмертные повреждения, которые можно связать с процессом эксгумации 1943 г.;

3) в верхнем заполнении траншей-могил выявлены железнодорожные рельсы, которые, видимо активно использовались в процессе сожжения тел;

4) планиграфическое размещение артефактов свидетельствует об их неравномерности на территории урочища. Отмечены концентрации предметов в районе траншей-могил и в восточной части урочища. Артефакты имеют следы температурного воздействия, –прикипание песка, сильные деформации и фрагментацию;

5) концентрация гильзового материала в районе небольшого возвышения в западной части урочища свидетельствует о размещении здесь одного из мест расстрелов. Наиболее массовым гильзовым и пулевым материалом оказались гильзы калибра 7,65x17 мм, которые использовались в пистолетах –Walther PPK или –Browning M1900, далее по встречаемости гильзы калибра 9x19 мм, которые могли принадлежать пистолету Walter P38, –Parabellum / Borchardt-Luger или

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

пистолету-пулемёту –МР 38/40». Гильз советского производства 7,62x25 мм (ТТ) и 7,62x38 мм (Наган) выявлено всего несколько экземпляров. Винтовочные гильзы массово представлены калибром 7,62x54 мм (винтовка Мосина) и 7,92x57 мм (Mauser 98k);

ф) полученный в урочище Благовщина материал датируется концом XIX – началом 1940-х гг. (найдено более 2000 экз.) и абсолютное его большинство – это предметы западноевропейского происхождения клеймами производителей в Германии, Австрии, Чехословакии (эмалированная посуда, фляги, зубная паста, щётки, ложки и вилки, ножи, монеты Германии, Австрии, Богемии и Моравии, Швейцарии, фрагменты документов (Kennkarte), обувные супинаторы, женские украшения и косметические аксессуары, наручные и карманные часы, станки для бритья, очки и т.д.). данные находки уверенно маркируют депортированное население.

Находки «советского происхождения» маркируются находками монет, алюминиевых ложек, эмалированных кружек, подошвами из автомобильной резины, галошами фабрики «Красный Большевик», что показывает и значительное присутствие уничтоженного советского населения, а также и евреев минского гетто. Значительная диспропорция в количестве артефактов «западноевропейского» и «советского» происхождения объясняется, в том числе, и особенностями «попадания» людей на расстрельный полигон. Естественно, что люди, готовившиеся к переселению на новое место и люди, схваченные во время облав в гетто и на улицах Минска или привезённые из тюрем города, будут иметь разный по представительности набор предметов.

Таким образом, за последние годы, к немногочисленному корпусу письменных источников, которые касались лагеря Малый Тростенец, добавлен новый представительный вид источника – личные вещи жертв лагеря и расстрельных объектов, гильзовый и пулевой материал, объективные данные по характеру и предназначению жилых и хозяйственных построек. Эти предметы, при взвешенном, методичном и комплексном научном анализе, позволят предложить обоснованное и объективное видение этого трагичного периода Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Ванькевич, А. Г. Экскурсия в Тростенец / А. Г. Ванькевич. – Минск: Польша, 1986. – 32 с.
2. Ванькевич, А. Г. Экскурсия в Тростенец / А. Г. Ванькевич. 2-е изд., испр. – Минск: Польша, 1986. – 31 с.
3. Kohl, P. „Ich wundere mich, dass ich noch lebe-: sowjetische Augenzeugen berichten / P. Kohl. – Gütersloh: Gütersloher Verlag – Haus Mohn, 1990. – 319 S.
4. Пастанова Прэзідыума Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь –Аб увекавечанні памяці ахвяр лагера смерці –Трасцянец (1942 – 1944 гады) ад 18 мая 1994 г. // Трасцянец. Бюлетэнь гісторыка-мемарыяльнага фонду –Трасцянец // – Дадатак № 1. – 1994. – Ліпень.
5. Тростенец / сост. С. В. Жумарь, Р. А. Черноглазова. – Минск: ГК «Полиграф-оформление», 2003. – 103 с.
6. Yatskevich, N. Zur Gründung einer Gedenkstätte in Trostenez / N. Yatskevich // „Existiert das Ghetto noch?-. Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

nationalsozialistische Herrschaft. Assoziation A. – Berlin; Hamburg; Göttingen: IBV Dortmund, 2003. – S. 246–247.

7. Кузнецов, И. Н. Тростенец: актуальные проблемы исследований / И. Н. Кузнецов // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 6 красавіка 2012 г. Вып. 12. У 2 т. Т. 1 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2013. – С. 84–89.

8. Новікаў, С. Я. Урочышча Благаўшчына – месца масавага знішчэння людзей на тэрыторыі акупаванай Беларусі / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 10. – С. 21–27.

Koshman V.I.

MALY TROSTENETS CAMP AND ITS INFRASTRUCTURE (1942–1944) IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL WORKS

KOSHMAN Vadzim Ivanovich — docent, PhD, Institute of History of the NAS of Belarus, 220072, Belarus, Minsk, Akademicheskaya str., 1. E
e-mail: vadzim_archeo@tut.by

Abstract. In this presented article, attention is paid to the relevance and prospects of archaeological research of objects of Modern times, which also have significant information potential, which complements and corrects the -white spots of history by full-fledged archaeological sources. An archaeological study of the Maly Trostenets camp and its infrastructure was carried out as part of memorialization work. The result of the research work was obtaining information on the stages of settlement and use of the camp territory, camp topography, correlation of the identified remnants of buildings with the camp infrastructure, obtaining a representative collection of artifacts that characterize the features of the camp and the shooting range in the forest of Blagovshchina. Most of the identified artifacts are of Western European origin, which mark the Jewish population deported in the spring and summer of 1942.

Keywords: archaeology, artifacts, labor camp, deportation, executions, mass burials, natural boundary.

УДК 94(47).084.8

Красноженова Е.Е.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

КРАСНОЖЕНОВА Елена Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: eleena@inbox.ru

Аннотация. Историческая память о Великой Отечественной войне является одним из основных факторов, обеспечивающих сплоченность современного российского общества. Она способствует сохранению духовного потенциала, формирует нравственные идеалы и ценности, вырабатывает мировоззрение молодых поколений. Представления современного общества о событиях Великой Отечественной войны сегодня неоднозначны. Несмотря на интерес научной общественности к проблемам военного периода, значительный круг вопросов, связанных с исторической памятью о Великой Отечественной войне, требует дополнительного исследования. Особое внимание уделяется анализу вклада СССР и стран-участниц антигитлеровской коалиции в Победу, заметное место отводится проблемам немецкого оккупационного режима и коллаборационизма. Интерес авторов вызывают события, связанные с репрессиями, депортациями народов, положением военнопленных. Формирование исторической связи поколений россиян сегодня встречает множество препятствий. В первую очередь, это попытки искажения исторической правды о войне, которые создают угрозу национальной безопасности современной России. В этих условиях крайне необходимо формирование уважения к своему прошлому и бережного отношения к исторической памяти о Великой Отечественной войне. Важную роль в формировании исторической памяти о войне играет система образования и воспитания молодежи. Объективное освещение её событий, разработка новых военно-исторических трудов — важные факторы патриотического воспитания. Наиболее серьёзным вкладом учёных Санкт-Петербургского политехнического университета в изучение событий войны стали исследования, заполняющие имевшиеся в прежних исследованиях пробелы, в научный оборот вводятся ранее недоступные архивные документы. Результатом подобной работы стали совместные научно-практические конференции. В честь героев открыты мемориальные гранитные плиты, организуются митинги и встречи с ветеранами.
Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, Победа, партизанское движение, Северо-Запад, Санкт-Петербургский политехнический университет, Книга Памяти.

В современных условиях в научном дискурсе активно обсуждается проблема обеспечения государственной безопасности и национальной солидарности, сохранения духовного потенциала российского народа, формирования уважительного отношения к своему прошлому. Осмысление прошлого происходит посредством такого социального явления, как историческая память, то есть способности общества сохранять и передавать потомкам знания о прошлом. Историческая память находит выражение в мифах и устной памяти, в учебной и популярной литературе, массовых СМИ [1], в программах музейной и архивной презентации прошлого.

В исторической памяти современного российского общества особый отклик получают события прошлого, имеющие трагическую и драматическую окраску. В первую очередь, это войны, революции, кризисы, характеризующиеся

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

дестабилизацией общества в целом [2], усилением в нем внутренних противоречий [3], нарастанием внешней угрозы. Важнейшим событием XX в. стала Великая Отечественная война. Она оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, потому, что связана с историей каждой семьи, затронула самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей.

Историческая память о Великой Отечественной войне формируется путем восприятия информации, содержащейся в их воспоминаниях, существующих в обществе традициях, памятниках и произведениях искусства, кинофильмах, телепередачах, посредством посещения музеев и памятных мест [4]. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне является важнейшим условием единства и сплочения многоконфессиональной России, обеспечения социальной стабильности в обществе, укрепления национальной безопасности и государства в целом.

Представления современного общества о событиях Великой Отечественной войны сегодня неоднозначны. Историческая память о войне стала объектом идеологической борьбы как изнутри страны, так и извне. Все чаще отрицаются успехи и достижения на фронте и в тылу, порождая исторические концепции, не соответствующие объективным реалиям военного времени. В последние годы продолжаются дискуссии о международном значении Победы, оценивается вклад, внесенный СССР и его союзниками в разгром фашизма.

И хотя в 1990-е годы были предприняты многочисленные попытки дезавуирования итогов и событий этой войны, они были отвергнуты исторической памятью. Попытки пересмотра значения битвы под Москвой, Сталинградом, попытки дегероизации подвигов Зои Космодемьянской, Александра Матросова и других были не только не приняты в научной среде, но и отвергнуты массовым историческим сознанием.

Преступления фашизма на временно оккупированных территориях не подлежат забвению. Армии вермахта следовали программе истребления миллионов мирных жителей, которая была изложена в плане «Ост». Одновременно с этим оккупанты уничтожали советские города и деревни, разрушая жилые дома, больницы, школы, театры, музеи, библиотеки, угоняли сотни тысяч советских граждан на принудительные работы в Германию [5; 6]. Память о зверствах фашизма – это память о погибших, подаривших человечеству мир и свободу.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в тылу немецких войск в условиях жесточайшего оккупационного режима развернулась и велась народная война в форме партизанского и подпольного движения. Массовое партизанское движение на оккупированных территориях стало символом народного сопротивления агрессорам. 3 июля 1941 г. в речи И.В. Сталина, прозвучавшей по радио, прозвучали призывы к развертыванию в тылу врага партизанской и диверсионной деятельности. 30 мая 1942 г. [7]. Сталин дал указание создать при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Этот штаб возглавил П.К. Пономоренко, заместителями которого были утверждены представители Генерального штаба и НКВД.

Деятельность партизан была многогранной. Они нарушали коммуникации противника, совершали глубокие рейды в его тыл, обеспечивали советское командование ценными разведывательными сведениями и т.д. В начале войны в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Ленинградской области было сформировано 70 отрядов в количестве 2675 чел. В конце же сентября 1941 г. на территории области действовало уже 177 партизанских отрядов общей численностью 5 тыс. человек [8, л. 1-8].

Важную роль в формировании исторической памяти о войне играет система образования и воспитания молодежи. Патриотическое воспитание составляет основу подготовки подрастающих граждан в динамично меняющемся обществе и позволяет обеспечить непрерывную духовную связь поколений, передачу опыта победителей молодым людям [9; 10].

Происшедшая в последние десятилетия в России девальвация многих моральных ценностей оказала негативное влияние на общественное сознание различных социальных и возрастных групп населения. В этих условиях всё более осознаётся необходимость воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства. Особую роль при этом приобретает обращение к героическим страницам нашей истории, одной из которых является Великая Отечественная война. Победа в ней досталась дорогой ценой.

Политехники стремились внести свой вклад в борьбу с врагом. Сотни студентов, преподавателей и выпускников Ленинградского политехнического института ушли сражаться с врагом, и многие из них не вернулись в родной город. Около 5000 студентов и представителей профессорско-преподавательского корпуса, пренебрегая отсрочкой в мобилизации, с оружием в руках отстаивали свободу и независимость нашей Родины на фронтах Великой Отечественной войны, из них около 3000 политехников ушли на фронт добровольцами. В их числе – 3268 студентов [11]. В ряды Красной Армии в сентябре 1941 г. Ушел и директор Ленинградского политехнического института Петр Андреевич Тюркин.

18 июля 1941 года ЦК ВКП (б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В Политехническом институте были созданы 76-й и 54-й партизанские отряды.

На момент установления блокады в Ленинграде находилось 2 миллиона 544 тысячи человек, в том числе около 400 тысяч детей. В пригородах в кольце блокады оказалось более 300 тысяч человек. Ленинградский политехнический институт только за зиму 1941-1942 гг. потерял более 900 студентов, аспирантов, сотрудников и членов их семей, скончавшихся от истощения и бомбежек. Блокада коснулась всех жителей нашего города. Поставила проблемы, с которыми раньше не приходилось сталкиваться. Это проблемы нехватки продовольствия и отопления, и самого элементарного – отсутствия питьевой воды. Во время блокады Ленинграда гитлеровцы стремились лишить город не только пищи, но и воды.

На территории университета установлен памятный знак блокадному колодезю, выполненный из массивного фрагмента стекла неправильной формы, символизирующего застывшую глыбу воды, со следами от пуль. Здесь в годы блокады находилась артезианская скважина, которая помогала выживать голодным ленинградцам, у которых практически не было сил добраться до воды. Во время осады Ленинграда артезианский колодезь снабжал водой оставшихся в кольце блокады членов семей сотрудников института, а также госпиталь, расположившийся в главном учебном корпусе [12, л. 12]. Основными объектами артобстрелов и бомбежек были водопроводные станции, очистные сооружения и уличные сети. На памятном знаке укреплен металлическая памятная доска: «На этом месте в блокадную зиму 1941-1942 гг. находился артезианский колодезь,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

снабжавший водой семьи сотрудников Политехнического института и два расположенных поблизости военных госпиталя».

В честь памятных дат Великой Отечественной войны в университете организуются митинги и встречи с ветеранами. Так, 8 сентября 2011 г. у памятника «Колодец жизни» на территории СПбГПУ прошел митинг, посвященный 70-ой годовщине начала блокады Ленинграда. А 9 сентября 2019 года у «Колодца жизни» состоялся митинг, посвященный 78-ой годовщине начала блокады.

В честь героев открыты мемориальные гранитные плиты. Так, в память о погибших политехниках 23 сентября 1967 г. напротив главного здания института был установлен памятник-монумент павшим героям. На граните памятника высечено: «Политехникам за Родину, за коммунизм жизнь свою отдавшим в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Дела и ратные подвиги ваши бессмертны в памяти поколений».

В 2000–2010-е гг. были продолжены традиции по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Объективное освещение её событий, разработка новых военно-исторических трудов — важные факторы патриотического воспитания. Наиболее серьёзным вкладом учёных университета в изучение событий этой войны стали исследования, заполняющие имевшиеся в прежних исследованиях пробелы, в научный оборот вводятся ранее недоступные архивные документы [13-28].

Результатом такой согласованной работы стали совместные научно-практические конференции, а также конференции преподавателей, студентов, школьников по различным вопросам истории Великой Отечественной войны и поисковые работы, а также выпуск методической литературы и сборников материалов конференций и семинаров [29].

Говоря о работе по сохранению исторической памяти в университете, необходимо остановиться на электронной Книге Памяти Санкт-Петербургского политехнического университета. Она является разделом виртуального музея «Нашего Политеха», содержащим информацию о политехниках, погибших во время Великой Отечественной войны. В этот же раздел включены умершие и погибшие в годы блокады Ленинграда. Создание Книги Памяти является одним из направлений работ по оцифровке, каталогизации и публикации в интернете материалов музея Боевой Славы Санкт-Петербургского политехнического университета. Эта работа ведется силами студентов, сотрудников и ветеранов СПбПУ [30].

Гитлер не ставил целью завоевать, покорить или оккупировать Ленинград. Он хотел его уничтожить, стереть с лица земли, причем вместе с жителями. Поэтому важно сохранить историческую память о тех событиях. Особенно важно это сегодня, когда многие сознательно фальсифицируют факты, стремятся принизить решающую роль Советского Союза в разгроме нацизма, умалить всемирно-исторический подвиг Красной Армии.

Список литературы

1. Волосухина Н.И., Ещенко Ю.Г., Виноградов С.В., Черник М.В. О некоторых проблемах фальсификаций в провинциальной экономической прессе 1920-х гг. // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

истории. Материалы Всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2012. С. 99-103.

2. Виноградов С.В. Голод 1921 г. в Поволжье: причины, масштабы, последствия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 12-21.

3. Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. Астрахань: изд-во Сорокин Р.В., 2015. 148 с.

4. Виноградов С.В., Красноженова Е.Е. Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942-1943 гг.) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 55-65.

5. Гаража Н.А. "Свобода" восточных рабочих: пропагандистский образ и исторические реалии. 1941-1945 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 128-137.

6. Гаража Н.А. Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 4. С. 656-669.

7. Правда. 1941 г. 3 июля.

8. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 17.

9. Гордеева М.А., Лохова Т.В. Роль поликультурной среды городского пространства муниципального образования город-герой Новороссийск в формировании модели гражданско-патриотического воспитания молодежи // Технологии, экономика и управление: анализ мировых и отечественных тенденций и перспектив развития: сб.ст. Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 20-21 декабря 2018 г. Пенза, 2018. С. 194-200.

10. Гордеева М.А., Лохова Т.В., Москвитин А.А. Социокультурная деятельность муниципального образования как фактор реализации гражданско-патриотического воспитания молодежи // Технологии, экономика и управление: анализ мировых и отечественных тенденций и перспектив развития: сб.ст. Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 20-21 декабря 2018 г. Пенза, 2018. С. 316-322.

11. Вклад политехников в Победу // Политехник: издание Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 1975. № 1 (2391). 40 (2430).

12. ЦГА ИПД СПб. Ф. 40. Оп. 2. Д. 17.

13. Красноженова Е.Е. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее последствия в Сталинграде (июль 1942-го - февраль 1943 г.) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Исторические науки. 2015. № 3 (98).

14. Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Вопросы истории. 2019. № 5. С. 120-129.

15. Красноженова Е.Е., Карабущенко П.Л., Полякова М.В. Военная повседневность в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941-1945 гг.) // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 175-182.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

16. Кулик С. В., Алмазова-Ильина А. Б., Кокконен Е. И. Сатира и юмор как формы борьбы на оккупированной территории России в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 198-206.
17. Серкова В. А., Шипунова О. Д., Соснина М. Н. Повседневность войны в дневниковых записях и письмах (на основе контента сайта –MILITERAII) // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 262-267.
18. Кудрявцева Р.-Е. А., Кулик А. С., Полякова М. В. Советская и нацистская пропаганда в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 191-197.
19. Гринёв А. В. Советская боевая авиация глазами противника, 1941-1945 // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 131-137.
20. Ковалев Б. Н. Формы и методы деятельности немецкой и финской агентуры на территории Ленинградской области. 1941-1944 гг. // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 160-167.
21. Михайлов А.А., Аносова Н.Э. Образы отечественной военной истории в советской пропаганде в начальный период Великой Отечественной войны (июнь-декабрь 1941 г.) // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 242-249.
22. Прищепа А.С., Баранова Т.А. Подготовка промышленно-производственного персонала в послевоенные годы в Советском Союзе // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 250-255.
23. Кулик С.В., Крепкая Т.Н., Смирнова О.А. Хозяйственно-экономическая деятельность на оккупированной территории СССР (1941-1944 гг.): на материалах Северо-Западных районов России // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 207-214.
24. Бочаров А. А., Федюковский А.А. Пропаганда военно-морского флота в советском кинематографе 30- 40-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 110-116.
25. Ульянова С.Б., Крепкая Т.Н. Милитаризация массового спорта в СССР в 1920-е - 1930-е гг. // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 281-187.
26. Кашеваров А.Н., Рубцова А.В. К вопросу о мифологизации образа Русской православной церкви периода Великой Отечественной войны в современной историографии // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 154-159.
27. Аладышкин И.В., Полякова М.В. Восприятие известия о начале Великой Отечественной войны в среде советской студенческой молодежи (на материалах Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина) // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 89-97.
28. Ишанходжаева З.Р., Хазов В.К., Алмазова-Ильина А.Б. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом во Второй мировой войне // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 205-211.
29. СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): труды международной научно-образовательной конференции, 20–21 мая 2019 г. – СПб.: ООО «А-плюс», 2019. – 378 с.
30. Электронная Книга Памяти Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. // http://comtext.net.ru/museum/index.php/Книга_Памяти._Часть_1

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Krasnozhenova E E.

ACTIVITIES OF PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY TO PRESERVE THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA

KRASNOZHENOVA Elena E. — Doctor in History, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Politekhnikeskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russian Federation.

e-mail: eelena@inbox.ru

Abstract. The historical memory of the great Patriotic war is one of the main factors that ensure the cohesion of modern Russian society. It contributes to the preservation of spiritual potential, forms moral ideals and values, and develops the worldview of young generations. The ideas of modern society about the events of the great Patriotic war are ambiguous today. Despite the interest of the scientific community in the problems of the war period, a significant range of issues related to the historical memory of the great Patriotic war requires additional research. Special attention is paid to the analysis of the contribution of the USSR and the countries participating in the anti-Hitler coalition to the Victory, a prominent place is given to the problems of the German occupation regime and collaboration. The authors are interested in events related to repressions, deportations of peoples, and the situation of prisoners of war. The formation of a historical connection between generations of Russians today faces many obstacles. First of all, these are attempts to distort the historical truth about the war, which pose a threat to the national security of modern Russia. In these conditions, it is essential to develop respect for the past and respect for the historical memory of the great Patriotic war. An important role in the formation of historical memory of the war is played by the system of education and upbringing of young people. Objective coverage of its events, development of new military-historical works are important factors of Patriotic education. The most serious contribution of scientists from Saint Petersburg Polytechnic University to the study of the events of the war was research that filled in the gaps in previous research, previously inaccessible archival documents are introduced into scientific circulation. This work resulted in joint scientific and practical conferences. Memorial granite slabs are opened in honor of the heroes, meetings and meetings with veterans are organized.

Keywords: historical memory, Great Patriotic war, Victory, partisan movement, North-West, Saint Petersburg Polytechnic University, Book of Memory.

УДК 94(476) «1943/1944»:355.08(470.23–25)

Криворот А.А.

УЧАСТИЕ ЛЕНИНГРАДЦЕВ - ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОСВОБОЖДЕНИИ БЕЛАРУСИ ОТ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ (1943–1944)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

КРИВОРОТ Анатолий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси;

220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 1

e-mail: tak_tav@tut.by

Аннотация. В статье приведены обобщённые данные о ленинградцах, удостоенных звания Героя Советского Союза за мужество, стойкость, отвагу и воинское мастерство, проявленные в сражениях при освобождении территории Беларуси от германских оккупантов в 1943–1944 гг. Из различных источников были выявлены имена воинов Красной армии, партизан и подпольщиков, отличившихся на белорусской земле. Среди них не только уроженцы Ленинграда, но и переехавшие в город по различным причинам в довоенное время из других регионов СССР. В материале описаны подвиги, совершённые воинами-представителями различных родов войск. Отмечено, что среди ленинградцев Героев Советского Союза наиболее многочисленную группу составляют офицеры истребительно-авиационных и штурмовых полков. Отличившиеся лётчики участвовали в высадке десанта, бомбардировке тыловых объектов противника, штурмовке отступающих вражеских войск, в воздушных боях с немецкими истребителями, в ликвидации окружённых группировок. По источникам отслежена послевоенная судьба некоторых лётчиков-героев, получивших в мирное время генеральские звания и находившихся на ответственных должностях в Военно-воздушных силах. Подчёркнуто, что ленинградцы-бойцы и командиры с первых дней освобождения Беларуси приняли действенное участие в форсировании многочисленных водных рубежей. Наибольшее число воинов было удостоено звания Героя Советского Союза за мужество, отвагу и самопожертвование, проявленные в битве за Днепр осенью 1943 г. Герои-ленинградцы также были в составе передовых групп, которые в условиях ожесточённого сопротивления противника захватывали и удерживали плацдармы на правом берегу реки на территории Полесской и Гомельской областей. Показано, как в названиях улиц населённых пунктов, произведениях монументального искусства, экспозициях музеев увековечены имена героев-ленинградцев, погибших в боях за Беларусь. Сделан вывод о том, что воины-ленинградцы внесли весомый вклад в разгром войск гитлеровской Германии на территории Беларуси.

Ключевые слова: бой, десант, освобождение, переправа, плацдарм, полк, экскадрилья.

Оккупация Беларуси продолжалась более трёх лет, а её освобождение осуществлялось на протяжении 10 месяцев. С целью изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории республики Красная армия провела, по различным подсчётам, около 30 наступательных операций. Только в ходе операции «Багратион» было проведено 10 фронтовых операций. Практически на всех этапах битвы за Беларусь активную помощь советским войскам оказывали местные партизаны и подпольщики. Первый населённый пункт Беларуси – городской посёлок Комарин Полесской области был освобождён 23 сентября 1943 г. в ходе Черниговско-Припятской операции. Последний населённый пункт – Брест – был взят штурмом 28 июля 1944 г. в ходе Люблин-Брестской операции.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Родина высоко оценила массовый героизм советских воинов. За освобождение белорусской земли более 1600 военнослужащим было присвоено звание Героя Советского Союза. В июле – августе 1944 г. орденами и медалями были награждены более 402 000 человек, представителей 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов (командующие И.Ф. Баграмян, К.К. Рокоссовский, Г.Ф. Захаров, И.Д. Черняховский) [1, с. 18–19; 2, с. 83].

В освобождении Беларуси действенное участие принимали ленинградцы (уроженцы города, те, кто работал и учился в Ленинграде и области в предвоенные годы) – красноармейцы, сержанты, офицеры, представители различных родов войск, партизаны и подпольщики. Многие из них были отмечены боевыми наградами, десятки стали Героями Советского Союза. К большому сожалению, не всем из них посчастливилось встретить Великую Победу.

Один из таких героев Борис Георгиевич Малышев, родившийся в 1916 г. в Петрограде. В ряды Красной армии был призван в августе 1941 г., а с сентября того же года воевал на фронте. К октябрю 1943 г. был стрелком 820-го стрелкового полка 117-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии Калининского фронта. В период с 6 по 17 октября 1943 г. Б.Г. Малышев, находясь в составе танкового десанта, отличился в боях за деревни Зелёные Луга, Городище, Антипенки. Самостоятельно подорвал дзот, забросал гранатами немецкий штаб, захватил два пулемёта, уничтожил 32 гитлеровца, 4-х взял в плен. В напряжённый момент боя возле населённого пункта Жуково собрал группу бойцов, возглавил её и успешно отбил контратаку противника. Во время налёта вражеской авиации 15 октября 1943 г. прикрыл своим телом командира роты. Получил тяжёлое ранение ноги. Три месяца пролежал в госпитале. Умер от раны 31 января 1944 г. Похоронен на военном кладбище в д. Новые Войханы Городокского района Витебской области. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 4 июня 1944 г. В населённом пункте герою установлен обелиск [3, с. 327; 4, с. 399–400].

Родом из Петрограда Валентин Степанович Нежнов, семья которого в 1918 г. переехала в Минеральные Воды. Закончил Орджоникидзевское военное училище связи и с июля 1942 г. на фронтах Великой Отечественной войны. Командир взвода радиосвязи 29-го гвардейского стрелкового полка 61-й армии Центрального фронта старший лейтенант В.С. Нежнов отличился в боях при форсировании Днепра на завершающем этапе Черниговско-Припятской наступательной операции. 28 сентября 1943 г. его взвод переправился через Днепр в районе д. Глушеч Лоевского района Гомельской области и принял активное участие в боях за захват и удержание плацдарма на западном берегу реки. Бойцы взвода провели и обеспечивали бесперебойную связь между командованием и десантом. В следующие дни Нежнов В.С. лично доставил на плацдарм боеприпасы, что помогло советским воинам отразить нападение врага. Взял на себя руководство боем и несколько раз поднимал однополчан в атаку. Указом от 15 января было присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, храбрый офицер не успел получить награду, так как 24 января 1944 г. погиб в бою в ходе Калинковичско-Мозырской операции войск Белорусского фронта. Похоронен герой-офицер в братской могиле на центральной площади в Мозыре. В честь Нежнова названы улицы в Мозыре и Пятигорске. Установлен памятник в Минеральных Водах [3, с. 373; 5, с. 444; 6, с. 304–305].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Одним из тех героев, кто повторил подвиг Александра Матросова, был Михаил Герасимович Калинин, служивший в Ленинграде и принимавший участие в советско-финляндской войне. Командир 175-й отдельной стрелковой роты 121-й Гомельской стрелковой дивизии 3-й армии Белорусского фронта капитан М.Г. Калинин совершил героический поступок при освобождении Гомельской области в ходе Гомельско-Речецкой наступательной операции. В деревне Студенец 22.11. 1943 г. штрафная рота во главе с М.Г. Калининным ворвались в немецкие траншеи. Огнём их автомата командир уничтожил 12 гитлеровцев, Раненый он продолжал руководить подразделением и преследовать отступающего противника. В решающий момент боя закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Подвиг командира вдохновил бойцов – они захватили важный плацдарм на реке Сож и выбили противника из населённого пункта. Похоронен в д. Костюковка Кармянского района Гомельской области. Именем М.Г. Калинкина названы улицы в г.п. Корма и д. Литвиновичи Кармянского района. На месте прорыва у д. Костюковка Кармянского р-на, на берегу р. Сож, насыпан Курган Славы, у подножия его установлена мемориальная плита с описанием подвига М.Г. Калинкина. Ежегодно в День Победы в г.п. Корма проводится легкоатлетическая эстафета на приз его имени [1, с. 239; 3, с. 209].

Среди Героев Советских Союза-ленинградцев, отличившихся в боях за Беларусь, наиболее многочисленная группа – лётчики. Евгений Петрович Фёдоров до призыва в Красную армию в 1930 г. работал слесарем-арматурщиком Ленинградско-Финляндского железнодорожного депо. Окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу лётчиков и Оренбургскую военную школу лётчиков. На протяжении 28 лет его жизнь была связана со службой в военной авиации. Будучи командиром эскадрильи 6-го дальнебомбардировочного авиационного полка участвовал в советско-финляндской войне. Был удостоен звания Героя Советского Союза 7 апреля 1940 г. В годы Великой Отечественной войны служил в частях и соединениях дальней авиации. В декабре 1941 г. германская контрразведка обнаружила и ликвидировала несколько советских разведывательно-диверсионных групп, действовавших на Минском направлении. С целью срочного восстановления канала получения разведывательной информации был направлен командир эскадрильи 6-го дальнебомбардировочного авиационного полка Е.П. Федоров. Для высадки десанта был использован дальний бомбардировщик Ил-4. Лётный состав имел специальную подготовку для полетов в сложных метеоусловиях и в тёмное время суток вне видимости земли. На самолёте располагалось специальное навигационное оборудование, а пилоты владели навыками ориентирования при выполнении слепых полетов. Задание было успешно выполнено. После высадки парашютистов с грузом экипаж самолёта совершил бомбометание на железнодорожные станции Негорелое и Койданово, расположенные в Минской области. Весь полёт продолжался 6 часов, а непосредственно высадка десанта заняла 50 минут. Позднее стало известно, что группа десантников успешно собралась вместе, нашла груз и установила связь с Москвой. Необходимая информация была своевременно получена, немецкая контрразведка не сумела захватить разведывательно-диверсионную группу, ранее действовавшую в заданном районе и с которой необходимо было срочно связаться. В годы войны Е.П. Федоров участвовал в бомбардировках объектов противника в районах Витебска и Минска, а также в Бобруйской наступательной операции, проведённой 24–29 июня 1944 г. войсками 1-го Белорусского фронта.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

За мужество и высокое воинское мастерство 29 июня 1945 г. был удостоен Второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. До 1958 г. генерал-майор авиации Е.П. Фёдоров служил с Советской армией. Затем работал диспетчером в Ленинградском аэропорту [1, с. 606; 3, с. 534–535].

Уроженец Ленинграда Леонид Васильевич Жолудев после окончания 9 классов школы в 1934–1936 гг. работал штукатуром в стороительном тресте Ленинградского городского отдела внутренней торговли. В 1936 г. был призван в Красную армию, где окончил лётное училище. На территории Беларуси своё первое боевое крещение Л.В. Жолудев получил в конце сентября 1941 г., когда во время выполнения боевого задания он по причине остановки обоих двигателей произвёл вынужденную посадку своего скоростного бомбардировщика возле деревни Винограды Миорского района Витебской области. Находясь на оккупированной территории, командовал партизанским отрядом. Влившись в 29-ю армию Калининского фронта, партизанский отряд действовал как стрелковая рота и участвовал в январе – феврале 1942 г. в Ржевско-Вяземской операции Красной армии. Только 24 февраля 1942 г. Л.В. Жолудев вернулся в свой авиационный полк. При освобождении Беларуси в ходе операции «Багратион» гвардии капитан Л.В. Жолудев командовал эскадрильей бомбардировочного авиаполка. Летал на самолёте Пе-2. Отличился в боях за Оршу, Витебск, Борисов, Минск во время Оршанско-Витебской и Минской операций. 26 июня 1944 г. 9 бомбардировщиков под его командованием бомбили технику и живую силу противника северо-восточнее Орши – на аэродроме Докудова Крупского района. Лётчики уничтожили 20 самолётов, склад с горючим, 10 автомашин. После войны служил в Советской армии и занимал ответственные посты в Военно-воздушных силах. Имел воинское звание генерал-лейтенант авиации. Летал на многих типах самолётов, как на военных (Ил-28), так и на гражданских (Ил-18, Ил-62). Был удостоен звания Заслуженный пилот СССР. Несколько лет занимал должность Первого заместителя Министра гражданской авиации СССР (1967–1971) [3, с. 171].

В боях за Беларусь в 1944 г. отличился лётчик Алексей Васильевич Пашкевич. В ходе операции «Багратион» уроженец Гатчинского района Ленинградской области командовал эскадрильей 63-го гвардейского истребительного авиаполка. В первый день операции вместе со своей эскадрильей нанёс мощный удар по немецкому аэродрому «Болбасово». Участвовал в освобождении Могилёвской и Минской областей. В начале июля 1944 г. гвардии майор А.В. Пашкевич был направлен на ликвидацию минского «котла», в который на восток от столицы Беларуси в начале июля 1944 г. были взяты 105 тысяч немецких солдат и офицеров. Он дважды водил вверенную эскадрилью на штурмовку позиций врага, нанеся немцам ощутимый урон. Лётчики эскадрильи выполняли задачи по ведению разведки отходящих немецких войск, штурмовку их, сопровождение бомбардировщиков в районе белорусского города Лида, прикрывали боевые порядки наших передовых частей. Звание Героя Советского Союза было присвоено 23 февраля 1945 г. Лично сбил 20 самолётов. После войны продолжал служить в Военно-воздушных силах, где командовал авиационной дивизией. Участвовал в войне на Корейском полуострове. В 1959 г. в звании генерал-майора авиации А.В. Пашкевич был уволен в запас [3, с. 404].

С Ленинградом связаны молодые годы Героя Советского Союза Владимира Сергеевича Баскова. В 1931–1933 он работал токарем на заводе

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

линотипов. На предприятии в 1932 г. был изготовлен первый советский линотип и освоено производство линотипных матриц. В 1933 г. окончил Ленинградскую школу пилотов Осоавиахима, после чего был призван в РККА. После учёбы в военной авиационной школе лётчиков проходил службу в авиационных частях, в том числе с июня 1939 по октябрь 1940 г. служил лётчиком-испытателем самолётов И-153 (поршневого истребителя 1938 г., бюро Поликарпова). Следует отметить, что Николай Николаевич Поликарпов с 1911 по 1916 г. проходил обучение в Петроградском политехническом институте. Два периода в военной службе В.С. Баскова были связаны с Беларусью. В конце июня 1941 г. участвовал в оборонительных боях в районе Орши Витебской области в качестве заместителя командира эскадрильи 170-го авиационного полка. В период до 9 октября 1941 г. был трижды ранен. Так, в июле 1941 г. при вынужденной посадке на повреждённом самолёте получил тяжёлые травмы головы, 22 сентября 1941 г. был ранен осколком в спину, а 9 октября 1941 г. был госпитализирован после ранения в ногу. В должности командира эскадрильи 291-го истребительного авиаполка участвовал в Белорусской наступательной операции, освобождая белорусские города Витебск, Богусhevск, Минск в составе 1-го и 3-го Белорусских фронтов [3, с. 44; 7, с. 39].

В городе на Неве начинал свою трудовую деятельность Георгий Павлович Бахвалов, семья которого в середине 20-х годов XX в. переехала в Ленинград из Костромской области. Здесь он окончил семь классов, школу фабрично-заводского ученичества при заводе имени Козицкого, геолого-гидрогеодезический техникум. С 1937 г. был призван на службу в армию и окончил 3-ю военную школу лётчиков в Оренбурге. Перед войной служил под Витебском в местечке Улла, где и застала его война. Летал в качестве штурмана на самолёте У-2 и совершал полёты с целью разведки и аэрофотосъёмки войск и техники, опорных пунктов и узлов обороны противника. Штурман эскадрильи капитан Г.П. Бахвалов отличился в боях на территории Беларуси. В апреле 1943 г. проводил разведку железнодорожных станций Городок, Полоцк и Витебск, сфотографировал вражеские аэродромы в Полоцке и Витебске. 6 мая 1943 г. во время бомбардировки железнодорожной станции Дрисса уничтожил зенитную установку противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года за «образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками» капитан Г.П. Бахвалов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Участвовал в освобождении Беларуси. После окончания войны служил в Военно-воздушных силах [3 с. 47; 8, с. 620].

В воздушных боях в небе Витебской области отличился ленинградец Строков Василий Захарович. Выполнял боевые задания по штурмовке вражеских позиций. Накануне стратегической наступательной операции «Багратион» 22 июня 1944 г., выполняя задание по штурмовке позиций противника в районе Витебска в условиях сильного огня противника, В.З. Строков прорвался к цели и произвёл два боевых захода. При этом самолёт мужественного лётчика был подбит. Несмотря на это пилот продолжал уничтожать живую силу и технику противника. При выходе из атаки произвёл маневр и оторвался от немецких истребителей и благополучно произвёл посадку на своём аэродроме. На шестой день операции 28 июня 1944 г. при выполнении боевого задания в районе населённого пункта Бешенковичи Витебской области командир звена лейтенант

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

В.З. Строков в связи с изменением воздушной обстановки взял на себя командование группой штурмовиков Ил-2. Лётчики произвели два успешных удара по немецким объектам. 6 июля 1944 г. при выполнении задания северо-западнее Полоцка лётчик-ленинградец, несмотря на плотный огонь зенитной артиллерии и вражеские истребители, первым прорвался на самолёте к цели и произвёл прицельное бомбометание по скоплению немецких войск. В этом бою группа уничтожила 14 автомашин с войсками и грузами. При выходе из атаки проявил мужество и отвагу, приняв на себя удар вражеских истребителей. В воздушном бою пушечным огнём сбил один самолёт врага [3, с. 496; 7, с. 531].

Массовый героизм проявили советские воины при форсировании водных преград в ходе освобождения белорусской земли. Среди отличившихся в таких боях находилось немало командиров и бойцов-ленинградцев. В первые дни освобождения Беларуси в третьей декаде сентября 1943 г. в Комаринском районе Полесской области отважно действовали воины пулемётной роты под командованием уроженца Ленинградской области старшего лейтенанта Николая Ивановича Антонова. На ложном участке переправы через Днепр личный состав подразделения принял на себя основной удар противника, отвлекая его силы от основной переправы. Такой маневр обеспечил успешное форсирование реки всем батальоном. За проявленные в боях за Днепр героизм и доблесть гвардии старшему лейтенанту Н.И. Антонову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза. В октябре 1943 г. был тяжело ранен и до марта 1944 г. находился на излечении в разных госпиталях. После окончания войны до 1968 г. продолжал службу в войсках Министерства внутренних дел [3, с. 27; 9, с. 259].

При освобождении Брагинского района Полесской области отличился уроженец Волосовского района Ленинградской области командир отделения гвардии сержант Хиндреус Хейнрих Иосефович. Под огнём противника 28 сентября 1943 г. он вместе с передовой группой красноармейцев в количестве девяти человек со станковым пулемётом под огнём пративника переправился через Днепр в Брагинском районе Гомельской области. На правом берегу реки храбрецы забросали гранатами траншеи гитлеровцев и заняли выгодный плацдарм. В течение дня они отбили несколько немецких контратак и закрепились на плацдарме, чем создали благоприятные условия для переправы 239-го гвардейского стрелкового полка [3, с. 550; 9, с. 280].

С 1928 г. стал трудиться слесарем на цементном заводе им. Воровского в Ленинграде Иван Андреевич Боченков. Без отрыва от работы окончил три курса вечернего отделения рабфака при Ленинградском институте коммунального строительства. В первый день войны был мобилизован и направлен в инженерные войска. К октябрю 1943 г. старший сержант И.А. Боченков командовал отделением 61-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона 14-й инженерно-сапёрной бригады 65-й армии Центрального фронта. Отличился во время битвы за Днепр. В ночь 15–16 октября 1943 г. вместе с отделением совершил 7 рейсов через реку, переправив на понтоне 150 советских солдат и офицеров. Следующей ночью отделение вместе с другим подразделением собрали 30-тонный понтон и переместили на западный берег реки миномётную батарею и батарею полковой артиллерии с боеприпасами. Без остановки движения в понтоне были заделаны 22 пробоины. Действия отделения способствовали успешному захвату и удержанию плацдарма южнее белорусского районного центра Лоев.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Приказом командующего 65-й армией от 17 октября 1944 г. старший сержант И.А. Боченков был отмечен орденом Красного Знамени, а затем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. «за мужество и отвагу, проявленные при форсировании Днепра, и стойкость во время боев на приднепровском плацдарме», удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Отличился герой и при форсировании Сожа, когда под огнём вражеской авиации отремонтировал пристань и пантон. В 1945 г. младший лейтенант И.А. Боченков окончил Ленинградское военно-инженерное училище. За многолетнюю деятельность в хозяйственном и культурном строительстве, активное участие в общественной жизни района в 1967 г. герою было присвоено звание «Почётный гражданин Великолукского района» [3, с. 70–71].

Ленинградец Николай Николаевич Тростинский в возрасте 24 лет вступил в командование 1152-м стрелковым полком. В ходе Белорусской стратегической наступательной операции 27 июня 1944 г. часть под его командованием первой вышла к Днепру и сходу овладела городским посёлком Копысь Оршанского района Витебской области. Преследуя противника, полк благодаря чёткой организации, в течение трёх часов форсировал реку и захватил плацдарм. Затем личный состав во главе с подполковником Н.Н. Тростинским отвоевал прибрежные возвышенности. Успех полка способствовал тому, что на правый берег Днепра были переброшены основные силы 344-й стрелковой дивизии. Мужественный командир погиб в бою 16 августа 1944 г. в ходе Каунасской наступательной операции и похоронен в г. Мариамполе Литовской ССР. Его именем названы улицы в Орше и посёлке Копысь Витебской области [3, с. 523; 5, с. 613].

В Ленинграде начиналась военная служба Ивана Васильевича Васильева, окончившего в 1934 г. пехотную школу и бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. Перед войной капитан И.В. Васильев в качестве командира батальона служил в Киевском Особом военном округе. В боях с противником в конце июня 1941 г. и в начале июля 1942 г. получил тяжёлые ранения. После завершения войсками 2-го Украинского фронта Уманско-Ботошанской операции 713-й самоходно-артиллерийский полк под командованием подполковника И.В. Васильева был переведён в состав 1-го Белорусского фронта. Часть особо отличилась в ходе операции «Багратион». Личный состав 24–29 июня 1944 г. во главе с командиром форсировал реку Друть в районе Рогачёва Гомельской области, проник в тыл врага и захватил переправы через реки Добасна и Березина. В течение 28–29 июня 1944 г. полк совместно с пехотным подразделением отбил 20 контратак немцев. Своими оперативными действиями артиллеристы отрезали путь к отступлению бобруйской группировке противника и способствовали её окружению. В тяжёлых пятидневных боях по разгрому бобруйской группировки врага полк уничтожил 30 танков и штурмовых орудий, 40 артиллерийских орудий, до 200 автомашин, около 1000 немецких солдат и офицеров. За участие в освобождении белорусских городов Бобруйска и Слонима часть была удостоена орденов Александра Невского и второго ордена Красного Знамени. Самому командиру полка И.В. Васильеву 22 августа 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны продолжал командовать полком [3, с. 88; 10, с. 201].

Мужественно сражались ленинградцы в рядах советского партизанского и подпольного движения на территории Беларуси. Уроженец Тихвинского района

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Николай Петрович Фёдоров в 1936 г. окончил 2-ю Ленинградскую артиллерийскую школу и учился в военной академии им. М.В. Фрунзе. Участвовал в обороне Москвы. В июле 1943 г. был десантирован на оккупированную территорию Беларуси в качестве заместителя командира разведывательно-диверсионного отряда, действовавшего в Минской области. Активно участвовал в ликвидации генерального комиссара Беларуси гауляйтера В. Кубе. Как руководитель этой акции возмездия Н.П. Фёдоров в октябре 1943 г. был вызван в Москву и награждён орденом. С декабря 1943 г. являлся командиром отряда, действовавшего на территории Волынской области Украины и соседних районов Польши. Партизанское подразделение передало в Центр много ценной разведывательной информации о гарнизонах и рубежах обороны противника, маршрутах передвижения его войск. Майор Н.П. Фёдоров погиб в бою с карателями 17 апреля 1944 г. недалеко от польского города Хелм. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1944 г. майору Фёдорову Николаю Петровичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [1, с. 606; 3, с. 535].

Ленинградка Зинаида Мартыновна Портнова после вероломного нападения гитлеровской Германии оказалась на оккупированной территории Витебской области. Являясь участницей Обольского комсомольского подполья в Шумилинском районе с 1942 г., 16-летняя патриотка распространяла листовки среди населения, собирала разведывательную информацию, занималась диверсионной деятельностью на электростанции, кирпичном заводе, водокачке железнодорожной станции. Работая в немецкой столовой по указанию подполья, отравила около 100 вражеских офицеров. В связи с тем, что после совершения диверсии попала под подозрение фашистов, была переправлена в партизанский отряд. В качестве разведчицы проникала в гарнизоны противника и добывала ценную информацию. При выполнении очередного задания была схвачена фашистами. Во время допроса застрелила из пистолета офицера-следователя и двух гитлеровцев. Мужественная патриотка была расстрелена нацистскими палачами 10 января 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1958 г. Зинаиде Мартыновне Портновой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Именем Зинаиды Портновой названы улицы в Санкт-Петербурге, Полоцке, городских посёлках Оболь и Шумилино [1, 396; 3, с. 422; 5, с. 494].

Герои-ленинградцы проявляли мужество, отвагу, самопожертвование, стойкость на всех этапах освобождения территории Беларуси в 1943–1944 гг. от германских оккупантов. Воины из города на Неве сражались в различных родах войск, воодушевляли своим примером однополчан на ратные подвиги.

Список литературы

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.
3. Навечно в сердце народном: справочник. – 3-е изд., доп. и испр. – Минск : Белорус. Сов. Энциклопедия, 1984. – 607 с.
4. Памяць: Гарадоцкі р-н: Гіст. дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск : Беларусь, 2004. – 894 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

5. Их именами названы...: Энцикл. справочник . – Минск : БелСэ, 1987. – 711 с.
6. Памяць: Гіст. дакум. хроніка Мазыра і Мазырск. р-на. – Мінск : Маст. літ, 2004. – 574 с.
7. Воробъев, В.П., Ефимов, Н.В. Герои Советского Союза: справочник – С.-Петербург, 2010. – 637 с.
8. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: У 2-кн. Кн. 1. – Мінск : БелЭн, 2002. – 648 с.
9. Памяць: Брагін. р-н: Гіст.-дак. хронікі гарадов і р-наў Беларусі. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 750 с.
10. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Рагачоўс. р-на. – Мінск : БелЭн, 1994. – 535 с.

Kryvarot A.A.

PARTICIPATION OF LENINGRAD HEROES OF THE SOVIET UNION IN THE LIBERATION OF BELARUS FROM THE GERMAN INVADERS (1943-1944)

KRYVAROT Anatoliy A. – Ph. D (Hist), associate professor, Institute of History, leading researcher National Academy of Sciences of Belarus (1.Academicteskaja Str., 220072, Minsk, Belarus)
e-mail: tak_tav@tut.by

Abstract. The article provides a summary of data on Leningrad residents who were awarded the title of Hero of the Soviet Union for their courage, fortitude, bravery and military skills shown in the battles during the liberation of the territory of Belarus from the German occupiers in 1943-1944. The names of red army soldiers, partisans and underground workers who distinguished themselves on Belarusian soil were revealed from various sources. Among them are not only natives of Leningrad, but also those who moved to the city for various reasons in the pre-war period from other regions of the USSR. The material describes the feats performed by soldiers-representatives of various branches of the armed forces. It is noted that among the Leningrad Heroes of the Soviet Union, the most numerous group consists of officers of fighter-aviation and assault regiments. Distinguished pilots participated in the landing of troops, bombing of enemy rear facilities, storming of retreating enemy troops, in air battles with German fighters, and in the elimination of encircled groups. According to the sources, the post-war fate of some hero pilots who received General titles in peacetime and held responsible positions in the Air force was tracked. It was emphasized that Leningrad soldiers and commanders from the first days of the liberation of Belarus took an effective part in crossing numerous water borders. The largest number of soldiers were awarded the title of Hero of the Soviet Union for their courage, bravery and self-sacrifice in the battle of the Dnieper in the autumn of 1943. The Leningrad Heroes were also part of the advanced groups that captured and held bridgeheads on the right Bank of the river in the territory of the Polesie and Gomel regions in the face of fierce enemy resistance. It is shown how the names of Leningrad heroes who died in the battles for Belarus are immortalized in the names of streets of localities, works of monumental art, and Museum expositions. It is concluded that the soldiers of Leningrad made a

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

significant contribution to the defeat of the troops of Nazi Germany on the territory of Belarus.

Keywords: battle, landing, liberation, crossing, bridgehead, regiment, ex- squadron.

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

Кринко Е.Ф.

ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ СРАЖЕНИЙ НА ЮГЕ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

КРИНКО Евгений Федорович — д.и.н., главный научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41.

e-mail: krinko@ssc-ssc.ras.ru

Аннотация. Многие современные исследователи анализируют взаимосвязь природных и социальных факторов в истории России. Погодные условия оказали значительное влияние на боевые действия на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Исследователи данных вопросов могут использовать различные исторические источники. Советское командование уделяло значительное внимание состоянию погоды. До войны информацию о погоде в Вооруженные силы СССР предоставляли отдел гидрометеорологической службы наркомата Военно-морского флота СССР и метеорологическое управление главного управления Военно-воздушных сил Красной армии. В начале Великой Отечественной войны в наркомате обороны СССР было создано главное управление гидрометеослужбы Красной армии. Метеорологические прогнозы должны были способствовать успеху в боевых операциях. Однако прогнозы не всегда соответствовали действительности. Советские военные документы, включая приказы на проведение боевых операций, содержат описания погодных условий в конкретные периоды времени. В первую очередь, это сведения о температуре воздуха, наличии осадков, силе и направлении ветра. В основном, эти сведения приводятся в документах частей и соединений Военно-морского флота и Военно-воздушных сил СССР. Командование сухопутных войск уделяло значительно меньше внимания погоде. Сведения о погоде встречаются и в немецких документах. Сведения отдельных источников, как правило, фрагментарны. Но использование различных документов позволяет в итоге реконструировать состояние погоды в периоды активных боевых действий. Особого внимания заслуживают такие исторические источники, как воспоминания, письма, дневники, устные рассказы очевидцев. Они содержат субъективную информацию, отражающую отношение их авторов к событиям прошлого. Данные исторические источники позволяют проанализировать отношение участников войны к погоде.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-05-80043 «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, вермахт, воспоминания, исторические источники, природные условия, опасные природные явления.

Взаимосвязи природных и социальных факторов в истории Великой Отечественной войны уделяется все большее внимание современными исследователями [1–3]. Это обусловлено не только общим стремлением к междисциплинарности, но и поиском новых подходов в обращении к привычным для военных историков вопросам о причинах побед и поражений в тех или иных боевых операциях. Эффективность их решения зависит не только от используемых методов, но и от соответствующего документального комплекса, находящегося в распоряжении исследователей. В данной связи представляет интерес анализ доступных для историков источников, характеризующих погодные условия, в которых происходили сражения на юге страны в годы Великой Отечественной войны.

До войны информацию о погоде в Вооруженные силы СССР предоставляли отдел гидрометеорологической службы наркомата Военно-морского флота СССР и метеорологическое управление главного управления Военно-воздушных сил Красной армии, снабжавшее сводками погоды и сухопутные войска. С началом войны на решение данных задач были мобилизованы и гражданские метеорологи: 15 июля 1941 г. на основании постановления Государственного комитета обороны СССР Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ № 0054, согласно которому главное управление гидрометеослужбы при Совнаркоме СССР с подведомственными учреждениями было включено в состав наркомата обороны СССР на правах главного управления гидрометеослужбы (далее – ГУГМС) Красной армии. На ГУГМС Красной армии возлагались задачи обеспечения командования и частей метеорологическими прогнозами и сводками погоды, руководства всеми органами гидрометеорологической службы частей Красной армии и Военно-морского флота, комплектование органов гидрометеослужбы Красной армии специалистами, снабжение специальными приборами и пособиями, развертывание гидрометеослужбы на театрах военных действий [4]. В штабах фронтов и округов на основе республиканских и местных управлений гидрометеослужбы были созданы гидрометеорологические отделы.

Вследствие советского отступления в начальный период Великой Отечественной войны гидрометеорологическая служба лишилась значительной части метеостанций и метеоточек в западных регионах страны, что снижало возможность точного прогноза погоды. Поэтому стали применяться и совершенствоваться методы работы с «обрезанными» картами, на которых целые регионы выглядели белыми пятнами, широко внедрялись карты барической топографии, технические средства прогнозирования, а также авиационная разведка погоды. Сведения о погоде с оккупированных территорий предоставляли партизаны и разведчики [см. 5].

Точная оценка метеорологической обстановки была призвана обеспечить эффективность управления войсками. Поэтому сведения о погоде были засекречены. 22 апреля 1942 г. управление особых отделов НКВД СССР издало специальную директиву «О мерах по обеспечению конспирации в работе гидрометеослужбы Красной армии». В ней обращалось внимание всех

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

начальников особых отделов фронтов, округов, флотов и флотилий на нарушения правил ведения шифрования гидрометеорологических сведений. В целях устранения недостатков предлагалось провести проверку выполнения правил использования и хранения гидрометеорологических шифров и секретных материалов гидрометеослужбы Красной армии, докладывать о выявленных нарушениях командованию и привлекать виновных к ответственности [6, с. 375].

Пожалуй, наиболее известным примером успешного использования метеорологической информации является проведение парада на Красной площади 7 ноября 1941 г., ставшего возможным вследствие нелетной для немецкой авиации погоды. В то же время опыт первых лет войны выявил немало трудностей и недостатков в использовании метеорологических сведений военным командованием, включая и технические сложности в доведении имевшейся информации до войск. Так, анализ передачи по радио артиллерийским частям и соединениям РККА специальных метеосводок «Артель» летом 1942 г. показал, что только в дневное время слышимость была «от удовлетворительной до хорошей», а в ночное время «в основном очень плохая по всем фронтам. В большинстве случаев прием сводок затруднен из-за помех работавших на близких волнах других радиостанций». Прием метеосводок затруднялся из-за быстроты передачи, неполного и нечеткого произношения отдельных цифр диктором, отсутствия повторений радиопередач и некомплекта радиоаппаратуры. Расхождения предоставленных сведений в скорости ветра до 2 м/с составляли 32 %, 2–3 м/с – 25 %, 3–5 м/с – 21 %, 5–9 м/с – 20 %, более 9 м/с – 2 % на 400 случаев. Расхождения в определении направления ветра до 10° составляли 27 %, 10–40° – 46 %, 40–90° – 20 %, свыше 90° – 7 %. Общее качество метеосводок расценивалось как неудовлетворительное вследствие недостаточного количества данных, поступавших в Центральный институт прогнозов [7].

В планировании и проведении боевых действий на юге РСФСР советским военным командованием учитывались погодные условия. Подтверждением служит уже то, что во многих приказах на проведение боевых операций содержится характеристика погодных условий, которые могли оказывать воздействие на их ход и результаты: указывались температура воздуха, наличие осадков, сила и направление ветра [8 и др.]. Как правило, эти сведения содержатся в документах частей и соединений Военно-воздушных сил СССР и Военно-морского флота СССР, действия которых в наибольшей степени зависели от состояния погоды. Наряду с советскими документами, информацию о погоде содержат и немецкие военные документы. Например, ценные сведения о погоде в Северном Причерноморье представлены в журнале боевых действий Адмирала Черного моря (командующего немецкой военно-морской группой «Юг») [9, с. 150–152].

В документах командования сухопутных войск информация о погодных условиях указывалась значительно реже, и учитывало оно их в значительно меньшей степени. Это присуще и для боевых операций, осуществлявшихся совместно соединениями и частями различных видов и родов войск под общим руководством армейского командования. Например, в боевом приказе Военного совета 51-й армии о высадке на Керченский полуостров от 18 декабря 1941 г., директиве штаба 44-й армии о проведении высадки десанта на Крымский полуостров от 23 декабря 1941 г. и в других документах, определявших проведение Керченско-Феодосийской операции, ничего не говорилось о погодных

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

условиях [9]. Хотя состояние погоды оказало в результате существенное воздействие на проведение операции, став одной из причин высоких потерь десанта [2, с. 100–102]. Напротив, использование знаний погодных условий позволяло добиваться успехов в решении различных задач. Так, в начале января 1942 г. инженерная служба Керченской военно-морской базы проложила по советам опытных таманских рыбаков ледовую дорогу через Керченский пролив, чтобы организовать снабжение находившейся там советской группировки [10].

Нередко о погодных условиях говорится в приказах по итогам боевых операций как об обстоятельствах, помешавших реализации поставленных в них задач. При этом, как правило, отмечаются только исключительные случаи высоких или низких температур, сильных осадков, значительно затруднявших действия наземных частей. Так, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер в своем служебном дневнике 15 июля записал, что сражению на юге «несколько мешают грозы и дожди» [11, с. 655]. Через три дня, 18 июля он снова посетовал на плохую погоду: «Сильные грозы ночью серьезно замедлили и осложнили передвижение войск и их снабжение горючим» [11, с. 658]. 8 августа 1942 г. Гальдер отмечал, характеризуя обстановку на фронте: «Наступление на юге продолжается вполне удовлетворительными темпами. Большая жара [до 55 °С], очень много пыли» [11, с. 673].

Если использование официальных документов позволяет исследователю с той или иной степенью полноты и достоверности реконструировать погодные условия в период проведения боевых операций, то обращение к источникам личного происхождения предоставляет совершенно иные эвристические возможности. Субъективный характер отражения информации в данных источниках позволяет анализировать не сами погодные условия, а отношение к ним участников войны, восприятие военными погодных условий, а также запомнившиеся им способы преодоления их негативных последствий. Самым массовым видом таких источников периода Великой Отечественной войны, сохранившимся до нашего времени, являются письма с фронта. Однако в силу цензурных ограничений в письмах рассматриваемые вопросы не находили широкого отражения. Дневники же в военное время вели немногие военнослужащие, в основном, относящиеся к командному или политическому составу, а также писатели и журналисты [12 и др.]. Поэтому возрастает ценность воспоминаний участников событий, как ранее опубликованных, так и записанных в последние годы. При этом содержание мемуаров в значительной степени определяется профессиональным статусом и личным фронтовым опытом их авторов.

Так, в воспоминаниях пулеметчика П.С. Редкозубова содержатся яркие подробности переправы через Дон при освобождении Ростова в феврале 1943 г. Автор воспоминаний подчеркивал, что сильный мороз, сковавший льдом реку, позволил осуществить успешно переправу на правый берег: «А была уже зима, уже такие морозы были. Дон замерз, вода промерзла до самого основания». Но и в этих условиях переправа не была легким и безопасным делом: «...лед провалился, и вот такие крылья вот так стоят, по всей длине речки. Не залезть, не перелезть». Далее респондент отмечал: «Крылья так стоят, на метр выше земли, и вот так все дно поднялось, воды нет. Просто, не понимаю, как, где они перебрались, а там крутой берег, скользко было уже, зимнее время. Никак не можем, скользко,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

ползем. Поснимали ремни, пулемет привязали и вытащили наверх, на ту сторону» [13].

Морозный февраль 1943 г. создавал свои сложности для наступавших на Ростов советских войск, о которых вспоминала фронтовая медсестра В.М. Мухортова: «Зимой было очень холодно. И через Дон, я сама лично раненых перетаскивала <...> А на Дону было много воронок, и ветер был сильный, и мороз был до 40 градусов. Очень тяжело было: холодно, руки мерзнут, перевязку очень трудно было сделать». Однако многих раненых не удалось спасти, они просто замерзли, хотя медсестры старались делать все, что от них зависело: «Был ветер сильный, и мороз, вот мы тащим их на плащ-палатке, с себя снимали, ложили раненого и тащили по льду, по снегу, по грязи, как приходилось. Раненых не бросали» [14].

Находит отражение в воспоминаниях участников событий и качество советской и немецкой военной формы, ее возможности защитить военнослужащих от холода, ветра, снега, дождя и других ненастных явлений. По словам еще одного участника боев на юге страны П.В. Синюгина: «Немецкая форма зимой не годилась для наших морозов. Шинель у них холодная, немцы сильно мерзли. Они не думали воевать зимой, думали за лето закончить с СССР». Сопоставляя советскую форму с немецкой, П.В. Синюгин отмечал: «Наша форма лучше. Нам еще фуфаячку ватную давали под шинель, телогрейку. Шинель, правда, тоже не очень удобная. А полушубки только у офицеров, мы их не получали». В то же время он находил преимущества и в немецкой форме: «На мерзлой земле, в окопе, спасались, используя плащ-палатку и еще одеяло немецкое. Почти все солдаты, когда шли в наступление, приобретали плащ-палатку и одеяло немецкое. Особенно плащ-палатка прорезиненная, свернешь ее, скатку сделаешь, или в вещмешок положишь. Это же чудо, и от дождя, от снега спасала, не промокала. Если где-то поспать можно, разрешили отдохнуть, укроешься. Наши не такие качественные были» [54].

Таким образом, погодные условия боевых операций на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны нашли свое отражение в различных исторических источниках. Советское командование стремилось учитывать метеорологические прогнозы в планировании и осуществлении боевых действий. Военные документы, прежде всего, относящиеся к действиям авиации и флота, содержат данные о состоянии погоды, однако они носят нередко фрагментарный характер, что обуславливает целесообразность и необходимость комплексного использования всех доступных исследователям источников. В отличие от официальных документов, источники личного происхождения позволяют восстановить особенности фронтовой повседневности и ее отражения в памяти непосредственных участников рассматриваемых событий.

Список литературы

1. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В. Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войне // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 83–92.
2. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Воздействие природных факторов на проведение десантных операций в Крыму в декабре 1941 – январе 1942 гг. // Наука Юга России. 2019. № 1. С. 94–104.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

3. Кринко Е.Ф., Рубцова А.В. Использование природных условий советским командованием во время боевых действий на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С 182–190.
4. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. 448 с. С. 26.
5. Afanasenko V.I., Krinko E.F. «The Winter happened to be severe...»: the Impact of the Weather Conditions on the Battles on the Big bend of the Don in November 1942 – February 1943 // Русская старина. 2015. № 2. С. 115–129.
6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. 706 с.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 232. Оп. 590. Д. 1. Л. 29.
8. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 481. Л. 26–243.
9. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2017. 400 с.
10. Шнюков Е.Ф., Митин Л.И., Цемко В.П. Катастрофы в Черном море. Киев, 1994. 296 с.
11. Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М., 2012. 702 с.
12. Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1982. Т. I. 479 с. Т. II. 688 с.
13. Интервью с Петром Семеновичем Редкозубовым, 1923 г.р., записано в г. Ростове-на-Дону 11 апреля 2014 г. Е.Ф. Кринко, М.В. Медведевым и Т.П. Хлыниной.
14. Интервью с Валентиной Мефодьевной Мухортовой, 1922 г.р., записано в г. Ростове-на-Дону 18 мая 2012 г. Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат.
15. Интервью с Петром Васильевичем Синюгиным, 1924 г.р., записано в г. Майкопе 5 и 19 ноября 2001 г. Е.Ф. Кринко и О.Н. Тупиковой.

Krinko E.F.

THE WEATHER CONDITIONS OF BATTLES IN THE SOUTH OF THE RSFSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: POSSIBILITIES OF HISTORICAL SOURCES

KRINKO Evgeny F. – Chief Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 344006, Russia, Rostov-on-Don, 41 Chekhov Avenue.
E-mail: krinko@ssc-ssc.ras.ru

Abstract. Many contemporary researchers analyzed the relationship of natural and social factors in the history of Russia. Weather conditions had a significant impact on the fighting in the South of the RSFSR during the Great Patriotic War. Researchers of these questions can use different historical sources. The Soviet command paid considerable attention to the weather. Before the war Department of the Hydrometeorological Service People's Commissariat of Navy of the USSR and the Meteorological Department of the Main Directorate of the Red Army Air Force were provided the weather information for the Soviet Armed Forces. At the beginning of Great Patriotic War was created the Main Directorate of Hydrometeorological Services of the Red Army in the People's Commissariat of Defense of the USSR. Meteorological

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

forecasts were to contribute to success in combat operations. However, the forecasts were not always true. Soviet military documents, including orders for military operations, contain descriptions of weather conditions for specific periods of time. First of all, this is information about air temperature, the presence of precipitation, the strength and direction of the wind. Basically, this information is given in the documents of the units and formations of the Navy and the Air Force of the USSR. The command of the ground forces paid much less attention to the weather. Weather information is also found in German documents. Information from individual sources is usually fragmentary. But the use of various documents allows us to ultimately reconstruct the state of the weather during periods of active hostilities. Such historical sources as memoirs, letters, diaries, and oral stories of eyewitnesses deserve special attention. They contain subjective information reflecting the attitude of their authors to the events of the past. These historical sources allow us to analyze the attitude of war veterans to the weather.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Wehrmacht, memories, historical sources, natural conditions, dangerous natural phenomena.

УДК 93/94

Кудрявцева Р-Е.А.

СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1943 гг.)*

КУДРЯВЦЕВА Регина-Елизавета Антоновна — ассистент, «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: aethel@yandex.ru

Аннотация. Изучение пропаганды – важнейшая проблема при изучении любого военного конфликта. Используя методы историзма в статье анализируется становление и развитие советской пропаганды, на основе материалов исторической литературы и архивных данных. Автор также показывает, как развитие советской пропаганды, а также ее отдельные элементы – художественные и музыкальные произведения, закрепляются в современной учебной литературе, транслируя историческую память следующему поколению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пропаганда, советская пропаганда, Северо-Запад России, Вторая Мировая война.

Войной не может считаться лишь вооруженное противостояние. Успешные пропагандистские акции иногда могут принести гораздо больший результат, чем реальная боевая операция. На протяжении всего XX в. роль идеологического,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

пропагандистского воздействия на войска и население противника постоянно возрастала, и Великая Отечественная война исключением не является.

Изучение влияния пропагандистской советской тактики на войска и население – важный вопрос для дальнейшего изучения, так как долгое время данный вопрос исследовался с позиции официальной партийной идеологии, вследствие чего, не мог быть оценен объективно. В современных условиях развития исторической российской науки встал вопрос переоценки и глубокого изучения советской и нацистской пропаганды как средства в достижении военных целей.

Проблема изучения советской пропаганды занимает важное место в кругу проблем, касающихся истории Великой Отечественной войны: социальная политика в годы войны [1, с. 30], история повседневности [2, с. 219], историческая память о событиях войны [3, с. 677]. В первые десятилетия XXI истории советской пропаганды были посвящены работы А.С. Горлова, его диссертационное исследование [4] и цикл трудов [5], в которых он затрагивает проблему эволюции идеологических установок, И.А. Токарева, затрагивающие проблему эволюции лозунгов [6], М.Э. Никитиной [7], посвятившей свои исследования изучению образа врага и героя, А.Э. Ларионова и М.В. Дворковой, изучивших образы русской истории [8] в советской пропаганде, Т.В. Волокитиной [9]. Отдельные труды посвящены изучению проблемы пропаганды в годы Великой Отечественной войны на разных территориях, например, на материалах Владимирской области эту проблему изучает И.С. Тряхов [10].

На первом этапе войны советское руководство не предпринимало шагов по организации пропаганды, так как до войны идея подготовки сопротивления иноземным захватчикам на оккупированной ими советской территории, казалась руководству в Кремле безумной и вредительской одновременно. Официальная доктрина, выражавшаяся в лозунгах «Малой кровью – могучим ударом», «Красная Армия будет бить врага на его же территории», не предполагала возможности для противника пройти вглубь страны, ведь границы были далеко отодвинуты на Запад в ходе присоединения Западной Белоруссии, Западной Украины, Прибалтики; после войны с Финляндией. Все эти факторы способствовали созданию ситуации, что Политическое Управление Красной Армии готовилось вести работу среди своих войск, а также среди населения и войск противника; но никак не среди собственного мирного населения, оказавшегося в тылу врага. Как известно, иная ситуация была с гитлеровской пропагандой, которая была крайне эффективна.

Из-за разрушения коммуникационных связей, до конца 1941 года на территориях Северо-запада сложилась ситуация, когда население проживавшее на оккупированной врагом территории, вообще не имело представления об истинном положении дел в ведущейся многие месяцы войне, и основные сведения о ситуации в стране получало от германских властей. Также следует отметить, что специалисты советской системы военной пропаганды предубежденно недооценивали возможности пропагандистские возможности противника, что приводило к пагубным последствиям. Руководство Политического управления получало донесения с фронтов, что пропаганда захватчиков не доходит до сознания людей, на которых она направлена, – поэтому нет надобности опровергать распространяемую фашистами информацию – сами немцы разоблачают себя деяниями массовых убийств и беспримерной жестокости над

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

людьми на захваченной территории [11, с. 85]. Подобная недооценка приводила к катастрофическим ошибкам в работе с населением оккупированных территорий, куда долгое время не засылали агитаторов с «Большой земли» и не привозили советские газеты, прокламации и листовки. Советские подпольщики на оккупированных территориях и партизаны, в свою очередь, ожидали помощи от советского государства, по конкретным причинам не имея источников связи с центром – известно, например, что в конце июня 1941 года органы безопасности провели реквизицию у населения радиоприёмников, имевших способность брать волновые сигналы с источников звука, расположенных на дальних расстояниях. Необходимо признать и тот факт, что ожидание приказов из центра, в первые месяцы войны парализовало саму инициативу групп сопротивления на местах [12].

В советской пропагандистской работе в начальный период войны проявлялось и привычное в СССР отношение к людям как некой абстрактной массе, материалу для строительства «светлого будущего». От первых газет и листовок, распространяемых среди населения, нередко было больше вреда. Как пример можно привести листовку комиссара первой партизанской бригады Казакова «Герой старик». В ней рассказывалось о том, что во время боевого задания встретились командир роты Андреев, со своими бойцами, и местный старик, который крикнул в окно, что в доме находятся немцы. После предупреждения, партизаны забросали дом гранатами, и все, кто там был, погибли [13]. К несчастью, погиб и старик, чем воспользовалась немецкая пропаганда на страницах русскоязычной печати [14].

В начале 1942 года опыт ведения идеологической борьбы советской пропаганды нарастал, она стала вестись более профессионально: материалы стали менее абстрактными, были выработаны принципы оперативности журналистского отклика на происходящие события, объективности анализа ситуации, учёта особенностей менталитета населения конкретных территорий. Были разосланы документы, регламентирующие борьбу с антисоветскими отрядами, так в августе 1942 года в партизанские отряды Северо-Запада были разосланы «Указания о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупированной территории» [15, с. 42].

Со второй половины 1942 года стала анализироваться пропагандистская литература коллаборационистов. Эти материалы, к которым прежде было крайне негативное отношение, стали использоваться как источник информации из тыла врага. В период введения немцами закона о «новом порядке землепользования» в 1942 года из ленинградского штаба партизанского движения на Северо-западных территориях СССР, к примеру, пошла на места иллюстрированная листовка-ответ, текст которой содержал доходчивое объяснение природы обмана гитлеровцами русского народа. Авторы листовок, используя иронию и сарказм – «Взвыл Гитлер бесноватый – чувствует, что бьют часы расплаты», «Почему "уничтоженная" советская авиация уничтожает военные объекты в тылу у немцев» [16], вызывали в читателях надежду на скорую победу над врагом.

Универсальным приемом пропаганды служило разделение на «своих» и «чужих», на «мир добра» и «мир зла». Задача уничтожить «мир» зла» реализовывалась через построение образов «нелюдей», монстров, порожденных идеологией фашизма, нечеловеческим поведением. При построении текстов и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

символов пропагандистами использовались архаические пласты мировоззрения советских людей [17].

В период 1942 года начинает использоваться лозунг «Убей немца», начало которому положило стихотворение К.М. Симонова в «Красной звезде», а затем вышла статья Ильи Эренбурга. Лозунг этот нашел отражение и в ленинградских плакатах (рис 1.).

Рис.1. Фотография из Ленинграда 1943 г. Источник: <https://propagandahistory.ru/2376/Plakaty-blokadnogo-Leningrada/>

Период коренного перелома в Великой Отечественной войне положил начало системной пропагандистской работы для подпольных организаций в тылу врага, имевших в своём распоряжении доставленные из центра типографские станки – среди местного населения и солдат вермахта на оккупированных территориях (на Северо-Западе страны, например, – в Луге, Порхове, Уторгоше, Стругах Красных) стали массово распространяться листовки и газеты с известиями о победах Красной Армии [18]. С другой стороны, фашистская агитация не сдавала позиций, регулярно выходили литовки от «русской освободительной армии», распространявшиеся с помощью разбрасывания с самолетов.

Советская сторона отлично понимала, что пропагандистская программа гитлеровцев и их союзников направлена на использование в борьбе не только антисоветские элементы, но и на то, чтобы сбить с толку простых людей, а именно политически малосознательную часть трудящихся, не осознавших необходимости строгой дисциплины труда на социалистических предприятиях. Однако, планы гитлеровской пропаганды, начавшие реализацию в данном направлении в 1943 году, запоздали, так как к этому периоду население

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Советского Союза уже смогло полностью осознать человеконенавистнический характер гитлеровского нацизма. Красная Армия успешно наступала, отвоёвывая село за селом, город за городом; освобождая от немецких оккупантов территорию страны на всём протяжении её западных границ. В глубоком тылу занятой пока гитлеровцами территории действовали соединения Сопротивления, бравшие под свой контроль важные объекты жизнеобеспечения деятельности немецкой армии.

Наследие советской пропаганды сохраняется в исторической памяти XXI века и транслируется в учебной литературе [19]. Как пример рассмотрим линейку учебников по истории для школьников издательства «Просвещение» 2016 года. Великая Отечественная война освещена во второй части учебника для 10 класса и занимает почти 40% объема. Объем иллюстративного материала в данном блоке очень велик, но только четыре иллюстрации относятся к деятельности советской пропаганды и культурной жизни: дважды встречается плакат «Родина-мать зовет!» художника И.М. Тоидзе, один раз на обложке блока, картина художников Кукрыниксов «Бегство немцев из Новгорода» и обложка кинофильма «В шесть часов вечера после войны».

Советской пропаганде в блоке по истории Великой Отечественной войны отведено меньше 1 % текста и несколько параграфов. Первый параграф «Военно-патриотическое воспитание и пропаганда до войны» касается военно-патриотического воспитания перед началом войны, а второй – собственно советской пропаганды: художественным произведениям как элементам пропаганды, и озаглавлен «Культурное пространство войны» [20, с. 41]. Авторы учебника отмечают, что произведения высокой героико-патриотической тональности в советской пропаганде появились в первые дни войны. В учебнике зафиксированы следующие произведения: песня «Священная война» на слова В.И. Лебедева-Кумача, плакат «Родина-мать зовет!», «Немцы идут!» А.А. Пластова, «Бегство немцев из Новгорода» Кукрыниксов, «Оборона Севастополя» А.А. Дейнеки. Из персоналий исателей, внесших свой вклад, авторы учебника отмечают К.М. Симонова, В.С. Гроссмана. Также учебник затрагивает такие элементы культурного пространства, направленные на поддержание боевого духа сражающихся и находящихся в тылу, как песенное творчество и эстрадные выступления. В учебнике упоминаются семь военных песен и четыре персоналии эстрадных исполнителей: К.И. Шульженко, Л.А. Русланова, Л.О. Утёсов, А.Н. Вертинский. Особо отмечены авторами учебников именно выступления на рассматриваемой территории, в исторической памяти школьников фиксируется проведение более 500 концертов перед бойцами Ленинградского фронта [20, с. 42].

В борьбе против фашистских захватчиков выработался уникальный опыт ведения психологической войны силами пропаганды. Развиваясь в ходе войны, советская пропаганда успешно стала решать все поставленные перед ней задачи, обращаясь к образам «героев», сражающихся против «нелюдей». Стоит отметить, что в современной учебной литературе становлению и эволюции советской пропаганды не предоставлено место, как, например, деятельности разведки, которой отведен большой раздел. Но, несмотря на это, примеры таких советских плакатов как «Родина-мать зовет!» транслируются в исторической памяти [21] для следующего поколения.

Список литературы

1. Ещенко Ю.Г., Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период великой отечественной войны на юге России // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 30-40.
2. Krasnozhenova E.E., Wu Baoyan, Kudriavtceva R.E.A. Daily life of the south of Russia population during the Great patriotic War (1941-1945) // Materials of the 4th International Multydisciplinary Scientific conference on Social Scince and Arts. SGEM 2017. Albena, 2017. pp. 219-226.
3. Krasnozhenova E.E., Kulik S.V. Historical Memory About Great Patriotic War In Communication Of Modern Russian Society. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. Vol. XXXV (35). pp. 677-682.
4. Горлов А.С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: дисс. канд. ист. наук. М., 2009.
5. Горлов А.С. Патриотическая пропаганда в годы Великой Отечественной войн // Германия и Россия в судьбе историка. Сборник статей, посвященный 90-летию Я.С. Драбкина. М., 2008. С. 58-71.
6. Токарев И.А. Формирование и реализация партийно-государственной политики СССР в сфере идеологии, культуры и образования в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дисс. док. ист. наук. Саратов, 2007.
7. Никитина М.Э. Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: на материалах Пензенской области: дисс. канд. ист. наук. Пенза, 2005.
8. Ларионов А.Э., Дворковая М.В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (часть 1) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 4. М., 2019. С. 213-225.
9. Волокитина Т.В. «Перо приравнено к штыку!». Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Славяне и Россия. 2014. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pero-priravneno-k-shtyku-covetskaaya-rechatnaya-propaganda-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voynu> (дата обращения: 01.05.2020).
10. Тряхов И.С. Пропаганда в периодической печати в годы великой отечественной войны (на материалах Владимирской области) // Вестник РУДН, серия История России, 2016, № 4. С. 66-77.
11. Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории 1941–1944. Москва, 1971. 358 с.
12. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО), ф. 260, оп. 1, д. 138, л. 13–18.
13. ГАНИНО, ф. 260, оп. 1, д. 192, л. 80.
14. За Родину. (Псков). 20 марта 1942 г. .
15. Кудрявцева Р.Е.А., Кулик А.С., Полякова М.В. Советская и нацисткая пропаганда в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. М., 2019. № 12-3. С. 191-197.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее - ЦГА ИПД СПб), ф. 0–116, оп. 1, д. 156, л. 6 (in Russian).

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

17. Фатеев А.Ф. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. Москва, Ин-т рос. истории РАН, 1999. Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/fateev0.htm#1> (дата обращения: 01.05.2020).
18. ГАНИНО, ф. 260, оп. 1, д. 138, л. 31.
19. Кудрявцева Р-Е.А., Самыловская Е.А. Мероприятия высшей школы общественных наук СПбПУ Петра Великого по созданию условий формирования компетенций учащихся Санкт-Петербурга путем вовлечения их в проектную деятельность // История политехнического образования в России. СПб., 2019. С. 193-199.
20. Горинов М.М., Данилов А.А. История России. 10 класс. Учебник. Часть 2. М., 2016. 176 с.
21. Ишанходжаева З.Р., Хазов В.К., Алмазова-Ильина А.Б. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом во Второй мировой войне // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 205-211.

Kudryavtseva R- E.A.

SOVIET PROPAGANDA IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1943)

KUDRYAVTSEVA Regina-Elizaveta A. — assistant, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Politekhnikeskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russian Federation.
e-mail: aethel@yandex.ru

Abstract. The study of propaganda is the most important problem in the study of any military conflict. Using the methods of historicism, the article analyzes the formation and development of Soviet propaganda, based on historical literature and archival data. The author also shows how the development of Soviet propaganda, as well as its individual elements-artistic and musical works, are fixed in modern educational literature, transmitting historical memory to the next generation.

Keywords: Great Patriotic war, propaganda, Soviet propaganda, North-West of Russia, World War II.

УДК 93/94

Кулик С.В.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

КУЛИК Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: kulik54@mail.ru

Аннотация. Нацистская оккупация Северо-Запада России продолжалась с лета 1941 по лето 1944 года. В начальный период войны партизанское движение испытало на себе все трудности и невзгоды, обусловленные неподготовленностью к ведению такого способа сопротивления врагу. Отсутствие подготовленных кадров, разработанной системы руководства, потайных баз с оружием и продовольствием обрекли первые партизанские формирования на длительные и мучительные поиски всего того, что было необходимо для осуществления эффективных боевых действий. Борьбу с опытным и хорошо вооруженным противником пришлось начинать практически с нуля. Особую роль в организации борьбы в тылу противника сыграл Ленинградский штаб партизанского движения. Основной формой объединения партизанских отрядов стала партизанская бригада. Организационное и боевое преимущество ее состояло в том, что, объединив отряды в единый военный организм под общим командованием и имея все достоинства крупного соединения, она в то же время сохраняла за отрядами автономность в дислокации, материальном обеспечении, пополнении личным составом, а также самостоятельность в решении собственных боевых задач. Именно партизанские бригады сыграли важную роль в освобождении региона в 1944 году.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацистский оккупационный режим, Ленинградская область, партизанское движение, Вторая мировая война.

В ходе Великой Отечественной войны партизанское движение прошло стадии развития, которые хронологически, в основном, совпадают с периодами Великой Отечественной войны. Эта взаимосвязь и обусловленность определялась тем, что деятельность партизанских формирований с самого начала была подчинена интересам Красной Армии как главному фактору в разгроме агрессора, а потому изменения на советско-германском фронте самым непосредственным образом влияли на организацию, размах и целенаправленность партизанских ударов.

В начальный период войны (июнь 1941 - 19 ноября 1942 г.) партизанское движение испытало на себе все трудности и невзгоды, обусловленные неподготовленностью советских людей к ведению такого способа сопротивления врагу. Отсутствие подготовленных кадров, разработанной системы руководства, потайных баз с оружием и продовольствием обрекли первые партизанские формирования на длительные и мучительные поиски всего того, что было необходимо для осуществления эффективных боевых действий. Борьбу с опытным и хорошо вооруженным противником пришлось начинать практически с нуля.

В первые месяцы войны основной массе населения оккупированной территории неизвестно было содержание директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск», изданных под грифом «секретно» и

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

доведенных до узкого круга руководящих партийных работников в советском тылу [1, с. 273].

В самом начале Отечественной войны во все оккупированные районы были направлены руководящие партийные и советские работники, которые провели организацию партизанских отрядов, диверсионных групп, подпольных ячеек и истребительных батальонов, перешедших затем с оккупацией районов на положение партизанских отрядов. Одновременно в районах были созданы скрытые базы оружия, боеприпасов, продовольствия и обмундирования [2]. Но небольшое количество времени, хаос начала войны, слабая подготовка будущих партизанских кадров крайне негативно отразились на этой важной и ответственной работе.

Многие из этих баз с продовольствием и вооружением оказались разграбленными местным населением, о многих схронах очень быстро становилось известно гитлеровцам и их пособникам – первые партизаны очень плохо осознавали важность конспирации.

По принципу формирования все партизанские отряды можно разделить на три основных группы, отличающиеся друг от друга. Боевая первоначальная деятельность партизанских отрядов была направлена на расчистку близлежащих населенных пунктов от немецких ставленников в оккупационной администрации, полицейских и осведомителей. Такие меры диктовались сложившейся обстановкой в тылу врага. Они создавали благоприятные условия для расширения и укрепления связи с местным населением, включения их в борьбу с захватчиками.

Самые первые из отрядов были сформированы еще до оккупации западных областей России, летом – осенью 1941 года, из числа бойцов истребительных батальонов. С оккупацией районов созданные отряды и группы оставались для борьбы с противником в его тылу. Основное ядро этих отрядов составляли местные коммунисты и комсомольцы, в качестве командиров, комиссаров и начальников штабов – руководящие партийные и советские работники в лице секретарей райкомов и горкомов ВКП (б), заведующих отделами и инструкторов, а также председателей и работников исполкомов районных советов депутатов трудящихся и руководителей хозяйственных организаций и предприятий.

Эти отряды изначально были вооружены и имели возможность создавать в лесу продовольственные базы. Впоследствии с уходом в леса они пополнялись за счет бойцов и командиров Красной армии, попавших в окружение, а также за счет других советских граждан, продолжающих с оружием в руках вести борьбу против немецких захватчиков.

Далеко не всегда работа по созданию этих отрядов проходила успешно. Так в докладе Политуправления Северного фронта «Об организации и действиях истребительных батальонов по Ленинградской области» от 18 июля 1941 г. указывалось, что руководство Солецкого и Гдовского районов само эвакуировалось и ничего не сделало для организации истребительных батальонов, партизанских отрядов и групп самообороны. В Батецком, Мстинском, Валдайском районах руководство в связи с наступлением немцев растерялось. Так что до приезда представителей Политуправления и обкома партии партизанские отряды не были созданы [3, с. 429].

Из-за голода осенью 1941 г. значительная часть этих партизанских отрядов распалась. На настроение советского сопротивления большое влияние оказывало

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

отсутствие информации о положении на фронтах, о судьбе Москвы и Ленинграда. Все это обусловило разброд и шатания внутри самих партизан.

Вторую группу составляли наиболее крупные и боеспособные отряды, организованные в декабре 1941 года – феврале 1942 года из бойцов и командиров регулярной армии, попавших в окружение или бежавших из плена. Эти отряды обычно начинали свою деятельность с маленькой группы военнослужащих, которая сама выбирала командира и объявляла себя партизанским отрядом.

Очень часто не звания и прочие регалии, полученные до войны, играли решающую роль в избрании руководства. Ведь многие офицеры, выходя из окружения, снимали с себя знаки отличия, уничтожали документы. Таким образом, они уравнивали себя с простыми красноармейцами. Лишь самые хорошие организаторы, смелые и ответственные люди, заслуживали доверие со стороны своих товарищей.

В течении несколько недель такая группа превращалась в большую силу. Основным требованием при вступлении в этот отряд было то, что каждый вступающий должен иметь оружие, а также согласие всего отряда. Независимо от военного звания каждый вновь прибывший становился рядовым бойцом.

Широкое вливание окруженцев в образовавшиеся партизанские отряды придавало им четкую организованность, военную мобильность, боевую активность. Для большинства партизан, впервые взявшихся за оружие, военнослужащие были первыми наставниками и командирами, примером поведения в бою и постижении сурового солдатского быта.

Таким образом, можно отметить, что военнослужащие, оказавшиеся в окружении или бежавшие из плена, сыграли значительную роль в организации и становлении первых партизанских отрядов. Их численность в отрядах в этот период доходила до 50 и более процентов всего личного состава. Так летом 1942 г. доля бывших окруженцев в партизанских отрядах Ленинградской области составляла 28% [1, с. 275].

Значительную группу партизанских отрядов составили отряды, организованные зимой 1941 – 42 гг. из групп местной самообороны. Эти группы изначально создавались для защиты от мародеров. Они не имели большого боевого опыта и были гораздо менее обеспечены, чем первые две группы партизан. В их рядах находились, в основном, женщины, подростки и пожилые мужчины. С оружием больших проблем не было, ведь в ходе советского отступления 1941 года немалое количество его оказалось у местного населения. Но владеть им могли единицы. Еще хуже силы «самообороны» были обучены военному делу [4, Л. 18].

Характерная особенность развития партизанского движения осенью и зимой 1941 - 42 г. состояла в том, что наряду со сложившимися отрядами во многих населенных пунктах образовались и действовали подпольные партизанские группы. Они накапливали оружие и боеприпасы, вели среди населения антифашистскую пропаганду, выявляли единомышленников, проводили различные диверсионные акты. Переход к открытой вооруженной борьбе сдерживался, как правило, отсутствием оборудованных лесных лагерей, запасов продовольствия, суровыми условиями зимы.

Существенную роль в сопротивлении оккупантам играло подполье. По сути своей оно было партийным, так как создавалось партийными комитетами и руководилось, в основном, партийными функционерами, хотя в него вовлекались

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

также комсомольцы и беспартийные граждане. Уже к концу 1941 г. на оккупированной территории действовало 18 подпольных обкомов и более 260 комитетов партии городского или районного масштаба. Подпольщики вели разведку, изготавливали и распространяли листовки, газеты, прокламации, доводили до населения наиболее важные постановления и воззвания коммунистической партии и советского правительства, совершали диверсионные и террористические акты, организовывали саботаж, помогали партизанам, боролись с гитлеровской пропагандой. Они внедрялись в военные и административные учреждения противника с целью добывания информации, предупреждения населения о готовившихся облавах, а партизан - о карательных экспедициях против них [1, с. 288].

Постепенно сеть подпольных организаций ширилась. С приобретением опыта конспирации росла их живучесть, а их деятельность становилась все заметнее и эффективнее. Они распространили свою работу и на немецких солдат. Умело компрометировали в глазах оккупационных властей сотрудничавших с ними коллаборационистов, чтобы устранить их, уничтожали их физически.

Не только партизаны и подпольщики выполняли задания Советского командования. Начиная с конца 1941 года, на оккупированную территорию из советского тыла стали засылаться партийные группы, состоявшие из коммунистов. Эти группы формировались зимой 1941-1942 г. в оперативной полосе Северо-Западного фронта, но носили они рейдовый характер, с возвращением в советский тыл. Во время выполнения операции рейдовые группы распространяли советские газеты и листовки, встречались с населением, одна из задач заключалась в сборе материалов разведывательного характера [5, с. 195].

Вследствие сурового оккупационного режима, слабого знания обстановки на местах большинство партийных групп понесло значительные потери. Некоторые из них не смогли пробраться через линию фронта в свои районы или же прекратили свою деятельность в первые дни и недели.

Весной 1942 года ЛШПД решил, что группы должны быть стационарными, охватывая своей работой конкретный район области. В группу входило 5-7 человек, иногда и больше. Возглавлял её партийный организатор обкома ВКП(б). Они забрасывались с задачей развертывания партийно-политической работы среди населения, организации в этих районах партизанских отрядов из местного населения и систематической разведки тылов противника. Всего за 1942 год было заброшено более 20 групп в составе 150 человек [5, с. 195].

Нельзя однозначно оценить эффективность этих боевых подразделений. В первые месяцы войны они часто создавались по формальным признакам, т. е. в них включали активных членов партии, имевших минимальный опыт обращения с оружием, физически подготовленных. Задания они получали самые широкие и часто взаимоисключающие друг друга: распространение листовок среди местного населения и немецких солдат, сбор разведывательной информации, диверсионно-террористические акты.

Слабое знание оперативной обстановки, положения на местах, вера в классовую солидарность «немецких рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели», привело к тому, что большинство этих партийных групп были уничтожены. Лишь единицам удалось выйти в советский тыл.

Негативный опыт начального периода войны был учтен штабами партизанского движения, в особенности Ленинградским ШПД. Уже с начала 1942

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

г. в группы стали обязательно включаться люди, хорошо знающие местные условия, а также радисты. Личный состав обычно вооружался гранатами и автоматами ППП.

Боевые задачи конкретизировались. Так 10 партгруппа, действовавшая в Новгородском, Шимском и Батецком районах, получила следующее задание:

а) Вести партийно-массовую работу среди населения временно оккупированных районов Ленинградской области путем печатной и устной пропаганды.

б) Создавать, по возможности из местного населения, партизанские отряды и диверсионные группы, действующие в тылу противника.

в) Вести всевозможную военную разведку сил противника, их дислокацию, номера частей, род войск, количество и их передвижение [6, Л. 2].

Но основной задачей являлось осуществление активной антифашистской пропаганды всеми доступными способами. Для этого большинство партийных групп получали в свое распоряжение портативные переносные типографии со шрифтом и запас чистой бумаги.

Если в 1941 году партийные группы, заброшенные в немецкий тыл, распространяли листовки, полученные в центре, обычно написанные в Москве и Ленинграде, то уже к 1942 году эта ситуация начинает меняться. Руководство партизанским движением начинает понимать, что только оперативная информация и местный материал дают наибольший пропагандистский эффект.

18 мая 1942 года Ленинградский штаб партизанского движения, обсудив содержание политической работы на оккупированной территории, принял решение «Об организации и засылке партийных групп в тыл противника». Необходимость этого начальник ЛШПД М. Н. Никитин обосновал тем, что «...мы не рассчитывали на такую длительность военных действий на территории нашей области, а вследствие этого в первые месяцы войны, когда ещё на оккупированной территории был относительно слабый административный режим, мы не предприняли своевременных мер к перестройке подпольной работы» [7, с. 164].

Заброска партизанских отрядов в фашистский тыл в течение первого года войны на Северо-Западе России производилась исключительно походным порядком через наиболее слабо охраняемые участки линии фронта.

По мере того, как линия фронта, оставаясь постоянной, всё больше осваивалась противником и насыщалась огневыми средствами, проходы отрядов через линию фронта стали сопровождаться большими потерями. Вследствие трудности наземной переброски отрядов на Ленинградском и Волховском фронтах в июле 1942 года штабом было принято решение перебрасывать отряды и группы десантами с самолётов на парашютах. С этой целью на аэродромах Хвойная и посадочной площадке Александровское были созданы оперативные пункты и базы для переброски партизан и грузов в тыл противника.

Почти весь состав забрасываемых в тыл противника партизанских отрядов предварительно проходил подготовку от 15 дней и до 1 месяца на учебном пункте Ленинградского штаба партизанского движения вначале в Парголово, а затем на станции Хвойная. Кроме того, подготовка проходила при оперативных группах штаба на Волховском и Северо-Западном фронтах.

Значительно активизируется взаимодействие большинства партизанских отрядов и соединений с командованием Красной армии. Весной 1942 года

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Военный совет Северо-Западного фронта создал партизанский отдел. На него были возложены следующие задачи:

- а) организация партизанских отрядов в полосе фронта, их вооружение, подготовка к боевым действиям и руководство их оперативной деятельностью;
- б) разработка боевых заданий для партизанских отрядов и посылка своих представителей в отряды для контроля и помощи им;
- в) изучение и обобщение опыта партизанской борьбы;
- г) учет личного состава военнослужащих, находящихся в партизанских отрядах [8, с. 52].

Основной задачей партизанского движения в тылу Вермахта весной-летом 1942 года руководство партизанским движением считало дезорганизацию сил противника мелкими диверсионными группами в составе трех – пяти человек путем разрушения коммуникационных линий (организация крушений поездов, подрыв мостов, железнодорожных путей и повреждение линий связи), уничтожение складов боеприпасов, снаряжения, горючего и продовольствия [9]. Необходимо было так же регулярно сообщать командованию Красной Армии о расположении, численности и передвижении войск противника. Идеологическая борьба против различных мероприятий оккупантов и их пособников являлась одним из важных вопросов сил советского сопротивления.

Противодействие оккупационной политике немцев происходило в очень сложных условиях: военные успехи немцев и антисоветские настроения определенной части населения дополнялись просчетами местного руководства в организации партизанского движения.

По признанию секретаря ОК ВКП (б) и начальника Ленинградского штаба партизанского движения М.Никитина, «мы не рассчитывали на такую длительность военных действий на территории нашей области. Вследствие этого в первые месяцы войны, когда еще на оккупированной территории был относительно слабый административный режим, мы не приняли мер к перестройке подпольной работы. Быстрое течение военных действий на территории области не позволило оснастить подпольные организации средствами связи (радио), специальными типографиями и множительными аппаратами, на оккупированной территории ощущался большой недостаток советских газет, листовок. Не были также предусмотрены все особенности подпольных организаций и групп в населенных пунктах, что нередко приводило к разрушению подпольных организаций и групп» [7, с. 220].

Особенно наглядно это видно на примере Ленинградской области. Из 129 городских и 158 сельских партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории с начала войны, по состоянию на 1 января 1942 г. в тылу врага осталось 20 городских (397 человек) и 40 сельских (1568 человек) партизанских отрядов. Судьба остальных сложилась по-разному: многие вышли в советский тыл или распались, значительное число погибло в боях с карательными войсками [1, с. 274].

С первой половины 1942 года Ленинградским штабом партизанского движения основное внимание в руководстве боевой деятельностью партизан было направлено на развёртывание диверсий на железнодорожных коммуникациях противника.

С этой целью партизанским отрядам и бригадам было приказано выделять из своего состава специальные небольшие (численностью в 5-10 человек)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

диверсионные группы и закреплять их за определёнными участками железных дорог для совершения диверсий.

В результате этих мер, диверсионная деятельность стала занимать основное и решающее место в боевых операциях партизан на весь последующий период партизанского движения в области.

Партизаны стали наносить всё более ощутительные удары по железным дорогам противника, парализуя движение на них, срывая тем самым регулярные переброски войск, боеприпасов, вооружения, техники противника к Волховскому, Северо-Западному и особенно к Ленинградскому фронтам.

В условиях перелома в Великой Отечественной войне, несмотря на все трудности, партизанские отряды значительно активизировали свою деятельность. Анализируя причины успехов и неудач боевых действий сопротивления в тылу врага, подпольные партийные комитеты и командование отрядов пришли к выводу о необходимости объединения небольших разрозненных отрядов. Организационные формы слияния партизанских сил первоначально были самыми разнообразными: объединенные отряды, батальоны, районные штабы, оперативные центры, полки, бригады, дивизии. Каждое из этих формирований проверялось жесткой практикой борьбы с оккупантами, в арсенале народного движения оставались самые эффективные, совершенные и жизнестойкие.

Опыт борьбы в качестве основной формы объединения партизанских отрядов укрепил бригаду. Организационное и боевое преимущество ее состояло в том, что, объединив отряды в единый военный организм под общим командованием и имея все достоинства крупного соединения, она в то же время сохраняла за отрядами автономность в дислокации, материальном обеспечении, пополнении личным составом, а также самостоятельность в решении собственных боевых задач. Объединенными силами всех отрядов бригада выступала только при проведении крупных наступательных операций, рейдов и при отражении карательных экспедиций противника.

Количество отрядов в бригаде колебалось от 3 до 7, а общая численность бойцов от 200-300 до тысячи и более человек. Наиболее гибкой в управлении, мобильной и маневренной в походе и бою зарекомендовала себя бригада из 4-5 отрядов в составе 500-600 человек. К началу 1943 года в Ленинградской области действовали 6 бригад [1, с. 290].

Создание бригад положило начало качественно новому этапу в организационном строительстве партизанских сил, их управлении и использовании.

В ходе второго периода войны (19 ноября 1942 - декабрь 1943 г.) партизанское движение достигло своего наибольшего размаха. Он характерен бурным ростом партизанских сил, численность которых к концу 1943 г. увеличилась вдвое и достигла 250 тыс. человек. Благодаря возросшему боевому мастерству, установлению тесной связи с советским тылом, откуда поступала помощь оружием и боеприпасами, партизанская война приобрела небывалую активность и эффективность [10, с. 315].

В этот период задача Ленинградского штаба партизанского движения заключалась в том, чтобы, используя сложившуюся чрезвычайно благоприятную обстановку, еще больше активизировать партизанское движение на территории области. Необходимо было, правильно руководя его развитием, сорвать все эвакуационные мероприятия немецкого командования, окончательно

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

дезорганизовать переброски противника по железной дороге и шоссейным магистралям и тем самым существенно помочь войскам Красной Армии.

Стремясь затормозить рост партизанского движения, изолировать его от народа, обезопасить свои коммуникации, гитлеровское командование приняло решение выселить всё население с территории от линии фронта до позиций «Пантера», которые являлись северным участком «Восточного вала» и проходили по западной границе Ленинградской области. Фашистам не удалось полностью осуществить свои планы, а в ряде районов (в первую очередь в местах дислокации 2 и 5 партизанских бригад) они были сорваны. Партизанское движение в Ленинградской области вступило в новый этап - подготовке к совместным с РККА боевым действиям по полному изгнанию оккупантов с территории Северо-запада РСФСР [11].

Особенно значительное пополнение за счёт местного населения партизанское движение в Ленинградской области получило в 1943 году. Это явилось результатом успешного зимнего наступления Красной Армии, усиления гнёта немецко-фашистских захватчиков над населением оккупированных районов, массового угона людей на рабский труд в Германию, а также результатом большой политической работы, проводимой партизанами и подпольными партийными организациями. За период с 1 января 1943 года Ленинградским штабом партизанского движения были получены новые списки на 1527 человек, вновь принятых в ряды партизан. Однако эти данные далеко не полные, ибо только 2-я партизанская бригада приняла 1305 человек, Островская и Порховская партийные группы – свыше 500 человек [12, л. 259].

Партизанские отряды сражались с немецкими оккупантами в тесном сотрудничестве с командованием Красной Армии. По сути своей они стали регулярными частями РККА, выполняющими задания советского командования в особых условиях

Список литературы

1. Война и общество. 1941 – 1945. Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 2.
2. Красноженова Е.Е. Организация общественного питания в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (34). С. 040-046.
3. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. С.-Пб., 2002. Кн. 1.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69, Оп. 1 Д. 911.
5. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории 1941-1944. М., 1971.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области, Ф. 260, Оп. 1, Д. 106.
7. Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941-1944 гг. Л., 1973.
8. Виноградов С.В., Красноженова Е.Е. // Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942- 1943 гг.) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 55-65.
9. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г. Сборник документов. Л. 1981.
10. История второй мировой войны. 1939-1945. М., 1976. Т. 7.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

11. Ишанходжаева З.Р., Хазов В.К., Алмазова-Ильина А.Б. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом во Второй мировой войне // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 205-211.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 625, Оп. 1, Д. 11.

Kulik S.V.

PARTISAN MOVEMENT IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

KULIK Sergey V. – Professor, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 195251, Russia, Saint Petersburg, Politechnicheskaya str., 29.
e-mail: kulik54@mail.ru

Abstract. The Nazi occupation of the North-West of Russia lasted from the summer of 1941 to the summer of 1944. In the initial period of the war, the partisan movement experienced difficulties and hardships due to the unreadiness to develop this method of resistance to the enemy. The lack of trained personnel and a developed leadership system as well as secret bases with weapons and food, condemned the first partisan formations to a long and painful search for all that was necessary for effective combat operations. The fight against an experienced and well-armed opponent had to start from nothing. The Leningrad headquarters of the partisan movement played a special role in organizing the struggle in the rear of the enemy. A partisan brigade was the main form of uniting partisan detachments. Its organizational and combat advantage was in combining the units to form a single military detachment under general command that had all the advantages of a large unit, and, at the same time, had autonomy for the units to deploy, to get supplies, or obtain the manpower resources necessary. All this meant independence in carrying out missions. Partisan brigades played an important role in the liberation of the Leningrad region in the first half of 1944.

Keywords: World War II, Nazi occupation regime, Leningrad region, partisan movement.

УДК 355.486:356.15(476)-1942/1944||

Кулинок С.В.

ОСОБЫЕ ОТДЕЛЫ ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИЙ БССР В 1942-1944 ГГ.: ФУНКЦИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТЫ*

КУЛИНОК Святослав Валентинович — к.и.н., заместитель заведующего отделом публикаций, ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», 220114, Республика Беларусь, г. Минск, Независимости пр-т., 116.
e-mail: svkulinok@tut.by

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Аннотация. В статье анализируется деятельность органов партизанской контрразведки по выявлению немецкой агентуры, засланной с задачами разведывательного и террористического характера. Отмечается, что на территории БССР действовали многочисленные спецслужбы противника (абвер, служба безопасности СД, «Цепелин», Тайная полевая полиция, айнзатцгруппы и команды и др.) После занятия значительной части БССР немецкие спецслужбы начинают массово создавать и открывать специальные учебные разведывательно-диверсионные школы и курсы, где готовилась их агентура. Всего было открыто более 65 специальных центров для подготовки агентов. Автором представлен процесс становления системы партизанской контрразведки (особых разделов), которая сформировалась до конца 1942 г. Делается вывод о том, что контрразведывательная служба партизан в начальный период войны столкнулась со значительными трудностями и далеко не всегда немецкая агентура разоблачалась своевременно. Определены основные направления деятельности особых отделов по выявлению агентуры противника, а также отмечена роль Центрального и Белорусского штабов партизанского движения в координации этой работы. В результате контрразведывательной деятельности партизан за годы войны было взято на учет 8584 немецких шпионов, диверсантов и террористов. Из них 5584 были раскрыты и расстреляны. Также делается вывод, что усилиями службы партизанской контрразведки удалось предотвратить систематические и массовые разведывательно-диверсионные акции немецкой агентуры в отрядах и бригадах. В тоже время отдельные успешные акции немецких шпионов и террористов не оказали значительного влияния в противопартизанской борьбе на оккупированной территории Беларуси.

Ключевые слова: Великая отечественная война, контрразведка, особый отдел, партизанское движение, шпион.

Контрразведывательное обеспечение партизанских формирований являлось одним из важнейших факторов, содействующих успеху боевой деятельности советских партизан и их живучести в условиях жесткого оккупационного режима нацистов. Главная цель этого обеспечения состояла в надежном ограждении партизан от подрывной деятельности вражеской агентуры и враждебных элементов.

Важнейшую роль в системе оккупационных органов играл абвер. За период с 1941 по 1944 гг. на территории БССР (в современных границах) действовало 27 подразделений (3 абверкоманды и 24 абвергруппы) абвера [1, с. 147]. На территории Беларуси, входившей в состав тылового района группы армий «Центр», активную работу по подготовке агентуры выполняла тайная полевая полиция (ГФП). Всего за годы оккупации на территории БССР действовало 17 групп ГФП, которые организовали несколько учебных разведывательно-диверсионных центров (курсов): в Борисове [2, л. 20–21об.], Лепеле [3, л. 51], Орше [4, л. 7–8], а также в местечках Семежево (Краснослободский район), Уречье (Слуцкий район), Любани и Старых Дорогах (Минская обл.) [5, с. 218–219]. Важное место в системе контрразведывательной деятельности оккупантов отводилось полевым (фельд-) и местным (ортс-) комендатурам. Полевые комендатуры организовывались обычно в пределах области, и им подчинялись местные комендатуры, созданные в городах, районных центрах, крупных узлах железных и шоссейных дорог и местах дислокации

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

военных гарнизонов. Фельдкомендатура насчитывала от 60 до 80 человек, местные были двух видов: от 30 до 40 и от 15 до 20 человек [6, р. 114–116]. Их основные функции: борьба с партизанами; охрана коммуникаций, военных объектов и лагерей военнопленных; разведывательная и контрразведывательная деятельность; ведение пропаганды.

По линии Главного управления имперской безопасности (РСХА) на территории БССР агентурной деятельностью занималась айнзатцгруппа-Б. В ее состав входили две зондеркоманды (7а и 7б) и две айнзатцкоманды (8 и 9). Общая численность айнзатцгруппы-Б составляла 655 человек. В июле 1941 г. в Минске была образована передовая команда «Москва», позднее – зондеркоманда 7ц [7, р. 126]. Подготовка агентурных кадров велась как стационарно – с обучением, так и «на месте» без обучения, а только с кратким инструктажем. В тесном взаимодействии с айнзатцгруппами находился разведывательно-диверсионный орган «Цепелин». В годы оккупации структурные подразделения «Цепелина» действовали в Борисове, Могилеве, Витебске. С весны 1943 г. один из органов дислоцировался в Глубоком, туда же на некоторое время перебазировалась и спецшкола из мест. Яблонь (Польша), которая активно готовила агентуру для внедрения в партизанские формирования [8, л. 278; 9, л. 542; 10]. Активную контрразведывательную работу вела служба безопасности и полиции СД. Таким образом, на оккупированной территории БССР действовали многочисленные секретные органы противника, для которых основным направлением деятельности с весны 1942 г. и до лета 1944 г. была борьба с партизанским движением.

В этой ситуации перед партизанскими формированиями и их руководящими органами встала задача организации налаженной и эффективной системы контрразведки. Эта система в бригадах, в зональных и областных соединениях складывалась постепенно, как правило, в форме особых отделов или аппарата заместителей командиров по разведке и контрразведке, начальников действующих районных отделов НКВД. Контрразведывательная служба в партизанских бригадах возглавлялась начальниками особых отделов (далее – ОО), в отрядах – уполномоченными особыми отделами. В ряде случаев должность начальника ОО совмещалась с должностью командира (или заместителя командира) по разведке. Всего за годы войны на территории Беларуси действовало 213 бригад, из них в 112 были заместители командиров по разведке, в большинстве других – особые отделы и лишь в некоторых были и те, и другие [11, с. 49; 12, л. 110].

С начала войны и до осени 1942 г. в партизанских формированиях, как правило, отсутствовали специальные органы, занимавшиеся противошпионской работой, чем активно пользовалась немецкая разведка. Например, в отчете о положении айнзатцгрупп полиции безопасности и СД на территории СССР за ноябрь 1941 г. указывалось: «По доносу тайного осведомителя полиции безопасности и СД были выявлены примерно в 20 км восточнее Могилева два партизанских отряда, один численностью в 20 человек, и второй – в 114 человек... В Бобруйске айнзатцкомандой было арестовано 20 партизан, которые в разведывательных целях проникли в город. Они были расстреляны по законам военного времени» [13, л. 53]. Начальник разведотдела группы партизанских отрядов Калининского фронта капитан Степанов отмечал: «Возможность проникновения в партизанские отряды агентов германской разведки облегчается

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

тем, что командиры партизанских отрядов охотно принимают всякого явившегося без элементарной предварительной проверки. Погоня за «количественным ростом» партизанских отрядов отодвигает на задний план соображения о безопасности отряда» [14, л. 20].

О тяжелой ситуации с выявлением агентуры в партизанских соединениях в этот период красноречиво свидетельствует «Приказ № 5 по 1-й Белорусской партизанской бригаде» под командованием М. Шмырева от 17 мая 1942 г., в котором отмечалось, что «прием партизан в отряд продолжает носить характер стихийности. Люди приходят в отряд из-за линии фронта совершенно нам не знакомые, их принимают в свой коллектив и забывают о них. Никакого контроля и наблюдения за их дальнейшей деятельностью...» [15, л. 14].

О становлении системы контрразведывательной работы в соединениях «народных мстителей» можно говорить с осени 1942 г. Важными мероприятиями на этом пути было создание в марте 1942 г. Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б во главе с Г. Б. Эйдиновым. В состав группы были включены опытные сотрудники С. В. Юрин и П. Е. Крысанов, которые помогали возглавлять контрразведывательную службу в Витебской и Минской областях, а впоследствии стали во главе оперативно-чекистских групп при обкомах названных областей. Следующим значительным событием стало создание 30 мая 1942 г. ЦШПД, который имел в своем составе разведывательный отдел, курировавший, в том числе, и вопросы контрразведки. Важным этапом было принятия приказа Народного комиссара обороны № 00189 от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения» [16, л. 1–3], в котором определялись основные векторы развития и задачи разведывательной и контрразведывательной работы «лесных солдат». Наконец, 9 сентября 1942 г. создается БШПД, разведывательный отдел которого начинает проводить значительную работу по организации системы контрразведки в партизанских формированиях, разработку рекомендаций, указаний и должностных инструкций для сотрудников особых отделов.

Наиболее острым вопросом в работе ОО, который оставался актуальным на протяжении всей войны, был кадровый. В «Отчете о состоянии партизанского движения и партийного подполья в южных районах Барановичской области» отмечалось: «...Пожалуй, самым уязвимым местом в движении является исключительно слабая работа ОО бригад и их уполномоченных в отрядах. Эти очень важные для движения органы работают из рук вон плохо. Причина этого – полное отсутствие квалифицированных оперчекистских кадров. Во всех бригадах и отрядах нет ни одного человека, который раньше бы работал в органах (за исключением т. Маркевича). Весь институт этой категории работников выдвинут нами из политработников и грамотных рядовых партизан...» [17, л. 118].

Партизанские формирования нуждались в опытных и умелых сотрудниках, способных наладить и руководить контрразведывательной работой. 2 декабря 1942 г. школа ЦШПД была преобразована в спецшколу по подготовке заместителей командиров по разведке, которая в 1943 г. подготовила 130 человек только для работы на территории БССР. Соответствующая подготовка велась и в «Особом Белорусском сборе» (школе), действовавшем при БШПД. Только до конца марта 1943 г. планировалось подготовить 150 разведчиков для партизанских отрядов [18, л. 18–20]. Всего, по подсчетам БШПД, общая потребность в руководящих кадрах для борьбы с немецкими спецслужбами и ведении разведки определялась в 2 тысячи человек [11, с. 54–55].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Одной из важнейших задач руководящих органов партизанского движения (Центрального и Белорусского штабов) было определение задач и функций особых отделов и оперуполномоченных. Укажем, что «типовых» инструкций или должностных обязанностей разработано не было, поэтому такие документы могут иметь определенные отличия. Например, в «Инструкции по работе Особого отдела» партизанской бригады им. Сталина от 28 января 1944 г. определялось, что во главе особого отдела бригады стоит начальник ОО, который в оперативном отношении подчинялся ОО соединения, а во всем остальном – только командиру, комиссару бригады. В отрядах уполномоченные и помощники уполномоченных в оперативном отношении были подчинены начальнику ОО бригады, а в части вопросов внутреннего порядка – командиру и комиссару отряда. Заключение на расстрелы по материалам агентурной разработки должны были утверждаться только командиром и комиссаром бригады. Агентурные разведданные в отношении противника уполномоченным необходимо было докладывать в письменной форме командованию отрядов и в копии – начальнику ОО бригады [19, л. 24–25].

Функции и задачи особых отделов были достаточно широкими: борьба с мародерством, бандитизмом внутри партизанских соединений; проверка прибывающих в отряд; насаждение агентуры и резидентуры; сбор компрометирующих данных на изменников и предателей; внедрение агентуры в органы и военные формирования противника, однако «основной задачей и целью в работе ОО является: разоблачение и истребление вражеского элемента, как внутри партизанских бригад, так и среди местного населения» [20, л. 16–18].

В ряде случаев в партизанских соединениях происходило грубое вмешательство руководства отрядов в работу ОО и оперуполномоченных, что негативно сказывалось на контрразведывательной работе. Например, начальник ОО партизанской бригады им. Сталина Парафенюк в докладной записке к имени уполномоченного ЦК КП(б) и штаба партизанского движения по Ивенецкому межрайцентру полковника Дубова от 20 октября 1943 г. сообщал: «Не смотря на личные указания генерал-майора тов. Платона* и подполковника тов. Донского командиру бригады и командирам отрядов в том, чтобы не вмешиваться в оперативную работу ОО, однако подобные факты продолжают иметь место в бригаде им. Сталина, а именно командир отряда «Большевик» капитан т. Макеев на требование уполномоченного ОО тов. Бурко и на мое личное требование расстрелять бывшего полицейского, агента гестапо Ожича, перебежавшего к польским легионом, а во время первой блокады приставшего опять к отрядам не расстрелял. Ожич, впоследствии, из отряда бежал... 26-27 сентября 1943 г. уполномоченный тов. Бурко и я требовали от Макеева санкции на арест партизана Липницкого, который придя в отряд добровольно, перебежал к полякам, в период первой блокады попал в плен к немцам. После блокады вернулся в отряд и у меня нет сомнений, что Липницкий является если не немецким, то польским шпионом. Макеев не дал согласие на расстрел двух немецких солдат, с их слов поляков. Взял их с собой на операцию 24.09.1943 года и по дороге в Койдановский район эти солдаты убежали и унесли винтовки, боеприпасы и тол, который им было поручено нести» [21, л. 9].

* Подпольная кличка Героя Советского Союза Василия Ефимовича Чернышева. – *Авт.*

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Для выявления агентуры противника использовались различные методы. Одним из самых действенных и результативных способов было создание собственной «внутренней» агентуры и сети осведомителей. «Такой принцип насаждения агентурно-осведомительной сети дает возможность, наряду с выявлением внутреннего шпионажа, получать сведения о каждой боевой и хозяйственной операции в смысле своевременного выявления антипартизанских поступков (трусости в бою, мародерство, незаконные обыски и т. д.) со стороны отдельных партизан» [22, л. 32]. Одной из партизанских бригад области были даны указания ««Довести осведомительную сеть в каждом отряде до 20 человек и эту агентуру квалифицировать в первую очередь на выявление шпионской деятельности по отрядам и вне отрядов... Всем уполномоченным особым отделов подобрать кандидатуры для вербовки в населенных пунктах и в немецких учреждениях и произвести их вербовку» [23, л. 66].

Например, в партизанской бригаде им. Ленина Витебской области в отчете о работе особого отдела указывалось, что за период «с момента организации и до момента соединения с частями Красной Армии имела агентурщиков до 120 человек» [12, л. 112об.]. Эффективность работы такой агентуры была достаточно высокой. Так, в Богусhevской партизанской бригаде за период «июль-сентябрь 1942 г. агентурно было выявлено и... уничтожено изменников, предателей, агентов гестапо, полиции около 200 человек...» [24, л. 162–169]. Кроме того, в ряде партизанских бригад ОО создавались своеобразные «фильтрационные» органы, куда направлялись все подозрительные и прибывшие к партизанам лица. Например, в партизанской бригаде им. П. Пономаренко была создана специальная 5-я рота. Она дислоцировалась отдельно от боевых отрядов и семейного лагеря. Все «новички» должны были определенное время находиться в этой роте, пока велась их проверка по линии особого отдела [25, с. 89].

Подводя итог работы ОО отметим, что за годы войны партизанами (в первую очередь сотрудниками ОО) Беларуси было взято на учет 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов – 8 584. Из числа взятых на учет было арестовано и расстреляно 7 464 человек, в том числе 5584 немецких шпионов, диверсантов и террористов. Кроме того, было задержано и вывезено в советский тыл 60 человек крупных работников немецкой администрации, изменников, видных шпионов и провокаторов [26, л. 24–27]. За годы войны немецким агентам не удалось осуществить ни одного удачного покушения на командира или комиссара партизанской бригады. Вместе с этим укажем, что имели место отдельные успешные акции агентуры противника, связанные с получением ценных разведданных (особенно накануне проведения карательных акций), а также с деятельностью лжепартизанских соединений.

Список литературы

1. Кулинок С.В. Борьба партизан Беларуси с немецкой агентурой в годы Великой Отечественной войны // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 34. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 147–154.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.
3. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 11.
4. НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

5. Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии - Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939-1945 гг. Минск: Харвест, 2007. 384 с.
6. Pohl D. Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militarbesatzung und die einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941 – 1944. Munchen: R. Oldenbourg Verlag, 2008. 399 p.
7. Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938-1942. Frankfurt-am-Main: Fischer-Taschenbuch-Verl, 1998. 395 p.
8. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400.
9. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
10. Ямпольский В.П., Богодист В.Ф. Организация и деятельность «Цепелина» // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 327–356.
11. Киселев В.К. Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии // Вопросы истории. 1984. №3. С. 42–56.
12. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 63.
13. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 945.
14. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 886.
15. НАРБ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 101.
16. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 34.
17. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 920.
18. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 926.
19. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 10.
20. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 14.
21. НАРБ. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 114.
22. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 3.
23. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 12.
24. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 644.
25. Ригин В.И. 1060 дней в тылу врага. Партизанское движение в районе Слоним-Ивацевичи-Пружаны 1941-1944 гг. Смоленск: Хартекс, 2019. 200 с.
26. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.

Kulinok S.V.

SPECIAL DEPARTMENTS OF PARTISAN COMPANIES OF THE BSSR IN 1942-1944: FUNCTIONS, ACTIVITIES, RESULTS

KULINOK Svyatoslav V. — Deputy chief of the Documents publication department, the National Archives of the Republic of Belarus, 220114, The Republic of Belarus, Minsk, prosp. Nezavisimosti, 116.
e-mail: svkulinok@tut.by

Abstract. The article analyzes the activity of partisans' counterintelligence bodies in the matter of identifying and exposing German agents that were sent with intelligence and terrorist tasks. It is noted that in the territory of the BSSR there were numerous enemy special services (Abwehr, security police and SD, Secret Field Police, Einsatzgruppen and teams, etc.). After a large part of the BSSR had been occupied, the German special services begin to massively create and open special reconnaissance and sabotage

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

schools and courses where their agents were trained. Total was opened more than 65 special schools and courses for the training of spies. The author presents the process of formation of the system of partisan counterintelligence (special departments), which was formed until the end of 1942. It is concluded that the guerrilla counter-intelligence service in the initial period of the war faced considerable difficulties and it was far from always that the German agents exposed themselves in a timely manner. The main lines of activity of the Special Departments in the question of identifying enemy agents have been determined, and the role of the Central and Byelorussian staffs of the partisan movement in coordinating this work has been noted. As a result of the counterintelligence activities of the partisans, 8,584 German spies, saboteurs and terrorists were registered during the war years. Of these, 5,584 people were exposed and executed. At the same time, it is concluded that the efforts of the partisans counterintelligence service succeeded in preventing systematic and mass intelligence and sabotage actions of German agents in detachments and brigades, while some successful spy and terrorist operations did not have a decisive influence on the development of partisan warfare in the territory of the occupied of Belarus.

Keywords: the Great Patriotic War, counterintelligence, Special department, partisan movement, spy.

УДК 94(47+57) «1917/1991»

Лунатов А.В.

ВОЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ И ДНИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»: НА МАТЕРИАЛАХ СТАЛИНГРАДСКОЙ (ВОЛГОГРАДСКОЙ) ОБЛАСТИ*

ЛИПАТОВ Александр Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400066, Россия, г. Волгоград, проспект Ленина 27.
e-mail: elita_lee@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена введением в научный оборот регионального материала, отражающего малоизвестные страницы жизни Сталинграда-Волгограда и области в годы хрущевской «оттепели» и раскрывающего проведение военных праздников и Дней воинской славы. В статье проанализированы общественно-политические реалии советского общества в постсталинское время (1953-1964 гг.), охарактеризована праздничная культура советских людей и определено место и значение военных исторических дат для политического просвещения и коммунистического воспитания населения. Особое внимание уделено празднованию Дня освобождения Сталинграда в 1943 г. – 2 февраля, когда местные властные структуры, учреждения культуры, общественные организации и самодеятельные коллективы включались в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-340004 «Досуг детей и молодежи в 1945 – 1962 гг.: на материалах Сталинградской (Волгоградской) области»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

организацию и проведение этого торжественного дня. Рассмотрен процесс подготовки к празднованию Дней советской армии и флота, как событий, отражающих героические страницы Красной армии, подвигов красноармейцев в годы Гражданской войны и проявлений солдатского самопожертвования в период Великой Отечественной войны. При анализе архивного материала и краеведческой литературы были выявлены инициативы общественных объединений, детских и молодежных советских организаций (пионерии и ВЛКСМ) по увековечиванию памяти погибших советских воинов, детей и подростков в годы Великой Отечественной войны. Определена роль профсоюзов крупных заводов Сталинграда-Волгограда в организации и проведении военных праздников и Дней воинской славы. Это, в свою очередь, показывает возрастающую роль общественности в условиях либерализации общественно-политической жизни советского общества. В целом материал статьи позволяет понять, как несмотря во времена «десталинизации» советского общества военные праздники и Дни воинской славы занимали особое место в культурно-просветительской работе разных организаций и структур и имели большое социальное значение для населения, которое ещё помнило страшные страницы военного времени (1941-1945 гг.).

Ключевые слова: Сталинград, Волгоград, военные праздники, Дни воинской славы, КПСС, праздничная культура, праздник, «оттепель», учреждения культуры.

Одним из важнейших политических процессов периода хрущевской «оттепели» явились «десталинизация» общественно-политической жизни и пересмотр роли И.В. Сталина в жизни коммунистической партии и значения его деятельности на государственных постах. Этот процесс хотя и дал некоторый импульс либерализации внутренней жизни и проявления творческой самостоятельности, но в реалиях ещё многое оставалось из прошлого времени. Как и прежде в повседневной культуре определяющую роль играло государство и общественные обязательства, что заметно и в праздничной культуре советских людей.

Улучшение социально-бытовых условий жизни советских граждан, массовое жилищное строительство, демократизация деятельности общественных организаций и поддержка властными структурами субъективной стороны общественных отношений – частную инициативу, как в трудовом коллективе, так и в самодеятельных коллективах повлияли на развитие и проведение индивидуальных, семейных и коллективно-гражданских праздников. Однако, как и в прежние времена, центрообразующими оставались государственные праздники и памятные даты, связанные с жизнью, деятельностью и смертью лидеров коммунистического движения и деятелей мировой культуры.

Советское общество, потерявшее миллионы человеческих жизней на фронтах Великой Отечественной войны, помнило страх, ужас и трагедию военных дней. В связи с тем, что ещё многие участники и свидетели войны были живы и отчетливо помнили недавнее прошлое, для многих людей военные праздники и Дни воинской славы были связаны с личными переживаниями. Эти события входили в праздничный календарь людей, чьи отцы и матери, братья и сестры, мужья и жены служили в разных частях вооруженных сил, видах армий, воинских частях и подразделениях и др. Многие праздники не были выходными

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

днями и были сопряжены с исполнением социальных ролей, в них аккумулировались личная и общественная память о героях войн, о судьбах ушедших людей из жизни, надеждах на лучшее и мечтаниях о будущей жизни уже без войны.

Но на проведение военных праздников и Дней воинской славы государство и общество смотрели по-разному. Анализируя партийные документы становится ясна цель всей праздничной культуры того времени – это коммунистическое воспитание людей, формирование определенных ценностных установок, отвечающих идеологии и формирование глубокой социалистической сознательности у населения. Люди же видели в проведении праздников возможность проявления самостоятельности, самовыражения, самореализации и духовного единения с близкими по духу людьми. Военные праздники и Дни воинской славы служили для властей источником и, одновременно, средством идейно-политического, нравственного, эстетического, физического воспитания у разных категорий населения и особенно воинского воспитания у советской молодежи.

Интегрирующую роль в праздничной культуре играла культурно-просветительская работа партийных ячеек, советских органов власти, учреждений культуры (Домов культуры, клубов, библиотек, музеев, кинотеатров и др. институтов культуры), общественных организаций и объединений, которые являлись структурным элементом духовно-идеологической сферы советского общества. Именно при проведении различных коллективно-творческих дел, массовых мероприятий, самодеятельных выступлений наполнялись содержанием праздники. Весомую роль играла творческая интеллигенция, которая опираясь на «принцип партийности» и метод «социалистического реализма», хотя и используя индивидуальные техники изображения природных пейзажей, образов людей и силуэтов человеческих лиц и предметов, воплощали высокие идеалы защитников Советского Отечества, подчеркивая их силу и мужество в годы тяжелых военных лишений.

Традиционно военными праздниками оставались ещё со сталинского времени наиболее массовые, такие Дни, как День Советской армии (ныне – День защитника Отечества), День Военно-Морского Флота СССР (24 июля), а также Дни воинской славы. Они были необходимы как для трансляции истории революционных идей, принципов и устоев защиты Советского Отечества, политических лозунгов деятелей КПСС, так и для объединения народных масс на основе социальной памяти о боевых традициях и сплачивания людей вокруг политических планов КПСС. И, несмотря на то, что с 1947 по 1965 гг., на протяжении 18 лет, 9 мая считался будничным рабочим днём, память о Великой войне, перенесенных страданиях, ратных подвигах и Победе оставалась живой в народе, и многие люди в домашних условиях его справляли как знаковое событие в жизни. Заметим, что многие члены Советского правительства и региональной партийной номенклатуры имели славное военное прошлое. И как бы Н.С. Хрущев не обвинял Сталина в просчетах внешнеполитического курса, проигрыше первого периода Великой Отечественной войны и репрессиях против военных, снижая политический вес его заслуг в период Великой войны, однако обойтись без темы «Великая Отечественная война» в общественной жизни и военных праздников ему было, явно, не возможно. Знаковые даты военной истории заняли свое особое место в культурно-просветительской и массово-политической работе организаций

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

и учреждений разного уровня, становясь, как и любые праздники советского времени, определенной формой бытия советских людей, когда агитационно-пропагандистский компонент политической деятельности КПСС доминировал над смыслами человеческой жизни [1, с. 387]. Только если военные праздники и Дни воинской славы ранее могли служить ресурсами укрепления авторитета большевистских лидеров – героев Октября 1917 г. и Гражданской войны, роли партии в общественно-политической жизни и формирования сознания людей, готовых вступить в борьбу с капиталистическим миром, то в период «оттепели» вектор направленности несколько изменяется. Теперь, не умаляя роли партии, представлялась возможность показать достижения советского общества, рассказать подрастающему поколению о сложившихся воинских традициях, говорить о лишениях и бедах во время Великой войне.

Для Сталинградской земли системообразующим Днём воинской славы являлось 2 февраля – День освобождения Сталинграда от немецко-фашистской агрессии и капитуляции сил вермахта, попавших в «кольцо» Красной армии под городом-воинской славы Калач-на-Дону.

В 1953 г. была первая круглая дата для военного Сталинграда – это 10-летие освобождения Сталинграда от немецко-фашистской агрессии, в связи с празднованием которой городские и сельские учреждения культуры развернули большую культурно-просветительскую и массовую работу. Многими культурными организациями проводились различные по содержанию и формам мероприятия по сохранению исторической памяти: от встреч с участниками Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы до выпуска тематических газет, проведения радиопередач, публикаций статей в городских и районных газетах и пр. Так, например, в 1953 г. Областная библиотека провела читательскую конференцию совместно с городской библиотекой № 1 Сталинского (Центрального) района на тему: «Сталинградская битва в художественной литературе», а также книжную выставку и библиотечный обзор [2, Л. 13]. На конференции присутствовало 170 чел. и прошла она с большим эмоциональным подъёмом [3, Л. 9]. А городская библиотека № 5 Краснооктябрьского р-на провела лекцию на тему: «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии».

В 1956 г., в особый год хрущевской «оттепели», совпавший со знаменитым докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, в Сталинграде и области за месяц до произошедших событий, развернулись крупные культурно-массовые мероприятия, посвященные 2 февраля. Торжественные мероприятия охватили большие производственные площадки города: они прошли в прессовом, моторном, автоматно-серийном цехах Сталинградского тракторного завода (*далее по тексту* – СТЗ), на участках Центроэнергомонтажа, в Доме техники завода «Красный Октябрь», в коллективе ремонтно-механического завода, и среди строителей треста Сталинградметаллургстрой [4, с. 2]. На торжественных вечерах и заводских собраниях со своими воспоминаниями выступали участники обороны Сталинграда. Так, в 1959 г. перед рабочими выступали: полковники Н. Дубровский и В. Никифоровский, герой Советского Союза подполковник А. Плякин и подполковник В. Демченко [5, с. 4].

Большие праздничные мероприятия были приурочены и к 15-летию освобождения Сталинграда от фашистов, ко 2 февраля 1958 г. В этот год в город-герой были приглашены участники битвы: знаменитый герой и снайпер

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Сталинградского фронта – В.Г. Зайцев; полковник запаса, участник пленения фельдмаршала Паулюса – Л.А. Винокур и другие участники Великой битвы на Волге. В февральские торжественные дни была организована встреча рабочих СТЗ с представителями бывшей 62-й гвардейской армии: героем Советского Союза, полковником – А.Д. Мищенко; героем Советского Союза, подполковником – М.Н. Серогородским; подполковником – А.Ф. Созиновым; старшим сержантом – П.С. Вороновым; старшим лейтенантом – А.В. Минаевым; героем Советского Союза, полковником – В.С. Пелипенко; майором – М.В. Кокчулиным; героем Советского Союза, майором – И.И. Соломененко. Участникам, как гостям города была проведена экскурсия по тракторному заводу, представлены отстроенные и восстановленные цеха, разрушенные в годы битвы и новые просторные залы заводского Дворца культуры. После экскурсии был устроен торжественный «вечер воспоминаний», на котором участники битвы рассказывали о давно ушедших днях Сталинградской битвы и делились своими воспоминаниями о тяжелых боях. После выступлений участников битвы перед зрительской аудиторией, пионеры и рабочие завода вручили гостям памятные подарки, а сам торжественный вечер закончился концертом, организованный силами местной заводской художественной самодеятельности [6, с. 4].

Так, в память о знаменательной дате 15-летия окончания битвы во Дворце труда Сталинграда собрались рабочие крупных заводов истроек, представители научно-педагогической интеллигенции, учителя, студенты ВУЗов, учащиеся техникумов и школ на вечере писателей «Слово о Сталинграде». Он проводился по инициативе местного отделения Союза писателей. В концертном зале выступали со своими стихами сталинградские-волгоградские поэты: В. Леднев, Ф. Сухов, М. Агашина, Г. Павловский, О. Илебейский, А. Красильников, Ю. Окунев, В. Брагин, а после их стихов и отрывков из литературных произведений на сцене Дворца были показаны сцены из пьес «Сыновья» знаменитого сталинградского-волгоградского драматурга Александра Шейнина, «Дом Павлова» Петра Ульева [7, с. 3].

2 февраля 1958 г. тысячи сталинградцев собрались на митинг в центре Сталинграда, который был посвящен закладке монумента на Мамаевом кургане в честь исторической победы. Право закладки первого камня памятника-монумента предоставилось И.К. Жегалину – секретарю Сталинградского Обкома КПСС, В.И. Чуйкову и А.И. Еременко – маршалам Советского Союза, а также М.С. Шумилову и А.И. Родимцеву [8, с. 3].

Одним из самых ярких мероприятий посвященный 15-й годовщине победе в Сталинградской битве, явился 4-й традиционный городской слет юных пионеров. Он отличался своей яркостью – литературно-музыкальный монтаж, посвященный истории Царицына – Сталинграда; масштабностью – среди гостей были и секретарь Чехословацкой коммунистической партии – Алочес Кралл, лучший сталевар города – Ярослав Штверк, китайские студенты – гости из дружественных социалистических стран и др. Кроме того, на празднике присутствовали маршал Советского Союза – В.И. Чуйков, который предоставил приветственное слово делегатам, и герой Советского Союза – А.П. Маресьев [9, с. 4]. Всё в том же 1958 г. в отделе «Сталинградская битва» музея Оборона Царицына-Сталинграда была значительно расширена тема «Контрнаступление советских войск под Сталинградом», в частности был внесён дополнительный материал по разгрому групп Манштейна «Дон» [10, Л. 2]. Также в залах музея

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Обороны Царицына-Сталинграда были выставлены для широкого обозрения подарки Сталинграду – городу-герою из зарубежных стран – Египта, Финляндии, Непала, Ирака и ГДР (Германия).

В 1959 г., традиции широкого чествования 2 февраля продолжились. Делегаты V-го слёта пионеров города-героя встречали бурными аплодисментами слова поздравительных телеграмм от маршала СССР В.И. Чуйкова, матери героев СССР Зои и Александра Космодемьянских – Любови Тимофеевны, от пионеров города-побратима Остравы ЧССР.

Но не только 2 февраля занимало особое место в культурно-просветительской работе. Так, ещё в 1953 г. Областной краеведческий музей в череде проведения разных культурно-массовых мероприятий, как, например, 29 лет со дня смерти В.И. Ленина, или Международного женского дня 8 марта, отметил День Советской армии выставкой редких экспонатов, карт, фото. Эта форма работы – фото-выставка и подбор иллюстративного материала по страницам военной истории, посвященного героизму армейцев, осталась традиционной. В 1963 г. в День Советской армии уже музей Оборона Царицына-Сталинграда организовал для военнослужащих специальную выставку о боевых традициях красногвардейцев и подвиге защитников Сталинграда [11, Л. 3].

Активно в процесс организации вечера вечеров-встреч с участниками Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы и торжественных собраний, посвященные памятным датам военной истории и Дням воинской славы включались пионеры, учащаяся молодежь и студенты местных ВУЗов. Например, на физико-математическом факультете Сталинградского педагогического института в пер. пол. 1955 г. было проведено 3 факультетских вечера, посвященных Дню Советской Армии, 85-летию со дня рождения В. И. Ленина, «День международной солидарности трудящихся – 1 мая, а также физкультурный вечер [11, Л. 26(28)]. В 1963-1964 учебном году в том же институте были проведены вечера встречи с воинами Советской армии, передовиками производства, заслуженными учителями, поэтами, композиторами и артистами [12, Л. 83].

Надо отметить, что по инициативе местных властей, а именно сталинградского обкома ВЛКСМ был учрежден областной День памяти детей-участников Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы, дата была выбрана неслучайно. 23 декабря 1942 года, в период Сталинградской битвы, фашистами были зверски убиты юные комсомольцы-разведчики: Саша Филиппов, Маша Ускова и неизвестный юноша [13, с. 212].

В 1957 году в канун 40-летия Великого Октября сталинградскими городскими детскими библиотеками было проведено 22 утренника на различные темы: «О героическом труде советской молодежи», «О героях гражданской войны», а также культмероприятия, посвященные Дню советской армии [14, Лл. 33-36.]. Можно отметить, что в юбилейный год Советской страны было развернуто самое большое количество книжных выставок и встреч с читателями во всём десятилетии 1950-х гг. В том же 1957 г. в Дни военных праздников силами ВЛКСМ на многих заводах, фабриках, в колхозах и совхозах области стали формироваться фонды музеев и комнат, как трудовой славы, так и военной истории [15, с. 249].

Важную роль играли кинотеатры, как наиболее посещаемые учреждения культуры. Совместно с профсоюзными и комсомольскими организациями к 40-

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

летию Советской армии и 15-й годовщине Сталинградской битвы с апреля по октябрь 1957 г. в городских кинотеатрах были проведены кинофестивали и вечера обсуждений историко-революционных фильмов, которые посетило 230 тыс. зрителей [16, Лл. 70-71].

Сталинградские городские Дома культуры, готовясь встретить 15-ю годовщину Сталинградской битвы провели 22 тематических вечера в дни военной истории советского общества, на которых выступали участники Гражданской и Великой Отечественной войн [16, Лл. 77].

2 февраля 1964 г. в городских театрах, Дворцах и Домах культуры начался фестиваль искусств городов-героев. В проводимом фестивале принимали участие деятели культуры из столицы СССР – симфонический оркестр московской филармонии под управлением Кирилла Кондрашина, республиканская русская хоровая капелла во главе с Александром Юрловым, а также коллективы из Ленинграда, Одессы и др. Отметим, что инициаторами проведения фестиваля, приуроченного ко Дню освобождения Сталинграда выступили артисты волгоградской областной филармонии, которые пригласили в эти торжественные февральские дни коллективы из разных уголков Советского Союза [17, с. 4].

Особое место занимали профсоюзы и активисты общественных организаций в чествовании военных праздников. Так, в День советской авиации 10 июля 1955 г. за городом, на берегу р. Волга в парке культуры и отдыха «Бакалда» силами профсоюзов, комсомола и администраций заводов был организован воздушный парад из самолетов сталинградского аэроклуба и прыжков планеристов [18, с. 4]. Также, 24 июля 1955 г., в канун Дня военно-морского флота (26 июля), более трехсот досаафовцев Тракторозаводского р-на Сталинграда приняли участие в 10-километровом марш-броске, выполнив тем самым нормы ГТО второй ступени. В честь праздника советского флота городские морские клубы организовали соревнования по гребле и классно-парусным гонкам, массовые заплывы и морские игры, а также в парке культуры и отдыха «Бакалда» были развернуты широкие народные гуляния [19, с. 4].

В последнее воскресенье июля 1960 г. тысячи сталинградцев пришли на Центральную набережную Сталинграда, чтобы посмотреть соревнования, посвященные Дню Военно-Морского Флота. Праздник, организованный городским комитетом ДОСААФ, был открыт воздушным парадом из самолетов местного авиапарка, украшенных стягами ДОСААФ и Советского флота. На Волге разворачивалось особое зрелище – проходил парад судов различных классов. Спортивный праздник завершили мастера подводного плавания. А в 22 часа праздничное вечернее небо набережной украсил праздничный салют [20, с. 4].

В 1958-59 гг. сталинградские художники готовились к выставке, посвященной 40-летию Советской армии, в связи с чем подготавливались полотна, которые не могли не заставить задуматься о событиях, произошедших на Сталинградской земле. Художник Ю. Гальков, например, писал полотно «На дальних подступах», где предполагалось изобразить бой советской артиллерии в Донской степи с немецкими танками, художник Н. Черникова работала над воплощением в живописи подвига танкиста Маркина, художник И. Романов заканчивал большое полотно «Песнь о Родине», а художник А. Русин работал над картиной «Бой на «Красном Октябре». В это время также создавались картины, которые повествовали о патриотизме советских людей. Ярким примером является

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

работа Г. Печенникова «Подвиг краснофлотца Паникаха», где художник изобразил момент, когда краснофлотец в горящей одежде бросается к фашистскому танку и взрывается вместе с ним. Заметно, что вдохновение для творчества и сюжеты для своих произведений местные художники и скульпторы черпали в героических страницах истории города и Сталинградской битвы [21, с. 150-151].

Анализ организации и проведения военных праздников и Дней воинской славы позволяет сказать, что они занимали особое место во всей сложившейся праздничной культуре советского общества, т.к. актуализировали память о воинских подвигах и доблести солдат Красной армии в годы Великой Отечественной войны, глубоко патриотических поступках. Военные праздники и Дни воинской славы, являясь частью всей сложившейся на тот момент праздничной культуры советского общества, играли для властей важнейшие социально-политические функции по воспитанию молодежи в духе революционных, воинских и боевых традиций, формированию патриотизма и нравственного облика советского человека.

Несмотря на то, что военные праздники и Дни воинской славы, сохраняли в себе внешне признаки «большого стиля», характерного для эпохи «сталинизма», такие как парадность массовых шествий и выступлений творческих коллективов, нарядность улиц и домов революционными символами периода Октября 1917 г. и портретами политических деятелей, насыщение художественного пространства большим количеством предметов и атрибутов декора, заметны проявления новых черт общественной жизни. При анализе праздничной культуры прослеживается широкая инициатива «снизу» – общественников и творческих коллективов в выборе содержания и форм проведения этих праздников и мероприятий.

Сложившаяся праздничная культура в советском обществе явно носила идеологический отпечаток, и по своему характеру была публична и торжественна, а это, обуславливало формы, методы и средства работы органов власти, учреждений культуры и общественных организаций в проводимой культурно-массовой работе. Как нам кажется, праздники в советское время – это некое соединяющее звено между идеологией и политической линией коммунистической партии с народными массами, трудовыми или учебными коллективами, воинскими частями, ветеранами, пионерами, молодежью и пр. Праздники, как феномены культуры, имели в своей основе важную функцию – формирование советского человека как строителя коммунизма и развитие устойчивого чувства сотворчества и соучастности всех к общественным процессам. Этот вектор мысли объясняет, почему в СССР семейные, личные и гражданские праздники не имели такого социально-политического значения для партии и государства, как военные и Дни воинской славы.

Список литературы

1. Хасянов О.Р. Религиозная праздничная культура колхозной деревни в послевоенное десятилетие (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей) // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 386-399.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6244. Оп. 1. Д. 22.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6019. Оп. 1. Д. 48.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

4. Сталинградская правда. 1956. 2 февраля.
5. Сталинградская правда. 1959. 1 февраля.
6. Сталинградская правда. 1958. 30 января.
7. Молодой Ленинец. 1958. 31 января.
8. Молодой ленинец. 1958. 4 февраля.
9. Молодой ленинец. 1958. 5 февраля.
10. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р. 6527. Оп. 1. Д. 107.
11. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6527. Оп. 1. Д. 200.
12. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6056. Оп. 5. Д. 148.
13. Горнисты трубят сбор: пионерская организация Волгоградской области в очерках, документах и фотографиях, стихах и прозе. Волгоград, 2014. 608 с.
14. Центр документации новейшей истории Волгоградской области Ф. 71. Оп. 28. Д. 56.
15. Очерки истории Волгоградской областной организации ВЛКСМ. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982. 399 с.
16. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6019. Оп.2. Д. 136.
17. Волгоградская правда. 1964. 2 февраля.
18. Сталинградская правда. 1955. 12 июля.
19. Сталинградская правда. 1955. 26 июля.
20. Сталинградская правда. 1960. 2 августа.
21. Отражение Сталинградской битвы в региональной художественной жизни 1950-х - 1960-х гг. // «Священная война»: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: сб. мат-в Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Стерлитамак: Изд-во: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 2015. 312 с.

Lipatov A.V.

MILITARY CELEBRATIONS AND THE DAYS OF MILITARY HONOUR IN A FESTIVE CULTURE OF SOVIET SOCIETY IN THE PERIOD OF THE —THAW UNDER KHRUSHCHEV: ON THE CONTRIBUTIONS OF THE STALINGRAD (VOLGOGRAD) REGION

LIPATOV Aleksandr V. – PhD in History, associate professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400066, Russia, Volgograd, 27 Lenin Avenue.
e-mail: elita_lee@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic resulted from introducing regional material into scientific parlance, reflecting unknown pages of Stalingrad-Volgograd and the region lifetime during the years of the —thaw under Khrushchev and describing military celebrations and the Days of Military Honour. In the article political and public issues in the Soviet society during post-Stalin period (1953-1964) are analyzed, festive culture of Soviet people is characterized, place and significance of military historical dates are defined for political and communist education of population. Special attention is paid to

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

celebration Stalingrad Liberation day in 1943 – 2 February, when local government structures, cultural facilities, social organisations and amateur groups were incorporated into organisation and holding of this solemn day. The process of preparation to the celebration Soviet Army and Navy Days is considered as the events reflectin the valiant time of the Red Army, exploits of the Red Army soldiers during the civil war and manifestations soldiers' self-sacrifice during the Great Patriotic War. During the analyzing of the archival material and regional studies literature initiatives of child and juvenile Soviet organisations (Pioneeria and All-Union Leninist Communist Youth League) were defined as perpetuating the memory of dead children and young people during the Great Patriotic War, and also the role of the trade unions of the large factories in the Days of Military Honour celebration shows the increasing society position in the context of liberalization public and political life of Soviet society. Generally, the article makes it possible to understand as the in spite of the beginning of the de-Stalinization military celebrations and the Days of Military Honour held important position in the cultural and educational work of different organisations and facilities and had great social importance for the population that remembered the terrible war time (1941-1945).

Keywords: Stalingrad, Volgograd, military holidays, Days of military glory, Communist party of the Soviet Union, holiday culture, holiday, "thaw", cultural institutions.

УДК 94(470.2) «1944»:355.425.(476)

Литвин А.М.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКО-НОВГОРОДСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (14 ЯНВАРЯ – 29 ФЕВРАЛЯ 1944)

ЛИТВИН Алексей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отдела военной истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси; 220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 1
e-mail: ajlit@tut.by

Аннотация. В статье приведены сведения о боевых операциях трех фронтов: Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского, принимавших участие в прорыве Северного вала, разгрому гитлеровских войск группы армий «Север», вошедшего в историю как «Первый Сталинский удар», а также о боевой деятельности партизанских формирований, действовавших на территории Ленинградской области. На основании широкого привлечения опубликованной литературы и источников приводятся обобщенные сведения о ситуации, сложившейся на оккупированной территории Беларуси к началу проведения Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции, раскрыты масштабы боевых действий белорусских партизан по разгрому вражеских гарнизонов, действий на железнодорожных и шоссейных коммуникациях врага, организованному вооруженному противостоянию по удержанию партизанских зон во время карательных экспедиций противника, других боевых действий в интересах фронтовых и армейских наступательных операций, проводимых в это

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

время на территории Беларуси. Отмечено, что благодаря наличию четкой системы военно-оперативного руководства, тесной связи Белорусского штаба партизанского движения и его оперативных групп на фронтах, приближению линии фронта к местам базирования и боевых действий партизанских формирований, взаимодействие партизанских сил с частями Красной армии стало приобретать более широкие масштабы, возросла его эффективность. Выявленные архивные источники свидетельствуют о том, что информация о начале и ходе Ленинградско-Новгородской операции была известна командованию партизан Беларуси, которое стремилось довести её значение как до партизан, так и местного населения. Рядом конкретных примеров показано, что для проведения карательных акций, удержания в своих руках многочисленных гарнизонов и основных транспортных магистралей оккупанты вынуждены были отвлекать весьма значительные военные силы. Сделаны выводы о том, что боевая деятельность партизанских сил северных районов Беларуси в большей степени способствовала успеху Красной армии в разгроме войск группы армий «Север», а также в боевых операциях 1-го Прибалтийского фронта на Витебском направлении.

Ключевые слова: боевые операции, боевое взаимодействие, освобождение, партизанские формирования, разгром гарнизонов, карательные экспедиции, диверсии на коммуникациях, дивизия.

К началу 1944 года, в результате успешного летне-осеннего наступления советских войск 1943 г. завершившегося разгромом немецко-фашистских войск на Курской дуге и прорывом вражеской обороны на Днестре были освобождены огромные территории Российской Федерации, Левобережной Украины, а также ряда районов Белорусской ССР, в том числе областного центра Гомель, были созданы условия для достижения победы в новых стратегических наступательных операциях с решительными целями. Советские войска на всей линии фронта протяженностью 4400 км от полуострова Рыбачий и Беломорска на севере и до восточной части Керченского пролива занимали выгодное оперативно-стратегическое положение для нанесения ударов по флангам крупных группировок врага. На северо-западном направлении, от Ладожского озера до Невеля, войскам Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов противостояли войска немецкой группы армий «Север» и финской оперативной группы «Карельский перешеек», поддерживаемые 1-м воздушным флотом и авиацией Финляндии, которые по-прежнему создавали угрозу Ленинграду, держали его в блокаде и под прицелом немецкой артиллерии. Однако, благодаря тому, что войскам 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов удалось в декабре взломать оборону противника и охватить с севера, находившуюся в районе города Витебска группировку противника на стыке групп армий «Север» и «Центр» было создано, как писал впоследствии немецкий генерал В. Эрфурт «чрезвычайно тяжелое положение», которое несмотря на неоднократные попытки его исправить, успеха не имели и «положение под Невелем превратилось в источник постоянной опасности». [1, с.44; 2, s.292].

На западном стратегическом направлении, от Невеля до реки Припять прочную заранее подготовленную оборону держали войска группы армий «Центр», поддерживаемые 6-м воздушным флотом, которые сдерживали наступательный порыв войск 1-го Прибалтийского и Западного фронта,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

наступательные операции которого имели весьма ограниченные успехи при больших своих потерях. На их фоне лучше выглядели дела на левом крыле Белорусского фронта, где войска генерала К. К. Рокоссовского вышли на подступы к Мозырю, второму областному центру БССР, что привело к тому, что центральная и южная группировки противника оказались разъединенными Припятским Полесьем, затруднявшим взаимодействие между ними. [1, с.44].

На юго-западном направлении от реки Припяти до Керченского полуострова были сосредоточены наиболее крупные силы противодействующих сторон. В составе 1-го — 4-го Украинских фронтов и Отдельной Приморской армии было сосредоточено более 42 процентов стрелковых дивизий, 82 процентов танковых и механизированных корпусов, 45 процентов авиационных дивизий из имеющихся во всех фронтовых объединениях, а также основная часть резервов Ставки ВГК. Примерно такое соотношение на этом направлении было и в войсках групп армий «Юг» и «А», в которых находилось до 50 процентов всех пехотных и свыше 70 танковых и моторизованных дивизий, находившихся на советско — германском фронте. С воздуха их поддерживали самый сильный немецкий 4-й воздушный флот и авиация Румынии [1, с.44; 4, с.289].

Учитывая сложившуюся обстановку, Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) стремясь закрепить достигнутый успех на Юго-Западном направлении планировала нанесение здесь главного удара и освободить Правобережную Украину и Крым. Поэтому, в период с 24 декабря 1943 г. по 16 января 1944 г. войска 1-го и 2-го Украинских фронтов провели Житомирско-Бердичевскую (24 декабря 1943 — 14 января 1944 г) и Кировоградскую (5-16 января 1944 г.) наступательные операции, подвергнув разгрому самую многочисленную вражескую группировку противника. [5, с.88]. Войска 1-го Прибалтийского фронта с 13 декабря 1943 силами 4-х армий стремились овладеть Витебском ударами с северо-запада и юго-востока. В ходе ожесточеннейших боев они разгромили 6 дивизий противника, ликвидировали городокский выступ и перерезали железную дорогу Витебск-Полоцк и охватили с северо-запада витебскую группировку противника. [1, с.135]. Стремясь исправить ситуацию противник начал спешно перебрасывать свои резервы и соединения с других участков советско-германского фронта на юг, в том числе три дивизии из группы армий «Север». Как раз в это время на него обрушились внезапные удары войск Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов в соответствии с планом тщательно подготовленной Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции (14 января — 29 февраля 1944) на Северо-Западном направлении, которое вместе с Западным направлением представляло на начало 1944 г. наибольшую угрозу для Красной армии, так как они были нацелены на Ленинград и Москву. Общее количество численного состава советских войск во время операции превышало 1 млн 252 тыс человек, имевших 21600 орудий и минометов, 1580 танков и самоходных орудий, 1386 самолетов. Им противостояли войска группы армий «Север» общим количеством до 741 тыс. солдат и офицеров, имевших на вооружении 10070 орудий и минометов, 385 танков и штурмовых орудий, 370 самолетов. Разгром группы армий «Север» открывал перед советскими войсками перспективы в Прибалтике, на советско-финляндском и других фронтах.[1, с.44,114,115,120; 4, с.289] Поэтому, в интересах достижения стратегической внезапности в зимней кампании 1943-1944 г. осуществлялось решительное наступление тремя фронтами (Ленинградский, Волховский, 2-й

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Прибалтийский) на северо-западе и развертывались активные боевые действия силами трех фронтов на центральном Белорусском направлении (1-й Прибалтийский, Западный и Белорусский фронты) с целью лишить противника свободы маневра и привлечения сил с других направлений для отражения удара на юге.

В контексте выполнения этих задач особая роль возлагалась на партизанские формирования, действовавшие на оккупированной территории Ленинградской и Калининской областей России, а также партизанские формирования Беларуси. С позиций историографии сегодняшнего дня очевидно, что 35 тысячная армия советских партизан (13 партизанских бригад, объединявших 14 полков и 65 отрядов, а также несколько отдельных отрядов, оперировавших на территории оккупированных районов Ленинградской области), оказала огромную непосредственную помощь наступавшим войскам Красной армии в проведении Ленинградско-Новгородской операции. [6, с.389]. Их действия согласовывались и координировались в интересах операций, проводимых тремя фронтами. Только за январь-февраль 1944 г. партизанам командованием названных фронтов направлено значительное количество оружия, боеприпасов, минно-подрывных средств (около 40 тонн тола, много мин), 28 минометов, 234 станковых и ручных пулеметов, 47 противотанковых ружей (ПТР), 1494 автомата, около 3 тыс. винтовок, более 5 млн патронов, много гранат.[7,с.148; 8, 568]. По подсчетам Ю. П. Петрова за полтора месяца проведения операции партизаны произвели 136 крушений эшелонов, взорвали 51 железнодорожный мост, более 58 тыс. рельсов, вывели из строя 15 железнодорожных станций и разъездов, разгромили 23 штаба и гарнизона врага, уничтожили 28 складов, вывели из строя 122 орудия, 40 танков и бронемашин, убили 21 556 солдат и офицеров противника. Важным было и то обстоятельство, что после освобождения территории Ленинградской области более 22 тысяч партизан пополнили ряды фронтовых частей. [6, с.434;8, с.415]. Ленинградско-Новгородская операция завершилась блестящим успехом. Были разгромлены 26 дивизий противника, из них три разгромлены полностью, уничтожено и захвачено большое количество техники и военного имущества.

Целью данной статьи является показ сложившейся к началу 1944 г. ситуации на территории оккупированных районов Беларуси, выяснить в какой степени деятельность белорусских партизан способствовала войскам Красной армии во время проведения Ленинградско-Новгородской и проводимых в январе-феврале наступательных операций на белорусском направлении. Кратко рассказать об основных направлениях боевой деятельности партизанских формирований, привести сведения об их результативности.

Отметим, что к началу 1944 года в стратегических планах противоборствующих сторон Беларусь занимала важное место. Отсюда в Германию выкачивалось сырье, ценности, продовольствие, рабочая сила. Войска группы армий «Центр» прикрывали пути в Прибалтику, Восточную Пруссию, Польшу. Кроме того, в Берлине продолжали рассматривать территорию Беларуси в качестве плацдарма для нанесения при благоприятных условиях удара на Москву, или частью сил группы армий «Центр» с севера на территорию Украины. Поэтому, удержанию позиций на белорусском направлении командованием вермахта придавалось огромное значение. По ряду направлений уже в 1943 г. тут были созданы по 5-6 оборонительных рубежей, строительство которых

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

продолжалось и в 1944 г.

Для создания оборонительных рубежей в принудительном порядке привлекалось население, военнопленные, использовалась лесисто-болотистая местность и водные преграды. Многие населенные пункты оккупированной Беларуси были приспособлены для круговой обороны. [10, с. 270; 11, с.118]. В свою очередь, особо пристальное внимание этому направлению, как ближайшему пути к границам Восточной Пруссии и Прибалтике, придавало руководство в Москве. Войскам 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов на зиму и весну 1944 г. ставилась задача сковать немецкую группу армий «Центр», не позволить противнику перебрасывать ее силы для отражения наступления советских войск на основных направлениях и освободить как можно большую часть территории Беларуси. [22, с. 15, 19,20].

В январе — феврале 1944 г. были предприняты три попытки освободить Витебск. Первая операция проводилась с третьего по 18 января, вторая — с третьего по 16 февраля 1944 г. В ходе операции по овладению Витебском 3–18 января 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта ценой больших потерь вклинились в оборону немцев на северо-западе, освободили несколько населенных пунктов и перерезали шоссе Полоцк — Витебск. Своим наступлением войска фронта способствовали успеху соседнего 2-го Прибалтийского фронта на невельском направлении и еще больше обострили положение на стыке германских групп армий «Центр» и «Север». В то же время полностью задачи наступления 1-й Прибалтийский фронт не выполнил. Для участия в Витебской операции (3–16 февраля 1944 г.) была привлечена также часть сил Западного фронта. Войска Западного фронта, наступавшие в феврале 1944 г. на витебском направлении также не смогли выполнить боевую задачу и овладеть областным центром. В ходе наступательных действий 29 февраля — пятого марта правофланговые армии Западного фронта сумели продвинуться от двух до шести километров. Советским войскам в очередной раз не удалось пробиться к Витебску с юго-восточного и южного направлений. [22, 124; 23, 528-529; 25, с.36,39,45,48].

В период с 8 по 24 января силами 5-й и 33-й армий Западного фронта осуществлялось наступление на богушевском направлении, которое завершилось в целом неудачно. Советские войска сумели вклиниться в оборону противника всего на 2–4 километра, понеся ощутимые потери — 25 189 человек: убитыми — 5 517, ранеными — 19 672. Противник смог задержать наступление советских войск и при этом понес незначительные потери занимаемой территории. [22, с.121; 1, с.135;23, с.537]. Войска 31-й и 5-й армий провели 22–25 февраля 1944 г. операцию на оршанском направлении для улучшения занимаемых позиций.

В целом, наступательные операции 1-го Прибалтийского и Западного фронтов на белорусском направлении в январе — марте держали противника в постоянном напряжении, сковывали их войска и нанесли им значительный урон. В результате активных действий фронтов гитлеровское командование не смогло перекинуть свои силы и средства на северное и южное крыло советско-германского фронта, где решались стратегические задачи Ставки ВГК всей зимне-весенней военной кампании 1944 г.

Войска Белорусского фронта выполняя требования Ставки ВГК провели зимой 1944 г. две крупные наступательные операции Калининско-Мозырскую (8 января — 8 февраля 1944 г.) и Рогачевско-Жлобинскую (21–26 февраля 1944 г.).

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Разгром вражеской группировки в районе Мозырь — Калинковичи позволил обезопасить правый фланг 1-го Украинского фронта. В результате проведенных наступательных боев 8–14 января войсками Белорусского фронта было освобождено 400 населенных пунктов на площади 3 400 кв. километров. За этот же период уничтожено 20 750 и взято в плен 855 немецких солдат и офицеров. К концу января 1944 г. войска левого фланга Белорусского фронта отбросили противника к низовьям реки Птичь и Петрикову. Чтобы не потерять соприкосновение с правофланговыми соединениями успешно наступавшей 13-й армии 1-го Украинского фронта, 61-я армия своим левым флангом продвигалась вдоль южного берега Припяти в направлении Столина. [22, с.134; 25, с.64, 68; 24, с.478]. В такой ситуации командование немецкой группы армий «Центр» для обеспечения безопасности своего южного фланга было вынуждено также растягивать правый фланг 2-й армии вдоль северного берега Припяти. [22, с. 136].

После завершения Калинковическо-Мозырской операции усилия Белорусского фронта (с 17 февраля — 1-й Белорусский фронт) по указанию Ставки ВГК были перенесены на его правый фланг. Здесь дислоцировалась рогачевско-жлобинская группировка германских войск из 9-й и части сил 4-й армии. За четыре дня Рогачевско-Жлобинской наступательной операции (21-26 февраля 1944) войска 3-й армии ликвидировали плацдарм на восточном берегу Днепра, овладели плацдармом на западном берегу Днепра площадью 60x30 км и небольшим плацдармом в районе р. Друть. Кроме того, освободили Рогачев, перерезали железную дорогу Жлобин — Могилев, а также захватили 18 танков и пять самоходных установок, 22 бронемшины, 170 орудий и минометов, 300 пулеметов, 102 автомашины, взяли в плен много немецких солдат и офицеров. [22, с. 139; 25, с.197; 12, с.352].

Особенностью обстановки было и то, что после освобождения Гомеля 26 ноября 1943 г. сюда переехали правительство, руководство партийных и советских органов республики, БШПД и штаб Белорусского фронта. В связи с освобождением восточных районов республики с Красной армией соединилось значительное количество партизанских отрядов и бригад, в которых насчитывалось почти 45 тыс. партизан (44 661 чел.), однако большая часть Беларуси еще продолжала оставаться под оккупацией. [12, с.132-133]. Необходимо отметить, что под воздействием побед Красной армии на фронтах войны, организаторской и массово-политической работе партизан и подполья, успехов в боевой деятельности партизанских формирований с каждым днем росли силы партизан. Так, за январь — март 1944 г. количество партизан увеличилось на 24,5 тыс. человек, а к началу летнего наступления — более чем на 65 тыс. человек. 94,7 процентов нового пополнения в рассматриваемый период составляли местные жители, 5 проц. солдаты различных вражеских подразделений перешедших на сторону партизан, и только 0,3% составляли прибывшие из-за линии фронта партийные и советские работники, радисты, подрывники и другие.[12, с.132-133; 13, л.283]. Количество бригад (в первом полугодии) выросло на 21, отрядов — на 103. Всего на территории Беларуси продолжало борьбу 145 бригад и 89 отдельных партизанских отрядов. [14, с.72; 15, с.20-21]. Это была огромная, с большими потенциальными возможностями сила, занимавшая удобное в стратегическом отношении положение для нападения на коммуникации и военные объекты противника. Партизанская армия была хорошо организована, вооружена, обладала значительным опытом борьбы, что позволяло

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ей удерживать под своим контролем обширные территории — партизанские зоны. К началу 1944 г. партизаны Беларуси контролировали до 108 тыс. кв. км из 184,7 тыс. кв. км территории, еще находившейся под оккупацией. Свыше 38 тыс. кв. км составляли партизанские зоны*. [16, л.378-379]. Наиболее крупными партизанскими зонами в 1944 г. продолжали оставаться Полоцко-Лепельская, Борисовско-Бегомльская, Сенненско-Оршанская, Кличевская, Нарочанско-Мядельская, Ивенецко-Налибокская, Октябрьско-Любанская и др.

Близость основных партизанских сил к линии фронта, наличие устойчивой радиосвязи, которая обеспечивалась работой 143 раций (в Минской обл. — 36, Витебской — 30, Вилейской — 20, Белостокской — 18), оперативное оказание материально-технической помощи партизанам самолетами, планерами, а также доставка через бреши во вражеской обороне гужевым и автомобильным транспортом — все это выводило на новый уровень вопрос боевого использования партизанских сил.

Руководство боевыми действиями отрядов и бригад осуществляли опытные, закаленные в боях с оккупантами кадры из числа партийных и советских работников, кадровых офицеров Красной армии, в том числе выдвинутые на командные должности наиболее отличившиеся партизаны. Постановлением СНК СССР от 16 сентября 1943 г. десяти руководителям областного и зонального звена Беларуси было присвоено звание генерал-майор, а командирам партизанских бригад и отрядов — высшее офицерское звание полковник, подполковник, майор. За умелое руководство боевыми действиями 1 021 партизану было присвоено офицерское звание. [17, л.101].

Необходимо отметить, что по сравнению с 1943 годом партизанам приходилось действовать и выживать в более неблагоприятных условиях. Территория, находящаяся под оккупацией, сократилась, что привело к значительному увеличению плотности вражеских охранных и фронтовых войск.

Стремясь парализовать действия партизан и обеспечить свои тылы, гитлеровское руководство стало шире привлекать, кроме охранных и полицейских частей, для борьбы против партизан регулярные воинские части и соединения. С января 1944 г., кроме девяти дивизий, выделенных для этой цели, борьбу с партизанами вели более ста охранных батальонов, а также многочисленные учреждения и части тыла группы армий «Центр» — охранные роты и команды, саперные части, а также воинские части из 11 дивизий оперативного резерва противника. [12, л.101].

С учетом специальных формирований общее количество сил, принимавших участие в антипартизанских акциях, в пересчете на дивизию достигла 18-ти, в числе которых было 7-8 охранных. Обратим внимание на тот факт, что в январе 1944 года в боевых действиях против партизан Беларуси были задействованы 30 тыс., а в феврале — до 40 тыс., солдат и офицеров противника. [14, с.102]. Неоценимую помощь партизанам Беларуси в это время оказывала советская авиация. Так, в феврале 1944 г. с помощью самолетов было вывезено за линию фронта 2 156 раненых и больных партизан. [14, с.76-77; 18, л.81].

Помощь советского тыла, доставка в отряды оружия, боеприпасов, минно-подрывных средств давала возможность для активизации работы по

* НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 119. Л. 378–379.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

дезорганизации вражеских перевозок путем диверсий на основных коммуникациях врага. По отчетным данным БШПД, партизаны Беларуси провели в январе 1944 г. на железных дорогах 677 боевых операций, а в феврале — 690. [14, с.104].

Знакомство с отчетной документацией партизан Беларуси показывает, что в ней имеется информация о событиях на Ленинградском фронте в начале 1944 года. В качестве примера приведем выдержку из истории 122-го партизанского полка «За Родину» Бельничской ВОГ Могилевской области, где говорится об операции по разгрому гарнизона противника в д. Изобище 18 января 1944 года : «В связи с наступлением частей Красной Армии на Витебском направлении и в районе Ленинграда противник снова возобновил перегруппировку своих сил, оттягивая войска на северо-запад. Усилилась охрана основных шоссеиных и грунтовых дорог путем насаждения новых гарнизонов, усовершенствования оборонительных сооружений, строительства новых бункеров. Немецкие крупные отряды неоднократно, с разных направлений пытаются войти в партизанский район с целью грабежа и угона мирных граждан в немецкое рабство, но всегда встречают отпор со стороны партизан. В конце декабря 1943 г. в д. Изобище был организован новый гарнизон немцев после уничтожения части деревни. Оставшееся население из гарнизона под страхом расстрела не выпускалось. Данные о противнике получить было очень трудно. Установили наблюдение за гарнизоном. Разведчиком т. Воропаевым И. И. было замечено, что из гарнизона через день выезжают 2 подводы в сторону д. Сурды. Решили достать «языка». По приказу командования полка т. Воропаеву И. И. была поставлена задача достать «языка» из д. Изобище. 16.I.44 г. т. Воропаев взял в плен оберфельдфебеля 213 пехотного полка. Так были получены первые данные о гарнизоне д. Изобище. В связи со взятием в плен обер – ефрейтора в гарнизоне д. Изобище были проведены репрессивные меры, и 17.I.44 г. часть населения (главным образом партизанские семьи) ночью бежали из д. Изобище. Через них полк получил ценные данные.».[20, л.199-200].

18 января 1944 г. полк в составе неполных 4-х рот (210 чел.) вышел на разгром немецкого гарнизона. Операцию разработал и руководил ею начальник штаба полка Н. А. Салтаказин. На день операции в гарнизоне было немцев 120 человек, вооруженных изменников – 12 человек. Вооружение гарнизона: пулеметов – 6, автоматов – 8, остальное вооружение – винтовки, кроме того, каждый солдат имел по три гранаты. Вооружение партизан: ПТР – 1, станковый пулемет – 1, ручных пулеметов – 8, автоматов – 9, винтовок – 175, гранат – 11, без оружия – 15 человек. В это время полк почти не имел боеприпасов. Для проведения операции из всех рот были собраны патроны и выданы бойцам идущим на операцию, из расчета 25 патронов на винтовку. Гарнизон д. Изобище находился в центре других гарнизонов противника, поэтому большие силы пришлось бросить на обеспечение отражения внезапного налета противника из соседних гарнизонов. В результате 1,5 часового боя гарнизон был уничтожен. Потери противника - убито 62, ранено – 25 немцев. Уничтожено: 1 легковая машина, 7 грузовых, 6 бочек с горючим, склад с продовольствием, штаб, гараж с автозапчастями, склад с боеприпасами. Взяты трофеи: 1 пулемет, 28 винтовок, 3 автомата. Потери партизан: убито 4 человека и ранено 4 человека.[20, л.199-200, 200 об].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Отметим, что 122-й полк был создан на основе партизанского отряда «За Родину» сформированного в мае 1942 г. в советском тылу из выпускников Особого белорусского сбора. В июне отряд перешел линию фронта и в сентябре 1942 г. прибыл в Бельничский район, где был включен в состав Кличевского оперативного центра. 17 апреля 1943 г. приказом Могилевской ВОГ отряду присвоен номер 122-й. Постановлением Могилевского подпольного обкома КП(б)Б от 21 октября 1943 г. отряд был преобразован в 122-й партизанский полк «За Родину» в составе 3-х батальонов. Действовал на территории Бельничского и Шкловского районов. Соединился с частями Красной Армии 30 июня 1944 г. общей численностью 1 133 партизана. Из них: 1088 мужчин и 45 женщин. Белорусов-596, русских – 436, украинцев – 68, др.нац. – 33. Командовал полком Антон Иванович Липский. [15, с.529-530]. Документы полка свидетельствуют об активной боевой, диверсионной и массово-политической работе проводимой командованием и личным составом полка в январе-феврале 1944 г.

Документы практически всех партизанских формирований Беларуси содержат информацию об активизации боевой деятельности в январе-феврале 1944 года. Это было связано в определенной степени с событиями на северном направлении, однако основные задачи боевых действий, которые ставились партизанским формированиям были увязаны с наступательными операциями, которые проводили 1-й Прибалтийский, Западный и Белорусский фронты на западном (белорусском) направлении.

Боевые действия партизанских сил координировались БШПД и его оперативными группами на фронтах. В первую очередь партизанам ставились задачи по действиям на вражеских коммуникациях с целью срыва и затруднения перевозок, а также по общей дезорганизации фронтового тыла врага. В зимний период 1944 г. партизаны ежемесячно совершали в среднем более 50 нападений на вражеские гарнизоны. По времени они часто совпадали с проведением наступательных операций на фронтах. Так, получив информацию о подготовке карательной экспедиции, партизаны Борисовско-Бегомльской, Полоцко-Лепельской и Сенненско-Оршанской зоны в январе — феврале нанесли ряд упреждающих ударов по гарнизонам противника. В ночь на 17 января 1944 г. 2-я Ушачская партизанская бригада им. П. К. Пономаренко разгромила гарнизоны в деревнях Поплавки, Августово, Студенка Лепельского района. Лепельская бригада им. И. В. Сталина разбила гарнизоны в деревнях Пышно, Заколевье и блокировала гарнизон в Красной Горке, бригада «Алексея» — гарнизоны в Любово, Путилковичах, Липниках, в деревне Кадлубище — разгромила бригада им. С. М. Короткина, а в деревне Цагельня — 1-я Антифашистская партизанская бригада. [19, с.72-74].

Систематически нападали на вражеские гарнизоны партизаны Вилейской, Могилевской, Барановичской, Брестской, Пинской и Белостокской областей. Всего, в ходе боевых операций партизаны Беларуси разгромили в 1944 г. 152 вражеских гарнизона, 16 волостных управ, 28 имений, 162 различных склада, вывели из строя восемь электростанций и 28 других предприятий, убили и ранили несколько тысяч солдат и офицеров противника. Значительными были также партизанские трофеи: 27 орудий, 76 минометов, 596 пулеметов, 856 автоматов, 6,6 тыс. винтовок, несколько радиостанций и большое количество боеприпасов. [14, с.116].

Гитлеровское руководство, понимая опасность наличия партизанских

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

формирований в своем тылу и их значение в случае масштабного наступления Красной армии, делало все возможное, чтобы полностью покончить с партизанами. Поэтому, карательные операции против партизан Беларуси проводились постоянно на протяжении с сентября 1943 г. Особенно они усилились в январе-марте 1944 г. и продолжались до 23 июня 1944 г.

Утром 16 января против партизан Полоцко-Лепельской зоны началась операция под кодовым названием «Бремен». В ней приняло участие более 18 000 солдат и офицеров, 20 танков и танкеток, 12 орудий и два «Юнкерса». В течение дня упорных боев гитлеровцам удалось продвинуться на три километра и захватить несколько населенных пунктов, однако ночью партизанам удалось восстановить позиции, уничтожив несколько сот солдат и офицеров и захватив пленных. [21, л.100]. С 1 по 18 февраля командование группы армий «Центр» с привлечением больших сил проводило операцию по борьбе с группировкой партизанских в Могилевской области, заблокировав территорию между шоссе Могилев-Бобруйск и Могилев-Минск до реки Друть, которая в целом оказалась безуспешной. Умело маневрируя партизанам удалось выйти из окружения. [14, с.124-125].

Волна карательных экспедиций в январе-феврале прокатилась по югу Минской области. 13 февраля командир Минского партизанского соединения В. И. Козлов радировал в БШПД о тяжелом положении партизан в блокированных Слуцком, Любанском, Глусском, Стародорожском и Житковичском районах и сообщил, что они остро нуждаются в боеприпасах. Фронтальная авиация по данным партизан несколько раз бомбила скопления гитлеровцев, помогая окруженным отражать атаки противника. БШПД принял решение навязать противнику бои в других районах, чтобы оттянуть их силы от границ Полоцко-Лепельской зоны и с юга Минской области. Авиация днем и ночью доставляла в блокированные районы боеприпасы. Принятые срочные меры оказались своевременными. [26, л.130].

Приведенные примеры боевой деятельности партизан Беларуси в январе-феврале 1944 года, в период проведения Ленинградско-Новгородской наступательной операции, свидетельствуют о том, что боевые действия 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов на западном (белорусском) направлении, а также многочисленные боевые и диверсионные акции армии белорусских партизан несомненно имели важное значение для общего успеха зимнего наступления Красной армии. Опыт борьбы с карательными экспедициями, постоянно проводимые боевые операции на вражеских коммуникациях и по уничтожению вражеских гарнизонов, удержанию партизанских зон, а также опыт взаимодействия с частями Красной армии в условиях зимы, был использован партизанским командованием весной-летом 1944 г.

Зимнее поражение гитлеровских войск на северном и южном направлениях придавало бойцам, партизанам и населению уверенность в скором полном освобождении Беларуси и победе над врагом, а с другой стороны, потери понесенные вермахтом и его сателлитами усиливали падение морального духа личного состава войск противника, а также населения Германии и её союзников. В чем была и определенная заслуга партизан Беларуси.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Список литературы

1. История второй мировой войны, 1939 – 1945. В 12 т. Т. 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. – 1977. – 527 с.
2. W. E r f u r t h., Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Bd. 1. Berlin-Frankfurt a/M., 1957.
3. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. Deutsche Verlags-Anstalt. München, 2007. – 1320 s/
4. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. – 3-е изд., испр. и доп. – М., Воениздат, 1984. – 560 с.
5. Внезапность в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Отв.ред. доктор военных наук М.М.Кириян. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
6. Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области, 1941-1944. – Л., 1973. – 318 с.
7. Макаров Н. И. Непокоренная земля Российская. – М., Политиздат, 1976. – 319 с.
8. Битва за Ленинград. 1941-1944. – М., 1964. – 608 с.
9. На защите невской твердыни/ - Ленинград : Лениздат, 1965. - 643
10. История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 7. – М., 1976. – 551 с.
11. Тимохович И. В. Битва за Белоруссию: 1941–1944. -- Мн., 1994. –254 с.
12. Освобождение Белоруссии, 1944. – М., 1974. – 793 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 3. Д. 78.
14. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т. Т. 3. – Мн., 1985. – 531 с.
15. Партизанские формирования в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. (июнь 1941-июль 1944). – Мн., 1983. – 764 с.
16. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 119.
17. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 29. Д. 27.
18. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 127.
19. Лобанок В. Е., Партизаны принимают бой. – Мн., 1976. – 320 с.
20. НАРБ.Ф.1459. Оп.4. Д.119.
21. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 888.
22. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение СССР. 1944 год. – М., 2012.– 860 с.
23. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: У 2-кн. Кн. 1. – Мінск : БелЭн, 2002. – 648 с
24. Ваенная энцыклапедыя Беларусі. – Мн., 2010. – 1227 с.
25. Великая Отечественная война – день за днем (по материалам рассекреченных сводок Генерального штаба Красной армии). Т. 7. – М., 2010. – 616 с
26. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 424

ACTIVITIES OF BELARUSIAN PARTISANS DURING THE LENINGRAD-NOVGOROD OFFENSIVE (JANUARY 14-FEBRUARY 29, 1944)

LITVIN Alexey M. – doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of military history of Belarus of the Institute of history of the National Academy of Sciences of Belarus, 220072, Republic of Belarus, Minsk, Akademicheskaya str., 1
e-mail: ajlit@tut.by

Abstract. The article provides information on the combat operations of three fronts: Leningrad, Volkhovsky and the 2nd Baltic, which took part in the breakthrough of the Northern Shaft, the defeat of Hitler's troops of the Army Group "North," which came into history as the "First Stalin Strike," as well as on the combat activities of guerrilla formations operating in the territory of the Leningrad region. On the basis of the wide involvement of the opubils established in the occupied territory of Belarus at the beginning of the Leniked Literature and sources, summarized information on the situation of the Novgorod-Novgorod strategic offensive operation is provided, The scope of fighting by Belarusian guerrillas to defeat enemy garrisons is revealed, Actions on enemy railway and highway communications, an organized armed confrontation to hold guerrilla zones during punitive enemy expeditions, Other fighting in the interests of front and army offensive operations carried out in Belarus at that time. It was noted that thanks to the existence of a clear system of military-operational leadership, close connection between the Belarusian staff of the guerrilla movement and its operational groups on the fronts, the approach of the front line to the bases and combat operations of the guerrilla formations, the interaction of the guerrilla forces with the Red Army units has become wider and its effectiveness has increased. The identified archival sources show that the information about the beginning and progress of the Leningrad-Novgorod operation was known to the command of the guerrillas of Belarus, which sought to bring its importance to both the guerrillas and the local population. A number of concrete examples show that in order to carry out punitive actions, to hold in their hands numerous garrisons and main transport highways, the occupiers had to divert significant military forces. It was concluded that the combat activities of the guerrilla forces of the northern regions of Belarus contributed more to the success of the Red Army in the defeat of the troops of Army Group North, as well as in the combat operations of the 1st Baltic Front on the Vitebsk direction.

Keywords: combat operations, combat interaction, liberation, guerrilla formations, defeat of garrisons, punitive expeditions, sabotage on communications, division.

УДК 94 (47)-1941/1945||

Лохова Т.В.

**СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
РЕСПУБЛИК СССР ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ОСВОБОЖДЕННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ ЮГА РОССИИ ОТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В
ПОЗДНЕЕ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1943-1945 гг.)**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЛОХОВА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Инженерные дисциплины и управление», директор Новороссийского политехнического института (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», 353900, Россия, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Карла Маркса, 20.
e-mail: 324548@mail.ru

Аннотация. В данной работе автор рассматривает экономические ресурсы восстановления освобожденных территорий Юга России от нацистской оккупации в 1943-1945 гг., организацию кредитных программ и шефской помощи союзных республик (Азербайджанской, Армянской, Казахской, Грузинской союзных ССР), которые имели характер не только масштаба помощи уровня «Республика – Край», но и адресно: «Предприятие – Предприятие», «Город – Город». Изучение опыта организации шефской помощи союзных республик в процессе восстановления территорий Юга России дает основание для сохранения памяти о дружественных отношениях между когда-то единым целым государством, а ныне – суверенными соседствующими государствами, выстраивающими общее поле единения народа в различные исторические отрезки времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Юг России, нацистская оккупация, постоккупационное восстановление, шефская помощь.

Необходимость обращения к историческому опыту Победы в Великой Отечественной войне, а также выявление методики и специфики определения экономических и социально-политических ресурсов восстановления разрушенного хозяйства, а также перевода его на мирные рельсы и устройство модернизации в сжатые сроки при минимальных финансовых и материальных ресурсах остаётся одним из краеугольных камней национальной идентичности, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Исследование специфики социально-экономического и демографического взаимодействия и единения советского народа в годы Великой Отечественной войны в решении самых разных по остроте и скорости принятия решений вопросов выживания в экстремальных условиях военного времени по сей день остается актуальным для исторической науки. Трудовая доблесть, героизм и самоотверженность всех категорий населения в условиях противостояния вооружённым силам нацистской Германии и её союзников, оккупации и постоккупационного восстановления СССР, в целом, и южных регионов России, в частности, заслуживают пристального внимания, объективного и детального освещения.

В начале 1940-х гг. пятая часть населения Советского Союза проживала в южном макрорегионе, численность населения которого до начала Великой Отечественной войны ежегодно возрастала на 500-600 тыс. человек. Уже в первые месяцы войны в армию были призваны сотни тысяч уроженцев Юга России, многие из них погибли на фронте, попали в плен. С серьезными демографическими потерями была связана и массовая эвакуация гражданского населения на восток. А жители, оставшиеся в своих городах и селах, прошли через оккупацию – уже ко второй половине 1942 г. более $\frac{3}{4}$ территорий южного макрорегиона контролировали немецкие и союзные им войска. Репрессии, голод,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

массовый вывоз рабочей силы в Германию еще более сократили численность местного населения [1, с. 452]. Существенно снизились уровень и продолжительность жизни населения в прифронтовой зоне и тыловых районах. Таким образом, в середине – второй половине 1944 г. в Нижнем Поволжье, на Дону, в степном Предкавказье и на Северном Кавказе насчитывалось только 68-77% жителей от населения предвоенного периода [1, с. 454].

Для восстановления столь значительной убыли населения Юга России требовались не только многие годы, но и ускорение процесса экономической стабилизации и восстановления социальной инфраструктуры [2, с. 35]. По данным из материалов Чрезвычайной государственной комиссии, расследовавшей злодеяния фашистских захватчиков, полностью или частично в СССР были разрушены и сожжены 1710 городов, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн. зданий. Около 25 млн. человек лишились крова. В ходе Великой Отечественной войны было разрушено 31850 промышленных предприятий. Фашисты разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций [3, с. 97]. Указанные потери составили около 30% национального богатства страны. Задачи ликвидации последствий оккупации требовали немедленного восстановления не только всего производственного процесса народного хозяйства, но и материально-бытовой базы самих жителей страны [4, с. 93].

Восстановление народного хозяйства южных регионов, пострадавших от вражеской оккупации началось сразу же, и регламентировалось рядом постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) (3 января 1942 г. «О восстановлении железных дорог», 13 апреля 1942 г. «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии», 23 февраля 1943 г. «О восстановлении угольных шахт Донбасса» и др.) и Советом народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) (23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов»),. Данные постановления, как отмечает в своей монографии «Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны» Е.В. Хохлов, касались в основном отраслевых наркоматов и местных органов власти. Они не имели характера общегосударственных мероприятий с плановыми заданиями для отраслевых контрагентов и поставщиков промышленной продукции, производимой непосредственно для освобождения районов [5, с. 159]. Однако, уже в августе 1943 г., после ряда успешных наступательных операций и освобождения значительной части ранее захваченных территорий СССР, восстановительные работы, проводимые в рамках мирной экономики, включаются в общехозяйственный план военно-экономического развития страны. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» был определен механизм не только возвращения ранее эвакуированного скота, но и использования таких методов, как закупки, контрактации, взаимообмена с восточными и центральными областями, восстановлению птицеводства и др. Бюджетом 1943 г. предусматривалось выделение 33,1 млрд. руб. на финансирование капитальных вложений по народному хозяйству и 37,7 млрд. руб. на социально-экономические и культурно-бытовые нужды. Объем жилищного строительства в годы Великой Отечественной войны в среднем за годы был на 12% выше предвоенного уровня [6, с. 179]. Учитывая хроническую нехватку бюджетных средств, правительство страны

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

надеялось на максимальное использование инициативы местных управленческих кадров по изысканию внутренних резервов освобожденных регионов и территорий, находящихся в глубоком тылу. Нуждающихся в восстановительных кредитах было больше, чем обеспечено в рамках открытых лимитов по регионам, и зачастую уже к осени финансового года распределенные кредитные суммы были полностью выбраны [7, с. 236]. Возрождение экономической, социальной и духовной сфер в освобожденных районах являлось общенациональной проблемой, реализация которой спланивала советские народы [8, с. 24]. Основы перспективного производственного южнороссийского экономического региона с другими регионами страны были заложены самим эвакуационным процессом.

Одной из действенных форм помощи освобожденным районам стало шефство, которое было распространено повсеместно. Казахстан шефствовал над 13 городами, 35 районами Орловской области, 12 районами Ленинградской, над некоторыми районами Сталинградской области. Рабочие республики имели тесный контакт с рабочими Донбасса, предприятий черной металлургии Харькова, а железнодорожники Туркестана – с коллегами южной железной дороги. Создавались фронты помощи путем организации трудовых вахт, например, в честь освобождения Харькова, Таганрога, Полтавы, Донбасса и других городов. Помощь приходила оперативно, сразу вслед за освобождением того или иного района. Так, казахстанцы откликнулись на такие события в жизни страны, как освобождение Подмосковья, Курской области, Советского Кавказа, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик. К сожалению, этот вид помощи (по сути единовременная помощь) пока не учтен исследователями.

Патриотическое движение по оказанию помощи освобожденным районам началось в ходе контрнаступления Красной Армии под Москвой. В январские дни 1942 г. члены сельхозартеля «Пролетарий» Мендыгаринского района Кустанайской области обратились с письмом ко всем колхозникам о создании фонда помощи населению районов, освобожденных от фашистской оккупации. В течение недели колхозники внесли в фонд помощи колхозам Подмосковья около 4 тыс. ц семян и свыше 100 гол. скота. Кустанайский обком партии 17 января 1942 г. одобрил этот ценный почин и предложил партийным организациям области широко популяризовать патриотический поступок колхозников сельхозартеля «12-я годовщина Октября» Северо-Казахстанской области, которые своим освобожденным от фашистского ига братьям в качестве дара направили 100 ц семян, 60 гол. скота. Коллектив колхоза «Заря коммуны» Приишимского района Северо-Казахстанской области выделил в фонд помощи освобожденным районам около 40 гол. скота, засеял 15 га зерновыми культурами [9].

Установление связей с освобожденными районами проявилось в многочисленных встречах казахов с делегациями трудящихся, в частности, с колхозниками Подмосковья, которые были желанными гостями в Алма-Атинской, Южно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской областях, где прошло 170 встреч. Первая из них состоялась у металлургов Чимкентского завода им. М.И. Калинина, которые тепло встретили москвичей. Коллектив единодушно решил помочь «освобожденным согражданам восстановить свое хозяйство, чтобы они смогли жить и работать так, как жили до войны». Как свидетельствуют документы, сбор средств и подарков трудящимся Московской области прошел с большим патриотическим подъемом.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Инициатива отдельных колхозов, предприятий переросла в массовое народное движение. Этому в значительной степени способствовало осуществление партийными и советскими органами республики ряда мероприятий по выполнению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. об организации помощи колхозам и колхозникам, освобожденным от немецких оккупантов. За короткий срок колхозное крестьянство республики выделило в фонд помощи своим братьям из Подмосковья, Смоленщины и других западных районов более 5 тыс. гол. скота, около 23 тыс. ц семян, засеяло сверх плана свыше 52 тыс. га, урожай с которых был послан колхозам освобожденных областей в качестве дара казахских колхозников.

В Казахской ССР раньше, чем в других районах страны, это движение приняло форму именно шефской помощи. Началось с того, что 11 августа 1942 г. труженики сельхозартели им. М.В. Фрунзе Зеленовского района Западно-Казахстанской области обратилось ко всем трудящимся Приуралья с письмом: они считали «своим прямым долгом помочь трудящимся освобожденных районов Ленинградской области в их работе и жизни». Было решено: каждый приуральский район берет шефство над одним из районов Ленинградской Области и устанавливает с ним тесную связь, помогает в трудной восстановительной работе. Колхозники сразу подкрепили свое обращение внесением из доходов 1942 г. в фонд шефской помощи 750 ц пшеницы, 750 ц проса, 70 гол. скота, 40 тыс. руб. Кроме этого, каждый трудоспособный колхозник отчислил 3% всех доходов, причитавшихся ему на заработанные трудовые дни за год [9].

ЦК ВЛКСМ 26 января 1942 г. одобрил инициативу комсомольских организаций Саратовской, Ивановской и ряда других областей по оказанию помощи населению районов, освобожденных от фашистских оккупантов, одеждой и хозяйственными вещами. Шефская помощь в Туркмении вылилась в движение по сбору одежды и хозяйственных вещей. Это была инициатива комсомольцев и молодежи колхоза им. С.М. Кирова Геоктепинского района, которую одобрил ЦК ЛКСМ Туркмении. Вслед за ними работники Ашхабадской железной дороги обязались оснастить и оборудовать в освобожденных районах однооборотное депо, 4 водокачки, 5 распорядительных диспетчерских станций, вагоноремонтный пункт, вокзал. Повсеместно шли сборы учебников, художественной литературы, мебели для школ. Колхозники Чарджоуской области весной 1942 г. засеяли в фонд обороны и помощи колхозам, пострадавшим от фашистской оккупации, 751 га хлопка, пшеницы, риса, бахчевых культур [9].

Шефы Киргизской ССР 24 февраля 1942 г., в числе которых было несколько комсомольских организаций Омской области, оказали помощь Можайскому району Московской области. Кроме посуды, одежды, продуктов питания, которые они собрали и послали можайцам, силами молодежи было засеяно: 6 га – хлопком, 2 га – табаком, 5,5 га – картофелем, 3,2 га – рисом, 3 га – огородными культурами, собранный урожай был сдан в фонд помощи тому же району.

Подъем всенародного движения по оказанию помощи в восстановлении народного хозяйства районов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации, начался в 1943 г. – после победы Советской Армии под Сталинградом. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецкой

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

оккупации», встретило у всех поддержку. ЦК КП(б) Туркмении 24 февраля 1943 г. образовал комитет по оказанию помощи районам, освобожденным от немецко-фашистских оккупантов. Комиссии по организации помощи УССР были созданы ЦК КП(б) Казахстана, Карагандинским обкомом партии. На пленуме Ташкентской городской партийной организации (февраль, 1943 г.) было предложено при восстановлении народного хозяйства освобожденных районов оказывать содействие прежде всего силами тыловых республик, регионов.

Организация шефской помощи помимо кредитных программ явилась мощным экономическим и морально-патриотическим ресурсом восстановления разрушенных территорий после оккупации. Оказание шефской помощи союзных республик и отдельных областей и краев проходило по строго закрепленным городам и областям, однако именно восстановление Сталинграда в решениях ряда республик и областей ставилось как сверхплановая шефская помощь. Причем организация шефской помощи предполагала как общую методику помощи городу и области, например, Горьковской области, Ивановской области, так и адресную помощь Горьковского порта – Сталинградскому порту. Так на восстановление Сталинграда из Горьковской области было отправлено по железной дороге – 7 эшелонов в количестве 311 вагонов и по водному пути 9 пароходов и 3 баржи. Отправленный груз состоял в основном из строительных материалов и оборудования: пиломатериалы и строевой лес – 2714 м³, высоковольтные телеграфные столбы – 720 м³, 5000 шпал, 250 т извести, 306 ящиков оконного стекла, 200 т асфальта, 45 т гвоздей, 75000 шт. кирпича, 50 т кровельного железа и т.д. [10, л. 107]. Кроме того в порядке шефства Горьковский порт передал Сталинградскому порту плавучий паровой трофейный кран, рейдовые баркасы «Малыш» и «Пролетарка», 2 трюмных транспортера, краны-лебедки, стационарные транспортеры для переработки грузов, плавучие общежития и т.д. [10, л. 106]. Сталинграду отправлялась также различная литература, учебники, школьное оборудование, наглядные пособия. Различное медицинское оборудование и приспособления для больниц, детских садов.

Сам процесс организации шефской помощи носил рекомендательный характер со стороны руководства страны для национальных республик и регионов, не пострадавших от нацистской оккупации. Предложение ЦК ВКП(б) о прикреплении отдельных регионов к конкретным освобожденным территориям происходило с учетом сходства отраслей экономики, и этот вопрос сами национальные республики стремились решать самостоятельно. Так, например. Секретарь ЦК партии Грузии т. Чарквиани в телеграмме от 2 сентября 1944 г. отмечает, что Грузия вместо рекомендованной Ворошиловоградской областью взяла бы шефство над соседним Краснодарским краем, которые не только ближе по территориальному расположению, но и по характеру сельского хозяйства, что «безусловно будет более эффективной помощью» [10, л. 128].

В телеграмме секретаря ЦК партии Азербайджана т. Багирова отмечалось, что согласны с предложением о прикреплении Азербайджанской ССР к Ставропольскому краю для оказания ему помощи по восстановлению хозяйства, ликвидации ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками. Для выполнения поставленных задач в АССР был сформирован специальный республиканский комитет, который занимался подготовкой к отправке собранных строительных материалов (цемент, гвозди, краски, олифа, стекло и др.). Помимо собранных столярных, слесарных, плотничных инструментов, мебели, разного

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

бытового инвентаря, школьного и больничного оборудования, ученических канцелярских принадлежностей, одежды и 500 тыс. руб, в Ставрополь отправлялась и специальная бригада из Азербайджана для уточнения конкретных вопросов помощи краю, после чего будет составлен план мероприятий по оказанию помощи [10, л. 127].

Таким образом, мы видим из конкретных примеров широкой помощи всего советского народа в деле скорейшего восстановления разрушенных территорий Юга России после освобождения от нацистских оккупантов, что применение самых разнообразных форм помощи было проявлением массового характера и носило не только структурно-административный характер, но и добровольный патриотический порыв помочь, что называли в те годы «всем миром» воссоздать и развить освобожденные территории СССР в 1943-1945 гг.

Список литературы

1. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.
2. Ещенко Ю.Г., Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны на Юге России. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 30-40.
3. Смирнов А.Ф. Несокрушимое единство: Советский народ в годы Великой Отечественной войны. М.: Молодая гвардия, 1982. 175 с.
4. Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 1. С. 91-96.
5. Хохлов Е.В. Военная экономика ССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. 282 с.
6. Журавлев А.М. и др. Архитектура Советской России. М.: Стройиздат, 1987. 448 с.
7. Лохова Т.В. Финансово-кредитные и промышленно-образовательные ресурсы СССР в восстановлении разрушенного хозяйства на освобожденных от нацистских оккупантов территориях Юга России в 1943-1947 гг. // Вопросы истории. 2019. № 12-3. С. 234-241.
8. Селюнина Н.В., Малышева Е.М. Экономика Юга России в 1941-1945 гг. // Научная мысль Кавказа. 2005. №1. С. 18-27.
9. Козыбаев М. К. История и современность. М., 1991. URL: <http://bibliotekar.kz/chitat-knigu-onlain-istorija-i-sovremenn/shefskaja-pomosch-osvobozhdennym-raionam.html> (дата обращения 10.01.2020).
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9504. Оп. 1. Д.19.

Lokhova T.V.

**SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC COLLABORATION OF THE
USSR REPUBLICS AND ITS SPECIFICITY IN RESTORING THE SOUTH OF
RUSSIA 1943-1945, AFTER THE NAZI OCCUPATION**

LOKHOVA Tatyana V. – the Candidate of Sciences in History, the Associate Professor of Management Engineering, the director of the Novorossiysk affiliate of Kuban State Technological University, Karla Marksa 20, Novorossiysk, Krasnodar Krai, Russian Federation, 353900.
e-mail: 324548@mail.ru

Abstract. This article examines economic resources used in restoring the South of Russia in 1943-1945, after the Nazi Occupation, such as loan schemes and patronage of the USSR Republics (Azerbaijan, Armenian, Kazakh and Georgian SSRs), which was not only provided by a Republic to Krai, but also from one enterprise to another and from one town or city to another. Examining patronage of the USSR Republics used in restoring the South of Russia helps us to preserve memories of close and collaborative relationship between sovereign neighbor countries (once known as the United Republics). This allows us to build a stronger base for uniting people in various historical moments.

Keywords: The Great Patriotic War, the South of Russia, the Nazi Occupation, restoring, patronage.

УДК 93/94

Малахов Р.А.

**ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СМЕНЯЕМОСТЬ,
КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ, ПОДКОНТРОЛЬНОСТЬ***

МАЛАХОВ Родион Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет, 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15.
e-mail: malakhov74@mail.ru

Аннотация. Процесс капитализации в СССР как сущностный стержень экономической политики Советского государства поставил капитал и его воспроизводство в основу социально-экономических отношений. Великая Отечественная война раскрыла и обострила ряд сторон этого процесса. Председатели колхозов входили в низовой слой чиновников, участвующих в реализации права собственности и обладающих определенными возможностями присвоения и распределения сельскохозяйственного продукта. Статья раскрывает динамику и порядок назначения на должность председателей колхозов, характерные черты их культурного капитала, некоторые стороны формирования системы контроля над этими руководителями со стороны партийных и советских органов власти. В годы войны произошло изменение культурного капитала руководителей коллективных хозяйств, т.к. большинство молодых, имеющих управленческий опыт, председателей колхозов было мобилизовано в армию. На

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00031 Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х - 1960-е гг.)

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

эти должности пришли более возрастные, менее образованные, административно опытные и политически идеологизированные. В 1941-1942 гг. контроль районных партийных и советских чиновников над подбором и назначением председателей колхозов был низким. Крестьянское сообщество и сельсоветы самостоятельно решали кадровые вопросы в колхозах. К концу войны районные руководители стремились назначать председателями колхозов «своих» людей, гарантируя их материальное обеспечение. Это было вызвано необходимостью выполнения государственных планов поставок сельскохозяйственных продуктов. Данный метод подбора кадров председателей колхозов способствовал тому, что у районных чиновников складывалось тесное взаимодействие с руководителями сельского производственного сектора. Это становилось важным элементом системы реализации права собственности на использование и распределение продукции аграрного производства.

Ключевые слова: культурный капитал; областной и районные комитеты ВКП(б); право собственности; председатели колхозов; чиновничество.

Одним из важнейших критериев для осмысления социального положения человека в капитализирующемся обществе является его место в отношении собственности. Ключевым параметром этих отношений становится объем капитала, которым обладает индивид. Французский социолог и политолог Пьер Бурдьё (1930-2002) в ряде своих работ выделил и обосновал основные формы капитала: экономический, культурный и социальный [1].

Процесс капитализации в СССР как сущностный стержень экономической политики Советского государства поставил капитал и его воспроизводство в основу социально-экономических отношений. Затрудненность прямой передачи в Советском Союзе экономического капитала стала причиной формирования механизма, при котором ключевую роль в отношении собственности играли культурный и социальный формы капитала. Культурный капитал человека, представляющий собой образовательный уровень, жизненный опыт, унаследованные традиции, формировался на основе социального происхождения, образования, опыта профессиональной деятельности.

Период Великой Отечественной войны прояснил и обострил некоторые не вполне заметные в 1930-е гг. процессы, связанные с функционированием отношений собственности в российской северной деревне. Председатели колхозов входили в низовой слой чиновников, участвующих в реализации права собственности и обладающих определенными возможностями присвоения и распределения сельскохозяйственного продукта.

В задачу настоящей статьи входит изучение динамики и порядка назначения на должность председателей колхозов, характерных черт их культурного капитала, некоторых сторон формирования системы контроля над этими руководителями со стороны партийных и советских органов власти.

Основным источником данной работы явилась делопроизводственная документация региональных партийных органов 1940-х гг. (докладные записки, справки, отчеты, письма), хранящаяся в Вологодском областном архиве новейшей политической истории (фонд 2522. Вологодский обком КПСС).

Проанализированы справки ответственных работников (заведующего сектором учета кадров, заведующим сектором кадров, инструктора сельскохозяйственного отдела, инструктора отдела кадров) Вологодского обкома

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

партии за февраль, март, ноябрь 1942 г. о состоянии кадров председателей колхозов по 9 районам Вологодской области. Типичной, например, является справка «О руководстве Биряковским райкомом ВКП(б) подбором и воспитанием руководящих колхозных кадров» [7 марта 1942 г.], подписанная заведующим сектором кадров обкома ВКП(б) т. Ульяновским [2]. Эти документы представляют собой машинописные тексты на нескольких листах (от двух до семи) формата А-4. Это в основном копии, большинство из них подписано соответствующими работниками. Обобщающие сведения о председателях колхозов, в целом, по Вологодской области содержатся в справке «О подборе, утверждении и сменяемости номенклатурных работников обкома ВКП(б) по сектору кадров сельскохозяйственных и заготовительных органов по состоянию на 20 августа 1943 г.» инструктора отдела кадров обкома партии Е.Г. Филковой [3].

Важное место среди изученных документов занимают письма уполномоченного комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по Вологодской области в центральные и региональные органы власти. Работники контролирующего учреждения критически анализировали положение во всех сферах народного хозяйства и управления, предлагая меры по исправлению ситуации. Это оригинальные документы, которые представляют собой машинописные тексты на специальном бланке на нескольких листах формата А-4. Как правило, на первой странице имеется рукописная резолюция секретаря и других руководителей Вологодского обкома партии.

В 1940-е гг. коллективные хозяйства являлись основной организационной формой сельскохозяйственного производства в Вологодской области. По данным на 15 января 1943 г. в 43 районах Вологодской области работало 5493 колхоза [4]. В годы войны одной из ключевых кадровых проблем на селе стала частая сменяемость специалистов, в том числе и председателей колхозов. В марте 1942 г. заведующий сектором сельскохозяйственных и заготовительных органов отдела кадров Вологодского обкома ВКП(б) т. Ульяновский, заведующая сектором учета кадров Вологодского обкома ВКП(б) т. Лыкова, инструктор сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б) Г.Н. Николаев в своих справках привели данные о том, что в 1941-1942 гг. в Вожегодском районе сменилось 113 из 148 председателей колхозов (76,3%) [5], в Биряковском районе - 66 председателей (в районе всего 82 колхоза) [6], в Чебсарском районе - 70 председателей (в районе всего 128 колхозов) [7], в Кадуйском районе - 114 из 165 председателей колхозов (69%) [8].

Большинство председателей колхозов было мобилизовано в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Причина этого кадрового процесса, по мнению т. Ульяновского, в том, что «при подборе и выдвижении не учитывалось отношение выдвигаемых к военной службе, выдвигались военнообязанные, которые через некоторое время призывались в РККА» [9]. По сведениям на 20 августа 1943 г., в Вологодской области «за период войны произведена замена 7098 председателей колхозов из них призвано в РККА - 5321», т.е. 75% [10].

Эти кадровые перемены повлияли на культурный капитал председателей колхозов. Изменился возраст, управленческий опыт, партийность руководителей. Увеличилось количество женщин.

В феврале 1942 г. в Кубено-Озерском районе возраст 65% председателей колхозов составлял 40 лет и старше, 31% председателей имел стаж «общей

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

руководящей колхозной работы» до 1 года, 27% имели опыт руководящей работы более 5 лет, 38% сменившихся председателей пришли «за период военного времени с рядовой колхозной работы» [11]. Низшее образование имели 96% руководителей [12]. В марте 1942 г. имели возраст от 47 до 67 лет: в Биряковском районе 65 из 82 председателей колхозов (70%) [13], в Чебсарском районе 65 из 128 председателей колхозов (51%) [14]; в Вожегодском районе среди председателей колхозов: по возрасту старше 41 года – 72%; по стажу работы в должности до 1 года – 72%; по образованию – 40% закончили начальную школу, 60% учились в сельской школе менее 4-х лет [15]. В апреле 1942 г. в Бабушкинском районе «из 64 председателей колхозов 62 имеют низшее образование, из них 70% работают первый год» [16].

Низкий уровень образования и недостаточный управленческий опыт председателей колхозов являлись одними из ключевых факторов, влиявших на выполнение государственных планов сельскохозяйственной деятельности. Это осознавали работники обкома партии. Так, в марте 1942 г. т. Ульяновский отмечал, что в Биряковском районе «в числе пришедших к руководству колхозами значительное количество малограмотных по общему образованию, не имеющих опыта руководящей работы, 85% председателями колхозов работают до года...» [17]. В том же месяце т. Лыкова отмечала, что в Чебсарском районе «в ряде колхозов председателями работают слабые люди, а также работники, ранее снятые с работы как не справившиеся» [18]. Она привела следующий пример: «тов. Раменский в 1929 г. исключен из ВКП(б), отбывал принудительные работы. В 1940-41 году снова был в заключении, в октябре 1941 года райкомом ВКП(б) утвержден председателем колхоза «Путь Ленина» [19]. Другой пример привел т. Ульяновский: в Биряковском районе «председателем колхоза «Новь» Семеновского сельсовета работает с октября 1941 года некто Кладовщиков И.А., в 1935-1936 году был снят с зав. МТФ* как не справившийся, в 1933 году и вторично в 1938 году был снят с работы председателя колхоза за пьянство и развал работы» [20].

В августе 1943 г. инструктор отдела кадров Вологодского обкома партии Е.Г. Филкова сделала вывод о том, что «...за время войны к руководству колхозами пришли новые кадры, не имеющие достаточного опыта организационной работы и агротехнической подготовки...» [21]. Каковы были последствия данного кадрового процесса?

В марте 1942 г. заведующий сектором учета кадров обкома ВКП(б) т. Ульяновский пришел к выводу о том, что «частая смена председателей в колхозах привела к неудовлетворительному выполнению колхозами стоящих хозяйственно-политических задач. Например, в колхозе им. Ворошилова Вожегодского района, где сменилось 4 председателя плохо проводится подготовка к весеннему севу, план засыпки семфондов зерновых яровых культур выполнен только на 30%, из плана 800 тонн вывезено навоза 600 возов. Большая сменяемость председателей колхозов объясняется прежде всего тем, что райкомы ВКП(б) ослабили внимание к подбору председателей колхозов» [22].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны произошло некоторое изменение культурного капитала руководителей коллективных хозяйств, т.к. большинство молодых, имеющих управленческий опыт,

* МТФ - молочно-товарная ферма.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

председателей колхозов было мобилизовано в армию. На эти должности пришли более возрастные, менее образованные, административно опытные и политически идеологизированные.

К представлению образа председателя колхоза военной поры добавляют ряд характеристик следующие данные. На 15 января 1943 г. в 43 районах Вологодской области работало 5493 председателей колхозов. Из них: 3192 человека (58%) были утверждены райкомами партии, 1029 человек (18,7%) были коммунистам или кандидатами в члены ВКП(б), 128 (2,3%) - являлись членами ВЛКСМ. Женщин среди председателей колхозов было 766 человек (14%) [23].

Профессиональный состав председателей колхозов во многом зависел от порядка комплектования кадров руководителей хозяйств. В соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. должность председателя колхоза была выборной. Голосование проходило на колхозном собрании. Однако органы местной власти пытались контролировать этот процесс.

В феврале 1942 г. заведующая сектором учета кадров Вологодского обкома ВКП(б) Е.Г. Филькова указывала на то, что Кубено-Озерский райком партии слабо контролирует подбор председателей колхозов. «Предколхозов и зав. МТФ на утверждение должен готовить зав. райзо*, тогда как его роль заключается в том, что побеседует в стенах райкома, доложит бюро, а на утверждение готовит инструктор отдела кадров, характеристики дают на предколхозов и зав. МТФ сельсоветы» [24].

В марте 1942 г. заведующая сектором учета кадров Вологодского обкома ВКП(б) т. Лыкова указывала, что в Чибсарском районе инициатива в подборе председателей колхозов «остается за сельисполкомами, с райкомом ВКП(б) обычно вопрос согласовывался или по телефону, или с инструктором, находящимся в том сельсовете в командировке...» [25]. В том же месяце инструктор сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б) Г.Н. Николаев отмечал, что в Кадуйском районе отдел кадров райкома партии слабо занимается изучением кандидатов на должность председателей колхозов [26]. «Выдвижение и освобождение предколхозов в ряде случаев проходит без ведома РК ВКП(б)[†] и Райсовета, даже об этом не знает первичная парторганизация и Сельисполком» [27]. Кадровые вопросы решаются общим собранием колхозников без согласования с райкомом и районным земельным отделом.

Заведующий сектором сельскохозяйственных и заготовительных органов отдела кадров обкома ВКП(б) т. Ульяновский отмечал, что в Биряковском районе «по состоянию на 1 марта 1942 года утверждено из 82-х только 27 председателей колхозов[‡]... В райкоме ВКП(б) имеются личные дела только на 31 председателя колхоза... Вследствие неудовлетворительной работы райкома ВКП(б) подбором и воспитанием руководящих колхозных кадров, руководство в ряде колхозов ослабло, что привело к затяжке обмолота, к срыву выполнения государственных поставок сельскохозяйственных продуктов и неудовлетворительной подготовке к весеннему севу» [28]. В том же месяце т. Ульяновский указал на то, что в Вожегодском, Биряковском и Кубено-Озерском районах «выдвижение и освобождение с работы председателей колхозов проходило по инициативе

* Райзо – земельный отдел районного исполкома.

[†] РК ВКП(б) – районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

[‡] Бюро райкома ВКП(б) должно было утверждать председателей колхоза.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

председателей сельисполкомов, последние предварительно согласовывали вопрос с райкомом ВКП(б) по телефону и устно и по получении санкции последнего проводили в жизнь через колхозные собрания. Санкций облисполкома не спрашивалось... Работа по подбору председателей колхозов отделами кадров РК ВКП(б) передована сельисполкомам, в результате райкомы ВКП(б) не знают в ряде случаев председателей колхозов их деловых и политических качеств... Председателями колхозов выдвигают главным образом из числа рядовых колхозников, не имеющих опыта организационной работы, мало выдвигают из числа бригадиров и зав. фермами...» [29]. И далее, райзо «как правило стоит в стороне от подбора и изучения колхозных руководящих кадров. Зав. райзо знакомятся с председателями колхозов в райкоме ВКП(б) при утверждении и докладывают на бюро по материалам райкома ВКП(б)» [30].

В апреле 1942 г. заведующий сектором кадров Вологодского обкома ВКП(б) А. Козлов указывал на то, что отдел кадров Бабушкинского райкома партии «не руководил подбором кадров председателей колхозов, а в большинстве случаев полагался на рекомендованных кандидатур сельсоветами и парторганизациями, имеется ряд фактов, когда сельсоветы без ведома РК ВКП(б) ставили председателей колхозов» [31].

Следовательно, сведения, приведенные работниками Вологодского обкома партии, позволяют вести речь о низком уровне контроля районных партийных и советских чиновников над подбором и назначением председателей колхозов в 1941-1942 гг. Крестьянское сообщество и сельсоветы самостоятельно решали кадровые вопросы в колхозах.

В последующие годы ситуация стала меняться. Районные партийные органы усилили контроль над колхозами и их председателями с целью выполнения государственных планов поставок сельскохозяйственной продукции. В деревне стали разворачиваться новые процессы. Так, агроном Велико-Устюгского районного земельного отдела А.В. Семенова в письме Наркому земледелия СССР А.А. Андрееву от 12 апреля 1944 г. указывала, что «в ряде колхозов нет выборных председателей, а есть назначенные РК ВКП(б) или как говорят колхозники, у нас председатель колхоза наемный, приведу ряд колхозов «Красный боевик» Пушкаревского сельсовета председатель колхоза наемный получает следующую оплату 40 кг муки в месяц, деньгами 100 рублей и 20 трудодней... такое же положение и в колхозе «Красный Октябрь» того же сельсовета... «Наемные» председатели колхозов не заинтересованы в должной работе сельскохозяйственной артели ... отсюда недосевы, отсюда невыполнение плана урожайности по колхозам» [32].

Данная информация была проверена сотрудниками Вологодского обкома партии и аппарата уполномоченного комиссии партийного контроля. По итогам проверки в июле 1944 г. контролер уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Вологодской области т. Палашичев и инструктор обкома ВКП(б) т. Краснова в письме «О результатах проверки жалобы агронома Великоустюгского райземотдела тов. Семеновой», адресованному секретарю Вологодского обкома ВКП(б) Б.Ф. Николаеву и уполномоченному КПК ЦК ВКП(б) по Вологодской области т. Сизякову, отмечали, что указанные А.В. Семеновой факты «в основном подтверждаются» [33]. Председатель колхоза «Красный боевик» «...Бушков (он секретарь территориальной парторганизации), работает председателем колхоза 2-й год, но до сих пор членом колхоза не

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

является. Получает за работу в месяц 40 килограммов муки, 100 рублей денег и 20 трудодней, колхозникам же в 1943 году выдано на трудодень зерна всего лишь 400 гр. (колхоз 44 хозяйства). Тов. Бушков в члены колхоза не вступал потому, что постоянным жителем этого колхоза себя не считает...». Он живет в другом колхозе и в «Красный боевик» приходит только на работу. На аналогичных условиях работает председатель колхоза «Красный октябрь» тов. Илатовский. Оплату труда «получает не трудоднями, а натурой – 30 кг. муки, 20 литров молока и 100 рублей денег в месяц, (колхоз 33 хозяйства), колхозники же в 1943 г. получили на трудодень зерновых только по 110 гр. Тов. Илатовский считает себя «наемным» председателем... получает натурой потому, что на трудодень здесь ничего не причитается...» [34]. С января 1941 по июль 1944 г. в этом колхозе сменилось 8 председателей. «Временные председатели, не являющиеся членами артелей и считающие себя «наемными» положения в колхозах не улучшают...» [35].

В августе 1944 г. в письме секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву секретарь Вологодского обкома ВКП(б) Б.Ф. Николаев и уполномоченный КПК ЦК ВКП(б) по Вологодской области т. Сизяков отмечали, что секретарь Великоустюгского райкома партии Задорин объяснил порядок оплаты труда некоторых председателей колхозов следующим образом: «Ряд товарищей посланы райкомом ВКП(б) на укрепление отстающих колхозов и такая оплата им была установлена в связи с тем, что эти колхозы как правило слабые, маломощные, на трудодни колхозники получают мало, не обеспечивается прожиточный минимум председателя колхоза, поэтому без этих условий нет возможности подобрать способного председателя» [36].

Данный пример позволяет вести речь о том, что районные комитеты партии к концу войны стремились назначать председателями колхозов «своих» людей, гарантируя их материальное обеспечение. Это было вызвано необходимостью выполнения государственных планов поставок сельскохозяйственных продуктов. Данный метод подбора кадров председателей колхозов способствовал тому, что у районных чиновников складывалось тесное взаимодействие с руководителями сельского производственного сектора. Это становилось важным элементом системы реализации права собственности на использование и распределение продукции аграрного производства.

Список литературы

1. Бурдьё П. Формы капитала // <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601>; Он же. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/704> (дата обращения: 14.03.2020).
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 39-42.
3. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 112. Л. 83-85об.
4. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 111. Л. 22.
5. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 29.
6. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 39.
7. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 36, 37.
8. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 24.
9. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 39.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

10. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 112. Л. 84.
11. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 17.
12. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 21.
13. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 39.
14. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 36, 37.
15. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 33.
16. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 189.
17. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 41.
18. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 36.
19. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 37.
20. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 40.
21. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 112. Л. 85.
22. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 26.
23. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 111. Л. 22.
24. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 19.
25. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 36.
26. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 24.
27. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 25.
28. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 41.
29. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 27.
30. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 28.
31. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 376. Л. 188.
32. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 271. Л. 73об.
33. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 271. Л. 74.
34. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 271. Л. 76.
35. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 271. Л. 77.
36. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 271. Л. 103.

Malakhov R.A.

CHAIRMEN OF COLLECTIVE FARMS OF THE VOLOGDA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: TURNOVER, CULTURAL CAPITAL, CONTROL

MALAKHOVA Rodion A. — Ph. D. in History, Associate Professor, Vologda State University, 160000, Russia, Vologda, Lenina, 15.
e-mail: malakhov74@mail.ru

Abstract. The process of capitalization in the USSR as an essential core of the economic policy of the Soviet state put capital and its reproduction at the heart of socio-economic relations. The great Patriotic war revealed and aggravated a number of aspects of this process. The heads of collective farms were part of the lower layer of officials involved in the implementation of property rights and have certain opportunities for the appropriation and distribution of agricultural products. The article reveals the dynamics and procedure for appointing the heads of collective farms, the characteristic features of their cultural capital, and some aspects of the formation of a system of control over these leaders by the party and Soviet authorities. During the war, there was a change in the cultural capital of collective farm managers, since most of the young, experienced

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

managers of collective farms were conscripted into the army. These positions were filled by older, less educated, administratively experienced and politically ideologized people. In 1941-1942, the control of district party and Soviet officials over the selection and appointment of collective farm chairmen was low. The peasant community and village councils independently resolved personnel issues on collective farms. By the end of the war, district leaders sought to appoint "their" people as chairmen of collective farms, guaranteeing their material security. This was due to the need to implement state plans for the supply of agricultural products. This method of recruitment of collective farm chairmen contributed to the fact that district officials developed close interaction with the heads of the rural production sector. This became an important element of the system of realization of the right of ownership for the use and distribution of agricultural products.

Keywords: cultural capital, regional and district committees VKP(b), property rights, chairmen of collective farms, civil servants.

УДК 94 (47)-1941/1945

Мальшева Е.М.

К ВОПРОСУ О НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЙНЗАЦГРУПП НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ХОЛОКОСТ

МАЛЬШЕВА Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет профессор кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории 385000 город Майкоп, ул. Первомайская, 208,
e-mail: emalysheva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию преступлений Айнзацгрупп, называвшихся «эскадронами смерти» на Северном Кавказе. После провала планов тотальной коллаборации, встретив сопротивление, оккупационные власти стали проводить здесь карательные операции, уничтожая категории гражданских лиц, в первую очередь, евреев – холокост, военнопленных, партизан, политических комиссаров и всех подозреваемых. Сохранились документальные свидетельства и воспоминания о фактах сожжённых вместе с сотнями мирных жителей населённых пунктов Адыгеи, расстрел жителей посёлка поселков Михизеева Поляна, Сахрай, Фарсовского, названными «Кубанская Хатынь». Ликвидация доказательств преступлений нацистов, в том числе деятельности Айнзацгрупп, ставшая к концу войны насущной задачей германского рейха, не спасла от приговора Нюрнбергского Трибунала, признавшего их действия преступлением против человечности.

Ключевые слова: Айнзацгруппы, вермахт, оккупация, убийства, холокост, Германия, СССР, война на уничтожение, преступления против человечности, военнопленные, лагерь, Нюрнбергский трибунал, Северный Кавказ, Адыгея.

Айнзацгруппы (нем - Einsatzgruppen) в период временной нацистской оккупации проявили беспрецедентную бесчеловечность и жестокость по отношению к советским гражданам. Руководство этими подразделениями

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

осуществляло главное управление имперской безопасности РСХА - руководящий орган политической разведки и немецкой полиции безопасности. Задачей таких групп, названных эскадронами смерти, было массовое убийство мирных жителей на оккупированных территориях сначала Европы, а с 22 июня 1941 г. и СССР. С 1941 г. Первые подразделения были сформированы службой безопасности Германии СД для массовых убийств в Австрии и Чехословакии, а затем Польше, на Балканах и СССР. В сотрудничестве с войсками вермахта они выполняли задачу уничтожения евреев, цыган, людей с физическими и психическими «дефектами», а отчеты о деятельности Айнзацгрупп направлялись непосредственно Гитлеру.

Известный немецкий ученый, приват-доцент Фрайбургского университета Вольфрам Ветте пишет, что накануне нападения на СССР была подписана ОКВ «Директива о поведении войск в России», в которой указывалось, что для Германии смертельными врагом является большевизм, ставилась задача путём беспощадных и решительных мер ...полная ликвидация любых попыток активного или пассивного сопротивления». Главными врагами рейха были названы большевики, партизаны, евреи и политические комиссары. Главное воплощение «еврейского большевизма» в СССР подлежало ликвидации «на месте».

Одна из наиболее мрачных страниц истории войны, это Холокост - геноцид евреев. Айнзацкоманды сыграли ведущую роль в «окончательном решении еврейского вопроса». В их задачу входила, в том числе реализация нацистской идеологии «расовой гигиены» и политики геноцида в отношении и пациентов психиатрических больниц и клиник. На территории СССР ликвидации подлежали все евреи без учёта пола и возраста, а также коммунисты, политработники РККА, граждане, сочувствующие советской власти, члены ВКП (б), партизаны, цыгане, азиаты и все «подозрительные» лица. К категории «подозрительных» иногда относили тех граждан, которые могли теоретически, априори, оказать сопротивление немецким оккупационным властям. В эту категорию входили все лица мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет, замеченные в районах проведения антипартизанских операций: целенаправленно уничтожались члены партизанского подполья, евреи. Массовые убийства начинались с первых дней оккупации: на занятых территориях, в Калуге, Орле, Смоленске, Твери, Брянске, Пскове и многих других были созданы и функционировали гетто.

Шефом Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрером СС Р. Гейдрихом и генерал-майором Э. Вагнером было заключено соглашение о сотрудничестве вермахта с Айнзацгруппами СС для проведения экзекуции гражданского населения в СССР. В документе оговаривалась функция зондеркоманд полиции безопасности в решении «особых задач», что означало, как отмечает В.Ветте, казнь определенных групп населения. Требование самых беспощадных мер против гражданского населения СССР было также сформулировано в приказе по военной юрисдикции, в соответствии с которым солдаты вермахта получали полное освобождение от ответственности за совершение любого насилия. [1. С.72-79]. Форма СД или СС, которую носили служащие Айнзацгрупп и других подразделений безопасности при осуществлении своих функций на оккупированных территориях, по мнению Гордона Уильямсона, не давала им права считать себя солдатами, обычными

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

военнослужащими. «Даже те, кто исполнял чисто канцелярские или административные обязанности, не могли не сознавать, что передававшиеся через них приказы имели прямое или косвенное отношение к чудовищным преступлениям, которые нельзя простить, и которые несовместимы с понятием цивилизованной нации», - пишет исследователь истории войск СС. Он пишет о том, что обергруппенфюрер СС Экельн Ф. гордился изобретённым методом казни с экономией места, названной «упаковка сардин». Отто Олендорф, начальник Айнзацгруппы «Д» для ликвидации евреев предпочитал душегубки на колесах: «Другие командиры групп требовали от жертв, чтобы те ложились на землю, и затем солдаты стреляли им в шею чуть ниже затылка. Я не одобрял эти методы, потому что они несли с собой огромную психологическую нагрузку, как для жертв, так и для исполнителей». [2, с.367].

В середине мая 1941 г. шеф гестапо Генрих Мюллер поручает обсудить с военными властями соглашение о деятельности Айнзацгрупп, которым предстояло сражаться на Восточном фронте. Перед началом кампании против СССР было создано четыре Айнзацгруппы. Для Прибалтики - группа «А»; Смоленска и Москвы - «В»; Киева - «С» и группа «D» - для Украины. Структурно группы делились на Айнзацкоманды и особые команды - зондеркоманды (нем. Sonderkommando,) по 70 - 120 человек в каждой. В свою очередь, команды подразделялись на подгруппы до 30 человек. Были определены формы сотрудничества между вермахтом и органами СС, как в прифронтовых районах, так и в тылу.

Айнзацгруппы и айнзацкоманды в ходе экзекуций против советских граждан только на оккупированной территории СССР уничтожили около 750 тыс. человек. Каждый участник Восточного похода вермахта знал, что ему все позволено, и он не предстанет перед военным трибуналом, так как речь шла о войне «на уничтожение» [3].

Необходимо отметить особую изощрённость в проведении Холокоста в занятых вермахтом станицах и городах Северного Кавказа. Сюда были эвакуированы группы населения из блокадного Ленинграда, вывезены многие ленинградские предприятия, учебные заведения. Среди эвакуированных было много и евреев, в том числе контингент детских домов. В первые же дни оккупации в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ейске, Пятигорске, Воронеже, в Ленинградской области оккупантами были уничтожены тысячи евреев. Фонды региональных и центральных архивов содержат многочисленные германские документы, обращения и предписания, в которых подчёркивалась задача выявления и уничтожения советских «жидо-большевиков». Так, в «Обращении Главнокомандующего немецкой армии к гражданскому населению» значилось: «Германские войска и их союзники приходят к вам не как завоеватели или поработители, но как освободители от лживого и ОБЖИДЕВШЕГОСЯ советского строя» [4, л. 2].

В приговорах Нюрнбергского трибунала была названа цифра уничтоженных нацистами евреев - 6 млн. человек. Однако в силу разного рода обстоятельств полного поимённого списка жертв Холокоста, как, впрочем, и всех других категорий, уничтоженных и пострадавших от бесчеловечной антигуманной «практики» нацизма, не существует, и вряд он когда-нибудь будет создан. 2 июля 1941 г. командование СС получило предписание: расстреливать в занятых районах СССР всех коммунистов, комиссаров и евреев [5].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

На оккупированной территории СССР Айнзацкоманды орудовали в глубоком тылу, в то время как зондеркоманды действовали в непосредственной близости к линии фронта.

В 1941 г. Айнзацгруппы погубили около 500 тыс. человек. Подразделение «А» уничтожило 250 тыс. человек, «Б» - около 45 тыс. 500 человек, «С» - 95 тыс., «Д» - 92 тыс.

Подразделения Айнзацгруппы «Д» под командованием оберфюрера СС Вальтера Биркампа, с июля 1942 г. по июль 1943 г. использовались в оккупированных районах Северного Кавказа. В Краснодаре, который находился под оккупацией 186 дней - с 9 августа 1942 г. - до 12 февраля 1943 г., был уничтожен каждый 13-й житель города: 11 тыс. 472 человека. Из них 4 тыс. 972 мужчины, 44 тыс. 322 женщины, 24 тыс. 178 детей. Ко времени оккупации Северного Кавказа (лето 1942 г.) нацисты «определились» с методами уничтожения. Здесь, чтобы убивать людей, широко использовались специальные машин, названные в народе «душегубками» - мобильные газовые камеры. На территории Краснодарского края и Ростовской области с августа 1942 г. по июль 1943 г. под командованием СС-штурмбанфюрера доктора Курта Кристмана действовала 10-я зондеркоманда.

В Северной Осетии и Кабардино-Балкарской АССР - Зондеркоманда «11», во главе ее штурмбунфюрером СС В. Брауном и Паулем Шульцем позже осуществляла казни на оккупированных территориях Краснодарского края и Адыгеи, Карачаево-Черкесской автономных областей. На Ставрополье орудовала Айнзацкоманда «12», руководство которой с февраля по октябрь 1942 г. осуществлял штурмбанфюрер СС Эрих Мюллер, а с октября 1942 г. до марта 1943 г. оберштурмбанфюрер СС Гюнтер Херрманн.

Казни представляли собой отталкивающе – отвратительную картину. По показанию свидетеля – военнослужащего вермахта – очевидца экзекуции в Дубно в октябре 1942 г., приведённого Г.Уильмсоном, евреям, которые еще оставались в живых, было приказано сбросить трупы в ров, а затем самим лечь сверху, и их убивали выстрелами в затылок. Один из рапортов командира Айнзацгруппы в СССР, содержал информацию о том, что детей не расстреливали, «...их брали за ноги и ударяли головой о камень или хоронили заживо» » [6, с.370].

Айнзацгруппы полиции безопасности и СД в сотрудничестве с войсками вермахта на оккупированной территории Северного Кавказа выполняли ключевую задачу истребления всех врагов рейха. В их ориентировках открыто указывалось, что «незамедлительному уничтожению подлежат все функционеры-коммунисты, евреи, цыгане, саботажники и шпионы, которые должны рассматриваться как лица, которые своим существованием угрожают безопасности германских войск: комиссары, сотрудники НКВД, антифашистки настроенные этнические немцы, партизаны и их пособники, мятежники и прочие «нежелательные элементы». В тыловых районах германским оккупационным властям предписывалось бороться со всеми антифашистскими проявлениями и нелегальной деятельностью против Германии, преследовать и истреблять еврейское население. Для реализации этих целей и задач оперативные органы полиции безопасности и СД насаждали среди гражданского населения захваченных регионов свою агентуру. К сотрудничеству, особенно для выполнения «грязной» работы, связанной с экзекуциями и массовыми расстрелами, германскими службами привлекались полицаи и добровольцы из

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

местных коллаборационистов - жителей оккупированных территорий. Все немецкие циркуляры (на немецком и на русском языках) по агитации и привлечению к сотрудничеству советских граждан, предупреждали, что никто из них «НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ НИ ЕВРЕЕМ, НИ КОММУНИСТОМ» [7, л. 1].

После расстрелов за Айнзацгруппами следовали добровольцы из отщепенцев советских граждан, которые добывали тех, кому удавалось уйти от расправы. Расстрелы мирного населения сопровождалась повальным грабежом. Конфисковалось все, что можно было хоть как - то использовать: обувь, изделия из кожи, одежда, драгоценности, золото, ценные вещи, которые отправлялись в Германию. В 1942 г. развернулись бои на Северном Кавказе. 13 августа 1942 г. 204 и 207 егерские горно-стрелковые полки и боевые группы, в составе дивизиона СС «Викинг» с боями дошли до Майкопа и Белореченска. Дивизия «Викинг» была первой дивизией СС, в которой на территории СССР воевали иностранные добровольцы: голландцы, фламандцы, валлоны, датчане, норвежцы, шведы, финны и эстонцы. С августа 1941 г. по май 1943 г. в составе дивизии СС «Викинг» находился финский батальон СС «Нордост» - 834 финских добровольцев. Это сборное из европейских волонтеров подразделение получает из Берлина приказ № 108: начать наступление из района Майкоп – Белореченск - в направлении Кабардинская - Хадзыженская - Самурская - Даховская для прорыва к линии Туапсе - Адлер. Согласно переписке, с ветеранами 97-й егерской дивизии вермахта, проживавшими после войны в Мюнхене, в донесениях в Берлин значилось: «Сталкиваемся с серьёзным сопротивлением со стороны советских войск. Противник прочно засел в горах. Перекрыв дороги и тропы, завалив их деревьями и минными заграждениями, успел создать укрепительные базы». В материалах, присланных из Германии, содержится и такое донесение: «Всё больше и больше становится ясно, что противник стягивает в горах свои силы, и приложит всё, чтобы, опираясь на горы, защищаться всеми средствами и методами. Кроме того, разведкой выявлены советские горные стрелки с высоким опытом рукопашного боя» [8]. В устных рассказах очевидцев событий тех дней подтверждается бесчеловечность и беспощадность Айнзацгрупп. В период оккупации города Майкопа с 10 авг. 1942 г. - по 27 янв. 1943 г. в центре Майкопа, в районе «колхозного рынка» находился концентрационный лагерь. В разведсводке НКВД от 17 сентября 1942 г. сообщалось, что в лагере содержится около 8-9 тыс. попавших в плен красноармейцев и взятых под стражу гражданских лиц. Контингент содержался в нечеловеческих условиях за огороженной колючей проволокой территории бывшего колхозного рынка, где сегодня находится здание министерства здравоохранения Республики Адыгея. Очевидцы свидетельствуют, что люди спали прямо на земле, воды и еды не получали, а за попытки передать хлеб или перебросить через проволоку сухари, охрана угрожала расстрелом. Не удалось в архивах найти документы по учёту контингента лагеря, по всей видимости, он подлежал уничтожению. Особо жестокими, на удивление жителей Майкопа, были полицейские охранники из местных коллаборационистов. Однако есть свидетельства, что несколько измождённых и обречённых заключённых было охраной отпущено после того, как приходили женщины и уверяли, что это её сын, муж или брат. Документы не найдены в архивах, учёт контингента, по всей вероятности, не вёлся, точные сведения не сохранились, однако информация об этом факте сохранилась в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

воспоминаниях очевидцев, которые были в период оккупации Майкопа детьми и подростками.

Другой нацистский концлагерь располагался в 100 км от Майкопа – городе Апшеронске. Здесь, по воспоминаниям свидетелей, он был обнесён высокой оградой и двумя рядами колючей проволоки. Как показала очевидец, жительница Апшеронска Екатерина Курбатова, женщины подходили близко к «высокому дощатому забору и смотрели в щели», пытаясь увидеть, что происходит с пленными. Здесь, так же, как и в Майкопе, были попытки помочь хоть кому-то. Подростки и женщины перебрасывали через ограду сухие корки хлеба, завязанные в узелки, и убегали под угрозой расстрела. Детская память Е. Курбатовой запечатлела страшную картину, когда за такой «чёрный» узелок измождённые пленные сражались с охранявшими лагерь собаками, бегавшими между двумя рядами колючей проволоки. Тех, кто был замечен с сухарём в руках, заставляли тут же копать себе могилу, на краю которой расстреливали на глазах у остальных пленных. По неполным данным, за период оккупации в таких концлагерях, которые располагались на территории Краснодарского края и Адыгеи, были замучены и истреблены 6 тыс. 930 человек, из которых почти третья часть были дети. С 12 августа 1942 г. в Майкопе практически ежедневно военнопленных и арестованных местных жителей стали вывозить в крытых брезентом грузовиках за город, и расстреливать. Расстрелы производились в районе Конюховой балки – в пригороде Майкопа и Борщёвой мельницы, которая находилась западнее нынешнего спиртзавода на территории нынешнего посёлка Победа Майкопского район. По данным эксгумации жертв, из безымянных могил в пригороде Майкоп было извлечено 2 тыс. 056 тел. Могильные захоронения в Конюховой балке оккупанты, уничтожая и скрывая следы преступлений карателей, подорвали перед отступлением из Майкопа.

Айнзацгруппы активно привлекались и использовались для борьбы против партизан. Гиммлер всячески старался подчеркнуть «истинную» природу Айнзацгрупп, объясняя, что они делают важное дело, защищая тылы от рейдов партизан. Ещё пример «деятельности» Айнзацгрупп, наказывавших мирных жителей «за поддержку бандитизма» - советских партизан, действовавших к Адыгее и Краснодарском крае. 13 ноября 1942 г. в Майкопском районе была проведена карательная акция, преследовавшая цель наказать мирное население, в том числе женщин, стариков и детей за поддержку партизанского отряда, базировавшегося в Махошевских лесах. Все жители посёлка Михизеева Поляна, названного «Кубанской Хатынью», были в спешном порядке из своих домов выдворены, их разбили на семь групп, выделив отдельно мужчин, которых заставили копать яму, ставшую братской могилой. После этого каратели заставили мужчин снять одежду, поставили их около ямы и расстреляли. Вслед за ними были раздеты женщины и дети и тоже расстреляны. Выжить в этой кровавой бойне было почти невозможно. Раненых пристреливали из пистолетов, докалывали штыками. Сам посёлок, все дома жителей, были сожжены. В результате карательной акции на Михизеевой Поляне Айнзацгруппами было расстреляно 207 человек: 20 мужчин, 72 женщины, в том числе 29 эвакуированных из Ленинграда, фамилии которых установить не удалось. В этой бесчеловечной «акции карателями были убиты 115 детей. Подобная акция была проведена в поселке ГУПП, между станицей Даховской и Темнолесской, в районе лесозавода. В наказание из-за действовавших в этих местах партизан Каменноостского

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

отряда №3, немцы окружили бараки лесозавода и подожгли их, практически уничтожив населённый пункт. Всех жителей посёлка – рабочих и членов их семей, согнали на окраину поселения, устроив показательную экзекуцию. Отделили мужчин, выстроили их на краю скалы у обрыва и расстреляли на глазах членов их семей. Об этом событии рассказал случайно уцелевший раненный подросток Александр Соболев, которому было тогда 13 лет. Завод и бараки карателями были сожжены. На следующий день члены Айнзацгруппы - местные полицаи Даховской, на подводах вывезли женщин и детей в сторону Майкопа. 30 декабря 1942 г. немецкими карателями численностью до 600 человек была проведена операция по ликвидации партизанской базы Армавирского отряда, дислоцировавшегося в районе села Ново-прохладное. После неравного 3-х часового боя и потери 28 человек убитыми, отряд отступил. Вошедшие в посёлок немцы и полицаи, сожгли все дома и постройки, расстреляли 50 мирных жителей, 150 женщин и детей угнали в станицу Даховская. В зоне действий партизанских отрядов Адыгеи было 4 населенных пункта, которых постигла судьба белорусской Хатыни. Это посёлок Михизеева поляна, хутор Шпалорез, посёлок ГУПП, и село Ново-Прохладное. 13 августа – Гиагинский партизанский отряд был поднят в ружьё и спешно направился на х. Шпалорез. Мальчик 12-13 лет сообщил, что каратели расстреливают жителей. Партизаны не застали карателей, захвачена была только одна грузовая автомашина с шофёром и уничтожена. Более 100 трупов-женщин, детей, расстреляны карателями, валялись на территории хутора, по над речкой и по дороге. Жилой посёлок Шпалорез весь был сожжён. Одна из самых трагических страниц оккупации Кубани связана с расстрелом мирных жителей и уничтожением лесного посёлка Михизеева Поляна. События 13 ноября 1942 г. в предгорьях Северного Кавказа, болью отозвались в сердцах многих жителей Краснодарского края. Уничтоженный карателями посёлок после окончания Великой Отечественной войны стал еще называться Кубанской Хатынью, став для миллионов людей символом жестокости и бесчеловечности фашизма. 30 декабря 1942 г. немецкое подразделение и Айнзацгруппы численностью до 600 чел., даховского эскадрона казачьего полка «имени Платова» (148 чел.) и даховских полицаев (67 чел.), совершили облаву на село Ново-Прохладное, где дислоцировалась партизанская база Армавирского отряда. После неравного 3-х часового боя, отряд партизан, потеряв 28 бойцов, отступил. В освобождённом от партизан селе немцами и полицаями были расстреляно 50 мирных жителей, все жилые дома села были полностью сожжены, а 150 женщин и детей угнано в сторону станицы Даховская. Подобные материалы стали собираться для Чрезвычайной Государственной Комиссии после освобождения Северного Кавказа от временной частичной оккупации, однако поисковая работа продолжалась спустя десятилетия.

Региональное отделение Российского военно-исторического общества (РВИО) Республики Адыгея, занимается увековечиванием памяти жертв нацизма периода Великой Отечественной войны, продолжается и поисковая работа члена АРО РВИО историка-поисковика Бормотова И.В., запланировано создание мемориальных памятников [9].

Не все преступления оккупантов, в том числе «деятели» Айнзацгрупп установлены до настоящего времени. По словам старожил, на территории Адыгеи, кроме обнаруженных, находятся другие места массовых расстрелов и уничтожения мирных граждан. Так же был уничтожен посёлок Фарсовский в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

окрестности станиц Абадзехской и Новосвободной Майкопского района: всего 186 человек вместе с детьми, стариками, женщинами. Массовые расстрелы людей проходили в окрестностях станиц Даховской, Дагестанской, посёлка Усть-Сахрай и других горных селений. Так, 13 ноября 1942 г. в посёлке Михизеева Поляна, сегодня это часть Мостовского района Краснодарского края, немецкие оккупанты казнили всё мирное население: 20 мужчин, 72 женщины, 13 младенцев возраста до одного года, 19 детей до трех лет, 24 - до пяти, 27 - до десяти, 33 подростка. Всего было расстреляно 208 человек, 115 из них – дети. После изгнания оккупантов во рву под Апшеронском было обнаружено 160 человек от 2-х летнего до 70-ти летнего возраста. Более 6 тыс. советских граждан, в том числе по расовому признаку, было убито в Армавире, около 2-х тыс. в Кропоткине, 2 тыс. 500 человек в Лабинске [10, л. 169], 4 тыс. 500 человек было ликвидировано в Кабардино-Балкарии [11, л. 72].

Жестокий пример Холокоста на Кавказе хранят документы фондов Государственного архива Российской Федерации, обнаруженные автором настоящей статьи (Малышева Е.М.) Они свидетельствуют о том, как издевательски и бесчеловечно было организовано уничтожение 3-х тыс. 500 человек еврейской национальности в столице Кабардино-Балкарии - городе Нальчике. Здесь германскими оккупационными властями была проведена «разъяснительно-агитационная» работа среди населения города Нальчика. Всем евреям было объявлено, что их переправят на историческую родину, в Палестину, и что им необходимо взять с собой всё ценные вещи. 3 тыс. 500 граждан еврейской национальности были приглашены на сборный пункт, вывезены к противотанковому рву севернее города Нальчика и все расстреляны [10, л. 239]. Необходимо отметить, что в начале оккупационного периода, фарисейски соблюдая какую-то видимость гуманности для общественного мнения, руководством РСХА был принят ряд запретов на использование фотоаппаратов для фиксирования экзекуций на территории СССР. 16 апреля 1942 г. в Берлине был подписан приказ рейхсфюрера СС Гейдриха о запрете «фотографирования казней» [12, л. 115].

Запрет, как выяснилось позже, в ходе подготовки выставки в Германии «Преступления вермахта», повсеместно нарушался. В домашних архивах выживших ветеранов вермахта и присланных с «Восточного фронта» письмах сохранилось множество фотографий рядовых и офицеров вермахта на фоне советских граждан перед расстрелом; как правило, на краю обрыва, или вырытого рва, у виселиц на фоне повешенных и т.п. Эти фотографии, документы и другие свидетельства преступлений вермахта и Айнзацгрупп были представлены в ряде городов Германии в экспонатах передвижной выставки «Преступления вермахта», подготовленной немецкими исследователями. Выставка стала поистине «шоком для немецкого общественного мнения», как писали об этом событии германские СМИ, и была под благовидным предлогом «для доработки и необходимости выявления аутентичности экспонатов, свёрнута» [13, л. 34-38].

Ликвидация доказательств преступлений нацистов, деятельности Айнзацгрупп становится насущной задачей германского руководства после Сталинградской битвы, ставшей для рейха «катастрофой». 30 июля 1942 г. для расширения масштабов уничтожения гражданского населения был принят приказ «О запрете употреблять название «партизаны». Дословно в нём значилось: «В приказах, докладах и пр. следует в будущем пользоваться названием

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«разбойничья шайка» [14, л. 120]. В июне 1942 г. Гиммлером принимается приказ о ликвидации следов казней и экзекуций, и формируется специальная Зондеркоманда «1005» под командованием штандартенфюрера СС Пауля Блобеля. Однако поставленная задача - вскрывать массовые захоронения и сжигать трупы, была выполнена лишь частично, так как части РККА стали освобождать занятые германскими войсками территории. Контингент лагерей на Северном Кавказе, как и в других регионах, был объектом безудержного произвола нацистов. Не сохранились документы по другим преступным акциям в Адыгее, которая была в оккупации до полугода. Согласно разведсводке от 23 сентября 1942 г., уничтожен был контингент нацистского концлагеря, расположенного в станице Белореченской (ныне город Белореченск). 5 тыс. человек под охраной 50 полицейских содержались в концентрационном лагере в предместье станции Апшеронской. В ГАРФ хранятся документы и свидетельства, в том числе показания попавших в плен немцев, с описанием совершённых преступлений-зверств в захваченных советских районах [15, л. 204]. Тотальному геноциду подвергались в первую очередь евреи, коммунисты и комиссары, а также славянское население - русские, поляки, украинцы, как активные борцы против оккупантов, так и просто «подозрительные лица. После освобождения от захваченной территории, на всей оккупированной территории, собирались сведения о злодеяниях нацистов и их пособников для ЧГК. По итогам были организованы судебные процессы. Такие процессы состоялись и в Майкопе, в Апшеронске, Белореченске. В Краснодаре уничтожено 13 тыс., из них около 7 тыс. в машинах-душегубках, впервые применённых на Кубани [16, л. 48, 21]. В 1943 г. здесь был организован общественный «Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации».

Далеко не все факты, в том числе по уничтожению евреев, которые во всех германских документах назывались презрительно «жиды», вошли в документы процесса. Так же не получили отражения факты сожжённых вместе с сотнями мирных жителей населённых пунктов Адыгеи. Это карательные операции, расстрел всех жителей посёлка поселков Михизеева Поляна, Сахрай, посёлка Фарсовского. Ещё пример: жители хутора Георгиевский, которых эсэсовцы сначала согнали на общий сход. После массового расстрела раненых и оставшихся в живых согнали в сарай, который сожгли огнемётами. Документы сохранили имена тех, кто руководил концентрационными лагерями на территории Адыгеи и Краснодарского края. Это - шеф немецкого гестапо полковник Кристман. «Зондеркоманда СС «10-А» располагалась в Краснодаре, а в Майкопе действовала особая карательная команда «СД-11», которую возглавлял офицер немецкой армии Эрих Кубяк. В ходе сбора показаний для Чрезвычайной комиссии и организованных после освобождения от оккупации процессов стали известными имена начальника «СД-16» унтер-офицера Рудольфа, следователя политической разведки Вилли Витенберга, старшей переводчицы Елены Боска, о жестокости которых было множество свидетельских показаний. Расследованию деятельности Айнзацгрупп был посвящён отдельный судебный процесс в Нюрнберге, трибунал осудил их руководителей как военных преступников. Не помогла нацистским преступникам значительно активизировавшаяся к концу войны работа по сокрытию следов преступлений, уничтожение документов и других свидетельств. Методы реализации программы «расовой гигиены» на

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Северном Кавказе были идентичны подобным методам на территории Белоруссии, Украины, других оккупированных советских территорий войсками Третьего рейха. Уничтожение гражданских лиц, угон их в Германию для использования в экономике рейха, нарушения норм международного права, всё это соответствовало одобренным «нормам» проводившейся оккупационной политики, как в Польше, так и в СССР. По мнению ряда немецких историков, вермахт был в состоянии выступить против преступлений СС, так как полицейские подразделения находились в юрисдикции военных трибуналов. Солдаты и офицеры немецкой армии виновны в убийствах миллионов людей, Холокоста. Вермахт был в состоянии выступить против преступлений СС: полицейские подразделения находились в юрисдикции военных трибуналов, однако никаких протестов не было зафиксировано. Уже в Польше вермахт утратил право претендовать на то, чтобы считать германских солдат не виновными в преступлениях против человечности [17, с. 118-119]. По самым приблизительным подсчетам, за время Великой Отечественной войны только на временно оккупированной территории СССР Айнзатцгруппами было уничтожено свыше одного миллиона человек.

Список литературы

1. Ветте Вольфрам. Война на уничтожение: вермахт и холокост // Новая и новейшая история. №3, 1999. С. 72-79.
2. Уильямсон Г. «СС – инструмент террора» / пер. с английского А.В.Бушуева, И.С. Соколова Смоленск: «Русич», 1999. С.367.
3. Der deutsche Oberfall auf die Sowjetunion, S. 249-250.
4. Государственное казенное учреждение Республики Адыгея «Национальный архив Республики Адыгея» (далее ГКУ НАРА «НАЦАРХИВ»). Ф.Р-1135.Оп.1Д.1, Л.2.
5. Нюрнбергский процесс, сборник документов. Приложения. Из речи Гимmlера на совещании группенфюреров СС в Познани. [Док. ПС-1919, США-170]. 4 октября 1943 г. / <https://history.ru/200197> (дата обращения 7 марта 2019).
6. Уильямсон Г. «СС – инструмент террора» / пер. с английского А.В.Бушуева, И.С. Соколова Смоленск: «Русич», 1999. С.370.
7. ГУКР НАРА «НАЦАРХИВ». Ф.Р-1135.Оп.1. Д.1, Л.1.
8. Личный архив автора Малышева Е.М.
9. См. Бормотов И.В. В боях за Майкоп. Крах операции «Эдельвейс». Майкоп. ООО «Качество» 2010- 384 с.
10. Малышева Е.М. В борьбе за Победу. Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян Северного Кавказа в годы войны 1941-1945. / Монография. Майкоп, 1992. С. 169.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 43.Д. 1739.Л. 72.
12. ГАРФ. Ф. Р-7021.Оп. 148. Д. 1. Л.115.
13. Малышева Е.М. Россия и Германия: плюрализм памяти о Великой Победе // Военно-исторический журнал. - 2012. - № 7. - с. 34-38.
14. ГАРФ. Ф. Р-7021.Оп. 148. Д. 1. Л. 120.
15. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 67.Л. 204.
16. РГАСПИ.Ф.17. Оп. 43.Д. 965.Л. 48, 21.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

17. Wette W. Befreiung von der Wehrmacht. - Frankfurter Rundschau, 23.V. 1997; Forster J. Zur Rolle der Wehrmacht im Krieg gegen die Sowjetunion. Aus Politik und Zeitgeschichte, 1980, № 45, S. 6. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне "третьего рейха" против СССР. М., 1996, с. 118-119.

Malysheva E.M.

ON THE QUESTION OF NAZI CRIMES AND ACTIVITIES OF THE EINSATZGRUPPEN IN THE NORTH CAUCASUS: THE HOLOCAUST

MALYSHEVA Elena M. – doctor of historical Sciences, Professor, Adygeya state University Professor of the Department of national history, historiography, theory and methodology of history 385000 Maykop, Pervomayskaya str., 208,
e-mail: emalysheva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the crimes of the Einsatzgruppe, called the "death squads" in the North Caucasus. After the failure of the plans for total collaboration, having met resistance, the occupation authorities began to carry out punitive operations here, destroying categories of civilians, primarily Jews - the Holocaust, prisoners of war, partisans, political commissars and all suspects. Documentary evidence and recollections of the facts of the villages of Adygea burnt along with hundreds of civilians, the shooting of residents of the villages of the villages of Mikhizeyev Polyana, Sakhrai, Farsovsky, named "Kuban Khatyn" were preserved. The liquidation of evidence of Nazi crimes, including the activities of the Einsatzgruppe, which became the urgent task of the German Reich by the end of the war, did not save the Nuremberg Tribunal from conviction, which recognized their actions as a crime against humanity..

Keywords: Einsatzgruppe, Wehrmacht, occupation, killings, Holocaust, Germany, USSR, war on extermination, crimes against humanity, prisoners of war, camp, Nuremberg tribunal, North Caucasus, Adygea.

УДК 94(47)(093)

Мартыненко В.Ю.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ! (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ШАХТЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

МАРТЫНЕНКО Виктория Юрьевна — к.и.н., заместитель директора по основной деятельности, Государственное казенное учреждение Ростовской области «Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области», кандидат исторических наук, 346510, Россия, город Шахты, Ростовская область, ул. Жукова, 5а.
e-mail: martinenkovu@yandex.ru

Аннотация. В статье аннотируется историческая память о Великой Отечественной войне как важнейшей составляющей самосознания, культурной традиции и героического наследия наших граждан на примере небольшого города

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

на карте Родины. Шахтинцы – горняки, инженерно-технические работники, рабочие и работницы других профессий, как и весь советский народ, жили единой мыслью с доблестными воинами Красной Армии – быстрее разбить коварного врага. Каждый труженик напрягал все силы, чтобы повысить производительность труда, больше сделать для любимой Родины, для укрепления ее обороноспособности. Очень точно сформулировал позицию жителей города горняк Богатов: «Сейчас идет отечественная война, и мы всемерно должны помогать нашей Красной Армии с тем, чтобы быстрее раздавить фашистскую гадину. На трудовом фронте мы должны быть такими же дисциплинированными, как и бойцы, сражающиеся сейчас на границе нашей Родины». С большим вниманием был заслушан шахтинцами переданный по радио Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве. Каждый патриот нашей Родины, читающий в газете или слушающий Указ по радио, говорил себе: «Это документ первостепенной исторической важности. Он поможет поднять производство боеприпасов и вооружения, танков и самолетов на новую, более высокую ступень, укрепит мощь социалистического государства, борющегося с гитлеровской Германией». Немеркнувшей славой покрыли себя пенсионеры, женщины, молодежь, школьники, наравне со взрослыми заменившие ушедших на фронт, – все жители города Шахты, которые четко и самоотверженно работали каждый на своем посту и этим приближающие победу. Об этом и многом другом лаконично, ярко, убедительно рассказывает статья, основанная на архивных материалах, статьях из газет и воспоминаниях живых свидетелей событий того героического времени.

Ключевые слова: Историческая память, Великая Отечественная война, фашисты, освобождение, трудовой подвиг, патриотический дух, перевыполнение плана, разрушения.

75 лет прошло с памятного дня 9 Мая, когда была одержана Великая Победа над Гитлеровской Германией. Победа в героической, нечеловеческой схватке не за ресурсы, не за господство одной нации над другой (хотя это подразумевалось), а за жизнь настоящего и будущего поколений, которая когда-то, в июне 1941 года, висела практически на волоске.

К нападению и уж, тем более, к войне, стирана не была готова.

В последние предвоенные месяцы 1941 года коллективы угледобывающих предприятий Восточного Донбасса в напряженном труде соревновались за досрочное выполнение полугодового плана. 5 июня в 8 часов вечера коллектив комбината «Ростовуголь» рапортовал о выполнении плана на 100,1%. 12 июня полугодовой план угледобычи выполнили коллективы шахт «Пролетарская диктатура», им. Фрунзе, им. Октябрьской революции, им. Артема, им. Красина, им. Воровского, «Комсомольская правда», «20 лет РККА» [1, 2]. Но мирная жизнь трудящихся была прервана вероломным нападением фашистской Германии.

С первых дней войны встала задача организовать людей на борьбу с врагом, перестроить городское хозяйство на военный лад, провести массовую мобилизацию людских и материальных ресурсов, направив их на помощь фронту.

Жители мужественно встретили весть о начале войны, проявили горячее стремление защищать любимую Родину, отдать все свои силы, а если понадобится, то и жизнь для разгрома врага, для победы.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Об этом говорили на состоявшихся в первый день войны митингах и собраниях, прошедших на городской площади имени Ленина, предприятиях, учреждениях и учебных заведениях [3, 4, 5].

Выступая на митинге горняков шахты им. Октябрьской революции, машинист врубовой установки Костровский заявил: «Фашистская дрянь напала на Советскую землю. Мы не сомневаемся, что наша доблестная Красная Армия сделает для нее могилой нашу территорию. Пусть знают наши доблестные воины, что шахтеры всегда поддерживали и теперь поддержат их своим упорным трудом. Мы будем не только выполнять, но и значительно перевыполнять план добычи угля» [6, с. 1].

Высокий патриотический дух шахтинцев выразило состоявшееся 23 июня в драмтеатре собрание городского партийного актива, на котором присутствовало около 700 человек [6, с. 2].

В течение нескольких дней ушли на фронт более двух тысяч человек. По их примеру сотни и тысячи шахтинцев разного возраста и разных профессий, мужчины и женщины после объявления мобилизации в Красную Армию направились в Шахтинский горвоенкомат с просьбой отправить их на фронт добровольцами [7].

«Прошу принять меня добровольцем в РККА. Я сам шофер и танкист», - Серафим Шатин. «Прошу принять меня добровольцем в ряды РККА в качестве дружинницы-санитарки», - И. Суровцева, городская центральная библиотека. «Прошу зачислить меня добровольцем в ряды РККА, так как я желаю до последней капли крови бороться с обнаглевшим врагом за торжество коммунизма», - член ВЛКСМ В. Медведев [8].

25 июня шахтинцы собрались на митинг, посвященный отправке на фронт добровольцев и мобилизованных. Это был особый митинг единства фронта и тыла, митинг единства воли советских людей. Уходя на фронт, обращаясь к своим землякам, горняки говорили: «Крепите тыл! Больше угля для наших фабрик и заводов. Помните, что от этого зависят наши успехи на фронте» [9].

И наказ этот был услышан: в лавах и забоях шахт отмечался подъем трудового энтузиазма. Четко и самоотверженно работал каждый на своем посту и этим ковал победу. Цифры сверхплановых тонн угля стали расти с небывалой быстротой. Горняки успешно совмещали профессии, внедряли в производство скоростные методы выемки угля. Теперь они стремились к тому, чтобы с меньшим числом рабочих давать больше показателей угледобычи. Машинист врубовой установки шахты им. Артема Т. Любичев один работал за троих. Совмещая работу слесаря, сам ремонтировал свою врубовку и на 200-250% выполнял норму врубмашинист Зиновьев. Машинисты электровозов на шахте им. «10 лет за индустриализацию» значительно уплотнили свой рабочий день, что позволило им вдвое увеличить норму угледобычи. Высокую производительность труда показали и горняки шахты им. Октябрьской революции, уже в первые дни войны выполнявшие нормы выработки в пределах 170-270% [10].

В тяжелых условиях начала войны в 1941 г. трудящиеся города, как и весь народ, проявили выдержку, мужественно переносили горечь вынужденного отступления советских войск.

Старейшие горняки шахты им. Октябрьской революции обратились ко всем пенсионерам города с призывом помочь шахтам: «Мы зовем вас помочь Красной Армии, зовем вас на шахты, которым в эти дни нужны ваши умелые

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

руки, ваш многолетний шахтерский опыт». Призыв был подхвачен. Заменяя сражавшихся на фронте, встали на боевую вахту тысячи старых шахтеров.

«Прошу принять меня на работу. Желаю своим посильным трудом помогать героической Красной Армии громить озверелые банды гитлеровцев...» - писали старые шахтеры в своих заявлениях [11].

На шахту им. Красина пришли 60-летний крепильщик Антропов, 68-летний путевой мастер Федоренко, на шахту «20 лет РККА» вернулись старейшие шахтеры Сотников, Уланов и многие другие, а страна требовала все больше и больше угля. Шахтеры совмещали профессии, заменяя ушедших на фронт мужей, братьев, внедряли скоростные методы выемки угля. «В труде, как в бою!» – с такой мыслью спускались они в шахты и доводили выработку до 170-270 %. Горняки шахты им. Октябрьской революции писали в газете «Красный шахтер»: «Мы, горняки шахты, носящей великое и гордое имя Октябрьской революции, все свои силы, всю энергию обратим на дело дальнейшего повышения производительности труда, установление железной дисциплины. Дадим Отечеству столько угля, сколько его потребуется» [12].

И слово свое держали крепко. Машинист врубовой установки четвертого участка этой шахты Милютин при норме 51,6 метра подрубал до 123 метров, машинист врубовой установки Костровский при той же норме достигал подрубки в 126 метров. Выгрузчик лавы Копенко при норме 10,2 тонны давал 18 тонн [13, 14].

«Война ж совсем не фейерверк, а просто – трудная работа», – писал поэт-фронтовик М. Кульчицкий. И эту нечеловечески трудную ратную работу выполняли не только мужчины, труженики и защитники Родины испокон веков, но и женщины, девушки, вчерашние школьницы.

Далеко от передовой тысячи женщин трудились в тылу: выращивали хлеб, собирали оружие, шили одежду.

Достойными своих фронтовиков-мужей, братьев и детей были и женщины города Шахты. Домохозяйки начали работать на производстве, чтобы заменить уходящих на фронт. Призывно и волнующе на митинге трудящихся шахты «Ново-Азовская» звучал голос т. Беликовой. «Мы, домохозяйки, – сказала она, – в ответ на наглое нападение фашистов, выйдем на работу, чтобы помочь шахтам перевыполнить план добычи угля». «Женщины! Пополним ряды шахтеров, самоотверженным трудом окажем помощь нашим отцам, мужьям и братьям с оружием в руках защищающим родину!» - выступили жены горняков шахты им. 20 лет РККА [15, 16, 17, 18].

Эти призывы нашли горячую поддержку. На следующий день 48 домохозяек пришли на работу в шахту.

На многих угольных предприятиях города в середине июля для женщин были организованы курсы по изучению горняцких профессий: электрослесарей, машинистов лебедок, откатчиков. На шахте им. Октябрьской революции в эти дни работали 43 женщины, на шахте им. газеты «Комсомольская правда»-50 [19].

Сотни жен и сестер шахтеров работали уборщиками породы, крепильщиками, мастерами по перестилке путей. Плитовые шахты им. газеты «Комсомольская правда» Недодаева и Ряжанцева в короткий срок овладели специальностью мастера по перестилке электровозных путей и ежесменно перевыполняли задание в 1,5 раза. Женская бригада бутчиков шахты им. Красина в составе К. Д. Шилкиной, М. Н. Чумаковой, Н. М. Ткачевой, Ф. Д. Фроловой и Е.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Н. Костенко каждый день выполняли нормы на 120-130%. Таких примеров было немало [20, 21, 22].

В начале июля 1941 года сотрудницы городской детской библиотеки обратились к шахтинцам через газету «Красный шахтер» с призывом заменить на трудовом посту товарищей, ушедших на фронт из колхозов и совхозов ныне Октябрьского (сельского) района. «Хлеб – тоже оружие Родины, как винтовки и снаряды», – писали патриотки. Все лето они убирали хлеб на полях. Вместе с ними дружно трудились на уборке урожая школьники, учащиеся горного техникума и фельдшерско-акушерской школы. Более 500 юношей и девушек отправились в села и станицы Ростовской области, чтобы помочь колхозникам. Всего в эти дни на колхозных и совхозных полях работало 16 тысяч шахтинцев [23, 24].

Школьники создавали тимуровские команды, собирали металлолом. Пионеры школы № 2 уже 2 июля сдали государству восемь тонн металлического лома [25, 26, 27].

Нависшая над страной смертельная опасность высоко подняла политическую активность трудящихся города. Люди были готовы работать днем и ночью, лишь бы больше дать стране угля, помочь фронту.

О мужественном подвиге поездного вагонного мастера Каменоломненского резерва Петра Евтухова рассказывалось в сообщении Советского Информбюро от 21 июля 1941 года. П. Евтухов сопровождал срочный военный груз. На ходу поезда он заметил, что начали нагреваться буксы. Для устранения нагрева требовалась остановка поезда, что нарушило бы график движения на всем участке, задержало бы доставку важного груза. Мастер Евтухов не допустил этого. Ремнем и проволокой он привязал себя к борту платформы и с риском для жизни устранил сильное нагревание буксы. И затем все в том же положении на всем пути до места назначения следил за неисправной буксой, делал усиленную смазку [28, 29].

И примеры такого героизма не были единичными. Они становились обыденным явлением, стали нормой жизни шахтинцев.

Летом 1941 года гитлеровские войска, используя временное превосходство, захватили значительную часть Прибалтики, Белоруссии, угрожали Ленинграду, хозяйничали в Правобережной Украине, приближались к Донбассу и другим жизненно важным промышленным центрам Советского Союза. Возникла угроза оккупации Донского края.

В сентябре 1941 года состоялся общегородской антифашистский митинг. На нем была принята резолюция: «Мы, женщины, собравшись на митинг, обращаемся ко всем женщинам нашего шахтерского города с призывом еще упорнее укреплять оборону Родины, смелее овладевать мужскими профессиями, заменять на производстве мужчин, ушедших в действующую армию, воспитывать наших детей в духе непримиримой ненависти к фашизму, любви к своей Родине, помогать всем, чем можно, нашей Советской Армии, пополнять ряды сандружинниц, изучать правила противовоздушной и противохимической обороны, готовить и собирать теплую одежду, белье и обувь для отважных защитников Родины» [30].

Близость фронта налагала на население особые обязанности и заботы. Еще в первые месяцы войны горсовет совместно с райсоветами решили вопрос о местной противовоздушной обороне.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Были разработаны мероприятия по превращению каждой шахты в предприятия, каждого дома и всего города в целом в неприступную крепость.

Началась эвакуация вглубь страны крупных промышленных предприятий Ростовской области. В первых числах октября 1941 года враг оказался на Миусе, под Ростовом.

В новых условиях непосредственной военной угрозы городской комитет партии и комитет обороны г. Шахты в декабре 1941 г. приняли постановление о сооружении оборонительных укреплений вокруг города. Жители города срочно приступили к созданию препятствий, затрудняющих продвижение врага и облегчающих задачу максимального уничтожения живой силы и боевой техники противника. Учитывая, что враг имел преимущество в танках, строились, прежде всего, противотанковые рвы и огневые точки. В городе было возведено более 60 баррикад.

На строительство противотанковых рвов, дзотов, баррикад выходили все: женщины, учащиеся старших классов – все, кто мог держать в руках лопату, носить тяжести.

Подлинное восхищение заслужили женщины города, которые составляли 95% всей трудовой силы, занятой на строительстве оборонных укреплений.

К весне 1942 года заканчивалось строительство дзотов. К местам назначения были доставлены переносные препятствия и кольца для их крепления. Заканчивалась полная маскировка огневых точек и рытье эскарпов и контрэскарпов, начатых в 1941 году.

Городской партийный комитет возглавил в городе создание истребительных батальонов по борьбе с парашютистами и диверсантами, отрядов народного ополчения. Сотни людей добровольно вступили в ряды ополченцев. В партком шахты «Пролетарская диктатура» пришла 59-летняя Варвара Федоровна Мисник – мать шести бойцов Красной Армии. Эта мужественная женщина заявила, что возраст ей не мешает драться с фашистами, и попросила зачислить ее в отряд народного ополчения. Просьба Варвары Федоровны была удовлетворена. В этот день в партком шахты поступило 300 заявлений горняков с просьбой направить их на фронт [31, 32].

Такая же картина наблюдалась и на других предприятиях и шахтах. Навалоотбойщик шахты им. «20 лет РККА» Бубнов писал в своем заявлении: «Мы не допустим, чтобы кровавые лапы фашистских стервятников топтали советскую землю. Считаю своим долгом вступить в ряды народного ополчения, клянусь, что буду стойко защищать нашу славную Родину» [33].

Народные ополченцы в свободное от работы время проходили военное обучение: учились владеть винтовкой, пулеметом, бросать гранаты, вести борьбу с танками, осваивали основы тактики современного боя. На курсах, созданных городским комитетом Осоавиахима, готовили шоферов, мотоциклистов, телефонистов, радистов, медсестер, сандружинниц [34, 35].

Шахтинцы, как и все советские люди, все отдавали фронту: передали из своих трудовых сбережений на постройку боевой техники 2,5 миллиона рублей и облигаций государственных займов на сумму 2,3 миллиона рублей, несколько килограммов драгоценных изделий из золота, серебра и платины, на постройку танковой колонны «Ростовский шахтер» было собрано 1,2 миллиона рублей. Молодежь города внесла 50 тысяч рублей на постройку эскадрильи. Активно проходил сбор теплых вещей для бойцов Красной Армии [36].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Глубокой осенью и зимой 1941 года Красная Армия, опираясь на прочную поддержку тыла, остановила и разбила врага под Москвой, под Ростовом и Тихвином. Коммунисты Ростовской области и города Шахты, воодушевленные первыми победами Красной Армии, писали в июне 1942 года ЦК ВКП (б): «Мы ясно отдаем себе отчет в том, что враг еще не разбит, что кровавые руки фашистских варваров тянутся к богатствам нашей великой страны, к донецкому уголю. Но Донбасс жив и будет жить!» [9, с. 3, 37]

В начале 1942 года на собрании хозяйственного актива комбината «Ростовуголь» было единодушно принято решение в честь годовщины Красной Армии добыть 23 февраля сверх плана эшелон угля и отправить его в подарок трудящимся Москвы. Слово свое шахтинцы сдержали. В день 24-й годовщины Красной Армии на-гора дополнительно к заданию было выдано две тысячи тонн антрацита. В этот день на трудовой вахте особенно отличился коллектив шахты им. газеты «Комсомольская правда», в четыре раза перевыполнивший суточный план добычи топлива [38].

Отправка сверхпланового эшелона прошла в торжественной обстановке. На вагонах были наклеены лозунги и листовки: «Горячий шахтерский привет героическим рабочим Москвы!», «Жив Донбасс! Живы донские шахтеры! Уголь есть и будет!», «Здравствуй, Москва! Принимай, родная столица, шахтерский подарок!» [39].

Весной 1942 года шахтеры комбината «Кузбассуголь» обратились ко всем горнякам страны с призывом начать соревнование под девизом: «Каждый день – сверхплановый уголь». Коллективы предприятий треста «Шахтантрацит» откликнулись на этот призыв. Между шахтами, бригадами, участками были заключены договора. Решено было организовать стахановские пятидневки. Люди уходили домой только для того, чтобы немного отдохнуть, поспать. Навалоотбойщик шахты «Комсомольская правда» Минаков вырабатывал по три нормы в смену, а слесарь железнодорожной станции тов. Король выполнил сменную норму на 682 процента. Уголь как никогда нужен был предприятиям, кующим грозное оружие для фронта. Энтузиазм проявляли и энергетики города. Так, например, тов. Пузанов и Хорунжий так организовали работу котельного и электроцехов, что перебоев в работе не было [40, 41].

В это суровое время горняки проявили невиданный трудовой героизм. Однажды на шахте им. газеты «Комсомольская правда» решили провести ремонтные работы. Для этого необходимо было приостановить на время добычу угля. Министерство угольной промышленности разрешило прекратить добычные работы только на сутки, но рабочие отремонтировали оборудование в течение восьми часов, не прекращая угледобычи [42].

«Наша страна, - вся наша страна, - организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков» - говорил в своем выступлении И.В. Сталин. Воодушевленные сталинским словом, шахтинцы решили: «Больше угля – значит больше снарядов выпустим мы по фашистским гадам». Горячо приветствовали жители закон о трудовой мобилизации городского населения, «который воодушевляет и призывает к организованному труду, к еще большему натиску на немецких захватчиков, вторгнувшихся в пределы нашей земли» [43].

Своей самоотверженностью на трудовом фронте горняки помогали воинам-землякам. Фронтвики поддерживали постоянную переписку с

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

коллективами родных шахт и радовались их успехам. Трудовое и ратное единство шахтинцев крепло под вдохновляющим девизом: «Пусть крепнет боевое содружество фронта и тыла, оно - основа нашей силы». В письме, направленном на имя начальника комбината «Ростовуголь», шахтинцы лейтенанты П. Коляда, В. Сологубов и В. Шилякин, бойцы С. Глушак, И. Никулин и другие писали:

«Сегодня у нас большая радость: получили письмо от шахтеров. Выбрав несколько свободных минут, под свист пуль и разрывы снарядов читали ваше письмо... Мы узнали радостные вести о работе шахт и еще стремительнее и мужественнее будем бить поганых фрицев. Надеемся, дорогие товарищи, что вы будете еще выше поднимать производительность труда и тем самым еще больше поможете фронту» [44].

4 июня 1942 года в городе состоялось вручение наград лучшим шахтерам за перевыполнение планов добычи угля и норм выработки. В числе награжденных были навалотбойщики Г. Н. Земилов, Н. А. Андропов, машинист врубовой установки Г. С. Злобин, заведующий шахтой им. «Комсомольская правда» Б. Ф. Братченко – в последующем министр угольной промышленности [45].

Перед выдачей наград с кратким вступительным словом выступил заместитель Наркома угольной промышленности СССР тов. Поченков. Отметив замечательную работу лучших шахтеров треста «Шахтантрацит», награжденных за стахановскую работу в дни войны, за оказанную помощь фронту, тов. Поченков остановился на ряде главных задач угольщиков в решающие дни Отечественной войны и разъяснил условия социалистического соревнования угольных шахт и трестов. «Очень возможно, - заявил тов. Поченков, - что многие угольщики Донбасса, показавшие образцы самоотверженного в этом соревновании, будут не только награждены наркомовскими премиями, но и представлены к высшим правительственным наградам» [46].

В период с октября 1941 года по февраль 1943 года комбинат «Ростовуголь» прекращал свою деятельность на территории г. Шахты в связи с эвакуацией части сотрудников в г. Черногорск Красноярского края (Хакасия), остальные были направлены в г. Ташкент.

Оккупанты рассчитывали быстро восстановить угольную промышленность в городах и поселках. Но их расчеты провалились. Фашисты насильно сгоняли на работу оставшихся в городах и поселках шахтеров, угрожая им смертью. Но шахтеры Дона делали все, чтобы сорвать планы фашистов.

За семь месяцев оккупации фашистским властям удалось пустить в эксплуатацию только несколько мелких шахт, которые давали всего лишь около 200 тонн ежесуточной добычи угля. Но даже из того мизерного количества им доставалось не все. Добытый уголь горел, поезда с ним шли под откос.

Страшную картину представляли города и поселки после освобождения. Были приведены в негодность подъемные сооружения на шахтах, разрушены железнодорожные станции и путевое хозяйство. Сумма разрушений и повреждений шахт комбината «Ростовуголь» только по г. Шахты составила 97337,3 млн. руб. Сумма разрушений предприятий других отраслей промышленности – 68655,1 млн. руб [47, 48].

Из общей протяженности в 350 километров горных выработок было завалено и затоплено 220. Шахтные подъездные пути были полностью разрушены на протяжении 200 километров. Но фронту и стране нужен был уголь, много угля.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

И горняки шахты «Красненькая» с приходом Красной Армии первыми взялись за восстановление разрушенной шахты. Не зная усталости, работали люди днем и ночью, в лютые морозы и сильную метель. Это было огромное напряжение, вобравшее в себя тепло весны и волнение творчества. Вчерашние рекорды перекрывались сегодня. Шахта была восстановлена досрочно. Уголь пошел на-гора. Это было торжество победы [49]. Капиталовложения в восстановление угольной промышленности г. Шахты составили 103056,7 млн. руб. [50].

Среди первых включились в социалистическое соревнование за быстрейшее восстановление своего предприятия горняки шахты им. Октябрьской революции. Активное участие в них приняли и женщины-домохозяйки.

На действующих шахтах комбината «Ростовуголь» по плану должно было работать 35 тысяч человек. Фактически же трудилось около 18 тысяч. Но добыча росла с каждым днем [51].

В феврале 1943 г. возобновил свою деятельность комбинат «Ростовуголь». Первый эшелон угля дала восстановленная шахта им. Петровского треста «Шахтантрацит». Горняки комбината «Ростовуголь» отправили в подарок трудящимся Москвы 43 вагона угля, добытого сверх плана.

20 мая 1943 г. комбинату «Ростовуголь» присуждено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны со словами: «Пусть кипит созидательная работа на возрожденных угольных шахтах!» [52].

Приказом Народного комиссариата угольной промышленности от 17 декабря 1943 года группа наиболее отличившихся на восстановлении шахт трудящихся и достигших высоких показателей в работе была награждена значком «Отличник соцсоревнования Наркомугля СССР».

К концу 1945 года комбинат «Ростовуголь» превысил довоенную суточную добычу угля на 4,6 процента.

Список литературы

1. Работа трестов «Шахтантрацит» и «Несветайантрацит» на 5 июня.. 1941.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 7 июня. № 132 (5330). С.1.
2. Передовики соревнования./ ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 13 июня. №137 (5535). С.1.
3. Третьяков Н. Митинг трудящихся г.Шахты.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 24 июня. № 147 (5545). С.1.
4. Третьяков Н. Все, как один, встанем на защиту Родины.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 24 июня. № 147 (5545). С.1.
5. Третьяков Н. Готовы сражаться и победить врага.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 24 июня. № 147 (5545). С.1.
6. Собрание городского партийного актива.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 25 июня. № 148 (5546). С.1-2.
7. Евгеньев Б. Шахтеры идут на фронт.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 26 июня. № 149 (5547). С.2.
8. За Родину, за Сталина!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 24 июня. № 147 (5545). С.2.
9. Левада А. За родной Донбасс!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1942. 30 января. № 42 (5734). С.3.
10. Решетняк Н. Славная победа артемовцев.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 29 июня. № 152 (5550). С.1.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

11. Шевченко Т. 70 старейших горняков возвратились на шахту.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1942. 20 февраля. № 60 (5752). С.3.
12. Петров А. В шахту, в забой! // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1942. 20 февраля. № 60 (5752). С.3.
13. Героический труд.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 26 июня. № 148 (5546). С.3.
14. Волков К. Слово шахтера – крепкое слово.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1942. 18 марта. № 64 (5774). С.3.
15. Борисов И. Патриотизм шахтеров. //ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 8 июля. № 159 (5557). С.3.
16. Заменяем мужчин, ушедших на фронт!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1942. 23 мая. № 119 (5829). С.3.
17. Лошак М. Женщины – на шахты!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1942. 20 февраля. № 42 (5742). С.1.
18. Половых И. Женщины! Пополним ряды шахтеров!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1942. 18 февраля. № 40 (5750). С.3.
19. Женщины! Изучайте производство! Плакат. Худ. О.Эйгес. Репродукция с плаката изд-ва «Искусство». // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 26 июля. № 175 (5573). С.3.
20. Заменяем мужчин, ушедших на фронт!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 27 июля. № 176 (5574). С.3.
21. Патриотки идут на производство.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 25 июня. № 148 (5546). С.3.
22. Решетняк Н. Женщины! Идите работать на шахту!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 25 июня. № 148 (5546). С.3.
23. Женщины! На производство! // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 1 июля. № 150 (5551). С.3.
24. Женщины! На производство! // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 3 июля. № 152 (5553). С.3.
25. Поможем совхозам убрать обильный урожай.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 6 июля. № 158 (5559). С.2.
26. Левицкий А. Наш вклад в фонд обороны.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 11 сентября. № 215 (5613). С.4.
27. Данилова Л. Заменяем товарищей, ушедших на фронт!// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 6 июля. № 158 (5556). С.2.
28. Зорин Н. Большевицские дела железнодорожников.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 23 июля. № 172 (5570). С.3.
29. Зорин Н. Передовые железнодорожники занесены в Книгу почета.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 7 августа. № 185 (5589). С.3.
30. У нас нет большего врага, чем Гитлер.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 14 сентября. № 218 (5616). С.2.
31. Все – в ряды народного ополчения! Письмо-обращение.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 12 сентября. № 216 (5614). С.3.
32. Народное ополчение – великая и грозная сила.// ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 16 июля. № 166 (5564). С.1.
33. Народные мстители. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер.1941. 7 сентября. № 212 (5610). С.1.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

34. Буримов Ф. Тысячи шахтеров идут в ряды народного ополчения, // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1941. 16 июля. № 41 (55564). С.3.
35. Белов А. В фонд обороны. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 7 февраля. № 33 (55743). С.3.
36. Лошак М. На танковую колонну имени комсомола. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 18 февраля. № 40 (5740). С.2.
37. Лучшие люди наших шахт. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 6 июля. № 131 (5841). С.1.
38. Ченковский А. Дадим в подарок родной Москве эшелон угля сверх плана! // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 20 февраля. № 42 (5752). С.3.
39. Обязательства инициаторов соревнования. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 23 мая. № 119 (5829). С.3.
40. Веселов Г. Ширятся ряды стахановцев угля. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 12 февраля. № 35 (5745). С.3.
41. В ответ на призыв шахтеров Кузбасса. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 3 июля. № 128 (5838). С.1.
42. Черников М. На 8 дней раньше срока. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 3 апреля. № 28 (5788). С.3.
43. Сталин И.В. «Наша страна...» // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 1 февраля. № 26 (5736). С.1.
44. Крамских В. Шахтеры отвечают фронтовикам. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 12 мая. № 109 (5819). С.3.
45. Наркомовские награды – передовым шахтерам. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 6 июня. № 131 (5841). С.3.
46. Обязательства награжденных. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1942. 7 июня. № 132 (5842). С.3.
47. ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в г.Шахты Ростовской области» (ЦХАД). Ф.Р-1044.Оп. 1. Д.69.Л.21,22.
48. ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в г.Шахты Ростовской области» (ЦХАД). Ф.Р-1044.Оп. 1. Д.69.Л.230.
49. Яровой В. Дадим больше угля – приблизим победу над врагом! // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1941. 26 июля. № 49 (5929). С.2.
50. ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в г.Шахты Ростовской области» (ЦХАД). Ф.Р-1044.Оп.Д.69.Л.229.
51. ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в г.Шахты Ростовской области» (ЦХАД). Ф.Р-1044.Оп.Д.69.Л.143.
52. Комбинату «Ростовуголь» присуждено переходящее Красное Знамя. // ЦХАД. СИФ. Красный шахтер. 1943. 20 мая. № 49. С.1.

Martynenko V.Yu.

EVERYTHING FOR THE FRONT, EVERYTHING FOR VICTORY! (FOR EXAMPLE, THE CITY OF SHAKHTY IN THE ROSTOV REGION)

MARTYNENKO Victoria Yu. — Assistant Director of basic activity in «Center for storage of archival documents in Shakty town of Rostov region», candidate of history, 346510, Russia t. Shakty, Rostov region, 5-a , Zhukova street.
e-mail: martinenkovu@yandex.ru

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Abstract. The article annotates with the historic memories of the Great Patriotic war as an important component of human's self consciousness cultural tradition and heroic of our citizens as our town example on the map of Motherland. The Shahktines – the mires, engineers, works of all kinds of job lived with the only though – to break the insidious enemy with a help of our valiant soldiers. Every toiler stains his might to increase labour productivity, to do more for Motherland, for strengthening its defencive capacity. Bogatov, the miner formulated our town citizens' position too clearly « The Patriotic war is going on and we must help our Red Army to crush the fascist «loathsome creature». We have to be as disciplined ones and soldiers fighting on the frontier of Motherland. Town citizens listened to the Supreme Soviet's edict to able – bodied to work at production and building objectives. Every patriot of the Motherland having read or listened to the edict thought «That document is of a paramount importance. It will help to rise the production of ammunition armament, tanks aircraft to the higher level, to streng then our socialist state might against fascists Germany.». The pensioners, women, youth, pupils have been covered with an unfading glory as well as adults having gone to the front and all the citizens of the town of Shahkty working at their places and coming up to the victory. This article tells us very vividly, with conviction about memories of alive witnesses connected with the events that heroic time. It is based on Archives stuff.

Keywords: Historical memory, the Great Patriotic war, occupation, fascists, liberation, Patriotic spirit, over-fulfillment of the plan, destructions.

УДК 94(47+57)11917/19911

Меркурьева В.С.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СТАЛИНГРАДЕ (В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)*

МУРКУРЬЕВА Вера Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400006, Россия, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
e-mail: merkuvera@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы складывания системы социальной защиты различных категорий населения в годы Великой Отечественной войны. Формирование концепции социальной защиты населения в Сталинграде в рассматриваемый период имела некоторые важные особенности. Автор рассматривает основные составляющие программы социального обеспечения, уделяя особое внимание мероприятиям социальной политики, реализуемым во время восстановительного периода на завершающем этапе войны. В статье представлены меры, направленные на всестороннюю поддержку семей фронтовиков – механизм начисления и выплаты пособий, трудоустройство

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-340004 «Досуг детей и молодежи в 1945-1962 гг.: на материалах Сталинградской (Волгоградской) области»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

женщин и решение жилищных вопросов, связанных с ремонтом и восстановлением существующего аварийного жилья – проблема, особо обострившаяся в Сталинграде после завершения Сталинградской битвы. Автор также уделяет внимание вопросам, связанным с восстановлением работы учреждений системы образования и здравоохранения. Начало систематической работы по ремонту и открытию школ, детских садов и яслей, поликлиник и больниц в Сталинграде также относится к восстановительному периоду, 1943 – 1945 гг. и свидетельствует о том, что руководство страны и региона уделяло значительное внимание решению важнейших социальных проблем населения в условиях ограниченных материальных и человеческих ресурсов. В статье также рассмотрены некоторые мероприятия, посвященные устройству детей, потерявших родителей в годы войны: повышение эффективности работы детских приемников-распределителей и детских комнат милиции, на которые была возложена задача выявления сирот; расширение сети государственных попечительских учреждений (детских домов различных типов), с целью размещения всех нуждающихся детей; организация работы по передаче детей-сирот на воспитание в приемные семьи (на условиях патронирования, опеки или попечительства).

Ключевые слова: социальная политика, сироты, детский дом, закон, помощь, школа, Сталинградская битва, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для народа. Миллионы мужчин отправились на фронт, чтобы защитить Родину. Женщины, подростки и старики вышли на работу – обеспечивали фронт и тыл всем необходимым. Дети оказались также затронуты войной – теряли родителей и дом, получали ранения и травмы, раньше взрослели. Тем не менее, в трудное военное время государство уделяло внимание важным социальным вопросам, понимая, что это вклад в будущее.

В частности, в центре внимания государственных структур в обозначенный исторический период находились различные аспекты защиты материнства и детства. Среди них особое место занимают такие вопросы, как: эвакуация детей из фронтовых районов и районов, подвергшихся немецкой оккупации (особую важность приобретает спасение детей из Москвы и Ленинграда на начальном этапе войны, а также эвакуация мирного населения с территории, где проходила линия фронта), помещение детей-сирот на воспитание в семьи (передача их под опеку, патронирование или усыновление) или государственные попечительские учреждения (детские дома различных типов, число которых значительно возрастает в годы войны), борьба с появившейся в данный период детской безнадзорностью, беспризорностью и преступностью среди несовершеннолетних, помощь многодетным семьям и одиноким матерям. Правительство принимает законы, направленные на обеспечение социальной защиты наиболее нуждающихся категорий населения, а местные органы власти, со своей стороны, принимают нормативно-правовые акты в развитии постановлений правительства.

Значительная документальная база, включающая в себя опубликованные документы и материалы фондов Государственного архива Волгоградской области и Центра документации новейшей истории Волгоградской области, отражает процессы, связанные с осуществлением социальных мероприятий в Сталинграде в годы Великой Отечественной войны. Вопросы, связанные со становлением,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

реализацией и трансформацией концепции социального обеспечения населения Сталинградской области нашли отражение в трудах исследователей. В частности, механизмы восстановления разрушенной городской инфраструктуры и оказания помощи семьям фронтовиков в своих работах рассматривали Кузьмина Э.В., Орешкина Т.Н., Такташева Ф.А.

Процесс реализации социальных программ в Сталинграде в годы Великой Отечественной войны включает в себя несколько важных аспектов. Среди них следует отметить: оказание помощи семьям фронтовиков (назначение и выплата пособий, иные формы материальной помощи, трудоустройство женщин, помощь в восстановлении и ремонте жилья, снабжение топливом), обеспечение стабильной работы систем образования и здравоохранения в условиях военного времени, а также различные формы устройства детей, оставшихся без родителей (помещение ребенка в детский дом или приемную семью, материальная поддержка семей, взявших на воспитание ребенка на условиях опеки или патронирования).

Безусловно, в годы войны система социальной защиты населения в Сталинграде проходит в своем развитии несколько этапов. В период с осени 1941 по лето 1942 гг. Сталинградская область считалась тыловым регионом. В условиях стремительного наступления немцев на начальном этапе войны работа по эвакуации мирного населения из западных районов страны должна была проводиться в максимально сжатые сроки. По возможности, промышленные предприятия и детские учреждения эвакуировали как можно дальше на восток страны. Однако Сталинград также принимал детские дома, переведенные с территории Украины и Белоруссии, а также эвакуированных детей с других регионов РСФСР. Для организации эффективной работы по их размещению и снабжению всем необходимым в декабре 1941 г. появилось постановление Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета «Об усилении внимания и помощи эвакуированным детям». [3, Лл. 40-41] Так, в школах и детских садах Сталинграда было увеличено общее количество мест. Для больных и ослабленных детей были организованы медицинские осмотры и оказана квалифицированная медицинская помощь. Размещенных детей необходимо было обеспечить питанием. Для снабжения эвакуированных детей свежими овощами, фруктами и молочными продуктами по всей области (в крупных населенных пунктах) местные власти открывали столовые, при которых находились приусадебные хозяйства. [4, Л. 151] Население города и области поддержало инициативу комсомольцев о сборе теплых вещей, одежды, игрушек для детей. Также, комсомольцы организовывали дежурства в детских комнатах милиции, приемниках-распределителях и на детских площадках, выполняя воспитательную работу.

В условиях начала войны женщины активно вовлекаются в различные виды работ – им приходится заменять ушедших на фронт мужчин, вставать к станкам на заводах и фабриках, работать в государственных организациях и учреждениях. Кроме того, по мере приближения фронта к Сталинграду, женщины и подростки были мобилизованы на строительство противотанковых укреплений. Разумеется, в условиях войны женщина-мать не может уделять достаточно времени на воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Эта ситуация несла в себе опасность появления детской беспризорности и роста преступности среди несовершеннолетних (что и происходит в годы войны практически на всей

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

территории страны, Сталинградская область не является исключением). В связи с этим, правительство принимает ряд постановлений, направленных на защиту женщин: они не привлекаются к обязательным сверхурочным работам и не подлежат трудовой мобилизации при наличии у них грудных и новорожденных детей. С целью оказания конкретной материальной помощи семьям фронтовиков были приняты постановления, обеспечивающие выплату пособий. Органы социальной защиты на местах назначали их в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». [7, С.177-178] Пособия также назначались семьям убитых, умерших или пропавших без вести военнослужащих. В 1941 – 1942 гг. 14168 семей фронтовиков из Сталинграда получали государственное пособие. [1, Л. 61]

В период Сталинградской битвы (июль 1942 – февраль 1943 гг.) основной задачей властей стала скорейшая эвакуация мирного населения из города и районов области, подвергшихся немецкой оккупации в заволжские районы. Переправы были организованы в нескольких районах города. Эвакуации подлежали свыше 25 000 человек (порядка 70-80% из них составляли женщины и дети, 20-30% - старики; незначительным было число рабочих различных предприятий и организаций – их отъезд регулировался особыми нормативными документами). [2, Л. 1] Работа по эвакуации населения была организована и контролировалась специальными комиссиями, в состав которых входили представители райкома ВКП(б), исполкома райсовета, органов милиции и НКВД и общественных организаций.

Реализация основных программ социального обеспечения возобновилась в 1943 году, после окончания битвы. В это время в Сталинграде были взяты на учет 2000 семей военнослужащих. Органами социальной защиты населения был проведен ряд мероприятий по оказанию им помощи: устройство на работу на предприятия и в учреждения, оказание необходимой медицинской помощи, ремонт существующего или выделение нового жилья, оказание помощи в улучшении снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости. Мероприятия по оказанию помощи семьям фронтовиков продолжались на протяжении всего 1943 года. В частности, весной и летом, специальными инспекторами были проверены бытовые условия нуждающихся семей военнослужащих, многим из которых оказали конкретную помощь: трудоустройство, обеспечение жильем, строительными материалами, топливом. Работающие женщины, не имеющие родственников, обеспечивающих присмотр за маленькими детьми, смогли разместить детей в яслях круглосуточного пребывания. Кроме того, было существенно увеличено число мест в детских садах и детских домах. Восстанавливалась работа бесплатных столовых, обеспечивающих горячим питанием детей из нуждающихся семей. [1, Л. 38] На промышленных предприятиях и в государственных учреждениях города и области регулярно практиковалось отчисление однодневного заработка в фонд помощи семьям военнослужащих. На средства, выделяемые из этого фонда, в частности, удалось организовать дополнительное горячее питание для воспитанников детских садов и школьников. Основная задача по выполнению обозначенных выше направлений социальной работы легла на плечи сотрудников органов социального обеспечения, в данный период штат городского отдела гособеспечения удалось полностью укомплектовать сотрудниками. На все семьи

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

военнослужащих заполнялись специальные учетные карточки, учет проводился путем подворного обхода. Районы города были дополнительно разбиты на участки, за каждым из которых был закреплен инспектор. В случае необходимости помощь им оказывали представители общественности. Выплата пособий и пенсий производилась через почтовые отделения.

На заключительном этапе войны продолжала развиваться система социально-правовой помощи, направленной на поддержку материнства и детства. В этой связи следует отметить постановление правительства от 10 ноября 1944 г. «О расширении социально-правовой помощи». Необходимо было организовать работу правовых кабинетов, сотрудники которых должны были давать юридические консультации женщинам в рамках действующего законодательства, участвовать в суде при рассмотрении дел, затрагивающих интересы матери и ребенка. В развитие действующих ранее направлений социальной работе практиковалось также трудоустройство женщин и размещение детей в оздоровительных, медицинских или образовательных учреждениях. Особой заботой государства были окружены многодетные матери. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «мать-героиня» и учреждении ордена «материнская слава» и медали «медаль материнства»» содержались новые положения. Материальная помощь беременным женщинам и матерям на содержание и воспитание детей, оказывалась государством и на начальном этапе войны, однако после 1943 года ее объемы были существенно расширены. В частности, размер единовременного пособия, которое назначалось многодетным матерям, был повышен. Кроме того, с этого времени пособие многодетным стали назначать после рождения третьего ребенка (ранее многодетной считалась семья, имеющая семь и более детей). При расчете пособия для многодетных семей в расчет также брались дети, которые без вести пропали или погибли в годы Великой Отечественной войны. В качестве меры поддержки нуждающихся семей и одиноких матерей была снижена плата за содержание детей в детском саду и яслях. В том случае, когда по объективным причинам женщина не могла обеспечить содержание ребенка, эту обязанность брало на себя государство, выделив место в детском доме соответствующего типа. При этом мать ребенка имела право взять его обратно из детского учреждения в любое время.

Система государственных попечительских учреждений также претерпевает существенные изменения на заключительном этапе войны. После окончания Сталинградской битвы одной из первоочередных задач местных властей стало устройство детей, оставшихся без родителей. Силами сотрудников милиции, работников системы образования, комсомольцев и всех неравнодушных граждан осуществлялся поиск и изъятие с улиц детей, размещение их в детских комнатах милиции и приемниках-распределителях, с последующей отправкой в детские дома. В нашем городе, полностью разрушенном во время битвы, практически не осталось ни одного уцелевшего здания. В частности, были разрушены здания, находившиеся на территории области, оккупированной немцами, и приспособленные для размещения детских домов на начальном этапе войны. В период с января по июль 1943 г. по решению Сталинградского Облисполкома было организовано 19 детских домов и 9 приемников-распределителей, задачей

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

которых стало размещение всех нуждающихся детей, потерявших в это время родителей в самые короткие сроки. Так, предстояло разместить 10833 учтенных детей-сирот (5021 мальчика и 5842 девочки). Из них: 852 ребенка дошкольного возраста и 10011 – школьного. [5, Лл. 8-10]

Внимания требовали все дети школьного возраста, поэтому восстановление системы образования в Сталинграде началось уже весной 1943 г. Уцелевшие жители города приступали к уборке улиц и разбору завалов, учителя собирали детей в подвалах, землянках и в немногих сохранившихся помещениях начинали занятия. Важность данной работы заключалась в том, что начавшиеся школьные занятия позволяли немного отвлечь детей от тяжелых условий жизни военного времени, отчасти решить проблему детской беспризорности и безнадзорности. Учителям и воспитателям было очень трудно осуществлять свою работу, так как материально-бытовые условия были чрезвычайно тяжелыми. В «школьных классах» не было отопления и электричества, для проведения занятий не хватало самого необходимого – бумаги, канцелярских принадлежностей, учебных пособий. Многие дети не могли посещать занятия из-за отсутствия теплой одежды и обуви. Тем не менее, важнейшая работа по восстановлению системы образования была начата. В период летних каникул в 1943 году руководство города провело работу, направленную на подготовку школ к началу учебного года. Школьные здания, сохранившиеся с довоенного времени, которые можно было отремонтировать и приспособить к занятиям, были приведены в порядок. Большую помощь в проведении ремонтных работ школьным зданиям оказали предприятия и организации города, взявшие над ними шефство. Благодаря помощи коллектива таких предприятий, как Метизный завод, Мясокомбинат, Стаьлконструкция и Нефтебаза 1 сентября 1943 года дети пришли в отремонтированные школы. [3; Л.15]

Несмотря на то, что материально-бытовые условия учреждений системы образования улучшались крайне медленно, педагогические работники планировали наладить процесс обучения и воспитания. Перед началом учебного года по инициативе городского отдела народного образования было проведено совещание для учителей, на котором были подведены итоги учебного 1942-1943 года и поставлены задачи на 1943-1944 учебный год. Анализ проведенных подготовительных мероприятий показал, что во всех школах города не хватало учителей и учебных пособий (учебники были получены в рамках программы шефской помощи из других регионов, но их количество все еще было недостаточным). Тем не менее, к началу учебного года во всех школах были составлены планы учебно-воспитательной работы, запланированы различные мероприятия. Однако условия жизни в практически разрушенном городе постепенно вносили свои коррективы. Например, в школе №93 Ворошиловского района с наступлением холодов занятия практически прекратились. Продолжительность уроков была сокращена до 10-15 минут. За это время учитель, конечно, не успевал проверить выполнение домашних заданий и едва успевал дать следующее задание на дом. Отсутствие нормальных бытовых условий негативно отражалось на качестве проводимых учебных занятий. Школ, отремонтированных для проведения занятий, все еще было недостаточно, для детей (в 1943-1944 учебном году в Сталинграде работала 41 школа). Для того, чтобы разместить всех учащихся в отремонтированных (и хотя бы частично приспособленных для проведения занятий) помещениях, школам приходилось

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

организовывать занятия в три смены. В подобных условиях вести систематическую учебно-воспитательную работу было чрезвычайно сложно.

Механизмы осуществления социальной помощи различным категориям нуждающихся в нашем городе проходят несколько этапов развития в годы Великой Отечественной войны. Органами социальной защиты населения, работниками системы образования и здравоохранения была проделана значительная работа, направленная на выявление и решение различных социальных задач. В условиях военного времени эта работа приобрела особо важное значение.

Список литературы

1. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 2. Д. 37.
2. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 42.
3. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8.
4. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62.
5. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249.
6. Культурное строительство в Волгоградской области. 1941 – 1880 гг. Сборник документов и материалов. Т. 2. Волгоград, 1981.
7. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – 1944. М., 1945.

Merkurieva V.S.

SPECIFICS OF REALISATION OF SOCIAL WELFARE PROGRAMMES IN STALINGRAD (DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR)

MERKUREVA Vera S. – PhD in History, associate professor, Department of Domestic History and Historical and Local Lore Education, Volgograd State Social-Pedagogical University, 400066, Russia, Volgograd, pros. Lenina, 27.
e-mail: merkuvera@yandex.ru.

Abstract. The article describes the milestones of social protection system of various population groups' formation during The Great Patriotic War. Conceptualization of social protection system of population in Stalingrad had some important features during the period under review. The author considers the main components of social welfare programme with particular attention to social policy interventions implemented during the recuperation period in the final stages of the war. This article presents measures to provide full support for front-line soldiers' families – mechanism of computing and payment of allowances, women's employment and accommodation issues related to repair and rehabilitation of existing emergency housing – greatly deteriorated problem in Stalingrad after the Battle of Stalingrad's conclusion. The author is also focused on issues related to rehabilitation of education and health facilities. The beginning of systematic effort to repair and reopen schools, kindergartens and nurseries, clinics and hospitals in Stalingrad also applies to the recuperation period of 1943 – 1945 and demonstrates that the leadership of the country and the region had paid considerable attention to address critical social issues of population in view of the limited material and human resources. Some of the activities relating to care for children orphaned

during the war years: improve the efficiency of reception centres and juvenile halls that have been given the responsibility of identification of orphans; expansion of the network of publicly-funded care facilities (orphanages of different types) for the placement all the children in need; organization the work of transferring orphan children in foster families (in a way of foster care, guardianship and custody) are also considered in the article.

Keywords: social policy, orphans, orphanage, law, help, school, the Battle of Stalingrad, The Great Patriotic War.

УДК 94(47) «1941/1945» + 929

Михайлов А.А.

ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

МИХАЙЛОВ Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: dragun66@mail.ru

Аннотация. . В статье рассматривается использование в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны имен героев, примеров стойкости и отваги русской армии, полководческого искусства отдельных военачальников из истории Первой мировой войны, проанализирован круг тем, которые наиболее активно использовались в пропаганде (научно-популярных брошюрах, публицистике, художественной литературе и др.) с целью укрепления чувств патриотизма, боевого духа действующей армии и населения. В газетных и журнальных очерках о боевых действиях в годы Великой Отечественной войны популярным персонажем стал старый солдат, прошедший Первую мировую войну, который делится своим опытом с молодыми бойцами. Авторы подчеркивали идею преемственности между героями Первой мировой и Великой Отечественной войн. Полководческое искусство генерала Брусилова, героизм русских солдат и матросов были не единственными темами, связанными с Первой мировой войной, к которым обращались советские пропагандисты периода Великой Отечественной войны. Значительной популярностью пользовались также темы германского шпионажа и жестокости кайзеровских войск по отношению к мирному населению, пленным. При этом, в обоих случаях подчеркивалось, что в обеих мировых войнах германские военные проявляли жестокость, пренебрежение к законам и нормам воинской чести, коварство. Таким образом, события и герои Первой мировой войны буквально с первых дней Великой Отечественной войны заняли видное место в пропаганде, направленной на укрепление боевого духа, чувств патриотизма и гордости за прошлое страны и ее вооруженных сил. Историческая память играла видную роль в сплочении населения. И очень показательно, что в наши дни память о самой Великой Отечественной войне играет колоссальную роль в консолидации общества и обеспечивает его политическую стабильность.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Первая мировая война, патриотизм, Брусиловский прорыв, пропаганда.

Давно известно, что исторические образы представляют собой мощный ресурс для пропаганды идей патриотизма. Современный исследователь истории пропаганды В.В. Тихонов вполне справедливо отметил: «...в критические моменты, когда создается угроза существованию нации или социальной группы, происходит мобилизация исторической памяти» [1, с.152]. Эту истину хорошо осознавало правительство и военное руководство Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, когда над страной нависла поистине смертельная угроза. К делу пропаганды и агитации были привлечены многие видные историки того времени: Е.В. Тарле, С.В.Бахрушин, В.В. Мавродин, М.В. Нечкина и др., при создании агитационных и пропагандистских материалов использовался довольно широкий круг исторических тем, хотя предпочтение, естественно, отдавалось военным победам.

Тем не менее, тема «история и пропаганда в период войны», хотя и стала в последние два десятилетия пользоваться вниманием исследователей [1, 2, 3, 4], до сих пор освещена явно недостаточно, наряду с аспектами, которым посвящен ряд работ, остается много мало изученных проблем. Так, внимание исследователей неоднократно привлекало использование в целях пропаганды героев и образов Отечественной войны 1812 г. [2, 5, 6], есть работы об использовании в пропаганде образа князя Александра Невского [7]. Вместе с тем, гораздо скуднее освещено исследователями использование в пропаганде такого крупного исторического события, как Первая мировая война. Предлагаемая работа призвана восполнить этот пробел.

Необходимо отметить, что в советский период, в официальной идеологии к Первой мировой войне сложилось специфическое отношение. Разумеется, ее опыт изучался военными специалистами. Однако с политической точки зрения данная война оценивалась, как «империалистическая», «несправедливая», «не нужная народным массам» и проч. Соответственно, не шла речь о героях этой войны, большинство «царских» в научных и научно-популярных работах получало негативные, даже, уничижительные характеристики. Редким исключением являлся, пожалуй, только генерал от кавалерии А.А. Брусилов. Во-первых, он, действительно обладал незаурядным полководческим талантом, а во-вторых (и это, видимо, сыграло главную роль) поле революционного переворота 1917 г., избрал службу в Красной армии.

С началом новой масштабной войны, главным противником в которой вновь была Германия, интерес к Первой мировой войне среди советских публицистов, историков значительно возрос. Уже 24 июня 1941 г. в газете «Красная звезда» вышла статья «Уроки истории» известного драматурга Вс. Вишневского (1900-1951). Ее автор, перечисляя победы, одержанные русскими войсками над германскими в разные эпохи, упомянул Брусиловский прорыв 1916 г. [8].

Двумя днями позже, 26 июня 1941 г., «Красная звезда» напечатала статью военного историка, полковника Г.Т. Захарова (1901-1954), посвященную Брусиловскому прорыву специально [9]. Основное внимание автор уделил мужеству и стойкости участвовавших в этой операции русских солдат и унтер-офицеров. При этом, примеров отваги офицеров Захаров приводить не стал. Он

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

также счел необходимым несколько раз подчеркнуть плохое техническое оснащение царской армии. В заключительной части статьи Захаров отметил: «...русские солдаты рвались вперед и смело вступали в бой даже и в тех случаях, когда противник был намного сильнее [Там же].

В тот же день в «Правде» была напечатана рецензия Г.Т. Захарова на сборник документов о Брусиловском прорыве, выпущенный Военным издательством еще в 1940 г., которая содержала самые хвалебные оценки этой операции русских войск [10]. Завершалась рецензия призывом разгромить нового врага – «германских фашистов» [Там же].

29 июня 1941 г. «Красная звезда» опубликовала заметку военного инженера В. Яковлева о подвигах в Первую мировую войну русских саперов [11]. «Первая мировая империалистическая война, - утверждал автор, - богата эпизодами, ярко рисующими качество русского солдата, - его беззаветную храбрость, наступательный порыв, исключительную находчивость, чувство взаимной выручки, отвагу» [Там же].

В газетных статьях, посвященных Первой мировой войне, которые вышли в первые дни Великой Отечественной войны, нашли отражение подходы, характерные для большинства публикаций, лекций, различных агитационных материалов более позднего времени.

Во-первых, авторы, подчеркивая стойкость рядовых солдат и унтер-офицеров, но крайне редко упоминали их командиров. Восхвалять царских офицеров советские пропагандисты все же не стремились. Выдающимся полководцем считался только А.А. Брусиллов.

Вторая особенность заключалась в том, что русской армии, сражавшейся в Первую мировую войну, приписывалась военно-техническая отсталость [12]. Данный подход создавал базу для традиционной критики царского правительства и для высоких оценок достижений советской власти. Некоторые авторы резко противопоставляли героизм солдат апатичности, непрофессионализму высшего командования, царя и царского окружения, а иногда, даже, обвиняли последнее в предательстве [13].

В-третьих, круг сюжетов, исторических эпизодов, персонажей, к которым обращались авторы, был невелик и довольно жестко очерчен.

Тем не менее, положительная (хотя бы фрагментарно) оценка действий царской армии в «империалистическую» войну явилась новшеством для официальной идеологии.

Среди сюжетов, связанных с Первой мировой войной, у советских пропагандистов и авторов научно-популярных работ явным приоритетом пользовалось наступление войск Юго-Западного фронта в 1916 г. (Брусилловский прорыв), а также личность генерала А.А. Брусилова.

27 июня 1941 г. в Москве состоялось заседание Ученого Совета Института Истории АН СССР. На нем, среди прочего, было принято решение уже к 2-3 июля 1941 г., подготовить брошюры военно-патриотического содержания, при этом среди приоритетных тем был назван Брусилловский прорыв.

В годы войны вышел целый ряд брошюр, посвященных данной операции, ее героям, персонально генералу Брусиллову. Уже 29 июля 1941 г. была подписана к печати небольшая брошюра «Брусилловский прорыв» ленинградского историка Ш.М. Левина (1897-1969) [14], который ранее публиковал, в основном, работы о революционном движении. Автор оценивал наступление войск Брусилова, как

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

важнейшую в истории Первой мировой войны победу, тяжелый удар не только по Австро-Венгрии, но и по Германии. При этом, он усматривал прямые аналогии между прошлым и неизбежными, по его мнению, победами Красной армии в начавшейся войне. «Гитлеровские разбойники, - писал Левин, - забыли урок, полученный генералами Вильгельма в 1916 г. Они посмели напасть на великий и непобедимый Союз Советов. Они пошли тем самым на свою верную гибель» [Там же, с.14].

В брошюре приводились многочисленные примеры храбрости русских солдат и унтер-офицеров [Там же, с.10-11]. Автор также дал буквально восторженную характеристику личности Брусилова, не преминув, однако, подчеркнуть, что он отличался от остального генералитета [Там же, с.4]. Брошюра Ш.М. Левина переиздавалась и печаталась значительными тиражами в различных городах СССР: в Ленинграде, Свердловске, Йошкар-Оле и др.

В 1941 г. были напечатаны брошюры: «Брусиловский прорыв» писателя, популяризатора науки Ю.Г. Вебера (1905-1989) [15], «Удар Брусилова» ленинградских писателей Н. Никитина и В. Лебедева [16]. Тогда же вышла в свет брошюра военного историка, генерал-майора Б.И. Кузнецова (1889-1957) «Кампания 1916 года на фронтах первой мировой империалистической войны» [17], в которой большое внимание было уделено Брусиловскому прорыву.

Статьи о Брусиловском прорыве в первый год Великой Отечественной войны достаточно активно публиковались в периодических изданиях [18, 19]. При этом, наряду с центральными изданиями, статьи о данной операции печатали республиканские, областные и др. газеты [20, 21].

В 1942 г. Брусиловский прорыв вошел в список тем, составленный Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) в связи с 28-летием начала Первой мировой войны [22, с.367-368]. Музеи в это время неизменно включали материалы о данной операции в экспозиции, посвященные истории русской армии.

В 1943 г. Главное политическое управление Красной армии организовало сбор фронтовых агитаторов, на котором с лекциями о героическом прошлом русской армии выступили авторитетные историки (Е.В. Тарле, К.В. Базилевич, В.Н. Бочкарев и др.). О Брусиловском прорыве рассказал генерал-майор Н.А. Таленский (1901-1967). Стенограмма его лекции была опубликована в сборнике (подписан к печати 11 августа 1943 г.), который разослали в политуправления армий [23, с.126-144].

В 1944 г. вышла из печати брошюра «Брусиловский прорыв», написанная военным историком и переводчиком полковником Ф.Е. Кузнецовым [24]. Обладая профессиональными знаниями в области военной науки, он более точно и подробно, нежели Левин, описал действия российских войск. Основные оценки двух авторов, однако, совпадают. Кузнецов, как и Левин, подчеркивал не только военные таланты Брусилова, но и его патриотизм. «Брусилов, - писал Кузнецов, - был страстным русским патриотом. Он учил своих подчиненных любить родину и ненавидеть ее врагов. <...> В лице германских империалистов он усматривал заклятых врагов своего отечества и поэтому с нетерпимостью относился к немцам, ко всем их проискам и интригам» [Там же, с.9].

В брошюре подробно были рассмотрены подготовка, ход, значение Брусиловского прорыва. В заключении автор сделал вывод: «Русская армия блестящей операцией Брусиловского прорыва вписала яркую страницу в историю

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

военного искусства. Она доказала, что по мужеству и умению воевать русские войска стояли выше своих противников. <...> Доблесть, стойкость и наступательный порыв были теми качествами воина, которыми издавна славилась русская армия, и которые никогда не покидали русского солдата перед лицом врага. Этими качествами русского воина объясняется успех Брусиловского прорыва» [Там же, с.37-38].

В начале 1944 г. в журнале «Большевик» была напечатана статья «Брусиловский прорыв» известного в то время публициста Д.И. Заславского (1880-1965) [25].

Наряду с Брусиловским прорывом большое внимание историков, журналистов, писателей привлекала личность военачальника, его спланировавшего. В годы войны дважды переиздавались воспоминания полководца [26, 27]. В конце 1942 г. вышла брошюра «А.А. Брусилов», подготовленная видным историком В.В. Мавродиным (1908-1987) [28]. Впоследствии она переиздавалась, как в первоначальном виде, так и с некоторыми дополнениями [29].

В 1943 г. появилось несколько юбилейных публикаций, приуроченных к 90-летию со дня рождения полководца (август 1853 г.). Так, «Красная звезда» опубликовала 2 сентября статью военного историка, генерал-майора М.Р. Галактионова (1897-1948) «Брусилов как полководец» [30]. Высоко оценивая заслуги военачальника, автор, однако, подчеркнул, что в современных условиях Красная армия не просто развила, а коренным образом «превзошла» разработанные им стратегические принципы [Там же].

Образ А.А. Брусилова нашел отражение также в нескольких художественных произведениях военных лет. В 1942 г. драму «Генерал Брусилов» создал известный советский поэт И.Л. Сельвинский (1899-1968) [31]. Пьеса вошла в репертуар нескольких театров [32].

Конечно, драматург далеко не всегда строго следовал историческим фактам. В качестве противника армий А.А. Брусилова в спектакле выступают германские, а не австро-венгерские, войска, роль же главного антагониста главного героя отведена генералу Э. Людендорфу. Сельвинский ввел в сюжет пьесы большевика, вахмистра Ковалева, который дает генералу советы (и тот их охотно принимает). Большинство царских генералов (А.Н. Куропаткин, А.Е. Эверт, Л.Г. Корнилов) наделены в пьесе отрицательными характеристиками. [33].

Наряду с И. Сельвинским, к образу А.А. Брусилова в годы войны обращались драматурги И.В. Бахтерев и А.В. Разумовский в пьесе «Русский генерал» [34], известный в то время писатель С.Н. Сергеев-Ценский, в романе «Брусиловский прорыв» [35] и некоторые другие литераторы.

Брусиловский прорыв и биография А.А. Брусилова были ведущими, но не единственными темами, связанными с Первой мировой войной, которые активно использовались в пропаганде в годы Великой Отечественной войны.

Публиковались статьи и брошюры, посвященные действиям в Первую мировую войну русского флота. Так, уже летом 1941 г. в серии «Боевая библиотека краснофлотца» вышла в свет брошюра С. Моисеева и М. Брамма «Славные дела балтийцев в войну 1914-1918 гг.» [36].

Авторы описали несколько славных эпизодов борьбы Балтийского флота с противником, как, например, противоборство эсминца «Новик» с двумя

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

германскими эсминцами [Там же, с.11-13], оборонительные бои осени 1917 г.[Там же, с.18-20] и др.

В осажденном врагом Ленинграде в 1941 г. была напечатана брошюра Н.Н. Мильграма, специально посвященная подвигу эсминца «Новик» в 1915 г. [37]. В том же году вышли в свет брошюры В.В. Тарасова «Борьба Балтийского флота против немцев в 1914-1918 гг.» [38] и Н.Ю. Озаровского «Германские потери на море от действий русского флота в 1914-1917 гг.» [39].

В конце войны было напечатано пособие для политзанятий «Роль русского флота в Первой мировой войне 1914-1918 гг.», подготовленное историком флота, капитаном 2-го ранга Р.Н. Мордвиновым [40]. Публикации о Первой мировой войне появлялись также во флотских газетах, в течение всей войны.

Иногда авторы обращались к темам, которые имели в дореволюционный период очень широкое распространение, но в советское время оказались полузабыты. Ярким примером тому может служить героическая оборона русскими войсками крепости Осовец в Польше в 1914 и 1915 гг. До революции о мужестве гарнизона, который выдержал массированные артиллерийские обстрелы и, даже, химическую атаку противника, газеты и журналы писали много и в самых хвалебных тонах. В советское время интерес к крепости угас. Правда, в 1939 г. вышла книга военного инженера С.А. Хмелькова (1879-1945) «Борьба за Осовец» [41], но она предназначалась, в основном, для специалистов в области фортификации.

С началом Великой Отечественной войны героическая оборона крепости вновь заинтересовала авторов публицистических работ. Уже 25 июня 1941 г. генерал-лейтенант М.С. Хозин (1896-1979) в статье на страницах «Правды», доказывая, что германская армия неоднократно терпела в России поражения, упомянул оборону Осовца [42]. В том же 1941 г. Политическим управлением Ленинградского фронта была напечатана брошюра А.Г. Бармина под броским названием «Как немцы разбили лоб о крепость Осовец» [43]. Автор - писатель-прозаик Александр Гаврилович Бармин (1900-1952) подробно и красочно описал основные события борьбы за крепость, включая и контратаку русских солдат, против которых противник использовал ядовитый газ («атака мертвецов»).

Завешало брошюру описание нескольких подвигов, совершенных советскими воинами уже в годы Великой Отечественной войны. Автор проводил мысль: если гарнизон крепости Осовец отразил натиск врага во время «империалистической» войны, то теперь, когда, советские солдаты защищают «свое отечество, любимое и прекрасное», агрессора ждет неминуемый и сокрушительный разгром [Там же, с.21-22].

Появлялись также публикации, авторы которых стремились показать роль русской армии в Первой мировой войне в целом. Примером тому может служить статья военного историка М. Галактионова, напечатанная в «Красной звезде» 31 июля 1942 г. и приуроченная к очередной годовщине начала Первой мировой войны [44]. Автор оценивал вклад русской армии в борьбу с Германией и Австро-Венгрией, как очень значительный. Он отмечал: «Россия неизменно шла на любые жертвы, чтобы облегчить положение союзников и всемерно содействовать конечной победе всей коалиции» [Там же].

В 1943 г. Галактинов опубликовал работу, в которой особо отмечал роль сотрудничества между Россией и странами Антанты для конечного исхода Первой мировой войны. Основная идея статьи была такова: в Первую мировую

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

войну Германия сражалась на два фронта и проиграла, разгром ее ожидает и теперь [45]. Сходные выводы звучали и в публикациях других авторов [46, 47].

Часто события Первой мировой войны использовали для решения вполне конкретных пропагандистских задач. В начале Великой Отечественной войны Красная армия понесла большие потери в технике, да к тому же отдельные ее виды по качеству уступали технике вермахта. Поэтому советская пресса часто и настойчиво выдвигала тезис о силе русского штыкового удара» [48].

9 июля в «Известиях» военный историк Н. Подорожный опубликовал статью «Фашисты боятся советского штыка». В ней говорилось: «Мы видели его (штыковой удар – *А.М.*) и в первой империалистической войне. В этой войне хваленые германские войска не раз бежали, натываясь на русские штыки. Бежали они в августе 1914 г. из-под Гумбиннена, а осенью того же года – из-под Варшавы и Лодзи. Бежали они, бросая винтовки и сдаваясь в плен во время брусиловского прорыва» [49].

Восхваляя штыковые атаки, автор, однако, умалчивал, что далеко не все из перечисленных операций завершились для русских войск удачно: после победы под Гумбинненом, последовало тяжелое отступление из Восточной Пруссии.

Иногда, желая приблизить к советскому читателю, красноармейцу, учащемуся, колхознику события минувшего, авторы связывали их с героями, хорошо известными большей части населения СССР. Так, в 1941 г. в Ленинграде была напечатана книга Н. Никитина и В. Лебедева «Чапаев на германском фронте» [50].

В газетных и журнальных очерках о боевых действиях в годы Великой Отечественной войны популярным персонажем стал старый солдат, прошедший Первую мировую войну, который делится своим опытом с молодыми бойцами. Авторы подчеркивали идею преемственности между героями Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Полководческое искусство генерала Брусилова, героизм русских солдат и матросов были не единственными темами, связанными с Первой мировой войной, к которым обращались советские пропагандисты периода Великой Отечественной войны. Значительной популярностью пользовались также темы германского шпионажа и жестокости кайзеровских войск по отношению к мирному населению, пленным. При этом, в обоих случаях подчеркивалось, что в обеих мировых войнах германские военные проявляли жестокость, пренебрежение к законам и нормам воинской чести, коварство.

Таким образом, события и герои Первой мировой войны буквально с первых дней Великой Отечественной войны заняли видное место в пропаганде, направленной на укрепление боевого духа, чувств патриотизма и гордости за прошлое страны и ее вооруженных сил. Историческая память играла видную роль в сплочении населения. И очень показательно, что в наши дни память о самой Великой Отечественной войне играет колоссальную роль в консолидации общества и обеспечивает его политическую стабильность [51].

Список литературы

1. Тихонов В.В. Отечественная история как оружие в условиях войны // Великая Отечественная война – известная и неизвестная: историческая память и современность: Материалы Международной научной конференции. Москва-Коломна, 6-8 мая 2015 г. М., 2015. С.152-158.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

2. Будницкий О.В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941-1945 гг. // Российская история. 2012. №6. С.157-169.
3. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка. Историографический сборник. Вып.1. Омск, 2005. С.75-95.
4. Тихонов В.В. «Колесо истории работает в нашу пользу»: историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны // Былые годы. 2012. №3 (25). С.58-67.
5. Дацишина М.В. Тема Наполеона и войны 1812 года в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой отечественной войны // Вопросы истории. 2011. №6. С.149-156
6. Суетов Л.А. 1812 год в пропагандистской работе среди ленинградцев в дни Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУКИ №4 (13). 2012. С.77-81.
7. Михайлов А.А. Образ Александра Невского в научно-популярной и агитационной литературе Великой Отечественной войны // Святой Благоверный князь Александр Невский – защитник Земли Русской и Веры Православной: Материалы VI Международных Александро-Невских чтений (г. Псков, 9-10 июня 2015 г.). Псков: Псковский государственный университет, 2015. С.71-75.
8. Вишневский Вс. Уроки истории // Красная звезда . №146. 24 июня 1941 г. С.3.
9. Захаров Г. Героизм русского солдата // Красная звезда. №148. 26 июня 1941 г. С.3
10. Захаров Г. Документы о героизме русских войск // Правда. №175. 26 июня 1941 г. С.6.
11. Яковлев В. Славные традиции русских сапер // Красная звезда. №151. 29 июня 1941 г. С.2.
12. Болтин Е. Миф о немецкой «непобедимости» // Правда. №188. 9 июля 1941 г. С.3
13. Толстой А.Н. Что мы защищаем // Правда. №175. 27 июня 1941 г. С.4.
14. Левин Ш.М. Брусиловский прорыв. М., 1941. 16 с.
15. Вебер Ю.Г. Брусиловский прорыв. М., 1941. 38 с.
16. Никитин Н., Лебедев В. Удар Брусилова. Л., 1941. 16 с
17. Кузнецов Б.И. Кампания 1916 года на фронтах первой мировой империалистической войны. М, 1941. 126 с.
18. Александров Л. Брусиловский прорыв (1916 г.) // Пограничник. 1941. №13. С.35-40.
19. Зубков Н. Брусиловский прорыв 1916 года // Пропагандист Красной Армии. 1941. №15. С.13-18.
20. Подорожный Н. Брусиловский прорыв // Туркменская искра. №174. 24 июля 1941 г. С.2.
21. Подорожный Н. Брусиловский прорыв // Грозненский рабочий. №199. 23 августа 1941 г. С.3.
22. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникации убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. 819 с.
23. Таленский Н.А. Брусиловский прорыв 1916 г. // Героическое прошлое русского народа. Сокращенные и переработанные стенограммы лекций, прочитанных на сборе фронтовых агитаторов. М., 1943. С.126-144.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

24. Кузнецов Ф.Е. Брусиловский прорыв. М., 1944. 39 с.
25. Заславский Д.И. Брусиловский прорыв // Большевик. 1944. №1. С.54-66.
26. Брусилов А.А. Мои воспоминания. 2-е издание. М. 1941. 248 с.
27. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Издание 3-е. М., 1943. 264 с.
28. Мавродин В.В. А.А. Брусилов. М., 1942. 48 с.
29. Мавродин В.В. А.А. Брусилов. Очерк боевой деятельности. М., 1944. 32 с.
30. Галактионов М. Брусилов как полководец (К 90-летию со дня рождения) // Красная звезда. №207. 2 сентября 1943 г. С. 3.
31. Сельвинский И.Л. Генерал Брусилов. Драма в 3-х актах, 7-ми карт. М.-Л.: 1943. 136 с.
32. «Генерал Брусилов». Новая пьеса о выдающемся русском полководце // Красная звезда. №113. 15 мая 1943 г. С.3.
33. Стародубова О.Ю. Образ русских генералов, участников Брусиловского прорыва: к вопросу деформации исторической памяти // История и историческая память. №2. 2010. С.61-86.
34. Бахтерев И.В., Разумовский А.В. Русский генерал. Пьеса в 4 д., 7 карт. М., 1944. 63 с.
35. Сергеев-Ценский С.Н. Брусиловский прорыв. Исторический роман. М., 1944. 400 с.
36. Моисеев С., Брам М. Славные дела балтийцев в войну 1914-1918 гг. М.-Л., 1941. 24 с.
37. Мильграм Н.Н. Один против двух: (бой эскадренного миноносца «Новик» с двумя германскими эсминцами 17 августа 1915 г.). М.-Л., 1941. 15 с.
38. Тарасов В.В. Борьба Балтийского флота против немцев в 1914-1918 гг. М. 1941. 21 с.
39. Озаровский Н.Ю. Германские потери на море от действий русского флота в 1914-1917 гг. М.-Л., 1941. 26 с.
40. Мордвинов Р.Н. Роль русского флота в Первой мировой войне 1914-1918 гг. Б.м., 1945. 20 с.
41. Хмельков С.А. Борьба за Осовец. М., 1939. 96 с.
42. Хозин М. О хвастливой выдумке зазнавшегося врага // Правда. №174. 25 июня 1941 г. С.4.
43. Бармин А.Г. Как немцы разбили лоб о крепость Осовец (1914-1915 гг.). Л.: Б.и., 1941. 23 с.
44. Галактионов М. Роль русского фронта в первой мировой войне // Красная звезда. №178. 31 июля 1942 г. С.4.
45. Галактионов М. О роли второго фронта против Германии в Первую мировую войну. М., 1943. 19 с.
46. Осипов К. Как погибла кайзеровская Германия // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1942. №13. С.19-22.
47. Нотович Ф. Военный разгром и капитуляция Германии в 1918 году // Исторический журнал. 1944. №1. С.64-72
48. Толстой А.Н. Что мы защищаем // Правда. №175. 27 июня 1941 г. С.4.
49. Подорожный Н. Фашисты боятся советского штыка // Известия. №160. 9 июля 1941 г. С.2.
50. Никитин Н., Лебедев В. Чапаев на германском фронте. Л, 1941. 26 с.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

51. Krasnozhenova E.E., Kulik S.V. Historical Memory About Great Patriotic War In Communication Of Modern Russian Society // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2018, Vol. XXXV (35), pp. 677 - 682.

Mikhailov A.A.

HEROES OF THE FIRST WORLD WAR IN THE SOVIET PROPAGANDA IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR.

MIKHALOV Andrey A. — professor, St.-Petersburg Polytechnic University Peter the Great, 195251, Russia, Saint-Petersburg, Polytechnicheskaya, 29.
e-mail: dragun66@mail.ru

Abstract. The article discusses the use of the names of heroes in Soviet propaganda during the years of the Great Patriotic War, examples of staunchness and courage of the Russian army, military art of individual military leaders from the history of the First World War, analyzes the range of topics that were most actively used in propaganda (popular science brochures, journalism, fiction, etc.) in order to strengthen the feelings of patriotism, the fighting spirit of the army and the population. General Brusilov's generalship and the heroism of Russian soldiers and sailors were not the only topics related to the First world war addressed by Soviet propagandists during the great Patriotic war. The themes of German espionage and the brutality of the Kaiser's troops towards civilians and prisoners were also very popular. At the same time, in both cases, it was emphasized that in both world wars, the German military showed cruelty, disregard for the laws and norms of military honor, and treachery. Thus, the events and heroes of the First world war literally from the first days of the great Patriotic war took a prominent place in the propaganda aimed at strengthening the fighting spirit, feelings of patriotism and pride in the past of the country and its armed forces. Historical memory played a prominent role in rallying the population. It is very significant that today the memory of the great Patriotic war itself plays a huge role in consolidating society and ensuring its political stability.

Keywords: First world war II, Great Patriotic war, patriotism, propaganda, Brusilovsky breakthrough.

УДК 94(47):084.8

Мохов А.С., Шаманаев А.В.

ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.В. ДАНИЛЕВСКОГО В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКОГО ФИЛИАЛА КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106 «Сохранение культурного наследия России в условиях военных конфликтов первой половины XX в.»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

МОХОВ Антон Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет, 620002, Россия, Екатеринбург, Мира ул., 19.

e-mail: rkb2004@yandex.ru

ШАМАНАЕВ Андрей Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, 620002, Россия, Екатеринбург, Мира ул., 19.

e-mail: shamanaev@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают деятельность историка техники, профессора В.В. Данилевского как исследователя и организатора науки в период Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено работе ученого в составе Уральского филиала Комиссии Академии наук СССР по истории Великой Отечественной войны. Исследование проведено с применением принципов историко-антропологического подхода. Авторы используют неопубликованные документы из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области и Государственного архива Свердловской области. Показана роль В.В. Данилевского как ведущего организатора Уральского филиала Комиссии (кадровые вопросы, структура, основные направления работы). Раскрыт вклад ученого в разработку проблем теории и практики источниковедения (научные доклады, инструкции и методические пособия). Авторы отмечают, что В.В. Данилевский придавал особое значение источникам личного происхождения (дневники, письма, воспоминания). Специальное внимание уделено участию В.В. Данилевского в просветительской и агитационно-пропагандистской работе, направленной на разоблачение фашистской идеологии и прославление исторических побед российских полководцев (книги, брошюры, газетные статьи). Деятельность В.В. Данилевского в Уральском филиале Комиссии АН СССР способствовала созданию коллекции документов и материалов, характеризующих историю 3-й гвардейской стрелковой дивизии, деятельность предприятий Урала в период Великой Отечественной войны, эвакуацию учреждений науки и культуры, устное народное творчество военного времени. По мнению авторов, В.В. Данилевский внес существенный вклад в сохранение источников и исторической памяти о Великой Отечественной войне, показал пример участия ученого-историка в работе тыла для победы над врагом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, Данилевский В.В., агитация, просветительская работа.

Спустя 75 лет после завершения Второй мировой войны неожиданно остро стал вопрос о сохранении исторической памяти об этой эпохе. Под предлогом «восстановления правды», «создания истинной картины» и т. п., политики, журналисты, творческие работники, ученые, пытаются не просто реинтерпретировать факты, но создать совершенно новое оценочное восприятие военных событий. Эта тенденция отчетливо проявляется в российском научном и культурном пространстве в отношении Великой Отечественной войны. Эти обстоятельства придают особенную актуальность изучению механизмов формирования исторической памяти о трагедии середины XX в. и практик сохранения исторического наследия военного времени.

В центре внимания авторов – деятельность советского ученого Виктора Васильевича Данилевского (1898–1960) по сохранению исторического наследия

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Великой Отечественной войны. Исследование основано на неопубликованных документах из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) и Государственного Архива Свердловской области (ГАСО). Методологической базой работы стали общие принципы историко-антропологического подхода и разработки в области «новой биографической истории» [1, с. 262–268; 2, с. 8–11].

Личность и научные заслуги В.В. Данилевского привлекают внимание современных историков. За последние 20 лет были опубликованы статьи, раскрывающие его разноплановые научные интересы и содержащие подробности биографии исследователя и организатора науки. Общие обзоры жизни и трудов ученого представлены в публикациях В.Л. Гвоздецкого [3, с. 48–60; 4, с. 112–125]. А.С. Литвинко и О.Г. Луговский оценили вклад В.В. Данилевского в развитие истории науки и техники на Украине [5, с. 127–132]. Серия работ С.И. Зенкевич посвящена изучению книжной коллекции В.В. Данилевского [6, с. 56–73; 7, с. 79–84]. Нужно отметить, что военный период его биографии остается малоизученным и ограничивается сведениями об участии В.В. Данилевского в исследованиях по истории науки и техники на Урале; характеристикой его деятельности как популяризатора науки [3, с. 51–52; 4, с. 116; 8, с. 99–102].

В.В. Данилевский родился в 1898 г. в г. Лодзь, в 1916 г. окончил Полтавскую мужскую гимназию и продолжил образование в Харьковском технологическом институте (1916–1923). Во второй половине 1920-х гг. он возглавлял Украинский технический музей при Харьковском историческом музее, преподавал в различных высших учебных заведениях Харькова. После переезда в Ленинград В.В. Данилевский сотрудничал с Государственной Академией истории материальной культуры (действительный член с 1931 г.). С 1933 г. он был связан с Ленинградским политехническим институтом, где в 1936–1960 гг. возглавлял кафедру истории техники. Профессором (1931), доктором технических наук (1938) В.В. Данилевским было опубликовано более 500 научных и научно-популярных работ. Он дважды был удостоен Сталинской премии (1942, 1948), являлся действительным членом АН УССР (1948) [3, с. 48–51; 4, с. 112–114, 9, с. 132–133].

В Свердловск В.В. Данилевский прибыл осенью 1941 г. для работы в архивах по теме «Урал в борьбе за Родину» [10, л. 67–69]. В Ленинград он вернулся в августе 1944 г. [4, с. 116; 10, л. 61]. Активное сотрудничество со свердловскими учреждениями и коллегами ученый продолжил в последующие годы [11, л. 34–35; 12, л. 61–65]. На Урале В.В. Данилевский стал одним из организаторов деятельности по сохранению исторического наследия Великой Отечественной войны.

В декабре 1941 г. по инициативе чл.-кор. АН СССР И.И. Минца (1896–1991) была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны (декабрь 1941 – декабрь 1945) в составе АН СССР. Цель деятельности Комиссии заключалась в сохранении исторической памяти о военном времени. Председателем этой структуры был начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров (1908–1961), заместителем и фактическим организатором работы – И.И. Минц [13, с. 50–61].

На Общем собрании АН СССР в Свердловске (3–8 мая 1942 г.) Г.Ф. Александров в программном докладе «Отечественная война советского народа и задачи общественных наук» (4 мая), указал, что к приоритетным

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

направлениям исследований советских историков относятся выявление и публикация материалов по истории Великой Отечественной войны [14, с. 33–34].

Первые шаги к созданию на Урале подразделения Комиссии были предприняты в конце зимы – начале весны 1942 г. В частности, 20 марта 1942 г. В.В. Данилевский составил проект штата сотрудников Уральского филиала (5 научных работников и секретарь-машинистка) [15, л. 3].

В мае 1942 г. Президиум АН СССР принял решение об открытии филиала, активная работа которого началась с середины июля. Председателем Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны стал доктор исторических наук, академик В.П. Волгин (1879–1962), заместителями – В.В. Данилевский и доктор экономических наук, академик С.Г. Струмилин (1877–1974), [15, л. 4; 16, л. 1–2, 57]. Нужно подчеркнуть, что основную практическую деятельность осуществлял В.В. Данилевский.

Работа филиала организовывалась и направлялась бюро. Академия наук утвердила штатный состав – 5 научных сотрудников: ученый секретарь, старшие научные сотрудники (3) и референт. Состав бюро периодически менялся. Так, должность ученого секретаря занимали: П.Д. Дузь (1907–1997), сам В.В. Данилевский, М.А. Горловский (1912–1964). На ставках старших научных сотрудников работали Б.Б. Веселовский (1880–1954), А.А. Введенский (1891–1965), Л.А. Вишеров, П.Н. Степанов (1887–1988). Обязанности референта последовательно выполняли Н.М. Терешкович (1880–1955), О.Ф. Кристи [15, л. 4, 8, 17, 19–20, 22–25, 30–31, 35–37, 61–63, 68].

В конце 1942 г. В.В. Данилевский попытался добиться увеличения штатных единиц (заместитель председателя, 6 научных сотрудников), но поддержки со стороны АН СССР не получил [15, л. 14–14об.]. Для обработки материалов по истории Великой Отечественной войны филиал привлекал внештатных сотрудников (по трудовым соглашениям) [15, 9–10, 49, 52, 55–56, 65 и др.]. Значительный объем работы по сбору первичной источниковой информации выполняли членами добровольных групп содействия Комиссии на предприятиях и учреждениях [16, л. 58–63].

Структурно Уральский филиал Комиссии включал три секции: военную (В.В. Данилевский); народного хозяйства (С.Г. Струмилин); литературы, культуры и искусства (чл.-кор. АН СССР, профессор МГУ Н.К. Гудзий). Одним из основных направлений деятельности филиала было составление летописи «Урал во время Великой Отечественной войны» [16, л. 57–61].

Наибольшая активность Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны пришлась на середину 1942 – середину 1943 г. За это время были собраны материалы по истории: 3-й гвардейской стрелковой дивизии, воевавшей на Ленинградском и Волховском фронтах (была сформирована в Свердловской обл.); промышленных предприятий Свердловска и Нижнего Тагила; коммунального хозяйства Свердловска; местных и эвакуированных высших учебных заведений, музеев. Кроме того, была сформирована коллекция фольклора военного времени. На основе газетных публикаций была составлена хроника событий Урала на начальном этапе Великой Отечественной войны. Была подготовлена к печати серия публикаций, основанных на материалах собранных Уральским филиалом комиссии. К сожалению, большая их часть не была опубликована [16, л. 57–63].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Большое внимание В.В. Данилевский уделял вопросам теории и практики работы с источниками по истории Великой Отечественной войны. Нужно подчеркнуть, что И.И. Минц изначально ориентировал работу Комиссии на выявление и сохранение тех источников, которые обычно не откладываются в государственных архивах – материалы личного происхождения участников исторических событий (интервью, воспоминания, письма и др.) [13, с. 9–14].

Важным вкладом в разработку источниковедческой проблематики стало совещание работников науки и культуры, организованное при непосредственном участии В.В. Данилевского 30 июля 1942 г. [17, л. 1–29]. Выступая перед авторитетной аудиторией, В.В. Данилевский подчеркнул, что деятельность Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны ориентирована на выявление и сохранение источников, которые обычно не откладываются в архивах. Особое внимание он предложил уделить материалам показывающим «самого человека, т. е. то, что очень слабо еще отражается в официальном материале: надо показать человека, его поведение, его образ, героизм его действий» [17, л. 4об.].

Вопросы организации практической работы по выявлению и сохранению источников по истории Великой Отечественной войны обсуждались на межобластном совещании сотрудников музеев и краеведов 9–11 октября 1942 г. в Свердловске [17, л. 59–118]. В докладе В.В. Данилевский указал, что для сохранения исторической памяти о войне нужно изучать «героизм фронта и тыла, людей фронта и тыла, их поведение, их борьбу, их действия» [17, л. 63]. Такая постановка проблемы определяла специфику источников. В.В. Данилевский сделал акцент на том, что «самый интереснейший основной источник – это сам человек» с «его мышлением, творчеством, языком» [17, л. 66]. Ученый отметил, что уязвимость такого источника требует срочных мер, обеспечивающих его сохранение: «надо немедленно... развернуть работу, сберегая то исчезающее, что нам нужно оформить документом» [17, л. 66].

Исходя из методологического подхода, ориентированного на выявление и сохранение эго-документов, В.В. Данилевский выделил три задачи исследовательской работы: 1) широкий тематический охват («наша задача создать источники по линии производства, быта, героизма труда – всех сторон жизни»); 2) выявление и фиксация материалов личного происхождения («надо записывать»); 3) организация хранения о вещественных источниках («дневники, письма с фронта, на фронт, записки, фотографии») [17, л. 67–68]. Организующим центром исследовательской работы должен был стать Уральский филиал Комиссии по истории Великой Отечественной войны, курирующий и направляющий деятельность областных и республиканских комиссий. Значительная часть практической работы возлагалась на «группы содействия» при музеях, архивах, предприятиях и учреждениях, а также на инициативных добровольных помощников [17, л. 70].

При непосредственном участии В.В. Данилевского были подготовлены инструктивные материалы, адресованные разным группам участников движения по сохранению исторического наследия военного времени. В их числе: «Программа вопросов для составления истории 3-й гвардейской дивизии»; «Инструкция по собиранию биографического материала» участников военных действий; программы по описанию истории промышленных предприятий, колхозов, коммунального хозяйства, высших учебных заведений и школ;

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Инструкция по собиранию фольклора Великой Отечественной войны»; «Программа для собирания краеведами Урала материалов по истории» войны»; «Памятка для учащихся школ по сбору материалов» по истории войны [16, л. 57–60; 18, л. 10–11об., 39–40об., 45–47об.].

Пропагандируя работу Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны, В.В. Данилевский использовал возможности местной прессы. Так, в сентябре 1942 г. в газете «Уральский рабочий» он опубликовал статью, показывающую роль исторического знания в идеологическом противостоянии СССР и нацистской Германии, призвал население Свердловской области активно участвовать в сохранении исторического наследия Великой Отечественной войны [19, с. 2]. В октябре 1942 г. газета напечатала интервью В.В. Данилевского о работе Уральского филиала над историей 3-й гвардейской стрелковой дивизии [20, с. 1].

В 1941–1943 гг. В.В. Данилевский написал серию ярких публицистических работ на военную тему. Три книги были посвящены разоблачению идеологии немецкого фашизма, демонстрации фактов фальсификации истории в Германии, характеристике преступлений немецкой армии против человечности [21–23]. Несколько малоформатных брошюр показывают вклад в борьбу с иноземными захватчиками известных деятелей отечественной истории (Александр Невский, Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский, Кузьма Минин) [24–27]. В военные годы эти работы неоднократно переиздавались центральными и региональными издательствами. В 1945 г. под редакцией В.В. Данилевского вышел из печати сборник документов «Урал в Отечественной войне 1812 г.» [28].

Уральский филиал Комиссии принимал активное участие в организации праздничных мероприятий, посвященных юбилейным датам российской военной истории. Так, 23 апреля 1942 г. в актовом зале Уральского индустриального института состоялся торжественный вечер, в память 700-летия разгрома немецких захватчиков на Чудском озере. Со вступительным словом к собравшимся обратился академик В.П. Волгин, с докладами выступили В.В. Данилевский («1242–1942 гг.») и А.А. Введенский («Александр Невский и его эпоха»). В музыкальной части вечера были исполнены кантата С.С. Прокофьева «Александр Невский» и увертюра П.И. Чайковского «1812 год» [29, л. 48–48об.].

Таким образом, деятельность В.В. Данилевского в составе Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны была разноплановой. Ученый в полной мере реализовал свои неординарные способности исследователя и организатора науки. В августе 1944 г. В.В. Данилевский писал председателю Свердловского Облисполкома В.И. Недосекину (1908–1976): «Покидая Урал, я уверен в том, что мне удастся продолжить работы по уральской тематике, как в Ленинграде и Москве, так и на самом Урале» [11, л. 35].

В.В. Данилевский стал одним из основателей Уральского филиала, направлял и координировал его деятельность. Он сыграл важную роль в формировании источниковой базы истории Великой Отечественной войны, выявлении, сохранении и музеефикации материалов военного времени на Урале. Его популярные и агитационно-пропагандистские публикации наполнены патриотическим пафосом, способствовали пониманию значения отечественного исторического опыта и формированию образа врага. Бесспорно, военный период биографии В.В. Данилевского может рассматриваться как яркий пример вклада

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

историка в победу в Великой Отечественной войне и сохранении исторической памяти об этом трагическом периоде российской истории.

Список литературы

1. Репина Л.П., Зверев В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
2. Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стилос, 2012. 464 с.
3. Гвоздецкий В.Л. Историк техники В.В. Данилевский: творчество в контексты эпохи // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 48–60.
4. Гвоздецкий В.Л. Ученый и время (к 100-летию со дня рождения В.В. Данилевского) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 112–125.
5. Литвинко А.С., Луговський О.Г. Інституалізація історіїнауки і техніки в Національній Академії наук України // Наука та наукознавство. 2018. № 4 (102). С. 125–147.
6. Зенкевич С.И. Советский ученый и его социальные связи: инскрипты книжной коллекции В.В. Данилевского (по материалам фонда сектора БАН при СПбФ ИИЕТ) // Социология науки и техники. 2016. Т. 7 (№ 4). С. 56–73.
7. Зенкевич С.И. О роли мемориальных книжных собраний в истории фонда сектора БАН при СПбФ ИИЕТ РАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3 (68). С. 79–84.
8. Образцов В.Н. Научно-техническая пропаганда Академии наук СССР на Урале // Вестник АН СССР. 1943. № 6. С. 99–102.
9. Українські історики ХХ століття: Біобібліографічний довідник. Київ: Інститут історії України, 2003. Вип. 2, ч. 2. 382 с.
10. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1139. Оп. 2. Д. 704.
11. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 92.
12. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 96.
13. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 383 с.
14. Александров, Г. Ф. Отечественная война советского народа и задачи общественных наук // Вестник АН СССР. № 5/6. 1942. С. 22–37.
15. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 11.
16. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 1.
17. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 7.
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 2.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

19. Данилевский В.В. Сбереечь и изучить опыт Великой Отечественной войны // Уральский рабочий. 9 сентября 1942 г. (№ 213). С. 2.
20. Сбор материалов по истории Третьей гвардейской стрелковой дивизии // Уральский рабочий. 24 октября 1942 г. (№ 252). С. 1.
21. Данилевский В.В. Фашизм – заклятый враг науки и культуры. Л.: Госполитиздат, 1941. 50 с.
22. Данилевский В.В. Лицо врага. Свердловск: Свердловское областное книжное издательство, 1941. 125 с.
23. Данилевский В.В. Древний счет. 1242–1942. Свердловск: Госполитиздат, 1942. 72 с.
24. Данилевский В.В. Александр Невский. Свердловск: Госполитиздат, 1942. 32 с.
25. Данилевский В.В. Дмитрий Донской. М.: Госполитиздат, 1942. 20 с.
26. Данилевский В.В. Дмитрий Пожарский. М.: Госполитиздат, 1943. 26 с.
27. Данилевский В.В. Кузьма Минин. М.: Госполитиздат, 1943. 24 с.
28. Урал в Отечественной войне 1812 г. / под ред. В.В. Данилевского. Свердловск: ОГИЗ, 1945. 228 с.
29. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 89.

Mokhov A.S., Shamanaev A.V.

CONTRIBUTION OF PROFESSOR V. V. DANILEVSKY TO the ACTIVITIES OF THE URAL BRANCH OF the COMMISSION ON the HISTORY OF the GREAT PATRIOTIC WAR

MOKHOV Anton S. — Professor, Ural Federal University, 620002, Russia,
Yekaterinburg, Mira, 19.

e-mail: rkb2004@yandex.ru

SHAMANAEV Andrey V. — Associate Professor, Ural Federal University, 620002,
Russia, Yekaterinburg, Mira, 19.

e-mail: shamanaev@mail.ru

Abstract. The authors consider the activities of a historian of the technique, Professor Victor Vasilievich Danilevsky as a researcher and manager of science during the Great Patriotic War. The main attention is paid to the participation of the scientist in the Ural branch of the Great Patriotic War history Commission of the USSR Academy of Sciences. The study was conducted using the principles of the historical and anthropological approach. The source base is unpublished documents from the funds of the Center of Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region and the State Archive of the Sverdlovsk Region. The authors show the role of V.V. Danilevsky as a leading manager of the Ural branch of the Commission (staff, structure and main spheres of activities). The authors describe the scientist's contribution to the development of problems of the theory and practice of sources study (scientific reports, instructions and manuals). The authors stressed V.V. Danilevsky attached particular importance to sources of personal origin (diaries, letters and memoirs). The special attention is paid to V.V. Danilevsky participation in enlightening and propaganda activities (books, brochures, newspaper articles). V.V. Danilevsky activities in the Ural

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

branch of the Commission contributed to the creation of the documents and materials collection characterizing the history of the 3rd Guards Rifle Division, the enterprises work in the Urals during the Great Patriotic War, the science and culture institutions evacuation and wartime folklore. According to the authors opinion, V.V. Danilevsky made a significant contribution to the preservation of sources and historical memory of the Great Patriotic War, showed an example of the historian participation in the enemy defeat.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, Danilevsky V.V., campaigning, educational work.

УДК 94(476)-1941/1944—:172(045)

Новиков С.Е.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА —ТРОСТЕНЕЦ)*

НОВИКОВ Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, 220034, Беларусь, Минск, Захарова, 21.

e-mail: novikau@tut.by

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в белорусской историографии проблеме сохранения исторической памяти об одном из самых больших на оккупированной территории СССР мест массового уничтожения гражданского населения, в том числе иностранного происхождения в окрестностях белорусской столицы Минска в годы Великой Отечественной войны. Анализ большинства документальных источников в указанном ракурсе проводится впервые и позволяет обратить внимание читателей на особо важные исторические факторы, повлиявшие на процесс запоздалого научного изучения трагических событий и их включения в пантеон национальной памяти. В статье показаны новые тенденции, появившиеся в последнее время как в отечественном, так и зарубежном не только научном, но и общественном дискурсах в отношении исторических фактов о трагических событиях в самом лагере смерти Тростенец и его ближайших окрестностях. Их исследование дает возможность реконструировать основные направления работы, проведенной научным сообществом и общественностью в сложных условиях послевоенного времени. Обращается внимание на проблемы выбора исторических фактов для сохранения памяти о военном прошлом. В работе прослеживается путь увековечивания памяти, пройденный в послевоенное время и не заверченный на сегодняшний день. В научный оборот вводятся авторские оценки в отношении разработки концепции и воплощения в жизнь основных ее идей в Мемориальном комплексе «Тростенец». Показывается факт наличия разных научных нарративов в отечественной и зарубежной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

историографии, раскрываются музейно-туристические и информационные ресурсы коммеморации трагических событий, предлагаются актуальные решения этих и других задач в контексте формирования новой публичной истории и современной культуры памяти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, геноцид, Малый (Большой) Тростенец, лагерь смерти, места массового уничтожения, память, увековечивание.

Напомним сегодняшнему читателю, что в прошедшем году исполнилось 75 лет как с даты освобождения Беларуси, территория которой сполна ощутила на себе все проявления нацистской оккупационной политики в 1941–1944 гг., так и с момента окончательной ликвидации одного из крупнейших лагерей смерти около Минска в районе деревень Малый и Большой Тростенец, ставшего известным в последнее время благодаря отечественным [1] и зарубежным информационным порталам [2], но в первую очередь официальному сайту Президента Республики Беларусь [3; 4; 5].

В этой связи нельзя оставлять без внимания ряд не только новых фактов, но и важных факторов, которые необходимо учитывать в процессе научного анализа исторических событий в районе Тростенца. Их нельзя уже оставлять за рамками нынешнего критического исследовательского дискурса, где до последнего времени главное место занимали традиционные оценки, отодвигая в тень новые подходы, без которых сегодня практически невозможно сформировать общую картину видения трагических страниц военного прошлого вообще и истории нацистского геноцида в отношении гражданского населения в Беларуси в частности. Во-первых, при нынешнем показе тех событий важно помнить не только об общеизвестных фактах. Это означает, исходить только из документальных источников, оставленных в послевоенное время в отношении исторических событий в окрестности деревни Тростенец. Во-вторых, необходимо учитывать новые тенденции, появившиеся в последнее время не только в отечественном, но и зарубежном научном нарративе в отношении реальных событий в районе лагеря смерти Тростенец. Соединение этих двух моментов видится нам в качестве важной научной задачи для отечественных и зарубежных исследователей, особенно с учетом решения такой перспективной задачи, как анализ истории массовых убийств в районе деревень Малый и Большой Тростенец в контексте европейской истории, культуры и памяти.

Отметим, что первоначально арсенал важных исторических фактов по истории лагеря смерти Тростенец был сформирован в советское время, когда впервые стали доступными «Акты минской областной комиссии о массовом уничтожении советских граждан на территории гор. Минска и его окрестностей немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг.» [6], а также были опубликованы отдельные показания свидетелей о массовом уничтожении мирных граждан немецко-фашистскими захватчиками в лагере смерти Тростенец в 1941–1944 гг. [7; 8].

В национальном масштабе началом фактического увековечивания трагических событий в районе Тростенца можно по праву называть 1969 г., когда в «Стене памяти» Мемориального комплекса «Хатынь» каждый с полутора миллионов экскурсантов, кто в советское время ежегодно посещал это место памяти, обязательно видел в одной из 11 больших ниш число в 206,5 тысяч жертв Тростенецкого лагеря смерти. В начале 70-х это количество погибших нашло

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

отражение в докторской диссертации В. Ф. Романовского. Во второй половине 1980-х годов появляется первая специальная работа в форме небольшой брошюры, вышедшей в течение двух лет более чем 50-тысячным тиражом из пера сотрудницы Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны – А. Г. Ванькевич. Из ее заочной экскурсии в «крупнейший гитлеровский концентрированный лагерь Малый Тростенец» вытекало, что в годы войны здесь находилось место массового уничтожения мирного населения города и его окрестностей, где было убито 206500 человек [9, с. 7; 10, с. 5]. Как раз в то время немецкоязычный читатель впервые услышал о лагере смерти Тростенец около Минска, названном западногерманским исследователем П. Колем «белорусским Освенцимом» [11, S. 91].

В начале 1990-х годов в Минске предпринимались новые попытки по увековечиванию памяти жертв лагеря смерти Тростенец (1942–1944 годы). У связи с 50-летием освобождением Беларуси и победы в Великой Отечественной войне Президиум Верховного Совета Республики Беларусь принял постановление, в соответствии с которым белорусскому правительству рекомендовалось принять необходимые меры для создания на территории бывшего лагеря смерти Тростенец Мемориальной историко-культурной зоны с музеем, комплексом памятников истории, полем памяти жертв войны и геноцида [12, С. 1]. Однако на то время далее принятых решений дело не продвинулось.

Много новых исторических фактов по истории лагеря смерти Тростенец появилось только в нулевые годы, причем как в отечественной, так и зарубежной историографии. В исследованиях белорусских [13; 14; 15; 16; 17; 18] и немецких [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25] авторов, сборниках документов и материалов [26; 27], каталогах выставки [28; 29], а также на Интернет-порталах [30; 31] был создан целый корпус сведений, фактов, оценок. Очевидно, что любой заинтересованный читатель, в том числе посетитель может самостоятельно найти необходимую информацию, чтобы на ее основе попытаться восстановить трагическую историю лагеря смерти Тростенец, а также узнать о непростом процессе мемориализации тех событий не только в послевоенное, но и в настоящее время.

При этом особенно важно учитывать тот факт, что реальным результатом многолетнего сохранения памяти о жертвах национал-социалистического террора в этом месте массового уничтожения стало формирование разных нарративов памяти, собранных на одном и том же историческом ландшафте, однако свидетельствующих о значительном влиянии времени, соответственно и новых тенденций в таком важном деле, как увековечивание памяти о трагическом прошлом. Как результат, рядом с советским каждый из посетителей нового Мемориального комплекса Тростенец увидит современный белорусский официальный и неофициальный подходы к мемориализации событий, немецкую и австрийскую практики сохранения памяти о трагедии своих сограждан на белорусской земле. Каждый из указанных подходов уже нашел свое воплощение в соответствующих исторических образах, архитектурных формах, документальных фактах, именах личных, а также воплощенных в большинстве из возведенных памятников, памятных досок и знаков сегодняшнего Мемориала.

Коротко напомним читателю базовую версию, известную из белорусской советской историографии. Благодаря статье В. Ф. Романовского, опубликованной в 1990 г. в энциклопедии «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 гг.» [32], в обществе закреплялись главные тезисы о тех трагических событиях:

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Тростенецкий лагерь смерти был создан в ноябре 1941 г. около деревни Тростенец Минского района для массового уничтожения советских граждан и военнопленных, политических жертв из европейских тюрем и лагерей Австрии, Германии, Польши, Франции и Чехословакии. Массовые расстрелы проводились в урочищах Благовщина (до октября 1943 г. было уничтожено 150 тыс. человек), потом в урочище Шашковка (уничтожено более 50 тыс. человек), где была создана специальная яма-печь. Доставленные из минских тюрем и лагерей жертвы (6,5 тыс. человек) были сожжены в колхозном сарае и на штабелях дров рядом с д. Малый Тростенец в конце июня 1944 г. Всего в Тростенецком лагере смерти уничтожено 206,5 тыс. человек. Лагерь по количеству уничтоженных людей стоит на 4-м месте после Освенцима, Майданека и Треблинки [32, с. 590]. На то время эта энциклопедическая статья и научно-популярное издание «Экскурсия в Тростенец» А. Г. Ванькевич фактически впервые знакомили широкую общественность с фактами, основу которых составляли официальные цифры жертв в 206500 человек, установленные Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в окрестностях Минска в годы германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Заметим, что на помещенном в самом начале брошюры фото обелиска около деревни Большой Тростенец горит пламя вечного огня (в последние годы законсервировано. – С. Н.), но на установленной мемориальной доске начертана иная цифра – 201500 жертв.

Таким образом, базовым положением, закрепленном в советской и сохраненной в современной белорусской историографии, является научный тезис В. Ф. Романовского о массовом уничтожении советских граждан и военнопленных, в том числе зарубежных политических жертв в Тростенецком лагере смерти общей численностью 206,5 тыс. человек. При этом цифры, принятые на то время в научном и закрепленные в общественном дискурсе, не коррелировали между собой.

Именно здесь необходимо обратиться к сравнительному подходу, показать важность объективного определения реального количества жертв, трагически погибших в районе лагеря смерти около деревень Малый и Большой Тростенец под Минском. Для этого достаточно поставить вопрос, который бы свидетельствовал об ответственном подходе исследователя или экскурсовода к исторической реальности, глубины использования документальных источников и новых материалов, на основе которых можно было бы воссоздать фактическую картину с элементами не только обобщенного количества жертв, но и их личных имен, более того, обязательного указания их этнической, национальной или религиозной принадлежности. Это становится особенно актуальным сегодня, когда в повестке дня прочно закрепились технологии по транснациональному измерению трагических событий в районе Тростенца под Минском.

Не изменяют ситуации и новые документальные издания, в последние годы подготовленные профессиональными историками, музейными работниками и архивистами. Так, в 2003 г. впервые был подготовлен сборник «Лагерь смерти Тростенец», состоящий из 117 архивных документов и материалов. Во введении закреплялись общепринятые данные, следуя которым на месте массового уничтожения в этом районе было загублено 206,5 тыс. человек [26, с. 8]. Такой же подход используют авторы нового издания, вышедшего в 2016 г. под названием «Тростенец. Трагедия народов Европы, память в Беларуси» [27, с. 7]. Поэтому для

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

рядового посетителя или неподготовленного туриста будет не совсем понятной цифра, какую после выхода документальных сборников предлагают авторы нового научно-популярного издания «Тростенец. Трагедия народов Европы» – Н. А. Яцкевич и М. Г. Никитин [33]. Так, в отношении деятельности зондеркоманды-1005 и количества сожженных жертв в районе деревни Тростенец Минского района они утверждают следующее: «В период с октября 1943 г. по март 1944 гг. зондеркоманда «1005-Центр» раскопала и сожгла в урочище Благовщина 125 тысяч трупов» [33, с. 23].

В связи с этим обращаем внимание читателя на следующие моменты в приведенной выше цитате: во-первых, на хронологические рамки деятельности зондеркоманды, не подтвержденные ни в одном немецком документе; во-вторых, на количество сожженных жертв в урочище Благовщина, что значительно отличается от сведений минской областной комиссии содействия Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК СССР). Как известно, в документе комиссии от 13 августа 1944 г. была приведена точная цифра в 150 тысяч. В то же время авторы не приводят документальные сведения, из которых была бы очевидна необходимость указанных нововведений в отношении причины уменьшения исторически принятой цифры. Составители не посчитали нужным сделать ссылку на архивные документы или иные материалы, на основании которых можно было бы определить временной срок сожжения трупов «зондеркомандой 1005-Центр» в урочище Благовщина с учетом того факта, что на судебном процессе в Гамбурге бывший командир 9-й танковой полицейской роты оберлейтенант О. Гольдап назвал точную дату последнего дня работы команды, которой он руководил, – 15 декабря 1943 г.

Поэтому у посетителя Мемориального комплекса Тростенец или внимательного читателя возникают логические вопросы, на основе каких документальных источников вводятся в научную, общественную и экскурсионную практики сведения, отличающиеся от общеизвестных. Это особенно важно, так как новое издание адресовано не только белорусскоязычной, но и англо- и русскоязычной читательской аудитории, благодаря чему вводят факты белорусской военной истории в европейский контекст, где на настоящее время закрепились оценки, к которым в ходе исследования указанной проблематики пришли в современной германской историографии. И выводы немецких исследователей, построенные на оригинальных документальных источниках, существенно отличаются от цифр ЧГК СССР. Таким образом, даже с появлением новых изданий не удалось решить задачу по определению конкретных масштабов людской трагедии в районе деревень Малый и Большой Тростенец.

В настоящее время малоизвестной даже для профессиональных исследователей остается практика деятельности «зондеркоманды 1005-Центр», название которой происходило из очередного учетного номера в текущем делопроизводстве RSHA (Имперского ведомства безопасности рейха), созданной для ликвидации следов преступлений на оккупированных советской территории, в том числе в районе Тростенца [17]. Тогда как подборка документальных материалов, опубликованных в последние годы в историко-документальной хронике городов и районов Беларуси по указанной теме, практически обходит молчанием или не касается этого ужасного факта военной истории многих районов и городов Беларуси. Новые вопросы к известным историческим фактам

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ставит также новая зарубежная практика мемориализации, например, установка весной 2019 г. памятника с конкретными именами австрийских евреев на территории бывшего рабочего лагеря около деревни Тростенец.

Не менее актуальной остается проблема по адекватному использованию противоречивых документальных сведений в новом пространстве памяти, созданном только за последние годы в Мемориальном комплексе Тростенец. Для посетителей не всегда понятно, почему на территории Мемориала нарушаются нормативные положения о действии историко-культурных охранных зон, в чем причины расхождения введенных данных с традиционными документальными сведениями, что является препятствием для реализации узловых идей проекта по увековечиванию памяти о разных категориях жертв в урочище Благовщина. И главное, как можно объяснить отсутствие в этом пантеоне памяти имен белорусских жертв на фоне появления австрийского памятника «Массив имен» [4] и др.

Подводя итог, важно отметить, что в настоящее время перед исследователями стоят сложные задачи не только по углублению научных знаний, но и их целевому использованию в отношении к отдельным малоизученным фактам, в том числе путем компаративного анализа выявленного к настоящему времени целого комплекса документов и материалов, в том числе немецкого происхождения. Сегодня становится очевидной необходимость в обеспечении общественной потребности в новом историческом нарративе, который мог бы сблизить взгляды исследователей, оценки экскурсоводов и мнения экскурсантов. На этом этапе соединение в архитектурных объектах разных практик мемориализации исторической памяти в Тростенце убеждает в том, что несмотря на устойчивое сохранение определенных стереотипов в передаче исторической информации каждый из мемориальных объектов европейского уровня должен служить местом аккумуляции объективных научных знаний о людской трагедии в районе деревень Малый и Большой Тростенец рядом с сегодняшней белорусской столицей. Это означает, что перспективным направлением нам здесь видится показ трагической истории в контексте общеевропейской культуры памяти не только о многочисленных жертвах Холокоста, но и масштабах трагедии советских военнопленных и гражданского населения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Это как раз созвучно тому, что в конце 1950-х годов в ходе мероприятий, связанных с увековечиванием трагических событий блокадного Ленинграда на Пискаревском кладбище, в память о сотнях тысяч погибших ленинградцев впервые прозвучал душевный клич Ольги Берггольц, воплощенный в словах – «Никто не забыт и ничто не забыто!». Прозвучал как наказ к будущим поколениям в смысле того, что жертвы войны не должны быть забыты, чтобы ничто и никто не был утерян из памяти живых людей.

Список литературы

1. Лукашенко с президентами Германии и Австрии посетил мемориальный комплекс «Тростенец» [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-s-prezidentami-germanii-i-avstrii-poseschaet-memorialnyj-kompleks-trostenets-308766-2018>. – Дата доступу: 10.11.2019.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

2. Kurz besuchte NS-Vernichtungsstätte in Maly Trostenez in Weißrussland [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://www.diepresse.com/5603551/kurz-besuchte-ns-vernichtungsstatte-in-maly-trostenez-in-weissrussland>. – Дата доступу: 10.11.2019.
3. Лукашенко и Курц в Тростенце открыли монумент "Массив имен" [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-i-kurts-v-trostentse-otkryli-monument-massiv-imen.html>. – Дата доступу: 10.11.2019.
4. Президент Беларуси и федеральный канцлер Австрии открыли памятник жертвам нацизма «Массив имен» [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://minsknews.by/prezident-belarusi-i-federalnyiy-kantsler-avstrii-otkryili-ramyatnik-zhertvam-natsizma-massiv-imen/>. – Дата доступу: 10.11.2019.
5. Бережное отношение к памяти жертв нацизма стало частью национальной идеи белорусов [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://sputnik.by/society/20190328/1040624541/Lukashenko-berezhnoe-otnoshenie-k-ramyati-o-zhertvakh-natsizma---chast-natsidei.html> – Дата доступу: 10.11.2019.
6. Акт минской областной комиссии о массовом истреблении советских граждан на территории гор. Минска и его окрестностей немецко-фашистскими захватчиками в 1941 – 1944 гг. от 13 августа 1944 г. // Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Минск: Беларусь, 1965. – С. 222–227.
7. Протокол допроса свидетеля П. Н. Головача, жителя дер. Б. Тростенец Минского района от 19 июля 1944 г. // Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Минск: Беларусь, 1965. – С. 208–210.
8. Из протокола допроса свидетеля С. И. Савинской, жительницы гор. Минска от 24 июля 1944 г. // Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Минск: Беларусь, 1965. – С. 210–211.
9. Ванькевич, А. Г. Экскурсия в Тростенец / А. Г. Ванькевич. – Минск: Полымя, 1986. – 32 с.
10. Ванькевич, А. Г. Экскурсия в Тростенец / А. Г. Ванькевич. 2-е изд., испр. – Минск: Полымя, 1986. – 31 с.
11. Kohl, P. „Ich wundere mich, dass ich noch lebe-: sowjetische Augenzeugen berichten / P. Kohl. – Gütersloh: Gütersloher Verlag – Haus Mohn, 1990. – 319 S.
12. Пастанова Прэзідыума Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь – Аб увекавечанні памяці ахвяр лагера смерці –Трасцянец (1942 – 1944 гады) ад 18 мая 1994 г. // Трасцянец. Бюлетэнь гісторыка-мемарыяльнага фонду –Трасцянец – Дадатак № 1. – 1994. – Ліпень.
13. Тростенец / сост. С. В. Жумарь, Р. А. Черноглазова. – Минск: ГК «Полиграф-оформление», 2003. – 103 с.
14. Yatskevich, N. Zur Gründung einer Gedenkstätte in Trostenez / N. Yatskevich // „Existiert das Ghetto noch?-. Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Assoziation A. – Berlin; Hamburg; Göttingen: IBV Dortmund, 2003. – S. 246–247.
15. Кузнецов, И. Н. Тростенец: актуальные проблемы исследований / И. Н. Кузнецов // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 6 красавіка 2012 г. Вып. 12. У 2 т. Т. 1 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2013. – С. 84–89.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

16. Новікаў, С. Я. Урочышча Благаўшчына – месца масавага знішчэння людзей на тэрыторыі акупаванай Беларусі / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 10. – С. 21–27.
17. Новікаў, С. Я. Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943–1944 гг.: да пытання аб дзейнасці –зондэркаманды 1005-Цэнтрл / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 5. – С. 3–13.
18. Багданава, Г. П. Ахвяры і злачынцы нацысцкага лагера Малы Трасцянец: малавядомыя факты / Г. П. Багданава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 6. – С. 13–13.
19. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 768–770.
20. Kohl, P. Das Vernichtungslager Trostenez / P. Kohl. – Dortmund: IBB, 2003. – 112 S.
21. Rentrop, P. Tatorte der „Endlösung—. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin: Metropol, 2011. – 256 S.
22. Rentrop, P. Maly Trostinez – eine Landgut als Vernichtungsstätte / P. Rentrop // Im Schatten von Auschwitz. Spurensuche in Polen, Belarus und der Ukraine: Begegnen, erinnern, lernen. – Bonn: BPB, 2017. – S. 152–169.
23. Ewe, G. Maly Trascjanec heute begegnen / G. Ewe // Im Schatten von Auschwitz. Spurensuche in Polen, Belarus und der Ukraine: Begegnen, erinnern, lernen. – Bonn: BPB, 2017. – S. 314–331.
24. Markscheder, A. Zwischen Anspruch und Wirklichkeit. Das Bildungskonzept des Internationalen Bildungs- und Begegnungswerks (IBB) zu Malyj Trostenez und dem Minsker Ghetto / A. Markscheder, A. Dalhouski // Im Schatten von Auschwitz. Spurensuche in Polen, Belarus und der Ukraine: Begegnen, erinnern, lernen. – Bonn: BPB, 2017. – S. 556–567.
25. Валігурска, М. Памяць пра Халакост. На лініях разлому паміж усходне- і заходнееўрапейскай культурамі памяці. Новы мемарыяльны комплекс у Трасцянец / М. Валігурска // АРСНЕ-Пачатак. – 2018. – № 3. – С. 80–96.
26. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / Под ред. Г.Д. Кнатько. – Минск: НАРБ, 2003. – 292 с.
27. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. : В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 520 с.
28. Vernichtungsort Maly Trostinez. Geschichte und Erinnerung. Katalog der deutsch-belarussischen Wanderausstellung. – Berlin: IBB Dortmund, 2016. – 246 S.
29. Лагерь смерти Тростенец: история и память. Каталог передвижной выставки. – Берлин: МОЦ Дортмунд, 2016. – 246 с.
30. Досье: лагерь смерти Тростенец [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://www.belta.by/society/view/dose-lager-smerti-trostenets-308621-2018>. – Дата доступу: 10.11.2019.
31. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://archives.gov.by/index.php?id=973276>. – Дата доступу: 10.11.2019.
32. Раманоўскі, В. П. Трасцянецкі лагерь смерці / В. П. Раманоўскі // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыклапедыя; Рэдкал. І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск, БелСЭ, 1990. – С. 591.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

33. Яцкевіч, Н. А. Трасцянец. Трагедыя народаў Еўропы = Тростенец. Трагедия народов Европы = Trastsianets. The tragedy the peoples of Europe / Н. А. Яцкевіч, М. Г. Нікіцін. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018. – 128 с.

Novikau S.Y.

PROBLEMS OF PRESERVING HISTORIC MEMORIES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF THE MEMORIAL COMPLEX «TROSTENETS»)

NOVIKAU Siarhei Y. – assistant professor, Minsk State Linguistic University, 220034, Belarus, Zakharov str., 21.
e-mail: novikau@tut.by

Abstract. The article focuses on the problem of preserving historic memories of one of the largest places of mass extermination of civilians, including those of foreign origin, in the occupied territory of the USSR in the vicinity of the Belarusian capital of Minsk during the Great Patriotic War. This problem has been unexplored in Belarusian historiography. A large number of documentary sources have been analyzed from this perspective for the first time to draw the reader's attention to especially important historic factors that influenced the process of belated scientific study of tragic events and their inclusion in the pantheon of national memories. The article shows new tendencies that have recently appeared not only in scientific but also in public discourse both in our country and abroad regarding historic facts about the tragic events in the death camp –Trostenets and its immediate vicinity. Their study provides an opportunity to reconstruct the main directions of work carried out by the scientific community and the public in the difficult conditions of the post-war period. Problems of selecting historic facts to keep the memories of the military past alive are highlighted. The way of events perpetuation which dates back to the postwar period and continues to this day is illustrated. The author's evaluations concerning the development of the concept and implementation of its main ideas in the Trostenets Memorial complex are introduced into scientific circulation. The existence of different scientific narratives in national and foreign historiography is shown; museum-tourist and information resources of the commemoration of tragic events are revealed; relevant solutions to these and other problems are offered in the context of new public history and modern memory culture formation.

Keywords: Great Patriotic War, genocide, Malyi (Bolshoi) Trostenets, death camp, places of mass extermination, memories, perpetuation.

УДК 950 (575.1)

Нуриддинов Э.З.

ВКЛАД УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НУРИДДИНОВ Эркин Зухриддинович – доктор исторических наук, профессор, Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами, профессор кафедры «История и методика её преподавания»
e-mail: nuriddinoverkin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена воссоздания картины исторической реалии имевшего место в годы Великой Отечественной войны. Интернациональное единство народов СССР, проявленные в годы войны, раскрыты на основе многочисленных фактов патриотического вклада узбекского народа в дело победы над общим врагом. В ней показана негативная реакция народа Узбекистана по отношению к вероломному нападению нацистской Германии на СССР, что было выражено в ходе многочисленных митингов состоявшихся по всей республике. Демонстрируется патриотический настрой всех слоев населения республики в не зависимости от возраста, на готовность внести вклад в защиту страну от надвигавшейся угрозы, как на фронте, так и в тылу. В статье, на конкретных документальных материалах демонстрируется героический вклад воинов-узбекистанцев на всех фронтах Великой Отечественной войны, а также при освобождении территории Восточноевропейских стран, за что многие были награждены высокими орденами и медалями за защиту Родины. Отдельное место в статье отводится самоотверженному труду всех слоев населения Узбекистана, ковавших победу в тылу страны, исполняя свой патриотический долг за станками военно-промышленных предприятий, а также выращивая на полях урожай необходимые для фронта. Материалы статьи свидетельствуют о преимуществе идей гуманизма, толерантности и интернационального единства народов над разрушительной идеологией нацизма и шовинизма. Они послужат отпором на попытки западных апологетов фальсифицировать истинный ход военных событий Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Ключевые слова: Агрессия, вклад, война, гуманизм, народ, Узбекистан.

В условиях быстро меняющегося и глобализующегося мира, когда наблюдается тенденция к искусственному искажению исторических фактов Второй мировой и Великой Отечественной войны, большая ответственность ложится на плечи представителей исторической науки. Главная их задача, сохранение памяти о боевом братстве, беспримерном мужестве и героизме воинов народов многонационального Советского Союза, которые, не жалея сил и самой жизни, сражались за свободу и независимость, освободив в 1945 г. мир от фашизма.

Говоря о Великой Отечественной войне, прежде всего, следует отметить, что она принесла небывалые страдания и разрушения для народов СССР. Она стала одной из величайших трагедий в мировой истории, унесшая десятки миллионов человеческих жизней. Именно поэтому нынешнее время требует необходимости очень бережно относиться к сохранению исторической памяти.

В годы Великой Отечественной войны для победы над немецко фашистскими захватчиками плечом к плечу сражались лучшие сыны и дочери представителей разных наций и народностей Советского Союза. Свой вклад в дело победы внёс и народ Узбекистана.

С первых дней объявления Великой Отечественной войны с геометрической прогрессией множился патриотический подъем узбекского

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

народа. Жители республики выразили свою готовность к деятельному участию на всех фронтах в борьбе против фашистских поработителей. Об этом свидетельствует тот факт, что уже с началом военных действий немецко-фашистских захватчиков против СССР по республике прокатилась волна митингов и собраний. Участники этих мероприятий с гневом выражали свое возмущение вероломному нападению фашистской Германии. Они заявляли о своей готовности отдать все силы, а если понадобится и жизнь ради дела победы над фашизмом. Так, например, 22 июня 1941 г. состоялся митинг рабочих Ташкентского текстильного комбината, которые заявили, что они с этой минуты считают себя мобилизованными на защиту Родины. Затем 23 июня 1941 г. прошли митинги на заводе "Ташсельмаш" и «Красная заря» [6, с. 75], где также говорилось о готовности с честью выполнить любое задание, пойти на любые жертвы для скорейшей победы над агрессором.

Мощная волна протеста против действий фашистских агрессоров охватила не только столицу республики, она прокатилась по всему Узбекистану. Многотысячные митинги состоялись 23-24 июня 1941 г. в Самарканде, Бухаре, Андижане, Намангане, Фергане, Нукусе и других городах республики [8, с. 50-61]. Примечательно то, что рабочие и служащие, преподаватели и студенты, принимавшие участие на этих мероприятиях, говорили о готовности защищать страну, на фронте и в тылу ковать победу над врагом. Многие прямо на митингах подавали заявление об отправке на фронт. В Узбекистане в первые месяцы войны было подано более 32 тысяч подобных заявлений.

Наравне с мужчинами патриотический долг выполняли также и представительницы женского пола. Многие девушки Узбекистана наравне с юношами добровольно записывались для службы в армии. Так, например, в конце июня 1941 г. в Бухарский городской военный комиссариат поступило коллективное заявление с просьбой отправить на боевые позиции от 14 девушек в возрасте от 17 до 24 лет. В этом списке были и узбечки, и русские, и татары, и представители других национальностей [8, с. 50-61].

Накануне войны в Узбекистане проживало 6,5 мил. человек, из них 1,5 мил. жителей многонационального народа Узбекистана в годы Великой Отечественной войны ушли на фронт, внося вклад в дело победы. В годы войны Узбекистан сыграл также важную роль в подготовке военных кадров. В частности, за годы войны в республике были собраны и укомплектованы 15 дивизий и бригад. Военные училища, дислоцированные в Ташкенте, подготовили для фронта несколько тысяч командиров и политработников.

Опираясь на достоверные источники, следует констатировать, что представители Узбекистана были достойными участниками на передовых рубежах всех фронтов Великой Отечественной войны. Среди защитников легендарной Брестской крепости доблестно сражались сынов узбекского народа, среди которых своим мужеством отличились Н.Садыков, А.Абдуллаев, А.Арсланбаев, С.Байтемиров, А.Алиев, Т.Хидыров, У.Утаев и др. [6, с. 129].

С особой почестью можно вспомнить беспримерный подвиг совершенный 316 стрелковой дивизией, сформированной в Туркестанском военном округе в дни Московской битвы. Костяком ее командного, военного и политического состава были 180 воспитанников Ташкентского военного и военно-политического училища. Дивизией командовал генерал-майор Иван Васильевич Панфилов, ветеран Туркестанского военного округа, который до войны преподавал в

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Ташкентском военном училище [1, с. 202-203]. Под его командованием дивизия храбро сражалась в боях с превосходящими силами противника, среди которых находились и воины Узбекистана. Неувядаемой славой покрыли свои имена бойцы этой дивизии З.Ибрагимов, Г.Абдукаримов [3, с. 40]. Боевую доблесть проявили пулеметчик Т.Шарафутдинов, сержант Д.Атабаев, С.Джуманазаров и многие другие. В ходе боевых действий панфиловцы уничтожили 114 танков, более 26 тыс. солдат и офицеров, 5 самолетов и много другой техники противника [5].

Учитывая огромную значимость разгрома немецко-фашистских оккупантов под Москвой, советское правительство учредило специальную медаль «За оборону Москвы». В числе награжденных медалью были 1753 воина Узбекистанца [4, с. 178].

Уроженцы Узбекистана доблестно воевали и на других фронтах в годы Великой Отечественной войны. Так, например, бойцы из Узбекистана мужественно сражались в ходе исторической битвы под Сталинградом. В тяжелейших боях за Сталинград прославился своей отвагой артиллерист капитан М.Исхаков. В дни великой битвы на Волге солдатская фронтовая газета на своих страничках под заголовком «Бейтесь, как бился камбат Исхаков!» [6, с. 130] призывала всех воинов красноармейцев следовать его примеру. Другой представитель Узбекистана К.Тургунов, стал одним из участников героической обороны знаменитого «Дома Павлова». Под Сталинградом смертью храбрых погибла бывшая студентка исторического факультета Ташкентского государственного педагогического института Е.Стемпковская, посмертно удостоенная звания Героя Советского Союза. Отважно боролись с врагом на берегу Волги К.Эльмуродов, И.Аскараров, М.Ниязбеков, А.Блохин, Ф.Фарманов и др., на личном счету каждого из которых насчитывался не один десяток уничтоженных врагов и боевой техники. Только медалью «За оборону Сталинграда» было награждено из числа воинов Узбекистана 2733 человека [5].

Массовый героизм проявили воины-узбекистанцы в ходе легендарного Курского сражения, где летом 1943 г. развернулась грандиозная битва. В этой исторической схватке активное участие принимали соединения, сформированные в Узбекистане. Среди них были 5 и 69-я стрелковые дивизии, а также 162-я стрелковая Среднеазиатская Новгород-Северская Краснознаменная дивизия. Эти дивизии прошли с боями от курских полей до прикарпатских долин, освободив десятки городов, сотни сел и деревень от гитлеровских оккупантов [6, с. 131].

Можно привести множество примеров подвига воинов-узбекистанцев проявивших в годы Великой Отечественной войны. Они достойно отстаивали честь Родины на рубежах Закавказского, Украинского, Белорусского и других фронтов. Много представителей из Узбекистана самоотверженно сражались также и в партизанских отрядах, подвергая уничтожению соединения вражеской армии и нанося огромный ущерб военной технике оккупантов на временно захваченной ими территории.

Более того, в годы войны в ходе боевых действий среди воинов-узбекистанцев сформировались такие видные военачальники, как гвардии генерал-майор С.У.Рахимов (1902-1945), генерал-лейтенант Ф.Х.Норхужаев (1911-1983), генерал-лейтенант С.С.Охунжонов (1919-2012), генерал-лейтенант А.М.Ходжибоев (1923-2001), генерал-лейтенант Я.Ж.Чанишев (1892-1988), генерал-майор Ш.Н.Гениатулин (1895-1946), генерал-майор М.К.Узоков (1907-

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

1960), генерал-майор Й.Б.Бобожонов (1906-1972), генерал-майор И.П.Бикжонов (1895-1988), генерал-лейтенант Ш.Олимов (1910-1985) и другие [9, с. 42]. Своим героическим подвигом они внесли огромный вклад в дело освобождения территории страны от немецко-фашистских захватчиков.

Не жалея сил и ценою собственной жизни воины-узбекистанцы принимали активное участие в освобождении территории соседних стран Центральной и Восточной Европы, подвергшихся жесточайшему насилию со стороны фашистской Германии с первых дней Второй мировой войны. Например, в освобождении Польши активное участие принимал первый генерал - узбек Сабир Умарович Рахимов, командир 57-й гвардейской дивизии, прошедший славный боевой путь от Кавказа до Восточной Пруссии. Верховное Главнокомандование Советской Армии высоко отметила заслуги личного состава дивизии в борьбе за освобождение польских городов Грудзяндз, Гнев, Староград и Дзядово. Однако острое сражение, развернувшееся при освобождении польского города Гданьск, оказался раковым для командира дивизии. Здесь 25 марта 1945 г. генерал-майор С.У.Рахимов был смертельно ранен разрывом мины [6, с. 134]. Верный сын узбекского народа погиб на боевом посту, отдав жизнь за свободу и освобождение не только своей Родины, но и территорию соседнего польского народа от фашистских оккупантов.

Огромное мужество и отвагу проявил в годы Великой Отечественной войны первый летчик узбек в истории Узбекистана А.Тайметов. В период войны с немецко-фашистскими оккупантами он совершил более ста ночных боевых вылетов за линию фронта, в глубокий тыл врага по десантированию разведчиков, снабжению партизанских отрядов боеприпасами, продовольствием, медикаментами, эвакуации раненных бойцов. Свыше 60 трудных и опасных полетов совершил А.Тайметов по заданию штаба польского партизанского движения. За проявленное мужество он был награжден орденом Отечественной войны II степени и польским орденом - *Virtuti Militaril* [7].

Учитывая боевой опыт и мастерство прославленного летчика, именно экипажу А.Тайметова в мае 1945 г. командование армией поручило особо важное задание – доставить в Москву Акт о безоговорочной капитуляции Германии, штандарты поверженного Третьего рейха и Знамя Победы. [7].

Победа над фашизмом в Великой Отечественной войне был результатом героического подвига советских людей. При этом огромный вклад в разгром нацистской Германии и, ее союзников достойно внесли воины-узбекистанцы. За проявленную отвагу 120 тысяч узбекистанцев были награждены орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза было присвоено 280 выходцам из Узбекистана, 82 воина стали полными кавалерами Ордена «Славы» всех трех степеней [2].

На сегодняшний день подвиг воинов-узбекистанцев проявленные в годы Великой Отечественной войны отражены в документальных материалах хранящихся в Государственном музее Вооруженных Сил Узбекистана. Экспозиционные залы данного музея насчитывают более 35 тысяч экспонатов и архивных материалов о военной истории страны. Они непременно будут служить делу воспитания подрастающего поколения в духе преданности Родине, прививать чувство гордости за самоотверженный и героический подвиг наших дедов и отцов, братьев и сестер в условиях тяжелого военного времени.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В тяжелые годы военных лет жители Узбекистана внесли свой вклад не только на передовых рубежах Великой Отечественной войны. Исходя из присущего для узбекского народа интернационального характера, преданности идеям гуманизма и толерантности, все слои населения Узбекистана внесли свой посильный вклад в дело победы над врагом даже в глубоком тылу.

Несмотря на свою географическую расположенность в дали от западного фронта, Узбекистан, как и другие центральные регионы СССР был превращен в важный военно-промышленный арсенал страны. Осуществленная во второй половине 1941 г. и в начале 1942 г. на неприфронтовых территориях страны экономическая трансформация была ответом на военно-экономический «блицкриг» фашистской Германии, а также был основным фактором его провала.

С началом объявления войны вся страна была превращена в единый боевой лагерь, проводилась работа по максимальной мобилизации материальных и людских ресурсов на нужды Великой Отечественной войны. При этом одной из наиважнейших задач, стоящих перед страной являлось эвакуация населения и промышленно-производственных предприятий из оккупированных территорий в глубь страны.

В силу больших усилий и предпринятых мер, промышленные мощности западных территорий СССР были максимально сохранены и перемещены на Урал, Западную Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. В восточную часть страны было эвакуировано более 1360 крупных предприятий, из них 250 в Среднюю Азию и Казахстан, в том числе более ста предприятий были направлены в Узбекистан [9, с. 33-35]. В республику ввозились также сельскохозяйственные машины, скот, горючее, металл и др. Эвакуировались научные, учебные и культурные учреждения. При этом жители Узбекистана полностью осознавая всю тяжесть сложившейся ситуации в условиях военного времени, мобилизовали все силы и средства для решения поставленных задач для победы в Великой Отечественной войне. Находясь в глубоком тылу, они ковали победу над врагом исполняя свой патриотический долг за станками военно-промышленных предприятий, а также выращивая на полях урожай необходимые для фронта.

Среди 104 заводов и фабрик, эвакуированных в Узбекистан, были такие предприятия, как Ленинградский завод текстильных машин, «Ростсельмаш», «Красный Аксай», Суский компрессорный и Днепропетровский карборунный заводы, московские заводы «Электрокабель» и «Подъемник», Машиностроительный завод народного комиссариата железных дорог, Киевский завод «Трансигнал», Сталинградский химический комбинат и др. [9, с. 15].

Ярким примером проявления традиционного патриотизма жителей Узбекистана явилась всенародная помощь фронту. Узбекистанцы с первых дней войны приняли деятельное участие в движении за создание фонда обороны, начавшегося по инициативе жителей Москвы и Ленинграда. Трудящиеся Узбекистана, поддерживая данную инициативу, уже в первые дни войны сдали в фонд обороны деньги, драгоценности, облигации займом на сумму 30 млн. рублей. Кроме того колхозники республики внесли 2389 ц. зерна, 1808 ц. мяса, 200 ц. шерсти, 1495 ц. сена, 325 ц. сухофруктов, 430 ц. овощей, бахчевых [6, с. 84] и других продовольственных и сельскохозяйственных продуктов. Всего за годы войны узбекистанцы внесли в фонд обороны 649,9 млн. рублей наличными, 422,6 млн. рублей облигациями государственных займов, 55 кг. золота, серебра и других драгоценных металлов [3, с. 45]. На эти средства были построены и

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

отправлены на фронт бронепоезда "Узбекистан", "Красно-восточник", авиаэскадрилья, танковые колонны и другая техника.

В годы Великой Отечественной войны достойно был продемонстрирован интернациональный дух и чувства гуманизма присущие узбекскому народу. Оно ярко проявилось в ходе эвакуации населения западных регионов страны на восток. Жители республики проявили о них большую заботу, помогли с жильем, питанием, одеждой. Особое внимание было проявлено к эвакуированным детям, потерявшим родителей. 2 января 1942 г. женщины Ташкента обратились с призывом ко всем женщинам Узбекистана проявить материнскую заботу об эвакуированных детях. За все годы войны Узбекистан спас от голода и смерти, эвакуированных сюда более 1,5 миллионов людей, среди них почти 300 тыс. осиротевших детей разных национальностей, вывезенных из блокадного Ленинграда, Белоруссии, Польши и Украины. Для сотен тысяч человек Узбекистан стала вторым домом. Все они нашли здесь внимание, приют и заботу. Многие из них обрели здесь новую семью.

Только одна семья кузнеца Ш.Шамахмудова взяла на воспитание 15 детей разных национальностей. В одном доме и под одной крышей в простой узбекской семье проживали русские, белорус, молдаванин, еврейка, латыш, казах, немка и татарин. Это поистине является великим героизмом, проявленным узбекской семьей в тяжелые годы Великой Отечественной войны. И это была не единственная узбекская семья, приютившая и воспитавшая эвакуированных детей сирот.

Таким образом, Вторая мировая и Великая Отечественная война принесли небывалые страдания и разрушения. Они стали одной из величайших трагедий в мировой истории, унесшие десятки миллионов человеческих жизней. Именно поэтому сегодня от всего прогрессивного человечества требуется бережное отношение к сохранению исторической памяти. Долг каждого народа в не зависимости от национальной принадлежности, передать потомкам правду о войне, о реальных исторических фактах и её героях. Данному вопросу особое внимание на современном этапе уделяется в Республике Узбекистан.

Республика Узбекистан, как независимое государство при определении стратегии внутреннего развития страны, твердо опираясь на присущие для узбекского народа позиций гуманизма и толерантности, центральное место отводит вопросам межнационального и межконфессионального согласия. При этом храня память о подвигах воинов-узбекистанцев в годы Великой Отечественной войны, внесших вклад в дело победы, отводится большое внимание патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Как отмечает Президент Республики Узбекистан Ш.Мирзиёев - «Нам следует более глубоко изучать нелегкий жизненный путь наших соотечественников, внесших достойный вклад в Великую Победу, их мужество и героизм... Молодежь должна осознавать, благодаря кому в течение почти 75 лет мы живем в мире и спокойствии, не зная, что такое война» [2].

Список литературы

1. Боевой путь войск Туркестанского военного округа. – М., 1959. 267 с.
2. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной дню памяти и почестей / Народное слово. 10 мая 2019 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

3. Голованов А.А., Саидов И.М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Часть 1. «Родина священна для каждого». – Издательство СамГУ, 2006. 172 с.
4. Джураев Т.Д. Верные сыны Родины. - Ташкент, Узбекистан, 1964. 216 с.
5. Джураев Т.Д. В боях за Советскую Родину / Кизил Узбекистон. 9 мая 1961 г.
6. История Узбекской ССР. В 4-х т. Отв. ред. Р.Х.Аминова и др. Т. 4. – Т., «Фан», 1968. 581 с.
7. Левченко С. С вестью о капитуляции на борту / Народное слово. 16 января 2020 г.
8. Узбекская ССР в годы Великой отечественной войны. В 3-х томах. Т. 1. – Ташкент, 1981. 324 с.
9. Ўзбекистон тарихи (1917 – 1991 йиллар) К.2. Ўзбекистон 1939 – 1991 йиллар. – Тошкент: «O_zbekiston» НМИУ, 2019. 576 б.

Nuriddinov E.Z.

CONTRIBUTION OF THE UZBEK PEOPLE TO AMERICA IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

NURIDDINOV Erkin Z. – doctor of historical Sciences, Professor, Tashkent state pedagogical University named after Nizami, Professor of the Department "History and methods of teaching it»
e -mail: nuriddinoverkin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the picture of the historical reality that took place during the Great Patriotic War. The international unity of the peoples of the USSR, manifested during the war, is disclosed on the basis of numerous facts of the patriotic contribution of the Uzbek people to the cause of victory over a common enemy. It shows the negative reaction of the people of Uzbekistan to the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR, which was expressed during numerous rallies held throughout the republic. The patriotic attitude of all segments of the population of the republic, regardless of age, to readiness to contribute to protecting the country from the impending threat, both at the front and in the rear, is demonstrated. The article, on specific documentary materials, demonstrates the heroic contribution of Uzbek warriors on all fronts of the Great Patriotic War, as well as during the liberation of the territory of Eastern European countries, for which many were awarded high orders and medals for the defense of the Homeland. A special place in the article is devoted to the selfless work of all sectors of the population of Uzbekistan who forged a victory in the rear of the country, fulfilling their patriotic duty at the machines of military-industrial enterprises, and also cultivating the crops necessary for the front in the fields. The materials in the article demonstrate the superiority of the ideas of humanism, tolerance and international unity of peoples over the destructive ideology of Nazism and chauvinism. They will serve as a rebuff to the attempts of Western apologists to falsify the true course of the military events of the Great Patriotic and World War II.

Keywords: Aggression, contribution, war, humanism, people, Uzbekistan.

**ЮВЕНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

ПАСС Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

e-mail: pass_andrey@mail.ru

УСОЛЬЦЕВА Наталья Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный аграрный университет Институт агроинженерии, 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 75.

e-mail: usolnatal@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт и нормативно-правовые аспекты решения проблем подростковой и детской преступности, беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны, пенитенциарная политика советского государства в отношении малолетних правонарушителей. Значимыми формами профилактики и пресечения ювенальной преступности являлись различные формы общественной помощи: усыновление, патронат, опека, сборы вещей и денежных средств для сирот и детей фронтовиков, организация досуга, рейды активистов по изъятию детей с улицы, вовлечение их в кружки и секции, содействие трудоустройству. Для решения указанной проблемы расширялась сеть детских домов, школ, предпринимались меры по организации питания, медицинского обслуживания, улучшению материально-бытовых условий. Война усугубила ситуацию с ювенальной преступностью, изменила содержание работы с детьми и подростками, потребовала привлечения внимания к данному вопросу не только со стороны органов внутренних дел, но и партийных организаций, учреждений Наркомпроса, администрации промышленных предприятий и колхозов, представителей общественности. Государственная политика в отношении экономического криминала несовершеннолетних носила двойственный характер: наряду с профилактическими и воспитательными мерами применялись достаточно суровые репрессии. Некоторое снижение показателей беспризорности, безнадзорности и подростковой преступности, начиная с 1944 г., свидетельствовало о том, что ситуацию все же удалось взять под контроль.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, несовершеннолетние, беспризорность, безнадзорность, ювенальная преступность.

Отечественной войны произошло резкое увеличение ювенальной преступности. Если в 1940 г. было зарегистрировано 34358 случаев, то в 1944 г. — уже 64640 случаев. Пик несовершеннолетней преступности пришелся на 1943-1944 гг. [1, С. 3].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00185 «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала)»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Неблагополучие в подростковой среде отмечалось и накануне войны. Об этом свидетельствуют нормативно-правовые документы, усиливавшие репрессии в отношении малолетних преступников во второй половине 30-х гг. В частности, в 1935 г. возрастной порог наступления уголовной ответственности был снижен до 12 лет. Одновременно советское законодательство требовало карать тюремным заключением на срок не менее 5 лет лиц, вовлекавших и принуждавших несовершеннолетних к занятию спекуляцией, нищенством и т.д. [2, С. 381-382]. С 1940 г. наказание до одного года лишения свободы с заключением в трудовые колонии полагалось за нарушение дисциплины или самовольный уход с места учебы для учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ (РУ). Принимая во внимание вопросы обеспечения сохранности железнодорожных грузов и предотвращения участия в их хищении несовершеннолетних, власти предусматривали уголовную ответственность также с 12 лет за действия, могущие вызвать крушение поездов [3]. К уличным подросткам могли применяться все меры уголовного наказания.

В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. были упразднены существовавшие при отделах народного образования комиссии по делам несовершеннолетних. Основным субъектом профилактики и пресечения преступлений среди детей и подростков в это время стали органы НКВД, к ведению которых относились детские комнаты милиции, приемники-распределители для временного содержания беспризорных подростков в возрасте до 16 лет, изоляторы как места предварительного заключения, трудовые колонии. Учебно-воспитательные учреждения и общественность практически были отстранены от работы с «детьми улиц». Фактически произошел отказ от воспитательного, профилактического принципа работы с оступившимися подростками.

С началом войны такие процессы, как массовая эвакуация, мобилизация взрослого населения на фронт, привлечение женщин-матерей на производство, общее ухудшение материально-бытовых условий, сложности с продовольственным снабжением, потеря связи с родственниками и сиротство подталкивали детей к правонарушениям, способствовали их втягиванию в преступную среду. Если в первом полугодии 1941 г. по Челябинской области было осуждено 215 несовершеннолетних, то во втором полугодии - уже 637. Из 655 юношей и девушек, привлеченных к уголовной ответственности в первой половине 1942 г., 142 были в возрасте от 12 до 14 лет, 513 – в возрасте от 14 до 16 лет [4, Л. 23].

Чаще всего объектом незаконных посягательств становились продукты питания, а также вещи, которые можно было на них обменять. По подсчетам С.М. Емелина, на них приходилось около 85% всех преступлений, совершенных несовершеннолетними [1, С. 3]. Также распространенными видами экономических правонарушений, совершаемых ювеналами, являлись попрошайничество, мешочничество, спекуляция, мошенничество. Отмечались случаи, когда взрослые сознательно посылали детей в деревню за продовольствием и привлекали затем к занятию спекуляцией. Так, во второй половине 1942 г. из 3675 юных пассажиров поездов, «путешествующих» по российским областям, 3508 являлись мешочниками. В РСФСР 1/3 всех детей, снятых с поездов в первой четверти 1943 г., направлялись в сельские районы ради бартера или милостыни [5, с. 29]. В ходе

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

декадника по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью только на челябинском отрезке ЮУЖД в июне 1943 г. транспортной милицией был задержан 231 ребенок [6, С. 134]. «Горячими точками», требовавшими усиленного внимания милиции, являлись вокзалы и рынки. Именно здесь дети зачастую совершали кражи и другие противоправные действия. Например, в сентябре 1943 г. была задержана группа 14-16-летних подростков, занимавшихся хищением вещей на вокзале г. Челябинска [6, С. 138]. Подобные случаи отмечались повсеместно.

Ответной реакцией государства в отношении маргинализированных подростков стало дальнейшее ужесточение уголовной и административной репрессии. Постановления СНК СССР [7] предусматривали создание при местных исполкомах комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей; расширение имеющейся сети приемников-распределителей; направление изъятых с улицы подростков в соответствующие детские учреждения, в школы ФЗО и РУ, устройство на работу и другие подобные меры. Дополнительно к существовавшим трудовым колониям для содержания осужденных подростков предусматривалось создание воспитательных трудовых НКВД СССР для задержанных за мелкое хулиганство и незначительные кражи подростков от 12 до 16 лет, уголовное преследование которых признавалось нецелесообразным. Колонии являлись исправительными заведениями закрытого типа со специальным режимом. Что касается несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет, то они, начиная с 1943 г., отбывали наказание в общих местах заключения, попадая там под влияние взрослых осужденных и рецидивистов [8, С. 114].

Очевидным в условиях мобилизационной экономики является переориентация трудовых колоний (а в последующем и воспитательных трудовых колоний) с психолого-педагогических приоритетов на планово-производственные показатели. Так, Белореченская детская трудовая колония в 1939 г. специализировалась на производстве мебели, а в годы войны выполняла военный заказ на изготовление макетов самолетов на ложные аэродромы, волокуш для минометов, ящиков для мин [9]. Столярный цех имела Атлянская трудовая колония в Челябинской области, рассчитанная на 600 человек. Содержащиеся в ней беспризорники и осужденные подростки изготавливали мебель, двери, рамы, лыжи [10]. Томская трудовая колония для девочек только в 1944 г. поставила для нужд фронта более 200000 единиц обмундирования [8, С. 117]. Лозунг «Все для Победы!» и тут реализовывался в полной мере.

В войну материально-бытовое положение несовершеннолетних заключенных ухудшилось. Урезанные нормы питания, низкая калорийность пищи, необеспеченность постельными принадлежностями и одеждой, отсутствие медикаментов, недостатки в организации политико-воспитательной работы, все это способствовало распространению антисоветских слухов в колониях, влекло массовые беспорядки, имевшие место в 1942-1943 гг. в Саровской, Марыйской и других колониях. Участились случаи побегов. В январе 1944 г. по стране было зарегистрировано 445 случаев побегов из 47 колоний [11, С. 120].

Малоизвестной стороной деятельности органов НКВД в борьбе с несовершеннолетней преступностью является использование агентурно-осведомительного аппарата. Приказ НКВД СССР от 5 августа 1943 г. «Об объявлении инструкции о борьбе с детской преступностью и хулиганством» разрешил вербовать лиц из среды несовершеннолетних, в возрасте не моложе 15

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

лет для ведения осведомительной работы. Деятельность агентурной сети, создаваемой из подростков, рассматривалась как временная, но действенная мера по предупреждению и пресечению готовящихся преступлений. Вербовка агентов-подростков носила как целевой характер с использованием конкретных компрометирующих материалов в отношении вербуемого, так и более широкое агентурное обслуживание мест скопления несовершеннолетних, включая школы, училища, клубы, рынки, кинотеатры и пр. К январю 1944 г. в агентурной сети по разработке несовершеннолетних состояло 153 агента и 2870 осведомителей из числа подростков, 216 агентов и 3960 осведомителей из числа взрослых, в общей сложности 7199 человек. К началу 1945 г. несовершеннолетних агентов насчитывалось уже 494 и 6355 осведомителей, а к концу 1945 г. – 660 и 7630 человек соответственно. С помощью этой разветвленной сети в 1945 г. было предупреждено 3406 (9,9%) от общего числа зарегистрированных преступлений несовершеннолетних. Из 34440 совершенных ими деликтов 12080 (35,1%) было раскрыто с помощью агентурных сведений [12, С. 17, 18]. Осведомительная сеть из подростков в период войны сыграла положительную роль в борьбе с преступностью. Однако во второй половине 40-х годов она была ликвидирована по морально-нравственным соображениям.

Необходимость сохранения демографического потенциала страны обусловила некоторую либерализацию уголовного законодательства в отношении ювеналов. Тревожным являлось увеличение числа подростков, осужденных к реальным срокам лишения свободы, причем многие из них оказались за решеткой за незначительные проступки (прежде всего за мелкие хищения социалистического имущества по Закону от 7 августа 1932 г.). В местах лишения свободы они испытывали разлагающее влияние рецидивистов, и это делало затруднительным процесс ресоциализации. Принимаемые подзаконные акты, инструкции и разъяснения правоприменительной практики указывали на необходимость чуткого отношения к проблемам детей, к внимательному изучению обстоятельств совершаемых ими асоциальных деяний и целесообразности суровых приговоров, выносимых судами.

Так, в приказе заместителя наркома ВД СССР Круглова № 0267 от 5 июля 1943 г. «Об улучшении следственной работы в органах милиции» отмечалось, что «при привлечении к ответственности несовершеннолетних ... в каждом случае необходимо решать вопрос по существу: является ли проступок несовершеннолетнего преступлением, за которое необходимо привлечь к уголовной ответственности, или можно ограничиться другими методами воздействия» [13, Л. 152]. Работникам НКВД рекомендовалось практиковать в отношении несовершеннолетних такие меры, как личное поручительство, сообщение родителям, в школу, на производство, в комсомольские организации, вынесение устного предупреждения, проведение разъяснительной беседы. Указывалось на недопустимость ведения следствия и рассмотрения дел малолетних нарушителей неквалифицированными работниками, не имевшими опыта работы с детьми, вынесение судебных вердиктов заочно и без участия адвоката, прокурора и родителя или опекуна [14, Л. 48; 15, Л. 51].

Беспризорность и безнадзорность постоянно воспроизводились факторами военного времени. Об их полной ликвидации не могло быть и речи. Основное внимание властей уделялось сокращению масштабов такого явления, как «дети улиц», провоцирующего подростков к вступлению в преступную среду. Поэтому

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

борьба с беспризорностью из функции милиции трансформируется в задачу государственных и партийных органов с широким привлечением общественности к организации политической, культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними. В сентябре 1943 г. в ходе проведенной Челябинским горкомом ВКП(б) проверки было выявлено на улицах значительное количество детей, занимавшихся чисткой обуви, продажей театральные билетов, папирос, торговлей на базарах и т.д. Отмечались недостаточное внимание к вопросам беспризорности и безнадзорности со стороны школы, пионерской и комсомольской организаций, бездействие созданных при гор(рай)исполкомах специальных комиссий, халатность милиции. В мае 1944 г. Челябинский обком ВКП(б) с целью искоренения преступности в городе принял решение о необходимости изъятия с улиц беспризорных; организации оперативных групп по обслуживанию рынков. Железнодорожные подразделения НКВД обязали организовать заслоны с целью недопущения к станциям преступного элемента. Милиции и ее добровольным помощникам предписывалось усилить патрулирование в ночное время [16, Л. 172].

В 1942 г. в Чкаловской (ныне Оренбургской) области было задержано 3579 безнадзорных детей, в Челябинской области их количество достигло 22615, в том числе 5219 являлись беспризорными. Усиливалось привлечение к ответственности родителей, не уделявших должного внимания вопросам воспитания. Так, в 1942 г. органами милиции Чкаловской области за это в административном порядке были оштрафованы 395 взрослых, семеро привлечены к уголовной ответственности [17, С. 143-144]. В докладной записке секретарю Челябинского Обкома ВКП(б) Патоличеву «Об итогах работы милиции в 1943 г.» приводился пример хищения рабочими Кировского завода компонентов для варки хозяйственного мыла. В роли продавцов подпольного товара использовались дети [18, Л. 44-45]. Присутствие среди спекулянтов значительного количества несовершеннолетних объяснялось либеральным отношением к последним блюстителей порядка. Их привлекали, главным образом, по ст. 105 УК (нарушение правил, регулирующих торговлю) к административной ответственности в виде денежного штрафа или предупреждения [19, Л. 29]. Оставленные без контроля подростки вновь пополняли ряды беспризорников, попадали под влияние улицы.

Рост экономических преступлений отмечался преимущественно за счет учащихся РУ и школ ФЗО, удельный вес которых в общей массе несовершеннолетних преступников в III квартале 1942 г. составил 80% [20, С. 161] и оставался значительным на протяжении всего военного периода. Очевидное попустительство со стороны руководства Челябинского Кировского завода в отношении молодых рабочих вскрылось в 1944 г., когда в ходе проведенной проверки было выявлено около 80 подростков, давно не работавших на производстве и ночевавших в цехах и теплотрассах на территории предприятия. Эти ребята - оборванные, питавшиеся объедками из столовых, и занимались кражами. Отсутствие воспитательной работы и внимания к бытовым нуждам побуждали учащихся ремесленных училищ к побегам. В июне 1944 г. самовольно покинули рабочее место 821 молодых рабочих [20, С. 162].

Неустроенность и лишения подталкивали подростков к криминалу. На Кировском заводе показательным стал случай семнадцатилетнего рабочего Сергея Моторина. Вчерашний стахановец, многостаночник, выполнявший нормы

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на 300% и имевший поощрения, в результате реорганизации поточной линии был без переобучения переведен на новый участок работы. В результате упала его производительность, снизилась зарплата. В феврале 1944 г. из-за отсутствия денег С. Моторин не смог выкупить абонемент в столовую, вынужден был продать белье. Он опустил, стал жить в цехе, попал в список «неисправимых дезорганизаторов производства», подлежащих отправке в воспитательную трудовую колонию [21, Л.10].

Значимыми формами профилактики и пресечения ювенальной преступности являлись различные формы общественной помощи: усыновление, патронат, опека, сборы вещей и денежных средств для сирот и детей фронтовиков, организация досуга, рейды активистов по изъятию детей с улицы, вовлечение их в кружки и секции, содействие трудоустройству. Для решения указанной проблемы расширялась сеть детских домов, школ, предпринимались меры по организации питания, медицинского обслуживания, улучшению материально-бытовых условий.

Война усугубила ситуацию с ювенальной преступностью, изменила содержание работы с детьми и подростками, потребовала привлечения внимания к данному вопросу не только со стороны органов внутренних дел, но и партийных организаций, учреждений Наркомпроса, администрации промышленных предприятий и колхозов, представителей общественности. Государственная политика в отношении экономического криминала несовершеннолетних носила двойственный характер: наряду с профилактическими и воспитательными мерами применялись достаточно суровые репрессии. Некоторое снижение показателей беспризорности, безнадзорности и подростковой преступности, начиная с 1944 г., свидетельствовало о том, что ситуацию все же удалось взять под контроль.

Список литературы

1. Емелин С.М. Борьба с несовершеннолетней преступностью в годы Великой Отечественной войны // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 1(27). С. 3-6.
2. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг.; под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. 463 с.
3. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 28.12.1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)»; от 10.12.1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 1041. Оп. 5. Д. 4.
5. Kucherenko O. Soviet street children and the Second World War. Welfare and social control under Stalin. London: Bloomsbury Publishing, 2016. vi, 245 pp.
6. Рябова Т.С. Стратегии выживания беспризорников Челябинской области в экстремальных условиях Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. №3 (37). С. 133-140.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

7. Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]; Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
8. Михеенков Е.Г. Историко-правовые аспекты отбывания лишения свободы несовершеннолетними преступниками в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1935-1945 гг.) // Вестник Кузбасского института. 2015. №2 (23). С. 112-119.
9. Из истории Белореченской воспитательной колонии // ФКУ Белореченская воспитательная колония. УФСИН России по Краснодарскому краю. Официальный сайт. URL: <https://fku-bvk.nethouse.ru/> (Дата обращения 05.03.2020 г.).
10. История и деятельность. ФГУ Атлянская воспитательная колония ГУФСИН России по Челябинской области. URL: <https://chelindustry.ru/view2.php?idd=913&gr=10> (Дата обращения 05.03.2020 г.).
11. Якушина Е.С. Факторы, оказавшие влияние на пенитенциарную политику в отношении несовершеннолетних правонарушителей в 40-50 годах XX века // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №4. С. 119-123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-okazavshie-vliyanie-na-penitentsiarnuyu-politiku-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-pravonarushiteley-v-40-50-godah-xx-veka> (дата обращения: 09.01.2020).
12. Гусак В.А. Деятельность агентурно-осведомительного аппарата органов милиции среди несовершеннолетних в период Великой отечественной войны (1941-1945 гг.) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. №3 (6). С. 15-19.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9415. П. 5. Д. 91.
14. ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 6.
15. ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 2. Д. 31.
16. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 24.
17. Блинова В.В., Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 223 с.
18. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 227.
19. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 43.
20. Гусак В.А. Социальное неблагополучие как фактор преступности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 годы) // Вестник ЧелГУ. 2008. № 2. С. 158-166.
21. ОГАЧО, Ф. 288. Оп. 8. Д. 228.

Pass A.A., Usoltseva N.L.

JUVENILE DELINQUENCY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

PASS Andrey A. — doctor of historical Sciences, professor, Chelyabinsk State University, 454001, Russia, Chelyabinsk, st. Kashirinykh Brothers, 129.
e-mail: pass_andrey@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

USOLTSEVA Natalia L. — candidate of historical Sciences, docent, South Ural State Agrarian University Institute of agricultural engineering, 454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave, 75.

e-mail: usolnatal@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical experience and legal aspects of solving the problems of juvenile and child crime, homelessness and neglect during the great Patriotic war, and the penitentiary policy of the Soviet state in relation to juvenile offenders. Significant forms of prevention and suppression of juvenile delinquency were various forms of public assistance: adoption, foster care, guardianship, collecting things and money for orphans and children of front-line soldiers, organizing leisure activities, raids by activists to remove children from the street, involving them in clubs and sections, and promoting employment. To solve this problem, the network of orphanages and schools was expanded, and measures were taken to organize food, medical services, and improve material and living conditions. The war worsened the situation with juvenile delinquency, changed the content of work with children and adolescents, and required drawing attention to this issue not only from the internal Affairs bodies, but also from party organizations, Narkompros institutions, the administration of industrial enterprises and collective farms, and members of the public. The state policy on economic crime of minors was twofold: along with preventive and educational measures, quite severe reprisals were applied. A slight decrease in the rates of homelessness, neglect and juvenile delinquency since 1944 indicated that the situation was still under control.

Keywords: Great Patriotic war, minors, homelessness, neglect, juvenile delinquency.

УДК 94(470)«1945/1991»

Попов А.Д.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ 1960–1980-х гг.*

ПОПОВ Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 295007, Россия, Республика Крым, Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4.

e-mail: popalex79@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается неполитическая мобилизационная составляющая советской исторической политики, связанная с использованием памяти о Великой Отечественной войне для интенсификации производства, увеличения производительности труда, привлечения дополнительных людских, материально-технических, финансовых ресурсов. Согласно авторской гипотезе, к середине 1960-х гг. советская мобилизационная риторика совершила окончательный «темпоральный поворот» от образов построения светлого

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00576 «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945-1991 гг.»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

будущего (коммунизма) к эмоционально наполненным образам прошлого. Причем Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в этом отношении стала главным событием мемориального календаря, более важным, актуальным и вызывающим живой отклик населения, нежели Великая Октябрьская социалистическая революция. Особое внимание уделено роли городов-героев, где в 1960–1980-е гг. очень активно инициировались и реализовывались многочисленные мобилизационные кампании с мемориальным обоснованием, которые затем распространялись на всю территорию страны. В частности, автор характеризует получившую наиболее широкий размах мобилизационную кампанию «За себя и за того парня» и другие производственные инициативы трудовых коллективов к юбилейным датам, связанным с Великой Отечественной войной. Также описаны другие формы мобилизационной активности: проведение субботников; народный сбор средств на сооружение памятников; шефская работа трудовых коллективов по строительству и ремонту мемориальных сооружений, а также благоустройству прилегающих к ним территорий.

Ключевые слова: коллективная память, историческая политика, город-герой, мобилизация, общественная инициатива, Великая Отечественная война, СССР.

Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что память о Великой Отечественной войне в СССР послевоенного периода использовалась для стабилизации общественно-политического строя, идейной мобилизации советских граждан, а также для оправдания монопольного положения Коммунистической партии, как «организатора и вдохновителя всех наших побед» (в том числе Великой Победы) [например: 3; 13; 19 и др.]. При этом фактически вне академической рефлексии остается вопрос о хозяйственно-организационных и финансово-экономических аспектах такого рода мобилизации. В то же время, знакомство с широким кругом источников позднесоветского периода позволяет утверждать, что начиная с середины 1960-х гг. мемориальный фактор, связанный с памятью о Великой Отечественной войне, активно использовался для увеличения производительности и качества труда, а также для вовлечения советских граждан в различные общественно значимые мероприятия (субботники, сбор средств на создание мемориальных объектов, их строительство, текущий ремонт и благоустройство прилегающей территории). Именно рассмотрение этой малоизученной составляющей советской мемориальной культуры является целью данной статьи.

Активизация хозяйственно-экономических аспектов трудовой мобилизации, основанных на памяти о Великой Отечественной войне, особенно наглядно проявилась в середине 1960-х гг., что не было случайным. Именно тогда обозначился определенный кризис использовавшихся ранее в СССР мобилизационных аргументов. С одной стороны, ещё к середине 1950-х гг. оказались успешно завершены мобилизационные кампании по восстановлению народного хозяйства, наиболее ярким воплощением которых стало зародившееся в Сталинграде черкасовское движение. С другой стороны, широкие слои населения всё менее реалистично стали воспринимать активно артикулируемую во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. хрущевскую риторику о реальности построения коммунизма в достижимом будущем [подробнее см.: 17]. К моменту прихода к высшей власти Л.И. Брежнева фактически впервые в советский период возникла ситуация, когда поиск мобилизационных аргументов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

переместился с образов светлого будущего на героическое прошлое. Таким образом, в Советском Союзе фактически на полвека раньше проявилась ситуация, которую немецкая исследовательница А. Ассман описала как характерную для стран Запада на рубеже XX–XXI вв.: «Свет будущего ныне тускнеет; наряду с этим мы переживаем сегодня ещё одну аномалию привычного восприятия времени, а именно невиданные ранее масштабы возвращения прошлого...» [1, с. 10–11].

В то же время, такое переключение «темпорального режима» с будущего на прошлое, произошедшее в середине 1960-х гг., обусловило своеобразную «конкуренцию» за первенство между двумя важнейшими историческими событиями советского мемориального календаря: 7 ноября (День Великой Октябрьской социалистической революции) и 9 мая (День Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Причем, как справедливо утверждает российская исследовательница Е. Болтунова, на протяжении 1960–1980-х гг. и в сознании советских людей, и в официальной исторической политике, «война поглотила революцию», то есть именно события Великой Отечественной войны вышли на первый план актуальной исторической повестки [3]. Поэтому неудивительно, что с 1965 г., когда 20-летие Великой Победы на всех уровнях отмечалось с невиданным ранее размахом, память о событиях 1941–1945 гг. стала идейной основой многих проводимых в стране мобилизационных кампаний, в том числе имеющих социально-экономическую направленность.

Именно в преддверии празднования 20-летия Победы в Великой Отечественной войне комсомольцы отдельных предприятий Севастополя и Краснодона (Луганская область Украинской ССР) инициировали начин по присвоению лучшим производственным бригадам имен погибших героев. В отчете ЦК ВЛКСМ по данному вопросу сообщалось, что «бригады, удостоившиеся этой чести, символически включают героев в свой состав, обеспечивают выполнение повышенных производственных заданий, отчисляют заработную плату героев в Фонд мира». Дополнительно сообщалось, что «эта работа комсомольцев сочетается с заботой об исторических местах, связанных с жизнью и подвигами героев» [15, л. 25]. Присвоение производственным бригадам и сменам имени кого-либо из героев Великой Отечественной войны было организовано таким образом, чтобы увеличить производительность труда за счет «здоровой конкуренции» между производственными единицами предприятия (в зависимости от его специфики), дополняя традиционное социалистическое соревнование. Например, весной 1969 г. производственные смены Керченского стеклотарного завода приняли участие в соревновании за право присвоения им имени военных летчиц Ж. Рудневой и П. Прокопьевой, сражавшихся в боях за Керчь. Только после длившегося почти год соревнования с учетом конкретных показателей их имена были торжественно присвоены двум лучшим сменам [6, л. 62–63].

Празднование 30-летия Великой Победы в 1975 г. ознаменовало новый этап использования мемориального наследия Великой Отечественной войны в мобилизационных целях. Именно тогда инициированная во время предыдущего юбилея кампания получила новый импульс и новое название – «За себя и за того парня». Эта фраза была взята из текста лирической песни «За того парня» («Я сегодня до зари встану...») (1970, музыка М. Фрадкина, слова Р. Рождественского), которая получила большую известность в Советском Союзе

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

благодаря её исполнению в кинофильмах «Минута молчания» и «В бой идут одни старики», а также сольному творчеству популярного советского певца Л. Лещенко. Смысловый посыл данного произведения заключался в том, что каждый гражданин СССР военного или послевоенного поколения должен взять на себя долю участия в процессе общественного созидания (в том числе в производственной сфере) за тех, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. По утверждениям современников, кампания «За себя и за того парня» могла рассматриваться как новый этап военно-исторического поискового движения советской молодежи, ставя своей целью «не только поименно назвать каждого героя, но и воскресить его в своих трудовых делах и свершениях, вернуть в ряды строителей коммунизма» [12, с. 7]. Как уже говорилось выше, члены производственных коллективов официально включали в списки работников предприятия конкретные имена героев Великой Отечественной войны (чаще всего как-то связанных с этим предприятием, регионом, отраслью), выполняли за них производственный план, а начисленную им зарплату полностью перечисляли в Фонд мира или на строительство конкретных мемориальных сооружений. Как следует из источников, в 1975 г. с такой инициативой выступил лауреат Ленинской премии комсомола, передовик Московского производственного объединения обувных предприятий «Буревестник» И. Скриник, а затем уже эта инициатива получила одобрение ЦК ВЛКСМ и стала широко распространяться по всей стране [8, л. 13–14].

Сам Л.И. Брежнев в своем обращении к комсомольцам-ударникам г. Москвы, выступая от имени государственно-партийного руководства страны, заявил: «уверены, что ваш патриотический призыв в год 30-летия Великой Победы работать за тех, кто остался на полях сражений с фашизмом, подхватит вся молодежь страны» [12, с. 11]. Этот призыв и связанный с ним практический опыт тут же распространился на регионы страны. Например, только на Донбассе в движение под девизом «За себя и за того парня» включилось свыше 1670 трудовых коллективов [12, с. 11]. Такая практика сохранилась вплоть до конца 1980-х гг., причем в ряды производственных коллективов включались не только военнослужащие Красной Армии и Военно-морского флота, но и партизаны, подпольщики [18, с. 10–11]. Более того, в рамках кампании «За себя и за того парня» были охвачены и некоторые оставшихся в живых герои войны, на тот момент являющиеся пенсионерами. Например, легендарный руководитель обороны «Дома Павлова» И.Ф. Афанасьев в 1970-е гг. дал согласие на символическое зачисление себя электрослесарем 6-го (высшего) разряда в штат одного из заводов Волгограда [11, с. 59–62].

Также в последние десятилетия существования СССР широкое распространение получили трудовые Вахты памяти. Чаще всего они были посвящены какой-либо знаменательной дате (например, «40-летию Победы – 40 ударных дней»). Но также проводился и другой тип Вахт памяти, когда работники предприятия посвящали свой ударный труд в течение месяца конкретному городу-герою СССР. О ходе производственных Вахт памяти рассказывала центральная и местная пресса, им посвящались заводские многотиражки, а после подведения итогов наиболее отличившиеся бригады награждались специальными знаками отличия – вымпелами, грамотами, значками [8, л. 9–10, 83]. Информация об этом публиковалась под заголовками «Подвиги отцов – крылья сыновей», «Подвигу ратному – подвиг трудовой», «Трудовой салют героям» и проч.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

По сложившейся в послевоенный период практике военно-исторические памятники, в том числе связанные с Великой Отечественной войной, в порядке «шефства» закреплялись за предприятиями, учреждениями, учебными заведениями. Их трудовые и учебные коллективы должны были на общественных началах осуществлять регулярный мониторинг состояния памятников, осуществлять их ремонт и благоустройство прилегающей территории. По традиции наиболее активно работы в этом направлении велись в преддверии памятных и юбилейных дат – дням освобождения города, региона, республики и, особенно, к Дню Победы. Так, осенью 1963 г. специальным постановлением Бюро Керченского горкома Коммунистической партии все расположенные в городе памятники и места захоронений периода войны получили одного или нескольких «шефов». Например, шефство над памятником советским воинам-десантникам в поселке Маяк должны были осуществлять рыболовецкий колхоз имени 1 мая и школа №8, а у расположенного в городе Военного кладбища появилось сразу четыре шефствующие организации [6, л. 107–108].

Практики шефства касались не только уже существующих, но и создания новых мемориальных объектов. Например, многие известные памятники двух крымских городов-героев, например, Памятник комсомольцам в Севастополе и Памятник участникам Эльтигенского десанта («Парус») в Керчи сооружались на народные деньги и методами «народной стройки» [5, с. 74–76]. Очень яркий пример общенародного сбора средств (то есть того, что сейчас назвали бы краудфандингом) продемонстрировал город-герой Ленинград. С инициативой народного сбора средств для строительства Монумента героическим защитникам Ленинграда на Московском проспекте в 1963 г. выступил известный поэт-фронтовик Михаил Дудин. За короткий период на специальный счет №114292 поступило около 2 миллионов рублей народных пожертвований, хотя по ряду причин строительство этого Монумента затянулось и его открытие состоялось только 9 мая 1975 г., к 30-летию окончания Великой Отечественной войны [подробнее см.: 2].

Помимо сфокусированной работы по благоустройству конкретных объектов на субботниках, в масштабах всей страны решались и более значимые задачи. Так, в мае 1985 г., когда в Советском Союзе с огромным размахом отмечалось 40-летие Великой Победы, помимо традиционного ленинского весеннего субботника, обычно проводимого в преддверии Первомайских праздников, 4 мая 1985 г. состоялся ещё один «мемориальный» субботник [14]. Он состоялся по призыву трудовых коллективов городов-героев Москвы, Ленинграда и Волгограда и фактически превратился для многих в дополнительный рабочий день с повышенными производственными обязательствами. В посвященной этому мероприятию передовице газеты «Известия» под заголовком «Вдохновенный труд во имя мира» сообщалось о его проведении в Москве: «В субботнике приняло участие практически все население города. Большинство трудились на своих рабочих местах. Ещё сотни тысяч москвичей вышли на улицы и площади города, чтобы подготовить его к празднику» [4]. Далее шли многочисленные репортажи из других городов. Так, в одном лишь Севастополе 4 мая 1985 г. на посвященный 40-летию Победы всесоюзный коммунистический субботник вышло около 170 тыс. севастопольцев которые произвели внеплановой продукции на 1,3 млн. руб., а также перечислили из дневного заработка около 220 тыс. руб. в фонды мира и пятилетки. Помимо

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

этого коллективы предприятий и учреждений черноморского города-героя провели работы по уборке и благоустройству территории памятников участникам Великой Отечественной войны, закрепленных за ними в порядке шефства [16]. Всего же в этом всесоюзном субботнике в той или иной форме приняло участие почти 155 млн. советских граждан [10, л. 45], то есть фактически все трудоспособное население страны. Судя по документам Совета Министров СССР субботник 4 мая 1985 г. общие поступления от проведения этого субботника составили свыше 185 млн. руб., которые поступили на специальный счет в Госбанке. Затем специальным постановлением Совмина все эти средства были направлены на капитальное строительство по двум основным направлениям: 1) госпитали, больницы, санаторно-курортные учреждения и водолечебницы для ветеранов войны и труда; 2) родильные дома, акушерские пункты, детские больницы и амбулатории [9, л. 3–4].

В целом на основе приведенных выше и других известных нам материалов можно сделать следующие выводы: 1) В 1960–1980-е гг. память о Великой Отечественной войне использовалась не только для политической, но и трудовой мобилизации граждан СССР, причем оба эти вектора мобилизационной активности были тесно связаны между собой; 2) любая мобилизационная кампания с мемориальным обоснованием выдвигалась как народная инициатива «снизу» и уже затем поддерживалась государственно-партийными органами власти, а также аффилированными с ними комсомольскими организациями и профсоюзами; 3) формы проявления такой активности были разнообразны и позволяли не только увеличивать производительность труда в народном хозяйстве Советского Союза, но и эффективно использовать общественные ресурсы (трудовые и финансовые) для поддержания материального базиса реализуемой политики памяти – мемориальных сооружений героям Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017. 272 с.
2. Басс В. Модернистский монумент для классического города // Неприкосновенный запас. 2019. № 6(128). С. 61–84.
3. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6(116). С. 109–128.
4. Вдохновенный труд во имя мира // Известия. 1985. 5 мая.
5. Гогунская Т.А. Роль общественных инициатив в благоустройстве памятников Великой Отечественной войны: от шефства к волонтерству // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Евпатория, 30-31 мая 2019 г.). Симферополь, 2019. С. 71–79.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-48. Оп. 1. Д. 407. 166 л.
7. ГАРК. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 533. 201 л.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-617. Оп. 1. Д. 6543. 109 л.
9. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 147. Д. 1045. 17 л.
10. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 26. Д. 4098. 109 л.
11. Долгов А.И. Наш вклад в дело мира. Волгоград, 1984. 128 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

12. За себя и за того парня. Очерки, заметки, репортажи / сост. Л.А. Песочникова. Донецк, 1975. 200 с.
13. Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. 320 с.
14. Попов А.Д. Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // Российские регионы: взгляд в будущее. 2018. Т. 5, № 2. С. 15–34.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1193. 305 л.
16. Троян С. В одном строю // Известия. 1985. 5 мая.
17. Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. 223 с.
18. Чепурина Р.Н. Рождено временем: новые праздники и обряды. Симферополь, 1986. 80 с.
19. Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London, 2018. 351 p.

Popov A.D.

REMEMBRANCE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS MOBILIZATION RESOURCE: SOVIET EXPERIENCE IN 1960-1980s

POPOV Aleksei D. — associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, prosp. akademika Vernadskogo, 4.
e-mail: popalex79@mail.ru

Abstract. The article considers the non-political mobilization component of Soviet historical policy, connected with the use of memory of the Great Patriotic War for intensification of production, increase of labor productivity, attraction of additional human, material, technical and financial resources. According to the author's hypothesis, by the mid-1960s Soviet mobilization rhetoric had made a final "temporal turn" from images of building a bright future (communism) to emotionally motivating images of the past. And the Great Patriotic War of 1941–1945 in this regard became the main event of the memorial calendar, more important, relevant and live response of the population than the Great October Socialist Revolution. Special attention is paid to the role of hero cities, where in the 1960s-1980s numerous mobilization campaigns with memorial justification were very actively initiated and implemented, which were then extended to the whole territory of the country. In particular, the author characterizes the most wide-ranging mobilization campaign "For myself and for that buddy" (*Za syebya i za togo parnya*) and other production initiatives of labor collectives to the anniversary dates related to the Great Patriotic War. Other forms of mobilization activity are also described: community work day (subbotnic); people's fund-raising for the construction of monuments; voluntary work of labor collectives on construction and repair of memorials, as well as improvement of adjacent territories.

Keywords: collective memory, historical policy, hero city, mobilization, public initiative, Great Patriotic War, USSR.

**«СИРЕНЫ ВОПЛЬ, И ТИХО». ЗВУКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ В ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН***

ПЯНКЕВИЧ Владимир Леонидович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
e-mail: v.pyankevich@spbu.ru

Аннотация. В течение долгой блокады горожане слышали неизменное чередование сигнала тревоги, гудение самолетов, звуки пушечных выстрелов, свист и разрывы падающих бомб и снарядов, крики людей, желанные звуки отбоя и, наконец, тишину, порой абсолютное безмолвие, которое вновь сменялось воем сирены. Ленинградцы не видели немецких самолетов и пушек, но хорошо слышали их. Звуки становились осязаемыми, компенсируя острый недостаток информации. Гигантское количество бомб и снарядов, обрушившихся на город и горожан в первые месяцы блокады, было призвано ошеломить, вызвать страх, подавить волю к сопротивлению. Эмоциональность восприятия звуков войны усиливалась состоянием смертельного голода, в котором жило большинство ленинградцев. Акустическое пространство города-фронта все в большей мере пропитывалось смертельной опасностью, становилось психологически непереносимо. К концу осени 1941 г. большинство горожан, привыкнув и обессилев, прекратили бурно реагировать на сирены и бомбежки. Звуковая среда города-фронта не просто порождала эмоциональные впечатления и реакции, но формировала стратегии поведения и выживания в катастрофе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, звуковое пространство, техника.

Первыми звуками войны стали слова знаменитого радиосообщения наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, которое вызвало разные чувства и реакции ленинградцев. Раздававшиеся с первой военной ночи сирены поначалу вызывали тревогу, которая, впрочем, быстро рассеивалась, поскольку затем не следовало бомбежек. Более того, отсутствие реальной опасности успокаивало, длило инерцию мирного времени. Сирен не боялись. В июне 1941 г. О.Ф. Берггольц писала: «О, это явь — не чудится, не снится: / сирены вопль, и тихо — и тогда / одно мгновенье слышно — птицы, птицы / поют и свищут в городских садах» [1, с. 18]. Горожане будто свыклись с войной. Работал городской транспорт, кафе и рестораны, ленинградцы стояли в очередях у кинотеатров, играли дети. Вместе с этим, горожане напряженно прислушивались, часто принимая обычные шумы за военные [2, с. 13]. Инерция мирного времени была столь сильна, что ленинградку могли утешать привычные, но не опасные звуки выстрелов пушек. «Только что закончилась воздушная тревога: сегодня по счету

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00170 «Визуальное и звуковое пространство войны: блокадный Ленинград и его восприятие горожанами»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

это уже четвертая. Выстрелы у нас слышны не были. Вчера зато бахали очень близко: было красиво на слух» [3, с. 193]. Даже накануне окружения города другая ленинградка была безмятежна: «Почти каждый день приходится слышать стрельбу из тяжелых орудий, но мы уже к этому привыкли и не расстраиваемся» [4, с. 39]. По сигналам воздушной тревоги ленинградцы должны были укрываться в бомбоубежищах. Однако поскольку бомбежек не было, многие горожане, успокоившись, перестали это делать.

Все изменилось после окружения города, когда начались массовые бомбардировки и артобстрелы. Ленинградцы стали бояться. Отныне, в течение долгой блокады горожане слышали неизменное чередование сигнала тревоги, гудение самолетов, звуки пушечных выстрелов, свист и разрывы падающих бомб и снарядов, крики людей, желанные звуки отбоя и наконец, тишину, порой абсолютное безмолвие, которое вновь сменялось воем сирены.

В первые дни после окружения города театральный художник А.А. Грязнов оставил в дневнике несколько записей. «В 7 часов вдруг опять сигнал воздушной тревоги, и сразу же ужасная стрельба зениток и вой германских самолетов. Никто не выдержал ужасного грохота, и все бросились вниз на черную лестницу» [5, с. 10]. «Ужасные, тревожные, завывающие адские звуки.

...Раздались вдруг звуки зениток и нарастающий гул германских самолетов. Начали бухать ближайšie зенитки, и вдруг один за другим оглушительные звуки разрывов фугасных бомб. <...> Сильная стрельба из зениток, и мы явственно услышали страшный свист летящего снаряда, за ним другой — снова оглушительные звуки разрывов. Стоишь и ждешь своей участи — когда ты взлетишь вместе с домом на воздух» [5, с. 11]. «Наконец раздались звуки отбоя, звуки самые приятные из всех звуков. <...> Один из жильцов достал вина, и мы с какой-то радостью, что опасность миновала, начали танцевать под аккомпанемент рояля» [5, с. 11]. Наступившая затем «зловещая тишина» [6, с. 16] настораживала и угнетала.

Два дня спустя все повторилось: «Все ждут с ужасом наступления темноты и воздушной тревоги. Все мысленно прощаемся с жизнью и друг с другом.

...Одновременно с сиреной раздались страшные, оглушительные раскаты — разрывы фугасных бомб. Стекла все дрожали. За одними раскатами раздались другие. <...> Радио — тик, тик, тик. Ждешь, когда замолчит. Тревога. Скоро был наверху, но к нашему счастью раздались звуки отбоя» [5, с. 12].

В первые дни блокады звуки войны настолько пугали, что ленинградцы пытались укрыться от них. «Довольно панично настроенные» знакомые, по свидетельству А.А. Грязнова, «собираются скрываться в подвале, говорят, что не так слышна канонада взрывов и прочего адского шума» [5, с. 14]. Были случаи гибели, вызванные паническим страхом перед бомбами и снарядами. Оглушительный свист снарядов и грохот обрушившегося соседнего здания вызвал состояние панического ужаса у сестер-подростков, впервые попавших в зону обстрела. Обе девочки внезапно скончались, не получив никаких физических повреждений. [7, с. 19].

Ленинградцы не видели немецких самолетов и пушек, но хорошо слышали их. Звуки становились осязаемыми, лишь в небольшой степени компенсируя острый недостаток информации: «Несчастье жить так, вслепую» [2, с. 21]. Разбираться в акустической картине войны стало жизненно важно. Часто требовалось действовать незамедлительно.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Гигантское количество бомб и снарядов, обрушившихся на город и горожан в первые месяцы блокады, было призвано ошеломить, вызвать страх, подавить волю к сопротивлению. Ленинградцы «ужасно нервничали при звуках сирены». [6, с. 91]. Эмоциональность восприятия усиливалась состоянием смертельного голода, в котором жило большинство ленинградцев. «Вой и свист, лай и треск войны» казался «сатанинским шабашем» [8, с. 38].

Акустическое пространство города-фронта все в большей мере пропитывалось смертельной опасностью, становилось психологически непереносимо. «Завыли сирены, гудки и прочие адские звуки. ...Вдруг раздается ужасающей силы взрыв. Мы оцепенели и ждали конца; спустя несколько секунд ...раздался второй, еще более оглушительный, и за ним еще несколько взрывов. Стены, потолок, все заходило, посыпалась штукатурка, звон разбиваемых стекол. ...Слышны тихие слова молитвы. ...звуки приближающихся новых германских самолетов все ближе и ближе» [5, с. 17]. «Состояние мое дошло до точки. Я галлюцинирую. Каждый сходный и несходный звук мне кажется то жужжаньем, то визгом, то грохотом. Но и без внешних звуков в ушах у меня иногда жужжит бомбовоз, иногда слышится тревога, и я обуваюсь и одеваю пальто. А иногда, гораздо реже, звучит и чудесная музыка отбоя» [9, с. 46, 47].

Зимой 1941-1942 гг. из-за эвакуации и массовой смертности ленинградцев город пустел. Прекратил работу городской транспорт, многие промышленные предприятия. Исчезновение звуков современной городской цивилизации, непривычная тишина возвращали Ленинград в сознании горожан в прошлое. «Без трамваев на улицах так тихо! Идет весна. Не хватает в городе лишь великопостного звона. Я очень любила эти нечастые мерные звуки колокола – грустные, напоминающие» [3, с. 234]. К концу первой блокадной осени большинство горожан, привыкнув и обессилев, прекратили бурно реагировать на сирены и бомбежки. Ленинградцы «не обращали никакого внимания на грохот канонад и гул летящих над городом снарядов из германских дальнобойных батарей» [10, с. 140].

Звуковая среда города-фронта не просто порождала эмоциональные впечатления и реакции, но формировала стратегии поведения и выживания в катастрофе. Удивительный пример роли звуков в ориентации незрячего человека сохранился в записях художницы Ольги Матюшиной, потерявшей зрение при бомбежке во время блокады: «Первые дни, когда забивали окна, хотелось не слышать, спрятаться от стука молотков. Этот стук напоминал последние минуты похорон, прощание с телом родного, близкого существа. Но окна забивали повсюду, и ударов нельзя было не слышать. <..> Может быть лучше не выходить?» [11, с. 105].

Пытаясь сберечь психику и выжить, многие блокадники стремились не видеть умиравших от голода и бессилия сограждан, не смотреть на последствия бомбардировок и обстрелов, мечтали о тишине. «Никаких разрушений в городе я не видела: не хочу видеть. ...Брат видел – и при каждом сигнале ВТ (воздушной тревоги – *ВП*) в глазах его встают отражения виденного. Состояние его кошмарно. Его надо либо лечить, либо вывезти в тишину. Но где же линия тишины, если сдан Киев, сдан Орел, бои идут под Вязьмой и Мелитополем!» [3, с. 196]. «Женщина-врач, психиатр, днем измученная буйным отделением, а ночью — бомбоубежищем, говорила, что, если бы было средство, временно лишаящее человека слуха, она бы не сходила с 4-го этажа» [3, с. 198].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Первая блокадная весна 1942 г. радовала, рождала надежды и тревожила. «Волшебной музыкой для всех ленинградцев стали трамвайные звонки» [12, с. 572]. «Правда, попасть в трамвай очень трудно, откуда-то вновь появились люди, но все же приятны звуки бегущего трамвая» [13, с. 167].

В 1943 г., когда появилась твердая надежда, уверенность в выживании, стали постепенно возвращаться обычные чувства. Блокадники вновь стали бояться бомбежек и артобстрелов, им хотелось вернуться к звукам мирного времени. Художница Елена Мартилла изобразила и описала в дневнике встречу со своим другом и одноклассником: «Разговора не получилось. Он был крайне истощен. Только сказал, что бывает в своей квартире и что –часы-то тикают!... Так цеплялся за живое...» [14, с. 205].

Блокадники пытались противостоять звукам войны как это сделали, по свидетельству той же Елены Мартилла старые музыканты, которые во время налета «молча ожидали отбоя. ... Долгая была тревога. И вдруг один из них взял свой футляр, вынул скрипку и стал играть. Сначала он как бы пробовал звук, а затем полилась свободная прекрасная мелодия. Я подумала, что это - мужественный человек, с ним не страшно. Бомбы рвутся, а он просто играет на скрипке и как бы уводит нас куда-то в безопасное место. Всем окружающим стало спокойнее и легче. Все страшное стало неважным, оно было там, а у нас здесь была музыка, и мы все вместе ее слушали и ей принадлежали - это стало главным» [15, с. 207].

Слышавшим гул немецких самолетов, удары бомб и разрывы снарядов горожанам порой оставалось уповать только на чудо и молитву. Впрочем, на пике блокадных тягот смертельно изнуренные, умиравшие от голода люди нередко могли мечтать о быстрой и не мучительной гибели от бомбы или снаряда.

Список литературы

1. Берггольц О.Ф. Из блокнота сорок первого года // Собр. Соч.: В 3 т. Т. 2. Л., 1989.
2. Зеленская И.Д. Дневник. 7 июля 1941 г. - 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В.М. Ковальчук (отв. ред.), А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб., 2010.
3. Островская С.К. Блокадные дневники // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 10. СПб., 2006.
4. Шелухина Л.Б. «Если мы уцелеем от этого ада...» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга вторая / сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2015.
5. Грязнов А.А. Дневник 1941 – 1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008.
6. Грязнов Ф.А. Дневник. 7 сентября 1941 г. — 7 февраля 1942 г. // «Доживём ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В.М. Ковальчук (отв. ред.), А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб., 2009.
7. Симоненко В.Б., Магаева С.В. Ленинградская блокада: открытия в области биологии и медицины. М., 2008.
8. Седельникова З. С. 279 дней войны. Блокадный дневник. Волгоград, 1995.
9. Дневник А.П. Крайского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники / [отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб., 2015.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

10. Владимиров И.А. «Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные Заметки 1941-1944 гг. / Подготовка текста, вступит. ст., биогр. очерк Н. И. Баторевич. СПб., 2009.
11. Матюшина О.К. Песнь о жизни. Л., 1970.
12. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013.
13. Абрамсон Б.П. Дневник войны // Звезда. 2011. № 8.
14. Мартилла Е. Автопортрет перед смертью // Блокада. Свидетельства о ленинградской блокаде. Хрестоматия / Сост. П. Барскова. М., 2017.

Piankevich V.L.

"SIRENS WAIL AND QUIETLY" LENINGRAD BLOCKADE SOUND SPACE IN PERCEPTION OF CITIZENS

PIANKEVICH Vladimir L. – Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
e-mail: v.piankevich@spbu.ru

Abstract. During a long blockade, the townspeople heard the constant alternation of an alarm, the buzz of aircraft, the sounds of cannon shots whistling and the explosions of falling bombs and shells, the screams of people, the desired sounds of all-clear and finally silence, sometimes an absolute silence, which was again replaced by the howling of a siren. Leningraders did not see German planes and guns, but they heard them well. Sounds became tangible, compensating for the acute lack of information. The huge number of bombs and shells that hit the city and the townspeople in the first months of the blockade was intended to stun, arouse fear, and suppress the will to resist. The emotionality of perceiving the sounds of war was intensified by the state of mortal hunger in which the majority of Leningraders lived. The acoustic space of the city-front was increasingly saturated with mortal danger, becoming psychologically intolerable. By the end of autumn 1941, most citizens, having become accustomed and exhausted, stopped reacting explosively emotionally to sirens and bombing. The sound environment of the city-front not only generated emotional impressions and reactions, but also formed strategies for behavior and survival in the disaster.

Keywords: The Great Patriotic War, siege of Leningrad, sound space, perception, technic.

УДК 355.01

Римонди Дж.

ОБРАЗ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Ф. ЛОСЕВА

РИМОНДИ Джорджия — PhD, Университет Генуи, 16126, Италия, Генуя, Via Balbi, 12
e-mail: giorgia.rimondi@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена образу войны в художественных произведениях А.Ф. Лосева, который у русского философа доходит до более широкого осмысления сопутствующих ей социокультурных процессы духовного характера. Автором проанализирован сюжет о войне в повести «Трио Чайковского» (1933) и в рассказе «Жизнь» (1941). Война, рассматриваемая как результат отделения человеческой жизни от своих органических начал, трактуется Лосевым прямо или косвенно – в мотиве чувства совершающего кризиса, сопутствующего личную трагедию героя «Трио Чайковского», в «философии Родины и жертвы» в «Жизни». У Лосева война – антипод культуры, противоречие по отношению к природе человека, своего рода итог постепенной «механизации» жизни. Через образ войны Лосев изображает хаос современного мироздания (в «Трио Чайковского») и стремление человеческой личности к пониманию высшего замысла Бога и смысла жизни (в «Жизни»).

Ключевые слова: философская проза А.Ф. Лосева, война, духовный кризис, повесть «Трио Чайковского», рассказ «Жизнь», русская философия о войне.

В русской религиозной философской мысли тематика войны никогда не была маргинальной. Тему войны в своих работах затрагивали многие философы, в частности, если ограничиться XIX-XX веками, можно упомянуть Ф.А. Степуна, Н.А. Бердяева, В.Ф. Эрн, И.А. Ильина, С.Л. Франка и других [1, с. 114-122]. При очевидных различия их творчества, теоретическая основа воззрений русских философов на войну определяется некоторыми принципами: во-первых, все дают историсофское объяснение *военных событий*, во-вторых, война рассматривается в контексте всеединства, на основе учения Вл. Соловьева [2, с. 9].

Говоря о теме войны в творческом наследии АФ Лосева, нельзя не отметить, что исторические события начала XX века вмешались на жизни самого Лосева. Роковые стечения истории сломали судьбу молодого мыслителя в 1914 г., когда он отправился в научную командировку в Берлин [3, с. 47-50]. Лосев только успел начать работу в библиотеке, когда началась война. Решив выехать из Берлина 27 (14) июля 1914 г., на вокзале у него украли чемодан с рукописями, над которыми он работал уже два года [4, с. 437]. Еще не один раз война будет отнимать у него работу. В 1932 г. Лосев, находясь в лагере, узнал о гибели части своей библиотеки и архива, а в августе 1941 г. фугасная бомба уничтожит его дом в Москве вместе с его архивом и библиотекой.

Не случайно тему войны присутствует и в его философской прозе. Литературное наследие Лосева включает роман «Женщина-мыслитель» (1933-1934) и несколько рассказов и повестей: «Мне было 19 лет» (1932), «Переписка в комнате» (1932), «Театрал» (1932), «Встреча» (1933), «Трио Чайковского» (1933), «Завещание о любви, Метеор, Седьмая симфония» (1933), «Из разговоров на Беломорстрое» (б. д.), «Епишка» (б. д.), «Вранье сильнее смерти» (б. д.), «Жизнь» (1941).

Анализ повести «Трио Чайковского» кажется особенно уместным, поскольку повествование открывается с самого начала с темой войны: «Это было давно. Накануне мировой войны» [4, с. 106]. Эта ссылка дает ключ к интерпретации трагического подтекста повести, в которой личная трагедия главного героя Николая Вершинина становится аллегорическим изображением исторических событий войны. Повесть состоит из двух частей. В первой части Вершинин приезжает в гости на дачу супругов Запольских. В окружении

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

музыкантов и любителей музыки он проводит время, рассуждая об искусстве. Во второй части Лосев углубляет тему взаимоотношений между музыкой и жизнью через образ пианистки Томилиной, в которую герой влюбляется. Основное развитие художественного замысла повести дается в развертывании различных представлений о музыкальном искусстве в целом, замедляющих повествование и усиливающих значение теоретического подтекста произведения. Именно через музыку в рассказе раскрывается сюжет о войне – трагическая борьба человека с Творцом [4, с. 171], света и хаоса. Музыка и трагедия для Лосева неразрывны, музыка предстает как космический хаос. В ней преодолеваются границы личности, все сливается в ритм становления, не знающего «отъединенности Бога и мира», дается откровение Абсолютного начала. Но в музыке Нового времени это стремление к Абсолюту превращается в романтическое утверждение абсолютизированной личности*. В «Трио Чайковского» – это демонизм «Годы странствий» Листа, тоска «Девятой симфонии» Бетховена, космический универсализм скрябинских сонат. Неслучайно трагизм человеческого существования, выраженный «Трио», появляется и в финале повести, где музыку Чайковского сопровождает бомбежка дома Запольских (так изображено в повести начало Первой мировой войны), в результате чего герой попадает в больницу, оставшись единственным в живых среди гостей, присутствовавших на музыкальном вечере [5, с. 22-41]. Музыкальное произведение Чайковского также становится резюме жизни героя и его несчастных отношений с Томилиной, поскольку «Трио» кончается не торжествующими аккордами жизни, но могильным, мертвенным холодом души, превратившейся в бесчувственный труп вместе с телом, если еще не раньше того» [5, с. 222].

В лосевской повести, как и в других рассказах, война представляет собой не только историческое событие, выражение разрушения старого мира, но и конфликт мировоззрений («нового сознания» и античного мироощущения). Показательно что, как отмечает Е.А. Тахо-Годи, «битва» Вершинина с Томилиной происходит в ночь с 19 на 20 июля [5, с. 209], в тот момент, когда объявляется начало мировой войны 1914 г., и то, что Вершинин употребляет военные термины по отношению к Томилиной («артиллерийской подготовке») [5, с. 169]; [6, с. 166]. Собственно, гибель пианистки — это гибель прошлого мироощущения, выраженного музыкой Томилиной, в которой «восставала темными ликами мировая мрачная воля, воля к вечному созиданию и утверждению бытия, не могущая, однако, преодолеть созданный ей же самую огромный мир» [5, с. 171].

Музыкальный символизм трагического мироощущения сопровождается изображением войны 1914 года. Имение Запольских, вдали от города, – «уютный музыкальный островок», и его гости «совершенно забыл о том, что существует еще мир и вокруг него» [7]†:

«Война была объявлена еще третьего дня, а перед этим, по крайней мере, целую неделю газеты были переполнены сообщениями о переговорах, ультиматумах, мобилизациях и пр. А мы–то ничего и не знали! Не читая газет, ни

* Ссылка на скрябинскую «Поэму экстаза» с ее заключительным мировым пожаром особенно значительна:– «как это гениально угораздило Скрябина поместить колокол в конце «Поэмы экстаза», когда уже все превращено в божественно мировое само-наслаждение от мук рождения и страстного пожирания всего порожденного!». Там же. С. 195.

† А. Кузнецов усматривает в этом платоновский мотив «пира».

с кем не видясь, кроме ближайших соседей (да и те последнее время отсутствовали) и погрузившись в свои музыкальные восторги (а я — еще и в личную жизнь), мы не могли и представить себе, что начинается какая-то война, да еще такая небывалая» [5, с. 224].

Даже когда дирижабли летают над именем Запольских, спуская огромные бомбы, уничтожавшие все, «музыкальное собрание» гостей продолжается. После первого испуга гости постепенно возвращаются к спокойствию: «— А ну ее к черту, эту войну!.. Пойдемте доигрывать!..» — говорит Чегодаев [5, с. 224]. Однако скоро разразится трагедия: «Едва-едва проиграли несколько тактов второй части Трио, и еще Томилина не кончила основную тему для вариаций, как раздался новый оглушительный треск и грохот и весь дом озарился ярким огнем взорвавшихся бомб» [5, с. 223]. Пролетав в обмороке несколько дней, Вершинин узнает печальную новость, что имение Запольских сгорело целиком и хозяева, вместе со своими гостями, были убиты тогда же взрывными бомбами [5, с. 226].

Отметим, что в то время как для некоторых русских философов (Бердяева, Трубецкого, Булгакова) в Первой мировой войне проявляются, кроме духовных злых сил человека, и силы добра (любовь к человеку и к родине) [8]; [9]; [10], у Лосева отсутствует понимание войны как «очищающего огня» (того огня, который разрушает дом Запольских в конце «Трио Чайковского»), проявление духовного возрождения, вызванного необходимостью выхода из кризиса современной цивилизации. Более того, художественные произведения русский мыслитель написал спустя несколько лет после мировых войн и революции, поэтому вполне оправданно интерпретировать оценку Первой мировой войны на последних страницах рассказа (в диалоге между «простыми людьми») как скептицизм в отношении ее спасительных и катартических возможностей. Лежащий в больничной постели Вершинин слушает разговор «простых людей» о войне. Некий Иван Семенович напоминает о необходимости страдания, говоря, что война нужна для того, чтобы человек вспомнил Бога: «А разве мы только Бога забыли? Мы ведь и все забыли! Себя самих, можно сказать, забыли, а не то что родину... Да!.. А родину нельзя забывать... Родину любить надо...» [5, с. 227]. Также выражается мысль о том, что войну Бог послал: «— <...> Игнатич, войну Бог послал! Война нужна человеку! Войною Бог спасает — от нас же самих спасает. Что мы такое? Всё о себе думаем! Брюхо растим, сытую жизнь любим! Ничто мы, вот мы что! А Господь людьми хочет нас сделать, с праведными сопричьсть хочет... Ежели бы мы люди были, а мы — кто? Никто! Вот мы кто!» [5, с. 228]. Лосев проявляет неверие в оптимистическую уверенность в войне, которая положит конец всем войнам, и предупреждает от идеи о возможности возрождения новой России. Размышления Ивана Семеновича подытоживает подошедший человек:

«— Господа! Я вам всем удивляюсь... Говорите вы тут, говорите, а самого главного не чувствуете и не видите. Новая Россия рождается — вот что! Огнем и духом новая Россия крещается! Вот в чем смысл мировой войны! Из войны Россия выйдет новая, молодая, живая. Старая Россия умерла! Нет больше ничего старого! Новая Россия рождается! Теперь все по-новому будет! И простой, и ученый переплавится! От крестьянства, от интеллигенции, от купца, от рабочего и следу не останется старого! Вот что! Новый дух рождается! Новая Россия будет, молодая...» [5, с. 229-230].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Образ разрушительного огня, восходящего к античным стойкам и к пожару, охвативший Валгаллу в «Гибели богов», возвещает гибель всего современного мироздания и ассоциируется к духовной катастрофе войны. В войне Лосев видит судьбу мира - конец культуры и наступление новой эпохи, т.е. эпохи механизации («машинизации», по словам Н.А. Бердяева [11, с. 300]), которая зародилась еще в эпоху Возрождения и выражается в известной оппозиции культуры и цивилизации (как ее отрицательного последствия). Война рассматривалась как противоположное культуре, противоречение сущности самой природы человека. Стремясь постичь смысл и природу войны, Бердяев объяснял события начала XX века кризисом человеческого сознания: «Сущность кризиса, совершающегося у нас под влиянием войны, можно сформулировать так: нарождается новое сознание, обращенное к историческому, к конкретному, преодолевается сознание отвлеченный и доктринерское, исключительный социализм и морализм нашего мышления и оценок» [12, с. 298].

Темы кризиса культуры и смысла жизни (добра и зла, судьбы) являются основой рассказа «Жизнь», в котором главный герой Алёша в поисках смысла бытия пытается превратить увиденный им хаос жизни в осознанную и смысловую картину. Показательно, что в четвертой части рассказа действие происходит в начале Великой Отечественной войны, в июле 1941 года. На пути из Полтавы в Москву герой слушает речь парторга на митинге перед вокзалом в Харькове:

«— Товарищи! <...> Родина призывает всех нас стать на защиту родной земли. Отложим наши житейские дела, теперь не до них. Еще вчера мы жили мирно и не ждали войны. Еще вчера так весело танцевала молодежь, так бодро шагали по городу старики, так дружно и беззаботно шла наша работа. Стар и млад теперь — на другую работу, на войну, против общего всем врага, на защиту оскорбленного отечества. Всё для войны и фронта! Отечество наше в опасности! Теперь не время до личных дел. Отдадим все свои дела и себя самих на служение Родине <...> А если нам суждено погибнуть, то лучше смерть, чем рабство у врага!» [4, с. 552].

Тут вводится понятие «Родина» [13, с. 82-89], которое *несколькими страницами ранее* этого отрывка служило основой для критики философии Нового времени, так далекой от того общего, «откуда происходит реальный человек с своим человеческим телом и человеческой душой» [4, с. 541], поэтому «всякая философия, которая не кончается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия» [4, с. 542]. Очевидно, что имеется в виду не *земную* родину, а Родину *небесную*, как жизненную стихию. В лосевском рассказе Родина также связана с понятием жертвы: «родина требует жертвы» [4, с. 544] – говорит Алёша, т.е. только родина оправдывает человеческие жертвы. Вера в Родину – единственное, что способно придать смысл человеческому существованию: через жертву земное бытие обнаруживает своей причастности к небесному, к Истине. Итак, Алёша приводит к выводу, что «подлинное знание <...> это знание своей истинной Родины и смысла» [4, с. 523], утверждение человеческого спасения через осмысление страдания. Даже если «весь мир лежит во зле» [4, с. 523], катастрофа мировой войны преодолевается жизнью, имеющей целью служение Родины.

Список литературы

1. Сидорин В.В. Русские философы о смысле войны: *persona in bello* // Соловьевские исследования. №1(49). 2016. С. 114-122.
2. Даниленко И.С. (сост.) Русские философы о войне. М.; Жуковский: Кусково поле, 2005. 495 с.
3. Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 532 с.
4. Лосев А.Ф. Жизнь // А.Ф. Лосев. Я сослан в XX век... / Под ред. А.А. Тахо-Годи; сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Время, 2002. Т. 1. С. 504-557.
5. Лосев А.Ф. Трио Чайковского // А.Ф. Лосев. Я сослан в XX век... / Под ред. А.А. Тахо-Годи; сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Время, 2002. Т. 1. С. 106-230.
6. Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. 399 с.
7. Кузнецов А. *Узрение существа музыки при посредстве естества женского и безумия артистического* // Новый мир. №6. 1994. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1994_6/Content/Publication6_5935/Default.aspx (Дата обращения 02.03.2020 г.)
8. Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. М.: Т-ва И.Д. Сытина, 1915. 32 с.
9. Бердяев Н.А. Война и возрождение. Сборник статей 1913-1915 гг. М.: Директ-Медия, 2016. 160 с.
10. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М.: Т-ва И.Д. Сытина, 1915. 59 с.
11. Бердяев Н.А. Кризис искусства // Н.А. Бердяев. О русских классиках. М.: Высшая школа 1993. С. 293-301.
12. Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентного сознания // Даниленко И.С. (сост.) Русские философы о войне. М.: Кучково поле, 2005. 495 с.
13. Тахо-Годи Е.А. «Мы – только всплески на общем море бытия»: О мотивах «Небесной Родины», «жертвы» и «мирового древа» в рассказе Алексея Лосева «Жизнь» // Русская словесность. №5. 2018. С. 82-89.
14. Римонди Дж. О роли музыкального экфрасиса в повести А.Ф. Лосева «Трио Чайковского» *Studia Litterarum*. Т. 5. №1. 2020. С. 22-41.

Rimondi G.

THE IMAGE OF WAR IN THE WORKS OF A. F. LOSEV

RIMONDI Georgia – PhD, University of Genoa, 16126, Italy, Genoa, Via Balbi, 12
e-mail: giorgia.rimondi@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the image of war in the works of A. F. Losev, which the Russian philosopher reaches a broader understanding of the accompanying socio-cultural processes of a spiritual nature. The author analyzes the plot of the war in the story "Tchaikovsky's Trio" (1933) and in the story "Life" (1941). War, considered as a result of separation of human life from its organic beginnings, interpreted Losev directly or indirectly – in the motive sense making of the crisis that accompanies personal tragedy of the hero "Tchaikovsky's Trio", in "philosophy of the Motherland and sacrifice" in "Life". For Losev, war is the antipode of culture, a contradiction in relation

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

to human nature, a kind of result of the gradual "mechanization" of life. Through the image of war, Losev portrays the chaos of the modern universe (in "Tchaikovsky's Trio") and the desire of the human person to understand the highest purpose of God and the meaning of life (in "Life").

Keywords: A. F. Losev's philosophical prose, war, spiritual crisis, the story "Tchaikovsky Trio", the story "Life", Russian philosophy about war.

УДК 94 (574) -1941/1945||

Рысбеков Т.З., Шинтимирова Б.Г.

ХОЗЯЙСТВЕННО – ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ КАЗАХСТАНА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЖИВОТНОВОДСТВА (1941-1945 гг.)

РЫСБЕКОВ Т. З. — доктор исторических наук, профессор, почетный академик Национальной Академии Наук Казахстана, Западно-Казахстанский государственный университет. М. Утемисова, 090000, Казахстан, Уральск, просп. Нурсультана Назарбаева, 162.

e-mail: tuyakbai.rysbekov@mail.ru

ШИНТИМИРОВА Б. Г. — доктор исторических наук, профессор, Западно-Казахстанская инновационная технология, 090000, Университет, Казахстан, Уральск, пр. Назарбаева, 194.

e-mail: ansar_2004@mail.ru

Аннотация. Период 1941-1945 годы является одним из самых сложных и героических периодов истории нашей многонациональной страны. Вероломное нападение фашистской Германии прервало мирный труд советских людей, потребовало немедленной мобилизации всех материальных и духовных ресурсов на организацию решительного отпора захватчикам. С начала Великой Отечественной войны мирное социалистическое строительство было прервано, вся жизнь страны быстро перестраивалась на военный лад. Война потребовала перестройки работы и советских органов, всего государственного аппарата на военный лад. Необходимо было подчинить деятельность всех звеньев Советов Казахстана задаче мобилизации всех сил и средств казахстанцев для победы над врагом. Вместе с тем в практической деятельности Советских органов на передний план выдвигались новые задачи, непосредственно связанные с интересами фронта. В данной статье на основании архивных материалов (ЦГА РФ, РГАЭ, ЦГА РК и областных архивов РК) исследуется деятельность советских органов Казахстана по хозяйственно-организаторской работе в области сельского хозяйства и животноводства в период Великой Отечественной войны. С первых же дней войны большое место в деятельности Советов республики занимали вопрос перестройки сельского хозяйства и животноводство на нужды обороны страны, обеспечения фронта и тыла. С началом войны перед этими отраслями народного хозяйства была поставлена очень сложная задача – обеспечить продовольствием армию, продуктами питания страну в целом. Оккупация обширной плодородной земли, отправка на фронт большинство специалистов и сокращение материально-технической базы создавали дополнительные трудности

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

в организационно-хозяйственной работе сельского хозяйства и животноводство. В статье освещаются формы деятельности Советов Казахстана по руководству организационно хозяйственной работой в области сельского хозяйства и животноводства.

Ключевые слова: хозяйственно-организаторская деятельность Советов, сельское хозяйство, животноводство, депутаты, советы и их исполкомы, перегон и реэвакуация скота, помощь освобожденным районам.

Одним из важнейших участков хозяйственно–организаторской деятельности Советов республики в годы войны явилось сельское хозяйство. С началом Великой Отечественной войны перед сельским хозяйством была поставлена очень сложная задача – обеспечить продовольствием армию, сырьем промышленность, продуктами питания страну в целом. В первый период войны обширные плодородные земли Украины, юго-восточных районов Европейской части РСФСР и некоторых других территории страны были оккупированы и разграблены немецко-фашистскими захватчиками. На этой территории накануне войны производилось 52 проц.зерна, 86 проц.сахарной свеклы, значительное количество подсолнечника, картофеля и мяса [1,с.66]. Кроме того трудности в области сельского хозяйства обусловились отправкой на фронт большинства мужчин, специалистов сельского хозяйства и сокращением материально-технической базой сельского хозяйства, т.е. большая часть автотранспорта, тракторов и лошадей была отправлена в армию. Произошло резкое сокращение численности колхозных партийных организаций и сельского актива вообще в связи с массовой мобилизацией в ряды Красной Армии. Число работников в сельском хозяйстве Казахской ССР в 1942 году по сравнению с переписью 1939 г. уменьшилось почти на 600 тыс.человек. В ряды защитников Родины встали 26 тыс. трактористов, 60 тыс. опытных животноводов, 5.112 председателей колхозов. Ряды сельских и аульных коммунистов за первый период войны сократились на 38,7 % [2,с.324-330].

В этих условиях тяжесть решения задачи снабжения многомиллионной армии продовольствием легла на восточные районы страны, в т.ч. Казахстана, значительно усилилась роль советских органов в сельском хозяйстве, хотя важнейшим участком хозяйственно-организаторской деятельности их всегда было сельское хозяйство. Советы несли ответственность за хозяйственную и культурно-воспитательную работу, нацеливали тружеников сельского хозяйства на выполнение производственных заданий. Вопросы развития сельского хозяйства в годы войны занимали преобладающее место в деятельности партийно-советских органов Казахстана. Вопросам сельского хозяйства был посвящен созванный в июне 1941 года V Пленум ЦК КП (б), VI и VII пленумы ЦК КП (б) Казахстана (февраль, июнь 1942 г.) соответственно рассмотрели вопросы «О состоянии работы по уходу за посевами в колхозах и совхозах республики и задачах подготовки к уборке и заготовке сельхоз-продукции в 1941 г.», «Подготовка к весеннему севу 1942 года», «Итоги выполнения плана развития животноводства в республике за 1941 г. и проведение зимовки скота» [3].

Советы и их исполкомы непосредственно руководили подготовкой бригадиров, звеньевых, заведующих животноводческими фермами и механизаторских кадров. Летом 1942 года на полях республики работали 10 тысяч

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

женщин-трактористов и 162 женских тракторных бригад. Бригадир женской тракторной бригады Акжарской МТС Кзыл-Ординской области, комсомолка Касымова, включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование, добилась значительных успехов. Она на 126 проц. выполнила свои производственные планы, вспахала 1.584 га земель при плане 906 га и сэкономила 2.359 кг горючего. В целом по республике приняли активное участие во Всесоюзном социалистическом соревновании 8.064 женщин и 127 бригад [4, л.319].

Особенно большое значение имела ценная инициатива колхозников артели «Красные горные орлы» Урджарского района Семипалатинской области. Инициатива колхозников и колхозниц «Красные горные орлы» как важное хозяйственно-политическое мероприятие в условиях военного времени советского народа, направленное на укрепление тыла и разгром врага, было поддержано в обкоме партии, затем в Центральном Комитете КП (б) Казахстана.

Во всех колхозах, МТС и совхозах обсуждалось данное письмо и намечались практические мероприятия, вытекающие из письма.

Огромную помощь местным Советам в своевременном проведении сельскохозяйственных кампаний оказывали депутаты и постоянные комиссии, в работе которых наряду с депутатами принимали участие многочисленный сельский актив. Так, например, колхоз имени Кирова Аятского сельсовета Орджоникидзевогo района Кустанайской области (председатель Башлаев – депутат сельсовета) являлся передовым колхозом в районе. Он успешно справился с хлебоуборочной и обеспечил образцовую подготовку к зимовке. Колхоз полностью и досрочно выполнил свои обязательства перед государством по сдаче животноводческой продукции, а план сдачи сена выполнил на 492 проц. [5, л.15].

Труженики сельского хозяйства республики добились значительных успехов в 1944 и особенно 1945 гг. Этому в определенной степени способствовали провидимые партийно-советскими органами «фронтвые пятидневки» по завершению сельскохозяйственных работ. Десятки тысяч тружеников сельского хозяйства республики вступили «в поход за урожай победы». Борьба за завоевания звания «гвардейцов тыла», «фронтвых бригад», «фронтвых званьев» на завершающем этапе войны разгорелась с новой силой.

Рука об руку с хлеборобами трудились животноводы республики. С первых же дней Великой Отечественной войны на советские органы Казахстана легла ответственность за прием и размещение эвакуированного скота, сельскохозяйственной техники и имущества колхозов, совхозов и МТС. В сентябре 1941 г. ЦК Компартии Казахстана и Совнарком республики разработали мероприятия по приему и размещению скота, прибывшего из прифронтных районов. В 1941 г. в республику было эвакуировано 5.902 лошадей, 76 581 крупного рогатого скота, 50.579 овец и коз, а в 1942 году – соответственно 24.553, 57.286, 439.135 и 1.722 верблюдов. Итого за два года войны в Казахстан было эвакуировано 685.758 голов скота. Они были направлены из Украины, Молдавской ССР, Белорусской ССР, Орловской, Ростовской, Сталинградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Калмыцкой АССР. Из всего поступившего в Казахстан скота 72.820 голов было передано в Челябинскую и 14.205 – в Саратовскую область. Эвакуированный в Казахстан скот, в основном, был размещен в Актюбинской, Гурьевской и Западно-Казахстанской областях.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Исполнительные комитеты Советов Актюбинской, Гурьевской и Западно-Казахстанской областей и их земельные отделы на местах поступления скота и по трактам его гона предусматривали создание ветеринарно-карантинных пунктов, через каждые 15-20 км готовили подкормочные и водопойные пункты, обеспечивали их кормами, организовывали бригады гонщиков скота. Были созданы бригады руководящих, партийных, советских работников и специалистов сельского хозяйства, которые осуществляли руководство строительством животноводческих помещений, выделением маломощным колхозам кредитов для размещения скота. В результате принятых правительством республики и ЦК КП (б) К, а также местными Советами мер большая часть скота была спасена. Так, по состоянию на 1 июля 1943 г. в республике насчитывалось 125.500 голов скота, размещенного на передержку [6,лл 45-46,48]. Сокращение количества скота с первоначальным периодом объясняется тем, что, во-первых, за время с 1941 по 1943 г. в колхозах Западного Казахстана часть эвакуированного скота была сдана государству, во-вторых, в течение 1942 г. и 1943 г. часть скота Сталинградской области и Калмыцкой АССР (рабочий скот) была возвращена.

Для местных Советов республики программой деятельности в борьбе за успешное выполнение планов восстановления и дальнейшего развития животноводства служило постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 11 марта 1942 г. «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах». В нем говорилось о том, что возросшие потребности страны и Красной Армии в продуктах животноводства требуют от местных партийно-советских и хозяйственных организаций, тружеников сельского хозяйства приложить все усилия для успешного восстановления и дальнейшего развития животноводства. Реализуя Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР, партийно-советские органы республики добились больших успехов в развитии общественного животноводства. Животноводы республики выступили инициаторами Всесоюзного социалистического соревнования за развитие общественного животноводства и увеличение продукции. Зачинателями этого движения были колхозники Кугалинского района Алма-Атинской области (ныне Гвардейский район Талды-Курганской области). Они обратились ко всем животноводом республики со следующим призывом: «Работники колхозного животноводства! Вступайте во Всесоюзное социалистическое соревнование между фермами, колхозами, районами, областями, краями и республиками. Сытно накормим, хорошо обуем и оденем наших бесстрашных бойцов, сражающихся с немецкими захватчиками за наше счастье, за нашу жизнь» [7].

Вопросы развития животноводства были в центре внимания правительства республики, местных Советов и земельных органов. Правительство республики оказывало повседневную организационную помощь в проведении в жизнь намеченных мероприятий по развитию животноводства.

Активное участие в организации мероприятий принимали и исполнительные комитеты местных Советов. Они со своей стороны вели большую организаторскую работу по заготовке кормов, проведению зимовки скота, расплодной кампании и других мероприятий по развитию животноводства, утверждали планы обязательных поставок и государственных закупок животноводческой продукции для районов и отдельных колхозов, обсуждали вопросы развития животноводства на сессиях и заседаниях исполкомов областных, районных и сельско-аульных Советов. Так, например вопросы «О

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

выполнении государственного плана развития животноводства и хода зимовки скота» и «Итоги выполнения плана развития животноводства в 1941 г. и мероприятия по развитию животноводства в 1942 г. в колхозах района в свете решений постановления Совнаркома СССР и ВКП (б) от 2 марта 1942 года» были обсуждены на сессиях исполкомов Северо-Казахстанской и Семипалатинской областей, исполкомов Чарского, Абралинского, Бельгагачского, Кокпектинского, Урджарского и Маканчинского районных Советов [8].

Большой вклад в развитие общественного животноводства республики в годы войны внесли депутаты Верховного Совета и местных Советов республики.

Так, например трудящиеся Сары-Суйского района (председатель райисполкома депутат Верховного Совета Казахской ССР Алжанов Ж.) Жамбулской области в 1942 г. значительно перевыполнили государственный план развития животноводства по каждому виду скота, в т.ч. по овцам и козам на 107,8 проц., по лошадям – на 117 проц., по верблюdom на 114 проц., по крупному рогатому скоту – на 101,2 проц. [4,лл.314-315]

Славно потрудились животноводы Гурьевской и Карагандинской областей. По итогам второго тура Всесоюзного социалистического соревнования животноводов этих областей, а также Ново-Богатинскому району Гурьевской области было присуждено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Оборона [9].

Советское правительство и ЦК партии, проявляя огромную заботу об укреплении и развитии животноводства, приняли ряд важных постановлений по этому вопросу. Ярким выражением этой работы являлись постановления Совнаркома СССР от 12 мая 1944 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию животноводства в колхозах Казахской ССР» и от 24 июня 1944 г. «О дополнительной оплате труда колхозников в животноводстве за перевыполнения заданий по выращиванию молодняка и сохранение взрослого скота в колхозах Казахской ССР».

Для организации обсуждения постановлений правительства Союза ССР в районы были направлены ответственные работники советских органов. В целях быстрой реализации постановлений проводились районные совещания зоотехников, ветврачей, заместителей председателей колхозов по животноводству.

Следует отметить то, что важное значение для улучшения руководства делом развития животноводства на основании постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) с апреля 1942 г. правительством республики была введена в областных и районных исполкомах, в колхозах специальная должность заместителя председателя по животноводству.

В результате дальнейшего улучшения хозяйственно-организаторской деятельности Советов Казахстана, несмотря на условия военного времени, труженики сельского хозяйства республики добились значительных успехов в росте общественного животноводства. На начало 1944 г. по сравнению с январем 1941 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 36 проц., овец и коз на 48 проц., лошадей на 7 проц. [10, л.3]. В республике раньше чем в других районах страны движение за создание фонда обороны приняло форму шефской помощи в восстановлении народного хозяйства районов, пострадавших от фашистской оккупации.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Исполнительные комитеты местных Советов Казахстана, проводя большую организационно-массовую работу, утверждали планы закупок скота для освобожденных районов, силами депутатов и актива разъясняли огромное значение этого важного государственного мероприятия.

Огромная помощь была оказана Ленинграду и Сталинграду, освобожденным районам Подмосковья, Курской, Орловской и Ростовской областей, Северного Кавказа и Украины. Колхозники республики засеяли в 1943 г. продовольственными культурами сверхплана в фонд обороны страны и помощи освобожденным районам 22.384 га, республика выделила освобожденным районам 4 тыс. тракторов, более 500 тыс. голов скота; в освобожденные районы выехало 700 бригадиров тракторных бригад, 300 комбайнеров, 145 агрономов и более 100 механиков [11].

Новый мощный этап всенародного движения по оказанию помощи в восстановлении народного хозяйства районов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации, начался в 1943 г. 23 января 1943 года ЦК ВКП (б) и Совнарком Союза ССР приняли постановление –О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов [12, с.90-94]. На основании постановления ЦК ВКП (б) и Союзного правительства ЦК КП(б)К и СНК Казахской ССР 27 января 1943 г. приняли постановление –Об отправке тракторов, сельскохозяйственных машин, механизаторов и руководящих сельскохозяйственных кадров в освобожденные от немецко-фашистских оккупантов районы. В соответствии с этими постановлениями решением исполкома Кустанайского областного Совета трудящиеся области отгрузили для районов Краснодарского края от совхозов области 240 тракторов, 60 комбайнов, 305 плугов, 90 сеялок, из МТС области для Сталинградской области 40 автомашин. Для Ставропольского края было мобилизовано 252 тракториста, 50 комбайнеров, 17 механиков, 4 директора МТС, 5 агрономов, 2 бухгалтера; для Краснодарского края – 417 трактористов, 50 комбайнеров, 20 бригадиров тракторных бригад МТС. 4 февраля 1943 г. исполком областного Совета рассмотрел вопрос –О ходе выполнения постановления исполкома областного Совета и бюро обкома от 31 января 1943 г. –Об отправке тракторов, сельхозмашин, механизаторов и руководящих сельскохозяйственных кадров в освобожденные от немецко-фашистских оккупантов районы и обязал председателей исполкома райсовета, первых секретарей РК КП(б)К взять под свой личный контроль своевременную отправку вполне исправных отремонтированных автомашин, тракторов, комбайнов, и сельскохозяйственных машин, мобилизацию и отправку механизаторов и руководящих сельскохозяйственных кадров, предупредить их о строгой персональной ответственности и за выполнение настоящего важнейшего государственного задания в срок до 15 февраля 1943 г.

19 мая 1943 г. исполком облсовета депутатов трудящихся принял еще одно важное решение –Об отправке комбайновых моторов в освобожденные от немецко-фашистских оккупантов районы [13, лл.196-200, 236, 274-275].

Анологичные решения были приняты исполкомами областных Советов и других областей республики [14].

Особенно широкий размах помощь Казахстана освобожденным районам получила с осени 1943 г., в период массового освобождения западных районов страны от вражеской оккупации. 21 августа 1943 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

приняли постановление –О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, явившееся программой деятельности всех партийных и советских органов страны по решению важнейшей государственной задачи – скорейшего восстановления разрушенного войной и немецко-фашистской оккупацией народного хозяйства западных районов страны. Прежде всего необходимо было решить вопрос возвращения эвакуированного на передержку скота. Областные партийные организации и исполкомы советов депутатов трудящихся, получающие скот, направляли в районы своих уполномоченных для оказания помощи в проведении реэвакуации.

В период перегона реэвакуированного скота использовались 2 трассы, проходящие по территории Западно-Казахстанской области. По первой трассе проходил скот Ростовской и Сталинградской области. По второй трассе перегоняли скот из Актюбинской области. Из Гурьевской области реэвакуированный скот перегонялся по двум трассам: основной – в Ростовскую и Сталинградскую области и вспомогательной (сокращенной) – в Калмыцкую АССР [15, лл. 9-10].

Работа по реэвакуации скота шла под девизом «Лучший скот – освобожденным районам». В целом казахстанские животноводы отправили освобожденным районам 550 тыс. голов скота [2, с. 369]

Таким образом, в годы войны социалистическое сельское хозяйство показало величайшую силу колхозного строя. Несмотря на трудности военного времени, уборка урожая ежегодно проводилась в сжатые сроки и без потерь. Многие области республики досрочно выполняли государственный план хлебозаготовок и продукции животноводства. Советы Казахстана показали себя в тяжелое военное время оперативными проводниками директив партии и правительства.

В годы Отечественной войны Казахстан стал крупнейшей животноводской базой страны. В этот период отгонно-пастбищное содержание скота коренным образом отличалась от содержания скота на подножном корму, характерного для периода кочевого скотоводства в довоенный период.

Борьба за сохранение эвакуированного скота казахстанскими животноводами – ярчайшая страница летописи в истории братского содружества наших народов.

Список литературы

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945: В 6-ти т. Под ред. Василенко В.А. М.: Воениздат, 1965, Т.6. Итоги Великой Отечественной войны. 615 с.
2. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алматы: Казахстан. 1984. 760 с.
3. Казахстанская правда. 1941. - 29 июня; 194. 10, 17 июля.
4. Центральный Государственный Архив РК (далее ЦГА РК). Ф. 1109. Оп. 5. Д. 3.
5. ЦГА РК. Ф. 1109. Оп. 5. Д. 282.
6. Российский Государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 4447. Оп. 1. Д. 1072.
7. Казахстанская правда. 1942. 31 мая

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

8. Государственный архив Северо-Казахстанской области (далее ГАСКО). Ф. 1189. Оп. 13. Д. 24; Государственный архив города Семей (далее ГАГС). Ф.404. Оп. 1. Д. 879. Лл. 9-10, 13-19, 31-43, 62-69, 70-74, 79-83; Оп. 4. Д. 32.
9. Правда. 1945. 14 декабря
10. ЦГА РК. Ф.1137. Оп. 10. Д. 650.
11. Казахстанская правда. 1942. 4, 12, 14 февраля, 19 мая, 7 июля, 8 сентября; 1943. 26 февраля, 3, 11 апреля, 11 июля; История государства и права Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1965. Т. 3. 432 с.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти томах. Сб.докум.за 50 лет/соот.: К.У. Черненко, М.С.Смиртюков. Москва: Политиздат, 1968. Т.3. 751 с.
13. Государственный архив Кустанайской области (далее ГАКуО). Ф. 268. Оп.1. Д. 519.
14. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 699. Лл. 115-117; Государственный Архив Жамбылской области (далее ГАЖО). Ф. 282. Оп. 1. Д. 472. Лл. 172 об., 173.
15. ЦГА России. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2496.

Rysbekov T.Z., Shintimirova B.G.

ECONOMIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF THE COUNCILS OF KAZAKHSTAN IN THE FIELD OF AGRICULTURE AND ANIMAL HUSBANDRY (1941-1945)

RYSBEKOV T. Z. – -doctor of historical Sciences, Professor, honorary academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, M. utemisova West Kazakhstan state University, 090000, Kazakhstan, Uralsk, prosp. Nursultan Nazarbayev, 162.

e-mail: tuyakbai.rysbekov@mail.ru

SHINTIMIROVA B. G. – doctor of historical Sciences, Professor, West Kazakhstan innovative technology, 090000, University, Kazakhstan, Uralsk, 194 Nazarbayev Ave.

e-mail: ansar_2004@mail.ru

Abstract. The period 1941-1945 is one of the most difficult and heroic periods of the history of our multinational country. The treacherous attack by fascist Germany interrupted the peaceful work of Soviet people required the immediate mobilization of all material and spiritual resources to organize a decisive fight against the invaders. Since the beginning of the Great Patriotic War, peaceful socialist construction has been interrupted, and the whole life of the country has quickly been transformed into a military position. The war required the restructuring of the work of the Soviet bodies, the entire state apparatus, into a military position. It was necessary to subordinate the activity of all links of the Soviets of Kazakhstan to the task of mobilizing all forces and means of Kazakhstan to win over the enemy. At the same time, in the practical activities of the Soviet bodies, new tasks directly related to the interests of the front were brought to the fore. This article on the basis of archival materials (CGA of the Russian Federation, RGE, CGA of the Republic of Kazakhstan and regional archives of the Republic of Kazakhstan) explores the activity of Soviet bodies of Kazakhstan on economic and organizational work in the field of agriculture and livestock breeding during the Great Patriotic War. Since the first days of the war, a large place in the activities of the Soviets of the Republic has been occupied by the issue of restructuring

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

agriculture and livestock production for the needs of the defence of the country, ensuring the front and rear. With the outbreak of war, these branches of the national economy were given a very difficult task - to provide food to the army, food to the country as a whole. The occupation of vast fertile land, the sending of most specialists to the front and the reduction of the material and technical base created additional difficulties in the organizational and economic work of agriculture and livestock. The article covers the forms of activity of the Councils of Kazakhstan on the management of organizational economic work in the field of livestock farming.

Keywords: economic and organizational activity of the Soviets, agriculture, animal husbandry, deputies, councils and their executive committees, overhang and reevacification of livestock, assistance to liberated areas.

УДК 94(47)

Саблин В.А.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПЛАНАХ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ 1920-х - 1930-е гг.*

САБЛИН Василий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики, Вологодский государственный университет, 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15.
e-mail: Sablin@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы выработки перспективной аграрной политики на Европейском Севере РСФСР и ее увязки с промышленным кластером экономики в 1920–1930-е годы. Подчеркивается, что в первой половине 1920-х гг. разработка планов сопровождалась уточнением общих перспектив развития сельского хозяйства и его дальнейшей специализации: земледельческо-полеводческой, молочной, промыслово-животноводческой, промысловой молочно-скотоводческой. С принятым курсом на индустриализацию определились приоритеты промышленной сферы региона. Крестьянскому хозяйству в контексте модернизационных изменений отводилась второстепенная роль по обслуживанию задач индустриализации: с одной стороны, – по линии усиления налогообложения на основе перехода к подоходному обложению с другой стороны, – по линии извлечения рабочей силы двора. Одновременно решается задача обеспечения занятых на лесозаготовках и строящихся промышленных предприятиях продовольствием и сырьем. Проблема роли и места аграрного сектора в процессе модернизации экономики края заняла особое место в 1928–1929 гг. при разработке перспектив первого пятилетнего плана развития на 1928–1932 гг. Выявились различия подходов руководства отдельных губерний к проблеме модернизации. Победила точка зрения руководства Северного края по его превращению в валютных цех страны,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00238 А «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920-1930-е годы»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

создаваемый на лесозэкспортной базе. Сельскому хозяйству отводилась специфическая роль поставщика сравнительно дешевой рабочей силы в лесную отрасль края и обеспечение ее, а также промышленности и городов продовольствием. Дальнейшее подстегивание темпов лесозаготовок привело к привлечению в регион спецпоселенцев из числа раскулаченных в других регионах страны и размещению их в лесозаготовительных поселках.

Ключевые слова: модернизация, крестьянский двор, индустриализация, коллективизация, лесной экспорт, раскулачивание, спецпереселенцы.

Развитие аграрной подсистемы нельзя рассматривать вне контекста тех перемен, которые в целом происходят в экономическом комплексе любой страны на разных этапах ее развития. В этом плане для нашей страны особое значение имеет проводившаяся во вторую половину 1920-х–1930-е гг. технологическая модернизация экономики, под которой понимался процесс создания крупного машинного производства в промышленности, превращение страны в индустриальную державу.

Первый опыт выработки перспективной аграрной политики на Европейском Севере РСФСР и ее увязки с промышленным кластером экономики относится к середине 1920-х гг. Правда, при этом плановики шли по линии разработки отдельных плановых мероприятий по секторам экономики, без какой-либо существенной увязки их друг с другом. Одновременно происходит уточнение общих перспектив развития сельского хозяйства и его дальнейшей специализации: земледельческо-полеводческой и молочной – в Вологодской и Северо-Двинской губерниях; промыслово-животноводческой – в Архангельской губернии и АО Коми; промысловой молочно-скотоводческой – в Карельской АССР. На этой базе ставится задача смычки крестьянского двора с народнохозяйственным комплексом на основе общей интенсификации и повышения эффективности аграрного сектора. Определяются меры по достижению этой задачи: выработка норм недробимости крестьянского двора, ограничение переделов, регулирование найма, ограничение «отхода», а также общая стратегическая линия на расширение товарности сельскохозяйственного производства.

Официально отсчет политики индустриализации начался от XIV съезда ВКП (б), состоявшегося в декабре 1925 г. Съезд подчеркнул исключительную важность развития «промышленной жизни в каждом районе, в каждом округе, в каждой губернии, области, в национальной республике», привлечения к активному производительному труду всех трудящихся. Необходимость промышленной модернизации Европейского Севера диктовалась важным общехозяйственным и стратегическим значением региона, его географическим положением, наличием морских портов с экспортом.

В то же время начало индустриализации в крае сопровождалось большими трудностями. Они были вызваны значительным отставанием промышленного развития региона, от центральных районов страны, малочисленностью и распыленностью рабочих, технической отсталостью, недостатком материалов, оборудования, финансовых средств, квалифицированных кадров, отсутствием опыта крупного промышленного строительства.

Курс на индустриализацию края постепенно высветил приоритеты промышленной сферы региона: лесная промышленность, рыбозверобойные

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

промыслы, поставленные на промышленную основу, местная мелкая и кустарно-ремесленная промышленность. Для решения этих задач были привлечены значительные по тем временам финансовые потоки. Крестьянскому хозяйству в контексте модернизационных изменений отводилась второстепенная роль по обслуживанию задач индустриализации: с одной стороны, – по линии усиления налогообложения на основе перехода к подоходному обложению [1, с. 109-121], с другой стороны, – по линии извлечения рабочей силы двора. Одновременно решается задача обеспечения занятых на лесозаготовках и строящихся промышленных предприятиях продовольствием и сырьем.

Но постепенно подобная практика привела к кризисным явлениям в самом сельском хозяйстве. Повсеместное отвлечение крестьян на заработки привели к такой ситуации, что сельскохозяйственное и животноводческое производство двора в зоне интенсивных лесозаготовок начинает сворачиваться. В надежде получить большой доход крестьяне сдавали свои земли в аренду или нанимали батраков, а сами устремлялись на лесозаготовительные предприятия и в другие сферы промышленности. Как следствие снижалась и без того низкая товарность сельскохозяйственного производства, увеличивался ввоз в регион сельскохозяйственных продуктов, сена и фуража. Явление это было повсеместным, включая, хотя и в меньшей степени, сельскохозяйственные районы Вологодской и Северо-Двинской губерний.

В данном контексте будут понятны решения VII Всекарельского съезда Советов 1927 г., который констатировал, что «сельское хозяйство по отдельным отраслям значительно перешагнуло довоенный уровень». Возросли доходы сельского населения от заработков в промышленности и на промыслах. Но при этом замедлился переход крестьянских хозяйств на более совершенные формы земледелия. «Значительная часть крестьян, под влиянием роста заработков на лесозаготовках и сплавах, на улучшение сельского хозяйства обращает недостаточное внимание». Особую тревогу властей вызывало то, что «недостаточное развитие скотоводства в Карелии, в особенности в качественном отношении, отражающееся на товарности крестьянского хозяйства, привело к тому, что снабжение продуктами скотоводства городов и промышленных поселков в большей части производится извне Карелии». В то же время, «новые крестьянские хозяйства, образовавшиеся в последние годы в связи с ростом крестьянского населения, растут неорганизованно в перенаселенных уже пунктах. В новых незаселенных местах, куда с точки зрения колонизации и снабжения лесозаготовок рабочей силой был бы желателен прилив переселенцев из перенаселенных районов, не наблюдается».

Было решено: «усилить мероприятия по развитию и рационализации сельского хозяйства, идя по линии увеличения отпуска средств на таковое, предложить правительству принять меры к усилению мероприятий по переселению и колонизации районов, требующих по условиям развития промышленности увеличения рабочей силы». В числе первоочередных мер признавалось развитие мелиорации и поднятие товарности животноводческой отрасли.

С этой целью, а также для «снабжения промышленных центров и городов молочными продуктами – поручить правительству принять меры к организации маслодельных и сыроваренных заводов в районах наиболее развитого сельского хозяйства... При проведении всех мероприятий, направленных к развитию и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

рационализации сельского хозяйства, особое внимание правительства обратить на улучшение положения бедняцких слоев населения, а также на организацию колхозов и совхозов для снабжения промышленных центров и лесозаготовок сельскохозяйственными продуктами» [2, с. 111–112].

В решениях XII Архангельского губернского съезда Советов в марте 1927 г. на первое место в ряду мероприятий по сельскому хозяйству ставилась задача «разработать перспективный план колонизации и расселения губернии в увязке с перспективой развития лесного хозяйства, лесной промышленности и промыслов. Разработать операционный план по расселению и изысканию колонизационных фондов на 1927–1928 гг.; приступить к интенсивному и плановому заселению линии железной дороги, разбив в первую очередь участки под поселки по всем существующим разъездам; ... продолжить предварительное выявление колонизационных фондов через аппарат лесоустройства. Разработать правила по переселению» [3, с. 18–19].

Проблема роли и места аграрного сектора в процессе модернизации экономики края заняла особое место в 1928–1929 гг. при разработке перспектив первого пятилетнего плана развития на 1928–1932 гг. и предстоящих административных изменений, связанных с созданием Северного края и внутрикраевого районирования (создания округов и районов). Партийное руководство Вологодской и Северо-Двинской губерний последовательно отстаивало линию сбалансированной модернизации экономики «своих» территорий на базе приоритетного развития сельскохозяйственной сферы.

Позиция вологодских хозяйственников нашла наиболее полное воплощение в «докладной записке Вологодского губплана по вопросу областного районирования северных губерний РСФСР», в которой подчеркивалась необходимость выделения в особую административную единицу земледельческого района Европейского Севера, так как, «в связи с особенностями последнего находится весь сложный и многообразный комплекс построек и выводов, связанных с сельским хозяйством, в области торгово-заготовительной и налоговой политики, вопросов регулирования и планирования сельского хозяйства, построения и развития сети учреждений, объема, характера и направления их работ и т.д.»

Отмечалось, что этот район «имеет большие перспективы к развитию товарного, сельского и, в частности, молочного хозяйства. Сооружение небольших подъездных железнодорожных путей, окупаемых в первые же годы эксплуатацией лесных массивов на внутренний рынок, вызовет развитие товарного сельского хозяйства и интенсивный рост маслоделия в тех районах, которые сейчас отстали еще в этом отношении, подобно тому, как в свое время железнодорожная линия Москва-Вологда-Архангельск послужила толчком к развитию маслоделия в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском районах.

При этом район Котласа, Красноборска и В. Устюга, чисто сельскохозяйственный, обещает, при наличии там богатых двинских лугов, стать вторым, после Вологды, центром маслоделия Севера.

Другие соединительные железнодорожные ветки в лесном районе – Тотма-Буй и Шарья-Никольск – откроют здесь также богатейшие сельскохозяйственные базы, с перспективами развития не только товарного молочного хозяйства, но также свойства и других отраслей».

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

На основании изложенного делался вывод о том, что «перспективы развития земледельческих районов... в связи с развитием железнодорожного строительства идут по линии усиления сбыта сельскохозяйственной продукции и обслуживания ею внутренних промышленных центров, что совершенно не согласуется с хозяйственными тенденциями неземледельческо–промышленных Севера и Северо-Востока, заинтересованных в развитии экспортно-промышленного и экспортно-лесного хозяйства, при падающем в них значении земледелия, которое по всем данным, является здесь лишь подсобной отраслью хозяйства» [4, с. 19–20].

Руководители Коми АО были также негативно настроены в отношении вхождения республики в состав Северного края. Их отказ был продиктован в большей степени мотивами защиты национальных интересов. Пятилетний план по сельскому хозяйству в автономной области был «построен с уклоном наибольшего развития животноводства и с расчетом постепенного его обобществления» [5, с. 73].

Эти позиции вступали в противоречие с установками архангельского руководства, возглавляемого С. А. Бергавиновым, которое как раз и исходило из необходимости включения в будущий Северный край и той и другой губерний, а также Коми АССР, и приоритетного развития лесозаготовительной и лесоэкспортной сферы экономики всего Европейского Севера. В данном контексте северной деревне отводилась специфическая роль поставщика сравнительно дешевой рабочей силы в лесную отрасль края и обеспечение ее продовольствием.

Чтобы удовлетворить резкий спрос на рабочие руки, связанный с масштабными промышленными планами, власти пошли на изменение колонизационной и переселенческой политики внутри региона. Освоение заимок и переселенческих участков допускалось лишь при условии создания колхоза или разрешалось непосредственно в зоне промышленного освоения. Не случайно в отчете Архангельского губисполкома XIII губернскому съезду Советов подчеркивалось, «что основной задачей по переселению и расселению является – равномерное распределение рабочей силы по территории губернии с целью обеспечения в первую очередь лесных разработок» [6, с. 56].

Губернский съезд Советов (18–23 марта 1929 г.), в свою очередь отметил, что «в условиях нашей губернии сельское хозяйство не является основной отраслью народного хозяйства губернии, но в то же время, как фактор, содействующий созданию необходимых предпосылок для развития лесного хозяйства, лесной промышленности и промыслов (оседлость населения, рабочая и гужевая сила, фураж), – играет важную роль... Недостаток рабочей и тяговой силы на лесозаготовках, в особенности с намеченным усиленным темпом развития лесного хозяйства, лесной промышленности и лесоэкспорта, разрешение кормовой проблемы и аграрная перенаселенность некоторых районов губернии – требуют решительных действий по колонизации губернии. В связи со стоящими громадными задачами, разрешение этого вопроса выходит за пределы только губернского значения и внутренними ресурсами выйти из создавшегося положения нельзя. Необходимо поставить перед правительством вопрос о колонизации губернии за счет внегубернского контингента и усиления ассигнований» [7, с. 31].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

.Эта же мысль более отчетливо прозвучала на 1-м Архангельском окружном съезде Советов в 1929 г., который обратил «внимание на решительное проведение колонизации в округе, взяв линию на привлечение переселенцев извне округа, организуя их в крупные коллективные хозяйства» [8, с. 21].

Следует подчеркнуть, что на первых порах в руководстве лесной отраслью края наблюдалось «головокружение от успехов» индустриализации и соответствующих перспектив развития экономического комплекса региона в целом. «На Севере в значительной степени на лесозаготовках скрещиваются интересы, пути и темпы старой деревни с теми требованиями, которые предъявляет к сельскому хозяйству весь темп и ход социалистической реконструкции народного хозяйства страны. В новой системе лесозаготовок деревня должна найти и найдет наиболее могущественнейшую поддержку как по линии механизации всех процессов сельскохозяйственного производства, так и по линии коллективизации... К концу пятилетки проектируется не менее 1000 (а мы убеждены, что будет 1500-2000 тракторов), часть которых в летнее время будет работать на мелиоративных работах – создание базы земельных массивов для создания животноводческих колхозов и совхозов – к экспорту леса край к концу пятилетки сможет добавить экспорт молочных продуктов и технических культур» [9, с. 23].

В Карелии в 1929 г. пришли к мысли, что «надо рассматривать промышленность и сельское хозяйство, как единое хозяйственное целое. Развитие сельского хозяйства находится в зависимости от роста промышленности и, наоборот, развитие промышленности не может идти гладко без развертывания сельского хозяйства». В принятой VIII Всекарельским съездом резолюции, «исходя из того, что сельское хозяйство развивается медленно и является чрезвычайно отсталым по своей технике», правительству республики было предложено «в ближайшее пятилетие добиться решительного перелома в сторону усиления его товарности (сено для лесозаготовок, овощи и молочные продукты для рабочего и городского населения), путем строительства совхозов, всемерного поощрения роста колхозов и производственной кооперации, особенно мелиоративных товариществ, усиливая одновременно меры по поднятию индивидуального (бедняцкого и середняцкого) крестьянского хозяйства.

Как решающие условия в деле реконструкции сельского хозяйства должны быть обеспечены мероприятия по механизации сельского хозяйства и механизации работ по мелиорации» [10, с. 40, 249].

. Но уже в 1930 г. отмечалось, что «сельское хозяйство в экономике Карелии не представляет большой величины и играет подсобную роль. Тем не менее, его значение для Карелии громадно, т.к. оно должно обеспечить наше промышленное и городское население продуктами питания, которые в большом количестве приходится ввозить извне Карелии. На основании этого, IX партконференция, ЦК и Ленинградский обком дали установку на усиление обслуживания сельским хозяйством промышленности и городов на базе развития коллективизации, животноводства и молочного хозяйства» [11, с. 24].

Основным методом повышения товарности сельского хозяйства должна была стать коллективизация единоличных хозяйств и совхозное строительство.

Таким образом, в планах индустриализации края сельскому хозяйству повсеместно отводилась роль подсобной отрасли хозяйства. К концу 1920-х гг. стало очевидным, что развитие «деревянного Донбасса» в Северном крае,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

всесоюзной лесопилки, как тогда говорили, упирается в масштабную проблему функционирования сельскохозяйственного сектора экономики края. Единоличное крестьянское хозяйство не вписывалось в систему координат, определенную модернизационными изменениями. Коллективизация сельского хозяйства должна была решить проблему снабжения сырьем и рабочей силой лесную отрасль края. Дальнейшее подстегивание темпов лесозаготовок привело к привлечению в регион спецпоселенцев из числа раскулаченных в других регионах страны и размещению их в лесозаготовительных поселках [12, с. 318–324]. Начатый эксперимент по превращению лесопромышленного комплекса Северного края в узко экспортный регион сопровождался тотальной «мобилизацией людей» на лесозаготовки и сплав и привел к подрыву аграрного сектора региона.

Список литературы

1. Саблин В. А. Сельскохозяйственный налог в северной деревне с 1917 по 1930-й годы [Текст]: монография / В. А. Саблин; Вологда: Вологодский гос. ун-т, 2017. - 176 с.
2. VII Всекарельский съезд Советов. [28 марта – 4 апр. 1927 г.]. Протоколы. Петрозаводск, Изд. КарЦИКа, 1927. 122, 148 с.
3. Постановления XII-го Архангельского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (20–25 марта 1927 года). – Архангельск, 1927. 60 с.
4. Докладная записка Вологодского Губплана в Госплан РСФСР и в Президиум Вологодского Губернского Исполнительного Комитета по вопросу областного районирования северных губерний РСФСР [Текст]. – Вологда: Тип. Полиграфтреста «Северный печатник» в Вологде, 1928. 45 с.
5. Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1926/27 – 1927/28 годы. – Усть-Сысольск. Коми облизполком, тип. Коми изд-ва 1929. 124 с.
6. Итоги работы двух лет: Отчет Архангельск. губисполкома XIII-му губ. съезду Советов. (С IX–1926 г. по I/X–1928 г.). - Архангельск: [б. и.], 1929 (тип. изд-ва «Волна» им. т. Склепина). VII, 112 с.
7. Итоги работы Архангельского XIII губернского съезда Советов. (18-23 марта 1929 г.) : (Постановления Съезда советов и тезисы для докладчиков). – Архангельск: Архгубисполком, 1929 (тип. изд-ва «Волна» им. т. Склепина). - 48 с.
8. Резолюции 1-го Архангельского окружного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. (7–11 августа 1929 г.). – Архангельск: [б. и.], 1929 (тип. издат. «Волна» им. Склепина). - 43 с.;
9. Лесное хозяйство и лесная промышленность Северного края [Текст]. - Архангельск: Сев. крайисполком, 1929 (Вологда: тип. Полиграфтреста «Северный печатник»). - 55, [7] с.
10. VIII Всекарельский съезд Советов. [8–18 января 1929 г.] Протокол. – Петрозаводск: Изд. КарЦИКа, 1929. 365 с.
11. Отчет Карельского Областного комитета ВКП (б). (Январь 1929 г. – апрель 1930 г). К X Всекарельской партийной конференции ВКП (б). – Петрозаводск, Изд. Карел. Обл. Ком. ВКП (б) 1930. 215 с.
12. Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920-1930-е годы: Монография / С. И. Шубин; Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. – 460, [1] с.

**PEASANT ECONOMY IN THE PLANS OF INDUSTRIAL MODERNIZATION
OF THE EUROPEAN NORTH AT THE END OF THE 1920S - 1930S**

SABLIN Vasily A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and World Politics, Vologda State University, 160000, Russia, Vologda, ul. Lenin 15.

e-mail: Sablin@inbox.ru

Abstract. The article discusses various approaches to developing a promising agricultural policy in the European North of the RSFSR and its linkage with the industrial cluster of the economy in the 1920–1930s. It is emphasized that in the first half of the 1920s. the development of plans was accompanied by a refinement of the general prospects for the development of agriculture and its further specialization: agricultural and field, dairy, commercial and livestock, commercial dairy and cattle. With the adopted course on industrialization, the priorities of the industrial sphere of the region were determined. In the context of modernization changes, the peasant economy was assigned a secondary role in servicing the tasks of industrialization: on the one hand, along the line of increasing taxation on the basis of the transition to income taxation on the other hand, along the line of extracting the workforce of the yard. At the same time, the task of providing food and raw materials for those engaged in logging and construction of industrial enterprises is being solved. The problem of the role and place of the agricultural sector in the process of modernization of the economy of the region took a special place in 1928–1929. in developing the prospects for the first five-year development plan for 1928–1932. There was a difference in the approaches of the leadership of individual provinces to the problem of modernization. The point of view of the leadership of the Northern Territory on its transformation into the currency department of the country, created on a timber export base, won. Agriculture was given a specific role as a supplier of relatively cheap labor to the forest industry of the region and providing it, as well as industry and cities with food. Further spurring the pace of logging led to the involvement of special settlers from the number of repressed in other regions of the country and their placement in logging villages.

Keywords: Modernization, peasant's yard, industrialization, collectivization, forest export, dispossession, special resettlers.

УДК 94(57)

Семенов М.А.

**РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00397 «Гражданское здравоохранение тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

СЕМЕНОВ Михаил Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, д. 8.
e-mail: pihterek@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие системы государственного здравоохранения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных документов приводятся сводные данные характеризующие динамику медицинской сети, кадрового обеспечения, финансирования органов здравоохранения. Приведены сведения о материально-техническом снабжении учреждений здравоохранения. На основе приведенных материалов делается вывод об активном развитии медицинской сети Западной Сибири в 1943-1945 гг. Благополучном положении с кадрами, сложившемся в результате массовой эвакуации в регион. Благодаря притоку эвакуированных врачей, уже к концу 1941 г. в Западной Сибири насчитывалось значительно больше медиков чем до войны. При этом был высок и их качественный уровень. Выделены два периода в финансировании западносибирского здравоохранения: сокращения в 1941-1942 гг, вызванного необходимостью обеспечивать развертывание и функционирование госпитальной сети и резкого подъема финансирования в 1943-1945 гг. Отмечено, что даже высокий уровень финансирования не решал в военных условиях проблему материально-технического обеспечения медицинских учреждений полностью. В течении всей войны сохранялась острая ситуация с медикаментами, питанием, постельным бельем и т.д. Таким образом, развитие системы здравоохранения в Западной Сибири было неоднозначным. Сложное положение здравоохранения в 1941-1942 гг. совпадает с периодом наиболее острых угроз здоровью и жизни граждан. А улучшившееся его положение в 1943-1945 гг. привело к росту эффективности деятельности медиков. После закономерного роста смертности в первые два года войны, вызванного падением уровня жизни, ростом производственной нагрузки, массовой эвакуацией и т.д. происходит парадоксальное событие. С 1943 года показатели смертности населения начинают резко снижаться, оказавшись к концу самой тяжелой войны в истории нашего государства более чем в два раза ниже показателей довоенного мирного времени.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, Западная Сибирь, Великая Отечественная война, организация.

Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны имело огромное значение. Сбережение жизни и здоровья граждан, охрана эпидемического благополучия, помимо очевидной самостоятельной ценности, оказывали влияние на огромный пласт протекавших процессов: определяло количество призывников, экономило для производства тысячи рабочих дней, предотвращало неизбежную в условиях крупномасштабных эпидемий дезорганизацию. Напрямую воздействовало здравоохранение и на протекавшие в обществе демографические процессы, отличавшиеся в военные годы резкой и достаточно парадоксальной динамикой. Без всестороннего, и глубокого изучения здравоохранения картина истории Великой Отечественной войны, в особенности жизни и деятельности советского тыла, будет неполной.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Западная Сибирь – крупный индустриально-аграрный район, сыгравший в годы войны огромную роль, как центр промышленного и сельскохозяйственного производства, именно она вместе с Уралом стала кузницей нашей Победы. В годы войны Западная Сибирь включала в себя Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую области.

Разумеется, в рамках статьи невозможно полностью описать многообразные аспекты развития западносибирского здравоохранения. Остановимся лишь на наиболее важных моментах.

Таблица 1.

Число фактически развернутых среднегодовых коек во врачебно-стационарных учреждениях Западной Сибири (1940-1945 гг.)*

Год	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число коек	26 685	24 396	27 909	31 908	34 352	35 319

* Без психиатрических больниц и колоний, лечебных детских домов.

В таблице 1 [1], представлена динамика коечного фонда во врачебно-стационарных учреждениях Западной Сибири в ходе войны. Приведенные данные среднегодовые, поэтому некоторых важных, но краткосрочных, изменений не видно. Например, сокращения коечного фонда примерно на 20% осенью 1941 г. из-за развертывания госпиталей и его восстановления к концу этого же года. В тоже время, общая тенденция очевидна: в годы войны происходит рост количества коек примерно в 1,5 раза. Рост в 1941-1942 гг. происходил, в основном, за счет уплотнения, а затем также за счет ввода в строй новых больниц.

Укрепление медицинской сети отчетливо видно и по другим видам медицинских учреждений. К примеру, только по территории Новосибирской, Кемеровской, Томской областей количество амбулаторно-поликлинических учреждений на селе возрастает с 216 до 317. На 35% увеличивается количество фельдшерских пунктов. Растет сеть противоэпидемических учреждений. При этом, если общий их рост не особенно впечатляющ (со 161 до 175 учреждений), то качественные изменения весьма существенны. Число крупных противоэпидемических учреждений – санитарно-эпидемиологических станций, возрастает за годы войны более чем в 5 раз (с 14 до 71 санэпидстанции) [2].

В тоже время, развитие медицинской сети имеет смысл только при условии соответствующего их кадрового обеспечения. Кадровая ситуация в Западной Сибири военных лет представлена в таблице 2 [3].

Таблица 2.

Количество врачей (физических лиц) в учреждениях Наркомата здравоохранения в Западной Сибири на 31 декабря соответствующего года (без зубных врачей).

Год	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Город	2944	3455	4976	3581	3547	ок. 3450*
Село	584	1001	1173	966	816	ок. 760*
Всего	3528	4456	6149	4547	4363	ок. 4200*

*Данные по Томской области взяты за 1944 г.

К сожалению, из приведенных годовых данных так же, как и с медицинской сетью, не видно провала осенью 1941 г., когда в армию было

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

мобилизовано множество сибирских врачей. В отдельных регионах (например, Алтайском крае) сокращение числа врачей достигало двух третей. Тем не менее, развернувшаяся массовая эвакуация населения в регион достаточно быстро позволила решить эту проблему. Благодаря притоку эвакуированных врачей, уже к концу 1941 г. в Западной Сибири насчитывалось значительно больше медиков чем до войны. При этом был высок и их качественный уровень – достаточно вспомнить об эвакуированном в Томск Всесоюзном институте экспериментальной медицины, где работала З.В. Ермольева, изобретательница отечественного пенициллина, разместившемся в Омске Втором московском медицинском университете и т.д. Благодаря нехватке мест для размещения эвакуированного населения в городах Западной Сибири, значительная часть эвакуированных врачей была вынуждена осесть в сельской местности. Разрыв в обеспечении врачебной помощью города и села в самые тяжелые первые военные годы существенно сократился.

Своего пика количество врачей достигает в 1942 г. Постепенно, осваивающиеся на новом месте эвакуированные медики начинают перемещаться из сельской местности в города. Помимо этого все больше усиливаются реэвакуационные процессы. В 1943 г. число врачей в Западной Сибири начинает резко снижаться. Характерно, что наибольшими темпами теряет врачей граничащая с Уралом Омская область, в которой, в течение 1943 г., их число сократилось почти на тысячу человек. В 1944 – 1945 гг. сокращение числа врачей будет продолжаться, хоть и значительно медленнее, чем раньше. Тем не менее, даже в конце войны число врачей в Западной Сибири было существенно выше, чем в довоенный период.

Несколько слов стоит сказать и о ситуации с финансированием.

Рассмотрим его динамику на примере Алтайского края. В других регионах динамика была схожей. В 1940 г. на нужды здравоохранения в Алтайском крае было выделено 53516,1 тыс. руб., в 1941 г. – 49778,7 тыс. руб., в 1942 г. – 51981,7 тыс. руб., в 1943 г. – 70221,1 тыс. руб., в 1944 г. – 70970,6 тыс. руб., в 1945 г. – 77584 тыс. руб [4].

Из приведенных данных мы видим, что с началом войны происходит некоторое снижение финансирования, а затем, в 1943 г., в финансировании происходит резкий скачок. При этом, стоит обратить внимание, что значительные суммы в 1941-1942 гг. уходили из бюджета здравоохранения на финансирование госпиталей. Так, из отведенных средств Алтайский крайздрав потратил на госпитали в 1941 г. 45,1%, а в 1942 г. – 66,5% [5]. К 1943 г. количество госпиталей в Западной Сибири резко сократилось и оставшиеся перевели на финансирование из республиканского бюджета.

Таким образом, сокращение финансирования в 1941-1942 гг. было гораздо больше и, соответственно, большим относительно первых военных лет был и рост финансирования в 1943 г. На основе приведенных выше данных видно, что в 1942 г. бюджет гражданского здравоохранения в Алтайском крае составлял всего 17 438,3 тыс. руб., а в 1943 г., учитывая снятие эвакогоспиталей с финансирования крайздравом, он вырос до 70 221,1 тыс. руб., то есть в 4 раза.

Значительным был рост и относительно спокойных мирных лет, к 1945 г. объем финансирования здравоохранения Алтайского края вырос относительно 1940 г. более чем в 1,5 раза.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Тем не менее, даже высокий уровень финансирования не решал в военных условиях проблему материально-технического обеспечения медицинских учреждений полностью. Война привела к разрыву сложных производственных связей, нарушила нормальное функционирование народного хозяйства Советского Союза. В тоже время, резко возросла конкуренция за имеющиеся ресурсы.

В течении всей войны остро стояла проблема обеспечения учреждений здравоохранения медикаментами и медицинским оборудованием. Несмотря на громадные усилия по переходу фармацевтических заводов на местное сырье, расширение сбора и использования лекарственных растений, помощь оказываемую союзниками в рамках ленд-лиза полностью решить ее так и не удалось.

Серьезной проблемой было обеспечение лечебных учреждений питанием. Фонды питания выделялись им с большим трудом, зачастую выдавались продуктами низкого качества. Так, органами здравоохранения Кемеровской области в 1943 г. из средств выделенных на питание больных было освоено 3 157 тыс. руб. [6].

Централизованная выдача лечебным учреждениям промышленных товаров, мебели, одежды и постельного белья фактически прекратилась сразу после начала войны. Так, учреждения здравоохранения в Омской области не получили с июля 1941 г. по 15 февраля 1942 г. ни одного метра мануфактуры [7]. В лучшую сторону положение с обеспечением начнет меняться лишь к концу войны.

Таким образом, развитие системы здравоохранения в Западной Сибири было неоднозначным. В 1941-1942 гг. происходит серьезное сокращения финансирования, большие трудности в материально-техническом снабжении здравоохранения, развитие медицинской сети ограничивается ликвидацией последствий развертывания эвакуационных госпиталей в регионе. При этом именно в этот период угрозы здоровью и жизни граждан были наиболее острыми, что связано как с бурным ростом в Западной Сибири социально слабозащищенных слоев населения (эвакуированных, семей военнослужащих и т.д.), так и с резким увеличением миграционных процессов, служивших важнейшим фактором распространения эпидемических заболеваний. Единственным светлым пятном в развитии западносибирского здравоохранения в это время была ситуация с кадрами, что возможно и позволило удержать ситуацию от катастрофического развития. В 1943-1945 гг., после окончания Сталинградской битвы правительство получило возможность обратить свое внимание на внутренние проблемы страны, учитывая сложившееся кризисное положение со здоровьем населения, значительно увеличилось финансирование органов здравоохранения, началось активное развитие медицинской сети. В Западной Сибири, несмотря на начавшуюся эвакуацию, по-прежнему сохранялось благополучное положение с кадрами. Все это привело к росту эффективности деятельности медиков. После закономерного роста смертности в первые два года войны, вызванного падением уровня жизни, ростом производственной нагрузки, массовой эвакуацией и т.д. происходит парадоксальное событие. С 1943 года показатели смертности населения начинают резко снижаться, оказавшись к концу самой тяжелой войны в истории нашего государства более чем в два раза ниже показателей довоенного мирного времени [8, С. 114].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Список литературы

1. Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 164. Л. 2-4об. ; Там же. Д. 1107. Л. 1об.-2. ; Там же. Д. 1347. Л. 1об.-2. ; ИсАОО. Ф. Р-1143. Оп. 1. Д. 172. Л. 7-8 ; Там же. Д. 358. Л. 2-2 об. ; Там же. Д. 284. Л. 70 ; Там же. Д. 404. Л. 13-16 об. ; Там же. Д. 396. Л. 1-3 ; ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 168. Л. 16-16об., 18об., 20. ; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 611. Л. 1-3 об. ; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 293. Л. 2-8 об. ; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 989. Л. 13-20 об. ; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 390. Л. 9-12 об. ; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 998. Л. 45-49 об. ; Там же. Д. 1179. Л. 1-3 об. ; Там же. Л. 5-8 об. ; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 293. Л. 49-50 ; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 162. Л. 64-67 об. ; Там же. Л. 26-29 об. ; Там же. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 2. Л. 187-190 об. ; ГАТО. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-4 об. ; Там же. Д. 176. Л. 1-4 об. ; ГААК. Ф. Р-726. Оп. 3. Д. 35. Л. 3 ; НГА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 630. Л. 1 ; Там же. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
2. Рассчитано по: ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 611. Л. 1-4. ; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1 Д. 293. Л. 2-8 об. ; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 989. Л. 13-20 об., 45-49 об.; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 390. Л. 9-12 об., 14-18 об.; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 1179. Л. 5-8 об., 9-13 об.; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 293. Л. 49-50, 52-54 об.; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 162. Л. 64-72 об. ; Там же. Л. 26-34 об. ; Там же. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 2. Л. 187-195 об. ; ГАТО. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-9 об. ; Там же. Д. 176. Л. 1-9 об.
3. Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 136. Л. 13-14. ; Там же. Д. 164. Л. 13-14. ; Там же. Д. 580. Л. 7об.-8. ; Там же. Д. 599. Л. 7об. ; Там же. Д. 769. Л. 7об. ; Там же. Д. 785. Л. 8-9 ; Там же. Д. 921. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 943. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 944. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 965. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1063. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1094. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1107. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1118. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1302. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1333. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1334. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1347. Л. 10об.-12. ; Там же. Д. 1358. Л. 10об.-12. ; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 282. Л. 129 ; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 611. Л. 1-8 ; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 293. Л. 2-8 об. ; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 989. Л. 13-20 об. ; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 390. Л. 9-21 ; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 998. Л. 41-52 ; Там же. Д. 1179. Л. 5-16 ; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 293. Л. 50-56 ; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 162. Л. 64-75 ; Там же. Л. 26-37 ; Там же. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 2. Л. 187-198 ; ГАТО. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-12 ; Там же. Д. 176. Л. 1-12.
4. ГААК. Ф. Р-726. Оп. 3. Д. 35. Л. 10.
5. Рассчитано по : ГААК. Ф. Р-726. Оп. 3. Д. 35. Л. 10 ; Там же. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 879. Л. 16.
6. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
7. ИсАОО. Ф. Р-1143. Оп. 1. Д. 216. Л. 28.
8. Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.). Новосибирск: Издательский дом «САВА», 2008. 378 с.

Semenov M.A.

DEVELOPMENT OF HEALTHCARE IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

SEMENOV Mikhail A. - candidate of historical sciences , research associate, Institute of history of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Akademika Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090.
e-mail: pihterek@yandex.ru

Abstract. The article examines the development of the public health system in Western Siberia during the great Patriotic war. On the basis of archival documents, summary data describing the dynamics of the medical network, staffing, and financing of health authorities are provided. Information about the material and technical supply of healthcare institutions is provided. On the basis of these materials, the conclusion is made about the active development of the medical network in Western Siberia in 1943-1945. the Successful situation with personnel, formed as a result of mass evacuation to the region. Thanks to the influx of evacuated doctors, by the end of 1941 there were significantly more doctors in Western Siberia than before the war. At the same time, their quality level was also high. Selected two periods in the financing of the Siberian health: reduction in 1941-1942, due to the need to ensure the deployment and functioning of hospital network and a sharp rise in funding in 1943-1945 Noted that even with a high level of funding is not decisive in military terms the problem of logistical support of medical institutions. Throughout the war, there was an acute situation with medicines, food, bed linen, etc. Thus, the development of the health system in Western Siberia was ambiguous. The difficult situation of health care in 1941-1942 coincides with the period of the most acute threats to the health and life of citizens. And its improved position in 1943-1945 led to an increase in the effectiveness of the medical profession. After a natural increase in mortality in the first two years of the war, caused by a drop in living standards, an increase in the production load, mass evacuation, etc., a paradoxical event occurs. Since 1943, the death rate of the population has been falling sharply, and by the end of the worst war in the history of our state, it was more than twice as low as the pre-war peace time.

Keywords: health care, medicine, Western Siberia, The Great Patriotic war, organization.

УДК 94(470) 1941/1945

Серазетдинов Б.У., Кондрашин В.В.

СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ. 1943 г. (НА ПРИМЕРАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)*

СЕРАЗЕТДИНОВ Борис Уразбекович — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: адрес sbu54@bk.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00300 Сибирская деревня в годы военного лихолетья.1941-1945 гг. (На материалах Алтайского края)

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

КОНДРАШИН Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: адрес vikont37@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития сельского хозяйства в Алтайском крае в 1943 г. Раскрыты причины бедственного положения сельскохозяйственного производства края к середине войны; сокращение материально-технической базы; уменьшение объема тракторных и комбайновых работ, увеличение живой тягловой силы к полевым работам, нехватка семян, механизаторских кадров, слабая работа с руководящими кадрами. В статье также рассматриваются пути выхода из кризиса. Впервые используются архивные материалы из «Особой папки». Крайком ВКП(б) признало свои ошибки и в августе отменило несколько принятых своих постановлений. Так, например, отменено постановление о нормах высева озимых, где повышались нормы высева озимой ржи по всем районам края. Согласно этому постановлению в Кулунде нормы высева ржи должны быть выше, чем в восточных районах. Это постановление привело бы к напрасному выбросу в землю сотни тысяч пудов земли. Отменено постановление бюро крайкома ВКП (б) и крайисполкома о мерах по ликвидации разбазаривания горючего в МТС и совхозах. В этом постановлении узаконивалась невыдача горючего отстающим МТС и совхозам, тем самым ставятся еще более трудные условия работы этих МТС и работа их обрекается на провал. Бюро крайкома ВКП(б) вынуждена была забраковать оценку урожайности, которую провели органы ЦСУ. Предоставленная оценка урожая по колхозам края была явно занижена в некоторых районах. Так в Угловском районе, например урожая от 7 до 8 центнеров ЦСУ был определен как 4,5 центнера, по Алтайскому району урожай в 11 центнеров был определен органами ЦСУ 6,2 центнера, занижена урожайность и по другим районам. Такая оценка могла бы привести к очень серьезной дезорганизации в деле хлебозаготовок и создала бы условия для допущения потерь и расхищения зерна. Было предложено произвести повторную проверку действительного урожая по колхозам.

Ключевые слова: Алтайский край, Великая Отечественная война, колхозы, сельское хозяйство, механизаторские кадры, председатели колхозов, урожай.

1943 г. для сельского хозяйства Западной Сибири стал одним из сложных периодов Великой Отечественной войны. Военная обстановка на фронте обязывало уменьшать людские и материально-технические ресурсы из деревни. Промышленность, город также отвлекало по мобилизации для работы в оборонной промышленности, на добыче минерально-сырьевых ресурсов и осуществление отработочных повинностей из колхозов людей. Более двух лет не обновлялись производственные мощности сельского хозяйства, оставшаяся техника быстро изнашивалась, падали качество обработки и плодородные земли.

15 января 1944 г. на краевом совещании секретарей райкомов ВКП(б), председателей райисполкомов и директоров МТС Алтайского края секретарь крайкома Ковалевский признался, что сельское хозяйство края имеет серьезные недостатки. Колхозы и совхозы из года в год не выполняли своих обязательств перед государством по сдаче хлеба, овощей и ряда других продуктов. В

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

результате плохого руководства обмолот урожая 1942 г. был затянут до весны 1943 г., что привело к большим потерям, разбазариванию и хищению. Оказались проваленными не только хлебозаготовка, но и подготовка к весеннему севу. В колхозах к началу весеннего сева имелось лишь 50% потребности семян зерновых культур, вследствие чего правительство вынуждено было, чтобы не сорвать сев оказывать срочную помощь краю отпуском семян из продовольственных фондов страны. К началу весеннего сева оставались не отремонтированными 3533 трактора. Все это привело к тому, что край вышел с невыполнением план весеннего сева. В 1943 г. колхозы края не выполнили план по севу озимых культур. План зяби был выполнен всего лишь на 53%. Эти недостатки объясняются, прежде всего, неудовлетворительной работой МТС [10, 16 января 1944 г., №12(6916)].

Слабая ремонтная база, очковтирательство при ремонте машинно-тракторного парка, нехватка запасных деталей. План ремонта тракторов на 1 марта 1943 г. МТС в Алтайском крае выполнили только на 43%. Из 12 тракторов, имевшихся в Алтайском крае в 1943 г. фактически работало менее половины, так как оставшийся тракторный парк состоял из тракторов старых серий СХТЗ и У-2 [1, с. 188]. Удельный вес механизации сельского хозяйства края таков: по вспашке 52%, по посеву 28%, по комбайновой уборке 52%. Нагрузка на одного трудоспособного в колхозах за период войны возросла. Если в 1940 г. нагрузка посевных площадей на одного трудоспособного была 6,2 гектара, то уже в 1943 г. – 7.4 гектара, т.е. повысилась нагрузка посевных площадей на одного трудоспособного – на 20%. А по отдельным районам эта нагрузка стала еще значительно выше. В Алтайском крае уменьшилось трудоспособного населения в колхозах на 55%. Лошадей уменьшилось на 33%.

Секретарь крайкома ВКП(б) Беляев на XIII пленуме Алтайского краевого комитета ВКП(б) (26 августа 1943 г.) раскрыл пути преодоления трудностей в сельском хозяйстве. Он отметил, что чтобы восполнить, преодолеть те трудности в сельском хозяйстве, которые были вызваны военной обстановкой необходимо всемерное повышение производительности труда, которое складывается, во-первых из полного и высокопроизводительного использования тракторов, комбайнов и молотилок, во-вторых, на вовлечения всего сельского населения, а также населения городов и районных центров на сельскохозяйственные работы. Беляев подчеркивает, что нельзя пройти мимо факта небрежного отношения к качеству сельскохозяйственных работ, как одной из серьезных причин снижения валового сбора зерна в крае, а это, прежде всего, ослабления внимания к качеству обработки земли, к семенам, к своевременному выполнению сельскохозяйственных работ [16, л. 12-13].

Нехватка механической тяговой силы вынуждал сибирскую деревню использовать в своей деятельности, прежде всего конно-ручных средств и крупный рогатый скот. Лошади были одним из основных тяговых сил в колхозе. Но, к сожалению, из-за мобилизации для нужд фронта и падеж по разным причинам численность поголовья лошадей уменьшалось. Только за период с 1 января по 1 октября 1943 г. по колхозам края пало 61334 лошади [2, с. 58]. Как отмечает А.В. Рыков, немаловажной причиной снижения численности конепоголовья в крае также является сокращение делового выхода молодняка. Он приводит интересные цифры по этой проблеме. В 1940 г. фактически был выращен 71081 жеребенок, а в 1943 г. всего 11661. Деловой выход жеребят также

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

снизился, В 1940 г. на 100 маток - 56 жеребят, то в 1943 г. на 100 -12 жеребят [15, с. 126].

В 1943 г. на одну рабочую лошадь приходилось нагрузка весенне-полевых работ 20,7 посевной площади, а на одного колхозника – 5-7 га [2, с. 59].

В период уборки урожая и вывозки сельхозпродуктов планировалось в краю 230500 коров, из которых 116300 – с ферм колхозов и 114200 – из личного пользования колхозников. За работу на своих коровах согласно постановлению «О плане сельскохозяйственных работ на 1943 г.» колхозникам начислялись трудодни в двойном размере и должны были выдавать зернофураж и солому. Так, например, в борозде в период сева в Угловском районе находилось около 2,5 тысяч коров, и прежде всего коровы колхозников [2, с. 59].

В тяжелом состоянии оказалось семенное хозяйство. Количество семян зерновых на начало марта 1943 г. в Сибири составило не более 50% от их наличия в 1942 г., а в Алтайском крае – 31%. В Алтайском крае путем помощи из государственных продовольственных фондов было покрыто около половины недостающих семян зерновых. Многие районы пытались основную массу изыскать на местах и не обращаться к государству. Так, например, Горно-Алтайская автономная область изыскала на месте в порядке межколхозной взаимопомощи около 50 тысяч центнеров, и государство выдало семенную ссуду в размере 7800 центнеров [8, с. 373]. Комбайнер Николай Алексеевич Щеглов выделил в общественный семенной фонд из своих личных запасов взаймы колхозу «Память партизану» 36 пудов пшеницы для семян. В 26 колхозах Баевского района были проведены общие собрания членов артелей. Колхозники взяли обязательство вспахать на своих коровах и засеять своими семенами каждому не менее двух гектаров. В колхозе «Большевик» после собрания 29 колхозников сдали колхозу семян на 63 гектара и обязались обработать всю эту площадь на своих коровах. Колхозник Чупин из сельхозартели имени Андреева дал взаимобразно колхозу на четыре гектара семян. Некоторые колхозы только зерном, внесенных колхозниками, засеяли по пятьдесят – семьдесят гектаров. Кроме того в районе был организован обмолот соломы и перевеивание мякины. Колхоз «Большевик» от обмолота соломы получил 60 центнеров пшеницы, 15 центнеров зерна наваял из мякины [10, 8 марта 1943 г., №52 (6694)]. Колхозники и колхозницы сельхозартели «Память Куйбышева» Топчихинского района решили передать из продовольственного фонда колхоза в пополнение семенных фондов 1248 пудов зерна. С этой же целью они собрали и внесли из личных запасов 622 пуда пшеницы. Семенной фонд колхозов пополнился солидной цифрой в 1870 пудов зерна. Одновременно с куйбышевцами в Локтевском районе, в сельхозартели «Октябрь» за один день было собрано колхозниками из личных запасов 150 пудов семенного материала. Жена фронтовика Екатерина Сытенко из сельхозартели «Красный буденец» Локтевского района сдала из личных запасов в семенной фонд колхоза 48 пудов зерна. В Углевском районе почин по сбору семян из личных запасов сделали колхозники сельхозартели имени Кирова. Здесь за несколько часов было собрано 300 пудов зерна. Примером для всех явилась 83-летняя Христинья Харитоновна Кравченко, сдавшая в семенной фонд колхоза 36 пудов зерна. Колхозники сельхозартели «Мирный труд» Залесовского района, где председателем Собачкин, дополнительно собрали из личных запасов 550 пудов зерна в семенной фонд для других колхозов. Собачкин сверх ранее внесенных 30 пудов внес еще 5 пудов. Папин внес 30 пудов, Маршин 28 пудов, Илья Жучков,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Алексей Жучков, Илья Жучков и Шаламова внесли по 24 пуда, Левин и Никитина – по 18 пудов зерна [10, 10 сентября 1943 г., №184 (6826)].

Представляла большую трудность до потребителей доставка семян, полученных по ссуде или согласно межколхозной помощи, а также обмен некондиционных семян кондиционные. Из-за нехватки техники использовали лошадей и коров.

Эта проблема отразилась, прежде всего, на животноводстве. Отсутствие фуражных фондов усилила бескормицу – в ряде районов начался падеж скота и его забой. Многие хозяйства вынуждены были сдавать скот в счет хлебазаготовок и в обмен на государственную семенную ссуду. Колхозы края за полученные для весеннего сева 1943 г. семена зерновых и технических культур сдали 26675 голов крупного рогатого скота и 135578 овец.

Наркомзем СССР предложил колхозам и совхозам прибегать при необходимости к упрощенным приемам обработки земли в нарушении правил агротехники. Это привело, прежде всего, к снижению урожайности.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 18 марта 1943 г. № 289 «О плане сельскохозяйственных работ на 1943 год» [3, л. 33-115] в целях преодоления трудностей делается установка на то, что трактористам МТС на тракторе СХТЗ газогенераторном, выполнившие за 15 календарных дней за свою смену на пахоте, боронования, культивизации и севе в переводе на мягкую пахоту, не менее 30 гектаров, получают премию в размере 35 трудодней; кроме того, трактористы МТС дополнительно получают по одному трудодню за каждый гектар, выполненный в этот же срок сверх 30 гектаров [3, л. 40]. Согласно постановлению было также установлено, что на одну рабочую лошадь или пару валов в колхозах должно быть выработано за период весенних полевых работ не менее следующего количества гектаров (всех весенних работ в переводе на пахоту): 10 гектаров по Алтайскому краю [3, л. 43].

Во время приезда секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева в Алтайский край было дано указание о серьезном привлечении на сельскохозяйственные осенние работы коров колхозов и колхозников. Крайком ВКП(б) в своем постановлении рекомендовал колхозам обязать колхозникам отработать 30-дневных норм на коровах, находящихся в личном использовании и использовать коров из общего стада колхозов. Так, например на Локтевском районе было привлечено на полевые работы 825 коров, а в Змеиногорском районе на сельскохозяйственные работы всего лишь 242 [16, л. 22].

Еще одна из важных проблем является отношение к кадрам. Прокурор края Кустов выступая на заседании XIII пленума Алтайского краевого комитета ВКП(б) (26-27 августа 1943 г.) отметил, что нельзя серьезно улучшить всю работу без должной работы с людьми и бережного отношения к кадрам. С его точки зрения председатели колхозов – это основной командный состав среди командиров колхозного производства. Этот командный состав нужно правильно подобрать, оберегать его, с ним надо работать и его надо воспитывать. Но происходит голое администрирование.

В 1943 г. в Алтайском крае было много снято председателей колхозов, не всегда разбираясь с этой проблемой. Только за семь месяцев 1943 г. было снято только из 8 районов края (из 823 председателей колхозов) – 207. Так, например, в Баевском районе из 89 сняли 31 председателя, в Завьяловском из 73 сняли 29, в Змеиногорском из 115 сняли 23 человека, в Каменском из 130 – 19, по

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Краснощеконскому из 127 – 23, по Солтонскому из 129 – 42, по Старо-Бардинскому из 110 – 29, Уч-Присланскому – из 50 – 11 [16, л. 111]. Только за 6 месяцев бюро Быстро-Истокского РК ВКП(б) вынесло несколько решений, согласно которых были приняты постановления о привлечения к уголовной ответственности не больше не меньше 20 председателей колхозов только за первое полугодие 1943 г. Бюро Каменского райкома партии вынесло решение о привлечении к уголовной ответственности уже четырех председателей колхозов только за период начала уборки урожая и хлебосдачи государству. Двух председателей колхозов там уже осудили, в колхозе «Путь Ленина» Голубева к 6-ти годам лишения свободы. Причем дело Голубева было освещено в краевой газете. Председатель правления колхоза «Ударник» Перевалов осужден к 3 годам лишения свободы. Прокурор Кустов на XIII пленуме Алтайского краевого комитета ВКП(б) (26-27 августа 1943 г.) подчеркнул, «что там уже были проведены судебные мероприятия, РК ВКП(б) и дальше идет по линии судебных репрессий которые не вызываются должной необходимостью. Такому безобразному отношению к кадрам председателей колхозов нужно положить конец» [16, л. 119]. 20 августа было принято специальное решение о фактах неправильного снятия с работы и отдачи под суд председателей колхозов. И ряд решений Крайком партии отменил в отношении председатели колхозов.

Не лучшее положение с директорами МТС. В крае в некоторых МТС директора уже в 1943 г. сменилось 3-4 раза.

Важнейшей задачей советских и партийных организаций в период подготовки к проведению сельскохозяйственных работ 1943 г. считают Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении от 9 января 1943 г. №42 «О подготовке трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад для МТС и совхозов» [3, л. 72-82] является своевременное и полное обеспечение МТС и совхозов хорошо обученными кадрами. Крайисполкому было дано право проводить призыв (мобилизацию) для обучения на курсах и школах механизации лиц мужского и женского пола в возрасте не ниже 16 лет, из числа колхозников, работников совхозов, МТС, а также трудоспособного населения сельских местностей, не занятого на работе в промышленности и на транспорте [3, л. 73].

Таблица №1

План
подготовки трактористов, комбайнеров, помощников комбайнеров,
механиков, бригадиров тракторных бригад, шоферов и ремонтных рабочих для
МТС и совхозов по Алтайскому краю на 1943 г. [3, л. 77]

	тракто- ристов	комбай- неров	помощ- ников комбай- неров	меха- нико в	бригадиров тракторны х бригад	шофери в	ремонтны х рабочих
МТС	15000	3930	3400	295	750	610	1230
совхозы	2568	733	941	70	392	460	94
итого	17568	4663	4341	365	1142	1070	1324

К 1943 г. в крае вели подготовку и переподготовку кадров для сельского хозяйства 4 техникума, 2 сельскохозяйственные школы среднего образования, 13

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

межрайонных колхозных школ, 7 школ механизации. 3 школы шоферов. При каждой МТС также готовили трактористов, комбайнеров, штурвальных. Токари, слесари, кузнецы, электросварщики обучались на промышленных предприятиях. Непосредственно в колхозах полеводы, животноводы получали основы агрозоотехнических знаний. Только за 1943 г. было подготовлено 50 тыс. человек [14]. Так, например, с декабря 1942 г. по апрель 1943 г. на курсах, организованных преподавателями эвакуированного Воронежского сельскохозяйственного института в г. Камень Алтайского края, подготовили 1320 председателей колхозов, 450 комбайнеров, 550 трактористов, 200 машинистов молотилок, 140 газо-и электросварщиков, 300 бригадиров транспортных бригад, 80 шоферов, 100 машинистов зерноочистителей ВИЭМ-2, 200 МТС [9, с. 208].

Существенную помощь в организации работ Машинно-тракторных станций (МТС) оказало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О подготовке тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС к полевым работам 1943 г.» [4], которым предусматривались меры по усилению материальной заинтересованности механизаторов в улучшении качества производимых работ. В целях повышения материальной заинтересованности трактористов в ускорении сроков весенних полевых работ и лучшего использования тракторов были установлены на 1943 год следующие меры поощрения трактористов:

а) трактористы МТС на тракторе «Универсал», выполнившие за первые 15 календарных дней за свою смену на пахоте, бороновании, культивации и севе в переводе на мягкую пахоту не менее 35 гектаров, получают премию в размере 30 трудодней. Кроме того, трактористы МТС дополнительно получают по одному трудодню за каждый гектар, выполненный в этот же срок, сверх 35 гектаров;

б) трактористы МТС на тракторе СХТЗ, выполнившие за первые 15 календарных дней за свою смену на пахоте, бороновании, культивации и севе в переводе на мягкую пахоту не менее 45 гектаров, получают премию в размере 35 трудодней. Кроме того, трактористы МТС дополнительно получают по одному трудодню за каждый гектар, выполненный в этот же срок, сверх 45 гектаров;

в) трактористы МТС на тракторе СХТ8-НАТИ, выполнившие за первые 15 календарных дней за свою смену на пахоте, бороновании, культивации и севе в переводе на мягкую пахоту не менее 90 гектаров, получают премию в размере 40 трудодней. Кроме того, трактористы МТС дополнительно получают по 0,6 трудодня за каждый гектар, выполненный в этот же срок сверх 90 гектаров;

г) трактористы МТС на тракторе ЧТЗ, выполнившие за первые 15 календарных дней за свою смену на пахоте, бороновании, культивации и севе в переводе на мягкую пахоту не менее 120 гектаров, получают премию в размере 45 трудодней. Кроме того, трактористы МТС дополнительно получают по 0,5 трудодня за каждый гектар, выполненный в этот же срок сверх 120 гектаров;

д) трактористы МТС на газогенераторном тракторе СХТЗ-НАТИ, выполнившие за первые 15 календарных дней за свою смену на пахоте, бороновании, культивации и севе в переводе на мягкую пахоту не менее 65 гектаров, получают премию в размере 40 трудодней. Кроме того, трактористы МТС дополнительно получают по 0,8 трудодня за каждый гектар, выполненный в этот же срок сверх 65 гектаров;

е) трактористы МТС на газогенераторном тракторе ЧТЗ, выполнившие за первые 15 календарных дней за свою смену на пахоте, бороновании, культивации и севе в переводе на мягкую пахоту не менее 95 гектаров, получают премию в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

размере 45 трудодней. Кроме того, трактористы МТС дополнительно получают по 0,6 трудодня за каждый гектар, выполненный в этот же срок сверх 95 гектаров.

В 1943 г. по данным годовых отчетов колхозов дополнительную оплату труда получили всего 3337 человек. Это, прежде всего победители производственных заданий, соревнований. В этот период принимало участие в работе колхоза трудоспособных мужчин и женщин всего 335143, не выработали минимума трудодней - 19775 человек, из них были осуждены за не выработку трудодней - 2859 и исключены из колхоза за не выработку трудодней - 1538 человек [11, с. 131,132].

Первостепенное внимание уделялось дальнейшему развитию социалистического соревнования тружеников сельского хозяйства. Прошедшие в феврале-марте 1943 г. общие и отраслевые слеты передовиков сельского хозяйства Алтайского края приняли решения о продолжении начатого в 1942 г. Всесоюзного соревнования. Участницы краевого совещания женщин - передовиков сельского хозяйства приняли обращение ко всем колхозницам Алтайского края - по-фронтовому провести вторую военную колхозную весну. Члены сельхозартели «Память Куйбышева» Топчихинского района обратились ко всем колхозникам и колхозницам Алтайского края с предложением начать сбор семян из личных запасов. «От нас, колхозников, зависит во многом, насколько хорошо Красная Армия будет обеспечена хлебом, мясом, маслом, овощами, картофелем. От нас зависит во многом, будут ли сыты рабочие промышленности, транспорта, мы сами и наши дети» - написали в обращении инициаторы социалистического соревнования в крае за получение стопудового урожая, за право рапортовать товарищу Сталину об успешном выполнении и перевыполнении государственного задания по весеннему севу колхозники сельхозартели имени Куйбышева Павловского района.

Одним из многочисленных проявлений трудовой доблести на весеннем севе 1943 г. явился широкий размах социалистического соревнования женских тракторных бригад, начатого по инициативе бригадира бригады №10 Рыбновской МТС Рязанской области Дарьи Гармаш. Непременным условием этого движения было обязательство трактористок «беречь свои машины как боевое оружие». В Алтайском крае первенство оспаривало 250 женских тракторных бригад.

Только на полях Алтая работало 880 комсомольско-молодежных тракторных бригад, и почти все они выполнили план весенних работ. Лучших результатов вновь добилась бригада Т.Бойко из Петуховской МТС Ключевского района, выработавшая 936 га на каждый условный трактор и сэкономившая 2,6 т горючего.

Новым явлением на весеннем севе 1943 г. было создание комсомольско-молодежных звеньев пахарей, бороновальщиков и сеяльщиков. Эта форма организации труда и соревнования диктовалась тем необычно большим объемом конно-ручных работ, которые предстояло выполнить на весеннем севе 1943 г. На Алтае замечательно трудились звено пахарей из артели имени В.В. Куйбышева Павловского района во главе с комсомольцем Василием Носачевым. Оно состояло из пяти пахарей, и самому младшему из них, Николаю Туманову, было 14 лет. Поднимая целину, В. Носачев ежедневно однолемешным плугом вспахивал по 1,5 га при норме 1,25. Выработку по жнивью он довел до 1,6 га. И так работало все звено. Во время фронтовой вахты с 10 по 25 мая оно подняло 175 га, завоевав первенство в крае.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В апреле 1943 г. колхозники выступили инициаторами соревнования за проведение сева в сжатые сроки, за сверхплановый посев в фонд победы, начатый в стране по примеру колхозников Ярославской области. Для награждения передовиков были выделены значительные фонды промышленных товаров, что в условиях войны являлось одним из эффективных средств материального стимулирования.

Повсеместно было обеспечено дальнейшее расширение посевов картофеля и овощей.

Таблица №2

Рост посевных площадей картофеля по всем секторам (в тыс. га)

Районы	1940 г.	1942 г.	1943 г.
Алтайский край	78,7	99,0	110,0
Красноярский край	55,1	77,5	92,5

В 1943 г. происходит значительное сокращение посевных площадей. Основная причина – крайняя ограниченность трудовых ресурсов, материально-технических средств, недостатка семян и прежде всего семян яровой пшеницы. Только в Алтайском крае посевы яровой пшеницы уменьшилось по сравнению с 1940 г. на 1127 тысяч га. Не имея необходимых семян, колхозы и совхозы вынуждены были увеличить посевы проса – плохо освоенной в Сибири и трудоемкой культуры. В 1943 г. в Алтайском крае они выросли в 7 раз, достигнув 593 тысячи га [5, с. 190].

В период хлебозаготовок партийное руководство края, районов доходило до абсурда, оно требовало любыми путями успешно провести хлебозаготовки и засыпку собственного семенного фонда. И в это же время требовали сдать весь урожай, и даже семена из фонда в счет государственных поставок, что и привело к нехватке семян к весеннему севу 1943 г. Так например, старший агроном Димитровской МТС Алтайского края выступая на агрономическом совещании в феврале 1943 г. отметил: «У нас некоторые горячие головы решили, что государство должно заготавливать хлеб из семян». В результате административного давления колхозы этой МТС сохранили лишь 30% семенного материала [6, с. 51].

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июля 1943 г. №795 «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1943 году» [3, л. 285-309] отмечается, что колхозы, совхозы и МТС своевременно не подготовили и плохо использовали с первых дней уборки конные уборочные машины, неудовлетворительно организовали косовицу вручную, не обеспечили немедленной вязки скошенного хлеба в снопы, скирдование хлебов нередко подменяли копнением, создавалось большое количество мелких открытых полевых токов, что приводило в ряде случаев к порче и гибели урожая.

В деле заготовок сельскохозяйственных продуктов и прежде всего, хлеба руководство Алтайского края, с точки зрения СНК СССР и ЦК ВКП(б), допустили серьезные ошибки, выразившиеся в том, что не организовали сдачи зерна государству колхозами и совхозами с самого начала уборки, в результате чего отдельными районами, колхозами и совхозами не был полностью выполнен государственный план заготовок сельскохозяйственных продуктов [3, л. 286 - 287].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

К концу августа 1943 г. в крае осталось убрать почти две трети засеянной площади, или 2150 тысяч гектаров. Не обмолочено 650 тысяч гектаров скошенного хлеба. Средняя выработка на комбайн составила всего лишь 43 гектара, при годовом плане уборки на каждый комбайн 162 гектара при наличии в крае 2120 сложных молотилок и 530 конных молотилок по неточным данным было составлено на обмолот 286 сложных молотилок, конных молотилок итого меньше. Трактора в переводе на мягкую пахоту за 7 месяцев выработали 1 570000 гектаров, т.е. 34% годового плана. На один трактор выработано было всего лишь 100 гектаров, т.е. примерно треть нормы, которую обязаны были выработать на каждый трактор [16, л. 14].

Крайне сложное положение со сдачей хлеба государству. Годовой план сдачи хлеба государству был выполнен только на 4,2%, в то время как в августе должны были государству минимум 15-20%. Возможности, хотя по сдаче хлеба были. Так, например, в ответ на взятие Орла и Белгорода отдельные партийные организации, колхозы, поработав хорошо, в течение одного дня вывезли хлеба больше, чем прошлые 10 дней.

Секретари Локтевского, Угловского, Рубцовского райкомов партии поставили перед колхозниками, перед коммунистами и комсомольцами района задачу скосить весь хлеб до 10-го сентября, обмолотить весь хлеб до 10 октября, скашиваемый хлеб не позднее пятидневного срока после косовицы скирдовать и полностью рассчитаться с государством до 10-15 октября. Но, к сожалению, из 7745 комбайнов, имеющихся в крае, в конце августа 1943 г. работали только 3733, на косовице хлебов работали 2674 комбайна, на стационарной молотье 1059 комбайнов, убрано комбайнами только 219 тысяч гектаров из плана комбайновой уборки 1450 тысяч гектаров, осталось убрать комбайнами 1230 тысяч гектар [16, л. 139].

Но даже в условиях нехватки горючего и запасных частей многие МТС, совхозы и колхозы сумели выполнить и порой перевыполнить планы работ. На Алтае хорошо были известны достижения тракторного отряда коммуниста И.И. Перепилицы из Кулундинской МТС. Во время уборки он комбайном С-6 скошил 758 га хлебов, сэкономив 414 кг горючего.

На конкретные события и победы Красной Армии в борьбе над противником все чаще возникали многочисленные патриотические инициативы. Колхозники сельхозартели «Пахарь» Павловского района обратились ко всем работникам сельского хозяйства края с призывом провести в честь освобождения Донбасса с 13 по 20 сентября 1943 г. Неделю салюта хлебом освободителям Донбасса [10, 10 сентября 1943 г., №184 (6826)]. Почин павловцев нашел горячий отклик в колхозах и на промышленных предприятиях Алтая. За неделю салюта хлебом были убраны тысячи гектаров зерновых, многие колхозы полностью вывезли хлеб, собранный с участков, засеянных в фонд победы и помощи освобожденным районам.

К началу октября совхозы Алтая сдали государству хлеба на 97 тысяч центнеров больше прошлогоднего.

В Алтайском крае для вывозки хлеба было создано 2600 комсомольско-молодежных транспортных бригад. Уже к концу октября они вывезли свыше 12 млн. пудов зерна, или в 2 раза больше, чем в 1942 г. [1, с. 200]. За десятки километров, по осеннему бездорожью, часто в вечернее и ночное время на ослабевших лошадях и коровах везли комсомольцы. В числе лучших в августе

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1943г. была названа транспортная бригада, состоящая из несовершеннолетних комсомольцев колхоза имени Шевченко Рубцовского района (бригадир Петр Назаров) [13, с. 274]. В Алтайском крае хорошо была известна бригада Панны Войтенко из артели «Правда» Топчихинского района, которая доставила государству 47.5 тысяч пудов хлеба. В 1943 г. на алтайских полях работало 9890 учителей, 99895 учащихся, в т.ч. учащихся 5-10 классов – 66985, школьных отрядов - 3081 [13, с. 274].

В Алтайском крае колхозы заготовили в 1943 г. немногим более 22 млн. пудов хлеба – два раза меньше, чем в 1942 г. Осенью 1943 г. государству было сдано 520 тыс. пудов зерна, на 175 тыс. меньше, чем в 1942 г.

Таблица №3

Урожайность (в ц) и валовой сбор (в тыс. ц) зерновых в колхозах [1, с. 203]

районы	1941 г.		1942г.		1943 г.	
Алтайский край	6.4	18589,1	3,7	11132,2	2,5	6649,5
Новосибирская область	6,9	16830,4	4,1	11879,2	3,3	4823,6
Омская область	7,7	16279,5	3,9	8248,5	3,3	5422,0
Красноярский край	8.1	12628,5	4.7	7082,2	3,8	4826,8

Несмотря на низкий урожай, последствия засухи, недорода многие районы края, колхозы, сельскохозяйственные артели и совхозы полностью рассчитались государством. Из личных запасов колхозники края продали государству хлеба.

Не был выполнен план по заготовкам картофеля и сахарной свеклы.

Много продукции получила страна в 1943 г. от животноводов Алтайского края. В Алтайском крае на 23,7% увеличилась заготовка мяса по сравнению с 1942 г. Но в крае в ряде колхозов имели место факты нерационального расходования кормов, плохого ухода за скотом и т.п. В результате только с декабря 1942 г. по май 1943 г. в колхозах Горно-Алтайской автономной области пало 112 тысяч голов скота, резко снизилась его продуктивность [8, с. 371]. За семь месяцев 1943 г. из-за неудовлетворительного ухода, от бескормицы и истощения в крае пало 52600 лошадей, 120160 крупного рогатого скота, 449300 овец и коз, 44860 свиней [16, л. 8].

Согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. №389 «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности» в Алтайском крае в 1943 г.: 1. Довести поголовье скота к 1 января 1944 г. до следующих размеров: а) в колхозах края (тысяч голов) [3, л. 39].

Всего крупного рогатого скота	В том числе		Всего овец и коз	В том числе овце-козоток	Всего свиней	В том числе свиноматок старше 9 месяцев
	коров	рабочих волов				
680	235	40	2010	1150	187	55

б) в совхозах Наркомсовхозов СССР (тысяч голов) [3, л. 41]

Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы
----------------------	--------	-------------

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Всего	В т.ч. коров		
94,76	36,64	9,60	237,15

2. Установить для колхозов на 1943 г. план покупки молодняка крупного рогатого скота с предварительной контрактацией у колхозников, рабочих и служащих для комплектования колхозных животноводческих ферм в крае – 70 тысяч голов [3, л. 43].

3. Установить в крае на 1943 г. план откорма свиней колхозами для сдачи государству по обязательным поставкам – 63 тысячи голов и средний годовой удой на одну фуражную корову 1200 кг [3, л. 47].

4. Обязать Наркомсовхозов СССР организовать в 1943 г. по овцеводству в Алтайском крае – совхоз «Ново-Алексеевский» с овцами породы сибирский меринос [3, л. 50].

5. Установить на 1943 г. план накопления грубых кормов для общественного скота в переводе на сено в крае – 4300 тысяч тонн [3, л. 52].

В 1943 г. в среднем по краю один трудоспособный колхозник вырабатывал 235 трудодней. На один пятнадцатисильный трактор в 1943 г. было выработано 138 гектаров, а один пятнадцатифутовый комбайн убрал 88 гектаров [7, с. 259].

В крае были МТС, которые в трудное время войны работали на полную мощность, выполняли производственные задания. Так, Петуховская МТС Ключевского района план выполнила на 91,4%, дав среднюю выработку на 15-сильный трактор 287 гектаров. Карасукская МТС выработала на 15-сильный трактор в переводе на мягкую пахоту 283 га, Степная МТС – 287 га. Бригада Петуховской МТС, где бригадиром Бойко, на 15-сильный трактор выработала 806 га мягкой пахоты и сэкономила две с половиной тонны горючего. Бригада Лаптева из Ключевского МТС выработала на один 15-сильный трактор 739 га мягкой пахоты.

1943 г. стал вновь годом напряженного труда при сложности положения в сельском хозяйстве Алтайского края: плохая обработка земли, падежа скота из-за недостатков кормов, большого его расхода в счет хлебозаготовок, крайняя ограниченность трудовых ресурсов и слабая материально-техническая часть. Но самое главное недостатками в руководстве сельским хозяйством со стороны партийных и советских органов. Это, прежде всего административный нажим в решении задач, определение сверху размеры производства, но и сроки проведения всех работ, без учета специфики каждого хозяйства, сменяемость и нехватка специалистов, председателей колхозов, и их сменяемость, нарушения трудовой дисциплины со стороны самих руководителей, очковтирательство, обман и хищение.

Прокурор края Кустов выступая на заседании XIII пленума Алтайского краевого комитета ВКП(б) отметил, что в 1943 г. только при перевозке хлеба из глубинок по данным Славгородского пункта Заготзерно «недостача», а фактически это хищение хлеба составляло 1500 центнеров. За расхищение хлеба при перевозке его из глубинок уже в 1943 г. в трех районах Славгородской, Хабаровском и Знаменском было привлечено к уголовной ответственности 68 человек. В колхозе «Красный Алтай» Волчихинского района при транспортировке хлеба на пункты Заготзерно было похищено 9 пудов хлеба транспортниками во главе со старшим транспорта. В Белоярском совхозе Краюшинского района

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

сторож Кременских похитил 160 килограммов зерна, в Уч-Пристанском районе в одном из колхозов сторож Дручинин похитил 49 килограммов зерна [16, л.116].

В период уборки урожая колхозы и совхозы из-за работы комбайнеров, отдельных колхозников теряли не менее чем полтора-два центнера на каждый гектар, а из общей уборочной площади по Алтайскому краю это составило миллионов пудов зерна. Проверкой многих колхозов и районов были установлены факты потерь и хищения хлеба. В колхозе «Красная звезда» Калманского района уборка до конца августа была не закончена – из 350 гектар ржи не убрано 40 гектар. Вследствие затяжки с уборкой имелось осыпания зерна до 100 зерен на каждый квадратный метр. Никакого ручного огребания колосьев не проводилось. Также не проводилось огребание на скирдовании. Отходы мякины и зерно из-под молотилки сваливаются на стерню и затаптываются. Если учесть все потери, которые имеются по колхозам, они составляют больше центнера на каждый гектар. Таким образом, колхоз «Красная звезда» потерял не менее 350 центнеров озимой ржи. В колхозе «Совет» Шиловского сельсовета яровая пшеница вяжется без применения граблей и на каждый квадратный метр находится 100 колосьев. В колхозе «20 лет Октября» Шиловского сельсовета обмолот производится на стерне и хлеб смешивается со стерней. Комбайны убирают на высоком срезе и работают без зерноуловителей [16, л. 24].

Секретарь Алтайского крайкома в июне 1943 г. говорил: «Мы исписали кучу всяких резолюций, планов, директив. В этих директивах и резолюциях до мельчайших потребностей разрабатывались и давались совершенно конкретные указания, простые и ясные, доступные для проведения в жизнь в любом месте, при любых обстоятельствах... Создавался своеобразный большой шум, возня, сотни людей разъезжали по колхозам, давали установки, указания, советы, но установщики, в которых, кстати говоря, не было недостатка, приезжали и уезжали, а порядки в МТС и колхозах оставались прежними» [12, с. 292].

Крайком ВКП(б) признало свои ошибки и в августе отменило несколько принятых своих постановлений. Так, например, отменено постановление о нормах высева озимых, где повышались нормы высева озимой ржи по всем районам края. Согласно этому постановлению в Кулунде нормы высева ржи должны быть выше, чем в восточных районах. Это постановление привело бы к напрасному выбросу в землю сотни тысяч пудов земли. Отменено постановление бюро крайкома ВКП(б) и крайисполкома о мерах по ликвидации разбазаривания горючего в МТС и совхозах. В этом постановлении узаконивалась невыдача горючего отстающим МТС и совхозам, тем самым ставятся еще более трудные условия работы этих МТС и работа их обрекается на провал. Бюро крайкома ВКП(б) вынуждена была забраковать оценку урожайности, которую провели органы ЦСУ. Предоставленная оценка урожая по колхозам края была явно занижена в некоторых районах. Так в Угловском районе, например урожая от 7 до 8 центнеров ЦСУ был определен как 4,5 центнера, по Алтайскому району урожай в 11 центнеров был определен органами ЦСУ 6,2 центнера, занижена урожайность и по другим районам. Такая оценка могла бы привести к очень серьезной дезорганизации в деле хлебозаготовок и создала бы условия для допущения потерь и расхищения зерна. Было предложено произвести повторную проверку действительного урожая по колхозам.

Таким образом, отрицательные последствия недостатков в руководстве сельским хозяйством, прежде всего, перекрывались гражданским долгом и

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

самоотверженностью колхозного крестьянства. Они были готовы отдать последний кусок хлеба для победы Красной Армии над фашистской Германией.

Список литературы

1. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) /М.Р. Акулов, В.Т. Анисков, Ю.А. Васильев, И.И. Кузнецов. М.: Мысль, 1970. 364с.
2. Рыков, А.В. Использование коров в качестве тягловой силы в общественном и личном хозяйстве в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны / А.В. Рыков // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2016. – № 4. – С. 58-62.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 213.
4. О подготовке тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС к полевым работам 1943 г.//Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) по вопросам сельского хозяйства. Молотов, 1943. С.1-5.
5. Алтай в годы Великой Отечественной войны./Под ред. канд. ист. наук доц. Е.В. Заруцкой. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1960. 236с.
6. Шевляков А.С. Политический контроль над колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири)// Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6(26). С.48-53.
7. Алтай в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1965. 236 с.
8. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области /под ред. И с предисловием проф. Л. П. Потапова. Горно-Алтайск: кн. изд-во, 1973. 236 с.
9. Снегирева Л.И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны// Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т.9, выпуск: История. С.201-210.
10. Алтайская правда – орган Алтайского краевого, Барнаульского городского комитетов ВКП(б) и краевого Совета депутатов трудящихся.
11. Рыков А.В. Внеэкономическая мотивация колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края)// Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. - 2017. - № 2 (94). - С.130-134.
12. Кондрашин В.В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны// Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т.7, №2, 2005. С.289-300.
13. Тарасова Л.Я. Трудовой вклад в победу в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) алтайских детей// Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными нарушениями. 2016, №16-2, С.273-274.
14. Алтайский край в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк//URL: //http://www.evdokimov.ru/22/history.html (дата обращения: 1.04.2020).
15. Рыков А.В. Состояние коневодства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны/ А.В. Рыков// Вопросы исторической науки: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2015 г.). М., Буки-Веди, 2015. С.126-128. URL: https://moluch.ru/cjnf/hist/archive/128/7080/ (дата обращения: 23.04.2020).
16. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 51.

17. Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI - XX веков: развитие системного подхода. М., 2003. 92 с.

Serazetdinov B.U., Kondrashin V.V.

SIBERIAN VILLAGE IN the YEARS OF WARTIME. 1943 (ON THE EXAMPLES OF THE ALTAI TERRITORY)

SERAZETDINOV Boris U. – associate Professor, candidate of historical Sciences, leading researcher of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov street, Moscow, 117292, Russian Federation.

e-mail: sbu54@bk.ru

KONDRASHIN Viktor V. – Professor, doctor of historical Sciences, chief research officer of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov street, Moscow, 117292, Russian Federation

e-mail: vikont37@yandex.ru

Abstract. The article discusses the features of agricultural development in the Altai territory in 1943. Reveals the reasons for the plight of the agricultural production of the region by the middle of the war; the reduction of material-technical base; decrease in tractor and combine works, increase in live draft power for field work, lack of seeds, personnel, weak work with senior staff. The article also discusses ways out of the crisis. For the first time, archive materials from a Special folder are used. The regional Committee of the CPSU (b) admitted its mistakes and in August canceled several of its resolutions. For example, the decree on winter seeding rates was canceled, where winter rye seeding rates were increased in all regions of the region. According to this decree, the rye seeding rate in Kulunda should be higher than in the Eastern regions. This decree would lead to the waste of hundreds of thousands of pounds of earth. The resolution of the Bureau of the regional Committee of the CPSU (b) and the regional Executive Committee on measures to eliminate waste of fuel in MTS and state farms was canceled. This decree legalized the non-delivery of fuel to lagging MTS and state farms, thereby creating even more difficult working conditions for these MTS and their work is doomed to failure. The Bureau of the regional Committee of the CPSU (b) was forced to reject the yield assessment, which was carried out by the CSO bodies. The crop estimate provided for the region's collective farms was clearly underestimated in some areas.

Keywords: Altai territory, the Great Patriotic war, collective farms, agriculture, machine personnel, collective farm chairpersons, harvest.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1945 г.*

СЕРАЗЕТДИНОВ Борис Уразбекович — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: адрес sbu54@bk.ru

Аннотация. Автор предпринял попытку на материалах Алтайского края показать развитие сельского хозяйства края в 1945 г. Основной акцент автор делает на раскрытие решений и выходов из кризиса по невыполнению государственного плана по производству сельскохозяйственной продукции. Делается вывод, что все постановления принятые руководством страны, края, к сожалению, до конца не выполняются. Автор отмечает, что крестьянство Алтайского края, несмотря на крайнюю ограниченность оставшихся ресурсов, сумело ценой небывалых усилий и самопожертвования дать стране необходимый минимум продовольствия и сырья в 1945 победном году. Анализ отчетов Алтайского краевого комитета ВКП(б), публикации в «Алтайской правде» показывает, что утверждения о том, что якобы к концу войны колхозы и совхозы пришли чуть ли не окрепшими, что если и были трудности, то они явились всего лишь результатом стихийных бедствий, ложны и дается неправильная оценка состояния сельского хозяйства в годы военного лихолетья. Да на развитие сельского хозяйства края в какой-то мере повлияли неблагоприятные погодные обстоятельства, отсутствия запасных частей, недостатка горючего, низкой квалификации оставшихся механизаторских кадров, но в докладах первых лиц края, прежде всего, отмечались негативные отношения районного руководства, председателей колхозов, членов их правления, дисциплина. Ведь многие районы, колхозы, совхозы своевременно выполняли государственный план по сдаче сельскохозяйственной продукции от месяца к месяцу, от года в год.

Ключевые слова: посевные площади, урожайность, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, животноводство, сельскохозяйственная продукция, механизация, трудодень, зерновые культуры.

В завершающий 1945 год Великой Отечественной войны в развитии аграрного сектора военной экономики Западной Сибири внесли огромный вклад крестьяне Алтайского края. В годы войны количество трудоспособного населения только в колхозах Алтайского края уменьшилось с 402022 человек в 1941 г., до 204878 чел. – в 1945 г., при этом мужчин с 131606 чел. до 58103 чел. Соответственно [2]. Они не покладая рук, стремились дать фронту и стране как можно больше продуктов сельского хозяйства. Передовые районы: Алейский, Солонешенский, Ойротская область, сотни колхозов края успешно справились со

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00300 Сибирская деревня в годы военного лихолетья.1941-1945 гг. (На материалах Алтайского края)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

всеми хозяйственными задачами, полностью рассчитались с государством по поставкам хлеба.

Но в целом война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству Алтайского края, причем более ощутимый, чем другим отраслям экономики. Посевные площади в крае уменьшились с 3697,0 га в 1940 г., до 2769,0 га в 1945 г. Объемы снижения урожайности основных зерновых культур составили, в центнерах с га : по ржи озимой – с 12,1 до 4,5; пшеницы яровой – с 8,3 до 4,5; пшеницы озимой с 8,7 до 4,2 [2, л. 5, 71]. В основном зерновом районе Сибири – Алтайском крае валовой сбор зерновых культур уменьшился с 1376,1 тысяч тонн в 1940 г. до 582,3 тысяч в 1945 г. [4, с. 104], в том числе пшеницы – с 833 тысяч тонн до 305 тысяч тонн.

На 1 января 1941 г. в крае имелось 433,7 тысяч голов лошадей, а наконец 1945 г. их насчитывалось всего 136,3 тысяч голов.

Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров СССР в своих постановлениях: «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства Алтайского края», «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства Алтайского края» [15, л. 5-20], «О плане развития сельского хозяйства на 1945 год» от 23.02.1945 г. №340 [15, л. 169-266] и «Об улучшении семеноводства зерновых культур» от 24.02.1945 г. №359 [15, л. 24-58] поставили перед руководством края главную задачу, повышение урожайности, увеличение валовых сборов зерна сельскохозяйственных культур, быстрее восстановление посевных площадей яровой пшеницы. В этих постановлениях с предельной ясностью были указаны пути дальнейшего подъема сельского хозяйства, организационно-хозяйственного укрепления колхозов и улучшения работы МТС.

Многоплановой была деятельность Алтайского крайкома ВКП(б) по приостановке и ликвидации падения сельскохозяйственного производства, особенно на завершающем этапе войны. Крайком партии, глубоко проанализировав создавшееся положение в сельском хозяйстве, вынужден был снова пойти в Центральный Комитет партии с предложениями об оказании необходимой помощи в подъеме сельского хозяйства. Рассмотрев предложения Алтайского крайкома партии ЦК ВКП(б) 6-го января 1945 г. принял постановление «О мерах по подъему сельского хозяйства Алтайского края». В постановлении Центрального Комитета партии с предельной ясностью были раскрыты причины упадка сельского хозяйства и определены пути его подъема. ЦК ВКП (б) считает главными причинами отставания сельского хозяйства то, что в крае допущено резкое сокращение посевов основной продовольственной культуры – яровой пшеницы, неудовлетворительное руководство работой машинно-тракторных станций (МТС), упрощенчество в агротехнике, отсутствие должного внимания к организационно-хозяйственному укреплению колхозов и плохое руководство делом развития общественного животноводства, особенно коневодства.

В 1941 г. колхозы Алтайского края сдали государству 42 млн. пудов пшеницы или 70% от общей сдачи хлеба. На Алтае выращивались лучшие в мире по своему товарному качеству твердые сорта пшеницы – Гордейформе, Малянопус и хорошие сорта мягких пшеницы: Мильтурум, Цезиум, Ноэ, Смена. За годы войны передовые колхозы края не только не ослабили, а значительно улучшили семенное дело и выращивали высокие урожаи. Колхоз «20 лет

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Октября» Уч-Пристанского района, в 1944 г. получил урожай яровой пшеницы сорта «Мильтурум 0321» по 11,5 центнера с каждого гектара, овса «Победа» - по 11,8 центнера, проса «Саратовское 853» - по 15,4 центнера. Звеновод ефремовского звена Щербинин из колхоза имени Мамонтова Краснощековского района, вырастил урожай яровой пшеницы «Альбидум 3700» по 34 центнера с гектара и довел количество зерен в килограмме до 23 тысяч штук. Колхоз имени Молотова Шипуновского района, создав высококультурное, развитое семеноводство, один из первых в крае ежегодно выполняет свои обязательства перед государством по хлебопоставкам и полностью обеспечивает свои посевные площади сортовыми семенами.

Постепенно посевные площади яровой пшеницы начинают значительно сокращаться. В 1944 г. колхозы и совхозы посеяли вместо 2,5 млн. только 940 тыс., посевная площадь этой основной продовольственной культуры от общих посевов зерновых культур вместо 63% в прошлые годы всего лишь было 36% [10, л. 22-22 об.]. Сортовые посевы пшеницы по колхозам края составили в 1944 г. только 32,8%, а такие сорта, как «Гордейформе 010», «Гордейформе 189» почти не производились. Селекционные станции не выполняли заказы по производству элиты, а многие райсемхозы прекратили семеноводство яровой пшеницы [1, 11 марта 1945 г. №49(7206)]. Яровую пшеницу заменили, особенно в открытой степи Кулундинских районов, посевами просо и озимой ржи. Из-за суровых условий зимы, глубокого промораживания почвы, незначительного снежного покрова и суховея только в 1943 г. в этих районах погибло озимой ржи 53 тыс. гектаров или 21% от общей площади посева этой культуры. Наряду с этим в колхозах края чрезмерно были расширены посевы просо. Не имея семян пшеницы, колхозы, совхозы встали на путь расширения посевов просо, посевные площади которого в 1944 г. были доведены до полумиллионов гектаров. Такую площадь трудоемкой культуры, как просо, колхозы, совхозы были не в состоянии обработать, и просо в значительных размерах погибало, давало низкий урожай. Что привело к резкому сокращению валового сбора зерна, к подрыву экономического состояния крестьян.

3 февраля 1945 г. было принято постановление Совнаркома СССР № 217 «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства Алтайского края». Этому были посвящены пленумы крайкома партии в январе и в феврале 1945 г. Специальная комиссия крайкома ВКП(б) провела большую работу по обследованию состояния колхозов края. В динамике была прослежена урожайность, условия выполнения сельскохозяйственных работ, структура посевов, сдача зерна государству, личное потребление колхозников и т.д. Разработанные меры предусматривали не только укрепление материально-технической базы колхозного производства, решение кадровых вопросов, но и улучшение структуры посевов, качества пашни, системы планирования, совершенствования организации и оплата труда и др. В хозяйствах, располагавших небольшим количеством пахотоспособных земель, недостаточным количеством сенокосов, пастбищ, центральное внимание уделялось освоению многопольных севооборотов. Там, где имелись большие массивы целинных и залежных земель, намечалось активнее вводить их в оборот с соблюдением чередования посевов. Были намечены меры по расширению посевов яровых культур, обеспечению озимых чистыми и кулисными парами, улучшение семеноводства, введение посевов кукурузы в степных районах, насаждению

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

лесозащитных полос, пуску в действие имеющихся в Кулунде орошаемых участков. В 1945 г. было намечено довести посевы яровой пшеницы до 1135 тысяч гектаров, разместить их по лучшим предшественникам, под семенные участки отвести наиболее плодородные земли. Площади семенных участков закрепили за постоянными звеньями, вводили правильный севооборот.

В колхозах края было организовано более 3000 звеньев высокого урожая. Готовясь к весне, члены этих звеньев собирали куриный помет, золу, проводили снегозадержание. К началу сева звенья вывезли на поля более 60 тысяч тонн навоза, 24 центнера золы, десятки тонн куриного помета для подкормки урожая [6, с. 208]. Повышение урожайности связывалось также проблемой многолетних трав. Намечалось занять под ними до 2-х полей в севообороте.

Большое внимание уделялось обобщению и распространению накопленного положительного опыта, Так например, в январе 1945 г. в Барнауле состоялось двухдневное краевое совещание агрономов и председателей районных семеноводческих хозяйств по семеноводству зерновых, технических культур и многолетних трав. На совещании, кроме руководителей райсемхозов, присутствовали научные работники селекционных и опытных станций, сортоучастков, госсортофонда, агрономы районов и МТС. Совещание обсудило вопросы: об улучшении семеноводства зерновых, технических культур и многолетних трав и о ближайших задачах семеноводства зерновых культур в Алтайском крае. Анализируя причины упадка урожайности зерновых культур в крае, кандидат биологических наук, научный сотрудник Барнаульской селекционной станции Ф.М. Купермак в своем докладе отметила, что в этом сказывается не столько трудность военного времени, сколько неоправданные пренебрежения со стороны специалистов и руководителей сельского хозяйства к вопросам семеноводства. Как-то: необоснованное снижение посевной площади сортовых посевов, особенно культуры пшеницы, пониженные требования к подготовке семян, к весенней агротехнике, уборке урожая и документации. В качестве практических предложений она рекомендовала обратить серьезное внимание на подготовку и сохранение имеющегося сортового зерна, широко использовать методику академика Лысенко – обогривание семян с тем, чтобы добиться максимального повышения их полевой всхожести. Посев яровой пшеницы для семенных целей Ф.М. Купермак предложила производить не позднее 15 мая перекрестным путем. В целях укрепления полеводческой бригады в колхозах вводилась должность инспектора по качеству. К севу 1945 г. 547 инспекторов прошли курсовую подготовку.

Совет Народных Комиссаров СССР принял 26 февраля 1945 г. «О мерах по развитию пчеловодства» № 371 [15, л. 134,135,137]. Утвержден план увеличения количества ульев в Алтайском крае – 165 тыс. ульев, валовый выход меда на 1 улей – 35 кг, товарный выход воска 1 улей – 0,5 кг. Совнарком установил, что начиная с 1945 г., 50 % собранного меда, за вычетом кормов, оставляемых пчелами на зиму (22 кг), и отчислений в страховые фонды, выдаются на трудодни колхозникам, а остальной мед расходуется по усмотрению общего собрания колхозников.

Машинно-тракторные станции неудовлетворительно справлялись со своей работой. План тракторных работ за 1944 г. ими был выполнен всего лишь на 64%, из 189 МТС план тракторных работ выполнили только 10 МТС. Выработка на пятнадцатисильный трактор составила 180 га, а на пятнадцатифутовый комбайн –

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

102 га. Машинно-тракторные станции не выполняя плана тракторных работ, за три квартала 1944 г. перерасходовали 13 млн. рублей государственных средств [10, л. 26].

Народный комиссар земледелия СССР А.А. Андреев 13 марта издал приказ № 313 «О мерах по улучшению работы МТС в 1945 году». Он в приказе отметил и МТС Алтайского края, как имеющий недостатки – невыполнение плана тракторных работ, в особенности по подъему паров и вспашке зяби, затягивание сроков проведения сельскохозяйственных работ, плохое качество обработки почвы, невыполнение планов сдачи государству натуроплаты [9, с. 239].

Бюро краевого комитета ВКП(б) в своем постановлении «Об обращении трактористов, рабочих и служащих Старо-Бешевской МТС, Сталинской области Украинской ССР», опубликованной в «Алтайской правде» 6 января 1945 г., подчеркивает: «Считать важнейшей задачей коммунистов и комсомольцев МТС, МТМ и совхозов – борьбу за досрочное и высококачественное проведение ремонта тракторов, комбайнов, сельхозинвентаря, организацию боевого, действенного соревнования за первенство на ремонте, за завоевание переходящего красного знамени Государственного Комитета Обороны». Бюро крайкома партии поддержало инициативу газеты «Алтайская правда» и постановило провести с 15 января по 1 февраля массовый краевой рейд рабселькоров по проверке качества ремонта тракторов в МТС и совхозах. Цель этого рейда – тщательно проверить качество отремонтированных машин, выявить все недостатки, дефекты, быстро, на ходу их устранить [1, 12 января 1945 г., №8(7165)].

Обращение трактористов, рабочих и служащих Старо-Бешевской МТС Сталинской области нашло горячий отклик среди коллектива ремонтников Белоярской МТС Барнаульского сельского района, где директор Черепанов. Чтобы поднять производительность они упорядочили и укрепили дисциплину труда. Здесь были выявлены производственные возможности каждого цеха, использовались все внутренние резервы. Был разработан точный график по каждому цеху, за выполнением графика следила специальная комиссия.

Обсудив постановление СНК СССР «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства Алтайского края», колхозники и колхозницы крупнейшей в области сельскохозяйственной артели «Память Чкалова» Усть-Коксинского аймака, выступили с обращением ко всем колхозникам, рабочим МТС и совхозов Ойротии, в котором призывают работников сельского хозяйства области быстрее и высококачественно подготовиться к весеннему севу [1, 28 февраля 1945 г., №41 (7198)].

ЦК ВКП(б) в своем решении отметил, что Алтайский крайком и райкомы партии плохо занимались развитием животноводства в колхозах и поставил задачу – всемерное увеличение поголовья скота в колхозах в первую очередь за счет воспроизводства общественного стада, прекращение падежа, а также повышение продуктивности животноводства, обязав Крайком и Крайисполком до 1-го марта 1945 г. разработать по каждому району, а в районах – по каждому колхозу план воспроизводства поголовья скота на 1945-й г., доведя задание по выращиванию молодняка до каждой животноводческой фермы.

В 1944г. колхозы края выполнили государственный план по развитию коневодства на 84%, рогатому скоту – на 86%, овцам – на 77%, свиньям – на 60%, пчелам – на 78% и птице – на 35%. По развитию коневодства годовой план, без

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

зачета авансовой сдачи, выполнен только одним Быстро - Истокским районом и то за счет покупки лошадей, по крупному рогатому скоту государственный план развития не выполнил не один район, по овцам выполнил только один Алтайский район, по свиньям – Солтонский, по птице и пчелам план производства ни один не выполнил [10., л. 31].

Весенний сев в 1945 г. провели успешно труженики сельского хозяйства Алтай. На его полях работало 1100 комсомольско-молодежных тракторных бригад, объединявших 12000 трактористов. Более 1 тысячи бригад и 11805 трактористов выполнили и перевыполнили задания. По инициативе коллектива Алтайского тракторного завода развернулось соревнование городов и предприятий края по усилению помощи и проведению сева. На 12 млн. рублей запасных частей изготовили для села промышленные предприятия края за 1944 и 1945 гг. Это благотворно сказалось на работе тракторного парка: средняя выработка на машину поднялась на 27%, тракторами было вспахано две трети всей весенней пахоты. План сева хозяйства края выполнили полностью, а яровой пшеницей засеяли на 326 тысяч га больше, чем в 1944 г. Восстанавливалось и животноводство. На начало июня 1945 г. численность крупного рогатого увеличилась на 10%, овец – на 20%.

Моральные стимулы стояли на первом месте в трудовой деятельности крестьянства. Однако они не исключали и личную материальную заинтересованность колхозников. Стремясь поднять еще выше трудовую активность, партийные и советские органы применяли различные формы материального поощрения крестьянства. Наибольшее распространение из всех форм материального стимулирования имели общественное питание, дополнительная оплата, шире стала использоваться система премирования и с начала полевых работ выдавались ежемесячные авансы. В 1945 г. дополнительную оплату в Алтайском крае начислили 74,8% колхозов, в Новосибирской области – 75,6%, в Тюменской области – 76,9% и в Омской области – 84,2%.

27 января 1945 г. в «Алтайской правде» было опубликовано постановление Совнаркома СССР «О дополнительной оплате труда колхозников за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота в колхозах Алтайского края». Этот документ был направлен на дальнейший рост общественного животноводства в колхозах края, на повышение заинтересованности колхозников, работающих на животноводческих фермах. То есть, если колхозник честно трудится, добивается сохранения молодняка и повышения продуктивности животных – он получает за свой труд законную дополнительную натуральную оплату. Взять телятницу. Если она вырастит 40 телят до 20-дневного возраста, то получит одного теленка в 4-месячном возрасте. Полугодовалого теленка может получить доярка – скотница, если от десяти коров и нетелей [12] она получит приплод и весь его вырастит до шестимесячного возраста. Скотнику-пастуху и заведующему фермой также выдается дополнительная натуральная оплата за перевыполнение установленных планов. Согласно этому постановлению, конюху за выращивание до 6-месячного возраста от закрепленной группы не менее шести жеребят от каждой десяти кобыл выдается один теленок или два ягненка в 4-месячном возрасте. Дополнительная натуральная оплата предусмотрена колхозникам, сохранившим жеребят от закрепленных маток, и бригадирам полеводческих бригад, вырастившим не менее

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

шести жеребят в среднем на каждые десять кобыл. Колхознику, работающему на свиноводческой ферме, за выращивание до двухмесячного возраста свыше шести поросят в среднем на один опорос [13], считая всех закрепленных свиноматок, будет выдаваться каждый пятый поросенок в двухмесячном возрасте выращенных сверх указанного количества. Колхозникам, работающим на овцеводческих фермах, за получение и сохранение до отбивки от маток не менее 95 ягнят в среднем на каждые 100 овцематок будет выдаваться половина ягнят, сохраненных сверх указанного количества. Не трудно подсчитать. Как велика будет дополнительная оплата у тех чабанов, которые выращивают 140-150 ягнят на сотню овцематок. Птичнице за выращивание цыплят или утят, полученных с инкубаторных станций, или из-под наседок, выдается половина молодняка, выращенного сверх установленного планом количества. А ведь в Алтайском крае таких людей много. Так, например, за дояркой колхоза имени Куйбышева Рубцовского района Марфой Яковлевой было закреплено 11 коров, в 1944 г. она получила и выходила 11 телят, а старший чабан колхоза Абрам Васильевич Липунов в 1944 г. от каждых 100 овцематок получил и сохранил по 104 ягненка. Отличных показателей добились многие доярки-телятницы Озерского молсовхоза Чарышского района. Елизавета Яковлевна Решетникова в 1944 г. выпоила и сохранила без единого случая падежа 101 теленка со среднесуточным привесом по 114 граммов на голову. Молодая доярка комсомолка Вера Андреевна Чаркина за год воспитала без отхода 120 телят со среднесуточным привесом по 1031 грамму на голову [1, 7 января 1945 г., №5(7162)].

Передовики животноводства Горно-Алтайской автономной области получили в порядке дополнительной оплаты овец, крупный рогатый скот, лошадей, а также разнообразную продукцию животноводства. Учитывая возросшую в условиях войны роль подсобных хозяйств в обеспечении колхозной семьи сельхозпродуктами, в ряде мест стали выделяться специальные дни для выполнения работ в них. В колхозах Горно-Алтайской области с учетом местных особенностей осуществлялась задача довести поголовье скота в личном пользовании до размеров, предусмотренных Уставом сельхозартели. Укреплению экономики колхозов способствовало также списание с них в феврале 1945 г. денежной задолженности по натуроплате за работу МТС.

Трудовой патриотизм колхозников с особой силой проявился в широко развернувшемся социалистическом соревновании, в движении передовиков и новаторов производства, выступавших с различными начинаниями по усилению помощи фронту. Социалистическое соревнование военных лет отличалось массовостью и большим многообразием форм. Роль его как одного из главных факторов проявления высокого трудового патриотизма колхозников была огромной. Свои трудовым и политическим подъемом труженики сибирской деревни положили начало организации Всероссийского социалистического соревнования. В довоенные годы в Алтайском крае зародилось движение ефремовцев – борцов за высокий урожай. Почин звена, руководимого М.Е. Ефремовым из колхоза «Искра» Белоглазовского района, был с энтузиазмом подхвачен колхозниками края. В трудных условиях военного времени передовики – колхозники, продолжая работу в ефремовских звеньях, добивались также высоких результатов. 3 марта 1945 г. появляется постановление бюро Алтайского крайкома ВКП(б) «О развитии ефремовского движения в крае», где говорится о всемерном развертывании ефремовского движения в колхозах и совхозах края и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

оказание помощи ефремовцам в достижении высоких урожаев [1, 4 марта 1945 г. №44(7201)]. Так, например, ефремовское звено, которым руководила Анна Акимовна Худацева (сельскохозяйственная артель имени НКВД Ребрихинского района), хорошо подготовилась к севу, по-хозяйски ухаживали за посевами. Убрали урожай во время и без потерь. С площади трех гектаров звено сняло урожай по 14 центнеров зерна и с 42 гектаров – по 12 центнеров с каждого гектара [1, 30 декабря 1945 г. № 257(7414)]. В 1945 г. по инициативе бригадира Федора Русина развернулось соревнование за выработку на каждый 15-сильный трактор не менее 800 га. В результате годовой план работ выполнили и перевыполнили 1030 бригад и 11805 трактористов, при этом сэкономили 480 тонн горючего [5, с. 95]. Принимая переходящее красное знамя Наркомата Совхозов СССР и ВЦСПС за достигнутые в 1944 г. успехи, коллектив Озерского молсовхоза Чарышского района (директор П.С. Зубков, ст. механик В.М. Поломошнов) единодушно решил в 1945 г. добиться еще более высоких показателей. Включившись в соревнование с омичами, они взяли на себя следующие обязательства: 1). К 1 февраля полностью закончить подвозку кормов к скотным базам; 2). Сдать сверхплана государству молока установленной жирности две тысячи центнеров; 3). Деловой выход телят довести до 90 процентов; 4). Сохранить поголовье скота на 100 процентов. По полеводству обязательства: 1). Полностью довести семена до посевной кондиции к 10 января; 2). Закончить ремонт всех тракторов с высоким качеством к 15 февраля и сельхозинвентаря – к 15 марта; 3). Полностью подвести к полевым станам на период сева корма для тягла к 15 марта.

В 1945 г. налоговая нагрузка оставалась стабильной, так как значительных изменений ставки больше не наблюдалось. Для военного налога была характерна та же тенденция, что и для сельскохозяйственного – большой процент колхозников был освобожден от его уплаты. К 1945 г. процент освобожденных от уплаты достиг 50,8% (колхозники совместно с единоличниками). Самообложение формально считалось добровольным сбором. Но в 1945 г. из 279935 наличных хозяйств колхозников самообложение выплачивали 266767 хозяйств. В научной литературе сложилось мнение, что в военные годы платежи и сборы с подсобных хозяйств для колхозников были вполне посильны. Так, например, исследователь А.В. Рыков, который недавно успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономическое положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны» [7], приходит к выводу, что «в целом можно отметить, что, несмотря на повышение налогов в годы войны, введение новых денежных платежей, данные налоговое платежи являлись посильными для колхозного крестьянства» [8, с. 112].

Известный ученый О.М. Вербицкая с этой точкой зрения не согласна. Она подчеркивает, что подобный подход не учитывает фактического наличия материальных ресурсов у разных крестьянских семей. О.М. Вербицкая отмечает, что «на самом деле для большинства из них решить налоговую проблему подобным способом не представлялось возможным, поскольку далеко не каждая крестьянская семья располагала таким количеством продуктов. Для многих продать 100 кг картофеля на рынке фактически означало полностью лишиться свою семью основного продукта питания на весь предстоящий год» [11, с. 242].

Горя желанием помочь Красной Армии приблизить окончательную победу над гитлеровскими захватчиками и водрузить знамя победы над Берлином, колхозники сельскохозяйственной артели «Красный сигнал» (председатель –

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Ульянов) Рубцовского района продали государству в начале января 1945 г. из личных запасов 600 пудов хлеба. Бригадир тракторной бригады И.Г. Соропудов сдал в фонд Красной Армии 30 пудов зерна, бригадир полеводческой бригады Юрченко – 18 пудов. По 12 пудов хлеба каждая сдали колхозницы Вольтина, Маслова, Отрепова, Гнилопупова и другие. Члены сельскохозяйственной артели «Красный восход» Грязнухинского района в январе также сдали в фонд Красной Армии из своих личных запасов 195 пудов зерна [1, 10 января 1945 г., №7(7164)]. Свыше 130 пудов картофеля сдали из личных запасов колхозники сельхозартели «Правда» Алейского района. Колхоз «Красный боец» Третьяковского района, где председатель Скосарев, сдал сверх плана в фонд Красной Армии 1722 пуда хлеба. Кроме того, колхозники колхозницы сдали в подарок фронтовикам 450 пудов хлеба и 180 пудов картофеля из личных запасов. Колхозники Николай Петров, Ананий Шапоров и колхозницы Прасковья Голяшева, Анна Мальцева сдали от 9 до 12 пудов хлеба каждый. Колхозники сельхозартели имени Кирова Топчихинского района из личных запасов сдали в фонд Красной Армии 300 пудов хлеба [1, 16 января 1945 г., №11(7168)].

Анализ отчетов Алтайского краевого комитета ВКП(б), публикации в «Алтайской правде» показывают, что утверждения о том, что якобы к концу войны колхозы и совхозы пришли чуть ли не окрепшими, что если и были трудности, то они явились всего лишь результатом стихийных бедствий, ложны и дается неправильная оценка состояния сельского хозяйства в годы военного лихолетья. Да на развитие сельского хозяйства края в какой-то мере повлияли неблагоприятные погодные обстоятельства, отсутствия запасных частей, недостатка горючего, низкой квалификации оставшихся механизаторских кадров, но в докладах первых лиц края, прежде всего, отмечались негативные отношения районного руководства, председателей колхозов, членов их правления, дисциплина. Ведь многие районы, колхозы, совхозы своевременно выполняли государственный план по сдаче сельскохозяйственной продукции от месяца к месяцу, от года в год. На 10 ноября 1945 г. аграрным сектором военной экономики Алтайского края было сдано государству мяса – 36448 тонн, молоко – 915460 гектолитров, шерсти – 1551 тонна, яиц – 12661900 штук, картофеля – 42691 тонна, овощей – 3848 тонн и это прежде всего некоторым районам [10, л. 42,43, 46, 47, 50,51]. И автор статьи поддерживает точку зрения известного ученого В.Т. Анискова о том, что заслуга крестьянства была не в том, что оно обеспечивало страну продовольствием с избытком – его не было и не могло быть, - а в том, что оно, несмотря на крайнюю ограниченность оставшихся ресурсов, сумело ценой небывалых усилий и самопожертвования дать стране необходимый минимум продовольствия и сырья» [14, с. 293].

Список литературы

1. Алтайская правда (Орган Алтайского краевого, Барнаульского городского комитета ВКП(б) и краевого Совета депутатов трудящихся).
2. Ростов Н.Д. Людской потенциал Алтайского края в Великой Отечественной войне//Гуманитарные проблемы военного дела. 2017.- № 2(11). С.100-103.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 21.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

4. Алтайский край. Великая Отечественная война: цифры и факты. Юбилейный сборник: Стат.сб./Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Б., 2015.
5. Очерки истории Алтайской организации ВЛКСМ. Барнаул, 1988.
6. Алтай в годы Великой Отечественной войны. /Под ред. Е.В. Заруцкой. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1960. 236с.
7. Рыков А.В. Экономическое положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. Автореферат дис...канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 27с.
8. Рыков А.В. Влияние денежного налогообложения на социально-экономическое положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны/А.В. Рыков//Вестник Томского государственного университета. – 2017.-№415. – С.110-114.
9. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. М., Сельхозгиз, 1947. 640с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.45. Д.27.
11. Вербицкая О.М. Сельская повседневность в годы войны: труд и налоги//Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов. Сб. статей. Отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань, изд-во «Институт истории им. Шигабдина Марждани АН Республики Татарстан», 2015. С.237-244.
12. Нетель - стельная самка крупного рогатого скота до первого отёла.
13. Опорос - рождение поросят.
14. Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, изд-во «Наука» Сиб. отд., 1976. 478с.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп.1. Д. 244.

Serazetdinov B.U.

IN THE WORLD OF ALTAI EDGE In 1945

SERAZETDINOV Boris U. – Associate Professor, Ph.D., Lead Researcher, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, 117292, Moscow, Street. Dmitry Ulyanov, 19.
e-mail: sbu54@bk.ru

Abstract. The author made an attempt to show the development of agriculture in the Altai territory in 1945. The author focuses on the disclosure of solutions and solutions to the crisis of non-implementation of the state plan for the production of agricultural products. It is concluded that all the resolutions adopted by the leadership of the country, the region, unfortunately, are not fully implemented. The author notes that the peasantry of the Altai territory, despite the extreme limitations of the remaining resources, managed at the cost of unprecedented efforts and self-sacrifice to give the country the necessary minimum of food and raw materials in the victorious year of 1945. Analysis of reports of the Altai regional Committee of the CPSU (b), publications in "Altayskaya Pravda" shows that the claims that allegedly by the end of the war, the collective farms and state farms came almost stronger, that if there were difficulties,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

they were only the result of natural disasters, are false and an incorrect assessment of the state of agriculture during the war years is given. Yes, the development of agriculture in the region was affected to some extent by adverse weather conditions, lack of spare parts, lack of fuel, low skills of the remaining machine-building personnel, but the reports of the top officials of the region, first of all, noted the negative attitude of the district leadership, the chairmen of collective farms, their Board members, and discipline. After all, many districts, collective farms, and state farms promptly fulfilled the state plan to deliver agricultural products from month to month, from year to year.

Keywords: acreage, productivity, collective farms, state farms, machine and tractor stations, livestock, agricultural products, mechanization, workdays, cereals.

УДК 101.1

Серкова В.А.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕТЕЙ

СЕРКОВА Вера Анатольевна — доктор философских наук профессор кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: henrypooshel@rambler.ru

Аннотация. Великая Отечественная война стала испытанием для всего населения Советской России. Но особенно трагически она отразилась на детях, которые не стали немymi свидетелями страшных военных событий. Дети разного возраста во время войны вели дневники. В них собраны документальные свидетельства о военных буднях и воссоздается хрупкий мир ребенка, существующего в бесчеловечных исторических обстоятельствах. Дневниковые записи принадлежат детям разных возрастов и соответственно ему они по-разному пытаются понять происходящее, наделить его хоть каким-то смыслом, и таким образом оправдать жестокий «порядок вещей». Такое обращение к документальным свидетельствам дает нам дополнительный материал для реконструкции повседневности военного времени. «Детская книга войны. Дневники 1941-1945» воспроизводит мир детства в условиях голода, разрухи, бомбежек, смерти близких как обычных обстоятельств их повседневной жизни. Показаны все подробности бесчеловечного существования детей во время блокады, оккупации, жизни в гетто, в глубоком тылу, на передовой военных действий. Тексты тридцати пяти дневников, собранных в разное время на разных территориях, поступали из архивов, фондов музеев, из частных семейных собраний документов благодаря усилиям журналистов «АиФ» и инициативе Даниила Гранина и Алеся Адамовича. Существование детей разного возраста (от 5 до 17 лет) в обстоятельствах войны дано «на живую нитку» во всех бытовых подробностях. В своих дневниковых записях дети воспроизвели страшную, поврежденную войной реальность и стали главными обвинителями преступлений против человечности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дневники, дети, военное время, детские свидетельства о войне.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. дошла до нас во множестве документов и свидетельств. История этой войны хорошо изучена, однако через 75 лет после победы, возникает соблазн «переписать» ее историю и сделать это таким образом, что жертвы становятся виновными в том, что с ними происходило, зачинщики и палачи превращаются в обвинителей, право на «интерпретацию» оборачивается возможностью извращения самой сути исторических событий. Потому важны не только документы, свидетельства, не только детальное изучение исторических «фактов», важно разобраться в «телеологии» самих интерпретаторов. Российские историки, изучающие события II Мировой войны, вовлечены в новую, теперь уже информационную, войну, в которой нельзя проигрывать. В этом свете очевидной становится настоятельная необходимость исследований «геополитических контекстов» второй мировой войны [1, с.151-153], что позволит нам не проигрывать на «великой шахматной доске» геополитики. Важно изучение документальных свидетельств, раскрывающих «малоизученные и спорные стороны» военных событий Великой Отечественной войны» [2, с.144-150]. Огромное значение имеет идеологическая составляющая борьбы с фашизмом, например, осознание роли русской православной церкви в Великой Отечественной войне [3, с.154-159], анализ хозяйственно-экономическая деятельность на оккупированной территории [4, с.207-214], так же, как исследование «методов организации, форм и способов ведения советской и нацистской пропаганды» [5, с.207-214] во время войны. Эти исследования дают необходимый материал для понимания подробностей «военной повседневности» [6, с.175], быта, условий существования солдат и населения.

Будням войны посвящено множество работ российских историков. Среди них статьи Е.Е. Красноженовой, П.Л. Карабущенко, М.В.Поляковой «Военная повседневность в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941—1945 гг.)» [7]; В.А. Серковой В. А., О.Д. Шипуновой, М.Н. Сосниной «Повседневность войны в дневниковых записях и письмах (на основе контента сайта –MILITERA)» [8]; Р.-Е. А. Кудрявцевой, А.С. Кулика, М.В. Поляковой «Советская и нацистская пропаганда в период Великой Отечественной войны» [9], Е.Е. Красноженовой, С.В. Кулика «Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области» [10]. Обращение к такого рода историческим источникам открывает целый ряд факторов победы, едва ли учтенных на фоне великих стратегических успехов, напряженного труда работников тыла, организации всего народного хозяйства, целиком переведенного на работу для нужд фронта.

Победа в войне далась населению Советской России ценой невероятного напряжения, и невозможно оценить тот вклад, который внесли в нее дети, на которых отразились все тяготы и страдания военного времени. Дети не только участвовали в созидательной жизни военного времени, работали на заводах тыла, гасили зажигательные бомбы в городах, подвергавшихся бомбардировке. Дети военного времени стали очевидцами и жертвами военных преступлений, и нет более страшных свидетельств бесчеловечности войны, чем описание военных будней в детских дневниках. Сам факт существования детей в нечеловеческих условиях породил у взрослых энергию протеста и стал одним из источников героизма и сопротивления советского народа. Война открывается в описаниях ее страшных будней в детских дневниках, собранных в «Детской книге войны».

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Дневники 1941-1945 гг.» [11]. Книга состоит из дневниковых записей и писем, хранящихся в государственных и семейных архивах. В ней содержатся документальные свидетельства повседневного существования ребенка в разных обстоятельствах военного времени. Дети описывали свою жизнь и события военного времени, внося свою лепту в осуждение бесчеловечности и безответственности взрослых, развязавших войну. Детские описания событий того времени глазами самых незащищенных и невинных ее жертв – это памятник особого значения.

Обращение к таким документальным свидетельствам дает нам материал для более подробной реконструкции повседневности войны. Основу «Детской книги войны» составляют дневниковые записи детей, которые они вели во время войны. Это издание является уникальным документальным свидетельством гуманистической катастрофы, в которую было ввергнуто огромное население евразийского континента. То, что описывают дети, все «мелочи жизни», приметы быта, которые определяли их ежедневное существование, в общем можно рассматривать как эпическую картину апокалипсиса человечества, перешедшую из символической стадии пророчества в стадию осуществляющегося во всех деталях исторического катаклизма. Дневники принадлежат детям разного возраста, от пяти до семнадцати лет, они были получены из разных источников (архивов, фондов музеев, частных семейных собраний документов). Была проделана огромная поисковая работа. Журналисты «АиФ» снабдили издание комментариями и фотографиями детей, которым принадлежали дневниковые записи.

Почему дети писали дневники? Для этого нужны были не только физические усилия, но и сила духа. Их мотивировала не столько задача бытописания, но сама возможность (редко реализуемая в полной мере) переключиться на темы, независимые от конкретных страшных условий их жизни. Это - форма бегства от действительности и еще - способ сопротивления диктатуре обстоятельств. Дети вспоминают события довоенного времени, мечтают, фантазируют, изобретают «другую реальность». И все же реальность их военного существования догоняла, накрывала и управляла их сознанием.

Дети блокадного Ленинграда писали не только про текущие события, про голод, - т.е. то, что было главной проблемой их ежедневного существования, но старались анализировать свои поступки, что у подростков было связано с особым этапом их взросления, с началом активной саморефлексии. Дневники вели, в основном, подростки от 14-ти до 17-ти лет. Наиболее частые дневниковые темы – смерть близких людей, голод, добывание пищи.

Самый известный детский дневник военного времени принадлежит ленинградской девочке Тане Савичевой. Важно не просто знать его содержание, а увидеть, как сделаны записи. Это самый короткий дневник из всей «Детской книги войны», всего девять страниц в записной книжке ее старшей сестры Нины. По содержанию - это хроника смертей родственников Тани. Шесть умерших семьи Савичевых с января 1941 года по май 1942 года. Срашные события описаны только языком цифр и имен. Умирают Женя (старшая сестра Тани, просившая обязательно положить ее в гроб, чтобы земля не засыпала глаза, и близкие не смогли выполнить последнее желание ребенка), затем бабушка, которая велит не хоронить ее как можно дольше, чтобы оставшиеся в живых могли получать по ее карточке продукты, потом брат Лека, потом два ее дяди, последней умерла ее

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

мама. Потрясают зафиксированные девочкой часы смерти. Последовательно: 12 часов утра, 3 часа дня, 5 часов утра, 2 часа ночи, 4 часа дня, 7.30 утра, - свидетельство того, что девочка присутствовала в моменты смерти родных даже глубокой ночью, провожала до последней минуты жизни всех своих близких.

Последние записи в дневнике Тани, написанные крупными буквами на трех страничках, по одной записи на каждой

«Савичевы умерли»

«Умерли все»

«Осталась одна Таня» [11, с. 21].

После этого девочка добралась до своей дальней родственницы, которая отвела ее в детский дом, эвакуированный вскоре в Горьковскую область. Но истощенный и больной дистрофией и костным туберкулезом ребенок, переживший смерти всех своих домашних, не выжил. Ее дневник свидетельствовал о военных преступлениях против человечности на Нюрнбергском процессе.

Такого рода свидетельствами наполнены детские дневники этого издания.

Дневник 12-летнего Коли Васильева содержит хронику смертей его близких, - родственников и знакомых, - с 27 января по 3 апреля 1942 г. Мальчик перечисляет умерших. Только за два дня 28-29 января умерли: отец Коли, брат Леша, отец соседки, мать знакомого мальчика Алексея Гусева. Запись от 17 марта: «Умер Кулашкин Шура от голода. Мальчишка был хороший и здоровый. Но голод все убил. 22 человека умерло в нашем доме от голода» [11, .73]. Последняя - пронзительнейшая - запись в дневнике от 3 апреля: «4 часа 30 минут мама начинает хрипеть, она умирает. Все кончено, я остался один» [11, с.75]. В комментариях к этому дневнику сказано, что мальчик остался жив, оказался на фронте, где его признали сыном полка, потом он поступил в Нахимовское училище и стал артистом театра.

Дневник Тани Рудыковской, в отличие от дневника Тани Савичевой, поражает обилием подробностей блокадного быта. Но все дневниковые записи посвящены исключительно обстоятельным описаниям пищи и смертей близких. Весь ее объемистый дневник состоит из перечисления скудных блюд, которые готовились в семье на протяжении блокадных дней. Таня показывает страшные будни, смысл которых состоит в добывания хоть какой-то еды и попыток хоть как-то разнообразить меню. «Сегодня у бабыньки день рождения, ей 79 лет /.../ Я подарила полторы печенины, 2 кусочка сахара, 1 фисташку» [11, с.28]. Для детей военного поколения смерть стала главным событием их жизни. Страшная тема, - убийство животных, домашних любимцев, кошек, собак: «Приходила т. Анфиса сказать, что увели Нэльку (ее собаку)» [11, с.31]. Однако, она меркнет перед перечислением человеческих смертей, - родных, близких, знакомых и незнакомых: «В 40 минут утра УМЕР ПАПА. Геля ходил за Савиной (это наш знакомый доктор), она пришла, но папа уже умер. Когда мама пришла с дежурства, она сразу пошла к папе. Целовала и ласкала его, он сделал попытку улыбнуться, но не смог, а из глаз покатались слезы» [11, с.32]. И сразу за этим фрагментом идет описание того, что было на завтрак: «Завтрак: горох (жидкий), пол ст.л. пшеничной каши (ее мама оставляла папе), хлеб с маслом» [11, с.32]. Бесстрастное чередование того, что составляет источник жизни в блокадной повседневности и катастрофического последствия его отсутствия – это самая страшная последовательность событий в мире ребенка, единственная, которая с

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

его точки зрения достойна упоминания. Таня Рудыковская дожила до старости в том же доме, где постепенно в дни блокады умирали ее родственники, она воспитала трех сыновей, свой дневник она передала в коллекцию «Детской книги войны».

Трагические истории стоят за этими детскими дневниками, в предисловиях к каждой дневниковой записи рассказывается о судьбе их авторов.

Так дневник 16-летнего Коли Рябинкина достался медсестре больницы, куда привезли умирающего мальчика. Его мама с младшей сестрой эвакуировались в Вологду, Юра уже был так слаб, что не смог передвигаться, и мать, вывозя из Ленинграда младшую Ирочку, у которой еще была надежда на спасение, оставила мальчика одного в квартире. Она умерла на вокзале рядом со своей спасенной дочкой [11, с.34-64]. Дневник охватывает период с 22 июня 1941 по 6 января 1942 года. Это душераздирающее повествование, в котором содержится множество подробностей частной жизни подростка. Коля Рябинкин описывает обыденное течение будней военного времени, - посещение шахматного кружка Дворца пионеров, обсуждение сводок с фронта, состоящих, в основном, из перечисление взятых немцами городов, день рождения, в котором главным подарком должна быть еда, первые бомбежки Ленинграда.

Страшно входить в этот трагический мир, в котором ребенок изо всех сил пытается охранять нравственные основания своего существования. Это ему удастся не всегда, но найдется ли такая инстанция, которая имела бы моральное право не то чтобы судить, но и просто разбирать эти подробности и секреты подростка.

Все дневниковые записи объединены свидетельствами детей, подвергшихся испытаниям и ужасам войны перед угрозой неминуемой близкой смерти. Дети – это особые наблюдатели происходящего. Малый срок жизни придает особый смысл любому, даже самому незначительному событию недолгой жизни. Особое переживание времени, ориентированное на малый срок - это то удивительное, что объединяет все свидетельства неискующих в рефлексии детей. Это то, что экзистенциальные философы называют «бытием к смерти» (М. Хайдеггер), но страшно, когда в таком экзистенциальном изломе времени оказываются дети. Детские дневники о войне дают нам возможность по-новому увидеть масштабы трагедии ее «малых» участников в России. Победа над организованным, дисциплинированным, хорошо вооруженным, идеологически упакованным, с угасшим моральным чувством врагом далась ценою величайшего народного напряжения, в том числе, детей. Их сверхусилия были принесены на алтарь общей победы как весомый и бесценный дар и как страшная жертва. Это документальные свидетельства того, как протекала во времени жизнь тех, кто боролся и сопротивлялся напору смерти, кто выступает теперь не немым укором агрессорам, но страстным ее обличителем.

Список литературы

1. Искендеров П.А. Итоги Второй мировой войны в кон-тексте геополитики // Вопросы истории. 2019 № 12(3). С.151-153

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2. Епифанов А. Е., Красноженова Е. Е., Степанова М.М. История и правовое положение военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы // Вопросы истории. 2019. № 12(3). С.144-150
3. Кашеваров А. Н., Рубцова А. В. К вопросу о мифологизации образа Русской православной церкви периода Великой Отечественной войны в современной историографии геополитики // Вопросы истории. 2019. № 12(3). С.154-159
4. Кулик С. В., Крепкая Т. Н., Смирнова О. А. Хозяйственно-экономическая деятельность на оккупированной территории СССР (1941—1944 гг.): на материалах Северо-Западных районов России геополитики // Вопросы истории. 2019. № 12(3). С.207-214
5. Кудрявцева Р.-Е. А., Кулик А. С., Полякова М. В. Советская и нацистская пропаганда в период Великой Отечественной войны геополитики // Вопросы истории. 2019. № 12(3). С.191-197
6. Красноженова Е. Е., Карабущенко П. Л., Полякова М. В. Военная повседневность в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941—1945 гг. // Вопросы истории. 2019. № 12(3). С.175-181.
7. Красноженова, Е.Е., Кулик С.В. Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Вопросы истории. 2019. № 5. С. 120-129.
8. Серкова В. А., Шипунова О. Д., Соснина М. Н. Повседневность войны в дневниковых записях и письмах (на основе контента сайта -MILITERA) // Вопросы истории. 2019. № 12(3). С.262-267
9. Кудрявцева Р.-Е. А., Кулик А. С., Полякова М. В. Советская и нацистская пропаганда в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 12(3). С.191-197.
10. Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Продовольственные проблемы Юга России в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 1. С. 22–32.
11. Детская книга войны. Дневники 1941-1945 гг. М., 2015. 484 с.

Serkova V.A.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MEMORIES OF CHILD

SERKOVA Vera A. – Professor of the Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 195251, Russia, St. Petersburg, 29 Polytechnic Str.

e-mail: henrypooshel@rambler.ru

Abstract. The Great Patriotic War became a test for the entire population of Soviet Russia. But especially tragically, it affected children who did not become dumb witnesses of terrible military events. Children of different ages kept diaries during the war. They collected documentary evidence of everyday life and recreated the fragile world of a child who exists in inhumane historical circumstances. The diary entries belong to children of different ages and accordingly they try differently to understand

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

what is happening, to give it at least some sense, and thus justify the cruel –order of things|. Such an appeal to documentary evidence gives us material for a different reconstruction of the everyday life of the war. –Children's Book of War. Diaries 1941-1945| reproduces the world of childhood in conditions of hunger, devastation, bombing, blockade, death of loved ones, as usual circumstances of their daily lives. The texts of thirty-five diaries collected at different times in different territories came from archives, museum funds, private family collections of documents, thanks to the efforts of AiF journalists and the initiative of Daniil Granin and Ales Adamovich. It shows all the details of the inhuman existence of children during the blockade, under occupation, living in the ghetto, in the rear, at the forefront of hostilities. The existence of children of different ages (from 5 to 17 years) in the circumstances of the war is given –livell in all household details. In their diary entries, children reproduced the terrible reality damaged by the war and became the main accusers of crimes against humanity.

Keywords: The Great Patriotic War, diaries, children of war, children's testimonies about the war.

УДК 94(47+57) «1930-1945»

Сидорчук И.В.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ СПОРТИВНОЙ ЖИВОПИСИ И ГРАФИКЕ 1930-х гг.*

СИДОРЧУК Илья Викторович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

Аннотация. Развитие физкультуры и спорта являлось важной задачей, решение которой в предвоенный период непосредственно регулировалось властью. Это было условием «улучшения» советского человека, залогом его гармоничного развития и здоровья. Также физкультура и спорт воспринимались как часть военной подготовки, о чем неизменно говорили партийные и военные лидеры, начиная с первых послереволюционных лет. В настоящей статье предпринята попытка на основании обращения к спортивной живописи и графике 1930-х гг. выявить признаки надвигающейся войны, иногда очевидные, но подчас раскрывающие свой предвестнический потенциал лишь с учетом исторической памяти о Великой Отечественной войне. Автор приходит к выводу, что физкультура и спорт на советских картинах и плакатах 1930-х гг. предстает яркой и жизнеутверждающей составляющей той социальной утопии, существование которой декларировалось властью. Физкультурник являлся символом нового человека – красивым, смелым, физически и духовно здоровым тружеником и потенциальным защитником своего социалистического отечества. Последнее обстоятельство лишает его образ безмятежности, но не оставляет сомнений в том,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00728 «Массовый спорт в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: рекрутирование, повседневные практики, механизмы социального контроля»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

что из войны он выйдет победителем. В действительности так оно и вышло, но многие из тех, кого мы видим на картинах предвоенной эпохи, эти реальные юноши и девушки, вдохновлявшие мастеров, ради этого погибли. Для зрителя 1930-х гг. предвестие войны скрывалось за улыбками и солнцем, но уже спустя несколько лет, когда началась страшная война, оно стало неизбежно ощутимым фоном, а в каждом физкультурнике легко угадывался солдат.

Ключевые слова: физкультура, спорт, живопись, соцреализм, Великая Отечественная война, история досуга.

Милитаризация жизни являлась неотъемлемой составляющей советской культурной революции 1920-30-х гг. Не могла она не затронуть и область физической культуры и спорта, важность которых объяснялась целым рядом факторов. Так, физическое здоровье в глазах лидеров партии было условием «улучшения» советского человека, залогом его гармоничного развития и здоровья, позволяющим добиваться высоких трудовых показателей. В частности, один из идеологов физкультурного движения, профессор А.А. Зикмунд, полагал, что физические упражнения, в первую очередь, должны быть средствами «всестороннего развития, укрепления и социального воспитания трудящихся» [1, с. 6]. Физическая культура должна была стать регулярным досугом рабочего и служащего, для чего организовывались различные кампании, например, вводилась производственная гимнастика [2]. Одновременно физкультура и спорт воспринимались как часть военной подготовки, что не являлось советским изобретением [3], однако именно в 1920-1930-е гг. эта связь стала наиболее прочной.

Тема милитаризации физкультуры и спорта в предвоенном СССР не раз привлекала внимание как зарубежных, так и отечественных специалистов. Применительно к нашей теме особенно актуальными являются работы, написанные в результате обращения к историко-антропологическим подходам, что позволило существенно расширить проблемное поле истории межвоенного периода [4, 5, 6, 7, 8, 9]. Широкое освещение получила и визуализация физической культуры и спорта в советском искусстве [10, 11, 12, 13, 14]. В настоящей статье предпринята попытка на основании обращения к спортивной живописи и графике 1930-х гг. выявить признаки надвигающейся войны, иногда очевидные, но подчас раскрывающие свой предвестнический потенциал лишь с учетом исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Ожидание и подготовка к будущей войне в 1920-30-х гг. являлись едва ли не частью повседневности. Угроза интервенции, «военные тревоги» и реальное нарастание напряженности в мире во 2-й половине 1930-х гг. могли непосредственно влиять на поведение населения (торговый ажиотаж, антисоветские слухи, снижение общественной активности и т.д.) [15, с. 54-55]. Показательно, что стадии милитаризации спорта также были связаны с появлениями внешних угроз: Всеобуч был создан в годы Гражданской войны, а Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) – после «военной угрозы» 1927 г. Физкультурникам и спортсменам четко давали понять, что в случае войны (либо очень вероятной, либо неизбежной) их навыки должны быть полезны на фронте. Так, еще на Первом Всесоюзном совещании советов физической культуры 15-20 апреля 1924 г. Главком вооруженных сил республики С.С. Каменев в своем приветственном

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

слове от имени Революционного Военного Совета Республики заявил: «Реввоенсовет Республики очень живо интересуется делом физической культуры, физическим воспитанием, и это совершенно понятно. С этой стороны наша республика очень отстала, именно в своей физкультуре, и это очень отражается на Красной армии, где приходится особенно много уделять внимания для этого дела, тогда когда казалось бы надо было обращать особое внимание для подготовки бойца. Но боец без физической подготовки не боец, а поэтому контингент, который поступает в ряды Красной армии, не подготовленный в физическом отношении, нуждается в серьезной работе в рядах Красной армии». Он исходил из того, что за двухлетний период службы невозможно физически развить бойца, и он должен приходить в армию уже подготовленным [16, с. 8]. А упоминавшийся выше А.А. Зикмунд полагал, что физическая подготовка для солдат должна состоять из наиболее сложных упражнений: «Методические занятия военно-прикладной подготовки должны быть построены так, чтобы, сохраняя научную базу и соответствующую психофизиологическую нагрузку организма, они изучали и тренировали такие виды, которые являются наиболее нужными Красной армии и флоту. Занятия военно-прикладной подготовки допускают резкое увеличение нагрузки, даже в начале урока, чтобы подготовить организм к разным случайностям военно-походной жизни» [1, с. 8].

Широкое распространение получили слова К.Е. Ворошилова «здоровый дух требует здорового тела», являвшиеся переделкой взятых на вооружение дореволюционными поклонниками спорта слов Ювенала (а по мнению самого Ворошилова, «старой поговоркой») «в здоровом теле – здоровый дух». Смысл инверсии заключался в утверждении, что Красная армия уже имеет здоровый дух, и остается задача оздоровить тело [17, с. 5]. Сказаны они были в 1939 г. в предисловии к книге «Индивидуальная гимнастика на каждый день», адресованной командному и начальствующему составу РККА. В том же году А. Дейнека создал одноименный плакат, на котором мужчина средних лет (что абсолютно нетипично для спортивной тематики) делает гимнастику в кабинете на фоне портрета Наркома обороны (илл. 1).

Илл. 1

В искусстве тема милитаризации и постоянной военной угрозы нашла широкое отражение. И речь идет не только о плакатах, непосредственно адресованных защитникам социалистической родины или литературных произведениях, описывающих последнюю битву с мировым капиталом. Наиболее последовательно она прослеживается в советском предвоенном кинематографе.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Так, А.А. Черниловский пришел к выводу, что «советский кинематограф межвоенного периода формировал в общественном сознании образ будущей легкой победы над фашизмом, войны малой кровью на чужой территории, надежды на пролетарскую революцию в тылу врага», что отчасти объясняет шок от поражений армии в начальный период начавшейся войны [18, с. 67].

Живопись и графика предвоенного периода также излучала безудержный оптимизм и уверенность. Спортивный досуг молодого советского труженика был безоблачным, подобно небу над всей советской страной. При этом предчувствие грядущей трагедии не может не домысливаться современным зрителем, знающим то, какие испытания обрушатся на это первое советское поколение [см.: 19].

«Девушка с веслом» И. Шадра и Р. Йодко никогда не будет для него лишь воплощением жизнеутверждающей юности и мощной красоты советской женщины, потому что неизменно напомнит о героической смерти в 1941 г. Веры Волошиной – студентки Московского института физкультуры и одной из вероятных моделей для статуи.

Это чувство предвкушения трагедии прекрасно показал исследователь М. О'Махоуни на примере картины А. Дейнеки «Будущие летчики» 1938 г., на которой изображены трое загорелых ребят, любующихся на летающие у берега Черного моря гидропланы: «На первый взгляд, это идиллическая сцена, безмятежная современная Аркадия (это мироощущение свойственно многим крымским работам Дейнеки), где дети наслаждаются неспешными днями летних каникул. Однако от опасностей и в Аркадии не скроешься: при ближайшем рассмотрении в «Будущих летчиках» проступает очень характерная для этих лет саднящая тревога – о том, что советские границы вот-вот подвергнутся вражескому нападению» [8, с. 166]. Понимание близости границы и судьбы Крыма в войну лишь усиливает это чувство тревоги.

Это же настроение присутствует на другой «крымской» картине А. Дейнеки ««Динамо». Севастополь» 1934 г. (илл. 2), на которой уже не дети, а юноши и девушки наблюдают с только построенной М.И. Долгополовым при участии А.А. Венсана водной станции «Динамо» за полетом вертолета. Интересно, что из фрагмента станции, показанного художником, неочевиден конструктивистский характер ее архитектуры. Скорее она отсылает к классицизму, а героев к характерным для античности идеалам атлетического развития и защиты своей родины.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Илл. 2

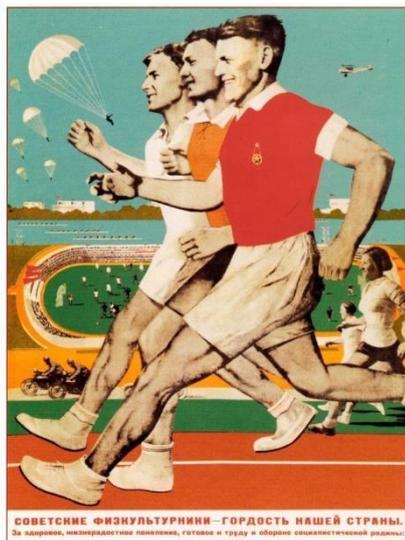
Самолеты и другие летательные аппараты на фоне голубого неба нередко встречаются на картинах и плакатах, посвященных физкультурному и спортивному досугу. Они выполняют роль своего рода защитника покоя граждан, хотя одновременно указывают и на возможную войну. А. Дейнека помещает их в центр своего эскиза росписи плафона для здания Центрального театра Красной Армии «Кросс красноармейцев» 1937 г. Даже на известной картине А.Н. Самохвалова «Киров принимает парад физкультурников» 1935 г., буквально излучающей безудержный оптимизм, они еле виднеются вдалеке.

Обращает на себя внимание, что для спортивной живописи и графики 1930-х гг. было характерно изображение наиболее близких к военной подготовке видов спорта. Например, тот же А. Дейнека изобразил девушку-дискоболку и юношу-стрелка на плакате «Работать, строить и не ныть» начала 1930-х гг. (илл. 3).

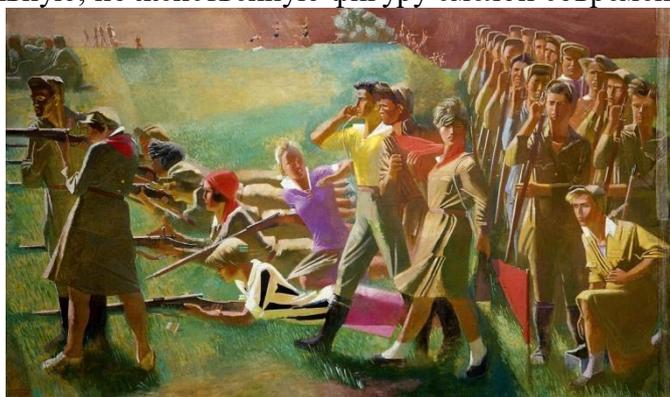
Илл. 3.

Плакат 1935 г. «Советские физкультурники – гордость нашей страны» В. Корецкого, изготовленный методом фотомонтажа, на переднем плане изображает бегунов, а на заднем – парашютистов – поклонников всячески поддерживавшегося властью молодого спорта (датой начала развития парашютизма в СССР считается 1930 г.) (илл. 4).

Илл. 4

В живописи и графике 1930-х гг. не только война могла сопровождать физкультуру и спорт, но и наоборот. Картины, непосредственно посвященные обороне или военной подготовке, зачастую также содержали отсылки к спорту. На картине В.М. Ливановой «Подготовка рабочих к обороне» 1932 г. на переднем плане изображен грозный красноармеец, поднимающий гранату, пока на заднем плане другой обучает рабочих кататься на лыжах – важному умению в условиях зимней войны. На картине А. Самохвалова «Военизированный комсомол» 1931-1933 гг. (илл. 5) изображены стреляющие из винтовок юноши и девушки. Почти все они в военных костюмах, но, как вспоминал сам художник, он хотел обогатить колорит картины, и несколько молодых людей оказались в ярких, цветных одеждах. Среди них есть и лежащая на переднем плане девушка, отрабатывающая снайперские навыки. На ней розовая юбка и та же полосатая футболка, что и на «советской Джоконде» Евгении Адамовой с картины «Девушка в футболке». Сам А. Самохвалов писал, что эта футболка, по его мнению, является одеждой времени – недорогая, изящно облегающая спортивную, но женственную фигуру смелой современной девушки [20, с. 202].

Илл. 5

Физкультура и спорт на советских картинах и плакатах 1930-х гг. предстает яркой и жизнеутверждающей составляющей той социальной утопии, существование которой декларировалось властью. Физкультурник являлся символом нового человека – красивым, смелым, физически и духовно здоровым

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

тружеником и потенциальным защитником своего социалистического отечества. Последнее обстоятельство лишает его образ безмятежности, но не оставляет сомнений в том, что из войны он выйдет победителем. В действительности так оно и вышло, но многие из тех, кого мы видим на картинах предвоенной эпохи, эти реальные юноши и девушки, вдохновлявшие мастеров, ради этого погибли. Для зрителя 1930-х гг. предвестие войны скрывалось за улыбками и солнцем, но уже спустя несколько лет, когда началась страшная война, оно стало неизбежно ощутимым фоном, а в каждом физкультурнике легко угадывался солдат.

Список литературы

1. Зикмунд А.А. Установка советской физкультуры. (Что такое советская физкультура и какова ее цель? Установка методики и научного контроля). Харьков, 1928. 16 с.
2. Ульянова С.Б. В борьбе за высокую производительность труда: внедрение производственной гимнастики на предприятиях Ленинграда в 1920-е годы // Labour and Leisure = Труд и досуг. Сборник тезисов VIII Международной конференции. СПб., 2019. С. 112.
3. Сидорчук И.В. От «Положения о мобилизации спорта» к советской физкультуре // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / Под редакцией Т.И. Рябовой. Брянск, 2019. С. 339-347.
4. Хоффманн Д. Возращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914-1939. М., 2018. 422 с.
5. Ulyanova S., Sidorchuk I., Ofitserova N. Mass sports in the USSR in 1920s – 1930s: Historiography and Research Methods // 5th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts – SGEM 2018. Conference proceedings. Issue 2.1. History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. Vienna, 2018. P. 49-56.
6. Хорошева А.В. Физическая культура в советской повседневности в 1920-1930-е годы // Культура и власть в СССР. 1920-1950-е годы: Матер. IX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016. М., 2017. С. 541-550.
7. Grant S. The Politics and Organization of Physical Culture in the USSR during the 1920s // The Slavonic and East European Review. 2011. Vol. 89. No. 3. P. 494-515.
8. О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. М., 2010. 293 с.
9. Ульянова С.Б., Крепкая Т.Н. Милитаризация массового спорта в СССР в 1920-е – 1930-е гг. // Вопросы истории. 2019. № 12-3. С. 281-287.
10. Малевинская Н.В. Особенности пространственного строя произведений на тему спорта в живописи 1920-1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-1 (58). С. 120-123.
11. Чэнь Ш. Воплощение темы спорта в русской живописи: основные мастера // Искусствознание и педагогика. Диалектика взаимосвязи и взаимодействия сборник научных трудов. СПб., 2018. С. 109-113.
12. Брагинский Д.Ю. Спортивные мотивы в отечественном искусстве 1920-х – 1930-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 69. С. 38-42.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

13. Апостолов А. Враг у ворот. Советский вратарь: кино, культура, политика // Логос. 2014. № 5 (101). С. 163-192.
14. Доронина М.М. Спортивные картины и плакаты как средство внедрения массового спорта и ЗОЖ в СССР // Вестник спортивной истории. 2017. № 4 (10). С. 36-41.
15. Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36-58.
16. Стенографический отчет Первого Всесоюзного совещания советов физической культуры 15-20 апреля 1924 г. М., 1924. 174 с.
17. От Народного комиссара обороны Союза ССР маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова // Наставление для командного и начальствующего состава РККА. Индивидуальная гимнастика на каждый день. М., 1939. С. 5-10.
18. Черниловский А.А. Советские художественные фильмы 1920-1930-х годов о будущей войне с фашизмом и японским милитаризмом // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 1(74). С. 64-68.
19. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М., 2015. 175 с.
20. Самохвалов А.Н. Мой творческий путь. Л., 1977. 319 с.

Sidorchuk I.V.

OMENS OF WAR IN SOVIET SPORTS PAINTING AND GRAPHICS OF THE 1930S.

SIDORCHUK Ilya V. – associate professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 195251, Russia, Saint-Petersburg, Polytechnicheskaya, 29.
e-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

Abstract. The development of physical culture and sports was an important task, the solution of which in the pre-war period was directly regulated by the power. This was a condition for the –improvementll of the Soviet people, a guarantee of their harmonious development and health. Also, physical culture and sports were perceived as part of military training, as party and military leaders have always said since the first post-revolutionary years. The aim of this article is to identify on the basis of analysis an sports painting and graphics of the 1930s. signs of impending war, sometimes obvious, but sometimes revealing their predictive potential only taking into account the historical memory about the great Patriotic war. The author comes to the conclusion that physical culture and sports in Soviet paintings and posters of the 1930s appear as a bright and life-affirming component of the social utopia, the existence of which was declared by the authorities. The sportsman was a symbol of a new man – a beautiful, brave, physically and spiritually healthy worker and a potential defender of his socialist Motherland. The latter circumstance deprives his image of serenity, but leaves no doubt that he will win in future the war. In reality, this is what happened, but many of those who we see in the paintings of the pre-war era, these real young men and women who inspired the masters, died for this. For the viewer of the 1930s, the omens of war were hidden behind smiles and the sun, but a few years later, when the war began, it became an unavoidable background, and in every sportsman a soldier was easily guessed.

Keywords: physical education, sports, painting, social realism, the Great Patriotic war, the history of leisure.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И ДОКУМЕНТООБОРОТА В
БЕЛОРУССКОМ ШТАБЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1942—1944
гг.)**

СКОМОРОЩЕНКО Михаил Николаевич — заведующий отделом публикаций, Национальный архив Республики Беларусь, 220114, Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, 116.
e-mail: m.skomoroschenko@narb.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации и совершенствования делопроизводства и документооборота в Белорусском штабе партизанского движения в 1942—1944 гг. Анализируются ключевые аспекты и отмечаются специфические черты существовавшей системы документационного обеспечения деятельности штаба. Штampы имели распространение по всем направлениям деятельности штаба. К числу основных необходимо отнести угловые штампы, которые фактически повторяли информацию, воспроизводимую на бланке «для писем» с угловым расположением реквизитов, о котором упоминалось выше, и штампы для регистрации входящих документов (за время деятельности штаба также сменилось несколько образцов). В работе БШПД активно применялся целый ряд штампов, которые носили прикладной характер и заменяли отдельные делопроизводственные элементы (грифы «Секретно», «Сов. секретно»; отметка «Контроль»; должности работников БШПД — «Начальник Отдела Кадров Белорусского штаба Партизанского движения» и подписи работников БШПД (факсимиле)). Активно применялись разнообразные «штампы-отметки» в кадровой работе БШПД: с их помощью фиксировали информацию о внесении изменений в старую либо о заведении новой карточки партизана («Занесено на карточку»), отмечали сведения о награждении и др. Всего на данный момент автором выявлено более 40 образцов печатей и штампов (как в оттисках, так и самих печатных матриц), применявшихся в делопроизводстве БШПД (без учета представительств и оперативных групп штаба на фронтах, спецшколы и учебно-резервного пункта БШПД, в которых также использовались собственные печати и штампы). Списание и уничтожение печатей и штампов в штабе «за ненадобностью» традиционно оформлялось специальными актами (которые сопровождалось оттисками либо прорисованными изображениями матриц).

Ключевые слова: БШПД, документооборот, делопроизводство, бланк, печать, штамп.

Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) был образован в соответствии с Постановлением ГКО СССР от 9 сентября 1942 г. № 2285сс. В соответствии с возложенными на него функциями штаб должен был руководить партизанской борьбой на оккупированной территории Беларуси, способствовать активизации и расширению масштабов партизанского движения [1, с. 23]. С момента создания БШПД перед его сотрудниками в рамках налаживания продуктивной деятельности по ключевым направлениям работы стояла задача по

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

организации системы делопроизводства и документооборота [2, с. 48—58]. За два года существования штаба в его структуру и штатное расписание неоднократно вносились преобразования, претерпевали изменения задачи и отдельные направления работы. Это также находило отражение и накладывало свой отпечаток на ряд вопросов, связанных с организацией делопроизводства и документооборота. Помимо того, совершенствование и оптимизация документационного обеспечения деятельности штаба в 1942—1944 гг. велось по целому комплексу направлений, которые затрагивали нормативно-методическую базу, кадры, практические аспекты, связанные с созданием и хранением документов, унификацией, стандартизацией и внедрением новых форм и видов документов и др.

С момента образования в штабе существовало две системы делопроизводства, которые имели специфику и отличия в принципах организации и ведения — общее и секретное. Штатное расписание БШПД предполагало наличие во всех основных структурных подразделениях ряда должностей, ответственных за делопроизводство и организацию документооборота: делопроизводители, машинистки, стенографистки, картотетчики и др. [3, л. 1—267]. За организацию работы с секретными документами отвечали представители секретного (общесекретного) отделения (в дальнейшем — отдела) БШПД. В общих принципах работы сотрудники, ответственные за делопроизводство, отталкивался от существовавших инструкций и наставлений (в первую очередь, ведомственных), порядок оформления и периодичность представления ряда документов был определен табелями и иными организационно-распорядительными документами ЦШПД [4, л. 10—11об., и др.], в штабе разрабатывались и издавались собственные документы, регламентировавшие эти вопросы [5, л. 1—1об., и др.]. Свой отпечаток на организацию и совершенствование системы делопроизводства БШПД, несомненно, накладывали уже существовавшие на практике подходы вышестоящего органа (ЦШПД), предшественников (Северо-Западная группа ЦК КП(б)Б) и аналогичных региональных структур (Украинского, Ленинградского и других штабов партизанского движения). Накопленный делопроизводственный опыт принесли с собой и работники штаба (руководящего звена, ответственные за делопроизводство) — среди которых были представители партийных, советских и военных органов, структур госбезопасности.

Вопросы деятельности БШПД находились под пристальным вниманием и контролем ЦК КП(б)Б, с которым штаб (при закреплённой де-юре подчинённости ЦШПД) был изначально в своей деятельности очень тесно связан, что находило проявление, в том числе, в объёмах и характере документооборота [6, с. 182—184]. Так, в протоколе заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 15 декабря 1942 № 19 при рассмотрении вопроса «О состоянии работы по назначению и выплате пособий семьям партизан и подпольных партийных работников» было отмечено, что «задержка выплаты пособий некоторым семьям партизан происходит также из-за небрежности оформления материалов отдельными работниками кадров ЦК КП(б)Б и [Белорусского] штаба партизанского движения», в связи с чем постановлялось «1. Поручить Белорусскому штабу партизанского движения установить персональный состав всех партизанских отрядов, действующих на территории Белоруссии. 2. Поручить отделам кадров ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения принять меры к установлению адресов семей

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

партизан и связей с этими семьями» [7, л. 194—195]. Это постановление послужило импульсом к активизации работы отдела кадров БШПД, одним из следствий чего стало увеличения объемов кадровой документации в общем потоке документооборота штаба.

Должностной дуализм П.К. Пономаренко в статусе вышестоящего руководителя для БШПД (как начальника ЦШПД и как 1-го секретаря ЦК КП(б)Б) на практике также накладывал отпечаток на документооборот. К примеру, копия экземпляр докладной записки БШПД в ЦШПД об операциях противника против партизан Витебской области и работе штаба (не позднее 9 октября 1942 г.), как и положено, сохранился в фонде БШПД [8, л. 10—12], а подлинник отложился не в фонде ЦШПД, а в фонде ЦК КП(б)Б (при этом сведения о дополнительной переадресации документа отсутствуют) [9, л. 296—298].

Первичный и основополагающий делопроизводственный учетный документ — номенклатура дел БШПД — в дошедшем до нас архивном комплексе документальных материалов штаба на данный момент не выявлена (как и какие-либо упоминания о ее разработке либо использовании). Однако наличие делопроизводственных индексов на обложках дел (речь здесь в первую очередь идет о делопроизводственных обложках, многие из которых в дальнейшем при приеме-передаче на архивное хранение и в процессе архивного хранения были заменены), а также наличие аналогичных индексов в делопроизводственных пометах и резолюциях на самих документах (типа «В дело № ...») дает основания предполагать наличие подобного рода документа.

В текущем делопроизводстве БШПД применялся тематический, видовой и смешанный (тематико-видовой) принцип систематизации документов. Так, к примеру, приказы, оперативные и разведывательные сводки формировались в отдельные дела по виду документа, а «личные дела» на партизанские бригады и отряды — по тематическому принципу, куда подшивалась поступавшая в штаб документация по конкретному формированию. В рамках дел документы могли размещаться по хронологии — дате создания либо поступления в штаб.

Удалось «зафиксировать» процедуру появления в номенклатуре штаба нового дела на примере поступившего в БШПД приказа по Соединению партизанских бригад Слуцкой зоны № 53 от 21 апреля 1943 г. о присвоении очередных военных званий младшим командирам [10, л. 120—123]. На экземпляр приказ наложена резолюция начальника отдела кадров штаба В. Романова «В учет. Заведите точный учет на все имеющиеся у них школы и курсы, которые проводятся в тылу. В. Романов. 19.5.43 г.», а также имеется помета «Завести отдельное дело «[О] подготовке кадров нач. состава в партизанских отрядах».

В рамках одной единицы хранения могли вместе формироваться секретные, совершенно секретные и несекретные документы. При этом в большинстве дел БШПД помещена опись совершенно секретных и секретных бумаг, находящихся в данном деле. Нумерация документов секретного и сов. секретного сопровождалась присвоением номерам литеры «с» либо «сс» ли номер начинался с «0» либо «00», также грифы документов «секретно», «сов. секретно».

Учетных делопроизводственных форм БШПД (журналов, книг) по регистрации входящих и исходящих документов не сохранилось, но их наличие в системе делопроизводства штаба не вызывает сомнения: главным аргументом и очевидным свидетельством в данном случае выступает наличие отметок с

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

присвоенными валовыми исходящими и входящими № на документах. Сохранились несколько образцов регистрационных форм из структурных подразделений штаба, однако нельзя утверждать о полноте информации характеризующей внутренний документооборот — возможно, на «внутреннюю» регистрацию и учет брались не все документы, поступавшие в структурное подразделение, а лишь под грифами «секретно», «совершенно секретно» либо находящиеся на контроле.

По мере расширения и совершенствования системы делопроизводства, а также на этапе переработки и подготовки дел для передачи на архивное хранение из оперативного делопроизводства штаба также проводилось упорядочение документов. Об этом, в частности свидетельствует наличие «Справок-заместителей бумаг, изъятых из одного дела и подшитых в другое», оформленных на специальных типографских формах [11, л. 122.].

Процедуры приема-передачи, уничтожения документов и дел в соответствии с установленной практикой оформлялись в штабе специальными актами, которые сегодня также являются информативным источником по текущему делопроизводству БШПД, так как содержат сведения о документальных материалах из текущего делопроизводства, которые в дальнейшем не поступили на архивное хранение.

Анализ всего сохранившегося массива единиц хранения в архивном фонде БШПД, выявленных актов приема-передачи и уничтожения дел позволяет провести (с определенными допущениями) своеобразную реконструкцию номенклатуры дел БШПД с делопроизводственными заголовками. Несомненно, необходимо учитывать, что многие заголовки дел были изменены при передаче на хранение в Партархив ЦК КПБ в середине прошлого века, а затем в процессе переработки архивного фонда после передачи из «партийного комплекса» на хранение и учет в государственную архивную систему Беларуси в конце XX—нач. XXI вв.

В делопроизводстве БШПД активно применялись типографские бланки самых различных видов документов. Под бланком документа в данном случае понимается стандартный лист бумаги с воспроизведенной типографским способом на нем постоянной информацией документа и местом, отведенным для переменной информации. Среди них были как типовые, так и специальные («фирменные») бланки штаба. Типовые, к примеру, были представлены формам НКО, аналогичные тем, которые применялись в делопроизводстве Красной Армии (наградные листы, листки по учету кадров и др.). Если говорить о специальных («фирменных») типографских бланках БШПД, в неизменяемой части которых были зафиксированы определенные сведения о штабе (как минимум, начиная с его наименования), то здесь в первую очередь необходимо упомянуть о двух видах бланков, которые можно объединить под условным наименованием «для исходящих писем» (с угловым и продольным расположением реквизитов). Условным данное наименование является по той причине, что эти бланки (преимущественно использовавшиеся именно для оформления писем) по ряду зафиксированных фактов применялись в штабе и при создании иных видов документов (справок, удостоверений, докладных), что сближает их с т.н. «общими бланками». В БШПД активно практиковалось использование различных форм бланков документов и по другим направлениям. Например, в медицинской службе: «При специфичности связи БШПД с

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

партизанскими соединениями и бригадами давать своевременно указания начальникам санитарных служб по лечебно-профилактическим вопросам не всегда было возможно. Трудности эти обуславливались загруженностью раций и отсутствием регулярной письменной связи [...] Начальникам санитарных служб партизанских соединений было предложено представлять: табельные донесения о движении раненых и больных (ежемесячно; к 5-му числу каждого последующего месяца по установленной форме); сведения о движении раненых и больных по локализации ранений и заболеваний, применительно к форме № 11 ОВВ, принятой в медико-санитарных учреждениях Красной Армии (раз в квартал). К сведениям требовалось приложить: списки на умерших от ранений и заболеваний партизан, краткую объяснительную записку и списки медицинских работников соединений по установленной форме; краткий обзор эпидемического состояния района партизанской зоны» [12, с. 23—29].

Большое внимание в БШПД уделялось вопросам организации работы с кадровой документацией. Бывший начальник штаба П.З. Калинин вспоминал, что «по указанию БШПД отряды и бригады стали присылать нам составленные по определенной форме списки партизан», а после соединения партизанских формирований с Красной Армией специалисты штаба организовали и курировали работу по составлению командованием партизанских формирований актуализированных списков личного состава и заполнению личных листков по учету партизанских кадров [13, с. 325, 327], которые также, преимущественно, заполнялись на специальных, изготовленных типографским способом, формах. Кроме того, необходимо отметить, что сотрудниками штаба для оптимизации работы с кадровой документацией было создано и использовалось в повседневной деятельности несколько картотек.

К октябрю 1942 г. был создан радиоузел БШПД, и по воспоминаниям бывшего начальника связи Центрального, а затем Белорусского штабов партизанского движения генерал-майора И.Н. Артемьева суточный радиообмен узла БШПД достигал несколько сот радиogramм, а широко развитая радиосвязь с партизанскими отрядами давала возможность штабу проводить крупнейшие боевые операции, такие как «рельсовая война» [14, с. 332, 336, 337]. Активное использование штабом радиосвязи с учетом специфики военного времени привело к широкому внедрению в документооборот важного вида документа — шифртелеграмм, которые также оформлялись на специальных типографских бланках БШПД. Существовали отдельные бланки для входящих и исходящих шифртелеграмм (причем и тот, и другой бланк за время деятельности штаба претерпел изменения и существовал в нескольких образцах).

Общую ситуацию с интенсивностью, объемом и характером документооборота посредством радиосвязи иллюстрирует шифртелеграмма А.А. Архангельского № 2643 от 17 июня 1944 г. на имя зам. начальника БШПД И.П. Ганенко: «В связи с крайней перегруженностью шифротдела опер. группы, прошу Вас дать указание отделам Белорусского штаба не посылать нам телеграмм не оперативного характера, как-то: запросы по отделу кадров, финн. отделу, Казубскому и других такого же рода» [15, л. 260].

Если говорить о вопросах обеспечения штаба бланками, то «общие» делопроизводственные формы выдавались представителям штаба со складов организаций военно-оборонной системы (штаб МВО, АХУ и ГУК НКО СССР и др.), а «собственные» — печатались по заказу БШПД в различных типографиях.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Так, например, сохранилось письмо начальника БШПД П.З. Калинина директору типографии СНК БССР от 29 мая 1943 г. с просьбой срочно изготовить для БШПД бланки командировочных предписаний в количестве 5000 экз. по прилагаемой форме [16, л. 117], дубликат накладной Типографии издательства «Советская Белоруссия» № 48 от 12 мая 1943 г., в соответствии с которой в/ч 10133 (БШПД) были отпущены «предписания» в количестве «15/100» (речь, очевидно, идет о бланках командировочных предписаний в количестве 1500 шт.) [17, л. 302].

Использование типографских бланков отдельных видов документов и регистрационных форм (журналов, книг) — которых в общей по подсчетам автора превышает 50 образцов, было важным моментом в организации и совершенствовании делопроизводства и документооборота БШПД.

Еще одной примечательной чертой делопроизводства БШПД можно назвать активное использование разнообразных печатей и штампов. Источниками для изучения могут сегодня служить сами печати, оттиски на делопроизводственных документах; контрольные оттиски на документах (актах) на выдачу и на списание (уничтожение).

В существовавшей практике основной печатью учреждения традиционно считалась так называемая «гербовая», которой скреплялись и удостоверялись подписи должностных лиц, осуществлявших организационно-распорядительные и юридические функции. За два года деятельности штаба в делопроизводстве использовалось несколько печатей данного типа (часть параллельно — для разных видов документов, часть — последовательно, заменяя одна другую): «Штаб войсковой части № 00133», «Войсковая часть полевая почта 19705», «Белорусский штаб партизанского движения» и др.

Помимо «гербовых» печатей применялись печати других типов и видов (т. н. «простые»). На них по внешнему кругу воспроизводилась надпись, аналогичные одной из «гербовых» печатей — с указанием номера войсковой части либо наименования «Белорусский штаб партизанского движения», — а в центре шло указание на «специализацию» печати. В числе подобных печатей были отдельные для различных структурных подразделений (например, АХО), для отдельных видов документов (хозяйственных) и др.

Штампы имели распространение по всем направлениям деятельности штаба. К числу основных необходимо отнести угловые штампы, которые фактически повторяли информацию, воспроизводившуюся на бланке «для писем» с угловым расположением реквизитов, о котором упоминалось выше, и штампы для регистрации входящих документов (за время деятельности штаба также сменилось несколько образцов). В работе БШПД активно применялся целый ряд штампов, которые носили прикладной характер и заменяли отдельные делопроизводственные элементы (грифы «Секретно», «Сов. секретно»; отметка «Контроль»; должности работников БШПД — «Начальник Отдела Кадров Белорусского штаба Партизанского движения» и подписи работников БШПД (факсимиле)). Активно применялись разнообразные «штампы-отметки» в кадровой работе БШПД: с их помощью фиксировали информацию о внесении изменений в старую либо о заведении новой карточки партизана («Занесено на карточку»), отмечали сведения о награждении и др.

Всего на данный момент автором выявлено более 40 образцов печатей и штампов (как в оттисках, так и самих печатных матриц), применявшихся в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

делопроизводстве БШПД (без учета представительств и оперативных групп штаба на фронтах, спецшколы и учебно-резервного пункта БШПД, в которых также использовались собственные печати и штампы).

Списание и уничтожение печатей и штампов в штабе «за ненадобностью» традиционно оформлялось специальными актами (которые сопровождалось оттисками либо прорисованными изображениями матриц) [18, л. 24—24об.]. Установлен единичный факт, когда в соответствии с письмом № 218ос от 17 ноября 1943 г. направлены из БШПД в секретный отдел ЦШПД «по минованию надобности» [19, л. 70—70об.]. БШПД завершил деятельность в ноябре 1944 года, однако бланки, печати и штампы штаба еще некоторое время активно использовались в работе его приемниками — группой по ликвидации и группой по ведению дел БШПД.

Подводя итог, необходимо отметить, что система делопроизводства, существовавшая в БШПД, имела высокий уровень организации, опиралась на нормативно-методическую базу и практический опыт работников, соответствовала специфике военного времени и учитывала особенности сформировавшейся структуры, основных потоков и объемов документооборота, которые, в свою очередь, определялись разноплановостью и многоаспектностью задач, поставленных перед штабом в рамках осуществления им основных направлений деятельности по руководству и развитию партизанского движения на территории БССР. В штабе с момента образования была организована работоспособная система по созданию, учету и хранению документации, которая развивалась и совершенствовалась на протяжении всего периода деятельности БШПД. К числу характерных черт делопроизводства штаба, в том числе, можно отнести широкое внедрение и использование различных бланков, печатей и штампов. Изучение и анализ «документального наследия» БШПД, дошедшего до нас в его архивном фонде и фондах иных организаций, с которыми он состоял в активном взаимодействии, дает сегодня возможность сформировать цельное представление об основных принципах и практических подходах делопроизводства, объема и специфики документооборота, что способствует повышению информационного потенциала сохранившихся исторических источников и предоставляет в руки исследователей дополнительные сведения для осмысления и оценки деятельности штаба, его места и роли в процессах по активизации, организации и руководству партизанской борьбой на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941—1945 гг. : справочник / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, Федер. арх. агентство России, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории ; сост.: В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан, В. Н. Шепелев ; редкол.: В. И. Адамушко, К. М. Андерсон, В. П. Козлов, В. П. Крюк, В. Д. Селеменев, В. Н. Шепелев. — Минск : НАРБ, 2008. — 216 с.
2. Кулинок, С. В., Скоморощенко, М. Н. К вопросу об организации делопроизводства в Белорусском штабе партизанского движения в сентябре—декабре 1942 г. / М. Н. Скоморощенко, С. В. Кулинок // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты : матэрыялы навукова-практычнай

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 28 чэрвеня 2018 г.) / рэдкал.: В. І. Кураш (старшыня) [і інш.]. — Мінск : БелНДДАС, 2019. — 430 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 1450. Оп. 1. Д. 47.
4. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 891.
5. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 17. Д. 5.
6. Скоморощенко, М. Н. Документооборот между Белорусским штабом партизанского движения и ЦК КП(б)Б (в отражении документов фонда «ЦК Коммунистической партии Белоруссии» Национального архива Республики Беларусь) / М. Н. Скоморощенко // Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт., прысвеч. 80-год. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-год. гіст. адукацыі ў Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы. У 2 ч. Ч. 1 / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. — Гродна : ГрДУ, 2019.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1237.
8. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 75.
10. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 356.
11. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 344.
12. Козел Д.А., Саевич Т.Н. Медико-санитарная служба Белорусского штаба партизанского движения и ее деятельность по организации медицинской помощи партизанам Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Воен. медицина. 2009. № 4.
13. Непокоренная Белоруссия : Воспоминания и ст. о всенар. партиз. движении в Белоруссии в годы Великой Отечеств. войны (1941—1945 гг.). М., 1963. 373 с.
14. Непокоренная Белоруссия : Воспоминания и ст. о всенар. партиз. движении в Белоруссии в годы Великой Отечеств. войны (1941—1945 гг.). М., 1963. 373 с.
15. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 23. Д. 67.
16. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 52.
17. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 51.
18. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 15
19. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 9.

Skomoroshenko M.N.

ORGANIZATION OF OFFICE AND DOCUMENT MANAGEMENT IN THE BELARUSIAN HEADQUARTERS OF THE PARTISAN MOVEMENT (1942— 1944)

SKOMOROSHENKO Mikhail N. — head of publications, National archive of the Republic of Belarus, 220114, Belarus, Minsk, Nezavisimosti avenue, 116.
e-mail: m.skomoroshenko@narb.by

Abstract. The article deals with the issues of organization and improvement of office management and document flow in the Belarusian headquarters of the partisan

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

movement in 1942-1944. The key aspects are analyzed and specific features of the existing system of documentation support of the headquarters are noted. Stamps were distributed in all areas of the staff's activities. Among the main ones are corner stamps, which actually repeated the information reproduced on the form "for letters" with the angular location of details, which was mentioned above, and stamps for registering incoming documents (during the activity of the headquarters, several samples were also changed). In the work of the bspd, a number of stamps were actively used, which were applied in nature and replaced individual clerical elements ("Secret", " Sov. secret"; the mark "Control»; positions of bspd employees — "Head of the Personnel Department of the Belarusian staff of the Partisan movement" and signatures of bspd employees (facsimile)). Various "stamps-marks" were actively used in the personnel work of the bspd: they were used to record information about making changes to the old or about the establishment of a new partisan card ("Entered on the card), noted information about awards, etc. In total, the author has identified more than 40 samples of seals and stamps (both in prints and printed matrices themselves) that were used in the bspd's office (excluding representative offices and operational groups of the headquarters at the front, special schools and training and reserve points of the bspd, which also used their own seals and stamps).

Keywords: the Belarusian headquarters of the partisan movement, document circulation, records management, blank, stamp.

УДК 94 (470.5)

Сперанский А.В.

ПОДВИГ УРАЛА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ*

СПЕРАНСКИЙ Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Институт истории и археологии УрО РАН, заведующий Центром политической и социокультурной истории. Екатеринбург, Россия.
e-mail: avspersky@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована роль Урала в геополитической стратегии воевавших во Вторую мировую войну держав. Отражены мероприятия осуществленные на Урале в области оборонно-промышленного комплекса, аграрного сектора и военного строительства. историческая память народа является стержнем государственного развития и общественной консолидации. В годы Великой Отечественной войны Урал давал фронту не только бесстрашных бойцов, мощную военную технику и боеприпасы, его жители старались помочь фронтовикам душевной теплотой и заботой, необходимыми солдату в трудные боевые будни не меньше оружия. Ярким свидетельством этого стала переписка уральцев с воинами 3-й Гвардейской стрелковой дивизии, сформированной в Свердловске. Не понимание этой простой истины, намеренное искажение исторической правды, приводит к подрыву фундамента государственности и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00614 «Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

разрушению основ ее национальной безопасности. Поэтому надо очень бережно относиться к историческому наследию, давать объективный и правдивый анализ всех периодов нашей истории, в том числе и периода Великой Отечественной войны. Надо помнить, что в руках объективного историка, оно может служить действенным средством патриотического воспитания подрастающих поколений, а в руках конъюнктурщика смертоносным оружием их морального разложения.

Ключевые слова: Урал, стратегическое планирование, эвакуация, трудовые ресурсы, оборонно-промышленный комплекс, аграрный сектор, боевые резервы.

Современные события развернувшиеся на международной арене наглядно демонстрируют ошибочность внешней политики России конца XX века, рассчитанную на то, что изменение общественно-политического строя и социально-экономических основ позволит нашей стране стать равноправным партнером Запада. Западу не нужна сильная Россия: ни социалистическая, ни рыночная. На протяжении всей мировой истории Россия и Запад конкурировали между собой на цивилизационном уровне и было бы наивно полагать, что XXI век внесет в это противоборство какие-либо коррективы.

Сегодня, когда Россия испытывает беспрецедентное давление со стороны США и ЕЭС, активно противостоит международному терроризму нельзя исключать возможности возникновения крупных военных угроз. Это обуславливает необходимость всемерного укрепления национальной безопасности в основе которой должны лежать как постоянный прогресс военно-промышленного комплекса и боеготовность армии, так и информационно-идеологический ресурс, базирующийся на патриотическом воспитании. В связи с этим нужно в первую очередь защитить от агрессивных нападок нашу собственную историю, которая должна быть очищена от лжи и дезинформации, стать предметом гордости за достигнутые нашим народом свершения.

В преддверии 75-летия Великой Победы над фашистской Германией особое значение в процессе патриотического воспитания населения России приобретает история Великой Отечественной войны. Вскрывая суровую правду военного лихолетья, мы должны давать решительный отпор различного рода инсинуациям, извращающим историческую правду и порочащим светлые идеалы. Мы должны показать молодому поколению осознанное желание нашего народа защитить Отечество, стимулирующее готовность идти на фронт, на военные заводы, стремление внести личный вклад в разгром неприятеля.

Говоря о Великой Победе, отметим, что она была достигнута колоссальным напряжением сил всех регионов страны. Однако Урал, ставший в годы суровых испытаний мощной индустриальной базой, важнейшим местом формирования воинских частей и подготовки боевых резервов сыграл исключительную роль «опорного края державы».

Еще до начала войны Уральский регион стал краеугольным камнем стратегического планирования основных ее участников. Оценки потенциальных возможностей края в ходе военных действий имелись в расчетах, как гитлеровского блока, так и стран будущей антигитлеровской коалиции. В Германии военно-промышленный комплекс Урала явно недооценивался. А. Гитлер считал, что главный индустриальный потенциал СССР сосредоточен на западе. Поэтому план «Барбаросса», предполагая его полное уничтожение

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

основными силами вермахта, отводил Уралу лишь роль некоего «осколка» советской силы, легко ликвидируемого бомбардировками «люфтваффе» [2, с. 221.]. Только в ходе войны, гитлеровскими стратегами был составлен план, предполагавший прорыв на Урал моторизованной группировки с целью разрушения «жизненно важных сооружений». Однако разгром под Москвой и Сталинградом, огромные потери немцев в технике сделали его нереальным. Не были реализованы и намерения нанести ущерб уральской промышленности прорывами летчиков-смертников и силами диверсионных групп.

Как важнейший фактор в развертывании военных событий рассматривался Урал в Англии и США. У. Черчилль, как и А. Гитлер, недооценивал промышленные возможности региона и видел в нем только часть бескрайнего пространства России, способную отнять у немцев время и дать возможность англичанам накопить и перегруппировать свои силы. Ф. Рузвельт был более дальновиден и усматривал в Урале не только пространственный резерв, но и производственный комплекс способный вооружать Красную армию даже в случае потери СССР центрального промышленного района. Это во многом определило англо-американскую оценку способностей Советского Союза сопротивляться Германии и ускорило процесс складывания антигитлеровской коалиции [8, с. 265].

О возможном столкновении с агрессором и роли в нем Урала задумывалось и руководство СССР. В 1920-30-е гг. здесь были развиты химическая, топливная, металлургическая, машиностроительная, электроэнергетическая отрасли, освоены резервные природные ресурсы. Однако главная задача превращения Урала в оружейный арсенал осталась не осуществимой, что объясняется нехваткой времени, недостатком денежных средств и военной доктриной И.В. Сталина не предполагавшей возможности глубокого вторжения неприятеля, а следовательно и потери западных промышленных районов страны. Отсюда, несмотря на правильную оценку возможностей Урала, его милитаризация не форсировалась.

Немецкое наступление и захват западных территорий привели к тому, что недалновидное сосредоточение почти всей оборонной промышленности в уязвимых в военном отношении районах, поставило страну на грань катастрофы [6, с. 108 – 117.]. Только благодаря эвакуации, переместившей в тыл 2 тыс. 593 промышленных предприятий и титаническому труду местного и эвакуированного населения, создавшего на востоке практически новую военно-промышленную базу, трагедия была предотвращена [1, с. 802].

Урал стал важнейшим звеном формирования этого не имевшего аналогов в мировой истории оборонно-индустриального комплекса. К концу 1942 года на его территории было размещено более 830 предприятий, эвакуировано 2 млн. 127 тыс. человек, составивших 25% от всех эвакуированных в Российской Федерации и 9,7% от населения Урала [2, с.241; 8, с. 268]. 51,7% переселенцев осели в уральских городах, что значительно усилила плотность проживания и связанные с этим материально-бытовые и санитарно-гигиенические проблемы. Фактическая обеспеченность жильем на Урале по разным ведомствам, территориям, типам жилья колебалось от 0,8 до 4,0 кв. м. Ситуация улучшилась только к концу войны, когда с Урала в западные и центральные районы реэвакуировалось более 80% ранее приехавших и их численность в регионе составила всего 361 тыс. чел. [4, с. 135].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Эвакуация рабочей силы на Урал в значительной мере облегчила решение кадровой проблемы. 55% прибывших сразу же включились в работу промышленных предприятий. В среднем доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Урала к концу 1942 года составила 31%, достигая на некоторых объектах 50-75%. Для восполнения трудовых ресурсов на производство привлекались пенсионеры (4,3% – в промышленности; 14,8% – в аграрном секторе) и женщины (соответственно 47,7% и 74,6%). Проблема трудовых ресурсов решалась и за счет производственной подготовки подростков в системе трудовых резервов, обучившей за 1941–1945 гг. различным рабочим специальностям 444,7 тыс. чел.

Обеспечение предприятий рабочей силой осуществлялось и при помощи создания трудовой армии, включавшей в свои ряды людей, считавшихся непригодными строевой службе или неблагонадежными. К январю 1942 года трудовая армия на Урале насчитывала около 290 тыс. бойцов, среди которых более 50% составляли советские немцы и выходцы из Среднеазиатских республик.

В традиционно трудоемких процессах (добывающей промышленности, на лесоповале и т.п.) использовался труд заключенных и военнопленных. К 1945 году их численность в регионе достигла максимальной цифры в 250 тыс. чел. [8, с. 269-271].

Только в Свердловской области в 1945 году доля спецконтингента составляла 6,4% от общего числа рабочих и служащих, занятых в промышленности, строительстве и местном хозяйстве [5, с. 112]. Однако он был далеко не единственным и уж тем более не определяющим фактором экономического развития края. Решающая роль в основных отраслях экономики Урала, вне всякого сомнения, принадлежала местным и эвакуированным специалистам, самоотверженно выполнявшим свой патриотический долг. Движение рационализаторов, социалистическое соревнование, самоотверженный труд двухсотников, трехсотников, тысячников, комсомольско-молодежных фронтовых бригад способствовали повышению производительности труда и экономии рабочей силы [8, с. 270].

К концу военных действий на заводах и фабриках края трудилась 1/5 всех промышленных рабочих страны, обеспечивших превышение довоенного уровня выпуска промышленной продукции в 3,6 раза. Выпуск оборонной промышленности увеличился здесь в 6 раз. В 1942-1945 гг. на долю региона приходилось около 40% продукции специального военного назначения, выпускавшейся в стране. Промышленность Урала производила 2/3 танков, выпускавшихся в СССР, что превышало производство этого вида вооружений всей Германией. На уральских заводах делались все тяжелые и средние самоходные артиллерийские установки, 3/4 стрелкового оружия, не менее 50% артиллерийских систем и боеприпасов [2, с. 256].

В тоже время в аграрном секторе уральского региона наблюдалось явное падение сельскохозяйственного производства. За годы войны были значительно сокращены посевные площади, уменьшилось поголовье скота. Как следствие этого снизились урожайность и валовые сборы в земледелии, упали продуктивность скота и производство животноводческой продукции. К концу войны объем сельскохозяйственной продукции Урала сократился на 18,5% по сравнению с довоенным периодом [3, с. 105, 104].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

В годы войны Урал стал не только главным арсеналом Красной армии, но и настоящей кузницей боевых резервов. Здесь было сформировано более 500 воинских частей и соединений. Среди них 2 механизированных и один танковый корпус, 64 стрелковые, 10 кавалерийских, 4 артиллерийских дивизии, большое количество отдельных бригад, полков, батальонов, дивизионов, рот. В их составе на фронт ушло более 2 млн уральцев, из которых 600 тыс. сложили головы на поле брани. Большинство из них проявив героизм и доблесть, стали гвардейскими, получили награды. Почти всем частям и соединениям, сформированным на Урале, были присвоены почетные наименования освобожденных ими городов: Львова, Витебска, Киева, Ленинграда, Николаева, Сум, Харькова, Пскова, Будапешта, Берлина, Праги и др.

Уральские воины проявляли и личный героизм. Так летчики И.Л. Золин и А.А. Бурденюк героически погибли в самолетах, направленных на скопления вражеской техники а солдаты Я.Н. Падерин и Г.П. Кунавин телом закрыли амбразуру вражеского дота. В Сталинградской эпопее героически сражался 2-й Гвардейский механизированный корпус. 16 его бойцов повторили подвиг панфиловцев, ликвидировав 22 вражеских танка [7, с. 295, 319; 8, с. 285 – 288].

Бессмертной славой покрыли себя бойцы Уральского добровольческого танкового корпуса. Начав боевой путь на Курской дуге, они с боями прошли по дорогам Украины и Польши. Могучий, стальной грохот уральских танков раздавался на улицах поверженного Берлина и освобожденной Праги. 54 ордена были прикреплены к знаменам корпуса и его подразделений, более 42 тыс. бойцов корпуса получили правительственные награды. 35 человек стали Героями Советского Союза [7, с. 341].

Впереди всех на территорию Германии вошла 3-я уральская Гвардейская стрелковая дивизия. Знамя на границе установил удмурт Василий Зайцев, удостоенный за это звания Героя Советского Союза. Организованные на Урале 150-я и 171-я Гвардейские стрелковые дивизии приняли участие в штурме Рейхстага. Первым достиг входа в фашистское логово батальон 171-й дивизии (командир – старший лейтенант К.Я. Самсонов), однако затем их опередил батальон 150-й дивизии (командир – капитан С.А. Неустроев), ворвавшийся в здание буквально на плечах неприятеля. Пять уральцев, участвовавшие во взятии последней гитлеровской цитадели, получили звание Героев Советского Союза (К.Я. Самсонов, А.И. Негода, А.Т. Сотников, П.Н. Ширяев, М.Ф. Толмачев). Всего за годы войны этой высшей наградой Родины были отмечены более 1000 представителей нашего региона. Дважды героями стали бесстрашные летчики М.П. Одинцов, Г.А. Речкалов, Г.Ф. Сивков, Е.М. Кунгурцев, К.А. Евстигнеев, М.Г. Гареев и отважные танкисты С.В. Хохряков и В.С. Архипов.

Уральская земля дала и замечательных военачальников: уроженцев Курганской области генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, руководившего войсками Брянского и Воронежского фронтов, Героя Советского Союза, генерал-полковника М.С. Шумилова, командовавшего легендарной 64-й армией, оборонявшей Сталинград; выходца из Оренбургской области, дважды Героя Советского Союза, генерала А.И. Родимцева, возглавлявшего знаменитую 13-ю Гвардейскую стрелковую дивизию в Сталинградской битве; родившихся в Удмуртии вице-адмирала Каспийской и Амурской военных флотилий Ф.С. Седельникова, маршала авиации, начальника штаба ВВС Ф.Я. Фалалеева и других.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В годы Великой Отечественной войны Урал давал фронту не только бесстрашных бойцов, мощную военную технику и боеприпасы, его жители старались помочь фронтовикам душевной теплотой и заботой, необходимыми солдату в трудные боевые будни не меньше оружия. Ярким свидетельством этого стала переписка уральцев с воинами 3-й Гвардейской стрелковой дивизии, сформированной в Свердловске. За период с 1941 по 1944 год на фронт было отправлено более 20 млн писем, наполненных сердечным участием и ставших настоящим олицетворением единства фронта и тыла.

Забота о фронтовиках имела и ощутимую материальную основу. Сбор теплых вещей шел на протяжении всех военных лет и дал ощутимые результаты. Только из Оренбургской области фронтовикам было направлено 426 тыс., из Удмуртии – 301 тыс., из Башкирии – более 133 тыс. шапок, варежек, шарфов и т.п.

За годы войны уральцы сдали для нужд госпиталей сотни тонн донорской крови, собрали на строительство артиллерийских батарей, танковых колонн и авиаэскадрилий несколько миллиардов рублей. Замечательным проявлением патриотизма стало активное участие населения Урала в создании Фонда обороны. Только жители Удмуртии, Башкирии и Южного Урала собрали в Фонд обороны за период войны более 5 млрд руб. [8, с. 285 – 288].

В завершении отметим, что историческая память народа является стержнем государственного развития и общественной консолидации. Не понимание этой простой истины, намеренное искажение исторической правды, приводит к подрыву фундамента государственности и разрушению основ ее национальной безопасности. Поэтому надо очень бережно относиться к историческому наследию, давать объективный и правдивый анализ всех периодов нашей истории, в том числе и периода Великой Отечественной войны. Надо помнить, что в руках объективного историка, оно может служить действенным средством патриотического воспитания подрастающих поколений, а в руках конъюнктурщика – смертоносным оружием их морального разложения.

Список литературы

1. Великая Отечественная война. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 831 с.
2. Военная история Урала: события и люди. – Екатеринбург: Сократ, 2008. – 320 с.
3. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. – Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. – 173 с.
4. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 1995. – 242 с.
5. Свердловская область: страницы истории. 1934 – 2014. – Екатеринбург: Сократ, 2014. – 544 с.
6. Сперанский А.В. Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. № 3 (28). 2010. С. 108-117.
7. Сперанский А.В. На войне, как на войне... Свердловская область в 1941 – 1945 гг. Изд. 2-е, дополн., перераб. – Екатеринбург: Сократ, 2015. – 408 с.
8. Урал в панораме XX века. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – 496 с.

Speransky A.V.

THE FEAT OF THE URALS IN HISTORICAL MEMORY OF GENERATIONS

SPERANSKY Andrey V. – Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Head of Centre for Political and Sociocultural History. Yekaterinburg, Russia;
e-mail: avspersansky@mail.ru

Abstract. The article analyzes the role of the Urals in the geopolitical strategy of the powers that fought in the Second world war. It reflects the activities carried out in the Urals in the field of the military-industrial complex, the agricultural sector and military construction. The historical memory of the people is the core of state development and social consolidation. During the great Patriotic war, the Urals gave the front not only fearless fighters, powerful military equipment and ammunition, its residents tried to help the front-line soldiers with the warmth and care necessary for a soldier in difficult combat days no less than weapons. A clear evidence of this was the correspondence of the uralians with the soldiers of the 3rd Guards rifle division, formed in Sverdlovsk. Failure to understand this simple truth, deliberate distortion of historical truth, leads to the undermining of the Foundation of the state and the destruction of the foundations of its national security. Therefore, we must take great care of our historical heritage and provide an objective and truthful analysis of all periods of our history, including the period of the great Patriotic war. We must remember that in the hands of an objective historian, it can serve as an effective means of Patriotic education of the younger generations, and in the hands of an opportunist as a deadly weapon of their moral decay.
Keywords: the Urals, strategic planning, evacuation, labour resources, military-industrial complex, agricultural sector, combat reserves.

УДК 94 (47)–1941/1945

Суржик Д.В., Макушин А.В.

**КРАХ – ЦЕНА ОШИБКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАСЧЕТОВ:
ВОЕННАЯ МАШИНА ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ***

СУРЖИК Дмитрий Викторович — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Институт всеобщей истории РАН, 119334, Россия, Москва, Ленинский просп., 32А.
e-mail: dimsu@inbox.ru

МАКУШИН Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет; председатель отделения Российского военно-исторического общества (РВИО) в г. Серпухов, председатель фонда «Историческая Патриотика», 394006, Россия, Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: makushin@vsu.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003 Стабильность «Сражающийся Китай» 1931 - 1949 гг. в оценках периодической печати США»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Аннотация. Анализируя развитие военной промышленности межвоенной Польши, некоторые послевоенные авторы утверждают, что именно иностранные инвестиции тормозили унификацию разных видов оружия и, как следствие – развитие огневой мощи Войска Польского. Мы, однако, полагаем, что главным тормозом в развитии вооруженных сил страны были не иностранные разработчики патентов на военные разработки, но заказчики этих патентов, которые не могли правильно определить необходимые, а затем и получить технологии в необходимом объеме. Ведь эти расходы на покупку патентов и обслуживание иностранных военных кредитов были порой настолько высоки, что возникал вопрос о рентабельности производства и существовании отдельных предприятий ВПК. Как следствие малопрофессионального высшего военно-политического руководства, военная доктрина Второй Речи Посполитой была разработана лишь частично, взаимодействие на оперативно-стратегическом и стратегическом уровнях командования Войска Польского (и тем более – с французским союзником) не было отработано, и в условиях молниеносной войны польским командующим приходилось импровизировать на ходу, не имея связи с верховным командованием, а последнее, в свою очередь, было лишено целостной картины, а военная промышленность в 1939 г. не смогла обеспечить Войско Польское актуальными средствами борьбы.

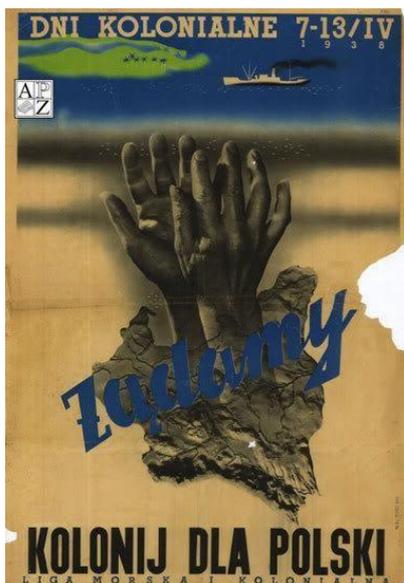
Ключевые слова: Речь Посполитая, Польша, военная подготовка, профессионализм, Великая Отечественная война.

Представление о том, что Польша могла быть военным соперником СССР в 1930-е годы сегодня, по итогам Второй мировой войны представляется абсурдным. Советская армия образца 1945 года была мощнейшей военной машиной и сравнивать с ней Войско Польское невозможно. Но накануне начала Второй мировой войны польские вооруженные силы выглядели и представлялись со стороны совершенно иначе.

Польская Республика периода между Первой и Второй мировыми войнами (Вторая Речь Посполитая) имела своеобразную природно-географическую среду и этно-социальную структуру. В 1931 году площадь страны составляла 388 634 км², а после участия Варшавы в разделе Чехословакии – уже 389 720 км², население по состоянию на 1938 год – 34 849 000 человек, из которых от 64 до 69% составляли поляки; от 9,6 до 14 % - украинцы; 8,6% - евреи, 3,6% - русины, 3,1% белорусы, а немцы, русские и другие национальности совокупно составляли 11,1%. Грамотность была различной в разных районах: «еще в середине XIX века в Пруссии около 90% польских детей имели начальное образование, в Царстве Польском и Галиции соответственно 28 и 20%». Столь неоднородный этнический состав, как отмечали в докладе Верховного командования сухопутных войск вермахта 15 июня 1937 г., создавало проблемы для интеграции их в вооруженные силы и их лояльности в военной службе [1].

В политическом плане польское государство представляло авторитарный режим, в котором, после установления «санации» проводилась политика активной ассимиляции непольского населения и подавления гражданских прав инородцев. Вместо демократических прав население воспитывалось в ожидании фантома государства «от моря до моря». Этот имперский экспансионизм порой достигал абсурдных форм, к коим можно отнести создание в 1930 году Морской колониальной лиги (Liga Morska i Kolonialna).

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Республика Польская (Вторая Речь Посполитая) с самого начала государственного строительства мыслилась своим основателем Ю. Пилсудским как военизированное государство, целью которого является возврат к границам 1792 года. Подобные устремления, естественно, привели к военным конфликтам Варшавы со своими соседями. Милитаризация народного хозяйства, идеологии и общественной жизни достигалась, в частности, через распределение на ключевые позиции в государственных и муниципальных органах, экономике бывших соратников Ю. Пилсудского из Польских легионов периода Первой мировой войны.

Влияние «легионеров», с юных лет получивших русофобскую «прививку» в вооруженных силах Австро-Венгрии, на политическую, военную и идеологическую составляющую второй Польской республики 1919-1939 года огромно. Ветераны Польских легионов в 1939 году занимали 64 генеральские должности из 100, а также 80% должностей армейских инспекторов и командиров корпусных округов.

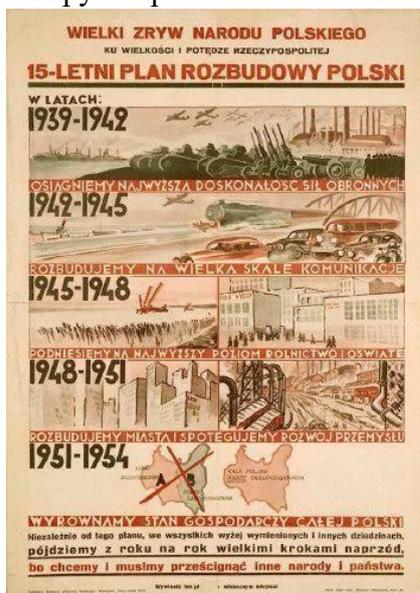
Высшим военно-политическим органом страны являлся Комитет обороны Речи Посполитой (Komitet Obrony Rzeczypospolitej, KOR), в который входили президент республики (председатель комитета), глава совета министров (заместитель), генеральный инспектор вооруженных сил, военный министр, министры финансов, иностранных и внутренних дел. Комитет был учрежден 12 мая 1935 г. указом президента республики И. Мосцицкого, придя на смену Комитету обороны государства (Komitetu Obrony Państwa). Правом созывать и задавать повестку заседаний Комитета обладали президент республики и генеральный инспектор вооруженных сил страны. Исполнительным органом комитета являлся Секретариат Комитета обороны Республики Польша при генеральном инспекторе Войска Польского. Основным направлением деятельности комитета была разработка руководящих принципов военной политики государства и оборонной деятельности правительства, а также разработка военной доктрины.

Столь же разнородным, как и в национальном плане, было положение в народном хозяйстве страны. От 65% до 76% населения были заняты в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, ок. 11% - в промышленности и горнодобывающей промышленности, менее 6% - в торговле и транспорте, а остальные – в других профессиях. «Узким местом» польской металлургии было сырье [2]. Так, для коксования подходил только верхнесилезский каменный уголь, так что Польша зависела от поставок из Восточной Верхней Силезии от кокса на 100%. Не лучше обстояло дело и с нефтью. «Добыча нефти в течение многих лет снижалась в результате снижения выхода из недр, - отмечали немецкие военные разведчики в уже упомянутом докладе. – Наиболее важные нефтяные месторождения находятся в районе Борислав-Прохобыч-Стрый и недалеко от Ясло-Кросно на севере Карпат. Еще одно нефтяное месторождение, но менее продуктивное, находится недалеко от румынской границы возле Станислава. Нефтяные

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

месторождения в национальном политическом плане [расположены] неблагоприятно, так как они в значительной степени достигают [реки] Сан – чисто украинского языкового пространства». Польша была в достаточной степени обеспечена цинком и свинцом. Однако другое сырье (особенно все цветные металлы и хлопок), джут и резина поставлялись извне. Страна имела дефицит серы, азотной кислоты и шерсти. Железная руда добывалась в сравнительно небольших объемах в Ченстохове, Кельце и Радоме, и здесь Речь Посполитая сильно зависела от импорта из Швеции и СССР. Несколько лучше выглядела ситуация с продовольствием. По оценке немецкой военной разведки, страна могла прокормить себя в случае войны. Наиболее важными аграрными районами были западные (Познань, Померания, Шлезен) и центральные воеводства (Варшава, Лодзь-Кельце, Люблин и Белосток). Восточные воеводства (Вильнюс, Новогрудок, Полесье и Волынь) давали лишь небольшие излишки на внутренний рынок и выращивали, в основном пшеницу, картофель и сахарную свеклу. Основными дотационными районами были территории Кракова, Львова, Станислава и Фарнополя. По сравнению с периодом до начала Первой мировой войны урожайность в бывших немецких и австрийских частях страны резко снизилась в абсолютном выражении и пропорционально почти во всех арахисовых культурах, в то время как урожайность на востоке и в центре Польши возросла. Западные и южные воеводства славились своими продуктами животноводства и молочного производства, которые поставлялись и на внутренний рынок страны. В то же время центральные и восточные воеводства испытывали дефицит в мясо-молочной продукции[3].

Важной чертой польской промышленности был ее неравномерный характер ее отраслевого и территориального развития. Аграрно-индустриальная страна (в сельское хозяйство было занято 72,3% самодеятельного населения, а в промышленности – 10,3%) [4]. Основной отраслью промышленности были машиностроение (Варшавский промышленный район), горнодобывающая (Домбровский район), металлургическая (Верхнесилезский район), текстильная (Лодзинский промышленный район) отрасли. Тяжелая промышленность была сосредоточена в Восточной Верхней Силезии, машиностроение группировалось вокруг Варшавы и текстильных фабрик возле Лодзи, Белостока

Хотя уровень промышленного производства в Польше падал в 1924-1926 гг. и в 1929 году Вторая Речь Посполитая первой из стран восточной Европы попала под удар мирового экономического кризиса, она довольно быстро оправилась. Уже в 1938 году ее уровень промышленного производства превысил докризисный на 17% и составил 94% от уровня 1913 года. Промышленный потенциал Польской республики очень высоко оценивался германскими военной разведкой и министерством иностранных дел, интересовались польским экономическим потенциалом и германские монополии. Аналитический обзор Польши, подготовленный ОКХ 15 июня 1937 г. среди проблем народного хозяйства страны называл

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

неравномерное развитие железнодорожной сети (более густое на бывших прусских территориях и более редкое – на территории бывшей Российской империи) [5].

Уровень развития польской военной промышленности, конечно, не соответствовал германскому (чьему военно-промышленному комплексу в немалой степени поспособствовало участие Варшавы в «чехословацком кризисе» на стороне Берлина). Однако было бы ошибкой представлять Польшу беззащитной жертвой. Одной из самых наиболее затратных для национального бюджета была статья расходов на оборону, весь период существования Второй Речи Посполитой державшаяся на уровне не ниже 30%. С начала тридцатых годов финансирование армии увеличивалось. Военный бюджет 1938/9 гг. составлял уже 800 млн. злотых. Доля иностранного (прежде всего – французского капитала) в польской военной промышленности составляла 25%. Основной статьей валютных поступлений казны был экспорт продукции сельского хозяйства, пиломатериалов, стрелкового оружия и самолетов. Торговый флот страны был представлен 63 судами общим водоизмещением 121 630 тонн [6].

Польская военная промышленность была сосредоточена Верхней Силезии. При этом с 1926 года государство неоднократно предпринимало систематические попытки расширить оборонную промышленность и избавить ее от засилья иностранных технических специалистов и капитала, с целью чего выкупало частные предприятия. Наиболее ранней и фактически единственной до 1926 г. отраслью польского ВПК было производство патронов и снарядов к артиллерийским орудиям, Начав в 1919 г., «Wytwórnia Amunicji Karabinowej» уже через два года производила 24 млн. винтовочных патронов в год. В дальнейшем это производство было закрыто, но в 1927 году был открыт новый завод в Скаржиско (ФА), чей годовой объем производства должен был составлять: 30 миллионов винтовочных патронов в год, а также производство 75 мм, 105 мм и 155 мм снарядов. Кроме этих государственных заводов в производстве боеприпасов были задействованы и полугосударственные предприятия: артиллерийский завод в Стараховицах, патронно-снарядный завод «Поциск» в Варшаве (и его отделение в Рембертове). В Барышеве находился завод искусственного шелка, в Невядове – завод взрывчатых веществ «Нитрат» [7].

В 1927 году в результате реформы системы ВПК были созданы две крупные государственные компании. Первая – «Государственное предприятие порохов и взрывчатых веществ» (PFP), об основном предприятии которой было сказано выше. Вторая пореформенная компания носила название «Государственное предприятие вооружения» (PWU), в которое входили «Государственный авиационный Завод» (PZL в Варшаве), «Государственный Инженерный Завод» (PZInż. в Варшаве, производил автомобили, радиостанции, саперное имущество). Также имелись «Государственная фабрика обмундирования» (PZUmund. в Познани), а также орудийно-пулеметные и орудийные заводы, верфи в Модлине, авиазаводы, воздухоплавательные мастерские, завод противогазов. В результате экономического кризиса 1930-х годов государственные предприятия ВПК смогли поглотить несколько бывших частных производств. В 1931 году были созданы «Государственные теле- и радиотехнические Заводы» (PZTiR) которые начали выпуск военной продукции. В 1936 году был разработан план промышленного развития, который предусматривал перенос основных мощностей ВПК в центральный район Польши

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

для защиты от вероятных боевых действий с СССР и Германией. С 1937 года развернулось строительство новых предприятий ВПК в Явидзе и Столовой Воле, Дебице и Дева[8].

Продолжая дипломатическое сотрудничество в последние годы правления Ю. Пилсудского, с 1935 г. Варшава стремилась унифицировать свою военную промышленность с нацистской. Основой для этой деятельности была работа строго секретных военных комиссий во главе с генералами К. Фабрыцы и В. Райхенау. Представители комиссий (поляки – в Германии, а немцы – в Польше) изучали мощности военной промышленности обеих стран, пересматривали военные планы «с ориентировкой на германскую военную промышленность и на унификацию польского и германского вооружения» [9].

Основой же для «брони панцирной» была бронетехника собственного производства. Подобно другим аграрно-индустриальным странам (при 1,6% мирового населения страна производила 0,7% мировой промышленной продукции), Польша начала собственное танкостроение с улучшения лицензионных образцов. В 1931 году в Варшаве завод «PZInz» начал выпуск танкетки, или по польской классификации, «разведывательного танка» ТК-3 или ТК. С 1931 по 1934 год было выпущено, по разным источникам от 265 до 282 единиц. Развитием ТК стал "легкий быстроходный танк обр. 1933 года" или «TKS». С 1934 по 1936 год завод «PZInz» выпустил от 263 до 281 единицы. Кроме базовых моделей на базе «TKS» были созданы опытная САУ «TKS-D» (4 единицы) и бронированный артиллерийский тягач «С2Р» (произведено 196 единиц) который был самым массовым тягачом в польской армии и не имел полноценного аналога в Красной армии. В 1935 году началось производство польской версии «Vickers Mk E» под названием «Легкий танк 7ТР» сначала в двухбашеном, а после 1937 в однобашенном варианте. В 1939 году разрабатывался улучшенный вариант «7ТР» под маркой «9ТР». Было выпущено от 135 до 149 танков «7ТР» и 151 бронированный тягач «С7Р» на его базе. Кроме танков и танкеток на вооружении армии Польши находилось большое количество бронеавтомобилей. БА образца 1929 года, выпущен в количестве 20 единиц и БА образца 1934 года выпущен в количестве 11 единиц. Также в строю числились 4 единицы БА образца 1928 года[10].

Бронетанковые войска Польши развивались подобно бронетанковым войскам других аграрно-индустриальных стран того времени, не уступая другим по инженерной мысли, а по некоторым направлениям и превосходя. Схожая с европейской часть СССР география и климат, слабое развитие дорожной сети диктовали схожие конструкторские решения. Разработанные в Польше конструкции бронированных автомобилей и танков, а также высококачественных двигателей для наземных и воздушных транспортных средств была сосредоточена в Варшаве.

Военно-морской флот полагается на заказы в зарубежных странах. На Гдыньской верфи могли осуществлять лишь строительство небольших судов и проводить мелкий ремонт. Дабы исправить ситуацию, в 1937 г. государство начало строить большую военно-морскую верфь в Гдыне. Таким образом, польская оборонная промышленность могла обеспечить себя пулеметами среднего и крупного калибра и, отчасти, - их боеприпасами. Страна полностью покрывала потребности Войска Польского в авиационных и противотанковых

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

орудиях, отчасти – в легких полевых пушках и минометах, а также полностью зависела от импорта военной оптики и точного механического оборудования.

Польские винтовки и легкие боеприпасы, а также самолеты были представлены на мировом рынке. Но после изменения политической ситуации в конце 1938 – начале 1939 гг. эта промышленность, в силу общей слабости экономики, не смогла обеспечить быстрое перевооружение польской армии современными образцами оружия. Соответствующие переговоры о строительстве новой военно-промышленной базы в центре страны велись с Францией, но требовали слишком крупных финансовых затрат.

Польские «легионеры», начинавшие военную службу еще в войсках Австро-Венгрии и прошедшие Высшую военную школу уже во Второй Речи Посполитой смогли создать военно-промышленный комплекс, который в значительной степени определял развитие всей польской промышленности, приводя к перекосам в промышленном развитии одних отраслей в ущерб другим. При этом строительство вооруженных сил, военно-промышленного комплекса шло на пределе финансовых возможностей Польской республики, что заставляло прибегать к внутренним займам и иностранным кредитам. Польская промышленность (особенно – оборонный сектор) сильно зависела от иностранных капиталовложений. Так, доля иностранного капитала (в данном случае – французский) в нефтяной промышленности достигала 80%. В 1934 г. Варшава привлекла 8,5 млрд злотых. При этом ежегодно около 400 млн злотых уходило на выплату процентов по займам и дивидендов иностранным инвесторам. Последние были представлены США (37% иностранного капитала), Францией (16%), Германией (12%), Англией (9%), Бельгией и Швейцарией (по 4%) и другими странами (18%) [12].

Как подтверждают польские авторы, исходными документами для формирования польской военной мысли были кайзеровские военные уставы. Однако они находились в прямом противоречии с личным боевым опытом польских «легионеров», а военные конфликты рубежа 1919 – 1920-х годов, сопровождавшиеся импровизированным управлением войсками, «на ходу» формировавшими боевые группы и фронты, поставили вопрос о формировании военной доктрины. На ее формирование большое влияние оказал политический союз с Францией, заключенный 19 февраля 1921 г.

Этот политический союз имел большое значение для развития польских вооруженных сил. К середине 1921 г. принятием трех уставов: «Правила пехоты» («Regulamin piechoty»), «Правила вождения» («Regulamin jazdy»), «Правила полевой службы» («Regulamin służby polowej») – была заложена нормативно-правовая основа жизни Войска Польского. Принятые наспех, они зачастую представляли собой буквальные переводы с соответствующих уставов французской армии. Французами были также и лекторы польского Военного училища Генерального штаба, в 1921 г. переименованного в Военный колледж [13]. Представители Третьей республики также играли первую скрипку в офицерских училищах всех видов и родов Войска Польского, а также в Центре высших военных исследований, основанном в 1923 г.

Польская военная мысль 1921-1926 гг. связана с именем полковника Луи Фори, директора по науке Военного колледжа. Рассмотрев опыт Первой мировой войны, а также геополитическое положение Польши, он создал военную «доктрину» (хотя и не принятую на государственном уровне, но ставшую основой

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

для подготовки польских офицеров). Фори отказался от позиционно-оборонительной стратегии в пользу сочетания разных видов боевых действий. После майского переворота 1926 г. решающее влияние на формирование польской военной доктрины оказывал лично Ю. Пилсудский. При нем польская дипломатия и военная мысль взяла крен в сторону Германии, отношения с которой поляки стремились улучшить вне зависимости от того, какой режим находился в Берлине. При этом отношения с Чехословакией и Советским Союзом по-прежнему оставались натянутыми.

С именем Пилсудского связано ослабление внимания к германской и активная разработка противодействия советской угрозе. Пилсудский отверг проект военной доктрины Л. Фори и все дальнейшие предложения по модернизации польских вооруженных сил. Под его руководством была создана Генеральная инспекция вооруженных сил, которая фактически взяла на себя функции

Генштаба, Пилсудский лично руководил инспекцией на протяжении 8 лет. «Вторую скрипку» в инспекции играл будущий министр обороны Э. Рыдзь-Смиглы (стал преемником Пилсудского на посту генерального инспектора, с 12 мая 1935 по 7 ноября 1939 гг.). Генеральный инспектор отчитывался напрямую президенту республики, а его штат разрабатывал военную доктрину, мобилизационные планы, инспектировал воинские части, выдвигал рекомендации а также руководил военным производством через 120 своих представителей на предприятиях ВПК. В случае войны генеральный инспектор становился верховным главнокомандующим польскими вооруженными силами. Антисоветский крен в планировании и недостаточное внимание к Германии привели к отъезду в 1928 г. французской миссии. Все «неудобные» Пилсудскому офицеры были выведены из состава Войска Польского, а их место заняли сторонники позиционной войны. Соответственно изменилась и программа обучения в Военном колледже: новому лидеру страны и армии были нужны не думающие офицеры, а прилежные исполнители и единомышленники [14]¹.

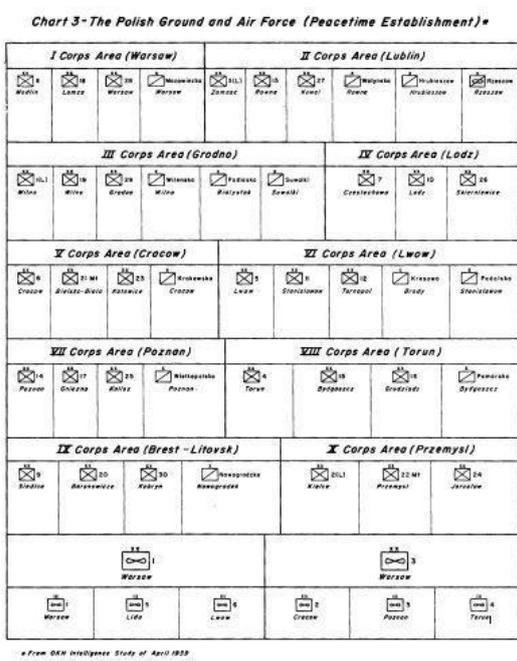
В такой «двойной» системе управления Войском Польским Генеральному штабу и министру обороны отводилось второстепенное положение. Первому оставалось лишь разрабатывать военно-морские планы, строго подчиненные действию сухопутных сил. Министр обороны занимался некоторыми кадровыми и военно-морскими вопросами, отчасти – мобилизацией промышленности.

В 1930 г. Генеральная инспекция вооруженных сил создала «Общую боевую инструкцию» - военную доктрину межвоенной Польши. В документе, с одной стороны, подчеркивается необходимость вести маневренные действия, с другой стороны весьма значительный объем в этой инструкции занимает описание оборонительных боев. Основываясь на опыте советско-польской войны 1919-1921 гг. и «Общей боевой инструкции», польский генералитет полагал, что основные боевые действия в будущей войне будут вести кавалерия и пехота, которым для теснейшей координации будет вредить сложная иерархическая

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

структура, а потому было решено отказаться создания корпусов и конных армий. Большинство кавалерийских дивизий было расформировано, а вместо них остались независимые бригады, которые уже не могли выполнять крупный оперативный маневр. В «Общей инструкции» роль кавалерии определялась следующим образом: «Кавалерия движется верхом, сражается пешком». То есть кавалерия не входит в прямое соприкосновение с противником, ограничиваясь лишь мощным огневым контактом. Далее этой инструкции о действиях в бою разных видов кавалерии (коих в польской армии, как будет показано далее, было несколько видов) разработаны не были. Все остальные рода сухопутных войск несли вспомогательную роль в этой «кавалерийско-пехотной» доктрине.

Э. Рыдзь-Смиглы, возглавивший польские вооруженные силы после кончины Ю. Пилсудского, попытался вернуться к курсу на военное взаимодействие с Францией. В результате работы французских инспекторов на рубеже 1935/1936 гг. было выявлено неудовлетворительное состояние Войска Польского. Генеральный штаб разработал шестилетний план, направленный на расширение военной промышленности и модернизацию всех видов вооруженных сил. Это требовало огромных финансовых затрат (уже более 40% бюджета) и европейского мира, по крайней мере, до 1942 года [15].

В конце 1930-х годов в военно-административном отношении Польша представляла собой 10 корпусных округов: Варшава, Люблин, Торунь, Лодзь, Краков, Львов, Познань, Гродно, Брест и Перемышль. Основой Войска Польского, комплектовавшегося по принципу всеобщего воинского призыва, были сухопутные войска. По состоянию на 1936-1938 гг. они состояли из 90 полков пехоты, 3 отдельных специальных пехотных батальонов, 27 полков конных уланов, 10 конно-стрелковых полков, 3 полков шевалежеров (легкой кавалерии), 39 полков легкой полевой артиллерии, 10 полков тяжелой артиллерии, 1 полк артиллерии

особой мощности 59 отдельных артиллерийских дивизионов и кроме этого начитывалось 3 батальона морской пехоты. Бронетанковые войска были представлены 10 бронеполками, одним экспериментальным танковым батальоном в учебном центре в Модлине и двумя отрядами бронепоездов. В 1939 году перед началом мобилизации, польские танковые войска были реорганизованы и получили следующую структуру: 3 батальона и 3 отдельные роты легких танков, 11 смешанных бронеполков, 15 отдельных разведывательных танковых рот, 10 бронепоездов. Численность сухопутных войск Войска Польского в 1939 г. была увеличена до 418 474 человек, авиации — до 12 170 и военно-морском флота — 9074 человека. Мобилизационный ресурс Второй Речи Посполитой оценивается современными отечественными

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

исследователями в три миллиона человек, однако имевшегося в наличии стрелкового оружия и обмундирования на складах хватало лишь еще на дополнительное обеспечение еще около 400-450 тысяч солдат. Итого польская армия могла выставить около одного миллиона солдат [16].

Эти данные лишь отчасти соответствуют открытым советским источникам того периода. По ним, бюджетная численность Войска Польского официально с 1924 г. составляла около 264 тыс. чел., но в действительности стоило говорить о 320 тыс. человек. Пехота включала в себя 30 дивизий; конница (всего 40 кавполков) состояла из 12 кавалерийских бригад и 1 кавдивизию (в составе 3 кавбригад, 2 дивизионов конной артиллерии, 1 саперного эскадрона и 1 взвода связи), 3 полков шеволежеров (легкой кавалерии), 27 уланских полков и 10 полков конных стрелков [17].

Интерес представляют также и сведения Мечислава Норвид-Нойгебауэра – бывшего генерал инспектора Войска Польского, а затем – военного атташе в Великобритании. По его словам, «в соответствии с новой мобилизационной схемой, принятой в 1936 г., Польша в военное время могла поднять по тревоге 30 пехотных дивизий, 10 резервных дивизий, одну моторизованную бригаду, одну стрелковую бригаду и 11 кавалерийских бригад. Кроме соединений, в состав этой армии войдут 50 пехотных батальонов, 7 пулеметных батальонов, 35 батальонов национальной обороны, 38 артиллерийских групп (в том числе 28 тяжелых), 29 рот 2-тонных танков, 9 рот легких танков (по 8 тонн), 10 бронепоездов и другие соединения, и подразделения для обороны фронта и тыла. Противовоздушная оборона состояла из 49 батарей, из которых 13 были старого типа, а 11-современного 75-мм типа польского производства; 15 батарей для мобильных подразделений и 10 батарей 40-мм типа, не связанных ни с одной дивизией. Кроме того, предполагалось поднять 20 батарей с 40-мм пушками и 89 пулеметных рот, но этот план все еще находился в процессе реализации. Эффективная численность армии, лишь частично задействовавшей подготовленные резервы и людские ресурсы, составляла примерно 50 000 офицеров и 1 700 000 человек, организованных в шесть армий, четыре оперативные группы пехоты и две кавалерии».

Срок службы различался в разных родах сухопутных войск Войска Польского: от 18 (в сухопутных войсках) до 22,5 месяцев (в кавалерии, артиллерии, сигнальных и инженерных войсках). Польская система всеобщего призыва, заимствованная с французской, в 1939 г. дала 204 600 призывников и добровольцев.

По мнению американских военных экспертов, в 1939 г. мобилизационный ресурс Второй Речи Посполитой достигал 1,5 млн человек в первой категории призыва (мужчины 1898 – 1915 гг. рождения, в возрастах 24- 42 лет) и еще 560 тысяч мужчин второй призывной категории (1888 – 1897 гг. рождения, в возрастах 43 – 52 лет), которые могли быть задействованы для несения тыловой службы.

Рассмотрим структуру и вооружение Войска Польского по родам войск. Польские пехотные подразделения формировались в основном из крестьянского населения и имели все плюсы и минусы подобного формирования. Польский пехотинец был неприхотлив, имел хорошую физическую подготовку. В процессе службы проводилась активная идеологической обработка личного состава в русле официальной политики «санации» и «пацификации». Целью этого было

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

стремление обеспечить лояльность вооруженных сил, формировавшихся из разных национальных диаспор по призывной системе, а также оградить их от проникновения альтернативных идей и настроений. Во многом эта идеологическая работа была успешной.

Младшие командиры Войска Польского были выносливы, но весьма ограниченно владели современными техническими средствами. Офицерский корпус, насчитывавший 16 300 человек, тщательно отбирался и пестовался в учебных заведениях в отличие от генералитета, представленного выходцами из Германской, Австро-Венгерской и Российской империй с соответствующим разным жизненным и профессиональным опытом и компетенциями.

Структура пехотных соединений и воинские уставы копировались с французской армии, которая считалась польским военным командованием лучшей в мире. Польская пехотная дивизия состояла из трех пехотных и одного артиллерийского полков, батальона разведки, рот ПВО и сигнальщиков, тыловых и транспортных (гужевых) подразделений. Каждый пехотный полк состоял из трех батальонов, включавших в себя по 3 стрелковых роты и одну роту тяжелой артиллерии, противотанковую роту, а также артиллерийский, сигнальный и инженерный взводы. Каждая стрелковая рота имела 9 легких пулеметов и три 46-мм миномета польского производства. Артроты имели на вооружении 12 крупнокалиберных пулеметов и два 81-мм миномета французского производства. Противотанковая рота была вооружена девятью 37-мм пушками, а артвзвод – двумя 75-мм орудиями советского производства. Штатная численность пехотного полка (за исключением пограничных) составляла 1450 рядовых и офицеров, а пограничные – 2350 рядовых и офицеров.

Несмотря на огромные траты на армию в бюджете государства, польская пехота в 1938-1939 году по огневой мощи уступала немецкой (см. табл.).

Штатный состав пехотной дивизии

	Войско Польское	Третий рейх
Количество военнослужащих	16 492 человек: - 15 977 солдат и унтер-офицеров, - 515 офицеров	16 859 человек
Артиллерия	- 3 гаубицы калибра 155-мм, - 3 пушки калибра 105-мм, - 12 гаубиц калибра 100-мм, - 30 пушек калибра 75-мм, - 4 зенитные пушки калибра 40-мм, - 42 миномета калибра 81-мм, - 81 ротный гранатомет калибра 46-мм	- 12 гаубиц калибра 155-мм - 36 гаубиц калибра 105-мм, - 20 легких пехотных орудий калибра 75-мм, - 54 батальонных миномета калибра 81-мм; - 84 миномета калибра 50-мм

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Противотанковых средств	-27 противотанковых пушки калибра 37-мм, -66 противотанковых ружей,	-75 противотанковых пушек калибра 37-мм;
Пулеметов	-326 ручных -132 станковых	-495 ручных -118 станковых

Таким образом, польская пехотная дивизия по огневой мощи примерно была равна своему аналогу в вермахте и превосходила стрелковую дивизию РККА по штату 04/620 от 31 декабря 1935 г. По мнению военных экспертов, польская пехота была лучшей среди армий Восточной Европы, немного уступая чехословацкой по вооружению, но значительно превосходя её по моральному духу, сплоченности, политической и военной подготовке. В целом, политико-идеологическая работа с польскими офицерами и в кадровых польских частях давала положительные результаты для Варшавы. Но в 1939 году из-за призыва большого числа военнообязанных (в том числе и из национальных меньшинств) моральный дух польских пехотных подразделений сильно понизился.

Основой ударных сил польских сухопутных войск была кавалерия. Она, в отличие от Красной армии и вермахта, бо льший процент в численности вооруженных сил (соответственно, около 10%, 6% и 2,1%). Это было обусловлено не только слабой индустриальной базой для формирования танковых войск, но в основном из традиций и представлений о основном театре будущих военных действий польской армии. Восточный театр военных действий, с его осеней и весенней распутицей, слабой дорожной сетью, огромными лесными массивами, как нельзя лучше подходил для действий больших масс кавалерии. Подтверждением этого служит географическое расположение мест дислокации кавалерийских подразделений: Краков (Краковская кавалерийская бригада), Броды (Кресова кавалерийская бригада), Варшава (Мазовецкая кавалерийская бригада), Барановичи (Новгородская кавалерийская бригада), Белосток (Подлянская кавалерийская бригады), Станислав (Подольская кавалерийская бригада), Быдгощ (Поморская кавалерийская бригада), Сувалки (Сувалковская кавалерийская бригада), Познань (Великопольская кавалерийская бригада), Вильно (Виленская кавалерийская бригада), Ровно (Волынская кавалерийская бригада). При этом некоторые из бригад (например, Волынская и Сувалковская) состояли из пяти полков. Каждая польская кавбригада включала в себя 3-4 кавполка и по одному артиллерийскому, сигнальному и инженерному эскадрону. В свою очередь каждый кавполк состоял из четырех линейных эскадронов (вооруженных винтовками, легкими пулеметами, саблями, копьями), пулеметного батальона (12 крупнокалиберных пулеметов), противотанкового взвод (четыре 37-мм орудия) и подразделений обеспечения и снабжения. Штатная численность кавбригады варьировалась от 720 до 875 человек в зависимости от ее задач. Служба в кавалерийских частях считалась крайне почетной, и опыт боевых действий сентября 1939 года подтверждает храбрость и хорошую выучку польских улан. Польская кавалерия представляла хорошо организованную и подготовленную составляющую польской армии, которая хорошо соответствовала своему основному предполагаемому противнику (СССР) и вероятному театру военных действий.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

История танковых войск Второй Речи Посполитой началась с передачи ей в 1919 г. Францией большого количества оружия и боеприпасов и полка из 120 танков «Renault FT-17», что в одночасье превратило Речь Посполитую в третью танковую державу в мире и в немалой степени способствовало польской экспансии. Эти танки участвовали в войне против СССР в 1920 году и оккупации Верхней Силезии в 1921 году. В ноябре 1930 года, было организовано Командование броневых сил (Dowodztwo Broni Pancernich DBP) и с 1930 по 1937 год проведено несколько реорганизаций структуры танковых подразделений. Итогом этого стало формирование восьми батальонов разной численности, расположенные в Варшаве, Журавице, Познани, Бресте-над-Бугом, Кракове и Львове, в Луцке и Сгеже. В 1939 г. вооружении Польши состояли следующие модели бронетехники: 102 полностью устаревших танка «Renault FT-17», сведенных в три роты «тихоходных танков», а также 19 машин «Renault M26/27» и 10 «Renault NC-27», приобретенных в 1927 г. для обучения танковых экипажей и научно-исследовательских работ. В формировании польских танковых частей принимала участие и Великобритания. В 1930-1931 гг. Варшава приобрела 38 машин «Vickers Mk E» и 15 «Carden-Loyd Mk VI» с лицензиями на их производство. В 1939 году, когда война становилась уже неизбежной, был заключен договор на поставку 100 танков «Renault R35» и «Renault H35», однако их этого числа успели доставить и испытать в боях 49 первых и 3 вторых модели.

Бронетанковые силы Войска Польского состояли из 10 танковых батальонов, 2 бронедивизиона, 2 дивизиона бронепоездов. После изменения весной 1939 года международной ситуации и вероятного противника попытки исправить ситуацию, даже путем покупки иностранной техники, не увенчались каким-либо результатом. Танковые войска, оснащенные в значительной степени устаревшими моделями стали одним из «слабых мест» Войска Польского в ходе военной кампании сентября 1939 г.

Артиллерия сухопутных войск Войска Польского выглядела столь же разнопланово, как и танковые войска. По сведениям открытых советских источников кануна Второй мировой войны, артиллерия Войска Польского состояла из 11 групп артиллерии, 31 полка, 2 дивизионов легкой артиллерии, 10 полков тяжелой артиллерии, 1 полка сверхмощной артиллерии, 14 дивизионов конной артиллерии, 1 полка мотоартиллерии, 1 полка и 8 дивизионов зенитной артиллерии. Основной штатной единицей польской полевой артиллерии был артиллерийский полк, который состоял из двух батальонов 75-мм орудий французского или польского производства и одного батальона 100-мм гаубиц чешского или польского производства, большинство систем управления огнем устарело. В 1939 г. продолжалась и еще не была завершена замена иностранных артиллерийских орудий 105-мм и 155-мм польскими гаубицами. Штатная численность артполка составляла 780 офицеров и рядовых. Во многих артполках наблюдался некомплект не менее одного батальона, некоторое число артиллерийских подразделений находилось на марше к местам постоянной дислокации. Как отмечают современные российские исследователи, к 1939 г. в Польше находилось достаточно много образцов артиллерийских орудий разных систем разных годов выпуска. Один из наиболее массовых (около 2100 единиц), 81-мм миномет был представлен образцами собственной разработки и иностранными приобретениями. Для борьбы с бронетехникой противника у шведской фирмы «Vofors» была куплена лицензия на производство 37-мм

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

противотанковой пушки. На своих заводах поляки смогли выпустить около 900 орудий и 300 штук было куплено в Швеции. Франция также поучаствовала в формировании польских артиллерийских частей, экспортировав не менее 1374 единиц 75-мм орудий французской фирмы «Schneider». Также на вооружении поляков состояли 466 единицы 75-мм полевых пушки обр. 1902/26 гг, представлявших перестроенное русское орудие образца 1902 года. Но особое внимание польское командование уделяло осадной артиллерии большой мощности. Гаубичная артиллерия была представлена 900 единицами 100 –мм легкой гаубицей фирмы «Skoda», 341 стволами 155-мм гаубиц фирмы «Schneider», а также 27 мортир калибром 220-мм производства предприятия «Skoda», из которых были сформированы три артдивизиона по 9 орудий в каждом. Надо отметить, что количество 220-мм мортир в Польше было больше чем в Чехословакии, где их было всего 18. Однако такие калибры этого наступательного оружия показались польским генералам недостаточными, и в 1938 г. они планировали приобрести у компании «Vofors» еще и 310-мм мортиры. Государственный бюджет спасли лишь неудовлетворительные испытания орудий. Увлечшись противокрепостной артиллерией и, видимо, рассчитывая на штурмы вражеских крепостей, польское военное командование неоправданно мало уделяла внимания зенитным системам. Польская зенитная артиллерия состояла из 306 единиц 40-мм зенитных автоматов «Vofors», выпуск которых был налажен на местных заводах, 12 стволов 75-мм самоходных зениток образца 1914 года французского производства и 52 штук 75-мм зенитных орудия собственного образца. В целом артиллерия (всех видов) армии Польши развивалась в концепции Первой мировой войны, и, несмотря на ряд удачных образцов, не соответствовала современным требованиям. Справедливости ради, отметим, что невнимание к противовоздушной обороне не было исключительно польской проблемой. Подобные проблемы в 1935-1940 гг. демонстрировали армии и более развитых стран. Для большинства восточноевропейских государств наличие артиллерийского парка сопоставимого с польским было несбыточной мечтой.

Еще парадоксальнее выглядели польские военно-воздушные силы, которые не были выделены в самостоятельный вид и в качестве рода войск были представлены в сухопутных войсках и военно-морском флоте. Польские ВВС в составе 2000 машин (в том числе – резерв) в административном плане были сведены в 2 авиадивизионов (по 3 авиаполка) и 2 батальона воздушных шаров. Основной тактической единицей была авиагруппа (по 3-6 полков или 2-4 эскадрона по 10-12 самолетов одного типа). В мирное время авиационные дивизионы получают распоряжения от департамента ВВС министерства обороны Польши, однако в военное время они переходят под тактическое руководство сухопутных подразделений, воздушную поддержку которым они осуществляют. Уже цитировавшийся нами польский генерал-лейтенант Мечислав Норвид-Нейгебауэр писал впоследствии: «Хотя Польша имела в общей сложности около 1500 самолетов, только 377 из них были военными». Американские послевоенные историки более скромно оценивали польскую авиацию: 935 машин, из которых 350 разведчиков, 300 истребителей, 150 штурмовиков, 135 самолетов связи. «Несмотря на внушительное число, - отмечал майор Армии США Р. Кеннеди в книге «Польская кампания вермахта (1939)», - значительное число этих машин устарело и годилось лишь для тренировочных

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

целей». Общее число служащих польских ВВС составляло 6300 офицеров и рядовых.

Польша была страной, которая не только разрабатывала, производила, но и довольно успешно продавала свои самолеты. Как отмечал тот же генерал-инспектор Норвид-Нейгебауэр, «польские авиастроительные заводы достигли удовлетворительной стадии технического развития, и в них готовились кадры польских авиастроителей, инженеров и квалифицированных рабочих. В рамках крайне малого бюджета они достигли полной самостоятельности. Действительно, они могли конкурировать со старыми и опытными иностранными фирмами и даже обеспечили себе ряд заказов за рубежом, что послужило хорошим предзнаменованием для их дальнейшего развития». С начала тридцатых годов поляки оправданно гордились своим авиапромом. В 1930 г. на международном авиасалоне в Ле-Бурже истребитель «Р.6» от компании PZL («Панствовае заклады лотниче», «Государственные авиационные заводы») был признан одним из лучших. Следующая модель «Р.7» была окружена завесой секретности. Это был высотный скоростной, на то время, цельнометаллический истребитель. Дальнейшая модификация «Р.7», модель «Р.11с», стал самым массовым истребителем польских ВВС (общий выпуск для польской армии 255 машин, на экспорт было выпущено 335 самолетов и 80 изготовили по лицензии в Румынии). Но к середине 30-х годов эти истребители устарели морально и технически, уступая и советским И-16 и немецким «Messerschmitt Bf.109». Польское руководство понимало своё отставание в этой области и стремилось его преодолеть. Было разработано несколько опытных образцов истребителей, но лучший из них, «PZL-50 Ястреб» «встал на крыло» лишь в августе 1939 года. Предчувствуя дыхание приближавшейся войны, командование польских ВВС, не дожидаясь окончания полного цикла испытаний, в июне 1939 г. заказало партию из 30 самолетов, но было уже поздно. Из них к 1 сентября 1939 в разной степени готовности были лишь 5 машин. При таком положении естественным было обратиться к союзникам за военной помощью, что и было сделано. Было заключено соглашение о кредите и поставке из Франции 160 истребителей "Моран-Солнье" «MS.406». Великобритания была скромнее, выделив 11 «Харрикейнов» и один «Спитфайр». Но попасть в Польшу до её разгрома Германией эта авиатехника не успела.

Бомбардировочная авиация в ВВС Польши была представлена более совершенными моделями, чем истребительная, но в крайне малом количестве. Основным самолетом здесь был «P-23 "Карась"». Машина соответствовала требованиям начала 30-х годов, представляя собой одномоторный ближний бомбардировщик. В армии Польши было 210 машин этого типа, 54 купила Болгария. Вторым по количеству в польских ВВС был бомбардировщик «P-37 "Лось"». Он соответствовал всем требованиям конца 30-х годов и мог конкурировать с немецкими, французскими и английскими машинами. Но из 130 заказанных этих машин на «Государственных авиационных заводах» успели сделать только 36, которые приняли активное участие в боях. Разведывательная авиация польских ВВС состояла из 273 самолетов «Люблин R-XIII» и 69 машин «RWD-14 "Цапля"». Их тактико-технические характеристики в целом соответствовали советским «P-5» и «По-2», но уступали немецким «Fieseler Fi.156C» и «Henschel Hs.126B-1».

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Уровень подготовки польских летчиков оценивался англичанами и французами достаточно высоко. Но немецкие генералы придерживались противоположного мнения: «1-й воздушный флот господствует над зоной боевых действий. В большой степени вражеская авиация остается незаметной», - писал А. Кессельринг о боевых действиях люфтваффе в ходе польской кампании. С этим мнением можно было бы согласиться, если бы не дальнейшие успехи бывших пилотов «Siły Powietrzne», которых они добились, воюя на английских или советских самолетах в 1940-1945 годах.

В целом ВВС Польши были одними из лучших в странах Восточной Европы межвоенного периода по части боевой подготовки, но создание современных и сопоставимых с германскими и советскими военно-воздушными силами стало для Польской Республики непосильной задачей. В её решении даже прибегали к попыткам внутреннего заимствования у населения. Но, несмотря на активное участие поляков в этих кампаниях, они не исправили ситуацию.

Военно-морской флот Польши также как и сухопутные войска, испытывал серьезное влияние со стороны Франции и Великобритании. ВМФ Польши состояли из одного дивизиона эсминцев, основными типами кораблей которых были "Wicher" («Вихрь») и "Grom" («Гром»). К первому типу относились корабли «Вихрь» и Буря» ("Burza"), построенные на французской верфи "Шантье Наваль Франсез" в Бланвилле по типу эсминцев "Bourrasque". Ко второму же типу относятся эсминцы "Blyskawica" и "Grom" английской постройки, которые были одними из лучших европейских кораблей этого класса перед войной. Кроме четырех крупных (для восточноевропейских держав своего времени) надводных боевых кораблей, Польша имела 5 подводных лодок: 3 типа "Wilk" ("Zbik", "Rys" и "Wilk") и 2 типа "Orzel" ("Orzel" и "Sep"). Первые три строились во Франции, в 1927-1932 году, и были улучшенной копией подводных лодок типа "Saphir". Вторые были изготовлены в Голландии, в 1938-1939 году и были хорошо подготовлены к специфике Балтийского моря. Также в состав ВМФ входили две канонерские лодки типа "General Haller" ("General Haller", "Komendant Pilsudski"), два монитора типа "Krakow" ("Krakow", "Wilno") и четыре монитора типа "Warszawa" ("Warszawa", "Torun", "Pinsk", "Horodyszczce"). Имелись также корабли специального назначения: 6 тральщиков собственной постройки типа "Jaskolka" ("Jaskolka", "Czajka", "Mewa", "Rybitwa", "Czapla", "Zuraw") и минный заградитель "Gryf" французской постройкиⁱⁱ. Последний играл также роль президентской яхты и учебного корабля, что влияло на его боевую ценность. Пинская военная флотилия на реках Припяти и Пине состояла из 8 речных мониторов, 4 вооруженных пароходов, моторных катеров, гидроглиссеров, гидросамолетов и др. Главными военно-морскими базами были Гдыня и Хель. Помимо упоминавшихся ранее двух батальонов морской пехоты в 1939 г. польское руководство приступило к формированию еще двух, которые так и не были созданы. Воздушную поддержку ВМФ осуществляли 3 эскадрона самолетов-разведчиков, трех эскадронов истребителей, двух эскадронов торпедоносцев общим числом 85 самолетов. Для обороны Вистулы Польша обладала 16 канонерками и двумя эскадронами самолетов-разведчиков по 10 машин в каждом. Качество боевой подготовки и боевой дух польских моряков можно оценить как очень хорошие, что подтверждает ряд прорывов польских военных кораблей в 1939 году в Англию и боевые действия поляков во Второй мировой войне. Военно-морской флот Второй Речи Посполитой полностью соответствовал

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

оборонительной стратегии страны 1920-30-х годов, когда основным противником рассматривался Советский Союз, и вполне мог обеспечить оборону побережья до прихода флота союзников. Отсутствие у СССР возможности обеспечить господство в воздухе у польского побережья позволяло даже небольшому по численности ВМФ Польши успешно сдерживать превосходящий по численности КБФ. С конца 1938 года, когда вероятный союз с Германией сменился конфронтацией, Польский флот был вынужден действовать в совершенно других условиях. Полное господство авиации Германии, превосходство «Кригсмарине» и отсутствие помощи флотов Англии и Франции привели к тому, что польский флот не смог оказать серьезного сопротивления гитлеровской агрессии.

Таким образом, к 1 сентября 1939 г. Польша располагала 30 пехотными дивизиями, 11 кавалерийскими бригадами, 1 горной бригадой и 2 механизированными (танковыми) бригадами. Среди других польских вооруженных формирований отметим также несколько полков пограничной охраны, 11 бригад национальной гвардии и бригаду морской пехоты, расположенную в районе Гдинген (Гдыня). Бригада национальной гвардии состояла из двух полков четырех батальонного состава совокупным составом от 2500 до 4000 человек. Бригадами и полками национальной гвардии командовали действующие военные офицеры, более низкими формированиями – офицеры резерва. В случае войны подразделения нацгвардии переходили под руководство местных военачальниковⁱⁱⁱ.

Боевая подготовка Войска Польского в техническом и тактическом отношении оценивалась в Советском Союзе как тщательная, несмотря на указывавшееся ранее разноразнонациональный состав, чьи представители на себе испытывали политику насильственной ассимиляции и колонизации. Воинские подразделения воспитывались в духе лояльности польским властям, шовинизме и антисоветизме. Воинская дисциплина была основана на жестких мерах по принуждению. По оценкам французской разведки, польские вооруженные силы по состоянию на 30 января 1939 г. могли противопоставить агрессору 50 пехотных дивизий, дивизия и 11 независимых кавалерийских бригад, в том числе одна моторизованная, 350–400 танков и 600 легких боевых машин, вооруженных пулеметами, а также 500-600 самолетов первой линии. (Ту же цифру по авиации: 550 самолетов в первой линии и до 950 всего – повторит в своей разведсводке 5 мая командование французских ВВС, традиционно завысив количество единиц польской боевой техники на десятки машин). Профессиональная подготовка и вооружение сухопутных войск оценивались также достаточно хорошо. Количество артиллерии, танков и авиации оценивалось как в неполной мере достаточное. Лишь небольшая тревога проскальзывала в документе в связи с количеством боеприпасов, причиной чему были скромные запасы полезных ископаемых на территории самой Второй Речи Посполитой. Эти оценки, как и сам доклад, были весьма оптимистичны и превосходили реальные числовые данные от нескольких до нескольких десятков процентов. Французский посол Л. Ноэль в телеграмме в Париж, отправленной в начале апреля, настаивал, что хотя личный состав польских ВВС «кажется идеальным», польские боевые самолеты «должны быть полностью обновлены». Ему вторил и французский военный атташе, недвусмысленно заявлявший о необходимости более существенных иностранных военных кредитов Варшаве для модернизации оборудования военно-промышленного комплекса, а вместе с ним – обновления вооруженных сил. Эти

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

доклады, дошедшие до глаз премьер-министра Э. Даладье и начальника генштаба М. Гамелена способствовали выделению Польше очередного военного кредита (в объеме 430 млн франков), которые поляки получили лишь 18 августа.

Куда менее интересующимися развитием военной промышленности и вооруженных сил Польши выглядели представители туманного Альбиона. И тому были свои причины. Если французская разведка без особых проволочек получала материалы по Польше из ее генштаба на вполне официальных основаниях, то в феврале 1937 г. аналогичная просьба британского военного атташе осталась неудовлетворенной. Ситуация стала исправляться лишь после того, как 31 марта 1939 г. премьер-министр Н. Чемберлен в Палате общин гарантировал суверенитет Польши и несколькими днями согласовал с Ю. Беком детали будущего военного союза, подписанного 25 августа. В марте-апреле 1939 г. на берегах Темзы изучали доклады о военном потенциале Польши бывшего посла в Варшаве Х. Кеннарда и военного атташе Э.Р. Суорда. Однако и их общий тон не оставлял места для объективности и, тем более – критики. «Польская армия, - сказал подполковник Суорд, - имеет хороших командиров и хорошо обучена, мощная и очень прочная», но у нее отсутствуют тяжелая и зенитная артиллерия, а также бронетехника и механические транспортные средства и авиация. Эти недостатки могут серьезно ограничивать маневренность и боевые возможности Войска Польского, чей состав британец оценил еще более великодушно, чем его французские коллеги: 54 пехотные дивизии, 1 дивизия и 12 кавалерийских бригад, 12 танковых батальонов и 500 самолетов первой линии. Польша, отмечал Суорд, потенциально способна мобилизовать даже 2,2 миллиона солдат, но нехватка оружия и обмундирования означает, что значительная часть из них будет находиться в резерве или же займется партизанской борьбой. Несмотря на усилия по развитию образования, уровень умственного развития среднего призывника остается относительно низким, и значительная часть последних является представителями национальных меньшинств.

Неоправданный оптимизм – уже в отношении польских ВВС – испытывал и британский военно-воздушный атташе полковник Дж.Л. Вачелл. По его словам, польские военно-воздушные силы постоянно развиваются, и «их организация, подготовка и оснащение заслуживают самой высокой похвалы, учитывая ограничения, вызванные отсутствием финансирования. Это было тем более странно, учитывая, что при рассмотрении тактико-технических характеристик польских самолетов Вачелл называл бомбардировщик «PZL-37» единственным современным польским самолетом и характеризовал другие машины как морально устаревшие, подчеркивая превосходство немецких самолетов в скорости. Подобно французским наблюдателям, Вачелл считал, что положение может измениться, если Польша получит соответствующий финансовый транш из-за рубежа, ведь ВПК страны способен на качественный рывок: «Ключевым фактором здесь является время <...> финансовые ограничения исчезнут, <...> польские военно-воздушные силы, хотя по-прежнему определенно слабее по численности, чем немецкие, и в некоторой степени уступающие в качественном отношении, могут сыграть гораздо большую роль, чем можно предположить сейчас».

23 мая 1939 г. состоялись польско-британские межведомственные переговоры, в отчете о которых британцы наконец-то смогли сформулировать объективную оценку действующей армии и резерва Войска Польского. В

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

обширном отчете по итогам переговоров говорилось, что польские мобилизационные возможности до сих пор были значительно преувеличены, и нехватка амуниции означает, что 600 тысяч резервистов не смогут быть выставлены на фронт. Поэтому фактически польская армия будет состоять из 40 пехотных дивизий, 11 кавалерийских бригад и одной бронетанковой бригады. Польская авиация, отмечалось в документе, испытывает недостаток в истребителях (они составляют только 30 процентов ее силы), и в целом они имеют весьма низкое качество. Польская оборонная промышленность, конечно, впечатляет, но лишена больших запасов сырья, квалифицированной рабочей силы и капитала и в то же время чувствительна к последствиям воздушных бомбардировок, которые поляки, похоже, игнорируют, питая «неоправданную веру в точность своих зенитных орудий». С другой стороны, подтвердилась информация, что польские военно-воздушные силы предназначены почти исключительно для действий, проводимых в тесной связи с операциями сухопутных сил. Как полагали британцы, польские летчики смогут атаковать даже топливные склады в Штеттине и даже военно-морскую базу в Кенигсберге. Авторы отчета также писали о тенденции поляков недооценивать мощь вермахта. Однако этот документ «утонул» в излишне радужных докладах военных атташе.

Наиболее ярким документом, в котором представлена советская оценка военных потенциала и устремления Второй Речи Посполитой, является записка начальника Генштаба Б.М. Шапошникова наркомму обороны К.Е. Ворошилову. Приводимые в документе данные по количеству бронетехники и самолетов, как можно судить из предыдущего, преувеличены, но, по цифрам по авиации примерно совпадает (с учетом изготовленной на экспорт техники). Шапошников дал также объективную оценку и оружию вероятного противника: «Вооружение, количественно вполне достаточное, состояло в основном из устаревших образцов времен первой мировой войны. Моторизация еще только начинала развиваться. Танковые войска имели всего 9 рот легких танков и 29 рот легких броневедомостей. В шести смешанных авиационных полках насчитывалось максимум 1 тыс. самолетов, из которых не более 400 машин отвечали современным требованиям. Не лучше обстояло дело с зенитной артиллерией, в которой ощущался большой недостаток».

Несмотря на нарастание претензий со стороны нацистской Германии с конца 1938 г., начало боевых действий 1 сентября 1939 г. стало полной стратегической внезапностью, спутав все карты польского военного планирования. После победы в советско-польской войне 1919 – 1921 гг. Варшава ожидало, что в будущем военном конфликте боевые действия будут происходить как на востоке, так, возможно, и на западе. Каждый из вариантов был отражен в стратегических планах (соответственно «Wschód», «Восток», и «Zachód», «Запад»).

Данные документы не сохранились, и мы можем делать предположения о содержании только на основании отрывочных сведений о них в других документах и воспоминаниях или по косвенным материалам (например, по дислокации воинских подразделений). «Россия воспользуется первой же возможностью, чтобы вторгнуться в Польшу и остаться в ней. Красная Армия уже является грозным оружием и постоянно укрепляется... То, чего хочет Россия, это однозначно исчезновение польского государства, красные оставили нам разве что название «Польша» и наш язык, но с духовной точки зрения мы оказались бы

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

полностью уничтожены», - говорил в 1934 году начальник 2-го (разведывательного) отдела польского Генштаба полковник Т. Пелчинский. При этом гитлеровская Германия рассматривалась как союзник в совместном военном походе против СССР: «Господин Бек не скрывает, что Польша по-прежнему претендует на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю. Полагая, что этого можно добиться совместно с Рейхом и даже с Румынией, а остальные вопросы решать на основе компромисса», - резюмировал итог своих переговоров 26 января 1939 г. с главой польской дипломатии Ю. Беком рейхсминистр иностранных дел И. фон Риббентроп.

План «Восток» предусматривал следующее развитие событий. Основой плана была подвижная оборона и расчленение советских сил на северную и южную группировку, используя Полеские болота как природную преграду, которая вынудит нападавших разделить свои силы. Польская армия должна была сдерживать одновременно наступление на севере (направление Барановичи-Белосток) и на юге (направления Ровно-Люблин и Тарнополь-Львов). В это время оборонный район в Полесье нужно было удерживать любой ценой с целью недопущения объединения агрессора и прикрытия района концентрации польских войск возле Бреста, откуда последние должны были ударить как на север, так и на юг. Предусматривалось, что Красная Армия понесёт большие потери при штурме пограничных укреплений, затем завязнет в боях с основными польскими силами, после чего удары запасных армий, резерва ВГК и союзников позволят полякам добиться победы над очевидно недооцененной Красной армией.

Военно-стратегический план «Восток» оказывал влияние и на дипломатию Варшавы после прихода Гитлера к власти в Германии. По мнению современных российских исследователей, 27 июля 1933 г. между Пилсудским и Гитлером было заключено «джентльменское соглашение», которое обязывало обе стороны не примыкать к Восточному пакту без взаимных консультаций и заключат оборонительный союз между собой и с участием Токио против СССР и Франции, если последние начнут военное сотрудничество. Таким образом Вторая Речь Посполитая фактически шла на военный союз с Третьим рейхом против одного из своих спонсоров (выше уже было сказано о значении французских танков для становления Второй Речи Посполитой), если Париж начнет реализацию советского плана «коллективной безопасности», Варшава выступала на стороне Берлина.

Точнее сказать – на стороне оси «Берлин – Токио». Ведь еще «8 июля 1934 г. в Польшу с трехдневным визитом прибыл брат японского императора принц Кайо, доставивший маршалу Пилсудскому личное послание бывшего военного министра С. Араки, который сообщил, что нападение на СССР можно осуществить в любой момент, используя в качестве вероятного повода КВЖД. Араки далее сообщал, «что японцы медлят начинать войну, только по причине состояния японской авиации. Для ее усиления Японии нужно подождать с войной до марта – апреля 1935 года. Но если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации».

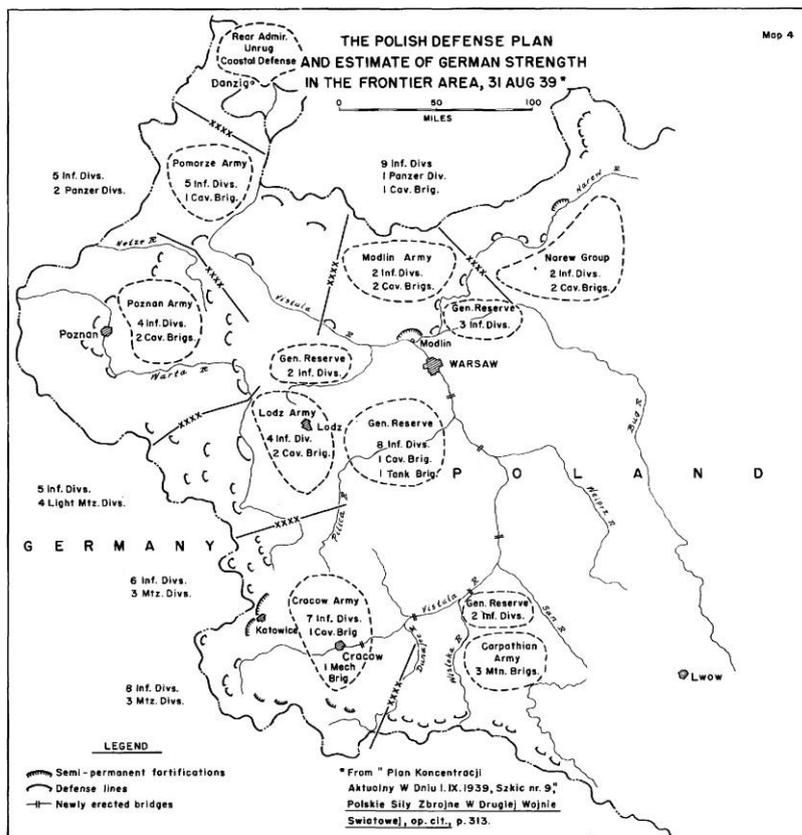
В решающие недели «чехословацкого кризиса» Варшава действиями своих вооруженных сил пыталась оградить советское военное руководство от оказания

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

помощи Праге. Самым крупным и значимым в военном плане мероприятием Республики Польской в 1938 г. были «Большие маневры на Волыни» проведенные с 14 по 19 сентября. В них приняли участие 3-я, 13-я, 21-я, 27-я и 30-я пехотные дивизии, 10-я бригады кавалерии, 5-я учебная кавалерийская дивизия (в составе Подольской и Кресовой кавалерийских бригад) и вторая бригада легких бомбардировщиков. Также принимали участие танковые подразделения и войска Корпуса охраны пограничья. Сценарий учений предусматривал отражение атаки «красных» (намеки считывались уже здесь), и последующее контрнаступление «синих» с разгромом противника. Также отрабатывались взаимодействие танковых войск с кавалерией и пехотой.

Эти учения проходили в решающие дни «чехословацкого кризиса». 15 сентября 1938 года Чемберлен прибыл на встречу с Гитлером, а 19 сентября 1938 года президент Э. Бенеш запросил правительство СССР о его позиции в случае военного конфликта. В ответном послании в Пражский замок Кремль подтвердил верность договору 1935 г. и подтвердил готовность его выполнить. Теперь требовалось добиться от Варшавы и (или) Бухареста разрешения на проход Красной армии через их территорию, но обе страны отказали. 19 сентября 1938 г. после окончания маневров министр иностранных дел Польши Юзеф Бек направил послу Польши в Германии Юзефу Липскому письмо, в котором рекомендовал придерживаться курса на сближение с Германией. 23 сентября 1938 г. Москва предъявила Польше ультиматум, угрожая расторгнуть взаимный договор о ненападении 1932 г. при участии Варшавы в разделе Чехословакии. Дальнейшие события вокруг Чехословацкой Республики и участие в них Польши хорошо известны. Как видно, формально не вступившая в «Антикоминтерновский пакт»

Вторая Речь Посполитая фактически до 1939 года проводила согласованную внешнюю и военную политику с Берлином, рассчитывая таким образом решить свои территориальные притязания на востоке. О них откровенно заявлял начальник 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба Войска Польского в своем декабрьском докладе 1938 г.: «Расчленение России лежит в основе польской

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России».

Однако совершенно внезапно для Варшавы оказалось, что ей нет места среди выгодополучателей будущего разгрома СССР. Следующей жертвой гитлеровской агрессии стала Польша, что стало для руководства последней «холодным душем», ведь план на случай войны с Германией не прорабатывался на протяжении всей диктатуры Ю. Пилсудского. В мае 1923 г. маршал Фош, прибывший в Варшаву, предложил Пилсудскому в качестве варианта совместных действий против Германии французское наступление на Берлин. Если учесть, что как раз на эти годы приходился «Рурский конфликт», связанный с франко-бельгийской оккупацией важнейшего сырьевого и промышленного района Германии, эта угроза могла иметь для молодой германской демократии катастрофические последствия. Однако эти планы так и остались «в воздухе».

Взаимодействие Варшавы и Парижа против возможной агрессии Берлина на Восток осталось на уровне устных договоренностей. Войско Польское к середине 1939 г. не имело четких разработанных инструкций и скоординированных с Францией военных планов. После девятилетнего охлаждения в отношениях двух держав, связанных руководством Ю. Пилсудского, совместное военное планирование началось лишь на рубеже 1935 – 1936 гг. с критической оценки геополитического положения Польши, которое в этот период постоянно ухудшалось в связи с расширением Третьего рейха. Предварительные наброски были представлены маршалу Э. Рыдз-Смиглы 22 марта 1939 года. По оценкам американских военных историков, план «Запад» (или план «З») исходил из предположения, что немцы начнут основное наступление из Силезии в направлении Варшавы, а прикрывать эту атаку с правого фланга будет удар из южной Силезии и Словакии, а также наступление по сходящимся направлениям из Померании и Восточной Пруссии. По мнению польских военных, Германия сможет мобилизовать 110-120 дивизий, из которых 70-80 (включая 5 танковых, 4 легких и 4 мотопехотных) дивизий будут действовать против Польши. С целью задержать их продвижение, польское военное руководство начало спешно обновлять укрепления по берегам рек. Однако эта работа велась исключительно под руководством руководства военных районов, ей не хватало унификации, единообразия и целостного характера.

По мнению бывших высокопоставленных офицеров вермахта-авторов фундаментального исследования «История Второй мировой войны», «польский главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы поставил перед собой неразрешимую с военной точки зрения задачу. Он хотел удержать всю территорию Польши, а против Восточной Пруссии предпринять даже наступательные действия. Если бы он решил действовать совершенно иначе, то есть вести только оборонительные действия, используя водные преграды — реки Нарев, Вислу и Сан, — и предотвратить всякую попытку ударами из Восточной Пруссии, Силезии и Словакии окружить польские войска, то тогда по крайней мере имелась бы возможность вынудить противника вести позиционную войну. Польская армия смогла бы продержаться до тех пор, пока натиск западных держав не заставил бы германское командование снять значительные силы с востока и перебросить их на

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

запад». То есть, чтобы навязать вермахту позиционные бои и выиграть время до развертывания своих западных союзников (без вмешательства которых Варшава не могла надеяться на победу), Польше было необходимо отдать в руки противника промышленные районы в Верхней Восточной Силезии, большинство заводов вооружения и боеприпасов в Западной Польше и лодзинского текстильного района.

Однако Рыдзь-Смиглы не смел и подумать об этом. Как писал позднее гитлеровский фельдмаршал Э. фон Манштейн, «польскому темпераменту больше соответствовала идея наступления, чем обороны. Романтические представления минувших времен, по крайней мере, подсознательно, еще сохраняли свою силу в головах польских солдат. Я [фон Манштейн] вспоминаю картину, на которой был изображен маршал Рыдз-Смиглы на фоне атакующих польских кавалерийских эскадронов [...] в основе плана развертывания польской армии, кроме желания «ничего не отдавать», вообще не было никакой ясной оперативной идеи; существовал лишь компромисс между необходимостью обороняться от превосходящих сил противника и прежними заносчивыми планами наступления. При этом одновременно впадали в заблуждение, считая, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и что оно скоро примет застывшие формы позиционной войны». Распыление войск с целью защитить всё, отсутствие детальных планов и неотработанное взаимодействие между родами войск и военными районами, но самое главное – устаревшие представления о характере будущей войны и, как следствие – ошибочное определение основного противника и несоответствующее угрозам развитие родов войск, их «разномастная» организация дали свои результаты в сентябре 1939 г.

Оба польских оборонительных плана выглядят достаточно схематичными, лишенными четких деталей и конкретных действий. План «Восток», с учетом контактов руководства Польши и Германии, их достаточно тесного сотрудничества до начала 1939 года выглядит осуществимым, то план «Запад» выглядит чистой импровизацией, и в связи с отказом Варшавы от сотрудничества с СССР – полностью утопичным.

Вооруженные силы Республики Польской представляли серьезную силу в Восточной Европе, и советское военное командование справедливо оценивало их как потенциальную (хотя и несамостоятельную, во всех своих военных действиях вынужденную искать военной опоры у своих союзников) угрозу. Польское военное планирование, носившее весьма схематичный характер, ориентировалось на поддержку Лондона и Парижа в случае, если придется обороняться, и на поддержку Румынии и Германии, если придется вести наступательные действия. Причинами подобной несамостоятельности следует назвать, в первую очередь, слабую природно-сырьевую базу, а во вторую – просчеты в определении потенциальных противников и характера боевых действий в будущей войне, которые вели к соответствующему распределению Государственного бюджета страны, почти на треть состоявшего из военных расходов, и несмотря на это, германская военная разведка констатировала: «С населением в 33 миллиона человек Польша не считается крупной державой с военно-экономической точки зрения. Это[т ее статус] зависит от помощи [иностранных держав]. Военная слабость Польши заключается в пограничной близости ее тяжелой промышленной зоны [в] Верхней Силезии, в которой расположена значительная часть ее первоклассных производств... потеря Верхней Силезии будет означать

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

крах Польши в сфере вооружений. Без Восточной Верхней Силезии Польша не сможет вести долгую материальную войну в течение длительного времени, даже если ее обширные районы дадут ей возможность прокормить население и пополнить свои войска [призывниками и резервистами]. Поставка военной техники из-за рубежа [возможна только] через два морских порта Гдыня и Гданьск»^{iv}. Поэтому планы Парижа и Лондона «отсидеться» в обороне и экономической блокаде Германии в случае ее агрессии против Польши изначально были обречены на провал.

Нерациональные траты на осадную артиллерию сверхкрупных калибров и создание нового военно-промышленного района в центре страны во второй половине 1930-х годов «съедали» значительную часть польского военного бюджета, поэтому создание новых, актуальных видов оружия финансировалось в значительной степени за счет займов. Активное участие в них польского населения говорило об успехе внутренней милитаристской пропаганды и о том, что сподвижники Пилсудского, расставленные на ключевые позиции в политической, общественной и экономической жизни, успешно справлялись со своей ролью «духовных скреп нации». Впрочем их однозначная политика по радикальному решению национального вопроса, а также невнимание к актуальным концепциям военной мысли пагубно отразилось на армии – ключевом инструменте обороны и нациестроительства в духе ассимиляции всех национальных диаспор и постоянной боевой готовности (несмотря на очевидную разность в военных потенциалах) против СССР.

Формировавшееся кадровыми офицерами австро-венгерской армии и ветеранами Первой мировой войны, Войско Польское при ближайшем рассмотрении представляло собой весьма неоднородную (как количественно, так и качественно) субстанцию. С одной стороны, у нее были весьма хорошо развиты кавалерия и осадная артиллерия (сосредоточенная в восточных крессах) – очевидный хорошо выученный урок из Первой мировой и советско-польской войн. С другой же стороны виды и рода войск (танки и авиация), отвечавшие современным концепциям моторизованной и молниеносной войны, финансировались по остаточному принципу, за счет внутренних и внешних займов, и были представлены (в значительной степени) устаревшими моделями французских танков и авиации. Военно-морской флот ориентировался на кратковременную оборону до момента подхода союзников. Но всем этим расчетам, равно как реваншистским настроениям, не суждено было сбыться. Руководство Второй Речи Посполитой, взявшее односторонний антисоветский и русофобский курс, оказалось преданным всеми своими союзниками, и юридическими, и мнимыми. Среди других проблем, которые привели к скоротечному и трагическому для польской государственности финалу в сентябре 1939 г. отметим ошибки в планировании в развитии отдельных отраслей военной промышленности и родов войск, отсутствие детально проработанных военных планов на случай действий против внешней агрессии. Девятилетняя диктатура Ю. Пилсудского была ознаменована абсолютизацией его военного опыта и настойчивым нежеланием приобщаться к современным военно-теоретическим разработкам.

Анализируя развитие военной промышленности межвоенной Польши, некоторые послевоенные авторы утверждают, что именно иностранные инвестиции тормозили унификацию разных видов оружия и, как следствие –

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

развитие огневой мощи Войска Польского^v. Мы, однако, полагаем, что главным тормозом в развитии вооруженных сил страны были не иностранные разработчики патентов на военные разработки, но заказчики этих патентов, которые не могли правильно определить необходимые, а затем и получить технологии в необходимом объеме. Ведь эти расходы на покупку патентов и обслуживание иностранных военных кредитов были порой настолько высоки, что возникал вопрос о рентабельности производства и существовании отдельных предприятий ВПК.

Как следствие малопрофессионального высшего военно-политического руководства, военная доктрина Второй Речи Посполитой была разработана лишь частично, взаимодействие на оперативно-стратегическом и стратегическом уровнях командования Войска Польского (и тем более – с французским союзником) не было отработано, и в условиях молниеносной войны польским командующим приходилось импровизировать на ходу, не имея связи с верховным командованием, а последнее, в свою очередь, было лишено целостной картины, а военная промышленность в 1939 г. не смогла обеспечить Войско Польское актуальными средствами борьбы.

Список литературы

1. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.: АСТ, 2004. С. 302; ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12450. Д.8. Л. 4.
2. После смерти Ю. Пилсудского ситуация практически не изменилась. Как отмечали в соответствующем труде Военно-исторического управления Армии США, Игнатий Мосцицкий, Юзеф Бек и Эдвард Рыдзь-Смиглы втроем контролировали «фактически авторитарный режим, в котором исполнительная власть доминировала над законодательной» (Kennedy R.M. The German Campaign in Poland (1939). Department of the Army Pamphlet 20-255. Washington (D.C.): Government Printing Office, 1956. P. 47).
3. Kennedy R.M. Op. cit. P. 48; Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand - Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12450. Д.8. Л. 5 – 7; Малая советская энциклопедия / Гл. ред.: П.М. Керженцев. – М.: ОГИЗ, 1939. Т. 8. С. 457.
4. Там же.
5. Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand - Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12450. Д.8. Л. 4, 7.См. Носкова А.Ф. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939—1944. М.: Наука, 1971. С. 14;
6. Grabowski T. Z dziejów kształtowania się gospodarki obronnej w Polsce w latach międzywojennych // Wojskowy Przegląd Historyczny, 1962, № 2. S. 124-128; Czajor J. Wpływ doktryny wojennej na rozwój technicznych rodzajów wojsk i struktury przemysłu wojennego w Polsce // Materiały z VI konferencji poświęconej rozwojowi polskiej sztuki wojennej, Warszawa, 1967. S. 101-107, 118-120; Малая советская энциклопедия. Т. 8. С. 456; Ciałowicz J. Polsko-Francuski sojusz wojskowy 1921-1939. Warszawa: PWN, 1970. S. 125; Kennedy R.M. Op. cit. P. 48.
7. Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand - Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12450. Д.8. Л. 7- 9.См. Малая советская энциклопедия. Т. 8. С. 457.
8. См. Morgala A. Samoloty wojskowi w Polsce 1924-1939. Warszawa: Bellona. S. 21-37; Шишов А.А. Польский флот. М.: Крепость, 2002. С. 14-17.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

9. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933-1935 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История, 2016, №6 (44). С. 70-76.
10. Szubanski R. Polska bron pancerna 1939. Warsaw: WMON, 1989. S. 213.
11. Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand - Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12450. Д.8. Л. 9 – 10.
12. Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand - Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12450. Д.8. Л. 5, 7 – 8.
13. См. Encyklopedia Wojskowa. T. VI. Warszawa, 1937. S. 641; Lechnicki T. Z doświadczeń oficera w polu. Warszawa: Bellona, 1921. S. 178-181; Szymkiewicz Cz. O wspólny język w naszych regulaminach. Warszawa: Bellona, 1929. S. 547;
14. Chocianowicz W. 50-lecie powstania Wyższej Szkoły Wojennej. L., 1969. S. 104, 138, 208-209; Ciałowicz J. Sojusz polsko-francuski 1921-1939. Warszawa, 1971. S. 144, 109, 229-230; Kozłowski E. Wojsko Polskie 1936-1939. Próba modernizacji i rozbudowy. Warszawa, 1964. S. 154-155;
15. Iwanowski W. Kampania wrześniowa, Warszawa, 1961. S. 65.
16. См. Тарас Д.А. Операция "Weiss". Разгром Польши в сентябре 1939 (URL: <http://www.katyn-books.ru/library/operaciya-weiss-razgrom-polshi-v-sentyabre-1939-g.html> Дата обращения: 30.11.2019), Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 153; Rozdzewski P.M. Polskie wojska piechoty 1939 – Organizacja i uzbrojenie broni. Warszawa: Polonia. S. 3-47.

Surzhik D.V., Makushin A.V.

CRASH-THE PRICE OF AN ERROR IN MILITARY-POLITICAL CALCULATIONS: WAR MACHINE OF THE SECOND POLISH- LITHUANIAN COMMONWEALTH

SURZHNIK Dmitry V. – candidate of historical Sciences, chief researcher Institute of General history of the Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia.

e-mail: dimsu@inbox.ru

MAKUSHIN Alexander V. – candidate of historical Sciences, associate Professor, Voronezh state University, 394006, Russia, Voronezh, Universitetskaya PL., 1.

e-mail: makushin@vsu.ru

Abstract. Analyzing the development of the military industry in interwar Poland, some post-war authors argue that it was foreign investment that hindered the unification of different types of weapons and, as a result, the development of the firepower of the Polish Army. However, we believe that the main obstacle to the development of the country's armed forces was not the foreign developers of patents for military developments, but the customers of these patents, who could not correctly identify the necessary technologies and then obtain them in the required volume. Because these costs of buying the patents and the foreign military service of loans were at times so high that there was a question about profitability and the existence of separate enterprises VPK. As a consequence of the low-professional top military and political leadership, the military doctrine of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth was

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

developed only partially, the interaction at the operational-strategic and strategic levels of command of The Polish Army (and even more so – with a French ally) was not fulfilled, and in a blitzkrieg, the Polish commander had to improvise on the go, having no connection with the Supreme command, and the latter, in turn, was deprived of the whole picture, and the arms industry in 1939 was unable to provide the Polish Army actual combat.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Poland, military training, professionalism, Great Patriotic war.

УДК 94(47+57)11917/19911

Такташева Ф.А.

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРОЦЕССЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1945 – 1950-е гг.)*

ТАКТАШЕВА Флюра Анваровна — кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400066, Россия, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.
e-mail: flyura34@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследованию придает связь современной демографической ситуации с процессами воспроизводства населения в период послевоенного восстановления, а также опыт демографической политики. В исследовании на основе анализа неопубликованных материалах статистики показано влияние Великой Отечественной войны на основные показатели демографического развития в Сталинградской области. Среди них, рождаемость, смертность, естественный прирост, механический прирост, миграции. Показана динамика естественного прироста населения и его основных показателей. Выявлены и охарактеризованы этапы в процессах воспроизводства населения в исследуемый период, определены ключевые факторы. В качестве особенности естественных демографических процессов автор отмечает высокую смертность на фоне низкой рождаемости, особенно во второй половине 1940-х гг. Динамика рождаемости носила непоследовательный и скачкообразный характер. Процессы демографической компенсации были реализованы только в 1950-е гг. Анализируется структура смертности населения, в том числе и младенческая. Уделено внимание заболеваемости как основной причине смертности населения. Отмечено влияние брачности и половозрастной структуры на динамику рождаемости. Охарактеризованы миграционные процессы. Показана динамика механического движения населения в указанный период. Автор связывает интенсивный механический прирост с высокими темпами восстановительных процессов области. В свою очередь, миграционные потоки являлись существенным фактором стабильного роста численности населения в Сталинградской области. Медленные темпы естественного прироста в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-343006 «Сталинградская область в 1939 – 1959 гг.: демографический срез»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

восстановительный период компенсировались активным механическим движением населения. В статье автор обращает внимание на векторы миграционных потоков, выделяя трудовую миграцию и миграцию из села в город. **Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Сталинградская область, рождаемость, смертность, механическое движение населения, естественный прирост.

Во второй половине 1940-х – 1950-х гг. детерминантой развития СССР стала Великая Отечественная война, одним из следствий которой была демографическая катастрофа. Сталинградская область, являясь на разных этапах тыловой, фронтовой и прифронтовой территорией, в большей степени испытала влияние войны, о чем свидетельствуют данные потерь мирного населения, которые до сих пор не подведены. Так, Т.А. Павлова приводит цифры в 235 тыс. чел. только погибших и 64 тыс. чел. плененных [1, с. 550-554].

Огромные людские потери привели к тому, что после завершения Сталинградской битвы численность населения области сократилась на 1/3 довоенного уровня. Поэтому послевоенное развитие области было связано не только с восстановлением экономики, но и популяции.

Демографические процессы и процессы реконструкции народного хозяйства области оказывали взаимное влияние, обуславливая друг друга, особенно Сталинграда. Высокие темпы промышленного строительства требовали привлечения все большей рабочей силы, отсюда положительная динамика механического прироста населения. Однако финансирование по остаточному принципу социально-бытовой и культурной сфер, а также медицинского обслуживания замедляло естественный прирост.

Задачи по восстановлению численности населения страны решались в ходе реализации демографической политики, ставшей существенным фактором послевоенных демографических процессов. Основная цель данной политики – рост рождаемости – требовала развития таких направлений, как охрана женского и детского здоровья, социальная поддержка, защита и поощрение материнства.

В Сталинградской области реализация демографической политики была сопряжена со многими трудностями, вызванными последствиями Великой Отечественной войны. Жилищное строительство шло медленно. Даже в 1950-е гг. проблема нехватки жилья сохраняла свою актуальность. Наряду с государственной поддержкой в Сталинградской области была организована и общественная помощь через кассы взаимопомощи, предприятия и учреждения, на которых трудились женщины. Восстановление здравоохранения в области началось еще в годы войны, в 1943 г., сразу после окончания Сталинградской битвы. В годы четвертой пятилетии сети медучреждений удалось достичь довоенного уровня, повысилось качество медицинского обслуживания. Однако высокая смертность, главным образом, младенческая, свидетельствовала о еще нерешенных проблемах.

Естественные демографические процессы накануне войны характеризовались высоким уровнем рождаемости на фоне высокой смертности, что характерно для традиционного типа воспроизводства. Естественный прирост был еще высок, и в 1939 г. по области составлял 32216 чел. [2, л.174]. Однако в предвоенные годы отмечался спад рождаемости при высоком уровне смертности.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Великая Отечественная война, боевые действия, проходившие непосредственно на территории Сталинградской области, привели к сокращению численности населения и отрицательному естественному приросту. В 1943 г. он составлял 3774 чел. [2, л. 114], а в 1944 г. – 8939 чел. [3, л. 36]. Уже в 1945 г. был отмечен положительным естественным приростом, а в 1946 г. знаменовал бум рождаемости, когда показатели естественного прироста увеличились в 3,5 раза и составили 13951 чел.

Голод 1947 г. остановил рост рождаемости. Уровень смертности вырос. Начавшийся процесс демографической компенсации был прерван. И хотя, с 1948 г. в наметилась положительная динамика, военный фактор продолжал оказывать свое влияние – тенденции к преодолению последствий войны проявились только в 1960-е годы. 1950-е гг. характеризовались стабильным ростом. Уровень смертности снижался, рождаемость росла и, как следствие, естественный прирост в 1959 г. уже составлял 28375 чел. [4, л. 71].

Смертность в исследуемый период определялась слабым здоровьем населения, принесшего тяготы войны и напряжение восстановительных процессов, а также низким уровнем развития медицины в области. Среди основных причин следует выделить заболеваемость. При этом в 1940-е гг. главным фактором были остроинфекционные заболевания. В годы войны в области в условиях высокой плотности населения отмечались вспышки брюшного тифа, туляремии, дизентерии тифом. Во второй половине 1940-х гг. смертность от инфекционных заболеваний продолжала сохраняться на высоком уровне. Так, в 1946 г. туберкулез органов дыхания и воспаление легких занимали первое место в структуре причин, далее были грипп, дизентерия. В связи с восстановлением предприятий и масштабными стройками в Сталинграде и области увеличилось число смертей от травм по причине низкой квалификации рабочих, отсутствия охраны труда. Кроме того непосредственно после окончания боев велась расчистка территорий от завалов и боевых снарядов. А в 1950-е гг. на второй план уходят инфекционные заболевания. Их место заняли болезни сердца и рак, что тоже являлось следствием войны.

Великая Отечественная война привела к высокой детской смертности, и особенно младенческой, увеличению количества преждевременных родов, распространению пороков внутриутробного развития. Появляясь на свет с врожденной слабостью, дети были подвержены как инфекционным заболеваниям, расстройствам пищеварительного тракта.

Чрезвычайно высокая детская смертность тормозила процессы воспроизводства населения. Тем не менее, в исследуемый период отмечалась тенденция к снижению детской смертности в области. Так, если в 1939 г. число умерших до 1 года детей составляло 15 065 чел., или 35 % общего числа умерших [5, л. 18]. Во второй половине 1940-х гг. этот показатель снижается до 20% (по данным за 1949 г.) [6, л. 3], а к концу 1950-х гг. уже составлял 10%, или 1491 чел. [4, л. 5]. При этом за межпереписной период 1939 – 1959 гг. также происходили изменения в структуре причин детской смертности, что было связано с ростом качества медицинских услуг. Если в 1940-е гг. речь шла, прежде всего, об инфекционных и желудочно-кишечных заболеваниях. Расширение медицинской помощи матери и ребенку, вакцинация, патронажное обслуживание, новые методы приводили к сокращению числа умирающих до года детей. В 1950-х гг. смертность детей до года теперь обуславливалась качеством родовспоможения и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

наблюдения в первые месяцы жизни. Отсюда преобладающими причинами детской смертности становятся врожденная слабость, травмы при родах, преждевременное рождение.

В качестве особенности естественных процессов воспроизводства отмечается ключевая роль в них сельского населения, характеризующегося устойчивыми браками и многодетностью.

Влияние на естественные демографические процессы оказывала брачность населения. Общей тенденцией в этом отношении был рост числа регистрируемых браков и разводов. В военные годы по понятным причинам люди не торопились заключать брачные союзы. Однако в уже в 1946 г. наблюдается «свадебный бум»: по сравнению с 1945 г. число зарегистрированных браков в 1946 г. увеличилось в два раза с 7266 до 15996 [6, л. 2-3]. Это объяснялось возвращением мужчин с фронта, регистрацией браков, отложенных началом войны, оформлением отношений, возникших в военное время. Этому же также способствовал Указ 1944 г., признавший законным только зарегистрированный брак и ужесточивший процедуру развода. На протяжении второй половины 1940-х гг. брачность сохранялась на уровне 1946 г. по причине голода 1947 г. А уже 1950-е гг. отмечались неуклонным ростом, как браков, так и разводов. К 1959 г. число оформленных актов гражданского состояния значительно превысило довоенные цифры.

Половозрастная структура, также испытавшее влияние войны, определяла процессы воспроизводства населения. Перекос в половозрастной структуре в послевоенный период выражался в том, что в возрастных группах 20 - 40 лет 2/3 составляли женщины. По статистическим данным за 1944 г. в городской местности мужчины составляли 45,2%, а в сельской – 38% [7, л. 39]. На 100 сельских женщин после войны приходилось только 31 мужчина [7, л. 42]. В самом Сталинграде, наблюдались относительно плавные переходы в возрастной структуре и более сглаженное соотношение между мужчинами и женщинами. Во многом это было связано с постоянным высоким притоком населения на стройки и промышленные предприятия. Данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. показывают, что наиболее пострадавшими оказались поколения, входившие в войну в возрасте 20 – 35 лет. Их доля в общей численности населения в конце 1950-х гг. составляла около 17,5%. В послевоенной возрастной структуре наиболее трудоспособное население, на которое еще возлагались и задачи воспроизводства населения, оказалось в меньшинстве.

В качестве источника пополнения населения области в исследуемый период выступало механическое движение, обусловленное такими процессами как эвакуация и реэвакуация, репатриация и депортация, мобилизация и демобилизация, трудовая миграция и урбанизация.

В военные годы область и, главным образом, Сталинград являлись, с одной стороны, транзитным пунктом перемещения людских масс на восток, а, с другой, территорией размещения беженцев с запада. На современном этапе не установлена точная цифра эвакуированных в Сталинградскую область. Приводимые данные колеблются от 500 тыс. до 1 млн. чел. [8, с. 309]. До осады в Сталинграде проживало 525 тыс. жителей [9, с. 137] и еще примерно 400 – 500 тыс. эвакуированных из других регионов страны [8, с. 309]. С 1943 г. по мере наступления Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны началась реэвакуация населения, которая для Сталинградской области завершилась к 1947

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

г., когда на ее территории оставалось менее 2 тыс. эвакуированных [8, с. 317]. С началом Сталинградской битвы последовала эвакуация местного населения. Нет четких сведений о количестве эвакуированных сталинградцев: приводимые цифры доходят до 300 тыс. чел. [10, с. 178].

После окончания Сталинградской битвы главными источниками восстановления численности области становятся трудовая миграция и потоки возвращавшихся на свое прежнее место жительства. Так, население Сталинграда за 1943 г. увеличилось более чем в 7 раз: 32 тыс. чел. от 02.02.1943 г. до 248 тыс. чел. к началу 1944 г. [11, л. 68]. Восстановление Сталинграда в ускоренные сроки требовало привлечения огромных трудовых ресурсов. Для второй половины 1940-х гг. было характерно стабильное положительное сальдо механического прироста населения области. В 1946 г. оно составило 43539 чел., из которых 37880 чел. обосновались в Сталинграде [12, л. 1-29].

Сталинградскую область не обошел процесс репатриации граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за пределами СССР. Труд репатриантов также использовался в восстановлении промышленности и жилищного фонда Сталинграда (заводы «Красный Октябрь», Сталинградский тракторный завод, Главсталинградстрой), а также в сельском хозяйстве. В области в 1945 г. был зафиксирован 29961 репатриант [13, с. 75]. Концу 1940-х гг. их количество снижается до 10%.

Депортациями в годы войны привели к сокращению численности населения. В 1941 г. 26245 чел. – практически все немецкое население области – было выселено [14, с. 168]. В 1943 г. в результате депортации калмыков область потеряла еще 1178 чел. [15]. В связи с этим на протяжении второй половины 1940-х гг. перед руководством области остро стояла проблема хозяйственного освоения пустующих территорий.

В 1950-е гг. отмечается сокращение миграционных потоков. Положительный механический прирост в целом по области сохранялся, но его темпы существенно снизились по сравнению с 1940-и гг. В конце 1950-х гг. в городской местности отмечался постоянный приток населения, тогда как на селе механический прирост становится отрицательным. Все это свидетельствовало о концентрации населения в городах в связи с развитием, прежде всего, промышленного производства. К этому времени городское население уже превзошло по численности сельское.

Таким образом, следствием Великой Отечественной войны, одного из самых страшных потрясений XX в., стала демографическая катастрофа. Преодоление масштабных потерь населения, перекосов половозрастной структуры происходило на протяжении многих десятилетий. Последовавшие интенсивные процессы восстановления народного хозяйства Сталинградской области, демографическая политика способствовали положительной динамике воспроизводства населения. Активный механический прирост компенсировал медленные темпы естественного прироста. Тем не менее, к концу 1950-х гг. численность населения области достигла довоенного уровня.

Список литературы

1. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 594 с.

2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-686. Оп. 20. Д. 28.
3. ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 20. Д. 27.
4. ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 18. Д. 198.
5. ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 5. Д. 75.
6. ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 18. Д. 158.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 538.
8. Федотов В. В. Эвакуированное население в Сталинградской области в 1941—1948 гг. // Научный диалог. 2019. № 3. С. 307—321.
9. Поднятый из руин: сборник документов и материалов. Волгоград: Книжное издательство, 1962. 371 с.
10. Снегирева Л. И. Эвакуированное население из Сталинграда в сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны (1942 год) // Вестник ТГПУ. 2018. № 3 (192). С. 174—185.
11. ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 5. Д. 119.
12. ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 5. Д. 189.
13. Гаевская Ж. Ю. Использование труда спецконтингента в восстановлении Сталинградской области (1943—1950 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук. Волгоград, 2015. 267 с.
14. Население России в XX веке: исторические очерки. Москва: РОССПЕН, 2001. Т. 2: 1940—1959. 416 с.
15. Бугай Н. Ф. Депортация народов // Война и общество. 1941—1945. Москва: Наука, 2004. Кн 2. С. 306—330.

Taktasheva F.A.

THE EFFECT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR ON PROCESSES OF REPRODUCTION OF THE STALINGRAD REGION POPULATION DURING THE RECONSTRUCTION PERIOD (1945 – 1950)

ТАКТАШЕВА Flyura Anvarovna — associate professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400066, Russia, Volgograd, V.I. Lenin Ave., 27
e-mail: flyura34@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is the connection of the current demographic situation and processes of human reproduction during the post-war reconstruction period, and also the population policies experience. The study uses the basis of unpublished statistics materials' analysis and shows the effect of the Great Patriotic War on the core indicators of demographic development in the Stalingrad region. There is the birth rate, the death rate, natural increase, mechanical increase, migration. Dynamics of the population natural increase and its core indicators is shown. The stages of processes of reproduction of population during the period under review have been identified and characterized, key factors have been defined. The author notes the high death rate against the background of the low birth rate as a specificity of natural demographic processes, especially in the second half of 1940s. Dynamics of birth rate was inconsistent and faltering. Processes of demographic compensation were implemented only in 1950s. The structure of population death rate is analyzed,

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

including infant mortality. The research emphasized morbidity as a main reason of population death rate. There is a noted effect of marriage rate and age-and-gender structure on dynamics of the birth rate. Migration processes are characterized. Dynamics of population mechanical increase during that period is shown. The author associates intensive mechanical increase with high rate of reconstruction processes in the region. In turn, migration flows were a significant factor of stable population growth in the Stalingrad region. The slow pace of natural increase during the reconstruction period was compensated by active population mechanical increase. The author draws attention to the end points of migration flows by providing labour migration and migration from rural to urban areas.

Keywords: Great Patriotic War, Stalingrad Region, birth rate, death rate, natural movement of population, natural increase.

УДК 316.722

Татаринов И.Е.

ЖЕРТВА ИЛИ СОУЧАСТНИК? ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА УКРАИНЕ

ТАТАРИНОВ Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, Луганский национальный университет имени Владимира Даля, 91034, ЛНР / Украина, г. Луганск, квартал Молодёжный, 20-а.
e-mail: igortatarinov76@gmail.com

Аннотация. В статье автор обращается к проблеме конструирования исторической памяти в современном Украинском государстве. На примере активного внедрения государственным структурами в историческое и политическое пространство концептов «геноцид» и «государство – жертва» формируются представления своего народа как жертвы, в случае с Украиной – жертвы двух тоталитарных режимов – нацистского и сталинского. На фактическом материале даётся объяснение девиациям в политике исторической памяти на Украине, направленной на трансформацию исторической памяти государства, формирование новой национальной идентичности и воспитания патриотизма, основанного на спорных, антагонистических детерминантах. Автор отмечает, что начиная с 1991 года на Украине прослеживается легитимация формирующегося национального государства и социального устройства при помощи насаждения исторических мифов. Историческая память современной Украины неоднородна и представлена различными региональными вариантами, соответствующими трём традиционным макрорегионам – западу, центру и юго-востоку. Раскол исторической памяти, её антагонистические исходные и полное отсутствие поиска национального компромисса в токовании трагических эпизодов общей истории, делают невозможным формирование общих представлений о прошлом. Подобные алогизмы оказывают, и будут оказывать влияние на динамику историко-политических процессов в Украине. Отсутствие положительных практик формирования украинской национальной идентичности, актуализация и политизация местными элитами трагических эпизодов истории, формируют, концептуализируют и внедряют ложные мифологемы в массовое

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

сознание, тем самым трансформируя его в требуемом контексте и конструируя специфический исторический нарратив.

Ключевые слова: историческая память, политический миф, геноцид, Голодомор, политика памяти, Украина.

В XXI веке практически каждое государство соприкасается с историческим прошлым и попытками его осмысления, прежде всего в политическом контексте. Великая Отечественная война, принёсшая боль и страдания многим народам СССР, в украинской исторической памяти занимает ключевое место. Наряду с удалением из исторического нарратива понятия «Великая Отечественная война» с его заменой на «Вторая Мировая война», активно внедряется т.наз.

«оккупационная риторика» и дискурс об Украине, как о двойной исторической жертве. Вместе с тем, массовые убийства нацистами еврейского населения, где активное участие принимали различные коллаборационные формирования, украинские конструкторы политики памяти обходят стороной. Сегодня в Прибалтике и на Украине на фоне попыток концептуального переосмысления и пересмотра итогов Второй Мировой войны происходит реабилитация коллаборацизма. Эти обстоятельства придают исследуемой проблеме особую актуальность.

Сегодняшняя Украина – весьма характерный пример «проникновения» событий истории в современность при одновременной сложности их адаптации к реалиям. В целях идеологического, основанного на историко-политических мифах воспитания молодого поколения, Киев декларирует ориентацию на Евросоюз, отмечая всё, что связано с советским периодом истории. Этим можно объяснить снос памятников советским воинам-освободителям и показательное игнорирование либо разрушение мест памяти, связанных с совместным с Россией прошлым. Значительная часть политической элиты Прибалтийских стран, Польши, или Украины искренне считают сохранение таких мест памяти угрозой национальной безопасности. Политика памяти сегодня выступает одним из инструментов достижения власти различными элитными группами. В этой связи можно вспомнить пророческие слова В. Ленина: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов» [1, с. 47].

Ещё в начале 2000-х при президентстве В. Ющенко, был сделан акцент на примирение украинской нации через проблематизацию Второй Мировой войны и мемориализацию Голодомора, с перспективой официального признания на международном уровне как геноцида украинского народа. Сооружение мемориалов памяти жертв Голодомора во всех областных центрах, создание Книги памяти жертв, и появление Института национальной памяти должны были одновременно усилить этнизацию государства и виктимизацию украинской истории. Тогда же приобрели системный характер политические процессы

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

героизации и реабилитации ОУН-УПА*, 14-й Дивизии СС «Галичина» и других структур, массово сотрудничавших с нацистами. Украинская наука также активно включилась в процесс реабилитации украинского национализма, фальсифицируя отдельные её моменты и сознательно игнорируя причастность «новых героев» к геноциду поляков, Холокосту и террору против мирного населения в годы Великой Отечественной войны.

Однако украинское общество в большинстве своём не поддержало подобные инициативы, поэтому в годы президентства П. Порошенко избрали агрессивный путь утверждения новых постулатов, внося в парламент проект о вводе уголовной ответственности за отрицание Голодомора как геноцида украинцев. В годы его президентства принят «Декоммунизационный пакет законов», установивший с 21 мая 2015 года уголовную ответственность для граждан, которые выражают коммунистические взгляды и отрицают «преступления коммунистического тоталитарного режима». На официальном уровне зафиксирована агрессия Советской России против Украины в 1917-1920 годах, её оккупация и аннексия, а за пропаганду коммунистических и нацистских символов устанавливается одинаковое наказание в виде тюремного заключения на пять лет. В Законе Украины «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» признаны борцами за независимость лица, находившиеся в составе органов власти, организаций, структур и формирований, в том числе УВО, ОУН, УПА и др. [2]. Примечательно, что украинские парламентарии не решились внести в этот список 14-ю Дивизию СС «Галичина», однако тенденция на её реабилитацию в будущем очевидна.

В центре украинского концепта «государство – жертва» лежит проблематика Голодомора 1932–33 гг. и его международное признание в качестве акта геноцида в отношении украинцев. Сегодня он получил признание 17 государств – членов ООН из 193. Сам термин «геноцид» был введён в научный оборот в 1944 году Рафаэлем Лемкиным и был использован во время заседаний Нюрнбергского трибунала. Он весьма широко трактовал термин, распространив его не только на физическое уничтожение определённой группы людей, но и на их социальное уничтожение. Считая Голодомор геноцидом, инспирированным советской властью, Лемкин посвятил этому ряд работ [3, р. 123-130]. Сегодня существует две теории Голодомора. Речь идёт о группе исследований, строящихся вокруг мнения о сознательной политике советской власти по уничтожению украинского крестьянства. Другие авторы видят Голодомор как стечение ряда факторов, в основном, природного происхождения, стал неожиданностью для руководства СССР и являлся одним из следствий форсированной коллективизации и индустриализации.

Украинские смыслы Голодомора и политики памяти фокусируются вокруг нескольких постулатов. Во-первых, Голодомор – это «украинский Холокост». Во-вторых, конструируя определённый исторический нарратив, внедряется мысль, что украинский народ – жертва, как СССР, так и нацистской Германии. При этом категорически отвергается участие Украины в обоих контекстах и исключается её возможная вина в них. В-третьих, конструируя историю, акцентируется внимание

* Экстремистская организация, запрещённая в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на многовековой традиции украинской государственности. В совокупности эти взаимодополняющие стратегии составляют основу современной украинской концепции «государство – жертва».

Сегодня в Украине практически нет объективных исследований деятельности украинских националистов и коллаборационных структур в годы Второй Мировой войны. Как и не допускаются дискуссии вокруг их участия в Холокосте. Более того, идёт сознательное замалчивание неудобных фрагментов своей истории, а исследователи не имеют возможности объективно осветить резонансные вопросы украинского прошлого. В отличие от украинской историографии, западные авторы настроены на честное освещение всех аспектов Холокоста. Прежде всего, отметим таких исследователей участия украинских националистов в уничтожении евреев, как канадский историк украинского происхождения Иван-Павло Химка [4], польско-немецкий учёный Гжегож Россолински-Либе [5] и др. Они установили, что например, во время Львовского погрома летом 1941 года 5-я и 6-я айнзацкоманды расстреляли около 3 тыс. евреев, которых собрали и привели на местный стадион бандеровцы из украинской милиции ОУН-Б. Оуновцы хватали евреев по городу, в их квартирах, и препровождали на стадион, а уже оттуда их доставляли на места расстрелов [6].

Многие западные авторы практически единодушно утверждают, что именно «Украинское Правительство» Я. Стецько выразило своё желание уничтожить евреев Украины, настаивая на физическом устранении еврейского населения Украины. Стецько санкционировал «устранение евреев и считал целесообразным использование немецких методов истребления евреев, дабы воспрепятствовать их ассимиляции с украинцами [7, с. 36]. Россолински-Либе отмечает также планы бандеровцев по эвакуации или уничтожению нацменьшинств и замены их «этническими» украинцами на «этнической» украинской земле [8].

Участие украинской милиции из ОУН-Б в убийствах евреев хорошо задокументировано в оуновской переписке с нацистами, в их собственных документах и листовках, подтверждено видео- и фотоматериалами. Как отмечал И.-П. Химка, Львовский погром происходил на фоне провозглашения Украинского государства, состоявшегося именно в первый день немецкой оккупации Львова. Бандеровское крыло ОУН обеспечило механизм погрома, установив своё правление во Львове 30 июня 1941 г., а правительство возглавил убеждённый антисемит. Автор утверждает, что «погром сделала погромом толпа, её интерес заключался в карнавальных ритуалах, где толпа переворачивала социальные роли вниз головой, ставя социальную иерархию с ног на голову – еврейские специалисты ползают на коленях, убирая улицы. Временная конъюнктура высокой политики позволила толпе горожан реализовать неписанный сценарий грабежей, сексуальных атак, избиений и убийств. Они требовали таких действий и наслаждались ими» [9]. На фоне отсутствия сильной демократической традиции и долгой истории антисемитизма и ксенофобского национализма на Украине, сегодняшняя нетерпимость и ксенофобия во многом проистекают из недостаточного примирения с соучастием в Холокосте.

По мнению Евгения Финкеля, «поиск потерянных геноцидов» является феноменом молодых восточноевропейских государств с небольшой историей независимости или без неё. Он отметил важность использования придуманного статуса «жертвы геноцида» как «очень эффективный механизм для устранения

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

требований о борьбе с несправедливостями и преступлениями, совершаемыми членами этой нации» [10]. Кроме этого, нация, которая концептуализирует себя как жертву геноцида, получает безграничную линию морального кредита, а членство в угнетённой группе позволяет данной группе дистанцироваться от своей ответственности.

Сегодняшняя травматизация сознания украинских граждан как сознательное внедрение новой травмирующей идеологии выступает важным элементом формирования украинской национальной идентичности. Экстернализация своего прошлого, использование нарратива о народе – жертве геноцида, исключительно важно для молодого украинского государства. Это позволяет избежать самокритического исторического самоанализа. Однако в нынешнем виде концепт Голодомора затрудняет использование русофобских практик, этнизацию явления и проецирование претензий на русских как организаторов и виновников этой трагедии. Как показывают документы, в ней в той или иной мере были задействованы не только этнические русские, но украинцы, евреи, белорусы и представители других этносов. Как и невозможно представить, что голод 1932-33 гг. в многонациональной Украинской ССР коснулся исключительно украинцев, и не затронул иные этносы. В то же время политика памяти на Украине фокусируется на позиционировании себя главной, если не исключительной жертвой Голодомора. Подобная виктимизация лишь отвлекает и отдаляет от критического изучения украинской истории. Это явление консервирует парадигму избегания полномасштабного самокритического исторического самоанализа, ответственности и переосмысления истории таким образом, чтобы удовлетворить потребность в позитивном историческом нарративе. Оно согласуется с довольно распространённой стратегией «собирать и выбирать» из истории то, что кажется подходящим для желаемого национального нарратива. По мнению американского учёного Йозефа Йерушалми, речь идёт о «преднамеренном искажении исторических данных, изобретении мифологических историй на службе сил тьмы» [11, p. 117].

Сегодняшние трансформации сознания на Украине и принципиальная смена концепта «Великой Отечественной войны» на «Вторую Мировую войну» направлены, прежде всего, на уничтожение целостной исторической памяти о войне и Победе в ней как о результате усилий всех наций, входивших в состав Советского Союза. Дискредитируя СССР и Россию как его правопреемницу, уравнивая Советский Союз и нацистскую Германию, героизируя нацистских пособников и коллаборантов, Украина чётко следует по нацистскому пути. На международном уровне это вызывает осуждение, которое, однако, преимущественно локально. Недавно МИД Израиля на официальном уровне осудил Украину за героизацию лиц, причастных к геноциду евреев. В заявлении отмечалось: «Лица, ответственные за убийство евреев во время Холокоста и погромов, а также антисемитские идеологи украинского национального движения в последнее время стали предметом публичного чествования в Украине. Израильское министерство иностранных дел выражает осуждение этих явлений. Сохранение памяти о Холокосте и борьба с антисемитизмом, включая прославление антисемитов и убийц евреев, не являются внутренним делом страны» [12].

В чем же состоит смысл виктимизации прошлого? С одной стороны, отождествление с жертвой геноцида позволяет не брать на себя ответственность

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

за преступления, совершенные представителями «пострадавшей нации». Тот же украинский коллаборационизм в годы Второй Мировой войны и участие в Холокосте – этому пример. Для Украины, относительно недавно получившей независимость, для легитимации её самостоятельности, конструирования национальной идентичности и определённого исторического нарратива, геноцид выступает весомым аргументом, обладающим огромной моральной и юридической силой. Но подобный нарратив должен быть не только воспринят и усвоен большинством украинцев, но и получить массовое международное признание. Однако на Украине официальная трактовка трагических событий прошлого лишь углубляет раскол и поляризацию общества, а также усложняет появление объективных исследований и взвешенных оценок исторических фактов. В то же время, для недавно возникших государств наличие таких установок достаточно логично и эффективно, поскольку «в стране без истории будущее выигрывает тот, кто формирует память, определяет понятия и интерпретирует прошлое» [10, р. 55].

Сегодня политику памяти на Украине не следует рассматривать как отдельное, стихийное явление. Это часть целенаправленной политики конструирования украинской национальной идентичности, основанной на искажении истории, насаждении русофобии и ненависти, насильственной, с применением административного ресурса украинизации. Эта политическая технология полностью игнорирует традиционный многонациональный характер Украины. Виктимизация исторической памяти носит системный характер, её элементы введены в школьную программу и направлены в первую очередь на воспитание нового поколения в «правильном» ключе. Цель заключается в создании новой украинской национальной идентичности, которая бы базировалась на самостоятельной исторической, ценностно-символической базе, и была бы максимально противоположна российской.

Список литературы

1. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма (март 1913 г.). ПСС, 5-е изд. Т. 23. М., 1973. 594 с.
2. Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті». 9 квітня 2015 року, №314-VIII // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2015, № 25, ст. 190.
3. Lemkin, Raphael, *Soviet Genocide in the Ukraine*. Kingston: Kashtan Press, 2014.
4. Химка И.-П., Курило Т. Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. ч. 13 (2). С. 252–265; Его же. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*. Vol. LIII, Nos 2–3–4, 2011, pp. 209–243.
5. Rossolinski-Liebe G. Debating, obfuscating and disciplining the Holocaust: post-Soviet historical discourses on the OUN–UPA and other nationalist movements // *East European Jewish Affairs*. Vol. 42. No. 3. Dec. 2012. pp. 199–241; Его же. Erinnerungslücke Holocaust. Die ukrainische Diaspora und der Genozid an den Juden, // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* vol. 62, no. 2 (2014): Pp. 397–430.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

6. Rossolinski-Liebe G. –Der Verlauf und die Täter des Lemberger Pogroms vom Sommer 1941. Zum aktuellen Stand der Forschung,— Jahrbuch für Antisemitismusforschung 22 (2013): Pp. 207–243.
7. Россолински-Либе Г., Рудлинг П.А., Снайдер Т. Сборник статей «ОУН и УПА: исследования о создании исторических мифов». Киев, 2012. 260 с.
8. Rossolinski-Liebe G. The ‘Ukrainian National Revolution’ of 1941. Discourse and Practice of a Fascist Movement,|| Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History vol. 12, no. 1 (2011).
9. Химка І.–П. Львівський погром 1941-го: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба // Історична правда. URL: <http://www.istpravda.com.ua/research/2012/12/20/93550/>. (дата обращения: 06.02.2020).
10. Finkel, Evgeny. –In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe,|| Global Society, 24, no. 1 (2010), pp. 51-66.
11. Yerushalmi, Yosef Hayim. Zakhor: Jewish History and Jewish Memory. Seattle and London: University of Washington Press, 1996.
12. MFA condemns public glorification of individuals responsible for the murder of Jews and antisemitic ideologists in Ukraine // MFA. URL: <https://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2020/Pages/MFA-condemns-public-glorification-of-individuals-responsible-for-the-murder-of-Jews-and-antisemitic-ideologists-in-Ukraine-.aspx> (дата обращения: 24.02.2020).

Tatarinov I.E.

VICTIM OR ACCOMPLICE? FEATURES OF VICTIMIZATION OF HISTORICAL MEMORY IN UKRAINE

TATARINOV Igor E. – Associate Professor, Lugansk National University named after Vladimir Dahl, 91034, LPR / Ukraine, Lugansk, Molodezhny Quartal, 20-a.
e-mail: igortatarinov76@gmail.com

Abstract. In the article, the author addresses to the problem of constructing historical memory in the modern Ukrainian state. On the example of the active introduction by the state structures into the historical and political space of the concepts of –genocidell and –state-victimll, are formed the representations of their people as victims, in the case of Ukraine - the victims of two totalitarian regimes - the Nazi and Stalin. The factual material explains the deviations in the politics of historical memory in Ukraine, aimed at transforming the historical memory of the state, the formation of a new national identity and the upbringing of patriotism based on false, antagonistic determinants. The author notes that since 1991, Ukraine has traced the legitimation of the emerging nation-state and social structure through the planting of historical myths. The historical memory of modern Ukraine is heterogeneous and is represented by various regional options corresponding to the three traditional macro-regions - the west, center and southeast. The split of historical memory, its antagonistic originals and the total absence of a search for a national compromise in interpretation of the tragic episodes of a common history make it impossible to form common ideas about the past. Such alogisms have and will have an impact on the dynamics of historical and political processes in Ukraine. The absence of positive practices in the formation of Ukrainian national identity, the actualization and politicization of the tragic episodes of history by local

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

elites, form, conceptualize and introduce false mythologies into the mass consciousness, thereby transforming it in the required context and constructing a specific historical narrative.

Keywords: historical memory, political myth, genocide, Holodomor, politics of memory, Ukraine.

УДК 94 (47)-1941/1945

Тракиялис Ю.

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ СОВЕТСКИХ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ПРИБАЛТИКЕ

ТРАКШЯЛИС Юриус - почётный член Академии военных наук Российской Федерации, председатель ОО «Институт военного наследия», LT-01106, Литовская Республика, Вильнюс, ул. Шермукшню, 3.
e-mail: juratra55@gmail.com

Аннотация. Международное право защищает военно-историческое наследие Российской Федерации (Союза Советских Социалистических Республик) в Прибалтике. Объективным фактором нарушающим это международное право является крайняя форма русофобии в Прибалтике. На протяжении десятилетий люди не могут найти могилы своих близких, погибших в годы Великой Отечественной войны и захороненных на территории современных Латвийской, Литовской и Эстонской Республик. Это происходит потому что до сих пор Управление Министерства Обороны России по увековечению памяти погибших при защите Отечества не имеет своего представительства в странах Прибалтики, хотя Указ Президента Российской Федерации «О представительствах Министерства обороны Российской Федерации в иностранных государствах, на территориях которых имеются российские воинские захоронения», предписывающий создать такое представительство, вышел тринадцать лет назад, 1 октября 2007 года. 31 января 2019 года Президент Российской Федерации утвердил «Перечень поручений по увековечению памяти погибших при защите Отечества» (№ Пр-134), где говорится, что общественные организации могут быть уполномочены на проведение следующих работ: мониторинг состояния воинских захоронений, сбор и систематизация поисковой документации; ведение реестра воинских захоронений, в том числе захоронений, в отношении которых не осуществляется кадастровый учет; издание Книги памяти, содержащей сведения о воинских захоронениях. В соответствии с этими актами, общественным организациям и активистам Латвии, Литвы и Эстонии необходимо выйти с инициативой осуществлять часть функций Управления Министерства Обороны России по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Только объединив усилия Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Академии военных наук Российской Федерации, а также общественных организаций, зарегистрированных на территории государств Прибалтики, которые имеют положительный десятилетний и более опыт международной гуманитарной деятельности, мы сможем сохранить и защитить военно-

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

историческое наследие России в Прибалтике и достойно встретить 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Необходимо создать реестр учёта захоронений Героев Советского Союза умерших после завершения Великой Отечественной войны. Также необходимо создать плановый системный контроль за состоянием объектов военно-исторического наследия России в Латвии, Литве и Эстонии и организовать общественный уход за этими объектами. После завершения юбилейных мемориальных мероприятий наша задача – продуманно, ответственно и результативно продолжить эту работу.

Ключевые слова: международное право, поиск могил, близкие сотрудничество общественных и государственных структур, организация общественного ухода.

Международное право защищает военно-историческое наследие Российской Федерации (Союза Советских Социалистических Республик) в Прибалтике.

Общественная организация «Институт военного наследия», которая зарегистрирована в г. Вильнюсе Литовской Республики, на протяжении двадцати лет занимается международной гуманитарной деятельностью.

Зная, что в августе 2019 года всё международное сообщество будет отмечать 70 лет с момента подписания Женевских конвенций «О защите жертв войны» от 12 августа 1949 года и Дополнительных протоколов к ним, которые призваны защищать в том числе советские воинские захоронения за рубежом, Институт военного наследия вышел с предложением к благотворительному Фонду ветеранов дипломатической службы в лице его директора Владимира Викторовича Чхиквадзе, о проведении инвентаризации и подготовки к изданию трёхтомника «Книга памяти. Латвия. Литва. Эстония».

В течение летне-осеннего периода 2019 г. общественная организация «Институт военного наследия» провела беспрецедентную по своему объёму инвентаризацию советских воинских захоронений, памятных мест и мемориальных досок на территории Латвийской, Литовской и Эстонской Республики и своими глазами видела состояние значимых для Российской Федерации военных мемориальных объектов, а также смогла оценить как соблюдается (и нарушается) международное право по их защите.

В 2019 году, в период 70-летнего юбилея подписания Женевских конвенций, были проведены мемориальные мероприятия, осуществлялись публикации в СМИ, сделаны важные заявления. Так, и.о. Постоянного представителя Российской Федерации при ООН Д.А. Полянский на заседании Совета Безопасности ООН 13 августа 2019 г. сказал: «Сегодня мы собрались для того, чтобы отметить 70-летний юбилей Женевских конвенций – документов, являющихся основой современного права вооруженных конфликтов. Наша страна внесла существенный вклад в разработку этих конвенций, которые значительно расширили правовое регулирование поведения государств в период вооруженных конфликтов, и, прежде всего, в части защиты гражданского населения... Призываем все государства строго выполнять возложенные на них обязательства по международному праву, прежде всего действующие нормы международного гуманитарного права... мы убеждены, что проблемы имплементации кроются не в слабости международного гуманитарного права, а в неготовности или нежелании осуществлять его принципы и нормы на практике».

11 августа 2019 г. Папа Римский Фарнциск I в традиционном обращении к верующим с балкона своей резиденции в Ватикане, сказал: «Завтра исполняется

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

70 лет Женевским конвенциям, важным международно-правовым документам, которые налагают ограничения на применение силы и направлены на защиту гражданских лиц и заключенных во время войны. Пусть эта дата заставит государства еще больше осознать насущную необходимость защищать жизнь и достоинство жертв вооруженных конфликтов...».

Для нас, граждан, постоянно проживающих на территории Прибалтики, очень важным историческим фактом является то, что уроженец Эстонии, Фёдор Фёдорович Мартенс был фактическим автором проекта Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Данная Конвенция предлагалась для подписания государствам-участникам Брюссельской конференции, созванной по инициативе российского императора Александра II в 1874 г. Это было первой попыткой кодифицировать законы и обычаи войны.

Федор Мартенс был крупнейшим знатоком международного права своего времени, чье безупречное имя и дела позволяли не раз улаживать конфликты между разными государствами. Авторитет Мартенса во всем мире по вопросам мирного решения споров между странами, международного третейского суда, охраны культурных ценностей был непререкаем. Ему было оказано высокое доверие представлять Россию практически на всех значимых международных конференциях конца XIX и начала XX века.

Путь уроженца Пярну Федора Мартенса начался с самых низов социальной лестницы. Рано потеряв родителей, он остался в девять лет сиротой и воспитывался в доме родственников. Через год его отправили в петербургский сиротский дом при лютеранской церкви. Учился Федор Мартенс в немецкой гимназии Петершуле, затем поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который блестяще окончил. Не имея поддержки влиятельных родственников, только благодаря усердию, исключительному трудолюбию и огромной тяге к знаниям Федор Мартенс смог подняться до вершин в международной политике.

Торжественное открытие воссозданного надгробного памятника знаменитого российского юриста-международника и дипломата, признанного арбитра в международных спорах, профессора Санкт-Петербургского университета Федора Федоровича Мартенса, на протяжении 32 лет руководившего кафедрой международного права, состоялось на Волковском лютеранском кладбище.

Могила Мартенса была разрушена в 1990-е годы. На протяжении многих лет сотрудники Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), петербургские юристы и дипломаты вели работу по установлению точного места его захоронения. Благодаря представительству МИД России в Петербурге к финансированию мемориального проекта удалось привлечь Благотворительный фонд имени Грачья Погосяна.

В памятной церемонии приняли участие преподаватели и студенты СПбГУ, руководители петербургского представительства Министерства иностранных дел, Министерства юстиции России, представитель МИД Эстонии, представители благотворительных фондов и общественных организаций. Почетными гостями стали генеральные консулы Литвы, Латвии, Венгрии, Испании, Кореи и Словакии.

Открытие в Петербурге 26 октября 2019 г. восстановленного памятника талантливому уроженцу Эстонии, причастному к важнейшим

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

внешнеполитическим решениям России и крупнейшим международным событиями в мире, служит объединяющим страны моментом.

К сожалению, в Латвии, Литве и Эстонии с защитой советских воинских захоронений и памятников не всё так идеально, как хотелось бы. Достаточно вспомнить случаи вандализма и разрушения памятников на советских воинских захоронениях на территории прибалтийских стран.

В Латвии:

- в декабре 2018 г. в г. Риге на советском воинском захоронении рядом с кладбищем Зиепниекална неизвестные вандалы осквернили памятник советским воинам нецензурными надписями и повреждением скульптуры;
- 14 июня большинство депутатов Сейма Латвийской ССР поддержало петицию о демонтаже памятника советским воинам-освободителям в Риге, опубликованную на портале Manabalss. В МИД Латвии напомнили, что Памятник освободителям Риги находится под защитой международного договора от 13 января 1994 года – о сохранении, уходе и благоустройстве мемориальных сооружений.
- в октябре 2019 г. в г. Риге был осквернён памятник «Советским воинам – освободителям Риги и Латвийской ССР», на нём вандалы оставили надпись: «оккупанты»;
- в начале ноября 2019 г. в Риге неизвестными был демонтирован памятник советским героям-подводникам. Посольство РФ в Латвии решительно осудило этот кощунственный акт.

В Литве:

- в разрушенном состоянии находится памятник на советском воинском захоронении в г. Обеляй, Литва;
- разрушается уникальный мемориальный ансамбль из литовского дуба в Мажойи Реше, недалеко от г. Вильнюса;
- разрушению подвергается советское воинское захоронение в Жялейи Вилковишского района.
- в октябре 2018 г. был уничтожен памятник советским воинам близ деревни Мирославас Алитусского района.
- Министерство культуры Литвы распорядилось о том, чтобы не включать в перечень культурных ценностей памятники с советской символикой, будь то красная звезда, серп и молот или герб Советского Союза, что фактически узаконивает их последующий демонтаж, так как демонстрация советской символики в Литовской Республике законодательно запрещена.

Подобных фактов по Литве можно привести десятки примеров. При этом самый негативный фактор заключается в том, что с 2016 года на территории Литвы стало практически невозможным ведение ремонтно-реставрационных работ. Аварийное состояние памятников становится предлогом для их сноса.

В Эстонии:

- в октябре 2019 г. был снесён памятник павшим советским воинам, установленный на братской могиле в посёлке Таэбла.

Снос памятника МИД России расценил как глумление над памятью советских воинов. По словам официального представителя ведомства Марии Захаровой, подобные инциденты говорят о том, что принимаемые в Европе заявления о важности сохранения исторической памяти ничего не стоят.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

"Вызывает серьезную озабоченность продолжающееся глумление над памятью советским воинов, которые освободили в том числе прибалтийские народы от нацистского порабощения", — заявила она на брифинге, комментируя случившееся в эстонской поселке Таэбла. Дипломат подчеркнула, что речь идет о шокирующем своей циничностью акте.

"В результате варварских действий неясной остается судьба останков 26 военнослужащих. Это 2019 год, Европа", — отметила дипломат.

Посольство РФ направило ноту в МИД Эстонии из-за сноса памятника советским воинам.

В течение многих лет люди не могут найти могилы своих близких, погибших в годы Великой Отечественной войны и захороненных на территории современных Латвийской, Литовской и Эстонской Республик.

На протяжении тринадцати лет не ведётся в полном объёме работа по увековечению памяти погибших при выполнении воинского долга на территориях стран Прибалтики, как того требует Указ Президента РФ от 01.10.2007 г. № 1313 "О представительствах Министерства обороны Российской Федерации в иностранных государствах, на территориях которых имеются российские воинские захоронения". Основная проблема с увековечением памяти советских воинов на территории Прибалтики заключается в том, что это требует ежедневной, кропотливой, непрерывной работы, а дипломаты посольств России в Прибалтике очень загружены и поэтому не могут в полном объёме осуществлять такую деятельность (при том, что в Латвийской Республике есть должность сотрудника по военно-мемориальной работе, который должен отвечать также и на запросы о месте перезахоронения).

31.01.2019 г. Президент РФ утвердил «Перечень поручений по увековечению памяти погибших при защите Отечества» (№ Пр-134), где говорится, что общественные организации могут быть уполномочены на проведение следующих работ: мониторинг состояния воинских захоронений, сбор и систематизация поисковой документации; ведение реестра воинских захоронений, в том числе захоронений, в отношении которых не осуществляется кадастровый учет; издание Книги памяти, содержащей сведения о воинских захоронениях и т.д.

В соответствии с вышеперечисленными актами, общественным организациям и активистам Латвии, Литвы и Эстонии необходимо объединить усилия и выйти с предложением осуществлять часть функций Управления Министерства Обороны России по увековечению памяти погибших при защите Отечества, т.к. оно не имеет своего представительства в странах Прибалтики.

В уходящем 2019 году мы, совместными усилиями с активными гражданами и общественными организациями прибалтийских стран, провели инвентаризацию всех воинских захоронений и большинства памятных мест. Данная работа не проделана до конца: чем больше мемориальных объектов было обнаружено, тем больше выявлялось проблем, в частности: на многих мемориальных камнях сорваны плиты, ряд объектов находится в запущенном состоянии, встречались случаи, когда камни были сброшены со своих мест, повалены или осквернены. Как объекты культурного наследия, в большинстве случаев, мемориальные камни не фигурируют, а, значит, юридически беззащитны. Под ними нет останков, но там пролита кровь сотен и тысяч советских воинов и местных жителей – жертв фашизма. Их судьба – дело чести общественных организаций, занимающихся

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

международной гуманитарной деятельностью. Нет учёта захоронений Героев Советского Союза умерших после завершения Великой Отечественной войны.

На ресурсе Министерства обороны РФ «ОБД-Мемориал» опубликованы миллионы документов с указанием мест захоронения бойцов на момент их гибели, но от 30 до 70 % имён погибших, в зависимости от региона, до сих пор нигде не увековечены. Также существует большое число воинов, имена которых на плитах искажены или сведения о них неполные или они увековечены не на тех братских кладбищах, где должны быть перезахоронены.

В Латвии активная работа по составлению учётных карточек захоронений велась группой активистов общества «Ruthenia» и Русского Общества на основании сведений, содержащихся на надгробных плитах 360 воинских братских кладбищ. Уточнением имён в настоящее время занимается группа представителей поисковых отрядов и общественных организаций Латвии.

В Литве существует 236 советских воинских захоронений. Работу по составлению учётных карточек захоронений в этой прибалтийской республике проводит общественная организация «Институт военного наследия».

В Эстонии 279 советских воинских захоронений. Учётом воинских захоронений и присмотром за ними занимается общественная организация «Front Line».

Точное установление именных списков воинов, захороненных на том или ином мемориале, возможно только после тщательной их сверки со всеми имеющимися документами, доступными на «ОБД-Мемориал», «Память народа» и др. ресурсах Министерства обороны РФ, а также с сохранившимися документами районных военкоматов, исполкомов, отделов культуры, коммунальных служб, что требует большой работы в региональных архивах прибалтийских республик.

В настоящее время в Латвии, Литве и Эстонии существуют десятки общественных организаций, которые неравнодушны к военно-историческому наследию России в Прибалтике. Самым положительным примером для нас является руководитель военно-исторического клуба «Front Line», Андрей Лазурин. Эта общественная организация собирает вокруг себя все созидательные силы на территории Эстонии, активно занимающиеся международной гуманитарной деятельностью. На сегодняшний день клуб объединяет около 50 человек различного возраста и национальности. Участники ведут большую разнообразную работу: поиск, идентификацию и захоронение останков солдат, погибших на полях сражений, архивные исследования, паспортизацию, описание и уход за воинскими захоронениями на территории Эстонии, проводят встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, проводят лекции на военно-исторические темы. Отличительной чертой этой общественной организации является то, что участники осуществляют эту деятельность в свободное от основной работы время и в выходные дни. Считаю, что следуя такому положительному примеру, можно организовать работу по всей Прибалтике. Имеет смысл закрепить за каждой общественной организацией, зарегистрированной на территории прибалтийских государств, конкретные советские воинские захоронения и памятные места с тем, чтобы члены данной организации также на добровольных началах осуществляли уход за объектами военно-исторического наследия России в Латвии, Литве и Эстонии. В таком случае требуются незначительные финансовые затраты на оплату бензина,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

закупки оборудования для мойки и чистки изделий из гранита, шанцевый инструмент.

Вместе с неравнодушными гражданами и общественными организациями Прибалтики при поддержке благотворительного «Фонда ветеранов дипломатической службы» в лице директора В.В. Чхиквадзе, издательства «Человек» в лице директора и главного редактора В.Л. Штейнбаха, был выпущен трёхтомник «Книга памяти. Латвия. Литва. Эстония». Это был наш первый шаг в рамках совместной деятельности. Приветственные слова к трёхтомнику подписали: Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров и Министр обороны РФ С.К. Шойгу.

Только объединив усилия Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Академии военных наук Российской Федерации, Поискового движения России и общественных организаций, зарегистрированных на территории государств Прибалтики, которые имеют положительный десятилетний и более опыт международной гуманитарной деятельности, мы сможем сохранить и защитить военно-историческое наследие России в Прибалтике и достойно встретить 75-летие Победы в Великой Отечественной войне.

После завершения юбилейных мемориальных мероприятий наша задача – продуманно, ответственно и результативно продолжить эту работу.

Trakselis Yu.

REVIEW OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN EFFORTS TO PRESERVE SOVIET MILITARY GRAVES IN THE BALTIC STATES

TRAKSHIALIS Yurijus – honorary member of the Academy of military Sciences of the Russian Federation, Chairman of the NGO "Institute of military heritage", LT-01106, Republic of Lithuania, Vilnius, 3 Shermukshniu street.
e-mail: juratra55@gmail.com

Abstract. International law protects the military and historical heritage of the Russian Federation (Union of Soviet Socialist Republics) in the Baltic States. An objective factor that violates this international law is the extreme form of Russophobia in the Baltic States. For decades, people have been unable to find the graves of their loved ones who died during the great Patriotic war and were buried on the territory of the modern Latvian, Lithuanian and Estonian Republics. This is because until now the Administration of the Ministry of Defense of Russia to perpetuate the memory of victims at protection of Fatherland has no representation in the Baltic countries, although the decree of the President of the Russian Federation "On establishments of the Ministry of defence of the Russian Federation in foreign States, where there are Russian military burial", prescribing to create such a representation, came out thirteen years ago, on 1 October 2007. On January 31, 2019, the President of the Russian Federation approved the "List of instructions for perpetuating the memory of those who died in the defense of the Fatherland" (no PR-134), which States that public organizations can be authorized to carry out the following works: monitoring the state of military graves, collecting and systematizing search documentation; maintaining a register of military graves, including those that are not subject to cadastral registration; publishing a book of memory containing information about military graves. In accordance with these acts, public organizations and activists in Latvia, Lithuania and Estonia should take the

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

initiative to carry out part of the functions of the Department of the Ministry of Defense of Russia to perpetuate the memory of those who died in the defense of the Fatherland. Only by combining the efforts of the Ministry of foreign Affairs, the Ministry of defense, the Academy of military Sciences of the Russian Federation, as well as public organizations registered in the territory of the Baltic States, which have a positive ten-year or more experience in international humanitarian activities, will we be able to preserve and protect Russia's military and historical heritage in the Baltic States and celebrate the 75th anniversary of Victory in the great Patriotic war with dignity. It is necessary to create a register of graves of Heroes of the Soviet Union who died after the end of the great Patriotic war. It is also necessary to create a planned system of monitoring the state of Russian military historical heritage sites in Latvia, Lithuania and Estonia and organize public care for these sites. After the anniversary memorial events are over, our task is to continue this work in a thoughtful, responsible and effective manner.

Keywords: international law, search for graves, close cooperation of public and state structures, organization of public care.

УДК 94(47) «1945/1950»

Трофимов А.В.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ В ВИЗУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х ГОДОВ)*

ТРОФИМОВ Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, 620142, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.
e-mail: 2519612@rambler.ru

Аннотация. Репрезентация исторических представлений о событиях и последствиях Великой Отечественной войны включает в себя и визуальную составляющую. Информация «зашифрована» в визуальных образах позволяет исследователям более точно реконструировать социокультурный ландшафт, выявить реперные точки в пространстве эпохи, реализовать важнейшие функции исторического знания: объяснение и понимание. Обращение к визуальной составляющей послевоенной эпохи, предпринятое в статье, позволяет выявить «следы войны» в ландшафте и социокультурном пространстве советских городов, реконструировать ценностные предпочтения и модели поведения населения. В статье предпринята попытка рассмотреть визуальное городское послевоенное пространство в двух плоскостях. Одна плоскость визуального городского пространства второй половины 1940-х годов включает в себя объективированную составляющую (архитектурные тенденции, градостроительные практики), вторая, содержит визуальное отражение социокультурных проблем повседневной городской жизни. В ней выделяются феномены послевоенного городского

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

нищенства, коммунального жилья и быта, городских колхозных рынков и кинематографа. Показано, что теоретические представления о необходимости создания художественного образа города, как своеобразного памятника эпохе, в корреляции с повышением качества жизни людей, преодолении сложившихся в прошлом дефектов планировки и застройки вступали в противоречия с жизненными реалиями, лимитировались ограниченными возможностями послевоенной экономики. Выявлено, что для второй половины 1940-х годов характерен широкий диапазон обращения граждан к инструментарию воздействия на органы местной, региональной и центральной власти, в том числе, с использованием критики визуальных образов и их отличия от минимально приемлемых стандартов городского образа жизни (очереди, плохое состояние дорог, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и т.п.).

Ключевые слова: визуальные образы, повседневная жизнь, горожане, «следы войны», Вторая мировая.

Победа в Великой Отечественной войне для советского народа обозначила в качестве очевидного приоритета – скорейшее восстановление разрушенного за годы войны народного хозяйства, промышленности, городов, налаживание мирной жизни. Многочисленные «следы войны» в значительной мере определяли векторы послевоенного развития, стали маркерами, позволявшими увидеть динамику и успешность послевоенного восстановления, обозначить нерешенные и отложенные проблемы. Репрезентация исторических представлений о событиях и последствиях Великой Отечественной войны включает в себя и визуальную составляющую. Информация, содержащаяся в визуальных образах, позволяет исследователям более точно реконструировать социокультурный городской ландшафт. Обращение к визуальному пространству советских городов позволяет не только увидеть детали исторического полотна, на котором последствия войны были видны невооруженным глазом, но и считывать культурные коды, выявить ценностные предпочтения, понять приоритеты доминирующих тогда моделей поведения жителей страны.

В статье предпринята попытка рассмотреть визуальное городское послевоенное пространство второй половины 1940-х годов в двух плоскостях. Одна из них, включает в себя объективированную составляющую (архитектурные тенденции, градостроительные практики), вторая, отражает повседневные практики и социокультурные аспекты городской жизни (социальные проблемы, образы и структуры повседневности). В ней выделяются феномены коммунального жилья и быта, послевоенного городского нищенства, городских колхозных рынков и кинематографа.

Последствия войны для нашей страны были тотальными, но они различались, в зависимости от географического положения. Города, расположенные в районе театров боевых действий, подвергшиеся оккупации визуально отличались от тыловых городов. Объективные данные, свидетельствуют о том, в годы войны было сожжено и разрушено 1710 городов и поселков, 1,5 млн. зданий и сооружений, кров потеряли около 25 млн. человек. В западных районах страны было потеряно более 31 тыс. промышленных предприятий, производивших до войны 60% ВВП, 216 тыс. торговых предприятий, 4 тыс. железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций, радиостанций, 6 тыс. больниц, 33 тыс.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

поликлиник, диспансеров и амбулаторий, более полутора тысяч санаториев и домов отдыха, 82 тыс. начальных и средних школ, 1 520 техникумов, 334 высших учебных заведения, 605 научно-исследовательских институтов и других научных учреждений, 427 музеев, 43 тыс. библиотек общественного пользования и 167 театров. Из 2 567 тыс. жилых домов в городах СССР, подвергавшихся оккупации, было уничтожено и разрушено 1 209 тыс. домов (по размерам жилой площади, это количество составляло свыше 50% всей городской жилой площади этих городов) [1, с. 61; 2, с. 163]. Отраженный в многочисленных кино- и фотодокументах этот масштаб разрушений формировал визуальные представления об огромном ущербе, который понесла наша страна, и вместе с тем, этот образный ряд становился постоянным напоминанием, точкой отсчета и «эталоном» для сравнения происходивших изменений в глазах послевоенных поколений, принимавших непосредственное участие в восстановлении страны.

Ещё во время войны (в 1943-1944 гг.) началась работа по составлению проектов генеральных планов разрушенных городов. При Академии архитектуры СССР, а затем при Государственном комитете по делам архитектуры (созданном в 1943 г.) появились мастерские под руководством ведущих архитекторов (К. Алабян, В. Веснин, В. Гельфрейх, М. Гинзбург, Г. Гольц, Л. Руднев, В. Семенов, А. Щусев и др.), в которых разрабатывались концептуальные подходы и проекты, в теоретическом плане предполагавшие, что, создание художественного образа города, как своеобразного памятника эпохе, должно было коррелировать с повышением качества жизни людей, а конкретные проекты возрождения разрушенных городов должны устранить, сложившиеся в прошлом дефекты планировки и застройки.

В практической плоскости, реализация этих задач лимитировалась возможностями послевоенной экономики, поэтому на первое место вышел функционально-прагматический аспект, процесс застройки городов корректировался с учетом недостатка ресурсов. Как правило, воспроизводилась сложившаяся схема формирования города по промышленно-отраслевому принципу, не всегда совпадавшая с логикой его естественного развития и историко-культурными традициями. Во многом это объясняется тяжелейшими последствиями войны. За годы войны миграция населения в восточные районы обострила жилищно-коммунальную проблему. В тыловых районах за время войны прирост жилой площади происходил интенсивнее, чем в довоенный период. Если в среднем перед войной строилось 9,9 млн. м² жилой площади в год, то в годы войны — 11,1 млн. м². Это было утилитарное строительство, подчиненное требованиям жесткой экономии и функциональности. В ходе строительства широко использовались доступные местные материалы (камень, кирпич, дерево, грунтоблоки, шлакоблоки), развивалось заводское производство легких сборных элементов зданий из щитовых и каркасных деревянных конструкций. Из-за недостатка металла и крупноразмерного леса для перекрытий архитекторы разрабатывали новые арочные и сводчатые конструктивные системы, упрощали санитарное оборудование зданий, преобладала застройка одно-двухэтажными зданиями. Главной задачей градостроительства стала необходимость разместить рабочих поближе к «своему» заводу, в «своем» поселке. [3, с. 280-281]. В 1948 г. в городском жилищном фонде страны 75% составляли одноэтажные строения, 21% - двухэтажные, 2% - трехэтажные дома. Только в Ленинграде, Киеве и Тбилиси дома выше двух этажей составляли более

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

10% жилищного фонда и в них проживало от 30% до 40% населения данных городов. Из 14 крупных советских городов только в Ленинграде, Тбилиси, Баку кирпичные и каменные строения занимали более 90% жилой площади, в остальных городах основу жилого фонда составляли деревянные и построенные из смешанных материалов строения [4, с. 165-167]. Такая специфика расселения, объяснялась также неразвитостью сети городского транспорта, но в перспективе малоэтажная застройка вела к экстенсивному росту городов и только обостряла транспортную проблему.

В годы войны в тыловых городах на базе существующих предприятий размещались эвакуированные заводы, возводились новые цеха, пространства учебных заведений, библиотек, учреждений превращались в производственные площадки. В городах создавались военные госпитали, в эвакуацию приезжали люди разных профессий. В послевоенные годы, для людей, живших в бывших тыловых городах визуальная память о мирной жизни сохранялась в планировке и облике зданий, в панорамах и возможности прогулок по знаковым местам. Жители наблюдали последствия войны, но помнили, каким город был прежде. После войны городские ландшафты напоминали о том, как город жил в войну, о бедствиях, которые пришлось пережить людям, различные «следы войны» можно было встретить на улицах большинства городов. Люди помнили о погибших, городской ландшафт хранил память о войне, но города постепенно сбрасывали «военную кожу».

Постановлениями Правительства СССР от 22 августа 1945 года «О мерах по восстановлению г. Сталинграда» и от 1 ноября 1945 года «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Смоленска, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Пскова, Севастополя, Воронежа, Новгорода, Великих Лук, Калинина, Брянска, Орла, Курска, Краснодар и Мурманска» предусматривалось восстановление жилищного и коммунального хозяйства этих городов. В 1945-1950 гг. только по РСФСР разрабатывались генеральные планы развития 250 городов, в том числе тех, где в связи с расширением промышленного производства и ростом населения требовались реконструктивные мероприятия и расширение городских территорий. Всего за три послевоенных года планы по вводу объектов были выполнены на 57%, в большинстве разрушенных городов РСФСР, особенно в Сталинграде, Севастополе, Смоленске и Вязьме обобществленный жилой фонд оставался значительно ниже довоенного. В 1949 г. ЦСУ СССР констатировало, что ходе восстановительных работ в городах РСФСР в 1946-1948 гг. ни одно из ответственных министерств не выполнило установленных на три года планов капитальных работ по жилищному, коммунальному и культурно-бытовому строительству, выполнение плана составило от 39 до 94% [4, с. 163-164]. Такая ситуация объясняется как масштабом самих планов, так и проблемами с нехваткой квалифицированных строителей, строительной техники и необходимых материалов.

За этими статистическими данными скрывалось характерное послевоенное явление, определенная социокультурная норма — необходимость для миллионов людей проживать в тяжелых и скученных условиях: комнатах в деревянных бараках, заводских общежитиях, коммунальных квартирах, в подвалах, на чердаках, в подсобных, лишенных элементарных бытовых удобств помещениях. Бараки, не имевшие водопровода и канализации, составляли значительную часть

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

жилого фонда, поэтому для многих семей мечтой была своя комната в коммунальной квартире. Важную роль играл двор, который являлся неотъемлемой частью дома, в нём протекали детство, юность и взрослая жизнь их обитателей, происходило общение соседей, среди которых было немало фронтовиков. Популярными местами досуга в условиях жилищной тесноты были парки культуры и отдыха.

Исследователи отмечают [5], что в ходе послевоенного восстановления советских городов существовали противоречия. С одной стороны, провозглашалось стремление к художественной целостности и универсальной свехупорядоченности городского пространства, понимаемого как единый ансамбль. Город рассматривался как средство для предъявления политических идей социального благополучия и экономического процветания. С другой стороны, происходило деструктивное формирование городской территории, как совокупности поселков при промышленных предприятиях. Долгосрочные перспективы развития города при этом постоянно менялись, происходила многократная корректировка решений. Эти тенденции отражали интересы государства в области градостроительства, но недостаточно учитывали интересы людей, живущих в городах. В условиях ограниченности ресурсов сложились приоритеты и определилась специфика послевоенного развития городов. Наиболее заметные визуальные перемены произошли в пространственно-планировочной плоскости разрушенных городов. В бывших тыловых городах, принявших в годы войны основной объем эвакуированных предприятий и населения принимались паллиативные реконструктивные решения, тогда как, в городах, не являвшихся крупными индустриальными центрами наблюдалось почти полное отсутствие реконструктивной деятельности.

В коммеморативной практике послевоенного периода важная роль отводилась строительству монументально-декоративных сооружений, посвященных теме войны и Великой победы, памяти героев. Мемориальные комплексы, монументы героям воинам, триумфальные арки, памятники выдающимся военачальникам становятся важным визуальным элементом центральных городских ансамблей. В послевоенные годы складывались традиции, символы, ритуалы проведения праздника Дня Победы. Образ Победы для горожан ассоциировался с праздничным салютом, митингами, спортивными соревнованиями, массовыми народными гуляниями, торжественными собраниями в городах и на предприятиях. Другие официальные праздники (7 ноября, 1 мая) отмечались массовыми мероприятиями — парадами и демонстрациями, на которые, как правило, ходили всем двором, предприятием, школой.

Война привела к увеличению доли маргинальных элементов в советском социуме. В послевоенное время в городах появилась многочисленная категория нищих (бездомных, сирот, инвалидов). Даже в 1954 г. по официальным данным их насчитывалось 25, 5 тыс. человек. Нищенство (попрошайничество) подразделялось на два вида — профессиональное (основной источник существования) и случайное, вынужденное жизненными обстоятельствами. Большинство нищих были инвалидами войны, «профессионалы» среди нищих составляли около 10%, именно инвалиды войны, стали «лицом» послевоенного нищенства. Еще одно последствие войны, визуальная черта городской послевоенной действительности — детское нищенство (сироты и беспризорные дети). Как отмечают исследователи [6], в 1946 г. среди беспризорников и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

малолетних нищих стали все чаще встречаться дети, у которых были родители. Это нищенство имело «голодный след». Голод 1946—1947 гг. наряду с войной стал еще одной причиной распространения попрошайничества.

В послевоенные годы подавляющее большинство жителей посещали городские колхозные рынки, которые являлись чуткими «барометрами» спроса, отражающими потребительские потребности, настроения, были местом совершения легальных и теневых сделок. Война принципиально изменила роль городского колхозного рынка, если в 1940 году более 75% всех покупок рабочими промышленных предприятий осуществлялось в государственной торговле и кооперации, то после окончания войны объемы затрачиваемых денежных средств трудящимися промышленности на покупку продовольственных и промышленных товаров на колхозном рынке и у отдельных граждан оказались больше, чем в государственной торговле. В первые послевоенные годы в обычных магазинах продовольствие зачастую отсутствовало, нередко в витринах выставляли картонные муляжи продуктов, тогда как на колхозных рынках в продаже было продовольствие, но по высоким ценам (1 кг хлеба мог стоить больше недельной зарплаты). В такой ситуации рынки становились местом незаконной торговли, спекулятивных сделок. Только во втором полугодии 1945 года правоохранительными органами в Москве за незаконную торговлю было задержано 9146 несовершеннолетних, что составило более одной трети от всех задержанных за различные правонарушения детей. Они торговали дрожжами, конфетами, учебниками, тетрадями, открытками, канцелярскими принадлежностями, папиросами, билетами в цирк [7, с. 150-151].

Существенное снижение роли колхозного рынка и частных торговцев в снабжении городского населения продовольственными и промышленными товарами было зафиксировано в 1948 г., чему способствовало ужесточение законодательства (указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «О хищении государственного и общественного имущества») и отмена продовольственных карточек. Бюджетные обследования работников промышленности, проведенные в 1948 г., свидетельствуют, что переход к развернутой советской торговле после денежной реформы и отмены карточной системы вызвал резкое сокращение поступлений от продажи продуктов, вещей и случайных заработков у отдельных граждан. Удельный вес этого вида дохода сократился с 13,6 % в 1947 году до 3 % в 1948 г. и был меньше, чем в 1940 г. [4, с. 93-94].

Колхозные рынки в послевоенных городах были локусами жизненного пространства, где происходила реализация потребностей, лимитируемых денежными возможностями покупателя. Для большинства горожан рынки позволяли пополнить скудную «потребительскую корзину», приобрести кустарные изделия и дефицитные промышленные товары. Реальное положение на рынках городов разительно отличалось от визуального образа изобилия, продемонстрированного в фильме «Кубанские казаки» (1949 г.). Основная масса городского населения после Великой Отечественной войны находилась в сложных условиях, удовлетворение базовых потребностей осложнялось нехваткой ресурсов. Несмотря на некоторый рост заработной платы в послевоенные годы, в условиях сильного дефицита стоимость жизни оказывалась выше платежеспособного спроса, а уровень жизни населения, хотя и рос, но оставался достаточно скромным. Так, по экспертным данным, через десять лет

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

после окончания Великой Отечественной войны нормы фактического питания в стране были ниже научных норм по всем продуктам, кроме хлебных продуктов и картофеля [4, с. 134].

Важнейшим источником информации, наряду с прессой, являлось в послевоенные годы радио, а телевидение тогда делало только первые шаги. Городское население имело в 1940 г 420 тыс., радиоприемников и 400 телевизоров, в 1950 г 1 млн. 49 тыс. радиоприемников и 15 тыс. телевизоров [8, 143-144]. В послевоенных советских городах доступным практически всем категориям населения видом отдыха и средством трансляции визуальных образов был кинематограф. Война нанесла ущерб материальной базе кинематографа, если в 1940 г. в городах и рабочих поселках РСФСР работало 5 тыс. киноустановок, в 1945 г. их осталось 3,8 тыс. За 1946-1948 гг. в 16 городах, получивших большие разрушения в годы войны, было введено кинотеатров на 3270 мест, что было почти наполовину меньше запланированного [9, с. 163]. С 1945 по 1950 гг. в стране количество стационарных киноустановок увеличилось с 9,1 тыс. до 21,2 тыс., а количество посещений киносеансов с 622 млн. в 1945 г. до 1144 млн. в 1950 г. [8, с. 238].

По нашим подсчетам, на основе аннотированного каталога «Советские художественные фильмы (1930-1957 гг.)» (М., 1961), в 1946-1950 гг. на экраны кинотеатров вышло 92 игровых фильма, снятых в СССР, 32 из которых были либо полностью посвящены теме Великой Отечественной войны, либо в сюжетных линиях прослеживалась связь с войной. В ходе просмотра зрители могли вновь пережить свой экзистенциальный военный (фронтной или тыловой) опыт, поместив его в контекст биографии страны и героического поколения победителей. Популярными послевоенными фильмами стали «Подвиг разведчика» (1947 г.), «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия» (1948 г.) и др. В памяти современников запечатлелся феномен «трофейного кино» («Девушка моей мечты», «Индийская гробница» и др.), для которого был характерен акцент на развлечение зрителей, что помогало настроить людей на мирную жизнь и пережить тяготы и невзгоды послевоенного времени. О популярности послевоенного кино свидетельствовали очереди за билетами и спекуляция ими. Так, в центре Москвы у кинотеатра «Метрополь» в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродавали билеты, купленные за 3 р. по цене 15—20 р. [7, с. 151].

Экономическое сознание и модели поведения городского населения в послевоенные годы определялись наряду с официальными пропагандистскими установками, послевоенными реалиями, рефлексией восприятия визуальных образов повседневной жизни. Пространство стратегий повседневной жизни ограничивалось государственными механизмами контроля над сферой частной жизни (коммуналки и покомнатный принцип расселения, запрет абортов, нелегитимность фактических браков и т.д.). Для второй половины 1940-х годов характерен более широкий диапазон обращения граждан к инструментарию воздействия на органы местной, региональной и центральной власти, в том числе, с использованием критики визуальных образов и их отличия от минимально приемлемых стандартов городского образа жизни (очереди, плохое состояние дорог, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, положение инвалидов войны многодетных семей, женщин-матерей и детей, пенсионеров, выплат пособий, пенсий, оплаты труда, трудоустройства демобилизованных военных и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

т.п.) [10, с. 144-174]. В послевоенном социокультурном пространстве советских городов последствия войны оказывали существенное воздействие на повседневную жизнь горожан. В ходе послевоенного восстановления менялся городской ландшафт, вместе с тем, ограниченность ресурсов и стремление быстрее исцелить раны войны, закладывали спорные градостроительные решения, будущие дисбалансы в развитии городских территорий. В городском визуальном пространстве послевоенного времени, в ходе восстановительных работ ликвидировались многочисленные «следы войны», но одним из наиболее трудно преодолеваемых явлений оставалась жизнь в условиях бедности.

Список литературы

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
2. Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеоб. Истории РАН. – М.: Наука. – 2011. Кн. 2. Мир в XX веке: Эпоха глобальных трансформаций. 2018. 642 с.
3. Соколов Н.Б., Павличенков В.И. Всеобщая история архитектуры. Том 12. Книга первая. Архитектура СССР. Под редакцией Н.В. Баранова. М.: Стройиздат, 1975. 280 с.
4. Советская жизнь. 1945-1953 гг. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.
5. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х - первой половины 1950-х годов. М.: Либроком, 2009. 422 с.
6. Зубкова Е.Ю. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940—1960-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 11 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М., 2013. С. 285-310.
7. Богданов С.В., Орлов В.Н. Из истории борьбы правоохранительных органов СССР со спекуляцией в первые послевоенные годы // Современное право. 2010. № 1. С 148-152.
8. Народное хозяйство СССР в 1956 г. (Статистический сборник). М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 262 с.
9. РСФСР за 40 лет (Статистический сборник) М.: Сов. Россия, 1957. 223 с.
10. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.): сборник документов и материалов / отв. ред. А. В. Трофимов; [кол. авт. : Е. А. Игишева, М. А. Клинова, С. М. Морий, А. В. Трофимов]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. 355 с.

Trofimov A.V.

CONSEQUENCES OF THE WAR IN THE VISUAL SPACE OF SOVIET CITIES (THE SECOND HALF OF THE 1940S)

TROFIMOV Andrey V. – doctor of historical Sciences, Professor, Ural state University of Economics, 62, 8 March str., Yekaterinburg, 620142, Russia.
e-mail: 2519612@rambler.ru

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Abstract. Representation of historical representations of the events and consequences of the great Patriotic war includes a visual component. Information "sewn" in visual images allows researchers to more accurately reconstruct the socio-cultural landscape, identify reference points in the space of the epoch, and implement the most important functions of historical knowledge: explanation and understanding. The appeal to the visual component of the post-war era, undertaken in the article, allows us to identify the "traces of war" in the socio-cultural space of Soviet cities, reconstruct the value preferences and behavior patterns of the population. The article attempts to consider the visual urban post-war space in two planes. One plane of the visual urban space of the second half of the 1940s includes an objectified component (architectural trends, urban planning practices), the second contains a visual reflection of the socio-cultural problems of everyday urban life. It highlights the phenomena of post-war urban beggary, communal housing and everyday life, urban collective farm markets and cinema. It is shown that theoretical ideas about the need to create an artistic image of the city as a kind of monument to the era, in correlation with improving the quality of life of people, overcoming the defects of planning and development that developed in the past, conflicted in the course of implementing these tasks, limited by the limited opportunities of the post-war economy. It is revealed that the second half of the 1940s is characterized by a wide range of citizens' appeal to the tools of influence on local, regional and Central authorities, including the use of criticism of visual images and their differences from the minimum acceptable standards of urban lifestyle (queues, poor condition of roads, transport, housing and communal services, etc.).

Keywords: visual images, everyday life, citizens, "traces of war", world war II.

УДК 94(476)»1942/1944»:355.422.1

Тугай В.В.

РЕЙХСДОЙЧЕ В РЯДАХ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН (1942–1944 гг.)

ТУГАЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, заведующий центром Всеобщей истории и международных отношений Института истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Аннотация. В данной статье рассматривается один из менее изученных в белорусской историографии вопросов – участие немцев в партизанском движении и разгроме фашистской Германии. В данной статье показаны примеры героизма немецких патриотов и описаны военные операции, в которых немецкие антифашисты принимали участие. Одной из наиболее важных проблем для отечественных и зарубежных исследователей является изучение вклада каждой нации в победу над фашистской Германией. Молодежь должна знать, что не все немцы разделяли гитлеровскую доктрину, многие из них погибли на нашей земле вместе с представителями других национальностей. Поверхностное изучение партизанских фондов НАРБ позволяет сделать вывод о том, что многие перебежчики, упоминаемые в мемуарной литературе, а также официально числящиеся при партизанских отрядах – члены Национального комитета «Свободная Германия», не проходят по официальной статистике. По подсчетам автора в рядах белорусских партизан сражались несколько сотен имперских

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

немцев. Архивные материалы позволяют проанализировать социальный состав перебежчиков, партийную принадлежность, образование и т. д. В большинстве своем перебежчики являлись беспартийными, образование среднее, хотя встречались и лица с высшим образованием. Среди перебежчиков встречались рабочие и крестьяне (бауэры), врачи, строители и художники. Большинство перебежчиков-антинацистов являлись рядовыми или младшими офицерами.

Ключевые слова: «рейхсдойче», «фольксдойче», партизан, антифашист, «Свободная Германия», Белорусский штаб партизанского движения, «Смерть фашизму», дезертир.

С первых дней Великой отечественной войны территория Беларуси стала ареной ожесточенных боев против войск нацистской Германии и ее сателлитов. В начале войны наблюдались единичные случаи перехода «рейхсдойче» на сторону советских партизан. Это были, как правило, рядовые вермахта или унтер-офицеры, которые были не в ладах с военными властями. Некоторые из них бежали из тюрем, которые находились в Минске и Вильно, большей частью дезертиры, а также симулянты, не желающие воевать за нацистов. Ежедневно в этих тюрьмах находилось от 300 до 700 чел. [1]. Перебежчик из минского гарнизона Курт Шен рассказал, что каждый день в минской тюрьме расстреливают по 20-30 чел. солдат вермахта [1, л. 201-202]. Первых перебежчиков – «рейхсдойче» на сторону белорусских партизан после допроса, как правило, расстреливали, или переправляли на самолете в Москву, где они и терялись. Такая же судьба и пленных «рейхсдойче», которые попадали в руки белорусских партизан в ходе боевых операций в первые годы войны.

В 1941–1942 гг. не наблюдалось массового перехода «рейхсдойче» на сторону советских партизан. Десятки перебежчиков представляли собой рядовой и младший офицерский состав. Исключение составляют несколько случаев перехода на сторону партизан лиц высшего офицерского состава. Так, в 1942 г. в отряд специального назначения, которым командовал С. А. Ваупшасов, на грузовике прибыл полковник вермахта с капитаном люфтваффе. Они привезли из Тростенца двух еврейских женщин с детьми [2]. Мотивы перехода к партизанам они объяснили тем, что ненавидят нацистов и не разделяют их политику уничтожения мирного населения. Офицеры некоторое время находились в отряде, изучали русский язык, а затем были переправлены в Москву.

Морально-политическое положение немецкой армии ухудшалось с каждым днем. Слухи о поражениях на Восточном фронте доходили, несмотря на строгую цензуру, и до немецких солдат, усиливая антинацистские настроения в их среде. Этому во многом способствовала большая политическая работа, проводившаяся подпольными партийными организациями, а также пропагандистской группой комитета «Свободная Германия», заброшенной в белорусские леса и поддерживающей тесные связи с партизанами и подпольщиками.

Воинские гарнизоны стали забрасывать листовками и воззваниями, призывающими к прекращению войны. «Немецкий товарищ! – говорилось в листовке ЦК КП(б)Б, – не медли дальше. Кончай войну. Тебе не нужна война. Ты не плутократ, не спекулянт. Ты рабочий, крестьянин, ремесленник, учитель, служащий или чиновник. Ты такой же трудящийся, как и мы» [3]. Листовки являлись, как правило, пропуском при переходе в партизанский отряд, они же служили связующим звеном для переписки, которая устанавливалась между

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

служащими вермахта и руководством партизанскими соединениями. Оперативная группа (БШПД) на Калининском фронте в мае 1943 г. сообщала, что один из немецких солдат, получив сводки Совинформбюро и письмо из одной из партизанских бригад, действовавших в Полоцком районе, прислал партизанам письмо. В нем говорилось: «Товарищи из партизанского командования! Я благодарю вас за сообщение последних известий на всех фронтах и радуюсь высоко оказанному мне партизанским командованием доверию. Уже в начале войны с этой страной, с первого дня мне стало ясно, по какому ложному пути ведут наш народ, какому подстрекательству и лживой пропаганде он подвергается. Поэтому моей основной целью должно стать ознакомление моих товарищей с пролетарской идеей» [4]. Позднее командование партизанской бригады получило письмо от немецкого ефрейтора, который просил о встрече с ним. Он сообщил, что многие солдаты и даже часть офицеров недовольны войной, проклинают Гитлера и его политику. В подтверждение своих слов ефрейтор передал партизанам ящик патронов [4].

В свою очередь командование партизанских соединений использовало перебежчиков. От их имени налаживалась переписка с солдатами и офицерами немецкой армии на предмет перехода к партизанам. Много шума в немецких кругах произвело письмо перебежчика Эрвина Ханзена, штурмбанфюреру СС Лоссу. Такое же письмо было направлено штурману СС Курту Кирхнеру. В письмах Ханзен отмечает, что он встретил в партизанском отряде товарищей – немцев [1, д. 37, л. 244]. Подобное обращение от имени пленного ефрейтора 2-й роты батальона связи 205 дивизии Константина Люкс с призывом прекратить безумное кровопролитие, также было направлено немецким солдатам [1, д. 1293, л. 8]. 13 февраля 1944 г. газета Смоленичского подпольного райкома КПБ «Смерть фашизму» опубликовала письмо немецкого солдата Йозефа В., перебежавшего в один из партизанских отрядов. Он нахваливал своему командиру фельдфебелю Юнгу жизнь у партизан «Я нахожусь в партизанском отряде. Увидел здесь то, чего как раз не представлял себе. Партизаны целиком посвятили себя борьбе с теми, кто хочет поработить их Родину, и они уверены в победе. Таких людей, убежденных в правоте своего дела, победить нельзя. Как живут партизаны? Приблизительно до 9 часов утра я могу спать, затем иду завтракать и кушаю за одним столом с офицерами. Питание хорошее. Правда, часто партизаны идут на трудные операции. Но никто на трудности не жалуется...Я даю вам хороший совет – если вы хотите спасти себе жизнь и бороться за народ, переходите к партизанам. Я живу свободно, офицеры и солдаты ко мне очень хорошо относятся» [5].

Действительно, если немецкому солдату не доверяли настолько, чтобы не брать его на боевые операции, то на долю перебежчика оставались не слишком обременительные хозяйственные работы, а кормили его даже лучше, чем в вермахте. Одни германские военнослужащие уходили к партизанам по антифашистским мотивам, другие – по шкурническим, чтобы любой ценой уцелеть. Наверное, встречались и просто пацифисты, которые принципиально не хотели брать в руки оружие. Точное число перебежчиков, не желающих воевать за нацистов и не разделяющих их взглядов, установить невозможно, так как в протоколах допросов партизанских оперуполномоченных они фигурируют, большей частью как пленные и их дальнейшую судьбу проследить сложно. Те, кто представлял интерес для советского командования, переправлялись в Москву,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

а затем в Красногорск в специальную школу. Это были, как правило, офицеры высшего звена, которые пройдя специальную подготовку, использовались советским командованием в военных операциях.

Большую роль в развертывании антинацистской борьбы среди немецких солдат и усиления добровольного перехода на сторону партизан сыграло создание на территории СССР в июле 1943 г. национального комитета «Свободная Германия». По сведениям члена комитета Гуго Барса, он был создан на базе немецкого сектора антифашистской школы в Красногорске 17 февраля 1944 г. [6]. Комитет был создан из пленных немцев, а также немцев-коммунистов, эмигрировавших в СССР в начале 30-х гг. Активными членами комитета, действовавшего на территории БССР, являлись Альфред Готе, Теодор Циммерман, Герман Эрнст Шауэр, Гуго Барс, Феликс Шефлер, Карл Ринагель, Герберт Генчке, Эрнст Апельт, Макс Эмендорфер и др. [6].

Раскаты первых летних гроз 1944 г. смешались на белорусской земле с гулом сражений. Под ударами Красной Армии дивизии гитлеровского вермахта отступали на запад. По дороге на Минск одна из частей, отправлявшаяся в тыл на переформирование, повстречала на перекрестке регулировщика. Он показал железом вправо, и часть послушно свернула на проселочную дорогу, уходящую в темный ельник. А через полчаса она была взята в плен и обезоружена партизанами. Регулировщиком был бывший гамбургский матрос Феликс Шефлер, член комитета «Свободная Германия» [7].

Точную численность членов комитета установить невозможно, так как параллельно создавался антифашистский союз немецких офицеров, а члены комитета «Свободная Германия» вошли в его состав [8]. Кроме того, не все члены союза, засланные в тыл советской разведкой для выполнения специальных заданий, оставались верными советской стороне. Задания по ликвидации руководителей нацистской администрации и других лиц, осуществлявших оккупационную политику, получали многочисленные спецгруппы, в состав которых входили немецкие патриоты. Эти группы направлялись на захваченные земли по линии РУ РККА, НКВД, НКГБ, ЦШПД, БШПД. Как правило, они устанавливали связь с партизанами и подпольщиками и действовали совместно, но зачастую такие группы выполняли задания разрозненно.

После ликвидации В. Кубе советская разведка продолжала разрабатывать новые операции по уничтожению других гитлеровских главарей в Беларуси. В их поле зрения оставались командующий РОА генерал А. А. Власов и начальник СС и полиции Беларуси Курт фон Готтберг, сменивший гауляйтера В. Кубе на посту генерального комиссара.

Одной из групп, в составе которой находился немецкий антифашист Карл Кляйнюнг, было поручено уничтожить Курта Фон Готтберга. Кляйнюнг получил из леса и смонтировал на конспиративной квартире в Минске взрывное устройство. Минскими подпольщиками оно было доставлено в Лошицу под Минском, где должно было состояться военное совещание с участием Готтберга. Однако это стало известно оккупантам, подпольщики были схвачены и казнены [9]. Еще когда подпольщик, доставивший мину в особняк, пытали в минском СД, 12 декабря 1943 г. в генеральный комиссариат явился человек, назвавшийся племянником руководителя главного управления имперской службы безопасности (РСХА) Эрнста Кальтенбрунера - Карлом и попросил аудиенции у Готтберга. Посетитель оказался лейтенантом люфтваффе. Его самолет был сбит в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

1941 г. под Вязьмой, сам он был захвачен и завербован советскими спецслужбами. Мучимый раскаяниями и сомнениями, он явился к Готтбергу с повинной, признался, что работал по линии Национального комитета «Свободная Германия», получил задание ликвидировать А. А. Власова, а затем Готтберга. Посетитель сообщил, что настоящая его фамилия Августин и попросил направить его для дальнейшей службы в ВВС Германии.

Об этом визите Готтберг тут же написал в Берлин главе восточного министерства Альфреду Розенбергу [10]. Пример Августина – история человека, который хотел выжить в условиях войны, уцелеть как и тысячи других, изменивших присяге.

16 февраля 1942 г. близ деревни Курганово, Ярцевского района Смоленской области в партизанском отряде «Смерть фашизму» началась партизанская биография Фрица Шменкеля (Фрица-Ивана, как его называли в отряде). Фриц Шменкель был награжден знаком «Отличный пулеметчик», а затем орденом Красного Знамени. Погиб при освобождении Беларуси [11]. В 50-х гг. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Нередко немцы, прежде чем перейти к партизанам, устанавливали контакт с населением. Перебежчик 2-й роты 102-го транспортного батальона, базировавшегося в районе Полоцка, Франц Отто, прибыв в партизанский отряд в апреле 1943 г. рассказывал: «В Полоцке я услышал от местного населения положительные вещи о партизанах... Я часто разговаривал с одной женщиной, которая знает немецкий язык. Она мне сказала: –Россия ничего не имеет против немецкого народа, она только хочет уничтожить гитлеровское правительство, национал-социалистическую партию, СС и СД. Русский человек хороший и не тронет немецкого рабочего!». После этого я решил перебежать к партизанам и на их стороне активно сражаться за построение коммунизма в Германии» [12]. Немецкие патриоты снабжали партизан и подпольщиков разведанными, медикаментами, оружием. Например, подпольщики г. Калинковичи Гомельской области установили в 1942 г. связь с группой антинацистов, служивших в батальоне «ТОДТ». Среди них были: начальник склада батальона Освальд, Отто Унтыт – начальник кузнечного цеха, Фриц Родемахер, Пауль Бабик, Август и др. [13]. Много вольнонаемных служащих и рабочих из организации «ТОДТ» перешли на сторону партизан в Слуцке и Вилейке [1, д. 1016, л. 104-114]. Фридрих Пиетска был арестован нацистами и приговорен к тюремному заключению, замененному позднее отправкой на Восточный фронт. В конце 1942 г. он оказался в Могилеве. Здесь ему и его другу Отто Никелю удалось установить связь с подпольщиками. Сплотив вокруг себя группу патриотов, Фридрих и Отто регулярно снабжают партизан взрывчаткой, бикфордовым шнуром, детонаторами. В марте 1943 г. эта группа вошла в 600-й партизанский полк Могилевской военно-оперативной группы, а Фридрих Пиетска стал командиром интернациональной группы [14]. В состав группы вошли бывшие немецкие военнослужащие: Ганс Домен, Бернгард Бадер, Йоханнес Класс, Фриц Георги, Фриц Матулевски, Вернер Грасс и др. [15].

В группе Медведева героически сражались Эрих Вернер, а также Роберт Клейн – командир группы разведчиков, Герой Советского Союза [16]. В бригаде «Смерть фашизму» также героически сражались с нацистами Петер Зеттель (погиб), Адольф Бон и Петер Левин. Последние были направлены в Минск для сбора разведанных, но были выданы «перебежчиками-шпионами» Куртом Ланге

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

и Гейнцем Кундорфом и казнены нацистами [17]. Участники Полоцкого подполья неоднократно получали медикаменты из немецкого госпиталя № 603, через фельдфебеля, который не разделял взглядов нацистов [18]. Храбрым разведчиком и бойцом Смоленского партизанского полка «13» стал Фридрих Брамгольц, который 6 февраля 1943 г. в деревне Бржезово Лиозненского района перешел к партизанам [19]. Большую помощь партизанам оказывал также Ганс Виер [20]. Партизанами 2-й Минской бригады у д. Гнездное Пуховичского района был пленен Альфред Лемке. После встречи его с оперативным работником Василием Варивончиком, он был оставлен в партизанской бригаде и воевал на стороне белорусских партизан [1, д. 100, оп. 2, л. 5]. В районе Старых Дорог Минской области перешел к партизанам оберфельдфебелер Франц Шмидт, а также лейтенант люфтваффе Вальтер Кениг [1, л. 28]. Следует отметить, что пленных, а также перебежчиков летчиков и танкистов партизаны переправляли большей частью в Москву, где их использовали в качестве инструкторов для подготовки советских летчиков и танкистов. Так, лейтенант Бернброк, сбитый в небе над Беларусью, был переправлен в Москву и впоследствии обучал советских летчиков [1, д. 100, л. 29]. Зондерфюрер Клеменс Баяр перешел к партизанам 9.12.1943 г., рядовой Лювваль Вильгельм из штрафбата также перешел к партизанам и заявил о своем желании воевать против нацистов. В марте 1944 г. сотни солдат и офицеров вермахта немецкой национальности оставляли свои части и изъявляли желание воевать против нацистов. Оберфельдфебелер Лонард Гельмуд, солдат 1 батальона 2 полка 1 лыжной бригады «Адольф Гитлер», Ирсек Андрей Иосифович, рядовой 141 запасной дивизии, Карвинский Курт, Эвальд Червоны, Рудольф Собегаарт, Курт-Эрих Марвинский, Курс Шапизон и др. встали в ряды партизан [1, д. 100, л. 30-198].

Среди первых перебежчиков, которые героически сражались с нацистами и их преследователями в рядах партизан, -Х. Винклер, Р. Гударьян, Г. Дитц, К-М. Кауфман, Г. Крайслер, Г. Лилиенталь, В. Тильмар, А. Фрауштраф [1, оп. 3, д. 156, л. 41-44].

Центральный штаб партизанского движения приводит фамилии немецких солдат и офицеров, которые перешли на сторону советских партизан. Вот только немногие из них: Вернер Ребелайн, Пауль Сосновски, Ганс Штрубе, Франц Питч, Оскар Освальд, Август Кунц, Пауль Бабик, Фриц Ледемахер, Бернгадт Тауберт, Август Клейзе, Герман Цинканд, Пауль Гельцель, Ганс Кречмар, Ганс Домен, Иоханес Класс, Фриц Георги, Карл Коерпан, Фриц Петтер, Ганц Кулас, Адам Бретга цер, Герхард Гартман, Эрих Мирли, Эрнс Битнер, Франц Бюрнбергер, Иоахим Фюрнбергер, Иоахим Кюнстер, Карл Круг, Роберт Клелльнер, Рихард Наазе, Пауль Лампе, Гарри Симон, Генрих Риффер, Фридрих Шменкель и др. Значительная часть из них награждена орденами и медалями СССР [21].

Документы фонда 1450 НАРБ и других фондов свидетельствуют о том, что практически ежедневно к партизанам переходили группами и по отдельности немецкие военнослужащие и вольнонаемные «рейхсдойче». 18 октября 1943 г. в бригаду Андреева перешел унтер-офицер Лемке из 61 полка 7 дивизии. Он сообщил о координатах авиазавода «Мессершмит» и танкового завода. 5 ноября 1944 г. во 2-ю Минскую бригаду перешел Вили Шульц [1, оп. 1, д. 15, л. 102-274].

Антифашистски настроенным пленным и лицам, добровольно перешедшим на сторону партизан, если они изъявляли желание сражаться против гитлеровских захватчиков, партизаны предоставляли эту возможность. Так, в

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

сообщении тайной полевой полиции от 4 апреля 1944 г. говорилось, что летчик Карл Кунсдорф и гренадеры Генрих Фильпель, Курт Ланге и Фридрих Белинг отсутствуют и, согласно информации, перешли к партизанам. В другом сообщении указывалось, что эти лица находятся в партизанском отряде «Смерть фашизму» Минской области, западнее Борисова [5, с. 26-114].

Клименс Байер с конца 1941 г. находился в составе хозяйственной команды. Служил в Вилейке, Бобруйске, Слуцке. К местным жителям относился лояльно. С врачом партизан, связной В. И. Олейник, он вел политические дискуссии о будущем Германии. К. Байер принял на работу шофером Анохина, зная о том, что тот партизан. Начальник особого отдела партизанской бригады им. Фрунзе В. И. Гуринович осенью 1943 г. установил связь с Байером. После этого Байер оформил на работу шофером в хозяйственную команду партизанского связного, старшего лейтенанта Александрова. 8 декабря 1943 г. Байер прибыл к партизанам на грузовике, доставил радиоприемник, 4 автомата, около 30 гранат, более 30 тыс. патронов. Кроме того, он дал подробные координаты 6 складов с топливом и продуктами. Важные сведения партизаны получили о противовоздушной обороне немцев в Бобруйске, а также дислокации лагеря эсэсовцев в д. Киселевичи.

Байер сообщил также о том, что в районе Кельна, где он недавно был в отпуске, строятся стартовые площадки для обстрела Лондона «чудо-снарядами» и что эти снаряды в ближайшее время будут использоваться на Восточном фронте. Важными были и сведения о подготовке немецкого десанта на Тегеран, где должна состояться конференция руководителей государств антигитлеровской коалиции. Эти сведения немедленно были отправлены в Москву.

9 января 1944 г. Байер был переправлен в Москву где и находился до конца войны [22]. Как уже отмечалось в 1942 г. моральное состояние германских войск в Беларуси было далеким от идеала. В руки партизан попал приказ врача немецкой пехотной дивизии доктора Швеха, относящийся к августу этого года. Там отмечалось, что в дивизии участились случаи симуляции, которые «даже опытными врачами не могут быть отличимы от истинных заболеваний». Симулянты научились мастерски имитировать самые различные заболевания - от дизентерии и порока сердца до нервного тика и ревматизма, от ишиаса до самострела, который невозможно отличить от боевого ранения. «Порок сердца», например, достигался за счет длительного жевания табака или русской махорки. Доктор Швех возмущался: «Как раз подобные симулянты на длительное время исчезают в этапных лазаретах» Он обращался к сознательности солдат: «Так как все перечисленные варианты неотличимы никакими медицинскими экспертизами от подлинных заболеваний, я аппелирую к национальному чувству ответственности, долга и народной спаянности каждого осматриваемого. Каждый немецкий солдат должен сегодня осознать, чем он обязан всей массе германского народа» [5].

Однако, чем хуже шли дела на фронте, тем все больше немецких солдат и офицеров стремились перейти на сторону противника. В 1943–1944 гг. в руки партизан попадали немецкие приказы, направленные против тех, кто подделывал отпускные документы или справки из госпиталей, а также продовольственные аттестаты и месяцами на законных основаниях, оставались вдали от линии фронта. Нередко группы таких «полудезертиров» грабили местное население, что еще больше настраивало его против немцев.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Некоторые из них рассчитывали пересидеть в тылу до конца войны, в неблагоприятном для Германии исходе которой уже не сомневались.

Ряд конкретных сведений о совместной боевой деятельности немецких антифашистов и советских партизан содержится в фондах партизанских бригад имени Невского, 2-й Минской, 3-й Минской, им. Фрунзе, «Народные мстители», действовавших на территории Минской области; партизанских бригад Первомайской, им. Дзержинского, им. Фрунзе Барановичской области; партизанской бригады им. Пономаренко Брестской области; партизанской бригады им. А. Ф. Данукалова, партизанских формирований Могилевской области - полк 121 им. О. М. Касаева, полк 600-й, отряд 538-й и др.

В совместных боях в интернациональном отделении бригады «Смерть фашизму», действовавшей на территории Смолевичского, Борисовского, Логойского, Плещеницкого районов, участвовали Адольф Бон, Петер Зеттель, Курт Лянге, Артур Шмидт и др. [1, л. 87-119].

Самоотверженно боролись в рядах белорусских партизан антифашисты Леон Зауэр и Герман Цинканд. В составе партизанского отряда имени Пономаренко бригады «Штурмовая» они участвовали во взрыве эшелонов на железной дороге Орша–Борисов, в районе Заславль–Радошковичи, а также в отражении карательных экспедиций гитлеровцев в районе деревни Хатынь Плещеницкого района. В октябре 1943 г. целая группа немецких антифашистов, действовавших на Витебском аэродроме во главе с Францем Шнайдером, перешла в бригаду Алексея (им. А.Ф. Данукалова) [17, с. 223].

Летом 1944 г. А. П. Демьянов (оперативный псевдоним «Гейне») был командирован в освобожденный Минск. 8 августа 1944 г. он проинформировал немцев, что в Белоруссии в районе реки Березины будто бы скрывается крупная немецкая часть численностью более 2-х тыс. чел. [24]. Немецкое командование приняло решение оказать помощь своим соотечественникам. Возглавить комплекс мероприятий по дезориентации противника было поручено заместителю начальника 4-го управления НКВД Науму Эйтингону. Им была сформирована оперативная группа из сотрудников 4-го управления, которая была направлена в район Березино. Помимо этого, в группу вошли агенты из бывших военнопленных немцев (Вилли Эккард, Ганс Йоганн Михаэлис и др), а также подполковник немецкой армии Генрих Шернхорн, который должен был играть роль командира мифической немецкой части [25].

Операция «Березино» продолжалась вплоть до конца войны. Для части Шернхорна высылались оружие, продовольствие, деньги и, наконец, люди. Все люди тут же арестовывались, после обработки часть из них начинала работать на советскую разведку и тем самым включалась в игру. Операция продолжалась вплоть до 5 мая 1945 г.

Итоги операции «Березино», по данным архива Службы внешней разведки РФ, подведены справкой от 8 марта 1947 г.: «С сентября 1944 г. по май 1945 г. немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и 1 млн. 777 тыс. рублей советских денег» [25]. Позже полковника Шернхорна и немцев-военнопленных, помогавшим в операции, освободили и разрешили выехать в ГДР.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Архивные материалы позволяют проанализировать социальный состав перебежчиков, партийную принадлежность, образование и т. д. В большинстве своем перебежчики являлись беспартийными, образование среднее, хотя встречались и лица с высшим образованием. Среди перебежчиков встречались рабочие и крестьяне (бауэры), врачи, строители и художники. Большинство перебежчиков-антинацистов являлись рядовыми или младшими офицерами.

Еще в ходе войны многие перебежчики погибли от рук гестапо и НКВД. После окончания войны многие немецкие антифашисты, независимо от того, кем они являлись – «фольксдойче» или «рейхсдойче», были расстреляны органами НКВД. Немногим удалось уцелеть. Отдельные представители «рейхсдойче» вернулись на родину и занимали в ГДР различные руководящие должности. Некоторые остались жить в Беларуси.

Какова же была численность «рейхсдойче» в Беларуси, которые активно сражались против нацистов или по политическим мотивам оказывали помощь партизанам. Исследователи А. И. Котов и С. А. Котова приводят цифру на 15 апреля 1944 г. – 45 чел. [23, с. 84]. Э. Ф. Языкович называет 100 чел. [19, с. 89]. Однако, даже поверхностное изучение партизанских фондов НАРБ позволяет сделать вывод о том, что многие перебежчики, упоминаемые в мемуарной литературе, а также официально числящиеся при партизанских отрядах – члены Национального комитета «Свободная Германия», не проходят по официальной статистике. По подсчетам автора в рядах белорусских партизан сражались несколько сотен имперских немцев.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 3500. Оп. 2. Д. 1294. Л. 202.
2. Ваупшасов, С. Партизанская хроника / С. Ваупшасов. – Минск : Беларусь, 1971. – 317 с.
3. Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.). – Мінск : Дзяржвыд. БССР, 1952. – 502 с.
4. НАРБ – Ф. 69. Оп. 1. Д. 39. Л. 147.
5. Соколов, Б. В. Оккупация. Правда и мифы / Б. В. Соколов. – М. : АСТ–Пресс Книга, 2002. – 278 с.
6. Гуга, Барс Мы сталі камуністамі / Барс Гуга; пер. А. Зарыцкі. – Мінск: Беларусь, 1971. – С. 12-20.
7. В едином порыве : Очерки и рассказы / ред.-сост. Г. А. Нечаев. – М. : Изд-во ДОСААФ, 1971. – 166 с.
8. Шишов, Н. И. Прозрение генерал-фельдмашала Фридриха Паулюса / Н. И. Шишов // Образование в регионах России и СНГ – 2003 – № 2. – С. 55.
9. Кнатько, Г. Д. Загадка Августина или история одного предательства / Г. Д. Кнатько // Беларусь і Германія. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 22 крас. 2004 г. / Мінскі дзярж. лінгв. ун-т; рэдкал.: С. Я. Новікаў (гал. рэд.). – Мінск : МДЛУ, 2004. – С. 107.
10. НАРБ – Ф. 4698. Оп. 3. Д. 976. Л. 204-205.
11. Александровский, П. И. Фриц-Иван / П. И. Александровский, А. Н. Егоров // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М. : Госполитиздат, 1963. – С. 215-217.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

12. НАРБ – Ф. 3793. Оп. 1. Д. 17. Л. 13-22.
13. Ануфриев, П. С. Братья по оружию / П. С. Ануфриев // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М. : Госполитиздат, 1963. – С. 241-258.
14. Щербаков, А. Место солдата /А. Щербаков // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М. : Госполитиздат, 1963. – С. 262-268.
15. В лесах Белоруссии: Воспоминания советских партизан и немецких антифашистов / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии; сост.: А. В. Семенова, Р. А. Черноглазова, Х. Кюнрих, К.-Х. Пех, Д. Шауль. – Минск : Беларусь, 1977. – С. 96-110.
16. Цессарский, А. В. Ворота солнца / А. В. Цессарский // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М. : Госполитиздат, 1963. – С. 288-322.
17. Садовский, Е. И. Марсель/Е. И. Садовский // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М. : Госполитиздат, 1963. – С. 329-332.
18. НАРБ – Ф. 3793. Оп. 1. Д. 17. Л. 13-22.
19. Языкович, Э. Ф. Зарубежные антифашисты в рядах белорусских партизан (1941–1944 гг.). / Э. Ф. Языкович // История СССР – 1966. – №5. – С. 89.
20. Орищук, Н. Е. Удар за ударом / Н. Е. Орищук // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 314.
21. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967–1982. – Т. 3 – С. 23.
22. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941-1945 // Энцыклапедыя. – Минск : БелСЭ імя П. Броўкі. – 1990. – С. 54.
23. Котов, А. И. Участие немцев в партизанском движении на территории Беларуси (1941–1944) /А, И. Котов, С. А. Котова // Беларусь–Германія. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 23 мая 2002 г. / Мінск. дзярж. лінгв. ун-т; рэдкал.: С. Я. Новікаў (гал. рэд.). – Мінск : МДЛУ, 2002. – С. 84-87.
24. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). – М. : Кучково поле, 2007. – 896 с.
25. Озеров, С. «Операция Березино» / С. Озеров // Военно-промышленный курьер. – 2005. – 12 янв. – С. 10.

Tugay V.V.

RUSHDIE IN the RANKS of the BELARUSIAN PARTISANS (1942-1944)

TUGAY Vladimir V. – doctor of historical Sciences, head of the centre Vseobshee of history and international relations at the Institute of history of NAS of Belarus, Minsk, Belarus.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Abstract. This article examines one of the less studied issues in Belarusian historiography – the participation of Germans in the partisan movement and the defeat of Nazi Germany. This article shows examples of heroism of German patriots and describes military operations in which German anti-fascists took part. One of the most important problems for domestic and foreign researchers is to study the contribution of each nation to the victory over Nazi Germany. Young people should know that not all Germans shared Hitler's doctrine, many of them died on our land along with representatives of other nationalities. A superficial study of the partisan funds of the NARB leads to the conclusion that many defectors mentioned in the memoir literature, as well as officially registered with the partisan units – members of The national Committee "Free Germany", do not pass according to official statistics. According to the author's calculations, several hundred Imperial Germans fought in the ranks of the Belarusian partisans. Archival materials allow us to analyze the social composition of defectors, party affiliation, education, and so on. Most of the defectors were non-partisan, with secondary education, although there were also people with higher education. Among the defectors were workers and peasants (Bowers), doctors, builders and artists. Most of the anti-Nazi defectors were ordinary or Junior officers.

Keywords: "reichsdeutsche", "Volksdeutsche", partisan, anti-fascist, "Free Germany", Belarusian headquarters of the partisan movement, "Death to fascism", deserter.

УДК 947.084.8

Ульянова С.Б.

ФЕНОМЕН ДВИЖЕНИЯ «ВОРОШИЛОВСКИХ СТРЕЛКОВ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.: МОТИВЫ И СТИМУЛЫ*

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

Аннотация. В статье в контексте истории советского массового спорта рассматривается зародившееся в 1934 г. движение ворошиловских стрелков. Возникновение движения отражало общий дух постоянной мобилизационной готовности, царивший в советском обществе 1930-х гг. Его элементом можно считать и процесс милитаризации спорта, развития оборонных видов спорта (стрельба, парашютизм, спортивное ориентирование и др.), формирование парамилитаристских общественных организаций (ОСОАВИАХИМ), возникновение массовых военно-спортивных движений. Массовый спорт превратился в средство подготовки к войне. В 1932 г. *Центральный Совет ОСОАВИАХИМ СССР* установил почетное звание «Ворошиловский стрелок», которое можно было получить, выполнив определенные упражнения по стрельбе. В 1936 г. был введен значок «Юный ворошиловский стрелок» для школьников 13-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00728 «Массовый спорт в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: рекрутирование, повседневные практики, механизмы социального контроля»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

16 лет. Целью этой инициативы была массовая стрелковая подготовка советских граждан. Значок «Ворошиловский стрелок» приобрел большую популярность среди молодежи и школьников, а занятие стрелковым спортом стало одним из широко распространенных видов досуга. Более 6 миллионов советских граждан накануне Великой Отечественной войны стали ворошиловскими стрелками. Успешность движения ворошиловских стрелков связана как с состоянием «военной тревоги» и «осажденной крепости», царившим в советском обществе в 1930-е гг., так и с доступностью стрелкового спорта для широких масс (стрелковый спорт был относительно дешев, не требовал особых способностей и хорошей физической формы, в стране было построено множество тиров и стрельбищ). К концу 1930-х гг. значок «Ворошиловский стрелок», наряду со значком ГТО, стал одним из маркеров «нового» советского человека, готового к защите социалистической Родины.

Ключевые слова: история СССР; история спорта; массовые военно-спортивные движения; оборонные виды спорта; Ворошиловский стрелок.

В 1939 г. в первом номере нового журнала ОСОАВИАХИМ «Ворошиловский стрелок» была опубликована фотография балерины Большого театра Ольги Лепешинской с винтовкой. Журнал сообщал, что молодая артистка получила значок «Ворошиловский стрелок». В том же номере были помещены заметки об ученых, инженерах, школьниках, студентах, домашних хозяйках и пр. Все они упражнялись в меткой стрельбе и гордились значком «Ворошиловский стрелок». Представленный визуальный ряд хорошо отражает общий дух постоянной мобилизационной готовности, царивший в советском обществе 1930-х гг.

В стремлении объяснить мобилизационный характер советского общества накануне Великой Отечественной войны исследователи все чаще обращаются к историко-антропологическим подходам. Благодаря этому проблемное поле истории мировых войн и межвоенного периода существенно расширилось. Сегодня внимание историков привлечено к изучению телесных и медицинских практик, семейных структур, ювенальной истории, истории досуга и т.п. [1; 2; 3]. В проблематику антропологически ориентированной истории включены и проблемы истории физической культуры и спорта.

Историография истории спорта уже сегодня насчитывает десятки изданий [4; 5]. Большое внимание исследователи уделяют государственной политике СССР в области физкультуры и спорта, роли СССР в международном олимпийском движении, истории отдельных видов спорта высоких достижений. Популярным историографическим сюжетом постепенно становится милитаризация спорта [6; 7; 8; 9; 10].

Исторически спорт всегда был тесно связан с военной подготовкой. Участие в спортивных соревнованиях воспитывает физическую доблесть, мастерство, самообладание, умение принимать решение в критической ситуации и пр. Связь между спортом и военными действиями стала очевидной уже в конце XIX века, когда во многих странах физическая культура стала частью школьной программы, и возникли многочисленные спортивные общества с военно-патриотическим уклоном.

Во второй половине 1920-х гг. в спортивной работе наступил определенный перелом, обусловленный «военной тревогой», достигшей своего

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

апогея в 1927 г. в связи с разрывом англо-советских дипломатических отношений. «Военная тревога» спровоцировала быструю милитаризацию всех сторон жизни советского общества [11, с. 100; 12, с. 71-74; 13, с. 127]. Массовый спорт постепенно стал превращаться в средство подготовки к войне. По всей стране энергично росла сеть военно-спортивных клубов и кружков, привлекавших тысячи молодых людей.

Ярким символом новой спортивной политики стала деятельность созданного в 1927 г. Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству – Осоавиахима [14]. Возникновение этой парамилитаристской, по определению О.Ю. Никоновой, организации отчасти было вызвано реальными проблемами в подготовке качественных мобилизационных резервов. Однако не менее важным было нагнетание атмосферы «осажденной крепости», позволявшей манипулировать общественными настроениями.

В 1928 г. в докладе инспектора физподготовки РККА А.Б. Кальпуса на Второй конференции научных работников по физкультуре была сформулирована идея «военизирования физкультуры». Согласно этой концепции, основными моментами, определяющими военное значение спортивно-гимнастического движения, являются его массовость, социально-воспитательная и гигиеническая полезность. Спорт развивает такие военно-прикладные навыки, как здоровье, выносливость, ловкость, смелость, настойчивость, активность. Предлагалось пропагандировать ценные в военном отношении виды спорта – легкую атлетику, фехтование, конный спорт, стрельбу, туризм и др. Кроме того, предлагалось ввести в обычные виды спорта военные элементы. Так, легкоатлетический комплекс должен был быть дополнен метанием гранат, бегом по пересеченной местности, бегом в противогазе или с грузом и пр. Занятия туризмом должны были развивать у спортсменов знания основ топографии, азбуки Морзе, правил маскировки, ориентирования на местности и т.п. [15, с. 1, 4-5].

Идея «военизирования» массового спорта нашла свое воплощение в программе ГТО (1931 г.). Идея ГТО не предусматривала развития соревновательного досуга (это направление спортивной работы также получило развитие в СССР в 1930-е гг.), но была ориентирована на массовое выполнение определенных нормативов. Участники испытаний боролись не друг с другом, а с установленными показателями в беге на разные дистанции, прыжках в длину, метании гранаты, плавании любым способом, беге на лыжах по умеренной и пересеченной местности на 3 и 10 км., подтягивании на перекладине, поднимании туловища из положения лежа и сидя, поднимании груза, гребле на 1 км, велопробегах на 10 км по шоссе и проселку. Для получения значка «Готов к труду и обороне» было необходимо продемонстрировать также военные навыки [16].

При социализме почти не оставалось места безучастности, беспристрастности и нейтралитету. Поэтому военно-спортивные движения приобрели чрезвычайно массовый характер. Символическим отражением этой массовости стало появление множества почетных значков – «Ворошиловский всадник», «Парашютист», «Готов к ПВХО», «Коротковолновик Осоавиахима СССР», «Спортсмен-парашютист», «Снайпер» и др. [17, с. 123-124]

29 декабря 1932 года Президиум Центрального Совета Осоавиахима СССР установил почетное звание «Ворошиловский стрелок», присваиваемое с вручением соответствующего нагрудного значка. Идеологом значка можно

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

считать Ивана Ивановича Гамазова, начальника стрелкового сектора Центрального совета Осоавиахим (репрессирован в 1937 г.).

Свое имя новому почетному званию дал наркомвоенмор маршал К.Е. Ворошилов. По легенде, в 1932 года на одном из полигонов, где в присутствии наркома проводились командирские стрельбы, он остановился у одной из мишеней, где не было ни одной пробоины. Стрелок-неудачник сослался на плохой пистолет. Тогда К.Е. Ворошилов взял у него из рук оружие, семь раз выстрелил по мишени, выбив 59 очков, и произнес: «Нет плохого оружия, есть плохие стрелки». Вскоре газеты растиражировали эту цитату, лозунг «Стреляй по-ворошиловски!» был подхвачен во всех частях армии и флота, а затем широко распространился в кружках Осоавиахима [18, с. 330].

Примечательно, что возможность получить значок зависела не только от физической силы, ловкости и выносливости, но и обуславливалась рядом социально-политических обстоятельств. Ворошиловский стрелок обязательно должен был быть значкистом «Ударник производства» и членом ОСОАВИАХИМ.

В соответствии с Положением 1934 г. звание «Ворошиловский стрелок» мог получить тот, кто знал теорию стрельбы, владел техникой стрельбы из малокалиберного и боевого оружия и выполнил три упражнения по стрельбе:

1) с дистанции 50 метров из малокалиберной винтовки из положения лежа пятью патронами выбить не менее 40 очков;

2) с дистанции 50 метров из малокалиберной винтовки из положения стоя по команде «Огонь!» лечь и пятью патронами выбить не менее 35 очков за одну минуту;

3) с дистанции 300 метров из боевой винтовки из положения лежа тремя патронами выбить не менее 16 очков.

Звание ворошиловского стрелка, в отличие от других почетных званий, требовало ежегодного подтверждения на контрольных стрельбах. Не выполнивший нормативы лишался значка [19].

Оборонно-массовая работа широко пропагандировалась и всячески поощрялась. Символом размаха движения ворошиловских стрелков стало открытие в августе 1934 г. в Москве своего клуба. В нем, кроме оборудованных профессиональных тиров, арсенала, были кинозал, гимнастический зал, библиотека, солярий и выставка оружия.

В 1936 г. уже 900 тыс. человек носили значок «Ворошиловский стрелок» первой ступени, 4700 чел. – второй ступени (требования к значкисту второй ступени были более жесткими) [20, с. 267]. Публицист Я.Л. Авиновицкий писал: «Лозунг "Стрелять по-ворошиловски" мобилизовал и вдохновил сотни тысяч рабочих и работниц, колхозников и колхозниц, учащихся людей науки, искусства, техники на овладение искусством меткого выстрела. Ворошиловский стрелок, систематически работающий над закреплением и повышением своей стрелковой квалификации, стал знатным человеком оборонной советской общественности» [21, с. 72].

До начала Великой Отечественной войны ворошиловскими стрелками стали более 6 млн человек.

Местные структуры ОСОАВИАХИМ организовывали стрелковые кружки в школах, домах пионеров, парках культуры и отдыха. В движение ворошиловских стрелков вовлекались и подростки. В октябре 1936 года было

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

утверждено положение о значке «Юный ворошиловский стрелок», которым награждались «хорошие ученики» 13-16 лет, знающие биографию маршала К.Е. Ворошилова (sic!), общую теорию стрельбы, устройство и действие малокалиберной винтовки Тульского оружейного завода и выполнившие два упражнения по стрельбе из малокалиберной винтовки:

1) с дистанции 25 м из положения лежа пятью патронами выбить не менее 40 очков;

2) с дистанции 25 м из положения лежа, в противогазе, тремя патронами совершить два попадания в фигуру грудной мишени [22, с. 1-3].

Увлечение школьников стрельбой приобрело характер эпидемии. Так, один из юных снайперов ленинградец Анатолий Суков (в свои 14 лет он выбивал в противогазе 44 очка из 50 возможных) рассказывал: «Многие ребята нашей школы захотели вступить в стрелковый кружок. Мы понимаем, что каждый в нашей стране должен уметь владеть винтовкой. И вот мы потребовали от директора школы, чтобы создали стрелковый кружок. В кружок записалось много ребят, в том числе я, Бондарев, Табачников, Наумов – участники нашей команды. Там мы и научились стрелять» [23].

В 1940 году Центральный совет ОСОАВИАХИМ расширил программу испытаний на звание «Ворошиловский стрелок». Она была дополнена элементами строевой и общефизической подготовки. По сути дела, программа «Ворошиловского стрелка» растворилась в общей системе допризывной подготовки.

Ворошиловские стрелки участвовали и в международных соревнованиях. Из 25 лучших стрелков мира восемь были из Страны Советов – А.М. Ясинский, Дрозд, Лунев, Артамонов, Ерусалимский, Б. Андреев, И. Андреев, Кузнецов [21, с. 72]. Широкое распространение получили заочные соревнования, когда советские спортсмены бросали вызов своим зарубежным соперникам и фиксировали свои достижения [24].

К концу 1930-х гг. процесс милитаризации советского спорта достиг своего апогея. Как писал один из корреспондентов журнала «Ворошиловский стрелок» И. Бройтман, «если коварный враг посмеет посягнуть на священные рубежи великого и могучего Советского Союза, они [стрелки] в рядах непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии покажут врагу всеокрушающую силу меткого и точного огня ворошиловских стрелков» [25].

Почему именно стрелковый спорт стал главным показателем мобилизационной готовности советского человека накануне Великой Отечественной войны? Отчасти, на наш взгляд, это связано с историческим опытом Гражданской войны. Как подчеркивает В.С. Тяжельникова, практически все коммунисты (а член партии был референтной моделью поведения для любого пионера или комсомольца), вступившие в партию до 1920 г. в период Гражданской войны получили личный военный опыт, опыт обращения с оружием и в любой момент были готовы к участию в боевых действиях [26, с. 294].

Военная риторика пронизывала всю систему советской пропаганды. Воинственные настроения были широко распространены в молодежной среде. Как отмечают исследователи, советская пропаганда, постоянно подчеркивая миролюбивый характер внешней политики советского государства, тем не менее умудрялась трансформировать это «миролюбие» в состояние «военной тревоги» [27, с. 182].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С другой стороны, военные тревоги 1927 и 1931 гг., локальные военные конфликты, в которые был вовлечен Советский Союз в 1930-е гг. (бои на озере Хасан, Халхин-Гол, советско-финская война 1939-1940 гг.) неизбежно вели к активизации занятий военным делом и стрельбой, в частности.

По сравнению с другими оборонными видами спорта стрельба была относительно дешевой и доступной, она не требовала капитального строительства. Так, вышеупомянутый Бауманский стрелковый клуб был открыт в бывшей церкви. Большинство же упражнявшихся в стрельбе делали это во временных тирах (в 1937 г., например, на 38 стационарных спортивно-стрелковых клуба приходилось 6600 малокалиберных тиров и 450 стрельбищ) [21, с. 267]. Более того, стрельба могла и приносить доход благодаря тому, что поход в тир где-нибудь в парке культуры и отдыха был распространенной формой детского и юношеского досуга. Например, проводившийся в 1939 году День советского стрелка только в Ленинграде собрал до 50 тысяч человек. В парке Сосновка в этот день можно было принять участие в соревнованиях на меткость; узнать у специальных консультантов, как устроены граната, пулемет, самолет или планер; пострелять из винтовки или пулемета; посмотреть показательный штыковой бой и пр. [28, с. 2-3]

Распространению стрелкового спорта как формы культурного досуга способствовало и общее убеждение, что научиться стрелять может каждый желающий. Для этого не нужны особые способности. С другой стороны, стрельба способствует общему физическому развитию, а хорошая физическая форма, общая спортивность считались одной из характеристик идеального советского человека.

Список литературы

1. Сенявская Е.С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10-43.
2. Красноженова Е.Е. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: охрана тыла и решение повседневно-бытовых проблем населения. СПб., 2020. 463 с.
3. Хоффманн Д. Возращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914-1939. М., 2018. 424 с.
4. Суник А. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010. 616 с.
5. Ulyanova S., Sidorchuk I., Ofitserova N. Mass sports in the USSR in 1920s – 1930s: Historiography and Research Methods // 5th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts – SGEM 2018. Conference proceedings. Issue 2.1. History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. Vienna, 2018, p. 49-56.
6. Хорошева А.В. Допризывная подготовка бойцов Красной Армии в годы Гражданской войны // Гражданская война в России (1918-1922 гг.). Труды исторического факультета МГУ. Сер. II. Исторические исследования. Т. 109. Вып. 172. М., 2019. С. 448-464.
7. Noack C. A Mighty Weapon in the Class War // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10. No. 2. P. 231-254.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

8. Мухаметов П.А. Подготовка резерва Красной Армии в Башкирии в довоенный период (1933-1941 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7. С. 159-164.
9. Стребкова Н.В. Саратовские студенты накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (на примере Саратовского университета) // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2015. № 2. С. 162-166.
10. Сидорчук И.В. От «Положения о мобилизации спорта» к советской физкультуре // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Брянск, 2019. С. 339-347.
11. Брянцев М.В. Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 100-114.
12. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017. 295 с.
13. Соколов А.К. «Военизация» первой пятилетки (советская военная промышленность в 1927-1932 гг.) // Труды Института российской истории. Вып. 7. М.: Наука, 2008. С. 122-200.
14. Никонова О.Ю. Осоавиахим как инструмент сталинской социальной мобилизации (1927-1941 гг.) // Российская история. 2012. № 1. С. 90-104.
15. Кальпус А.Б. Организация и методика кружковой и массовой физкультурной работы в связи с задачами обороны // Тезисы 2-й конференции научных работников по физкультуре. Добавление к бюллетеню ВСФК № 10. М., 1928. С. 1-6.
16. Физкультулист. 1930. № 23-24. С. 25-27.
17. Панков Н.П. Советский человек: Воспитание новой молодежи. 1920-1930-е годы. М., 2019. 200 с.
18. Воронцов В.Н. Ворошиловские стрелки Иркутска накануне Великой Отечественной войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск, 2011. С. 330-333.
19. <https://www.minsport.gov.ru/activities/strana-geroev/voroshilovskiy-strelok/>
20. Поколение победителей: Сборник / Под ред. М. Каплуна. М., 1936. 294 с.
21. Авиновицкий Я.Л. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. М., 1937. 94 с.
22. Положение о значке Юный ворошиловский стрелок. М., 1936. 12 с.
23. Кройтман М. Юные рекордсмены // Ворошиловский стрелок. 1939. № 12. С. 5.
24. Березин А. Мировые рекорды советских стрелков // Ворошиловский стрелок. 1939. № 14. С. 2-3.
25. Бройтман И. Энтузиасты стрелкового спорта // Ворошиловский стрелок. 1939. № 1. С. 7.
26. Тяжельникова В.С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 291-305.
27. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. 208 с.
28. День советского стрелка // Ворошиловский стрелок. 1939. № 13. С. 2-4.

Ulyanova S.

THE PHENOMENON OF RIFLEMEN OF THE VOROSHILOV REGIMENT IN THE SECOND HALF OF THE 1930s: MOTIVATION AND INCENTIVES

ULIANOVA Svetlana — professor, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, 195251, Russia, Saint-Petersburg, Polytechnicheskaya, 29.
e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

Abstract. The article analyses the phenomenon of Riflemen of Voroshilov regiment, emerged in 1934. The author considers this movement in the context of the history of Soviet mass sports. The emergence of Riflemen of Voroshilov regiment represents the spirit of mobilization readiness that prevailed in Soviet society in the 1930s. The Soviet mobilization model considered militarization of sports, concept development of defense sports (shooting, parachuting, orienteering, etc.), formation of paramilitary public organizations (OSOAVIAKHIM), emergence of mass military sports movements. Mass sports have become a means of preparing for war. In 1932 The Central Council of the OSOAVIAKHIM of the USSR established the honorary title "Rifleman of Voroshilov regiment" (—Voroshilovsky strelok), which could be obtained by performing certain shooting exercises. In 1936, the "Young Rifleman of Voroshilov regiment" badge was introduced for schoolchildren aged 13-16. The goal of this initiative was mass shooting training of Soviet citizens. The "Rifleman of Voroshilov regiment" badge has become very popular among young people and schoolchildren, and shooting sports has become one of the most widespread leisure activities. More than 6 million Soviet citizens on the eve of the Great Patriotic war became Voroshilov Riflemen. The success of Voroshilov Riflemen movement was due to circumstances of –military anxiety and –the besieged fortress that reigned in Soviet society in the 1930s, and the availability of shooting sports for the masses (shooting sports were relatively cheap, did not require special abilities and good physical shape, many shooting ranges and shooting ranges were built in the country). By the end of the 1930s, the "Rifleman of Voroshilov regiment" badge, along with the GTO badge, became one of the markers of the "new" Soviet man, ready to defend the socialist homeland.

Keywords: Soviet history, history of sports, mass military sports movements, defense sports, Rifleman of Voroshilov regiment (–Voroshilovsky strelok).

УДК 796/799:94(47)—193

Фишова А.А.

КОМПЛЕКС ГТО КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ВОЕННО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР В 1930-е гг.*

ФИШОВА Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, доцент, Северо-Западный институт управления Российской академии народного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00728 «Массовый спорт в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: рекрутирование, повседневные практики, механизмы социального контроля»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43.
e-mail: ana-f@yandex.ru

Аннотация. В 2014 г. с целью укрепления здоровья молодежи в России в новом формате и с современными нормативами была воссоздана система «Готов к труду и обороне». В СССР государство внедряя комплекс ГТО, стремилось соединить физкультурное движение с решением производственных задач и укреплением обороноспособности страны, конкретизировать задачи улучшения физкультурно-массовой работы и привлечь внимание людей к совершенствованию своей физической подготовки. В рамках системы ГТО были выработаны единые критерии – нормы и требования - для оценки физической подготовленности «новых людей». Комплекс был создан в условиях военизации физической культуры в связи с напряженной международной обстановкой и формированием внутри страны атмосферы «осажденной крепости». В первые годы своего существования идея ГТО оказалась уязвимой в условиях экономического кризиса и общей бедности советского общества на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Однако, перестроив всю систему физической культуры на военные рельсы, советской власти впоследствии удалось вовлечь огромные массы населения в реализацию комплекса ГТО с дальнейшим усложнением его нормативов.

Ключевые слова: комплекс «Готов к труду и обороне», физическая культура, спорт, военизация, институционализация.

В конце 1920 - начале 1930-х гг. в условиях напряженной международной обстановки (разрыв англо-советских дипломатических отношений в 1927 г., конфликт на КВЖД, фашизация, захват японскими войсками Манчжурии и др.), большевики понимают, что строить социализм придется во враждебном капиталистическом окружении и формируют в общественном сознании атмосферу «осажденной крепости», которая в свою очередь убеждала миллионы советских людей в необходимости милитаризации общества с целью эффективной подготовки к защите своей страны [См. подробнее: 10]. Государство перестраивает на военные начала всю систему физического воспитания и спорта.

Идеи военизации физкультурного движения нашли свое отражение в предложениях по приближению физкультурного движения СССР к нуждам обороны страны, которые были разработаны в сентябре 1930 г. комиссией, назначенной президиумом Всесоюзного совета физической культуры СССР (ВСФК СССР) под руководством С.С. Каменева. Потребность в подготовке трудящихся масс к обороне страны объяснялась с позиции «осажденной крепости»: «успехи социалистического строительства ... вызывают бешеное сопротивление всех остатков буржуазных классов в городе и кулачества в деревне внутри пролетарского государства и усиливают их стремление к уничтожению Советского Союза... в борьбе с советским государством сплотились все силы контрреволюции вне и внутри стран» [7, с. 25]. Состав предложений, в частности, включал внедрение военно-прикладных элементов в наиболее популярные и широко развитые виды спорта, например, в комплекс водного спорта предлагалось включить плавание в одежде, с оружием; в фехтование – колку чучел и поражение их прикладом, рубку; в лыжный спорт – кроссы, преодоление препятствий на лыжах, перевозку тяжестей (пулеметов) на специальных

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

установках; в легкую атлетику – элементы движения в противогазе, формы бега с попутным преодолением естественных и искусственных препятствий. Предлагалось также военизировать работу и оргструктуру кружка физкультуры, например, во время тренировки или соревнования капитан команды становился как бы командиром своего подразделения и нес ответственность за его поведение, руководил его деятельностью и проводил воспитательную работу, т.е. таким образом, команда приравнивалась к воинской единице. Всем физкультурникам рекомендовалось пройти первичную военную подготовку в кружках военных знаний Осоавиахима [7, с. 26], под эгидой которого строились тир, стрельбища, создавались аэроклубы и военно-спортивные кружки. Именно оно было одним из ключевых звеньев в реализации планов повышения обороноспособности СССР и фактически сразу же после его создания, в июне 1927 г. президиумом ЦС Осоавиахима СССР была принята резолюция о военной подготовке трудящихся, основными формами которой стали кружки военных знаний, стрелковые кружки и авиахимотряды [4, с. 57].

Материальным воплощением массового спортивного движения в СССР должен был стать значок «Готов к труду и обороне», которым предлагалось награждать за всестороннюю физкультурную подготовленность, определявшуюся выполнением определенных испытаний (бег на разные дистанции, прыжок в длину, метание гранаты, плавание любым способом, лыжи по умеренной и пересеченной местности на 3 и 10 км., подтягивание на перекладине, поднимание туловища из положения лежа и сидя, поднимание груза, гребля на дистанцию 1 км, велопробег на 10 км по шоссе и проселку, военные навыки и знания). Примечательно, что возможность получить значок зависела не только от физической силы, ловкости и выносливости, но и обуславливалась рядом социально-политических обстоятельств. Так, к испытаниям не допускались так называемые «лишенцы» (граждане, лишённые избирательных прав), а обязательным условием была не только способность провести 10 минут в противогазе или оказать первую медицинскую помощь, но и «ударничество на производстве или на общественной работе» [7, с. 26-27].

В марте 1931 г. было утверждено положение «О значке –Готов к труду и обороне», в которое уже были внесены некоторые корректировки. Например, указывалось, что «велосипед может быть заменен умением управлять трактором, автомобилем, мотоциклом т.п.» [6, с. 17]. Внесение этого изменения объяснялось тем, что велосипед был почти недоступной роскошью и огромным дефицитом. [1, л. 5]. Те, кто владел велосипедами, не хотели давать их для сдачи норм даже приятелям. Проблему решили с помощью тракторов, в нормативах прописали, что вместо велосипеда может быть предоставлена возможность сдать испытания по управлению трактором или автомобилем [1, л. 15]. Постановление Президиума ВСФК СССР от 6 августа 1931 г. предоставило местным ВСФК право выдавать значок без испытаний по велосипеду в случае отсутствия веломашин [6, с. 20].

На основе положения «О значке «Готов к труду и обороне»» ВСФК СССР составляли плановые сводки по охвату нормами ГТО, а союзные, автономные республики, областные и краевые СФК должны были «с четкостью военных донесений» сообщать о количестве охваченных испытаниями и их сдавших. Плановые задания спускались всем низовым структурам (цехам, бригадам, колхозным участкам).

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Таким образом, комплекс физических упражнений на значок «Готов к труду и обороне» стал основой системы советской физической культуры. Партийные деятели рапортовали о необходимости реализации комплекса ГТО для защиты своей Родины. Так на торжественном заседании Президиума Московского физкультурного актива совместно с центральными физкультурными организациями в обращении к тов. Сталину было сказано: «... ни пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» - мы, воплотив эти указания в комплексе ГТО заверяем вас и всю нашу партию в том, что мы будем выковывать в рядах физкультурного движения борцов социалистического труда и обороны СССР, ударников и передовых бойцов социалистического строительства» [9]. Физкультурное движение, призванное готовить трудящихся к обороне страны, должно было воспитывать и выковывать всесторонне подготовленных «новых людей» с такими физическими и морально-волевыми качествами, которые нужны были бойцу Красной Армии - защитнику интересов трудящихся всего мира. Эта задача решалась посредством насыщения и преломления через физкультуру военно-прикладных знаний и навыков на основе массовой добровольной работы, лучшим инструментом которой была сдача норм ГТО.

Между тем, итоги выполнения контрольных цифр по охвату испытаниями на значок ГТО в первый год его реализации были объявлены неудовлетворительными «как качественно, так и количественно» [2, с. 91-92]. По РСФСР средний показатель составлял 38% (самые низкие цифры отмечались в Якутской АССР, Бурят-Монгольской АССР, Дальневосточном крае, Карельской АССР, Ивановской области). Низовые организации обвинялись в погоне за голыми цифрами, очковтирательстве и т.п. При этом контрольные цифры по количеству полностью сдавших испытания на 1931 г. выполнены были в целом удовлетворительно: по СССР этот показатель составил 88,5%, по РСФСР – 104% [2, с. 92]. Отмечалось, что выполнение плановых установок шло преимущественно по линии вузов, армии, спортивного общества «Динамо». Среди причин невыполнения плановых показателей, помимо недооценки значимости системы ГТО на местах, указывались также недостаточная популяризация значения испытаний комплекса ГТО; отсутствие необходимого спортивного инвентаря и оборудования; нехватка финансовых средств, так как в условиях форсированной индустриализации все сферы общественной жизни финансировались по остаточному принципу.

Все эти проблемы, возникшие в первый год существования этого комплекса, предстояло решать в дальнейшем. Отмечалось, что задача эта трудная, но разрешимая, если правильно поставить дело. Уже к концу 1932 г. значки ГТО получают 465 тыс. чел. [3, с. 27], а вскоре герои советских кинокартин будут демонстрировать значок ГТО на груди («Цирк» (1936 г., реж. Г. Александров), «Строгий юноша» (1936 г., реж. А. Ромм), «Сокровище погибшего корабля» (1935 г., реж. В. Браун и И. Менакер)). В заключительных кадрах фильма «Цирк» показан первомайский парад физкультурников 1935 г., который стал рекордным по количеству участников. Подобные ежегодные парады физкультурников, проходящие под знаком организованности, военной четкости и дисциплины, показывали мощь и непоколебимую готовность лучших ударников социалистических фабрик и заводов, с таким же рвением и упорством, как и на

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

трудовом фронте, защищать границы СССР от империализма и в нужный момент грудью отстаивать завоевания Октября.

В декабре 1932 г. был введен второй комплекс ГТО, который считался продолжением первого, но давал «более всестороннее физическое развитие, тем самым еще более способствуя делу оздоровления трудящихся. Он также дает больше моментов прикладности, которые нужны в повседневной работе, трудовой жизни и боевой обстановке» [8]. При этом признавалось, что «мы еще не имеем в сдавшем нормы по первому комплексу того физкультурника, который нам нужен для нашего социалистического строя и в случае войны, ибо первый комплекс дает лишь минимальные прикладные навыки и незаконченное физическое развитие» [8]. Второй комплекс ГТО включал такие виды испытаний, как пробежка с винтовкой в военной одежде, кросс по среднепересеченной местности, преодоление препятствий с винтовкой и в военном обмундировании, пеший поход с прохождением части пути в противогазе, прыжок в высоту, метание гранаты, плавание и ныряние, гребля с нагрузкой, велокросс, ходьба на лыжах и прыжки на лыжах с трамплина, освоение одного из видов самообороны, участие в спортивной игре, стрельба, гимнастика, вождение автомобиля или мотоцикла. Выполнение испытаний второй ступени было задачей более сложной и оказывалось возможным лишь при систематических тренировках. Вторая ступень ГТО предназначалась для тех, кто уже сдал нормы по первому комплексу, и ее введение считалось заключительным шагом на пути построения всей советской системы физической культуры и спорта.

Таким образом, военный фактор был системообразующим для всей системы физической культуры и спорта в СССР. Дискурс внешней угрозы играл огромную роль в мобилизационных технологиях большевиков. Идея возможного конфликта с «империалистами» служила основой для всеобщей военизации советского общества и использования военизированных методов управления. Милитаризация общественного сознания и создание атмосферы «осажденной крепости» в тяжелых социально-экономических условиях рубежа 1920-1930-х гг. были эффективным инструментом для подавления сопротивления радикальным мероприятиям, реализуемым во внутренней политике. Кроме того, эпоха развернутого социалистического строительства и необходимость выполнения планов форсированной индустриализации предъявляли повышенные требования к состоянию здоровья рабочего, «требовала превосходной слаженности его человеческой машины» [5]. Государству нужны были миллионы сильных, смелых, «плечистых, крепких» людей, как описано в известном стихотворении С. Маршака, при необходимости, способных спасти девочку из огня или встать на защиту Родины. Активной пропагандой комплекса ГТО властям удалось внедрить массовый спорт в структуру досуга советских людей. Введение норм ГТО, военизация системы физического воспитания и спорта в 1930-е гг. были ненеправильным делом. К началу Великой отечественной войны количество сдавших нормативы комплекса «Готов к труду и обороне» I ступени составило 6 млн. чел., ГТО II - более 100 тыс. чел. [3, с. 27]. В годы войны комплекс претерпит изменения и будет совершенствоваться в связи с условиями исторического периода.

Список литературы

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7576. Оп.1. Д. 71.
2. Значок физкультурника «Готов к труду и обороне»: положение и инструкции по сдаче норм ос вступительной статьей пред. ВСФК СССР Н.К. Антипова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.-Л., 1932. 111 с.
3. Истягина-Едисеева Е.А. Комплекс ГТО в период 1930-1940 гг. Как средство патриотического воспитание молодежи в советской России // Вестник спортивной истории. 2015. № 2. С. 23-28.
4. Исянгулов Ш.Н. «Военная тревога» 1927 г. и проблема военного обучения населения в системе Осоавиахима (на примере Башкирской АССР) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №10 (191). С. 57-60.
5. Ни одного физкультурника, не сдавшего норм! // Физкультура и спорт. 1931. 20 марта.
6. О значке «Готов к труду и обороне»: сборник руководящих материалов / сост. С. Иванов. Саратов, 1932. 67 с.
7. Предложения о мероприятиях по приближению физкультурного движения к нуждам обороны страны (материал комиссии т. С.С. Каменева) // Физкультура и спорт. 1931. № 23-24. С. 22-31.
8. Речь т. Н.К. Антипова на торжественном заседании, посвященном итогам II Всесоюзного конкурса-смотрa // Физкультура и спорт. 1932. № 33-34.
9. Физкультура и спорт. 1932 № 2-3.
10. Ulyanova S.B., Krepkaia T.N. Милитаризация массового спорта в СССР в 1920-е - 1930-е гг. // Вопросы истории. 2019. № 12-3. С. 281-287.

Fisheva A.A.

COMPLEX GTO AS AN INSTITUTIONAL BASIS OF MILITARY-SPORTS ACTIVITIES IN THE USSR IN THE 1930th

FISHEVA Anastasiia A. – assistant professor, The North-West Institute of Management, branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration the President of the Russian Federation, Associate Professor of State and municipal management, 199178, Russia, St. Petersburg, Sredniy pr. 57/43.
e-mail: ana-f@yandex.ru

Abstract. In 2014 in order to improve young people's health, the GTO system was revived in the modern Russia, but in a new format, and with relevant physical training standards. In the USSR, the state, introducing the GTO complex, sought to combine the physical culture movement with the solution of production problems, strengthen the country's defense capabilities, specify the tasks of improving physical culture and mass work, and draw people's attention to improving their physical fitness. Within the framework of the GTO system uniform criteria — norms and requirements — were developed to assess the physical fitness of -new people. The complex was created under conditions of physical culture militarization connected with the tense international situation and the -besieged fortress atmosphere formed inside the country. During the first years of existence the GTO idea turned out to be vulnerable because of the economic crisis and the general poverty of Soviet people at the edge of the 1920th - 1930th. However, rebuilding the entire system of physical education on a war footing,

Soviet government subsequently succeeded in drawing huge masses of the population into the implementation of the GTO complex with further complicating its standards.

Keywords: complex «Ready for work and defense», physical education, sports, military, institutionalization.

УДК 930.1

Хазов В.К.

ПРЕОДОЛЕНИЕ «ОТЧУЖДЕНИЯ ПРОШЛОГО» КАК СТРАТЕГИЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ХАЗОВ Владимир Константинович — кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: vla1698@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются два базовых теоретических подхода к пониманию природы феномена исторической памяти. Первый подход может быть обозначен как «эссенциалистский», второй как «конструктивистский». Обозначение обоих подходов весьма условно. Если в рамках первого подхода историческая память рассматривается как культурное «расширение» индивидуальной памяти, то в рамках второго то же явление принято трактовать как особый социокультурный феномен, не связанный на прямую с биологически обусловленной памятью индивида. Однако при всех различиях, у обоих подходов существует общее место: как бы мы не интерпретировали природу исторической памяти, в конечном итоге, мы взаимодействуем с ней как с социально ориентированным знанием. При этом, относительно степени осознанности исторической памяти отмечается некоторая дуальность. С одной стороны, историческая память оценивается как форма схематизации и упрощения исторического знания (имеющая вполне конкретные социально-практические цели), с другой, её принято рассматривать как преимущественно сознательное явление. Как, и в случаях, иных видов социального знания, историческая память подвержена «растратам» осознанной содержательности. Итогом этого становится усиление в ней бессознательно воспроизводимых элементов. В настоящее время проблема сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне рассматривается, главным образом, на уровне противодействия осознанным практикам её искажения. Однако существует и еще один уровень угрозы существования этого пласта российской исторической памяти – не целенаправленные, естественные процессы вытеснения содержания исторической памяти в социокультурное бессознательное, сведение её к пустым, неосознаваемым формам. Автор предлагает обозначить данное явление, по аналогии с гегелевским термином «отчуждение» как «отчуждение прошлого». В качестве способов преодоления «отчуждения прошлого» предлагается формировать практики осознания функциональной природы исторической памяти.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сохранение исторической памяти, практики коммеморации, рекоммеморация, места памяти, преодоление отчуждения.

Понятие «историческая память» было введено в научный оборот французским социологом Морисом Хальбваксом еще в далеких 20-х годах XX века [1]. Однако, по-настоящему актуальным ориентиром научных исследований оно стало только в середине 1980-х годов («мемориальный бум» 1980-х). Именно в это время множество разрозненных исследований и методологических наработок, посвященных коллективной памяти, складываются в особое междисциплинарное течение – «memory studies» [2]. Основываются первые научные периодические печатные издания по соответствующим темам, оформляются методологические школы, проводятся широкие дискуссии.

Значительный временной разрыв между 1925 г. (год публикации «Социальных рамок памяти» М. Хальбвакса, ставшей отправной точкой для первой, «подготовительной» волны memory studies) и 1989 г. (годом основания журнала «History and memory» - сформировавшем современный облик данного междисциплинарного направления) может вызывать некоторое замешательство. Почему институционализация проходила столь долго?

Одни из вариантов объяснения этого может подсказать нам указание на масштабный мировоззренческо-методологический сдвиг, получивший название «перформативный поворот». Этот «сдвиг» произошел в мировой гуманитаристике именно в начале 1980-х. Данный методологический поворот стал развитием постмодернистской парадигмы 1970-х и, в тоже время, реакцией на нее.

Ранний постмодернизм (конец 1960-х - 1970-ые гг.) во многом определял научную повестку своего времени. При этом постмодернизм 1970-х сохранял еще много элементов структуралистского мышления (это касается, в первую очередь, постструктурализма М. Фуко и, с соответствующими оговорками, творчества М.М. Бахтина) и сконцентрировался на изучении диахронно развивающихся, «генеалогически» построенных дискурсивных форм. Фуколдианство стало, по сути, хронологически последним ярким проявлением «лингвистического поворота» (структуралистского) в гуманитарных науках. Уже к середине 1980-х данная методологическая ориентация фактически достигла своих естественных эвристических пределов.

С одной стороны, такие категории как «радикальный плюрализм» и «резомность», выбранные постмодернистами в качестве основных мировоззренческо-методологических ориентиров, сильно ограничивали возможность для эксплуатации историзма. С другой стороны, постмодернизм пробудил интерес к принципу «различения», вариативности форм культурно-исторических феноменов и социокультурной относительности.

Ответом, на возникшую ситуацию стало смещение фокуса внимания гуманитариев с «текстовой метафоры» к «метафоре постановки», т.е. «перформативности». «В то время, как категория текста обращается скорее к выявлению смыслов, здесь (в рамках перформативного подхода – В.Х.) поднимается вопрос о том, выполнением каких действий создаются культурные значения: «смыслообразующая сила человеческих действий» вновь оказывается в поле зрения» [3, с. 128-129].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Само действие актуализирует, а фактически конструирует смысл, ибо в рамках простого текстуального упоминания, любой смысл есть только абстракция, зародыш смысла подлинного, наполненного жизненными силами, опутанного глубокими эмоциональными переживаниями и способного породить реальные социальные действия.

Прямым следствием перформативного поворота стала установка на постепенное размывание дискурсивных границ, изучение форм актуализации прошлого в настоящем и, в конечном итоге, к стиранию границ между собственно историей и современностью. Неслучайно именно творчество француза Пьера Нора (а Франция была эпицентром формирования и распространения постмодернистских тенденций), проживающего постмодернизм как актуальную культурную реальность, стало реакцией на «постмодернизацию» истории. Очевидно такое положение вещей он подразумевал, когда писал в статье «Проблематика мест памяти»: «В такой стране, как Франция, история истории не может быть невинной операцией» [4, с. 22].

Наработки постмодернистов заставили П. Нора по-новому взглянуть на циркуляцию исторического знания и помогли вскрыть несколько, до этого неосознанных, моментов. Во-первых, история и историческая память это принципиально разные, по-разному организованные формы дискурса (а не два полюса одного и того же явления, как полагал М. Хальбвакс). Во-вторых, в новом мире «историки утрачивают роль «хранителей прошлого» и уже больше не являются его монополизаторами» [5, с. 34]. В этой ситуации П. Нора «задумал примирить память и историю, решив при этом превратить исследование коллективной памяти в аналог истории ментальности» [6, с. 35]

Последнее особенно важно в контексте нашей работы. К настоящему времени сформировалось два основных подхода к пониманию феномена исторической памяти. Первый может быть условно назван «эссенциалистским» и основывается на представлении об исторической памяти как о самостоятельно существующем феномене. Примером такого подхода являются работы самого М. Хальбвакса, Я. Асман и А. Асман. Для данного подхода характерно рассмотрение феномена исторической памяти как своего рода, присущего коллективам, расширения индивидуальной памяти, т.е. как прямого аналога индивидуальной памяти в масштабах самосознающих групп. Другими словами, «эссенциалистский» подход рассматривает память как собственно «память».

Другой подход, мы так же условно, можем определить, как «конструктивистский». Его представителями были критик М. Хальбвакса и один из лидеров Школы Анналов первого поколения – Марк Блок, собственно сам Пьер Нора и американская культуролог и фотограф Сьюзан Зонтаг.

Для второго подхода характерно рассмотрение исторической памяти как социокультурного продукта-конструкта. В этом случае, слово «память» является простой метафорой, используемой за неимением более точных терминов. Т.е. память, в рамках второго подхода как память в психологическом и нейрофизиологическом смысле не воспринимается. Собственно, память – явление индивидуальное. Под «коллективной» или «исторической» памятью (которая является частным случаем памяти коллективной) подразумевается совокупность знаний, формируемая «здесь-и-сейчас» в результате целенаправленных практик.

Нужно отметить, что второй подход не предполагает элиминацию дефиниции «историческая память». Более того, тезис о том, что анализируемый

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

феномен есть социальный конструкт, требует использования понятия, которое бы позволило построить обоснованное понимание путей и механизмов влияния коллективных представлений на индивидуальные познавательно-интеллектуальные процессы. На этом настаивал Пьер Нора и об этом догадывался уже М. Хальбвакс.

Оба этих подхода имеют свои сильные и слабые стороны. Важно и то, что историческая память, в рамках каждого из них, в функциональном плане, оцениваться одинаково. Сторонники как первого, так и второго подхода видят в исторической памяти прежде всего систему знаний, иерархически организованную совокупность текстов о значимых для сообщества событиях. Тексты эти имеют строго определенный набор функций и используются данным сообществом в качестве отправной точки и, одновременно, материала для формирования систем идентичностей.

Выражаясь другими словами, историческая память содержит информацию о событиях, являющихся своеобразными «точками сборки» сообщества, фундаментом, определяющим идентификационные модели или даже шире, социальную и культурную онтологию группы (кто мы такие, как мы проявили/проявляем нашу сущность и т.д.).

Именно историческая память является той направляющей и ограничивающей силой, которая способна непосредственно влиять на процедуру принятия решений здесь и сейчас. Так, например, хорошо известно какую значимую роль сыграла историческая память о Холокосте в деле образования государства Израиль и какое значение она имела для формирования специфики израильской внешней и внутренней политики. Мощную «регулирующую» функцию в современном мире продолжают играть отсылки и исторические аналогии с использованием образа Адольфа Гитлера, как «архетипического» диктатора и военно-политического преступника. Достаточно использовать данный образ как символически ярлык, чтобы вызвать изменения в оценки того или иного политика в массовом сознании [см. 7].

В своей книге «Места памяти» Поль Нора четко разделял «историческое знание» и «историческую память». Память приходит тогда, когда объект её отстранен от нас, даже, можно сказать – отчужден, во времени и/или пространстве. «Если бы мы сами продолжали населять нашу память, нам было бы незачем посвящать ей особые места» [8, с. 19].

Первое является открытой системой, совокупностью критически осмысляемых и постоянно подвергаемых сомнению построений. Второе есть закрытая, самодостаточная система текстов, претендующих на полноту и абсолютность. Историческая память эмоционально окрашена и базируется на социальных конвенциях. У памяти четкие социальные функции и они не имеют ничего общего с чистым познанием. Память всегда ангажирована. «Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это Абсолют, а история знает только относительное» [9, с. 19-20].

Однако в этой схеме, намеченной классиком, присутствует своеобразное «слепое пятно». П. Нора прямо указывал на наличие бессознательных посылов при формировании исторической памяти («...существует сеть разных идентичностей, бессознательная организация коллективной памяти, которой мы

позволяем осознать самое себя» [10, с. 48]. Тем не менее, в целом, возобладала позиция Алейды Ассман и следующих за ней других исследователи уже «постнорианского» периода. Разделяющие эту точку зрения выстраивают систему «отношений» с исторической памятью как с явлением, преимущественно сознательным [см. 11, 12]. Даже в рамках *memory studies* даже процесс забывания принято изучать, главным образом, как целенаправленную практику – рекоммеморацию.

Происходит это из-за того, что на процесс формирования исторической памяти, главным образом, влияют две культурно-символические фигуры – Политик и Историк. Первый указывает направление отбора, сохранения и/или замены содержания исторической памяти. Иными словами, формирует её фрейм. Второй же выстраивает само пространство исторического знания, которое в той или иной мере может быть использовано в процессе формирования исторической памяти или может влиять на этот процесс. Оба, в большей или меньшей степени организуют свою деятельность вполне сознательно. Наглядную связь между усилиями «Специалистов» и социально-историческими и социально-культурными установками рассматривали в своей статье Е.Е. Красноженова и С.В. Кулик [13]. В данной работе мы не будем останавливаться на этом вопросе подробно. Для нас важно другое.

Именно деятельность этих двух культурно-символических фигур создает вокруг феномена исторической памяти ареол сознательности и рациональности. Тем не менее, усилиями Политика и Историка формирование исторической памяти не ограничивается. Прежде, чем данный феномен станет живой социокультурной реальностью историческое знание, которое является, бесспорно, источником исторической памяти, столкнется с деятельностью Чиновника, Публициста, Журналиста и Учителя. В перечень обязанностей каждого из них входит не только систематизация и организация исторического знания, но и, прямо связанное с этим, формализация, мифологизация и стереотипизация. Все эти процессы, естественным образом, происходят из самой природы государственной власти, СМИ и процесса образования. Иными словами, в задачи большинства участников процесса формирования исторической памяти прямо входят такие воздействия на историческое знание, которые упрощают, сжимают и схематизируют его. Историческая память, фактически образуется путем вытеснения части исторического знания в историко-культурное бессознательное.

Иными словами, уже в самих структурах производства исторической памяти кроется не возможность, а необходимость забвения и не возможность, а необходимость искажения. Как подметил А. Васильев: «для поддержания стабильности общества, для того, чтобы его члены ощущали солидарность и историческую преемственность существования своей группы, они должны помнить определенные вещи определенным образом, а некоторые вещи организованно забывать» [14, с. 57].

Однако угроза для исторической памяти более коварны, чем может показаться на первый взгляд. Упрощаемые и формализуемые системы знаний не могут исчезнуть или оказываться забытыми. Тут речь может идти о полном вытеснении/забвении только в отношении отдельных, конкретных фрагментов содержания (тех или иных событий, их деталей и нюансов и пр.).

Сами такие формализованные, насыщенные, сверхценные для конкретной социальной среды структуры склоны превращаться в культурное бессознательное

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

в чистом виде [15]. Иными словами, подвергшееся избыточному воздействию процессов культурного вытеснения и подавления социальное знание легко превращается в элемент культурно-социального бессознательного. То, что некогда, было живым и активным полем смыслов, то, что было наполнено энергией и могло эту энергию производить и перераспределять/перенаправлять, превращается в простое правило построения дискурса, условие для построения чужеродных ему явлений.

Соотнесение культуры, исторической памяти и бессознательного долгое время было весьма спорным и сомнительным интеллектуальным предприятием. Так, например, современный литературовед и культуролог Д.М. Соболев из университета Хайфы отмечает: «многие ученые, столкнувшиеся с конкретными проявлениями неосознаваемого субстрата культуры, старались избегать использования термина «бессознательное», поскольку для них это понятие было «скомпрометировано» своей неразрывной связью с психоанализом – дисциплиной, которую они воспринимали в качестве чрезвычайно проблематичной, а часто и ложной» [16, с. 89].

Однако, с течением времени, становилось все более и более понятно, что человеческая деятельность управляется генерирующими системами (структуры у К. Леви-Стросса, эпистемы у М. Фуко, трансакционные сценарии - «игры» у Э. Бурна, «правила» культурных практик в работах историков школы Анналов третьего поколения и т.д.). Отличительной особенностью таких систем является их бессознательный характер и прямое влияние на формирование различных форм дискурса. В совокупности, все они описывают разные аспекты культурного бессознательного.

Понятие культурного бессознательного (его общепринятое англоязычное обозначение – *cultural unconscious*), таким образом, фиксирует наличие неосознаваемых элементов, организующих формирования знания и конкретных действий, определенных этим знанием. Такое знание концентрируется в культуре в виде мифов, сказок, произведений искусства, в первую очередь, литературы и кино, с неременным закреплением в культуре данного сообщества за ними (объектами) тех или иных единиц значения.

По существу, культурное бессознательное представляет собой систему правил и установок, присущие некой данной культуре и оформляющих те или иные её дискурсивные практики. Это все то пространство ограничений и предписаний на основании которых, как на фундаменте, выстраиваются новые модели «говорения», производства текстов. Именно благодаря им, новые формы дискурса встраиваются в существующие дискурсивные модели становятся их продолжением и иногда развитием.

Может возникнуть вопрос: в чем же тогда опасность, что за угроза заключается в процессе усиления бессознательной компоненты исторической памяти? Ответ прост: угроза заключается в полной замене одного явления другим. Из самостоятельной, хоть и тяготеющей к формализации и «слепому» репродуцированию, дискурсивной формы, содержание того или иного пласта исторической памяти превращаются в контекст, в систему правил не имеющих самостоятельного значения, а выполняющих чисто контекстуальную функцию. Иными словами, соответствующий содержательный пласт исторической памяти утрачивает свое значение как инструмент социальной интеграции и обеспечения социальной идентичности [17].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Подобное особенно ярко заметно в случае анализа репрезентативности исторической памяти о Великой Отечественной войне. С одной стороны, современная историческая наука позволяет весьма детально препарировать исторические источники [18], добывая высококачественное научное знание. С другой стороны, Попп И.А. и Бурова А.И. отмечают, что одной из важнейших современных тенденций, инициированной техническим прогрессом, становится виртуализация истории, а значит и исторической памяти. Содержание исторической памяти начинает испытывать значительные влияния со стороны норм и закономерностей цифровой среды [19].

С другой стороны, Грибан И.В. и Грибан О.Н. подчеркивают в своем исследовании, что формирование, особых «виртуальных» продуктов культуры (например, веб-сайтов) прямо влияет на распространение представленной в них разработчиками (зачастую более ориентирующимися на зрелищность, легкость восприятия и «эмоциональную лаконичность», чем историческую достоверность) версий исторических событий [20]

Это явление мы предлагаем обозначать термином «отчуждение прошлого». Под понятием «отчуждение прошлого» мы будем понимать такую ментальную ориентацию в отношении исторической памяти, при котором тот или иной пласт её содержания утрачивает эмоциональную ценность для говорящего, что приводит к восприятию его индивидами как концентрата «внешней», фоновой силы, задающей фрейм «говорящего об истории». Данный пласт, в данном случае, память о Великой Отечественной войне, превращается, выражаясь языком психоанализа, изолируется и одновременно подвергается ценностной инфляции.

Каково же может быть противодействие этому?

Прежде всего, необходимо отметить, что простое обращение к историческому знанию, как некому мерилу исторической памяти ничего не дает. В своей работе Филатова В.Н. и Филатов Ф.Р. приходят к выводу, что центральной проблемой изучения исторической памяти являются затруднения с формированием или выстраиванием универсального языка описания и истолкования нарративных исторических источников. Вызвано это, фактическим отсутствием рациональных оснований для выявления некоего устойчивого комплекса пересечений в пространстве индивидуальных переживаний и/или представлений» [21].

Подбирая «рецепт» противодействия «отчужденности прошлого» необходимо начать с указания на сущность любой формы любого процесса отчуждения. Как философская категория, понятие «отчуждение», вводится и разрабатывается в рамках гегелевской философии. На втором этапе развития этого концепта, он оказывается интегрирован в систему марксистской философии. Уже в рамках марксистской философии понятие данное сводится к материальному, вещному отчуждению, главным образом в форме отчуждения субъекта труда от продуктов его труда. Это значительно исказило гегелевское видение отчуждения.

Г. Гегель утверждает, что отчуждение есть результат глобального противоречия между восприятием, человеческим мышлением, Абсолюта и осознанием его (Абсолюта) объективированных форм. В отличии от марксистской технологии «материализации» отчуждения, Г. Гегель делает это понятие выразитель главной интенции сознания. Отчужденность, в конечном счете, это то, что преследует человека с момента формирования у него

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

представления о целостности его Я. В некотором роде, отчуждение у Г. Гегеля – это отчуждение от потока бытия, от непрерывности миродвижения. Более того, это всегда процесс, порожденный особенностями нашего мышления. Логику этого процесса Г.В.Ф. Гегель подробно расписывает в знаменитой главе, посвященной диалектике отношений «раб-Господин» в «Феноменологии Духа» [22, с. 99-106].

Процесс «отчуждения прошлого», а погружение в культурное бессознательное можно определить именно так, в точном, «гегелевском значении слова «отчуждение», может иметь разрешение в пространстве чистого мышления. Итак, чтобы подойти к первому шагу решения поставленной выше задачи приведем довольно обширную, но крайне необходимую для нас цитату описывающую главную характеристику исторической памяти: «В этой картине прошлого (реконструируемого в рамках исторической памяти – Х.В.) должны отсутствовать большие перемены и разрывы, чтобы группа могла бы себя узнать в ней на любом историческом этапе». [23, с.59]. Историческая память – не некий «объекта долга» [24], не ценность сама по себе, а инструмент. Она наделена четкими социально-культурными функциями, реализуемыми (или не реализуемыми) здесь и сейчас.

Историческая память – это форма Знания, кое, как известно есть Сила. В данном случае, историческая память функционирует как фактор организации идентичностей сообщества. Именно этот аспект она утрачивает в случае «отчуждения прошлого» и борьба именно за это позволяет сохранить историческую память как живую и действенную силу.

Содержание исторической памяти невозможно сделать осознанным. Иначе это будет собственно, историческое знание, а оно не может быть «массовым» продуктом. Историческое знание требует подготовки, систематической практики усвоения, критического переосмысления, устранения иррациональных компонентов. У большинства, составляющего то или иное общество на это просто нет ни времени, ни желания. Но они и не требуются. Историческое знание может спокойно оставаться, преимущественно, объектом внимания профессионалов.

Но мы можем выработать практики осмысления функции исторической памяти. Иными словами, понимание должно расширяться не в сторону «что?», а в пространство «зачем». Эти практики могут демонстрировать как те или иные аспекты исторической памяти актуализировались в прошлом, приводя к сплочению и активизации групп и как они обеспечивают этот же процесс в настоящем.

Подлинно человеческого человека, действительно характеризует способность видеть свою «Тень» (в юнгианском значении этого термина) и как правильно отмечает С.И. Белов этот процесс должен проводить медленно, осторожно с соблюдением техник безопасности [25]. Но, очень важно, чтобы ему предшествовал процесс глубоко осознания функционального назначения исторической памяти [26], выявление её подлинного значения для выживания для порождающих её обществ. Иными словами, нам нужно в корне преодолеть «родовую травму» современных «memory studies» - ментальную ориентацию на постмодернистскую «релятивность», условность и «текстовать».

Список литературы

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 1997. 348 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2. Сафонова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12-31.
3. Брахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017. 504 с.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память. СПб. с. 17-50.
5. Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. №1. С. 33-38.
6. Там же.
7. Глущенко Г.Ю. История versus память: к проблеме взаимосвязи истории и памяти // Философская мысль. 2018. № 1. С. 37 - 50.
8. Нора П. Проблематика мест памяти.
9. Там же.
10. Там же.
11. Морозов Ю.В. Фальсификация итогов второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: история и безопасность. 2015. №25. С.50-63.
12. Неверов А. Я. Формирование исторической памяти как способ манипулирования общественным сознанием // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 134-139.
13. Krasnozhnova E.E., Kulik S.V. Historical memory about Great Patriotic war in communication of modern russian society. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Edited by: Ardashkin I.B., Martyushev N.V., Klyagin S.V., Barkova E.V., Massalimova A.R. & Sirov V.N.. 2018. С. 677-682.
14. Васильев А.В. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса «От прошлого к будущему». 2009. С. 56-68.
15. Репина Л.П. События и образцы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое/ The New Past. 2016. №1. С. 82-99.
16. Соболев Д.М. Механизмы бессознательного в культуре // Аналитика культуры. 2008. №1. С 86-118.
17. Мерзлякова И.Л. Функции исторического сознания в условиях модернизации современного российского общества // Вестник Донского технического государственного университета. 2012. №4 (65). С. 77-83.
18. Виноградов С.В., Красноженова Е.Е. // Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942- 1943 гг.) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 55-65.
19. Попп И.А., Бурова А.И. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне практико-ориентированный подход (на примере реализации всероссийского патриотического студенческого проекта «Живая история») // Педагогическое образование в России. 2007. №1. С. 129-134.
20. Грибан И. В., Грибан О.Н Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. с. 33–38.
21. Филатова Н.В., Филатов Ф.Р. О возможности исторического психоанализа // Новое прошлое/The New Past. 2017. №4. С. 106-126.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

22. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М., 1959. 440 с.
23. Васильев А.В. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия.
24. Кургузов В.Л. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2011. №1. С. 76-90.
25. Белов С.И. Минимизация рисков введения исторических сюжетов в историческую память // PolitBook. 2018. 3. С. 52-65.
26. Krasnozhenova E.E., Kudryavtseva R.E.A., Baoyan Wu. Daily life of South Russia population during the Great Patriotic war (1941-1945) // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 2-2. С. 219-226.

Khazov V.K.

OVERCOMING THE "ALIENATION OF THE PAST» AS A STRATEGY FOR PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

KHAZOV Vladimir Konstantnovich – candidate of philosophy, associate Professor of the Department of Social Sciences, St.-Petersburg Polytechnic University Peter the Great, 195251, Russia, Saint-Petersburg, Polytechnicheskaya, 29.
e-mail: address: vla1698@yandex.ru

Abstract. The article analyzes two basic theoretical approaches to understanding the nature of the phenomenon of historical memory. The first approach can be described as "essentialist", the second as "constructivist". The first approach considers historical memory as a cultural "extension" of individual memory, then the second approach treats the same phenomenon as a special socio-cultural phenomenon that is not directly related to the biologically conditioned memory of an individual. However, despite all the differences, both approaches have a common place: no matter how we interpret the nature of historical memory, in the end, we interact with it as socially oriented knowledge. At the same time, there is a certain duality regarding the degree of awareness of historical memory. On the one hand, historical memory is evaluated as a form of schematization and simplification of historical knowledge (which has quite specific social and practical goals), on the other, it is usually considered as a primarily conscious phenomenon. Recently, a new type of threat to the existence of the historical memory of the great Patriotic war has appeared – not purposeful, natural processes of displacing the content of historical memory into the socio-cultural unconscious, reducing it to empty, unconscious forms. The author proposes to designate this phenomenon, by analogy with the Hegelian term "alienation" as "alienation of the past". As a way to overcome the "alienation of the past", it is proposed to form practices of awareness of the functions of the historical memory of the great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, the preservation of historical memory, commemorative practices, recomemore, places of memory, the overcoming of alienation.

**ЛАГЕРЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ. 1944–1949 гг.**

ХОДЯКОВ Михаил Викторович — д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

e-mail: m.khodyakov@spbu.ru

ГАВРИЛОВА Ольга Александровна — к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

e-mail: o.gavrilova@spbu.ru

Аннотация. В статье затронута малоисследованная проблема, связанная с созданием и функционированием лагерей для иностранных военнопленных на территории Крыма, оказавшихся в советском плену на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Авторы показывают, что, несмотря на серьезные достижения историографии, многие аспекты военного плена в Южном экономическом районе в достаточной степени не изучены. Основываясь на документах Российского государственного военного архива, авторы статьи очерчивают круг проблем, который нуждается в дальнейшем исследовании. Среди них выделяется трудовая деятельность иностранных военнопленных на территории Крыма в 1944–1949 гг., степень эффективности их использования на различных объектах, подчиненных многочисленным министерствам и ведомствам. Особого внимания заслуживает изучение повседневной жизни военнопленных, включая взаимоотношения с гражданским населением, вопросы продовольственного обеспечения, организации переписки с родными и близкими, причины побегов из лагерных зон и объектов работ. В статье показана специфика лагерей на территории Крыма: национальный принцип формирования лагерных отделений, их большое количество в каждом из лагерей, особенности репатриации военнопленных. Изучение истории функционирования специального госпиталя для военнопленных, характера выявленных заболеваний, определение процента смертности позволит оценить качество санитарного обеспечения лагерей и дать более четкий ответ на вопрос о причинах существования в Крыму свыше 50 мест захоронений узников войны. По мнению авторов, степень экономической эффективности существования лагерей на полуострове может быть определена лишь при комплексном изучении всех проблем, связанных с их функционированием.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, экономика Крыма, лагеря НКВД-МВД.

В силу ряда причин политического и идеологического характера история иностранных военнопленных Второй мировой войны, находившихся в лагерях НКВД-МВД СССР, длительное время серьезно не изучалась. Сегодня проблема получила научное звучание, что подтверждается серьезными достижениями историографического характера. Опубликованы не только обобщающие

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

монографии [1-5], но и ценные сборники документов [6; 7]. Вместе с тем, количество лагерей на территории СССР, их география, национальный состав узников войны, а также сохраняющиеся до сегодняшнего дня ограничения доступа к ряду архивных материалов, свидетельствуют о том, что считать вопрос изученным в полной мере пока нет оснований. Так, в опубликованном недавно сотрудниками Российского государственного архива экономики сборнике документов, посвященном восстановлению народного хозяйства Крыма в первые послевоенные годы, сведения об участии и вкладе военнопленных в возрождение разрушенных городов, портов, предприятий и здравниц полуострова отсутствуют [8]. История крымских лагерей для иностранных военнопленных по странному стечению обстоятельств вообще оказалась обойдена вниманием в историографии. Исключением можно считать лишь публикацию отчета о деятельности лагеря НКВД-МВД СССР № 299 (Симферопольского), дающую общую картину существования лагеря и его многочисленных отделений [7, с. 224–269].

Исследовать историю крымских лагерей для иностранных военнопленных в определенной степени помогают публикации зарубежных исследователей. Помимо немцев и австрийцев в лагерях Крыма также содержались румыны, венгры, молдоване, представители других национальностей. Использование документов из российских архивов (преимущественно из Российского государственного военного архива – РГВА) позволяет исследователям составить некоторое представление о содержании в плену бывших военнослужащих вермахта различных национальностей, в частности, венгров: дать оценку условиям содержания военнопленных, продовольственному и вещевому снабжению, медико-санитарному обеспечению, эффективности трудового использования, ходу репатриации и т.д. [9].

К сожалению, по-прежнему случается, что беспристрастный анализ документов подменяется односторонней трактовкой большой и неоднозначной проблемы русского плена. Ряд зарубежных исследователей предпочитает «беспроектный ход» времен «холодной войны» – акцентировать внимание на бесчеловечных условиях содержания в «советском архипелаге» своих соотечественников. При этом реальное количество лагерей для военнопленных произвольно увеличивается. Так, в одной из публикаций подобного рода говорится о 2 000 советских лагерей (в действительности, в общей сложности до начала 1950-х гг. их было около 500 [7, с. 8]), в которых будто бы содержались военнопленные венгерской армии: 44 лагеря на территории Азербайджана, 158 – на территории бывших Балтийских государств, 131 – в Белоруссии, 119 – в Северной России, 53 – в окрестностях Ленинграда, 627 – в Центральной России, 276 – на Урале и 64 – в Сибири [10, с. 160]. Забывая о том, что венгерское хортистское государство и его армии в годы войны осуществляли на оккупированных советских территориях геноцид [11, с. 73–96], путая лагерные отделения с лагерями, автор повествует об изнурительном труде венгерских военнопленных, полуголодном существовании и имевших место якобы по этой причине огромных масштабах смертности, составивших не менее 200 тыс. человек [10, с. 167]. Эти данные серьезно расходятся с теми, что почти 30 лет назад ввели в научный оборот российские исследователи, отмечавшие, что в советском плену по разным причинам умерло 54 753 венгерских военнопленных, включая 3 генералов, 1 566 офицеров и 53 184 унтер-офицера и рядовых [12, с. 44–50].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Исходя из относительно невысокой степени разработанности темы, отражающей историю содержания иностранных военнопленных Великой Отечественной войны в лагерях НКВД-МВД на территории Крыма, в настоящей статье авторы сочли целесообразным очертить круг проблем, нуждающихся в более основательном изучении.

Появление лагерей для содержания военнопленных в Крыму было напрямую связано с разгромом фашистских армий в ходе проведения Крымской наступательной операции РККА в апреле – мае 1944 г. В советский плен тогда попало 61,5 тыс. вражеских солдат и офицеров [13, с. 266]. Привлечение ряда материалов РГВА позволяет сформировать представление о дислокации лагерей на территории Крыма. Так, фонд 1 п (Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР), а также фонд 30 п (Учреждения по делам военнопленных и интернированных УМВД Крымской области) отражают проведение комплекса организационных мероприятий по созданию многочисленных отделений лагерей № 241 (Севастопольского) и № 299 (Симферопольского). Лагерные отделения были разбросаны по всем уголкам Крыма – они существовали в Керчи, Феодосии, Симферополе, Ялте, Евпатории, во многих других городах и поселках полуострова.

Военнопленные сыграли важную роль в восстановлении экономики Крыма. Они использовались различными хозяйственными органами многих наркоматов (министерств): строительства предприятий машиностроения, металлургической промышленности, строительных материалов, химической промышленности, тяжелой индустрии, судостроительной промышленности, путей сообщения, автотранспортной промышленности, машиностроения и приборостроения, жилищно-гражданского строительства, рыбной промышленности, авиационной промышленности и др. Они были активно задействованы на работах по линии наркомата (министерства) пищевой промышленности в совхозах: «Судак», «Коктебель», «Ай-Даниль», «Массандра», «Алушта», «Гурзуф», «Артек» и др. Труд военнопленных использовали и силовые ведомства: организации НКВД (МВД) (Стройотдел ХОЗО УМВД, Главное управление аэродромного строительства № 5 и 10, Стройконтора МВД в Крыму и т.д.); организации Министерства Госбезопасности (совхоз «Молодая гвардия», совхоз «Красный», Строительство № 10, санаторий № 1 и т.д.); организации Министерства Вооруженных Сил («Севастопольвоенморстрой», строительство № 132, санаторий «Долоссы» и т.д.) [7, с. 243–244].

Сведения о характере трудового использования военнопленных и имевших при этом место грубых просчетах в организации работ сохранились в архивных делах. Проведенные проверки в лагере № 299 показали, что только в лаготделении № 16 с 16 декабря 1946 г. по 6 января 1947 г. было зафиксировано 130 случаев обморожения, в том числе 29 случаев обморожений первой степени с незначительным покраснением кожных покровов, 97 случаев – второй степени. Для 40 человек требовалось временное освобождение от работ, остальные «нуждались в амбулаторном посещении» [14, л. 1].

В лагере № 241, в лаготделениях №№ 2, 5 и 6, в январе 1947 г. также имели место случаи обморожения военнопленных. Допускался их выход на работу «в тесной плохо отремонтированной обуви, без рукавиц, плохих портянках». Приказом начальника управления лагеря от 11 февраля 1947 г. начальнику лаготделения № 2 майору Кротову объявлялся выговор, а начальник санчасти

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

капитан медицинской службы Малышкина была «арестована с исполнением служебных обязанностей на 5 суток», заместитель начальника по трудовому использованию капитан Макаров был арестован на 3 суток». Кроме того, в результате проведенной 12 февраля 1947 г. проверки было выявлено «безответственное отношение к содержанию контингента». 150 военнопленных, работавших до этого на тяжелых работах, были выведены из рабочих команд с переводом их в категорию «дистрофики» и «оздоровительная команда» [15, л. 13]. Повседневную жизнь военнопленных характеризуют «Донесения из лагерей». Идеализировать ситуацию в лагерных отделениях первых послевоенных лет сегодня нет необходимости. Нередкими были случаи хищения со складов (муки, хлеба, консервов, мяса, рыбы, масла, сахара), которые совершал личный состав лагерей, призванный охранять узников войны. Только в 1946 г. за хищение социалистической собственности было осуждено 6 сотрудников лагеря № 299; в 1947 г. снят с должности и осужден заведующий центральным складом Отдела военного снабжения Алешин. В апреле 1949 г. был исключен из партии и привлечен к уголовной ответственности «за злоупотребления по службе» начальник управления лагеря № 299 подполковник Матюрин. Вместе с ним с той же формулировкой были уволены из органов МВД и осуждены военным трибуналом начальник финотдела управления лагеря капитан И. П. Бондарев, начальник финчасти лаготделения лейтенант Гильманов, начальник одного из лагерных отделений старший лейтенант Андриющенко [7, с. 229–247].

Кражи продовольствия, финансовые злоупотребления, ухудшавшие и без того тяжелую жизнь военнопленных, сопровождалась их избиениями за те или иные проступки. Так, 20 января 1947 г. ефрейтор 317 конвойного полка В. П. Крутько, радист гарнизона лаготделения № 16 лагеря № 299, нарушив действовавшие приказы и директивы МВД об охране военнопленных, «по неизвестным причинам» избил немца Эриха Эльцнера, нанеся ему «тяжелые ушибы в ребра левой стороны, чем сделал военнопленного нетрудоспособным в течение 2-3 недель» [15, л. 9].

В некоторых случаях самоуправство лагерного руководства удавалось зафиксировать документально. Проверкой было установлено, что военнопленный немец Этвин Дене под надуманным предлогом 25 января 1947 г. был посажен в карцер младшим лейтенантом Котовым (старшим оперуполномоченным лаготделения № 2 лагеря № 299). В карцере он провел 5 суток, помещение не отапливалось, в нем отсутствовали нары. Итогом стало обморожение 3 степени ног военнопленного. По заключению врачей, возникла необходимость «произвести ампутацию ряда пальцев» [14, л. 4].

В том же лаготделении 4 февраля 1947 г. военнопленный австриец Роберт Лоте был вызван на допрос переводчиком И. М. Кульбацким, в ходе которого «...был им избит до такого состояния, что его пришлось положить в лазарет», где он находился с 4 по 13 февраля 1947 г., а затем переведен в Центральный лазарет» [14, л. 4].

Систематические случаи избиения военнопленных в лагерях фиксировались и позже. В донесении начальника управления лагеря № 241 подполковника Евдокимова от 12 августа 1947 г., направленном начальнику политотдела лагерей военнопленных УМВД по Крымской области капитану А. Лубнину, говорилось: «Прошу Вашего вмешательства, чтобы в ближайшее

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

время прекратить избиение военнопленных со стороны конвоиров 317 полка», поскольку это «выводит военнопленных из трудового фонда» [14, л. 43].

Случай избиения военнопленных лаготделения № 9 был зафиксирован 15 декабря 1947 г. «среди улицы, против клуба УМВД в г. Симферополе, при посторонних гражданах и перед строем военнопленных». Конвоиры не обнаружили в строю двух военнопленных. После того, как те «нашлись», они оказались избиты: «Им нанесли по несколько ударов в лицо и 2-3 удара прикладом в спину» [14, л. 55].

Тяжелые условия лагерной жизни, тоска по родине становились основными причинами побегов военнопленных. За время существования лагеря № 299 совершили побег 95 военнопленных, еще свыше 150 человек готовили побег, которые в конечном итоге были предотвращены [7, с. 249–250].

Серьезное значение для создания благоприятного психоэмоционального фона в лагерях имела переписка военнопленных. О принципах ее организации на общесоюзном уровне одному из авторов этих строк уже приходилось писать [16, с. 194–212]. Статистические данные о переписке военнопленных, содержащихся в лагерях Крыма, отложились в ряде архивных дел. Из них явствует, что процесс поступления почтовых карточек в лагерные отделения далеко не всегда был ритмичным. Так, в начале октября 1946 г. руководители управления лагеря № 299 информировали начальника оперативного отделения ОПВИ УМВД по Крымской области майора Мелешкина о том, что «в минувшем месяце» почтовые карточки для переписки военнопленных не поступали. Тем не менее, из имевшихся запасов в сентябре 1946 г. в лаготделения было направлено 15 913 почтовых карточек. Одновременно в течение месяца было получено от лаготделений заполненных почтовых карточек для отправки на родину военнопленных 15 735 штук. Выдача почтовых карточек рассматривалась как одна из форм поощрения узников войны. Известно, что в сентябре 1946 г. с этой целью им было выдано 1 300 штук почтовых карточек. В том же месяце военнопленные лагеря получили с родины в 5 145 писем: 2 945 – из Германии, 1 916 – из Венгрии, 179 – из Австрии и 105 – из Румынии [17, Л. 1–1 об.].

В октябре 1946 г. ситуация с перепиской изменилась: от ОПВИ УМВД по Крымской области для военнопленных лагеря № 299 поступило 70 тысяч штук почтовых карточек – «7 тюков по 10 тыс. штук». Всего на 1 ноября 1946 г. в управлении лагеря имелось 95 000 почтовых карточек, из которых в лаготделения было направлено 31 618 штук. В порядке поощрения военнопленным была выдана 1 061 почтовая карточка. В этом месяце они направили 7 708 писем в Германию и 4 929 в Венгрию, получив соответственно из этих стран 6 083 и 5 032 письма, а также 790 писем из Австрии и 719 из Румынии [17, л. 6].

Масштабы переписки военнопленных Крымских лагерей из месяца в месяц нарастали. За период с 25 июля по 25 августа 1947 г. в лагерь № 299 поступило 8 702 письма: 5 350 – из Германии, 2 580 – из Венгрии, 750 – из Австрии, 22 – из Румынии. За тот же период военнопленные отправили на родину 12 543 почтовые карточки, в том числе в Германию – 8 609, Венгрию – 3 320, Австрию – 560, Румынию – 54. С 25 ноября по 25 декабря 1947 г., несмотря на репатриацию части военнопленных и сокращение численности лагерных отделений, военнопленные лагеря № 299 получили 9 877 писем из Германии и 5 221 из Венгрии. Одновременно они отправили 10 423 почтовые карточки в Германию и 2 799 в Венгрию [17, л. 120–184 об.].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Процесс репатриации военнопленных из лагерей Крыма имел свои особенности. В списки на репатриацию попадали прежде всего антифашисты и лучшие производственники. В докладной записке от 8 июля 1947 г. оперуполномоченного эшелона военнопленных младшего лейтенанта Пискуна начальнику политотдела лагерей военнопленных УМВД по Крымской области капитану А. Лубнину говорилось о сопровождении им эшелона военнопленных немцев в июне 1947 г. в количестве 1 148 чел. [18, л. 46–47].

В первой половине 1947 г. шла подготовка и проходила отправка на родину военнопленных и других национальностей. Из лагеря № 241 группа венгров в количестве 1 199 человек, намеченных для репатриации, была сосредоточена в специальном лаготделении № 4/13 «Бухта-Голландия». В итоге 26 июля 1947 г. из лагеря № 241 было репатрировано 1 129 военнопленных венгров, а 28 июля из лагеря № 299 – 859 венгров, в том числе из спецгоспиталя № 3318 – 196 человек [18, л. 54–55].

Эшелоны обеспечивались продовольствием, постельными принадлежностями, военнопленные получили новое обмундирование и хорошую обувь. Отправка проходила в торжественной обстановке при участии духовых оркестров военнопленных. Правда, военнопленным венграм одного из эшелонов перед отправкой на родину в сентябре 1947 г. из лагеря № 299 пришлось предварительно выслушать ряд докладов, подготовить благодарственные письма советскому правительству, осуществить групповые читки газет, поучаствовать в митингах, а также выучить слова гимна Советского Союза и ряда революционных песен [18, л. 59].

Несмотря на нараставший процесс репатриации, часть военнопленных венгров по-прежнему оставалась в заключении. Это вызывало определенные трения с лагерным начальством. В спецсообщении заместителя начальника управления лагеря № 299 по оперативной работе подполковника Сычева от 11 марта 1948 г., адресованном начальнику управления МВД по Крымской области генерал-майору А. Калинину говорилось: «8 марта с.г. от начальника 15 лагерного отделения (пос. Ливадия) майора Муравьева поступило сообщение о том, что в лагерном отделении среди содержащихся военнопленных венгров (здесь содержится 1 054 венгра из общего количества 1 728, содержащихся во всем лагере) имеют место отрицательные настроения, вызванные отправками военнопленных немцев на родину. Венгры высказывают недовольство тем, что раньше отправляют на родину не их, а немцев... Это сказывается на работе венгров, за последнее время они стали работать хуже» [19, л. 14].

Документы также свидетельствуют о том, что содержание военнопленных в соответствии с майской 1946 г. директивой МВД СССР должно было осуществляться по национальному признаку. Однако происходило это не всегда. Например, в лагере № 299 в этот момент было сформировано 22 лаготделения с общим количеством военнопленных свыше 14 тыс. человек: 8 отделений немецких, 8 – венгерских, 1 – австрийское, 1 – румынское, 4 – смешанных [7, с. 251–252]. Лишь 11 мая 1948 г. начальник политотдела лагерей военнопленных УМВД по Крымской области капитан А. Лубнин доложил начальнику политотдела ГУПВИ МВД СССР генерал-майору Е. И. Борисоглебскому о том, что до середины марта 1948 г. военнопленные румыны содержались в ряде лагерных отделений лагеря № 241 совместно с венграми. Только с 20 марта 1948 г. они были сведены в отделение № 1 лагеря № 241. При этом в

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«интернациональном» лаготделении № 12 продолжали находиться 44 румына, что вызывалось «производственной необходимостью» [19, л. 37].

Сохранившиеся паспорта кладбищ дают представление о масштабах смертности военнопленных, функционировании спецгоспиталя № 3318, местах захоронения узников войны. Кладбищенские книги позволяют уточнить сведения о дате рождения военнопленных, их национальности. Работу спецгоспиталя также характеризуют дела, в которых содержатся отчеты лагерей за тот или иной промежуток времени. Не может не обратить на себя внимание тот факт, что количество кладбищ умерших военнопленных на территории Крыма (свыше 50) значительно превышало количество мест захоронений узников войны в других регионах. Представляется, что это было связано не с повышенной смертностью военнопленных в Крыму, а с частыми перемещениями лагерных отделений, что обуславливалось необходимостью выполнения задач по восстановлению народного хозяйства полуострова. Книга протоколов вскрытия тел умерших отражает причины смерти военнопленных: «острая дизентерия», «общее резкое истощение», «пневмония», «отек легких», характерные для начального этапа нахождения узников войны в лагерях, особенно в 1945 г. [20, л. 1–237]. Так, захоронения умерших военнопленных спецгоспиталя № 3318 производились на территории Ново-Татарского кладбища в Симферополе. Кладбище было открыто 5 сентября 1944 г. и использовалось до начала октября 1949 г. Общее количество захороненных на его территории составило 1 944 человека. При этом количество умерших только в январе – апреле 1945 г. достигло 498 человек [21, л. 28; 22, л. 7]. Случаи смертности с 1947 г. становятся единичными. В формуляре лагеря № 241 за 1947 г. указана смертность военнопленных: «в июле 1947 г. – 1, в сентябре – 3». Тут же сделана пометка начальника управления лагеря: «Смертность ниже общесоюзной» [23, л. 8]. Приводимые сведения не учитывали смертность военнопленных на производственных объектах, где нередкими были случаи нарушения правил техники безопасности. Несмотря на это, следует отметить, что каждый случай гибели или серьезного заболевания военнопленного в 1947–1949 гг., как правило, становился предметом специального разбирательства. Сохранившаяся переписка с УМВД Крымской области за 1944–1959 гг. характеризует не только отношение лагерного руководства к местам погребения военнопленных, но и демонстрирует общую тенденцию по вопросу о целесообразности существования кладбищ, на которых были захоронены узники войны.

Очевидно, что проблема русского плена Второй мировой войны пока не получила всестороннего освещения. С учетом широчайшей географии лагерей и лагерных отделений, в которых на территории СССР содержались бывшие военнослужащие вермахта, а также специфики их трудовой деятельности не представляется возможным однозначно говорить о том, что существование лагерей было нерентабельным/рентабельным с экономической точки зрения. Многие зависело от организационных способностей лагерного начальства, отношения к военнопленным со стороны местного населения, целого ряда других факторов. Лагеря Крыма имели свои специфические особенности, обусловленные не только климатическими факторами, национальным составом военнопленных (в частности, высоким процентом венгров), но и большим количеством лагерных отделений, часто менявших свою дислокацию. Оценка вклада военнопленных в восстановление конкретных отраслей экономики Крыма, особенности их

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

повседневной жизни, агентурная работа в лагерях по выявлению нацистских преступников, определение масштабов смертности, выявление мест захоронений узников войны требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. 318 с.
2. Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997. 246 с. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. 503 с.
3. Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки; СПб., 2009. 639 с.
4. Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда, 2016. 527 с.
5. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорулько. М., 2000. 1120 с.
6. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951: отчетно-информационные документы / под ред. М. М. Загорулько; сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Н. С. Тархова, Е. М. Цунаева. В 2-х кн. Кн. 2. Волгоград, 2005. 1088 с.
7. <http://rgae.ru/vosstanovlenie-ekonomiki-kryma-1944-1950.shtml> (дата обращения – 01.07.2020 г.).
8. Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов / сост.: Д. И. Борисов, Е. М. Варга, В. Л. Воронцов и др. М., 2005. 544 с.
9. Stark Tamás. «Malenki Robot» – Hungarian Forced Labourers in the Soviet Union (1944–1955). Р. 155–167.
http://www.epa.hu/00400/00463/00007/pdf/155_stark.pdf (дата обращения 15 июня 2020 г.)
10. Краус Т., Варга Е.М. Венгерские войска и нацистская истребительная политика на территории Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 1(6). С. 73–96.
11. Галицкий В.П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 44–50.
12. Шефов Н.А. Битвы России. М., 2002. 701 с.
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 30 п. Оп. 2. Д. 17.
14. РГВА. Ф. 30 п. Оп. 2. Д. 1.
15. Ходяков М.В. Иностранцы военнопленные Великой Отечественной войны в лагерях НКВД-МВД Эстонии. 1944–1949 гг. СПб., 2016. 320 с.
16. РГВА. Ф. 30 п. Оп. 7. Д. 18.
17. РГВА. Ф. 30 п. Оп. 2. Д. 21.
18. РГВА. Ф. 30 п. Оп. 3. Д. 14.
19. РГВА. Ф. 30 п. Оп. 12. Д. 1.
20. РГВА. Ф. 30 п. Оп. 14. Д. 11.
21. РГВА. Ф. 30 п. Оп. 14. Д. 12.
22. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 193.

Khodjakov M.V., Gavrilova O.A.

**CAMP FOR FOREIGN POWERS OF WAR OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR IN THE CRIMEA. 1944–1949**

KHODJAKOV Mikhail Viktorovich – Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), 199034, Russian Federation St. Petersburg, 199034, Mendeleevskaja lin.5.

e-mail: m.khodyakov@spbu.ru

GAVRILOVA Olga Aleksandrovna – PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), 199034, Russian Federation St. Petersburg, 199034, Mendeleevskaja lin.5.

e-mail: o.gavrilova@spbu.ru

Abstract. The article touches upon the little-studied problem associated with the creation and operation of camps for foreign prisoners of war on the territory of the Crimea, who were in Soviet captivity at the final stage of the Great Patriotic War. The authors show that, despite the serious achievements of historiography, many aspects of captivity in the Southern Economic Region have not been sufficiently studied. Based on the documents of the Russian State Military Archive, the authors of the article outline a range of problems that need further research. Among them, the labor activity of foreign prisoners of war on the territory of Crimea in 1944-1949 stands out, the degree of efficiency of their use at various facilities subordinate to numerous ministries and departments. Particular attention should be paid to the study of the daily life of prisoners of war, including relations with the civilian population, food supply, the organization of correspondence with relatives and friends, the reasons for escaping from camp zones and work sites. The article shows the specificity of the camps on the territory of Crimea: the national principle of the formation of camp departments, their large number in each of the camps, the peculiarities of the repatriation of prisoners of war. Studying the history of the functioning of a special hospital for prisoners of war, the nature of the identified diseases, determining the percentage of mortality will allow us to assess the quality of sanitary provision of the camps and give a clearer answer to the question about the reasons for the existence of over 50 burial places of war prisoners in Crimea. According to the authors, the degree of economic efficiency of the existence of camps on the peninsula can be determined only through a comprehensive study of all the problems associated with their functioning.

Keywords: Foreign Prisoners of War, economy of Crimea, camps of the NKVD-MVD.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В
ДОКУМЕНТАХ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭМИГРАЦИИ
(1941-1944)***

ЦЫМБАЛ Александр Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21.
e-mail: aleksander.g.t@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению национального вопроса и восточной политики Польши в отражении документальных материалов польского правительства в эмиграции. Одной из главных проблем для польского правительства в эмиграции был вопрос национальных меньшинств и связанная с ним проблема восточных границ Польши. Напряжение в межнациональных отношениях, существовавшее в межвоенный период обострилось до крайности в годы войны и германской оккупации. В этих условиях польское правительство разрабатывало концепции и программы по решению национального вопроса, а также возможным подходам к построению отношений с Советским Союзом, Беларусью, Литвой и Украиной. В архивных материалах сохранились программные и концептуальные документы дающие представление о национальном дискурсе и планах решения национального вопроса правительством в эмиграции в случае возвращения к власти. Польские власти смотрели на национальные меньшинства как на проблемный и нежелательный элемент в послевоенном польском государстве. Вынужденные признать рост национального самосознания литовцев, украинцев и белорусов в условиях войны и оккупации, отмечая обострившиеся межнациональные конфликты, правительство по-прежнему считало недопустимым любые формы уступок в виде автономии для национальных меньшинств. В условиях приближения советских войск к границе Польши, правительство активно взывало к верности польскому государству, декларировало возможность соблюдения прав национальных меньшинств. Предлагаемые проекты и концепции исходили из необходимости сохранения границы на момент 1 сентября 1939 г., а создание независимых государств Беларуси, Литвы и Украины, если и мыслилось, то только в сфере влияния Польши в качестве своеобразного буфера между Польшей и Советским Союзом. В польском национальном дискурсе продолжал господствовать этноцентризм в духе националистической политики межвоенной Польши. В документах отчетливо звучат мотивы Ягеллонской идеи и польской миссии на востоке.

Ключевые слова: польское правительство в эмиграции, национальная политика, восточная политика, Беларусь.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В результате событий сентября 1939 года власти Польши для сохранения государственных институтов приняли решение покинуть территорию государства. За границей были восстановлены основные государственные органы, которые решали не только текущие вопросы, но и задавались вопросами о будущем Польши после войны.

Одной из главных проблем для польского правительства в эмиграции был вопрос национальных меньшинств и связанная с ним проблема восточных границ Польши. Напряжение в межнациональных отношениях, существовавшее в межвоенный период обострилось до крайности в годы войны и германской оккупации. В этих условиях польское правительство разрабатывало концепции и программы по решению национального вопроса, возможным подходам к построению отношений с Советским Союзом, Беларусью, Литвой и Украиной.

В историографии проблема национальной политики польского правительства в эмиграции до последнего времени не находилась в сфере интересов историков. Только в 2016 г. в Польше была издана монография Б. Козинского «Концепции этнической политики польского правительства в эмиграции в годы 1939-1947» [1], однако и данное исследование не охватило имеющийся архивный материал и упустило из вида ряд программных документов позволяющих говорить о концепциях национальной политики. Проблемой также занимались Г. Гурски [2], М. Гнатовский [3], Х. Пискунович [4], Р. Высоцки [2] и Е. Пётровски [6].

Исходной точкой для правительства в эмиграции являлось стремление вернуться к границам на момент 1 сентября 1939 г. и одновременно декларировалась необходимость улучшения взаимоотношений с другими народами.

Находясь вдали от страны и не зная ситуации на оккупированных территориях, правительство не имело рычагов воздействия на развитие ситуации и межнациональные отношения. Часто высказываемые мнения грешили необоснованным оптимизмом:

«При решении вопроса польских восточных территорий нельзя обходить вниманием политической позиции украинского и белорусского населения на этих землях. Нет никаких свидетельств, что они желают присоединиться к СССР, а все данные свидетельствуют об обратном...Если бы имели возможность свободного волеизъявления большинство высказалось бы за польскую власть» [6, с. 338].

Решение проблемы виделось в конкретных действиях с целью улучшить отношения с белорусами и украинцами, а также в разработке долгосрочных программ по решению проблемы в будущем.

Актуальность вопроса усиливалась к концу Второй мировой войны. На предлагаемые решения и проекты влияние оказывала германская оккупационная политика, оживление национальных движений и обострение межнациональных конфликтов на занятых немцами территориях, а также приближение Советских войск и необходимость определения восточной границы Польши.

Архивные материалы позволяют приблизиться к пониманию проблемы. Польские правительственные структуры во Франции или Великобритании, а также структуры на оккупированных территориях подчиненные им, постоянно обращали внимание на ситуацию в Литве, Беларуси и Украине, пытались отслеживать настроения населения и национальных элит, что также находило отражение в проектах решения национального вопроса. Национальный вопрос

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

входил в компетенции сразу нескольких структур. Среди них был Восточный реферат Бюро информации и пропаганды Главной комендатуры Союза вооруженной борьбы. В Бюро представительства правительства на Родине национальной проблематикой занимался Национальный реферат. Кроме того данными вопросами занималось Восточное бюро в Департаменте внутренних дел, а также Восточная секция Департамента информации и прессы. В 1943 г. была создана Национальная рада, которая сконцентрировала усилия по решению национальному вопросу. Кроме того вопросом занимался отдельный Национальный реферат в рамках политико-общественного отдела в структуре Безопасности представительства правительства [2, с. 154-155; 5, 57-58].

В целом отношение к белорусскому вопросу в сравнении с украинским или литовским для польских властей выглядело не так остро. Считалось, что белорусы не имеют выкристаллизованного национального самосознания и способности к самостоятельному государственному существованию, поэтому их будущее видели в польском государстве. В 1940 г. утверждалось, что вопрос о независимости Беларуси и Украины может стать актуальным только в случае войны союзников с Россией. В таком случае польское правительство позитивно отнесется к национальным устремлениям белорусов и украинцев, однако, при условии сохранения границ на 1 сентября 1939 г. [7, с. 192]

В записке под названием «Национальный вопрос в Польше на фоне проблем восточной политики» решение вопроса виделось исключительно в контексте отношений с Россией. Выделялись два подхода: либо взаимопонимание с СССР и территориальный компромисс, что неизбежно будет связано с подавлением по обе стороны границы любых независимых устремлений наций находящихся между Польшей и Советским Союзом, или конфликт с Россией. И тогда Польша должна будет в белорусах и украинцах искать союзников и поддерживать стремления к свободе [8, л. 35].

Восточным Бюро предлагалось несколько проектов решения литовского и белорусского вопросов. Амбиции польских элит, непонимание ситуации в Восточной Европе, настроений среди белорусов, украинцев и литовцев, все это сказывалось предлагаемых концепциях. 13 июля 1944 г. состоялось очередное заседание Национального совета, на котором обсуждались два проекта решения литовского и белорусского вопросов. Исходными установками первого проекта являлись утверждения о неизменности границ по Рижскому миру, а также, что именно Польша будет решать судьбу Литовской республики, которая должна была бы стать членом центрально-европейской федерации во главе с Польшей, за что должна была бы получить часть Восточной Пруссии. Относительно Литвы считались возможными два варианта: Литва входит в союз с Польшей, или становится частью СССР. В случае реализации первого варианта предлагалось создать автономную провинцию под названием «Земли литовско-белорусские Речи Посполитой» (ЗЛБР). Войти в нее должны были Ковенский и Виленский округа. Последний включал бы Виленское и Новогрудского воеводства, Гродненский и Волковысский поветы и северную часть Полесского воеводства по Припяти, со столицей в Вильне. ЗЛБР должна была бы находиться в составе Польши на основе автономии. Высшим органом власти предполагался Сейм. Декларировались демократические права для национальных меньшинств с допущением использования белорусского и литовского языков при государственном польском [9, л. 109].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Суверенитет Литвы, таким образом, планировалось ликвидировать, а поддержку проекту обеспечить посредством завоевания поддержки польской части литовского общества, а затем посредством введения в Литву польских вооруженных формирований. Основанием для этого рассматривались два обстоятельства: 1) либо Литва под угрозой, что будет занята СССР обратится за помощью к Польше; 2) либо СССР под давлением союзников будет вынужден отказаться от Литвы и Польша получит мандат на ввод войск [9, л. 109]. Утверждалось, что в регионе еще жив локальный патриотизм и традиция Великого Княжества Литовского. Главной проблемой здесь назывался литовский национализм и тот факт, что Литва стала демократической страной, но на Польше лежит пятно «панского народа» [9, л. 113]. С другой стороны авторы проекта опасались литовско-белорусского взаимопонимания на антипольской почве по примеру правительства Ластовского в Ковно.

В качестве альтернативы предлагался второй проект – создание «Виленской провинции» из Виленского и Новогрудского воеводств, Гродненского и Волковысского поветов, а также северной части Полесья. В основе Виленской провинции должен был лежать принцип широкого самоуправления и обеспечения гражданских свобод, с собственным Сеймом. Проект предусматривал достаточно широкие права использования белорусского языка в сфере образования, администрации, церкви и костеле, самоуправления. Предлагалось создать кафедру белорусоведения в Виленском университете.

Однако проект сразу попал под большую критику. Утверждалось недопустимым обособлять восточные воеводства правами автономии, а создание белорусской провинции могло привести к аналогичным требованиям украинцев. В польском правительстве посчитали нецелесообразным поддерживать национальные устремления белорусов и способствовать нациообразующим процессам, особенно среди белорусов-католиков, а создание такого «Белорусского Пьемонта» не приведет к ослаблению России. Полесье вообще не считалось за белорусские земли [9, л. 108]. Критиковался даже такой небольшой шаг как создание кафедры белорусоведения, что называлось недопустимой уступкой белорусам за счет польскости этих территорий [8, л. 47]. В польском правительстве доминировала мысль, что у Беларуси нет никаких условий для того, что бы быть отдельным государством [10, л. 26].

В национальном реферате Департамент внутренних дел был разработан мемориал по решению белорусского и украинского вопросов в Польше. Программа связывалась с одновременной реализацией аграрной реформой и предусматривала два варианта: план А и Б, максимальный и рациональный. Как указывалось на титульном листе проекта, реформы должны сыграть роль тактического средства к переходу к мирному сосуществованию между Польшей, Украиной и Беларусью.

В проекте утверждалось, что предоставление автономии украинцам и белорусам невозможно, т.к. в итоге приведет к отделению этих территорий. Белорусы, несмотря на низкий уровень национального сознания, благодаря своим пробольшевистским симпатиям и другой религии имеют четкое чувство обособленности от поляков. В условиях влияния советской и немецкой пропаганды происходил рост и углубление национального осознания, что делало неактуальным представления об ассимиляции и, учитывая исторический опыт, обуславливало невозможность сосуществования под одной крышей. Учитывая

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

это, а также необходимость получения земли для крестьян-поляков проектом предлагался план А (минимальный) – выселение белорусов и украинцев дальше на восток, на территорию советской России и Беларуси. Как утверждалось в документе: «для России переселение нескольких миллионов наших украинцев и белорусов на такое небольшое расстояние и при нашей искренней и доброжелательной помощи не создаст особых хлопот и позволит восстановить хозяйство на уничтоженных войной российских территориях» [8, л. 194].

Интересно, что взамен утверждалось готовность принять поляков проживающих в СССР. Причем делалось замечание, что «это вероятно люди, которые десятилетиями подвергались деморализующим влияниям коммунистического режима и в значительной степени русифицированных, но это наша кровь. Соответственно размещенные на наших территориях, перемешанные с польским населением, они оживут, а в последующих поколениях станут полноценными гражданами» [8, л. 194].

В каких категориях шло мышление о национальных меньшинствах: «с точки зрения обороноспособности государства лучше иметь какое-то время меньше населения, но здорового, богатого и, прежде всего, единого с национальной точки зрения с настоящим патриотизмом, чем много населения, но малоценного. Никто не проиграл на том, чтобы избавиться внутреннего врага» [8, л. 195].

Проект предусматривал и план Б (Максимальный). Такой вариант рассматривался в случае конфликта союзников: капиталистических Великобритании и США и коммунистического СССР. Он имел три основных постулата. 1. Целью польской европейской политики должен был быть разгром СССР и последующим отторжением от России независимыми государствами Беларуси и Украины.

2. Основой должна была быть концепция, что границы Польши должны совпадать с этнографическими границами, но только в границах 1921 г., что предусматривало выселение 6 млн белорусов и украинцев за пределы Польши. Именно выселение рассматривалось авторами проекта как рациональное решение национального и аграрного вопроса.

3. Основой восточной политики должно было быть мирное и дружелюбное сосуществование с белорусским и украинским государствами, с обязательным вовлечением их в орбиту польского политического и хозяйственного влияния с перспективой создания федерации Польши, Украины и Беларуси [8, л. 200].

С приближением советских войск Национальный Совет 29 июня 1944 г. принял постановление относительно белорусских граждан Польши, взывая к их гражданской верности, и предлагал рамочную программу решения белорусского вопроса, где утверждалось следующее:

1. Польский народ, который многие годы боролся за свою свободу, понимает и признает стремление белорусского народа к независимости, более того, создание белорусского государства на Днестре лежит в польских государственных интересах.

2. Белорусский народ в своем стремлении к независимости, по мнению польского правительства в эмиграции, должен понять: что белорусские стремления к независимости не должны быть направлены против Польши, что не может быть Беларуси без существования сильной Польши; что не может быть сильной Польше без северо-восточных воеводств (Виленского, Новогрудского и

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Полесского). Утверждалось, что польский элемент на этих землях исторически отстаивал польскую государственность, и сохранение количественного культурного присутствия поляков является кардинальным постулатом польской политики.

Декларировалось, что в послевоенном польском государстве всем гражданам независимо от национальности и вероисповедания будут гарантироваться все права, а белорусам обещалась возможность свободного национального, культурного и хозяйственного развития. [10, л. 25].

Таким образом, польское правительство в эмиграции смотрело на национальные меньшинства как на проблемный и нежелательный элемент в будущем польском государстве. Вынужденные признать рост национального самосознания литовцев, украинцев и белорусов в условиях войны и оккупации, отмечая обострившиеся межнациональные конфликты, правительство по-прежнему считало недопустимым любые формы уступок в виде автономии для национальных меньшинств в Польше. В условиях приближения советских войск к границе Польши, правительство активно взывало к верности польскому государству, декларировало возможность соблюдения прав национальных меньшинств. Предлагаемые проекты и концепции исходили из необходимости сохранения границы на момент 1 сентября 1939 г., а создание независимых государств Беларуси, Литвы и Украины, если и мыслилось то только в сфере влияния Польши в качестве своеобразного буфера между Польшей и Советским Союзом. В польском национальном дискурсе продолжал господствовать этноцентризм в духе националистической политики межвоенной Польши. В документах отчетливо звучат мотивы Ягеллонской идеи, польской миссии на Востоке.

Список литературы

23. Koziński, B. *Koncepcje polityki etnicznej Rządu RP na Uchodźstwie w latach 1939–1947*. Warszawa, 2017. 297 s.
24. Górski G. Rada narodowościowa przy Delegacie Rządu RP na Kraj (październik 1943 - lipiec 1944) // *Rocznik nauk prawnych*. 1997. Tom VII. S. 153 – 162.
25. Gnatowski M., *Kwestia białoruska w dokumentach Delegatury Rządu i Armii Krajowej przechowywanych w Polsce* // *Studia Podlaskie*. 2003. T. 13. S. 157-166.
26. Piskunowicz H., *Polskie podziemie a kwestia białoruska w latach 1941–1944* // *Stosunki polsko-białoruskie w województwie białostockim w latach 1939–1956*. Warszawa, 2005. S.49–63.
27. Wysocki R. *Kwestia białoruska w polityce Rządu Rzeczypospolitej Polskiej na uchodźstwie w latach 1939–1944* // *Studia Białorutenistyczne*. 2015. № 9. S. 55- 70.
28. Piotrowski J. *Koncepcje ułożenia stosunków etnicznych na ziemiach Rzeczypospolitej w śródwisku polskich władz na uchodźstwie w latach 1939-1945 (ze szczególnym uwzględnieniem problematyki niemieckiej, litewskiej i żydowskiej)* // *Stosunki etniczne podczas wojny i okupacji. Białystok i Wilno 1939-1941–1944/1945*. Białystok, 2011. S. 337-365.
29. *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1940*. Warszawa, 2010. 932 s.
30. *Archiwum Akt Nowych, Delegatura Rządu PR na Kraj. Departament Spraw Wewnętrznych. Sprawozdania sytuacyjne B.W. Sygn. 202 / II – 51*.
31. *Archiwum Akt Nowych, Delegatura Rządu PR na Kraj. Memorialy Biura Wschidniego Sygn. 202 / II – 50*.

32 Archiwum Akt Nowych, Delegatura Rządu PR na Kraj. Rada narodowosciowa.
Sygn. 202 / XVI – 1.

Tsimbal A.G.

**NATIONAL QUESTION AND EASTERN POLICY OF POLAND IN
DOCUMENTS OF THE POLISH GOVERNMENT IN EXILE (1941-1944)**

TSIMBAL Alexander G. – Associate Professor, Minsk State Linguistic University,
220034, Republic of Belarus, Minsk, ul. Zakharova, 21.
e-mail: aleksander.g.t@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the national question and Eastern policy of Poland in the reflection of documentary materials of the Polish government in exile. One of the main problems for the Polish government in exile was the issue of national minorities and the related problem of the eastern borders of Poland. The tension in interethnic relations that existed in the interwar period escalated to the extreme during the years of the war and German occupation. Under these conditions, the Polish government developed concepts and programs to address the national issue, as well as possible approaches to building relations with the Soviet Union, Belarus, Lithuania and Ukraine. The archival materials preserved program and conceptual documents giving an idea of the national discourse and plans for resolving the national issue by the government in exile in the event of a return to power. Polish authorities looked at national minorities as a problematic and undesirable element in the post-war Polish state. Forced to recognize the growth of national identity of Lithuanians, Ukrainians and Belarusians in the conditions of war and occupation, noting aggravated interethnic conflicts, the government still considered any form of concession in the form of autonomy for ethnic minorities unacceptable. In the context of the approach of Soviet troops to the Polish border, the government actively appealed to fidelity to the Polish state, declared the possibility of observing the rights of national minorities. The proposed projects and concepts proceeded from the need to preserve the border at the time of September 1, 1939, and the creation of independent states of Belarus, Lithuania and Ukrainians, if it was thought, only in the sphere of influence of Poland as a kind of buffer between Poland and the Soviet Union. Ethnocentrism continued to dominate the Polish national discourse in the spirit of the nationalist policy of interwar Poland. The documents clearly sound the motives of the Jagiellonian idea and the Polish mission in the East.

Keywords: Polish government in exile, national policy, eastern policy, Belarus.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет, 610002, Россия, г. Киров, Ленина ул., 111. e-mail: natiche84@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу естественного движения населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны. Автор дает характеристику демографической ситуации в изучаемых областях и автономных республиках, определяет причины и факторы, повлиявшие на демографические процессы. Исследователь приходит к выводу, что во время войны 1941–1945 гг. происходят глубокие структурные изменения некоторых показателей естественного движения населения. Изменения коснулись структуры брачно-семейных отношений (состав брачующихся и положение членов семьи, снижение уровня брачности). Демографическая ситуация осложнялась падением уровня рождаемости (дефицит рождаемости составил 701,9 тыс. чел.), катастрофически высоким уровнем младенческой смертности, существенной детской смертностью и смертностью населения трудоспособного возраста. Резкое ухудшение жизни населения, массовые перемещения, снижение уровня медицинского обслуживания, способствовали росту заболеваемости и смертности населения региона. С 1942 г. на территории Волго-Вятского региона отмечается естественная убыль населения. Лишь в 1945 г. в Горьковской области, Мордовской и Чувашской АССР рождаемость превысила смертность. В Кировской области и в Марийской АССР естественная убыль населения сохранялась. Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-09-00251 «Население Волго-Вятского региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)».

Ключевые слова: естественное движение населения, Великая Отечественная война, Волго-Вятский регион, демография, население.

Великая Отечественная война оказала влияние на демографическую ситуацию в стране. Существенные изменения претерпели брачно-семейные отношения. Свою низшую точку брачность населения Волго-Вятского региона прошла в 1942–1943 гг. (на 1 тыс. населения заключалось всего 1–2 брака). В 1945 г. брачность превысила довоенный уровень. Но это превышение произошло уже в мирном полугодии 1945 г. Самый высокий показатель брачности отмечается в Кировской области – 6,1‰. В Мордовской АССР – 5,8‰, в Горьковской области и Марийской АССР – 5,1‰, в Чувашской АССР – 4,6‰. В Горьковской области еще в 1944 г. брачность превысила довоенные показатели (4,8‰).

Изменения претерпел возрастной состав брачующихся. В 1941 г. 60–67% мужчин вступали в брак в возрасте 20–29 лет [1, Л. 14; 2 Л. 7–7 об., 22–22 об., 24–

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00251 А «Население Волго-Вятского региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

24 об., 50–50 об.]. К концу войны увеличилось количество вступивших в брак в двух возрастных группах: 20–24 года и 30–34 года, чему способствовала демобилизация. Доля заключаемых браков в 1942–1944 гг. с мужчинами 40–50 лет почти в 1,5–2 раза превышала довоенные показатели [3, Л. 15–15 об.; 4, Л. 11–11 об.; 5, Л. 13–13 об.; 6, Л. 131–131 об., 132–132 об., 148–148 об.; 7, Л. 15–15 об., 32–32 об., 38–38 об., 59–59 об.]. Уже к концу 1942 г. количество замужних женщин в возрасте до 24 лет сокращается (за счет снижения количества брачующихся девушек до 19 лет).

В более урбанизированных Горьковской (0,5–0,7‰) и Кировской области (0,3–0,5‰) коэффициент разводимости был выше, чем в автономных республиках (0,1–0,3‰). Значительное снижение уровня разводов отмечается в 1945 г. (главным образом по причине ужесточения семейного законодательства). В 1945 г. в Горьковской области коэффициент разводимости составил 0,06‰, в Кировской области – 0,02‰, в Марийской АССР – 0,03‰, в Мордовской АССР – 0,009‰, в Чувашской АССР – 0,009‰. Процессы разводимости, так же, как и процессы брачности, были более подвижны в городских поселениях.

Преобладающее количество разводов приходилось на браки продолжительностью 1–2 года и от 5 до 9 лет. Чаще всего браки расторгали мужчины в возрасте 25–29 лет и 30–39 лет, женщины – 20–29 лет и 30–39 лет [1, Л. 15; 3, Л. 11–11 об.; 4, Л. 8; 5, Л. 15–15 об.; 8, Л. 111–111 об.; 9, Л. 62–62 об.; 10, Л. 158–158 об.; 11, Л. 38–38 об., 44–44 об., 103–103 об.; 12, Л. 43–43 об., 131–132 об., 247–247 об.; 13, Л. 38–38 об., 51–51 об., 157–157 об., 311–311 об.; 14, Л. 15–15 об., 30–30 об., 32–32 об., 57–57 об.]. Супруги, состоящие в первом браке, традиционно больше расторгли браки (¾ разведившихся).

В 1941 г. в Волго-Вятском регионе коэффициент рождаемости оставался высоким. Резкое снижение рождаемости фиксируется с апреля 1942 г.

Динамика рождаемости населения РСФСР и Волго-Вятского региона РСФСР в 1941–1945 гг. (данные по РСФСР без территорий, подвергшихся оккупации), в промилле [1, Л. 6; 3, Л. 4; 4, Л. 4; 16, Л. 1–1 об.; 17, Л. 2–43 об.; 21, Д. 241. Л. 53–54, 101; 29, С. 100; 30, Л. 122; 31, Л. 3, 6, 24; 32, Л. 116, 123, 172; 33, Л. 20; 34, Л. 75, 161, 164, 179; 35, Л. 2; 36, Л. 59, 167, 170, 185; 37, Л. 3, 91; 38, Л. 88, 91, 228, 231; 39, Л. 40, 53; 41, Л. 91, 94, 237, 240; 42, Л. 1]

Год	Число родившихся на 1000 человек населения					
	РСФСР	Горьковская обл.	Кировская обл.	Марийская АССР	Мордовская АССР	Чувашская АССР
1941	33,3	30,6	34,5	34,7	32,0	32,2
1942	20,2	19,1	26,0	27,4	20,3	26,8
1943	9,9	11,9	9,8	11,4	10,4	15,0
1944	10,5	14,3	10,4	11,6	11,2	13,9
1945	10,8	15,7	13,4	14,4	13,4	14,0

В Кировской области в 1943–1944 гг. уровень рождаемости находился на очень низком уровне (9,8‰ и 10,4‰). В автономных республиках и Горьковской области уровень рождаемости оставался низким. В 1945 г. рождаемость действительно выросла, но не во всех регионах (Горьковская обл.), а в некоторых (Чувашская АССР) совсем незначительно. Это произошло в результате

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

постепенного выравнивания половозрастных диспропорций и так называемой компенсаторной волны рождаемости.

Доля многоплодных родов за годы войны существенно не снизилась за исключением переходного 1942 г. (от 0,6% в Марийской АССР до 1,3% в Кировской обл.) [26, Л. 99–99 об.]. Мальчиков рождалось по-прежнему больше, чем девочек, однако преобладание среди мертворожденных детей мужского пола частично компенсировало эту разницу. Типичной в этом случае является Кировская область, где доля родившихся мальчиков на протяжении войны составляла 50–52%. Доля мертворожденных мальчиков в 1941–1945 гг. составляла 56–62% [1, Л. 5; 3, Л. 5–5 об.; 4, Л. 5–5 об.; 5, Л. 100; 8, Л. 56–56 об.; 9 Л. 7;].

В 1941–1942 гг. сезонные колебания числа рождений заметны, но начиная с 1943 г. они значительно нивелируются, принимая плавный характер.

На протяжении всей войны доля родившихся в сельской местности преобладала над городской местностью Волго-Вятского региона. Исключением была лишь Горьковская область, где в 1945 г. в городской и сельской местности родилось практически одинаковое количество детей (50,4% и 49,6%).

В Горьковской области, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР наблюдалось снижение количества рождений в городской местности в 1942 г., а затем снижение рождаемости в сельской местности. В Кировской области происходит резкое снижение рождаемости в сельской местности. Начиная с 1943 г. уровень рождаемости в городской местности устойчиво превышал аналогичные показатели в сельской местности.

Коэффициенты рождаемости населения Волго-Вятского региона по типу поселений в 1941–1945 гг., в промилле [1, Л. 6; 9, Л. 2 об.; 3, Л. 4; 4, Л. 4; 5, Л. 41 об.; 15, Л. 10–10 об.; 16, Л. 2–43; 17, Л. 3–3 об.; 18, Л. 79; 19, С. 26; 20, Л. 125, 132–133; 21, Л. 32, 41, 53–54, 101; 22, Л. 259–290; 23, Л. 26–26 об.; 24, Л. 1–21; 25, Л. 56–87; 44, Л. 70–72 об., 86–88 об., 227–229 об.; 256–258 об.]

Критерии	Горьковская обл.		Кировская обл.		Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1941 г.	28,9	27,2	25,9	36,9	36,2	34,4	34,4	31,8	32,3	33,3
1942 г.	17,9	19,7	31,9	24,4	21,8	28,5	21,4	20,2	19,8	29,4
1943 г.	15,6	10,3	8,1	10,0	13,3	11,0	14,3	10,1	12,7	15,6
1944 г.	15,2	13,5	8,9	10,5	12,3	11,4	14,2	11,1	10,2	15,0
1945 г.	17,8	14,0	15,2	12,8	15,5	14,0	13,1	13,4	11,3	14,9

Дефицит рождаемости в Волго-Вятском регионе в годы Великой Отечественной войны составил 701,9 тыс. чел., в том числе в Горьковской области – 289,2 тыс. чел., в Кировской области – 194,5 тыс. чел., в Марийской АССР – 49,5 тыс. чел., в Мордовской АССР – 92,9 тыс. чел., в Чувашской АССР – 75,8 тыс. чел. [28, С. 108].

Количественные параметры смертности населения тыловых районов в годы войны прошли в своем развитии два этапа: июнь 1941 – осень 1942 гг., когда уровень смертности заметно увеличился, и осень 1942 – весна 1945 гг. – в этот период наблюдается снижение уровня смертности [29, С. 87].

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Коэффициенты смертности населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны, в промилле [1, Л. 6; 3, Л. 4; 4, Л. 4; 5, Л. 56 об.; 15, Л. 1–1 об.; 16, Л. 2–42 об.; 18, Л. 79; 19, С. 26; 21, Л. 32, 41, 53–54, 101; 30, Л. 122; 31, Л. 3, 6, 24; 32, Л. 88, 91; 33, Л. 116, 123; 34, Л. 20; 35, Л. 75, 161, 164, 179; 36, Л. 2; 37, Л. 59, 167, 170, 185; 38, Л. 3, 91; 39, Л. 228, 231, 243; 40, Л. 40, 53; 41, Л. 91, 94, 237, 240, 252; 42, Л. 1]

Область/автономная республика	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Горьковская обл.	22,0	29,3	20,0	17,5	12,1
Кировская обл.	25,7	37,3	30,1	26,9	16,1
Марийская АССР	25,1	30,6	21,0	20,3	16,0
Мордовская АССР	20,6	23,4	15,6	16,5	10,7
Чувашская АССР	25,1	28,5	16,1	20,8	12,1

Отметим, что в 1941 г. уровень смертности Волго-Вятского региона был ниже, чем в 1940 г. В Кировской области, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР уже в августе-сентябре 1941 г. увеличиваются показатели смертности. В Горьковской области рост смертности населения фиксируется с октября 1941 г. В весенне-летние месяцы 1942 г. смертность достигла своего пика (10–12 тыс. чел.).

Смертность детей нарастала огромными темпами, а в 1942 г. приобрела характер демографической катастрофы. В Горьковской области коэффициент младенческой смертности составил – 188,9‰, в Мордовской и Чувашской АССР – 187‰. В Кировской области (222,5‰) и Марийской АССР (209,4‰) каждый пятый ребенок не доживал до года [43, Л. 204–209, 225–227; 44, Л. 227–229, 256–258].

Среди умерших детей до 5 лет в 1941–1942 гг., как правило, преобладали мальчики, при этом доля смертей сокращалась ближе к 5-летнему возрасту. Так, в Кировской области в 1941 г. доля детей, умерших на первом году жизни составляла 62,6%, в 1–2 года – 19,7%, 2–3 года – 9,8%, 3–4 года – 5,1% и 4–5 лет – 2,8% [1, Л. 13–13 об.].

Несмотря на принятые меры в течение 1942 г. негативная ситуация еще больше усугубилась. Уровень младенческой смертности в Кировской области (395,2‰) был самым высоким в Волго-Вятском регионе. В Горьковской области он составлял 320,9‰ [1, Л. 6; 3, Л. 4–5 об.; 30, Л. 120–122; 35, Л. 73–75]. В автономных республиках Волго-Вятского региона в 1942 г. также отмечается рост уровня младенческой смертности: умирал каждый третий-четвертый младенец. Среди причин детской смертности преобладали дистрофия, общая слабость, туберкулез, воспаление легких, острые инфекционные заболевания.

В 1943–1945 гг. снижается доля детей, умерших в первый год жизни (до 35–40%). В 1943 г. коэффициент младенческой смертности в Кировской области снизился до показателей довоенного уровня (258,9‰). В Горьковской области в 1943–1944 гг. наблюдалось существенное сокращение младенческой смертности – 126,8‰ и 127,6‰. Схожие тенденции были характерны и для автономных республик [3, Л. 5–5 об.; 4, Л. 5–5 об.; 35, Л. 73–75, 159–164, 177–179; 37, Л. 57–59, 165–170, 183–185].

В 1945 г. в Горьковской области младенческая смертность была значительно ниже, чем до войны и в годы войны и составляла 97,2‰. Самые

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

низкие показатели коэффициента младенческой смертности были в Мордовской АССР (64,1‰) и Чувашской АССР (78,8‰).

Детская и младенческая смертность в первые годы войны доминировали в структуре общей смертности. В 1941 г. в Кировской области на долю детей от 0 до 4 лет приходилось 46,3% всех умерших, от 5 до 9 лет – 3,3%, от 10 до 14 лет – 1,7%, от 15 до 19 лет – 1,8% [1, Л. 11–11 об.]. В последующие годы войны доля детей, умерших в первые 5 лет жизни постепенно снижалась. Например, в Марийской АССР в 1942 г. она составляла 49,1%, в 1944 г. уже 23,4% [45, Л. 17–17 об.; 46, Л. 340–340 об.].

Увеличивалась смертность за счет наиболее активных возрастных групп. За два военных года показатели смертности жителей Кировской области в возрасте 30–49 лет возросли в среднем в 2,2 раза [3, Л. 14–14 об.; 9, Л. 58–58 об.].

Конец 1942 – начало 1943 г. характеризуются кардинальным переломом в динамике показателей смертности тылового населения.

Наибольшее снижение уровня смертности в 1943 г. отмечается в Горьковской области и Марийской АССР. В Мордовской и Чувашской АССР вновь отмечается рост смертности в 1944 г. Коэффициент смертности в 1945 г. фиксируется на уровне среднего (Горьковская область, Мордовская АССР, Чувашская АССР – 10–12‰) и высокого (Кировская область, Марийская АССР – 16‰).

По-прежнему сохранялось преобладание смертности мужчин над смертностью женщин. В 1942–1943 гг. смертность мужчин составляла 53–56% [45, Л. 6–6 об., 18–18 об.]. Мужская смертность была выше женской практически во всех возрастах, за исключением старших.

В городских поселениях наблюдаются более высокие темпы снижения уровня смертности населения. В Марийской и Чувашской АССР уже в 1943 г. удалось снизить уровень смертности горожан даже ниже, чем до довоенных показателей. А в 1944 г. такая тенденция отмечается уже на всей территории Волго-Вятского региона.

Темпы снижения уровня смертности сельского населения можно назвать «сдержанными». В более урбанизированных регионах (Горьковская и Кировская области, Мордовская АССР) в 1943 г. сохранялось преобладание смертности городского населения над сельским. В 1944 г. только в Мордовской АССР горожан умерло больше, чем сельчан. Однако в 1945 г. по всему Волго-Вятскому региону смертность в сельской местности была выше, чем в городской.

Высокие показатели смертности населения определялись также низким уровнем медицинского обслуживания. Интенсивные миграции, обострение жилищной проблемы способствовали распространению инфекционных заболеваний, употребление некачественных продуктов – желудочно-кишечных заболеваний.

Регистрация причин смертности была крайне затруднена (велась преимущественно в городах) [4, Л. 60]. Среди остроинфекционных заболеваний в качестве причин смерти преобладали брюшной тиф, дифтерия и дизентерия, но большинство смертей являлось следствием хронических заболеваний. Появились нетипичные причины смертности (например, туляремия и лептоспироз).

Основным фактором снижения смертности тылового населения в 1943–1945 гг. был не биологический отбор, а система государственных мероприятий по форсированному развитию здравоохранения, медико-фармацевтической

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

промышленности, но главное – предельному ужесточению санитарного контроля [47, С. 161].

Результатом негативных последствий войны стало снижение естественного прироста населения Волго-Вятского региона.

Естественная убыль (прирост) населения Волго-Вятского региона в 1941–1945 гг., в промилле [1, Л. 6; 3, Л. 4; 4, Л. 4; 5, Л. 56 об.; 15, Л. 1–1 об.; 16, Л. 2–42 об.; 19, С. 26; 18, Л. 3–3 об.; 20, Л. 125, 132–133; 21, Л. 32, 41, 53–54, 101; 30, Л.122; 31, Л. 3, 6, 24; 32, Л. 88, 91; 33, Л. 116, 123; 34, Л. 20; 35, Л. 75, 161, 164, 179; 36, Л. 2; 37, Л. 59, 167, 170, 185; 38, Л. 3, 91; 39, Л. 228, 231, 243; 40, Л. 40, 53; 41, Л. 91, 94, 237, 240, 252; 42, Л. 1; 79; 44, Л. 70–72 об., 86–88 об., 227–229 об., 231–233 об., 256–258 об.]

Год	Горьковская область	Кировская область	Марийская АССР	Мордовская АССР	Чувашская АССР
1941	8,6	8,8	9,6	11,4	8,1
1942	-10,2	-11,3	-3,2	-3,1	-1,7
1943	-8,6	-20,3	-9,6	-5,2	-1,1
1944	-3,2	-16,5	-8,7	-5,1	-6,9
1945	3,6	-2,7	-1,6	2,7	1,9

В зависимости от динамики изменения демографических процессов можно выделить 2 группы территориальных образований. К первой группе относится Горьковская область, Мордовская и Чувашская АССР. К концу 1941 г. наблюдается резкое падение показателей естественного прироста населения. В данных территориальных образованиях в 1942 г. смертность превысила рождаемость (на 1 тыс. чел.). Наблюдается естественная убыль населения.

С 1943 г. отмечается снижение уровня смертности и повышение рождаемости. Благодаря данной тенденции в 1945 г. зафиксирован естественный прирост.

Ко второй группе относятся Кировская область и Марийская АССР. С 1942 г. также отмечается естественная убыль населения. Эти регионы не смогли справиться с отрицательной динамикой естественного движения населения за 1942–1945 гг.

В Горьковской и Кировской областях отмечаются наибольшие в Волго-Вятском регионе темпы снижения коэффициента естественного прироста (убыли) населения: с 8,6% до -10,2% и с 8,8% до -11,3% соответственно (в 1941–1942 гг.). В автономных республиках максимальное снижение показателей естественной убыли населения приходится на 1943–1944 гг.

В городской местности показатели рождаемости и смертности моментально «отреагировали» на начавшуюся войну. Однако восстановительные процессы в городских поселениях проходили быстрее.

Таким образом, Великая Отечественная война оказала существенное влияние на демографические процессы, вызвав в некоторых из них глубокие структурные изменения. Исключением не стал и Волго-Вятский регион, в котором проживало 8,9 млн чел. или 8,2% населения РСФСР. Дефицит рождаемости составил 701,9 тыс. чел. Смертность детей в 1942 г. приобрела характер демографической катастрофы. Изменения коснулись так же структуры брачно-семейных отношений.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В результате падения уровня рождаемости и роста уровня смертности с 1942 г. на территории Волго-Вятского региона отмечается естественная убыль населения. Лишь в 1945 г. в Горьковской области, Мордовской и Чувашской АССР зафиксирован естественный прирост населения. В Кировской области и Марийской АССР естественная убыль населения сохранялась.

Список литературы

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 104.
3. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 860.
4. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1226.
5. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1273.
6. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 171.
7. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 226.
8. ГАРФ. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2280.
9. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2975.
10. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 221.
11. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 178.
12. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 295.
13. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 381.
14. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 227.
15. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683.
16. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1697.
17. ЦГАКО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7.
18. ЦГАКО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 17.
19. 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: стат. сб. / ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров: ГИПП Вятка, 1996. 448 с.
20. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 18.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.-1562. Оп. 20. Д. 241.
22. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 338.
23. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 198.
24. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 339.
25. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 345.
26. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 158.
27. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2280.
28. Чернышева Н. В., Свинцова М. Н., Сакович Н. В. Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 102–110.
29. Население России в XX веке: в 2 т. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002. 256 с.
30. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 251.
31. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 252.
32. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 301.
33. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 323.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

34. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 324.
35. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 341.
36. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 405.
37. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 418.
38. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 479.
39. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 501.
40. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 564.
41. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 577.
42. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 626.
43. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 196.
44. РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 443.
45. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 164.
46. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 278.
47. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Chernysheva N.V.

NATURAL MOVEMENT OF THE POPULATION OF THE VOLGA-VYATKA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

CHERNYSHEVA Natalia V. – associate professor, Vyatka State University, 610002, Russia, Kirov, Lenin st., 111.
e-mail: natiche84@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the natural movement of the population of the Volga-Vyatka region during the Great Patriotic War. The author gives a description of the demographic situation in the studied regions and autonomous republics, determines the reasons and factors that influenced the demographic processes. The researcher concludes that during the war of 1941–1945 there were deep structural changes in some indicators of natural population movement. The changes affected the structure of marriage and family relations (composition of spouses and the position of family members, decrease in the level of marriage). The demographic situation was complicated by a drop in the birth rate (the birth deficit was 701.9 thousand people), a catastrophically high infant mortality rate, a significant child mortality rate, and the mortality rate of the working-age population. The sharp deterioration of the population's life, mass displacements, and a decrease in the level of medical care have contributed to an increase in morbidity and mortality in the region. Since 1942, the Volga-Vyatka region has experienced a natural decline in population. Only in 1945 in the Gorky region, Mordovia and Chuvash ASSR, the birth rate exceeded the death rate. In the Kirov region and the Mari ASSR, the natural decline of the population remained. The article was prepared as part of the implementation of the RFBR grant № 19-09-00251 «Population of the Volga-Vyatka region of the RSFSR during the Great Patriotic War (1941–1945)».

Keywords: the natural movement of the population, Great Patriotic war, Volga-Vyatka region, demographics, population.

ЕДИНСТВО ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ И ПОБЕДЕ

ШНЕЕР Арон Ильич — *Ph.D.*, Национальный институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления. Яд Вашем, Израиль, Иерусалим.
e-mail: aronsh51@gmail.com

Аннотация. В статье автор рассматривает актуальные вопросы сохранения исторической памяти. Трагедия Холокоста является составной частью истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Россию и Израиль сближает память о войне, о понесенных жертвах. Красная Армия сыграла решающую роль в освобождении гетто, концлагерей и спасении евреев. Народам оккупированной нацистами Европы не угрожало тотальное уничтожение. Лишь евреи были обречены на смерть от мала до велика. Только для них разгром нацистской Германии означал – жизнь. В работе указано на растущие факты фальсификации истории, на "декриминализацию" преступлений нацистов, на рост обвинений в совершении преступлений Красной Армией и союзников, о глорификации нацистских пособников на Украине и странах Балтии. Автор подчеркивает, что Израиль полностью разделяет и поддерживает политику России в оценке событий Второй Мировой и Великой Отечественной войн. Израиль вместе с Россией в противостоянии сегодняшним попыткам возрождения нацистской идеологии, героизации нацистских преступников. Сегодня война памяти, идеологии разворачивается в виртуальном пространстве. Интернет стал мощным идеологическим оружием. Он используется как для сохранения, так и для стирания, разрушения, или же создания новой лжеисторической памяти. Для борьбы с искажением истории необходимо мужество помнить и мужество говорить правду. Только так можно работать на будущее ради сохранения памяти о войне и победе.

Ключевые слова: Холокост, Красная Армия, память, героизация, фальсификация, идеология.

Российский историк Михаил Яковлевич Гефтер общность трагедии выразил лаконично и исторически точно: "геноцид всегда не против "кого-то", геноцид всегда против всех" [1, с.265]. Поэтому трагедия, боль блокадного Ленинграда, потери, подвиг России в годы войны понятны и почитаемы в Израиле. В свою очередь и в сегодняшней России трагедия Холокоста становится все более понятной, ибо она является составной частью истории Великой Отечественной войны.

Однако евреям, еврейским историкам часто задают вопрос: "Почему Вы говорите об особой трагедии евреев в годы Второй Мировой войны, в которой погибли около 70 млн. человек? Только СССР потерял около 30 млн. Ответ очень простой. Только евреев нацисты уничтожали тотально от мала до велика, независимо от политических взглядов, социального происхождения. Главное отличие в том, что нацисты не оставляли евреям ни малейшего шанса на выживание, даже при условии коллаборации. Еврейская полиция в гетто после выполнения вспомогательных функций уничтожалась во время ликвидации гетто

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

наравне со всеми узниками. Народам оккупированной нацистами Европы тотальное уничтожение не угрожало. У всех граждан оккупированных стран, кроме евреев, был выбор: принятие оккупации и возможности различных форм сотрудничества вплоть до военного.

Именно поэтому только для евреев, в отличие от других народов, разгром нацистской Германии означал – жизнь. И евреи всего мира понимали уже во время войны, что именно Красная Армия – это армия, которая принесет спасение и свободу. Особенно на это надеялись узники гетто и нацистских лагерей.

Абба Ковнер, руководитель подпольной группы в Вильнюсском гетто, а затем командир еврейского партизанского отряда "Некама", что в переводе с иврита – "мечь", писал в листовке в феврале 1942 г.: "Мы стоим перед уничтожением, равного которому по масштабам история не знала... И нет утешения и надежды. У наших отцов и предков был Бог, Мессия. Наш реальный Мессия — Красная Армия. Мое глубокое убеждение, что победа будет за ней. Для нас, весьма вероятно, тот день победы может наступить, когда уже нечего будет спасать. <...> И единственный выход: восстание и сопротивление с оружием в руках!" [2]

В Израиле помнят, что именно Красная Армия в марте 1944 г., освободив десятки гетто и лагерей в Транснистрии, спасла 60 тыс. евреев. В 1944-1945 гг. Красная Армия освободила узников Майданека, Аушвица, Штуттгофа, Заксенхаузена, Равенсбрюка, спасла 100 тысяч евреев в Будапештском гетто, 9 мая 1945 г. освободила 17 тысяч евреев лагеря-гетто Терезинштадт.

Однажды я спросил известного венгерского историка, профессора Тамаша Крауса об причинах его активной антифашистской деятельности. Как оказалось, не только события 1945, но и 1956 года определили судьбу Тамаша. 8-летним ребенком он запомнил звуки стрельбы на улицах Будапешта, страх, охвативший семью, плач матери, сделанную большими буквами надпись на стене соседнего дома: "Ициков в Освенцим!" Во время восстания 1956 г. в Будапеште проходили еврейские погромы. Тамаш помнит, раздавшийся через несколько дней рокот мотора, пушечные выстрелы, от которых содрогнулись стены дома. Мать, выглянувшую в окно, вновь заплакавшую и прижавшую его к груди со словами: "Ну вот, все кончилось. Русские опять нас спасли". Тамаш взглянул в окно и увидел советский танк. Слова мамы Тамаша были выстраданы. Ее 27 января 1945 года освободили из Освенцима "русские солдаты и русские танки". Через 11 лет они вновь пришли на помощь.

Чрезвычайно важно отметить, что вектор памяти и отношения к Холокосту в России задает Президент России. 4 июня 2019 г. в Москве он участвовал в церемонии открытия памятника Героям сопротивления в фашистских концлагерях и еврейских гетто. В своем выступлении В.Путин сказал: «Я очень рад быть сегодня здесь. <...> самое главное – чтобы мы сохраняли память об этом в наших сердцах, в нашей душе. То, что произошло с еврейским народом, это, безусловно, одна из самых трагических и вместе с тем великих страниц не только в истории еврейского народа, а в мировой истории". [3].

23 января 2020 года в мемориальном комплексе Яд Вашем в Иерусалиме проходил Пятый Всемирный форум памяти Холокоста. Президент России был самым почетным его участником. В этот же день была открыта Свеча Памяти — стела, посвященная жертвам и героизму жителей блокадного Ленинграда. "Памятник — это очень хорошо. Это останется надолго, надеюсь, на века. И

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

открыть его можно по-разному. Но так, как это сделали вы сегодня, спасибо", – сказал В. Путин [4].

Форум был посвящен 75-летию со дня освобождения частями Красной Армии концлагеря Аушвиц-Биркенау. Увы, есть страны, в которых роль Красной Армии, Советского Союза в их освобождении от немецкой оккупации хотят предать забвению. Именно это происходит на Украине, в Латвии, Литве, Эстонии, Польше. Осквернение, уничтожение памятников, мемориалов говорит об отрицании, событий, оскорблении памяти тех людей, кому посвящены эти объекты. В Рокишкис убрали памятник уроженцу Литвы дважды Герою Советского Союза генерал-лейтенанту авиации Якову Смушкевичу, как объяснил муниципалитет: "чтобы сохранить, защитить от местных хулиганов и вандалов" [5]. В Одессе в январе уничтожили мемориальную доску маршалу Жукову.

Для этих новых погромщиков память о Красной Армии оскорбительна. Для евреев – наоборот. Именно поэтому в Израиле более 60 памятников, мемориалов, обелисков в честь воинов Красной Армии.

Сегодня искажение истории становится все более популярным. На протяжении десятилетий ревизионисты говорят о лживости Холокоста, появились тенденции представить немцев жертвами, а не виновниками войны. Сегодня характерна так называемая "декриминализация" немцев. Тех, кто совершал Холокост, осуществлял преступления на оккупированных территориях представляют некой маргинальной группой нацистов. Немцы не виноваты. И наоборот все больше растут обвинения в адрес союзников в осуществлении массовых преступлений.

Происходит сознательное манипулирование терминами, их подмена. Так бомбардировку Дрездена 13-15 февраля 1945 г., в которой якобы погибли до 135 тысяч человек, неонацисты называют "Холокостом посредством бомбежки". Однако специальная комиссия из 13 немецких историков, 6 лет изучавшая эту трагедию, пришла к выводу, что в Дрездене убито не более 25 тысяч человек [6]. Есть журналисты и историки, которые называют бомбардировщики союзников айнзацгруппой, а гибель библиотек в ходе бомбежки – названа сожжением книг. Немецкий историк Йорг Фридрих называет Черчилля "самым страшным детоубийцей всех времен" [6]. В этом же ряду стоят так называемые преступления, совершенные Красной Армией на территории Германии и Венгрии. То есть сознательно используются термины, которые обычно ассоциируются с преследованиями нацистов и Холокостом. Цель этого подчеркнуть, что действия союзников ничем не отличались от преступлений немцев. Происходит нивелирование трагедий и минимизация Холокоста. Также характерно утверждение, что Израиль совершает преступления против палестинцев, подобно нацистам. Сознательно цинично извращают суть трагедии евреев, говорят о «Холокосте» палестинского народа, об «Аушвице», устроенном Израилем в Газе. Геноцид подразумевает уничтожение, а значит, уменьшение численности населения. О каком геноциде может идти речь, если по официальным данным палестинской автономии арабское население Палестины в 1952 г. составляло 927 тыс. 840 чел., а в 2019 г. – 5 млн. 132 тыс.? [7]. Странный геноцид, при котором арабское население увеличилось более чем в пять раз!

Используется и еще один метод, в котором можно выделить два аспекта с целью сокрытия правды о Холокосте. Обвинение евреев в раздувании трагедии, поэтому о ней надо упоминать как можно реже. Это приводит к феномену

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

создания новой коллективной памяти, которая основана на циничной, сознательно создаваемой политизированной лжи.

В свою очередь подобная фальсификация становится официальной историей страны. Так один из украинских историков, участник учительского семинара в Яд Вашем, заявил мне, что "Молодая Гвардия" в Краснодоне была организацией ОУН.

Это не случайно. Через десятилетия после победы растет поток печатных материалов восхваляющих, реабилитирующих нацистских пособников. Они представлены борцами за национальную независимость. В этих работах сознательно скрывается то, что эти так называемые "борцы", были соучастниками нацистских преступлений, либо своей поддержкой нацистов на идеологическом или военном поприще способствовали им.

Президент Литвы Владас Адамкус присвоил посмертно звания полковников, как сказано «организаторам антинацистского и антисоветского сопротивления в Литве» Антанасу Балтусису, Винцасу Каулинису, Йонасу Крикштапонису. Однако все трое участвовали в Холокосте. Балтусис – командир роты 252-го полицейского батальона, охранявшего концлагерь Майданек [8, с. 280], участвовал в массовых расстрелах узников. Каулинис – начальник полиции Вильнюсского края, в котором убили более 100 тысяч евреев. Крикштапонис – командир взвода 2-го литовского полицейского батальона, который осенью 1941 года расстрелял в Белоруссии около 46 000 человек в основном евреев [9, с. 469]. А сегодня площадь в Укмерге названа в честь Крикштапониса.

Сейчас парламент Литвы работает над законопроектом, отрицающим участие Литвы в Холокосте. Глава комиссии Сейма по исторической памяти и борьбе за свободу слова Арунас Гумуляускас заявил: «Литовское государство не участвовало в Холокосте, так как оно было оккупировано. Точно так же и литовский народ не мог участвовать в Холокосте, так как был поработан. Отдельные представители, конечно, участвовали, но этот вопрос должен решать только суд» [10]. Руководитель Центра Симона Визенталя Эфраим Зурофф назвал законопроект «отвратительной попыткой оправдать соучастие Литвы в преступлениях Холокоста, которое было огромно» [10]. С протестом выступили еврейские общины в Литве и в Израиле.

7 ноября 2019 года Третий комитет Генассамблеи ООН принял российский проект Антинацистской резолюции о борьбе с героизацией в любой форме нацистского движения, членов Ваффен СС, о проведении демонстраций прославляющих нацистское прошлое, объявлении или попытках объявить тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции, сотрудничал с нацистским движением и совершил военные преступления участниками национально-освободительных движений, а также переименовании улиц в целях их героизации, об осквернении или разрушении памятников, в честь тех, кто боролся против нацизма. Поддержала документ 121 страна, 55 воздержались и только США и Украина – высказались против [11].

27 февраля 2020 года Киевский горсовет большинством голосов принял постановление о праздновании в Киеве памятных дат и юбилеев, в числе которых речь идет о 9 нацистских преступниках членов ОУН. Я назову лишь троих из них: Андрия Мельника, главы ОУН. В листовке 5 июля 1941 года за его подписью говорилось: «Смерть жидовским прихвостням — коммунобольшевикам!» В другой листовке было написано: «ОУН несет Тебе, украинская молодежь,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

освобождение, свободу и светлую национально-естественную жизнь на Твоей земле, где не будет: ни кацапа, ни жида, ни ляха» [12, с.67].

Другой юбиляр – Васыль Левкович, с июля 1941 г. в Дубно Ровенской области был одним из руководителей украинской полиции, которая участвовала в убийствах тысяч евреев и поляков [13].

Вспомогательная полиция организованная ОУН, принимали участие в расстрелах евреев в Бабьем Яре, Черновцах, Виннице, Житомире и других городах.

Улас Самчук, писатель, с лета 1941 г. главный редактор газеты «Волинь», в которой писал, что «главным врагом украинского народа есть московско-жидовский большевизм». [13, с. 24, 14, с.16]. Призывал к уничтожению евреев Ровно. Ликвидацию евреев Киева в Бабьем Яре Самчук назвал «великим днем». Известно, что идеологи сами не убивают, они воспитывают и готовят убийц. Именно поэтому в 1946 г. Нюрнбергский трибунал приговорил к повешению издателя-редактора газеты " Der Stürmer." Юлиуса Штрейхера. Самчук же умер в Канаде.

Понятно почему министр иностранных дел Украины Пристайко заявил 28 февраля: "Нет, мы не собираемся праздновать 9 мая"[15].

Сегодня проблемы сохранения памяти не только жертв Холокоста, но событий Второй мировой войны имеют свои особенности. Уже на протяжении десятилетий отдельные историки, публицисты, политики многих европейских стран ставят знак равенства между Сталиным и Гитлером. Особенно активны в этих сравнениях представители стран Балтии, Украины и Польши.

Проводятся ложные параллели между советскими репрессиями, Холокостом и нацистской политикой. На Украине сравнивают Холокост и Голодомор. Сегодня об этом написано в школьных и вузовских учебниках истории.

Европарламент 19 сентября 2019 принял декларацию, в которой отмечено, что пакт Риббентропа – Молотова способствовал развязыванию Второй мировой войны. То есть речь идет о равной ответственности. Это циничная политическая спекуляция. В первую очередь надо было говорить о Мюнхенском соглашении, которое распахнуло ворота к началу войны. Путь Гитлера к войне сначала с Польшей, а затем с Советским Союзом базировался на четырех принципах: отказ Германии от Версальских соглашений, борьба против коммунистической идеологии, глобальная задача - уничтожение евреев, обеспечение жизненного пространства Германии на Востоке, за счет Советского Союза, т.е. обеспечение Германии сельскохозяйственными и природными ресурсами.

Радикальное националистическое, фашиствующее меньшинство в названных странах навязывает государственную политику и свои приоритеты памяти, воспитывая себе подобных. Эта политика способствует консолидации радикальных элементов, одновременно разобщает общество, разжигает национальные конфликты.

Любой народ всегда стремится в собственных глазах выглядеть высоконравственным. Однако здоровая нация, государство, его лидеры стыдятся совершенных в прошлом позорных поступков, признают их, либо обречены на их повторение.

Сегодня война памяти, идеологии разворачивается в виртуальном пространстве. Особенным полем битвы за правду истории стали социальные сети

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

интернет, фейсбук, твиттер. Интернет стал мощным идеологическим оружием. Он используется как для сохранения, так и для стирания, разрушения, или же создания новой лжеисторической памяти. Фашистская идеология, антисемитизм, ксенофобия, получили возможность для неконтролируемой публикации своих взглядов. Слово получили нациствующиe националисты всех мастей.

Ютуб заполнен лекциями и фильмами антисемитского содержания и, увы, судя по количеству читателей, зрителей, а главное их реакции, находят десятки тысяч почитателей. Позволяют себе высказываться в подобном стиле на фейсбуке, в некоторых телепрограммах известные журналисты, писатели, а порой и политики.

Знание истории, патриотизм не приходят извне. Исторические знания надо давать, а патриотизм воспитывать со школьной скамьи. Однако патриотизм – это не безоглядное самолюбование, но умение видеть реальный мир, проблемы, критиковать, а главное –созидать.

Патриотами были Пушкин, Чаадаев, декабристы. А русское офицерство Гражданской войны? Разве они не были патриотами России? Проблема патриотизма в его идеологической нагрузке.

Сегодня двум-трем поколениям, рожденным в середине 80-90-х уже сложно вернуть историческую память. Свершилась дегероизация прошлого, а новых символов нет. Порой память о Победе и войне девальвируется бездумными сравнениями конфликтов, трагедий и успехов сегодняшних дней с трагедиями и победами Великой Отечественной. Конечно, есть естественный процесс стирания исторического прошлого. Поэтому память должна быть активной, деятельной. Это зависит не только от институтов государства, которые порой, в лице минкультуры и режиссеров производят низкопробную кинопродукцию, превращая память о войне в компьютерные игры-стрелялки, что приводит к не осмыслению трагедии войны, а к ее облегченному игровому восприятию.

Историю перевернуть нельзя. Надо говорить правду, без оглядки на идеологию и сегодняшние тенденции. Что и как мы передадим нашим детям, зависит от каждого из нас. Вернуть историческую память сложно. Но необходимо приложить к этому все усилия.

Сегодня Израиль, к сожалению, одна из немногих стран мира, в которой отмечают День Победы именно 9 мая. Поэтому нас сближает память о войне, о понесенных жертвах. Россия в оценке событий Второй Мировой и Великой Отечественной войны, и роли в ней местных коллаборантов занимает жесткую последовательную позицию, которая полностью совпадает с официальной позицией Израиля. Мы вместе с Россией в противостоянии сегодняшним попыткам возрождения нацистской идеологии, героизации нацистских преступников. Конечно, нельзя вмешиваться во внутренние дела другой страны. Но когда происходит глорификация нацистских преступников, мы не имеем права молчать. Историки должны быть активны в борьбе с проявлениями нацизма, где бы они не происходили.

Для борьбы с искажением истории необходимо мужество помнить и мужество говорить правду о собственной истории государства и войны. Ибо бороться с фальсификаторами фальсифицируя историю невозможно. Только так можно работать на будущее ради сохранения памяти о войне и Победе.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Список литературы

1. М.Гефтер. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М. 1995, 295 с.
2. Абба Ковнер: «Наш мессия – Красная армия». <https://rishonim.info/abba-kovner/>
3. <https://ria.ru/20190604/1555249620.html>
4. https://www.1tv.ru/news/2020-01-26/379453-vladimir_putin_vystupil_v_izraile_na_vsemirnom_forume_pamyati_zhertv_holokosta
5. https://baltnews.lt/vilnius_news/20170807/1017439787.html
6. Manfred Gerstenfeld. Dresden victims and German manipulation. The mainstream German distortion of the Holocaust has increased dramatically. Jerusalem Post 14.10.2008.
7. https://countrymeters.info/ru/Palestinian_Authority
8. Pocius, Mindaugas. Kita Mėnulio pusė: Lietuvos partizanų kova su kolaboravimu 1944–1953 metais. Vilnius: LII leidykla, 2009. 426 p.
9. Afredas Rukšėnas Kauno 2-asis pagalbinės policijos tarnybos batalionas ir gyventojų žudynės Baltarusijoje, in *Arūnas Bubnys* (ed.), *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.* Vilnius. Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania, 2011. 608 p.
10. <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/22012020-litva-narvalas-na-konflikt-s-izrailem-i-evreyami-po-vsemu-miru/>
11. США и Украина не поддержали в ООН резолюцию РФ против героизации нацизма <https://ria.ru/20191108/1560696658.html>
12. А. Дюков. «Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса», М., Фонд "Историческая память", 2009. 174 с.
13. <http://www.chervonograd-city.gov.ua/pogr.php> Круглов А.И. Хроника Холокоста в Украине. Запорожье, "Премьер", 2004. 208 с. Д. Романовский. Коллаборанты: украинский национализм и геноцид евреев в Западной Украине.
14. <https://lechaim.ru/events/kollaboranty-ukrainskij-natsionalizm-i-genotsid-evreev-v-zapadnoj-ukraine>
15. Самчук Улас. Слово і чин. Волинь. 1942, ч.11(39). 8 лютого. Самчук Улас. Сталінові «Про мемоґіа». Волинь.1942,ч.18. 5 березня. –Волинь|| – моє вірую й ісповідую: Біобібліографічний покажчик до 100-річчя від дня народження Уласа Самчука. Укладач П.І.Демчук; Наук. ред. І.В. Мілясевич; редактор Л.Г.Сахнюк. Рівне: Волинські обереги, 2005. 68 с.
16. <https://gordonua.com/news/politics/pristajko-my-ne-sobiraemsysya-prazdnovat-9-maya-1489041.html>
17. <https://vesti.ua/strana/pristajko-poyasnil-pochemu-ukraina-ne-budet-prazdnovat-9-maya>

Shneyer A.I.

UNITY OF MEMORY OF THE HOLOCAUST AND VICTORY

SHNEYER Aron I. – *Ph.D.*, The Holocaust Martyrs and Heroes Remembrance Authority Yad Vashem. Jerusalem.
e-mail: aronsh51@gmail.com

Abstract. In his article the author discusses topical issues of preserving historical memory. It is noted that the Holocaust tragedy is an integral part of the history of the

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Second World War and the Great Patriotic War. Russia and Israel are brought together by the memory of the war and the toll it took. He also highlights the decisive role of the Red Army in the liberation of the ghettos, concentration camps and the salvation of Jews. The peoples of Nazi-occupied Europe did not face the threat of total annihilation. Only Jews were doomed to death, young and old. Only for them the defeat of Nazi Germany meant life. The work points to the growing facts of falsification of history, to the –decriminalization of Nazi crimes, to the growing accusations of crimes committed by the Red Army and allies, and to the glorification of Nazi accomplices in Ukraine and the Baltic countries. The author emphasizes that Israel fully shares and supports Russia's policy in evaluating the events of the Second World War and the Great Patriotic War. Israel and Russia are opposed to today's attempts to revive Nazi ideology and to glorify Nazi criminals. Today virtual space is used as an arena of ideological confrontation over memory. The Internet has become a powerful ideological weapon. It is used both to preserve, erase, destroy, or to create a new false historical memory. To combat distortion of history, one needs courage not only to recollect the past but also to speak the truth. This is the only way to work for the future in order to preserve the memory.

Keywords: Holocaust, Red Army, memory, heroization, falsification, ideology.

СССР ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939–1945 гг.):
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

**Сборник трудов Международной научно-образовательной
конференции**

15–16 октября 2020 года

алоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 22.09.2019. Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 38,0. Тираж 100. Заказ 1588.

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного редколлегией,
в ООО «А-плюс».
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, д. 16.